3К23
Л52

В. И.
ЛЕНИН
О ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

3к23
Л 59

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

В. И. ЛЕНИН О ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

ИЗДАНИЕ ПЯТОЕ

67867

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1976

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В пятом издании сборника в основном сохранен состав, сложившийся к его третьему изданию: в книгу включены лишь некоторые новые документы, присутствие которых в ней представляется необходимым, и — соответственно — сделаны отдельные сокращения, чтобы выдержать тот же объем сборника. Принцип расположения материала оставлен тематически-хронологический, то есть в каждом тематическом разделе документы располагаются в хронологическом порядке.

Первый, общий раздел сборника посвящен важнейшим методологическим принципам подхода В. И. Ленина к литературе и искусству, ставшим основополагающими для советского литературоведения и искусствознания. Раздел открывается статьей «Три источника и три составных части марксизма», дающей исходные принципы ленинского миросозерцания. Последующий материал группируется вокруг теории отражения, принципа партийности литературы, учения о двух культурах в каждой национальной культуре буржуазного общества, ленинской периодизации русского освободительного движения. В разделе также представлены наиболее важные замечания Ленина на книге В. Шулятикова «Оправдание капитализма в западноевропейской философии», направленные против богдановского типа вульгаризации марксизма. Включен в раздел и фрагмент из предисловия Ленина к русскому переводу писем К. Маркса к Л. Кугельману, а именно — посвященный Марксову анализу трагической ситуации Парижской коммуны.

Во втором разделе собраны статьи и фрагменты, относящиеся к революционным демократам и народникам, игравшим выдающуюся роль в развитии литературы и искусства,— в первую очередь к В. Г. Белинскому, А. И. Герцену, Н. Г. Чернышевскому, Н. А. Добролюбову, Н. А. Некрасову, М. Е. Салтыкову-Щедрину, Д. И. Писареву, Г. И. Успенскому, Н. К. Михайловскому.

Раздел о Л. Н. Толстом содержит почти все ленинские статьи и отзывы о писателе (полностью они в отдельном издании «В. И. Ленин о Л. Н. Толстом». М., «Художественная литература», 1972).

Раздел «Из статей, выступлений и писем дооктябрьского периода» объединяет материалы 1893—1917 годов, за исключением вошедших в другие,

тематически более узкие разделы (о демократах и народниках, о Толстом, о Горьком). Открывается он подборкой важнейших документов, относящихся к борьбе В. И. Ленина за идейное воспитание рабочей интеллигенции, против идеологии разного рода фракционеров, либералов, «веховцев» и прочих, предпринимавших после поражения революции 1905—1907 годов походы на русскую демократическую и социалистическую мысль,— духовных отцов современных «советологов» и «русистов». Сюда вошли: фрагмент из статьи «Попятное направление в русской социал-демократии», статьи «Памяти графа Гейдена», «О «Вехах»», «Карьера», «Капитализм и печать» и др., а также письма к И. Ф. Арманд относительно плана ее брошюры по женскому вопросу. Остальная часть раздела содержит более дробный и разнообразный материал; расположен он тоже в хронологическом порядке. В числе других документов здесь суждения В. И. Ленина о тех или иных сторонах творчества Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, Л. Андреева, В. Брюсова, В. Винниченко, Ф. Сологуба и других писателей.

Раздел об А. М. Горьком содержит все важнейшие ленинские документы, относящиеся к писателю,— письма, заметки, высказывания (полностью они собраны в издании: «В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы», изд. 3-е, дополненное. М., «Наука», 1969).

Следующий раздел — «Из работ, выступлений и писем советского периода» — открывается второй половиной пятой главы книги «Государство и революция» — о двух фазах коммунистического общества, и затем следует подборка статей и фрагментов общего характера. Далее подобраны статьи и документы о ленинском плане культурной революции и о критике Лениным пролеткультовских ошибок. Последние три подборки раздела посвящены печати, отдельным писателям (А. Аверченко, Д. Бедный, В. Брюсов, И. Вольнов, В. Маяковский, А. Серафимович и др.), «монументальной пропаганде» и другим вопросам искусств (кино, театры, музеи и т. п.).

В разделе «О зарубежной литературе» читатель найдет высказывания В. И. Ленина о Гете, Гюго, Золя, Франсе, Бурже, Мирбо, Гауптмане, Синклере, Роллане, Барбюсе, Джоне Риде и других зарубежных писателях и журналистах.

Завершаются ленинские тексты небольшим разделом «О языке».

Все документы, вошедшие в Полное собрание сочинений В. И. Ленина, даются по текстам этого издания. В конспектах по философии ленинские переводы, в отличие от редакционных, заключены в кавычки в виде запятых („..."), как это принято в т. 29 Полного собрания сочинений В. И. Ленина.

Приложения содержат партийные документы, выработанные под непосредственным руководством В. И. Ленина и при его участии (письмо ЦК РКП «О пролеткультах» и др.), декреты, подписанные Лениным, воспоминания Н. К. Крупской, А. М. Горького, А. В. Луначарского, Клары Цеткин, Вл. Бонч-Бруевича и других. Дана здесь также статья Я. Яковлева «О «пролетарской культуре» и Пролеткульте», которая, как известно, была написана по замечаниям В. И. Ленина к статье В. Плетнева «На идеологическом фронте», прочитана Лениным в рукописи и рекомендована им к опубликованию.

Краткие примечания в конце книги даются только к ленинским текстам. Необходимые справки и уточнения, относящиеся к приложениям, даны под строкой с пометкой *Ред.* Под строкой дается и перевод иноязычных текстов.

Издание сопровождается указателем имен; в этом указателе раскрыты также страницы, на которых находятся наиболее известные суждения В. И. Ленина о писателях и упоминаются их произведения.

Сборник материалов, относящихся к теме настоящего издания, разумеется, не может исчерпать ленинского наследия по вопросам литературы и искусства. Сборник, подобный предлагаемому читателю, может служить только первым, первоначальным (или справочным) пособием при изучении громадной и все глубже раскрывающейся темы — Ленин и искусство. Отдавая себе в этом полный отчет, подготовители сборника стремились избежать какой бы то ни было искусственности и тем более предвзятости в группировке и расположении материала; наиболее значительные документы включены целиком, фрагменты подобраны таким образом, чтобы мысль В. И. Ленина сохранялась в возможной полноте, отобраны суждения, имеющие общий интерес. За пределами сборника остались многочисленные «литературные цитаты» Ленина,— интересующийся ими читатель может ознакомиться с ними непосредственно по произведениям Ленина в контексте, пользуясь специальными указателями (к каждому тому и собранию сочинений в целом).

Необходимо сказать, что структура книги требует известной вдумчивости от читателя, желающего овладеть всем материалом. Это относится прежде всего к внутренней, идейной связи между различными документами (например, между теорией отражения, как она выражена в философских фрагментах первого раздела, и ее применением к творчеству Л. Н. Толстого, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, А. М. Горького и других писателей). Нужно иметь в виду также, что материалы на интересующую читателя тему следует искать в разных разделах — среди ленинских текстов и в приложениях. Материалы о ленинском плане культурной революции, например, читатель найдет не только в специальной подборке «О пролетарской культуре и Пролеткульте», но также в документах приложений (декреты об учреждении Комиссии по просвещению и Главполитпросвета, решения Политбюро ЦК РКП(б), статья Я. Яковлева) и в воспоминаниях (особенно значительны воспоминания А. В. Луначарского и Клары Цеткин). Наконец, новые этапы, новые повороты, новые задачи идеологической борьбы — сейчас они указаны XXIV съездом КПСС и конкретизированы применительно к литературе и искусству в Постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» — открывают в материалах сборника новые аспекты бессмертной ленинской мысли.

ЛЕНИН И ЛИТЕРАТУРА

«Весь арсенал ума — искусство, литературу, науку — мобилизует он для действия»,— писал о В. И. Ленине Ромен Роллан в статье с примечательным заголовком: «Ленин.— Искусство и действие» [1]. В Ленине Роллан нашел великий пример того, как революционное слово сливается с действием, как глубочайшие идеи, строгие выводы науки, высшие достижения искусства направляют и оплодотворяют активность человеческих масс, борющихся за лучшую, справедливую жизнь.

Выдвигая задачу культурной революции, Ленин связывал ее со всей гигантской работой по социалистической перестройке мира.

Культурная революция является одним из важнейших результатов перестройки общества на новых началах и вместе с тем важнейшей предпосылкой ее успешного развертывания и завершения. Вся эта деятельность требует сочетания идейной целеустремленности, теоретической ясности и глубины — с огромной практической, организаторской, созидательной работой. Идея становится материальной силой, когда она овладевает массами. Ленинские идеи за пятидесятилетие Советской власти воплотились в новом облике страны, в достижениях науки и техники, в многообразной культурной жизни всех наций многонационального государства. И если создание культуры нового и невиданного идейного содержания оказалось впервые в истории человечества реально осуществимым, в этом проявилась могучая идейная и организаторская сила Коммунистической партии, опирающейся на рабоче-крестьянские массы.

При создании РСДРП в первой программе ее были четко сформулированы задачи борьбы за демократические преобразования в области культуры в условиях самодержавия и капитализма. Новые задачи, вставшие в условиях Советской власти, нашли отражение во второй программе партии, принятой в 1918 году. Программа КПСС, утвержденная XXII съездом партии, определяет задачи в области культуры в период развернутого строительства коммунизма. Все эти исторические документы пронизаны светлой идеей овладения массами всеми богатствами и достижениями человеческой культуры, ис-

[1] Р. Роллан. Собр. соч. в 14-ти томах, т. 14. Гослитиздат, 1958, с. 559.

пользования этих богатств в интересах масс и создания культуры *нового типа* — революционной, социалистической — в процессе строительства нового общества.

Коммунистическая партия смогла взяться за решение новаторских задач созидания социалистической культуры так по-революционному смело, настойчиво, в широком государственном масштабе потому, что марксизм-ленинизм задолго до Октябрьской революции определил основополагающие принципы деятельности в этой области. В мире не было партии, подготовленной так, как партия Ленина, к государственному руководству огромной страной. В мире не было партии, так подготовленной к руководству культурной жизнью, к перестройке этой жизни в интересах народа, на новых основах, как наша Коммунистическая партия.

К сожалению, история культурной деятельности партии, как в дореволюционные годы, так и в пооктябрьские пятьдесят лет, еще не написана, хотя есть уже труды, посвященные отдельным сторонам этой деятельности. Когда такая широкая по охвату материала и глубокая работа будет создана, это будет книга о том, как творческий революционный марксизм в самых трудных боевых условиях сохранил и обогатил культурные ценности прошлого и создал новые великие ценности. Это будет книга о том огромном, первостепенном значении, какое придал социализм духовной жизни общества, ее развитию во всей широте и многогранности, достойной нового мира.

В. И. Ленин воспринял и творчески разработал теоретическое богатство Маркса и Энгельса. Марксизм является теорией социалистической революции, новым мировоззрением, позволившим научно постигнуть законы развития природы и общества. Марксизм дал также основы новой, целостной *философии культуры*, эстетической теории, смело и новаторски решив такие сложнейшие вопросы, как отношение материального и духовного прогресса, общество и искусство, традиция и творчество нового, роль личности в духовном творчестве и др.

Классики марксизма развернули глубокую критику буржуазного общества, раскрыли его антагонистичность, необходимость смены его новой социальной системой. Они дали неотразимо глубокий анализ буржуазной культуры, раскрыв уродующее влияние капитализма на культурную жизнь общества. Они мыслили социалистическую революцию как исторический переворот во всех областях человеческой деятельности — в экономике, политике, культуре. Марксистская теория раскрыла значение народных масс в историческом процессе, показала активную и творческую роль передовых идей, духовных ценностей.

Исследуя закономерности развития культуры, содержание и формы этого развития, Маркс и Энгельс обращались и к сфере художественного творчества. Им важно было, с точки зрения материалистического понимания истории, установить место и значение художественного творчества в современном изменяющемся мире, в котором новые духовные силы в борьбе прокладывают себе дорогу.

Для Маркса и Энгельса эстетика была не только областью их философской теории. Это была область, к которой они всегда чувствовали живой личный интерес. Они видели в человеке творца и художника, а художественное творчество считали неотъемлемой и важной частью жизни общества и каждой

личности. В острых идеологических схватках по вопросам литературы и искусства они наносили удары своим противникам, утверждая революционное, материалистическое и диалектическое понимание ряда проблем, перед которыми останавливалась старая эстетическая теория. История этих идейных битв достаточно сложна, часто запутана, но, если выделить главное, можно утверждать, что Маркс и Энгельс наносили удары по двум основным направлениям.

Во-первых, они развенчали идеалистическую мистификацию творческой деятельности. Они обнажили связь духовной деятельности человека, искусства в том числе, с реальной действительностью. Развитие природы и общества есть закономерный процесс, подлежащий научному объективному анализу. Развитие производительных сил и производственных отношений диалектично по самой своей сути и таит в себе моменты неумолимой динамики изменений. И если «способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [1], то из этого следует, что и духовный мир также динамичен, полон противоречий и внутренней необходимости изменений и развития.

Исследователи, рассматривающие искусство как нечто герметичное, замкнутое в себе, делали интересные частные замечания, но не могли проникнуть в глубокие закономерности искусства, понять динамику художественного развития. «Тонких эстетов» шокирует установление связи искусства и жизни. Им кажется, что марксисты огрубляют и лишают самостоятельного значения ценности, в которых выражает себя творческий гений человечества. На деле же, установив связь искусства с питающей его почвой реальной действительности, мы открываем возможность полного всестороннего исследования его во всем богатстве, взаимодействии со всей жизнью общества, во всей динамике бытия.

Не случайно же Маркс и Энгельс, разгромив идеалистические концепции искусства, обратили внимание и на другую опасность — на вульгарно-материалистические, вульгарно-социологические концепции, также обедняющие искусство и лишающие его «живой души». Всегда хватало старательных горе-материалистов, рассматривающих искусство как пассивное и механическое выражение «социально-экономических условий». Основоположники марксизма вынуждены были не раз самым энергичным образом отмежевываться от этого вульгаризма и механицизма.

В идеологических формах — политических, юридических, философских, художественных, религиозных — люди сознают противоречия экономической жизни и борются за их разрешение. Роль этих идеологических форм совсем не пассивна. Указав, что политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основано на экономическом, Энгельс тут же подчеркнул: «Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является *причиной*, что *только* оно является *активным*, а все остальное — лишь пассивное следствие. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, *в конечном счете* всегда прокладывающей себе путь» [2].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 7.
[2] Там же, т. 39, с. 175.

Вульгаризаторы марксизма изображали историю искусства так: развивается общество, изменяются производительные силы и производственные отношения, формы общественных отношений и связей, а где-то сбоку, повторяя и отражая эти изменения, движется искусство — бедная и бледная копия изменяющегося мира. Естественно, что от такого искусства нечего ждать ни самостоятельности, ни творческой активности. Без творческого активного начала, без решения *своих* проблем оно вообще мало что значит и ничего не может добавить к уже сложившейся картине мира.

Маркс и Энгельс исходили из того, что у искусства есть своя специфика; специфичны познавательные возможности искусства, специфично его эмоциональное воздействие на человека, отношение к слову, ритму, ко всем выразительным средствам. Закономерная связь с обществом не ослабляет, а многократно усиливает значение этого своеобразия. Сложные и диалектические отношения искусства и реальности нельзя понимать прямолинейно и плоско. Меняются формы и средства художественного изображения, меняются герои и отношение к ним, меняется роль, значение и соотношение разных видов искусства, отношение художественного творчества к другим формам сознания. Поступательное развитие общества непрестанно рождает новые явления.

Но все это новое не колеблет, а подтверждает и обогащает всеобщую истину марксизма, научную концепцию связи общества и развития искусства, роли художественного творчества в духовной жизни и освободительной борьбе человечества.

Единство познания и активности, отражения реальности и деятельности по изменению этой реальности, понимание своеобразия искусства как формы общественного сознания составляет главное в марксистском понимании искусства. Маркс говорил о разных способах освоения действительности, в том числе и о *художественном освоении* ее. Но что значит *освоить*? Проникнуть во всю глубину явлений и процессов жизни, сделать их ясными и отчетливыми, чтобы влиять на их последующее развитие. Само понятие *освоение* предполагает активную работу познания, постигающего тайны бытия, включение познанной действительности в сферу творческой, преобразующей человеческой деятельности.

В центре внимания Маркса и Энгельса закономерно находился *реализм*, искусство глубокого познания мира и ясного отношения к познанному миру. Реалистическое искусство с наибольшей полнотой способно ответить на потребности общества в правдивом и всестороннем художественном познании развивающейся жизни. Неотъемлемое свойство реалистического искусства — типическое — это не схема, не наглядная иллюстрация, не поучительный примерчик, служащий доказательству той или иной идеи; типическое — это жизненное явление в полноте и движении, в богатстве реальных связей, воплощенное художником во всей силе его жизненной закономерности и ставшее художественной ценностью. Об этом важно помнить. Сколько назидательных иллюстраций кануло в вечность, не оставив следа в памяти читателей и зрителей. Марксизм ориентирует на достижение художественных вершин.

Реализм для Маркса и Энгельса был типом искусства, в наибольшей мере отвечавшим общественным потребностям человечества, поднимающегося на борьбу за свое освобождение.

Основоположники марксизма ценили и поддерживали художников-революционеров. Но они видели перед собой весь фронт современной литературы и ясно понимали, что на последовательно революционных позициях стоит лишь меньшинство писателей. Они ценили честных художников, произведения которых делают свое дело, расшатывают оптимизм буржуазного мира, вселяют «сомнения по поводу неизменности основ существующего...»[1], то есть слащавой идеализации апологетов собственнического мира противопоставляют реальные свидетельства подлинного характера отношений в этом мире. Такие литераторы делают свое дело, участвуя в борьбе против «холопского *искусства*»[2], раболепного и паразитического.

И в наше время многие талантливые художники слова, не поднявшиеся до революционного мировоззрения, критические реалисты говорят о буржуазном мире горькую и жестокую правду. Они расшатывают «оптимизм буржуазного мира», объективно противостоят шеренгам наемных писак, воспевающих достоинства этого образа жизни. Но ныне существует могучая и многообразная литература социалистического реализма. Некоторые ортодоксы считают возможным на этом основании высокомерно смотреть на всю остальную литературу. Однако задача разоблачения фальшивого оптимизма собственнического общества с тех пор стала еще острее. Всякая узость и односторонность в отношении к художникам, которые не достигли высот социалистической зрелости, могут быть только вредны.

Эстетика Маркса и Энгельса открывает перед искусством широкие перспективы. Вырываясь из рамок буржуазного общества, связывая себя с освободительным движением масс, художник может наиболее полно раскрыть весь свой талант, все свои творческие возможности. Изображая человечество в век небывалых перемен, исторических испытаний, создавая новые характеры, обращаясь к новым изобразительным средствам, художник как бы впервые запечатлевает очертания новых, неизвестных еще материков. Разведчик будущего и вместе с тем творец его — что для художника прекраснее такой судьбы?

Широко известна мысль Маркса о враждебности капитализма искусству, поэзии. Торжество социализма устраняет то уродующее и бесчеловечное, что мешало художникам развернуться во всей полноте своих дарований. Общество будущего создает гармонию человеческих отношений, к которой стремились лучшие умы многих веков; гармоничным станет и человек.

Подавленные и утомленные повседневными жизненными тяготами, некоторые писатели мечтают о человеке будущего, свободном от экономических и производственных забот. Человек будущего должен быть прекрасным, говорят они. Это будет не «гомо экономикус», не «гомо фабер», а «гомо эстетикус».

Но ведь в обществе будущего должно быть развернуто — и в масштабах более широких, чем когда бы то ни было,— производство материальных благ, чтобы обеспечить ими всех людей. Общество, в котором не производят, а только сочиняют стихи и музыку, обречено на то, чтобы стать обществом

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, с. 333.
[2] Там же, т. 42, с. 131.

голодных людей, и от голода их не спасут ни стихи, ни музыка, как бы прекрасны последние ни были. Гармонический человек будущего, о котором писали наши учителя, не должен один вид односторонности менять на другой. Многогранность интересов и деятельность, динамизм и активность поведения отличают время, когда человек «не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления» [1].

Гармония для марксизма не означает застоя; неподвижность, застойность чужды научному коммунизму. Перед обществом, победившим социальные антагонизмы, встают новые задачи, новые трудности и открываются новые, еще более широкие возможности для творческого напряжения сил. Наша эпоха — овладения атомной энергией, выхода человека в космическое пространство, ошеломляющих успехов в электронике и т. д.— дает только первый намек на безграничность тех деяний, героических, требующих высокой страсти и воли, твердости, последовательности, которые предстоит совершить человечеству в будущем — недалеком, предвидимом и приближаемом сегодняшней активностью людей.

Маркс и Энгельс вели напряженную идейную борьбу за будущее культуры, за направление ее развития. Они заложили основы новой, революционной философии культуры, систему взглядов на содержание культуры, связь ее с обществом, на закономерности ее развития. Эта философия культуры противостоит как идеалистическим, буржуазно-индивидуалистическим взглядам, так и вульгарно-социологическим, сектантским тенденциям.

Продолжая дело своих великих предшественников, Ленин разрабатывал коренные вопросы художественного развития человечества. Его поистине титанический труд обобщил новый опыт революции и невиданных в истории массовых народных движений, обостренной, как никогда, идейно-теоретической борьбы, научных открытий, развития литературы и искусства. Глубоко проникая в самое существо исторических процессов, постигая их закономерности, он смог указать цели, наметить ориентиры деятельности на будущее. Ленин не раз подчеркивал историческую новизну дела, творимого революционным пролетариатом. Он говорил после Октября: «Нам надо предъявлять не те требования, что предъявляет буржуазная Западная Европа, а те, которые достойно и прилично предъявлять стране, ставящей своей задачей развиться в социалистическую страну» (422—423) [2].

Научный коммунизм вырабатывает свое, *самостоятельное* отношение к различным явлениям культуры и искусства, исходит из революционных потребностей народов.

Социалистическое искусство дает *свои ответы* на вопросы, которые ставит жизнь.

Ленину, который поражал многих писателей и мыслителей умением видеть будущее, всегда была чужда отвлеченная мечтательность, утопизм благих, но беспочвенных пожеланий. В одной из ранних своих работ он ска-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, с. 476.

[2] Здесь и далее в тексте даются отсылки на страницы данного сборника.— *Ред.*

зал: «Социалистическая интеллигенция только тогда может рассчитывать на плодотворную работу, когда покончит с иллюзиями и станет искать опоры в действительном, а не желательном развитии России»[1].

Ленинизм осветил революционное движение рабочих и крестьян светом передовых идеалов, но Владимир Ильич издевался над «идеалами» выдуманными, сочиненными, отвлеченными, он учил выводить идеалы из действительного движения, из реального опыта,— только такой идеал может вдохновить и вести вперед.

Победить в борьбе за переустройство жизни можно, только стоя обеими ногами на почве реальной жизни. Ленин отстаивал опыт марксистской мысли и опыт передового художественного творчества. Для духовного развития ряда поколений людей, для современной эстетической мысли, для художественного творчества огромное непреходящее значение имеет отстаивание и разработка Лениным материалистической теории познания. В начале XX века декаденты развернули поход против реализма, не случайно связывая реализм с враждебными им материализмом в философии и освободительными общественными идеями. Вожди символистов утверждали, что реалисты «в рабстве у материи», что они «схвачены, как прибоем, конкретной жизнью, за которой они не видят ничего». Подчиняя познание интуиции, Брюсов писал, что высшее и единственное назначение искусства — «быть познанием мира, вне рассудочных форм, вне мышления по причинности» [2].

Противники реализма в искусстве опирались на «новейшие открытия» философов-идеалистов. Поход против материализма в философии, против реализма в искусстве имел широкий международный характер, что отмечал Ленин в полемике с эмпириокритиками.

Махист И. Петцольдт утверждал, например, что творчество — «поток создания нашей фантазии». Характеры, создаваемые художником, обстоятельства, описываемые в произведениях,— все это субъективно и произвольно, не имеет объективного характера.

«Нет ни одного исторического события и ни одной драмы, в которой бы мы не могли представить себе участников действующими при данных психических условиях иначе» — писал Петцольдт во «Введении в философию чистого опыта» [3].

Ленин, приводя эти слова, характеризует Петцольдта как метафизика, запутавшегося в понятиях случайного и необходимого. Эмпириокритики давали теоретическое оружие для борьбы с реалистическим искусством, отстраняя такой критерий как соответствие образа реальности, растворяя действительность в потоке субъективных представлений.

Великие научные открытия конца XIX — начала XX века породили у ряда философов растерянность. Новые данные о характере физических явлений, о структуре атома, о превращении материи, истолкованные в духе воинствующего идеализма, порождали представления, будто «материя исчезает», «мир испаряется», «превращается в иллюзию» и т. д. Махисты, эмпириокритики пытались оправдать ссылками на данные современной науки свои

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 307.
[2] «Весы», 1904, № 1, с. 21.
[3] Цит. по изд.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, с. 168.

идеалистические построения, свои отступления к давно отвергнутым наукой идеалистическим концепциям. В книге «Материализм и эмпириокритицизм» и в ряде других работ Ленин отстоял и развил принципы диалектического материализма и дал образец подлинно научного анализа состояния современной науки.

Эта борьба Ленина имеет и для нас глубоко современное значение. Можно назвать немало людей, называющих себя поэтами и пророками атомной эры, все пророчество которых сводится к испуганным выкрикам о бессилии познания и слабости человека. Но «атомная эра» не является эрой утраты закономерностей, потерей объективных связей; только в сознании растерявшихся и перепуганных она — эра бессилия человека.

В книге «Материализм и эмпириокритицизм» есть страницы, которые читаются как гневный сатирический памфлет, направленный против обратившихся вспять, сдавшихся в плен идеализму философов и публицистов. Но будет правильно сказать, что это прежде всего книга о *всемогуществе человека*, его ума, его деятельности, о всесилии и безграничности человеческого познания. Именно марксизм воплощает эти самые высокие свойства человеческого гения, способного осмыслить и сделать оружием прогресса сложнейшие закономерности развития природы и человечества.

Марксистский материализм пытались объявить пассивным и созерцательным. Но как раз ленинская теория отражения служит полным опровержением этих несостоятельных обвинений, которые можно услышать и в наши дни.

Познание для Ленина — это *процесс*, требующий активности познающего. Это не зеркально-мертвенное отражение, это постижение явлений в динамике развития, в борьбе противоречий. Познание действенно и диалектично.

«С точки зрения современного материализма, т. е. марксизма, исторически условны *пределы* приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но *безусловно* существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней. Исторически условны контуры картины, но безусловно то, что эта картина изображает объективно существующую модель» (61).

Ленинские положения обязывают *искать* истину, стремиться как можно полнее постигнуть ее, раздвигать исторически обусловленные пределы постижения истины. Ленин настойчиво подчеркивал: «*Отражение* природы в мысли человека надо понимать не „мертво", не „абстрактно", *не без движения*, ***не без противоречий***, а в вечном ***процессе*** движения, возникновения противоречий и разрешения их» [1].

Материализм, преодолевающий идеалистические построения и субъективистские иллюзии, помогает создавать картину мира, полную жизни и движения. «Для материалиста мир богаче, живее, разнообразнее, чем он кажется, ибо каждый шаг развития науки открывает в нем новые стороны» [2].

Искусство не может ограничиться отражением внешнего, изолированного от процесса, отдельного — оно помогает познавать общее, типическое, связь явлений, их существенное содержание. Действительность не механическая совокупность отдельных черт, бросающихся в глаза, это живой мир, развивающийся по определенным законам, со своими сложными отношениями,

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 177.
[2] Там же, т. 18, с. 130.

противоречиями, конфликтами, с борьбой старого и нового, с внутренней динамикой, раскрыть которую не всякому дано.

Именно за *правдивость*, за соответствие художественных образов исторической действительности в ее глубоком и конкретном понимании, за полноту типизации ценили Маркс и Энгельс Бальзака и английских реалистов, а Ленин — Толстого, Некрасова, Щедрина, Горького.

Ленинская теория отражения — это основа решения проблемы типического в искусстве, философская база научной, реалистической эстетики.

Противники диалектического материализма пытались приписать ему объективистское равнодушие. Якобы полнейшая объективность, которая достигнута марксизмом, делает ненужной активность человека, его волю, его страсть, его живое отношение к действительности. Ленин отвечал таким исказителям марксизма:

«У Энгельса вся живая человеческая практика врывается в самое теорию познания, давая *объективный* критерий истины: пока мы не знаем закона природы, он, существуя и действуя помимо, вне нашего познания, делает нас рабами «слепой необходимости». Раз мы узнали этот закон, действующий (как тысячи раз повторял Маркс) *независимо* от нашей воли и от нашего сознания,— мы господа природы. Господство над природой, проявляющее себя в практике человечества, есть результат объективно-верного отражения в голове человека явлений и процессов природы, есть доказательство того, что это отражение (в пределах того, что показывает нам практика) есть объективная, абсолютная, вечная истина» [1].

Знание объективных законов развития не ограничивает, а расширяет сферу сознательной активности людей, овладевающих этими законами. В споре с Михайловским Ленин разоблачил утверждение народников, будто марксистам, требующим объективного анализа социальных явлений, «не полагается» выражать своего отношения к этим явлениям. Ленин указывал на неумолимую объективность Марксова «Капитала» — этого строго научного исследования, вместе с тем проникнутого величайшей страстностью, горячим гневом против эксплуататорских классов, тормозящих общественное развитие.

«...Ни один живой человек *не может не становиться на сторону* того или другого класса (раз он понял их взаимоотношения), не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчиться его неудачами, не может не негодовать на тех, кто враждебен этому классу, на тех, кто мешает его развитию распространением отсталых воззрений и т. д. и т. д.» [2].

Ленин указывал на отличие научного детерминизма от фатализма. Марксизм непримирим ко всем «теориям» и «концепциям», связывающим или ограничивающим инициативу и активность трудящихся, боевую революционную роль народных масс. Народные массы — основная движущая сила исторического процесса. Ленин в новых условиях развивал и обогащал учение марксизма о роли народных масс в истории.

Очень важно, что объективизм и фатализм Ленин рассматривал в их *противоположности* материализму. Объективист всегда рискует сбиться на

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, с. 198.
[2] Там же, т. 2, с. 547—548.

точку зрения апологета исследуемых им факторов; материалист глубже и последовательнее объективиста, он не ограничивается указанием на *необходимость* процесса, а выясняет, какая общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость. «...Материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения» (86).

Об этом важно напомнить сегодня, когда шумливые пророки модных идеалистических «теорий» третируют марксистскую теорию отражения как устаревшую и даже догматичную, а некоторые горе-марксисты поддакивают этим любителям сотрясать воздух. Декадентская эстетика отказывает искусству в объективности, отдает его во власть субъективистского произвола. Проповедуется волюнтаризм, господство подсознательного, главным объявляется выражение темной иррациональной сферы, мысль о познавательной роли искусства объявляется чем-то отсталым и примитивным. Сколько, например, упреков было адресовано марксистам за то, что они-де увлеклись гносеологией в ущерб аксиологии — учению о ценностях, как будто можно вне познания мира, вне определения отношения к его явлениям устанавливать какие-либо ценности...

В. И. Ленин формулирует положение, определяющее задачи науки, в том числе и литературной науки:

«...материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» (87). Он остро критиковал стремление уклониться от социальной борьбы, от классовой определенности оценок, замаскироваться мнимой «беспартийностью»,— в этом стремлении он видел лицемерное, замаскированное выражение принадлежности «к партии сытых, к партии господствующих, к партии эксплуататоров».

Ленин учил видеть классовый характер художественного творчества, связь литературы с общественной борьбой своего времени. Личность не существует вне времени и пространства,— не существует вне времени и пространства и личность художника. Писатель — не одиночка, затерянный в просторах истории, а дитя своей эпохи, и в общественной борьбе своего времени он не может не занимать определенной позиции.

Боевое положение о партийности науки Ленин выдвинул в девяностые годы, в период подъема рабочего движения и формирования марксистской партии в России, когда особое значение имела ясность идейных и политических позиций. Великий принцип партийности литературы Ленин разработал в условиях крепнущей бури, в период нарастания революционных событий 1905 года, когда все более широкие массы втягивались в революционную деятельность, когда большевистская партия углубляла и расширяла свои позиции во всех областях. Эти обстоятельства полны глубокого значения. Идея «беспартийности» в обстановке революционных событий была средством борьбы против привлечения сил передовой интеллигенции, в том числе и писательской, на позиции последовательной, боевой революционности. Партии и революционной печати приходилось также бороться против сложившейся в правом крыле социал-демократии оппортунистической концепции «невмешательства» в такие области, как литература и искусство, и «независимости» авторов партийных органов.

«Литература должна стать партийной,— писал Ленин.— В противовес буржуазным нравам, в противовес буржуазной предпринимательской, торгашеской печати, в противовес буржуазному литературному карьеризму и индивидуализму, «барскому анархизму» и погоне за наживой,— социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип *партийной литературы*, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме» (93).

Борясь с реакционно-эстетскими теориями «искусства для искусства», с индивидуалистическими, барски-анархическими взглядами, Ленин сформулировал новые задачи художественного творчества, раскрыл действительную связь литературы и общества. Лицемерно свободной, а на деле связанной с буржуазией литературе Ленин противопоставил литературу действительно свободную, служащую великим идеалам счастья народов, открыто связанную с пролетариатом и его освободительной борьбой. Народность и партийность искусства нераздельны, а действительная свобода — в открытой связи с самым передовым движением современности, движением революционного пролетариата.

Наши противники утверждают, будто партийность — это проявление классового субъективизма, предвзятости. Но коммунистическая партийность — это самая глубокая, последовательно научная объективность постижения реального мира, умение понять исторические закономерности и верно определить свои позиции и задачи. Расплывчатость, забвение реальных противоречий, стремление примирить непримиримое ведут к неудачам и поражениям.

Ленин знал, что «истеричные интеллигенты» могут поднять вопль по поводу принципа партийности литературы как якобы «принижающего, омертвляющего, «бюрократизирующего» свободную идейную борьбу, свободу критики, свободу литературного творчества и т. д., и т. д.». Ленин дал точную и проницательную характеристику таким толкованиям: «По существу дела, подобные вопли были бы только выражением буржуазно-интеллигентского индивидуализма» (93).

Ленин говорил о свободе художественного творчества не только от крепостнической цензуры, от политического давления, от буржуазно-торгашеских отношений, но и от анархистско-индивидуалистических влияний. Анархизм, писал Ленин, есть вывернутая наизнанку буржуазность. «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» (95). Своеволие индивидуалистического сознания, уводящее от реальной жизни и борьбы,— враг подлинной свободы творчества. Идейность и народность, связь с борьбой трудящихся масс — важнейшее условие роста искусства, его художественной силы, его плодотворного влияния на жизнь общества.

Буржуазный строй сковывает художника, отдает его во власть унизительной зависимости от издателя, антрепренера, мецената. Участие в борьбе за социализм дает художнику подлинную свободу, поддерживает его в открытом, свободном, честном служении народу. Ибо там — служение «страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам»», а в лагере революции и социализма — служение народу, цвету нации, передовым силам человечества.

Последовательно, на протяжении десятилетий Ленин разоблачал лживые и лицемерные слова о свободе, которыми трубадуры старого мира пытаются прикрыть отсутствие свободы и порабощение человека в буржуазном

обществе. «Свобода капиталистического общества всегда остается приблизительно такой же, какова была свобода в древних греческих республиках: свобода для рабовладельцев» [1],— писал Ленин.

Свобода — это возможность определять судьбу общества, судьбу человека на основе овладения законами истории, это реальная возможность строить свою жизнь, творить, пользуясь всеми достижениями науки, раскрывая все возможности своего дарования, своей личности.

«Кто служит делу свободы вообще, не служа специально делу пролетарского использования этой свободы, делу обращения этой свободы на пользу пролетарской борьбы за социализм, тот тем самым служит, в последнем счете, борцом за интересы буржуазии, не более того» [2].

Подлинная свобода художественного творчества расцветает в обществе, свободном от классового порабощения, социальной несправедливости, национального угнетения, от экономических кризисов, от безработицы и нищеты, от давящего гнета старых предрассудков.

Ленинские положения о свободе личности, свободе творчества подтверждены опытом современности. Человек социалистического общества может встретить и трудности и испытания, но он не связан узами классового подчинения, он не должен угождать злой и тупой воле эксплуататоров,— он знает законы развития общества и на этой основе сознательно определяет свой путь. Это и есть подлинная свобода. Такую свободу советские люди завоевали и пользуются ее плодами.

Идейная борьба вокруг понятия *свободы* есть одно из проявлений ожесточенной борьбы двух миров. Сегодня нет свободы вне борьбы за счастье народов, за мир, за социализм. Такая свобода позволяет художнику шире и дальше видеть, глубже проникать в явления жизни, смелее ставить вопросы, волнующие общество. Эта свобода открывает новые просторы для творчества, для новаторства, для художественных открытий.

В нашей стране «каждый художник и всякий, кто себя таковым считает, претендует на право творить свободно, согласно своему идеалу, будь этот идеал на что-нибудь годен или нет» (656).

Марксистское понимание свободы глубоко общественное. Оно исходит из диалектики свободы и ответственности и противостоит мещанскому, индивидуалистическому пониманию. Мещанин, индивидуалист рассматривает свободу как отсутствие каких бы то ни было обязанностей, ослабление общественных связей. Человек, который смотрит со стороны на упорную борьбу лучших людей человечества и доволен тем, что сам он оказался «вне схватки», может считать себя свободным, но на деле он сам в плену эгоистических, себялюбивых, ничтожных побуждений и предрассудков.

Эстетская критика лицемерно утверждает, что служение делу народа якобы обедняет, нивелирует творчество. Но действительно нивелирует искусство буржуазное сознание. Оно уже не способно постичь мир во всем его богатстве, в многообразии красок и оттенков, в целеустремленном единстве его развития. Мир для буржуазного сознания неустойчив, нестроен и хаотичен. Реакционное искусство запечатлевает лишь отдельные штрихи поверх-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 87.
[2] Там же, т. 10, с. 281.

67867

ности жизни, ибо законы действительности — это законы неотвратимой гибели эксплуататорских классов.

Искусство социалистического реализма смело, всесторонне, глубоко познает мир. Для него нет ничего непознаваемого, ничего, к чему боялась бы прикоснуться ищущая мысль: ведь законы жизни — это законы роста и торжества нашего общественного строя.

Работа Ленина «Партийная организация и партийная литература» рассматривает задачи искусства с позиций революционного пролетарского движения и содержит глубокую характеристику отношения Коммунистической партии к литературе и литературному творчеству. Она указывает также задачи партийной печати, партийных литераторов и публицистов. Эти две группы вопросов находятся в неразрывном единстве.

Ленин рассматривает литературное дело как составную часть широкой, всесторонней партийной работы. В годы реакции Владимир Ильич, яростно выступавший против капитулянтства, маловерия, уныния, подчеркивал высокую роль литературы в революционном воспитании народных масс, в борьбе с разложением и ренегатством, охватившими буржуазную интеллигенцию после временного поражения революции. В одном из писем к Горькому Ленин писал: «Во сколько раз выиграла бы и партийная работа через газету, не столь одностороннюю, как прежде,— и литераторская работа, теснее связавшись с партийной... Чтобы не «набеги» были, а сплошной натиск по всей линии, без остановки, без пробелов, чтобы с.-д. большевики не только нападали по частям на всяких оболтусов, а завоевывали все и вся...» (308).

В борьбе за партийность литературы, за искусство, воспитывающее и поднимающее массы, Владимир Ильич отводил громадную роль литературной критике. В том же письме к Горькому Ленин бичует бесхребетную, беспринципную литературную критику либеральных журналов. Эта критика щеголяла академизмом, высокопарными фразами о «чести» и «долге», маскировала ренегатство, угодничество перед буржуазным строем и его культурой.

«Ох, несть добра в особых, длинных литературно-критических статьях — рассыпающихся по разным полупартийным и внепартийным журналам! Лучше бы нам попробовать сделать шаг дальше от этой интеллигентской старой, барской замашки, сиречь связать и литературную критику *теснее* с партийной работой, с руководством партией» (308).

Для критики, для любого органа печати Ленин считал самым главным — определить *идейное направление*. «Журнал без направления — вещь нелепая, несуразная, скандальная и вредная» (331). Журнал есть «политическое выступление, политическое предприятие» (331). Ленин указывает, что нельзя в журнале говорить о политике без выяснения отношений к коренным вопросам революции, к марксизму, к социал-демократии.

Авторы некоторых статей в зарубежной и советской печати пытались доказать, что работу Ленина «Партийная организация и партийная литература» следует рассматривать не столько в связи с вопросами литературы и искусства, сколько с вопросами внутрипартийной борьбы того времени и деятельностью партийных публицистов.

Спору нет, ленинская работа имеет непосредственное отношение к партийной борьбе, к партийной прессе. Владимир Ильич анализирует в своей

статье новые условия работы печати, когда совершался переход от прессы подцензурной, скованной полицейским режимом, к прессе, вырвавшей свободу в борьбе с самодержавием. Ленин выступает против меньшевистских публицистов, интеллигентских «сверхчеловеков», не желающих подчиняться четким требованиям партийности с ее строгим единством взглядов и твердой дисциплиной. Но когда значение работы Ленина сводится к организационным и тактическим вопросам — это ведет к смещению представлений, к забвению основополагающих мыслей, относящихся именно к партийности художественного творчества.

Ленин дает характеристику зависимости буржуазного писателя, художника, актрисы от денежного мешка, от подкупа, от содержания. Он срывает фальшивые вывески «внеклассовости» с литературы и искусства, разоблачает буржуазно-эстетские представления о художественном творчестве, выдвигает новые задачи литературы в связи с борьбой народа, его передовых сил. Он ставит вопросы о единстве писателя с партией, народом, о роли литературы в освободительном движении, развивая в новых условиях марксистское понимание общественного значения литературного творчества. Как же можно ограничивать областью партийной публицистики высказывания, имеющие непреходящее принципиальное значение для теории и практики литературно-художественного развития?

В годы, когда в нашем литературоведении были распространены догматизм и упрощенчество с присущими им невниманием к специфике искусства и стремлением стереть разницу между публицистикой и искусством, нередко можно было встретиться с вульгарным, обедняющим представлением об искусстве.

Ленин не ограничивается указанием на огромное общественное значение литературы и искусства. Он с большой силой подчеркивает также особое место, занимаемое литературой в области духовной жизни, своеобразие художественного творчества.

«...Литературное дело,— указывал Ленин,— всего менее поддается механическому равнению, нивелированию, господству большинства над меньшинством... В этом деле безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию» (93).

В одном из писем Ленин указывает, что в романе «весь *гвоздь* в *индивидуальной* обстановке, в анализе *характеров* и психики *данных* типов» (278). Ленин всесторонне учитывает специфику искусства, его замечания и сегодня помогают преодолевать схематизм и схоластику педантов, считающих, что художественное произведение искусства лишь иллюстрирует те или иные общие положения.

Мысль Ленина помогает преодолевать чуждые марксизму-ленинизму упрощенные представления, во всей глубине понимать своеобразие, сложность и ценность искусства и литературы.

Партийность идейно обогащает творчество художника, возвышает его, открывает перед его талантом наибольшие возможности. Участие в борьбе народа, служение миллионам и десяткам миллионов трудящихся, составляющих цвет страны, ее силу, ее будущность, поднимает литературу на невиданную высоту. Ленин писал, что действительно свободная, открыто связанная

с пролетарпатом литература будет *оплодотворять* «последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата» (96). Не иллюстрировать общие положения, а, идя от жизни, от опыта миллионов трудящихся, оплодотворять революционную мысль человечества — вот на какие высокие задачи литературного творчества указывал Владимир Ильич!

Сейчас в советской литературе и искусстве в связи с общими процессами идейной жизни нашего общества особенно интенсивно развертывается большой и благотворный процесс роста идейного и художественного богатства, развития творческих индивидуальностей, совершенствования мастерства. Литература становится еще ближе к жизни народа, смелее и глубже отражает ее, повышает свою роль в борьбе за коммунизм. Бессмертные мысли Ленина помогут искусству социалистического реализма успешно решать новые, сложные творческие задачи.

Ленин говорил, что «марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеологии революционного пролетариата тем, что марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры» (444). Социалистическая культура опирается на самые высокие достижения отечественной и мировой культуры. Именно это обязывает принципиально и последовательно относиться к духовному наследию, отбирать и развивать лучшее, передовое, близкое и нужное народу, отсекать и преодолевать чуждое, враждебное, не допуская, чтоб под видом культурных ценностей протаскивались гниль и фальшь.

Ленин резко критиковал идеалистические теории культуры, выступал против того расплывчатого, бесхребетного понимания исторического опыта, которое позволяет ставить в один ряд различные социальные явления, прогрессивные и реакционные. Он боролся против буржуазно-либеральных представлений о культуре как едином потоке, якобы объединяющем в своем русле культуру демократическую и культуру эксплуататорских классов.

Ленин указывал: «Ставя лозунг «интернациональной культуры демократизма и всемирного рабочего движения», мы *из каждой* национальной культуры берем *только* ее демократические и ее социалистические элементы, берем их *только* и *безусловно* в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму *каждой* нации» (104).

Когда меньшевистско-ликвидаторская «Наша Заря» объявила великого русского писателя Л. Н. Толстого воплощением «общечеловеческого» начала совести, Ленин дал резкую отповедь этому идеалистическому празднословию. Стремясь выяснить истинное величие Толстого, он показал, какие конкретные *социально-исторические явления* отражало творчество гениального писателя, обратился к важнейшим вопросам *жизни русского общества*, выяснил социальную сущность перехода писателя на позиции патриархального крестьянства,— он выдвинул глубочайшее положение о том, что мировое значение Толстого явилось отражением *мирового значения русской революции*.

Понятие прогресса, прогресса культуры в частности, мы можем сделать содержательным, только связав его с движением и борьбой реальных общественных сил.

Ленин писал, что освободительное движение в России прошло три *главнейших этапа*, в зависимости от *трех классов* русского общества, участвовавших в русской революции. Это период дворянско-революционный (примерно с 1825 по 1861 г.), разночинский, или буржуазно-демократический (приблизительно с 1861 по 1895 г.), и период пролетарский (с 1895 г.). Ленин осветил историческое содержание каждого из этих периодов, показал, как все развитие освободительной борьбы народа привело к буре, к развертыванию движения народных масс во главе с рабочим классом. Тем самым он дал основу для исследования литературного процесса в его единстве и многообразии, дал глубокое представление о преемственности революционных, освободительных идей.

Ленин очистил понятие патриотизма и национальных традиций от идеалистических толкований, от реакционно-холопских извращений, разоблачил мракобесов, которые пытались патриотизмом оправдать борьбу с революцией, подавление освободительных движений, порабощение народов других стран.

Лжепатриотизму эксплуататорских классов Ленин противопоставил *подлинную* любовь к родине, подлинное и неосквернённое чувство национальной гордости. «Интерес (не по-холопски понятой) национальной гордости великороссов совпадает с *социалистическим* интересом великорусских (и всех иных) пролетариев» (114),— писал он.

Национальная гордость обязывает бороться против всякого угнетения, неравенства, подавления прав человека. «Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация *тоже* создала революционный класс, *тоже* доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм...» (112).

Ленин был непримиримым противником всякого шовинизма, великодержавности, теорий национальной исключительности. «...Для революции пролетариата необходимо длительное воспитание рабочих в духе *полнейшего* национального равенства и братства» (114),— писал он.

Национализм несовместим с высокими интернациональными революционно-освободительными задачами. Национализм, отмечал Ленин, «несет величайшее развращение в рабочую среду, наносит величайший ущерб делу свободы и делу пролетарской классовой борьбы» (103). Он напоминал и о том, что под прикрытием националистических идей «обделывают реакционные и грязные делишки черносотенцы и клерикалы, а затем и буржуа *всех* наций» (103).

Условием богатства культуры нового, социалистического мира является всемерное, всестороннее развитие культуры всех народов, малых и больших. Сближение национальных культур в процессе братского сотрудничества народов — это не нивелировка, не механическое соединение на некоем «среднем уровне», не подчинение культуры «малых» народов — великим. Это — творческое обобщение, синтез прогрессивных достижений национальных культур разных народов, результат процесса взаимного обогащения. Так и в культурном творчестве подлинный патриотизм сливается с *социалистическим* интересом; социализм ускоряет и обогащает культурное развитие каждого народа, включая его в грандиозный интернациональный процесс культурного развития.

Еще не исследована во всем объеме широта и многогранность знания Лениным сокровищ мировой и русской литературы. В своих работах он обращается к произведениям писателей разных стран и разных веков, от Гомера и Эзопа до Шекспира и Гете, Р. Роллана и Б. Шоу, от Державина и Крылова до Горького, Д. Бедного, Маяковского. Таково художественное богатство, которым была вооружена мысль Ленина.

Высоко ценил Ленин значение русской литературы, и особенно того могучего реализма, который представлен именами Гоголя, Тургенева, Толстого, Чехова... За образами художников Ленин видел черты реальной действительности; в их исканиях он видел проявление исканий народа, стремящегося к освобождению.

Так, в своих трудах Ленин многократно обращается к образам Гоголя; характеризуя явления русской действительности, он вспоминал и никчемного Ивана Федоровича Шпоньку, и Собакевича, и Манилова, и Хлестакова, и знаменитую унтер-офицерскую вдову. Не раз обращается он к образу Обломова Гончарова, к персонажам Грибоедова, Островского, Помяловского.

Можно было бы подробно показать, насколько внимательно читал и глубоко истолковывал Владимир Ильич произведения Тургенева, Чехова, Островского, как ценил он честную, прогрессивную мысль, не мирящуюся с пережитками крепостничества, самодурством, хищничеством, приниженностью, угодничеством, фальшью.

Когда Ленин говорит о том или ином писателе, он имеет в виду прежде всего логику художественных образов, не декларации, а силу и глубину отражения жизненных устремлений и характеров людей.

Полна глубокого интереса в этом плане его оценка творчества Л. Н. Толстого.

Ленин назвал Толстого зеркалом русской революции. Он показал, что творчество писателя, отразив жизнь страны за огромную историческую эпоху (от «освобождения крестьян» в 1861 г. до первой русской революции 1905 г.), стало потрясающим обвинительным актом против старой России.

«...Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе. Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества» (225).

История мировой литературы не знает писателя, произведения которого раздирались бы такими острыми противоречиями. Беспощадная критика существующего строя, самый трезвый реализм, «срывание всех и всяческих масок» с угнетателей народа, страстный протест против несправедливости и лжи общественных отношений сочетались с юродивой реакционной проповедью непротивления злу насилием, ханжеским призывом к «нравственному самоусовершенствованию», проповедью подмалеванной, подчищенной, но от этого еще более вредной религии.

И все эти противоречия не были противоречиями только *личной мысли* Толстого. Ленин показал, как в восьмидесятые годы Толстой порвал с классом дворянства и перешел на позиции патриархального крестьянина. Писатель выражал искренность, страстность протеста миллионов русского крестьянст-

ва, по вместе с тем вносил в свое творчество отчаяние крестьян, доведенных до нищеты, не знающих истинных путей к достижению справедливого общественного устройства, их незрелость, непоследовательность в борьбе.

«Его устами говорила вся та многомиллионная масса русского народа, которая *уже* ненавидит хозяев современной жизни, но которая *еще* не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца, непримиримой борьбы с ними» (233).

Ленин учил высоко ценить все положительное, что дал художественный гений Толстого. Но он со всей ясностью указывал на идейные пороки произведений писателя, был непримирим к реакционной «толстовщине».

Ленин учил видеть и ценить в наследии Толстого то, что принадлежит будущему. В произведениях Толстого запечатлена эпоха подготовки революции в придавленной крепостниками России, выступают события и явления, фоном и почвой которых служат исторические процессы, народные движения огромного масштаба. В них показаны русские люди, национальные характеры в обстоятельствах, позволяющих понять их с особой отчетливостью. Ленин отмечал также значение *«гениального освещения»*, то есть высочайшего художественного таланта, непревзойденного мастерства, умения так раскрыть действительность, чтобы сорвать все и всяческие маски с угнетателей народа и без прикрас, со всей ясностью обнажить природу общественных отношений.

Большевизм ставил своей задачей политическое просвещение и революционную закалку народных масс. Толстовская проповедь пассивности, призыв к смирению, пропаганда обновленной религии были препятствием на пути подготовки масс к революции. Именно потому, что шла борьба за массы, за их освобождение от отсталых настроений, от влияния реакционной идеологии, Ленин указывал: «...всякая попытка идеализации учения Толстого, оправдания или смягчения его «непротивленства», его апелляций к «Духу», его призывов к «нравственному самоусовершенствованию», его доктрины «совести» и всеобщей «любви», его проповеди аскетизма и квиетизма и т. п. приносит самый непосредственный и самый глубокий вред» (241). Ленин знал, что «лицемеры и жулики» из Толстого «святого будут делать» (332), и подчеркивал: «...Толстому ни «пассивизма», ни анархизма, ни народничества, ни религии спускать нельзя» (332).

Правда о Толстом может быть раскрыта только теми, кто оценит Толстого с *точки зрения развития* русской *революции*.

В дореволюционном литературоведении имела хождение ложная точка зрения, согласно которой Толстой-художник отделялся от Толстого-мыслителя. Ленин же показал, что реакционные взгляды Толстого проявляются не только в публицистике, но и в художественных произведениях писателя, что они не остаются чем-то *внешним* к содержанию литературного творчества, а проникают в самую систему художественных образов, нередко искажая их. В творчестве Толстого ставились великие вопросы жизни страны, но слабые стороны мировоззрения Толстого сказывались на решении этих вопросов.

Лучшим признанием значения наследства Толстого и лучшим выражением нашего отношения к нему являются слова Ленина: «Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат» (228). А работать над наследством—значит обращаться к произведениям писателя, чтобы просвещать массы, открывать им лицо старого мира, прививать еще более горя-

чую, сознательную любовь к родине, к своему народу, к сокровищам родного искусства. Работать над наследством — значит, высоко ценя положительное содержание творчества Толстого, говорить правду и о недостатках и слабых сторонах писателя, воспитывать миллионы на положительном содержании и на критике реакционных сторон мировоззрения и творчества Толстого.

Живая душа русской литературы, источник ее силы был в глубокой, неразрывной связи с народом, с его освободительной борьбой. Русская литература и публицистика были носителями самых смелых и передовых освободительных идей; они духовно вели, формировали, готовили к борьбе за счастье народа поколения русских людей. Говоря о роли передовых идей, революционной теории, Ленин обращался к примеру русской литературы.

«...*Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией.* А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что̀ это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература...» (116).

В числе писателей, воплотивших страстную, человеколюбивую, революционную душу русской литературы, Ленин называл Герцена. Ленину принадлежит заслуга очищения облика Герцена от либеральной фальсификации. Либералы пытались причесать великого революционного писателя и публициста под дюжинного либерального краснобая. Ленин же показал, чем отличается *революционер* Герцен от либерала. Герцена-философа Ленин называл мыслителем, «который даже теперь (написано в 1912 г.— *Б. Р.*) головой выше бездны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуидеалистов. Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом» (192).

Ошибки и колебания Герцена Ленин объяснял условиями эпохи. Не вина Герцена, а беда его, что он не мог видеть революционного народа в России в сороковые годы. Когда он увидел его в шестидесятых, он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма. Он поднял знамя революции.

В. И. Ленин с уважением и признательностью писал о предшественниках марксизма, так много сделавших для революционного воспитания русского народа,— революционных демократах Белинском, Добролюбове, Чернышевском, Герцене. Чернышевский был просветителем. Как и всем просветителям, ему была присуща непримиримая вражда к крепостному праву и его порождениям в экономической, социальной и юридической области, горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян. Но краеугольным камнем всех взглядов Чернышевского и его сподвижников было требование революционного решения крестьянского вопроса, революционной ликвидации крепостничества.

Чернышевский был не только социалистом-утопистом, верящим в переход к социализму через крестьянскую общину, но и *революционным демократом*, умевшим через все препоны и преграды провести идею крестьянской

революции. За ним стояло народное освободительное движение, которое вливало в него мужество, боевой дух, непримиримость в борьбе с противниками.

«Революционеры 61-го года остались одиночками и потерпели, по-видимому, полное поражение. На деле именно они были великими деятелями той эпохи, и, чем дальше мы отходим от нее, тем яснее нам их величие, тем очевиднее мизерность, убожество тогдашних либеральных реформистов» (190).

Н. К. Крупская вспоминала, что Ленин «любил весь облик Чернышевского». Ленин не раз говорил о Чернышевском как о великом мыслителе, философе, который с пятидесятых годов вплоть до своей смерти остался на уровне цельного философского материализма, хотя и не смог подняться в силу исторических условий до диалектического материализма. Чернышевский был крупнейшим представителем той *материалистической традиции* в развитии русской мысли, которую так ценил Ленин. Неоднократно подчеркивал Ленин и значение последовательной, непримиримой, страстной борьбы Чернышевского с российским либерализмом.

Сохранился ряд воспоминаний, свидетельствующих о том, как Владимир Ильич ценил, любил и глубоко во всех деталях знал замечательный социально-философский роман «Что делать?», оказавший могучее влияние на формирование ряда поколений русских (и не только русских!) революционеров.

В воспоминаниях Н. Валентинова воспроизводится интереснейший разговор о Чернышевском, который В. И. Ленин вел с Воровским, Гусевым и Валентиновым в январе 1904 года в Женеве. Валентинов высказал развязно-скептические суждения о романе «Что делать?» и получил резкую отповедь от Владимира Ильича.

«— Отдаете ли вы себе отчет, что говорите?..— бросил Ленин, выступая в защиту романа.— Под его влиянием сотни людей делались революционерами... Он (Чернышевский.— *Б. Р.*), например, увлек моего брата, он увлек и меня. *Он меня всего глубоко перепахал*».

«...До знакомства с сочинениями Маркса, Энгельса, Плеханова главное, подавляющее, влияние имел на меня только Чернышевский и началось оно с «Что делать?». Величайшая заслуга Чернышевского в том, что он не только показал, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером, но и другое, еще более важное: каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления» (647, 649).

Ленин свидетельствовал, что знакомство с философскими работами Чернышевского облегчило ему впоследствии усвоение диалектики Маркса, а экономические работы и статьи по крестьянскому вопросу оказались хорошей подготовкой, чтобы перейти к экономическим трудам Маркса. Сильнейшее впечатление произвел на Ленина весь революционный дух произведений Чернышевского. Вчитываясь в произведения, опубликованные в легальной печати, расшифровывая мысли, высказанные в условиях царской цензуры иносказательно, Ленин постигал их подлинный смысл, укреплял свои революционные взгляды и усваивал опыт гибкой, но целеустремленной тактики революционных демократов.

Взгляды Чернышевского и его соратников являются высшей стадией домарксистской общественной мысли. Марксизм ответил на все вопросы, на

которые не мог в силу своей ограниченности дать ответа утопический крестьянский социализм революционеров шестидесятых годов.

Но Ленин говорил: «Исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками» [1].

Ленин видел недостатки и ошибки Чернышевского, критиковал его просветительский антропологизм, неумение довести до конца анализ социальной природы общества, но неоднократно подчеркивал, что объясняются эти слабости прежде всего условиями жизни России, неразвитостью общественных отношений того времени.

В самом начале своего революционного пути В. И. Ленин определил отношение партии к предшествовавшим этапам развития революционного движения и заявил, что марксизм опирается на все прогрессивное в общественной мысли нашей страны и всего человечества.

Ленин высоко ценил революционных демократов и писателей революционного народничества. Не раз обращался он к страстным и глубоким строкам Некрасова, восстанавливал подлинный облик этого замечательного поэта, указывал на значение критики и публицистики Добролюбова, с большой любовью писал о революционных семидесятниках. Говоря о «старом русском социально-революционном народничестве» (129), он указывал, что «марксисты должны заботливо выделять из шелухи народнических утопий здоровое и ценное ядро искреннего, решительного, боевого демократизма крестьянских масс» (201).

И здесь Ленин не отделял критериев оценки содержания от критериев эстетических. Известно, как высоко ценил Ленин творчество Г. И. Успенского, его «Нравы Растеряевой улицы», деревенские очерки и рассказы. Он писал, что Успенский — один «из лучших писателей, описывавших крестьянскую жизнь» (212). Ленину важно было отметить, что Успенский не бытописатель натуралистического склада — писатель обладал «громадным артистическим талантом, проникавшим до самой сути явлений» (129). Он отмечал и социальную глубину, и проницательность наблюдений Успенского. Обращаясь к статье Энгельса «О социальном вопросе в России», Ленин вспоминал очерки Успенского, в которых тот социальные противоречия русской действительности изобразил «в одно слово с Энгельсом» [2]. «В одно слово» не следует, конечно, понимать буквально; но Ленин отметил, что исследование гениального теоретика и исследование правдивого художника приводят к единому правильному выводу относительно общественных явлений.

Ленин оставил нам свои суждения о ряде явлений реакционной литературы, о романах второй половины XIX века «с описанием благородных предводителей дворянства, благодушных и довольных мужичков, недовольных извергов, негодяев и чудовищ-революционеров» (269) и о произведениях начала XX века — мистических, декадентских. Он был непримирим по отношению к литературе безыдейной, упадочнической, лишенной духовного здоровья и ясности. Известно замечательное письмо его к Инессе Арманд в начале июня 1914 года.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, с. 178.
[2] Ленинский сборник XIX, с. 279.

В письме говорится о романе «Заветы отцов» В. Винниченко, украинского буржуазного националиста. Роман был напечатан в 1914 году в XIV книжке арцыбашевского сборника «Земля». Сборник этот был прибежищем для писателей, отшатнувшихся от революции, и специализировался на публикации произведений, проникнутых духом разложения, упадочничества, неверия в человека. На страницах сборника нашли место пессимистические, эротические произведения Ф. Сологуба, Н. Крашенинникова и др. XIV книжку «Земли» открывал грязный рассказ М. Арцыбашева «История одной пощечины», в котором оправдывался циничный взгляд на женщину.

Под стать рассказу Арцыбашева был и роман «Заветы отцов», нудно повторявший мотивы и образы буржуазной литературы эпохи реакции. Винниченко нагромоздил в нем изрядное количество болезненных историй, населил изображенный им город уродливыми, отвратительными фигурами. Девушка Таня, ставшая проституткой; доктор Заболотько, ищущий правду в публичном доме; брат его, гимназист, заболевший венерической болезнью и то вступающий в клуб самоубийц, то впадающий в религиозное исступление; журналист-провокатор; бывший «революционер», садистски колющий шилом запертую в клетке мышь; старый юрист, страдающий от невылеченной дурной болезни; дочь его Саня, носящая следы скверной наследственности, ломаная, болезненная,— вот действующие лица романа, в котором нет ни одного духовно и физически здорового и полноценного человека, а отвратительные уроды на каждом шагу обнажают свои изъязвленные души.

Ленин раскрывает самое существо произведения, столь типичного для разлагающейся буржуазной литературы. Он пишет: «Вот ахинея и глупость! Соединить вместе побольше всяких «ужасов», собрать воедино и «порок», и «сифилис», и романическое злодейство с вымогательством денег за тайну (и с превращением сестры обираемого субъекта в любовницу), и суд над доктором! Все это с истериками, с вывертами, с претензиями на «свою» теорию организации проституток...

В «Речи» про роман сказано, что подражание Достоевскому и что есть хорошее. Подражание есть, по-моему, и архискверное подражание архискверному Достоевскому. Поодиночке бывает, конечно, в жизни все то из «ужасов», что описывает Винниченко. Но соединить их все вместе и *т а к и м* образом— значит, *малевать* ужасы, пужать и свое воображение и читателя, «забивать» себя и его» (295).

Ленин проницательно замечает, что произведения, наполненные подобными «ужасами» и уродствами, *забивают* читателя. Именно забивают — подавляют волю к борьбе, развивают настроение безнадежности и безысходности, вселяют *недоверие* к человеку и *сомнение* в его силах.

Эта мысль Ленина с особой силой звучит сегодня, когда тема кошмаров и уродств так широко представлена в реакционной литературе. Современным растлителям душ хотелось бы, чтобы мутный поток произведений, в которых человек убивает, предает, изменяет, опять убивает, предается всяческим извращениям,— снес на своем пути все чистое и благородное, оставив в душе человека только скепсис, цинизм и безразличие ко всему,— чтоб легче было вложить в руки опустошенного человека оружие и послать его убивать и умирать туда, куда указывают интересы империалистов. Замечательные ле-

нинские высказывания вооружают нас в борьбе с этим грязным и растленным «искусством».

Казалось бы, мимоходом брошена Лениным фраза в адрес газеты «Речь», но критика оценки романа Винниченко, данной «Речью», далеко не случайна и полна глубокого значения.

Девятнадцатого мая (1 июня) 1914 года кадетская «Речь» посвятила статью А. Горчакова сборнику «Земля». «Речь», занимавшая реакционные, идеалистические позиции в вопросах искусства, подняла на щит ту патологическую мешанину, какую представлял собою роман Винниченко.

«В этом новом произведении, как никогда, кажется, прежде, развернута чисто художественная сторона творческого облика Винниченко»,— писала газета. Декадентская клевета на человека, апология уродств оказывается интересной с... чисто художественной стороны! А художественное значение заключается-де в том, что он написан под влиянием Достоевского...

Автор статьи умиляется тем, что действующие лица «Заветов отцов» напоминают героев Достоевского,— это «сложные, надломленные личности», «вызывающе гордые и самоотверженно кроткие в то же время», «распахивающиеся вдруг до последнего предела, до унижения, до слез, самобичевания» и т. д.

Если «Речь» и находила недостатки в романе, так лишь в том, что влияние Достоевского было неполным. И очень важно замечание Ленина, указавшего, в противовес критику «Речи», как на порок на «архискверное подражание архискверному Достоевскому».

Мы знаем, что Ленин ценил реалистический талант этого большого писателя. «Беспощадно осуждал Владимир Ильич реакционные тенденции творчества Достоевского...— рассказывал в своих воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевич.— Вместе с тем Владимир Ильич не раз говорил, что Достоевский действительно гениальный писатель, рассматривавший больные стороны современного ему общества, что у него много противоречий, изломов, но одновременно — и живые картины действительности» (697—698).

Как вспоминает В. Д. Бонч-Бруевич, Ленин просил не забывать, что Достоевский был приговорен к смертной казни, был сослан на каторгу. Его «Записки из Мертвого дома» являются «непревзойденным произведением русской и мировой художественной литературы, так замечательно отобразившим не только каторгу, но и «мертвый дом», в котором жил русский народ при царях из дома Романовых» (698).

К роману «Бесы», по свидетельству Бонч-Бруевича, Ленин относился отрицательно. Вместе с тем он говорил, что в романе отражены события, «связанные с деятельностью не только С. Нечаева, но и М. Бакунина» (698). Он считал делом критиков разобраться, что в романе относится к Нечаеву и что к Бакунину.

Роман «Бесы» был связан с сенсационным судебным процессом против участников анархистской организации «Народная расправа», возглавляемой С. Нечаевым и действующей по указаниям анархистской группы Бакунина, ведшей подрывную борьбу против Маркса и Энгельса в I Интернационале. Реакция использовала процесс, чтобы дискредитировать освободительное движение русских революционеров семидесятых годов и зарубежное революционное движение. Достоевский опирался на материалы служащей реакции прессы.

Во всяком массовом движении, как в стремительном потоке, кроме чистой струи, бывает и пена, и мутные струи. К революции примазываются авантюристы, случайные люди, неустойчивые элементы. Участвовали в движении люди, ищущие способа удовлетворить свое честолюбие и властолюбие, неразборчивые в средствах и в своей разрушительной деятельности исповедующие макиавеллиевский принцип — «цель оправдывает средства». На суде над «Народной расправой» приводился «катехизис революционера», составленный Бакуниным, в котором отчетливо выражены эти извращенные, чуждые пролетарскому революционному движению взгляды. Маркс дал гневную оценку и этому документу, и деятельности бакунинцев, подчеркивая, что вся эта уголовно-заговорщическая возня не имеет никакого отношения к подлинной борьбе за революцию и социализм.

Ленин осудил и реакционные тенденции романа «Бесы», и те мелкобуржуазные анархические элементы, которые, примкнув на словах к революции, оказываются чужды ей по духу, дискредитируют содержание и методы революционной борьбы, извращают ее принципы и цели и всем этим помогают реакции бороться с освободительными силами.

Ленин солидаризировался с Горьким, когда тот поднял голос протеста против реакционной печати, развернувшей в связи с предполагавшейся театральной постановкой «Бесов» дикую антиреволюционную свистопляску.

В ряде произведений Достоевский проповедовал смирение, покаяние; он поэтизировал раздвоенность человека, изломанность души, бессильную жертвенность. Эту тенденцию в литературе Ленин решительно отвергал. Развенчивая литературу уродств и ужасов, психологических вывертов, гневно осуждая это копание в грязи и в гное, Ленин осуждает определенное реакционное *направление* в литературе.

Письмо Ленина И. Арманд позволяет понять, как глубоко и широко ленинское понимание реализма в литературе. Лживость Винниченко не в том, что в жизни нет таких явлений, как изображаемые им. В действительности есть и ужасы и болезни, но это только «маленькие кусочки жизни». Литература имеет право обращать внимание и на отвратительное, но когда коллекционируются сплошь ужасы, когда в мире не остается ничего, кроме ужасов и уродств, это есть искажение правды, сознательное забвение нового, светлого, передового начала, которое существует, побеждает, пробивает себе дорогу.

Ярким примером борьбы Ленина за революционное мировоззрение, за идейные основы культуры является его выступление в связи с изданием сборника «Вехи». Сборник этот, вышедший в 1909 году и состоявший из статей Н. Бердяева, С. Булгакова, П. Струве, М. Гершензона и других либеральных публицистов, был своеобразным «знамением времени». После поражения первой русской революции 1905—1907 годов революционеры подводили итоги боев, осмысливали успехи и ошибки, перестраивали силы. Но подводили итоги и реакционные идеологи. Авторы «Вех», как указывал Ленин, стремились дать «в сжатом наброске целую энциклопедию по вопросам философии, религии, политики, публицистики, оценки всего освободительного движения и всей истории русской демократии» (255). Либеральные ренегаты вступили в открытую борьбу с идейными основами миросозерцания русской и международной демократии, они отреклись от освободительного движения и заявили

о своей лакейской («ливрейной») покорности по отношению к старой власти и старой России.

«Веховцы» пытались дискредитировать революцию, объявить ее делом умствующих интеллигентов, далеких от народа. «Жизненными», «почвенными» они провозглашали консервативные, реакционно-охранительные настроения. Белинского и Чернышевского они объявили «вождями интеллигентов», далекими от народа. Написанное кровью благородного сердца письмо Белинского к Гоголю, по их словам, это «пламенное и классическое выражение интеллигентского настроения». Ленин, разоблачая эту ложь, ставит вопрос: каково социальное содержание идей, выраженных великим критиком?

«Так, так,— замечает Ленин.— Настроение крепостных крестьян против крепостного права, очевидно, есть «интеллигентское» настроение. История протеста и борьбы самых широких масс населения с 1861 по 1905 год против остатков крепостничества во всем строе русской жизни есть, очевидно, «сплошной кошмар». Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?» (256).

Ленин противопоставил «веховцам» идею о революции, как глубочайшем, порожденном коренными потребностями миллионных масс народном движении. Он высмеял «веховцев», которые французскую революцию конца XVIII века тоже представили как «интеллигентское движение». Он показал, на какие теоретические позиции хотели бы «веховцы» склонить русскую интеллигенцию: война материализму и возрождение мистики; призывы к смирению и покаянию; защита учреждений, направленных против народа, вплоть до тюрем и карательных команд; вражда к народу и звериный индивидуализм.

В сборнике «Вехи» отчетливо прозвучало положение, которое потом будет успешно эксплуатироваться буржуазными идеологами,— противопоставление мыслящей личности, интеллигенции — массам, народу. «Веховцы» выступали под флагом заботы о судьбах культуры и судьбах личности — в сущности, они и культуру и личность отдавали под власть самых реакционных сил общества.

Смысл философских построений, выпадов против «интеллигентщины», «народопоклонства», обвинений революционеров в безнравственности и безбожии раскрывался в таких хотя бы фразах: «Эгоизм, самоутверждение — великая сила, именно она делает западную буржуазию могучим *бессознательным* орудием божьего дела на земле» [1].

Как многозначительно писал один из «веховцев», за границей ему приходилось слышать, что у русских передовых людей «гуманитарные и альтруистические чувства слишком уж подавляли запросы личности». Российские любомудры откровенно расписались в самой беззастенчивой буржуазности, а рассуждая о свободе личности, которой-де угрожает революция, имели в виду свободу буржуазного развития, свободу обогащения и наживы. Ленин, критикуя «Вехи», вспомнил знаменитые слова Гизо «Enrichissez-vous» и столыпинское откровенное: «Мы ставим ставку на сильных». ««Святое дело» русской буржуазии»,— писал Владимир Ильич в плане своего реферата о

[1] «Вехи», 1-е изд., 1909, с. 95.

«Вехах» [1]. Свобода личности оборачивалась конкуренцией в борьбе за богатство, создание новых богатств на крови и костях угнетаемых, подавлением прав «слабых», и над всем этим наши любомудры возводили ореол «божьего дела на земле».

Стремясь оттолкнуть, оторвать интеллигенцию от освободительного движения, «веховцы» запугивали «культурные слои» революцией, стращали жестокостью народных бунтов, кричали, что народная революция не щадит никаких духовных ценностей, она-де только разрушает, а не создает.

В. И. Ленин дал достойный отпор этим призывам, разоблачил и заклеймил их смысл, он отстоял лучшие традиции русской демократической культуры и на примере русской литературы показал все значение передовых освободительных идей, *революционной теории* для жизни общества. Уже после Октября Ленин не раз напоминал о необходимости вести войну против «образованных» крепостников, против ненавидящих Белинского представителей старой культуры против дипломированных лакеев поповщины.

Борьба марксистов с «веховской» идеологией имела и имеет широкое интернациональное значение. Русская революция 1905—1907 годов была самым значительным революционным событием XX века во всем мире до Октября. Буржуазная пресса разных стран, всякого рода «институты» по «изучению революции» проявили активный интерес к опыту борьбы реакционных идеологов против революции. Особенно этот интерес возрос после Октябрьской социалистической революции. Значительная часть «веховских» соратников оказалась за границей (Бердяев, Булгаков, Струве и др.). Там они продолжали пропаганду своих взглядов. Победоносная социалистическая революция еще усилила их ненависть к народу, их антидемократические, идеалистические взгляды. Следует сказать, что на этот идейный товар нашелся немалый спрос, книжки «веховских» публицистов выходили на разных языках: интернациональная реакция считала нужным использовать «идеологический опыт» своих русских собратьев. Вот почему глубокая принципиальность и непримиримость ленинской работы о «Вехах» сохраняет сегодня огромное международное значение.

Замечательным примером внимательного и требовательного подхода Ленина к литераторам является его отношение к А. М. Горькому. Владимир Ильич высоко ценил гений Горького, его исключительную роль в истории революции, созданные им образы борцов.

Горький своим новаторским творчеством отразил новую великую эпоху в развитии общественного движения — эпоху пролетарской революции, борьбы народных масс за социализм.

Ленин писал, что Горький «безусловно крупнейший представитель *пролетарского* искусства, который много для него сделал и еще больше может сделать» (326). Для Ленина было особенно важно, что Горький «крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира...» (322).

В период, когда Алексей Максимович тяжело переживал некоторые эпизоды внутрипартийной борьбы в социал-демократическом движении, Ленин написал Горькому строки, полные глубокой веры в писателя:

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, с. 427.

«Рабочее движение и социал-демократию пришлось Вам сразу увидать с такой стороны, в таких проявлениях, в таких формах, которые не раз уже в истории России и Западной Европы приводили интеллигентских маловеров к отчаянию в рабочем движении и в социал-демократии. Я уверен, что с Вами этого не случится... Своим талантом художника Вы принесли рабочему движению России — да и не одной России — такую громадную пользу, Вы принесете еще столько пользы, что ни в каком случае непозволительно для Вас давать себя во власть тяжелым настроениям, вызванным эпизодами заграничной борьбы» (321).

В письмах к Горькому Ленин указывал на успехи социал-демократических организаций, на «назревание нового типа с.-д. рабочего» (327), объясняя, как неверно придавать преувеличенное значение мелким дрязгам. Он привлекал внимание писателя к большим процессам роста и укрепления партийных организаций, революционного рабочего движения.

С Горьким делился Владимир Ильич своими радостями, вызванными оживлением деятельности партийных организаций в России, удачными материалами в большевистской газете, успехами «Правды» среди рабочих.

Придавая большое значение участию Горького в партийной печати, Ленин писал Луначарскому: «Я именно мечтал о том, чтобы *литературно-критический* отдел сделать в *«Пролетарии»* постоянным и поручить его А. М—чу» (309).

Но Ленин знал, что условия художественного творчества специфичны, с уважением и заботой относился он к труду писателя. Он пишет дальше: «Но *я боялся*, страшно боялся прямо предлагать это, ибо *я не знаю* характера работы (и работосклонности) А. М—ча. Если человек занят серьезной большой работой, если этой работе повредит отрыванье на мелочи, на газету, на публицистику,— тогда было бы глупостью и преступлением мешать ему и отрывать его!» (309).

Широко известна роль Ленина в преодолении Горьким идейных ошибок. Борьба с ошибками Горького — это была *борьба за Горького*, за развитие и совершенствование таланта. Ленин умел, ни на пядь не сдавая идейных позиций, тактично, по-товарищески указать на ошибки, помочь преодолеть их. В письмах Ленина содержится глубокая теоретическая критика основ богостроительства и богоискательства, их реакционно-идеалистической сущности. Письма эти замечательны по яркости и глубине; это — документы, сжатые, четкие, пронизанные страстной боевой мыслью.

Важно обратить внимание на то, что Ленин, ведя спор с Горьким, стремился вместе с тем прочнее привлечь его к практической работе партийных организаций и партийной печати и неустанно обращал внимание писателя *к жизни*. Владимир Ильич апеллировал к *действительности*, показывая, что правда революционной борьбы, правда народной жизни — подтверждает большевистские взгляды, опровергая измышления «впередовцев», богоискателей и т. д.

Говоря о внимании к жизни, необходимо помнить, что и здесь следует отличать революционное толкование этих слов от оппортунистического. Разного рода теоретики «малых дел», пропагандисты стихийности, доктринеры-оппортунисты использовали эти слова в своих корыстных целях, стремясь оправдать ими свою политику.

Ленин писал об этом: «Всякие оппортунисты любят говорить нам: учитесь у жизни. К сожалению, они понимают под жизнью только болото мирных периодов, времен застоя, когда жизнь едва-едва движется вперед. Они *отстают* всегда, эти слепые люди, от уроков *революционной* жизни. Их мертвые доктрины оказываются всегда позади бурного потока революции, выражающего самые глубокие запросы жизни, затрагивающие наиболее коренные интересы народных масс» [1].

Главное в жизни — *революционное развитие*, могучее течение потока революции. Тот, кто понимает жизнь как серенькое прозябание без борьбы за дело революции и народа, не имеет права говорить о жизни!

Горький был соратником и единомышленником Ленина; творчество его раскрывало жизнь именно в революционном, ленинском понимании; жизнь есть деяние, борьба, служение народу. Горький в своих произведениях показывал новую полосу развития своей страны — он показывал *революционную жизнь* России, отражал широчайший размах народного освободительного движения, ведущую роль русского рабочего класса как вожака всех сил, выступающих против старого строя, роль большевистской партии — организатора и вдохновителя рабочего класса.

Широко известны слова Ленина о необходимости показать массам «во всем его величии и во всей его прелести наш демократический и социалистический идеал», чтобы тем самым показать «прямой путь к полной, безусловной, решительной победе» [2].

Ленин вдохновенно говорил о народе, поднявшемся на борьбу, о партии как о вожде и вдохновителе широчайшего народного движения. Он рисовал партию кораблем, смело режущим бурные морские волны.

Подлинным героем, воплощающим передовые силы страны, должен стать представитель этой революционной жизни. Ленин говорил:

«Человек будущего в России — мужик, думали народники... Человек будущего в России — рабочий, думали марксисты, и развитие русского капитализма, как в земледелии, так и в промышленности, все более и более подтверждает их взгляды» (170).

Ленин с гордостью отмечал выдвижение рабочих-вожаков, появление рабочих-интеллигентов; он призывал учить, воспитывать, закалять массы трудящихся на опыте передовых борцов. Так, в лице И. В. Бабушкина он видел рабочего-революционера, пример которого учит, «как надо жить и действовать» (265). Он внимательно следил за революционными событиями в Сормове в 1902 году,— события эти показывали, что в борьбу втягиваются новые силы, пролетарское движение становится все более сознательным и боевым.

По направлению мысли, по напряженному вниманию к новым явлениям революционной борьбы Горький в своем творчестве был близок к Ленину. И Ленин, говоря о горьковском романе «Мать», поддержал писателя прежде всего за изображение глубоких процессов, происходящих в народе, за то, что книга воплотила опыт революционных боев:

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, с. 191.
[2] Там же, с. 103.

Библиотечная книга

«...книга — нужная, много рабочих участвовало в революционном движении несознательно, стихийно, и теперь они прочитают «Мать» с большой пользой для себя.

«Очень своевременная книга»...» (638).

После Октябрьской революции Ленин поддерживал Горького в его начинаниях. Горькому принадлежит выдающаяся роль в развитии социалистической культуры. При поддержке Ленина Горький разработал и начал осуществлять широчайшие планы по ознакомлению масс с сокровищами мировой культуры. Как жаль, что еще не написана история издания библиотеки Всемирной литературы — великого начинания, которым может гордиться социалистическая культура. Мало исследована роль Горького в выдвижении новых революционных писательских сил, в сплочении людей науки и культуры вокруг Советской власти в первые годы революции, его многообразные издательские и культурные деяния. Сколько людей обязаны Горькому материальной поддержкой (знаменитая Цекубу [1] вдохновлялась им!), созданием возможности нормально работать в лабораториях, квартирами и т. д. Ленин по-товарищески направлял многообразную деятельность Горького, подсказывал задачи, требовавшие неотложного решения, а когда было нужно, прямо и твердо поправлял его.

Известны колебания и ошибки Горького в период Великой Октябрьской революции и в первое время после нее. Ленин резко и прямо критиковал эти ошибки. И именно в этот период Ленин особенно настойчиво подчеркивал, что только обращение к живой действительности, глубокое изучение новых явлений позволит писателю создать правильное представление о происходящих в жизни страны и народа процессах, «отделить разложение старого от ростков нового» (374).

Художник своим особым путем подходит к осмыслению действительности. Он постигает правду жизни прежде всего в конкретных явлениях, в живых людях и в их живых делах. Вождь революции, зная эту особенность писательской психики, подсказывал Горькому пути преодоления ошибочных взглядов.

С суровой прямотой Ленин напомнил Горькому, как сложна и остра классовая борьба социализма против старого мира. В одном из писем Ленина, впервые опубликованном в Полном собрании его сочинений (т. 51, с. 47—49) и включенном в этот сборник (375—376), он дает урок социалистического гуманизма, объясняя писателю, как иногда, в острые моменты борьбы, решительные предупредительные меры в отношении колеблющихся и неустойчивых помогают избежать более тяжелых конфликтов, чреватых жертвами и потерями. Ленин объяснял разницу между революционным гуманизмом и отвлеченным прекраснодушием.

Сочувственно отметил Ленин появление свежего и своеобразного таланта Демьяна Бедного. «Видали ли «Басни» Демьяна Бедного? Вышлю, если не видали. А если видали, черкните, как находите» (354),— делился он своими впечатлениями с Горьким.

---

[1] Центральная комиссия по улучшению быта ученых, созданная Советским правительством в годы гражданской войны.

В письме в редакцию газеты «Правда» Ленин решительно возражает против однобокой оценки деятельности Демьяна Бедного.

«Насчет Демьяна Бедного продолжаю *быть за*. Не придирайтесь, друзья, к человеческим слабостям! Талант — редкость. Надо его систематически и осторожно поддерживать. Грех будет на вашей душе, большой грех... если вы талантливого сотрудника не притянете, *не поможете* ему. Конфликты были мелкие, а дело серьезное. Подумайте об этом!» (293).

В этих словах — весь Ленин, с его вниманием к талантливому человеку, с его требованием бережной *поддержки таланта*. Он не закрывает глаза на недостатки и слабости поэта, но предлагает систематически и осторожно поддерживать его, видеть в его деятельности главное.

М. Горький вспоминал, что Владимир Ильич в послеоктябрьские годы не раз усиленно подчеркивал агитационное значение творчества Демьяна Бедного, но говорил:

«Грубоват. Идет за читателем, а надо быть немножко впереди» (641).

Ленин был рад отметить удачную статью партийных литераторов Ольминского, Воровского и других. В годы гражданской войны он сердечно поддержал А. С. Серафимовича, когда узнал о несчастье, постигшем писателя,— гибели сына на фронте (см. наст. сборник, с. 481—482).

Н. К. Крупская рассказывала: «Ильичу понравился роман Эренбурга, описывающий войну: «Это, знаешь,— Илья Лохматый (кличка Эренбурга),— торжествующе рассказывал он.— Хорошо у него вышло»» (624).

Речь шла о романе «Необычайные похождения Хулио Хуренито», сатирически изображающем жизнь Европы в годы войны. Скептицизм писателя и острота его отрицания смущали некоторых критиков — Ленин же *торжествующе* говорил об удаче писателя.

Здесь не только сказались широта ленинского взгляда на литературу, его умение объективно, с точки зрения общего дела, оценить заслуги и недостатки писателей разных взглядов, разных направлений.

Ленин обладал замечательным свойством завоевывать симпатии, привлекать сердца людей, поддерживать и ободрять в трудную минуту. И при всем этом ни малейшего оттенка меценатства не было в отношениях Ленина к деятелям культуры. Меценатство связано со взглядом *сверху вниз*; это покровительство, которое никак не вяжется с тем простым, естественным товарищеским подходом, с той сердечной заботой и строгой требовательностью, с какими относился Владимир Ильич к работникам культурного фронта.

В 1918 году Ленин, говоря о последствиях первой мировой войны, отмечал, какую угрозу человеческой культуре несет империализм. ««Цивилизованный», «культурный», капиталистический мир идет к неслыханному краху, который способен порвать и неминуемо порвет все основы культурной жизни» [1].

Капитализм, который стал «реакционнейшей задержкой человеческого развития» [2], ведет к усилению реакционных тенденций в культуре, укрепляет

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 436.
[2] Там же, т. 39, с. 116.

антидемократические, ультраиндивидуалистические, шовинистические стремления, цинизм, жестокость. Социализм выражает собой глубочайшие потребности народов всех стран в сохранении и развитии культуры в интересах человечества.

После Октябрьской революции перед партией встала задача строить здание новой, социалистической культуры, преодолевая сопротивление капиталистов — «не только военное и политическое, но и идейное, самое глубокое и самое мощное» [1].

Социалистическая культура не может «вызреть» под гнетом капиталистических отношений, хотя элементы этой культуры и создаются трудящимися массами в капиталистическом обществе. Только переход государственной власти и средств материального и духовного производства в руки трудящихся создает условия для полного, всестороннего развития демократической и социалистической культуры, для культурной революции.

Меньшевистские идеологи утверждали, что пока трудящиеся не овладеют буржуазной культурой, они не должны и думать о том, чтобы брать власть в свои руки. Разоблачая эту реакционную догму, Ленин в замечательной статье «О нашей революции» поставил ее пропагандистам уничтожающий вопрос:

«Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму?» (420).

Изгнание помещиков и капиталистов — важнейшая предпосылка цивилизованности. Но если *революция* является могучей *предпосылкой* развития культуры, то и рост *культуры*, в свою очередь, становится сильнейшим ускорителем поступательного развития нового, социалистического общества. Ленин понимал культурность не как пассивное хранение суммы накопленных знаний, а как активное, сознательное и творческое применение этих знаний, всего культурного наследия народными массами для развития общества, для успешного руководства жизнью страны. «Нам нужно громадное повышение культуры» [2],— говорил Ленин. «Поднять наинизшие низы к историческому творчеству» [3] — означает, в частности, научить людей из вчерашних низов управлять, вооружить их знаниями, передать им опыт и навыки организаторской деятельности. В ленинских статьях послеоктябрьского периода мысль о народе, который учится управлять государством, неотделима от мысли о народе, овладевающем культурой.

Ленин неустанно подчеркивал, что задача овладения культурой, использования массами всех достижений науки и культуры необычайно трудна — «чтобы полностью решить ее, надо положить десятки лет» (402). Он осуждал буржуазно-интеллигентский фразистый подход к революции и подчеркивал: «В вопросах культуры торопливость и размашистость вреднее всего» (421). «Надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперед, ко всякому хвастовству и т. д. Надо задуматься над проверкой тех шагов вперед, которые мы ежечасно провозглашаем, ежеминутно де-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 406.
[2] Там же, т. 44, с. 170.
[3] Там же, т. 35, с. 189.

лаем и потом ежесекундно доказываем их непрочность, несолидность и непонятость. Вреднее всего здесь было бы спешить» (422). В. И. Ленин преследовал «комчванство» и увлечение административными методами в культурной деятельности. «Некультурность принижает Советскую власть и воссоздает бюрократию» [1],— указывал он.

Намечая задачи Рабоче-Крестьянской инспекции, Ленин требовал сосредоточения в Рабкрине «человеческого материала действительно современного качества» (421). Современное качество означало сочетание революционного социалистического духа с усвоением культуры, опыта буржуазных стран.

Победа Октября означала торжество той *революционной жизни*, на уроках которой Ленин звал учиться еще в годы подполья. И в годы, когда советский народ приступил к созиданию социалистического общества и отстаивал с оружием в руках это общество от полчищ врага, Ленин приковывал внимание писателей к борьбе народа, призывая глубоко изучать, полнее понять красоту народной жизни и борьбы:

«Поближе к жизни. Побольше внимания к тому, как рабочая и крестьянская масса *на деле* строит нечто *новое* в своей будничной работе. Побольше *проверки* того, насколько *коммунистично* это новое» (467).

Владимир Ильич резко осуждал «записных литераторов, сплошь да рядом за бумагой не видящих жизни» (468). Когда вышла брошюра партийного работника А. Тодорского «Год — с винтовкой и плугом» о новой жизни, о работе коммунистов Весьегонского уезда, Ленин приветствовал ее теплыми словами. Он нашел в этой простой, бесхитростной летописи труда и борьбы рядовых советских людей живой опыт, из которого «надо извлечь серьезнейшие уроки по самым важным вопросам социалистического строительства, превосходно поясненные живыми примерами» (468).

В революции воспитываются, закаляются, растут миллионные массы трудящихся, выдвигаются передовые борцы, завоевывающие авторитет в массах своей самоотверженностью, мужеством, выдержкой. Новая, коммунистическая мораль становится моралью миллионов людей. Речь Ленина на III съезде комсомола, его беседы с Кларой Цеткин, ряд статей и выступлений показывают, какое значение придавал Владимир Ильич воспитанию коммунистической нравственности.

Ленин учил рассматривать каждое «мелкое», «будничное» дело в свете великой революционной цели. Новые люди растут, формируются в борьбе за новую жизнь! Слова Ленина проникнуты мудрым оптимизмом, глубокой верой в торжество нового общественного строя. Он резко критикует пессимистов и скептиков, находящих в жизни только недостатки и трудности, и настойчиво учит видеть жизнь в перспективе развития, видеть будущее, завтрашний светлый день социализма, подготовляемый сегодняшним трудом и борьбой. В годы подполья Ленин писал о революционной мечте, устремленной в будущее. После Октября, открывая сияющую перспективу движения к коммунизму, Ленин учил этой целью проверять каждый наш сегодняшний шаг.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 165.

Ленин и партия настойчиво и последовательно направляли развитие советской культуры по пути служения революции и народу. Эта деятельность партии встретила сопротивление сил старого мира. Развернулась острая и напряженная идейная борьба. Какими словами не прикрывались защитники реакционной идеологии и культуры! Они бросались высокими словами о демократии, о вечных ценностях культуры и т. д., но Ленин еще до революции блестяще показал, как у наших врагов красивыми словами прикрываются своекорыстные, эгоистические побуждения.

Реакционеры разных толков выступали с фальшивым абстрактным требованием «свободы печати». Ленин показал смысл подобных требований: «Свобода печати в РСФСР, окруженной буржуазными врагами всего мира, есть свобода *политической организации* буржуазии и ее вернейших слуг, меньшевиков и эсеров» (476). Ленин писал, что дать буржуазии такое оружие, как свобода политической организации (печать есть центр и основа политической организации),— значит облегчить дело врагу, помогать классовому врагу. «Мы самоубийством кончать не желаем и потому этого не сделаем» (477).

Буржуазия и в наше время использует потрепанную ширму «свободы печати» для прикрытия своей реакционной деятельности, для клеветы на социалистический лагерь. Кое-где этим лозунгом пользуются, чтобы обратиться к массам с проповедью враждебных социализму и демократии идей. Ленин требовал, чтобы это право не на словах, а на деле означало свободу революционной печати, выражающей интересы трудящихся масс, свободу революционных классов не допускать пропаганды, враждебной народу.

«Наша основная задача состоит в том, между прочим, чтобы в противовес буржуазной «правде» противопоставить свою правду и заставить ее признать» [1].

Ленину приходилось бороться и против реакционно-эстетских, реставраторских влияний в искусстве, и против нигилистической недооценки культурного наследия. В первые послеоктябрьские годы под флагом борьбы за «новое» сторонники формалистического «новаторства» объявляли «устаревшими» Пушкина, Толстого, Глинку, Репина, а высшими достижениями искусства провозглашали всяческие модернистские выкрутасы. Сторонников же и последователей реалистических традиций эти люди объявляли консерваторами и рутинерами.

Ленин выступил в защиту художественного наследия, эстетических ценностей, созданных предшествующим развитием искусства. «Мы чересчур большие «ниспровергатели в живописи»,— говорил Владимир Ильич.— Красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно «старое». Почему нам нужно отворачиваться от истинно прекрасного, отказываться от него, как от исходного пункта для дальнейшего развития, только на том основании, что оно «старо»? Почему надо преклоняться перед новым, как перед богом, которому надо покориться, только потому, что «это ново»? Бессмыслица, сплошная бессмыслица! Здесь много лицемерия и, конечно, бессознательного почтения к художественной моде, господствующей на Западе. Мы хорошие революционеры, но мы чувствуем себя почему-то обя-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 399.

заннымн доказать, что мы тоже стоим «на высоте современной культуры». Я же имею смелость заявить себя «варваром». Я не в силах считать произведения экспрессионизма, футуризма, кубизма и прочих «измов» высшим проявлением художественного гения. Я их не понимаю. Я не испытываю от них никакой радости» (657).

Ленин отстаивал культурные ценности от псевдоноваторов и эстетских снобов, считая необходимым сохранить их и довести до народа. В приведенных словах его звучит высокое чувство революционного достоинства: пролетариат — восходящий класс, у него есть свои критерии, ему не к лицу равняться по последней зарубежной моде: ведь искусство принадлежит народу.

Ленин и Коммунистическая партия направляли борьбу лучших людей искусства против антиреалистического и антиобщественного декадентского искусства, в котором потеряна правда жизни, потерян человек с богатством его деятельности, его души. Ленин учил отличать подлинное новаторство, попытки выразить новое содержание жизни в соответствующих формах от крикливого, ломаного, болезненного лженоваторства.

Выступая против фальшивой, наносной моды, Владимир Ильич был далек от огульного отрицания культурной жизни за рубежом социалистической страны. Вообще надо сказать, что попытки приписать коммунизму огульное, недифференцированное отношение к культуре Запада несостоятельны — они либо ошибочны, либо просто нечестны. Советская культура интернационалистична по самой своей основе; она впитывает все ценное, прогрессивное, духовно обогащающее личность, несущее заряд творческой энергии. Она воспринимает все подлинно новое, ей дорога смелость творческих исканий и новаторских порывов. Но ей чужд дух всеядности, податливости, бездумного восприятия очередных «откровений», она не восхищается каждым мыльным пузырем, зная, как быстро они лопаются. Тем более она знает, как часто в рекламном шуме вокруг очередной моды ловко протаскиваются взгляды и концепции, чуждые демократии и социализму. Нелепо приписывать деятелям советской культуры стремление отгородиться от подлинных достижений зарубежной культуры. В культуре буржуазного общества есть прогрессивные элементы, которые следует ценить и усваивать. Но усваивать вместе с этим и реакционно-декадентские элементы — значит забывать о необходимости четкого отграничения революционной идеологии и культуры от чуждых идейных систем.

В процессе развития культуры возникают сложные и противоречивые явления, и опыт отношения к ним партии глубоко поучителен. В этом свете представляет большой интерес отношение Ленина к поэзии Маяковского. Горький рассказывал, что Ленин к Маяковскому относился «недоверчиво и даже раздраженно». «Кричит, выдумывает какие-то кривые слова, и все у него не то, по-моему,— не то и мало понятно. Рассыпано все, трудно читать. Талантлив? Даже очень? Гм-гм, посмотрим!» (641).

Услышав в концертном исполнении стихотворение Маяковского «Наш марш», Ленин не скрывал, что оно ему не понравилось. В мае 1921 года, вскоре после выхода поэмы Маяковского «150 000 000», Ленин осудил издание поэмы большим (по тому времени) тиражом, резко отозвался о симпатиях А. В. Луначарского к футуризму и советовал, «чтобы не больше двух раз в год печатать этих футуристов *и не более 1500 экз.*» (483).

Ленин не принимал футуризма как *направления*, принесшего в литературу немало чуждого, неприемлемого и в общественном содержании, и в творческих взглядах. Он не принимал в поэзии Маяковского того, что шло от футуризма с его нарочитым усложнением образов, стиха, композиции, формалистической игрой словами, с его стремлением выдать за коммунистическое и советское то мелкобуржуазное, анархическое, нигилистическое, что было присуще футуризму. С тревогой отмечая симпатии Луначарского к футуризму, Ленин считал важным «найти надежных, *а н т и* футуристов» (483), то есть в самых органах искусства, в издательствах, в творческих организациях опереться — в борьбе за искусство нового идейно-художественного содержания — на работников, занимающих верные позиции.

Мы знаем вместе с тем, что, когда Маяковский преодолевал футуристические тенденции, создавал произведения ясные, четкие, проникнутые серьезным общественным содержанием, Ленин отмечал это новое и положительное. Он сочувственно отзывался о работе поэта в РОСТА. Прочитав стихотворение Маяковского «Прозаседавшиеся» и повторив, что он не относится «к поклонникам его поэтического таланта», Ленин сказал:

«...давно я не испытывал такого удовольствия, с точки зрения политической и административной. В своем стихотворении он вдрызг высмеивает заседания и издевается над коммунистами, что они все заседают и перезаседают. Не знаю, как насчет поэзии, а насчет политики ручаюсь, что это совершенно правильно» (486). Владимир Ильич поддержал боевой отклик поэта на важную, общественно-значительную тему. О стихотворении Маяковского он говорил в связи с вопросом о стиле работы советских органов, о бюрократических извращениях, борьбу с которыми настойчиво вела партия. Слова Владимира Ильича оказали сильное и благотворное воздействие на самого поэта, преодолевающего футуристические увлечения и набирающего новые силы. Поэт говорил в 1925 году: «...если Ильич уже признает, что мое политическое направление правильно, выходит, что я делаю успехи в коммунизме. Это для нашего брата самое насущное, самое главное!» [1]

Огромное принципиальное значение имеет борьба Ленина против ложных теорий и вредных тенденций и в деятельности Пролеткульта.

В 1920 году по инициативе Ленина ЦК РКП обратился с письмом к партийным организациям, в котором дал характеристику деятельности Пролеткульта и определил задачи партийных и советских органов по отношению к пролеткультам. Партия осудила тенденцию к обособлению пролеткультов от партийных организаций и государственных учреждений, руководивших работой в области культуры. В пролеткульты нахлынули социально чуждые элементы, которые иногда фактически захватывали руководство в свои руки. Футуристы, декаденты, сторонники враждебной марксизму идеалистической философии, выходцы из буржуазной публицистики и философии стали кое-где заправлять всеми делами в пролеткультах. Некоторые руководители Пролеткульта договаривались до мысли о «равноправии» политики и литературы.

---

[1] «Литературное наследство», т. 65, с. 215.

В низовых организациях Пролеткульта, в кружках и студиях работало много честных, преданных идее социализма рабочих и крестьян. Центральный Комитет партии разъяснил, что критика в указанном письме относится именно к руководителям, навязывавшим извращенные взгляды. В 1921 году Политбюро ЦК РКП в своем решении о пролеткультах отмечало, что письмо с критикой ошибок Пролеткульта относится «к ничтожным по числу элементам», против которых выступило большинство работников в пролеткультах.

Партия осудила как теоретически неверные и практически вредные всякие попытки выдумывать «чистую» пролетарскую культуру, замыкаться в обособленной организации. Ленин особо подчеркивал, что обязанность Пролеткульта — осуществлять под общим руководством Советской власти (специально Наркомпроса) и Российской коммунистической партии свои задачи *как часть задач пролетарской диктатуры*.

Но богдановско-пролеткультовские взгляды оказались живучими, и в 1922 году Ленин еще раз энергично выступил против них.

В «Правде» была напечатана статья «На идеологическом фронте» одного из руководящих деятелей Пролеткульта В. Плетнева. Плетнев развивал сектантские положения, представляя создание пролетарской культуры как некий лабораторный процесс, совершающийся вдали от борьбы за социализм, не связанный с освоением культурного наследия прошлого. Известны заметки В. И. Ленина на полях этой статьи.

«Творчество новой пролетарской *классовой* культуры — основная цель Пролеткульта»,— писал Плетнев. На газетных полях, против этой фразы Ленин поставил выразительное ироническое: «Ха-ха!» (448).

Плетнев выбрасывал за борт художников, выросших в условиях старого мира, считая, что они не могут стать художниками нового, социалистического мира. Он нигилистически говорил о наследии прошлого, легко сдавал в архив «старых» героев. С сектантским высокомерием и узостью Плетнев писал о трудовых массах крестьянства, об интеллигенции. Это вызвало резкое осуждение Ленина.

«...Паровоз революции может быть построен только силами «мы», силами классового единства. Этим бытием определяется классовое сознание пролетариата. Оно чуждо крестьянину, буржуа, интеллигенту...» — утверждал Плетнев. Ленин замечает: «А % строящих паровозы?» (451).

Мысль о строительстве новой культуры руками только рабочих, без участия крестьян, интеллигенции, Владимир Ильич считал вреднейшей сектантской выдумкой.

И когда далее Плетнев провозглашает: «Задача строительства пролетарской культуры может быть разрешена только силами самого пролетариата»,— Ленин, иронически подчеркнув слово «только», пишет на полях: «Архифальшь» (453).

Известна записка В. И. Ленина тогдашнему редактору «Правды» Н. И. Бухарину, содержащая решительный протест против публикации этой статьи.

«Ну зачем печатать глупости под видом важничающего всеми учеными и модными словами фельетона Плетнева?.. Учиться надо автору не «пролетарской» науке, а просто учиться... Ведь это же *фальсификация* исторического материализма! Игра в исторический материализм!» (458).

Несколько позднее в «Правде» была опубликована статья Я. Яковлева, содержащая резкую критику ошибок Плетнева. Статья была подготовлена на основе замечаний Ленина, была им предварительно просмотрена и в основном выражала его точку зрения. В этой статье передано важнейшее ленинское требование — связать рост культуры масс с решением повседневных задач советского общества, с развитием производства, техники, с борьбой против бюрократизма. С высот пролеткультовско-богдановских абстракций проблема новой культуры спускалась на реальную землю и связывалась с задачами развития общества.

Ленин настойчиво напоминал, что нельзя создать новую культуру в оранжерейной обстановке, в отрыве от жизни всего советского общества, не погрузившись в родник живого народного творчества, вне руководящего воздействия Коммунистической партии и Советского государства.

Ленин верил, что на почве новой, советской жизни «должно вырасти действительно новое, великое коммунистическое искусство» (660). Он заботливо следил за развитием этого искусства — и за произведениями Горького, и за стихами рабочих поэтов Иваново-Вознесенска, и за растущим народным творчеством. Но он настойчиво подчеркивал, что новое искусство вырастает не в лабораториях и оранжереях.

Задачей является, указывал Ленин, «не *выдумка* новой пролеткультуры, а *развитие* лучших образцов, традиций, результатов *существующей* культуры *с точки зрения* миросозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры» (445).

На все попытки идейного нажима со стороны вражеских элементов в годы нэпа партия отвечала усилением боевого, наступательного духа в борьбе против чуждой, буржуазной идеологии. В журнале «Под знаменем марксизма», созданном для разработки с партийных позиций важнейших проблем науки и борьбы с враждебными идеалистическими взглядами, была опубликована программная статья Ленина «О значении воинствующего материализма», высоко поднимающая знамя боевой материалистической диалектики. В этой статье Ленин указал на недопустимость отступлений от революционного учения марксизма. Он призвал коммунистов сплотить на платформе диалектического материализма все силы науки, привлечь и ученых-некоммунистов для совместной деятельности.

В условиях нэпа Коммунистическая партия провела серьезные идейные бои против буржуазного сменовеховства. «Сменовеховцы» делали ставку на буржуазное перерождение Советского государства, на постепенное сползание нашей экономики на буржуазные рельсы. Когда провалились планы вооруженной интервенции против Советского государства, «сменовеховцы» заявили об отказе от активной борьбы против Советской власти. Но изменилась лишь тактика; борьбу против социализма они стремились продолжать «мирными» путями. Они звали идти на выучку к капитализму, восхваляя буржуазную науку и технику, капиталистическую систему.

Враги социализма мечтали о восстановлении буржуазных отношений в стране. Реакционная идеология стремилась пролезать в каждую щель.

В первые годы нэпа оживились частные издательства, возникли литературные и театральные школы и школки, многие из которых несли

явные следы наносных, буржуазно-декадентских влияний, кипела ожесточенная борьба в области литературы и искусства. Частные издательства выпускали бульварные романы, идеалистические псевдоученые труды и т. д.

Ленин видел, что бесконтрольная деятельность этих издательств таит определенную опасность. 6 февраля 1922 года он дал распоряжение «проверить, на основании каких законов и правил зарегистрировано в Москве, как сообщается в «Известиях» от 5/II, свыше 143 частных издательств, каков личный состав ответственных за каждое издательство администрации и редакции, какова их гражданская ответственность, а равно ответственность перед судами вообще, кто заведует этим делом в Госиздате, кто ответственен за это» (479). Ленин требовал проследить, как организован надзор за этим делом.

В статье «К десятилетнему юбилею «Правды»» Ленин обратил внимание на шумиху буржуазной печати вокруг пессимистических пророчеств О. Шпенглера. К книге «Закат Европы» он отнесся скептически, а ее апологетов назвал «шпенглерятами», подчеркивая, что главное содержание нашей эпохи состоит в освобождении от социального и национального угнетения десятков и сотен миллионов людей. Пессимизму тех, кто крушение собственнического строя принимал чуть ли не за всемирную катастрофу, Ленин противопоставил социальный оптимизм, основанный на вере в народные массы, освобождающиеся, начинающие сознательно творить свою историю.

Несколько позднее Ленин обратил внимание на сборник «Освальд Шпенглер и закат Европы». Этот сборник вышел в 1922 году в частном издательстве «Берег». В книгу вошли статьи таких реакционных публицистов, как Н. Бердяев, С. Франк, Ф. Степун, Я. Букшпан, которые подняли на щит книгу Шпенглера.

Шпенглер сетовал на рост безбожия и материализма, отрицал прогресс, считал гибельным развитие демократии. Он противопоставлял культуру цивилизации. Эту мысль развивал Бердяев. Культура—творчество, дело избранных, писал он. Она основана на «качествах», она аристократична. Цивилизация проникнута стремлением к равенству, она демократична, *хочет* основываться на «количествах». Демократия и социализм враждебны культуре, а цивилизацию, распространение достигнутых наукой знаний они делают безбожной и бездушной.

Некоторые из авторов этого сборника были участниками «Вех». Как продолжатели постыдных традиций «Вех», они пытались доказать, что социализму чужд гуманизм, восхваляли, как пророков, реакционных русских публицистов XIX века, проклинали власть «толпы», «большинства», ополчались на идею интернационализма — короче говоря, под прикрытием философской терминологии выражали барскую ненависть к народу, взявшему власть в свои руки, к идеям социализма, прогресса.

Сборник «Освальд Шпенглер и закат Европы» — одна из последних книг по вопросам философии и культуры, которую довелось прочесть В. И. Ленину. Он проницательно определил ее сущность, сказав, что это «похоже на «литературное прикрытие белогвардейской организации»» (487). Это означало, что идеи сборника в общем соответствовали идеям врагов Советской власти, сторонников капиталистической реставрации. И важно помнить,

что одним из последних указаний Ленина было требование решительной, непримиримой борьбы с враждебными народу и социализму идеями и взглядами.

Делались попытки идеализировать двадцатые годы как годы «свободного расцвета» всех и всяких идейных и художественных направлений. Подчас создавалось впечатление, что то были годы чуть ли не мирного сосуществования в области идеологии, искусства, литературы. Но так могли судить лишь люди, ничего не понявшие в сущности явлений. Спору нет, двадцатые годы — время очень интересное, богатое поучительными явлениями. Но необходимо подчеркнуть, что главная, определяющая черта его — широкое развитие *новой* культуры, *борьба* партии и прогрессивных сил культуры против реакционных, буржуазно-декадентских, идеалистических тенденций. Полное торжество коммунистической идеологии, разгром противника во всех областях культуры — вот итог идейных боев, проведенных Коммунистической партией.

Ленин учил, что политика начинается там, где идет счет на миллионы, где затрагиваются интересы миллионов людей. Задачи культурной работы молодого социалистического государства состояли в том, чтобы дать знания миллионам трудящихся, приобщить их к достижениям культуры, перестроить на новый лад все дело воспитания и образования народных масс. С точки зрения интересов народных масс подходил Ленин и к задачам в области искусства и литературы.

«Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, подымать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их» (657),— говорил Ленин, подчеркивая новый характер и высокую общественную роль искусства.

В связи с новым балетным спектаклем Владимир Ильич говорил в 1920 году: «Я не отрицаю этих и подобных им проявлений общественной культуры,— я их вовсе не недооцениваю. Но, признаюсь, мне больше по душе создание двух-трех начальных школ в захолустных деревнях, чем самый великолепный экспонат на выставке. Подъем общего культурного уровня масс создаст ту твердую, здоровую почву, из которой вырастут мощные, неисчерпаемые силы для развития искусства, науки и техники» (660).

Нельзя ограничиваться самыми прекрасными «экспонатами на выставке». Важно то, что затрагивает и подымает массы, нужно им, оставляет серьезный след в их сознании.

В строительстве нового, указывал Ленин, «достигнутым надо считать только то, что вошло в культуру, в быт, в привычки» (422). Достигнуто только то, что прочно укоренилось в жизни, что реально стало достоянием народа!

Ленин говорил: «Живое творчество масс — вот основной фактор новой общественности... Социализм не создается по указам сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий, есть

создание самих народных масс» [1]. Эти замечательные слова целиком относятся и к культурному строительству.

И Ленин учил с величайшей заботой следить за ростками нового, поддерживать их,— в них залог будущего развития советского общества.

«Дело в поддержке всех и всяческих ростков нового, из которых жизнь отберет самые жизнеспособные» (409).

Но поддерживать новое, передовое — значит бороться с тем, что мешает его росту, не давать сорнякам забивать драгоценные всходы.

Когда Ленин говорил, что каждый художник имеет право творить свободно, согласно своему идеалу, независимо ни от чего, он вместе с тем подчеркивал:

«Но, конечно, мы — коммунисты. Мы не вправе сидеть сложа руки и позволять хаосу распространяться, как ему угодно. Мы должны стремиться к тому, чтобы с ясным сознанием руководить также и этим развитием, чтобы формировать и определять его результаты. Мы еще далеки от этого, очень далеки» (656—657).

Государство и его органы — это великая сила, которая может и должна гибко, тактично, разумно, не вмешиваясь в детали, не опекая по мелочам творческих работников, но ясно видя главное, поддерживать передовое, преодолевать влияние старых ложных представлений, создавать условия для сближения искусства с жизнью народа, для смелых поисков художников, для широкого применения талантов и способностей всех людей искусства. Критикуя методы бюрократического командования и декретирования, было бы глубоко ошибочно стать на путь стихийности, отказа от направляющего руководства в области культуры. Это было бы грубейшим извращением взглядов В. И. Ленина.

Марксистская политика Коммунистической партии и в этих вопросах отчетливо противостоит оппортунистической меньшевистской линии. Стоит напомнить, что в работе К. Каутского «На другой день после социальной революции» доказывалось, будто при социализме не может быть никакого руководящего воздействия на процессы научного и художественного творчества. «Коммунизм в материальном производстве, анархизм — в интеллектуальном — таков... тип социалистического способа производства»,— утверждал Каутский, отдавая развитие культуры во власть слепых законов анархии. Марксизм решительно отвергает это возведение анархической стихийности в руководящий принцип.

В одной из своих последних статей, ставя вопрос о культурных отношениях города и деревни, Ленин подчеркивал своеобразие, которое эти отношения принимают при социализме.

«Город давал деревне при капитализме то, что ее развращало политически, экономически, нравственно, физически и т. п. Город у нас само собой начинает давать деревне прямо обратное. Но все это делается именно само собою, стихийно, и все это может быть усилено (а затем и увеличено во сто крат) внесением сознания, планомерности и систематичности в этой работе» (461).

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 57.

Там, где процессы создания новой культуры «само собой» развиваются в верном направлении, внесение сознательности и планомерности может *усилить, стократно ускорить ход процессов.* Ленин ставит вопрос о том, чтобы *овладеть* стихийно развивающимися процессами, *направлять* их по пути, нужному нам. Нельзя забыть и о влияниях чуждых нам сил: активная борьба с ними необходима, чтобы устранить помехи развитию новой культуры.

Партия всегда стояла на этих позициях. XII съезд партии в своем решении по вопросам пропаганды, агитации и печати записал: «Ввиду того, что за последние два года художественная литература в Советской России выросла в крупную общественную силу, распространяющую свое влияние прежде всего на массы рабоче-крестьянской молодежи, необходимо, чтобы партия поставила в своей практической работе вопрос о руководстве этой формой общественного воздействия на очередь дня» [1].

Эти положения нашли дальнейшее развитие в решениях XIII съезда партии и в резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 года. В резолюции ЦК РКП(б) дается четкий анализ соотношения общественных сил на литературном фронте, определяются задачи партии по отношению к основным группам литераторов. Партия выдвинула задачу завоевания позиций в области художественной литературы, решительно осудив как капитулянтство перед буржуазной литературой, так и «коммунистическое» чванство.

Огромное значение для развития и правильного направления литературы и искусства имело постановление Центрального Комитета партии «О перестройке литературно-художественных организаций» (1932). Ликвидировав особые организации пролетарских писателей, которые способствовали кружковой замкнутости и отрыву писателей от политических задач современности, Центральный Комитет партии принял решение о создании единого союза писателей. Этот союз, во главе с М. Горьким, объединил писателей вокруг задач социалистического строительства.

В результате обобщения большого творческого опыта советской литературы ее художественный метод был определен как метод социалистического реализма.

На путях социалистического реализма советская литература и искусство достигли выдающихся успехов. Когда же в их развитии намечались ложные тенденции, партия указывала на них, давала свои указания по важнейшим вопросам литературы, театра, кино.

Иоганнес Бехер в книге «Власть поэзии» верно сказал:

«Ленинские труды в своей глубине и богатстве дают ответ на все волнующие нас вопросы. Но они дают ответ только тому, кто страстно ищет его и готов сам думать над вопросами, раздумывать над ними и додумывать их до конца. Труды Ленина воспитывают в его учениках самостоятельное, творческое мышление» [2].

---

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», изд. 7-е. М., Госполитиздат, 1954, ч. I, с. 736.

[2] И. Бехер. Любовь моя, поэзия. О литературе и искусстве. М., 1965, с. 300.

Коммунистическая партия занимает активные позиции в области литературы и искусства, творчески, по-ленински решая задачи, встающие на новых этапах развития страны. В последние годы партия много сделала для преодоления извращений в руководстве развитием литературы и искусства, связанных с культом личности Сталина, с тенденциями субъективизма, упрощенчества, мелочной опеки, администрирования в культуре. Задачи советского искусства и литературы на современном этапе их развития определены в Программе КПСС, принятой на XXII съезде партии, в решениях XXIII съезда партии.

«Партия всегда будет поддерживать искусство и литературу, утверждающие веру в наши идеалы, будет вести непримиримую борьбу против всех проявлений чуждой нам идеологии», — указывалось на XXIII съезде партии. Партия сказала, что руководствуется принципом партийности искусства, классового подхода к оценке всего, что делается в области культуры. Вместе с тем было подчеркнуто: «Партия выступает против администрирования и произвольных решений в вопросах искусства и литературы» [1].

Руководить — это значит, глубоко понимая содержание процессов развития, охватывать всю совокупность явлений, указывать дальнейшие пути, исходя из интересов народа, интересов общего дела. Руководить — это значит поддерживать все передовое, смелое, честное, творческое, умело опираться на лучшие силы, помогать этим силам преодолевать отсталые настроения, чуждые и ложные тенденции. Руководить — это не значит командовать, администрировать, как это часто понималось под влиянием культа личности. Руководить — прежде всего это значит увлечь величием и красотой наших идеалов, «пропитать своим духом, зажечь огнем своей инициативы», как учил Ленин [2], внести во все уголки и звенья дух благородного стремления вперед, создать атмосферу творчества и общей заинтересованности. Главное в руководстве — силой коммунистических идей, силой убеждения вести людей в верном направлении, сплачивать их для решения общих задач. В этой работе коммунисты по-товарищески сотрудничают с беспартийными художниками. Мудрые указания В. И. Ленина и сегодня помогают осуществлять направляющее руководство сложным и многогранным процессом художественного творчества.

В самой природе советского общества, в закономерностях его развития заложены неисчерпаемые возможности неуклонного поступательного развития нашей культуры. Мудрость партии, мудрость Ленина учит нас, как полнее и плодотворнее реализовать эти возможности. Вся полувековая история советского общества, весь опыт развития литературы и искусства социалистического реализма подтверждают глубокую правоту ленинских идей.

Служение народу, удовлетворение его растущих духовных потребностей — благородная задача советского искусства и литературы. Идеология марксизма-ленинизма была и остается основой развития советской культуры, литературы и искусства. Всякий отход от этого пути, всякие ревизионистские

---

[1] «Материалы XXIII съезда КПСС». М., 1966, с. 68.
[2] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 403.

попытки «пересмотреть», «подправить» ленинизм означают отступление в болото безыдейности и художественного распада.

Великий Ленин стоял у колыбели советской культуры, литературы и искусства, определял пути их развития, помогал им расти и крепнуть. Советский народ, руководимый Коммунистической партией, достиг за пятьдесят лет выдающихся успехов в области культуры. Деятели культуры, изобразительного искусства, театра, кино, музыки создали много произведений, воплощающих красоту нового общественного строя, о которой Владимир Ильич говорил в дни октябрьских боев. Наше искусство, отражающее новый, социалистический мир, непреклонное движение к коммунизму, стало новым шагом в художественном развитии человечества. Но советское общество ждет от своих художников еще более значительных художественных ценностей.

Великие идеи Ленина и Коммунистической партии ведут к новому, еще большему расцвету культуры, к созданию новых художественных произведений непреходящего значения, достойных прекрасного мира побеждающего коммунизма.

1967

Б. Рюриков

В.И.ЛЕНИН
О ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

ТРИ ИСТОЧНИКА И ТРИ СОСТАВНЫХ ЧАСТИ МАРКСИЗМА [1]

Учение Маркса вызывает к себе во всем цивилизованном мире величайшую вражду и ненависть всей буржуазной (и казенной, и либеральной) науки, которая видит в марксизме нечто вроде «вредной секты». Иного отношения нельзя и ждать, ибо «беспристрастной» социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе. Так или иначе, но *вся* казенная и либеральная наука *защищает* наемное рабство, а марксизм объявил беспощадную войну этому рабству. Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства — такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала.

Но этого мало. История философии и история социальной науки показывают с полной ясностью, что в марксизме нет ничего похожего на «сектантство» в смысле какого-то замкнутого, закостенелого учения, возникшего *в стороне* от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Напротив, вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма.

Учение Маркса всесильно, потому что оно верно. Оно полно и стройно, давая людям цельное миросозерцание, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета. Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма.

На этих трех источниках и вместе с тем составных частях марксизма мы вкратце и остановимся.

I

Философия марксизма есть *материализм*. В течение всей новейшей истории Европы, и особенно в конце XVIII века, во Франции, где разыгралась решительная битва против всяческого средневекового хлама, против крепостничества в учреждениях и в идеях, материализм оказался единственной последовательной философией, верной всем учениям естественных наук, враждебной суевериям, ханжеству и т. п. Враги демократии старались поэтому всеми силами «опровергнуть», подорвать, оклеветать материализм и защищали разные формы философского идеализма, который всегда сводится, так или иначе, к защите или поддержке религии.

Маркс и Энгельс самым решительным образом отстаивали философский материализм и неоднократно разъясняли глубокую ошибочность всяких уклонений от этой основы. Наиболее ясно и подробно изложены их взгляды в сочинениях Энгельса: «Людвиг Фейербах» и «Опровержение Дюринга», которые — подобно «Коммунистическому Манифесту» — являются настольной книгой всякого сознательного рабочего.

Но Маркс не остановился на материализме XVIII века, а двинул философию вперед. Он обогатил ее приобретениями немецкой классической философии, особенно системы Гегеля, которая в свою очередь привела к материализму Фейербаха. Главное из этих приобретений — *диалектика*, т. е. учение о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде, учение об относительности человеческого знания, дающего нам отражение вечно развивающейся материи. Новейшие открытия естествознания — радий, электроны, превращение элементов — замечательно подтвердили диалектический материализм Маркса, вопреки учениям буржуазных философов с их «новыми» возвращениями к старому и гнилому идеализму.

Углубляя и развивая философский материализм, Маркс довел его до конца, распространил его познание природы на познание *человеческого общества*. Величайшим завоеванием научной мысли явился *исторический материализм* Маркса. Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий,— из крепостничества, например, вырастает капитализм.

Точно так же, как познание человека отражает независимо от него существующую природу, т. е. развивающуюся материю, так *общественное познание* человека (т. е. разные взгляды и учения философские, религиозные, политические и т. п.) отражает *экономический строй* общества. Политические учреждения являются надстройкой над экономическим основанием. Мы видим, например, как разные политические формы современных европей-

ских государств служат укреплению господства буржуазии над пролетариатом.

Философия Маркса есть законченный философский материализм, который дал человечеству великие орудия познания, а рабочему классу — в особенности.

II

Признав, что экономический строй является основой, на которой возвышается политическая надстройка, Маркс всего более внимания уделил изучению этого экономического строя. Главный труд Маркса — «Капитал» посвящен изучению экономического строя современного, т. е. капиталистического, общества.

Классическая политическая экономия до Маркса сложилась в Англии — самой развитой капиталистической стране. Адам Смит и Давид Рикардо, исследуя экономический строй, положили начало *трудовой теории стоимости*. Маркс продолжал их дело. Он строго обосновал и последовательно развил эту теорию. Он показал, что стоимость всякого товара определяется количеством общественно-необходимого рабочего времени, идущего на производство товара.

Там, где буржуазные экономисты видели отношение вещей (обмен товара на товар), там Маркс вскрыл *отношение между людьми*. Обмен товаров выражает связь между отдельными производителями при посредстве рынка. *Деньги* означают, что эта связь становится все теснее, неразрывно соединяя всю хозяйственную жизнь отдельных производителей в одно целое. *Капитал* означает дальнейшее развитие этой связи: товаром становится рабочая сила человека. Наемный рабочий продает свою рабочую силу владельцу земли, фабрик, орудий труда. Одну часть рабочего дня рабочий употребляет на то, чтобы покрыть расходы на содержание свое и своей семьи (заработная плата), а другую часть дня рабочий трудится даром, создавая *прибавочную стоимость* для капиталиста, источник прибыли, источник богатства класса капиталистов.

Учение о прибавочной стоимости есть краеугольный камень экономической теории Маркса.

Капитал, созданный трудом рабочего, давит рабочего, разоряя мелких хозяев и создавая армию безработных. В промышленности победа крупного производства видна сразу, но и в земледелии мы видим то же явление: превосходство крупного капиталистического земледелия увеличивается, растет применение машин, крестьянское хозяйство попадает в петлю денежного капитала, падает и разоряется под гнетом отсталой техники. В земледелии — иные формы падения мелкого производства, но самое падение его есть бесспорный факт.

Побивая мелкое производство, капитал ведет к увеличению производительности труда и к созданию монопольного положения союзов крупнейших капиталистов. Самое производство становится

все более общественным,— сотни тысяч и миллионы рабочих связываются в планомерный хозяйственный организм,— а продукт общего труда присваивается горстью капиталистов. Растет анархия производства, кризисы, бешеная погоня за рынком, необеспеченность существования для массы населения.

Увеличивая зависимость рабочих от капитала, капиталистический строй создает великую мощь объединенного труда.

От первых зачатков товарного хозяйства, от простого обмена, Маркс проследил развитие капитализма до его высших форм, до крупного производства.

И опыт всех капиталистических стран, как старых, так и новых, показывает наглядно с каждым годом все большему и большему числу рабочих правильность этого учения Маркса.

Капитализм победил во всем мире, но эта победа есть лишь преддверие победы труда над капиталом.

III

Когда было свергнуто крепостничество и на свет божий явилось «*свободное*» капиталистическое общество,— сразу обнаружилось, что эта свобода означает новую систему угнетения и эксплуатации трудящихся. Различные социалистические учения немедленно стали возникать, как отражение этого гнета и протест против него. Но первоначальный социализм был *утопическим* социализмом. Он критиковал капиталистическое общество, осуждал, проклинал его, мечтал об уничтожении его, фантазировал о лучшем строе, убеждал богатых в безнравственности эксплуатации.

Но утопический социализм не мог указать действительного выхода. Он не умел ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти ту *общественную силу*, которая способна стать творцом нового общества.

Между тем бурные революции, которыми сопровождалось падение феодализма, крепостничества, везде в Европе и особенно во Франции, все нагляднее вскрывали, как основу всего развития и его движущую силу, *борьбу классов*.

Ни одна победа политической свободы над классом крепостников не была завоевана без отчаянного сопротивления. Ни одна капиталистическая страна не сложилась на более или менее свободной, демократической основе, без борьбы не на жизнь, а на смерть между разными классами капиталистического общества.

Гениальность Маркса состоит в том, что он сумел раньше всех сделать отсюда и провести последовательно тот вывод, которому учит всемирная история. Этот вывод есть учение о *классовой борьбе*.

Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фра-

зами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов. Сторонники реформы и улучшений всегда будут одурачиваемы защитниками старого, пока не поймут, что всякое старое учреждение, как бы дико и гнило оно ни казалось, держится силами тех или иных господствующих классов. А чтобы сломить сопротивление этих классов, есть *только одно* средство: найти в самом окружающем нас обществе, просветить и организовать для борьбы такие силы, которые могут — и по своему общественному положению *должны* — составить силу, способную смести старое и создать новое.

Только философский материализм Маркса указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали доныне все угнетенные классы. Только экономическая теория Маркса разъяснила действительное положение пролетариата в общем строе капитализма.

Во всем мире, от Америки до Японии и от Швеции до Южной Африки, множатся самостоятельные организации пролетариата. Он просвещается и воспитывается, ведя свою классовую борьбу, избавляется от предрассудков буржуазного общества, сплачивается все теснее и учится измерять меру своих успехов, закаляет свои силы и растет неудержимо.

Напечатано в марте 1913 г. *П. с. с., т. 23, с. 40—48.*

Из книги

«МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ.

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ОБ ОДНОЙ РЕАКЦИОННОЙ ФИЛОСОФИИ» [2]

...В своем «Людвиге Фейербахе» Энгельс объявляет основными философскими направлениями материализм и идеализм. Материализм берет природу за первичное, дух — за вторичное, на первое место ставит бытие, на второе — мышление. Идеализм поступает обратно. Это коренное различие «двух больших лагерей», на которые делятся философы «различных школ» идеализма и материализма, Энгельс ставит во главу угла, прямо обвиняя в «путанице» тех, кто в ином смысле употребляет выражения идеализм и материализм.

«Высший вопрос всей философии», «великий коренной вопрос всей, в особенности новейшей, философии»,— говорит Энгельс,— есть «вопрос об отношении мышления к бытию, духа — к природе». Разделив философов на «два больших лагеря» по этому основному вопросу, Энгельс указывает, что «есть и другая сторона» основного философского вопроса, именно: «как относятся наши мысли об окружающем нас мире к самому этому миру? В состоянии ли наше мышление познавать действительный мир, можем ли мы в наших представлениях и понятиях о действительном мире составлять верное отражение действительности?» *

«Громадное большинство философов утвердительно решает этот вопрос»,— говорит Энгельс, относя сюда не только всех материалистов, но и самых последовательных идеалистов, например, абсо-

---

* *Fr. Engels.* «L. Feuerbach» etc. (*Фр. Энгельс.* «Л. Фейербах» и т. д.— *Ред.*), 4-е нем. изд., S. 15. Русск. пер., женевское изд. 1905 г., стр. 12—13. Г-н В. Чернов переводит Spiegelbild — «зеркальное отражение», обвиняя Плеханова в том, что он передает теорию Энгельса *«в значительно ослабленном виде»*: говорит-де по-русски просто об «отражении», не о «зеркальном». Это — придирка; Spiegelbild употребляется по-немецки и просто в смысле Abbild (отражение, отображение, образ.— *Ред.*).

лютного идеалиста Гегеля, который считал действительный мир осуществлением некоей предвечной «абсолютной идеи», причем человеческий дух, правильно познавая действительный мир, познает в нем и через него «абсолютную идею».

«Но рядом с этим» (т. е. рядом с материалистами и последовательными идеалистами) «существует ряд других философов, которые оспаривают возможность познания мира или хотя бы исчерпывающего познания. К ним принадлежат среди новейших философов Юм и Кант, и они играли очень значительную роль в философском развитии...» [3].

...Указав на то, что уже Гегель привел «решающие» доводы против Юма и Канта и что Фейербах дополнил эти доводы более остроумными, чем глубокими соображениями, Энгельс продолжает:

«Самое решительное опровержение этих, как и всех прочих философских вывертов (или выдумок, Schrullen), заключается в практике, именно в эксперименте и в индустрии. Если мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем, что сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям, то кантовской неуловимой» (или непостижимой: unfassbaren — это важное слово пропущено и в переводе Плеханова, и в переводе г. В. Чернова) ««вещи-в-себе» приходит конец. Химические вещества, производимые в телах животных и растений, оставались такими «вещами-в-себе», пока органическая химия не стала приготовлять их одно за другим; тем самым «вещь-в-себе» превращалась в «вещь для нас», как, например, ализарин, красящее вещество марены, которое мы получаем теперь не из корней марены, выращиваемой в поле, а гораздо дешевле и проще из каменноугольного дегтя» (стр. 16 назв. соч.) [4]...

...Энгельс прямо и ясно говорит, что возражает и Юму и Канту вместе. Между тем, ни о каких «непознаваемых вещах в себе» у Юма нет и речи. Что же общего у этих двух философов? То, что они *принципиально отгораживают* «явления» от того, что является, ощущение от ощущаемого, вещь для нас от «вещи в себе», причем Юм ничего знать не хочет о «вещи в себе», самую мысль о ней считает философски недопустимой, считает «метафизикой» (как говорят юмисты и кантианцы); Кант же допускает существование «вещи в себе», но объявляет ее «непознаваемой», принципиально отличной от явления, принадлежащей к иной принципиально области, к области «потустороннего» (Jenseits), недоступной знанию, но открываемой вере.

В чем суть возражения Энгельса? Вчера мы не знали, что в каменноугольном дегте существует ализарин. Сегодня мы узнали это. Спрашивается, существовал ли вчера ализарин в каменноугольном дегте?

Конечно, да. Всякое сомнение в этом было бы издевкой над современным естествознанием.

А если да, то отсюда вытекают три важных гносеологических вывода:

1) Существуют вещи независимо от нашего сознания, независимо от нашего ощущения, вне нас, ибо несомненно, что ализарин существовал вчера в каменноугольном дегте, и так же несомненно, что мы вчера ничего не знали об этом существовании, никаких ощущений от этого ализарина не получали.

2) Решительно никакой принципиальной разницы между явлением и вещью в себе нет и быть не может. Различие есть просто между тем, что познано, и тем, что еще не познано, а философские измышления насчет особых граней между тем и другим, насчет того, что вещь в себе находится «по ту сторону» явлений (Кант), или что можно и должно отгородиться какой-то философской перегородкой от вопроса о непознанном еще в той или иной части, но существующем вне нас мире (Юм),— все это пустой вздор, Schrulle, выверт, выдумка.

3) В теории познания, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание*, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным.

Раз вы встали на точку зрения развития человеческого познания из незнания, вы увидите, что миллионы примеров, таких же простых, как открытие ализарина в каменноугольном дегте, миллионы наблюдений не только из истории науки и техники, но из повседневной жизни всех и каждого показывают человеку превращение «вещей в себе» в «вещи для нас», возникновение «явлений», когда наши органы чувств испытывают толчок извне от тех или иных предметов,— исчезновение «явлений», когда то или иное препятствие устраняет возможность воздействия заведомо для нас существующего предмета на наши органы чувств. Единственный и неизбежный вывод из этого,— который делают все люди в живой человеческой практике и который сознательно кладет в основу своей гносеологии материализм,— состоит в том, что вне нас и независимо от нас существуют предметы, вещи, тела, что наши ощущения суть образы внешнего мира...

...Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них. Поэтому говорить о том, что такое понятие может «устареть», есть *младенческий лепет*, есть бессмысленное повторение доводов модной *реакционной* философии. Могла ли устареть за две тысячи лет развития философии борьба идеализма и материализма? Тенденций или линий Платона и Демокрита в философии? Борьба религии и науки? Отрицания объективной истины и признания ее? Борьба сторонников сверхчувственного знания с противниками его?

Вопрос о том, принять или отвергнуть понятие материи, есть вопрос о доверии человека к показаниям его органов чувств, вопрос об источнике нашего познания, вопрос, который ставился и обсуждался с самого начала философии, вопрос, который может быть переряжен на тысячи ладов клоунами-профессорами, но который не может устареть, как не может устареть вопрос о том, является ли источником человеческого познания зрение и осязание, слух и обоняние. Считать наши ощущения образами внешнего мира — признавать объективную истину — стоять на точке зрения материалистической теории познания,— это одно и то же...

...Итак, человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания...

...С точки зрения современного материализма, т. е. марксизма, исторически условны *пределы* приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но *безусловно* существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней. Исторически условны контуры картины, но безусловно то, что эта картина изображает объективно существующую модель. Исторически условно то, когда и при каких условиях мы подвинулись в своем познании сущности вещей до открытия ализарина в каменноугольном дегте или до открытия электронов в атоме, но безусловно то, что каждое такое открытие есть шаг вперед «безусловно объективного познания». Одним словом, исторически условна всякая идеология, но безусловно то, что всякой научной идеологии (в отличие, например, от религиозной) соответствует объективная истина, абсолютная природа. Вы скажете: это различение относительной и абсолютной истины неопределенно. Я отвечу вам: оно как раз настолько «неопределенно», чтобы помешать превращению науки в догму в худом смысле этого слова, в нечто мертвое, застывшее, закостенелое, но оно в то же время как раз настолько «определенно», чтобы отмежеваться самым решительным и бесповоротным образом от фидеизма и от агностицизма, от философского идеализма и от софистики последователей Юма и Канта...

...Диалектика,— как разъяснял еще Гегель,— *включает в себя* момент релятивизма, отрицания, скептицизма, но *не сводится* к релятивизму. Материалистическая диалектика Маркса и Энгельса безусловно включает в себя релятивизм, но не сводится к нему, т. е. признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине...

...Точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания. И она приводит неизбежно к материализму, отбрасывая с порога бесконечные измышления профессорской схоластики. Конечно, при этом не надо забывать, что критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий тоже настолько «неопределенен», чтобы не позволять знаниям человека превратиться в «абсолют», и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма...

...Наши махисты, желающие быть марксистами, набросились с особенной радостью на плехановские «иероглифы», т. е. на теорию, по которой ощущения и представления человека представляют из себя не копии действительных вещей и процессов природы, не изображения их, а условные знаки, символы, иероглифы и т. п. Базаров высмеивает этот иероглифический материализм, и необходимо отметить, что *он был бы прав*, если бы отвергал материализм иероглифический в пользу *материализма* неиероглифического. Но Базаров употребляет здесь опять-таки фокуснический прием, провозя контрабандой свое отречение от материализма под флагом критики «иероглифизма». Энгельс не говорит ни о символах, ни о иероглифах, а о копиях, снимках, изображениях, зеркальных отображениях вещей. Вместо того, чтобы показать ошибочность плехановского отступления от формулировки материализма Энгельсом, Базаров заслоняет от читателей ошибкой Плеханова истину Энгельса...

...Общественное бытие и общественное сознание не тождественны,— совершенно точно так же, как не тождественно бытие вообще и сознание вообще. Из того, что люди, вступая в общение, вступают в него, как сознательные существа, никоим образом *не следует*, чтобы общественное сознание было тождественно общественному бытию. Вступая в общение, люди во всех сколько-нибудь сложных общественных формациях — и особенно в капиталистической общественной формации — *не сознают* того, какие общественные отношения при этом складываются, по каким законам они развиваются и т. д. Например, крестьянин, продавая хлеб, вступает в «общение» с мировыми производителями хлеба на всемирном рынке, но он не сознает этого, не сознает и того, какие общественные отношения складываются из обмена. Общественное сознание *отражает* общественное бытие — вот в чем состоит учение Маркса. Отражение может быть верной приблизительно копией отражаемого, но о тождестве тут говорить нелепо. Сознание вообще *отражает* бытие,— это общее положение *всего* материализма. Не видеть его

прямой и *неразрывной* связи с положением исторического материализма: общественное сознание *отражает* общественное бытие — невозможно...

...Каждый отдельный производитель в мировом хозяйстве сознает, что он вносит такое-то изменение в технику производства, каждый хозяин сознает, что он обменивает такие-то продукты на другие, но эти производители и эти хозяева не сознают, что они изменяют этим *общественное бытие*. Сумму всех этих изменений во всех их разветвлениях не могли бы охватить в капиталистическом мировом хозяйстве и 70 Марксов. Самое большее, что открыты *законы* этих изменений, показана в главном и в основном *объективная* логика этих изменений и их исторического развития,— объективная не в том смысле, чтобы общество сознательных существ, людей, могло существовать и развиваться независимо от существования сознательных существ (только эти пустяки и *подчеркивает* своей «теорией» Богданов), а в том смысле, что общественное бытие *независимо* от *общественного сознания* людей. Из того, что вы живете и хозяйничаете, рожаете детей и производите продукты, обмениваете их, складывается объективно необходимая цепь событий, цепь развития, независимая от вашего *общественного* сознания, не охватываемая им полностью никогда. Самая высшая задача человечества — охватить эту объективную логику хозяйственной эволюции (эволюции общественного бытия) в общих и основных чертах с тем, чтобы возможно более отчетливо, ясно, критически приспособить *к ней* свое общественное сознание и сознание передовых классов всех капиталистических стран.

Все это Богданов признает. Значит? Значит, его теория «тождества общественного бытия и общественного сознания» *на деле* выкидывается им за борт, оставаясь пустым схоластическим привеском,— таким же пустым, мертвым и никчемным, как «теория всеобщей подстановки» или учение об «элементах», «интроекции» и весь прочий махистский вздор. Но «мертвый хватает живого», мертвый схоластический привесок *против воли и независимо от сознания* Богданова превращает его философию в *служебное орудие* Шубертов-Зольдернов и прочих реакционеров, которые на тысячи ладов с сотни профессорских кафедр распространяют *вот это самое* мертвое за живое, против живого, с целью задушить живое. Богданов лично — заклятый враг всякой реакции и буржуазной реакции в частности. Богдановская «подстановка» и теория «тождества общественного бытия и общественного сознания» *служит* этой реакции. Это — печальный факт, но факт.

Материализм вообще признает объективно реальное бытие (материю), независимое от сознания, от ощущения, от опыта и т. д. человечества. Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества. Сознание и там и тут есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально точное) его отраже-

ние. В этой философии марксизма, вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной истины, не падая в объятия буржуазно-реакционной лжи...

...В течение всего предыдущего изложения, на каждом из затронутых нами вопросов гносеологии, на каждом философском вопросе, поставленном новой физикой, мы прослеживали борьбу *материализма* и *идеализма*. За кучей новых терминологических ухищрений, за сором гелертерской схоластики всегда, без исключения, мы находили *две* основные линии, два основных направления в решении философских вопросов. Взять ли за первичное природу, материю, физическое, внешний мир — и считать вторичным сознание, дух, ощущение (— опыт, по *распространенной* в наше время терминологии), психическое и т. п., вот тот коренной вопрос, который *на деле* продолжает разделять философов *на два большие лагеря*. Источник тысяч и тысяч ошибок и путаницы в этой области состоит именно в том, что за внешностью терминов, дефиниций, схоластических вывертов, словесных ухищрений *просматривают* эти две основные тенденции (Богданов, например, не хочет признать своего идеализма, потому что вместо «метафизических», видите ли, понятий: «природа» и «дух» он взял «опытные»: физическое и психическое. Словечко изменил!).

Гениальность Маркса и Энгельса состоит как раз в том, что в течение очень долгого периода, *почти полустолетия*, они развивали материализм, двигали вперед одно основное направление в философии, не топтались на повторении решенных уже гносеологических вопросов, а проводили последовательно,— показывали, *как* надо проводить *тот же* материализм в области общественных наук, беспощадно отметая, как сор, вздор, напыщенную претенциозную галиматью, бесчисленные попытки «открыть» «новую» линию в философии, изобрести «новое» направление и т. д. Словесный характер подобных попыток, схоластическую игру в новые философские «измы», засорение сути вопроса вычурными ухищрениями, неумение понять и ясно представить борьбу двух коренных гносеологических направлений,— вот что преследовали, травили Маркс и Энгельс в течение всей своей деятельности.

Мы сказали: почти полустолетия. В самом деле, еще в 1843 году, когда Маркс только еще становился Марксом, т. е. основателем социализма, как науки, основателем *современного материализма*, неизмеримо более богатого содержанием и несравненно более последовательного, чем все предыдущие формы материализма,— еще в то время Маркс с поразительной ясностью намечал коренные линии в философии. К. Грюн приводит письмо Маркса к Фейербаху от 20-го октября 1843 года [5], где Маркс приглашает Фейербаха написать статью в «Deutsch-Französische Jahrbücher» [6] против Шеллинга. Этот Шеллинг — пустой хвастун,— пишет Маркс,— со своими

претензиями обнять и превзойти все прежние философские направления. «Французским романтикам и мистикам Шеллинг говорит: я — соединение философии и теологии; французским материалистам: я — соединение плоти и идеи; французским скептикам: я — разрушитель догматики» *. Что «скептики», называются ли они юмистами или кантианцами (или махистами, в XX веке), кричат против «догматики» и материализма и идеализма, Маркс видел уже тогда и, не давая отвлечь себя одной из тысячи мизерных философских системок, он сумел через Фейербаха прямо встать на материалистическую дорогу против идеализма. Тридцать лет спустя, в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала», Маркс так же ясно и отчетливо противополагает *свой материализм* гегелевскому, т. е. самому последовательному, самому развитому *идеализму*, презрительно отстраняя контовский «позитивизм» и объявляя жалкими эпигонами современных философов, которые мнят, что уничтожили Гегеля, на деле же вернулись к повторению догегелевских ошибок Канта и Юма. В письме к Кугельману от 27-го июня 1870 г. Маркс так же презрительно третирует «Бюхнера, Ланге, Дюринга, Фехнера и т. д.» за то, что они не сумели понять диалектики Гегеля и относятся к нему с пренебрежением **. Возьмите, наконец, отдельные философские замечания Маркса в «Капитале» и в других сочинениях,— вы увидите *неизменный* основной мотив: настаивание на *материализме* и презрительные насмешки по адресу всякого затушевывания, всякой путаницы, всяких отступлений к *идеализму*. В этих двух коренных противоположениях вращаются *все* философские замечания Маркса — с точки зрения профессорской философии, в этой «узости» и «односторонности» и состоит их недостаток. На деле в этом нежелании считаться с ублюдочными проэктами примирения материализма и идеализма состоит величайшая заслуга Маркса, шедшего *вперед* по резко-определенному философскому пути.

Вполне в духе Маркса и в тесном сотрудничестве с ним Энгельс во всех своих философских работах коротко и ясно противополагает по *всем* вопросам материалистическую и идеалистическую линию, не беря всерьез ни в 1878, ни в 1888, ни в 1892 годах [9] бесконечных потуг «превзойти» «односторонность» материализма и идеализма, провозгласить *новую* линию, какой бы то ни было «позитивизм», «реализм» или прочий профессорский шарлатанизм. Всю борьбу с Дюрингом Энгельс провел *целиком* под лозунгом последовательно-

---

* *Karl Grün.* «Ludwig Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlaß, sowie in seiner philosophischen Charakterentwicklung», I. Bd., Lpz., 1874, S. 361 (*Карл Грюн.* «Людвик Фейербах, его переписка и литературное наследство, а также анализ его философского развития», т. I. Лейпциг, 1874, стр. 361.—*Ред.*).

** Про позитивиста Бизли (Beesly) Маркс говорит в письме от 13 декабря 1870 г.: «как последователь Конта, он не может не выкидывать всяких вывертов» (crotchets) [7]. Сравните с этим оценку Энгельсом в 1892 г. позитивистов à la Гексли [8].

Библиотечная книга

го проведения материализма, обвиняя материалиста Дюринга за словесное засорение сути дела, за фразу, за приемы рассуждения, выражающие собой уступку идеализму, переход на позицию идеализма. Либо последовательный до конца материализм, либо ложь и путаница философского идеализма,— вот та постановка вопроса, которая дана в *каждом параграфе* «Анти-Дюринга» и не заметить которой могли только люди с мозгами, подпорченными уже реакционной профессорской философией. И вплоть до 1894 года, когда написано последнее предисловие к пересмотренному автором и дополненному последний раз «Анти-Дюрингу», Энгельс, продолжая следить и за новой философией, и за новым естествознанием, продолжал с прежней решительностью настаивать на своей ясной и твердой позиции, отметая сор новых систем и системок.

Что Энгельс следил за новой философией, видно из «Людвига Фейербаха». В предисловии 1888 года говорится даже о таком явлении, как возрождение классической немецкой философии в Англии и в Скандинавии, о господствующем же неокантианстве и юмизме у Энгельса нет (и в предисловии, и в тексте книги) других слов, кроме самого крайнего презрения. Совершенно очевидно, что Энгельс, наблюдая повторение *модной* немецкой и английской философией старых, догегелевских, ошибок кантианства и юмизма, готов был ждать добра даже *от поворота* (в Англии и в Скандинавии) *к Гегелю*, надеясь, что крупный идеалист и диалектик поможет узреть мелкие идеалистические и метафизические заблуждения.

Не вдаваясь в рассмотрение громадного количества оттенков неокантианства в Германии и юмизма в Англии, Энгельс отвергает *с порога* основное отступление их от материализма. Энгельс объявляет *все направление* и той и другой школы «*научным шагом назад*». И как он оценивает несомненно «позитивистскую», с точки зрения ходячей терминологии, несомненно «реалистическую» тенденцию этих новокантианцев и юмистов, из которых, например, он не мог не знать Гексли? Тот «позитивизм» и тот «реализм», который прельщал и прельщает бесконечное число путаников, Энгельс объявлял *в лучшем случае филистерским приемом тайком протаскивать материализм*, публично разнося его и отрекаясь от него! Достаточно хоть капельку подумать над *такой* оценкой Т. Гексли, самого крупного естествоиспытателя и несравненно более реалистичного реалиста и позитивного позитивиста, чем Мах, Авенариус и К°,— чтобы понять, с каким презрением встретил бы Энгельс теперешнее увлечение кучки марксистов «новейшим позитивизмом» или «новейшим реализмом» и т. п.

Маркс и Энгельс от начала и до конца были партийными в философии, умели открывать отступления от материализма и поблажки идеализму и фидеизму во всех и всяческих «новейших» направлениях. Поэтому *исключительно* с точки зрения выдержанности материализма оценивали они Гексли. Поэтому Фейербаха упрекали они за то, что он не провел материализма до конца,— за то, что он отрекался от материализма из-за ошибок отдельных материалис-

тов,— за то, что он воевал с религией в целях подновления или сочинения новой религии,— за то, что он не умел в социологии отделаться от идеалистической фразы и стать материалистом...

...Несчастье русских махистов, вздумавших «примирять» махизм с марксизмом, в том и состоит, что они доверились раз реакционным профессорам философии и, доверившись, покатились по наклонной плоскости. Приемы сочинения разных попыток развить и дополнить Маркса были очень нехитры. Прочтут Оствальда, поверят Оствальду, перескажут Оствальда, назовут это марксизмом. Прочтут Маха, поверят Маху, перескажут Маха, назовут это марксизмом. Прочтут Пуанкаре, поверят Пуанкаре, перескажут Пуанкаре, назовут это марксизмом! *Ни единому* из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, *нельзя верить ни в едином слове*, раз речь заходит о философии. Почему? По той же причине, по которой *ни единому* профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить *ни в одном слове*, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя — такая же *партийная* наука в современном обществе, как и *гносеология*. В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые приказчики теологов.

Задача марксистов и тут и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков),— и *уметь* отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов. Вот этого-то и не сумели наши махисты, *рабски* следующие за реакционной профессорской философией. «Может быть, мы заблуждаемся, но мы ищем»,— писал от имени авторов «Очерков» [10] Луначарский.— Не *вы* ищете, а *вас ищут*, вот в чем беда! Не вы подходите с вашей, т. е. марксистской (ибо вы желаете быть марксистами), точки зрения к каждому повороту буржуазно-философской моды, а к вам подходит эта мода, вам навязывает она свои новые подделки во вкусе идеализма, сегодня à la Оствальд, завтра à la Мах, послезавтра à la Пуанкаре. Те глупенькие «теоретические» ухищрения (с «энергетикой», с «элементами», «интроекцией» и т. п.), которым вы наивно верите, остаются в пределах узенькой, миниатюрной школки, а идейная и *общественная тенденция* этих ухищрений улавливается сразу Уордами, неокритицистами, имманентами, Лопатиными, прагматистами и *служит свою службу*. Увлечение эмпириокритицизмом и «физическим» идеализмом так же быстро проходит, как увлечение неокантианством и «физиологическим» идеализмом, а фидеизм с каждого такого увлечения берет себе добычу, на тысячи ладов видоизменяя свои ухищрения в пользу философского идеализма.

Отношение к религии и отношение к естествознанию превосходно иллюстрирует это *действительное* классовое использование буржуазной реакцией эмпириокритицизма.

Возьмите первый вопрос. Не полагаете ли вы, что это случайность, если в коллективном труде *против* философии марксизма Луначарский договорился до «обожествления высших человеческих потенций», до «религиозного атеизма» * и т. п.? Если вы полагаете так, то исключительно в силу того, что русские махисты неверно осведомили публику насчет *всего* махистского течения в Европе и отношения этого течения к религии. Не только нет в этом отношении ничего подобного отношению Маркса, Энгельса, И. Дицгена, даже Фейербаха, а есть *прямо обратное*, начиная с заявлений Петцольдта: эмпириокритицизм «не противоречит ни теизму, ни атеизму» («Einführung in die Philosophie der reinen Erfahrung» **, I, 351) или Маха — «религиозные мнения частное дело» (фр. пер., р. 434) и кончая *прямым фидеизмом*, прямым *черносотенством* и Корнелиуса, который расхваливает Маха и которого расхваливает Мах, и Каруса, и всех имманентов. Нейтральность *философа* в этом вопросе *уже есть* лакейство пред фидеизмом, а дальше нейтральности не поднимаются и не могут подняться Мах и Авенариус в силу исходных пунктов своей гносеологии.

Раз вы отрицаете объективную реальность, данную нам в ощущении, вы уже потеряли всякое оружие против фидеизма, ибо вы уже скатились к агностицизму или субъективизму, а это для него только и нужно. Если чувственный мир есть объективная реальность,— всякой другой «реальности» или квазиреальности (вспомните, что Базаров поверил «реализму» имманентов, объявляющих бога «реальным понятием») закрыта дверь. Если мир есть движущаяся материя,— ее можно и должно бесконечно изучать в бесконечно сложных и детальных проявлениях и разветвлениях *этого* движения, движения *этой* материи, но вне ее, вне «физического», внешнего мира, знакомого всем и каждому, ничего быть не может. И вражда к материализму, тучи клевет на материалистов,— все это в цивилизованной и демократической Европе порядок дня. Все это продолжается до сих пор. Все это *скрывается* от публики русскими махистами, которые *ни единого раза* не попытались просто даже сопоставить выходок против материализма Маха, Авенариуса, Петцольдта и К° с заявлениями *в пользу* материализма Фейербаха, Маркса, Энгельса, И. Дицгена.

Но «укрывательство» отношений Маха и Авенариуса к фидеизму ничему не поможет. Факты говорят за себя. Никакие усилия в мире не оторвут этих реакционных профессоров от того позорного столба, к которому пригвоздили их поцелуи Уорда, неокритици-

---

* «Очерки», стр. 157, 159. В «Заграничной Газете» тот же автор говорит о «научном социализме в его религиозном значении» (№ 3, стр. 5), а в «Образовании», 1908, № 1, стр. 164, он прямо пишет: «Давно зреет во мне новая религия...» [II].

** — «Введение в философию чистого опыта».— *Ред.*

стов, Шуппе, Шуберта-Зольдерна, Леклера, прагматистов и т. д. И влияние названных сейчас лиц, как философов и профессоров, распространенность их идей в «образованной», т. е. буржуазной, публике, специальная литература, созданная ими, вдесятеро шире и богаче, чем специальная школка Маха и Авенариуса. Школка служит, кому надо. Школкой пользуются, как надо.

Позорные вещи, до которых опустился Луначарский,— не исключение, а порождение эмпириокритицизма, и русского, и немецкого. Нельзя защищать их «хорошими намерениями» автора, «особым смыслом» его слов: будь это прямой и обычный, т. е. непосредственно фидеистический смысл, мы не стали бы и разговаривать с автором, ибо не нашлось бы, наверное, ни одного марксиста, для которого подобные заявления *не* приравнивали бы *всецело* Анатолия Луначарского к Петру Струве. Если этого нет (а этого *еще* нет), то исключительно потому, что мы видим «особый» смысл и *воюем, пока еще есть почва* для товарищеской войны. В том-то и позор заявлений Луначарского, что он *мог* связать их с своими «хорошими» намерениями. В том-то и зло его «теории», что она допускает *такие* средства или *такие* выводы в осуществление благих намерений. В том-то и беда, что «благие» намерения остаются *в лучшем случае* субъективным делом Карпа, Петра, Сидора, а *общественное значение* подобных заявлений безусловно и неоспоримо, и никакими оговорками и разъяснениями ослаблено быть не может.

Надо быть слепым, чтобы не видеть идейного родства между «обожествлением высших человеческих потенций» Луначарского и «всеобщей подстановкой» психического под всю физическую природу Богданова. Это — одна и та же мысль, выраженная в одном случае преимущественно с точки зрения эстетической, в другом — гносеологической. «Подстановка», *молча* и с другой стороны подходя к делу, *уже обожествляет* «высшие человеческие потенции», отрывая «психическое» от человека и подставляя необъятно расширенное, абстрактное, божественно-мертвое, «психическое вообще» под *всю физическую природу*. А «Логос» Юшкевича, вносимый «в иррациональный поток данного»?

Коготок увяз — всей птичке пропасть. А наши махисты все увязли в идеализме, т. е. ослабленном, утонченном фидеизме, увязли с того самого момента, как взяли «ощущение» не в качестве образа внешнего мира, а в качестве особого «элемента». Ничье ощущение, ничья психика, ничей дух, ничья воля,— к этому неизбежно скатиться, если не признавать материалистической теории *отражения* сознанием человека объективно-реального внешнего мира...

Написано в феврале — октябре 1908 г. *П. с. с., т. 18, с. 98—99, 100, 101—103, 131—132, 137, 138—139, 145—146, 244—245, 343, 345—346, 356—360, 363—367.*

ЗАМЕЧАНИЯ НА КНИГЕ В. ШУЛЯТИКОВА «ОПРАВДАНИЕ КАПИТАЛИЗМА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ. ОТ ДЕКАРТА ДО Э. МАХА». МОСКВА, 1908

sic!

[5—10] В интеллигентских кругах установилось традиционное отношение к философии... Философские идеи представляются слишком мало и слишком слабо связанными с какой бы то ни было классовой подпочвой...

Того же взгляда придерживаются весьма и весьма многие марксисты. Они убеждены, что в рядах пролетарского авангарда допустимо пестрое разнообразие философских воззрений, что не имеет большого значения, исповедуют ли идеологи пролетариата материализм или энергетику, неокантианство или махизм...

Придерживаться изложенного взгляда значит впадать в наивную, прискорбнейшую ошибку... Все без остатка философские термины и формулы, с которыми она (философия.— *Ред.*) оперирует, ...служат [ей] для обозначения общественных классов, групп, ячеек и их взаимоотношений. Имея дело с философской системой того или другого буржуазного мыслителя, мы имеем дело с картиной классового строения общества, нарисованной помощью условных знаков и воспроизводящей социальное profession de foi * известной буржуазной группы...

V неверно

неверно!

Нельзя принимать эти картины за нечто такое, что можно было бы утилизировать и согласовать с пролетарским мировоззрением. Это значило бы впадать в оппортунизм, пытаться сочетать несочетаемое...

...Первый, блестящий опыт подобной переоценки имел место еще несколько лет тому назад. Статья тов. А. Богданова «Авторитарное мышление» ** открывает, несомненно, новую эру в истории философии: после появления этой статьи, спекулятивная философия потеряла право оперировать со своими двумя основными понятиями «духа» и «тела»; было установлено, что последние сложились на фоне авторитарных отношений и антитеза между ними отразила социальную антитезу — антитезу организующих «верхов» и исполнительских «низов». С изумительной последовательностью буржуазная критика замалчивала работу русского марксиста...

sic!

!!

экий вздор!

---

* — символ веры, программа, изложение миросозерцания.— *Ред.*

** Помещена в сборнике его статей «Из психологии общества».

* * *

[11—14] Производственные отношения «авторитарного» общества... Первобытный «дикарь» всюду начинает усматривать проявление организаторской воли. «...Исполнитель доступен внешним чувствам — это физиологический организм, тело; организатор им недоступен, он предполагается внутри тела; это — духовная личность»...

??

вот и ясен вздор!!

Беллетристика и голая фраза.

Очень уже „обще"!! Фразы. Дикарь и первобытный коммунизм смазаны. Материализм и идеализм в Греции тоже.

* * *

[15—17] Средневековый ремесленник, будучи организатором, в то же время выполнял и исполнительские функции — работал вместе со своими подмастерьями. Мануфактурист-буржуа знает функции только одного типа: он — организатор чистой воды. В первом случае почва для того дуалистического «способа представления фактов», который выяснил тов. Богданов, правда, дана, но все же антитеза организатора и исполнителя несколько завуалирована, и потому соответствующая ей, в области идеологии, антитеза духовного и телесного, активного и пассивного начала не могла вылиться в резкую форму...

экий вздор

* * *

[21—24] В XVII в., в дни своих «бурных стремлений», английская буржуазия проповедовала учение, согласно которому все в мире должно объясняться как движение материальных частиц, совершающееся с механической необходимостью. Английская буржуазия закладывала тогда фундамент крупнокапиталистического хозяйства... Весь мир изображался ими в виде организации материальных частиц, соединяющихся согласно имманентным законам...

В этом опошлении истории философии совсем забыта борьба буржуазии с феодализмом.

Подобными же трактатами наводняла книжный рынок французская буржуазия во вторую половину XVIII ст. ...А что такое внутреннее строение предприятий, мы знаем: это царство материи и механических процессов. Отсюда обобщение: человек — это машина, природа — это машина...

не отсюда

X) Движение материи обусловливается ею самой, точнее, ее собственной силой (Гольбах). Организаторская воля опять, как видите, весьма преобразилась, но наличность ее констатируется и признается безусловно необходимой.

? > ...Мануфактурпсты [не] выступали в качестве революционных «штурм-унд-дренгеров»...

X) А их борьба с поповщиной? Исказил историю Шулятиков!

* * *

[25—29] Организуемые *нуждаются* в организаторе...

NB
экий вздор!
пролетариат = материя

Промежуточные организаторские звенья — «индивидуальные души» могут выполнять свою организаторскую роль лишь при наличности верховного организаторского центра. Лишь последний приводит их в соприкосновение с пролетариатом — «материей» — в рамках организованного целого, мануфактурной мастерской...

вздор

Декартово понятие о человеке есть не что иное, как дальнейшее распространение определенной формы мышления, «определенного способа представления фактов, определенного типа их соединения в психике». Мы видели, что мир, в системе Декарта, организован по типу мануфактурного предприятия...

* * *

ребячество

Спинозовское миропонимание — песнь торжествующего капитала,— капитала, все поглощающего, все централизующего. Вне единой субстанции нет бытия, нет вещей: вне крупного, мануфактурного предприятия производители существовать не могут...

* * *

фразерство

[45] Бог Лейбница — собственник образцово поставленного предприятия и сам превосходный организатор...

* * *

[51] Периоду Sturm und Drang'a * английской капиталистической буржуазии отвечал 1) материализм Гоббса. Почва для мануфактуры расчищена, для мануфактуристов наступают 2) более спокойные времена: материализм Гоббса сме-

* — бури и натиска.— *Ред.*

вается половинчатой системой Локка. Дальнейшее укрепление позиции мануфактуры обусловливает возможность антиматериалистических выступлений.

объяснил! 3) Материализм примитивный à la *Loria*

[56] «Притяжение и отталкивание рабочих должно производиться без всяких препятствий»: в воспринимаемых комплексах никаких решительно абсолютных элементов нет. Все — относительно.

а релятивизм у греков

* * *

[61] Родство же его со всеми фигурировавшими в предыдущих главах мыслителями несомненно...

глухо и неточно

Позиция философского скептицизма, занятая Юмом, отвечает именно подобному представлению о капиталистическом организме. ×

Вали в кучу! и идеализм и скептицизм, все „отвечает" × мануфактуре! Прост, очень прост т. Шулятиков.

* * *

[98—99] Нововведение, сделанное Гегелем, подчеркивает следующий факт из области «реальных» отношений. Дифференциация функций и ролей в мануфактуре достигает своего maximum'а. Идет |расслоение| каждой отдельной исполнительской и каждой отдельной организаторской группы. Функции, принадлежавшие какой-либо одной определенной группе, распределяются между различными, вновь образующимися группами. Каждая группа дробится, выделяет из себя новые. И идеолог мануфактуристов учитывает этот процесс дробления, как процесс *внутреннего развития* того или иного «начала»...

экий вздор!

* * *

[100—102] Материя реабилитируется. Буржуазное общество вводит культ нового кумира — «среды»... Правда, при этом не упускается из виду, что, как-никак, материя остается материей, т. е. организуемой массой, и как таковая существовать без «руководителя» не может. И к материи прикомандировывается в качестве специалиста по части организаторских обязанностей «сила». Пишутся трактаты о Stoff und Kraft (о «материи и силе»)...

× экий вздор! ×

* * *

вздор

[113—114] В области философии о подобном уравнивании промежуточных организаторских звеньев и представителей «физического» труда, «низших исполнителей» говорит именно стремление охарактеризовать «субъект» и «объект», «психическое» и «физическое» как нечто, составляющее «*нераздельное*» целое, стремление свести антитезу между названными явлениями к познавательной фикции. Учение Авенариуса о принципиальной координации, учение Эрнста Маха об отношении психического к физическому, учение Вундта о представлениях — объектах — все это учения одного порядка...

это *верно*, но не так *сказано*

* * *

Конечно, но из этого не следует, что функциональность не может быть *видом* причинности.

[133—142] Вывод Геффдинга следует, в общем, признать правильным. Неудачна лишь его ссылка на «мотивы целесообразности»: мотивы эти туманны и неопределенны.

* * *

Вся книга — пример безмерного опошления материализма. Вместо конкретного анализа периодов, формаций, идеологий *голая фраза* об „организаторах“ и до смешного натянутые, до нелепости неверные сопоставления.

Карикатура на материализм в *истории*.

А жаль, ибо есть стремление к материализму.

Написано не ранее 1908 г.

П. с. с., т. 29, с. 459—460, 460—461, 462, 463—464, 465, 466, 467, 468—469, 471, 474.

К ВОПРОСУ О ДИАЛЕКТИКЕ [12]

Раздвоение единого и познание противоречивых частей его (см. цитату из Филона о Гераклите в начале III части („О познании“) Лассалевского „Гераклита“ [13]) есть *суть* (одна из „сущностей“, одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики. Так именно ставит вопрос и Гегель (Аристотель в своей „Метафизике“ постоянно *бьется* около этого и *борется* с Гераклитом respective * с гераклитовскими идеями [14]).

Правильность этой стороны содержания диалектики должна быть проверена историей науки. На эту сторону диалектики обыч-

* — соответственно.— *Ред.*

но (например, у Плеханова) обращают недостаточно внимания: тождество противоположностей берется как сумма *примеров* „например, зерно"; „например, первобытный коммунизм". Тоже у Энгельса. Но это „для популярности"..., а не как *закон познания* (*и* закон объективного мира).

В математике + и —. Дифференциал и интеграл.
» механике действие и противодействие.
» физике положительное и отрицательное электричество.
» химии соединение и диссоциация атомов.
» общественной науке классовая борьба.

Тождество противоположностей („единство" их, может быть, вернее сказать? хотя различие терминов тождество и единство здесь не особенно существенно. В известном смысле оба верны) есть признание (открытие) противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций во *всех* явлениях и процессах природы (и духа и общества *в том числе*). Условие познания всех процессов мира в их *„самодвижении"*, в их спонтанейном развитии, в их живой жизни, есть познание их как единства противоположностей. Развитие есть „борьба" противоположностей. Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, *и* развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними).

При первой концепции движения остается в тени *самодвижение*, его *двигательная* сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится *во вне* — бог, субъект etc.). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание *источника „само"*движения.

Первая концепция мертва, бледна, суха. Вторая — жизненна. *Только* вторая дает ключ к „самодвижению" всего сущего; только она дает ключ к „скачкам", к „перерыву постепенности", к „превращению в противоположность", к уничтожению старого и возникновению нового.

Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение.

NB: отличие субъективизма (скептицизма и софистики etc.) от диалектики, между прочим, то, что в (объективной) диалектике относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным. Для объективной диалектики *в* релятивном *есть* абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное.

У Маркса в „Капитале" сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиар-

ды раз встречающееся, *отношение* буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой „клеточке" буржуазного общества) *все* противоречия (respective зародыши *всех* противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (*и* рост *и* движение) этих противоречий и этого общества, в Σ * его отдельных частей, от его начала до его конца.

Таков же должен быть метод изложения (respective изучения) диалектики вообще (ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики). Начать с самого простого, обычного, массовидного etc., с *предложения* **любого:** листья дерева зелены; Иван есть человек; Жучка есть собака и т. п. Уже здесь (как гениально заметил Гегель) есть *диалектика:* **отдельное есть** *общее* (ср. Aristoteles, Metaphysik, пер. Швеглера. Bd. II, S. 40, 3. Buch, 4. Kapitel, 8—9: „denn natürlich kann man nicht der Meinung sein, daß es ein Haus — дом вообще — gebe außer den sichtbaren Häusern", „οὐ γὰρ ἂν δοκῶμεν εἶναί τινα οἰκίαν παρὰ τὰς τινὰς οἰκίας"**). Значит, противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны: отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д. *Уже здесь* есть элементы, зачатки понятия *необходимости*, объективной связи природы etc. Случайное и необходимое, явление и сущность имеются уже здесь, ибо говоря: Иван есть человек, Жучка есть собака, *это* есть лист дерева и т. д., мы *отбрасываем* ряд признаков как *случайные*, мы отделяем существенное от являющегося и противополагаем одно другому.

Таким образом в *любом* предложении можно (и должно), как в „ячейке" („клеточке"), вскрыть зачатки *всех* элементов диалектики, показав таким образом, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика. А естествознание показывает нам (и опять-таки это надо показать на *любом* простейшем примере) объективную природу в тех же ее качествах, превращение отдельного в общее, случайного в необходимое, переходы, переливы, взаимную связь противоположностей. Диалектика *и есть* теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую „сторону" дела (это не „сторона" дела, а *суть* дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах.

---

* — в сумме.— *Ред.*

** — *Аристотель*, Метафизика, пер. Швеглера, Т. II, стр. 40, 3-я книга, 4-я глава, 8—9: «мы не можем ведь принять, что есть некий дом (вообще) наряду с отдельными домами».— *Ред.*

* * *

Познание в виде ряда кругов представляет и Гегель (см. Логику) — и современный „гносеолог" естествознания, эклектик, враг гегелевщины (коей он не понял!) Paul Volkmann (см. его „Erkenntnistheoretische Grundzüge", S.).

„Круги" в философии: обязательна ли хронология насчет *лиц?* Нет!

Античная: от Демокрита до Платона и диалектики Гераклита.

Возрождение: Декарт versus Gassendi (Spinoza?).

Новая: Гольбах — Гегель (через Беркли, Юм, Кант).
Гегель — Фейербах — Маркс.

Диалектика как *живое*, многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности (с философской системой, растущей в целое из каждого оттенка) — вот неизмеримо богатое содержание по сравнению с „метафизическим" материализмом, основная *беда* коего есть неумение применить диалектики к Bildertheorie *, к процессу и развитию познания.

Философский идеализм есть *только* чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизичного. Наоборот, с точки зрения *диалектического* материализма философский идеализм есть *одностороннее*, преувеличенное, überschwengliches (Dietzgen) [15] развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, *оторванный* от материи, от природы, обожествленный. Идеализм есть поповщина. Верно. Но идеализм философский есть („*вернее*" и „*кроме того*") *дорога* к поповщине *через* ***один из оттенков*** бесконечно сложного *познания* (диалектического) человека.

NB сей афоризм

Познание человека не есть (respective не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая (если за деревьями не видеть леса) ведет тогда в болото, в поповщину (где ее *закрепляет* классовый интерес господствующих классов). Прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, субъекти-

* — теории отражения.— *Ред.*

визм и субъективная слепота voilà * гносеологические корни идеализма. А у поповщины (= философского идеализма), конечно, есть *гносеологические* корни, она не беспочвенна, она есть *пустоцвет*, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве, живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного, человеческого познания.

Написано в 1915 г. *П. с. с., т. 29, с. 316—322.*

ФИЛОСОФСКИЕ ТЕТРАДИ

ИЗ КОНСПЕКТА КНИГИ ГЕГЕЛЯ «НАУКА ЛОГИКИ»

Гегель вполне прав *по существу* против Канта. Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное* (NB) (а Кант, как и все философы, говорит о правильном мышлении) — *от* истины, а подходит к ней. Абстракция *материи*, *закона* природы, абстракция *стоимости* и т. д., одним словом, *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*. От живого созерцания к абстрактному мышлению *и от него к практике* — таков диалектический путь познания *истины*, познания объективной реальности. Кант принижает знание, чтобы очистить место вере: Гегель возвышает знание, уверяя, что знание есть знание бога. Материалист возвышает знание материи, природы, отсылая бога и защищающую его философскую сволочь в помойную яму.

* * *

Все это в главе «Идея познания» (II глава) — в переходе к „абсолютной идее“ (III глава) — т. е., несомненно, практика стоит у Гегеля, как звено, в анализе процесса познания и именно как переход к объективной („абсолютной“, по Гегелю) истине. Маркс, следовательно, непосредственно к Гегелю примыкает, вводя критерий практики в теорию познания: см. тезисы о Фейербахе [16].

* — вот.— *Ред.*

Практика в теории познания:

(320) «Как субъективное оно» (der Begriff) * «опять-таки имеет предпосылку некоторого в себе сущего инобытия; оно есть *стремление* реализовать себя, цель, которая хочет через себя самоё дать себе объективность в объективном мире и выполнить себя. В теоретической идее субъективное понятие как всеобщее, само по себе лишенное определений, противостоит объективному миру, из которого оно берет себе определенное содержание и наполнение. В практической же идее это понятие как действительное противостоит действительному; но уверенность в себе, присущая субъекту в его в-себе-и-для-себя определенном бытии, есть уверенность в своей действительности и *недействительности* мира...».

.....

Alias **:

Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его [17].

Понятие (= человек) как субъективное снова предполагает само-в-себе сущее инобытие (= независимую от человека природу). Это понятие (= человек) есть *стремление* реализировать себя, дать себе через себя самого объективность в объективном мире и осуществить (выполнить) себя.

В теоретической идее (в области теории) субъективное понятие (познание?) как общее и само по себе лишенное определенности противостоит объективному миру, из коего оно почерпает определенное содержание и наполнение.

В практической идее (в области практики) это понятие как действительное (действующее?) противостоит действительному.

Уверенность в себе, которую субъект здесь вдруг вместо „понятия" имеет в своем само-в-себе и само-для-себя бытии, как определенного субъекта, есть уверенность в своей действительности и в *недействительности* мира.

т. е. что мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его.

---

* — понятие.— *Ред.*

** — Иначе, другими словами.— *Ред.*

Nota bene

Познание... находит перед собой истинное сущее как независимо от субъективных мнений (Setzen *) наличную действительность. (Это чистый материализм!) Воля человека, его практика, сама препятствует достижению своей цели... тем, что отделяет себя от познания и не признает внешней действительности за истинно-сущее (за объективную истину). Необходимо *соединение познания и практики.*

И тотчас вслед за этим:

...«Но этот переход она совершает через самое себя» (переход идеи истины в идею добра, теории в практику и vice versa **). «В заключении действования первая посылка есть непосредственное соотношение ***доброй цели с той действительностью,*** которой эта цель овладевает и которую она во второй посылке направляет против внешней действительности, как ***внешнее средство***» (324).

NB

„Заключение действования"... Для Гегеля *действование*, практика есть *логическое „заключение"*, фигура логики. И это правда! Конечно, не в том смысле, что фигура логики инобытием своим имеет практику человека (=абсолютный идеализм), а vice versa: практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения.

NB

1-ая посылка: *благая цель* (субъективная цель) versus *действительность* („внешняя действительность")

2-ая посылка: внешнее *средство* (орудие), (объективное)

3-ья посылка, сиречь вывод: совпадение субъективного и объективного, проверка субъективных идей, критерий объективной истины.

* — полагания.— *Ред.*

** — наоборот.— *Ред.*

...«Совершение добра вопреки противостоящей ему, другой по отношению к нему действительности, есть то опосредствование, которое по существу необходимо для непосредственного соотношения и действительного осуществления добра»...

...«Но если бы цель добра этим» (деятельностью) «все-таки не была бы выполнена, то это было бы возвратом понятия на ту точку зрения, которую понятие имело до своей деятельности,— на точку зрения, с которой действительность определена как ничтожная и все же предположена как реальная; этот возврат становится прогрессом в дурную бесконечность и имеет свое основание единственно в том, что при снятии указанной абстрактной реальности это снятие также непосредственно забывается, или забывается, что эта реальность, наоборот, уже была предположена как сама по себе ничтожная, не объективная действительность» (325).

Неисполнение целей (человеческой деятельности) имеет своей причиной (Grund) то, что реальность принимается за несуществующее (nichtig), что не признается ее (реальности) объективная действительность.

NB

«Так как через деятельность объективного понятия внешняя действительность изменяется и ее определение тем самым снимается, то именно этим ее лишают характера исключительно только являющейся реальности, внешней определимости и ничтожности, и она тем самым *полагается* как сущая в себе и для себя»... +

NB

Деятельность человека, составившего себе объективную картину мира, **изменяет** внешнюю действительность, уничтожает ее определенность (=меняет те или иные ее стороны, качества) и таким образом отнимает у нее черты кажимости, внешности и ничтожности, делает ее само-в-себе и само-для-себя сущей (=объективно истинной).

NB

Написано в сентябре — декабре 1914 г.

ИЗ КОНСПЕКТА КНИГИ АРИСТОТЕЛЯ «МЕТАФИЗИКА»

Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (=понятия) с нее *не есть* простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, *включающий в себя* возможность отлета фантазии от жизни; мало того:

возможность *превращения* (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в *фантазию* (in letzter Instanz * = бога). Ибо и в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее („стол" вообще) *есть* известный кусочек фантазии. (Vice versa: нелепо отрицать роль фантазии и в самой строгой науке: ср. Писарев о мечте полезной, как толчке к работе, и о мечтательности пустой [18].)

Написано в 1915 г.

ИЗ КОНСПЕКТА КНИГИ ФЕЙЕРБАХА «ЛЕКЦИИ О СУЩНОСТИ РЕЛИГИИ»

(232) — „Религия есть поэзия" — так можно сказать, ибо вера = фантазия. Но не уничтожаю ли я (Фейербах) поэзии? Нет. Я уничтожаю (hebe auf) религию «лишь *постольку*» (курсив Фейербаха), «поскольку она является простой прозой, а *не* поэзией» (233). || NB

Искусство не требует признания его произведений за *действительность* (233).

Написано не ранее 1909 г. *П. с. с., т. 29, с. 152—153, 193—195, 197—199, 330, 53.*

ИЗ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО СЛОВА ПО ПОЛИТИЧЕСКОМУ ОТЧЕТУ ЦК РКП(б) XI СЪЕЗДУ РКП(б) 28 МАРТА 1922 г.

...Он (Ларин.— *Ред.*) обвинял меня и очень весело шутил и смеялся.

Это выходит у него великолепно, тут его сильная сторона. Если бы эта сильная сторона т. Ларина не была связана с тем, что ему приходится применять ее к государственной работе, тов. Ларин принес бы в тысячу раз больше пользы республике, потому что он человек очень способный и обладает большой фантазией. Эта способность чрезвычайно ценна. Напрасно думают, что она нужна только поэту. Это глупый предрассудок! Даже в математике она нужна, даже открытие дифференциального и интегрального исчислений невозможно было бы без фантазии. Фантазия есть качество величайшей ценности, но у тов. Ларина ее маленький избыток. Например, я бы сказал так, что, если бы весь запас фантазии Ларина разделить поровну на все число членов РКП, тогда бы получилось очень хорошо. (Смех, аплодисменты.) А пока мы этой операции сделать не можем, до тех пор государственное, хозяйственное, плановое, экономическое дело предоставить Ларину нельзя...

П. с. с., т. 45, с. 125.

---

* — в последнем счете.— *Ред.*

Из работы

«ЧТО ТАКОЕ «ДРУЗЬЯ НАРОДА» И КАК ОНИ ВОЮЮТ ПРОТИВ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ?

(ОТВЕТ НА СТАТЬИ «РУССКОГО БОГАТСТВА» [1] ПРОТИВ МАРКСИСТОВ)»

...Один из любимых коньков субъективного философа — идея о конфликте между детерминизмом и нравственностью, между исторической необходимостью и значением личности. Он исписал об этом груду бумаги и наговорил бездну сентиментально-мещанского вздора, чтобы разрешить этот конфликт в пользу нравственности и роли личности. На самом деле, никакого тут конфликта нет: он выдуман г. Михайловским, опасавшимся (и не без основания), что детерминизм отнимет почву у столь любимой им мещанской морали. Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю. Равным образом и идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся слагается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей. Действительный вопрос, возникающий при оценке общественной деятельности личности, состоит в том, при каких условиях этой деятельности обеспечен успех? в чем состоят гарантии того, что деятельность эта не останется одиночным актом, тонущим в море актов противоположных? В этом же состоит и тот вопрос, который различно решают социал-демократы и остальные русские социалисты: каким образом деятельность, направленная к осуществлению социалистического строя, должна втянуть массы, чтобы принести серьезные плоды? Очевидно, что разрешение этого вопроса прямо и непосредственно зависит от представления о группировке общественных сил в России, о

борьбе классов, из которой складывается русская действительность — и опять-таки г. Михайловский только походил кругом да около вопроса, не сделав даже попытки точно поставить его и попробовать дать то или иное решение. Социал-демократическое решение вопроса основывается, как известно, на том взгляде, что русские экономические порядки представляются буржуазным обществом, из которого может быть только один выход, необходимо вытекающий из самой сущности буржуазного строя,— именно классовая борьба пролетариата против буржуазии...

* * *

...Читая марксистскую литературу, г. Михайловский постоянно натыкался на «диалектический метод» в общественной науке, на «диалектическое мышление» опять-таки в сфере общественных вопросов (о которой только и идет речь) и т. п. В простоте душевной (хорошо еще если только в простоте) он принял, что этот метод состоит в разрешении всех социологических вопросов по законам гегелевской триады. Отнесись он к делу хоть чуточку повнимательнее, он не мог бы не убедиться в нелепости этого представления. Диалектическим методом — в противоположность метафизическому — Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития. Отношение диалектического метода к метафизическому (под каковое понятие подходит, без сомнения, и субъективный метод в социологии) мы ниже постараемся иллюстрировать на примере собственных рассуждений г. Михайловского. Теперь же отметим только, что всякий, прочитавший определение и описание диалектического метода у Энгельса ли (в полемике против Дюринга. По-русски: «Развитие социализма из утопии в науку») или у Маркса (различные примечания в «Капитале» и «Послесловие» ко 2-му изданию; «Нищета философии»),— увидит, что о триадах Гегеля и речи нет, а все дело сводится к тому, чтобы рассматривать социальную эволюцию как естественно-исторический процесс развития общественно-экономических формаций.

...Выше было приведено заявление г. Михайловского, что материализм не оправдал себя в «науке» (может быть, в науке германских «друзей народа»?), но этот материализм,— рассуждает г. Михайловский,— «действительно очень быстро распространяется в рабочем классе». Как же объясняет этот факт г. Михайловский? «Что касается успеха, которым экономический материализм пользуется, так сказать, в ширину,— говорит он,— его распро-

страненности в критически непроверенном виде, то центр тяжести этого успеха лежит не в науке, а в житейской практике, устанавливаемой перспективами в сторону будущего». Какой иной смысл может иметь эта неуклюжая фраза о практике, «устанавливаемой» перспективами в сторону будущего, кроме того, что материализм распространяется не потому, чтобы он правильно объяснил действительность, а потому, что он отвернулся от этой действительности в сторону перспективы? И дальше говорится: «Перспективы эти не требуют от усвояющего их немецкого рабочего класса и принимающих горячее участие в его судьбе ни знаний, ни работы критической мысли. Они требуют только веры». Другими словами, распространение материализма и научного социализма вширь зависит от того, что эта доктрина обещает рабочим лучшее будущее! Да ведь достаточно самого элементарного знакомства с историей социализма и рабочего движения на Западе, чтобы видеть всю вздорность и фальшь этого объяснения. Всякий знает, что никаких собственно перспектив будущего никогда научный социализм не рисовал: он ограничивался тем, что давал анализ современного буржуазного режима, изучал тенденции развития капиталистической общественной организации — и только. «Мы не говорим миру,— писал Маркс еще в 1843 г., и он в точности выполнил эту программу,— мы не говорим миру: «перестань бороться; вся твоя борьба — пустяки», мы даем ему истинный лозунг борьбы. Мы только показываем миру, за что собственно он борется, а сознание — такая вещь, которую мир *должен* приобрести себе, хочет он этого или нет» [20]. Всякий знает, что, например, «Капитал» — это главное и основное сочинение, излагающее научный социализм,— ограничивается самыми общими намеками насчет будущего, прослеживая только те, теперь уже имеющиеся налицо, элементы, из которых вырастает будущий строй. Всякий знает, что по части перспектив будущего неизмеримо больше давали прежние социалисты, которые со всеми подробностями разрисовывали будущее общество, желая увлечь человечество картиной таких порядков, когда люди обходятся без борьбы, когда их общественные отношения основываются не на эксплуатации, а на истинных началах прогресса, соответствующих условиям человеческой природы. Однако — несмотря на целую фалангу талантливейших людей, излагавших эти идеи, и убежденнейших социалистов,— их теории оставались в стороне от жизни, их программы — в стороне от народных политических движений, пока крупная машинная индустрия не вовлекла в водоворот политической жизни массы рабочего пролетариата и пока не был найден истинный лозунг его борьбы. Этот лозунг найден был Марксом,— «не утопистом, а строгим, местами даже сухим ученым», как отзывался о нем г. Михайловский в давнопрошедшие времена — 1872 г.,— найден совсем не посредством каких-нибудь перспектив, а посредством научного анализа современного буржуазного режима, посредством выяснения *необходимости* эксплуатации при наличности этого режима,

посредством исследования законов его развития. Г. Михайловский может, конечно, уверять читателей «Русского Богатства», что усвоение этого анализа не требует ни знаний, ни работы мысли, но мы видели уже у него самого (и увидим еще больше у его сотрудника экономиста *) такое грубое непонимание азбучных истин, установленных этим анализом, что подобное заявление в состоянии вызвать, разумеется, только улыбку. Остается неоспоримым фактом распространение и развитие рабочего движения именно там и постольку, где и поскольку развивается крупная капиталистическая машинная индустрия; — успех социалистической доктрины именно в том случае, когда она оставляет рассуждения об общественных условиях, соответствующих человеческой природе, и берется за материалистический анализ современных общественных отношений, за выяснение необходимости теперешнего режима эксплуатации...

Написано весной — летом 1894 г. *П. с. с., т. 1, с. 158—159, 165—166, 186—188.*

Из статьи

«ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ НАРОДНИЧЕСТВА И КРИТИКА ЕГО В КНИГЕ г. СТРУВЕ

(ОТРАЖЕНИЕ МАРКСИЗМА В БУРЖУАЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ)»

...Не можем оставить без возражения одно замечание г. Струве против г. Михайловского. «По его взгляду,— говорит автор,— не **су**ществует непреодолимых исторических тенденций, которые, как таковые, должны служить, с одной стороны, исходным пунктом, с другой — обязательными границами для целесообразной деятельности личности и общественных групп» (11).

Это — язык объективиста, а не марксиста (материалиста). Между этими понятиями (системами воззрений) есть разница, на которой следует остановиться, так как неполное уяснение этой разницы принадлежит к основному недостатку книги г. Струве, проявляясь в большинстве его рассуждений.

Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях»; материалист говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком,

---

* С. Н. Южакова.— *Ред.*

создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс* определяет эту необходимость. В данном случае, например, материалист не удовлетворился бы констатированием «непреодолимых исторических тенденций», а указал бы на существование известных классов, определяющих содержание данных порядков и исключающих возможность выхода вне выступления самих производителей. С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы...

Написано в конце 1894 — начале 1895 г. *П. с. с., т. 1, с. 418—419.*

Из работы
«АГРАРНЫЙ ВОПРОС И «КРИТИКИ МАРКСА»»

...Что социал-демократы умеют ценить историческую заслугу великих центров энергии и культуры, это они доказывают своей непримиримой борьбой против всего, что прикрепляет к месту население вообще, крестьян и сельских рабочих в частности. И поэтому их, в отличие от критиков, не поймает на удочку ни один аграрий, стремящийся доставить «мужичку» зимние «заработки». Но решительное признание прогрессивности больших городов в капиталистическом обществе нисколько не мешает нам включать в свой идеал (и в свою программу действия, ибо неосуществимые идеалы мы предоставляем гг. Струве и Бердяевым) уничтожение противоположности между городом и деревней. Неправда, что это равносильно отказу от сокровищ науки и искусства. Как раз наоборот: это необходимо для того, чтобы сделать эти сокровища *доступными всему народу*, чтобы уничтожить ту отчужденность от культуры миллионов деревенского населения, которую Маркс так метко назвал «идиотизмом деревенской жизни»[21]. И в настоящее время, когда возможна передача электрической энергии на расстояние, когда техника транспорта повысилась настолько, что можно при меньших (против теперешних) издержках перевозить пассажиров с быстротой свыше 200 верст в час *,— нет ровно никаких технических препятствий тому, чтобы сокровищами науки и искусства, веками скопленными в немногих центрах, пользова-

* Проект такой дороги между Манчестером и Ливерпулем не получил утверждения парламента только вследствие корыстного противодействия железнодорожных тузов, боящихся разорения старых компаний.

лось все население, размещенное более или менее равномерно по всей стране.

И если ничто не мешает уничтожению противоположности между городом и деревней (причем следует, конечно, представлять себе это уничтожение не в форме одного акта, а в форме целого ряда мер), то требует его отнюдь не одно только «эстетическое чувство»...

Написано в июне — сентябре 1901 г. *П. с. с., т. 5, с. 150—151.*

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ ПИСЕМ К. МАРКСА К Л. КУГЕЛЬМАНУ

...Вот чему поучиться следовало бы у Маркса российским интеллигентским марксистам, расслабленным скептицизмом, отупленным педантством, склонным к покаянным речам, быстро устающим от революции, мечтающим, как о празднике, о похоронах революции и замене ее конституционной прозой. Им следовало бы поучиться у теоретика — вождя пролетариев вере в революцию, уменью звать рабочий класс к отстаиванию до конца своих непосредственно-революционных задач, твердости духа, не допускающей малодушного хныканья после временных неудач революции.

Педанты марксизма думают: это все этическая болтовня, романтика, отсутствие реализма! Нет, господа, это — соединение революционной теории с революционной политикой, то соединение, без которого марксизм становится брентанизмом, струвизмом, зомбартизмом [22]. Доктрина Маркса связала в одно неразрывное целое теорию и практику классовой борьбы. И тот не марксист, кто теорию, трезво констатирующую объективное положение, извращает в оправдание существующего, доходя до стремления подделаться поскорее к каждому временному упадку революции, бросить поскорее «революционные иллюзии» и взяться за «реальное» крохоборство.

Маркс в самые мирные, казалось бы, «идиллические», по его выражению,— «безотрадно-болотные» (по словам ред. «Neue Zeit») времена умел нащупывать близость революции и *поднимать* пролетариат до сознания им его передовых, революционных задач. Наши русские интеллигенты, филистерски упрощающие Маркса, в самые революционные времена учат пролетариат политике пассивности, покорного следования «по течению», робкой поддержке самых неустойчивых элементов модной либеральной партии!

Оценка Марксом Коммуны — венец писем к Кугельману. И эта оценка особенно много дает при сопоставлении ее с приемами российских с.-д. правого крыла. Плеханов, малодушно восклицув-

ший после декабря 1905 г.: «Не надо было браться за оружие», имел скромность сравнивать себя с Марксом. Маркс тоже, дескать, тормозил революцию в 1870 году.

Да, Маркс *тоже* тормозил ее. Но посмотрите, какая бездна открывается при этом, самим Плехановым взятом, сравнении между Плехановым и Марксом.

Плеханов в ноябре 1905 г., за месяц до апогея первой русской революционной волны, не только не предостерегал решительно пролетариат, а, напротив, прямо говорил о необходимости *учиться владеть оружием и вооружаться*. А когда через месяц борьба вспыхнула,— Плеханов без тени анализа ее значения, ее роли в общем ходе событий, ее связи с прежними формами борьбы, поспешил разыграть кающегося интеллигента: «Не нужно было браться за оружие».

Маркс в *сентябре 1870 года*, *за полгода* до Коммуны, прямо предупредил французских рабочих: восстание будет *безумием*, сказал он в известном адресе Интернационала [23]. Он вскрыл *заранее* националистические иллюзии насчет возможности движения в духе 1792 г. Он умел *не задним числом*, а за много месяцев сказать: «Не надо браться за оружие».

И как он повел себя, когда это *безнадежное*, по его собственному сентябрьскому заявлению, дело стало осуществляться в марте 1871 года? Может быть, Маркс использовал это (как Плеханов декабрьские события) только для «ущемления» своих врагов, прудонистов и бланкистов, руководивших Коммуной? Может быть, он стал брюзжать, как классная дама: я говорил, я предупреждал, вот вам ваша романтика, ваши революционные бредни? Может быть, он проводил коммунаров, как Плеханов декабрьских борцов, назиданием самодовольного филистера: «Не надо было браться за оружие»?

Нет. 12-го апреля 1871 года Маркс пишет *восторженное* письмо Кугельману,— письмо, которое мы повесили бы охотно на стенке у каждого русского социал-демократа, у каждого русского грамотного рабочего.

Маркс, назвавший в сентябре 1870 года восстание безумием, в апреле 1871 года, видя народное, массовое движение, относится к нему с величайшим вниманием участника великих событий, знаменующих шаг вперед во всемирно-историческом революционном движении.

Это — *попытка*, говорит он, разрушить бюрократически-военную машину, а не просто передать ее в другие руки. И он поет настоящую осанна руководимым прудонистами и бланкистами парижским «*геройским*» рабочим. «Какая гибкость,— пишет он,— какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан!» (стр. 88)... «История не знает еще примера подобного героизма» [24].

Историческую инициативу масс Маркс ценит выше всего. Ох, если бы поучились у Маркса наши русские с.-д. в оценке *историче-*

ской инициативы русских рабочих и крестьян в октябре и декабре 1905 года!

Преклонение глубочайшего мыслителя, предвидевшего за полгода неудачу, перед *исторической инициативой* масс,— и безжизненное, бездушное, педантское: «Не надо было браться за оружие»! Разве это не небо и земля?

И, как *участник* массовой борьбы, которую он переживал со всем свойственным ему пылом и страстью, сидя в изгнании в Лондоне, Маркс принимается критиковать *непосредственные шаги* «безумно-храбрых» парижан, «*готовых штурмовать небо*».

О, как насмехались бы тогда над Марксом наши нынешние «реальные» мудрецы из марксистов, разносящие в России 1906—1907 гг. революционную романтику! Как издевались бы люди над *материалистом*, *экономистом*, врагом утопий, который преклоняется перед «попыткой» штурмовать *небо!* Сколько бы слез, снисходительного смеха или сострадания пролили всякие человеки в футляре по поводу бунтарских тенденций, утопизма и проч. и проч., по поводу этой оценки к небу рвущегося движения!

А Маркс не проникся премудростью нескарей, боящихся обсуждать *технику* высших форм революционной борьбы. Он обсуждает именно *технические* вопросы восстания. Оборона или наступление? — говорит он, как если бы военные действия шли под Лондоном. И он решает: непременно наступление, «*надо было сейчас же идти на Версаль...*» [25].

Это писано в апреле 1871 года, за несколько недель до великого кровавого мая...

«Надо было сейчас же идти на Версаль» — повстанцам, начавшим «безумное» (сентябрь 1870 г.) дело штурмования неба.

«Не надо было браться за оружие» в декабре 1905 года, чтобы отстоять силой первые покушения отнять захваченные свободы...

Да, Плеханов недаром сравнил себя с Марксом!

«Вторая ошибка»,— продолжает свою *техническую* критику Маркс,— «Центральный Комитет» (*военное начальство* — заметьте это — речь идет о ЦК национальной гвардии) «ЦК *слишком рано* сложил свои полномочия...» [26].

Маркс умел предостерегать *вожаков* от преждевременного восстания. Но к *пролетариату*, штурмующему небо, он относился как практический советчик, как участник *борьбы* масс, поднимающих *все* движение на *высшую ступень*, несмотря на ложные теории и ошибки Бланки и Прудона.

«Как бы там ни было,— пишет он,— парижское восстание, если оно даже и будет подавлено волками, свиньями и подлыми псами старого общества, является славнейшим подвигом нашей партии со времени июньского восстания» [27].

И Маркс, не скрывая от пролетариата *ни одной* ошибки Коммуны, посвятил этому *подвигу* произведение, которое *до сих пор* служит лучшим руководством в борьбе за «небо»,— и самым страшным пугалом для либеральных и радикальных «*свиней*» [28].

Плеханов посвятил декабрю «произведение», которое стало почти евангелием кадетов.

Да, Плеханов недаром сравнивал себя с Марксом.

Кугельман ответил Марксу, видимо, какими-то выражениями сомнения, указаниями на безнадежность дела, на реализм в противоположность романтике,— по крайней мере, он сравнил Коммуну — *восстание* с мирной демонстрацией 13 июня 1849 г. в Париже.

Маркс немедленно (17 апреля 1871 года) читает суровую отповедь Кугельману.

«*Творить мировую историю*,— пишет он,— *было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо-благоприятных шансов*» [29].

Маркс в сентябре 1870 года называл восстание безумием. Но когда *массы* восстали, Маркс хочет идти с ними, учиться вместе с ними, в ходе борьбы, а не читать канцелярские наставления. Он понимает, что попытка учесть наперед шансы *с полной точностью* была бы шарлатанством или безнадежным педантством. Он *выше всего* ставит то, что рабочий класс геройски, самоотверженно, инициативно *творит* мировую историю. Маркс смотрел на эту историю с точки зрения тех, кто ее *творит*, не имея возможности наперед *непогрешимо* учесть шансы, а не с точки зрения интеллигента-мещанина, который морализирует «легко было предвидеть... не надо было браться...».

Маркс умел оценить и то, что бывают моменты в истории, когда отчаянная борьба *масс* даже за безнадежное дело *необходима* во имя дальнейшего воспитания этих масс и подготовки их к *следующей* борьбе.

Нашим нынешним квазимарксистам, любящим цитировать Маркса всуе, чтобы брать только оценку прошлого у него, а не уменье творить будущее,— совсем непонятна, даже чужда в принципе такая *постановка* вопроса. Плеханов и не подумал о ней, когда приступал после декабря 1905 г. к задаче «*тормозить...*».

Но Маркс именно этот вопрос и ставит, не забывая нисколько того, что в сентябре 1870 года он сам признал безумие восстания.

«Буржуазные версальские канальи,— пишет он,— поставили перед парижанами альтернативу: либо принять вызов к борьбе, либо сдаться без борьбы. *Деморализация рабочего класса* в последнем случае была бы *гораздо большим* несчастьем, чем гибель какого угодно числа вожаков» [30].

Этим мы и закончим краткий обзор уроков достойной пролетариата политики, которые преподает Маркс в письмах к Кугельману.

Рабочий класс России доказал уже раз и докажет еще не раз, что он способен «штурмовать небо».

5-го февраля 1907 г. *П. с. с., т. 14, с. 374—379.*

ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ПАРТИЙНАЯ ЛИТЕРАТУРА [31]

Новые условия социал-демократической работы, создавшиеся в России после октябрьской революции [32], выдвинули на очередь вопрос о партийной литературе. Различие между нелегальной и легальной печатью, — это печальное наследие эпохи крепостнической, самодержавной России, — начинает исчезать. Оно еще не померло, далеко нет. Лицемерное правительство нашего министра-премьера еще бесчинствует до того, что «Известия Совета Рабочих Депутатов» [33] печатаются «нелегально», но, кроме позора для правительства, кроме новых моральных ударов ему, ничего не получается из глупых попыток «запретить» то, чему помешать правительство не в силах.

При существовании различия между нелегальной и легальной печатью вопрос о партийной и непартийной печати решался крайне просто и крайне фальшиво, уродливо. Вся нелегальная печать была партийна, издавалась организациями, велась группами, связанными так или иначе с группами практических работников партии. Вся легальная печать была не партийна, — потому что партийность была под запретом, — но «тяготела» к той или другой партии. Неизбежны были уродливые союзы, ненормальные «сожительства», фальшивые прикрытия; с вынужденными недомолвками людей, желавших выразить партийные взгляды, смешивалось недомыслие или трусость мысли тех, кто не дорос до этих взглядов, кто не был, в сущности, человеком партии.

Проклятая пора эзоповских речей, литературного холопства, рабьего языка, идейного крепостничества! Пролетариат положил конец этой гнусности, от которой задыхалось все живое и свежее на Руси. Но пролетариат завоевал пока лишь половину свободы для России.

Революция еще не закончена. Если царизм *уже не* в силах победить революции, то революция *еще не* в силах победить царизма. И мы живем в такое время, когда всюду и на всем сказывается это

противоестественное сочетание открытой, честной, прямой, последовательной партийности с подпольной, прикрытой, «дипломатичной», увертливой «легальностью». Это противоестественное сочетание сказывается и на нашей газете: сколько бы ни острил г. Гучков насчет социал-демократической тирании, запрещающей печатать либерально-буржуазные, умеренные газеты, а факт все же остается фактом, — Центральный Орган Российской социал-демократической рабочей партии, «Пролетарий» [34], все же остается за дверью *самодержавно*-полицейской России.

Как-никак, а половина революции заставляет всех нас приняться немедленно за новое налаживание дела. Литература может теперь, даже «легально», быть на $^{9}/_{10}$ партийной. Литература должна стать партийной. В противовес буржуазным нравам, в противовес буржуазной предпринимательской, торгашеской печати, в противовес буржуазному литературному карьеризму и индивидуализму, «барскому анархизму» и погоне за наживой, — социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип *партийной литературы*, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме.

В чем же состоит этот принцип партийной литературы? Не только в том, что для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом, не зависимым от общего пролетарского дела. Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать *частью* общепролетарского дела, «колесиком и винтиком» одного-единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса. Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы.

«Всякое сравнение хромает», говорит немецкая пословица. Хромает и мое сравнение литературы с винтиком, живого движения с механизмом. Найдутся даже, пожалуй, истеричные интеллигенты, которые поднимут вопль по поводу такого сравнения, принижающего, омертвляющего, «бюрократизирующего» свободную идейную борьбу, свободу критики, свободу литературного творчества и т. д., и т. д. По существу дела, подобные вопли были бы только выражением буржуазно-интеллигентского индивидуализма. Спору нет, литературное дело всего менее поддается механическому равнению, нивелированию, господству большинства над меньшинством. Спору нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию. Все это бесспорно, но все это доказывает лишь то, что литературная часть партийного дела пролетариата не может быть шаблонно отождествляема с другими частями партийного дела пролетариата. Все это отнюдь не опровергает того чуждого и

страшного для буржуазии и буржуазной демократии положения, что литературное дело должно непременно и обязательно стать неразрывно связанной с остальными частями частью социал-демократической партийной работы. Газеты должны стать органами разных партийных организаций. Литераторы должны войти непременно в партийные организации. Издательства и склады, магазины и читальни, библиотеки и разные торговли книгами — все это должно стать партийным, подотчетным. За всей этой работой должен следить организованный социалистический пролетариат, всю ее контролировать, во всю эту работу, без единого исключения, вносить живую струю живого пролетарского дела, отнимая, таким образом, всякую почву у старинного, полуобломовского, полуторгашеского российского принципа: писатель пописывает, читатель почитывает.

Мы не скажем, разумеется, о том, чтобы это преобразование литературного дела, испакощенного азиатской цензурой и европейской буржуазией, могло произойти сразу. Мы далеки от мысли проповедовать какую-нибудь единообразную систему или решение задачи несколькими постановлениями. Нет, о схематизме в этой области всего менее может быть речь. Дело в том, чтобы вся наша партия, чтобы весь сознательный социал-демократический пролетариат во всей России сознал эту новую задачу, ясно поставил ее и взялся везде и повсюду за ее решение. Выйдя из плена крепостной цензуры, мы не хотим идти и не пойдем в плен буржуазно-торгашеских литературных отношений. Мы хотим создать и мы создадим свободную печать не в полицейском только смысле, но также и в смысле свободы от капитала, свободы от карьеризма; — мало того: также и в смысле свободы от буржуазно-анархического индивидуализма.

Эти последние слова покажутся парадоксом или насмешкой над читателями. Как! закричит, пожалуй, какой-нибудь интеллигент, пылкий сторонник свободы. Как! Вы хотите подчинения коллективности такого тонкого, индивидуального дела, как литературное творчество! Вы хотите, чтобы рабочие по большинству голосов решали вопросы науки, философии, эстетики! Вы отрицаете абсолютную свободу абсолютно-индивидуального идейного творчества!

Успокойтесь, господа! Во-первых, речь идет о партийной литературе и ее подчинении партийному контролю. Каждый волен писать и говорить все, что ему угодно, без малейших ограничений. Но каждый вольный союз (в том числе партия) волен также прогнать таких членов, которые пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов. Свобода слова и печати должна быть полная. Но ведь и свобода союзов должна быть полная. Я обязан тебе предоставить, во имя свободы слова, полное право кричать, врать и писать что угодно. Но ты обязан мне, во имя свободы союзов, предоставить право заключать или расторгать союз с людьми, говорящими то-то и то-то. Партия есть добровольный

союз, который неминуемо бы распался, сначала идейно, а потом и материально, если бы он не очищал себя от членов, которые проповедуют антипартийные взгляды. Для определения же грани между партийным и антипартийным служит партийная программа, служат тактические резолюции партии и ее устав, служит, наконец, весь опыт международной социал-демократии, международных добровольных союзов пролетариата, постоянно включавшего в свои партии отдельные элементы или течения, не совсем последовательные, не совсем чисто марксистские, не совсем правильные, но также постоянно предпринимавшего периодические «очищения» своей партии. Так будет и у нас, господа сторонники буржуазной «свободы критики», *внутри* партии: теперь партия у нас сразу становится массовой, теперь мы переживаем крутой переход к открытой организации, теперь к нам войдут неминуемо многие непоследовательные (с марксистской точки зрения) люди, может быть, даже некоторые христиане, может быть, даже некоторые мистики. У нас крепкие желудки, мы твердокаменные марксисты. Мы переварим этих непоследовательных людей. Свобода мысли и свобода критики внутри партии никогда не заставят нас забыть о свободе группировки людей в вольные союзы, называемые партиями.

Во-вторых, господа буржуазные индивидуалисты, мы должны сказать вам, что ваши речи об абсолютной свободе одно лицемерие. В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть «свободы» реальной и действительной. Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в рамках * и картинах, проституции в виде «дополнения» к «святому» сценическому искусству? Ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза (ибо, как миросозерцание, анархизм есть вывернутая наизнанку буржуазность). Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания.

И мы, социалисты, разоблачаем это лицемерие, срываем фальшивые вывески, — не для того, чтобы получить неклассовую литературу и искусство (это будет возможно лишь в социалистическом внеклассовом обществе), а для того, чтобы лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией, литературе противопоставить действительно-свободную, *открыто* связанную с пролетариатом литературу.

Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вер-

---

* В источнике, по-видимому, опечатка; по смыслу следовало бы «в романах».— *Ред.*

бовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность. Это будет свободная литература, оплодотворяющая последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата, создающая постоянное взаимодействие между опытом прошлого (научный социализм, завершивший развитие социализма от его примитивных, утопических форм) и опытом настоящего (настоящая борьба товарищей рабочих).

За работу же, товарищи! Перед нами трудная и новая, но великая и благодарная задача — организовать обширное, разностороннее, разнообразное литературное дело в тесной и неразрывной связи с социал-демократическим рабочим движением. Вся социал-демократическая литература должна стать партийной. Все газеты, журналы, издательства и т. д. должны приняться немедленно за реорганизационную работу, за подготовку такого положения, чтобы они входили целиком на тех или иных началах в те или иные партийные организации. Только тогда «социал-демократическая» литература станет таковой на самом деле, только тогда она сумеет выполнить свой долг, только тогда она сумеет и в рамках буржуазного общества вырваться из рабства у буржуазии и слиться с движением действительно передового и до конца революционного класса.

Напечатано 13 ноября 1905 г. *П. с. с., т. 12, с. 99—105.*

Из статьи

«СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ И БЕСПАРТИЙНАЯ РЕВОЛЮЦИОННОСТЬ»

I

Революционное движение в России, охватывая быстро новые и новые слои населения, создает целый ряд беспартийных организаций. Потребность в объединении прорывается тем с большей силой, чем дольше ее давили и преследовали. Организации, в том или ином, часто неоформленном виде, возникают постоянно, причем характер их чрезвычайно оригинален. Тут нет резких рамок, подобных рамкам европейских организаций. Профессиональные союзы принимают политический характер. Политическая борьба сливается с экономической, — напр., в виде стачки,— создавая слитные формы временных или более или менее постоянных организаций.

Каково значение этого явления? Каково должно быть отношение к нему социал-демократии?

Строгая партийность есть спутник и результат высокоразвитой классовой борьбы. И, наоборот, в интересах открытой и широкой классовой борьбы необходимо развитие строгой партийности. Поэтому партия сознательного пролетариата, социал-демократия, вполне законно воюет всегда с беспартийностью и неуклонно работает над созданием принципиально выдержанной, крепко сплоченной социалистической рабочей партии. Работа эта имеет успех в массах по мере того, как развитие капитализма раскалывает весь народ все глубже и глубже на классы, обостряя противоречия между ними.

Вполне понятно, что настоящая революция в России породила и порождает так много беспартийных организаций. Революция эта — демократическая, т. е. буржуазная по своему общественно-экономическому содержанию. Революция эта ниспровергает самодержавно-крепостнический строй, освобождая из-под него строй буржуазный, осуществляя, таким образом, требования всех классов буржуазного общества, будучи в этом смысле революцией общенародной. Это не значит, конечно, чтобы наша революция не была классовой; конечно, нет. Но она направляется против классов и каст, отживших и отживающих с точки зрения буржуазного общества, чуждых этому обществу, мешающих его развитию. А так как вся хозяйственная жизнь страны стала уже во всех ее основных чертах буржуазной, так как гигантское большинство населения живет уже на деле в буржуазных условиях существования, то противореволюционные элементы естественно малочисленны до мизерности, являются поистине «горсткой» по сравнению с «народом». Классовый характер буржуазной революции проявляется, поэтому, неизбежно в «общенародном», неклассовом, на первый взгляд, характере борьбы всех классов буржуазного общества против самодержавия и крепостничества.

Эпоха буржуазной революции отличается и в России, как и в других странах, сравнительной неразвитостью классовых противоречий капиталистического общества. Правда, в России капитализм развит теперь значительно выше, чем в Германии 1848 года, не говоря уже о Франции 1789 года, но не подлежит сомнению, что чисто капиталистические противоречия еще в очень и очень сильной степени заслоняются у нас противоречиями «культуры» и азиатчины, европеизма и татарщины, капитализма и крепостничества, т. е. на первый план выдвигаются такие требования, выполнение которых разовьет капитализм, очистит его от шлаков феодализма, улучшит условия жизни и борьбы и для пролетариата, и для буржуазии.

В самом деле, если всмотреться в те требования, наказы, doléances*, которые в бесчисленном множестве составляются те-

---

* — жалобы.— *Ред.*

Библиотечная книга

перь в России на каждом заводе, в каждой канцелярии, в каждом полку, в каждой команде городовых, в каждой епархии, в каждом учебном заведении и проч., и проч., то мы легко увидим, что громадное большинство их чисто «культурные», если можно так выразиться, требования. Я хочу сказать, что это собственно не специфически классовые требования, а требования элементарно правовые, требования, не разрушающие капитализм, а, напротив, вводящие его в рамки европеизма, избавляющие капитализм от варварства, дикости, взятки и прочих «русских» пережитков крепостного права. В сущности и пролетарские требования ограничиваются в большинстве случаев такими преобразованиями, которые вполне осуществимы в рамках капитализма. Пролетариат российский требует сейчас и немедленно не того, что подрывает капитализм, а того, что очищает его и ускоряет, усиливает его развитие.

Разумеется, особое положение пролетариата в капиталистическом обществе ведет к тому, что стремление рабочих к социализму, союз их с социалистической партией прорывается с стихийной силой на самых ранних ступенях движения. Но собственно социалистические требования стоят еще впереди, а на очереди дня — демократические требования рабочих в политике, экономические требования в пределах капитализма в экономике. Даже пролетариат делает революцию, так сказать, в пределах программы-минимум, а не программы-максимум. О крестьянстве, этой гигантской, всеподавляющей своей численностью, массе населения, нечего и говорить. Его «программа-максимум», его конечные цели не выходят за пределы капитализма, который еще шире и пышнее развернулся бы при переходе всей земли ко всему крестьянству и ко всему народу. Крестьянская революция есть в настоящее время буржуазная революция, — как бы ни «оскорбляли» эти слова сентиментальное ухо сентиментальных рыцарей нашего мещанского социализма.

Очерченный характер происходящей революции порождает беспартийные организации вполне естественно. Отпечаток внешней беспартийности, видимость беспартийности неизбежно приобретается при этом всем движением в целом — но только видимость, конечно. Потребность в «человеческой», культурной жизни, в объединении, в защите своего достоинства, своих прав человека и гражданина охватывает все и вся, объединяет все классы, обгоняет гигантски всякую партийность, встряхивает людей, еще далеко-далеко не способных подняться до партийности. Насущность ближайших, элементарно-необходимых прав и реформ отодвигает, так сказать, помыслы и соображения о чем-либо дальнейшем. Увлечение происходящей борьбой, увлечение необходимое и законное, без которого невозможен успех борьбы, заставляет идеализировать эти ближайшие, элементарные цели, рисует их в розовом свете, облекает даже их иногда в фантастический костюм; простой демократизм, дюжинный буржуазный демократизм, принимается за социализм и зачисляется «по ведомству» социализма.

Все и вся как будто «беспартийно»; все и вся как будто свивается в одном «освободительном» (на деле: освобождающем все буржуазное общество) движении; все и вся приобретает легкий, легонький налет «социализма», особенно благодаря передовой роли социалистического пролетариата в демократической борьбе.

Идея беспартийности не может не одерживать при таких условиях известных временных побед. Беспартийность не может не становиться модным лозунгом,— ибо мода беспомощно тащится в хвосте у жизни, а самым «обычным» явлением политической поверхности именно и кажется беспартийная организация, беспартийный демократизм, беспартийный стачкизм, беспартийная революционность.

Спрашивается теперь, как *должны* относиться к этому факту беспартийности и к этой идее беспартийности сторонники, представители разных классов? — должны не в субъективном смысле, а в объективном, т. е. не в том смысле, как следует к этому относиться, а в том смысле, какое отношение к этому факту неизбежно складывается в зависимости от интересов и точек зрения различных классов.

II

Как мы уже показали, беспартийность есть порождение — или, если хотите, выражение — буржуазного характера нашей революции. Буржуазия не может не тяготеть к беспартийности, ибо отсутствие партий среди борющихся за свободу буржуазного общества означает отсутствие новой борьбы против этого самого буржуазного общества. Кто ведет «беспартийную» борьбу за свободу, тот либо не сознает буржуазного характера свободы, либо освящает этот буржуазный строй, либо откладывает борьбу против него, «усовершенствование» его до греческих календ [35]. И наоборот, кто сознательно или бессознательно стоит на стороне буржуазного порядка, тот не может не чувствовать влечения к идее беспартийности.

В обществе, основанном на делении классов, борьба между враждебными классами неизбежно становится, на известной ступени ее развития, политической борьбой. Самым цельным, полным и оформленным выражением политической борьбы классов является борьба партий. Беспартийность есть равнодушие к борьбе партий. Но это равнодушие не равняется нейтралитету, воздержанию от борьбы, ибо в классовой борьбе не может быть нейтральных; «воздержаться» нельзя в капиталистическом обществе от участия в обмене продуктов или рабочей силы. А обмен неминуемо порождает экономическую борьбу, а вслед за ней и борьбу политическую. Равнодушие к борьбе отнюдь не является, поэтому, на деле отстранением от борьбы, воздержанием от нее или нейтралитетом. Равнодушие есть молчаливая поддержка того, кто силен, того, кто господствует. Кто был равнодушен в России к са-

модержавию до его падения во время октябрьской революции, тот молчаливо поддерживал самодержавие. Кто равнодушен в современной Европе к господству буржуазии, тот молчаливо поддерживает буржуазию. Кто равнодушно относится к идее о буржуазном характере борьбы за свободу, тот молчаливо поддерживает господство буржуазии в этой борьбе, господство буржуазии в рождающейся свободной России. Политическое безразличие есть политическая сытость. «Безразлично», «равнодушно» относится к куску хлеба человек сытый; голодный же всегда будет «партийным» в вопросе о куске хлеба. «Безразличие и равнодушие» к куску хлеба означает не то, чтобы человек не нуждался в хлебе, а то, что человеку всегда обеспечен хлеб, что он никогда не нуждается в хлебе, что он прочно пристроился к «партии» сытых. Беспартийность в буржуазном обществе есть лишь лицемерное, прикрытое, пассивное выражение принадлежности к партии сытых, к партии господствующих, к партии эксплуататоров.

Беспартийность есть идея буржуазная. Партийность есть идея социалистическая. Это положение, в общем и целом, применимо ко всему буржуазному обществу. Конечно, надо уметь применять эту общую истину к отдельным частным вопросам и частным случаям. Но забывать эту истину в такое время, когда все буржуазное общество в целом восстает против крепостничества и самодержавия, значит совершенно отказываться на деле от социалистической критики буржуазного общества...

Напечатано 26 ноября и 2 декабря 1905 г. *П. с. с., т. 12, с. 133—138.*

«КОМУ ВЫГОДНО?»

Есть такое латинское изречение «cui prodest» (куи продэст),— «кому выгодно?». Когда не сразу видно, какие политические или социальные группы, силы, величины отстаивают известные предложения, меры и т. п., следует всегда ставить вопрос: «Кому выгодно?».

Не то важно, *кто* отстаивает непосредственно известную политику, — ибо для защиты всяких взглядов при современной благородной системе капитализма любой богач всегда сможет «нанять» или купить, или привлечь любое число адвокатов, писателей, даже депутатов, профессоров, попов и так далее. Мы живем в торговое время, когда буржуазия не стесняется торговать и честью и совестью. Бывают и простачки, которые по недомыслию или по слепой привычке защищают господствующие в известной буржуазной среде взгляды.

Нет, в политике не так важно, *кто* отстаивает непосредственно известные взгляды. Важно то, *кому выгодны* эти взгляды, эти предложения, эти меры.

Например, «Европа», государства, именующие себя «цивилизованными», ведут теперь бешеную скачку с препятствиями из-за вооружений. На тысячи ладов, в тысячах газет, с тысяч кафедр кричат и вопят о патриотизме, о культуре, о родине, о мире, о прогрессе,— и все это ради оправдания новых затрат десятков и сотен миллионов рублей на всяческие орудия истребления, на пушки, на «дредноуты» (броненосцы новейшего типа) и т. п.

Господа публика! — хочется сказать по поводу всех этих фраз «патреотов». Не верьте фразам, посмотрите лучше, *кому выгодно!*

Недавно знаменитая английская фирма «Армстронг, Уитверс и К°» опубликовала свой годичный отчет. Фирма производит главным образом всяческие предметы вооружения. Баланс сведен в сумме 877 тысяч фунтов стерлингов, т. е. *около 8-ми миллионов рублей*, дивиденд *по 12½ процентов!!* Около 900 000 рублей отнесено в запасный капитал и т. д. и т. д.

Вот куда идут миллионы и миллиарды, выколачиваемые из рабочих и крестьян на вооружения. Дивиденды по 12½ процентов, — это значит *удвоение* капитала в 8 лет. А всяческие вознаграждения директоров и т. п. тут еще не считаются. Армстронг в Англии, Крупп в Германии, Крезо во Франции, Кокериль в Бельгии, а сколько их во всех «цивилизованных» странах? А тьма тем поставщиков?

Вот *кому выгодно* раздувание шовинизма, болтовня о «патриотизме» (пушечном патриотизме), о защите культуры (орудиями истребления культуры) и так далее!

Напечатано 11 апреля 1913 г. *П. с. с., т. 23, с. 61—62.*

Из статьи
«СТАТИСТИКА И СОЦИОЛОГИЯ» *

Факты — упрямая вещь, говорит английская пословица. Эта пословица особенно часто вспоминается, когда видишь, как иной писатель соловьем разливается по вопросу о величии «принципа национальности» в его разных значениях и соотношениях, причем применяется этот «принцип» по большей части столь же удачно, как удачны и уместны были восклицания известного героя народной сказки: «таскать вам не перетаскать» при виде похоронной процессии.

Точные факты, бесспорные факты — вот что особенно невыносимо для этого рода писателей и вот что особенно необходимо, если хотеть серьезно разобраться в сложном и трудном вопросе,

---

* Работу «Статистика и социология» закончить В. И. Ленину не удалось.— *Ред.*

сплошь да рядом умышленно запутываемом. Но как собрать факты? как установить их связь и взаимозависимость?

В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание *отдельных* фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже. Например, когда писатель, бывший в прежние времена серьезным и желающий, чтобы его считали таковым, берет факт монгольского ига и выставляет его как пример в пояснение некоторых событий в Европе XX века, можно ли это считать только игрой, или правильнее отнести это к политическому шарлатанству? Монгольское иго есть исторический факт, несомненно связанный с национальным вопросом, как и в Европе XX века наблюдается ряд фактов, столь же несомненно связанных с этим вопросом. Однако немного найдется людей — типа тех, кого французы зовут «национальными клоунами», — способных претендовать на серьезность и оперировать для иллюстрации происходящего в Европе в XX веке с «фактом» монгольского ига.

Вывод отсюда ясен: надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно бы было опираться, с которым можно было бы сопоставлять любое из тех «общих» или «примерных» рассуждений, которыми так безмерно злоупотребляют в некоторых странах в наши дни. Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня для оправдания, может быть, грязного дела. Это ведь бывает... чаще, чем кажется.

Исходя из этих соображений, мы решили начать со статистики, вполне сознавая, конечно, какую глубокую антипатию вызывает статистика у некоторых читателей, предпочитающих «низким истинам» «нас возвышающий обман», и у некоторых писателей, любящих провозить под флагом «общих» рассуждений об интернационализме, космополитизме, национализме, патриотизме и т. п. политическую контрабанду...

Написано в январе 1917 г. *П. с. с., т. 30, с. 349—351.*

Из статьи

«КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ»

2. «НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА»

Как видит читатель, статья в «Северной Правде» [36] на одном из примеров, именно на вопросе об общегосударственном языке, поясняет непоследовательность и оппортунизм либеральной буржуазии, которая в национальном вопросе протягивает руку крепостникам и полицейским. Всякий понимает, что кроме вопроса об общегосударственном языке либеральная буржуазия поступает столь же предательски, лицемерно и тупоумно (даже с точки зрения интересов либерализма) по целому ряду других однородных вопросов.

Вывод отсюда? Вывод тот, что *всякий* либерально-буржуазный национализм несет величайшее развращение в рабочую среду, наносит величайший ущерб делу свободы и делу пролетарской классовой борьбы. Это тем опаснее, что *прикрывается* буржуазная (и буржуазно-крепостническая) тенденция лозунгом «национальной культуры». Во имя национальной культуры — великорусской, польской, еврейской, украинской и пр. — обделывают реакционные и грязные делишки черносотенцы и клерикалы, а затем и буржуа *всех* наций.

Таков факт современной национальной жизни, если смотреть на нее по-марксистски, т. е. с точки зрения классовой борьбы, если сличать лозунги с интересами и политикой классов, а не с пустыми «общими принципами», декламациями и фразами.

Лозунг национальной культуры есть буржуазный (а часто и черносотенно-клерикальный) обман. Наш лозунг есть интернациональная культура демократизма и всемирного рабочего движения.

Тут бундовец г. Либман срывается в бой и сокрушает меня следующей убийственной тирадой:

«Всякий, кто хоть немного знаком с национальным вопросом, знает, что интернациональная культура не есть инациональная * культура (культура без национальной формы); инациональная культура, которая не должна быть ни русской, ни еврейской, ни польской, а только чистой культурой, есть бессмыслица; интернациональные идеи именно могут стать близкими рабочему классу только тогда, когда приноровлены к языку, на котором рабочий говорит, и к конкретным национальным условиям, в которых он живет; рабочий не должен быть равнодушен к положению и развитию своей национальной культуры, потому что через нее и только через нее получает он возможность принять участие в «интернациональной культуре демократизма и всемирного рабочего движения». Это давно известно, но обо всем этом В. И. и знать не хочет...»

Вдумайтесь в это типичное бундовское рассуждение, долженствующее, изволите видеть, разрушить выставленный мною марксистский тезис. С чрезвычайно самоуверенным видом, как человек, «знакомый с национальным вопросом», в качестве «давно известных» истин преподносит нам г. бундист обычные буржуазные взгляды.

Да, интернациональная культура не безнациональна, любезный бундист. Никто этого не говорил. Никто «чистой» культуры ни польской, ни еврейской, ни русской и т. д. не провозглашал, так что ваш пустой набор слов есть лишь попытка отвлечь внимание читателя и заслонить суть дела звоном слов.

В *каждой* национальной культуре есть, хотя бы не развитые, *элементы* демократической и социалистической культуры, ибо в *каждой* нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в *каждой* нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде *господствующей* культуры. Поэтому «национальная культура» вообще *есть* культура помещиков, попов, буржуазии. Эту основную истину, азбучную для марксиста, бундист оставил в тени, «заговорил» своим набором слов, т. е. на деле *против* вскрытия и разъяснения классовой пропасти дал читателю затемнение ее. *На деле* бундист выступил, как буржуа, весь интерес которого требует распространения веры в внеклассовую национальную культуру.

Ставя лозунг «интернациональной культуры демократизма и всемирного рабочего движения», мы *из каждой* национальной культуры берем *только* ее демократические и ее социалистические элементы, берем их *только* и *безусловно* в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму *каждой* нации. Ни один демократ и тем более ни один марксист не отрицает равноправия языков или необходимости на родном языке полемизировать с «родной» буржуазией, пропагандировать антиклерикальные или

---

* Интер — между; ин — не; интернациональный — междунациональный, международный; инациональный — ненациональный, ненародный, безнациональный, безнародный.

антибуржуазные идеи «родному» крестьянству и мещанству — об этом нечего говорить, этими бесспорными истинами бундист загораживает спорное, т. е. то, в чем действительно заключается вопрос.

Вопрос в том, допустимо ли для марксистов ставить, прямо или косвенно, лозунг национальной культуры, или обязательно *против* него проповедовать на всех языках, «приноровляясь» ко всем местным и национальным особенностям — лозунг *интернационализма* рабочих.

Значение лозунга «национальной культуры» определяется не обещанием или добрым намерением данного интеллигентика «толковать» этот лозунг «в смысле проведения через него интернациональной культуры». Смотреть так было бы ребяческим субъективизмом. Значение лозунга национальной культуры определяется объективным соотношением всех классов данной страны и всех стран мира. Национальная культура буржуазии есть *факт* (причем, повторяю, буржуазия везде проводит сделки с помещиками и попами). Воинствующий буржуазный национализм, отупляющий, одурачивающий, разъединяющий рабочих, чтобы вести их на поводу буржуазии,— вот основной факт современности.

Кто хочет служить пролетариату, тот должен объединять рабочих всех наций, борясь неуклонно с буржуазным национализмом и «*своим*» и чужим. Кто защищает лозунг национальной культуры,— тому место среди националистических мещан, а не среди марксистов.

Возьмите конкретный пример. Может великорусский марксист принять лозунг национальной, великорусской, культуры? Нет. Такого человека надо поместить среди националистов, а не марксистов. Наше дело — бороться с господствующей, черносотенной и буржуазной национальной культурой великороссов, развивая исключительно в интернациональном духе и в теснейшем союзе с рабочими иных стран те зачатки, которые имеются и в нашей истории демократического и рабочего движения. Бороться со своими великорусскими помещиками и буржуа, против его «культуры», во имя интернационализма, бороться, «приноровляясь» к особенностям Пуришкевичей и Струве, — вот твоя задача, а не проповедовать, не допускать лозунга национальной культуры.

То же самое относится к наиболее угнетенной и затравленной нации, еврейской. Еврейская национальная культура — лозунг раввинов и буржуа, лозунг наших врагов. Но есть другие элементы в еврейской культуре и во всей истории еврейства. Из $10^1/_2$ миллионов евреев на всем свете немного более половины живет в Галиции и России, отсталых, полудиких странах, держащих евреев *насилием* в положении касты. Другая половина живет в цивилизованном мире, и там нет кастовой обособленности евреев. Там сказались ясно великие всемирно-прогрессивные черты в еврейской культуре: ее интернационализм, ее отзывчивость на

передовые движения эпохи (процент евреев в демократических и пролетарских движениях везде выше процента евреев в населении вообще).

Кто прямо или косвенно ставит лозунг еврейской «национальной культуры», тот (каковы бы ни были его благие намерения) — враг пролетариата, сторонник *старого* и *кастового* в еврействе, пособник раввинов и буржуа. Наоборот, те евреи-марксисты, которые сливаются в интернациональные марксистские организации с русскими, литовскими, украинскими и пр. рабочими, внося свою лепту (и по-русски и по-еврейски) в создание интернациональной культуры рабочего движения, те евреи — вопреки сепаратизму Бунда — продолжают лучшие традиции еврейства, борясь против лозунга «национальной культуры».

Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм — вот два непримиримо-враждебные лозунга, соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира и выражающие *две* политики (более того: два миросозерцания) в национальном вопросе. Отстаивая лозунг национальной культуры, строя на нем целый план и практическую программу так называемой «культурно-национальной автономии», бундовцы *на деле* выступают проводниками буржуазного национализма в рабочую среду.

3. НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ЖУПЕЛ «АССИМИЛЯТОРСТВА»

Вопрос об ассимиляторстве *, т. е. об утрате национальных особенностей, о переходе в другую нацию, позволяет наглядно представить последствия националистических шатаний бундовцев и их единомышленников.

Г-н Либман, верно передавая и повторяя обычные доводы, вернее, приемы бундовцев, назвал требование единства и слияния рабочих всех национальностей данного государства в единых рабочих организациях (см. выше конец статьи из «Северной Правды») — «*старой ассимиляторской россказней*».

«Следовательно, — говорит по поводу заключения статьи в «Северной Правде» г. Ф. Либман, — на вопрос, к какой национальности вы принадлежите? рабочий должен отвечать: я социал-демократ».

Это наш бундовец считает верхом остроумия. На самом деле он разоблачает себя окончательно *такими* остротами и криком об «ассимиляторстве», *направленными против* последовательно-демократического и *марксистского* лозунга.

Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого нацио-

---

* Буквально — уподоблении, отождествлении.

пального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.

Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм. С обеими тенденциями считается национальная программа марксистов, отстаивая, во-первых, равноправие наций и языков, недопустимость каких бы то ни было *привилегий* в этом отношении (а также право наций на самоопределение, о чем ниже особо), а во-вторых, принцип интернационализма и непримиримой борьбы против заражения пролетариата буржуазным национализмом, хотя бы и самым утонченным.

Спрашивается, о чем же идет речь у нашего бундовца, когда он вопиет к небу против «ассимиляторства»? О насилиях против наций, о *привилегиях* одной из наций он *не мог* здесь говорить, ибо тут не подходит вообще слово «ассимиляторство»; — ибо все марксисты, и порознь и как официальное единое целое, вполне определенно и недвусмысленно осудили самомалейшее национальное насилие, угнетение, неравноправие; — ибо, наконец, и в статье «Северной Правды», на которую обрушился бундовец, эта общемарксистская мысль выражена с безусловной решительностью.

Нет. Тут невозможны увертки. Г-н Либман осуждал «ассимиляторство», понимая под этим *не* насилия, *не* неравноправие, *не* привилегии. Остается ли что-нибудь реальное в понятии ассимиляторства за вычетом всякого насилия и всякого неравноправия?

Безусловно, да. Остается та всемирно-историческая тенденция капитализма к ломке национальных перегородок, к стиранию национальных различий, к *ассимилированию* наций, которая с каждым десятилетием проявляется все могущественнее, которая составляет один из величайших двигателей, превращающих капитализм в социализм.

Тот не марксист, тот даже не демократ, кто не признает и не отстаивает равноправия наций и языков, не борется со всяким национальным гнетом или неравноправием. Это несомненно. Но так же несомненно, что тот якобы марксист, который на чем свет стоит ругает марксиста иной нации за «ассимиляторство», на деле представляет из себя просто *националистического мещанина*. К этому малопочтенному разряду людей относятся все бундовцы и (как сейчас увидим) украинские национал-социалы вроде гг. Л. Юркевича, Донцова и К°.

Чтобы конкретно показать всю реакционность взглядов этих националистических мещан, приведем троякого рода данные.

Всего больше кричат против «ассимиляторства» российских ортодоксальных марксистов еврейские националисты в России

вообще, бундовцы в том числе, в особенности. Между тем, как видно из вышеприведенных данных, из $10^1/_2$ миллионов евреев во всем мире *около половины* живет в *цивилизованном* мире, в условиях *наибольшего* «ассимиляторства», тогда как только несчастные, забитые, бесправные, задавленные Пуришкевичами (русскими и польскими) евреи России и Галиции живут в условиях *наименьшего* «ассимиляторства», наибольшего обособления, вплоть до «черты оседлости», «процентной нормы» и прочих пуришкевичевских прелестей.

Евреи в цивилизованном мире не нация, они всего больше ассимилировались,— говорят К. Каутский и О. Бауэр. Евреи в Галиции и в России не нация, они, к сожалению (и по вине *не* их, а Пуришкевичей), здесь еще *каста*. Таково бесспорное суждение людей, бесспорно знающих историю еврейства и учитывающих вышеприведенные факты.

О чем же говорят эти факты? О том, что против «ассимиляторства» могут кричать только еврейские реакционные мещане, желающие повернуть назад колесо истории, заставить ее идти не от порядков России и Галиции к порядкам Парижа и Нью-Йорка, а наоборот.

Против ассимиляторства никогда не кричали те всемирно-исторически прославленные лучшие люди еврейства, которые давали миру передовых вождей демократии и социализма. Против ассимиляторства кричат только благоговейные созерцатели еврейской «задней».

О том, в каких размерах идет вообще процесс ассимиляции наций при современных условиях передового капитализма, можно составить себе приблизительное представление, например, по данным об эмиграции в Соединенные Штаты Северной Америки. Европа отпустила туда за 10 лет, 1891—1900 гг.,— 3,7 млн. человек, а за девять лет, 1901—1909 гг.,— 7,2 млн. человек. Перепись 1900 года насчитала в Соединенных Штатах свыше 10 млн. человек иностранцев. Штат Нью-Йорк, в котором было по той же переписи свыше 78 тыс. австрийцев, 136 тыс. англичан, 20 тыс. французов, 480 тыс. немцев, 37 тыс. венгерцев, 425 тыс. ирландцев, 182 тыс. итальянцев, 70 тыс. поляков, 166 тыс. из России (большей частью евреи), 43 тыс. шведов и т. д., — походит на мельницу, перемалывающую национальные различия. И то, что в крупных, интернациональных размерах происходит в Нью-Йорке, происходит также в *каждом* большом городе и фабричном поселке.

Кто не погряз в националистических предрассудках, тот не может не видеть в этом процессе ассимиляции наций капитализмом величайшего исторического прогресса, разрушения национальной заскорузлости различных медвежьих углов — особенно в отсталых странах вроде России.

Возьмите Россию и отношение великороссов к украинцам. Разумеется, всякий демократ, не говоря уже о марксисте, будет решительно бороться против неслыханного унижения украинцев

и требовать полного равноправия их. Но было бы прямой изменой социализму и глупенькой политикой *даже* с точки зрения буржуазных «национальных задач» украинцев — *ослаблять* существующую теперь, в пределах одного государства, связь и союз украинского и великорусского пролетариата.

Г-н Лев Юркевич, называющий себя тоже «марксистом» (бедный Маркс!), дает образец этой глупенькой политики. В 1906 году,— пишет г. Юркевич, — Соколовский (Басок) и Лукашевич (Тучапский) утверждали, что украинский пролетариат совершенно обрусел и особая организация ему не нужна. Не пытаясь привести ни единого факта *по существу вопроса*, г. Юркевич обрушивается за это на обоих, истерически вопя — совершенно в духе самого низкопробного, тупого и реакционного национализма — что это-де «национальная пассивность», «национальное отречение», что эти люди «раскололи (!!) украинских марксистов» и т. п. У нас теперь, несмотря на «подъем национального украинского сознания среди рабочих», *меньшинство* рабочих «национально сознательно», а большинство,— уверяет г. Юркевич, — «находится еще под влиянием российской культуры». И наше дело, — восклицает националистический мещанин,— «не идти за массами, а вести их за собой, выяснять им национальные задачи (национальну справу)» («Дзвін» [37], с. 89).

Все это рассуждение г. Юркевича — целиком буржуазно-националистическое. Но даже с точки зрения буржуазных националистов, из которых одни хотят полного равноправия и автономии Украины, а другие — независимого украинского государства, это рассуждение не выдерживает критики. Противником освободительных стремлений украинцев является класс помещиков великорусских и польских, затем буржуазия тех же двух наций. Какая общественная сила способна к отпору этим классам? Первое десятилетие XX века дало фактический ответ: эта сила исключительно рабочий класс, ведущий за собой демократическое крестьянство. Стремясь разделить и тем ослабить действительно демократическую силу, при победе которой было бы невозможно национальное насилие, г. Юркевич изменяет интересам не только демократии вообще, но и своей родины, Украины. При едином действии пролетариев великорусских и украинских свободная Украина *возможна*, без такого единства о ней не может быть и речи.

Но марксисты не ограничиваются буржуазно-национальной точкой зрения. Уже несколько десятилетий вполне определился процесс более быстрого экономического развития юга, т. е. Украины, привлекающей из Великороссии десятки и сотни тысяч крестьян и рабочих в капиталистические экономии, на рудники, в города. Факт «ассимиляции» — в этих пределах — великорусского и украинского пролетариата несомненен. *И этот* факт *безусловно* прогрессивен. Капитализм ставит на место тупого, заскорузлого, оседлого и медвежьи-дикого мужика великоросса

или украинца подвижного пролетария, условия жизни которого ломают специфически национальную узость как великорусскую, так и украинскую. Допустим, что между Великороссией и Украиной станет со временем государственная граница, — и в этом случае историческая прогрессивность «ассимиляции» великорусских и украинских рабочих будет несомненна, как прогрессивно перемалывание наций в Америке. Чем свободнее станет Украина и Великороссия, тем *шире и быстрее* будет развитие капитализма, который тогда еще сильнее будет привлекать рабочих *всех* наций из всех областей государства и из всех соседних государств (если бы Россия оказалась соседним государством по отношению к Украине) рабочую массу в города, на рудники, на заводы.

Г-н Лев Юркевич поступает, как настоящий буржуа и притом близорукий, узкий, тупой буржуа, т. е. как мещанин, когда он интересы общения, слияния, ассимиляции *пролетариата* двух наций отбрасывает прочь ради моментального успеха украинской национальной справы. Национальная справа — сначала, пролетарская — потом, говорят буржуазные националисты и гг. Юркевичи, Донцовы и т. п. горе-марксисты за ними. Пролетарская справа — прежде всего, говорим мы, ибо она обеспечивает не только длительные, коренные интересы труда и интересы человечества, но и интересы демократии, а без демократии немыслима ни автономная, ни независимая Украина.

Наконец, в необыкновенно богатом националистическими перлами рассуждении г. Юркевича надо отметить еще следующее. Меньшинство украинских рабочих — национально сознательно, говорит он, — «большинство находится еще под влиянием русской культуры» (більшість перебуває ще під впливом російської культури).

Когда речь идет о пролетариате, это противопоставление украинской культуры в целом великорусской культуре, тоже в целом, означает самое бесстыдное предательство интересов пролетариата в пользу буржуазного национализма.

Есть две нации в каждой современной нации — скажем мы всем национал-социалам. Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова. Есть *такие* же *две* культуры в украинстве, как и в Германии, Франции, Англии, у евреев и т. д. Если большинство украинских рабочих находится под влиянием великорусской культуры, то мы знаем твердо, что наряду с идеями великорусской поповской и буржуазной культуры действуют тут и идеи великорусской демократии и социал-демократии. Борясь с первого рода «культурой», украинский *марксист* всегда выделит вторую культуру и скажет своим рабочим: «всякую возможность общения с великорусским сознательным рабочим, с его литературой, с его кругом идей обязательно всеми силами ловить, использовать, за-

крепнять, этого требуют коренные интересы *и* украинского *и* великорусского рабочего движения».

Если украинский марксист даст себя увлечь *вполне законной и естественной* ненавистью к великороссам-угнетателям *до того*, что он перенесет хотя бы частичку этой ненависти, хотя бы только отчуждение, на пролетарскую культуру и пролетарское дело великорусских рабочих, то этот марксист скатится тем самым в болото буржуазного национализма. Точно так же и великорусский марксист скатится в болото национализма, не только буржуазного, но и черносотенного, если он забудет хоть на минуту требование полного равноправия украинцев или их *право* на образование самостоятельного государства.

Великорусские и украинские рабочие должны вместе и, пока они живут в одном государстве, в самом тесном организационном единстве и слиянии отстаивать общую или интернациональную культуру пролетарского движения, относясь с абсолютной терпимостью к вопросу о языке пропаганды и об учете чисто местных или чисто национальных *частностей* в этой пропаганде. Таково безусловное требование марксизма. Всякая проповедь отделения рабочих одной нации от другой, всякие нападки на марксистское «ассимиляторство», всякое противопоставление в вопросах, касающихся пролетариата, одной национальной культуры в целом другой якобы целой национальной культуре и т. п. есть *буржуазный* национализм, с которым обязательна беспощадная борьба.

Написано в октябре — декабре 1913 г. *П. с. с., т. 24, с. 119—130.*

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОРДОСТИ ВЕЛИКОРОССОВ

Как много говорят, толкуют, кричат теперь о национальности, об отечестве! Либеральные и радикальные министры Англии, бездна «передовых» публицистов Франции (оказавшихся вполне согласными с публицистами реакции), тьма казенных, кадетских и прогрессивных (вплоть до некоторых народнических и «марксистских») писак России — все на тысячи ладов воспевают свободу и независимость «родины», величие принципа национальной самостоятельности. Нельзя разобрать, где здесь кончается продажный хвалитель палача Николая Романова или истязателей негров и обитателей Индии, где начинается дюжинный мещанин, по тупоумию или по бесхарактерности плывущий «по течению». Да и неважно разбирать это. Перед нами очень широкое и очень глубокое идейное течение, корни которого весьма прочно связаны с интересами господ помещиков и капиталистов великодержавных наций. На пропаганду выгодных этим классам идей затрачиваются десятки и сотни миллионов в год: мельница немалая, берущая воду отовсюду, начиная от убежденного шовиниста Меньшикова и

кончая шовинистами по оппортунизму или по бесхарактерности, Плехановым и Масловым, Рубановичем и Смирновым, Кропоткиным и Бурцевым.

Попробуем и мы, великорусские социал-демократы, определить свое отношение к этому идейному течению. Нам, представителям великодержавной нации крайнего востока Европы и доброй доли Азии, неприлично было бы забывать о громадном значении национального вопроса; — особенно в такой стране, которую справедливо называют «тюрьмой народов»; — в такое время, когда именно на дальнем востоке Европы и в Азии капитализм будит к жизни и к сознанию целый ряд «новых», больших и малых наций; — в такой момент, когда царская монархия поставила под ружье миллионы великороссов и «инородцев», чтобы «решить» целый ряд национальных вопросов сообразно интересам совета объединенного дворянства [38] и Гучковых с Крестовниковыми, Долгоруковыми, Кутлерами, Родичевыми.

Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т. е. $^{9}/_{10}$ *ее* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великорусов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика.

Мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы» [39]. Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда ее не было. Теперь ее мало, но она уже есть. Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация *тоже* создала революционный класс, *тоже* доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами.

Мы полны чувства национальной гордости, и именно поэтому мы *особенно* ненавидим *свое* рабское прошлое (когда помещики дворяне вели на войну мужиков, чтобы душить свободу Венгрии, Польши, Персии, Китая) и свое рабское настоящее, когда те же помещики, споспешествуемые капиталистами, ведут нас на войну,

чтобы душить Польшу и Украину, чтобы давить демократическое движение в Персии и в Китае, чтобы усилить позорящую наше великорусское национальное достоинство шайку Романовых, Бобринских, Пуришкевичей. Никто не повинен в том, если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство (например, называет удушение Польши, Украины и т. д. «защитой отечества» великороссов), такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам.

«Не может быть свободен народ, который угнетает чужие народы» [40], так говорили величайшие представители последовательной демократии XIX века, Маркс и Энгельс, ставшие учителями революционного пролетариата. И мы, великорусские рабочие, полные чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий. Именно потому, что мы хотим ее, мы говорим: нельзя в XX веке, в Европе (хотя бы и дальневосточной Европе), «защищать отечество» иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов *своего* отечества, т. е. *худших* врагов нашей родины; — нельзя великороссам «защищать отечество» иначе, как желая поражения во всякой войне царизму, как наименьшего зла для $^{9}/_{10}$ населения Великороссии, ибо царизм не только угнетает эти $^{9}/_{10}$ населения экономически и политически, но и деморализирует, унижает, обесчещивает, проституирует его, приучая к угнетению чужих народов, приучая прикрывать свой позор лицемерными, якобы патриотическими фразами.

Нам возразят, может быть, что кроме царизма и под его крылышком возникла и окрепла уже другая историческая сила, великорусский капитализм, который делает прогрессивную работу, централизуя экономически и сплачивая громадные области. Но такое возражение не оправдывает, а еще сильнее обвиняет наших социалистов-шовинистов, которых надо бы назвать царско-пуришкевичевскими социалистами (как Маркс назвал лассальянцев королевско-прусскими социалистами). Допустим даже, что история решит вопрос в пользу великорусского великодержавного капитализма против ста и одной маленькой нации. Это не невозможно, ибо вся история капитала есть история насилий и грабежа, крови и грязи. И мы вовсе не сторонники непременно маленьких наций; мы безусловно, *при прочих равных условиях*, за централизацию и против мещанского идеала федеративных отношений. Однако даже в таком случае, во-первых, не наше дело, не дело демократов (не говоря уже о социалистах) помогать Романову-Бобринскому-Пуришкевичу душить Украину и т. д. Бисмарк сделал по-своему, по-юнкерски, прогрессивное историческое дело, но хорош был бы тот «марксист», который на этом основании

вздумал бы оправдывать социалистическую помощь Бисмарку! И притом Бисмарк помогал экономическому развитию, объединяя раздробленных немцев, которых угнетали другие народы. А экономическое процветание и быстрое развитие Великороссии требует освобождения страны от насилия великороссов над другими народами — эту разницу забывают наши поклонники истинно русских почти-Бисмарков.

Во-вторых, если история решит вопрос в пользу великорусского великодержавного капитализма, то отсюда следует, что тем более великой будет *социалистическая* роль великорусского пролетариата, как главного двигателя коммунистической революции, порождаемой капитализмом. А для революции пролетариата необходимо длительное воспитание рабочих в духе *полнейшего* национального равенства и братства. Следовательно, с точки зрения интересов именно великорусского пролетариата, необходимо длительное воспитание масс в смысле самого решительного, последовательного, смелого, революционного отстаивания полного равноправия и права самоопределения всех угнетенных великороссами наций. Интерес (не по-холопски понятой) национальной гордости великороссов совпадает с *социалистическим* интересом великорусских (и всех иных) пролетариев. Нашим образцом останется Маркс, который, прожив десятилетия в Англии, стал наполовину англичанином и требовал свободы и национальной независимости Ирландии в интересах социалистического движения английских рабочих.

Наши же доморощенные социалистические шовинисты, Плеханов и проч. и проч., в том последнем и предположительном случае, который мы рассматривали, окажутся изменниками не только своей родине, свободной и демократической Великороссии, но и изменниками пролетарскому братству всех народов России, т. е. делу социализма.

Напечатано 12 декабря 1914 г. *П. с. с., т. 26, с. 106—110.*

Из работы

«ПРОЕКТ И ОБЪЯСНЕНИЕ ПРОГРАММЫ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ»

...Есть только одно средство положить конец эксплуатации труда капиталом, именно: уничтожить частную собственность на орудия труда, передать все фабрики, заводы, рудники, а также все крупные имения и т. п. в руки всего общества и вести общее социалистическое производство, направляемое самими рабочими. Продукты, производимые общим трудом, будут тогда идти в пользу самих трудящихся, а производимый ими излишек над их содержанием будет служить для удовлетворения потребностей самих рабочих, для полного развития всех их способностей и равноправного пользования всеми приобретениями науки и искусства. В программе и указано поэтому, что только этим может окончиться борьба рабочего класса с капиталистами. А для этого необходимо, чтобы политическая власть, т. е. власть управления государством, из рук правительства, находящегося под влиянием капиталистов и землевладельцев, или из рук правительства, состоящего прямо из выборных представителей капиталистов, перешла в руки рабочего класса.

Такова конечная цель борьбы рабочего класса, таково условие его полного освобождения...

Написано в июне — июле 1896 г. *П. с. с., т. 2, с. 96—97.*

Из книги

«ЧТО ДЕЛАТЬ?

НАБОЛЕВШИЕ ВОПРОСЫ НАШЕГО ДВИЖЕНИЯ»

...Национальные задачи русской социал-демократии таковы, каких не было еще ни перед одной социалистической партией в мире. Нам придется ниже говорить о тех политических и органи-

зационных обязанностях, которые возлагает на нас эта задача освобождения всего народа от ига самодержавия. Теперь же мы хотим лишь указать, что *роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией.* А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература; пусть... да довольно и этого!..

Написано осенью 1901 — в феврале 1902 г. *П. с. с., т. 6, с. 25.*

РОЛЬ СОСЛОВИЙ И КЛАССОВ В ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ

В одном юридическом журнале были приведены статистические данные о государственных преступлениях в России [41]. Эти данные очень поучительны: они дают точный материал по вопросу о роли сословий и классов в освободительном движении в разные исторические эпохи.

К сожалению, данные неполны. Выведены лишь эпохи: 1827—1846 годы (эпоха крепостного права); 1884 — 1890 годы (эпоха движения «разночинцев»; смешение буржуазно-либерального и либерально-народнического движения). Наконец, непосредственно предреволюционная (1901—1903) и революционная (1905 — 1908) эпохи, т. е. эпохи буржуазно-демократического и пролетарского движения.

Данные о роли сословий получаются следующие. На 100 привлеченных к обвинению за государственные преступления было:

Эпохи	Дворян	Мещан и крестьян	Духовенства	Купечества
1827—1846	76	23	?	?
1884—1890	30,6	46,6	6,4	12,1
1901—1903	10,7	80,9	1,6	4,1
1905—1908	9,1	87,7	?	?

Отсюда ясно видно, как быстро демократизировалось освободительное движение в XIX веке и как резко менялся классовый состав его. Эпоха крепостная (1827—1846 гг.) — полное преобладание дворянства. Это — эпоха от декабристов до Герцена. Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли *разбудить* народ.

Эпоха разночинца или буржуазно-либеральная (1884—1890)— дворяне уже составляют меньшую часть среди участников освободительного движения. Но, если прибавить к ним духовенство

и купечество, то получаем 49%, т. е. *почти половину*. Движение еще наполовину остается движением привилегированных классов: дворян и верхов буржуазии. Отсюда — бессилие движения, несмотря на героизм одиночек.

Третья (1901—1903) и четвертая (1905—1908) эпохи — эпохи крестьянской и пролетарской демократии. Роль дворянства совсем малая. Мещане и крестьяне дают $^{8}/_{10}$ перед революцией и $^{9}/_{10}$ во время революции. Проснулись массы. Отсюда два итога: 1) возможность добиваться кое-чего серьезного и 2) ненависть либералов к движению (появление контрреволюционного либерализма).

Еще интереснее данные о занятиях, имеющиеся только для трех последних эпох. На 100 участников освободительного движения (привлеченных за государственные преступления) было лиц, занимающихся:

Эпохи	Сельским хозяйством	Промышленностью и торговлей	Либеральными профессиями и учащихся	Неопределенных занятий и без занятий
1884—1890	7,1	15,1	53,3	19,9
1901—1903	9,0	46,1	28,7	8,0
1905—1908	24,2	47,4	22,9	5,5

Это — чрезвычайно поучительные цифры. Сразу выясняется роль разночинца в эпоху народничества и народовольства (1884—1890): *большинство* участников — учащиеся и люди либеральных профессий (53,3%). Смешение буржуазно-либерального и либерально-народнического движения при выдающейся роли учащихся и интеллигентов — вот классовая сущность тогдашних партий и тогдашнего движения. Крестьяне («сельское хозяйство») и промышленные рабочие («промышленность и торговля») дают небольшое меньшинство (7 и 15%). Так называемых — деклассированных людей, т. е. выбитых из своего класса, оставшихся без связи с определенным классом,—таких людей *одна пятая* (19,9%), больше чем крестьян, больше чем рабочих!

Вот откуда своеобразные формы движения, величие героизма и его бессилие.

Подходит предреволюционная эпоха (1901—1903). Первую роль играет городской рабочий («промышленность и торговля»). Будучи меньшинством народа, он дает *почти половину* (46,1%) участников. Интеллигенция и учащиеся *уже* стоят на втором плане (вопреки басням либералов и ликвидаторов насчет рабочей партии). Роль крестьян ничтожна (9% из «сельского хозяйства»), но возрастает.

Последняя эпоха, 1905—1908 гг. Роль городских рабочих возросла с 46,1 до 47,4%. Они разбудили уже массу крестьянства, которое увеличило долю своего участия в движении больше всех остальных классов: с 9 до 24,2%, т. е. *почти втрое*. Крестьянство уже перегнало либеральных интеллигентов и учащихся (22,9%).

Роль деклассированных, выбитых из класса, совсем ничтожна (5,5%). Злостно-клеветнический характер либеральной теории насчет «интеллигентской» сущности нашей революции выступает яснее ясного.

Пролетариат и буржуазная демократия (крестьянство) — вот кто составляет общественную силу движения. Но крестьянство, составляя громадное большинство по отношению к рабочим и горожанам, стоит далеко позади, давая всего *четверть* (24,2%) участников, так как оно еще слабо разбужено.

Остается закончить хвалой по адресу третьеиюньской (столыпинской) земельной политики, которая весьма успешно, быстро и энергично будит и остальных...

Напечатано 28 августа 1913 г. *П. с. с., т. 23, с. 397—399.*

ИЗ ПРОШЛОГО РАБОЧЕЙ ПЕЧАТИ В РОССИИ

История рабочей печати в России неразрывно связана с историей демократического и социалистического движения. Поэтому, только зная главные этапы освободительного движения, можно действительно добиться понимания того, почему подготовка и возникновение рабочей печати шли таким, а не другим каким-либо путем.

Освободительное движение в России прошло три главные этапа, соответственно трем главным классам русского общества, налагавшим свою печать на движение: 1) период дворянский, примерно с 1825 по 1861 год; 2) разночинский или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год; 3) пролетарский, с 1895 по настоящее время.

Самыми выдающимися деятелями дворянского периода были декабристы и Герцен. В ту пору, при крепостном праве, о выделении рабочего *класса* из общей массы крепостного, бесправного, «низшего», «черного» *сословия* не могло быть и речи. Предшественницей рабочей (пролетарски-демократической или социал-демократической) печати была тогда общедемократическая бесцензурная печать с «Колоколом» [42] Герцена во главе ее.

Как декабристы разбудили Герцена, так Герцен и его «Колокол» помогли пробуждению *разночинцев*, образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству. Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский. Его знаменитое «Письмо к Гоголю», подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору.

Падение крепостного права вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности. Господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, стало народничество. Оно никогда не могло, как общественное течение, отмежеваться от либерализма справа и от анархизма слева. Но Чернышевский, развивший вслед за Герценом народнические взгляды, сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классовой борьбы. Он резко проводил ту линию разоблачений измен либерализма, которая доныне ненавистна кадетам и ликвидаторам. Он был замечательно глубоким критиком капитализма, несмотря на свой утопический социализм.

Эпоха 60-х и 70-х годов знает целый ряд начавших уже идти в «массы» бесцензурных произведений печати боевого демократического и утопически-социалистического содержания. А среди деятелей той эпохи виднейшее место занимают рабочие Петр Алексеев, Степан Халтурин и др. Но в общем потоке народничества пролетарски-демократическая струя не могла выделиться. Выделение ее стало возможно лишь после того, как идейно определилось направление русского марксизма (группа «Освобождение труда», 1883 г.[43]) и началось непрерывное рабочее движение в связи с социал-демократией (петербургские стачки 1895 — 1896 годов).

Но прежде чем переходить к этой эпохе, с которой собственно начинается рабочая печать в России, приведем данные, наглядно показывающие *классовое* различие между движениями трех намеченных исторических периодов. Это — данные о распределении по сословиям и по занятиям (по классам) лиц, привлеченных за государственные (политические) преступления. На 100 таковых лиц было:

	Дворян	Мещан и крестьян	Крестьян	Рабочих	Интеллигентов
В 1827—1846 гг.	76	23	?	?	?
» 1884—1890 »	30,6	46,6	7,1	15,1	73,2
» 1901—1903 »	10,7	80,9	9,0	46,1	36,7
» 1905—1908 »	9,1	87,7	24,2	47,4	28,4

В период дворянский, крепостной (1827—1846) дворяне, составлявшие ничтожное меньшинство населения, дают громадное большинство (76%) «политических». В период народнический, разночинский (1884—1890 гг.; о 60-х и 70-х годах, к сожалению, нет подобных данных) дворяне отходят на второй план, но все же дают еще громадный процент (30,6%). Интеллигенция дает подавляющее большинство (73,2%) участников демократического движения.

Период 1901—1903 гг., как раз период первой политической марксистской газеты, *старой* «Искры»[44], дает уже *преобладание* рабочих (46,1%) над интеллигенцией (36,7%) при полной демокра-

тизации движения (10,7% дворян и 80,9% «непривилегированных»).

Забегая вперед, отметим, что период первого массового движения (1905—1908) показывает изменение *лишь* в виде вытеснения интеллигенции (28,4% против 36,7%) крестьянством (24.2% против 9,0%).

Основателем социал-демократии в России является группа «Освобождение труда», возникшая за границей в 1883 году. Литературные произведения этой группы, печатавшиеся без цензуры за границей, стали впервые излагать систематически и со всеми практическими выводами идеи марксизма, которые, как показал опыт всего мира, одни только выражают правильно сущность рабочего движения и его задачи. За 12 лет, с 1883 по 1895 г., едва ли не единственной попыткой создать с.-д. рабочую печать в России было издание в Петербурге в 1885 году с.-д. газеты «Рабочий» [45], конечно, без цензуры, но этой газеты вышло только 2 номера. Отсутствие массового рабочего движения не давало возможности широко развиться рабочей печати.

С 1895—1896 года, со времени знаменитых петербургских стачек, начинается массовое рабочее движение с участием социал-демократии. Именно это время есть в собственном смысле слова время появления рабочей печати в России. Главными произведениями рабочей печати были тогда бесцензурные листки, большей частью не печатные, а гектографированные и посвященные «экономической» (а также и неэкономической) агитации, т. е. изложению нужд и требований рабочих разных фабрик и отраслей промышленности. Разумеется, без самого активного участия передовых рабочих в составлении и распространении такой литературы она существовать бы не могла. Из петербургских рабочих, действовавших в то время, можно назвать Василия Андреевича Шелгунова, который впоследствии ослеп и лишен был возможности действовать с прежней активностью, и Ивана Васильевича Бабушкина, горячего «искровца» (1900—1903) и «большевика» (1903—1905), который был расстрелян за участие в восстании в Сибири в конце 1905 или в начале 1906 года.

Листки издавались с.-д. группами, кружками и организациями, которые с конца 1895 года стали принимать большею частью название «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса». В 1898 году съезд представителей местных с.-д. организаций и основал «Российскую социал-демократическую рабочую партию».

Вслед за листками начали появляться бесцензурные рабочие газеты, — например, в С.-Петербурге в 1897 г. «СПБ. Рабочий Листок» [46] и там же «Рабочая Мысль» [47], перенесенная вскоре за границу. Местные с.-д. газеты существуют с этого времени почти непрерывно до революции бесцензурно,— разумеется, будучи постоянно разрушаемы, но возникая снова и снова во всех концах России.

Взятые вместе рабочие листки и с.-д. газеты того времени, т. е. 20 лет тому назад, являются прямыми и непосредственными предшественниками теперешней рабочей печати: те же фабричные «обличения», та же хроника «экономической» борьбы, то же принципиальное освещение задач рабочего движения с точки зрения марксизма и последовательного демократизма, — наконец, *те же два основных направления*, марксистское и оппортунистическое, в рабочей печати.

Замечательный факт, далеко еще недостаточно оцененный по сю пору: как только возникло *массовое* рабочее движение в России (1895—1896 гг.), так немедленно появляется разделение на марксистское и оппортунистическое направления, — разделение, которое меняет форму, обличие и т. д., но остается в сущности тем же самым с 1894 по 1914 год. Очевидно, есть глубокие социальные, классовые корни именно такого, а не иного какого-либо разделения и внутренней борьбы между социал-демократами.

Названная выше «Рабочая Мысль» представляла тогдашнее *оппортунистическое* направление, так называемый «экономизм». В спорах местных деятелей рабочего движения это направление обрисовалось уже в 1894—1895 годах. А за границей, где пробуждение русских рабочих привело к громадному расцвету с.-д. литературы уже с 1896 года, появление и сплочение «экономистов» кончилось расколом весной 1900 года (т. е. еще до возникновения «Искры», первый номер которой вышел в самом конце 1900 года).

История рабочей печати за двадцатилетие 1894—1914 гг. есть история двух направлений в русском марксизме и русской (вернее: российской) социал-демократии. Чтобы *понять* историю рабочей печати в России, надо знать не только и даже не столько названия разных органов печати, названия, ничего не говорящие современному читателю и только сбивающие его с толку, а *содержание*, характер, идейную линию разных частей социал-демократии.

Главными органами «экономистов» были «Рабочая Мысль» (1897—1900) и «Рабочее Дело» (1898—1901) [48]. Во главе «Рабочего Дела» стояли Б. Кричевский, впоследствии перешедший к синдикалистам, А. Мартынов, видный меньшевик и теперь ликвидатор, и Акимов, ныне «независимый с.-д.», во всем существенном согласный с ликвидаторами.

Против «экономистов» боролись сначала только Плеханов и вся группа «Освобождение труда» (журнал «Работник» [49] и т. д.), потом «Искра» (с 1900 г. по август 1903 г., до II съезда РСДРП). В чем же состояла сущность «экономизма»?

«Экономисты» на словах защищали особенно энергично массовый характер рабочего движения и самодеятельность рабочих, настаивая на первостепенном значении «экономической» агитации и на умеренности или постепенности в переходе к политической агитации. Как видит читатель, это— все те же излюбленные

словечки, которыми щеголяют и ликвидаторы. На деле же «экономисты» проводили либеральную рабочую политику, суть которой один из тогдашних вождей «экономизма», г. С. Н. Прокопович, выразил кратко: «рабочим — экономическая, либералам — политическая борьба». На деле «экономисты», больше всего шумевшие о рабочей самодеятельности и о массовом движении, были оппортунистическим, мещански-интеллигентским крылом в рабочем движении.

Подавляющее большинство сознательных рабочих, которые уже в 1901 — 1903 гг. давали на 100 привлеченных за государственные преступления 46 человек против 37 интеллигентов, встало на сторону *старой* «Искры» против оппортунизма. Трехлетняя (1901—1903) деятельность «Искры» выработала и программу с.-д. партии, и основы ее тактики, и формы соединения экономической и политической борьбы рабочих на основе последовательного марксизма. Вокруг «Искры» и под ее идейным руководством рабочая печать выросла за предреволюционные годы в громадных размерах. Количество бесцензурных листков и неразрешенных типографий было чрезвычайно велико и быстро росло во всех концах России.

Полная победа «Искры» над «экономизмом», пролетарски-последовательной тактики над оппортунистически-интеллигентской в 1903 году, привела к новому усиленному притоку «попутчиков» социал-демократии в ее ряды, и оппортунизм воскрес *на почве искровства*, как его часть, под видом «меньшевизма».

Меньшевизм образовался на II съезде РСДРП (август 1903 г.) из *меньшинства* «искровцев» (отсюда и название меньшевизм) *и из всех оппортунистических противников «Искры»*. «Меньшевики» повернули назад к «экономизму», конечно, в несколько обновленной форме; все «экономисты», оставшиеся в движении, наполнили, с А. Мартыновым во главе, ряды «меньшевиков».

Главным органом «меньшевизма» стала *новая* «Искра» [50], с ноября 1903 года выходившая под измененной редакцией: «между старой и новой «Искрой» лежит пропасть», — заявил откровенно тогдашний горячий меньшевик Троцкий. Главными органами «большевиков», которые защищали тактику последовательного марксизма, верную старой «Искре», были «Вперед» [51] и «Пролетарий» (1905 г.).

Проверкой обоих главных направлений в социал-демократии и в рабочей печати, меньшевистского и большевистского, с точки зрения действительной связи с массами и выражения тактики пролетарских масс были годы революции, 1905—1907 гг. Открытая с.-д. печать не могла бы возникнуть сразу осенью пятого года, если бы деятельность передовых рабочих, тесно связанная с массами, не подготовила почвы для такой печати. И если открытая с.-д. печать и 1905, и 1906, и 1907 годов была печатью *двух* направлений и двух фракций, то это в свою очередь не может быть объясне-

но иначе, как различием мелкобуржуазной и пролетарской линии в рабочем движении той эпохи.

Открытая рабочая печать появлялась во все три периода подъема и сравнительной «свободы»: и осенью 1905 года («Новая Жизнь» большевиков, «Начало» [52] меньшевиков — мы называем только главные органы среди многочисленных других), и весной 1906 года («Волна», «Эхо» [53] и т. д. у большевиков, «Народная Дума» [54] и др. у меньшевиков), и весной 1907 года.

Сущность меньшевистской тактики этой эпохи сам Л. Мартов недавно выразил словами: «меньшевизм не видел для пролетариата иной возможности плодотворного участия в данном кризисе, кроме содействия буржуазно-либеральной демократии в ее попытках оттеснить от государственной власти реакционную часть имущих классов — содействия, которое, однако, пролетариат должен осуществлять, сохраняя полную политическую самостоятельность» («Среди книг» Рубакина*, т. II, с. 772). Вот эта тактика «содействия» либералам и означала на деле *зависимость* рабочих от них, была на деле либеральной рабочей политикой. Наоборот, тактика большевизма обеспечивала самостоятельность пролетариата в буржуазном кризисе, борьбой за доведение его до конца, разоблачением измен либерализма, просвещением и сплочением мелкой буржуазии (особенно деревенской) в противовес этим изменам.

Известно — и сами меньшевики вплоть до теперешних ликвидаторов, Кольцова, Левицкого и др. многократно признали это,— что в эти годы (1905—1907) рабочие массы шли с большевиками. Большевизм выразил пролетарскую сущность движения, меньшевизм — его оппортунистическое, мещански-интеллигентское крыло.

Мы не можем здесь характеризовать подробнее содержание и значение тактики обоих направлений рабочей печати. Мы должны ограничиться тем, чтобы точно установить основные факты, определить главные линии исторического развития.

Рабочая печать в России имеет за собой почти вековую историю — сначала подготовительную, т. е. историю *не* рабочего, *не* пролетарского, а «общедемократического», т. е. буржуазно-демократического освободительного движения,— а затем свою собственную, двадцатилетнюю историю пролетарского движения, пролетарской демократии или социал-демократии.

Нигде в мире пролетарское движение не рождалось и не могло родиться «сразу», в чистом классовом виде, явиться на свет готовым, как Минерва из головы Юпитера. Лишь долгой борьбой и тяжелым трудом самих передовых рабочих, всех сознательных рабочих давалось выделение и упрочение пролетарского классового движения из всяческих мелкобуржуазных примесей, ограничений, узостей, извращений. Рабочий класс живет бок о бок с

---

* См. наст. сборник, с. 273—275.— *Ред.*

мелкой буржуазией, которая разоряясь дает все новых и новых пришельцев в ряды пролетариата. А Россия — наиболее мелкобуржуазная, наиболее мещанская из капиталистических стран, переживающая только теперь ту эпоху буржуазных революций, которая, например, в Англии знаменует XVII век, а во Франции XVIII и первую половину XIX века.

Сознательный рабочий, берясь теперь за родное, кровное, свое дело ведения рабочей печати, ее постановки, укрепления, развития, не забудет о двадцатилетней истории марксизма и с.-д. печати в России.

Плохую услугу оказывают рабочему движению те слабонервные интеллигентские друзья его, которые отмахиваются от внутренней борьбы среди с.-д. и наполняют воздух возгласами и призывами отмахнуться от нее. Добрые, но пустые это люди и пустые их возгласы.

Только изучая историю борьбы марксизма с оппортунизмом, только знакомясь основательно и подробно с выделением самостоятельной пролетарской демократии из мелкобуржуазной мешанины, передовые рабочие окончательно укрепят свое сознание и свою рабочую печать.

Напечатано 22 апреля 1914 г. *П. с. с., т. 25, с. 93—101.*

Из работы
«КРАХ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА»

...Для марксиста не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, причем не всякая революционная ситуация приводит к революции. Каковы, вообще говоря, признаки революционной ситуации? Мы наверное не ошибемся, если укажем следующие три главные признака: 1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизмененном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, *так и самими «верхами»*, к самостоятельному историческому выступлению.

Без этих объективных изменений, независимых от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов, революция — по общему правилу — невозможна. Совокупность этих

объективных перемен и называется революционной ситуацией. Такая ситуация была в 1905 году в России и во все эпохи революций на Западе; но она была также и в 60-х годах прошлого века в Германии, в 1859—1861, в 1879—1880 годах в России, хотя революций в этих случаях не было. Почему? Потому, что не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного *класса* на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят»...

Написано во второй половине мая — первой половине июня 1915 г. *П. с. с., т. 26, с. 218—219.*

Из книги

«ДЕТСКАЯ БОЛЕЗНЬ «ЛЕВИЗНЫ» В КОММУНИЗМЕ»

...Если большевизм мог выработать и успешно осуществить в 1917—1920 годах, при невиданно тяжелых условиях, самую строгую централизацию и железную дисциплину, то причина тому заключается просто-напросто в ряде исторических особенностей России.

С одной стороны, большевизм возник в 1903 году на самой прочной базе теории марксизма. А правильность этой — и только этой — революционной теории доказал не только всемирный опыт всего XIX века, но и в особенности опыт блужданий и шатаний, ошибок и разочарований революционной мысли в России. В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы. Благодаря вынужденной царизмом эмигрантщине революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире.

С другой стороны, возникший на этой гранитной теоретической базе большевизм проделал пятнадцатилетнюю (1903—1917) прак-

тическую историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной в свете. Ибо ни в одной стране за эти 15 лет не было пережито даже приблизительно так много в смысле революционного опыта, быстроты и разнообразия смены различных форм движения, легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентского и террористического. Ни в одной стране не было сконцентрировано на таком коротком промежутке времени такого богатства форм, оттенков, методов борьбы *всех* классов современного общества, притом борьбы, которая, в силу отсталости страны и тяжести гнета царизма, особенно быстро созревала, особенно жадно и успешно усваивала себе соответствующее «последнее слово» американского и европейского политического опыта.

Написано в апреле — мае 1920 г. *П. с. с., т. 41, с. 7—8.*

О РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДЕМОКРАТАХ И НАРОДНИКАХ

Из книги

«ЧТО ТАКОЕ «ДРУЗЬЯ НАРОДА» И КАК ОНИ ВОЮЮТ ПРОТИВ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ?»

(ОТВЕТ НА СТАТЬИ «РУССКОГО БОГАТСТВА» ПРОТИВ МАРКСИСТОВ)

...Утратив хорошие стороны старого русского социально-революционного народничества, они («друзья народа».— *Ред.*) крепко ухватились за одну из крупных его ошибок — непонимание классового антагонизма внутри крестьянства.

«Народник 70-х годов,— очень метко говорит Гурвич,— не имел никакого представления о классовом антагонизме внутри самого крестьянства, ограничивая этот антагонизм исключительно отношениями между «эксплуататором» — кулаком или мироедом — и его жертвой, крестьянином, пропитанным коммунистическим духом *. Глеб Успенский одиноко стоял со своим скептицизмом, отвечая иронической улыбкой на общую иллюзию. Со своим превосходным знанием крестьянства и со своим громадным артистическим талантом, проникавшим до самой сути явлений, он не мог не видеть, что индивидуализм сделался основой экономических отношений не только между ростовщиком и должником, но между крестьянами вообще. См. его статью «Равнение под одно» в «Русской Мысли» 1882 г., № 1» (назв. соч., стр. 106) [1]...

* * *

...По части ласковости надо отдать справедливость «Р. Богатству»: право, даже среди русской либеральной печати оно выдается неуменьем держать себя с мало-мальской независимостью. Судите сами:

---

* «Внутри деревенской общины возникли антагонистические социальные классы»,— говорит Гурвич в другом месте (с. 104). Я цитирую Гурвича только в добавление к вышеприведенным фактическим данным.

Библиотечная книга

«Отмена соляного налога, отмена подушной подати и понижение выкупных платежей» именуются г. Южаковым «серьезным облегчением народного хозяйства». Ну, конечно! — А не сопровождалась ли отмена соляного налога учреждением кучи новых косвенных налогов и повышением старых? не сопровождалась ли отмена подушной подати увеличением платежей бывших государственных крестьян под видом перевода их на выкуп? не осталось ли и теперь, после пресловутого понижения выкупных платежей (которым государство не отдало крестьянам даже и того барыша, который оно нажило на выкупной операции) — несоответствие платежей с доходностью земли, т. е. прямое переживание крепостнических оброков? — Ничего! Важен тут ведь только «первый шаг», «принцип», а там... там еще попросить можно будет!

Но это все только цветочки. А вот и ягодки:

«80-е годы облегчили народное бремя (это вот указанными-то мерами) и тем спасли народ от окончательного разорения».

Тоже классическая по своему лакейскому бесстыдству фраза, которую можно поставить рядом только разве с вышеприведенным заявлением г. Михайловского, что нам надо еще создавать пролетариат. Нельзя не вспомнить по этому поводу так метко описанную Щедриным историю эволюции российского либерала. Начинает этот либерал с того, что просит у начальства реформ «по возможности»; продолжает тем, что клянчит «ну, хоть что-нибудь», и кончает вечной и незыблемой позицией «применительно к подлости»[2]. Ну, как не сказать, в самом деле, про «друзей народа», что они заняли эту вечную и незыблемую позицию, когда они под свежим впечатлением голодовки миллионов народа, к которой правительство отнеслось сначала с торгашеской прижимистостью, а потом с торгашескою же трусостью,— говорят печатно, что правительство спасло народ от окончательного разорения!! Пройдет еще несколько лет с еще более быстрой экспроприацией крестьянства, правительство к учреждению министерства земледелия добавит отмену одного-двух прямых налогов и учреждение нескольких новых косвенных; затем голодовка охватит 40 миллионов народа,— и эти господа будут точно так же писать: вот видите, голодает 40, а не 50 миллионов; это потому, что правительство облегчило народное бремя и спасло народ от окончательного разорения, это потому, что оно послушалось «друзей народа» и учредило министерство земледелия!

Другой пример:

Хроникер внутренней жизни в № 2 «Р. Б—ва», толкуя о том, что Россия «к счастью» (sic!) отсталая страна, «сохраняющая элементы для обоснования своего экономического строя на принципе солидарности» *,— говорит, что поэтому она в состоянии

* Между кем? помещиком и крестьянином? хозяйственным мужичком и босяком? фабрикантом и рабочим? Чтобы уразуметь этот классический «принцип солидарности», надо припомнить, что солидарность между предпринимателем и рабочим достигается «понижением заработной платы».

выступить «в международных отношениях проводником экономической солидарности» и что шансы на это увеличивает для России ее неоспоримое «политическое могущество»!!

Это европейский-то жандарм, постоянный и вернейший оплот всякой реакции, доведший русский народ до такого позора, что, будучи забит у себя дома, он служил орудием для забивания народов на Западе,— этот жандарм определяется в проводники экономической солидарности!

Это уже выше всякой меры! Гг. «друзья народа» за пояс заткнут всех либералов. Они не только просят правительство, не только славословят, они прямо-таки молятся на это правительство, молятся с земными поклонами, молятся с таким усердием, что вчуже жутко становится, когда слышишь, как трещат их верноподданнические лбы.

Помните ли вы немецкое определение филистера?

Was ist der Philister?
Ein hohler Darm,
Voll Furcht und Hoffnung,
Daß Gott erbarm *.

К нашим делам это определение немножко не подходит. Бог... бог у нас совсем на втором месте. Зато вот начальство — это другое дело. И если мы подставим в это определение вместо слова «бог» слово «начальство»,— мы получим точнейшее выражение идейного багажа, нравственного уровня и гражданского мужества российских гуманно-либеральных «друзей народа».

К такому нелепейшему воззрению на правительство «друзья народа» присоединяют и соответствующее отношение к так называемой «интеллигенции». Г-н Кривенко пишет: «Литература»... должна «оценивать явления по их общественному смыслу и ободрять каждую активную попытку к добру. Она твердила и продолжает твердить о недостатке учителей, докторов, техников, о том, что народ болеет, беднеет (техников мало!), не знает грамоты и т. д., и когда являются люди, которым надоело сидеть за зелеными столами, участвовать в любительских спектаклях и есть предводительские пироги с вязигой, люди, которые выходят на работу с редким самоотвержением (подумайте-ка: отвергли, ведь, зеленые столы, спектакли и пироги!) и, несмотря на множество препятствий, она должна приветствовать их».

Двумя страницами ниже он с деловитой серьезностью умудренного опытом служаки журит людей, которые «колебались перед вопросом, идти ли им в земские начальники, в городские головы, в председатели и члены земских управ по новому положению, или не ходить. В обществе с развитым сознанием гражданских потребностей и обязанностей (слушайте, господа: право, это стоит речей знаменитых российских помпадуров, каких-нибудь Баранo-

* Что такое филистер? Пустая кишка, полная трусости и надежды, что бог сжалится (И.-В. Гете. Кроткие ксении).— *Ред.*

вых или Косичей!) ни подобные колебания, ни такое отношение к делу были бы немыслимы, потому что оно всякую реформу, если только в ней есть жизненные стороны, ассимилировало бы по-своему, т. е. воспользовалось и дало бы развитие тем ее сторонам, которые целесообразны; стороны же ненужные обратило бы в мертвую букву; и если в реформе совсем нет жизненности, то она и совсем осталась бы инородным телом».

Черт знает, что такое! Какой-то громовый оппортунизм и выступает с таким самовосхищением! Задача литературы — собирать салонные сплетни про злых марксистов, раскланиваться перед правительством за спасание народа от окончательного разорения, приветствовать людей, которым надоело сидеть за зелеными столами, учить «публику» не сторониться даже от таких должностей, как должность земского начальника... Да что я читаю? «Неделю» или «Новое Время»?[3] — Нет, это — «Русское Богатство», орган передовых российских демократов...

И подобные господа толкуют об «идеалах отцов», претендуют на то, что они, именно они хранят традиции тех времен, когда Франция разливала по всей Европе идеи социализма — и когда восприятие этих идей давало в России теории и учения Герцена, Чернышевского. Это уже совсем безобразие, которое было бы глубоко возмутительно и обидно, если бы «Русское Богатство» не было слишком забавно, если бы подобные заявления на страницах такого журнала не вызывали только гомерического смеха. Да, вы пачкаете эти идеалы! В самом деле, в чем состояли эти идеалы у первых русских социалистов, социалистов той эпохи, которую так метко охарактеризовал Каутский словами:

— «когда каждый социалист был поэтом и каждый поэт — социалистом».

— *Вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни;* отсюда — *вера в возможность крестьянской социалистической революции*,— вот что одушевляло их, поднимало десятки и сотни людей на геройскую борьбу с правительством. И вы не сможете упрекнуть социал-демократов в том, чтобы они не умели ценить громадной исторической заслуги этих лучших людей своего времени, не умели глубоко уважать их памяти. Но я спрашиваю вас: где же она теперь, эта вера? — Ее нет, до такой степени нет, что когда г. В. В. в прошлом году попробовал было толковать о том, что община воспитывает народ к солидарной деятельности, служит очагом альтруистических чувств и т. п. [4],— то даже г. Михайловский усовестился и стыдливо стал выговаривать г-ну В. В., что «нет такого *исследования*, которое бы доказывало связь нашей общины с альтруизмом»[5]. И действительно, такого исследования нет. А вот подите же: — было время — и без всякого исследования люди верили и верили беззаветно.

Как? почему? на каком основании?..

— «каждый социалист был поэтом и каждый поэт — социалистом»...

* * *

...Еще пример возьмем из области суждений о крестьянской реформе. Как относился к ней демократ вышеуказанной эпохи нераздельности демократизма и социализма, Чернышевский? Не будучи в состоянии открыто заявлять свои мнения, он *молчал*, а обиняками характеризовал подготовлявшуюся реформу таким образом:

«*Предположим, что я был заинтересован принятием средств для сохранения провизии, из запаса которой составляется ваш обед. Само собой разумеется, что если я это делал собственно из расположения к вам, то моя ревность основывалась на предположении, что провизия принадлежит вам и что приготовляемый из нее обед здоров и выгоден для вас. Представьте же себе мои чувства, когда я узнаю, что провизия вовсе не принадлежит вам и что за каждый обед, приготовленный из нее, берутся с вас деньги, которых* н е т о л ь к о н е с т о и т с а м ы й о б е д (это писано *до* реформы. А гг. Южаковы *теперь* уверяют, что основной принцип ее обеспечить крестьян!!), *но* к о т о р ы х в ы в о о б щ е н е м о ж е т е п л а т и т ь б е з к р а й н е г о с т е с н е н и я. *Какие мысли приходят мне в голову при этих столь странных открытиях?.. Как я был глуп, что хлопотал о деле, для полезности которого не обеспечены условия! Кто кроме глупца может хлопотать о сохранении собственности в известных руках, не удостоверившись предварительно, что собственность достанется в эти руки и достанется на выгодных условиях? ...Лучше пропадай вся эта провизия, которая* п р и н о с и т т о л ь к о в р е д *любимому мною человеку! Л у ч ш е п р о п а д а й в с е д е л о,* к о т о р о е п р и н о с и т в а м т о л ь к о р а з о р е н и е!» [6]

Я подчеркиваю те места, которые рельефнее показывают глубокое и превосходное понимание Чернышевским современной ему действительности, понимание того, что такое крестьянские платежи, понимание антагонистичности русских общественных классов. Важно отметить также, что подобные чисто революционные идеи он умел излагать в подцензурной печати. В нелегальных своих произведениях он писал то же самое, но только без обиняков. В «Прологе к прологу» Волгин (в уста которого Чернышевский вкладывает свои мысли) говорит:

«*Пусть дело освобождения крестьян будет передано в руки помещичьей партии. Разница не велика*» *, и на замечание собеседника, что, напротив, разница колоссальная, так как помещичья партия против наделения крестьян землей, он решительно отвечает:

«*Нет, не колоссальная, а ничтожная. Была бы колоссальная, если бы крестьяне получили землю без выкупа. Взять у человека*

* Цитирую по статье Плеханова: «Н. Г. Чернышевский» в «Социал-Демократе» [7].

вещь или оставить ее человеку — разница, но взять с него плату за нее — все равно. План помещичьей партии разнится от плана прогрессистов только тем, что проще, короче. Поэтому он даже лучше. Меньше проволочек, вероятно, меньше и обременения для крестьян. У кого из крестьян есть деньги, тот купит себе землю. У кого их нет — так нечего и обязывать покупать ее. Это будет только разорять их. Выкуп — та же покупка».

Нужна была именно гениальность Чернышевского, чтобы тогда, в эпоху самого совершения крестьянской реформы (когда еще не была достаточно освещена она даже на Западе), понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер,— чтобы понимать, что уже тогда в русском «обществе» и «государстве» царили и правили общественные классы, бесповоротно враждебные трудящемуся и безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию крестьянства. И при этом Чернышевский понимал, что существование правительства, прикрывающего наши антагонистические общественные отношения, является страшным злом, особенно ухудшающим положение трудящихся.

«*Если сказать правду*,— продолжает Волгин,— *пусть лучше будут освобождены без земли*». (То есть если так сильны у нас крепостники-помещики, пусть лучше выступают они открыто, прямо и договаривают до конца, чем прятать эти же крепостнические интересы под компромиссами лицемерного абсолютного правительства.)

«*Вопрос поставлен так, что я не нахожу причин горячиться даже из-за того, будут или не будут освобождены крестьяне; тем меньше из-за того, кто станет освобождать их, либералы или помещики. По-моему, все равно. Помещики даже лучше*» [8].

Из «Писем без адреса»: «*Толкуют: освободить крестьян... Где силы на такое дело? Еще нет сил. Нельзя приниматься за дело, когда нет сил на него. А видите, к чему идет: станут освобождать. Что выйдет — судите сами, что выходит, когда берешься за дело, которого не можешь сделать. Испортишь дело — выйдет мерзость*» [9].

Чернышевский понимал, что русское крепостническо-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, т. е. ниспровергнуть крепостников, что оно только и в состоянии произвести «мерзость», жалкий компромисс интересов либералов (выкуп — та же покупка) и помещиков, компромисс, надувающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на деле разоряющий их и выдающий с головой помещикам. И он протестовал, проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получился крах, который бы вывел Россию на дорогу открытой борьбы классов.

А наши современные «демократы» *теперь* — когда гениальные провидения Чернышевского стали фактом, когда 30-летняя

история беспощадно опровергла всяческие экономические и политические иллюзии — славословят по поводу реформы, усматривают в ней санкцию «народного» производства, ухитряются почерпать из нее доказательство возможности какого-то такого пути, который бы *обошел* враждебные трудящемуся общественные классы. Повторяю, отношение к крестьянской реформе — самое наглядное доказательство того, как наши демократы глубоко обуржуазились. Эти господа ничему не научились, а забыли они очень и очень многое.

Написано весной — летом 1894 г. *П. с. с., т. 1, с. 262—263, 267—272, 289—292.*

Из письма

М. И. УЛЬЯНОВОЙ

24/XII.

...Насчет Шелгунова я с тобой согласен, что некоторые вещи у него устарели. Какие у него статьи тебе нравятся? По русским вопросам или исторические? Экономические или философские? [10]

Написано 24 декабря 1894 г. Петербург. *П. с. с., т. 55, с. 6.*

Из статьи

«ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ НАРОДНИЧЕСТВА И КРИТИКА ЕГО В КНИГЕ г. СТРУВЕ

(ОТРАЖЕНИЕ МАРКСИЗМА В БУРЖУАЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ)»

...Мелкий производитель сильно страдает от современных порядков, но он стоит в стороне от прямых, обнажившихся вполне противоречий, боится их и утешает себя наивно-реакционными мечтами, будто «государство должно становиться на нравственную точку зрения» и именно на точку зрения той нравственности, которая мила мелкому производителю.

Нет, вы не правы. Государство, к которому вы обращаетесь, современное, данное государство *должно* становиться на точку зрения той нравственности, которая мила высшей буржуазии, *должно* потому, что таково распределение социальной силы между наличными классами общества.

Вы возмущены. Вы начинаете кричать о том, что, признавая это «долженствование», эту необходимость, марксист защищает буржуазию.

Неправда. Вы чувствуете, что факт — против вас, и потому прибегаете уже к фокусничанью: приписываете желание защищать буржуев тому, кто опровергает ваши мещанские мечты о выборе пути без буржуазии ссылкой на *факт* господства буржуазии; —

кто опровергает пригодность ваших мелких, мизерных мер против буржуазии — ссылкой на глубокие корни ее в экономической структуре общества, на экономическую борьбу классов, лежащую в фундаменте «общества» и «государства»;—кто требует от идеологов трудящегося класса полного разрыва с этими элементами и исключительного служения тому, кто «дифференцирован от жизни» буржуазного общества.

«Мы не считаем, конечно, влияния литературы совсем бессильным, но для этого она должна: во-первых, лучше понимать свое назначение и не ограничиваться одним только (sic!!!) воспитанием кулачества, но и будить общественное мнение».

Вот уже вам petit bourgeois* в чистом виде! Если литература воспитывает кулачество, так это потому, что она плохо понимает свое назначение!! И эти господа еще удивляются, когда их называют наивными, когда про них говорят, что они — романтики!

Наоборот, почтенный г. народник: «кулачество» ** воспитывает литературу — оно дает ей идеи (об уме, энергии, предприимчивости, о естественном шаге отечественной цивилизации), оно дает ей средства. Ваше обращение к литературе так же смехотворно, как если бы кто в виду двух стоящих друг перед другом неприятельских армий обратился к адъютанту неприятельского фельдмаршала с покорной просьбой: «действовать дружнее». Совершенно то же самое...

...Когда народник дает описание фактов,— он сам всегда вынужден признать, что действительность принадлежит капиталу, что действительная наша эволюция — капиталистическая, что сила находится в руках буржуазии. Это признал сейчас, например, и автор комментируемой статьи, констатировавший, что у нас создалась «мещанская культура», что идти на работу приказывает народу буржуазия, что буржуазное общество занято только утробными процессами и послеобеденным сном, что «мещанство» создало даже буржуазную науку, буржуазную нравственность, буржуазные софизмы политики, буржуазную литературу...

Написано в конце 1894 — начале 1895 г. — *П. с. с., т. 1, с. 404—405, 407.*

Из письма

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

16/I.96.

...Перечитываю с интересом Шелгунова и занимаюсь Туган-Барановским...

Петербург. — *П. с. с., т. 55, с. 21.*

---

* — мелкий буржуа.— *Ред.*

** Это — слишком узкое слово. Надо было сказать точнее и определеннее: буржуазия.

Из статьи

«ОТ КАКОГО НАСЛЕДСТВА МЫ ОТКАЗЫВАЕМСЯ?»

I

ОДИН ИЗ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ «НАСЛЕДСТВА»

...Подведем итоги. По характеру воззрений Скалдина [11] можно назвать буржуа-просветителем. Его взгляды чрезвычайно напоминают взгляды экономистов XVIII века (разумеется, с соответственным преломлением их через призму русских условий), и общий «просветительный» характер «наследства» 60-х годов выражен им достаточно ярко. Как и просветители западноевропейские, как и большинство литературных представителей 60-х годов, Скалдин одушевлен горячей враждой к крепостному праву и *всем его* порождениям в экономической, социальной и юридической области. Это первая характерная черта «просветителя». Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям, — горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России. Наконец, третья характерная черта «просветителя» это — отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние и искреннее желание содействовать этому. Эти три черты и составляют суть того, что у нас называют «наследством 60-х годов», и важно подчеркнуть, что *ничего народнического в этом наследстве нет*. Есть не мало в России писателей, которые по своим взглядам подходят под указанные черты и которые не имели никогда ничего общего с народничеством. При наличности в миросозерцании писателя указанных черт его всегда и все признают «сохранившим традиции 60-х годов», совершенно независимо от того, как он относится к народничеству. Никто не вздумает, конечно, сказать, что, напр., г. М. Стасюлевич, юбилей которого недавно праздновался, «отрекся от наследства» на том основании, что он был противником народничества или относился безразлично к выдвинутым народничеством вопросам. Мы взяли в пример Скалдина * именно потому, что, будучи *не-*

* Нам возразят, пожалуй, что Скалдин не типичен для 60-х годов по своей вражде к общине и по своему тону. Но дело тут вовсе не в одной общине. Дело в общих всем просветителям воззрениях, которые разделяет и Скалдин. Что же касается до его тона, то он действительно, пожалуй, не типичен по своей спокойной рассудительности, умеренности, постепеновщине и т. д. Недаром Энгельс назвал Скалдина *liberalkonservativ* (умеренным консерватором.— *Ред.*) [12]. Однако взять представителя наследства с более типичным тоном было бы, во-1-х, неудобно по разным причинам [13], а во-2-х, могло бы породить недоразумение при параллели с современным народничеством. По самому характеру нашей задачи, *тон* (в противоположность пословице) *не делает музыки*, и не типичный тон Скалдина тем резче выделяет его «музыку», т. е. содержание его взглядов. А нас только это содержание и интересует. Только по содержанию взглядов (отнюдь не по тону писателей) мы и намерены провести параллель между представителями наследства и народниками современной эпохи.

сомненным представителем «наследства», он в то же время и безусловный враг тех учреждений старины, которые взяло под свою защиту народничество.

Мы сказали выше, что Скалдин — буржуа. Доказательства этой характеристики были в достаточном количестве приведены выше, но необходимо оговориться, что у нас зачастую крайне неправильно, узко, антиисторично понимают это слово, связывая с ним *(без различия исторических эпох)* своекорыстную защиту интересов меньшинства. Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, *все* общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного. Скалдин недаром цитирует в одном месте своей книги Адама Смита: мы видели, что и воззрения его и характер его аргументации во многом повторяют тезисы этого великого идеолога передовой буржуазии.

И вот если мы сопоставим практические пожелания Скалдина, с одной стороны, с взглядами современных народников, а с другой стороны, с отношением к ним «русских учеников», то мы увидим, что «ученики» всегда будут стоять за поддержку пожеланий Скалдина, ибо эти пожелания выражают интересы прогрессивных общественных классов, насущные интересы всего общественного развития по данному, т. е. капиталистическому, пути. То же, что изменили народники в этих практических пожеланиях Скалдина или в его постановке вопросов,— является *минусом* и отвергается «учеником». Ученики «накидываются» не на «наследство» (это — вздорная выдумка), а на романтические и мелкобуржуазные прибавки к наследству со стороны народников. К этим прибавкам мы теперь и перейдем.

ПРИБАВКА НАРОДНИЧЕСТВА К «НАСЛЕДСТВУ»

От Скалдина перейдем к Энгельгардту. Его письма «Из деревни» — тоже публицистические очерки деревни, так что и содержание и даже форма его книги очень похожи на книгу Скалдина. Энгельгардт гораздо талантливее Скалдина, его письма из деревни написаны несравненно живее, образнее. У него нет длинных рассуждений солидного автора «В захолустье и в столице», но зато у него гораздо больше метких характеристик и других образов. Неудивительно, что книга Энгельгардта пользуется такой проч-

ной симпатией читающей публики и недавно еще была переиздана вновь, тогда как книга Скалдина почти совсем забыта, хотя письма Энгельгардта начали печататься в «Отечеств. Записках» [14] всего через два года спустя после выхода книги Скалдина. Поэтому нам нет никакой надобности знакомить читателя с содержанием книги Энгельгардта, а мы ограничимся лишь краткой характеристикой двух сторон его воззрений: во-1-х, воззрений, свойственных «наследству» вообще и в частности общих Энгельгардту и Скалдину; во-2-х, воззрений специфически народнических. Энгельгардт — *уже народник*, но в его взглядах так много еще черт, общих всем просветителям, так много того, что отброшено или изменено современным народничеством, что затрудняешься, куда отнести его: к представителям ли «наследства» вообще без народнической окраски или к народникам.

С первыми Энгельгардта сближает прежде всего замечательная трезвость его взглядов, простая и прямая характеристика действительности, беспощадное вскрывание всех отрицательных качеств, «устоев» вообще и крестьянства в частности, — тех самых «устоев», фальшивая идеализация и подкрашивание которых является необходимой составной частью народничества. Народничество Энгельгардта, будучи выражено чрезвычайно слабо и робко, находится поэтому в прямом и вопиющем противоречии с той картиной *действительности* деревни, которую он нарисовал с такой талантливостью, и если бы какой-нибудь экономист или публицист взял за основание своих суждений о деревне те *данные* и *наблюдения*, которые приведены Энгельгардтом*, то народнические выводы из такого материала были бы невозможны. Идеализация крестьянина и его общины — одна из необходимых составных частей народничества, и народники всех оттенков, начиная от г-на В. В. и кончая г-ном Михайловским, принесли обильную дань этому стремлению идеализации и подкрашивания «общины». У Энгельгардта нет и следа такого подкрашивания. В противоположность ходячим фразам об общинности нашего крестьянина, ходячим противопоставлениям этой «общинности» — индивидуализму городов, конкуренции в капиталистическом хозяйстве и т. д., Энгельгардт вскрывает поразительный *индивидуализм* мелкого земледельца с полной беспощадностью. Он подробно показывает, что наши «крестьяне в вопросах о собственности самые крайние собственники» (стр. 62, цит. по изд. 1885 г.), что они терпеть не могут «огульной работы», ненавидя ее по мотивам узко

---

* Мимоходом сказать: это было бы не только чрезвычайно интересно и поучительно, но и вполне законным приемом экономиста-исследователя. Если ученые доверяют материалу анкет — ответам и отзывам многих хозяев, сплошь и рядом пристрастных, малосведущих, не выработавших цельного воззрения, не продумавших своих взглядов,— то отчего не доверять наблюдениям, которые целые 11 лет собирал человек замечательной наблюдательности, безусловной искренности, человек, превосходно изучивший то, о чем он говорит.

личным и эгоистическим: при огульной работе каждый «боится переработать» (стр. 206). Эта боязнь переработать доходит до высшей степени комизма (пожалуй, даже трагикомизма), когда автор рассказывает, как живущие в одном доме и связанные общим хозяйством и родством бабы моют каждая отдельно свою дольку стола, за которым обедают, или поочередно доят коров, собирая молоко для *своего* ребенка (опасаются утайки молока) и приготовляя отдельно каждая для своего ребенка кашу (стр. 323). Энгельгардт так подробно выясняет эти черты, подтверждает их такой массой примеров, что не может быть и речи о случайности этих фактов. Одно из двух: или Энгельгардт — никуда не годный и не заслуживающий доверия наблюдатель или россказни об общинности и общинных качествах нашего мужика — пустая выдумка, переносящая на *хозяйство* черты, отвлеченные от формы *землевладения* (причем от этой формы землевладения отвлечены еще все ее фискально-административные стороны). Энгельгардт показывает, что тенденция мужика в его хозяйственной деятельности — кулачество: «известной дозой кулачества обладает каждый крестьянин» (стр. 491), «кулацкие идеалы царят в крестьянской среде»... «Я не раз указывал, что у крестьян крайне развит индивидуализм, эгоизм, стремление к эксплуатации»... «Каждый гордится быть щукой и стремится пожрать карася». Тенденция крестьянства — вовсе не к «общинному» строю, вовсе не к «народному производству», а к самому обыкновенному, всем капиталистическим обществам свойственному, мелкобуржуазному строю — показана Энгельгардтом превосходно. Стремления зажиточного крестьянина пускаться в торговые операции (363), раздавать под работу хлеб, покупать работу мужика бедного (стр. 457, 492 и др.), т. е., говоря экономическим языком, превращение хозяйственных мужичков в сельскую буржуазию, Энгельгардт описал и доказал бесповоротно. «Если крестьяне не перейдут к артельному хозяйству, — говорит Энгельгардт,— и будут хозяйничать каждый двор в одиночку, то и при обилии земли между земледельцами-крестьянами будут и безземельные и батраки. Скажу более: полагаю, что разница в состояниях крестьян будет еще значительнее, чем теперь. Несмотря на общинное владение землей, рядом с «богачами» будет много обезземеленных фактически батраков. Что же мне или моим детям в том, что я имею право на землю, когда у меня нет ни капитала, ни орудий для обработки? Это все равно, что слепому дать землю — ешь ее!» (стр. 370). «Артельное хозяйство» с какой-то грустной иронией одиноко стоит здесь, как доброе, невинное пожелание, не только не вытекающее из данных о крестьянстве, но даже прямо опровергаемое и исключаемое этими данными.

Другая черта, сближающая Энгельгардта с представителями наследства без всякой народнической окраски, это — его вера в то, что главная и коренная причина бедственного положения крестьянства лежит в остатках крепостного права и в свойственной ему регламентации. Устраните эти остатки и эту регламентацию — и де-

ло наладится. Безусловно отрицательное отношение Энгельгардта к регламентации, его едкое высмеивание всяких попыток путем регламентации сверху облагодетельствовать мужика — стоят в самой резкой противоположности с народническими упованиями на «разум и совесть, знания и патриотизм руководящих классов» (слова г-на Южакова в «*Р. Б — ве*», 1896, № 12, стр. 106), с народническим прожектерством насчет «организации производства» и т. п. Напомним, как саркастически обрушивался Энгельгардт на правило о том, что на мельнице нельзя продавать водку, правило, имеющее в виду «пользу» мужика; с каким негодованием говорит он об обязательном постановлении нескольких земств в 1880 г. не сеять рожь раньше 15 августа, об этом — вызванном тоже соображениями о пользе мужика — грубом вмешательстве кабинетных «ученых» в хозяйство «миллионов земледельцев-хозяев» (424). Указав на такие правила и распоряжения, как запрещение курить в хвойном лесу, стрелять щук весной, рубить березки на «май», разорять гнезда и т. п., Энгельгардт саркастически замечает: «...забота о мужике всегда составляла и составляет главную печаль интеллигентных людей. Кто живет для себя? Все для мужика живут!.. Мужик глуп, сам собою устроиться не может. Если никто о нем не позаботится, он все леса сожжет, всех птиц перебьет, всю рыбу выловит, землю испортит и сам весь перемрет» (398). Скажите, читатель, мог ли бы этот писатель сочувствовать хотя бы излюбленным народниками законам о неотчуждаемости наделов? Мог ли бы он сказать что-либо подобное вышевыписанной фразе одного из столпов «Рус. Богатства»? Мог ли бы он разделить точку зрения другого столпа того же журнала, г. Н. Карышева, упрекающего наши губернские земства (в 90-х годах!) в том, что они «не находят места» «для систематических крупных, серьезных трат на организацию земледельческого труда»?*

Укажем еще одну черту, сближающую Энгельгардта с Скалдиным: это — бессознательное отношение Энгельгардта к многим чисто буржуазным пожеланиям и мероприятиям. Не то чтобы Энгельгардт старался подкрашивать мелких буржуа, сочинять какие-нибудь отговорки (à la г. В.В.) против применения к тем или другим предпринимателям этой квалификации,— совсем нет. Энгельгардт просто, будучи практиком-хозяином, увлекается всякими прогрессами, улучшениями в хозяйстве, совершенно не замечая того, что общественная форма этих улучшений дает лучшее опровержение его же собственных теорий о невозможности у нас капитализма. Напомним, напр., как увлекается он успехами, достигнутыми им в своем хозяйстве благодаря системе *сдельной платы* рабочим (за мятье льна, за молотьбу и т. п.). Энгельгардт и не подозревает как будто, что замена повременной платы штучною

* «Русское Богатство», 1896 г., № 5, май. Статья г-на Карышева о затратах губернских земств на экономические мероприятия. Стр. 20.

есть один из самых распространенных приемов развивающегося капиталистического хозяйства, которое достигает этим приемом усиления интенсификации труда и увеличения нормы сверхстоимости. Другой пример. Энгельгардт высмеивает программу «Земледельческой Газеты» [15]: «прекращение сдачи полей кругами, устройство батрачного хозяйства, введение усовершенствованных машин, орудий, пород скота, многопольной системы, улучшение лугов и выгонов и проч. и проч.». — «Но ведь это только все общие фразы!»— восклицает Энгельгардт (128). И, однако, именно эту программу и осуществил Энгельгардт в своей хозяйственной практике, достигши технического прогресса в своем хозяйстве именно на основании батрачной организации его. Или еще: мы видели, как откровенно и как верно разоблачил Энгельгардт настоящие тенденции хозяйственного мужика; но это нисколько не помешало ему утверждать, что «нужны не фабрики и не заводы, а *маленькие* (курсив Энгельгардта) деревенские винокурни, маслобойни» и пр. (стр. 336), т. е. «нужен» переход сельской буржуазии к техническим сельскохозяйственным производствам, — переход, который везде и всегда служил одним из важнейших симптомов земледельческого капитализма. Тут сказалось то, что Энгельгардт был не теоретиком, а практиком-хозяином. Одно дело — рассуждать о возможности прогресса без капитализма, другое дело — хозяйничать самому. Задавшись целью рационально поставить свое хозяйство, Энгельгардт *вынужден* был силою окружающих обстоятельств достигать этого приемами чисто капиталистическими и оставить в стороне все свои теоретические и отвлеченные сомнения насчет «батрачества». Скалдин в теории рассуждал как типичный манчестерец, совершенно не замечая ни этого характера своих рассуждений, ни соответствия их с нуждами капиталистической эволюции России. Энгельгардт на практике вынужден был действовать как типичный манчестерец, вопреки своему теоретическому протесту против капитализма и своему желанию верить в особые пути отечества.

А у Энгельгардта была эта вера, которая и заставляет нас назвать его народником. Энгельгардт уже ясно видит *действительную* тенденцию экономического развития России и начинает *отговариваться* от противоречий этого развития. Он силится доказать невозможность в России земледельческого капитализма, доказать, что «у нас нет кнехта» (стр. 556), — хотя сам же подробнейшим образом опроверг россказни о дороговизне наших рабочих, сам же показал, за какую мизерную цену работает у него скотник Петр с семьей, которому остается кроме содержания 6 рублей в год «на покупку соли, постного масла, одежду» (стр. 10). «А и то ему завидуют, и откажи я ему — сейчас же найдется 50 охотников занять его место» (стр. 11). Указывая на успех своего хозяйства, на умелое обращение с плугом рабочих, Энгельгардт победоносно восклицает: «и кто же пахари? Невежественные, недобросовестные русские крестьяне» (стр. 225).

Опровергнув своим собственным хозяйничаньем и своим разоблачением крестьянского индивидуализма всякие иллюзии насчет «общинности», Энгельгардт, однако, не только «верил» в возможность перехода крестьян к артельному хозяйству, но и высказывал «убеждение», что это так и будет, что мы, русские, именно совершим это великое деяние, введем новые способы хозяйничанья. «В этом-то и заключается наша самобытность, оригинальность нашего хозяйства» (стр. 349). Энгельгардт-реалист превращается в Энгельгардта-романтика, возмещающего полное отсутствие «самобытности» в способах своего хозяйства и в наблюденных им способах хозяйства крестьян — «*верою*» в грядущую «самобытность»! От этой веры уже рукой подать и до ультранароднических черт, которые — хотя и совсем единично — попадаются у Энгельгардта, до узкого национализма, граничащего с шовинизмом («И Европу расколотим», «и в Европе мужик будет за нас» (стр. 387) — доказывал Энгельгардт по поводу войны одному помещику), и даже до идеализации отработков! Да, тот самый Энгельгардт, который посвятил так много превосходных страниц своей книги описанию забитого и униженного положения крестьянина, забравшего в долг денег или хлеба под работу и вынужденного работать почти задаром при самых худших условиях личной зависимости * — этот самый Энгельгардт договорился до того, что «хорошо было бы, если бы доктор (речь шла о пользе и надобности врача в деревне. *В. И.*) имел свое хозяйство, так, чтобы мужик мог отработать за леченье» (стр. 41). Комментарии излишни.

— В общем и целом, сопоставляя охарактеризованные выше положительные черты миросозерцания Энгельгардта (т. е. общие ему с представителями «наследства» без всякой народнической окраски) и отрицательные (т. е. народнические), мы должны признать, что первые безусловно преобладают у автора «Из деревни», тогда как последние являются как бы сторонней, случайной вставкой, навеянной извне и не вяжущейся с основным тоном книги.

III

ВЫИГРАЛО ЛИ «НАСЛЕДСТВО» ОТ СВЯЗИ С НАРОДНИЧЕСТВОМ?

— Да что же разумеете вы под народничеством? — спросит, вероятно, читатель.— Определение того, какое содержание вкладывается в понятие «наследства», было дано выше, а понятию «народничество» не дано никакого определения.

— Под народничеством мы разумеем систему воззрений, заключающую в себе следующие три черты: 1) *Признание капитализма в России упадком, регрессом.* Отсюда стремления и пожела-

---

* Вспомните картинку, как староста (т. е. управляющий помещика) зовет крестьянина на работу, когда у мужика свой хлеб сыпется, и его заставляет идти лишь упоминание о «спускании портков» в волости.

ния «задержать», «остановить», «прекратить ломку» капитализмом вековых устоев и т. п. реакционные вопли. 2) *Признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной, артелью и т. п. в частности.* К русским экономическим отношениям не считают нужным применять выработанные современной наукой понятия о различных общественных классах и их конфликтах. Общинное крестьянство рассматривается как нечто высшее, лучшее сравнительно с капитализмом; является идеализация «устоев». Среди крестьянства отрицаются и затушевываются те же противоречия, которые свойственны всякому товарному и капиталистическому хозяйству, отрицается связь этих противоречий с более развитой формой их в капиталистической промышленности и в капиталистическом земледелии. 3) *Игнорирование связи «интеллигенции» и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов.* Отрицание этой связи, отсутствие материалистического объяснения этих социальных факторов заставляет видеть в них силу, способную «тащить историю по другой линии» (г. В. В.), «свернуть с пути» (г. Н.— он, г. Южаков и т. д.) и т. п.

Вот что мы разумеем под «народничеством». Читатель видит, след., что мы употребляем этот термин в широком смысле слова, как употребляют его и все «русские ученики», выступающие против целой системы воззрений, а не против отдельных представителей ее. Между этими отдельными представителями, конечно, есть различия, иногда немалые. Никто этих различий не игнорирует. Но приведенные черты миросозерцания общи всем различнейшим представителям народничества, начиная от... ну, хоть скажем, г. Юзова и кончая г-м Михайловским. Гг. Юзовы, Сазоновы, В. В. и т. п. к указанным отрицательным чертам своих воззрений присоединяют еще другие отрицательные черты, которых, напр., нет ни в г-не Михайловском, ни в других сотрудниках теперешнего «Рус. Богатства». Отрицать эти различия народников в тесном смысле слова от народников вообще было бы, конечно, неправильно, но еще более неправильно было бы игнорировать, что *основные* социально-экономические взгляды всех и всяких народников совпадают по вышеприведенным главным пунктам. А так как «русские ученики» отвергают именно эти основные воззрения, а не только «печальные уклонения» от них в худшую сторону, то они имеют, очевидно, полное право употреблять понятие «народничество» в широком значении слова. Не только имеют право, но и не могут поступать иначе.

Обращаясь к вышеочерченным основным воззрениям народничества, мы должны прежде всего констатировать, что «наследство» *совершенно ни при чем в этих воззрениях.* Есть целый ряд несомненных представителей и хранителей «наследства», которые не имеют ничего общего с народничеством, вопроса о капитализме вовсе и не ставят, в самобытность России, крестьянской общины и т. п. вовсе не верят, в интеллигенции и в юридико-политических

учреждениях никакого фактора, способного «свернуть с пути», не усматривают. Мы назвали выше для примера издателя-редактора «Вестника Европы» [16], которого в чем другом, а в нарушении традиций наследства обвинять нельзя. Наоборот, есть люди, подходящие по своим воззрениям под указанные основные принципы народничества и при этом прямо и открыто «отрекающиеся от наследства», — назовем хоть того же г-на Я. Абрамова, которого указывает и г. Михайловский, или г. Юзова. Того народничества, против которого воюют «русские ученики», даже и не было вовсе в то время, когда (выражаясь юридическим языком) «открывалось» наследство, т. е. в 60-х годах. Зародыши, зачатки народничества были, конечно, не только в 60-х годах, но и в 40-х и даже еще раньше *, — но история народничества нас вовсе теперь не занимает. Нам важно только, повторяем еще раз, установить, что «наследство» 60-х годов в том смысле, как мы очертили его выше, не имеет ничего общего с народничеством, т. е. по существу воззрений между ними нет общего, они ставят разные вопросы. Есть хранители «наследства» ненародники, и есть народники, «отрекшиеся от наследства». Разумеется, есть и народники, хранящие «наследство» или претендующие на хранение его. Поэтому-то мы и говорим о связи наследства с народничеством. Посмотрим же, что дала эта связь.

Во-первых, народничество сделало крупный *шаг вперед* против наследства, *поставив* перед общественной мыслью на разрешение вопросы, которых хранители наследства частью еще не могли (в их время) поставить, частью же не ставили и не ставят по свойственной им узости кругозора. *Постановка* этих вопросов есть крупная *историческая* заслуга народничества, и вполне естественно и понятно, что народничество, дав (какое ни на есть) решение этим вопросам, заняло *тем самым* передовое место среди прогрессивных течений русской общественной мысли.

Но решение этих вопросов народничеством оказалось никуда не годным, основанным на отсталых теориях, давно уже выброшенных за борт Западной Европой, основанным на романтической и мелкобуржуазной критике капитализма, на игнорировании крупнейших фактов русской истории и действительности. Покуда развитие капитализма в России и свойственных ему противоречий было еще очень слабо, эта примитивная критика капитализма могла держаться. Современному же развитию капитализма в России, современному состоянию наших знаний о русской экономической истории и действительности, современным требованиям от социологической теории народничество безусловно не удовлетворяет. Бывши в свое время явлением прогрессивным, как первая постановка вопроса о капитализме, народничество является теперь теорией *реакционной* и *вредной*, сбивающей с толку об-

* Ср. теперь книгу Туган-Барановского: «Русская фабрика» (СПБ. 1898 г.).

щественную мысль, играющей на руку застою и всяческой азиатчине. Реакционный характер народнической критики капитализма придал народничеству в настоящее время даже такие черты, которые ставят его *ниже* того миросозерцания, которое ограничивается верным хранением наследства *. Что это так, — мы постараемся показать сейчас на разборе каждой из отмеченных выше трех основных черт народнического миросозерцания.

Первая черта — признание капитализма в России упадком, регрессом. Как только вопрос о капитализме в России был поставлен, очень скоро выяснилось, что наше экономическое развитие есть капиталистическое, и народники объявили это развитие регрессом, ошибкой, уклонением с пути, предписываемого якобы всей исторической жизнью нации, от пути, освященного якобы вековыми устоями и т. п. и т. д. Вместо горячей веры просветителей в данное общественное развитие явилось недоверие к нему, вместо исторического оптимизма и бодрости духа — пессимизм и уныние, основанные на том, что, чем дальше пойдут дела так, как они идут, тем хуже, тем труднее будет решить задачи, выдвигаемые новым развитием; являются приглашения «задержать» и «остановить» это развитие, является теория, что отсталость есть счастье России и т. д. С «наследством» все эти черты народнического миросозерцания не только не имеют ничего общего, но прямо противоречат ему. Признание русского капитализма «уклонением с пути», упадком и т. п. ведет к извращению всей экономической эволюции России, к извращению той «смены», которая происходит перед нашими глазами. Увлеченный желанием задержать и прекратить ломку вековых устоев капитализмом, народник впадает в поразительную историческую бестактность, забывает о том, что *позади* этого капитализма нет ничего, кроме такой же эксплуатации в соединении с бесконечными формами кабалы и личной зависимости, отягчавшей положение трудящегося, ничего, кроме рутины и застоя в общественном производстве, а следовательно, и во всех сферах социальной жизни. Сражаясь с своей романтической, мелкобуржуазной точки зрения против капитализма, народник выбрасывает за борт всякий исторический реализм, сопоставляя всегда *действительность* капитализма с *вымыслом* докапиталистических порядков. «Наследство» 60-х годов с их горячей верой в прогрессивность данного общественного развития, с их беспощадной враждой, всецело и исключительно направленной против остатков старины, с их убеждением, что стоит только вымести дочиста эти остатки, и дела пойдут как нельзя лучше,— это «наследство» не только ни при чем в указанных воззрениях народничества, но прямо противоречит им.

---

* Я уже имел случай заметить выше в статье об экономическом романтизме, что наши противники проявляют поразительную близорукость, понимая термины: *реакционный*, *мелкобуржуазный* как полемические выходки, тогда как эти выражения имеют совершенно определенный историко-философский смысл. (См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, с. 211.— *Ред.*)

Вторая черта народничества — вера в самобытность России, идеализация крестьянина, общины и т. п. Учение о самобытности России заставило народников хвататься за устарелые западноевропейские теории, побуждало их относиться с поразительным легкомыслием к многим приобретениям западноевропейской культуры: народники успокаивали себя тем, что если мы не имеем тех или других черт цивилизованного человечества, то зато «нам суждено» показать миру новые способы хозяйничанья и т. п. Тот анализ капитализма и всех его проявлений, который дала передовая западноевропейская мысль, не только не принимался по отношению к святой Руси, а, напротив, все усилия были направлены на то, чтобы придумать отговорки, позволяющие о русском капитализме не делать тех же выводов, какие сделаны относительно европейского. Народники расшаркивались пред авторами этого анализа и... и продолжали себе преспокойно оставаться такими же романтиками, против которых всю жизнь боролись эти авторы. Это общее всем народникам учение о самобытности России опять-таки не только не имеет ничего общего с «наследством», но даже прямо противоречит ему. «60-ые годы», напротив, стремились европеизировать Россию, верили в приобщение ее к общеевропейской культуре, заботились о перенесении учреждений этой культуры и на нашу, вовсе не самобытную, почву. Всякое учение о самобытности России находится в полном несоответствии с духом 60-х годов и их традицией. Еще более не соответствует этой традиции народническая идеализация, подкрашивание деревни. Эта фальшивая идеализация, желавшая во что бы то ни стало видеть в нашей деревне нечто особенное, вовсе непохожее на строй всякой другой деревни во всякой другой стране в период докапиталистических отношений, — находится в самом вопиющем противоречии с традициями трезвого и реалистического наследства. Чем дальше и глубже развивался капитализм, чем сильнее проявлялись в деревне те противоречия, которые общи всякому товарно-капиталистическому обществу, тем резче и резче выступала противоположность между сладенькими россказнями народников об «общинности», «артельности» крестьянина и т. п., с одной стороны, — и фактическим расколом крестьянства на деревенскую буржуазию и сельский пролетариат, с другой; тем быстрее превращались народники, продолжавшие смотреть на вещи глазами крестьянина, из сентиментальных романтиков в идеологов мелкой буржуазии, ибо мелкий производитель в современном обществе превращается в товаропроизводителя. Фальшивая идеализация деревни и романтические мечтания насчет «общинности» вели к тому, что народники с крайним легкомыслием относились к действительным нуждам крестьянства, вытекающим из данного экономического развития. В теории можно было сколько угодно говорить о силе устоев, но на практике каждый народник прекрасно чувствовал, что устранение остатков старины, остатков дореформенного строя, опутывающих и по сю пору с ног до головы наше

крестьянство, откроет дорогу именно капиталистическому, а не какому другому развитию. Лучше застой, чем капиталистический прогресс — такова, в сущности, точка зрения каждого народника на деревню, хотя, разумеется, далеко не всякий народник с наивной прямолинейностью г-на В. В. решится открыто и прямо высказать это. «Крестьяне, прикованные к наделам и обществам, лишенные возможности употреблять свой труд там, где он оказывается производительнее и для них выгоднее, как бы застыли в той скученной, стадообразной, непроизводительной форме быта, в которой они вышли из рук крепостного права». Так смотрел один из представителей «наследства» с своей характерной точки зрения «просветителя»[17].— «Пускай лучше крестьяне продолжают застывать в своей рутинной, патриархальной форме быта, чем расчищать дорогу для капитализма в деревне» — так смотрит, в сущности, каждый народник. В самом деле, не найдется, вероятно, ни одного народника, который бы решился отрицать, что сословная замкнутость крестьянской общины с ее круговой порукой и с запрещением продажи земли и отказа от надела стоит в самом резком противоречии с современной экономической *действительностью*, с современными товарно-капиталистическими отношениями и их развитием. Отрицать это противоречие невозможно, но вся суть в том, что народники как огня боятся такой постановки вопроса, такого сопоставления юридической обстановки крестьянства с экономическою действительностью, с данным экономическим развитием. Народник упорно хочет верить в несуществующее и романтически сфантазированное им развитие без капитализма, и поэтому... поэтому он готов задерживать данное развитие, идущее путем капиталистическим. К вопросам о сословной замкнутости крестьянской общины, о круговой поруке, о праве крестьян продавать землю и отказываться от надела народник относится не только с величайшей осторожностью и боязливостью за судьбу «устоев» (устоев рутины и застоя); мало того, народник падает даже до такой степени низко, что приветствует полицейское запрещение крестьянам продавать землю. «Мужик глуп, — можно сказать такому народнику словами Энгельгардта, — сам собою устроиться не может. Если никто о нем не позаботится, он все леса сожжет, всех птиц перебьет, всю рыбу выловит, землю попортит и сам весь перемрет». Народник здесь уже прямо «отказывается от наследства», становясь реакционным. И заметьте притом, что это разрушение сословной замкнутости крестьянской общины, по мере экономического развития, становится все более и более настоятельной необходимостью для сельского пролетариата, тогда как для крестьянской буржуазии неудобства, проистекающие отсюда, вовсе не так значительны. «Хозяйственный мужичок» легко может арендовать землю на стороне, открыть заведение в другой деревне, съездить куда угодно на любое время по торговым делам. Но для «крестьянина», живущего главным образом продажей своей рабочей силы, прикрепление к наделу и к обществу означает громадное

стеснение его хозяйственной деятельности, означает невозможность найти более выгодного нанимателя, означает необходимость продавать свою рабочую силу именно местным покупателям ее, дающим всегда дешевле и изыскивающим всяческие способы кабалы.— Поддавшись раз во власть романтическим мечтаниям, задавшись целью поддержать и охранить устои вопреки экономическому развитию, народник незаметно для самого себя скатился по этой наклонной плоскости до того, что очутился рядом с аграрием, который от всей души жаждет сохранения и укрепления «связи крестьянина с землей». Стоит вспомнить хотя бы о том, как эта сословная замкнутость крестьянской общины породила особые способы наемки рабочих: рассылку хозяевами заводов и экономий своих приказчиков по деревням, особенно недоимочным, для наиболее выгодного найма рабочих. К счастью, развитие земледельческого капитализма, разрушая «оседлость» пролетария (таково действие так называемых отхожих земледельческих промыслов), постепенно вытесняет эту кабалу вольным наймом.

Другое, пожалуй, не менее рельефное подтверждение нашего положения о вреде современных народнических теорий дает тот факт, что среди народников обычное явление — *идеализация отработков*. Мы выше привели пример того, как Энгельгардт, совершивши свое народническое грехопадение, дописался до того, что «хорошо было бы» развивать в деревне отработки! То же самое находили мы в знаменитом проекте г. Южакова о земледельческих гимназиях («Русское Богатство», 1895, № 5). Такой же идеализации предавался в серьезных экономических статьях сотрудник Энгельгардта по журналу, г. В. В., который утверждал, что крестьянин одержал победу над помещиком, желавшим будто бы ввести капитализм; но беда состояла в том, что крестьянин брался обработать земли помещика, получая за это от него землю «в аренду», — т. е. восстановлял совершенно тот же самый способ хозяйства, который был и при крепостном праве. Это — самые резкие примеры реакционного отношения народников к вопросам нашего земледелия. В менее резкой форме вы встретите эту идею у каждого народника. Каждый народник говорит о вреде и опасности капитализма в нашем земледелии, ибо капитализм, изволите видеть, заменяет самостоятельного крестьянина батраком. *Действительность* капитализма («батрак») противопоставляется *вымыслу* о «самостоятельном» крестьянине: основывается этот вымысел на том, что крестьянин докапиталистической эпохи владеет средствами производства, причем скромно умалчивается о том, что за эти средства производства надо платить вдвое против их стоимости; что эти средства производства служат для отработков; что жизненный уровень этого «самостоятельного» крестьянина так низок, что в любой капиталистической стране его отнесли бы к пауперам; что к беспросветной нищете и умственной инертности этого «самостоятельного» крестьянина прибавляется еще лич-

ная зависимость, неизбежно сопровождающая докапиталистические формы хозяйства.

Третья характерная черта народничества — игнорирование связи «интеллигенции» и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов — находится в самой неразрывной связи с предыдущими: только это отсутствие реализма в вопросах социологических и могло породить учение об «ошибочности» русского капитализма и о возможности «свернуть с пути». Это воззрение народничества опять-таки не стоит ни в какой связи с «наследством» и традициями 60-х годов, а, напротив, *прямо противоречит этим традициям*. Из этого воззрения, естественно, вытекает такое отношение народников к многочисленным остаткам дореформенной регламентации в русской жизни, которое ни в каком случае не могли бы разделить представители «наследства». Для характеристики этого отношения мы позволим себе воспользоваться прекрасными замечаниями г. В. Иванова в статье «Плохая выдумка» («*Новое Слово*»[18], сент. за 1897 г.). Автор говорит об известном романе г. Боборыкина «По-другому» [19] и изобличает непонимание им спора народников с «учениками». Г-н Боборыкин вкладывает в уста героя своего романа, народника, такой упрек по адресу «учеников», что они-де мечтают «о казарме с нестерпимым деспотизмом регламентации». Г-н В. Иванов замечает по поводу этого:

«О нестерпимом деспотизме «регламентации» в качестве «мечты» своих противников они (народники) не только не говорили, *но и говорить, оставаясь народниками, не могут и не будут*. Суть их спора с «экономическими материалистами» *в этой области* заключается именно в том, что сохранившиеся у нас остатки старой регламентации могут, по мнению народников, послужить основанием для дальнейшего развития регламентации. Нестерпимость этой старой регламентации заслоняется от их глаз, с одной стороны, представлением, будто сама «крестьянская душа (единая и нераздельная) эволюционирует» в сторону регламентации,— с другой, убеждением в существующей или имеющей наступить нравственной красоте «интеллигенции», «общества» или вообще «руководящих классов». Экономических материалистов они обвиняют в пристрастии не к «регламентации», а, наоборот, к западноевропейским порядкам, основанным на отсутствии регламентации. И экономические материалисты действительно утверждают, что остатки старой регламентации, выросшей на основе натурального хозяйства, становятся с каждым днем все «нестерпимее» в стране, перешедшей к денежному хозяйству, вызывающему бесчисленные изменения как в фактическом положении, так и в умственной и нравственной физиономии различных слоев ее населения. Они убеждены поэтому, что условия, необходимые для возникновения новой благодетельной «регламентации» экономической жизни страны, могут развиться не из остатков регламентации, приноровленной к натуральному хозяйству и крепостному

праву, а лишь в атмосфере такого же широкого и всестороннего отсутствия этой старой регламентации, какое существует в передовых странах Западной Европы и Америки. В таком положении находится вопрос о «регламентации» в споре между народниками и их противниками» (стр. 11— 12, I. с.*). Это отношение народников к «остаткам старой регламентации» представляет из себя самое, пожалуй, резкое отступление народничества от традиций «наследства». Представители этого наследства, как мы видели, отличались бесповоротным и ярым осуждением всех и всяческих остатков старой регламентации. Следовательно, с этой стороны «ученики» стоят несравненно ближе к «традициям» и «наследству» 60-х годов, чем народники.

Отсутствие социологического реализма, кроме указанной в высшей степени важной ошибки народников, ведет также у них к той особой манере мышления и рассуждения об общественных делах и вопросах, которую можно назвать узко интеллигентным самомнением или, пожалуй, бюрократическим мышлением. Народник рассуждает всегда о том, какой путь для отечества должны «мы» избрать, какие бедствия встретятся, если «мы» направим отечество на такой-то путь, какие выходы могли бы «мы» себе обеспечить, если бы миновали опасностей пути, которым пошла старуха-Европа, если бы «взяли хорошее» и из Европы, и из нашей исконной общинности и т. д. и т. п. Отсюда полное недоверие и пренебрежение народника к самостоятельным тенденциям отдельных общественных классов, творящих историю сообразно с их интересами. Отсюда то поразительное легкомыслие, с которым пускается народник (забыв об окружающей его обстановке) во всевозможное социальное прожектерство, начиная от какой-нибудь «организации земледельческого труда» и кончая «обмирщением производства» стараниями нашего «общества». «Mit der Gründlichkeit der geschichtlichen Action wird der Umfang der Masse zunehmen, deren Action sie ist»** — в этих словах*** выражено одно из самых глубоких и самых важных положений той историко-философской теории, которую никак не хотят и не могут понять наши народники. По мере расширения и углубления исторического творчества людей должен возрастать и размер той массы населения, которая является сознательным историческим деятелем. Народник же всегда рассуждал о населении вообще и о трудящемся населении в частности, как об объекте тех или других более или менее разумных мероприятий, как о материале, подлежащем направлению на тот или иной путь, и никогда не смотрел на различные классы населения, как на самостоятельных исторических деятелей при данном пути, никогда не ставил вопроса о тех условиях

---

* loco citato — в цитированном месте.— *Ред.*

** *Marx*, «Die heilige Familie» (*Маркс*, «Святое семейство».— *Ред.*), 120. По Бельтову, стр. 235 [20].

*** «Вместе с основательностью исторического действия будет расти и объем массы, делом которой оно является».— *Ред.*

данного пути, которые могут развивать (или, наоборот, парализовать) самостоятельную и сознательную деятельность этих творцов истории.

Итак, хотя народничество сделало крупный шаг вперед против «наследства» просветителей, *поставив* вопрос о капитализме в России, но данное им *решение* этого вопроса оказалось настолько неудовлетворительным, вследствие мелкобуржуазной точки зрения и сентиментальной критики капитализма, что народничество по целому ряду важнейших вопросов общественной жизни оказалось *позади* по сравнению с «просветителями». Присоединение народничества к наследству и традициям наших просветителей оказалось в конце концов *минусом*: тех новых вопросов, которые поставило перед русской общественной мыслью пореформенное экономическое развитие России, народничество не решило, ограничившись по поводу их сентиментальными и реакционными ламентациями, а те старые вопросы, которые были поставлены еще просветителями, народничество загромоздило своей романтикой и задержало их полное разрешение.

IV

«ПРОСВЕТИТЕЛИ», НАРОДНИКИ И «УЧЕНИКИ»

Мы можем теперь подвести итоги нашим параллелям. Попытаемся охарактеризовать вкратце отношения каждого из указанных в заголовке течений общественной мысли друг к другу.

Просветитель верит в данное общественное развитие, ибо не замечает свойственных ему противоречий. Народник боится данного общественного развития, ибо он заметил уже эти противоречия. «Ученик» верит в данное общественное развитие, ибо он видит залоги лучшего будущего лишь в полном развитии этих противоречий. Первое и последнее направление стремится поэтому поддержать, ускорить, облегчить развитие по данному пути, устранить все препятствия, мешающие этому развитию и задерживающие его. Народничество, наоборот, стремится задержать и остановить это развитие, боится уничтожения некоторых препятствий развитию капитализма. Первое и последнее направление характеризуется тем, что можно бы назвать историческим оптимизмом: чем дальше и чем скорее дела пойдут так, как они идут, тем лучше. Народничество, наоборот, естественно ведет к историческому пессимизму: чем дальше дела пойдут так, тем хуже. «Просветители» вовсе не ставили вопросов о характере пореформенного развития, ограничиваясь исключительно войной против остатков дореформенного строя, ограничиваясь отрицательной задачей расчистки пути для европейского развития России. Народничество поставило вопрос о капитализме в России, но решило его в смысле реакционности капитализма и потому не могло целиком воспринять наследства просветителей: народники всегда вели войну против лю-

дей, стремившихся к европеизации России вообще, с точки зрения «единства цивилизации», вели войну не потому только, что они не могли ограничиться идеалами этих людей (такая война была бы справедлива), а потому, что они не хотели идти так далеко в развитии данной, т. е. капиталистической, цивилизации. «Ученики» решают вопрос о капитализме в России в смысле его прогрессивности и потому не только могут, но и должны целиком принять наследство просветителей, дополнив это наследство анализом противоречий капитализма с точки зрения бесхозяйных производителей. Просветители не выделяли, как предмет своего особенного внимания, ни одного класса населения, говорили не только о народе вообще, но даже и о нации вообще. Народники желали представлять интересы труда, не указывая, однако, определенных групп в современной системе хозяйства; на деле они становились всегда на точку зрения мелкого производителя, которого капитализм превращает в товаропроизводителя. «Ученики» не только берут за критерий интересы труда, но при этом указывают совершенно определенные экономические группы капиталистического хозяйства, именно бесхозяйных производителей. Первое и последнее направление соответствуют, по содержанию своих пожеланий, интересам тех классов, которые создаются и развиваются капитализмом; народничество по своему содержанию соответствует интересам класса мелких производителей, мелкой буржуазии, которая занимает промежуточное положение среди других классов современного общества. Поэтому противоречивое отношение народничества к «наследству» вовсе не случайность, а необходимый результат самого содержания народнических воззрений: мы видели, что одна из основных черт воззрений просветителей состояла в горячем стремлении к европеизации России, а народники никак не могут, не переставая быть народниками, разделить вполне этого стремления.

В конце концов мы получили, следовательно, тот вывод, который не раз был уже нами указан по частным поводам выше, именно, что *ученики — гораздо более последовательные, гораздо более верные хранители наследства, чем народники*. Не только они не отрекаются от наследства, а, напротив, одной из главнейших своих задач считают опровержение тех романтических и мелкобуржуазных опасений, которые заставляют народников по весьма многим и весьма важным пунктам отказываться от европейских идеалов просветителей. Но само собою разумеется, что «ученики» хранят наследство не так, как архиварнусы хранят старую бумагу. Хранить наследство — вовсе не значит еще ограничиваться наследством, и к защите общих идеалов европеизма «ученики» присоединяют анализ тех противоречий, которые заключает в себе наше капиталистическое развитие, и оценку этого развития с вышеуказанной специфической точки зрения.

Написано в конце 1897 г. *П. с. с., т. 2, с. 519—542.*

Из письма

А. Н. ПОТРЕСОВУ

26.I.99.

...Насчет «Наследства» я должен был согласиться с Вашим мнением, что считать его за нечто единое — плохая традиция плохих (80-х) годов [21]. Действительно, мне, пожалуй, за историко-литературные темы браться бы не следовало... Мое оправдание — только то, что ведь принимать наследство от Скалдина именно я нигде не предлагаю. Что принимать наследство надо от других людей,— это бесспорно. Мне сдается, что защитой (от возможных нападений противников) для меня будет примечание на стр. 237, где я имел в виду именно Чернышевского и мотивировал причины неудобства взять его для параллели*. Там же признано, что Скалдин — liberalkonservativ, что он «не типичен» для 60-х годов, что «типичных» писателей взять «неудобно», — у меня не было статей Чернышевского и нет, да и не переизданы еще главные из них, да и я вряд ли бы сумел обойти при этом подводные камни...

Шушенское. *П. с. с., т. 46, с. 18—19.*

Из письма

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

13/II.99.

...Издатель писал мне по поводу «Наследства»; в его замечаниях есть известная доля истины **. Насчет самарцев [22] очень сомневаюсь, чтобы они сказали что-либо умное (мне уже писали насчет обвинений в «буржуазности»). Вопрос о том, «от кого мы получили наследство», совсем не тот вопрос, который поставил я, отвечая Михайловскому, отрекаемся ли мы от того наследства, «на которое накидываются «Московские Ведомости»» и которому я дал точное определение [23]...

Шушенское. *П. с. с., т. 55, с. 140.*

Из письма

А. Н. ПОТРЕСОВУ

27.IV.99

...Один знакомый прислал мне и «Журнальные заметки» *А. П.* (о «наследстве» и «наследниках»). Интересно: в продолжении предполагалась ли дальнейшая полемика со мной или нет?

---

* См. наст. сборник, с. 137.— *Ред.*

** См. предыдущее письмо.— *Ред.*

Статья А. П. мне чрезвычайно понравилась; от вырезки ее номер сильно потерял. Разногласия между нами я, признаться, не вижу: Вы берете *иной* вопрос — не о том, как относятся ученики к русскому демократизму вообще, отказываются ли они от него (я *исключительно* об этом писал *), а о том, каковы были отношения между разного вида демократами в доброе старое время. Я интересовался только той ошибкой Михайловского, будто мы отказываемся от демократизма вообще, — а Вы берете — *другую его ошибку*, «смазывание» существенно важных различий в «наследстве»... Да, кстати: вырезка статьи А. П. подтвердила мое мнение, что брать наследодателя более яркого, чем Скалдин, «неудобно» (печальное подтверждение!!) [24]...

Шушенское. *П. с. с., т. 46, с. 27.*

Из книги

«РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ

ПРОЦЕСС ОБРАЗОВАНИЯ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА ДЛЯ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ» [25]

...Вот два отзыва о жизненном уровне и условиях жизни русского крестьянина вообще. М. Е. Салтыков в «Мелочах жизни» пишет о «Хозяйственном мужичке» [26]... «Мужичку все нужно; но главнее всего нужна... способность изнуряться, не жалеть личного труда... Хозяйственный мужичок просто-напросто мрет на ней» (на работе). «И жена и взрослые дети, все мучатся хуже каторги».

В. Вересаев в статье «Лизар» («Сев. Курьер», 1899, № 1) [27] рассказывает о мужике Псковской губернии Лизаре, проповедующем употребление капель и проч. для «сокращения человека». «Впоследствии, — отмечает автор, — от многих земских врачей и особенно акушерок я не раз слышал, что им частенько приходится иметь дело с подобными просьбами деревенских мужей и жен». «Двигающаяся в известном направлении жизнь использовала все пути и в конце концов уперлась в слепой закоулок. Выхода из этого закоулка нет. И вот естественно намечается и все больше зреет новое решение вопроса».

Положение крестьянина в капиталистическом обществе, действительно, безвыходное и «естественно» приводит в общинной России, как и в парцелльной Франции, к неестественному... не «решению вопроса», конечно, а к неестественному средству отсрочить гибель мелкого хозяйства...

Напечатано в 1908 г. *П. с. с., т. 3, с. 270.*

---

* См.: «От какого наследства мы отказываемся?» (Полн. собр. соч., т. 2, с. 505—550, а также наст. сборник, с. 137—153).— *Ред.*

* * *

...Уже в 60-х годах вполне обнаружилась основная черта в экономике нашей мануфактуры: противоположность между «богатством» целого ряда «знаменитых» «сел» и полной пролетаризацией громадного большинства «кустарей». В связи с этой чертой стоит то обстоятельство, что наиболее типичные работники мануфактуры (именно совсем или почти порвавшие с землей мастеровые) тяготеют уже к последующей, а не к предыдущей стадии капитализма, стоят ближе к работнику в крупной машинной индустрии, чем к крестьянину. Вышеприведенные данные о культурном уровне кустарей рельефно свидетельствуют об этом. Но на всю массу рабочего персонала мануфактуры нельзя распространить такого отзыва. Сохранение массы мелких заведений и мелких хозяйчиков, сохранение связи с землей и чрезвычайно широкое развитие работы на дому, — все это ведет к тому, что весьма многие «кустари» в мануфактуре тяготеют еще к крестьянству, к превращению в мелкого хозяйчика, к прошлому, а не к будущему *, обольщают еще себя всяческими иллюзиями о возможности (посредством крайнего напряжения работы, посредством бережливости и изворотливости) превратиться в самостоятельного хозяина**...

* * *

...Ср. описание этого сплава в рассказе «Бойцы» г. Мамина-Сибиряка [29]. В произведениях этого писателя рельефно выступает особый быт Урала, близкий к дореформенному, с бесправием, темнотой и приниженностью привязанного к заводам населения, с «добросовестным ребяческим развратом» «господ», с отсутствием того среднего слоя людей (разночинцев, интеллигенции), который так характерен для капиталистического развития всех стран, не исключая и России.

* * *

...В пореформенную эпоху происходила, с одной стороны, сильная колонизация Кавказа ***, широкая распашка земли колонистами (особенно в Северном Кавказе), производившими на продажу пшеницу, табак и пр. и привлекавшими массы сельских наемных рабочих из России. С другой стороны, шло вытеснение туземных вековых «кустарных» промыслов, падающих под кон-

---

* Совершенно точно так же, как и их идеологи-народники.

** Для единичных героев самодеятельности (вроде Дужкина в «Павловских очерках» В. Короленко) [28] такое превращение в мануфактурный период еще возможно, но, конечно, не для массы неимущих детальных рабочих.

*** Ср. статьи г. П. Семенова в «Вестн. Фин.», 1897, № 21 и В. Михайловского в «Нов. Слове», июнь, 1897 г.

куренцией привозных московских фабрикатов. Падало старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, падала кустарная выделка железа под конкуренцией привозного русского продукта, а равно и кустарная обработка меди, золота и серебра, глины, сала и соды, кож и т. д. *; все эти продукты производились дешевле на русских фабриках, посылавших на Кавказ свои изделия. Падала обработка рогов в бокалы вследствие упадка феодального строя в Грузии и ее исторических пиров, падал шапочный промысел вследствие замены азиатского костюма европейским, падало производство бурдюков и кувшинов для местного вина, которое впервые стало поступать в продажу (развивая бочарное производство) и завоевывало в свою очередь русский рынок. Русский капитализм втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости, — *создавал себе рынок* для своих фабрик. Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табака, и господин Купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтичного национального костюма в костюм европейского лакея (Гл. Успенский) [30].

Написано в 1896—1899 гг. *П. с. с., т. 3, с. 436, 488, 594—595.*

Из работы

«КАПИТАЛИЗМ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

(О КНИГЕ КАУТСКОГО И О СТАТЬЕ г. БУЛГАКОВА)» [31]

...Что общинное, коллективистическое крупное производство выше капиталистического крупного производства, это Каутский признает — само собой разумеется — с полной решительностью. Он останавливается на опытах коллективного ведения земледелия, которые делались в Англии последователями Оуэна **, на аналогичных общинах в Северо-Американских Соединенных Штатах. Все эти эксперименты, — говорит Каутский, — *неопровержимо доказывают*, что коллективное ведение работниками крупного современного земледелия вполне возможно, но, чтобы эта возможность перешла в действительность, для этого необходим «целый ряд известных экономических, политических и интеллектуальных усло-

---

* См. статьи К. Хатисова во II т. «Отчетов и исслед. по куст. пром.» и П. Острякова в V вып. «Трудов куст. ком.».

** На стр. 124—126 Каутский описывает земледельческую коммуну в Рэлэгайне (Ralahine) о которой, между прочим, рассказывает русским читателям и г. Дионео в № 2 «Русского Богатства» за текущий год.

вий». Мелкому производителю (и ремесленнику, и крестьянину) мешает перейти к коллективному производству крайне слабое развитие солидарности, дисциплины, их изолированность, их «фанатизм собственников», констатируемый не только среди западноевропейских крестьян, но, — добавим от себя, — и среди русских «общинных» крестьян (вспомните А. Н. Энгельгардта и Гл. Успенского) [32]. «Нелепо ждать, — категорически заявляет Каутский, — чтобы крестьянин в *современном обществе* перешел к общинному производству» (S. 129)...

Написано между 4(16) апреля и 9(21) мая 1899 г.

П. с. с., т. 4, с. 112—113.

Из статьи

«ПОПЯТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РУССКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ»

...Русские либералы выражают свое недовольство самодержавием лишь в такой форме, которую *разрешает* само самодержавие, т. е. которую самодержавие признает неопасной для самодержавия. Крупнейшим проявлением либеральной оппозиции были только *ходатайства* либералов к царскому правительству о привлечении народа к управлению. И либералы терпеливо сносили всякий раз те грубые полицейские отказы, которые получались на такие ходатайства, сносили те беззаконные и дикие преследования, которыми награждало жандармское правительство даже за законные попытки заявить свое мнение. Превращать либеральную оппозицию просто-напросто в общественную борьбу с самодержавием значит прямо *извращать* дело, потому что русские либералы *никогда* не сорганизовывали революционной партии для борьбы за ниспровержение самодержавия, хотя они всегда могли и могут найти для этого и материальные средства и заграничных представителей русского либерализма. А *Р. М.* [33] не только извращает дело, но и припутывает к этому имя великого русского социалиста, Н. Г. Чернышевского. «Союзниками рабочих по этой борьбе, — пишет *Р. М.*, — являются все передовые слои русского общества, отстаивающие свои общественные интересы и учреждения, ясно понимающие свои общие выгоды, «никогда не забывающие» (цитирует *Р. М.* Чернышевского), сколь велика «разница в том, — по независимому ли решению правительства или *по формальному требованию общества* делается какая-либо перемена». Если относить этот отзыв ко всем представителям «общественной борьбы», как ее понимает *Р. М.*, т. е. ко всем русским либералам, то это *прямая фальшь*. Формальных требований правительству никогда не предъявляли русские либералы, и именно поэтому русские либералы никогда не играли и никак не могут теперь играть *самостоятельной* революционной роли. Союзниками рабочего класса и социал-демократии не могут быть «все передовые

слои общества», а только революционные партии, основываемые членами этого общества. Либералы же вообще могут и должны служить лишь *одним из источников* добавочных сил и средств для революционной рабочей партии (как это и сказал П. Б. Аксельрод с полной ясностью в названной выше брошюре) [34]. Н. Г. Чернышевский именно потому и высмеивал беспощадно «передовые слои русского общества», что они не понимали необходимости формальных требований правительству и безучастно смотрели на гибель революционеров из их среды под ударами самодержавного правительства. *Р. М.* в этом случае так же бессмысленно цитирует Чернышевского, как бессмысленны надерганные во второй статье «Отдельного приложения» отрывки цитат из Чернышевского, стремящиеся показать, будто Чернышевский не был утопистом и будто русские социал-демократы не оценили всего значения «великого русского социалиста». Плеханов в своей книге о Чернышевском (статьи в сборнике «Социал-Демократ», изданные отдельно книгой по-немецки) [35] вполне оценил значение Чернышевского и выяснил его отношение к теории Маркса и Энгельса. Редакция же «Раб. Мысли» обнаружила только свое неумение дать сколько-нибудь связную и всестороннюю оценку Чернышевского, его сильных и слабых сторон...

Написано в конце 1899 г. *П. с. с., т. 4, с. 257—259.*

Из письма
М. А. УЛЬЯНОВОЙ

6/IV. 1900.

...Видела ли Маняша «Научно. Обозрение» № 3 и 4? Превосходна там статья о Писареве [36]...

Псков. *П. с. с., т. 55, с. 183.*

Из работы
«СЛУЧАЙНЫЕ ЗАМЕТКИ»

I. БЕЙ, НО НЕ ДО СМЕРТИ

...Лет тридцать пять тому назад с одним известным русским писателем, Ф. М. Решетниковым, случилась неприятная история. Отправился он в С.-Петербурге в дворянское собрание, ошибочно воображая, что там дают концерт. Городовые не пустили его и прикрикнули: «Куда ты лезешь? кто ты такой?»— «Мастеровой!»— грубо отвечал рассердившийся Ф. М. Решетников. Результатом такого ответа — рассказывает Гл. Успенский — было то, что Решетников ночевал в части, откуда вышел избитый, без денег и

кольца. «Довожу об этом до сведения вашего превосходительства,— писал Решетников в прошении с.-петербургскому обер-полицмейстеру. — Я ничего не ищу. Я только об одном осмеливаюсь утруждать вас, чтобы пристава, квартальные, их подчаски и городовые *не били народ*... Этому народу и так придется много получить всякой всячины» [37].

Скромное желание, которым так давно уже осмеливался утруждать русский писатель начальника столичной полиции, осталось и по сие время невыполненным, и остается *невыполнимым* при наших политических порядках. Но в настоящее время взоры всякого честного человека, измученного созерцанием зверства и насилия, привлекает к себе новое могучее движение в народе, собирающее силы, чтобы смести с лица русской земли всякое зверство и осуществить лучшие идеалы человечества. За последние десятилетия ненависть к полиции во много раз возросла и окрепла в массах простого народа. Развитие городской жизни, рост промышленности, распространение грамотности, все это заронило и в темные массы стремление к лучшей жизни и сознание человеческого достоинства, а полиция осталась такой же самоуправной и зверской. К ее зверству прибавилась только бо́льшая утонченность сыска и травля нового, самого страшного врага: всего, что́ несет в народные массы луч сознания своих прав и веру в свои силы. Оплодотворенная таким сознанием и такой верой, народная ненависть найдет себе выход не в дикой мести, а в борьбе за свободу...

Написано в конце января — начале февраля 1901 г.

П. с. с., т. 4, с. 415—416.

Из статьи

«ГОНИТЕЛИ ЗЕМСТВА И АННИБАЛЫ ЛИБЕРАЛИЗМА» [38]

...Если мы припомним еще прокламацию «Молодой России» [39], многочисленные аресты и драконовские наказания «политических» преступников (Обручева, Михайлова и др.), увенчавшиеся беззаконным и подтасованным осуждением на каторгу Чернышевского, то для нас ясна будет та общественная обстановка, которая породила земскую реформу. Говоря, что «мысль при создании земских учреждений была несомненно политическая», что с либеральным и конституционалистическим настроением общества в правящих сферах «несомненно считались», «Записка» Витте говорит лишь *половину* правды. Тот казенный, чиновнический взгляд на общественные явления, который обнаруживает везде автор «Записки», сказывается и здесь, сказывается в игнорировании *революционного* движения, в затушевывании тех драконовских мер репрессии, которыми правительство *защищалось* от натиска ре-

волюционной «партии». Правда, на наш современный взгляд кажется странным говорить о революционной «партии» и ее натиске в начале 60-х годов. Сорокалетний исторический опыт сильно повысил нашу требовательность насчет того, что́ можно назвать революционным движением и революционным натиском. Но не надо забывать, что в то время, после тридцатилетия николаевского режима, никто не мог еще предвидеть дальнейшего хода событий, никто не мог определить действительной силы сопротивления у правительства, действительной силы народного возмущения. Оживление демократического движения в Европе, польское брожение, недовольство в Финляндии, требование политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России «Колокола», могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих *революционеров*, появление прокламаций, возбуждение крестьян, которых «очень часто» * приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови *заставлять* принять «Положение», обдирающее их, как липку, коллективные отказы дворян — мировых посредников [46] применять *такое* «Положение», студенческие беспорядки — при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен

---

* *Л. Пантелеев.* «Из воспоминаний о 60-х годах», стр. 315 сборника «На славном посту» [40]. В этой статейке сгруппированы некоторые очень интересные факты о революционном возбуждении 1861—1862 гг. и полицейской реакции... «К началу 1862 г. общественная атмосфера была до крайности напряжена; малейшее обстоятельство могло резко толкнуть ход жизни в ту или другую сторону. Эту роль и сыграли майские пожары 1862 года в Петербурге». Начались они 16-го мая, особенно выделились 22 и 23-го мая — в этот последний день было пять пожаров, 28-го мая запылал Апраксин двор и выгорело громадное пространство вокруг него. В народе стали обвинять в поджогах студентов, и эти слухи повторялись газетами. Прокламацию «Молодой России», которая объявляла кровавую борьбу всему современному строю и оправдывала всякие средства, рассматривали как подтверждение слухов об умышленных поджогах. «Вслед за 28-ым мая в Петербурге было объявлено нечто вроде военного положения». Учрежденному особому комитету было поручено принятие *чрезвычайных* мер к охране столицы. Город был разделен на три участка, с военными губернаторами во главе. По делам о поджоге введен военно-полевой суд. Приостановлены на 8 месяцев «Современник» [41] и «Русское Слово» [42], прекращен «День» [43] Аксакова, объявлены суровые временные правила о печати (утвержденные еще 12-го мая, *т. е. до пожаров*. След., *«ход жизни»* резко направлялся в сторону реакции и независимо от пожаров, вопреки мнению г. Пантелеева), правила о надзоре за типографиями, последовали многочисленные аресты политического характера (Чернышевского, Н. Серно-Соловьевича, Рымаренко и др.), закрыты воскресные школы и народные читальни, затруднено разрешение публичных лекций в С.-Петербурге, закрыто 2-е отделение при Литературном фонде [44], закрыт даже Шахматный клуб [45].

Следственная комиссия не открыла никакой связи пожаров с политикой. Член комиссии, Столбовский, рассказывал г. Пантелееву, «как удалось ему в комиссии вывести на свежую воду главных лжесвидетелей, которые, кажется, были простым орудием полицейских агентов» (325—326). Итак, есть очень веское основание думать, что *слухи о студентах-поджигателях распускала полиция*. Гнуснейшее эксплуатирование народной темноты для клеветы на революционеров и протестантов было, значит, в ходу и в самый разгар «эпохи великих реформ».

Библиотечная книга

был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной. При таких условиях самодержавное правительство, которое свое высшее назначение видело в том, чтобы, с одной стороны, отстоять во что бы то ни стало всевластие и безответственность придворной камарильи и армии чиновных пиявок, а с другой стороны, в том, чтобы поддерживать худших представителей эксплуататорских классов, — подобное правительство *не могло поступать иначе*, как беспощадно истребляя отдельных лиц, сознательных и непреклонных врагов тирании и эксплуатации (т. е. «коноводов» «революционной партии»), запугивать и подкупать небольшими уступками массу недовольных. Каторга — тому, кто предпочитал молчать, чем извергать тупоумные или лицемерные хвалы «великому освобождению»; реформы (*безвредные для самодержавия и для эксплуататорских классов реформы*) тем, кто захлебывался либерализмом правительства и восторгался эрой прогресса.

Мы не хотим сказать, что эта рассчитанная полицейско-реакционная тактика была отчетливо сознаваема и систематически преследуема всеми или хотя бы даже несколькими членами правящей клики. Отдельные члены ее могли, конечно, по своей ограниченности не задумываться над этой тактикой в ее целом и наивно восторгаться «либерализмом», не замечая его полицейского футляра. Но в общем и целом несомненно, что коллективный опыт и коллективный разум правящих заставлял их неуклонно преследовать эту тактику. Недаром же большинство вельмож и сановников прошло длинный курс николаевской службы и полицейской выучки, прошло, можно сказать, огонь и воду и медные трубы. Они помнили, как монархи то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых и «спускали» на верноподданных Аракчеевых; они помнили 14-ое декабря 1825 г. и проделывали ту функцию европейской жандармерии, которую (функцию) исполнило русское правительство в 1848—1849 годах [47]. Исторический опыт самодержавия не только заставлял правительство следовать тактике запугивания и развращения, но и многих независимых либералов побуждал рекомендовать правительству эту тактику. Вот в доказательство правильности этого последнего мнения рассуждения Кошелева и Кавелина. В своей брошюре: «Конституция, самодержавие и Земская дума» (Лейпциг, 1862 г.) А. Кошелев высказывается *против* конституции за совещательную Земскую думу и предвидит такое возражение:

«Созывать Земскую думу — значит вести Россию к революции, т. е. к повторению у нас États généraux *, превратившихся в Конвент и заключивших свои действия событиями 1792 года, с проскрипциями, гильотиной, noyades ** и пр.». «Нет! господа,— отвечает Кошелев,— не созвание Земской

---

* — Генеральных штатов.— *Ред.*

** — массовым потоплением.— *Ред.*

думы открывает, подготовляет поприще для революции, как вы ее понимаете; а скорее и вернее ее производят действия со стороны правительства нерешительные и противоречащие, шаг вперед и шаг назад, повеления и законы неудобоисполнимые, оковы, налагаемые на мысль и слово; полицейское (явное и тем еще хуже тайное) наблюдение за действиями сословий и частных людей, мелочные преследования некоторых личностей, расхищения казны, чрезмерные и неразумные ее расходы и награды, неспособность государственных людей и их отчужденность от России и пр. и пр. Еще вернее могут довести до революции (опять в вашем смысле) в стране, только очнувшейся от многолетнего гнета, военные экзекуции, казематы и ссылки: ибо раны наболевшие несравненно чувствительнее и раздражительнее, чем раны новые. Но не опасайтесь: революции, произведенной во Франции, как вы полагаете, журналистами и другими писателями,— у нас не будет. Надеемся также, что в России не составится (хотя за это отвечать труднее) общество горячих, отчаянных голов, которые изберут убийство средством к достижению своих целей. Но гораздо вероятнее и опаснее то, что возникнет, незаметно для земской, городской и тайной полиции, под влиянием раскола, согласие между крестьянами и мещанами, к которым присоединятся молодые и немолодые люди, сочинители и приверженцы «Великорусса», «Молодой России» и пр. Такое согласие, все уничтожающее и проповедующее равенство не перед законом, а вопреки ему (какой бесподобный либерализм! Мы, разумеется, за равенство, но за равенство *не вопреки* закону,— закону, разрушающему равенство!), не народную, историческую общину, а болезненное ее исчадие, и власть не разума, которую так боятся некоторые государственные дельцы, а власть грубой силы, к которой они сами так охотно прибегают,— такое согласие, говорю, у нас гораздо возможнее, и оно может быть гораздо сильнее, чем умеренная, благомыслящая и самостоятельная оппозиция правительству, которая так противна нашим бюрократам и которую они всячески теснят и стараются удушить. Не думайте, что партия внутренней, тайной, безыменной печати малочисленна и слаба, и не воображайте, что вы захватили ее ветви и корни; нет! воспрещением молодежи доучиться, возведением шалостей в чин государственных преступлений, всякими мелочными преследованиями и наблюдениями вы удесятерили силу этой партии, рассеяли и размножили ее по империи. При взрыве такого согласия к чему прибегнут наши государственные люди? — К военной силе? Но можно ли будет на нее наверное рассчитывать?» (стр. 49—51).

Разве из пышных фраз этой тирады не вытекает с очевидностью тактика: истребить «отчаянные головы» и приверженцев «согласия между крестьянами и мещанами», а «благомыслящую умеренную оппозицию» удовлетворить и разъединить уступками? Только правительство оказалось умнее и ловчее, чем воображали гг. Кошелевы, и отделалось меньшими уступками, чем «совещательная» Земская дума.

А вот частное письмо К. Д. Кавелина к Герцену от 6-го августа 1862 года: «...Вести из России, на мой взгляд, не так плохи. Арестован не Николай, а Александр Соловьевич. Аресты меня не удивляют и, признаюсь, не кажутся мне возмутительными. Революционная партия считает пригодными все средства, чтобы ниспровергнуть правительство, а правительство защищается всеми средствами. Другое дело были аресты и ссылки при подлом Николае. Люди гибли за свои мысли, убеждения, веру и слова. Я хотел бы, чтобы ты был на месте правительства, и посмотрел бы я тогда, как стал бы ты поступать против партий, которые и тайно и открыто работают против тебя. Я люблю Чернышевского, очень, очень

люблю, но такого brouillon» (задиру, сварливого, неуживчивого человека, сеющего раздоры), «такого бестактного, самоуверенного человека я еще никогда не видал. Погибать из-за ничего, ровно-таки из-за ничего! Что пожары находятся в связи с прокламациями, это не подлежит теперь никакому сомнению» *. Вот образчик профессорски-лакейского глубокомыслия! Виноваты во всем эти революционеры, которые так самоуверенны, что освистывают фразерствующих либералов, так задорны, что тайно и явно работают против правительства, так бестактны, что попадают в Петропавловку. С подобными людьми и он, либеральный профессор, расправлялся бы «всеми средствами», если бы был у власти...

Написано в июне 1901 г. *П. с. с., т. 5, с. 28—33.*

ЗАМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ РЯЗАНОВА «ДВЕ ПРАВДЫ» [48]

Стр.

1. Автор ставит во главу угла слова Маркса (о 2-х путях), которые сказаны в сущности условно и при *исключительных* обстоятельствах. Автор же извращает дело, *навязывая* именно Марксу *самую постановку* вопроса о 2-х путях.
7. «Смех» над 70-ками (поворот к истории) доказывает *не* «только безусловную неспособность встать на историческую точку зрения», — он доказывает также теоретическое *принижение* 70-ков сравнительно с людьми 40-х и 60-х годов.

7а. Подчеркивая, что Михайловский выступал против В. В. и не говоря о том, что Михайловский гораздо чаще и гораздо больше был с В. В. солидарен, автор подкрашивает Михайловского.

8. Это вопиющая неправда: ставить в счет именно Михайловскому *т р а г е д и ю* гибели «*Народной Воли*» и «хождения в народ». Статья посвящена Михайловскому, коего Untergang ** есть именно *p e r s ö n l i c h e r* ***, и в коего судьбе «трагичного» на грош, а комичного на целковый.

---

* Цитируем по немецкому переводу драгомановского издания переписки К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева с А. И. Герценом: Bibliothek russischer Denkwürdigkeiten, herausgegeben von Th. Schiemann, Bd. 4, S. 65—66. Stuttgart, 1894. (Библиотека русских литературных памятников, издаваемая Т. Шиманом, т. 4, с. 65—66, Штутгарт, 1894.— *Ред.*).

** — падение.— *Ред.*

*** — *л и ч н о е*.— *Ред.*

9. Это *глупо* смешать *разнос* Михайловского с «забрасыванием грязью поколения революционных социалистов 70-х годов».
9. NB «отказывается» проследить отражение революционного большинства в легальной литературе.
9—10. К голосу профана жадно прислушиваются все «Gekreuzigte und Verbannte *» ??
(70-х годов) ?
13. «Вопросы общественные сменяются вопросами личными» *(и до конца страницы* NB). |??
(Писаревщина.)
15. ...(Писарев) «Жизнерад. проповедь личного счастья»
— — — «индивидуалистических идеалов». |??|
18. » » «с головой ушедшие в вопросы личного самосовершенствования».
24—25. (§ III) Характеризуется утопический социализм *революционеров* (70-х годов), смешиваемый с направлением Михайловского.
28—29. Михайловский часто «жертвовал» одной из правд. *Но* нас не интересует «позднейшая фаза» его деятельности. Михайловский нас затрагивает только как выразитель определенного течения среди *молодежи* 70-х и 80-х годов.
31. Какие «границы» положены «уму природой»? (Теория познания.)
29—35. Изложение «системы правды».
35. ...Эта система «старается отыскать в действительности такой общественный элемент...», который «был бы заинтересован в осуществлении идеала».
41. От спора с Юзовым и К° (сухой пересказ) — перескакивание к Яковенко (1886 г.).
46—48. Pendant ** = *Ткачев.*
Дальше *Аксельрод*
и переход к с.-д.
Все это изложено скучно и очень мало относится к «2-м предыдущим» и к *Михайловскому.*
И Н.— он (52)!! — с выводами из него, сделанными Михайловским (53).
§ V, с 57 страницы — 77 стр. (78—80 о «критиках») — рождение марксизма. Скука смертная, только на *82* стр. возвращается к *«старой правде»*.
— 85 — Мы отвергаем деление мира на нумены и феномены [49].

Написано в сентябре — октябре 1901 г. *П. с. с., т. 5, с. 402—404.*

---

* — «распятые и изгнанные».— *Ред.*
** — Нечто подобное.— *Ред.*

Из книги

«ЧТО ДЕЛАТЬ?

НАБОЛЕВШИЕ ВОПРОСЫ НАШЕГО ДВИЖЕНИЯ»

...Если бы нам действительно удалось достигнуть того, чтобы все или значительное большинство местных комитетов, местных групп и кружков активно взялись за общее дело, мы могли бы в самом недалеком будущем поставить еженедельную газету, регулярно распространяемую в десятках тысяч экземпляров по всей России. Эта газета стала бы частичкой громадного кузнечного меха, раздувающего каждую искру классовой борьбы и народного возмущения в общий пожар. Вокруг этого, самого по себе очень еще невинного и очень еще небольшого, но регулярного и в полном значении слова *общего* дела систематически подбиралась и обучалась бы постоянная армия испытанных борцов. По лесам или подмосткам этой общей организационной постройки скоро поднялись и выдвинулись бы из наших революционеров социал-демократические Желябовы, из наших рабочих русские Бебели, которые встали бы во главе мобилизованной армии и подняли весь народ на расправу с позором и проклятьем России.

Вот о чем нам надо мечтать!

* * *

«Надо мечтать!» Написал я эти слова и испугался. Мне представилось, что я сижу на «объединительном съезде», против меня сидят редакторы и сотрудники «Рабочего Дела». И вот встает товарищ Мартынов и грозно обращается ко мне: «А позвольте вас спросить, имеет ли еще автономная редакция право мечтать без предварительного опроса комитетов партии?». А за ним встает товарищ Кричевский и (философски углубляя товарища Мартынова, который уже давно углубил товарища Плеханова) еще более грозно продолжает: «Я иду дальше. Я спрашиваю, имеет ли вообще право мечтать марксист, если он не забывает, что по Марксу человечество всегда ставит себе осуществимые задачи и что тактика есть процесс роста задач, растущих вместе с партией?».

От одной мысли об этих грозных вопросах у меня мороз подирает по коже, и я думаю только — куда бы мне спрятаться. Попробую спрятаться за Писарева.

«Разлад разладу рознь, — писал по поводу вопроса о разладе между мечтой и действительностью Писарев. — Моя мечта может обгонять естественный ход событий или же она может хватать совершенно в сторону, туда, куда никакой естественный ход событий никогда не может прийти. В первом случае мечта не приносит никакого вреда; она может даже поддерживать и усиливать энергию трудящегося человека... В подобных мечтах нет ничего тако-

го, что извращало или парализовало бы рабочую силу. Даже совсем напротив. Если бы человек был совершенно лишен способности мечтать таким образом, если бы он не мог изредка забегать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной картине то самое творение, которое только что начинает складываться под его руками, — тогда я решительно не могу представить, какая побудительная причина заставляла бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни... Разлад между мечтой и действительностью не приносит никакого вреда, если только мечтающая личность серьезно верит в свою мечту, внимательно вглядываясь в жизнь, сравнивает свои наблюдения с своими воздушными замками и вообще добросовестно работает над осуществлением своей фантазии. Когда есть какое-нибудь соприкосновение между мечтой и жизнью, тогда все обстоит благополучно»[50].

Вот такого-то рода мечтаний, к несчастью, слишком мало в нашем движении. И виноваты в этом больше всего кичащиеся своей трезвенностью, своей «близостью» к «конкретному» представители легальной критики и нелегального «хвостизма»...

Написано осенью 1901 — в феврале 1902 г. *П. с. с., т. 6, с. 171—173.*

Из письма
А. Н. ПОТРЕСОВУ

1/I.03.

...Не напишете ли заметки, статьи или фельетона для «Искры» по поводу 25-летия смерти Некрасова? Хорошо бы поместить что-либо. Напишите, возьметесь ли... [51]

Лондон. *П. с. с., т. 46, с. 249.*

Из письма
Г. В. ПЛЕХАНОВУ

5/II.03.

...Получил статью и письмо Ваше. В какой № попадет статья, еще не знаю. Напишу на днях,— да это зависит и от Вашего ответа насчет статьи о Некрасове [52]...

Лондон. *П. с. с., т. 46, с. 266.*

«МАРКСИСТСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НА АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ЕВРОПЕ И В РОССИИ» [53]

С. *Аграрный вопрос в России* (1 чтение на С).

Суть народничества

1. Старые воззрения = народничество.
   Крестьянство = «народное производство» (не мелкая буржуазия)
   Община = зачатки коммунизма (не фискальная).
   нет почвы для капитализма:
   нет внутреннего рынка, крестьянство величайший антагонизм, нет классовой борьбы в земледелии.

«аграрная демократия». историческое значение

2. Это целое миросозерцание, начиная от Герцена и кончая Н. — оном.
   Громадная полоса общественной мысли.

остатки у социалистов революционеров.

ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ: *идеализация* борьбы с крепостничеством («Agrarische Demokratie») Marx [54].

Элементы *демократии*
+ утопический социализм
+ мелкобуржуазные реформы
+ реакционность мелкого буржуа.
Отделить *плевелы* от пшеницы.

разложение крестьянства (ошибка «Давида»)

3. Центральный вопрос: *разложение* крестьянства, *превращение* его в *мелкую буржуазию*, КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ДЕРЕВНЕ...

Аграрный строй России. Если б только капитализм, не надо бы аграрной программы. (Энгельс, Бёттгер). Но. ... *остатки крепостничества.*

Задержки разложения:

NB
- отработки
- высокие подати
- отсутствие свободы передвижения — (Маслов община: *выписка*).
- ростовщический капитал

4. Переход от барщины к капиталистическому хозяйству.
   (переходная система) Отработочная система. (Развитие капитализма 133, 135) [55] отрезки etc.
   Класс наемных рабочих в земледелии: $3^1/_2$ миллиона ***minimum***.

остатки крепостного права

5. *Передвижение рабочих* в России, как суммированное развитие капитализма *бегут от народного производства* (Развитие капитализма *466—9*)[56]

Передвижение рабочих в России

Ergo, суть современного момента в хозяйственной эволюции (и всей истории) России.

=*Уничтожение остатков крепостничества.*
=свобода развития капитализма
=свобода классовой борьбы пролетариата
(Совсем иной (чем в Европе) аграрный вопрос)
(Застой, голодовки. Упадок? *или* свобода капитализма?)
Тут ядро *народничества*, его демократически-*революционное* ядро

Суть нашей аграрной программы

Зажиточное крестьянство уже сложилось
Наемные рабочие в различных формах.

10 милл. Развитие капитализма *462* [57]

— уничтожение остатков крепостничества оформит и разовьет его власть
— поднятие жизненного уровня повысит внутренний рынок, развивает *индустриализацию*
— развитие *пролетариата и классовой борьбы за социализм.*

Непонимание аграрной программы социалистами-революционерами и Рязановыми...

Написано 25—26 февраля 1903 г. *Ленинский сборник XIX, с. 237—240.*

Из статьи

«МЕЛКОБУРЖУАЗНЫЙ И ПРОЛЕТАРСКИЙ СОЦИАЛИЗМ»

...Народничество было до известной степени цельным и последовательным учением. Отрицалось господство капитализма в России; отрицалась роль фабрично-заводских рабочих, как передовых борцов всего пролетариата; отрицалось значение политической революции и буржуазной политической свободы; проповедовался сразу социалистический переворот, исходящий из крестьянской общины с ее мелким сельским хозяйством. От этого цельного учения остались теперь только клочья, но, чтобы сознательно разобраться в современных спорах, чтобы не давать этим спорам опускаться до перебранки, необходимо всегда иметь в виду общие и коренные народнические *основы* заблуждений наших социалистов-революционеров.

Человек будущего в России — мужик, думали народники, и этот взгляд вытекал неизбежно из веры в социалистичность общины, из неверия в судьбы капитализма. Человек будущего в России — рабочий, думали марксисты, и развитие русского капитализма, как в земледелии, так и в промышленности, все более и более подтверждает их взгляды. Рабочее движение в России заставило теперь само признать себя, относительно же крестьянского движения вся пропасть между народничеством и марксизмом сказывается поныне в различном *понимании* этого движения. Для народника крестьянское движение именно и опровергает марксизм; оно как раз есть движение в пользу непосредственного социалистического переворота; оно как раз не признает никакой буржуазной политической свободы; оно исходит как раз не из крупного, а из мелкого хозяйства. Для народника, одним словом, крестьянское движение и есть настоящее, истинно-социалистическое и непосредственно-социалистическое движение. Народническая вера в крестьянскую общину и народнический анархизм вполне объясняют неизбежность таких выводов.

Для марксиста крестьянское движение есть именно не социалистическое, а демократическое движение. Оно является и в России, как бывало и в других странах, необходимым спутником демократической революции, буржуазной по ее общественно-экономическому содержанию. Оно нисколько не направляется против основ буржуазного порядка, против товарного хозяйства, против капитала. Оно направляется, напротив того, против старых, крепостнических, докапиталистических отношений в деревне и против помещичьего землевладения, как главной опоры всех пережитков крепостничества. Полная победа данного крестьянского движения не устранит поэтому капитализма, а, напротив, создаст более широкую почву для его развития, ускорит и обострит чисто капиталистическое развитие. Полная победа крестьянского восстания может лишь создать оплот демократической буржуаз-

ной республики, в которой впервые со всей чистотой и развернется борьба пролетариата против буржуазии.

Итак, вот два противоположных взгляда, которые надо ясно понять всякому, желающему разобраться в принципиальной пропасти между социалистами-революционерами и социал-демократами...

Напечатано 7 ноября (25 октября) 1905 г. *П. с. с., т. 12, с. 40—42.*

Из статьи

«ПЛЕХАНОВ И ВАСИЛЬЕВ»

...Васильев — видный меньшевик. Он работал вместе с меньшевиками и притом не с случайными меньшевиками в каком-нибудь захолустье, а с самыми видными и самыми ответственными меньшевиками. Поэтому пренебрежительно относиться к Васильеву меньшевики *не вправе*.

И Васильев прямо ссылается на Плеханова. Более того. Он прямо *опирается* на него. Он называет опозорившее с.-д. партию выступление Плеханова в кадетской печати с предложением общей с к.-д. платформы — «мужественным окликом». Он «сожалеет», что «у других партий Плехановых не находится».

Усердия у Васильева много, а ума мало. Хотел похвалить Плеханова, и в похвалу ему выпалил: «у других партий Плеха*новых*, к сожалению, не находится». Это бесподобно! Добрый Васильев, он явился инициатором употребления слова «Плеха*новы*» в *нарицательном* смысле, в смысле политиков, действующих в одиночку независимо от своей партии. Отныне будут, вероятно, говорить: «*Плехановы* в *васильевском* смысле этого слова»...

Похлопывая по плечу «Плехановых», Васильевы ставят точки над i. Авторы «Credo» в 1899 г., гг. Прокоповичи и К°, говорили о чисто рабочем движении без революционной бациллы. Васильевы говорят о революции, которая должна родить «конституцию», и только, родить без *всяких* акушеров, без революционеров. *Отсутствие* акушеров, отсутствие революционеров, отсутствие революционного народа, — вот лозунг Васильева.

Щедрин классически высмеял когда-то Францию, расстрелявшую коммунаров, Францию пресмыкающихся перед русскими тиранами банкиров, как республику без республиканцев [58]. Пора родиться новому Щедрину, чтобы высмеять Васильева и меньшевиков, защищающих революцию посредством лозунга «отсутствие» революционеров, «отсутствие» революции...

Напечатано 7 января 1907 г. *П. с. с., т. 14, с. 237.*

Из статьи

«УСЛЫШИШЬ СУД ГЛУПЦА»...

...Трагедия российского радикала: он десятки лет вздыхал о митингах, о свободе, пылал бешеной (на словах) страстью к свободе, — попал на митинг, увидел, что настроение левее, чем его собственное, и загрустил: «трудно судить», «не более $^1/_{10}$», «поосторожнее бы надо, господа!» Совсем как пылкий тургеневский герой, сбежавший от Аси, — про которого Чернышевский писал: «Русский человек на rendez-vous» [59].

Эх, вы, зовущие себя сторонниками трудящейся массы! Куда уж вам уходить на rendez-vous * с революцией, — сидите-ка дома; спокойнее, право, будет; и дела не придется иметь с этими опасными «наиболее энергичными и живыми, подвижными людьми». Вам подстать неподвижные обыватели!..

15 января 1907 — *П. с. с., т. 14, с. 280.*

Из работы

«ПРОЕКТ РЕЧИ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ ВО ВТОРОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ» [60]

...Чтобы пояснить свою мысль, приведу один из бездны примеров, которыми полна литература о крестьянском и помещичьем хозяйстве. Существует обширное издание департамента земледелия, относящееся к началу 90-х годов и основанное на сведениях, *полученных от хозяев* о системе помещичьего хозяйства в России («Сельскохозяйственные и статистические сведения, полученные от хозяев». Изд. департамента земледелия. Вып. V. СПБ. 1892). Обработал эти сведения г. С. А. Короленко — не смешивать с В. Г. Короленко; не прогрессивный писатель, а реакционный чиновник, вот кто этот г. С. А. Короленко...

* * *

...Про крестьянское «освобождение» и проклятой памяти *«в ы к у п»* 1861 года великий русский писатель, один из первых социалистов в России, замученный палачами правительства, Николай Гаврилович Чернышевский, писал: лучше была бы добровольная сделка крестьян с помещиками, чем такое «освобождение с выкупом» через помещичьи губернские комитеты **. При добровольной сделке о покупке земли, с крестьян *не могли бы*

---

* — свидание.— *Ред.*

** Хорошо бы найти цитату точную: кажется, из «Писем без адреса» и еще где-то [61].

содрать столько, сколько содрали с них посредством *правительственного* «примирения» крестьян с помещиками.

И великий русский социалист оказался прав...

Написано между 21 и 26 марта (3 и 8 апреля) 1907 г. — *П. с. с., т. 15, с. 132, 152—153.*

Из статьи

«ТОРЖЕСТВУЮЩАЯ ПОШЛОСТЬ ИЛИ КАДЕТСТВУЮЩИЕ ЭСЕРЫ»

...Жаль, что не дожил Щедрин до «великой» российской революции. Он прибавил бы, вероятно, новую главу к «Господам Головлевым», он изобразил бы Иудушку, который успокаивает высеченного, избитого, голодного, закабаленного мужика: ты ждешь улучшения? Ты разочарован отсутствием перемены в порядках, основанных на голоде, на расстреливании народа, на розге и нагайке? Ты жалуешься на «отсутствие фактов»? Неблагодарный! Но ведь это отсутствие фактов и есть факт величайшей важности! Ведь это сознательный результат вмешательства твоей воли, что Лидвали [62] по-прежнему хозяйничают, что мужики спокойно ложатся под розги, не предаваясь зловредным мечтам о «поэзии борьбы».

Черносотенцев трудно ненавидеть: чувство тут уже умерло, как умирает оно, говорят, на войне после длинного ряда сражений, после долгого опыта стрельбы в людей и пребывания среди рвущихся гранат и свистящих пуль. Война есть война, — и с черносотенцами идет открытая, повсеместная, *привычная* война.

Но кадетский Иудушка Головлев способен внушить самое жгучее чувство ненависти и презрения. Ведь этого «либерального» помещика и буржуазного адвоката слушают, слушают даже крестьяне. Ведь он действительно засоряет глаза народу, действительно отупляет умы!..

Написано 3(16) апреля 1907 г. — *П. с. с., т. 15, с. 213.*

С КАКОЙ СТОРОНЫ ПОДХОДИЛ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ К КРИТИКЕ КАНТИАНСТВА?

ДОБАВЛЕНИЕ К § 1-му ГЛАВЫ IV КНИГИ «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ»

В первом параграфе четвертой главы мы показали подробно, что материалисты критиковали и критикуют Канта с диаметрально противоположной стороны по отношению к той, с которой критикуют его Мах и Авенариус. Не лишним считаем добавить здесь, хотя вкратце, указание на гносеологическую позицию великого русского гегельянца и материалиста Н. Г. Чернышевского.

Немного спустя после критики Канта немецким учеником Фейербаха, Альбрехтом Рау, великий русский писатель

Н. Г. Чернышевский, тоже ученик Фейербаха, впервые попытался прямо изложить свое отношение и к Фейербаху и к Канту. Н. Г. Чернышевский выступал в русской литературе еще в 50-х годах прошлого века, как сторонник Фейербаха, но наша цензура не позволяла ему даже упомянуть имя Фейербаха. В 1888 году в предисловии к предполагавшемуся третьему изданию «Эстетических отношений искусства к действительности» Н. Г. Чернышевский попытался прямо указать на Фейербаха, но цензура и в 1888 году не пропустила даже простой ссылки на Фейербаха! Предисловие увидело свет только в 1906 году: см. т. X, ч. 2 «Полного собрания сочинений» Н. Г. Чернышевского, стр. 190—197 [63]. В этом «Предисловии» Н. Г. Чернышевский посвящает полстранички критике Канта и тех естествоиспытателей, которые в своих философских выводах идут за Кантом.

Вот это замечательное рассуждение Н. Г. Чернышевского в 1888 году:

«Те натуралисты, которые воображают себя строителями всеобъемлющих теорий, на самом деле остаются учениками, и обыкновенно слабыми учениками, старинных мыслителей, создавших метафизические системы, и обыкновенно мыслителей, системы которых уже были разрушены отчасти Шеллингом и окончательно Гегелем. Достаточно напомнить, что большинство натуралистов, пытающихся строить широкие теории законов деятельности человеческой мысли, повторяют метафизическую теорию Канта о субъективности нашего знания»,... (к сведению все перепутавших российских махистов: Чернышевский стоит позади Энгельса, поскольку он в своей терминологии смешивает противоположение материализма идеализму с противоположением метафизического мышления диалектическому, но Чернышевский стоит вполне на уровне Энгельса, поскольку он упрекает Канта не за реализм, а за агностицизм и субъективизм, не за допущение «вещи в себе», а за неумение вывести наше знание из этого объективного источника)... «толкуют со слов Канта, что формы нашего чувственного восприятия не имеют сходства с формами действительного существования предметов»,... (к сведению все перепутавших российских махистов: критика Канта Чернышевским диаметрально противоположна критике Канта Авенариусом — Махом и имманентами, ибо для Чернышевского, как и для всякого материалиста, формы нашего чувственного восприятия имеют сходство с формами действительного, т. е. объективно-реального существования предметов)... «что поэтому предметы действительно существующие и действительные качества их, действительные отношения их между собою непознаваемы для нас»,... (к сведению все перепутавших российских махистов: для Чернышевского, как и для всякого материалиста, предметы, то есть, говоря вычурным языком Канта, «вещи в себе», *действительно* существуют и *вполне* познаваемы для нас, познаваемы и в своем существовании, и в своих качествах, и в своих действительных отношениях)... «и если бы были позна-

ваемы, то не могли бы быть предметом нашего мышления, влагающего весь материал знаний в формы совершенно различные от форм действительного существования, что и самые законы мышления имеют лишь субъективное значение»,... (к сведению путаников-махистов: для Чернышевского, как и для всякого материалиста, законы мышления имеют не только субъективное значение, т. е. законы мышления отражают формы действительного существования предметов, совершенно сходствуют, а не различествуют, с этими формами)... «что в действительности нет ничего такого, что̀ представляется нам связью причины с действием, потому что нет ни предыдущего, ни последующего, нет ни целого, ни частей и так далее, и так далее»... (К сведению путаников-махистов: для Чернышевского, как и для всякого материалиста, в действительности есть то, что̀ представляется нам связью причины с действием, есть объективная причинность или необходимость природы)... «Когда натуралисты перестанут говорить этот и тому подобный метафизический вздор, они сделаются способны вырабатывать и, вероятно, выработают, на основании естествознания, систему понятий, более точных и полных, чем те, которые изложены Фейербахом...». (К сведению путаников-махистов: Чернышевский называет метафизическим вздором *всякие* отступления от материализма и в сторону идеализма и в сторону агностицизма)... «А пока лучшим изложением научных понятий о так называемых основных вопросах человеческой любознательности остается то, которое сделано Фейербахом» (стр. 195—196)[64]. Основными вопросами человеческой любознательности Чернышевский называет то, что на современном языке называется основными вопросами теории познания или гносеологии. Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников. Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса.

Написано в марте 1909 г. *П. с. с., т. 18, с. 381—384.*

Из письма
А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

...Посылаю добавление *. Задерживать из-за него не стоит. Но если время есть, пусти в самом конце книги, после заключения, особым шрифтом, петитом например. Я считаю крайне важным противопоставить махистам Чернышевского...

Написано 23 или 24 марта 1909 г. *П. с. с., т. 55, с. 284.*
Париж.

* См. предыдущую работу.— *Ред.*

ФИЛОСОФСКИЕ ТЕТРАДИ

ИЗ КОНСПЕКТА КНИГИ ФЕЙЕРБАХА «ЛЕКЦИИ О СУЩНОСТИ РЕЛИГИИ»

...Интересен ответ критику (Фейербаха) профессору *von Schaden'y** (448—449) и *Schaller'y*** (449—450—463)...

NB „бытие и природа", „мышление и человек"

... «Я ведь определенно на место бытия ставлю природу, на место мышления — человека», т. е. не абстракцию, а конкретное — — — die *dramatische* Psychologie*** (449).

Вот почему *узок* термин Фейербаха и Чернышевского „антропологический принцип" в философии. И антропологический принцип и натурализм суть лишь неточные, слабые описания *материализма*.

Написано не ранее 1909 г. *П. с. с., т. 29, с. 63—64.*

Из статьи

«ЗА ЧТО БОРОТЬСЯ?»

...Декабрьское движение 1905 г. велико потому, что оно в первый раз превратило «жалкую нацию, нацию рабов» (как говорил Н. Г. Чернышевский в начале 60 годов) в нацию, *способную* под руководством пролетариата довести до конца борьбу с гадиной самодержавия и потянуть к этой борьбе *массы*. Это движение велико потому, что пролетариат показал здесь на опыте *возможность* завоевания власти демократическими массами, возможность республики в России, показал, *«как это делается»*, показал практический приступ масс к конкретному выполнению этой задачи. Декабрьской борьбой пролетариат оставил народу одно из тех наследств, которые способны идейно-политически быть маяком для работы нескольких поколений...

Напечатано 23 марта (5 апреля) 1910 г. *П. с. с., т. 19, с. 214—215.*

---

* — фон Шадену.— *Ред.*
** — Шаллеру.— *Ред.*
*** — *драматическую* психологию.— *Ред.*

Из письма

Д. М. КОТЛЯРЕНКО

Личное товарищу *К о т л я р е н к о.*

1.8.10.

.. Дорогой товарищ! Будьте любезны выписать нам следующие книги для редакции:

... 2) Памяти Н. Г. Чернышевского. Доклады и речи Анненского, Антоновича, Туган-Барановского и др. Ц. 50 к. (Общественная Польза, СПБ., Невский, 40, кв. 43.)...

Жму руку. Ваш *Н. Ленин.*

Порник (Франция). *П. с. с., т. 47, с. 258—259.*

ЗАМЕЧАНИЯ НА КНИГЕ Г. В. ПЛЕХАНОВА «Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ» [65]

[76] Чернышевский присутствовал при зарождении у нас нового типа «новых людей». Этот тип выведен им в лице Рахметова. Наш автор радостно приветствовал появление этого нового типа и не мог отказать себе в удовольствии нарисовать хотя бы неясный его профиль. В то же время он с грустью предвидел, как много мук и страданий придется пережить русскому революционеру, жизнь которого должна быть жизнью суровой борьбы и тяжелого самоотвержения. И вот Чернышевский выставляет перед нами в Рахметове настоящего аскета. Рахметов положительно мучает себя...

1 — „революционера" в „Социал-Демократе" (№ 1, с. 173)

[199] К этой теории * Чернышевский вообще относится крайне отрицательно. Высказывая идеалистический взгляд на ход исторического развития, он продолжает считать себя последовательным материалистом. Он ошибается. Но его ошибка коренится в одном из главных недостатков материалистической системы Фейербаха. Маркс очень хорошо заметил: «Фейербах хочет иметь дело с конкретными объектами, действительно отличными от объектов, существующих лишь в наших мыслях. Но он не доходит до взгляда на человеческую деятельность, как на п р е д м е т н у ю деятельность. Вот почему в «Сущности христианства» он рассматривает, как истинно человеческую деятельность, только деятельность теоретическую» **... Подобно своему учителю, Чернышевский тоже сосредоточивает свое внимание почти исключительно на «теоретической» деятельности человечества, вследствие чего умственное развитие и становится в его глазах самой глубокой причиной исторического движения.

Таков же недостаток книги Плеханова о Чернышевском

* — идеализму.— *Ред.*

** См. его тезисы о Фейербахе, написанные еще весной 1845 г.

[205] У Чернышевского выходит, что в истории порок всегда несет заслуженное им наказание. На самом деле, известные нам исторические факты не дают никакого основания для этого, может быть, отрадного, но во всяком случае наивного взгляда. Нас может интересовать только вопрос о том, как мог он возникнуть у нашего автора. А на этот вопрос можно ответить указанием на ту эпоху, когда жил Чернышевский. Это была эпоха общественного подъема, имевшая, можно сказать, нравственную потребность в таких взглядах, которые подкрепляли бы веру в неминуемое поражение зла...

„Социал-Демократ" № 1, с. 143

[242—243] «Когда мы входим в общество, мы видим вокруг себя людей в форменных и неформенных сюртуках или фраках; эти люди имеют пять с половиной или шесть, а иные и больше футов роста; они отращивают или бреют волосы на щеках, верхней губе и бороде; и мы воображаем, что видим перед собой мужчин. Это совершенное заблуждение, оптический обман, галлюцинация, не больше. Без приобретения привычки к самобытному участию в гражданских делах, без приобретения чувств гражданина, ребенок мужского пола, вырастая, делается существом мужского пола, средних, а потом пожилых лет, но мужчиной он не становится, или по крайней мере не становится мужчиной благородного характера» *. У людей гуманных и образованных недостаток благородного мужества бросается в глаза еще больше, чем у людей темных, потому что гуманный и образованный человек любит поговорить о материях важных. Он говорит с увлечением и красноречием, но лишь до тех пор, пока не начнется речь о переходе от слов к делу. «Пока о деле нет речи, а надобно только наполнить праздное время, праздную голову или праздное сердце разговорами и мечтами, герой очень боек; подходит дело к тому, чтобы прямо и точно выразить свои чувства,— большая часть героев начинает уже колебаться и чувствовать уже неповоротливость в языке. Немногие, самые храбрейшие, кое-как успевают еще собрать все свои силы и коснеющим языком выразить что-то, дающее смутное понятие о их мыслях. Но вздумай кто-нибудь схватиться за их желания, сказать: вы хотите того-то; мы очень рады; начинайте же действовать, а мы вас поддержим,— при такой реплике одна половина храбрейших героев падает в обморок, другие начинают очень грубо упрекать вас за то, что вы поставили их в неловкое положение, начинают говорить, что они не ожидали от вас таких предложений, что они совершенно теряют голову, не могут ничего сообразить, потому что как это можно так скоро, и притом они же честные люди, и не только честные, но очень смирные, и не хотят подвергать вас неприятностям, и что вообще разве можно в самом деле хлопотать обо всем, о чем говорится от нечего делать, и что лучше всего — ни за что не приниматься, потому что все соединено с хлопотами и неудобствами, и хорошо-

„Социал-Демократ" № 1, с. 144—

* Сочинения [Н. Г. Чернышевского.— *Ред.*], т. I, стр. 97—98.

то ничего пока не может быть, потому что, как уже сказано, они никак не ждали и не ожидали и проч.»*.

„злая и меткая характеристика российского либерализма“

Портрет, написанный, можно сказать, рукой мастера. Но мастер, писавший его, был не критиком, а публицистом...

[330] «Простолюдины» не читают газет, не занимаются политическими делами и не имеют влияния на их ход. Так обстоит дело теперь, пока еще глубоко спит их сознание. А когда оно пробудится под влиянием передового отряда действующей исторической армии, состоящего из «лучших людей», усвоивших себе выводы современной науки, тогда «простолюдины» поймут, что их задача состоит в коренном переустройстве общества, и тогда они возьмутся за дело этого переустройства, не имеющее прямого отношения к вопросам о формах политического устройства. Таков был преобладавший взгляд Чернышевского, который и обнаруживается в большинстве его многочисленных политических обозрений **. Если иногда этот, по существу своему идеалистический, взгляд на политику уступает место другому взгляду, являющемуся как бы зачатком материалистического понимания, то это есть лишь исключение, совершенно подобное тому, с которым мы встречались при изучении исторических взглядов Чернышевского: читатель помнит, что в этих взглядах, тоже идеалистических по своему существу, тоже встречались зачатки материалистического взгляда на историю. Поясним же теперь двумя примерами, какой характер должны были принимать политические обозрения Чернышевского под влиянием только что указанного нами и преобладавшего у него взгляда на отношение политики к главным задачам рабочего класса...

NB

?

Из-за *теоретического* различия идеалистического и материалистического взгляда на историю Плеханов *просмотрел* практически-политическое и *классовое* различие либерала и демократа.

Написано не ранее октября 1909 г.— не позднее апреля 1911 г.

П. с. с., т. 29, с. 541—542, 550, 552—553, 559—560.

ЗАМЕЧАНИЯ НА КНИГЕ Ю. М. СТЕКЛОВА «Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (1828—1889)» СПБ., 1909 [66]

[31] ...Близилась отмена крепостного права, и крестьянский вопрос был поставлен на очередь дня. Интересы высших классов защищались правительством, дворянскими организациями и боль-

* Сочинения, т. I, стр. 90—91.

** Эти обозрения составляют по объему, по крайней мере, два тома полного собрания его сочинений.

шинством литературы; только интересы крестьянских масс не находили искренних и бескорыстных защитников. И вот Чернышевский, очертя голову, ринулся в бой как с открытыми и лицемерными защитниками интересов крепостников, так и с представителями нарождающихся буржуазных тенденций...

[38] Мы знаем, что Чернышевский некогда мечтал об ученой карьере. Но скоро он убедился, что будет гораздо полезнее русскому народу на другом поприще. Этот демократ по убеждению и боец по темпераменту не мог удалиться на холодные вершины академической науки в то время, когда кругом закипала жизнь и чувствовалась необходимость осветить широким слоям русского общества смысл совершавшихся вокруг них и подготовлявшихся событий...

[63] Идеализм по своему существу созерцателен; материализм же — система действенная, соответствующая периодам общественного подъема и классам революционно настроенным. Вместе со всем своим поколением Чернышевский естественно стал на точку зрения материалистического монизма...

[82] Теория разумного эгоизма не должна вводить нас в заблуждение. Это на первый взгляд индивидуалистическое учение в действительности насквозь проникнуто общественным характером. Важна по форма, а содержание «разумного эгоизма» — и, как мы видели выше, Чернышевский и его последователи решали все относящиеся сюда спорные вопросы в социальном духе, в смысле служения общественным и общечеловеческим интересам. В основе морали разумного эгоизма лежит идея долга, но долга свободного, идея выбора, соответствующего внутреннему, органическому благородству. «Быть защитником притесняемых или защитником притеснений,— выбор тут не труден для честного человека» *. Теория разумного эгоизма — это и есть *мораль честных людей*, мораль революционного поколения 60-х годов...

[154] Итак, для Чернышевского было ясно, что современные общественные классы складываются в процессе производства: трем элементам производства — земле, капиталу и труду — соответствуют три основных класса современного общества: землевладельцы, буржуазия и рабочие. В примечаниях к Миллю он определенно указывает, что в общем и целом взаимные отношения

Ср. Marx „Das Kapital", III, 7

* Сочинения, IV, 475.

этих трех классов обусловливаются трехчленным делением продукта на ренту, прибыль и заработную плату...

[175] ...Чернышевский смотрел на историю человечества глазами строгого объективиста. Он видел в ней диалектический процесс развития путем противоречий, путем скачков, которые сами являются результатом постепенных количественных изменений. В итоге этого безостановочного диалектического процесса происходит переход от низших форм к высшим. Действующими лицами в истории являются общественные классы, борьба которых обусловливается экономическими причинами. В основе исторического процесса лежит экономический фактор, определяющий политические и юридические отношения, а также идеологию общества.

Можно ли отрицать, что эта точка зрения близка к историческому материализму Маркса и Энгельса? От системы основателей современного научного социализма мировоззрение Чернышевского отличается лишь отсутствием систематизации и определенности некоторых терминов. Единственный серьезный пробел в историко-философских воззрениях Чернышевского заключается в том, что он не указал определенно на решающее значение развития производительных сил как основного фактора исторического процесса...

? чересчур

* * *

[278] «Мы видим,— заключает он,— что по сущности дела меновая ценность должна совпадать с внутренней и отклоняется от нее только вследствие ошибочного признания труда за товар, которым труду никак не следует быть. Поэтому возможность отличать меновую ценность от внутренней *свидетельствует только об экономической неудовлетворительности быта*, в котором существует разность между ними. Теория должна смотреть на раздельность меновой ценности от внутренней точно так же, как смотрит на невольничество, монополию, протекционизм. Она может и должна изучать эти явления со всевозможной подробностью, но не должна забывать, что она тут описывает *уклонения от естественного порядка*. Она может находить, что устранение того или другого из этих феноменов экономической жизни потребует очень долгого времени и очень значительных усилий; но как бы далек ни представлялся ей срок излечения той или другой экономической болезни, не должна же она не представлять, каково должно быть здоровое положение вещей» *.

NB

NB

Здоровое же положение вещей — это социалистический строй, при котором производство планомерно организовано сообразно потребностям общества, труд перестает быть товаром, а «меновая ценность совпадает с внутренней». Рас-

нет!

* Примечания к Миллю, 440—441.

пределение производительных сил между разными занятиями при системе производства, основанной на обмене, или при производстве на продажу определяется распределением покупательной силы в обществе; при системе же производства, основанной «прямо на потребностях производителя», оно и определяется этими потребностями. Так дело обстоит на низшей стадии развития, характеризующейся существованием замкнутого мелкого хозяйства; но так же оно будет обстоять и на высшей стадии экономического развития, при которой будет господствовать коллективное организованное хозяйство *...

* * *

[329] Все эти отрицательные черты мелкобуржуазного социализма были органически чужды нашему Чернышевскому. От идеализации патриархального варварства он был совершенно свободен; жизнеспособность мелкого производства он категорически отрицал; положительная же его программа сводилась отнюдь не к восстановлению мелкого ремесла или земледелия, а к планомерной общественной организации производства на началах коллективизма.

Но есть ли основания причислить нашего автора к представителям критически-утопического соцпализма? Посмотрим...

* * *

[334] Однако в близкое наступление социализма Чернышевский не верил. В этом отношении он смотрел на вещи более реалистически, чем, например, Маркс и Энгельс в конце 40-х годов. В статье «Экономическая деятельность и законодательство» (1859 г.) он говорит, что мы еще очень далеки от социализма, «быть может, и не на тысячу лет, но вероятно больше, нежели на сто или на полтораста» **. Вот почему надежды Чернышевского на общину (пока у него еще были эти надежды) не следует истолковывать в таком смысле, будто он допускал возможность внезапного скачка из русского варварства с его безграмотностью и деревянными колесами сразу в коммунистическое тысячелетие. Вероятно, он полагал, что если история, которая, «как бабушка, страшно любит младших внучат» ***, сложится особенно благоприятно для русского народа, то получится нечто

* Примечания к Миллю, 449—450.— Теперь становятся понятны те дополнения, которые Чернышевский сделал к 17 тезисам Милля о ценности...: в них он противопоставляет принципы капиталистического и социалистического хозяйства с точки зрения противоположности между двумя видами ценности.

** Соч., IV, 450.

*** Ibid., 329.

вроде того, что за последние годы называлось у нас «трудовой республикой», а в таком случае сохранение общины даст возможность постепенно переходить к настоящему коллективному земледелию с применением машин. || NB «реализм»??

* * *

[378] Принужденные строить свое теоретическое здание из тех материалов и на том фундаменте, которые предлагались им тогдашней действительностью, шестидесятники-социалисты в своих стремлениях и надеждах на предстоящее крестьянское восстание в сущности отражали смутные стремления и чаяния многомиллионной крестьянской массы и давали им только, так сказать, обобщенное выражение... || NB не только

[391] Сопоставляя все, что нам известно о жизни Чернышевского, о его характере и взглядах, мы в конце концов не решаемся категорически ответить на вопрос о непосредственном его участии в революционном движении. Вернее всего, что непосредственно он в нем не участвовал; но что он знал о всех существенных проявлениях тогдашнего революционного движения, что непосредственные участники последнего совещались с ним и считались с его указаниями, что, во всяком случае, они почерпали из бесед с ним и из его сочинений убеждение в необходимости практических попыток, к которым сам Чернышевский по нерешительному и вялому складу своего характера, по своей непрактичности и книжности, быть может, не был способен *, это вряд ли подлежит сомнению... Хотел ли этого Чернышевский или нет, воздерживался ли он от какого-нибудь подстрекательства, как рассказывает Пантелеев, и пользовался каждым подходящим случаем, чтобы подчеркнуть трудности, ожидающие революционеров, и силу и хитрость врагов, его сочинения будили совесть и властно толкали к борьбе за народное освобождение. В этом смысле можно сказать, что Чернышевский был идейным вождем и вдохновителем тогдашнего революционного движения. Правительство могло бы, пожалуй, еще обвинить его в знании и недонесении. А знал он, конечно, много, вероятно — всё. ?? 1) 2) 3) 4) || NB

Написано не ранее октября 1909 г.— не позднее апреля 1911 г.

П. с. с., т. 29, с. 573, 574, 577, 577—578, 580, 582, 583—584, 586, 587—588, 607, 614—615.

* К Чернышевскому, быть может, применимы слова, сказанные им о Неккере: «Он явился тем более нерешителен и смущен, чем дальновиднее был его взор: *нерешительность—слабая сторона проницательности*» («Тюрго», l. c., 231).

Из статьи

«НАШИ УПРАЗДНИТЕЛИ

(О г. ПОТРЕСОВЕ И В. БАЗАРОВЕ)» [67]

...Связь ликвидаторства с всеобщим обывательским настроением «усталости» очевидна. «Уставшие» (особенно уставшие от ничегонеделанья) не заботятся о выработке себе точного ответа на вопрос об экономической и политической оценке текущего момента: они все несогласны с оценкой, данной выше и формально *общепризнанной*, как оценка от имени целого, но они все боятся и думать о том, чтобы противопоставить *свою* точную оценку, хотя бы оценку сотрудников ликвидаторской «Нашей Зари», «Жизни» [68] и т. п. «Уставшие» твердят: старого нет, старое нежизнеспособно, омертвело и т. д. и т. п., но утруждать себя ответом, чисто политическим, точно формулированным ответом на обязательный (для всякого честного публициста обязательный) вопрос: что же именно нужно вместо старого, нужно ли восстановлять «не подлежащее (якобы) ликвидации, как уже ликвидированное» (по Потресову), утрудить себя этим они не намереваются. Три года они ругают старое, поносят его — особенно с таких подмосток, на которые вход защитникам старого воспрещается, и, нежно обнимаясь с Изгоевыми *, восклицают: какие это пустяки, какой фантом разговоры о ликвидаторстве!

Про *таких* «уставших», про г. Потресова и К°, *нельзя* повторить известного стиха: «они не предали, они устали свой крест нести; покинул их дух гнева и печали на полпути» [69].

Такие «уставшие», которые входят на трибуну публициста и с нее оправдывают свою «усталость» от старого, свое нежелание над старым работать, являются именно людьми, которые не только «устали», но и предали...

Напечатано в январе 1911 г. *П. с. с., т. 20, с. 123—124.*

«КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА» И ПРОЛЕТАРСКИ-КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Юбилей, которого так опасалась монархия господ Романовых и по поводу которого так прекраснодушно умилялись российские либералы, отпразднован. Царское правительство отпраздновало его тем, что усиленно сбывало «в народ» черносотенные юбилейные брошюры «Национального клуба», усиленно арестовывало всех «подозрительных», запрещало собрания, в которых можно

---

* См. его статью в «*Русской Мысли*», 1910 г., о веховце-Потресове. От таких объятий г. Потресову *никогда* не очиститься.

было ожидать речей хоть сколько-нибудь похожих на демократические, штрафовало и душило газеты, преследовало «крамольные» кинематографы.

Либералы отпраздновали юбилей тем, что пролили паки и паки слезу о необходимости «второго 19-го февраля» («Вестник Европы»), выразили свои верноподданнические чувства (царский портрет на первом месте в «Речи»), поговорили о своем гражданском унынии, о непрочности отечественной «конституции», о «гибельной ломке» «исконных земельных начал» столыпинской аграрной политикой и т. д., и т. п.

Николай II в рескрипте Столыпину заявил, что как раз завершением «великой реформы» 19 февраля 1861 года является столыпинская аграрная политика, т. е. отдача крестьянской земли на поток и разграбление кучке мироедов, кулаков, зажиточных мужиков и отдача деревни под начало крепостникам-помещикам.

И надо признаться, что Николай Кровавый, первый помещик России, ближе к исторической истине, чем наши прекраснодушные либералы. Первый помещик и главный крепостник понял — вернее: усвоил себе из поучений Совета объединенного дворянства — ту истину классовой борьбы, что «реформы», проводимые крепостниками, не могут не быть крепостническими по всему своему облику, не могут не сопровождаться режимом всяческого насилия. Наши кадеты, и наши либералы вообще, боятся революционного движения масс, которое одно только способно стереть с лица земли крепостников-помещиков и их всевластие в русском государстве; и эта боязнь мешает им понять ту истину, что, пока крепостники не свергнуты, никакие реформы — и особенно аграрные реформы — невозможны иначе, как в крепостническом виде, крепостнического характера и способа проведения. Бояться революции, мечтать о реформе и хныкать о том, что «реформы» на деле проводятся крепостниками по-крепостнически, есть верх низости и скудоумия. Гораздо больше прав и гораздо лучше обучает русский народ умуразуму Николай II, наглядно «дающий» на выбор: крепостнические «реформы» или свергающая крепостников народная революция.

19-ое февраля 1861 года было крепостнической реформой, которую наши либералы могут подкрашивать и изображать «мирной» реформой только потому, что революционное *движение* в России было тогда слабо до ничтожества, а революционного *класса* среди угнетенных масс вовсе еще не было. Указ 9 ноября 1906 г. и закон 14 июня 1910 года [70] суть крепостнические реформы такого же буржуазного,— как и реформа 61-го года,— содержания, но либералы *не могут* представить ее «мирной» реформой, не могут так легко начать подкрашивать ее (хотя они и начинают уже, например, в «Русской Мысли» это делать), ибо можно забыть одиночек революционеров 1861 года, но нельзя забыть революции 1905 года. В 1905 году родился на Руси революционный *класс* — пролетариат, который сумел поднять и крестьянскую массу на революционное движение. А когда революционный класс родился

в какой-либо стране, он не может быть подавлен никакими преследованиями, он может погибнуть лишь с гибелью всей страны, он может умереть лишь победивши.

Припомним основные черты крестьянской реформы 61-го года. Пресловутое «освобождение» было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними. По случаю «освобождения» от крестьянской земли отрезали в черноземных губерниях *свыше* $^1/_5$ части. В некоторых губерниях отрезали, отняли у крестьян до $^1/_3$ и даже до $^2/_5$ крестьянской земли. По случаю «освобождения» крестьянские земли отмежевывали от помещичьих так, что крестьяне переселялись на «песочек», а помещичьи земли клинком вгонялись в крестьянские, чтобы легче было благородным дворянам кабалить крестьян и сдавать им землю за ростовщические цены. По случаю «освобождения» крестьян заставили «выкупать» их собственные земли, причем содрали *вдвое и втрое* выше действительной цены на землю. Вся вообще «эпоха реформ» 60-х годов оставила крестьянина нищим, забитым, темным, подчиненным помещикам-крепостникам и в суде, и в управлении, и в школе, и в земстве.

«Великая реформа» была крепостнической реформой и не могла быть иной, ибо ее проводили крепостники. Какая же сила заставила их взяться за реформу? Сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма. Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские «бунты», возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить *сверху*, чем ждать, пока свергнут *снизу*.

«Крестьянская реформа» была проводимой крепостниками буржуазной реформой. Это был шаг по пути превращения России в буржуазную монархию. Содержание крестьянской реформы было буржуазное, и это содержание выступало наружу тем сильнее, чем *меньше* урезывались крестьянские земли, чем *полнее* отделялись они от помещичьих, чем *ниже* был размер дани крепостникам (т. е. «выкупа»), чем *свободнее* от влияния и от давления крепостников устраивались крестьяне той или иной местности. *Поскольку* крестьянин вырывался из-под власти крепостника, *постольку* он становился под власть денег, попадал в условия товарного производства, оказывался в зависимости от нарождавшегося капитала. И после 61-го года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века.

Пресловутая борьба крепостников и либералов, столь раздутая и разукрашенная нашими либеральными и либерально-народничес-

ними историками, была борьбой *внутри* господствующих классов, большей частью *внутри помещиков*, борьбой *исключительно* из-за меры и формы *уступок*. Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об *уничтожении* этой собственности, о *полном свержении* этой власти.

Эти революционные мысли не могли не бродить в головах крепостных крестьян. И если века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием, то были и тогда уже в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество пресловутой «крестьянской реформы», весь ее крепостнический характер. Во главе этих, крайне немногочисленных тогда, революционеров стоял Н. Г. Чернышевский.

19-ое февраля 1861 года знаменует собой начало новой, буржуазной, России, выраставшей из крепостнической эпохи. Либералы 1860-х годов и Чернышевский суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию. Вот почему в день пятидесятилетия 19-го февраля сознательный пролетариат должен отдать себе возможно более ясный отчет в том, какова была сущность обеих тенденций и каково их взаимоотношение.

Либералы хотели «освободить» Россию «сверху», не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков, побуждая их только к «уступкам» духу времени. Либералы были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков. Либералы ограничиваются поэтому «борьбой за реформы», «борьбой за права», т. е. дележом власти между крепостниками и буржуазией. Никаких иных «реформ», кроме проводимых крепостниками, никаких иных «прав», кроме ограниченных произволом крепостников, *не может* получиться при таком соотношении сил.

Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма. Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей. «Крестьянскую реформу» 61-го года, которую либералы сначала подкрашивали, а потом даже прославляли,

он назвал *мерзостью*, ибо он ясно видел ее крепостнический характер, ясно видел, что крестьян обдирают гг. либеральные освободители, как липку. Либералов 60-х годов Чернышевский назвал «*болтунами, хвастунами и дурачьем*» [21], ибо он ясно видел их боязнь перед революцией, их бесхарактерность и холопство перед власть имущими.

Эти две исторические тенденции развивались в течение полувека, прошедшего после 19-го февраля, и расходились все яснее, определеннее и решительнее. Росли силы либерально-монархической буржуазии, проповедовавшей удовлетворение «культурной» работой и чуравшейся революционного подполья. Росли силы демократии и социализма — сначала смешанных воедино в утопической идеологии и в интеллигентской борьбе народовольцев и революционных народников, а с 90-х годов прошлого века начавших расходиться по мере перехода от революционной борьбы террористов и одиночек-пропагандистов к борьбе самих революционных классов.

Десятилетие перед революцией, с 1895 по 1904 год, показывает нам уже открытые выступления и неуклонный рост пролетарской массы, рост стачечной борьбы, рост социал-демократической рабочей агитации, организации, партии. За социалистическим авангардом пролетариата начинало выступать на массовую борьбу, особенно с 1902 года, и революционно-демократическое крестьянство.

В революции 1905 года те две тенденции, которые в 61-м году только наметились в жизни, только-только обрисовались в литературе, развились, выросли, нашли себе выражение в движении *масс*, в борьбе *партий* на самых различных поприщах, в печати, на митингах, в союзах, в стачках, в восстании, в Государственных думах.

Либерально-монархическая буржуазия создала партии кадетов и октябристов, сначала уживавшиеся в одном земско-либеральном движении (до лета 1905 года), потом определившиеся, как отдельные партии, которые сильно конкурировали (и конкурируют) друг с другом, выдвигая вперед одна преимущественно либеральное, другая преимущественно монархическое свое «*лицо*», но которые сходились всегда в самом существенном, в порицании революционеров, в надругательствах над декабрьским восстанием, в преклонении перед «конституционным» фиговым листком абсолютизма, как перед знаменем. Обе партии стояли и стоят на «строго конституционной» почве, т. е. ограничиваются теми рамками деятельности, которые могла создать черная сотня царя и крепостников, не отдавая своей власти, не выпуская из рук своего самодержавия, не жертвуя ни копейкой из своих «веками освященных» рабовладельческих доходов, ни малейшей привилегией из своих «благоприобретенных» прав.

Тенденции демократическая и социалистическая отделились от либеральной и размежевались друг от друга. Пролетариат ор-

ганизовался и выступал отдельно от крестьянства, сплотившись вокруг своей рабочей с.-д. партии. Крестьянство было организовано в революции несравненно слабее, его выступления были во много и много раз раздробленнее, слабее, его сознательность стояла на гораздо более низкой ступени, и монархические (а также неразрывно связанные с ними конституционные) иллюзии нередко парализовали его энергию, ставили его в зависимость от либералов, а иногда от черносотенцев, порождали пустую мечтательность о «божьей земле» вместо натиска на дворян-землевладельцев с целью полного уничтожения этого класса. Но все же, в общем и целом, крестьянство, как масса, боролось именно с помещиками, выступало революционно, и во всех Думах — даже в третьей, с ее изуродованным в пользу крепостников представительством — оно создало трудовые группы, представлявшие, несмотря на их частые колебания, настоящую демократию. Кадеты и трудовики 1905—1907 годов выразили в массовом движении и политически оформили позицию и тенденции буржуазии, с одной стороны, либерально-монархической, а с другой стороны, революционно-демократической.

1861 год породил 1905. Крепостнический характер первой «великой» буржуазной реформы затруднил развитие, обрек крестьян на тысячи худших и горших мучений, но не изменил направление развития, не предотвратил буржуазной революции 1905 года. Реформа 61-го года отсрочила развязку, открыв известный клапан, дав некоторый прирост капитализму, но она не устранила неизбежной развязки, которая к 1905 году разыгралась на поприще несравненно более широком, в натиске масс на самодержавие царя и крепостников-помещиков. Реформа, проведенная крепостниками в эпоху полной неразвитости угнетенных масс, породила революцию к тому времени, когда созрели революционные элементы в этих массах.

Третья Дума и столыпинская аграрная политика есть вторая буржуазная реформа, проводимая крепостниками. Если 19-ое февраля 61-го года было первым шагом *по пути* превращения чисто крепостнического самодержавия в буржуазную монархию, то эпоха 1908—1910 годов показывает нам второй и более серьезный шаг *по тому же пути*. Прошло почти $4^1/_2$ года со времени издания указа 9-го ноября 1906 года, прошло свыше $3^1/_2$ лет с 3-го июня 1907 года, и теперь уже не только кадетская, но в значительной степени и октябристская буржуазия убеждается в «неудаче» 3-июньской «конституции» и 3-июньской аграрной политики. «Наиправейший из кадетов» — как справедливо назван был недавно полуоктябрист г. Маклаков — имел полное право сказать 25 февраля в Государственной думе от имени и кадетов и октябристов, что «недовольны в настоящее время те центральные элементы страны, которые более всего хотят прочного мира, которые боятся новой вспышки революционной волны». Общий лозунг один: «все говорят, — продолжал г. Маклаков,— что если мы будем

идти дальше по тому пути, по которому нас ведут, то нас приведут ко второй революции».

Общий лозунг кадетско-октябристской буржуазии весной 1911 года подтверждает правильность той оценки положения вещей, которую дала наша партия в резолюции декабрьской конференции 1908 года. «Основные факторы экономической и политической жизни,— гласит эта резолюция,— вызвавшие революцию 1905 года, продолжают действовать, и новый революционный кризис назревает при таком экономическом и политическом положении неизбежно».

Недавно наемный писака черносотенного царского правительства Меньшиков объявил в «Новом Времени», что реформа 19-го февраля «жалко провалилась», ибо «61-й год не сумел предупредить девятьсот пятого». Теперь наемные адвокаты и парламентарии либеральной буржуазии объявляют о провале «реформ» 9.XI.1906 г. и 3.VI.1907 г., ибо эти «реформы» *ведут* ко второй революции.

Оба заявления, как и вся история либерального и революционного движения в 1861—1905 годах, дают интереснейший материал для выяснения важнейшего вопроса об отношении реформы к революции, о роли реформистов и революционеров в общественной борьбе.

Противники революции, кто с ненавистью и скрежетом зубовным, кто с горестью и унынием, признают «реформы» 61-го и 1907— 1910 годов неудачными, потому что они не предупреждают революции. Социал-демократия, представительница единственного до конца революционного класса наших дней, отвечает на это признание: революционеры играли величайшую историческую роль в общественной борьбе и во всех социальных кризисах *даже тогда*, когда эти кризисы непосредственно вели только к половинчатым реформам. Революционеры — вожди тех общественных сил, которые творят все преобразования; реформы — побочный продукт революционной борьбы.

Революционеры 61-го года остались одиночками и потерпели, по-видимому, полное поражение. На деле именно они были великими деятелями той эпохи, и, чем дальше мы отходим от нее, тем яснее нам их величие, тем очевиднее мизерность, убожество тогдашних либеральных реформистов.

Революционный класс 1905—1907 годов, социалистический пролетариат, потерпел, по-видимому, полное поражение. И либеральные монархисты, и ликвидаторы из числа тоже-марксистов прокричали все уши о том, как он зашел будто бы «слишком далеко», дошел до «эксцессов», как он поддался увлечению «стихийной классовой борьбы», как он дал обольстить себя губительной идее «гегемонии пролетариата» и т. д., и т. п. На деле «вина» пролетариата была только в том, что он недостаточно далеко зашел, но эта «вина» оправдывается тогдашним состоянием его сил и искупается неустанной революционно-социал-демократической работой во

времена и злейшей реакции, непреклонной борьбой со всеми проявлениями реформизма и оппортунизма. На деле все, что отвоевано у врагов, все, что прочно в завоеваниях, отвоевано и держится только в той мере, в какой сильна и жива революционная борьба на всех поприщах пролетарской работы. На деле только пролетариат отстаивал до конца последовательный демократизм, разоблачая всю шаткость либерализма, вырывая из-под его влияния крестьянство, поднимаясь с геройской смелостью на вооруженное восстание.

Никто не в силах предсказать, насколько осуществятся действительно демократические преобразования России в эпоху ее буржуазных революций, но не подлежит ни тени сомнения, что *только* революционная борьба пролетариата определит степень и успех преобразований. Между крепостническими «реформами» в буржуазном духе и демократической революцией, руководимой пролетариатом, могут быть только бессильные, бесхарактерные, безыдейные колебания либерализма и оппортунистического реформизма.

Бросая общий взгляд на историю последнего полувека в России, на 1861 и 1905 годы, мы можем только с еще большим убеждением повторить слова нашей партийной резолюции: «целью нашей борьбы является по-прежнему свержение царизма, завоевание политической власти пролетариатом, опирающимся на революционные слои крестьянства и совершающим буржуазно-демократический переворот путем созыва всенародного учредительного собрания и создания демократической республики».

Напечатано 19 марта (1 апреля) 1911 г. — *П. с. с., т. 20, с. 171—180*

ПАМЯТИ ГЕРЦЕНА [73]

Минуло сто лет со дня рождения Герцена. Чествует его вся либеральная Россия, заботливо обходя серьезные вопросы социализма, тщательно скрывая, чем отличался *революционер* Герцен от либерала. Поминает Герцена и правая печать, облыжно уверяя, что Герцен отрекся под конец жизни от революции. А в заграничных, либеральных и народнических, речах о Герцене царит фраза и фраза.

Рабочая партия должна помянуть Герцена не ради обывательского славословия, а для уяснения своих задач, для уяснения настоящего исторического места писателя, сыгравшего великую роль в подготовке русской революции.

Герцен принадлежал к поколению дворянских, помещичьих революционеров первой половины прошлого века. Дворяне дали России Биронов и Аракчеевых, бесчисленное количество «пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей,

драчунов, секунов, серальников», да прекраснодушных Маниловых. «И между ними,— писал Герцен,— развились люди 14 декабря, фаланга героев, выкормленных, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя... Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия» [73].

К числу таких детей принадлежал Герцен. Восстание декабристов разбудило и «очистило» его. В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени. Он усвоил диалектику Гегеля. Он понял, что она представляет из себя «алгебру революции» [74]. Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом. Первое из «Писем об изучении природы» — «Эмпирия и идеализм»,— написанное в 1844 году, показывает нам мыслителя, который, даже теперь, головой выше бездны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуидеалистов. Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом.

Эта «остановка» и вызвала духовный крах Герцена после поражения революции 1848 года. Герцен покинул уже Россию и наблюдал эту революцию непосредственно. Он был тогда демократом, революционером, социалистом. Но его «социализм» принадлежал к числу тех бесчисленных в эпоху 48-го года форм и разновидностей буржуазного и мелкобуржуазного социализма, которые были окончательно убиты июньскими днями. В сущности, это был вовсе не социализм, а прекраснодушная фраза, доброе мечтание, в которое облекала свою *тогдашнюю* революционность буржуазная демократия, а равно невысвободившийся из-под ее влияния пролетариат.

Духовный крах Герцена, его глубокий скептицизм и пессимизм после 1848 года был крахом *буржуазных иллюзий* в социализме. Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще не* созрела. Этого не поняли и не могли понять рыцари либерального российского языкоблудия, которые прикрывают теперь свою контрреволюционность цветистыми фразами о скептицизме Герцена. У этих рыцарей, которые предали русскую революцию 1905 года, которые забыли и думать о великом звании *революционера*, скептицизм есть форма перехода от демократии к либерализму,— к тому холуйскому, подлому, грязному и зверскому либерализму, который расстреливал рабочих в 48 году, который восстановлял разрушенные троны, который рукоплескал Наполеону III и который *проклинал*, не умея понять его классовой природы, Герцен.

ПАРИЖСКАЯ ЭМИГРАНТСКАЯ КАССА

ВЪ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ, 15-го АПРѢЛЯ 1912 Г.

Salle WAGRAM, 39 bis, avenue Wagram

состоится

ВЕЧЕРЪ

ПОСВЯЩЕННЫЙ ПАМЯТИ

А. И. ГЕРЦЕНА

подъ предсѣдательствомъ ВѢРЫ НИКОЛАЕВНЫ ФИГНЕРЪ

ОРАТОРАМИ ВЫСТУПЯТЪ:

Авксентьевъ, Агафоновъ, Левинъ, Мартовъ, Рогожинъ, Рубановичъ

Максимъ Горькій

прочтетъ свой неизданный разсказъ

ISAY DOBROVEN (рояль)

Nocturne
Prélude

Начало ровно въ 9 час. вечера

Билеты отъ 20-ти до 1 франка; галлерея 50 сантимовъ

[illegible]

У Герцена скептицизм был формой перехода от иллюзий «надклассового» буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата. Доказательство: «Письма к старому товарищу», Бакунину, написанные за год до смерти Герцена, в 1869 году. Герцен рвет с анархистом Бакуниным. Правда, Герцен видит еще в этом разрыве только разногласие в тактике, а не пропасть между миросозерцанием уверенного в победе своего класса пролетария и отчаявшегося в своем спасении мелкого буржуа. Правда, Герцен повторяет опять и здесь старые буржуазно-демократические фразы, будто социализм должен выступать с «проповедью, равно обращенной к работнику и хозяину, земледельцу и мещанину». Но все же таки, разрывая с Бакуниным, Герцен обратил свои взоры не к либерализму, а к *Интернационалу*, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс, — к тому Интернационалу, который начал «*собирать полки*» пролетариата, объединять «*мир рабочий*», «покидающий мир пользующихся без работы»! [75]

Не поняв буржуазно-демократической сущности всего движения 1848 года и всех форм домарксовского социализма, Герцен тем более не мог понять буржуазной природы русской революции. Герцен — основоположник «русского» социализма, «народничества». Герцен видел «социализм» в освобождении крестьян *с землей*, в общинном землевладении и в крестьянской идее «права на землю». Свои излюбленные мысли на эту тему он развивал бесчисленное количество раз.

На деле в этом учении Герцена, как и во всем русском народничестве — вплоть до полинявшего народничества теперешних «социалистов-революционеров»,— нет *ни грана* социализма. Это — такая же прекраснодушная фраза, такое же доброе мечтание, облекающее *революционность* буржуазной крестьянской демократии в России, как и разные формы «социализма 48-го года» на Западе. Чем больше земли получили бы крестьяне в 1861 году и чем дешевле бы они ее получили, тем сильнее была бы подорвана власть крепостников-помещиков, тем быстрее, свободнее и шире шло бы развитие капитализма в России. Идея «права на землю» и «уравнительного раздела земли» есть не что иное, как формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения.

Революция 1905 года вполне доказала это: с одной стороны, пролетариат выступил вполне самостоятельно во главе революционной борьбы, создав социал-демократическую рабочую партию; с другой стороны, революционные крестьяне («трудовики» и «Крестьянский союз» [76]), борясь за всякие формы уничтожения помещичьего землевладения вплоть до «отмены частной собствен-

ности на землю», боролись именно как хозяева, как мелкие предприниматели.

В настоящее время словопрения насчет «социалистичности» права на землю и т. п. служат только к *затемнению* и прикрытию действительно важного и серьезного исторического вопроса: о различии *интересов* либеральной буржуазии и революционного крестьянства в русской *буржуазной* революции; иначе говоря, о либеральной и демократической, о «соглашательской» (монархической) и республиканской тенденции в этой революции. Именно этот вопрос поставлен «Колоколом» Герцена, если смотреть на суть дела, а не на фразы, — если исследовать классовую борьбу, как основу «теорий» и учений, а не наоборот.

Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. «Полярная Звезда» [77] подняла традицию декабристов. «Колокол» (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено.

Но Герцен принадлежал к помещичьей, барской среде. Он покинул Россию в 1847 г., он не видел революционного народа и не мог верить в него. Отсюда его либеральная апелляция к «верхам». Отсюда его бесчисленные слащавые письма в «Колоколе» к Александру II Вешателю, которых нельзя теперь читать без отвращения. Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьевич, представлявшие новое поколение революционеров-разночинцев, были тысячу раз правы, когда упрекали Герцена за эти отступления от демократизма к либерализму. Однако справедливость требует сказать, что, при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх.

Когда один из отвратительнейших типов либерального хамства, Кавелин, восторгавшийся ранее «Колоколом» именно за его *либеральные* тенденции, восстал против конституции, напал на революционную агитацию, восстал против «насилия» и призывов к нему, стал проповедовать терпение, Герцен *порвал* с этим либеральным мудрецом. Герцен обрушился на его «тощий, нелепый, вредный памфлет», писанный «для негласного руководства либеральничающему правительству», на кавелинские «политико-сентиментальные сентенции», изображающие «русский народ скотом, а правительство умницей». «Колокол» поместил статью «Надгробное слово», в которой бичевал «профессоров, вьющих гнилую паутинку своих высокомерно-крошечных идеек, экс-профессоров, когда-то простодушных, а потом озлобленных, видя, что здоровая молодежь не может сочувствовать их золотушной мысли» [78]. Кавелин сразу узнал себя в этом портрете.

Когда был арестован Чернышевский, подлый либерал Кавелин писал: «Аресты мне не кажутся возмутительными... революционная партия считает все средства хорошими, чтобы сбросить правительство, а оно защищается своими средствами». А Герцен точно отвечал этому кадету, говоря по поводу суда над Чернышевским: «А тут жалкие люди, люди-трава, люди-слизняки го-

ворят, что не следует бранить эту шайку разбойников и негодяев, которая управляет нами» [79].

Когда либерал Тургенев написал частное письмо Александру II с уверением в своих верноподданнических чувствах и пожертвовал два золотых на солдат, раненных при усмирении польского восстания, «Колокол» писал о «седовласой Магдалине (мужеского рода), писавшей государю, что она не знает сна, мучась, что государь не знает о постигнувшем ее раскаянии» [80]. И Тургенев сразу узнал себя.

Когда вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши, когда все «образованное общество» отвернулось от «Колокола», Герцен не смутился. Он продолжал отстаивать свободу Польши и бичевать усмирителей, палачей, вешателей Александра II. Герцен спас честь русской демократии. «Мы спасли честь имени русского, — писал он Тургеневу, — и за это пострадали от рабского большинства» [81].

Когда получалось известие, что крепостной крестьянин убил помещика за покушение на честь невесты, Герцен добавлял в «Колоколе»: «И превосходно сделал!». Когда сообщали, что вводятся военные начальники для «спокойного» «освобождения», Герцен писал: «Первый умный полковник, который со своим отрядом примкнет к крестьянам, вместо того, чтобы душить их, сядет на трон Романовых». Когда полковник Рейтерн застрелился в Варшаве (1860 г.), чтобы не быть помощником палачей, Герцен писал: «Если расстреливать, так нужно расстреливать тех генералов, которые велят стрелять по безоружным» [82]. Когда перебили 50 крестьян в Бездне [83] и казнили их вожака Антона Петрова (12 апреля 1861 года), Герцен писал в «Колоколе»:

«О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской!.. как я научил бы тебя презирать твоих духовных пастырей, поставленных над тобой петербургским синодом и немецким царем... Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подьячего, боишься их — и совершенно прав; но веришь еще в царя и архиерея... не верь им. Царь с ними, и они его. Его ты видишь теперь, ты, отец убитого юноши в Бездне, ты, сын убитого отца в Пензе... Твои пастыри — темные как ты, бедные как ты... Таков был пострадавший за тебя в Казани инок Антоний (не епископ Антоний, а Антон бездненский)... Тела твоих святителей не сделают сорока восьми чудес, молитва к ним не вылечит от зубной боли; но живая память об них может совершить одно чудо — твое освобождение» [84].

Отсюда видно, как подло и низко клевещут на Герцена окопавшиеся в рабьей «легальной» печати наши либералы, возвеличивая слабые стороны Герцена и умалчивая о сильных. Не вина Герцена, а беда его, что он не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах. Когда он увидал его *в 60-х* — он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма. Он боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем. Он поднял знамя революции.

Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» [85] — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году. Следующий начинает расти на наших глазах.

Чествуя Герцена, пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории; — учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы; — учится определению роли разных классов в русской и международной революции. Обогащенный этими уроками, пролетариат пробьет себе дорогу к свободному союзу с социалистическими рабочими всех стран, раздавив ту гадину, царскую монархию, против которой Герцен первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с *вольным русским словом*.

Напечатано 8 мая (25 апреля) 1912 г. *П. с. с., т. 21, с. 255—262.*

Из письма

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

...Пользуюсь случаем, чтобы поздравить т. Витимского (надеюсь, вас не затруднит передать это письмо ему) с замечательно удачной статьей в полученной мной сегодня «Правде» (№ 98) [86]. Чрезвычайно кстати взята тема и разработана в краткой, но ясной форме превосходно. Хорошо бы вообще от времени до времени вспоминать, цитировать и растолковывать в «Правде» Щедрина и других писателей «старой» народнической демократии. Для читателей «Правды» — для 25 000 — это было бы уместно, интересно, да и получилось бы освещение теперешних вопросов рабочей демократии с иной стороны, иным голосом...

Написано 8 сентября 1912 г. Краков. *П. с. с., т. 48, с. 89.*

ДВЕ УТОПИИ

Утопия есть слово греческое: «у» по-гречески значит «не», «топос» — место. Утопия — место, которого нет, фантазия, вымысел, сказка.

Утопия в политике есть такого рода пожелание, которое осуществить никак нельзя, ни теперь, ни впоследствии, — пожелание, которое не опирается на общественные силы и которое не подкрепляется ростом, развитием политических, классовых сил.

Чем меньше свободы в стране, чем скуднее проявления открытой борьбы классов, чем ниже уровень просвещения *масс*, — тем легче возникают обыкновенно политические утопии и тем дольше они держатся.

В современной России два рода политических утопий держатся наиболее крепко и оказывают известное влияние на массы своей привлекательностью. Это — утопия либеральная и утопия народническая.

Либеральная утопия состоит в том, будто можно было бы, миром и ладом, никого не обижая, Пуришкевичей не смещая, без ожесточенной и до конца доведенной классовой борьбы, добиться сколько-нибудь серьезных улучшений в России, в ее политической свободе, в положении масс трудящегося народа. Это — утопия *мира* свободной России с Пуришкевичами.

Народническая утопия есть мечтание интеллигента-народника и крестьянина-трудовика о том, будто можно было бы новым и справедливым разделом всех земель *устранить* власть и господство капитала, устранить наемное рабство или будто можно было бы *удержать* «справедливый», «уравнительный» раздел земель при господстве капитала, при власти денег, при товарном производстве.

Чем порождены эти утопии? почему они держатся довольно крепко в современной России?

Они порождены интересами классов, которые ведут борьбу против старого порядка, крепостничества, бесправия, «против Пуришкевичей», одним словом, и которые не занимают самостоятельного положения в этой борьбе. Утопия, мечтания есть порождения этой несамостоятельности, этой *слабости*. Мечтательность — удел *слабых*.

Либеральной буржуазии вообще, либерально-буржуазной интеллигенции в особенности нельзя не стремиться к свободе и законности, ибо без этого господство буржуазии не полно, не безраздельно, не обеспечено. Но буржуазия боится движения масс *более* чем реакции. Отсюда — поразительная, невероятная *слабость* либерализма в политике, его полнейшее бессилие. Отсюда — бесконечный ряд двусмысленностей, лжи, лицемерия, трусливых увертюк во всей политике либералов, которые *должны* играть в демократизм, чтобы привлечь на свою сторону массы, — и которые в то же время глубоко антидемократичны, глубоко враждебны

движению масс, их почину, их инициативе, их манере «штурмовать небо», как выразился однажды Маркс про одно из европейских массовых движений прошлого века [87].

Утопия либерализма есть утопия бессилия в деле политического освобождения России, утопия своекорыстного денежного мешка, который желает «мирно» поделить привилегии с Пуришкевичами, выдавая это благородное желание за теорию «мирной» победы русской демократии. Либеральная утопия есть мечтание о том, как бы победить Пуришкевичей, не нанося им поражения, как бы их сломить, не причиняя им боли. Ясно, что *эта* утопия вредна не только тем, что она — утопия, но и тем, что она *развращает* демократическое сознание масс. Массы, верящие в *эту* утопию, никогда не добьются свободы; такие массы недостойны свободы; такие массы вполне заслужили, чтобы над ними измывались Пуришкевичи.

Утопия народников и трудовиков есть мечтание мелкого хозяйчика, который стоит посередке между капиталистом и наемным рабочим, об уничтожении наемного рабства без классовой борьбы. Когда вопрос об экономическом освобождении станет для России таким же ближайшим, непосредственным, *злободневным* вопросом, каким является сейчас вопрос об освобождении политическом, тогда утопия народников окажется *не менее* вредной, чем утопия либералов.

Но теперь Россия переживает еще эпоху ее буржуазного, а не пролетарского преобразования; не вопрос об экономическом освобождении пролетариата назрел *до самого конца*, а вопрос о политической свободе, то есть (по сути дела) о полной буржуазной свободе.

И в этом последнем вопросе утопия народников играет своеобразную историческую роль. Будучи утопией насчет того, каковы должны быть (и будут) экономические последствия нового раздела земель, она является спутником *и симптомом* великого, массового *демократического* подъема крестьянских масс, т. е. масс, составляющих *большинство* населения в буржуазно-крепостнической, современной, России. (В чисто буржуазной России, как в чисто буржуазной Европе, крестьянство не будет большинством населения.)

Утопия либералов развращает демократическое сознание масс. Утопия народников, развращая их *социалистическое* сознание, является спутником, симптомом, отчасти даже выразителем их демократического подъема.

Диалектика истории такова, что в качестве антикапиталистического средства народники и трудовики предлагают и проводят максимально-последовательную и решительную капиталистическую меру в области аграрного вопроса в России. «Уравнительность» нового раздела земель есть утопия, но необходимый для *нового* раздела полнейший разрыв со всем старым, и помещичьим, и надельным, и «казенным» землевладением, есть самая нужная,

экономически-прогрессивная, наиболее для такого государства, как Россия, настоятельная мера в буржуазно-демократическом направлении.

Надо помнить замечательное изречение Энгельса:

«Ложное в формально-экономическом смысле может быть истиной в всемирно-историческом смысле» [88].

Энгельс высказал это глубокое положение по поводу утопического социализма: этот социализм был «ложен» в формально-экономическом смысле. Этот социализм был «ложен», когда объявлял прибавочную стоимость *несправедливостью* с точки зрения законов обмена. Против *этого* социализма были правы в формально-экономическом смысле теоретики буржуазной политической экономии, ибо из законов обмена прибавочная стоимость вытекает вполне «естественно», вполне «справедливо».

Но утопический социализм был *прав* в всемирно-историческом смысле, ибо он был симптомом, выразителем, предвестником того класса, который, порождаемый капитализмом, вырос теперь, к началу XX века, в массовую силу, способную положить конец капитализму и неудержимо идущую к этому.

Глубокое положение Энгельса необходимо помнить при оценке современной народнической или трудовической утопии в России (может быть, не в одной России, а в целом ряде азиатских государств, переживающих в XX веке буржуазные революции).

Ложный в формально-экономическом смысле, народнический *демократизм* есть истина в *историческом* смысле; ложный в качестве социалистической утопии *этот* демократизм есть *истина* той своеобразной исторически-обусловленной демократической борьбы крестьянских масс, которая составляет неразрывный элемент буржуазного преобразования и условие его полной победы.

Либеральная утопия отучает крестьянские массы бороться. Народническая выражает их стремления бороться, обещая им за победу миллион благ, тогда как на самом деле эта победа даст лишь сто благ. Но разве не естественно, что идущие на борьбу миллионы, веками жившие в неслыханной темноте, нужде, нищете, грязи, оброшенности, забитости, преувеличивают вдесятеро плоды возможной победы?

Либеральная утопия — прикрытие своекорыстного желания новых эксплуататоров поделить привилегии с старыми эксплуататорами. Народническая утопия — выражение стремления трудящихся миллионов мелкой буржуазии *совсем* покончить с старыми, феодальными эксплуататорами и ложная надежда «заодно» устранить эксплуататоров новых, капиталистических.

Ясно, что марксисты, враждебные *всяким* утопиям, должны отстаивать самостоятельность класса, который может *беззаветно* бороться против феодализма именно потому, что он даже и на сотую долю не «увязил коготок» в том участии в собственности, ко-

торое делает из буржуазии половинчатого противника, а зачастую и союзника феодалов. У крестьян «коготок увяз» в мелком товарном производстве; они *могут* при благоприятном стечении исторических обстоятельств добиться самого полного устранения феодализма, но они не случайно, а неизбежно *всегда* будут проявлять известные колебания между буржуазией и пролетариатом, между либерализмом и марксизмом.

Ясно, что марксисты должны заботливо выделять из шелухи народнических утопий здоровое и ценное ядро искреннего, решительного, боевого демократизма крестьянских масс.

В старой марксистской литературе 80-х годов прошлого века можно найти систематически проведенное стремление выделять это ценное демократическое ядро. Когда-нибудь историки изучат систематически это стремление и проследят связь его с тем, что получило название «большевизма» в первое десятилетие XX века.

Написано ранее 5(18) октября 1912 г.

П. с. с., т. 22, с. 117—121.

Из статьи
«О НАРОДНИЧЕСТВЕ»

...Народничество есть идеология (система взглядов) крестьянской демократии в России. Поэтому всякий сознательный рабочий должен внимательно следить за тем, как изменяется эта идеология.

I

Народничество очень старо. Его родоначальниками считают Герцена и Чернышевского. Расцветом действенного народничества было «хождение в народ» (в крестьянство) революционеров 70-х годов. Экономическую теорию народников разрабатывали всего цельнее В. В. (Воронцов) и Николай — он в 80-х годах прошлого века. В начале XX века социалисты-революционеры выражали наиболее оформленно взгляды левых народников.

Революция 1905 года, показав *все* общественные силы России в открытом, массовом действии классов, дала генеральную проверку народничеству и определила его место. Крестьянская демократия — вот единственное реальное содержание и общественное значение народничества.

Русская либеральная буржуазия по своему экономическому положению вынуждена стремиться не к *уничтожению* привилегий Пуришкевича и К°, а к их *разделу* между крепостниками и капиталистами. Наоборот, буржуазная демократия в России — крестьянство — вынуждена стремиться к *уничтожению* всех этих привилегий.

Фразы о «социализме» у народников, о «социализации земли», уравнительности и т. п. — простая словесность, облекающая реальный факт стремления крестьян к полному равенству в политике и к полному уничтожению крепостнического землевладения.

Революция 1905 года окончательно раскрыла эту социальную сущность народничества, эту классовую природу его. Движение масс — и в форме крестьянских союзов 1905 года, и в форме крестьянской борьбы на местах в 1905 и 1906 годах, и в форме выборов в обе первые Думы (создание «трудовых» групп) — все эти великие социальные факты, показавшие нам *в действии* миллионы крестьян, отмели, как пыль, народническую, якобы социалистическую, фразу и вскрыли ядро: крестьянскую (буржуазную) демократию с громадным, еще не исчерпанным запасом сил.

Напечатано 20 января 1913 г. *П. с. с., т. 22, с. 304—305.*

Из статьи

«ЛИБЕРАЛЫ И СВОБОДА СОЮЗОВ»

...Последовательные демократы Добролюбов и Чернышевский справедливо высмеивали либералов за *реформизм*, в подкладке которого было всегда стремление укоротить активность масс и отстоять кусочек привилегий помещиков, вроде выкупа и так далее...

Напечатано 4 мая 1913 г. *П. с. с., т. 23, с. 113.*

НАРОДНИКИ О Н. К. МИХАЙЛОВСКОМ [89]

Десятилетие со дня смерти Н. К. Михайловского (умер 28 января 1904 г.) было ознаменовано появлением массы хвалебных статей в либерально-буржуазных и народнических (т. е. буржуазно-демократических) газетах. Неудивительно, что либералы и буржуазные демократы восхваляют Н. К. Михайловского, но невозможно оставить без протеста вопиющее извращение истины и развращение пролетарского классового сознания, когда пытаются выдать Михайловского за социалиста и доказать примиримость его буржуазной философии и социологии с марксизмом.

Михайловский был одним из лучших представителей и выразителей взглядов русской буржуазной демократии в последней трети прошлого века. Крестьянская масса, которая является в России единственным серьезным и массовым (не считая городской мелкой буржуазии) носителем буржуазно-демократических идей, тогда еще спала глубоким сном. Лучшие люди из ее среды и люди, полные симпатий к ее тяжелому положению, так называемые

разночинцы — главным образом учащаяся молодежь, учителя и другие представители интеллигенции — старались просветить и разбудить спящие крестьянские массы.

Великой исторической заслугой Михайловского в буржуазно-демократическом движении в пользу освобождения России было то, что он горячо сочувствовал угнетенному положению крестьян, энергично боролся против всех и всяких проявлений крепостнического гнета, отстаивал в легальной, открытой печати — хотя бы намеками сочувствие и уважение к «подполью», где действовали самые последовательные и решительные демократы разночинцы, и даже сам помогал прямо этому подполью. В наше время бесстыдного и часто ренегатского отношения к подполью со стороны не только либералов, но и ликвидаторов, как народнических («Русское Богатство»), так и марксистских, нельзя не помянуть добрым словом этой заслуги Михайловского.

Но, будучи горячим сторонником свободы и угнетенных крестьянских масс, Михайловский разделял все слабости буржуазно-демократического движения. Ему казалось, что передача всей земли крестьянам, — в особенности без выкупа, — есть нечто «социалистическое»; он считал себя поэтому «социалистом». Разумеется, это — глубокая ошибка, вполне разоблаченная и Марксом, и опытом *всех* цивилизованных стран, в которых *постоянно* буржуазные демократы, до полного падения крепостничества и абсолютизма, воображали себя «социалистами». Передача всей земли крестьянам, в особенности на указанных условиях, есть очень полезная мера при господстве крепостников-помещиков, но мера эта — буржуазно-демократическая. Всякий толковый социалист в наши дни знает это. Весь опыт всего мира доказал, что, чем больше земли (и чем дешевле) получали крестьяне от крепостных бар, чем больше было «земли и воли», тем *быстрее* шло развитие капитализма, тем *скорее* обнаруживалась *буржуазная* природа крестьянина. Если г. Н. Ракитников (в № 3 «Верной Мысли» [99]) до сих пор не понял того, что поддержка пролетариатом *буржуазно*-демократического крестьянства против крепостников вовсе не является «социализмом», то остается только улыбнуться по поводу такой наивности. Скучно опровергать ошибки, давно отвергнутые всеми сознательными рабочими.

Не только в экономической области, но и в философии и в социологии взгляды Михайловского были *буржуазно-демократическими* взглядами, прикрытыми *якобы* «социалистической» фразой. Такова его «формула прогресса», его теория «борьбы за индивидуальность» и пр. В философии Михайловский сделал *шаг назад* от Чернышевского, величайшего представителя утопического социализма в России. Чернышевский был материалистом и смеялся до конца дней своих (т. е. до 80-х годов XIX века) над уступочками идеализму и мистике, которые делали модные «позитивисты» (кантианцы, махисты и т. п.). А Михайловский плелся именно за такими позитивистами. И до сих пор среди учеников Михайловско-

го, даже самых «левых» народников[91] (вроде г. Чернова), царят эти реакционные философские взгляды.

Что «социализм» Михайловского и народников есть лишь буржуазно-демократическая фраза, это окончательно доказал опыт выступления всех классов и массовой борьбы их в 1905—1907 годы. Большинство крестьянских депутатов и в I и во II Думе встало *не* на сторону левонародников, а на сторону «трудовиков» и «народных социалистов».[92] Это факт, который нельзя забывать или искажать. И, вслед за марксистами, даже левонародники сами, в лице, например, гг. Вихляева, Чернова и др., вынуждены были признать буржуазность трудовых народных социалистов!!

Пусть отдельные рабочие, сочувствующие левонародникам, попросят у своих учителей *все* произведения левонародников *против* «трудовых народных социалистов» в 1906—1907 гг.

Массовые выступления крестьян в эти годы окончательно доказали, что крестьянство стоит именно на *буржуазно-демократической* позиции. Левонародничество, в лучшем случае, есть лишь небольшое крыло крестьянской (т. е. буржуазной) демократии в России. Рабочие поддерживали и будут поддерживать крестьян (против крепостников), но смешение этих классов, смешение буржуазной демократии с социалистическим пролетариатом есть реакционная авантюра. Против нее будут решительно бороться все сознательные рабочие, особенно теперь, когда размежевка классов вполне доказана великим опытом массовой борьбы в 1905—1907 гг. и с каждым днем все яснее и яснее выступает в нашей деревне.

Михайловский очень долго, свыше десятка лет, был главой и душой группы литераторов «Русского Богатства». Что же вышло из этой группы в великие 1905—1907 годы?

Вышли первые ликвидаторы среди демократии!

Пусть отдельные рабочие, сочувствующие левонародникам, попросят у своих учителей августовскую книжку «Русского Богатства» за 1906 год и все те писания левонародников, где эту группу называли «социал-кадетами» и т. п.!

Из группы Михайловского вышли первые ликвидаторы, которые осенью 1906 года объявили «открытую партию», отреклись от «подполья» и от его лозунгов, — за 2—3 года раньше, чем наши, марксистские, ликвидаторы. Что же вышло с «открытой партией» гг. Мякотиных, Пешехоновых и прочих соратников Михайловского? Вышло полное отсутствие всякой партии, полный отрыв от масс «открытой» группы оппортунистов народничества.

На Михайловского, который никогда не отрекался от подполья (или вернее: который умер незадолго перед переходом его группы к ликвидаторству), нельзя распространять ответственность целиком за жалкий и презренный оппортунизм гг. Пешехоновых, Мякотиных и К°. Но разве не характерно, что в № 3 «Верной Мысли», посвященном Михайловскому, мы опять видим гнилой блок (союз) «левых» народников с «социал-кадетами» «Русского Богатства»? А если припомнить, что писал Лаврову Михайловский о сво-

ем отношении к революционерам, то не придется ли признать, что «социал-кадеты», в общем, верные его продолжатели?

Мы чествуем Михайловского за его искреннюю и талантливую борьбу с крепостничеством, «бюрократией» (извините за неточное слово) [93] и т. д., за его уважение к подполью и за помощь ему, но не за его буржуазно-демократические взгляды, не за его колебания к либерализму, не за его группу «социал-кадетов» «Русского Богатства».

Буржуазная демократия России, т. е. в первую голову крестьянство, колеблется между либеральными буржуа и пролетариатом не случайно, а в силу своего классового положения. Дело рабочих — высвобождать крестьянство из-под влияния либералов, беспощадно борясь с «народническими» учениями.

Напечатано 22 февраля 1914 г. *П. с. с., т. 24, с. 333—337.*

РАДИКАЛЬНЫЙ БУРЖУА О РУССКИХ РАБОЧИХ

Полезно бывает иногда взглянуть, как *со стороны* люди судят о нас, о нашей рабочей печати, о наших рабочих союзах, о нашем рабочем движении и т. д. Поучительны взгляды и прямых врагов, и прикрытых врагов, и неопределенных, и неопределенно-«сочувствующих» людей, если это сколько-нибудь толковые, знающие и чуточку смыслящие в политике люди.

К этому последнему разряду людей относится, несомненно, «трудовик» или «народный социалист»,— а ежели говорить по правде, то радикальный буржуа или буржуазный демократ — г. С. Елпатьевский.

Этот писатель — один из вернейших единомышленников и соратников Н. К. Михайловского, которого так неумно превозносят теперь желающие, рассудку вопреки, слыть социалистами «левонародники». Г-н С. Елпатьевский — внимательный наблюдатель русской обывательской жизни, настроениям которой он «чутко» поддается.

Он может быть назван одним из самых передовых русских ликвидаторов, ибо он и его друзья еще осенью 1906 года (смотри печально-знаменитую августовскую книжку «Русского Богатства» за 1906 год [94]) провозгласили необходимость «открытой партии», напали на узость «подполья» и принялись подправлять важнейшие лозунги этого подполья в духе открытой, т. е. легальной, партии. На словах и в сознании самих этих «социал-кадетов» (как их *должны* были назвать тогда *даже* левонародники) их отречение от подполья и ликвидаторское провозглашение «открытой партии» или «борьбы за открытую партию» вызывалось стремлением идти к «массам», организовать массы.

На деле ничего, кроме обывательского, мещанского малодушия (по отношению к массам) и легковерия (по отношению к вла-

сти), в плане гг. «народных социалистов» не было. За «открытую партию» им частью погрозили кутузкой, частью подержали кое-кого в кутузке, и в итоге они остались и без открытой и без всякой связи с массами, и без открытой и без всякой партии. Остались тем, чем являются и наши ликвидаторы, т. е. группой легалистов-ликвидаторов, группой «независимых» (от подполья — но зависимых идейно от либерализма) литераторов.

Прошли года уныния, развала и распада. Повеяло чуточку иным ветерком. И, чуткий к обывательским настроениям, г. С. Елпатьевский пишет в январской книжке «Русского Богатства» за текущий год статью о настроениях разных классов русского общества под эффектным названием: «Жизнь идет».

Жизнь идет — восклицает наш народник, перебирая в своей памяти и всякие съезды, и речь Салазкина [95], и дело Бейлиса [96]. Несомненное оживление в провинции, хотя «иногда не отличить теперь не только правого кадета от левого октябриста, но иногда и эсера и эсдека» (из ликвидаторов, а? г. народнический ликвидатор?) «от левого кадета, если судить по местной» (конечно, исключительно легальной) «тактике». «Происходит своего рода собирание Руси по две стороны стены, разделившей Россию. По одну сторону собрались объединенное дворянство, объединенная бюрократия, ведомственные люди и обыватели, которые так или иначе «кормятся от казны», по другую сторону — просто обыватель, толща провинциального общества».

Как видите, не широк кругозор нашего народника, мелок его анализ: все то же либеральное противопоставление власти и общества. О классовой борьбе внутри общества, о буржуазии и рабочих, об углубляющейся розни между либерализмом и демократией трудненько сказать что-либо с точки зрения провинциального обывателя.

О деревенских низах трудно делать умозаключения — пишет г. С. Елпатьевский:

> «...Тьма и безмолвие повисли над деревней, куда плохо видно, откуда плохо слышно...» Кооперативное движение «внезапно вспыхнуло и широко разлилось...» борьба отрубников и общинников... «*все это недостаточно вскрылось*».
>
> «Да, нужно признать, что воздвигаемая усилиями правительства стена между отрубниками и общинниками в целях разделить и распылить деревенскую массу — поднимается все выше, но, по-видимому, в деревнях не успели еще выработаться соответствующие видам правительства чувства и настроения. По-прежнему желание и ожидание земли одинаково ярко горит в душе тех и других, а желание воли, «правов», прежде затушеванное «землей», по-видимому, встает все ярче и повелительнее».

И под конец наш бытописатель русской жизни, отметив, что «именно правые круги с упорством повторяют теперь слово революция», что эти круги «сами по-настоящему испугались, что они действительно ждут конфликта, уверены в неизбежности катастрофы», — автор говорит следующее о рабочих:

«Мне нечего говорить здесь об организованных рабочих. Там не приходится идти ощупью в своих умозаключениях,— там все ясно и всем видно. Там мнения довольно точно установлены, там не только желания и ожидания, но и требования, подкрепляемые волевыми импульсами,— не стихийными вспышками, а систематизированными и достаточно выработанными методами... (многоточие г-на Елпатьевского). *И несомненно, и мнения, и желания, и ожидания просачиваются из этой организованной среды в деревенскую, откуда она вышла».*

Это пишет человек, который никогда не принадлежал к марксистам и всегда стоял в стороне от «организованных рабочих». И эта оценка дела *со стороны* тем ценнее для сознательных рабочих.

Г-ну Елпатьевскому, одному из «передовых» вождей ликвидаторства, следовало бы подумать над значением того, что ему пришлось признать теперь.

Во-первых, среди *каких* рабочих «довольно точно установлены мнения» и «достаточно выработаны и систематизированы методы»? *Только* среди противников ликвидаторства (ибо у ликвидаторов полный хаос и мнений и методов), *только* у тех, кто не отвернулся, малодушно и скоропалительно, от подполья. *Только* у них, действительно, «*все ясно и всем видно*». Это кажется парадоксальным (странным), но это факт: хаос у тех, кто тоскует по «открытой партии», — «все ясно и всем видно», «мнения довольно точно установлены и методы достаточно выработаны» только у сторонников «подполья», у верно блюдущих заветы этого якобы узкого и омертвелого (см. «Нашу Зарю», «Луч», «Новую Рабочую Газету», «Северную Рабочую Газету» [97]) подполья.

Первый из родивших ликвидаторство (вожак «Русского Богатства», г. Елпатьевский) первый же подписал ему смертный приговор, прочел «за упокой» на его могиле.

Возможно, что г. Елпатьевский сам не сознает этого, но вопрос, поднятый им, далеко выходит за пределы личного разумения отдельных политиков.

Второе и самое важное обстоятельство. Почему это в один из наиболее смутных и тяжелых периодов русской истории, в пятилетье 1908—1913 годов, из *всех* классов русского народа «ощупью» не идет только пролетариат? почему это только у него оказалось «все ясно и всем видно»? почему он выходит из величайшего идейного распада, программного и тактического и организационного, и всяческого развала и шатания — и у либералов, и у народников, и у интеллигентских «тоже-марксистов» — с «мнениями довольно точно установленными», с «методами систематизированными и достаточно выработанными»? Не только потому, что эти мнения устанавливало, эти методы вырабатывало подполье, а потому, что есть глубочайшие социальные причины, есть экономические условия, есть факторы, действующие все сильнее и сильнее с каждой новой верстой железных дорог, с каждым шагом вперед

торговли, промышленности, капитализма в городе и в деревне, факторы, умножающие, укрепляющие, закаляющие и сплачивающие пролетариат, помогающие ему не идти *за* обывателем, не шататься подобно мещанам, не отрекаться трусливо от подполья.

Кто поразмыслит над этим, тот поймет, какой величайший вред приносят попытки «слить» в одну партию передовиков класса наемных рабочих и неизбежно колеблющегося и шаткого мелкобуржуазного крестьянства.

Напечатано в марте 1914 г. *П. с. с., т. 25, с. 9—13.*

Из работы

«К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ» [98]

...В России даже правительственная, т. е. заведомо преувеличенная и подделанная сообразно «видам правительства», статистика считает во всем населении страны только 43% великороссов. Великороссов в России *меньше* половины населения. Даже малороссов или украинцев у нас официально, устами «*самого*» Столыпина зачислили к «*инородцам*». Значит, «инородцев» в России 57% населения, т. е. большинство населения, почти $^3/_5$, а в действительности, наверное, свыше трех пятых. Я выбран в Государственную думу от Екатеринославской губернии, в которой подавляющее большинство населения состоит из украинцев. Запрещение чествования Шевченко было такой превосходной, великолепной, на редкость счастливой и удачной мерой с точки зрения агитации против правительства,что лучшей агитации и представить себе нельзя. Я думаю, все наши лучшие социал-демократические агитаторы против правительства никогда не достигли бы в такое короткое время таких головокружительных успехов, каких достигла в противоправительственном смысле эта мера. После этой меры миллионы и миллионы «обывателей» стали превращаться в сознательных граждан и убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть «тюрьма народов».

Наши правые партии и наши националисты так усердно кричат теперь против «мазепинцев», наш знаменитый Бобринский с таким великолепным рвением демократа защищает украинцев от притеснения *австрийским* правительством,— как будто бы Бобринский хотел записаться в австрийскую социал-демократическую партию...

...Старайтесь, старайтесь, сиятельный заводчик и помещик Бобринский: вы, наверное, поможете нам пробудить, просветить и встряхнуть украинцев и австрийских, и российских!! Я слышал в Екатеринославе от нескольких украинцев, что они хотят послать благодарственный адрес графу Бобринскому за успешную пропа-

ганду в пользу отделения Украины от России. И я не удивился, услыхав это. Я видел агитационные листки, в которых на одной стороне был указ о запрещении чествовать Шевченко, а на другой цитаты из красноречивых речей Бобринского *в пользу* украинцев... Я посоветовал послать эти листки Бобринскому, Пуришкевичу и *прочим* министрам...

Написано позднее 6(19) апреля 1914 г. — *П. с. с., т. 25, с. 66, 67.*

Из работы

«О ПРАВЕ НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ»

...Известно, что К. Маркс и Фр. Энгельс считали безусловно обязательным для всей западноевропейской демократии, а тем более социал-демократии, активную поддержку требования независимости Польши. Для эпохи 40-х и 60-х годов прошлого века, эпохи буржуазной революции Австрии и Германии, эпохи «крестьянской реформы» в России, эта точка зрения была вполне правильной и единственной последовательно-демократической и пролетарской точкой зрения. Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока в этих странах *не было* самостоятельных, массовых, демократических движений, *шляхетское* освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской *.

Написано в феврале — мае 1914 г. — *П. с. с., т. 25, с. 297.*

Из статьи

«ПАЦИФИЗМ БУРЖУАЗНЫЙ И ПАЦИФИЗМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ»

...Чтобы не прикрашивать империалистской войны, чтобы не помогать буржуазии облыжно выдавать такую войну за национальную, за освобождающую народы, чтобы не оказываться на

---

* Было бы весьма интересной исторической работой сопоставить позицию польского шляхтича-повстанца 1863 года — позицию всероссийского демократа-революционера Чернышевского, который тоже (подобно Марксу) умел оценить значение польского движения, и позицию выступавшего гораздо позже украинского мещанина Драгоманова, который выражал точку зрения крестьянина, настолько еще дикого, сонного, приросшего к своей куче навоза, что из-за законной ненависти к польскому пану он не мог понять значения борьбы этих панов для всероссийской демократии. (Ср. «Историческая Польша и великорусская демократия» Драгоманова.) Драгоманов вполне заслужил восторженные поцелуи, которыми впоследствии награждал его ставший уже национал-либералом г. П. Б. Струве.

позиции буржуазного реформизма, надо было бы говорить не так, как говорят Каутский и Турати, а так, как говорил Карл Либкнехт, надо было бы заявить *своей* буржуазии, что она лицемерит, толкуя о национальном освобождении, что демократический мир невозможен в связи с данной войной, если пролетариат не «обратит оружия» против *своих* правительств.

Такова и только такова могла бы быть позиция действительного марксиста, действительного социалиста, а не буржуазного реформиста. Не тот работает действительно на пользу демократического мира, кто повторяет общие, ничего не говорящие, ни к чему не обязывающие, добренькие пожелания пацифизма, а тот, кто разоблачает империалистский характер и данной войны и подготовляемого ею империалистского мира, кто призывает народы к революции против преступных правительств.

Некоторые пытаются иногда защитить Каутского и Турати тем, что легально нельзя было идти дальше «намека» против правительства, а такой «намек» есть у пацифистов этого рода. Но на это следует ответить, во-первых, что невозможность говорить правду легально есть довод не в пользу сокрытия правды, а в пользу необходимости нелегальной, т. е. свободной от полиции и цензуры, организации и печати; во-вторых, что бывают исторические моменты, когда от социалиста *требуется* разрыв со всякой легальностью; в-третьих, что даже в крепостной России Добролюбов и Чернышевский умели говорить правду то молчанием о манифесте 19 февраля 1861 г., то высмеиванием и шельмованием тогдашних либералов, говоривших точь-в-точь такие речи, как Турати и Каутский...

Цюрих, 1 января 1917 г.

П. с. с., т. 30, с. 250—251.

Из статьи

«НЕ ДЕМОКРАТИЧНО, ГРАЖДАНИН КЕРЕНСКИЙ!»

...Когда-то А. И. Герцен сказал, что когда посмотришь на «художества» господствующих классов России, то становится стыдно сознавать себя русским [99]. Это говорилось тогда, когда Россия стонала под игом крепостничества, когда кнут и палка властвовали над нашей страной.

Теперь Россия свергла царя. Теперь от имени России говорят Керенские и Львовы. Россия Керенских и Львовых обращается с подчиненными национальностями так, что и теперь невольно напрашиваются на язык горькие слова А. И. Герцена...

Напечатано 15(2) июня 1917 г. *П. с. с., т. 32, с. 253—254.*

Из статьи

«ПОЛИТИЧЕСКИЙ ШАНТАЖ»

...Наши республиканские, извините за выражение, даже демократические буржуа и мелкие буржуа проявили себя героями политического шантажа, поднимая «кампанию» наветов, лжи и клеветы против неугодных им партий и политических деятелей. Царизм преследовал грубо, дико, зверски. Республиканская буржуазия преследует *грязно*, стараясь запачкать ненавистного ей пролетарского революционера и интернационалиста клеветой, ложью, инсинуациями, наветами, слухами и прочее и прочее.

Большевики в особенности имели честь испытать на себе эти приемы преследования республиканских империалистов. Большевик вообще мог бы применить к себе известное изречение поэта:

Он слышит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья [100].

Дикие крики озлобленья почти тотчас вслед *за* началом русской революции несутся против большевика со страниц всей буржуазной и почти всей мелкобуржуазной печати. И большевик, интернационалист, сторонник пролетарской революции, по справедливости, может в этих диких криках озлобления «слышать» звуки одобрения, ибо бешеная ненависть буржуазии часто служит лучшим доказательством правильной и честной службы пролетариату со стороны оклеветанного, травимого, преследуемого...

Напечатано 6 сентября (24 августа) 1917 г. — *П. с. с., т. 34, с. 90—91.*

Из работы

«ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ»

...Борьба с бюрократическим извращением советской организации обеспечивается прочностью связи Советов с «народом», в смысле трудящихся и эксплуатируемых, гибкостью и эластичностью этой связи. Буржуазные парламенты даже лучшей в мире по демократизму капиталистической республики беднота никогда не считает «своими» учреждениями. А Советы — «свое», а не чужое, для массы рабочих и крестьян. Современным «социал-демократам», оттенка Шейдемана или, что почти одно и то же, Мартова, так же претят Советы, их так же тянет к благопристойному буржуазно-

му парламенту, или к Учредительному собранию, как Тургенева 60 лет тому назад тянуло к умеренной монархической и дворянской конституции, как ему претил мужицкий демократизм Добролюбова и Чернышевского...

П. с. с., т. 36, с. 205—206.

Написано между 13 и 26 апреля 1918 г.

Из работы

«ПИСЬМО К АМЕРИКАНСКИМ РАБОЧИМ»

...Историческая деятельность — не тротуар Невского проспекта, говорил великий русский революционер Чернышевский[101] Кто «допускает» революцию пролетариата лишь «под условием», чтобы она шла легко и гладко, чтобы было сразу соединенное действие пролетариев разных стран, чтобы была наперед дана гарантия от поражений, чтобы дорога революции была широка, свободна, пряма, чтобы не приходилось временами, идя к победе, нести самые тяжелые жертвы, «отсиживаться в осажденной крепости» или пробираться по самым узким, непроходимым, извилистым и опасным горным тропинкам, — тот не революционер, тот не освободил себя от педантства буржуазной интеллигенции, тот на деле окажется постоянно скатывающимся в лагерь контрреволюционной буржуазии, как наши правые эсеры, меньшевики и даже (хотя и реже) левые эсеры...

20 августа 1918 г.

П. с. с., т. 37, с. 57.

ЗАСЕДАНИЕ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА

12 МАРТА 1919 г.

ИЗ ОТВЕТА НА ЗАПИСКИ

...Среди вас немного людей, может быть, даже совсем единичны те, которые помнят крепостное право, это могут помнить только старики, но люди, которые помнят то, что было лет 30—40 тому назад, все-таки найдутся. Кто бывал в деревне, тот знает, что лет 30 тому назад немало можно было найти в деревне стариков, которые говорили: «А при крепостном праве было лучше, порядку было больше, была строгость, баб роскошно не одевали». Если почитать теперь Успенского, которому мы ставим памятник, как одному из лучших писателей, описывавших крестьянскую жизнь, то можно найти из времен 80-х и 90-х годов описания, как искренне добросовестные старики из крестьян и иногда даже просто пожилые люди говорили, что при крепостном праве было лучше. Когда уничтожают старые общественные порядки, уничтожить их сразу в сознании всех людей нельзя, остается еще небольшое число, которое тянет к старому...

П. с. с., т. 38, с. 10—11.

Из речи

«ОБ ОБМАНЕ НАРОДА ЛОЗУНГАМИ СВОБОДЫ И РАВЕНСТВА» НА I ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ ПО ВНЕШКОЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

19 МАЯ 1919 г.

...Спрашивается, впали ли мы в противоречие с собой, когда звали трудящихся на революцию, обещав им мир, а привели к походу всего цивилизованного мира против слабой, усталой, отсталой, разбитой России, или впали в противоречие с элементарными понятиями демократии и социализма те, кто имеет наглость бросать нам подобный упрек? Вот вопрос. Чтобы вам поставить этот вопрос в теоретической, общей форме, я приведу сравнение. Мы говорим о революционном классе, о революционной политике народа, я предлагаю вам взять отдельного революционера. Возьмем хотя бы Чернышевского, оценим его деятельность. Как ее может оценить человек, совершенно невежественный и темный? Он, вероятно, скажет: «Ну, что же, разбил человек себе жизнь, попал в Сибирь, ничего не добился». Вот вам образец. Если мы подобный отзыв услышим неизвестно от кого, то мы скажем: «В лучшем случае он исходит от человека безнадежно темного, невиновного, может быть, в том, что он так забит, что не может понять значения деятельности отдельного революционера в связи с общей цепью революционных событий; либо этот отзыв исходит от мерзавца, стороннika реакции, который сознательно хочет отпугнуть трудящихся от революции». Я взял пример Чернышевского, потому что, к какому бы направлению ни принадлежали люди, называющие себя социалистами, здесь, в оценке этого индивидуального революционера, расхождения по существу быть не может. Все согласятся, что, если оценивать отдельного революционера с точки зрения тех жертв, внешне бесполезных, часто бесплодных, которые он принес, оставляя в стороне содержание его деятельности и связь его деятельности с предыдущими и последующими революционерами, если оценивать так значение его деятельности, — это либо темнота и невежество безысходное, либо злостная, лицемерная защита интересов реакции, угнетения, эксплуатации и классового гнета. На этот счет разногласий быть не может...

П. с. с., т. 38, с. 335—336.

Из книги

«ДЕТСКАЯ БОЛЕЗНЬ «ЛЕВИЗНЫ» В КОММУНИЗМЕ»

...Наша теория не догма, а *руководство к действию* [102] — говорили Маркс и Энгельс, и величайшей ошибкой, величайшим преступлением таких «патентованных» марксистов, как Карл Каутский, Отто Бауэр и т. п., является то, что они этого не поняли, не сумели применить в самые важные моменты революции пролета-

риата. «Политическая деятельность — не тротуар Невского проспекта» (чистый, широкий, ровный тротуар совершенно прямой главной улицы Петербурга), говаривал еще русский великий социалист домарксова периода Н. Г. Чернышевский. Русские революционеры, со времен Чернышевского, неисчислимыми жертвами заплатили за игнорирование или забвение этой истины. Надо добиться во что бы то ни стало, чтобы левые коммунисты и преданные рабочему классу революционеры Западной Европы и Америки *не так дорого* заплатили за усвоение этой истины, как отсталые россияне.

Написано в апреле — мае 1920 г. *П. с. с., т. 41, с. 55.*

ЗАПИСКА БИБЛИОТЕКАРШЕ

10 ноября 1920

Нельзя ли достать мне (на прочтение только, на 1 неделю) книгу: *Головачева-Панаева:* «Воспоминания». *СПБ.* 1890.

Ленинский сборник XXXV, с. 167.

Из статьи

«О КООПЕРАЦИИ»

I

У нас, мне кажется, недостаточно обращается внимания на кооперацию. Едва ли все понимают, что теперь, со времени Октябрьской революции и независимо от нэпа (напротив, в этом отношении приходится сказать: именно благодаря нэпу), кооперация получает у нас совершенно исключительное значение. В мечтаниях старых кооператоров много фантазии. Они смешны часто своей фантастичностью. Но в чем состоит их фантастичность? В том, что люди не понимают основного, коренного значения политической борьбы рабочего класса за свержение господства эксплуататоров. Теперь у нас это свержение состоялось, и теперь многое из того, что было фантастического, даже романтического, даже пошлого в мечтаниях старых кооператоров, становится самой неподкрашенной действительностью.

У нас, действительно, раз государственная власть в руках рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства, у нас, действительно, задачей осталось только кооперирование населения. При условии максимального кооперирования населения само собой достигает цели тот социа-

лизм, который ранее вызывал законные насмешки, улыбку, пренебрежительное отношение к себе со стороны людей, справедливо убежденных в необходимости классовой борьбы, борьбы за политическую власть и т. д. И вот не все товарищи дают себе отчет в том, какое теперь гигантское, необъятное значение приобретает для нас кооперирование России. В нэпе мы сделали уступку крестьянину, как торговцу, принципу частной торговли; именно из этого вытекает (обратно тому, что думают) гигантское значение кооперации. В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов. В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д. — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения.

Вот это-то обстоятельство недооценено многими нашими практическими работниками. На кооперацию у нас смотрят пренебрежительно, не понимая того, какое исключительное значение имеет эта кооперация, во-первых, с принципиальной стороны (собственность на средства производства в руках государства), во-вторых, со стороны перехода к новым порядкам путем возможно более *простым, легким и доступным для крестьянина.*

А ведь в этом, опять-таки, главное. Одно дело фантазировать насчет всяких рабочих объединений для построения социализма, другое дело научиться практически строить этот социализм так, чтобы *всякий* мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении. Этой-то ступени мы и достигли теперь. И несомненно то, что, достигнув ее, мы пользуемся ею непомерно мало.

Мы перегнули палку, переходя к нэпу, не в том отношении, что слишком много места уделили принципу свободной промышленности и торговли, но мы перегнули палку, переходя к нэпу, в том отношении, что забыли думать о кооперации, что недооцениваем теперь кооперацию, что начали забывать уже гигантское значение кооперации в указанных выше двух сторонах этого значения...

...Собственно говоря, нам осталось «*только*» одно: сделать наше население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло

все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. «*Только*» это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму. Но для того, чтобы совершить это «только», нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы. Поэтому нашим правилом должно быть: как можно меньше мудрствования и как можно меньше выкрутас. Нэп в этом отношении представляет из себя в том отношении прогресс, что он приноравливается к уровню самого обыкновенного крестьянина, что он не требует от него ничего высшего. Но чтобы достигнуть через нэп участия в кооперации поголовно всего населения — вот для этого требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия. Но все-таки это будет особая историческая эпоха, и без этой исторической эпохи, без поголовной грамотности, без достаточной степени толковости, без достаточной степени приучения населения к тому, чтобы пользоваться книжками, и без материальной основы этого, без известной обеспеченности, скажем, от неурожая, от голода и т. д.,— без этого нам своей цели не достигнуть...

4 января 1923 года.

П. с. с., т. 45, с. 369—370, 372.

О Л.Н.ТОЛСТОМ

ПОМЕТКА
НА ОДНОМ ИЗ ОБЛИЧИТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В «ИСКРЕ»

Из прошлого: Приводим сообщенный нам секретный документик, характеризующий обычные приемы нашего «внутреннего управления» [1].

Копия конфиденциального письма г. Московского генерал-губернатора к г. министру внутренних дел от 20 октября 1883 г., за № 1920.

Шифрованной телеграммой от 12 сего октября ваше сиятельство уведомили меня о необходимости принятия изложенных в помянутой телеграмме мер для устранения нежелательной демонстрации, которую могут произвести своими речами г.г. Юрьев, Гольцев и граф Толстой в предположенном публичном заседании Общества Любителей Российской Словесности.

В этих видах я пригласил к себе председателя названного общества г. Юрьева, и, усмотрев из его объяснений со мною, что на предложение г. г. Гольцеву и графу Толстому представить приготовляемые ими к заседанию статьи и речи, они могут отозваться неимением их в рукописи, а затем, в самом заседании, потребовав слова, могут произнести приготовленное ими заранее, как бы импровизацию, причем отказать им в ту минуту в праве произнесения речей было бы неудобно, так как это могло бы возбудить в публике нежелательные толки, я предпочел, по соглашению с г. Юрьевым, устранить вовсе предположенное заседание. С этою целью оно объявлено отложенным на неопределенное время. Формальным поводом к этому выставлено то, что лица, желающие участвовать в заседании, своими статьями и речами, не все еще к этому подготовились.

О таковом исходе этого дела имею честь уведомить ваше сиятельство, покорнейше прося Вас, милостивый государь, принять уверение в моем совершенном почтении и преданности.

Пометка сделана не ранее 4 (17) октября 1900 г.

«Исторический Архив», 1955, № 6, с. 9.

Из работы

«АГРАРНЫЙ ВОПРОС И «КРИТИКИ МАРКСА»»

...Профессор Луйо Брентано уверяет, например, что переселение из деревень в города вызывается не данными социальными условиями, а *естественной необходимостью*, законом убывающего плодородия почвы *...

Написано в июне — сентябре 1901 г. *П. с. с., т. 5, с. 149.*

Из статьи

«ПРИЗНАКИ БАНКРОТСТВА»

...Хищническое хозяйство самодержавия покоилось на чудовищной эксплуатации крестьянства. Это хозяйство предполагало, как неизбежное последствие, повторяющиеся от времени до времени голодовки крестьян той или иной местности. В эти моменты хищник-государство пробовало парадировать перед населением в светлой роли заботливого кормильца им же обобранного народа. С 1891 года голодовки стали гигантскими по количеству жертв, а с 1897 г. почти непрерывно следующими одна за другой. В 1892 г. Толстой с ядовитой насмешкой говорил о том, что «паразит собирается накормить то растение, соками которого он питается» [2]...

Напечатано 15 февраля 1902 г. *П. с. с., т. 6, с. 278.*

Из работы

«ПОБЕДА КАДЕТОВ И ЗАДАЧИ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ»

...Когда Аврамов с казаками истязает Спиридонову, это есть военно-полицейская диктатура над народом. Когда революционный (способный на борьбу с насильниками, а не только на увещания, назидания, сожаления, осуждения, хныканье и нытье, не мещански-ограниченный, а революционный) народ применяет насилие к Аврамову и Аврамовым, это есть диктатура революционного народа. Это есть *диктатура*, ибо это есть власть народа над Аврамовым, власть, не ограниченная никакими законами

---

* См. статью Каутского в «Neue Zeit», XIX, 2, 1900—1901, № 27: «Tolstoi und Brentano» («Толстой и Брентано».— *Ред.*). Каутский сопоставляет с современным научным социализмом учение Л. Толстого, остающегося глубоким наблюдателем и критиком буржуазного строя, несмотря на реакционную наивность своей теории,— и буржуазную экономию, «звезда» которой, Брентано (как известно, учитель гг. Струве, Булгакова, Герца и tutti quanti), обнаруживает самую невероятную путаницу, смешивая явления природы и явления общественные, смешивая понятия продуктивности и прибыльности, стоимости и цены и т. п. ...

(мещанин, пожалуй, был бы против того, чтобы силой отбить Спиридонову от Аврамова: дескать, не по «закону» это? есть ли у нас такой «закон», чтобы убивать Аврамова? не создали ли некоторые идеологи мещанства теории непротивления злу насилием *?)...

Написано 24—28 марта (6—10 апреля) 1906 г. *П. с. с., т. 12, с. 320.*

ЛЕВ ТОЛСТОЙ, КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ [4]

Сопоставление имени великого художника с революцией, которой он явно не понял, от которой он явно отстранился, может показаться на первый взгляд странным и искусственным. Не называть же зеркалом того, что очевидно не отражает явления правильно? Но наша революция — явление чрезвычайно сложное; среди массы ее непосредственных совершителей и участников есть много социальных элементов, которые тоже явно не понимали происходящего, тоже отстранялись от настоящих исторических задач, поставленных перед ними ходом событий. И если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях.

Легальная русская пресса, переполненная статьями, письмами и заметками по поводу юбилея 80-летия Толстого, всего меньше интересуется анализом его произведений с точки зрения характера русской революции и движущих сил ее. Вся эта пресса до тошноты переполнена лицемерием, лицемерием двоякого рода: казенным и либеральным. Первое есть грубое лицемерие продажных писак, которым вчера было велено травить Л. Толстого, а сегодня — отыскивать в нем патриотизм и постараться соблюсти приличия перед Европой. Что писакам этого рода заплачено за их писания, это всем известно, и никого обмануть они не в состоянии. Гораздо более утонченно и потому гораздо более вредно и опасно лицемерие либеральное. Послушать кадетских балалайкиных из «Речи» [5] — сочувствие их Толстому самое полное и самое горячее. На деле, рассчитанная декламация и напыщенные фразы о «великом богоискателе» — одна сплошная фальшь, ибо русский либерал ни в толстовского бога не верит, ни толстовской критике существующего строя не сочувствует. Он примазывается к популярному имени, чтобы приумножить свой политический капиталец, чтобы разыграть роль вождя общенациональной оппозиции, он старается гро-

---

* Г. Бердяев! гг. редакторы «Полярной Звезды» или «Свободы и Культуры»! [3] Вот вам еще тема для долгих воплей,... то бишь долгих статей против «хулиганства» революционеров. Называют, дескать, Толстого мещанином!! — кель оррер, как говорила дама, приятная во всех отношениях.

мом и треском фраз *заглушить* потребность прямого и ясного ответа на вопрос: чем вызываются кричащие противоречия «толстовщины», какие недостатки и слабости нашей революции они выражают?

Противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого — действительно кричащие. С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны — помещик, юродствующий во Христе. С одной стороны, замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши, — с другой стороны, «толстовец», т. е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, публично бия себя в грудь, говорит: «я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми котлетками». С одной стороны, беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс; с другой стороны,— юродивая проповедь «непротивления злу» насилием. С одной стороны, самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок; — с другой стороны, проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии, стремление поставить на место попов по казенной должности попов по нравственному убеждению, т. е. культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины. Поистине:

Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная
— Матушка Русь! [6]

Что при таких противоречиях Толстой не мог абсолютно понять ни рабочего движения и его роли в борьбе за социализм, ни русской революции, это само собою очевидно. Но противоречия во взглядах и учениях Толстого не случайность, а выражение тех противоречивых условий, в которые поставлена была русская жизнь последней трети XIX века. Патриархальная деревня, вчера только освободившаяся от крепостного права, отдана была буквально на поток и разграбление капиталу и фиску. Старые устои крестьянского хозяйства и крестьянской жизни, устои, действительно державшиеся в течение веков, пошли на слом с необыкновенной быстротой. И противоречия во взглядах Толстого надо оценивать не с точки зрения современного рабочего движения и современного социализма (такая оценка, разумеется, необходима, но она недостаточна), а с точки зрения того протеста против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеления масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней.

Толстой смешон, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества, — и поэтому совсем мизерны заграничные и русские «толстовцы», пожелавшие превратить в догму как раз самую слабую сторону его учения. Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России. Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, взятых как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как *крестьянской* буржуазной революции. Противоречия во взглядах Толстого, с этой точки зрения, — действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции. С одной стороны, века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости. Стремление смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на место полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян,— это стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции, и несомненно, что идейное содержание писаний Толстого гораздо больше соответствует этому крестьянскому стремлению, чем отвлеченному «христианскому анархизму», как оценивают иногда «систему» его взглядов.

С другой стороны, крестьянство, стремясь к новым формам общежития, относилось очень бессознательно, патриархально, по-юродивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе, как относится к интересам крестьянской революции буржуазия и буржуазная интеллигенция, почему необходимо насильственное свержение царской власти для уничтожения помещичьего землевладения. Вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы. В нашей революции меньшая часть крестьянства действительно боролась, хоть сколько-нибудь организуясь для этой цели, и совсем небольшая часть поднималась с оружием в руках на истребление своих врагов, на уничтожение царских слуг и помещичьих защитников. Большая часть крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала «ходателей», — совсем в духе Льва Николаича Толстого! И, как всегда бывает в таких случаях, толстовское воздержание от политики, толстовское отречение от политики, отсутствие интереса к ней и понимания ее, делали то, что за сознательным и революционным пролетариатом шло меньшинство, большинство же было добычей тех беспринципных, холуйских, буржуазных интеллигентов, которые под названием кадетов бегали с собрания трудовиков в переднюю Столыпина, клянчили, торговались, примиряли, обещали примирить, — пока

их не выгнали пинком солдатского сапога. Толстовские идеи, это — зеркало слабости, недостатков нашего крестьянского восстания, отражение мягкотелости патриархальной деревни и заскорузлой трусливости «хозяйственного мужичка».

Возьмите солдатские восстания 1905—1906 годов. Социальный состав этих борцов нашей революции — промежуточный между крестьянством и пролетариатом. Последний в меньшинстве; поэтому движение в войсках не показывает даже приблизительно такой всероссийской сплоченности, такой партийной сознательности, которые обнаружены пролетариатом, точно по мановению руки ставшим социал-демократическим. С другой стороны, нет ничего ошибочнее мнения, будто причиной неудачи солдатских восстаний было отсутствие руководителей из офицерства. Напротив, гигантский прогресс революции со времен Народной воли [7] сказался именно в том, что за ружье взялась против начальства «серая скотинка», самостоятельность которой так напугала либеральных помещиков и либеральное офицерство. Солдат был полон сочувствия крестьянскому делу; его глаза загорались при одном упоминании о земле. Не раз власть переходила в войсках в руки солдатской массы,— но решительного использования этой власти почти не было; солдаты колебались; через пару дней, иногда через несколько часов, убив какого-нибудь ненавистного начальника, они освобождали из-под ареста остальных, вступали в переговоры с властью и затем становились под расстрел, ложились под розги, впрягались снова в ярмо — совсем в духе Льва Николаича Толстого!

Толстой отразил накипевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого,— и незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости. Историко-экономические условия объясняют и необходимость возникновения революционной борьбы масс и неподготовленность их к борьбе, толстовское непротивление злу, бывшее серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании.

Говорят, что разбитые армии хорошо учатся. Конечно, сравнение революционных классов с армиями верно только в очень ограниченном смысле. Развитие капитализма с каждым часом видоизменяет и обостряет те условия, которые толкали крестьянские миллионы, сплоченные вместе ненавистью к помещикам-крепостникам и к их правительству, на революционно-демократическую борьбу. В самом крестьянстве рост обмена, господства рынка и власти денег все более вытесняет патриархальную старину и патриархальную толстовскую идеологию. Но одно приобретение первых лет революции и первых поражений в массовой революционной борьбе несомненно: это — смертельный удар, нанесенный прежней рыхлости и дряблости масс. Разграничительные линии стали резче. Классы и партии размежевались. Под молотом столыпинских уроков, при неуклонной, выдержанной

агитации революционных социал-демократов, не только социалистический пролетариат, но и демократические массы крестьянства будут неизбежно выдвигать все более закаленных борцов, все менее способных впадать в наш исторический грех толстовщины!

Напечатано в «Пролетарии» (24) 11 сентября 1908 г. в качестве передовой.

П. с. с., т. 17, с. 206—213.

Л. Н. ТОЛСТОЙ [8]

Умер Лев Толстой. Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции.

Л. Н. Толстой выступил, как великий художник, еще при крепостном праве. В ряде гениальных произведений, которые он дал в течение своей более чем полувековой литературной деятельности, он рисовал преимущественно старую, дореволюционную Россию, оставшуюся и после 1861 года в полукрепостничестве, Россию деревенскую, Россию помещика и крестьянина. Рисуя эту полосу в исторической жизни России, Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе. Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества.

Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России. Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием *всех*, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот.

И Толстой не только дал художественные произведения, которые всегда будут ценимы и читаемы массами, когда они создадут себе человеческие условия жизни, свергнув иго помещиков и капиталистов, — он сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования. Принадлежа главным образом к эпохе 1861—1904 годов, Толстой поразительно рельефно воплотил в своих произведениях — и как художник, и как мыслитель и проповедник — черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость.

Одна из главных отличительных черт нашей революции состоит в том, что это была *крестьянская* буржуазная революция в эпоху очень высокого развития капитализма во всем мире и срав-

Библиотечная книга

нительно высокого в России. Это была буржуазная революция, ибо ее непосредственной задачей было свержение царского самодержавия, царской монархии и разрушение помещичьего землевладения, а не свержение господства буржуазии. В особенности крестьянство не сознавало этой последней задачи, не сознавало ее отличия от более близких и непосредственных задач борьбы. И это была крестьянская буржуазная революция, ибо объективные условия выдвинули на первую очередь вопрос об изменении коренных условий жизни крестьянства, о ломке старого средневекового землевладения, о «расчистке земли» для капитализма, объективные условия выдвинули на арену более или менее самостоятельного исторического действия крестьянские массы.

В произведениях Толстого выразились и сила и слабость, и мощь и ограниченность именно крестьянского массового движения. Его горячий, страстный, нередко беспощадно-резкий протест против государства и полицейски-казенной церкви передает настроение примитивной крестьянской демократии, в которой века крепостного права, чиновничьего произвола и грабежа, церковного иезуитизма, обмана и мошенничества накопили горы злобы и ненависти. Его непреклонное отрицание частной поземельной собственности передает психологию крестьянской массы в такой исторический момент, когда старое средневековое землевладение, и помещичье и казенно-«надельное», стало окончательно нестерпимой помехой дальнейшему развитию страны и когда это старое землевладение неизбежно подлежало самому крутому, беспощадному разрушению. Его непрестанное, полное самого глубокого чувства и самого пылкого возмущения, обличение капитализма передает весь ужас патриархального крестьянина, на которого стал надвигаться новый, невидимый, непонятный враг, идущий откуда-то из города или откуда-то из-за границы, разрушающий все «устои» деревенского быта, несущий с собою невиданное разорение, нищету, голодную смерть, одичание, проституцию, сифилис — все бедствия «эпохи первоначального накопления», обостренные во сто крат перенесением на русскую почву самоновейших приемов грабежа, выработанных господином Купоном.

Но горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил вместе с тем в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю. Борьба с крепостническим и полицейским государством, с монархией превращалась у него в отрицание политики, приводила к учению о «непротивлении злу», привела к полному отстранению от революционной борьбы масс 1905—1907 гг. Борьба с казенной церковью совмещалась с проповедью новой, очищенной религии, то есть нового, очищенного, утонченного яда для угнетенных масс. Отрицание частной поземельной собственности вело не к сосредото-

чению всей борьбы на действительном враге, на помещичьем землевладении и его политическом орудии власти, т. е. монархии, а к мечтательным, расплывчатым, бессильным воздыханиям. Обличение капитализма и бедствий, причиняемых им массам, совмещалось с совершенно апатичным отношением к той всемирной освободительной борьбе, которую ведет международный социалистический пролетариат.

Противоречия во взглядах Толстого — не противоречия его только личной мысли, а отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в *по*реформенную, но *до*революционную эпоху.

И поэтому правильная оценка Толстого возможна только с точки зрения того класса, который своей политической ролью и своей борьбой во время первой развязки этих противоречий, во время революции, доказал свое призвание быть вождем в борьбе за свободу народа и за освобождение масс от эксплуатации, — доказал свою беззаветную преданность делу демократии и свою способность борьбы с ограниченностью и непоследовательностью буржуазной (в том числе и крестьянской) демократии, — возможна только с точки зрения социал-демократического пролетариата.

Посмотрите на оценку Толстого в правительственных газетах. Они льют крокодиловы слезы, уверяя в своем уважении к «великому писателю» и в то же время защищая «святейший» синод. А святейшие отцы только что проделали особенно гнусную мерзость, подсылая попов к умирающему, чтобы надуть народ и сказать, что Толстой «раскаялся». Святейший синод отлучил Толстого от церкви [9]. Тем лучше. Этот подвиг зачтется ему в час народной расправы с чиновниками в рясах, жандармами во Христе, с темными инквизиторами, которые поддерживали еврейские погромы и прочие подвиги черносотенной царской шайки.

Посмотрите на оценку Толстого либеральными газетами. Они отделываются теми пустыми, казенно-либеральными, избито-профессорскими фразами о «голосе цивилизованного человечества», о «единодушном отклике мира», об «идеях правды, добра» и т. д., за которые так бичевал Толстой — и справедливо бичевал — буржуазную науку. Они *не могут* высказать прямо и ясно своей оценки взглядов Толстого на государство, на церковь, на частную поземельную собственность, на капитализм, — не потому, что мешает цензура; наоборот, цензура помогает им выйти из затруднения! — а потому, что каждое положение в критике Толстого есть пощечина буржуазному либерализму; — потому, что одна уже безбоязненная, открытая, беспощадно-резкая *постановка* Толстым самых больных, самых проклятых вопросов нашего времени *бьет в лицо* шаблонным фразам, избитым вывертам, уклончивой, «цивилизованной» лжи нашей либеральной (и либе-

рально-народнической) публицистики. Либералы горой за Толстого, горой против синода — и вместе с тем они за... веховцев, с которыми «можно спорить», но с которыми «надо» ужиться в одной партии, «надо» работать вместе в литературе и в политике. А веховцев лобызает Антоний Волынский [10].

Либералы выдвигают на первый план, что Толстой — «великая совесть». Разве это не пустая фраза, которую повторяют на тысячи ладов и «Новое Время» и все ему подобные? Разве это не обход тех *конкретных* вопросов демократии и социализма, которые Толстым *поставлены?* Разве это не выдвигает на первый план того, что выражает предрассудок Толстого, а не его разум, что принадлежит в нем прошлому, а не будущему, его отрицанию политики и его проповеди нравственного самоусовершенствования, а не его бурному протесту против всякого классового господства?

Умер Толстой, и отошла в прошлое дореволюционная Россия, слабость и бессилие которой выразились в философии, обрисованы в произведениях гениального художника. Но в его наследстве есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему. Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат. Он разъяснит массам трудящихся и эксплуатируемых значение толстовской критики государства, церкви, частной поземельной собственности — не для того, чтобы массы ограничивались самоусовершенствованием и воздыханием о божецкой жизни, а для того, чтобы они поднялись для нанесения нового удара царской монархии и помещичьему землевладению, которые в 1905 году были только слегка надломаны и которые надо уничтожить. Он разъяснит массам толстовскую критику капитализма — не для того, чтобы массы ограничились проклятиями по адресу капитала и власти денег, а для того, чтобы они научились опираться на каждом шагу своей жизни и своей борьбы на технические и социальные завоевания капитализма, научились сплачиваться в единую миллионную армию социалистических борцов, которые свергнут капитализм и создадут новое общество без нищеты народа, без эксплуатации человека человеком.

Напечатано в ЦО РСДРП «Социал-Демократ» 16 (29) ноября 1910 г. в качестве передовой.

Ц. с. с., т. 20, с. 19—24.

НЕ НАЧАЛО ЛИ ПОВОРОТА?

Настоящий номер был уже сверстан, когда мы получили петербургские и московские газеты от 12 ноября. Как ни недостаточны сведения легальной печати, но из них вытекает все же несомненно, что в целом ряде городов произошли студенческие

сходки, манифестации, уличные шествия с протестом против смертной казни, с речами против правительства. Петербургская демонстрация 11 ноября, даже по сведениям держащих себя совершенно по-октябристски «Русских Ведомостей» [11], собрала *не менее 10 000 человек* на Невском. Та же газета сообщает, что на Петербургской стороне «у Народного дома к шествию присоединилось много рабочих. У Тучкова моста шествие остановилось. Полицейский отряд никак не мог остановить шествие, и толпа прошла с пением и флагами на Большой проспект Васильевского острова. Только у университета полиции удалось рассеять толпу».

Полиция и войска вели себя, разумеется, истинно-русски.

Откладывая до следующего номера оценку этого несомненного демократического подъема, мы не можем не сказать здесь нескольких слов об отношении разных партий к демонстрации. «Русские Ведомости», поместившие 11-го *ложное* известие, что демонстрация отменена, сообщают 12-го, будто с.-д. не приняли никакого постановления, а отдельные депутаты из них даже высказывали свое отрицательное отношение, и лишь одни трудовики в принятой резолюции сочли невозможным препятствовать демонстрации. Мы не сомневаемся, что это позорящее наших с.-д. депутатов сообщение ложно; вероятно, оно так же злостно выдумано «*Русскими Ведомостями*», как и их вчерашнее сообщение об отмене демонстрации. «Голос Москвы» [12] сообщает 12-го, что, «за исключением с.-д., депутаты всех партий относятся отрицательно к выступлению студенчества на улицах».

Ясно, что кадетские и октябристские органы сугубо «уклоняются от истины», будучи запуганы совершенно нелепыми, смешными криками правых о том, что «пружины, готовящие демонстрацию, нажимаются из Таврического дворца».

А что кадеты вели себя недостойно, это — факт. «Речь» поместила 11-го, в день демонстрации, воззвание депутатов к.-д., приглашающее не устраивать демонстрации. Мотивировка и в этом воззвании и в передовице «Речи» поистине подлая: «не омрачать» скорбных дней! «устраивать манифестации, соединять их с памятью Толстого» — значит обнаруживать «отсутствие искренней любовности к священной памяти»!! и т. д. в чисто октябристском духе (сравните передовицу от 11-го в «Голосе Москвы» с почти буквально тождественными фразами).

К счастью, подлая подножка, подставленная демократии кадетами, не удалась. Демонстрация все же состоялась. И если полицейская «Россия» [13] продолжает винить во всем кадетов, ухитряясь даже в их воззвании видеть «разжигание», то в Думе, по словам «Голоса Москвы», и октябристы и крайние правые (Шульгин) оценили *заслугу* кадетов, признали их «противниками демонстрации».

Кого весь ход русской революции не научил тому, что дело освободительного движения в России *безнадежно*, пока им руко-

водят кадеты, пока он не умеет оберечь себя от измен кадетов, тот пусть учится снова и снова на фактах современной политики, на истории демонстрации 11-го ноября.

Первое же начало демократического подъема — начало кадетских гнусностей.

Отметим еще сообщение «Голоса Москвы», что рабочие предложили будто бы студентам устроить грандиозную демонстрацию 14-го. Доля правды тут, наверное, есть, ибо сегодня (15 (28) ноября) парижские газеты сообщают об аресте в С.-Петербурге 13-ти членов бюро профессиональных союзов за *попытку* организовать рабочую манифестацию.

Напечатано в ЦО РСДРП «Социал-Демократ» 16 (29) ноября 1910 г.

П. с. с., т. 20, с. 1—3.

Л. Н. ТОЛСТОЙ И СОВРЕМЕННОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Русские рабочие почти во всех больших городах России уже откликнулись по поводу смерти Л. Н. Толстого и выразили, так или иначе, свое отношение к писателю, который дал ряд самых замечательных художественных произведений, ставящих его в число великих писателей всего мира, — к мыслителю, который с громадной силой, уверенностью, искренностью *поставил* целый ряд вопросов, касающихся основных черт современного политического и общественного устройства. В общем и целом это отношение выражено в напечатанной в газетах телеграмме, посланной рабочими депутатами III Думы[14].

Л. Толстой начал свою литературную деятельность при существовании крепостного права, но уже в такое время, когда оно явно доживало последние дни. Главная деятельность Толстого падает на тот период русской истории, который лежит между двумя поворотными пунктами ее, между 1861 и 1905 годами. В течение этого периода следы крепостного права, прямые переживания его насквозь проникали собой всю хозяйственную (особенно деревенскую) и всю политическую жизнь страны. И в то же время именно этот период был периодом усиленного роста капитализма снизу и насаждения его сверху.

В чем сказывались переживания крепостного права? Больше всего и яснее всего в том, что в России, стране по преимуществу земледельческой, земледелие было за это время в руках разоренных, обнищалых крестьян, которые вели устарелое, первобытное хозяйство на старых крепостных наделах, урезанных в пользу помещиков в 1861 году. А, с другой стороны, земледелие было в руках помещиков, которые в центральной России обрабатывали земли трудом крестьян, крестьянской сохой, крестьянской ло-

шадью за «отрезные земли», за покосы, за водопои и т. д. В сущности, это — старая крепостническая система хозяйства. Политический строй России за это время был тоже насквозь пропитан крепостничеством. Это видно и по государственному устройству до первых приступов к изменению его в 1905 году, и по преобладающему влиянию дворян-землевладельцев на государственные дела, и по всевластию чиновников, которые тоже были главным образом — особенно высшие — из дворян-землевладельцев.

Эта старая патриархальная Россия после 1861 года стала быстро разрушаться под влиянием мирового капитализма. Крестьяне голодали, вымирали, разорялись, как никогда прежде, и бежали в города, забрасывая землю. Усиленно строились железные дороги, фабрики и заводы, благодаря «дешевому труду» разоренных крестьян. В России развивался крупный финансовый капитал, крупная торговля и промышленность.

Вот эта быстрая, тяжелая, острая ломка всех старых «устоев» старой России и отразилась в произведениях Толстого-художника, в воззрениях Толстого-мыслителя.

Толстой знал превосходно деревенскую Россию, быт помещика и крестьянина. Он дал в своих художественных произведениях такие изображения этого быта, которые принадлежат к лучшим произведениям мировой литературы. Острая ломка всех «старых устоев» деревенской России обострила его внимание, углубила его интерес к происходящему вокруг него, привела к перелому всего его миросозерцания. По рождению и воспитанию Толстой принадлежал к высшей помещичьей знати в России,— он порвал со всеми привычными взглядами этой среды и, в своих последних произведениях, обрушился с страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии, которые сверху донизу пропитывают всю современную жизнь.

Критика Толстого не нова. Он не сказал ничего такого, что не было бы задолго до него сказано и в европейской и в русской литературе теми, кто стоял на стороне трудящихся. Но своеобразие критики Толстого и ее историческое значение состоит в том, что она с такой силой, которая свойственна только гениальным художникам, выражает ломку взглядов самых широких народных масс в России указанного периода и именно деревенской, крестьянской России. Ибо критика современных порядков у Толстого отличается от критики тех же порядков у представителей современного рабочего движения именно тем, что Толстой стоит на точке зрения патриархального, наивного крестьянина, Толстой переносит его психологию в свою критику, в свое учение. Критика Толстого потому отличается такой силой чувства, такой страстностью, убедительностью, свежестью, искренностью, бесстрашием в стремлении «дойти до корня», найти настоящую причину бедствий масс, что эта критика действительно отражает пере-

лом во взглядах миллионов крестьян, которые только что вышли на свободу из крепостного права и увидели, что эта свобода означает новые ужасы разорения, голодной смерти, бездомной жизни среди городских «хитровцев»[15] и т. д. Толстой отражает их настроение так верно, что сам в свое учение вносит их наивность, их отчуждение от политики, их мистицизм, желание уйти от мира, «непротивление злу», бессильные проклятья по адресу капитализма и «власти денег». Протест миллионов крестьян и их отчаяние — вот что слилось в учении Толстого.

Представители современного рабочего движения находят, что протестовать им есть против чего, но отчаиваться не в чем. Отчаяние свойственно тем классам, которые гибнут, а класс наемных рабочих неизбежно растет, развивается и крепнет во всяком капиталистическом обществе, в том числе и в России. Отчаяние свойственно тем, кто не понимает причин зла, не видит выхода, не способен бороться. Современный промышленный пролетариат к числу таких классов не принадлежит.

Напечатано в газете «Наш Путь» 28 ноября 1910 г. *П. с. с., т. 20, с. 38—41.*

Из статьи
«НАЧАЛО ДЕМОНСТРАЦИЙ»

...С лета текущего года начинается опять подъем. Число экономических стачечников *возрастает* и возрастает очень сильно. Полоса *полного* господства черносотенной реакции кончилась. Начинается полоса нового подъема. Пролетариат, *отступавший* — хотя и с большими перерывами — с 1905 по 1909 год, собирается с силами и начинает переходить в *наступление*. Оживление в некоторых отраслях промышленности сейчас же ведет к оживлению пролетарской борьбы.

Пролетариат начал. Другие, буржуазные, демократические классы и слои населения, продолжают. Смерть умеренно-либерального, чуждого демократии, председателя I Думы, Муромцева, вызывает первое робкое начало манифестаций. Смерть Льва Толстого вызывает — впервые после долгого перерыва — *уличные демонстрации* с участием преимущественно студенчества, но отчасти также и рабочих. Прекращение работы целым рядом фабрик и заводов в день похорон Толстого показывает начало, хотя и очень скромное, демонстративных забастовок.

В самое последнее время зверства царских тюремщиков, истязавших в Вологде и Зерентуе наших товарищей каторжан, преследуемых за их геройскую борьбу в революции, подняли еще выше брожение среди студентов. Повсюду в России происходят сходки и митинги, полиция силой врывается в университеты, избивает учащихся, арестует их, преследует газеты за малейшее

правдивое слово о волнениях и всем этим только усиливает волнения.

Пролетариат начал. Демократическая молодежь продолжает. Русский народ просыпается к новой борьбе, идет навстречу новой революции...

Напечатано в «Рабочей Газете» 18 (31) декабря 1910 г. в качестве передовой. *П. с. с., т. 20, с. 74—75.*

ТОЛСТОЙ И ПРОЛЕТАРСКАЯ БОРЬБА

Толстой с огромной силой и искренностью бичевал господствующие классы, с великой наглядностью разоблачал внутреннюю ложь всех тех учреждений, при помощи которых держится современное общество: церковь, суд, милитаризм, «законный» брак, буржуазную науку. Но его учение оказалось в полном противоречии с жизнью, работой и борьбой могильщика современного строя, пролетариата. Чья же точка зрения отразилась в проповеди Льва Толстого? Его устами говорила вся та многомиллионная масса русского народа, которая *уже* ненавидит хозяев современной жизни, но которая *еще* не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца, непримиримой борьбы с ними.

История и исход великой русской революции показали, что именно таковой была та масса, которая оказалась *между* сознательным, социалистическим пролетариатом и решительными защитниками старого режима. Эта масса,— главным образом, крестьянство,— показала в революции, как велика в ней ненависть к старому, как живо ощущает она все тягости современного режима, как велико в ней стихийное стремление освободиться от них и найти лучшую жизнь.

И в то же время эта масса показала в революции, что в своей ненависти она недостаточно сознательна, в своей борьбе непоследовательна, в своих поисках лучшей жизни ограничена узкими пределами.

Великое народное море, взволновавшееся до самых глубин, со всеми своими слабостями и всеми сильными своими сторонами отразилось в учении Толстого.

Изучая художественные произведения Льва Толстого, русский рабочий класс узнает лучше своих врагов, а разбираясь в *учении* Толстого, весь русский народ должен будет понять, в чем заключалась его собственная слабость, не позволившая ему довести до конца дело своего освобождения. Это нужно понять, чтобы идти вперед.

Этому-то движению вперед мешают все те, кто объявляет Толстого «общей совестью», «учителем жизни». Это — ложь, которую сознательно распространяют либералы, желающие использовать противореволюционную сторону учения Толстого. Эту

ложь о Толстом, как «учителе жизни», повторяют за либералами и некоторые бывшие социал-демократы.

Только тогда добьется русский народ освобождения, когда поймет, что не у Толстого надо ему учиться добиваться лучшей жизни, а у того класса, значения которого не понимал Толстой и который единственно способен разрушить ненавистный Толстому старый мир,— у пролетариата.

Напечатано в «Рабочей Газете» 18 (31) декабря 1910 г. *П. с. с., т. 20, с. 70—71.*

ГЕРОИ «ОГОВОРОЧКИ»

Только что полученная нами десятая книжка журнала г. Потресова и К°, «Нашей Зари», дает такие поразительные образчики беззаботности, а вернее: беспринципности в оценке Льва Толстого, на которых необходимо немедленно, хотя бы и вкратце, остановиться.

Вот статья нового ратника потресовской рати, В. Базарова [16]. Редакция не согласна с «отдельными положениями» этой статьи, не указывая, конечно, каковы эти положения. Так ведь много удобнее для прикрытия путаницы![17] Что касается до нас, то мы затрудняемся указать такие положения этой статьи, которыми мог бы не возмутиться человек, хоть капельку дорожащий марксизмом. «Наша интеллигенция,— пишет В. Базаров,— разбитая и раскисшая, обратившаяся в какую-то бесформенную умственную и нравственную слякоть, достигшая последней грани духовного разложения, единодушно признала Толстого — *всего* Толстого — своей совестью». Это — неправда. Это — фраза. Наша интеллигенция вообще, и интеллигенция «Нашей Зари» в частности, очень похожа на «раскисшую», но никакого «единодушия» в оценке Толстого она не проявила и не могла проявить, никогда *всего* Толстого правильно не оценивала и не могла оценить. И именно отсутствие единодушия прикрывается сугубо лицемерной, вполне достойной «*Нового Времени*», фразой о «совести». Базаров не борется со «слякотью», а поощряет слякоть.

Базарову «хочется напомнить о некоторых несправедливостях (!!) по отношению к Толстому, в которых повинны русские интеллигенты вообще, а мы, радикалы разных толков, в особенности». Тут правды только то, что Базаров, Потресов и К° суть именно «радикалы разных толков», настолько зависимые от всеобщей «слякоти», что во время самого непростительного замалчивания коренных непоследовательностей и слабостей миросозерцания Толстого они петушком, петушком бегут за «всеми», крича о «несправедливости» к Толстому. Они не хотят опьянять себя «тем особенно распространенным среди нас наркотиком, который Толстой называет «озлоблением спора»»,— это как раз такие речи, такие напевы, которые требуются обывателями, с бесконечным

презрением отворачивающимися от спора из-за каких бы то ни было целиком и последовательно отстаиваемых принципов.

«Главная сила Толстого в том и состоит, что он, пройдя через все ступени типичного для современных образованных людей разложения, сумел найти синтез...». Неправда. Именно синтеза ни в философских основах своего миросозерцания, ни в своем общественно-политическом учении Толстой не сумел, вернее: не мог найти. «Толстой впервые (!) объективировал, т. е. создал не только для себя, но и для других, ту *чисто человеческую* (курсив везде самого Базарова) религию, о которой Конт, Фейербах и другие представители современной культуры могли только субъективно (!) мечтать» и т. д., и т. д.

Этакие речи хуже, чем обычная обывательщина. Это — припаряживание «слякоти» фальшивыми цветами, способное только ввести в обман людей. Более полувека тому назад Фейербах, не умея «найти синтеза» в своем миросозерцании, представлявшем во многих отношениях «последнее слово» немецкой классической философии, запутался в тех «субъективных мечтах», отрицательное значение которых давно уже было оценено действительно передовыми «представителями современной культуры»[18]. Объявить теперь, что Толстой «впервые объективировал» эти «субъективные мечтания», значит уходить в лагерь поворачивающих вспять, значит льстить обывательщине, значит подпевать веховщине.

«Само собою разумеется, основанное Толстым движение (!?) должно претерпеть глубокие перемены, если ему действительно суждено сыграть великую всемирно-историческую роль: идеализация патриархально-крестьянского быта, тяготение к натуральному хозяйству и многие другие утопические черты толстовства, которые в настоящее время выпячиваются (!) на первый план и кажутся самым существенным, в действительности являются как раз субъективными элементами, не связанными необходимой связью с основой толстовской «религии»».

Итак, «субъективные мечты» Фейербаха Толстой «объективировал», а то, что Толстой отразил и в своих гениальных художественных произведениях и в своем полном противоречий учении, отмеченные Базаровым экономические особенности России прошлого века, это «как раз субъективные элементы» в его учении. Вот что называется попасть пальцем в небо. Но и то сказать: для «интеллигенции, разбитой и раскисшей» (и т. д., как выше цитировано), нет ничего приятнее, желательнее, милее, нет ничего более потворствующего ее раскислости, чем это возвеличение «объективированных» Толстым «субъективных мечтаний» Фейербаха и это *отвлечение* внимания от тех конкретных историко-экономических и политических вопросов, которые «в настоящее время выпячиваются на первый план»!

Понятно, что Базарову особенно не нравится «резкая критика», которую вызвало учение о непротивлении злу «со стороны радикальной интеллигенции». Для Базарова «ясно, что о пассивности и квиетизме тут говорить не приходится». Поясняя свою мысль,

Базаров ссылается на известную сказку об «Иване Дураке» [19] и предлагает читателю «представить себе, что солдат посылает на дураков не тараканский царь, а их собственный поумневший повелитель Иван, что при помощи этих солдат, набранных из самих же дураков и, следовательно, близких к ним по всему своему душевному складу, Иван хочет принудить своих подданных к выполнению каких-либо неправедных требований. Совершенно очевидно, что дуракам, почти безоружным и не знакомым с ратным строем, нечего и мечтать о физической победе над войском Ивана. Даже при условии самого энергичного «сопротивления с насилием» дураки могут победить Ивана не физическим, а только моральным воздействием, т. е. только путем так называемой «деморализации» солдат Иванова войска»... «Сопротивление дураков с насилием достигает того же результата (но только хуже и с большими жертвами), как и сопротивление без насилия»... «Непротивление злу насилием или, общее, гармония средства и цели (!!) отнюдь не является идеей, свойственной только внеобщественным моральным проповедникам. Идея эта есть необходимая составная часть всякого цельного миросозерцания».

Так рассуждает новый ратник потресовской рати. Разбирать его рассуждения мы здесь не можем, да, пожалуй, достаточно на первый раз просто воспроизвести из них главное и добавить три слова: это — чистейшая веховщина.

Из заключительных аккордов кантаты на тему о том, что уши выше лба не растут: «Незачем изображать нашу слабость в виде силы, в виде превосходства над «квиетизмом» и «ограниченной рассудочностью» (а над непоследовательностью рассуждений?) Толстого. Этого не следует говорить не только потому, что это противоречит истине, но и потому также, что это мешает нам учиться у величайшего человека нашего времени».

Так. Так. Не к чему только сердиться, господа, и отвечать смешной бравадой и бранью (как г. Потресов в №№ 8—9 «Нашей Зари»), если вас благословляют, одобряют и лобызают Изгоевы. От этих лобызаний и старым и новым ратникам потресовской рати не очиститься.

Генеральный штаб этой рати снабдил «дипломатической» оговорочкой статью Базарова. Но немногим лучше помещенная без всяких оговорочек передовица г. Неведомского. «Вобрав в себя,— пишет сей вития современной интеллигенции,— и воплотив в законченном виде основные аспирации и стремления великой эпохи падения рабства в России, Лев Толстой оказался и чистейшим, законченнейшим воплощением общечеловеческого идеологического начала — *начала совести*».

Бум, бум, бум... Вобрав в себя и воплотив в законченном виде основные манеры декламации, свойственные либерально-буржуазной публицистике, М. Неведомский оказался и чистейшим, законченнейшим воплощением общечеловеческого идеологического начала — начала празднословия.

Еще одно, последнее сказанье:

«Все эти европейские поклонники Толстого, все эти Анатоли Франсы разных наименований, и палаты депутатов, недавно голосовавшие огромным большинством против отмены смертной казни, а теперь почтившие вставанием великого *цельного* человека, все это царство промежуточности, половинчатости, оговорочности — какой величавой, какой мощной, вылитой из единого чистого металла, фигурой стоит перед ними этот Толстой, это живое воплощение единого принципа».

Уф! Говорит красно — и все ведь это неправда. Не из единого, не из чистого и не из металла отлита фигура Толстого. И «все эти» буржуазные поклонники *как раз* не за «цельность», как раз за отступление от цельности «почтили вставанием» его память.

Одно только хорошее словечко нечаянно сболтнул г. Неведомский. Это словечко — оговорочность — так же хорошо аттестует господ из «Нашей Зари», как аттестует *их* вышеприведенная характеристика интеллигенции у В. Базарова. Перед нами сплошь и целиком — герои «оговорочки»[20]. Потресов оговаривается, что не согласен с махистами, хотя и защищает их. Редакция оговаривается, что не согласна с «отдельными положениями» Базарова, хотя всякому ясно, что дело тут не в отдельных положениях. Потресов оговаривается, что его оклеветал Изгоев. Мартов оговаривается, что он не вполне согласен с Потресовым и Левицким, хотя именно им он служит верную политическую службу. Все они вместе оговариваются, что не согласны с Череваниным, хотя больше одобряют его *вторую* ликвидаторскую книжку, усугубляющую «дух» первого его детища. Череванин оговаривается, что не согласен с Масловым. Маслов оговаривается, что не согласен с Каутским.

Все они вместе согласны только в том, что они не согласны с Плехановым и что он клеветнически обвиняет их в ликвидаторстве, сам будто бы не будучи в состоянии объяснить своего теперешнего сближения с его вчерашними противниками.

Нет ничего проще, чем объяснение этого сближения, непонятного для людей оговорочных. Когда у нас был локомотив, мы расходились самым сильным образом относительно того, соответствует ли крепости сего локомотива, запасам топлива и т. д. быстрота, скажем, в 25 или в 50 верст в час. Спор об этом, как о всяком горячо волнующем вопросе, велся со страстью и нередко с озлоблением. Спор этот — решительно по каждому вопросу, по которому он возникал, — у всех на виду, всем открыт, договорен до конца, не замазан никакими «оговорочками». И никому из нас не приходит в голову брать что-либо назад или хныкать по поводу «озлобления спора». Но когда локомотиву случилось потерпеть поломку, когда он лежит в болоте, окруженный «оговорочными» интеллигентами, подло хихикающими по поводу того, что «и ликвидировать нечего», ибо локомотива уже нет, тогда нас, вчерашних «озлобленных спорщиков», сближает одно общее дело. Ни от чего не отрекаясь, ничего не забывая, никаких обещаний об исчезно-

вении разногласий не делая, мы общее дело делаем вместе. Мы все внимание и все усилия направляем на то, чтобы локомотив поднять, чтобы его обновить, укрепить, усилить, поставить на рельсы — о скорости движения и о повороте тех или иных стрелок успеем поспорить в свое время. Задача дня в наше трудное время — создать нечто, способное дать отпор «оговорочным» людям и «раскислым интеллигентам», поддерживающим прямо и косвенно царящую «слякоть». Задача дня — копать, хотя бы при самых тяжелых условиях, руду, добывать железо, отливать сталь марксистского миросозерцания и надстроек, сему миросозерцанию соответствующих.

Напечатано в журнале «Мысль» № 1, в декабре 1910 г. *П. с. с., т. 20, с. 90—95.*

Л. Н. ТОЛСТОЙ И ЕГО ЭПОХА

Эпоха, к которой принадлежит Л. Толстой и которая замечательно рельефно отразилась как в его гениальных художественных произведениях, так и в его учении, есть эпоха после 1861 и до 1905 года. Правда, литературная деятельность Толстого началась раньше и окончилась позже, чем начался и окончился этот период, но Л. Толстой вполне сложился, как художник и как мыслитель, именно в этот период, переходный характер которого породил *все* отличительные черты и произведений Толстого и «толстовщины».

Устами К. Левина в «Анне Карениной» Л. Толстой чрезвычайно ярко выразил, в чем состоял перевал русской истории за эти полвека.

«...Разговоры об урожае, найме рабочих и т. п., которые, Левин знал, принято считать чем-то очень низким,.. теперь для Левина казались одни важными. «Это, может быть, неважно было при крепостном праве, или неважно в Англии. В обоих случаях самые условия определены; но у нас теперь, когда все это переворотилось и только укладывается, вопрос о том, как уложатся эти условия, есть единственный важный вопрос в России»,— думал Левин» (Соч., т. X, стр. 137) [21].

«У нас теперь все это переворотилось и только укладывается», — трудно себе представить более меткую характеристику периода 1861—1905 годов. То, что «переворотилось», хорошо известно, или, по крайней мере, вполне знакомо всякому русскому. Это — крепостное право и весь «старый порядок», ему соответствующий. То, что «только укладывается», совершенно незнакомо, чуждо, непонятно самой широкой массе населения. Для Толстого этот «только укладывающийся» буржуазный строй рисуется смутно в виде пугала — Англии. Именно: пугала, ибо всякую попытку выяснить себе основные черты общественного строя в этой «Англии», связь этого строя с господством капитала, с ролью денег, с появлением и развитием обмена, Толстой отвергает, так сказать,

принципиально. Подобно народникам, он не хочет видеть, он закрывает глаза, отвертывается от мысли о том, что «укладывается» в России никакой иной, как буржуазный строй.

Справедливо, что если не «единственно важным», то важнейшим с точки зрения ближайших задач всей общественно-политической деятельности в России для периода 1861—1905 годов (да и для нашего времени) был вопрос, «как уложится» этот строй, буржуазный строй, принимающий весьма разнообразные формы в «Англии», Германии, Америке, Франции и т. д. Но для Толстого такая определенная, конкретно-историческая постановка вопроса есть нечто совершенно чуждое. Он рассуждает отвлеченно, он допускает только точку зрения «вечных» начал нравственности, вечных истин религии, не сознавая того, что эта точка зрения есть лишь идеологическое отражение старого («переворотившегося») строя, строя крепостного, строя жизни восточных народов.

В «Люцерне» (писано в 1857 году) Л. Толстой объявляет, что признание «цивилизации» благом есть «воображаемое знание», которое «уничтожает инстинктивные, блаженнейшие первобытные потребности добра в человеческой натуре». «Один, только один есть у нас непогрешимый руководитель,— восклицает Толстой,— Всемирный Дух, проникающий нас» (Соч., II, 125) [22].

В «Рабстве нашего времени» (писано в 1900 году) Толстой, повторяя еще усерднее эти апелляции к Всемирному Духу, объявляет «мнимой наукой» политическую экономию за то, что она берет за «образец» «маленькую, находящуюся в самом исключительном положении, Англию»,— вместо того, чтобы брать за образец «положение людей всего мира за все историческое время» [23]. Каков этот «весь мир», это нам открывает статья «Прогресс и определение образования» (1862 г.). Взгляд «историков», будто прогресс есть «общий закон для человечества», Толстой побивает ссылкой на «весь так называемый Восток» (IV, 162). «Общего закона движения вперед человечества нет,— заявляет Толстой,— как то нам доказывают неподвижные восточные народы» [24].

Вот именно идеологией восточного строя, азиатского строя и является толстовщина в ее реальном историческом содержании. Отсюда и аскетизм, и непротивление злу насилием, и глубокие потки пессимизма, и убеждение, что «все — ничто, все — материальное ничто» («О смысле жизни», стр. 52) [25], и вера в «Дух», «начало всего», по отношению к каковому началу человек есть лишь «работник», «приставленный к делу спасения своей души», и т. д. Толстой верен этой идеологии и в «Крейцеровой сонате», когда он говорит: «эмансипация женщины не на курсах и не в палатах, а в спальне» [26],— и в статье 1862 года, объявляющей, что университеты готовят только «раздраженных, больных либералов», которые «совсем не нужны народу», «бесцельно оторваны от прежней среды», «не находят себе места в жизни» и т. п. (IV, 136—137) [27].

Пессимизм, непротивленство, апелляция к «Духу» есть идеология, неизбежно появляющаяся в такую эпоху, когда весь ста-

рый строй «переворотился» и когда масса, воспитанная в этом старом строе, с молоком матери впитавшая в себя начала, привычки, традиции, верования этого строя, не видит и не может видеть, *каков* «укладывающийся» новый строй, *какие* общественные силы и как именно его «укладывают», какие общественные силы *способны* принести избавление от неисчислимых, особенно острых бедствий, свойственных эпохам «ломки».

Период 1862—1904 годов был именно такой эпохой ломки в России, когда старое бесповоротно, у всех на глазах рушилось, а новое только укладывалось, причем общественные силы, эту укладку творящие, впервые показали себя на деле, в широком общенациональном масштабе, в массовидном, открытом действии на самых различных поприщах лишь в 1905 году. А за событиями 1905 года в России последовали аналогичные события в целом ряде государств того самого «Востока», на «неподвижность» которого ссылался Толстой в 1862 году. 1905 год был началом конца «восточной» неподвижности. Именно поэтому этот год принес с собой исторический конец толстовщине, конец всей той эпохе, которая могла и должна была породить учение Толстого — не как индивидуальное нечто, не как каприз или оригинальничанье, а как идеологию условий жизни, в которых действительно находились миллионы и миллионы в течение известного времени.

Учение Толстого безусловно утопично и, по своему содержанию, реакционно в самом точном и в самом глубоком значении этого слова. Но отсюда вовсе не следует ни того, чтобы это учение не было социалистическим, ни того, чтобы в нем не было критических элементов, способных доставлять ценный материал для просвещения передовых классов.

Есть социализм и социализм. Во всех странах с капиталистическим способом производства есть социализм, выражающий идеологию класса, идущего на смену буржуазии, и есть социализм, соответствующий идеологии классов, которым идет на смену буржуазия. Феодальный социализм есть, например, социализм последнего рода, и характер *такого* социализма давно, свыше 60 лет тому назад, оценен был Марксом наряду с оценкой других видов социализма [28].

Далее. Критические элементы свойственны утопическому учению Л. Толстого так же, как они свойственны многим утопическим системам. Но не надо забывать глубокого замечания Маркса, что значение критических элементов в утопическом социализме «стоит в обратном отношении к историческому развитию». Чем больше развивается, чем более определенный характер принимает деятельность тех общественных сил, которые «укладывают» новую Россию и несут избавление от современных социальных бедствий, тем быстрее критически-утопический социализм «лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания» [29].

Четверть века тому назад критические элементы учения Толстого могли на практике приносить иногда пользу некоторым слоям

населения *вопреки* реакционным и утопическим чертам толстовства. В течение последнего, скажем, десятилетия это не могло быть так, потому что историческое развитие шагнуло не мало вперед с 80-х годов до конца прошлого века. А в наши дни, *после* того, как ряд указанных выше событий положил конец «восточной» неподвижности, в наши дни, когда такое громадное распространение получили сознательно-реакционные, в узкоклассовом, в корыстно-классовом смысле реакционные идеи «веховцев» среди либеральной буржуазии,— когда эти идеи заразили даже часть почитай-что марксистов, создав «ликвидаторское» течение,— в наши дни всякая попытка идеализации учения Толстого, оправдания или смягчения его «непротивленства», его апелляций к «Духу», его призывов к «нравственному самоусовершенствованию», его доктрины «совести» и всеобщей «любви», его проповеди аскетизма и квиетизма и т. п. приносит самый непосредственный и самый глубокий вред.

Напечатано в газете «Звезда» 22 января 1911 г. — *П. с. с., т. 20, с. 100—104.*

Из письма
М. А. УЛЬЯНОВОЙ

19.I. 11.

...У нас все здоровы. Живем по-старому. Вчера читал здесь реферат о Толстом,— может быть, поеду с этим рефератом по Швейцарии в объезд [30]...

Париж. — *П. с. с., т. 55, с. 319.*

Из статьи
«ОБ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ И ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ ПЛАТФОРМЕ»

...Лев Толстой сказал незадолго до своей смерти, и сказал с характерным для худших сторон «толстовщины» сожалением, что русский народ необыкновенно быстро «научился делать революцию» [31]. Мы жалеем только о том, что русский народ не *до*учился этой науке, без которой он целые века может остаться рабом у Пуришкевичей. Но правда то, что русский пролетариат, в своем стремлении к полному социалистическому преобразованию общества, дал русскому народу вообще и русским крестьянам в особенности незаменимые *уроки* в этой науке. Никакие виселицы Столыпина, никакие потуги «веховцев» не заставят забыть этих уроков. Урок дан. Урок усваивается. Урок будет повторен...

Напечатано 18 (31) октября 1911 г. — *П. с. с., т. 20, с. 362.*

Из статьи

«ЕЩЕ ОДНО УНИЧТОЖЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА»

От бурной эпохи 1905 года нас отделяет менее десяти лет, а между тем перемена, которая произошла за это короткое время в России, кажется громадной. Россия как будто сразу превратилась из патриархальной в современную капиталистическую страну. Идеолог старой России, Л. Н. Толстой, выразил это в характерной и забавно-грустной тираде, жалуясь на то, что русский народ «удивительно быстро научился делать революцию и парламенты».

Разумеется, «внезапное» превращение России в буржуазную страну возможно было в течение пяти или десяти лет XX века только потому, что вся вторая половина прошлого века была одним из этапов смены крепостнических порядков буржуазными...

Напечатано в марте 1914 г. *П. с. с., т. 25, с. 33.*

Из работы

«ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО БОРИСУ СУВАРИНУ» [32]

...Наша партия не боится заявить публично, что она встретит сочувствием войны или восстания, которые Ирландия могла бы начать против Англии, Марокко, Алжир, Тунис — против Франции, Триполи — против Италии, Украина, Персия, Китай — против России и т. д.

А социал-шовинисты? А «центристы»? Осмелятся ли они открыто и официально заявить, что они стоят или будут стоять за «защиту отечества» в случае, ежели, например, разразится война между Японией и Соединенными Штатами, война вполне империалистская, которая грозит многим сотням миллионов людей и подготовляется в продолжение десятков лет? Пусть попробуют! Я готов биться об заклад, что они не сделают этого, ибо они слишком хорошо отдают себе отчет в том, что если бы они на это решились, то стали бы посмешищем рабочих масс, были бы освистаны ими и выгнаны из социалистических партий. Вот почему социал-шовинисты и «центристы» будут избегать всякого открытого заявления по этому вопросу и будут продолжать вилять, лгать, запутывать вопрос и отделываться софизмами вроде того, который принят последним конгрессом французской партии в 1915 г.: «Страна, подвергшаяся нападению, имеет право обороняться».

Как будто суть в том — *кто напал первым*, а не в том, *каковы причины войны, цели, которые она себе ставит, и классы, которые ее ведут*. Можно ли, например, допустить, что социалисты могли бы, находясь в здравом уме, признать в 1796 г. право на «защиту отечества» за Англией, когда революционные французские войска стали брататься с ирландцами? А между тем ведь именно французы

нападали в этот момент на Англию, и французская армия готовилась даже к десанту в Ирландии. И можно ли было бы завтра признать право на «защиту отечества» за Россией и за Англией, если вслед за тем, как они получили урок от Германии, на них напала бы Персия в союзе с Индией, Китаем и другими революционными народами Азии, совершающими свой 1789 и свой 1793 годы?

Таков мой ответ на прямо-таки смешное обвинение, сделанное нам, будто мы разделяем идеи Толстого. Наша партия отвергла как толстовское учение, так и пацифизм, заявив, что социалисты должны в настоящей войне стремиться превратить ее в гражданскую войну пролетариата против буржуазии, за социализм.

Если вы мне скажете, что это утопия, я вам отвечу, что, очевидно, буржуазия Франции, Англии и т. д. не разделяет вашего мнения, ибо она не стала бы, конечно, играть гнусную и смешную роль, доходя до заключения в тюрьму и мобилизации «пацифистов», если бы она не предчувствовала и не предвидела неотвратимого и непрестанного нарастания революции и ее близкого наступления.

Написано во второй половине декабря 1916 г. — *П. с. с., т. 30, с. 264—265.*

Из речи

НА 2-м ВСЕРОССИЙСКОМ СОВЕЩАНИИ ОТВЕТСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАТОРОВ ПО РАБОТЕ В ДЕРЕВНЕ

12 ИЮНЯ 1920 г.

...Что касается международного положения республики, то вы, конечно, очень осведомлены относительно основных фактов, касающихся польского наступления. За границей распространяется неслыханное количество лжи по этому вопросу благодаря так называемой свободе печати, которая состоит в том, что все главные органы печати за границей скуплены капиталистами и заполнены на 99 процентов статьями продажных писак. Это у них называется свободой печати, и благодаря этому нет той лжи, которая не была бы распространена. В частности, относительно польского наступления дело изображается так, что большевики предъявили Польше неисполнимые требования и начали наступление, тогда как вы все прекрасно знаете, что мы вполне соглашались даже на те необъятные границы, которые до начала наступления были поляками заняты. Мы ставили сохранение жизни наших красноармейцев выше войны из-за Белоруссии и Литвы, которые поляками были захвачены. Мы самым торжественным образом не только от имени Совнаркома, но и в специальном манифесте от ВЦИК, от нашего высшего учреждения Советской республики, заявили польскому правительству, буржуазному помещичьему

правительству, независимо от нашего обращения к польским рабочим и крестьянам, что мы предлагаем мирные переговоры на основе того фронта, который тогда был, т. е. того фронта, который Литву и Белоруссию, непольские земли, оставлял полякам; мы были уверены и продолжаем сейчас быть уверены, что польским помещикам и капиталистам чужих земель не удержать и что путем даже самого невыгодного для нас мира мы выиграем больше, сберегая жизнь наших красноармейцев, ибо мы от каждого месяца мира усиливаемся в десятки раз, а всякое иное правительство, в том числе буржуазное правительство Польши, от каждого месяца мира разлагается все больше и больше. Несмотря на то, что наши предложения в области мира шли чрезвычайно далеко, несмотря на то, что некоторые из очень торопливых и по части языка в высокой мере революционных революционеров называли даже наши предложения толстовскими, хотя на самом деле большевики, кажется, своей деятельностью достаточно доказали, что толстовщины в нас никто не найдет ни одного грана, мы считали своим долгом перед таким делом, как война, доказать, что мы идем на максимально возможные уступки и в особенности доказать, что из-за границ, из-за которых проливалось столько крови, мы воевать не станем, для нас это дело двадцатистепенное...

П. с. с., т. 41, с. 138—139.

ИЗ СТАТЕЙ, ВЫСТУПЛЕНИЙ И ПИСЕМ ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА

Из статьи

«ПОПЯТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РУССКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ» [1]

...История рабочего движения всех стран показывает, что раньше всего и легче всего воспринимают идеи социализма наилучше поставленные слои рабочих. Из них главным образом берутся те рабочие-передовики, которых выдвигает всякое рабочее движение, рабочие, умеющие приобретать полное доверие рабочих масс, рабочие, которые посвящают себя всецело делу просвещения и организации пролетариата, рабочие, которые вполне сознательно воспринимают социализм и которые даже самостоятельно вырабатывали социалистические теории. Всякое жизненное рабочее движение выдвигало таких вождей рабочих, своих Прудонов и Вальянов, Вейтлингов и Бебелей. И наше русское рабочее движение обещает не отстать в этом отношении от европейского. В то время, как образованное общество теряет интерес к честной, нелегальной литературе, среди рабочих растет страстное стремление к знанию и к социализму, среди рабочих выделяются настоящие герои, которые — несмотря на безобразную обстановку своей жизни, несмотря на отупляющую каторжную работу на фабрике, — находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться и вырабатывать из себя сознательных социал-демократов, «рабочую интеллигенцию». В России уже есть эта «рабочая интеллигенция», и мы должны приложить все усилия к тому, чтобы ее ряды постоянно расширялись, чтобы ее высокие умственные запросы вполне удовлетворялись, чтобы из ее рядов выходили руководители русской социал-демократической рабочей партии. Та газета, которая хотела бы стать органом всех русских социал-демократов, должна стоять поэтому на уровне передовых рабочих; она не только не должна искусственно понижать своего уровня, а, напротив, постоянно поднимать его, следить за всеми тактическими, политическими и теоретическими вопросами всемирной социал-демократии. Только тогда запросы рабочей интеллигенции будут удовлетво-

ряться, и она сама возьмет в свои руки русское рабочее дело, а *следовательно*, и русское революционное дело.

За численно небольшим слоем передовиков идет широкий слой средних рабочих. И эти рабочие жадно стремятся к социализму, принимают участие в рабочих кружках, читают социалистические газеты и книги, участвуют в агитации, отличаясь от предыдущего слоя только тем, что они не могут стать вполне самостоятельными руководителями социал-демократического рабочего движения. В той газете, которая была бы органом партии, средний рабочий не поймет некоторых статей, не даст себе полного отчета в сложном теоретическом или практическом вопросе. Из этого вовсе не следует, что газета должна была бы понизиться к уровню массы своих читателей. Напротив, газета должна именно поднимать их уровень и помогать выделению из среднего слоя рабочих — рабочих-передовиков. Поглощенный *местной* практической деятельностью, интересуясь всего более хроникой рабочего движения и ближайшими вопросами агитации, такой рабочий должен с каждым своим шагом связывать мысль о всем русском рабочем движении, о его исторической задаче, о конечной цели социализма, и потому газета, массу читателей которой составляют средние рабочие, необходимо должна связывать с каждым местным и узким вопросом — социализм и политическую борьбу.

Написано в конце 1899 г. *П. с. с., т. 4, с. 268—270.*

ПАМЯТИ ГРАФА ГЕЙДЕНА

(ЧЕМУ УЧАТ НАРОД НАШИ БЕСПАРТИЙНЫЕ «ДЕМОКРАТЫ»?) [2]

«Вся прогрессивная печать отнеслась к понесенной Россией тяжелой утрате в лице графа П. А. Гейдена с выражением глубокого соболезнования. Прекрасный образ Петра Александровича привлекал к себе всех порядочных людей без различия партий и направлений. Редкий и счастливый удел!!!» Следует обширная цитата из правокадетских «Русских Ведомостей», где умиляется жизнью и деятельностью «чудного человека» князь Пав. Дм. Долгоруков, один из той долгоруковской породы, представители которой сознались прямо в корнях своего демократизма! Лучше миром поладить с крестьянами, чем дожидаться, пока они сами возьмут землю... «Мы глубоко разделяем чувства горечи, причиненные смертью графа Гейдена всем, кто привык ценить *человека*, в каком бы партийном облачении он ни появлялся. А покойный Гейден был именно прежде всего *человек*».

Так пишет газета «Товарищ» [3] № 296, вторник, 19 июня 1907 г.

Публицисты «Товарища» — не только самые ярые демократы в нашей легальной прессе. Они считают себя социалистами, —

критическими социалистами, конечно. Они — почти что социал-демократы; и меньшевики, Плеханов, Мартов, Смирнов, Переяславский, Дан и проч., и проч., встречают самое радушное гостеприимство в газете, столбцы которой украшают своей подписью гг. Прокопович, Кускова, Португалов и иные «бывшие марксисты». Не подлежит, одним словом, ни малейшему сомнению, что публицисты «Товарища» — самые «левые» представители нашего «просвещенного», чуждого узкой подпольщины, «демократического» и т. д. общества.

И когда попадаются на глаза такие строки, как приведенные выше, — трудно удержаться от восклицания по адресу этих господ: Какое счастье, что мы, большевики, заведомо не принадлежали к кругу *порядочных людей* «Товарища»!

Господа «порядочные люди» российской просвещенной демократии! Вы отупляете русский народ и заражаете его миазмами низкопоклонства и холопства во сто раз более, чем пресловутые черносотенцы, Пуришкевич, Крушеван, Дубровин, с которыми вы ведете такую усердную, такую либеральную, такую дешевенькую, такую выгодную и безопасную для вас войну. Вы пожимаете плечами и обращаетесь ко всем «порядочным людям» вашего общества с пренебрежительной усмешкой по адресу столь «нелепых парадоксов»? Да, да, мы знаем прекрасно, что ничто в мире не способно поколебать вашего пошленького либерального самодовольства. Именно потому и радуемся мы, что нам удалось всей своей деятельностью отгородить себя прочной стеной от круга порядочных людей российского образованного общества.

Можно ли найти примеры того, что черносотенцы развратили и сбили с толку сколько-нибудь широкие слои населения? Нет.

Ни их пресса, ни их союз, ни их собрания, ни выборы в I или II Думу не могли дать таких примеров. Черносотенцы озлобляют насилиями и зверствами, в которых участвуют полиция и войска. Черносотенцы возбуждают к себе ненависть и презрение своими мошенничествами, подвохами, подкупами. Черносотенцы организуют на правительственные деньги кучки и шайки пропойц, способных действовать только с разрешения полиции и по наущению ее. Во всем этом нет и следа сколько-нибудь опасного идейного влияния на сколько-нибудь широкие слои населения.

И, наоборот, столь же несомненно, что такое влияние оказывает наша легальная, либеральная и «демократическая» пресса. Выборы в I и II Государственную думу, собрания, союзы, учебное дело — все доказывает это. А рассуждение «Товарища» по поводу смерти Гейдена показывает воочию, каково это идейное влияние.

«...Тяжелая утрата... прекрасный образ... счастливый удел... был прежде всего *человек*».

Помещик, граф Гейден, благородно либеральничал до октябрьской революции. Сейчас же после первой победы народа, после

17 октября 1905 года, он без малейших колебаний перешел в лагерь контрреволюции, в партию октябристов, в партию озлобленного против крестьян и против демократии помещика и крупного капиталиста. В I Думе сей благородный мужчина защищал правительство, а после разгона первой Думы договаривался, — но не договорился, — об участии в министерстве. Таковы основные крупнейшие этапы в жизненной карьере этого типичного контрреволюционного помещика.

И вот являются прилично одетые, просвещенные и образованные господа, с фразами о либерализме, демократизме, социализме на устах, с речами о сочувствии делу свободы, делу крестьянской борьбы за землю против помещиков, — господа, которые располагают фактически монополией легальной оппозиции в печати, в союзах, на собраниях, на выборах, и проповедуют народу, вознеся очи горе: «Редкий и счастливый удел!.. Покойный граф был прежде всего *человек*».

Да, Гейден был не только человек, но и гражданин, умевший возвышаться до понимания общих интересов своего класса и отстаивать эти интересы весьма умно. А вы, господа просвещенные демократы, вы — просто слезоточивые дурачки, прикрывающие либеральным юродством свою неспособность быть чем-либо иным, как культурными лакеями того же помещичьего класса.

Влияние помещиков на народ не страшно. Обмануть сколько-нибудь широкую рабочую и даже крестьянскую массу сколько-нибудь надолго никогда им не удастся. Но влияние *интеллигенции*, непосредственно не участвующей в эксплуатации, обученной оперировать с общими словами и понятиями, носящейся со всякими «хорошими» заветами, иногда по искреннему тупоумию возводящей свое междуклассовое положение в *принцип* внеклассовых партий и внеклассовой политики, — влияние этой буржуазной интеллигенции на народ опасно. Тут, и только тут есть налицо заражение широких масс, способное принести действительный вред, требующее напряжения всех сил социализма для борьбы с этой отравой.

— Гейден был человек образованный, культурный, гуманный, терпимый, — захлебываются либеральные и демократические слюнтяи, воображая себя возвысившимися над всякой «партийностью», до «общечеловеческой» точки зрения.

Ошибаетесь, почтеннейшие. Эта точка зрения не общечеловеческая, а общехолопская. Раб, сознающий свое рабское положение и борющийся против него, есть революционер. Раб, не сознающий своего рабства и прозябающий в молчаливой, бессознательной и бессловесной рабской жизни, есть просто раб. Раб, у которого слюнки текут, когда он самодовольно описывает прелести рабской жизни и восторгается добрым и хорошим господином, есть холоп, хам. Вот вы именно такие хамы, господа из «Товарища». Вы с омерзительным благодушием умиляетесь тем, что контрреволюционный помещик, поддерживавший контрреволю-

ционное правительство, был образованный и гуманный человек. Вы не понимаете того, что, вместо того, чтобы превращать раба в революционера, вы превращаете рабов в холопов. Ваши слова о свободе и демократии — напускной лоск, заученные фразы, модная болтовня или лицемерие. Это размалеванная вывеска. А сами по себе вы — гробы повапленные. Душонка у вас насквозь хамская, а вся ваша образованность, культурность и просвещенность есть только разновидность квалифицированной проституции. Ибо вы продаете свои души и продаете не только из нужды, но и из «любви к искусству»!

— Гейден был убежденный конституционалист, — умиляетесь вы. Вы лжете или вы уже совершенно одурачены Гейденами. Называть перед народом, публично, убежденным конституционалистом человека, который основывал партию, поддерживавшую правительство Витте, Дубасова, Горемыкина и Столыпина, это все равно, что называть какого-нибудь кардинала убежденным борцом против папы. Вместо того, чтобы учить народ правильному понятию конституции,— вы, демократы, сводите в своих писаниях конституцию к севрюжине с хреном [4]. Ибо не подлежит сомнению, что для контрреволюционного помещика конституция есть именно севрюжина с хреном, есть вид наибольшего усовершенствования приемов ограбления и подчинения мужика и всей народной массы. Если Гейден был убежденным конституционалистом, — значит, Дубасов и Столыпин тоже убежденные конституционалисты, ибо *их* политику *на деле* поддерживал и Гейден. Дубасов и Столыпин не могли бы быть тем, чем они были, не могли бы вести своей политики без поддержки октябристов и Гейдена в том числе. По каким же основаниям, о, великомудрые демократы из «порядочных» людей, надо судить о политической физиономии человека («конституционалист»)? по его речам, по его биению себя в грудь и проливанию крокодиловых слез? или по его действительной деятельности на общественной арене?

Что характерно, что типично для политической деятельности Гейдена? То ли, что он не мог сговориться со Столыпиным об участии в министерстве после разгона I Думы, или то, что он *пошел* после такого акта договариваться со Столыпиным? То ли, что он прежде, тогда-то и тогда-то, говорил такие-то либеральные фразы, или то, что он стал октябристом (= контрреволюционером) сейчас же после 17-го октября? Называя Гейдена убежденным конституционалистом, вы учите народ тому, что первое характерно и типично. А это значит, что вы бессмысленно повторяете отрывки демократических лозунгов, не понимая *азбуки* демократии.

Ибо демократия, — запомните это себе, господа порядочные люди из порядочного общества, — означает борьбу против того самого господства над страной контрреволюционных помещиков, каковое господство поддерживал г. Гейден и воплощал во всей своей политической карьере.

— Гейден был человек образованный, — умиляются наши салонные демократы. Да, мы уже это признали и охотно признаем, что он был образованнее и *умнее* (это не всегда бывает соединено с образованностью) самих демократов, ибо он лучше понимал интересы *своего* класса и *своего* контрреволюционного общественного движения, чем вы, господа из «Товарища», понимаете интересы освободительного движения. Образованный контрреволюционный помещик умел тонко и хитро защищать интересы своего класса, искусно прикрывал флером благородных слов и внешнего джентльменства корыстные стремления и хищные аппетиты крепостников, настаивал (перед Столыпиными) на ограждении этих интересов наиболее цивилизованными формами классового господства. Все свое «образование» Гейден и ему подобные принесли на алтарь служения *помещичьим* интересам. Для действительного демократа, а не для «порядочного» хама из русских радикальных салонов, это могло бы послужить великолепной темой для публициста, показывающего *проституирование* образования в современном обществе.

Когда «демократ» болтает об образованности, он хочет вызвать в уме читателя представление о богатых знаниях, о широком кругозоре, об облагораживании ума и сердца. Для господ Гейденов образование — легонький лак, дрессировка, «натасканность» в джентльменских формах обделывания самых грубых и самых грязных политических гешефтов. Ибо весь октябризм, все «мирнообновленство» [5] Гейдена, все переговоры его со Столыпиным после разгона I Думы были по существу обделыванием самого грубого и грязного дела, обстраиванием того, как бы понадежнее, похитрее, поискуснее, прочнее извнутри, незаметнее снаружи, защитить *права* благородного российского дворянства на кровь и пот миллионов «мужичья», ограбляемого этими Гейденами всегда и непрестанно, и до 1861 г., и в 1861 году, и после 1861 года, и после 1905 года.

Еще Некрасов и Салтыков учили русское общество различать под приглаженной и напомаженной внешностью образованности крепостника-помещика его хищные интересы, учили ненавидеть лицемерие и бездушие подобных типов, а современный российский интеллигент, мнящий себя хранителем демократического наследства, принадлежащий к кадетской партии* или к кадетским подголоскам, учит народ хамству и восторгается своим беспристрастием беспартийного демократа. Зрелище едва ли не более отвратительное, чем зрелище подвигов Дубасова и Столыпина...

— Гейден был «человек», — захлебывается от восторга салонный демократ. — Гейден был гуманен.

Это умиление гуманностью Гейдена заставляет нас вспомнить не только Некрасова и Салтыкова, но и «Записки охотника» Тур-

---

* Кадеты проявили во сто раз больше холопства в оценке Гейдена, чем гг. из «Товарища». Мы взяли последних, как образец «демократизма» у «порядочных людей» российского «общества».

генева. Перед нами — цивилизованный, образованный помещик, культурный, с мягкими формами обращения, с европейским лоском. Помещик угощает гостя вином и ведет возвышенные разговоры. «Отчего вино не нагрето?» — спрашивает он лакея. Лакей молчит и бледнеет. Помещик звонит и, не повышая голоса, говорит вошедшему слуге: «Насчет Федора... распорядиться» [6].

Вот вам образчик гейденовской «гуманности» или гуманности à la Гейден. Тургеневский помещик тоже «гуманный» человек... по сравнению с Салтычихой, например, настолько гуманен, что не идет сам в конюшню присматривать за тем, хорошо ли распорядились выпороть Федора. Он настолько гуманен, что не заботится о мочении в соленой воде розог, которыми секут Федора. Он, этот помещик, не позволит себе ни ударить, ни выбранить лакея, он только «распоряжается» издали, как образованный человек, в мягких и гуманных формах, без шума, без скандала, без «публичного оказательства»...

Совершенно такова же гуманность Гейдена. Он сам не участвовал в порке и истязании крестьян с Луженовскими и Филоповыми. Он не ездил в карательные экспедиции вместе с Ренненкампфами и Меллерами-Закомельскими. Он не расстреливал Москвы вместе с Дубасовым. Он был настолько гуманен, что воздерживался от подобных подвигов, предоставляя подобным героям всероссийской «конюшни» «распоряжаться» и руководя в тиши своего мирного и культурного кабинета политической партией, которая поддерживала правительство Дубасовых и вожди которой пили здравицу победителю Москвы Дубасову... Разве это не гуманно в самом деле: посылать Дубасовых «насчет Федора распорядиться» вместо того, чтобы быть на конюшне самому? Для старых баб, ведущих отдел политики в нашей либеральной и демократической печати, это — образец гуманности... — Золотой был человек, мухи не обидел! «Редкий и счастливый удел» Дубасовых поддерживать, плодами дубасовских расправ пользоваться и за Дубасовых не быть ответственным.

Салонный демократ считает верхом демократизма воздыхание о том, почему не управляют нами Гейдены (ибо этому салонному дурачку в голову не приходит мысль о «естественном» разделении труда между Гейденом и Дубасовыми). Слушайте:

> «...И как жаль, что он (Гейден) умер именно теперь, когда был бы всего полезнее. Теперь он боролся бы с крайними правыми, развертывая лучшие стороны своей души, отстаивая конституционные начала со всей свойственной ему энергией и находчивостью» («Товарищ» № 299, пятница, 22 июня, «Памяти гр. Гейдена», корреспонденция из Псковской губернии).

Жаль, что образованный и гуманный Гейден-мирнообновленец не прикрывает своим конституционным фразерством наготы III, октябристской Думы, наготы уничтожающего Думу самодержавия! Задача «демократа»-публициста не разрывать лживые облачения, не показывать народу гнетущих его врагов во всей их

наготе, а жалеть об отсутствии испытанных лицемеров, украшающих ряды октябристов... Was ist der Philister? Ein hohler Darm, voll Furcht und Hoffnung, dass Gott erbarm! Что такое филистер? Пустая кишка, полная трусости и надежды, что бог сжалится. Что такое российский либерально-демократический филистер кадетского и околокадетского лагеря? Пустая кишка, полная трусости и надежды, что контрреволюционный помещик сжалится!

Июнь 1907 г.

П. с. с., т. 16, с. 37—45.

Из статьи

«ОБ ОТНОШЕНИИ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ К РЕЛИГИИ»

...Можно ли при всех условиях одинаково осуждать членов с.-д. партии за заявление: «социализм есть моя религия» и за проповедь взглядов, соответствующих подобному заявлению? Нет. Отступление от марксизма (а следовательно, и от социализма) здесь несомненно, но значение этого отступления, его, так сказать, удельный вес могут быть различны в различной обстановке. Одно дело, если агитатор или человек, выступающий перед рабочей массой, говорит так, чтобы быть понятнее, чтобы начать изложение, чтобы реальнее оттенить свои взгляды в терминах, наиболее обычных для неразвитой массы. Другое дело, если писатель начинает проповедовать «богостроительство» или богостроительский социализм (в духе, например, наших Луначарского и К°) [7]. Насколько в первом случае осуждение могло бы быть придиркой или даже неуместным стеснением свободы агитатора, свободы «педагогического» воздействия, настолько во втором случае партийное осуждение необходимо и обязательно. Положение: «социализм есть религия» для одних есть форма перехода от религии к социализму, для других — *от* социализма к религии...

Напечатано 13 (26) мая 1909 г. *П. с. с., т. 17, с. 422—423.*

О «ВЕХАХ» [8]

Известный сборник «Вехи», составленный влиятельнейшими к.-д. публицистами, выдержавший в короткое время несколько изданий, встреченный восторгом всей реакционной печати, представляет из себя настоящее знамение времени. Как бы ни «исправляли» к.-д. газеты слишком бьющие в нос отдельные места «Вех», как бы ни отрекались от них отдельные кадеты, совершенно бессильные повлиять на политику всей к.-д. партии или задающиеся целью обмануть массы насчет истинного значения этой политики,— остается несомненный факт, что «*Вехи» выразили несомнен-*

ную суть современного кадетизма. Партия кадетов есть партия «Вех».

Ценя выше всего развитие политического и классового сознания масс, рабочая демократия должна приветствовать «Вехи», как великолепное разоблачение идейными вождями кадетов сущности их политического направления. «Вехи» написаны господами: Бердяевым, Булгаковым, Гершензоном, Кистяковским, Струве, Франком и Изгоевым. Одни уж эти имена известных депутатов, известных ренегатов, известных кадетов говорят достаточно много за себя. Авторы «Вех» выступают как настоящие идейные вожди целого общественного направления, давая в сжатом наброске целую энциклопедию по вопросам философии, религии, политики, публицистики, оценки всего освободительного движения и всей истории русской демократии. Назвав «Вехи» «сборником статей о русской интеллигенции», авторы сузили этим подзаголовком действительную тему своего выступления, ибо «интеллигенция» выступает у них на деле в качестве духовного вождя, вдохновителя и выразителя всей русской демократии и всего русского освободительного движения. «Вехи» — крупнейшие вехи на пути *полнейшего разрыва* русского кадетизма и русского либерализма вообще с русским освободительным движением, со всеми его основными задачами, со всеми его коренными традициями.

I

Энциклопедия либерального ренегатства охватывает три основные темы: 1) борьба с идейными основами всего миросозерцания русской (и международной) демократии; 2) отречение от освободительного движения недавних лет и обливание его помоями; 3) открытое провозглашение своих «ливрейных» чувств (и соответствующей «ливрейной» политики) по отношению к октябристской буржуазии, по отношению к старой власти, по отношению ко всей старой России вообще.

Авторы «Вех» начинают с философских основ «интеллигентского» миросозерцания. Красной нитью проходит через всю книгу решительная борьба с материализмом, который аттестуется не иначе, как догматизм, метафизика, «самая элементарная и низшая форма философствования» (стр. 4 — ссылки относятся к 1-му изданию «Вех»). Позитивизм осуждается за то, что он был «для нас» (т. е. для уничтоженной «Вехами» русской «интеллигенции») «тождественен с материалистической метафизикой» или истолковывался «исключительно в духе материализма» (15), тогда как — «ни один мистик, ни один верующий не может отрицать научного позитивизма и науки» (11). Не шутите! «Вражда к идеалистическим и религиозно-мистическим тенденциям» (6) — вот за что нападают «Вехи» на «интеллигенцию». «Юркевич был, во всяком случае, настоящим философом по сравнению с Чернышевским» (4).

Вполне естественно, что, стоя на этой точке зрения, «Вехи» неустанно громят атеизм «интеллигенции» и стремятся со всей решительностью и во всей полноте восстановить религиозное миросозерцание. Вполне естественно, что, уничтожив Чернышевского, как философа, «Вехи» уничтожают Белинского, как публициста. Белинский, Добролюбов, Чернышевский — вожди «интеллигентов» (134, 56, 32, 17 и др.). Чаадаев, Владимир Соловьев, Достоевский — «вовсе не интеллигенты». Первые — вожди направления, с которым «Вехи» воюют не на живот, а на смерть. Вторые «неустанно твердили» то именно, что твердят и «Вехи», но «их не слушали, интеллигенция шла мимо них», гласит предисловие к «Вехам».

Читатель уже может видеть отсюда, что не на «интеллигенцию» нападают «Вехи», это только искусственный, запутывающий дело, способ выражения. Нападение ведется по всей линии против демократии, против демократического миросозерцания. А так как идейным вождям партии, которая рекламирует себя, как «конституционно-демократическую», неудобно назвать вещи их настоящими именами, то они позаимствовали терминологию у «*Московских Ведомостей*», они отрекаются не от демократии, — (какая недостойная клевета!), — а только от «интеллигентщины».

Письмо Белинского к Гоголю [9], вещают «Вехи», есть «пламенное и классическое выражение интеллигентского настроения» (56). «История нашей публицистики, начиная после Белинского, в смысле жизненного разумения — сплошной кошмар» (82).

Так, так. Настроение крепостных крестьян против крепостного права, очевидно, есть «интеллигентское» настроение. История протеста и борьбы самых широких масс населения с 1861 по 1905 год против остатков крепостничества во всем строе русской жизни есть, очевидно, «сплошной кошмар». Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?

«*Московские Ведомости*» всегда доказывали, что русская демократия, начиная хотя бы с Белинского, отнюдь не выражает интересов самых широких масс населения в борьбе за элементарнейшие права народа, нарушаемые крепостническими учреждениями, а выражает только «интеллигентское настроение».

Программа «Вех» и «Московских Ведомостей» одинакова и в философии, и в публицистике. Но в философии либеральные ренегаты решились сказать всю правду, раскрыть *всю* свою программу (война материализму и материалистически толкуемому позитивизму; восстановление мистики и мистического миросозерцания), а в публицистике они виляют, вертятся, иезуитничают. Они порвали с самыми основными идеями демократии, с самыми элементарными демократическими тенденциями, но делают вид, что рвут только с «интеллигентщиной». Либеральная буржуазия ре-

Въ Пятницу, 26-го Ноября 1909 года

въ залѣ „des Sociétés Savantes"

8, Rue Danton, 8

Н. ЛЕНИНЪ

прочтетъ рефератъ на тему:

„Идеологія контръ-революціоннаго либерализма".

(Успѣхъ „Вѣхъ" и его общественное значеніе)

СОДЕРЖАНІЕ:

I. *Съ какой философіей воюютъ „Вѣхи" и думскія рѣчи кадета Карауловa.*

II. *Бѣлинскій и Чернышевскій, уничтоженные „Вѣхами".*

III. *За что ненавидятъ либераловъ „интеллигентскую" русскую революцію и ея французскій „достаточно продолжительный" образчикъ?*

IV. *„Вѣхи" и „львье" въ Россіи. Кадеты и октябристы. „Святое дѣло" русской буржуазіи.*

V. *Что выиграла демократическая революція въ Россіи, потерявъ своихъ либерально-буржуазныхъ „союзниковъ"?*

VI. *„Вѣхи" и рѣчи Милюкова на преддверныхъ собраніяхъ въ Петербургѣ. Какъ критиковалъ Милюковъ на этихъ собраніяхъ нелегальную революціонную газету.*

Начало въ 8½ час. веч.

Плата за входъ 5, 3, 2 и 1 фр. галлерея 50 сант.

Рабочая Типографія, 17, Rue des Fr.-Bourgeois Paris.

шительно повернула от защиты прав народа к защите учреждений, направленных против народа. Но либеральные политиканы желают сохранить название «демократов».

Тот же самый фокус, который проделали над письмом Белинского к Гоголю и над историей русской публицистики, проделывается над историей недавнего движения.

II

В действительности нападение ведется в «Вехах» только на такую интеллигенцию, которая была выразителем демократического движения, и только за то, в чем она проявила себя, как настоящий участник этого движения. «Вехи» с бешенством нападают на интеллигенцию именно за то, что эта «маленькая подпольная секта вышла на свет божий, приобрела множество последователей и на время стала идейно-влиятельной и даже реально могущественной» (176). Либералы сочувствовали «интеллигенции» и тайком поддерживали иногда ее, *пока* она оставалась *только* маленькой подпольной сектой, пока она не приобрела множества последователей, пока она не становилась реально могущественной; это значит: либерал сочувствовал демократии, пока демократия не приводила в движение настоящих масс, ибо без вовлечения масс она только служила своекорыстным целям либерализма, она только помогала верхам либеральной буржуазии пододвинуться к власти. Либерал отвернулся от демократии, когда она втянула массы, начавшие осуществлять *свои* задачи, отстаивать *свои* интересы. Под прикрытием криков против демократической «интеллигенции», *война кадетов ведется на деле против демократического движения масс*. Одно из бесчисленных наглядных разоблачений этого в «Вехах» состоит в том, что великое общественное движение конца XVIII века во Франции они объявляют «примером достаточно продолженной интеллигентской революции, с обнаружением всех ее духовных потенций» (57).

Не правда ли, хорошо? Французское движение конца XVIII века представляет из себя, изволите видеть, не образец самого глубокого и широкого демократического движения масс, а образец «интеллигентской» революции! Так как нигде в мире и никогда демократические задачи не осуществлялись без движения *однородного* типа, то совершенно очевидно, что идейные вожди либерализма порывают именно с демократией.

В русской интеллигенции «Вехи» бранят именно то, что является *необходимым* спутником и выражением *всякого* демократического движения. «Прививка политического радикализма интеллигентских идей к социальному радикализму народных инстинктов*

* «Исстрадавшихся народных масс»,— говорится на той же странице, двумя строками ниже.

совершилась с ошеломляющей быстротой» (141) — и в этом была «не просто политическая ошибка, не просто грех тактики. Тут была ошибка моральная». Там, где нет исстрадавшихся народных масс, не может быть и демократического движения. А демократическое движение отличается от простого «бунта» как раз тем, что оно идет под знаменем известных радикальных политических идей. Демократическое движение и демократические идеи не только политически ошибочны, не только тактически неуместны, но и морально греховны, — вот к чему сводится истинная мысль «Вех», ровно ничем не отличающаяся от истинных мыслей Победоносцева. Победоносцев только честнее и прямее говорил то, что говорят Струве, Изгоевы, Франки и К°.

Когда «Вехи» приступают к более точному определению содержания ненавистных «интеллигентских» идей, они, естественно, говорят о «левых» идеях вообще, о народнических и марксистских, в частности. Народники обвиняются в «ложной любви к крестьянству», марксисты — «к пролетариату» (9). И те и другие уничтожаются в пух и прах за «народопоклонничество» (59, 59—60). У ненавистного «интеллигента» «бог есть народ, единственная цель есть счастие большинства» (159). «Бурные речи атеистического левого блока» (29), — вот что всего больше запомнилось во II Думе кадету Булгакову, вот что особенно возмутило его. И нет ни малейшего сомнения, что Булгаков выразил здесь несколько рельефнее, чем иные, общекадетскую психологию, выразил заветные думы всей кадетской партии.

Что для либерала стирается различие между народничеством и марксизмом, — это не случайно, а неизбежно, оно не «фортель» литератора (прекрасно знающего эти различия), а закономерное выражение современной сущности либерализма. Ибо в *данное* время либеральной буржуазии в России страшно и ненавистно не столько социалистическое движение рабочего класса в России, сколько демократическое движение и рабочих и крестьян, т. е. страшно и ненавистно то, что есть общего у народничества и марксизма, их защита демократии путем обращения к массам. Для современной эпохи характерно то, что либерализм в России решительно повернул против демократии; совершенно естественно, что его не интересуют ни различия внутри демократии, ни дальнейшие цели, виды и перспективы, открывающиеся на почве осуществленной демократии.

Словечки, вроде «народопоклонничество», так и кишат в «Вехах». Это не удивительно, ибо либеральной буржуазии, испугавшейся народа, ничего не остается, как кричать о «народопоклонничестве» демократов. Отступления нельзя не прикрыть особенно громким барабанным боем. Нельзя же, в самом деле, прямо отрицать, что обе первые Думы выражали именно в лице рабочих и крестьянских депутатов настоящие интересы, требования, взгляды рабочих и крестьянских масс. А между тем именно

эти «интеллигентные» депутаты* и внушили кадетам бездонную *ненависть к «левым»* за разоблачение вечных кадетских отступлений от демократизма. Нельзя же, в самом деле, прямо отрицать хотя бы и «четырехххвостку» [10]; а между тем ни один сколько-нибудь честный политический деятель не усумнился в том, что выборы по «четырехххвостке», выборы действительно демократические, дали бы в современной России подавляющее большинство депутатам трудовикам вместе с депутатами рабочей партии.

Ничего не остается повернувшей вспять либеральной буржуазии, как прикрывать свой разрыв с демократией словечками из словаря «*Московских Ведомостей*» и «*Нового Времени*»; эти словечки положительно пестрят весь сборник «Вех».

«Вехи» — сплошной поток реакционных помоев, вылитых на демократию. Понятно, что публицисты «*Нового Времени*», Розанов, Меньшиков и А. Столыпин, бросились целовать «Вехи». Понятно, что Антоний Волынский пришел в восторг от этого произведения вождей либерализма.

«Когда интеллигент, — пишут «Вехи», — размышлял о своем долге перед народом, он никогда не додумывался до того, что выражающаяся в начале долга идея личной ответственности должна быть адресована не только к нему, интеллигенту, но и к народу» (139). Демократ размышлял о расширении прав и свободы народа, облекая эту мысль в слова о «долге» высших классов перед народом. Демократ никогда не мог додуматься и никогда не додумается до того, что в дореформенной стране или в стране с «конституцией» 3 июня [11] может зайти речь об «ответственности» народа перед правящими классами. Чтобы «додуматься» до этого, демократ, или якобы демократ, должен окончательно превратиться в контрреволюционного либерала.

«Эгоизм, самоутверждение — великая сила, — читаем мы в «Вехах», — именно она делает западную буржуазию могучим бессознательным орудием божьего дела на земле» (95). Это не что иное, как приправленный лампадным маслом пересказ знаменитого «Enrichissez-vous! — обогащайтесь!» или нашего российского: «мы ставим ставку на сильных» [12]. Когда буржуазия помогала народу бороться за свободу, она объявляла эту борьбу божьим делом. Когда она испугалась народа и повернула к поддержке всякого рода средневековья против народа, — она объявила божьим делом «эгоизм», обогащение, шовинистическую внешнюю политику и т. п. Это было везде в Европе. Это повторяется и в России.

---

* Извращение «Вехами» обычного смысла слова «интеллигент» прямотаки забавно. Достаточно перелистать списки депутатов обеих первых Дум, чтобы сразу увидеть подавляющее большинство крестьян у трудовиков, преобладание рабочих у с.-д. и сосредоточение массы буржуазной интеллигенции у к.-д.

«Актом 17 октября по существу и формально революция должна была бы завершиться» (136). Это и есть альфа и омега октябризма, т. е. программы контрреволюционной буржуазии. Октябристы всегда это говорили и сообразно с этим открыто действовали. Кадеты действовали *тайком* так же (начиная с 17 октября), но желали прикидываться при этом демократами. Для успеха дела демократии полная, ясная, открытая размежевка между демократами и ренегатами — самая полезная, самая необходимая вещь. Надо использовать «Вехи» для этого нужного дела. «Надо иметь, наконец, смелость сознаться, — пишет ренегат Изгоев, — что в наших Государственных думах огромное большинство депутатов, за исключением трех-четырех десятков к.-д. и октябристов, не обнаружило знаний, с которыми можно было бы приступить к управлению и переустройству России» (208). Ну, разумеется, где же мужицким депутатам трудовикам или каким-то рабочим браться за такое дело. Для этого нужно большинство к.-д. и октябристов, а для такого большинства нужна III Дума...

А чтобы народ и народопоклонники понимали свою «ответственность» перед вершителями дел в III Думе и в третьедумской России, для этого нужно проповедовать народу — вместе с Антонием Волынским — «покаяние» («Вехи», 26), «смирение» (49), борьбу с «гордыней интеллигента» (52), «послушание» (55), «простую, грубую пищу старого моисеева десятословия» (51), борьбу с «легионом бесов, вошедших в гигантское тело России» (68). Если крестьяне выбирают трудовиков, а рабочие — социал-демократов, это, разумеется, — именно такое бесовское наваждение, ибо, собственно говоря, по натуре своей, как давно уже открыли Катков и Победоносцев, народ питает «ненависть к интеллигенции» (87; читай: к демократии).

Русские граждане должны поэтому — научают нас «Вехи» — «благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас («интеллигентов») от ярости народной» (88).

Эта тирада хороша тем, что откровенна, — полезна тем, что вскрывает правду относительно действительной сущности политики всей к.-д. партии за всю полосу 1905—1909 годов. Эта тирада хороша тем, что вскрывает в краткой и рельефной форме весь дух «Вех». А «Вехи» хороши тем, что вскрывают весь дух *действительной* политики русских либералов и русских кадетов, в том числе. Вот почему кадетская полемика с «Вехами», кадетское отречение от «Вех» — одно сплошное лицемерие, одно безысходное празднословие. Ибо на деле кадеты, как коллектив, как партия, как общественная сила, вели и ведут *именно* политику «Вех». Призывы идти в булыгинскую Думу [13] в августе и сентябре 1905 года, измена делу демократии в конце того же года, систематическая боязнь народа и народного движения и систематическая борьба с депутатами рабочих и крестьян в обеих первых Думах, голосование за бюджет, речи Караулова о религии и Березовского об аграрном вопросе в III Думе, поездка в Лондон [14], — все это бес-

численные *вехи* именно той, именно *такой* политики, которая идейно провозглашена в «Вехах».

Русская демократия не может сделать ни шага вперед, пока она не поймет сути этой политики, не поймет ее классовых корней.

Напечатано 13 декабря 1909 г. *П. с. с., т. 19, с. 167—175.*

Из статьи
«О ФРАКЦИИ «ВПЕРЕДОВЦЕВ»» [15]

Группа «Вперед» выпустила в Париже «сборник статей по очередным вопросам», под названием «Вперед». В связи с брошюрой т. Сажина («К вопросу о возрождении партии»), которая «издана на частные средства» и которую можно получать через редакцию сборника «Вперед», в связи с отдельным листком за подписью группы «Вперед» и с платформой этой группы, партия имеет теперь более чем достаточно материала для суждения о «впередовцах».

Платформа впередовцев характеризуется тремя следующими особенностями. Во-первых, из всех групп и фракций нашей партии впервые выдвигает она философию и притом под прикрытием псевдонима. «Пролетарская культура», «пролетарская философия» — вот что стоит в платформе. Скрывается под этим псевдонимом *махизм*, т. е. защита философского идеализма под разными соусами (эмпириокритицизм, эмпириомонизм и т. д.). Во-вторых, в области политики группа объявила отзовизм «законным оттенком» и сообщила о том, что некоторые отзовисты, члены этой группы, несогласны с определением задач партии по отношению к Государственной думе. Самое определение это дано в платформе впередовцев так неясно и запутано, что иначе, как подлаживанием к отзовистскому кругу мыслей, охарактеризовать этого определения нельзя. В-третьих, наконец, платформа решительно осуждала фракционность и требовала объединения фракций, слияния их в партии.

Итак, в итоге мы имеем — если начать с конца — одно весьма хорошее пожелание и два прикрытия весьма плохим идейно-политическим направлениям, выражающим разрыв с марксизмом и подчинение пролетариата буржуазной идеологии и политике. Сборник «Вперед» наглядно показывает, какие продукты могут получаться из такой смеси.

Автор передовой статьи сборника, Максимов, строго выдерживает дипломатию платформы, говоря о «пролетарской культуре» без всякого пояснения того, что он под этим понимает. В статье, написанной с претензией на популярность изложения, эта игра в прятки особенно бросается в глаза. Какая же это популярность, если *ни один* читатель, кроме *лично* знающих Максимова или про-

следивших уже *весь* спор о махизме и в связи с махизмом, *не может* понять истинного смысла подобной фразы? Какая же это популярность, когда тот же Максимов на странице 4 сборника говорит об «опасности для пролетарского социализма» тех выходцев из интеллигенции, которые «без критики принимают и пропагандируют неправильные и вредные для пролетариата идеи буржуазной науки и философии...»?

Многоточие принадлежит Максимову. Должно ли оно обозначать стыдливое умолчание, мы не знаем. Но мы твердо знаем, что говорить, особенно в «популярной» статье, о вреде для пролетариата «*буржуазной философии*» и не определять точно и ясно, *какая* именно философия имеется в виду, значит прибегать к худшего вида фракционной дипломатии. Если вы считаете вопрос о буржуазной философии важным, если вы выдвигаете его в передовице «популярного» сборника, то имейте же мужество говорить прямо, защищайте свои идеи, а не прячьте их.

Тов. Сажин, в качестве «практика» должно быть, разрушает дипломатию Максимова весьма невежливо*. Он требует на странице 31 своей брошюры, чтобы «членам партии» была «*обеспечена*» «*полная свобода их революционной и философской мысли*».

Это — лозунг насквозь оппортунистический. Во всех странах подобный лозунг извнутри социалистических партий выдвигался только оппортунистами и не означал на деле ничего иного, кроме «свободы» развращения рабочего класса буржуазной идеологией. «Свободы мысли» (читай: свободы печати, слова, совести) мы требуем от *государства* (а не от партии) наравне с свободой союзов. Партия же пролетариата есть свободный союз, учреждаемый *для борьбы* с «мыслями» (читай: с идеологией) буржуазии, для защиты и проведения в жизнь одного определенного, именно: марксистского миросозерцания. Это — азбука. И эту азбуку заставила забыть Максимова, Сажина и К° фальшь их политического положения. Не их личное лицемерие, а именно политическая фальшь позиции породила у них проповедь буржуазных лозунгов. Фальшь состоит в том, что одни «впередовцы» всей душой хотят тащить пролетариат *назад*, к идеям буржуазной философии (махизм), другие же равнодушны к философии и требуют лишь «полной свободы»... для махизма. Все вместе *вынуждены* поэтому дипломатничать, путать, играть в прятки, хвататься за буржуазные лозунги.

---

* В сборнике «Вперед» другой «практик», петербургский «Ткач И—н» тоже не очень дипломатично пробалтывается: «Кстати сказать,— пишет он,— книга Бельтова «Монистический взгляд» особенно может вызвать такое неправильное представление об историческом материализме» (сборник, стр. 57). Ну, еще бы! Самое правильное «представление об историческом материализме» дают, конечно, книги русских богостроителей и махистов — какому же «впередовцу» это не известно? И где же книге, на которой воспиталось целое поколение русских марксистов, тягаться с философскими произведениями Юшковичей, Богдановых, Валентиновых и Луначарских...

А что значит *на деле* «полная свобода революционной мысли»? Ничего, кроме *свободы* для отзовистских и других полуанархистских идей. Другими словами, здесь сказано то же, что в «платформе» впередовцев выражено фразой: признание отзовизма «законным оттенком». Получается опять мелкая дипломатия с идеями, опять игра в прятки, опять лицемерие, объясняемое всецело той же фальшивой идейно-политической позицией: мы-де не махисты, но за «полную свободу» махизма (в партии); мы не отзовисты, но за «полную свободу» отзовистского оттенка или общее: «революционной мысли»! Путаницу довершает еще то, что *двое* впередовцев за своими *личными* подписями (Сажин и Рабочий Ар.) высказываются решительно за важность и необходимость использования легальных возможностей и думской трибуны. «Социал-демократия, — пишет *Рабочий Ар.*, — должна бороться с теми, кто ведет агитацию» (кто же это ведет такую агитацию, т. Ар.? Не ваши ли впередовцы?) «против *какого бы то ни было*» (вот мы как!) «использования легальных возможностей, потому что такой образ действий не социал-демократичен» (стр. 48 — 49 сборника). И тот же самый *Ар.*, *повторяя* эти слова большевиков направления «*Пролетария*», ругательски ругает «*Пролетарий*» [16] (задним числом) за то, что он будто бы малевал впередовцев страшными красками! Вот что называется: отступать по всей линии, сдавать все свои позиции, осуждать в печати (опять-таки: не говоря этого прямо) тех своих друзей, тех впередовцев, которые в свое время принимали резолюцию, например, о бойкоте съезда фабрично-заводских врачей, — и прикрывать свое отступление, свою капитуляцию барабанным боем. Мизерная фракционная дипломатия!..

Напечатано 30 августа (12 сентября) 1910 г.

П. с. с., т. 19, с. 312—315.

Из статьи

«ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ БАБУШКИН (НЕКРОЛОГ)»

...Есть люди, которые сочинили и распространяют басню о том, что Российская социал-демократическая рабочая партия есть партия «интеллигентская», что рабочие от нее оторваны, что рабочие в России — социал-демократы без социал-демократии, что так было в особенности до революции и в значительной мере во время революции. Либералы распространяют эту ложь из ненависти к той революционной борьбе масс, которой руководила в 1905 г. РСДРП, а из социалистов перенимает эту лживую теорию кое-кто по неразумию или легкомыслию. Биография Ивана Васильевича Бабушкина, десятилетняя социал-демократическая работа этого *рабочего-искровца* служит наглядным опровержением либеральной лжи. И. В. Бабушкин — один из тех рабочих-передовиков, которые за *10 лет* до революции начали создавать *рабочую* социал-демократическую партию. Без неустанной, геройски-упорной рабо-

ты *таких* передовиков в пролетарских массах РСДРП не просуществовала бы не только десяти лет, но и десяти месяцев. Только благодаря деятельности *таких* передовиков, только благодаря их поддержке, РСДРП выросла к 1905 г. в партию, которая *неразрывно слилась* с пролетариатом в великие октябрьские и декабрьские дни, которая сохранила эту связь в лице *рабочих депутатов* не только II, но и III, черносотенной, Думы.

Либералы (кадеты) хотят превратить в народного героя недавно умершего председателя I Думы, С. А. Муромцева... В таких людях смешно видеть народных героев русской революции.

А такие народные герои есть. Это — люди, подобные Бабушкину. Это — люди, которые не год и не два, а целые 10 лет перед революцией посвятили себя целиком борьбе за освобождение рабочего класса. Это — люди, которые не растратили себя на бесполезные террористические предприятия одиночек, а действовали упорно, неуклонно среди пролетарских масс, помогая развитию *их* сознания, *их* организации, *их* революционной самодеятельности. Это — люди, которые встали во главе вооруженной массовой борьбы против царского самодержавия, когда кризис наступил, когда революция разразилась, когда миллионы и миллионы пришли в движение. Все, что отвоевано было у царского самодержавия, отвоевано *исключительно* борьбой масс, руководимых такими людьми, как Бабушкин.

Без таких людей русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоюет себе полное освобождение от всякой эксплуатации.

Прошла уж пятая годовщина декабрьского восстания 1905 года. Будем чествовать эту годовщину, вспоминая рабочих-передовиков, которые пали в борьбе с врагом. Мы обращаемся с просьбой к товарищам рабочим собирать и присылать нам воспоминания о тогдашней борьбе и дополнительные сведения о Бабушкине, а также о других социал-демократических рабочих, павших в восстании 1905 г. Мы намерены издать брошюру с жизнеописанием таких рабочих. Такая брошюра будет лучшим ответом всяким маловерам и умалителям Российской социал-демократической рабочей партии. Такая брошюра будет лучшим чтением для молодых рабочих, которые будут учиться по ней, как надо жить и действовать всякому сознательному рабочему.

Напечатано 18 (31) декабря 1910 г. *П. с. с., т. 20, с. 81—83.*

КАРЬЕРА

Недавно умерший миллионер, издатель «Нового Времени», А. С. Суворин, историей своей жизни отразил и выразил очень интересный период в истории всего русского буржуазного общества.

Бедняк, либерал и даже демократ в начале своего жизненного пути,— миллионер, самодовольный и бесстыдный хвалитель буржуазии, пресмыкающийся перед всяким поворотом политики власть имущих в конце этого пути. Разве это не типично для *массы* «образованных» и «интеллигентных» представителей так называемого общества? Не все, конечно, играют в ренегатство с такой бешеной удачей, чтобы становиться миллионерами, но девять десятых, если не девяносто девять сотых — играют именно такую же самую игру в ренегатство, *начиная* радикальными студентами, *кончая* «доходными местечками» той или иной службы, той или иной аферы.

Бедный студент, из-за недостатка средств не попадающий в университет; учитель уездного училища, служащий, кроме того, секретарем предводителя дворянства или дающий частные уроки у знатных и богатых крепостников; начинающий либеральный и даже демократический журналист, с симпатиями к Белинскому и Чернышевскому, с враждой к реакции, — вот чем *начал* Суворин в 50—60-х годах прошлого века.

Либеральный, сочувствующий английской буржуазии и английской конституции, помещик Катков во время первого демократического подъема в России (начало 60-х годов XIX века) повернул к национализму, шовинизму и бешеному черносотенству.

Либеральный журналист Суворин во время второго демократического подъема в России (конец 70-х годов XIX века) повернул к нацпонализму, к шовинизму, к беспардонному лакейству перед власть имущими. Русско-турецкая война помогла этому карьеристу «найти себя» и найти свою дорожку лакея, награждаемого громадными доходами его газеты «*Чего изволите?*».

«Новое Время» Суворина на много десятилетий закрепило за собой это прозвище «*Чего изволите?*». Эта газета стала в России образцом продажных газет. «Нововременство» стало выражением, однозначащим с понятиями: отступничество, ренегатство, подхалимство. «Новое Время» Суворина — образец бойкой торговли «на вынос и распивочно». Здесь торгуют всем, начиная от политических убеждений и кончая порнографическими объявлениями.

А теперь, после третьего демократического подъема в России (в начале XX века), сколько еще либералов повернуло по «веховской» дорожке, к национализму, к шовинизму, к оплевыванию демократии, к подхалимству перед реакцией!

Катков — Суворин — «веховцы», это все исторические этапы поворота русской либеральной буржуазии *от демократии к* защите реакции, к шовинизму и антисемитизму.

Сознательные рабочие закаляют свои убеждения, понимая неизбежность такого поворота буржуазии, — как и поворота трудящихся масс к идеям рабочей демократии.

Напечатано 18 августа 1912 г. *П. с. с., т. 22, с. 43—44.*

Из статьи

«ЕЩЕ ОДИН ПОХОД НА ДЕМОКРАТИЮ»

Позорно знаменитая книга «Вехи», имевшая громадный успех среди либерально-буржуазного общества, насквозь пропитанного ренегатскими стремлениями, вызвала недостаточный отпор и недостаточно глубокую оценку в лагере демократии.

Отчасти это произошло потому, что время успехов «Вех» совпало с таким временем, когда «открытая» печать демократии была почти совсем придушена.

Теперь г. Щепетев в «Русской Мысли» (август) выступает с подновленным изданием «веховщины». Это вполне естественно со стороны органа веховцев, редактируемого главой ренегатов, господином П. Б. Струве. Но так же естественно будет со стороны демократии, особенно рабочей демократии, если она наверстает теперь хоть немногое из того, в чем она осталась в долгу перед «веховцами».

I

Г-н Щепетев выступает по форме с скромным «письмом из Франции» — *о русских в Париже*. Но под этой скромной формой кроется на самом деле весьма определенное «обсуждение» русской революции 1905 года и русской демократии.

«У всех еще на памяти,— пишет веховец,— этот тревожный (вот как! *для кого* тревожный, почтеннейший г. либерал?), беспокойный и весь сплошь запутанный 1905 год...»

«Беспокойный и весь сплошь запутанный»! Сколько должно быть грязи и болота в душе у человека, который способен написать такие слова. Немецкие противники революции 1848 года обозвали этот год «безумным» годом. Ту же мысль или, вернее, тот же тупой, подлый испуг выражает российский кадет из «Русской Мысли».

Мы противопоставим ему лишь немногие, наиболее объективные и наиболее «скромные» факты. Заработная плата рабочих повышалась в этот год, как никогда. Арендные цены на землю падали. Всякие формы объединения рабочих — вплоть до прислуги — росли с невиданным успехом. Миллионы дешевых изданий на политические темы читались народом, массой, толпой, «низами» так жадно, как никогда еще дотоле не читали в России.

Некрасов восклицал в давно-давно прошедшие времена:

...Придет ли времечко
(Приди, приди, желанное!),
Когда народ не Блюхера
И не милорда глупого,
Белинского и Гоголя
С базара понесет? [17]

Желанное для одного из старых русских демократов «времечко» пришло. Купцы бросали торговать овсом и начинали более выгодную торговлю — демократической дешевой брошюрой. Демократическая книжка стала *базарным* продуктом. Теми идеями Белинского и Гоголя, которые делали этих писателей дорогими Некрасову — как и всякому порядочному человеку на Руси — была пропитана сплошь эта новая базарная литература...

...Какое «беспокойство»! — воскликнула мнящая себя образованной, а на самом деле грязная, отвратительная, ожиревшая, самодовольная либеральная свинья, когда она увидала *на деле* этот «народ», несущий с базара... письмо Белинского к Гоголю.

И, собственно говоря, ведь это же — «интеллигентское» письмо — провозгласили «Вехи», под гром аплодисментов Розанова-Нововременца и Антония-Волынского.

Какое позорное зрелище! — скажет демократ из лучших народников. Какое поучительное зрелище! — добавим мы. Как оно отрезвляет тех, кто *сентиментально* смотрел на вопросы демократии, как оно *закаляет* все живое и сильное среди демократии, беспощадно отметая гнилые, барски-обломовские иллюзии!

Разочароваться в либерализме весьма полезная вещь для того, кто был когда-либо им очарован. А тот, кто пожелает вспомнить давнюю историю русского либерализма, тот уже в отношении либерала Кавелина к демократу Чернышевскому увидит точнейший прообраз отношения кадетской *партии* либеральных буржуа к русскому демократическому *движению масс*. Либеральная буржуазия в России «нашла себя» или, вернее, нашла свой хвост. Не пора ли демократии в России найти свою голову?

Особенно нестерпимо бывает видеть, когда субъекты, вроде Щепетева, Струве, Гредескула, Изгоева и прочей кадетской братии, хватаются за фалды Некрасова, Щедрина и т. п. Некрасов колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами, но все симпатии его были на стороне Чернышевского. Некрасов по той же личной слабости грешил нотками либерального угодничества, но сам же горько оплакивал свои «грехи» и *публично каялся* в них:

Не торговал я лирой, но бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У лиры *звук неверный* исторгала
Моя рука...[18]

«*Неверный звук*» — вот как называл сам Некрасов свои либерально-угодничество грехи. А Щедрин беспощадно издевался над либералами и навсегда заклеймил их формулой: «применительно к подлости».

Как устарела эта формула в применении к Щепетевым, Гредескулам и прочим * веховцам! Дело теперь совсем не в том, чтобы

* Возразят, пожалуй,— Гредескул, как и Милюков и К° *спорили* с «Вехами». Да, но они *оставались* при этом веховцами. См., между прочим, «Правду» № 85 [19].

эти господа *применялись* к подлости. Куда тут! Они сами по своему почину, на свой лад, исходя из неокантианства и других модных «европейских» теорий, построили *свою теорию* «подлости».

III

Больше всего места занимают у г. Щепетева очерки эмигрантского быта. Чтобы найти аналогию этим очеркам, следовало бы откопать «Русский Вестник» [20] времен Каткова и взять оттуда романы с описанием благородных предводителей дворянства, благодушных и довольных мужичков, недовольных извергов, негодяев и чудовищ-революционеров.

Г-н Щепетев наблюдал (если наблюдал) Париж глазами озлобленного на демократию обывателя, который в первом появлении на Руси массовой демократической книжки сумел усмотреть одно только «беспокойство».

Известно, что каждый видит за границей то, что он хочет видеть. Или иначе: каждый видит в новой обстановке *самого себя*. Черносотенец видит за границей отменных помещиков, генералов и дипломатов. Охранник видит там благороднейших полицейских. Либеральный российский ренегат видит в Париже благонамеренных консьержек и «деловых»* лавочников, обучающих русского революционера тому, что у них «гуманитарные и альтруистические чувства слишком уже подавляли запросы личности и часто в ущерб общему прогрессу и культурному развитию всей нашей страны» **.

Лакей душой, естественно, интересуется всего больше царящей в лакейских сплетней и скандальчиком. Идейных вопросов, разбираемых на парижских рефератах и в парижской печати на русском языке, лавочник и консьерж-лакей, разумеется, не замечает. Где ему видеть, что в этой печати поставлены, например, еще в 1908 году, те самые вопросы о социальной сущности 3-июньского режима, о классовых корнях новых течений в демократизме и т. п. [21], которые много позже, уже, извращеннее нашли себе дорожку (в урезанном виде) в печать, «охраняемую» усиленной охраной?

Лавочник и лакей, в какие бы «интеллигентские» костюмы ни рядились имеющие такую душу люди, не в состоянии заметить и понять этих вопросов. Если этот лакей называется «публицистом» либерального журнала, то этот «публицист» обойдет полным молчанием великие идейные вопросы, нигде, кроме Парижа, открыто и ясно не поставленные. Но зато такой «публицист» подробно расскажет вам то, что отлично знают в лакейских.

---

* Стр. 139 статьи г. Щепетева («Русская Мысль», 1912 г., № 8).
** Стр. 153, там же.

Он расскажет вам, этот благородный кадет в журнале благороднейшего г. Струве, что из «квартиры одной очень известной в Париже революционной деятельницы» выдворили «не без помощи полиции» несчастную эмигрантку-проститутку, — что на балу с благотворительной целью «безработные» опять устроили скандал, — что переписчик в одном, известном г. Щепетеву, доме «забрал вперед довольно значительную сумму денег и затем стал манкировать», — что эмигранты «встают в 12 часов, ложатся во 2-м — 3-м ночи, весь день гости, шум, споры, беспорядок».

Обо всем этом лакейский журнал кадета г. Струве расскажет вам подробно, с иллюстрациями, со смаком, с перцем — ничуть не хуже Меньшикова и Розанова из «Нового Времени».

«Давай денег, а то морду побью — в такую недвусмысленно враждебную форму отлились отношения между верхами и низами эмиграции. Правда, формула эта не получила широкого распространения, и «крайнее течение низов» представилось» (так пишет грамотный кадет в журнале г. Струве!) «всего лишь десятком-двумя весьма сомнительных элементов, быть может, даже направляемых искусной рукой со стороны...»

Остановитесь на этом рассуждении, читатель, и подумайте о различии лакея обыкновенного от лакея-публициста. Лакей простой — конечно, в массе, исключая те сознательные элементы, которые уже стали на классовую точку зрения и ищут выхода из своего лакейского положения,— наивен, необразован, часто неграмотен и неразвит; ему простительна наивная страсть перебалтывать то, что всего легче до него доходит, что ему всего понятнее и ближе. Лакей-публицист — человек «образованный», принятый в лучших гостиных. Он понимает, что уголовных шантажистов в эмиграции ничтожнейшее число («десяток-два» на *тысячи* эмигрантов). Он понимает даже, что этих шантажистов «*направляет*, быть может», «*искусная рука*» — из чайной Союза русского народа [22].

И, понимая все это, лакей-публицист орудует «по-образованному». О, он умеет заметать следы и показывать товар лицом! Он не продажный писака черной сотни, ничего подобного. Он даже «*сам*» указал, что, *может быть*, кое-кто направляет десяток-другой шантажистов, но в то же время *именно* об этих шантажистах, скандалах, манкировках переписчиков *только* и рассказывает!

Нововременская школа для «*писателей*» «Русской Мысли» не пропала даром. Нововременец Суворин хвастался, что никогда не получал субсидий,— он *только* «сам умел» попадать в тон.

«Русская Мысль» не получает субсидий — боже упаси! Она *только* «сама умеет» попадать в тон, приятный для нововременцев и для гучковских «молодцов».

Напечатано 2 и 9 сентября 1912 г. *П. с. с., т. 22, с. 82—85, 87—89.*

Когда два вора дерутся, от этого всегда будет известная польза для честных людей. Когда вконец перессорятся «деятели» буржуазного газетного дела, они раскрывают перед публикой продажность и проделки «больших» газет.

Нововременец Н. Снессарев поссорился с «Новым Временем», проворовался и был удален со скандалом. Он опубликовал теперь «сочинение» в 135 страниц под заглавием: «Мираж «Нового Времени». Почти роман. СПБ. 1914». Корча из себя, как водится, «благородного» человека, г. Снессарев описывает нравы, давно установившиеся в капиталистических странах Запада и все более проникающие в буржуазный газетный мир России, конечно, при условиях, особо благоприятствующих темноте и безнаказанности особенно грязных, особенно подлых подкупов, подхалимства и т. д.

«Все привыкли мало-помалу жить гораздо выше своих средств»,— пишет с грациозной наивностью «пострадавший» нововременец.— «Когда и каким путем общество освободится от этого явления и освободится ли, неизвестно. Но что теперь обстоит так, то это — признанный факт». И одним из магических средств, позволяющих проживать больше, чем получаешь, является «*участие*» буржуазных газет в проведении концессий. «Можно назвать,— рассказывает нововременец,— десятки разных концессий, обязанных своим проведением в жизнь не только известным связям, но и известным статьям в известных газетах. «Новое Время», понятно, не исключение». Например, к г. Снессареву явился однажды представитель лондонской компании беспроволочного телеграфа Маркони и предложил составить устав русского общества Маркони и проект концессии в пользу этого общества. «Вознаграждение за этот труд определялось в 10 000 рублей,... и соглашение было заключено».

Пострадавший Снессарев повествует, что не только он продал себя капиталистам за эти деньги, но и вся газета «Новое Время» продалась за «кампанию в защиту концессии», получив скидку на телеграммы в 50% да «местечко» учредителя общества с акциями на 50 000 рублей.

Капиталисты лондонские — обирание россиян — концессия от русского правительства — участие печати — повальная продажность — купля-продажа кого угодно за десятки тысяч рублей — вот правдивая картина, развертываемая проворовавшимся и обиженным Снессаревым.

Миллионное предприятие «Нового Времени» падает. Сынки миллионера-ренегата А. С. Суворина прокучивают и выкидывают зря миллионы. Надо спасать благородную газету. Является на сцену «директор-распорядитель Волжско-Камского банка П. Л. Барк» (стр. 85). Он убеждает А. С. Суворина передать дело товариществу, которое в августе 1911 г. получило *высочайше* утвержденный устав, причем из 800 паев 650 было у А. С. Суворин-

на (най по 5000 руб.). Баланс при учреждении общества составлен был фиктивный (стр. 97) — поясняет г. Снессарев и добавляет, что «подобный баланс могли принять при учреждении товарищества или совершенно ничего не понимавшие в цифрах люди... или люди вроде г. Гучкова, т. е. прекрасно понимавшие дело, но преследующие только свои личные цели». Героями этого учреждения товарищества (учредительное собрание 10 ноября 1911 г.) были *сам Снессарев*, П. Л. Барк, В. П. Буренин, октябрист член Государственной думы Шубинский, сынки благородного ренегата А. С. Суворина и т. д.

Эта высокопочтенная компания орудовала, как видит читатель, с ноября 1911 года особенно ретиво. А *с 1912 года* — повествует пострадавший Снессарев — привилегия «Нового Времени» получать объявления земельных банков («не такой большой доход»: всего 15 000 руб. в год, или «что-то около» этого!), привилегия эта стала субсидией. Ибо по закону объявления должны идти в наиболее распространенной газете. «Новое Время» *не* было тогда наиболее распространенной, но оно «пустило в ход» («в первый раз», божится благородный Снессарев) свои закулисные влияния и знакомства в правительственных сферах, чтобы оставить за собой объявления земельных банков. «При решении этого вопроса в совете министров после довольно серьезного колебания было решено оставить объявления «Новому Времени»» (стр. 21).

Устраивается клуб литературно-художественного общества, «попросту говоря, игорный дом» (стр. 69); «в долговых книгах клуба за сотрудниками «Нового Времени» значились тысячи рублей долгов. Их просто списывали со счетов».

Биржевой делец Манус, разбогатевший на бирже, награбивший состояние «в несколько миллионов» (120), при участии гг. Меньшиковых и т. д., ведет кампанию в «Новом Времени» за удаление министра Коковцова. Читателям предоставляется гадать, по скольку десятков тысяч получили все эти «деятели» и по скольку недополучили.

Пляска миллионов. Пятимиллионный баланс «Нового Времени», из них около трех миллионов — фикция. Жалованья и гонорары — 2—3 тысячи рублей *в месяц* второстепенным, третьестепенным работникам. Выкидывают же сотни тысяч и миллионы. Займы в банках сотни тысяч. Всеобщая продажность. Проституция всех сортов, незаконная и законная, браком освященная. Лучшее и высшее петербургское общество. Миллионеры, министры, биржевики, знатные иностранцы. Игорные дома. Шантаж разных видов. «Никаких политических убеждений» (стр. 36). Зависть и подножки. Амфитеатров и Снессарев, вызывающие на дуэль инженера, обидевшего редакцию «Нового Времени», которая облила помоями студентов. А. С. Суворин, «очень любящий» Амфитеатрова, но не могущий «отказать себе в удовольствии причинить ему неприятность»: пропустить фельетон Буренина с «скверной» выходкой против актрисы Райской, жены Амфитеатрова. Буренин

вышибает Амфитеатрова. Сынки Суворина, делающие долги в сотни тысяч рублей.

Убыток «Нового Времени» в 1905 году — 150 000 рублей. Московские купцы-заводчики, испуганные 1905 годом, дают 100 000 рублей на газету для рабочих патриотического направления. «Новое Время» берется, по их просьбе, организовать дело. Газета «провлачила жалкое существование» два года и закрылась. Москвичи потеряли 100 000 руб., нововременцы — 150 000 руб. (61).

Воры, публичные мужчины, продажные писатели, продажные газеты. Это — наша «большая пресса». Это — цвет «высшего» общества. Этих людей «все» знают, у них «везде» связи... Бесстыдная наглость крепостников, обнимающаяся впотьмах с бесстыдной продажностью буржуазии, вот она — «святая Русь».

Напечатано 20 марта 1914 г. *П. с. с., т. 25, с. 5—8.*

РЕЦЕНЗИЯ

Н. А. Рубакин. **Среди книг.** *Том II (Изд-тво «Наука»). М. 1913 г. Цена 4 руб. (Изд. 2-ое)*[23]

Громадный том в 930 страниц большого формата очень убористой печати, частью в два столбца, представляет из себя «опыт обзора русских книжных богатств в связи с историей научно-философских и литературно-общественных идей». Так значится в подзаголовке книги.

Содержание рассматриваемого второго тома охватывает различные области общественных наук. Сюда входит, между прочим, и социализм как в Западной Европе, так и в России. Нечего и говорить, что издание подобного типа представляет громадный интерес и что план автора, в общем и целом, вполне верен. В самом деле, дать *разумный* «обзор русских книжных богатств» и «справочное пособие» для самообразования и библиотек нельзя иначе, как в связи с историей идей. Тут нужны именно «предварительные замечания» по каждому отделу (которые и дает автор) с общим обзором предмета и с точным изложением *каждого* идейного течения, а затем перечень литературы к этому отделу и по каждому идейному течению.

Автором и его многочисленными сотрудниками, названными в предисловии, затрачен громадный труд и начато чрезвычайно ценное предприятие, которому от души надо пожелать расти и развиваться вширь и вглубь. Особенно ценно, между прочим, то, что автор не исключает ни зарубежных, ни подвергшихся преследованиям изданий. Ни одной солидной библиотеке без сочинения г-на Рубакина нельзя будет обойтись.

Недостатки сочинения — эклектизм автора и недостаточно широкое (вернее, едва только начавшее применяться) обращение к специалистам за сотрудничеством по определенным вопросам.

Первый недостаток стоит, пожалуй, в связи с курьезным предубеждением автора против «полемики». В предисловии г. Рубакин заявляет, что он «на своем веку никогда не участвовал ни в каких полемиках, полагая, что в огромнейшем числе случаев полемика — один из лучших способов затемнения истины посредством всякого рода человеческих эмоций». Автор не догадывается, во-1-х, что без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания* истины. Автор забывает, во-2-х, что он хочет дать обзор «истории идей», а история идей есть история смены и, *следовательно*, *борьбы* идей.

Одно из двух: *или* относиться бессознательно к борьбе идей — и тогда трудненько браться за ее историю (не говоря уже об участии в этой борьбе); *или* отказаться от претензии «никогда не участвовать ни в каких полемиках». Я открываю, например, «предварительные замечания» г. Рубакина относительно теории политической экономии и вижу сразу, что автор выходит из указанной дилеммы посредством, во-1-х, *прикрытой* полемики (вид полемики, имеющий все недостатки ее и ни одного из ее больших достоинств), во-2-х, посредством защиты эклектицизма.

Излагая «Краткий курс» Богданова, г. Рубакин «позволяет себе» отметить «интересную» аналогию одного из выводов автора-«марксиста» с «известной формулой прогресса Н. К. Михайловского» (стр. 815)...

О, г. Рубакин, «никогда на своем веку не участвовавший ни в каких полемиках»!..

А страничкой раньше воспевается «строгая научность, глубокий анализ и критическое отношение к важнейшим теориям»... кого бы вы думали?.. образцового эклектика г. Тугана-Барановского!!. Г-н Рубакин сам вынужден признать, что сей профессор сторонник немножечко марксизма, немножечко народничества, немножечко «теории предельной полезности», но тем не менее называет его «социалистом»!!! Разве писать такую чудовищную вещь не значит *полемизировать* в самой худшей возможной форме *против* социализма?

Если бы г. Рубакин те 80 с лишним тысяч букв (т. е. целую брошюру), которые он написал как введение в литературу политической экономии, разделил на четыре части и поручил написать их, скажем, черносотенцу, либералу, народнику и марксисту,— то *открытой* полемики было бы больше, и 999 читателей из 1000 в тысячу раз легче и быстрее нашли бы истину.

Подобный прием — обращение за сотрудничеством к представителям «полемики» — г. Рубакин осуществил в вопросе о большевизме и меньшевизме, уделив по полустраничке мне и Л. Мартову. Что до меня касается, то я изложением Л. Мартова чрезвычайно доволен, например, его признанием, что ликвидатор-

ство сводится к попыткам «создать открытую рабочую партию» и к «отрицательному отношению к сохранившимся подпольным организациям» (стр. 771—772), или его признанием: «меньшевизм не видел для пролетариата иной возможности плодотворного участия в данном кризисе» (т. е. кризисе 1905 года), «кроме содействия буржуазно-либеральной демократии в ее попытках оттеснить от государственной власти реакционную часть имущих классов — содействия, которое, однако, пролетариат должен осуществлять, сохраняя полную политическую самостоятельность» (772).

Как только г. Рубакин начинает самостоятельно продолжать очерк меньшевизма, получаются ошибки, например, утверждение, будто Аксельрод вместе с Плехановым «*отошел*» от ликвидаторства (772). Не ставя в особую вину г-ну Рубакину подобных ошибок, неизбежных вначале при таком разностороннем сводном издании, нельзя не пожелать, чтобы автор почаще применял метод обращения к представителям разных течений *во всех* областях знания. От этого выиграют точность и полнота работы да и *объективность* ее; от этого проиграют только эклектицизм и *прикрытая* полемика.

Напечатано в апреле 1914 г. *Н. с, с., т. 25, с. 111—114.*

И. Ф. АРМАНД

Dear friend! * План брошюры очень советую написать поподробнее [24]. Иначе слишком многое неясно.

Одно мнение должен высказать уже сейчас:

§ 3 — «требование (женское) свободы любви» советую вовсе выкинуть.

Это выходит действительно не пролетарское, а буржуазное требование.

В самом деле, что Вы под ним понимаете? Что *можно* понимать под этим?

1. Свободу *от* материальных (финансовых) расчетов в деле любви?
2. Тоже *от* материальных забот?
3. от предрассудков религиозных?
4. от запрета папаши etc.?
5. от предрассудков «общества»?
6. от узкой обстановки (крестьянской или мещанской или интеллигентски-буржуазной) среды?
7. от уз закона, суда и полиции?
8. от серьезного в любви?
9. от деторождения?
10. свободу адюльтера? и т. д.

---

* — Дорогой друг! — *Ред.*

Я перечислил много (не все, конечно) оттенков. Вы понимаете, конечно, не №№ 8—10, а или №№ 1—7 или *вроде* №№ 1—7.

Но для №№ 1—7 надо выбрать иное обозначение, ибо свобода любви не выражает точно этой мысли.

А публика, читатели брошюры *неизбежно* поймут под «свободой любви» вообще нечто вроде №№ 8—10, даже *вопреки Вашей воле*.

Именно потому, что в современном обществе классы, наиболее говорливые, шумливые и «вверхувидные», понимают под «свободой любви» №№ 8—10, именно поэтому сие есть не пролетарское, а буржуазное требование.

Пролетариату важнее всего №№ 1—2, и затем №№ 1—7, а это собственно не «свобода любви».

Дело не в том, что̀ Вы *субъективно* «хотите понимать» под этим. Дело в *объективной логике* классовых отношений в делах любви.

Friendly shake hands!

*W. I.**

Написано 17 января 1915 г.
Берн.

П. с. с., т. 49, с. 51—52.

И. Ф. АРМАНД

Дорогой друг! Извиняюсь за опоздание с ответом: хотел вчера, да меня задержали и не оказалось времени сесть за письмо.

По поводу Вашего плана брошюры я находил, что «требование свободы любви» неясно и — независимо от Вашей воли и желания (я подчеркивал это, говоря: дело в объективных, классовых отношениях, а не в Ваших субъективных желаниях) — явится в современной общественной обстановке буржуазным, а не пролетарским требованием.

Вы не согласны.

Хорошо. Рассмотрим дело еще раз.

Чтобы неясное сделать ясным, я перечислил примерно десяток *возможных* (и неизбежных в обстановке классовой розни) различных толкований, причем отметил, что толкования 1—7, по-моему, будут типичны или характерны для пролетарок, а 8—10 для буржуазок.

Если это опровергать, то надо показать: (1) что эти толкования неверны (тогда заменить их другими или отметить неверные) или (2) неполны (тогда добавить недостающее) или (3) не так делятся на пролетарские и буржуазные.

Ни того, ни другого, ни третьего Вы не делаете.

Пунктов 1—7 Вы вовсе не касаетесь. Значит, признаете их (в общем) правильность? (То, что̀ Вы пишете о проституции пролетарок и их зависимости: «невозможности сказать нет» вполне подхо-

* — Дружески жму руку! *В. И.— Ред.*

дит под пп. 1—7. Несогласия у нас здесь нельзя усмотреть ни в чем.)

Не оспариваете Вы и того, что это *пролетарское* толкование.

Остаются пп. 8—10.

Их Вы «немного не понимаете» и «возражаете»: «не понимаю, как можно (так и написано!) *отождествлять* (!!??) свободу любви с» п. 10...

Выходит, что *я* «отождествляю», а Вы *меня* разносить и разбивать собрались?

Как это? что это?

Буржуазки понимают под свободой любви пп. 8—10— вот мой тезис.

Опровергаете Вы его? Скажите, что *буржуазные* дамы понимают под свободой любви?

Вы этого не говорите. Неужели литература и жизнь не *доказывают*, что буржуазки именно это понимают? Вполне доказывают! Вы молча признаете это.

А раз так, дело тут в их классовом положении, и «опровергнуть» *их* едва ли можно и едва ли не наивно.

Надо ясно *отделить* от них, *противопоставить* им пролетарскую точку зрения. Надо учесть тот объективный факт, что иначе *они* выхватят соответствующие места из вашей брошюры, истолкуют их по-своему, сделают из вашей брошюры воду на свою мельницу, извратят ваши мысли перед рабочими, «*смутят*» рабочих (посеяв в них опасение, не *чужие* ли идеи *Вы* им несете). А в их руках тьма газет и т. д.

А Вы, совершенно забыв объективную и классовую точку зрения, переходите в «атаку» на *меня*, будто я «отождествляю» свободу любви с пп. 8—10... Чудно, ей-ей, чудно...

«Даже мимолетная страсть и связь» «поэтичнее и чище», чем «поцелуи без любви» (пошлых и пошленьких) супругов. Так Вы пишете. И так собираетесь писать в брошюре. Прекрасно.

Логичное ли противопоставление? Поцелуи без любви у пошлых супругов *грязны*. Согласен. Им надо противопоставить... что?... Казалось бы: поцелуи *с любовью?* А Вы противопоставляете «мимолетную» (почему мимолетную?) «страсть» (почему не любовь?) — выходит, по логике, будто поцелуи без любви (мимолетные) противопоставляются поцелуям без любви супружеским... Странно. Для популярной брошюры не лучше ли противопоставить мещански-интеллигентски-крестьянский (кажись, п. *6* или п. 5 у меня) пошлый и грязный брак без любви — пролетарскому гражданскому браку с любовью (с добавлением, если уж непременно хотите, что и мимолетная связь-страсть может быть грязная, может быть и чистая). У Вас вышло противопоставление не классовых *типов*, а что-то вроде «казуса», который возможен, конечно. Но разве в казусах дело? Если брать тему: казус, индивидуальный случай грязных поцелуев в браке и чистых в мимолетной связи,—

эту тему надо разработать в романе (ибо тут весь *гвоздь* в *индивидуальной* обстановке, в анализе *характеров* и психики *данных* типов). А в брошюре?

Вы очень хорошо поняли мою мысль насчет неподходящей цитаты из Кей [25], сказав, что-де «нелепо» выступать в роли «профессоров ès любовь». Именно. Ну, а в роли профессоров ès мимолетная и т. д.?

Право же, мне вовсе не полемики хочется. Я бы охотно отбросил это свое письмо и отложил дело до беседы. Но мне хочется, чтобы брошюра была хороша, чтобы из нее никто *не мог* вырывать неприятных для Вас фраз (иногда *одной* фразы довольно, чтобы была ложка дегтю...), *не мог* Вас *перетолковывать*. Я уверен, что Вы и здесь «против воли» написали, и посылаю это письмо только потому, что может быть Вы обстоятельнее разберете план в связи с письмами, чем по поводу бесед, а ведь план вещь очень важная.

Нет ли у Вас знакомой француженки-социалистки? Переведите ей (якобы с английского) мои пп. 1—10 и Ваши замечания о «мимолетной» и т. д. и посмотрите на нее, послушайте ее внимательнее: маленький опыт, что скажут люди *со стороны*, каковы их впечатления, их ожидания от брошюры?

Жму руку и желаю поменьше хворать головной болью и поскорее поправляться.

В. У.

P. S. Насчет Божи [26] не знаю... Возможно, что my friend * переобещал... Но что? Не знаю. Дело отложено, т. е. конфликт отложен, не устранен. Надо будет бороться и бороться!! Удастся ли их отговорить? Каково Ваше мнение?

Написано 24 января 1915 г. Берн.

П. с. с., т. 49, с. 54—57.

---

* — мой друг.— *Ред.*

Из письма

М. И. УЛЬЯНОВОЙ

...Здесь я не был ни в Эрмитаже, ни в театрах. Одному что-то не хочется идти. В Москве с удовольствием схожу с тобой в Третьяковскую галерею и еще куда-нибудь...

Написано в октябре 1893 г., Петербург. *П. с. с., т. 55, с. 2.*

Из письма

М. И. УЛЬЯНОВОЙ

...Предложением твоим насчет выписок в Румянцевской библиотеке я, наверное, воспользуюсь [27]. Вчера попал-таки в здешнюю знаменитую библиотеку Юдина, который радушно меня встретил и показывал свои книгохранилища. Он разрешил мне и заниматься в ней, и я думаю, что это мне удастся. (Препятствия тут два: во-1-х, его библиотека за городом, но расстояние небольшое, всего версты две, так что это приятная прогулка. Во-2-х, библиотека не закончена устройством, так что я могу чрезмерно обременить хозяина частым спрашиванием книг.) Посмотрим, как это выйдет на деле. Думаю, что и второе препятствие устранится. Ознакомился я с его библиотекой далеко не вполне, но это во всяком случае замечательное собрание книг. Имеются, напр., полные подборы журналов (главнейших) с конца 18 века до настоящего времени. Надеюсь, что удастся воспользоваться ими для справок, которые так нужны для моей работы...

Написано 10 марта 1897 г., Красноярск. *П. с. с., т. 55, с. 24.*

Из письма

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

24/II.98.

Получил я сегодня, дорогая мамочка, кучу писем со всех концов России и Сибири и поэтому чувствовал себя весь день в праздничном настроении.

От Маняши и Анюты получил письма от 9.II, затем «Юридический Вестник» и «Статистический Временник», а также «Дневник съезда» (техников). Спасибо за все. Последний был очень интересен, и Анюте за него особенное спасибо [28]. Она пишет, что Амичиса книга детская. Этого я не знал,— но и детская будет здесь полезна, ибо детям Проминского нечего читать. Я даже думал такую вещь сделать: выписать себе «Ниву» [29]. Для ребят Проминского это было бы очень весело (картинки еженедельно), а для меня — полное собрание сочинений Тургенева, обещанное «Нивой» в премию, в 12 томах. И все сие за семь рублей с пересылкой! Соблазнительно очень. Если только Тургенев будет издан сносно (т. е. без извращений, пропусков, грубых опечаток), тогда вполне стоит выписать. Не видал ли кто-нибудь из наших премий «Нивы» за прошлые годы? Кажется, она давала Достоевского? Сносно ли было?..

Шушенское. *П. с. с., т. 55, с. 80.*

Из письма

А. И. ПОТРЕСОВУ

27.IV.99.

...О выходе новой книги Бернштейна я знаю, и выписал ее, но вряд ли вышлют. Из статьи о ней в «Frankfurter Zeitung» и в «Жизни» [30] (недурной журнал! Беллетристика прямо хороша и даже лучше всех!) я вполне убедился в том, что я понимал отрывочные статьи Бернштейна неверно и что он заврался действительно до невозможности...

...Карелина книжку [31] выписал и прочел раньше, чем получил от Вас. Понравилась мне она очень; чертовски досадно, что ее обкорнали! Не напишете ли об ней рецензии?..

Шушенское. *П. с. с., т. 46, с. 25, 26.*

Из письма

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

17/X.99

...Слышал о новой газете в Питере «Северный Курьер» [32] — собираюсь выписать ее, как только увижу в газетах объявление. Юлий писал мне из Туруханска, что в «Новостях» был фельетон

М. Энгельгардта: «Раскрытые карты» с жестоким «разносом» книги Ильина о капитализме. Интересно бы посмотреть,— если только разыскание и покупка этого номера в Москве не представит слишком много хлопот. «*Жизнь*» вижу изредка; седьмой номер мне прислали совершенно неожиданно прямо из Питера и чуть ли не прямо из редакции (sic!!?!!). «Научное Обозрение» [33] присылают иногда товарищи: его получают несколько близко живущих лиц, с которыми иногда удается и видеться...

Шушенское. *П. с. с., т. 55, с. 178—179.*

Из письма

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

26/XII.00.

...Вполне ли здорова ты, моя дорогая? Не очень ли скучаешь без Анюты? В каком положении Манино дело? Кстати, забыл передать ей, что Пушкина получил — очень благодарю, а также и письмо ее от 6.XII тоже получил...

Мюнхен. *П. с. с., т. 55, с. 198.*

Из письма

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

20/II.01.

...Бываете ли в театре? Что это за новая пьеса Чехова «Три сестры»? Видели ли ее и как нашли? Я читал отзыв в газетах. Превосходно играют в «Художественном — общедоступном» — до сих пор вспоминаю с удовольствием свое посещение в прошлом году вместе с беднягой Колумбом...

Мюнхен. *П. с. с., т. 55, с. 204.*

Из работы

«АГРАРНЫЙ ВОПРОС И «КРИТИКИ МАРКСА»»

...Милый г. Чернов! Как он удивительно похож на тургеневского Ворошилова: помните — в «Дыме» — молодого русского приват-доцента, который совершал променад по заграннце, отличался вообще большой молчаливостью, но от времени до времени его прорывало, и он начинал сыпать десятками и сотнями ученых и ученейших, редких и редчайших имен? Точь-в-точь наш ученый г. Чернов, который совсем уничтожил этого невежественного Каутского. Только... только не справиться ли нам все же с книгой

Каутского? Не заглянуть ли нам хоть в оглавление ее? Находим главу IV: «Современное сельское хозяйство», параграф d) «удобрения, *бактерии*». Открываем параграф d) и читаем:

«Во второй половине прошлого десятилетия было сделано открытие, что стручковые растения в отличие от остальных культурных растений получают почти весь свой запас азота не из почвы, а из воздуха, что они делают почву не только не беднее азотом, а еще богаче. Но этим свойством обладают они лишь в том случае, если в почве имеются известные микроорганизмы, пристающие к их корням. Там, где нет этих микроорганизмов,— можно посредством соответствующей прививки придать стручковым растениям способность превращать бедную азотом почву в богатую азотом и таким образом удобрять до известной степени эту почву для других культурных растений. Прививка бактерий стручковым растениям дает, по общему правилу, возможность, в соединении с соответствующими минеральными удобрениями (фосфорнокислыми солями и калийными удобрениями), получать с земли постоянно самые высокие урожаи и без навоза. Лишь благодаря этому открытию «свободное хозяйство» приобрело вполне прочный базис» (Kautsky, 51—52). Кто же обосновал научно это замечательное открытие собирающих азот бактерий? — Гельригель...

Вина Каутского в том, что он имеет скверную привычку (которая наблюдается также у многих узких ортодоксов) — не забывать никогда о том, что члены боевой социалистической партии должны и в ученых своих трудах не упускать из виду читателя-рабочего, должны стараться писать *просто*, без тех ненужных ухищрений слога, без тех внешних признаков «учености», которые так пленяют декадентов и титулованных представителей официальной науки. Каутский и здесь предпочел рассказать толково и ясно, в чем состоят новейшие агрономические открытия, и опустить ничего не говорящие для девяти десятых публики ученые имена. Ворошиловы поступают наоборот: они предпочитают высыпать целый мешок ученых имен из области агрономии, политической экономии, критической философии и т. п., загромождая ученым сором суть дела...

Написано в июне — сентябре 1901 г. *П. с. с., т. 5, с. 147—149.*

Из письма
М. А. УЛЬЯНОВОЙ

24/III.02.

...Видаю иногда русские журналы — далеко не все и далеко не правильно. Как у вас довольны новой вересаевской повестью в «Мире Божьем»? Я поначалу ждал большего, а продолжением не совсем доволен...[34]

Мюнхен. *П. с. с., т. 55, с. 219.*

Из статьи

«РЕВОЛЮЦИОННЫЙ АВАНТЮРИЗМ»

...Как и всякий другой класс современного общества, пролетариат не только вырабатывает свою собственную интеллигенцию, но и берет себе также сторонников из числа всех и всяких образованных людей. Поход с.-р. против основного «догмата» марксизма лишний раз доказывает только, что всю силу этой партии представляет та кучка русских интеллигентов, которые от старого отстали, а к новому не пристали.

Что касается до крестьянства, то о нем суждения с.-р. еще более сбивчивы. Чего стоит уже одна постановка вопроса: «какие общественные классы вообще (!) всегда (!!) держатся за существующий... (самодержавный только? или вообще буржуазный?)... порядок, охраняют его и не поддаются революционизированию?». Собственно говоря, на этот вопрос только и можно ответить вопросом: какие элементы интеллигенции вообще всегда держатся за существующий хаос идей, охраняют его и не поддаются определенному социалистическому мировоззрению? Но с.-р. на несерьезный вопрос хотят дать серьезный ответ. Они относят к «этим» классам, во-1-х, буржуазию, ибо ее «интересы удовлетворены». Этот старый предрассудок, будто интересы русской буржуазии настолько уже удовлетворены, что у нас нет и быть не может буржуазной демократии (ср. «Вестн. Русск. Рев.» № 2, с. 132—133 [35]), составляет теперь общее достояние «экономистов» и с.-р. Еще раз: не научит ли их уму-разуму г. Струве?

Во-2-х, с.-р. относят к этим классам «мелкобуржуазные слои», «интересы коих индивидуалистичны, не определены как классовые и не формулируются в реформаторскую или революционную социально-политическую программу». Откуда сие, аллах ведает. Что мелкая буржуазия не только не охраняет вообще и всегда существующий порядок, а, напротив, нередко выступает революционно даже против буржуазии (именно: когда примыкает к пролетариату), очень часто — против абсолютизма и почти всегда формулирует социально-реформаторские программы, это известно всем и каждому. Наш автор просто сболтнул «пошумнее» против мелкой буржуазии, следуя тому «житейскому правилу», которое в одном из своих «Стихотворений в прозе» излагал, со слов «старого пройдохи», Тургенев: кричать погромче против тех пороков, которые за собой чувствуешь...[36]

Напечатано 1 сентября 1902 г. *П. с. с., т. 6, с. 389—390.*

Из письма

«ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ УХОДА ИЗ РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»»

Женева, 20 февраля 1904 г.

...Для того, чтобы стать действительным сторонником меньшинства, тов. Плеханову придется еще, пожалуй, сделать два маленьких шага: во-первых, признать, что защищавшаяся тов. Мартовым и Аксельродом на съезде (и усердно замалчиваемая ими теперь) формулировка параграфа первого устава [37] выражает собой не шаг к оппортунизму, не спасование перед буржуазным индивидуализмом, а зерно новых, истинно социал-демократических, акимовски-мартовских и мартыновски-аксельродовских организационных взглядов. Во-вторых, признать, что борьба после съезда с меньшинством была не борьбой против грубых нарушений партийной дисциплины, против агитационных приемов, вызывающих только негодование, не борьбой против анархизма и анархической фразы... а борьбой против «осадного положения», бюрократизма, формализма и проч.

Спорными вопросами этого рода мне придется подробно заняться в брошюре, подготовляемой теперь к печати. А пока... пока будем присматриваться к галерее гоголевских типов, открытой нашим руководящим органом, принявшим за правило задавать читателям загадки. Кто похож на прямолинейного Собакевича, наступающего всем на самолюбие, то-бишь на мозоли? Кто похож на увертливого Чичикова, покупающего вместе с мертвыми душами также и молчание? Кто на Ноздрева и на Хлестакова? на Манилова и на Сквозника-Дмухановского? Интересные и поучительные загадки... «Принципиальная полемика»...

Н. Ленин

П. с. с., т. 8, с. 180.

Из письма

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

4.II.03.

...Недавно были первый раз за эту зиму в хорошем концерте и остались очень довольны,— особенно последней симфонией Чайковского (Symphonie pathétique *). Бывают ли у вас в Самаре хорошие концерты? В театре немецком были раз,— хотелось бы в русский Художественный, посмотреть «На дне»...

Лондон. *П. с. с., т. 55, с. 229.*

---

* — Патетическая симфония.— *Ред.*

Из письма

М. М. ЛИТВИНОВУ

...Состав литературной группы для будущего нашего ЦО [38] тоже вполне намечен (пятеро или шестеро: Рядовой, Галерка, я, Шварц + *Луначарский* + может быть *Базаров*)...

Написано 8 декабря 1904 г. *П. с. с., т. 46, с. 418.*
Женева.

Из письма

А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ

...Нужна живая, резкая, *тонкая* и подробная характеристика (литературно-критическая) этих черносотенников [39]. Ведь, в сущности, эта фальшь лежит в основе и у Л. М. (читали безобразие в № 107? Шварц отвечает статьей. Не знаю, стоит ли?) — и у Старовера. Надо бы собрать ряд таких статей и брошюр, осветить грубую ложь, *поймать* ее так, чтобы вывернуться было невозможно, пригвоздить и заклеймить именно как «черносотенную литературу». Материалу теперь новоискровцы дали массу, и если бы тщательно обработать его, осветить эти паскудные приемы *сплетни*, наушничества etc. etc. во всей их прелести,— то могла бы выйти сильная вещь. Одни эти глухие «личные намеки» Л. М.— какая это беспредельная гадость!!

За первую тему я, может быть, возьмусь, но не сейчас, не скоро; некогда * (а там, пожалуй, опоздает совсем!).

За вторую я бы не взялся и думаю, что могли бы сделать это *только* Вы. Невеселая работа, вонючая, слов нет,— но ведь мы не белоручки, а газетчики, и оставлять «подлость и яд» незаклейменными непозволительно для публицистов социал-демократии.

Подумайте об этом и черкните...

Написано между 15 и 19 августа 1905 г. *П. с. с., т. 47, с. 58.*
Женева.

Из письма

А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ

...А потом еще насчет раскола [41]. Вы меня не поняли. Ждать Вам меня нечего, ибо это темы разные: одна — история (постараемся се наладить); другая — очерк их приемов полемики. Литературно-критический очерк на тему: скажем, «Лубочная литера-

* Я теперь засяду за ответ Плеханову («Социал-Демократ» № 2). Его надо разделать вовсю, ибо у него тоже тьма гнусностей и жалкие аргументы. Надеюсь, это мне удастся.

Затем у меня бродит в голове план популярной брошюры: «Рабочий класс и революция» — характеристика демократических и социалистических задач, затем выводы о восстании и временном революционном правительстве и т. д. Думается, такая брошюра необходима [40].

тура». И тут уже разобрать, в нескольких главах на целую брошюру, с цитатами и с разъяснением всю эту пошлость Старовера, Мартова и др. в их полемике с «Пролетарием», а также перепевы в «Большинстве или меньшинстве» и т. д. Пригвоздите их за их *мизерный* способ войны. Сделайте из них *тип*. Нарисуйте их портрет во весь рост по цитатам из них же. Я уверен, это у Вас вышло бы, только капельку пособирать цитат...

Написано в конце августа 1905 г. Женева. — *П. с. с., т. 47, с. 63.*

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ДУШЕЧКА

Приветствуемый «Освобождением» [42] тов. Старовер продолжает в новой «Искре» каяться в грехах, содеянных им (по неразумию) участием в старой «Искре». Тов. Старовер очень похож на героиню чеховского рассказа «Душечка». Душечка жила сначала с антрепренером и говорила: мы с Ванечкой ставим серьезные пьесы. Потом жила она с торговцем лесом и говорила: мы с Васечкой возмущены высоким тарифом на лес. Наконец, жила с ветеринаром и говорила: мы с Колечкой лечим лошадей. Так и тов. Старовер. «Мы с Лениным» ругали Мартынова. «Мы с Мартыновым» ругаем Ленина. Милая социал-демократическая душечка! в чьих-то объятиях очутишься ты завтра?

Написано позднее 24 сентября (7 октября) 1905 г. — *П. с. с., т. 11, с. 281.*

Из работы

«ПОБЕДА КАДЕТОВ И ЗАДАЧИ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ»

...Когда наступает затишье после отчаянной борьбы, когда наверху «отдыхает уставший от победы», обожравшийся зверь *, а внизу «точат мечи», собирая новые силы, когда начинает снова понемногу бродить и кипеть в народной глубине, когда только еще готовится новый политический кризис и новый великий бой,— тогда партия мещанских иллюзий о народной свободе переживает кульминационный пункт своего развития, упивается своими победами. Обожравшемуся зверю лень подниматься снова, чтобы нападать на либеральных говорунов вплотную (успеется еще! над нами не каплет!). А для борцов рабочего класса и крестьянства не паста-

* *Скиталец* — «Тихо стало кругом»: «Струны порваны! песня, умолкни теперь! Все слова мы до битвы сказали. Снова ожил дракон, издыхающий зверь, и мечи вместо струн зазвучали... Тихо стало кругом; в этой жуткой ночи нет ни звука из жизни бывалой. Там — внизу — побежденные точат мечи, наверху — победитель усталый. Одряхлел и поосох обожравшийся зверь. Там, внизу что-то видит он снова, там дрожит и шатается старая дверь, богатырь разбивает оковы» [43].

ла еще пора нового подъема. Тут-то и ловить момент, тут-то и собирать голоса всех недовольных (а кто нынче доволен?), тут-то и заливаться соловьем нашим кадетам...

Написано 24—28 марта (6—10 апреля) 1906 г. *П. с. с., т. 12, с. 291—292.*

Из статьи

«РУКИ ПРОЧЬ!»

...Вот один из многих образчиков того, как анонимные составители книги («Москва в декабре 1905 г.».— *Ред.*) «обработывают» данный им с.-д. организациями материал. Речь идет о роли революционных организаций в московских событиях и в частности о воззвании Боевой организации при МК РСДРП, напечатанном 11-го декабря в № 5 «Известий Совета Рабочих Депутатов». Составители, не дав никакого цельного изложения содержания и характера этих «Известий», упражняют свое глубокомыслие посредством такой критики. Они цитируют № 5: «Бой разгорается вовсю. На улицах Москвы идет в течение многих часов ряд кровавых сражений восставшего народа с царскими войсками». Составители «критикуют»: «Мы знаем, что на улицах Москвы были лишь стычки войск с немногочисленными отрядами дружинников». И они с фальшивым пафосом вопиют против «замены (sic!) массовой борьбы борьбой вооруженных кучек», восклицают: «Где же должны были быть массы, в чем могла проявиться их активность?» и т. д., и т. п. ...Как не назвать дрянненькими эти потуги доктринерски «умничать», эти словесные придирки, когда у тех же «составителей» вы найдете *целый ряд* мест в книге, где говорится о народе вообще, о выходе «всего населения» на улицу? Да поймите вы, жалкие люди, что быть 11-го декабря в Москве в революционной организации и *не говорить* о восставшем народе могли бы только черносотенцы или педанты с совершенно выхолощенной душой вроде Поллака в «К звездам» Леонида Андреева!..

Напечатано 8 сентября 1906 г. *П. с. с., т. 13, с. 388—389.*

Из статьи

«УСЛЫШИШЬ СУД ГЛУПЦА»...»

...Взять у помещика, но не отдать пролетарию,— вот лозунг партии хозяйственных мужичков.

Проект же 33-х предлагает немедленную и полную отмену частной собственности на землю. «Поравнительная» утопия здесь тоже есть и в таком же масштабе, но боязни «отдать» нет. Это — утопия не оппортунистического, а революционного мелкого буржуа, не хозяйственного мужика, а разоренного мужика, не мечта нажиться от помещика, на счет пролетария, а мечта облагодетель-

ствовать всех, и пролетариев в том числе, посредством поравнения. Это — не боязнь втянуть в движение самые широкие и самые бедные массы, а желание втянуть их в борьбу (желание, не сопровождающееся уменьем и пониманием дела) *...

15 января 1907 *П. с. с., т. 14, с. 287—288.*

Из письма

А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ

...Читаете ли «Товарищ»? Как нравится он теперь? Не тряхнуть ли Вам стариной, посмеяться над ними в стихах? [45] Пишите, пожалуйста.

Крепко жму руку. Ваш *Ленин*

Написано между 2 и 11 ноября 1907 г. Куоккала. *П. с. с., т. 47, с. 116.*

Из письма

М. И. УЛЬЯНОВОЙ

7.II.08.

...Я еще не вполне устроился здесь,— напр., еще не вступил в свой «клуб», где легко читать журналы и доставать новые книги [46]. Постараюсь (как только вступлю — верно, на днях) выискивать, что можно, для перевода тебе...

P. S. Бончевских «Избранных произведений» [47] не получили...

Женева. *П. с. с., т. 55, с. 245, 246.*

Из статьи

«ОЦЕНКА МАРКСА МЕЖДУНАРОДНЫМ ЛИБЕРАЛИЗМОМ»

Один тургеневский герой переделал следующим образом стихи великого немецкого поэта:

Wer den Feind will versteh'n,
Muss im Feindes Lande geh'n [48],

то есть: «кто хочет знать своего врага, тот должен идти в страну этого врага», знакомиться непосредственно с обычаями, нравами, методами рассуждения и действия врага.

И марксистам не мешает бросить взгляд на то, как отозвались на чествование 25-летней годовщины смерти Маркса влиятельные

---

* По адресу этих,— да и других — мелкобуржуазных революционеров мы могли бы сказать, как один поэт анархист сказал по нашему адресу: «Ломать мы будем вместе, строить — нет» [44].

политические органы разных стран, особенно либеральные и «демократические» буржуазные газеты, соединяющие возможность влиять на массы читателей с правом говорить от имени официальной, казенной, титулованной, профессорской науки...

Напечатано 25 (12) марта 1908 г. *П. с. с., т. 16, с. 466.*

Из письма
М. А. УЛЬЯНОВОЙ [49]

P. S. Сегодня прочел один забавный фельетон о жителях Марса, по новой английской книге Lowell'я — «Марс и его каналы». Этот Lowell — астроном, долго работавший в специальной обсерватории и, кажется, лучшей в мире (Америка).

Труд научный. Доказывает, что Марс обитаем, что каналы — чудо техники, что люди там должны быть в $2^2/_3$ раза больше здешних, притом с хоботами, и покрыты перьями или звериной шкурой, с четырьмя *или шестью* ногами. Н...да, наш автор [50] нас поднадул, описавши марсианских красавиц *неполно*, должно быть по рецепту: «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман»...

Вышла новая повесть Горького: «Последние».

Написано летом 1908 г. *П. с. с., т. 55, с. 254.*
Женева.

Из письма
А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

6.II.09.

...Сейчас собираемся с Маняшей в театр — на русский спектакль. Дают «Дни нашей жизни» Андреева.

Париж. *П. с. с., т. 55, с. 267.*

Из статьи
««СОЖАЛЕНИЕ» И «СТЫД»» [51]

...«Я скажу,— распинается Маклаков,— что я конституционалист больше председателя Совета министров (воображаю, как смеялся про себя и у себя дома Столыпин по поводу этих слов: не в том дело, чтобы провозглашать себя конституционалистом, любезный, а в том, у *кого сила* определить, есть ли конституция и какова эта конституция!), но монархист не меньше его». (Столыпин улыбается еще более удовлетворенно: то-то, сначала погрозил, а потом прощения просит! Ну и вояка же этот Маклаков.) «Я считаю безумием создавать монархию там, где нет для нее корней, но

Библиотечная книга

точно так же безумием отрицать ее там, где ее исторические корни крепки...».

Сначала погрозив, потом попросив прощения, теперь начинает приводить аргумент *в пользу* Столыпина. О, великолепный парламентарий либерализма! О, несравненный вождь «конституционного» (lucus a non lucendo: * «конституционного» по случаю отсутствия конституции) центра, кадетско-октябристского центра!

«Председатель Совета министров,— гремит наш трибун «народной свободы» (читай: нашего исторического народного рабства),— еще может остаться у власти, его удержит у ней и боязнь той революции, которую его же агенты творят (голоса справа: «стыдно»; шум)... удержит и опасность создавать прецедент»!!

Повесть о том, как Иван Иванович стыдил Ивана Никифорыча, а Иван Никифорыч стыдил Ивана Ивановича. Стыдно не соблюдать обычных норм конституционализма, говорит Иван Иваныч Ивану Никифорычу. Стыдно грозить революцией, которой сам боишься, в которую не веришь, которой не помогаешь,— говорит Иван Никифорыч Ивану Иванычу.

Как вы думаете, читатель, который из двух спорящих больше «пристыдил» другого?..

...Если Львов 1-й сказал правду, то, значит, наша гражданственность принесена в жертву нашему «организованному (помещичьему) строю». Не обмолвился ли наш «прогрессист»? не хотел ли он сказать, что наш организованный помещичий строй будет принесен в жертву гражданственности России? не хотел ли он именно такой, гипотетический, оборот событий назвать демагогией? не хотел ли он сказать, когда он говорил: «бойтесь этой демагогии», что большинство третьей Думы должно бояться этого гипотетического оборота событий?

Повесть о том, как Иван Иваныч обвинял в демагогии Ивана Никифорыча, а Иван Никифорыч Ивана Иваныча. Вы демагог, сказал Иван Иваныч Ивану Никифорычу, ибо вы стоите у власти и пользуетесь этим для увеличения своего собственного влияния и своей власти, причем ссылаетесь на национальные интересы населения. Нет, вы — демагог, сказал Иван Никифорыч Ивану Иванычу, ибо вы кричите громко в публичном месте, будто у нас только произвол и нет ни конституции, ни основных законов, причем намекаете довольно невежливо на какое-то принесение в жертву нашего достояния.

Кто кого изобличил в конце концов в демагогии,— неизвестно. Но известно, что, когда два вора дерутся, от этого всегда бывает некоторая польза.

Напечатано 7 мая 1911 г. *П. с. с., т. 20, с. 247—248, 250.*

---

* — Непереводимое ироническое выражение, буквально означающее: «слово роща происходит от слова не светить» (на латинском языке слово «роща» созвучно слову «свет»).— *Ред.*

ДЕМЬЯНУ БЕДНОМУ

Уважаемый товарищ! Спешу уведомить Вас, что письмо Ваше от 15 ноября 1912 г. получил [52]. Адрес, очевидно, действует хорошо — писать можно и впредь так же. Мы были очень огорчены Вашим временным уходом из «Правды» и очень обрадованы возвратом [53]. Переписка с сотрудниками «Правды» у нас в последнее время, после печальных происшествий последних дней [54] особенно, совсем плоха. Это тяжко. Были бы очень рады, если бы Вы теперь, проверив адрес, т. е. убедившись, что Ваше письмо дошло, написали поподробнее и о себе, и о теперешней редакции «Правды», и о ведении самой «Правды», и о ее противниках, и о «Луче» и т. д.

Зачем еще подтверждение через редакцию «Правды»? Не понимаю.

Жму руку и шлю привет и за себя и за коллегу.

В. Ильин

Написано 5 декабря 1912 г. *П. с. с., т. 48, с. 117.*
Краков.

Из письма
Л. Б. КАМЕНЕВУ

Дорогой Л. Б.! Прежде всего горячий привет всем друзьям, благодарность за телеграмму и кучи наилучших пожеланий! (Клякса не в счет.) Salut, salut à vous...* Эх, послушал бы я теперь Montégus'a.

Ну, сбился с «серьезного» тона.

А есть «дела»...

...Луначарский пишет в «*Киевской Мысли*» [55] о «научном мистицизме». Достаньте и посеките его публично отечески...

Написано позднее 15 марта 1913 г. *П. с. с., т. 48, с. 75.*
Краков.

Из работы
«К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ» [56]

...Полицейский сыск, полицейский произвол, полицейские *помехи* просвещению народа вообще и рабочих в особенности, полицейское *разрушение* того, что делает сам народ для своего просвещения,— вот к чему сводится *вся* деятельность министерст-

---

* — Привет, привет вам...— *Ред.*

ва, смету которого будут одобрять господа помещики, от правых до октябристов включительно.

И чтобы *доказать* вам, гг. члены IV Думы, правильность моих слов, я вызову свидетеля, которого *даже* вы, господа помещики, не сможете отвести. Этот свидетель: член III и IV Государственной думы октябрист г. *Клюжев*, член попечительного совета 2-й и 3-ей самарской женской гимназии, член школьной комиссии при самарской городской думе, член ревизионной комиссии самарского губернского земства, бывший инспектор народных училищ...

И вот вам несколько цитат этого благонадежнейшего (с крепостнической точки зрения) свидетеля из его речи в *третьей* Думе по смете министерства народного просвещения.

Самарское земство — рассказывал в III Думе г. Клюжев — *единогласно* приняло предложение г-на Клюжева ходатайствовать о превращении некоторых двухклассных сельских училищ в четырехклассные. Попечитель округа — сообщает законопослушный и богобоязненный г. Клюжев — *отказывает*. Почему? Официальное объяснение: «*ввиду незначительного числа детей школьного возраста*».

И вот г. Клюжев делает следующее сопоставление: у *нас* (говорит он про задавленную помещиками Россию), у нас на 6000 жителей самарских сел *ни одного* четырехклассного училища. В городе Сердоболе (Финляндия) на *2 800* жителей — *четыре* средних (и выше средних) школы.

Таково сопоставление, сделанное г. октябристом и заслуженнейшим Передоновым *... виноват, я обмолвился... заслуженнейшим г-ном Клюжевым в III Думе. Подумайте над этим сопоставлением, господа представители, если не народные, то хоть помещичьи представители! Кто ходатайствовал об открытии училищ? Не левые ли? Не мужичье ли? Не рабочие ли? боже упаси!! Ходатайствовало *единогласно* самарское земство, т. е. самарские *помещики*, в том числе и наиболее черносотенные. А правительство, в лице попечителя, отказывает под предлогом, что «*незначительно*» число детей школьного возраста!! Ну, не прав ли я был целиком и всемерно, когда сказал, что правительство *мешает* народному просвещению в России? — что правительство — величайший враг народного просвещения в России?..

... Я приведу еще одно показание октябристского свидетеля г-на Клюжева. «Как вербуются педагоги?» — спрашивал в своей речи г. Клюжев и сам дал следующий ответ на свой вопрос:

«Один покойный самарский деятель, Попов, завещал капитал на устройство женской учительской семинарии». И кого, вы думаете, назначили начальницей семинарии. Вот что пишет душеприказчик покойного Попова: «А на место начальницы назначена *вдова гвардейского генерала*, которая, по собственному своему признанию, впервые услышала о существовании учебного заведения, называемого женскою учительскою семинарией»!!

---

* Передонов — тип учителя шпиона и тупицы в романе Сологуба «Мелкий бес».

Не подумайте, господа, что этот факт взят мной из сборника басен Демьяна Бедного, из такой басни, за которую «Просвещение» оштрафовали, а редактора его засадили в тюрьму *. Нет. Этот факт взят из речи октябриста Клюжева, который боится только (в качестве богобоязненного и полициебоязненного человека) *подумать* о значении этого факта. Ибо этот факт опять-таки с бесспорностью доказывает, что нет более злого, более непримиримого врага просвещения народа в России, чем российское правительство...

Написано 27 апреля (10 мая) 1913 г. *П. с. с., т. 23, с. 130—131, 132—133.*

Из письма

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

...Насчет Демьяна Бедного продолжаю *быть за*. Не придирайтесь, друзья, к человеческим слабостям! Талант — редкость. Надо его систематически и осторожно поддерживать. Грех будет на вашей душе, большой грех (во сто раз больше «грехов» личных разных, буде есть таковые...) перед рабочей демократией, если вы талантливого сотрудника не притянете, *не поможете* ему. Конфликты были мелкие, а дело серьезное. Подумайте об этом!..[57]

...Еще особый привет Витимскому: **очень** *удалась* статья его о рабочей печати и рабочей демократии против либералов!! [58] А богдановская «Идеология», *наверное*, ересь: обещаюсь вам доказать это точно!! [59]

Увеличению же тиража марксисты рады, когда он увеличивается *марксистскими* статьями, а не статьями *против марксизма*. Мы хотим идейной газеты,— все сотрудники и читатели «Правды» хотят этого — марксистской, а не махистской? Не так ли?..

Написано в мае, не ранее 25, 1913 г. *П. с. с., т. 48, с. 182, 183.*
Поронин.

Из письма

Н. К. КРУПСКОЙ—М. А. УЛЬЯНОВОЙ

26/XII.

...У меня с письмами последнее время шла какая-то итальянская забастовка. Отчасти виноват Володя. Увлек меня в партию «прогулистов». Мы тут шутим, что у нас есть тут партии «синемистов» (любителей ходить в синема**), «антисинемистов», или антисемитов, и партия «прогулистов», ладящих всегда убежать на прогулку. Володя решительный антисинемист и отчаянный прогулист. Вот и меня вовлекает все в свою партию, а потом у меня ни на что не

* Речь идет о басне «Свеча».— *Ред.*
** — кинематограф.— *Ред.*

хватает времени. Деньки, как нарочно, стоят удивительные. Выпал снежок, прямо отлично. И осень стояла очень хорошая. Ну, в Кракове что и делать, как не гулять! Культурных развлечений никаких. Раз пошли было в концерт, квартет Бетховена, даже абонемент в складчину взяли, но на нас почему-то концерт страшную скуку нагнал, хотя одна наша знакомая — великолепная музыкантша, была в восторге *. В польский театр ходить не хочется, синемы страшно тут нелепые, все пятиактные мелодрамы... Решили с Володей после праздников приняться за исследование здешней университетской библиотеки, а то стыд и срам, ни разу даже там не были. Без чего мы прямо тут голодаем — это без беллетристики. Володя чуть не наизусть выучил Надсона и Некрасова, разрозненный томик Анны Карениной перечитывается в сотый раз. Мы беллетристику нашу (ничтожную часть того, что было в Питере) оставили в Париже, а тут негде достать русской книжки. Иногда с завистью читаем объявления букинистов о 28 томах Успенского, 10 томах Пушкина и пр. и пр.

Володя что-то стал, как нарочно, большим «беллетристом». И националист отчаянный. На польских художников его калачом не заманишь, а подобрал, напр., у знакомых выброшенный ими каталог Третьяковской галереи и погружался в него неоднократно...

Написано 26 декабря 1913 г. *П. с. с., т. 55, с. 346—347.*
Краков.

Из письма

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

16/III.

Крепко целую, дорогая мамочка, и шлю всем привет. Мите в том числе — большое спасибо за письмо. От Марка тоже имел письмо. Видели мы здесь в синема «дело Бейлиса» (превратили в мелодраму). Были на украинском вечере в честь Шевченко [60]. Я ужасно плохо понимаю по-украински. Живем по-старому...

Написано 16 марта 1914 г. *П. с. с., т. 55, с. 353.*
Краков.

Из письма

И. Ф. АРМАНД

...** и не в 1912, а в 1911 году) мы в редакции «*Социал-Демократа*» получили брошюрку Винниченко на русском языке, посвященную оправданиям по поводу тех обвинений, которым он подвергся от с.-д. за «Честность с собой» [61]. Винниченко просил ответить ему печатно и письменно. Я помню, что брошюрка произвела на меня впечатление, и мне хотелось ответить, но разные делишки (ох, эти «делишки» подобия дел, суррогаты дел, помеха делу, как я ненавижу суетню, хлопотню, делишки и как я с ними неразрывно и навсегда связан!! That is a sign more that I am lazy and tired and badly humoured. Generally I like my profession and now I often

* Речь идет об И. Ф. Арманд.— *Ред.*
** Начало письма не разыскано.— *Ред.*

almost hate it *) помешали. Кстати, я потерял эту брошюрку (изданную в Львове) и забыл ее заглавие. Если можешь, найди, прочти и пришли.

Мне показалось, что Винниченко искренен и наивен, когда он ставит вопрос: «имеет ли право (!!sic!!) социал-демократ ходить в публичный дом?» и жует этот вопрос всячески, но все время *индивидуально*. Полуанархист он какой-то или совсем анархист, и впередовцы его с толку сбивать должны. Ведь он читал в Париже как-то реферат о «Честности с собой» под председательством Луначарского? Или дела таковы, что Луначарский *за* Винниченко, а Алексинский — против? I would like to know some more details about it **...

Написано в первой половине мая 1914 г. *П. с. с., т. 48, с. 285—286.*
Воронин.

Из письма
И. Ф. АРМАНД

Прочел сейчас, my dear friend ***, новый роман Винниченко, что ты прислала [42]. Вот ахинея и глупость! Соединить вместе побольше всяких «ужасов», собрать воедино и «порок», и «сифилис», и романическое злодейство с вымогательством денег за тайну (и с превращением сестры обираемого субъекта в любовницу), и суд над доктором! Все это с истериками, с вывертами, с претензиями на «свою» теорию организации проституток. Сия организация ровно из себя ничего худого не представляет, но *именно* автор, сам Винниченко делает из нее нелепость, *смакует* ее, превращает в «конька».

В «Речи» про роман сказано, что подражание Достоевскому и что есть хорошее. Подражание есть, по-моему, и архискверное подражание архискверному Достоевскому. Поодиночке бывает, конечно, в жизни все то из «ужасов», что описывает Винниченко. Но соединить их все вместе и *таким* образом — значит, *малевать* ужасы, пужать и свое воображение и читателя, «забивать» себя и его.

Мне пришлось однажды провести ночь с больным (белой горячкой) товарищем — и однажды «уговаривать» товарища, покушавшегося на самоубийство (после покушения) и впоследствии, через несколько лет, кончившего-таки самоубийством. Оба воспоминания — à la Винниченко. Но в обоих случаях это были маленькие

---

* — Это еще лишний признак того, что я обленился, устал и в дурном расположении духа. Вообще я люблю свою профессию, а теперь я часто ее почти ненавижу.— *Ред.*

** — Мне хотелось бы знать больше подробностей об этом.— *Ред.*

*** — мой дорогой друг.— *Ред.*

кусочки жизни обоих товарищей. А этот претенциозный махровый дурак Винниченко, любующийся собой, сделал отсюда коллекцию сплошь ужасов — своего рода «на 2 пенса ужасов». Бррр... Муть, ерунда, досадно, что тратил время на чтение...

Написано в июне, ранее 5, 1914 г. *П. с. с., т. 48, с. 294—295.*
Поронин.

Из письма

Н. К. КРУПСКОЙ и В. И. ЛЕНИНА — С. Н. РАВИЧ

16/I

...Посылаю завтра книжку на смену. Пожалуйста, пришлите в обмен «Мертвые души» Гоголя или «Очерки гоголевского периода» Чернышевского...

Написано 16 января 1916 г. *Ленинский сборник XI, с. 199.*
Берн.

Из письма

Н. К. КРУПСКОЙ — В. А. КАРПИНСКОМУ

11/IV.

...Владимир Ильич просит посылать ему сюда библиотечные книжки. Просит прислать письма Чехова, если что есть нового из Горького, Фауста по-русски...

Написано 11 апреля 1916 г. *Ленинский сборник XI, с. 219.*
Цюрих.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ И ВЫПИСКИ ИЗ КАТАЛОГОВ

ВЫПИСКА ИЗ КНИГИ «ГЕРМАНИЯ И МИРОВАЯ ВОЙНА»

...*Барсуков.* Жизнь Погодина, 5, с. 330 и сл.; 9, с. 262 (записка Погодина, в *1840* г., об «освобождении» австрийских славян).

Тютчев. В записке «Россия и революция» (для Александра II). «Чехия будет свободна, когда Галиция будет русской» («Русский Архив», 1873, с. 925 и сл.)...

Данилевский: «Россия и Европа»: статьи в «Заре» 1869—1870 и книга: 1 издание 1871.

Данилевский доказывал, что России выгоден разгром Франции в интересах ссоры и вражды Франции и Германии *для* господства России (уже в «Заре» 1871, январь; перепечатано в «Сборнике экономических и политических статей» *Данилевского.* СПб. 1890, стр. 27 и 29)...

Записка П. А. Сабурова: «Русский Архив», 1912, 1, с. 470 («успех прусского оружия, 1870, есть также победа для нас» sic!!!)).

Иван Сергеевич *Аксаков:* речь 4 июля 1878 (против русской дипломатии и косвенно против царя: недовольство берлинским конгрессом).

Написано в 1916 г. *Ленинский сборник XXVIII, с. 287—289.*

ОБ А.М.ГОРЬКОМ

Из статьи

«НАЧАЛО ДЕМОНСТРАЦИЙ»

Две недели тому назад мы отмечали 25-летие первой социально-революционной демонстрации в России 6 декабря 1876 г. на Казанской площади в Петербурге [1] и указывали на громадный подъем демонстрационного движения в начале истекающего года. Мы говорили, что демонстранты должны выставить более определенный политический лозунг, чем «земля и воля» (1876 г.),— более широкое требование, чем «отмена Временных правил» (1901 г.). Таким лозунгом должна быть *политическая свобода*, таким общенародным требованием должно быть *требование созыва народных представителей*.

И вот мы видим уже, что демонстрации возобновляются по самым различным поводам и в Нижнем, и в Москве, и в Харькове. Возбуждение повсюду растет, и необходимость объединить его в один поток *против самодержавия*, сеющего везде произвол, угнетение и насилие, становится все настоятельнее. В Нижнем небольшая, но удачно сошедшая демонстрация 7-го ноября была вызвана проводами Максима Горького. Европейски знаменитого писателя, все оружие которого состояло — как справедливо выразился оратор нижегородской демонстрации — в свободном слове, самодержавное правительство высылает без суда и следствия из его родного города. Башибузуки обвиняют его в дурном влиянии на нас — говорил оратор от имени всех русских людей, в ком есть хоть капля стремления к свету и свободе — а мы заявляем, что это было хорошее влияние. Опричники бесчинствуют тайно, а мы сделаем их бесчинства публичными и открытыми. У нас бьют рабочих, отстаивающих свои права на лучшую жизнь, у нас бьют студентов, протестующих против произвола, у нас давят всякое честное и смелое слово! — Демонстрация, в которой участвовали и рабочие, закончилась торжественной декламацией студента: «падет произвол, и восстанет народ, могучий, свободный и сильный!»

В Москве Горького ждали на вокзале сотни учащихся, и перепуганная полиция *арестовала* его среди пути в вагоне, запретила ему (несмотря на особо данное прежде разрешение) въезд в Москву и заставила прямо проехать с Нижегородской дороги на Курскую. Демонстрация по поводу высылки Горького не удалась, но 18 числа произошла, без всякой подготовки, небольшая демонстрация студентов и «посторонних лиц» (как выражаются наши министры) перед домом генерал-губернатора по поводу запрещения вечера в память Н. А. Добролюбова, со дня смерти которого минуло 17 ноября 40 лет. Представитель самодержавной власти в Москве был освистан людьми, которым, как и всей образованной и мыслящей России, дорог писатель, страстно ненавидевший произвол и страстно ждавший народного восстания против «внутренних турок» — против самодержавного правительства [2]...

Напечатано 20 декабря 1901 г. *П. с. с., т. 5, с. 369—370.*

Из письма

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

26/II.02.

...Манягну еще раз благодарю за книги: я получил все. Горького 5-ый том [3] у нас уже (случайно) имеется..

Мюнхен. *П. с. с., т. 55, с. 217.*

Из письма

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

7/VI.02.

...Горького, Скитальца [4] получил и читал с *очень большим* интересом. И сам читал и другим давал.

Лондон. *П. с. с., т. 55, с. 223.*

Из письма

Н. К. КРУПСКОЙ — В. ГУРВИЧ-КОЖЕВНИКОВОЙ («НАТАШЕ»)

...Все, что Вы сообщаете о Горьком [5], очень приятно, тем более, что деньги страшно нужны. Совершенно согласны, что людей посылать со всех концов не стоит, хотя бы мы считали очень полезным свидание Горького с Клэром. Попросите Горького писать для нас и сообщите нам немедленно пароль (на случай провала вас обоих)...

Написано 24 октября (6 ноября) 1902 г. *ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС.*

Из письма

Н. К. КРУПСКОЙ и В. И. ЛЕНИНА — А. А. БОГДАНОВУ

2 ноября

...О миноносце легкомысленном ни слуху ни духу. На какой адрес послали деньги?..

...Где Борода? [6] С Горьким установите пароль...

Употребите все усилия, чтобы миноносец легкомысленный двигался скорее. Промедление необъяснимое и страшно вредное. Отвечайте немедленно и поподробнее, и поопределеннее.

Написано 2 ноября 1904 г. *П. с. с., т. 46, с. 396, 397.*
Женева.

Из письма

Р. С. ЗЕМЛЯЧКЕ

13.XII.

...Поздравляем с успешным началом похода на Букву и просим довести до конца [7]. Орган налажен, думаем выпустить в январе [8]. (**Деньги нужны страшно.** Примите немедленно все меры, чтобы выслать хоть 1—2 тысячи рублей, иначе мы висим в воздухе и действуем совсем на авось.) Ответьте немедленно: 1) когда увидите Букву и когда надеетесь окончательно выяснить дело, 2) сколько именно в месяц обещал давать Буква? 3) говорили ли Вы Букве про **Сысойку** [9] и что именно? 4) какой характер должно было иметь свидание Буквы с **Чарушниковым** (разговор ли с Сысойкой? общее знакомство? или передача суммы?)? состоялось ли это свидание и когда Вы узнаете про результаты?

Написано 13 декабря 1904 г. *П. с. с., т. 46, с. 423—424.*
Женева.

Из письма

А. А. БОГДАНОВУ

Сысойке от Ленина личное

10.I.05.

Дорогой друг! Наконец мы начали «Вперед», и мне хочется побеседовать с Вами поподробнее о нем... Помощь в первые месяцы нужна дьявольски, ибо, если не будет аккуратного выпуска, то вся позиция большинства понесет гигантский, едва поправимый удар. Не забывайте этого и тащите (*особенно с Горького*) хоть понемногу...

Женева. *П. с. с., т. 47, с. 5—6.*

Из статьи

«ТРЕПОВ ХОЗЯЙНИЧАЕТ»

Свирепая расправа со всеми недовольными сделалась лозунгом правительства после 9-го января. Во вторник генерал-губернатором Петербурга с диктаторскими полномочиями был назначен Трепов, один из наиболее ненавидимых всей Россией слуг царизма, прославившийся в Москве своей свирепостью, грубостью и участием в зубатовских попытках развращения рабочих.

Аресты посыпались как из рога изобилия. Взяты прежде всего члены либеральной депутации, которая в субботу поздно вечером ездила к Витте и к Святополку-Мирскому просить правительство о том, чтобы петиция рабочих была принята и чтобы войско не отвечало выстрелами на мирную демонстрацию. Само собою разумеется, что эти просьбы ни к чему не привели: Витте отослал депутацию к Святополку-Мирскому, последний отказался ее принять. Товарищ министра внутренних дел Рыдзевский принял депутацию очень сухо, заявил, что убеждать надо не правительство, а рабочих, что правительство прекрасно осведомлено о всем, что происходит, и что оно приняло уже решения, которые не могут быть изменены ни по каким ходатайствам. Интересно, что собрание либералов, выбравшее эту депутацию, поднимало вопрос и о том, чтобы отговорить рабочих от шествия к Зимнему дворцу, но присутствовавший на собрании друг Гапона заявил, что это бесполезно, что решение рабочих бесповоротно. (Сведения, сообщенные г. Диллоном, корреспондентом английской газеты «The Daily Telegraph», и подтвержденные впоследствии другими корреспондентами.)

Арестованным членам депутации — Гессену, Арсеньеву, Карееву, Пешехонову, Мякотину, Семевскому, Кедрину, Шнитникову, Иванчину-Писареву и Горькому [10] (взят в Риге и отвезен в Петербург) предъявили нелепейшее обвинение в намерении организовать «временное правительство России» на другой день после революции. Понятно, что это обвинение падает само собой. Многие из взятых (Арсеньев, Кедрин, Шнитников) уже выпущены. За границей началась энергичная кампания среди образованного буржуазного общества в пользу Горького, и ходатайство пред царем об его освобождении было подписано многими выдающимися германскими учеными и писателями. Теперь к ним присоединились ученые и литераторы Австрии, Франции и Италии...

Напечатано 7 февраля (25 января) 1905 г. *П. с. с., т. 9, с. 238—239.*

Из статьи

«ПЕРЕД БУРЕЙ»

...Настроение, по всем признакам, нарастает. Взрыв неминуем и, может быть, недалек. Свеаборгские и кронштадтские казни, расправы с крестьянами, травля трудовиков — членов Думы — все

это только разжигает ненависть, сеет решимость и сосредоточенную готовность к битве. Больше смелости, товарищи, больше веры в силу обогащенных новым опытом революционных классов и пролетариата прежде всего, больше самостоятельного почина! Мы стоим, по всем признакам, накануне великой борьбы. Все силы должны быть направлены на то, чтобы сделать ее единовременной, сосредоточенной, полной того же героизма массы, которым ознаменованы все великие этапы великой российской революции. Пусть либералы трусливо кивают на эту грядущую борьбу исключительно для того, чтобы погрозить правительству, пусть эти ограниченные мещане всю силу «ума и чувства» вкладывают в ожидание новых выборов,— пролетариат готовится к борьбе, дружно и бодро идет навстречу буре, рвется в самую гущу битвы. Довольно с нас гегемонии трусливых кадетов, этих «глупых пингвинов», что «робко прячут тело жирное в утесах».

«Пусть сильнее грянет буря!» [11]

Напечатано 21 августа 1906 г. *П. с. с., т. 13, с. 337—338.*

А. М. ГОРЬКОМУ

Среда, 14.VIII.07.

Дорогой Алексей Максимыч! Приехали мы сегодня сюда с Мешковским и завтра едем в Штутгарт [12]. Очень и очень важно бы было, чтобы и Вы там были. Во-1-х, Вас провели официально через ЦК (с совещательным голосом). Во-2-х, повидаться бы было очень хорошо, а то, может быть, долго не свидимся. В-3-х, это всего какие-нибудь сутки езды от Вас и продлится *не больше* недели (это не Лондон!). Не поздно будет нисколько, если Вы в воскресенье или даже в понедельник выедете.

Одним словом, все и вся за Ваш приезд. Если только здоровы,— право, приезжайте. Не упускайте случая посмотреть *за работой* международных социалистов,— это совсем, совсем не то, что общее знакомство и каляканье. Следующий конгресс только через три года. Да и об наших всяческих делишках никогда не списаться толком, если не увидимся. Одним словом, приезжайте непременно. До свиданья!

Большой привет Марии Федоровне [13].

Ваш *И. Ленин*

П. с. с., т. 47, с. 111—112.

А. М. ГОРЬКОМУ

9.I.08. Женева.

Дорогой Ал. М.! На днях приехал я сюда с женой. Оба в дороге простудились. Здесь устраиваемся кое-как, пока временно и поэтому все плохо. Очень обрадовало меня Ваше письмо: действи-

тельно, важно было бы закатиться на Капри! Непременно как-нибудь улучу время, чтобы съездить к Вам. Но теперь, к сожалению, невозможно. Приехали мы сюда с поручением поставить газету: перенести сюда «Пролетарий» [14] из Финляндии. Еще не решено окончательно, Женеву ли мы выберем или другой город. Во всяком случае надо спешить и возни с новым устройством масса. Вот летом бы или весной собраться к Вам погостить, когда дело будет уже в ходу! Когда у Вас особенно хорошо на Капри?

Как здоровье? Как себя чувствуете? Хорошо ли работается? Слыхал проездом в Берлине, что Вы с Луначарским совершили турне по Италии и, в частности, в Риме [15]. Довольны ли Италией? много ли русских видаете?

К Вам приехать, я думаю, лучше тогда, когда у Вас не будет большой работы, чтобы можно было шляться и болтать вместе.

Получили ли мою книгу (первый том собрания статей за 12 лет)? [16] Я поручил из Питера послать Вам ее.

Большущий привет М. Фед—вне. До свиданья!

Ваш *И. Ленин*

Адрес мой: Mr. Wl. *Oulianoff*.
17. Rue des deux Ponts. 17. (chez Küpfer). *Genève*.

П. с. с., т. 47, с. 119—120.

А. М. ГОРЬКОМУ и М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

15.I.08.

Дорогие А. М. и М. Ф.!

Получил сегодня Ваш экспресс. Удивительно соблазнительно, черт побери, забраться к Вам на Капри! Так Вы это хорошо расписали, что, ей-богу, соберусь непременно и жену постараюсь с собой вытащить. Только вот насчет срока еще не знаю: теперь нельзя не заняться «Пролетарием» и надо *поставить* его, наладить работу во что бы то ни стало. Это возьмет месяц-другой, minimum. А сделать это необходимо. К весне же закатимся пить белое каприйское вино и смотреть Неаполь и болтать с Вами. Я кстати по-итальянски начал учиться и, как учащийся, сразу набросился на писанный М. Ф—ной адрес: expresso вместо espresso! Давать сюда словарь!

Ну, а насчет перевозки «Пролетария» это Вы на свою голову написали. Теперь уже от нас легко не отвертитесь! М. Ф—не сейчас же кучу поручений приходится дать:

1) Найти непременно секретаря союза пароходных служащих и рабочих (должен быть такой союз!) на пароходах, поддерживающих сообщение с Россией.

2) Узнать от него, *откуда* и *куда* ходят пароходы; *как часто*. Чтобы непременно устроил нам *перевозку еженедельно*. Сколько

это будет стоить? Человека должен найти нам *аккуратного* (есть ли итальянцы аккуратные?). Необходим ли им адрес в России (скажем, в Одессе) для доставки газеты или они могли бы *временно* держать небольшие количества у какого-нибудь итальянского трактирщика в Одессе? Это для нас *крайне важно*.

3) Если невозможно М. Ф—не самой это все наладить, похлопотать, разыскать, растолковать, проверить и т. д., то пусть непременно свяжет нас непосредственно с этим секретарем: мы уже с ним тогда спишемся.

С этим делом надо спешить: как раз через 2—3 недели надеемся выпустить здесь «Пролетарий» и отправить его надо немедленно [17].

Ну — до свиданья на Капри! Смотрите, А. М., будьте здоровы!

Ваш *В. Ульянов*

Женева. *П. с. с., т. 47, с. 123—124.*

Из письма

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

22.I.08.

...Насчет Капри я сразу по приезде застал письмо Горького, усиленно зовущего меня туда. Мы непременно намерены с Надей принять это предложение и прокатиться в Италию (на Капри *теперь* нарциссы цветут, как пишут «Горькие»), но не теперь. Необходимо сначала наладить все дела, а потом уже ехать кататься...

Женева. *П. с. с., т. 55, с. 244.*

А. М. ГОРЬКОМУ

2.II.08.

Дорогой А. М.!

Пишу Вам по двум делам.

Во-1-х, по делу Семашко [18]. Если Вы *не* знаете его лично, то Вам не стоит вмешиваться по нижеследующему поводу. Если знаете, стоит.

Л. Мартов поместил в бернской с.-д. газете «заявление», где говорит, что Семашко не был делегатом на Штутгартском конгрессе, а просто *журналистом*. Ни слова о его принадлежности к с.-д. партии. Это — подлая выходка меньшевика против большевика, попавшего в тюрьму. Я уже послал свое официальное заявление как представителя РСДРП в Международном бюро. Если Вы знаете Семашко лично или знали в Нижнем, то *непременно* напишите

тоже в эту газету, что Вас возмущает заявление Мартова, что Вы лично знаете Семашко как с.-д., что Вы убеждены в его непричастности к делам, раздуваемым международной полицией. Ниже я привожу адрес газеты и полный текст мартовского заявления, которое Вам переведет М. Ф. В редакцию Вы напишите по-русски сами, а М. Ф. попросите приложить немецкий перевод.

Второе дело. Мы теперь съехались здесь все трое, посланные из России ставить «*Пролетарий*» (Богданов, я и один «практик» [19]). Все налажено, на днях выпускаем анонс. В сотрудники ставим Вас. Черкните пару слов, могли ли бы Вы дать что-либо для первых номеров (в духе ли *заметок о мещанстве* [20] из «*Новой Жизни*» или отрывки из повести, которую пишете [21], и т. п.).

Крепко жму руку. Привет большой М. Ф—не!

Ваш *В. Ульянов*

В газете «*Berner Tagwacht*» * (адрес редакции: Kapellenstrasse. 6. Bern. Орган с.-д.) № 24, от 30 января 1908, помещено следующее:

«*Erklärung*. In einigen Zeitungen stand zu lesen, dass der unlängst in Genf verhaftete D-r Simaschko ein Delegierter der Genfer Gruppe der russischen Sozialdemokratie in Stuttgart gewesen sei. Dem gegenüber erkläre ich, dass D-r Simaschko nicht Mitglied der russischen Section auf dem genannten Kongresse war und kein Delegiertenmandat besessen hat. Er war dort nur als Journalist tätig.

L. Martoff, Delegierter der russischen Sozialdemokratie auf dem Stuttgarter Kongress»**.

Все. Подлость тут в том, что косвенно якобы отряхается прах, отрекается социал-демократия от Семашко!

Женева. *п. 47, с. 129—131.*

А. М. ГОРЬКОМУ

7.II.8.

Дорогой А. М.! Насчет Вашего заявления посоветуюсь с А. А.: по-моему, не стоит печатать, раз лично Вы не знали [22].

---

* — «Бернский Часовой».— *Ред.*

** — «*Заявление.* В некоторых газетах можно было прочесть, что д-р Семашко, недавно арестованный в Женеве, был делегатом в Штутгарте от женевской группы русской социал-демократии. В опровержение этого я заявляю, что д-р Семашко не являлся членом русской секции на упомянутом конгрессе и никакого делегатского мандата не имел. Он участвовал на конгрессе только в качестве журналиста.

Л. Мартов, делегат русской социал-демократии на Штутгартском конгрессе».— *Ред.*

В какой бековский сборник Вы направили статью о цинизме? [23] Недоумеваю, ибо о бековских сборниках мне усердно пишут, а о сем не слыхал. Надеюсь, что в питерский. Письмо к Сенкевичу [24], коли копия есть, пришлите (с отметкой, *когда* послано),— но Сенкевич наверное опубликует, раз анкета.

Ваши планы очень интересны, и я приехал бы охотно. Но, согласитесь, не могу же бросить дела партийного, которое надо наладить немедленно. Налаживать новое дело трудно. Бросить не могу. Наладим через месяц-два или в этом роде, и тогда свободно оторвусь на неделю-две.

Я тысячу раз согласен с Вами насчет необходимости *систематической* борьбы с политическим упадочничеством, ренегатством, нытьем и проч. Насчет «общества» и «молодежи» не думаю, чтобы у нас было разногласие. Значение интеллигентской публики в нашей партии падает: отовсюду вести, что интеллигенция *бежит* из партии. Туда и дорога этой сволочи. Партия очищается от мещанского сора. Рабочие больше берутся за дело. Усиливается роль профессионалов-рабочих. Это все чудесно, и я уверен, что «пинки» Ваши в том же смысле разуметь надлежит.

Теперь — как воздействовать, какую именно «делать литературу»? Сборники *или* «Пролетарий»? Конечно, легче всего ответить: не *или*, а *и* — ответ будет безупречный, но малопрактичный. Легальные сборники, разумеется, должны быть; наши товарищи в Питере в поте лица трудятся над ними, и я трудился, после Лондона, сидя в Квакале *. Если можно,— *все* усилия надо приложить, чтобы их поддержать и сборники эти продолжить [25].

Но мой опыт с Лондона до XI.07 (полгода!) меня убедил, что *систематической* легальной литературы теперь не создашь. Я убежден, что *партии* нужен теперь правильно выходящий политический орган, выдержанно и сильно ведущий линию борьбы с распадом и унынием,— *партийный* орган, политическая газета. Многие россияне не верят в заграничный орган. Но это ошибка, и наша коллегия недаром постановила перенести «Пролетарий» сюда. Трудно его наладить, поставить, оживить,— слов нет. Но это *надо* сделать, и это будет сделано.

Почему бы не включить в него литературную критику? Места мало? Я не знаю, конечно, системы Вашей работы. К сожалению, при свиданиях нам больше приходилось калякать, чем толком говорить. Если у Вас не лежит душа к небольшим, коротким, периодическим (недельным, двухнедельным) статьям, если лучше чувствуете себя за *большой* работой,— уж, конечно, я не посоветую прерывать ее. Она больше пользы принесет!

Но если есть охота и к совместной работе в политической газете,— почему бы не продолжить, не ввести в обычай тот жанр, который Вы начали «Заметками о мещанстве» в «Новой Жизни»

---

* Шутливое название Куоккалы.— *Ред.*

и начали, по-моему, хорошо? Я «с заранее обдуманным намерением» написал Вам об этом в одном из первых же писем, думая: коли это его тянет, так он ухватится. И мне сдается, что в последнем письме Вы вроде как ухватываетесь. Или я ошибаюсь? Во сколько раз выиграла бы и партийная работа через газету, не столь односторонняя, как прежде,— и литераторская работа, теснее связавшись с партийной, с систематическим, непрерывным воздействием на партию! Чтобы не «набеги» были, а сплошной натиск по всей линии, без остановки, без пробелов, чтобы с.-д. большевики не только нападали по частям на всяких оболтусов, а завоевывали все и вся так, как японцы завоевывали Маньчжурию у русских.

Из трех тем, которые Вы намечаете для сборников (философия, литературная критика и тактика момента), полторы отошли бы в политическую газету, в «Пролетарий»: тактика момента и добрая половина литературной критики. Ох, несть добра в особых, длинных литературно-критических статьях — рассыпающихся по разным полупартийным и внепартийным журналам! Лучше бы нам попробовать сделать шаг дальше от этой интеллигентской старой, барской замашки, сиречь связать и литературную критику *теснее* с партийной работой, с руководством партией. Так делают взрослые с.-д. партии в Европе. Так надо делать и нам, не боясь трудностей от первых шагов коллегиальной газетной работы в таком деле.

Большие литературно-критические работы — в книги, частью в журналы.

Систематические статьи, периодические, в концерте политической газеты, в связи с партийной работой, в духе начатого «*Новой Жизнью*» — скажите, есть у Вас охота к этому или нет?

Третий сюжет философия. Я очень сознаю свою неподготовленность к этой области, мешающую мне выступать публично. Но, как рядовой марксист, я читаю внимательно наших партийных философов, читаю внимательно эмпириомониста Богданова и эмпириокритиков Базарова, Луначарского и др.— и *все* мои симпатии *они* толкают *к Плеханову!* Надо же иметь физическую силу, чтобы не давать себя увлечь настроению, как делает Плеханов! Тактика его — верх пошлости и низости. В философии он отстаивает правое дело. Я — за материализм против «эмпирио-» и т. д.

Можно ли, должно ли связывать философию с направлением партийной работы? с большевизмом? Думаю, что теперь этого делать нельзя. Пусть наши партийные философы поработают еще некое время над теорией, поспорят и... *до*говорятся. Я бы стоял пока за отделение *таких* философских споров, как между материалистами и «эмпирио-», от цельной партийной работы.

Буду ждать Вашего ответа, а пока надо кончать.

Ваш *Ленин*

Женева. *П. с. с., т. 47, с. 132—135.*

А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ

Анат. Вас—чу

13.II.08.

Дорогой Ан. Вас.!

Вчера отправил Вам писульку насчет Бринтмана. Спешу ответить на Ваше письмо от 11. II.

Не совсем понимаю, чего бы Вам огорчаться моим письмом? Не из-за философии же!

Ваш проект беллетристического отдела в «*Пролетарии*» и поручения его А. М—чу превосходен и меня необычно радует. Я именно мечтал о том, чтобы *литературно-критический* отдел сделать в «*Пролетарии*» постоянным и поручить его А. М—чу. Но *я боялся*, страшно боялся прямо предлагать это, ибо я *не знаю* характера работы (и работосклонности) А. М—ча. Если человек занят серьезной большой работой, если этой работе повредит отрыванье на мелочи, на газету, на публицистику,— тогда было бы глупостью и преступлением мешать ему и отрывать его! Это я очень хорошо понимаю и чувствую.

Вам на месте виднее, дорогой Ан. Вас. *Если Вы считаете, что мы не повредим* работе Ал. М—ча, ежели запряжем его в регулярную партийную работу (а партийная работа от этого массу выиграет!), то постарайтесь это наладить.

«*Пролетарий*» № 21 выходит 13 (26) февраля. Значит, время еще есть. Желательно иметь рукописи к *пятнице*, чтобы свободно поспеть к номеру, который выходит в среду. Если спешно, можно поспеть и тогда, когда рукопись приходит в воскресенье (для скорости пишите и посылайте прямо на мой адрес),— даже (крайность!) в понедельник.

Пишите непременно и Вы. Не пришлете ли к № 21 либо политического фельетона о русских делах (10—16 тыс. букв)? либо статьи об уходе Ферри [26] (8—10 тыс. букв)? Еще лучше не «либо — либо», а «и — и».

Жму крепко руку и прошу ответить, налаживается ли сотрудничество в «*Пролетарии*» А. М—ча. Если да, пусть начинает тотчас, *не дожидаясь* «съезда» [27] и сговора.

Женева. *П. с. с., т. 47, с. 135—136.*

А. М. ГОРЬКОМУ

13.II.08.

Дорогой Ал. М—ч!

Я думаю, что кое-что из возбужденных Вами вопросов о наших разногласиях — прямо недоразумение. Уж, конечно, я не думал «гнать интеллигенцию», как делают глупенькие синдикали-

сты, или отрицать ее необходимость для рабочего движения. По всем *этим* вопросам у нас *не может* быть расхождения; я в этом твердо уверен и, раз нельзя сейчас съехаться, необходимо начинать работать вместе сразу. На работе легче всего и лучше всего споемся окончательно.

Ваш план писать маленькие вещи для «*Пролетария*» (анонс Вам послан) меня очень и очень радует. Но, разумеется, раз есть большая работа, *не отрывайтесь*.

Насчет Троцкого хотел Вам прошлый раз ответить, да забыл. Мы (т. е. здешняя редакция «Пролетария», Ал. Ал., я и «инок» * — очень хороший коллега из беков русских) сразу решили пригласить его в «Пролетарий». Написали письмо, наметили и предложили одну тему. Подписали *по общему согласию* «редакция «Пролетария»», желая поставить дело на более коллегиальную почву (у меня, например, лично с Троцким большая баталия, драка была отчаянная в 1903—5 годах, когда он был меньшевиком). Троцкий обиделся что ли на эту форму, не знаю, но прислал письмо, писанное не им: «По поручению т. Троцкого» извещалась редакция «*Пролетария*», что он писать отказывается, занят.

Это — позерство, по-моему. И на Лондонском съезде он держался позером. Не знаю уж, пойдет ли он с беками...

Меки выпустили здесь анонс о ежемесячном «Голосе Социал-Демократа» [28] за подписью Плеханова, Аксельрода, Дана, Мартова, Мартынова. Достану его и пришлю Вам. Борьба может обостриться. А Троцкий хочет стоять «выше борющихся фракций»...

Насчет материализма именно как миропонимания думаю, что не согласен с Вами по существу. Именно не о «материалистическом понимании истории» (его не отрицают наши «эмпирио-» [29]), а о философском материализме. Чтобы англосаксы и германцы «материализму» были обязаны своим мещанством, а романцы анархизмом,— это я решительно оспариваю. Материализм, как философия, *везде у них в загоне*. «Neue Zeit» [30], самый выдержанный и знающий орган, равнодушен к философии, никогда не был ярым сторонником философского материализма, а в последнее время печатал, без единой оговорки, эмпириокритиков. Чтобы из *того* материализма, которому учили Маркс и Энгельс, можно было вывести мертвое мещанство, это неверно, неверно! Все мещанские течения в социал-демократии воюют всего больше с философским материализмом, тянут к Канту, к неокантианству, к критической философии. Нет, та философия, которую обосновал Энгельс в «Анти-Дюринге», мещанства не допускает и на порог. Плеханов вредит этой философии, связывая *тут* борьбу с фракционной борьбой, но ведь теперешнего Плеханова ни один русский социал-демократ не должен смешивать со старым Плехановым.

---

* И. Ф. Дубровинский.— *Ред.*

Ал. Ал. сейчас только ушел от меня. Передам ему паки и паки насчет «съезда». Ежели настаиваете,— можно на пару дней устроить и вскоре.

Жму руку. *Ленин*

Женева. *П. с. с., т. 47, с. 136—138.*

А. М. ГОРЬКОМУ

25.II.08.

Дорогой А. М.! На письмо Ваше не ответил немедленно, ибо по поводу Вашей статьи [31] или в некоторой связи с ней вышла у нас, как это ни странно на первый взгляд, довольно тяжелая драка с Ал. Ал. в редакции... Гм, гм... я говорил *не в том* месте и не по тому поводу, где Вы думали!

Дело вышло так.

Книга «Очерки философии марксизма» [32] сугубо обострила давние разногласия среди беков по вопросам философии. Я не считаю себя достаточно компетентным по этим вопросам, чтобы торопиться выступать печатно. Но следил я всегда за нашими *партийными* прениями по философии внимательно,— начиная с борьбы Плеханов против Михайловского и К° в конце 80-х и до 1895 года, затем борьба его же с кантианцами 1898 и след. годы (тут уже я не только следил, но частью и участвовал, как член редакции «*Зари*» с 1900 года), наконец, борьба его же с эмпириокритиками и К°.

За сочинениями Богданова по философии я следил с его энергетической книги об «Историческом взгляде на природу», каковую книгу штудировал в бытность мою в Сибири. Для Богданова эта позиция была лишь переходом к другим философским взглядам. Лично познакомился я с ним в 1904 году, причем мы сразу презентовали друг другу: я — «Шаги» [33], он — одну свою *тогдашнюю* философскую работу [34]. И я тотчас же (весной или в начале лета 1904 г.) писал ему из Женевы в Париж, что он меня своими писаниями сугубо разубеждает в правильности своих взглядов и сугубо убеждает в правильности взглядов Плеханова.

С Плехановым, когда мы работали вместе, мы не раз беседовали о Богданове. Плеханов разъяснял мне ошибочность взглядов Богданова, но считал это уклонение отнюдь не отчаянно большим. Превосходно помню, что летом 1903 года мы с Плехановым от имени редакции «*Зари*» беседовали с делегатом от редакции «Очерков реалистического мировоззрения» [35] в Женеве, причем *согласились* сотрудничать, я — по аграрному вопросу, Плеханов *по философии против Маха*. Выступление свое против Маха Плеханов ставил *условием* сотрудничества,— каковое условие делегат редакции

«Очерков» вполне принимал. Плеханов смотрел тогда на Богданова как на союзника в борьбе с ревизионизмом, но союзника, ошибающегося постольку, поскольку он идет за Оствальдом и далее за Махом.

Летом и осенью 1904 г. мы окончательно сошлись с Богдановым, как *беки*, и заключили тот молчаливый и молчаливо устраняющий философию, как нейтральную область, блок, который просуществовал все время революции и дал нам возможность совместно провести в революцию ту тактику революционной социал-демократии (= большевизма), которая, по моему глубочайшему убеждению, была единственно правильной.

Философией заниматься в горячке революции приходилось мало. В тюрьме в начале 1906 г. Богданов написал еще одну вещь,— кажется, III выпуск «Эмпириомонизма». Летом 1906 г. он мне презентовал ее и я засел внимательно за нее. Прочитав, озлился и взбесился необычайно: для меня еще яснее стало, что он идет архиневерным путем, не марксистским. Я написал ему тогда «объяснение в любви», письмецо по философии в размере трех тетрадок. Выяснял я там ему, что я, конечно, *рядовой марксист* в философии, но что именно его ясные, популярные, превосходно написанные работы убеждают меня окончательно в его неправоте по существу и в правоте Плеханова. Сии тетрадочки показал я некоторым друзьям (Луначарскому в том числе) и подумывал было напечатать под заглавием: «Заметки рядового марксиста о философии», но не собрался. Теперь жалею о том, что тогда тотчас не напечатал. Написал на днях в Питер с просьбой разыскать и прислать мне эти тетрадки [36].

Теперь вышли «Очерки философии марксизма». Я прочел все статьи, кроме суворовской (ее читаю), и с каждой статьей прямо бесновался от негодования. Нет, это не марксизм! И лезут наши эмпириокритики, эмпириомонист и эмпириосимволист в болото. Уверять читателя, что «вера» в реальность внешнего мира есть «мистика» (Базаров), спутывать самым безобразным образом материализм и кантианство (Базаров и Богданов), проповедовать разновидность агностицизма (эмпириокритицизм) и идеализма (эмпириомонизм),— учить рабочих «религиозному атеизму» и «обожанию» высших человеческих потенций (Луначарский),— объявлять мистикой энгельсовское учение о диалектике (Берман),— черпать из вонючего источника каких-то французских «позитивистов» — агностиков или метафизиков, черт их поберет, с «символической теорией познания» (Юшкевич)! Нет, это уж чересчур. Конечно, мы, рядовые марксисты, люди в философии не начитанные,— но зачем уже так нас обижать, что подобную вещь нам преподносить как философию марксизма! Я себя дам скорее четвертовать, чем соглашусь участвовать в органе или в коллегии, подобные вещи проповедующей.

Меня опять потянуло к «Заметкам рядового марксиста о философии» и я их начал писать [37], а Ал. Ал—чу — в процессе моего

чтения «Очерков» — я свои впечатления, конечно, излагал прямо и грубо.

При чем же тут Ваша статья? — Вы спросите.— А при том, что как раз в такое время, когда сии расхождения среди беков грозили особенно обостриться, Вы явным образом начинаете излагать взгляды одного течения в своей работе для «*Пролетария*». Я не знаю, конечно, как и что у Вас вышло бы в целом. Кроме того, я считаю, что художник может почерпнуть для себя много полезного во всякой философии. Наконец, я вполне и безусловно согласен с тем, что в вопросах художественного творчества Вам все книги в руки и что, извлекая *этого* рода воззрения и из своего художественного опыта *и из философии хотя бы идеалистической*, Вы можете прийти к выводам, которые рабочей партии принесут огромную пользу. Все это так. И тем не менее «Пролетарий» должен остаться абсолютно нейтрален ко всему нашему расхождению в философии, не давая читателям *ни тени повода* связывать беков, как направление, как тактическую линию революционного крыла русских социал-демократов, с эмпириокритицизмом или эмпириомонизмом.

Когда я, прочитав и перечитав Вашу статью, сказал А. А—чу, что я против ее помещения, тот стал темнее тучи. У нас прямо нависла атмосфера раскола. Вчера мы собрали нашу редакционную тройку в специальное заседание для обсуждения вопроса. Тут нам внезапно пришла на помощь одна глупая выходка в журнале «Neue Zeit». В № 20 неизвестный переводчик поместил там статью Богданова о Махе, причем в предисловии ляпнул, что разногласия Плеханова и Богданова имеют тенденцию среди русских с.-д. стать *фракционным* разногласием беков и меков! Этими словами писавший сие предисловие дурак или дура нас сплотил. Мы сразу сошлись на том, что заявление о нашей нейтральности безусловно необходимо теперь в первом же номере «*Пролетария*». Это донельзя соответствовало моему настроению после выхода «Очерков». Заявление составили, единогласно утвердили, завтра оно выходит в № 21 «*Пролетария*» и посылается Вам [38].

Относительно же Вашей статьи решили отложить вопрос о ней, изложив Вам в трех письмах каждого из трех редакторов «*Пролетария*» все положение дела и ускорив поездку мою и Богданова к Вам.

Вы, значит, имеете получить письмо и от Ал. Ал. и от третьего редактора, о коем я Вам писал раз раньше.

Мое мнение я считаю необходимым сказать Вам вполне прямо. Некую драку между беками по вопросу о философии я считаю теперь совершенно неизбежной. Но раскалываться из-за этого было бы, по-моему, глупо. Мы заключили блок для проведения в рабочей партии определенной тактики. Мы эту тактику вели и ведем до сих пор *без разногласий* (единственное разногласие было о бойкоте III Думы, но оно, во-1-х, никогда не обострялось между нами даже до

намека на раскол; во-2-х, оно не соответствовало разногласию материалистов и махистов, ибо, например, махист Базаров был, как и я, против бойкота и написал об этом большой фельетон в «Пролетарии»).

Мешать делу проведения в рабочей партии тактики революционной социал-демократии ради споров о том, материализм или махизм, было бы, по-моему, непростительной глупостью. Мы должны подраться из-за философии так, чтобы «Пролетарий» и беки, как фракция *партии, не были этим задеты.* И это вполне возможно.

И Вам следует, по-моему, этому помочь. А помочь Вы можете тем, что будете работать в «*Пролетарии*» по нейтральным (т. е. ничем с философией не связанным) вопросам литературной критики, публицистики и художественного творчества и т. д. Статью же свою— если Вы хотите помешать расколу и помочь локализировать новую драку,— Вам бы следовало переделать: все, хоть косвенно связанное с богдановской философией, перенести в другое место. Вам, слава богу, есть где писать помимо «*Пролетария*». Все, несвязанное с философией Богданова,— а у Вас *большая* часть статьи с ней не связана — изложить в ряде статей для «*Пролетария*». Иное поведение с Вашей стороны, т. е. отказ переделки статьи или отказ сотрудничать в «Пролетарии», поведет, по-моему, неизбежно к обострению конфликта среди беков, к затруднению локализации новой драки, к ослаблению насущного, практически и политически необходимого дела революционных с.-д. в России.

Таково мое мнение. Я Вам сказал все, что думал, и буду теперь ждать Вашего ответа.

Ехать к Вам мы хотели сегодня, но оказалось, что пришлось отложить не менее как на неделю, а может быть на две — на три.

Жму крепко руку.

Ваш *И. Ленин*

Женева. *П. с. с., т. 47, с. 141—145.*

А. М. ГОРЬКОМУ

Дорогой А. М.! Давненько я Вам не писал. Поездка наша все оттягивается: сейчас главное препятствие — отсутствие вестей из Брюсселя. Мне написали оттуда друзья, что ждут туда меня на заседание Бюро (Международного социалистического). Я запросил секретаря, когда же ехать (ибо мне-де надо в Италию) [39]. *Ответа все нет.* А Брюсселя пропустить нельзя.

Получили ли «*Пролетарий*»? Какие же у Вас намерения насчет него? А у Ап. Вас.? Его отказ писать о Коммуне получил с сожалением. Наш третий редактор — *Иннокентий*.

Черкните, есть ли какие планы у Вас и Ап. Вас. для «Пролетария».

Жму руку.

Ваш *Ленин*

Написано в первой половине марта 1908 г.
Женева.

П. с. с., т. 47, с. 147.

А. М. ГОРЬКОМУ

16.III.08.

Дорогой А. М.!

Досадно, что не удается поехать к Вам. Из Брюсселя пришел ответ и тут нет задержки. Но нет денег, нет времени, нельзя бросить газету.

У Вас, как я сужу по тому, что имеете козу и что это факт, настроение хорошее и умоначертание правильное и жизнь нормальная. А у нас не очень клеится. Из-за философии этой с Ал. Ал. мы вроде как в ссоре. Газету я забрасываю из-за своего философского запоя: сегодня прочту одного эмпириокритика и ругаюсь площадными словами, завтра — другого и матерными. А Иннокентий ругает, и за дело, за небрежение к «Пролетарию». Недружно идет.

Ну, да иначе нельзя. Перемелется — мука будет.

Отменно было бы, если бы удалось Вам писать для «Пролетария» без ущерба для больших работ.

Жму руку и большой привет А. Вас. и Марии Федоровне.

Ваш *Ленин*

Женева.

П. с. с., т. 47, с. 148.

А. М. ГОРЬКОМУ

Личное Ал. М—чу

24.III.08.

Дорогой А. М.! Получил Ваше письмо насчет драки моей с махистами. Вполне понимаю и уважаю Ваши чувства и должен сказать, что от питерских друзей получаю нечто подобное, но я убежден глубочайше, что Вы ошибаетесь.

Вы должны понять и поймете, конечно, что раз человек партии пришел к убеждению в сугубой неправильности и *вреде* известной проповеди, то он обязан выступить против нее. Я бы не поднял шуму, если бы не убедился безусловно (и в этом убеждаюсь с каждым днем больше по мере ознакомления с первоисточниками мудрости Базарова, Богданова и К°), что книга их — нелепая, вредная, филистерская, поповская *вся*, от начала до конца, от ветвей до корня, до Маха и Авенариуса. Плеханов *всецело* прав против них по существу, только не умеет или не хочет или ленится сказать это *конкретно*, обстоятельно, просто, без излишнего запугивания публики философскими тонкостями. И я во что бы то ни стало скажу это *по-своему*.

Какое же тут «примирение» может быть, милый А. М.? Помилуйте, об этом смешно и заикаться. Бой *абсолютно* неизбежен. И партийные люди должны направить свои усилия не на то, чтобы замазывать или откладывать или увертываться, а на то, чтобы практически необходимая партийная работа *не страдала*. Об этом *Вам* надо позаботиться, и $^{9}/_{10}$ русских беков помогут Вам в этом и большое спасибо скажут.

Как это сделать? «Нейтральностью»? Нет. Нейтральности в таком вопросе быть не может и *не будет*. Если можно говорить о ней, то разве в *условном* смысле: надо *отделить* всю эту драку от фракции. До сих пор писали «на стороне», вне фракционных изданий, пишите и дальше так. Только таким образом фракция не будет ангажирована, не будет *впутана*, не будет вынуждена завтра, послезавтра *решать*, *голосовать*, т. е. превращать драку в хроническую, затяжную, безысходную.

Вот почему я *против* пускания какой бы то ни было философии в журнал [40]. Я знаю, меня за это ругают: хочет рот заткнуть другим, сам еще не разинув рта! Но Вы подумайте хладнокровно.

Журнал с философией. № 1 — три статьи Базарова, Богданова, Луначарского против Плеханова. Одна моя статья, где говорится, что «Очерки философии марксизма» = бердяевщина и поповщина.

№ 2 — трижды три статьи Богданова, Базарова, Луначарского против Плеханова и Ленина в взвинченном тоне. Одна моя статья, где с другой стороны доказывается, что «Очерки философии марксизма» = поповщина.

№ 3 — вой и руготня!

Я могу написать статей шесть или двенадцать против «Очерков философии марксизма», по статье против каждого автора и каждой стороны их воззрений. Может это так тянуться? Доколе? Не сделает *это* раскола *неизбежным* вследствие обострения и озлобления без конца? Не свяжет *это* фракцию решением: реши же, разберись же, закончи же «дискуссию» вотумом...

Подумайте об этом хорошенько, если боитесь раскола. Возьмутся ли практики распространять книги с таким «боем»? Не лучше ли иной путь: по-старому пишите *на стороне*, вне фракционных из-

даний. Подеритесь на стороне, фракция *пока* подождет. Если есть возможность *ослабить* неизбежное озлобление, то только так, по-моему.

Вы пишете: меньшевики выиграют от драки. Ошибаетесь, глубоко ошибаетесь, А. М.! Они выиграют, если большевистская фракция не отделит себя от философии трех беков. *Тогда* они выиграют окончательно. А если философская драка будет идти вне фракции, то меки будут окончательно сведены на политику и тут им смерть.

Я говорю: *отделить* драку от фракции. Конечно, на живых людях это отделение сделать трудненько, больненько. Нужно время. Нужны заботливые товарищи. Тут помогут практики, тут должны помочь Вы,— тут «психология», Вам и книги в руки. Я думаю, Вы смогли бы тут много помочь,— если, конечно, по прочтении моей книжки против «Очерков» [41] не впадете против меня в такое же бешенство, в какое я впал против них.

Подумайте хорошенько насчет журнала и отвечайте мне скорее. Я немного сомневаюсь, стоит ли нам вместе * к Вам ехать *теперь?* Чего тут теребить лишним образом нервы? «Дальние проводы»... а без драки не обойтись. Не лучше ли без длинных переговоров и торжественных и никчемных съездов порешить попроще дело о журнале? Это я Вам только задаю вопросы, чтобы посоветоваться с Вами.

Большой привет М. Ф. На Капри я всенепременно приеду и жену постараюсь затащить, только хотелось бы независимо от философской драки это сделать.

Жму крепко руку. Ваш *Ленин*

P. S. Прилагаю *важное* сообщение о шпике у Вас.

Женева. *П. с. с., т. 47, с. 150—153.*

А. М. ГОРЬКОМУ

Что это от Вас, дорогой А. М., вестей нет? Давно, писали Вы, кончили большую работу, собирались нам помочь в «Пролетарии». Когда же? Что если бы Вы фельетончик закатили о Толстом или тому подобное? Черкните, намерены ли [42].

Ал. Ал. поехал к Вам. Я не могу ни газеты бросить, ни оторваться от работы. Ну, это только отсрочка, приеду все же.

Как, по-Вашему, «*Пролетарий*»? Беспризорный он. Я еще никогда так не неглижировал своей газетой: читаю по целым дням распроклятых махистов, а статьи в газету пишу неимоверно наскоро.

Ну, жму руку. Ваш *Ленин*

---

* — с А. А. Богдановым.— *Ред.*

М. Ф—не тысячу приветов! Я на велосипеде к ней приеду!

Закажите и Анат. Вас—чу писать в «*Пролетарий*»! Дайте мне полаяться по-философски, помогите пока «Пролетарию»!

Написано в первой половине апреля 1908 г.
Женева. *П. с. с., т. 47, с. 154.*

А. М. ГОРЬКОМУ

16.IV.08.

Дорогой Ал. М.!

Получил сегодня Ваше письмо и спешу ответить. Ехать мне бесполезно и вредно: разговаривать с людьми, пустившимися проповедовать соединение научного социализма с религией, я *не могу* и не буду. Время тетрадок прошло. Спорить нельзя, трепать зря нервы глупо. Надо *отделить* от партийных (фракционных) дел философию: к этому обязывает и решение БЦ [43].

Я уже *послал в печать* самое что ни на есть формальное объявление войны [44]. Дипломатии здесь уже нет места,— я, конечно, не в худом смысле говорю о дипломатии, а в хорошем.

«Хорошая» дипломатия с Вашей стороны, дорогой А. М. (если Вы не уверовали тоже в бога), должна бы состоять в отделении наших общих (т. е. меня считая в том числе) *дел* от философии.

Беседа о других делах кроме философии не выгорит теперь: неестественно выйдет. Впрочем, если действительно эти *другие* дела, *не* философские, а «*Пролетарий*», например, требуют беседы именно *теперь* именно у Вас, я бы мог приехать (не знаю, найду ли денег: как раз теперь затруднения), но повторяю: только под условием, что о философии и о религии я не говорю.

А к Вам я непременно собираюсь приехать на свободе, покончив работу, побеседовать.

Жму крепко руку.

Ваш *Ленин*

М. Ф—не большой привет: она, чай, не за бога, а?

Женева. *П. с. с., т. 47, с. 155—156.*

А. М. ГОРЬКОМУ

19.IV.08.

Дорогой А. М.!

Получил Вашу и М. Ф. телеграмму и посылаю сегодня или завтра утром свой отказ. Еще раз повторяю, что *ни в каком случае* непозволительно смешивать споры литераторов о философии с *партийным* (т. е. *фракционным*) делом. Я уже это писал Ан. Вас—чу [45] и во избежание всяких кривотолков или неправиль-

ных выводов из моего отказа приехать *повторяю для всех товарищей*. Мы свое фракционное дело должны вести по-прежнему дружно: в той политике, которую мы вели и провели за время революции, никто из нас не раскаивался. Значит, наш долг *отстаивать* и отстоять ее перед партией. Это сделать мы можем только все вместе и должны это сделать в «*Пролетарии*» и во всей партийной работе.

Если при этом А обругает Б или Б обругает А за философию, то мы *должны* сделать это особо, сиречь без помехи делу.

Убедительно прошу Вас и товарищей не толковать в дурную сторону мой отказ приехать. Я очень извиняюсь, но по всему положению дел и состоянию редакции не могу поехать.

Крепко жму всем руку.

Ваш *Ленин*

От Ан. Вас. ждем обещанной статьи о римской стачке поскорее. От всех литераторов ждем помощи «*Пролетарию*»: все мы отвечаем перед россиянами, кои им недовольны.

Ал. Ал—ч пусть насчет денег *позаботится* хорошенько!! Воют в России от безденежья.

Женева. *П. с. с., т. 47, с. 156—157.*

Из письма

М. И. УЛЬЯНОВОЙ

...Я еду на недельку в Италию [46]. Напишу по возвращении...

Написано между 19 и 23 апреля 1908 г. *П. с. с., т. 55, с. 250.*
Женева.

М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

Дорогая Мария Федоровна! Посылаю письмо нашего библиотекаря к А. М.[47].

Дело вот в чем. А. М. очень прошу написать *легальное* открытое письмо в *русские* газеты с просьбой *помочь библиотеке* Куклина в Женеве присылкой газет эпохи революции и материалов к ее истории.

Письмо коротенькое, *разъясняющее* широкой публике, почему важно помочь этой библиотеке *для работ* и самого Горького и многих других, ему известных, литераторов.

Вас попрошу распорядиться отгектографированием этого письма (надеюсь, Зиновий Ал. не откажет помочь тут) и рассылкой *во все русские* газеты и журналы сколько-нибудь приличного направления.

Пожалуйста, сорганизуйте все это!

Того же Зин. Ал. попрошу отправить *малой* скоростью книги, не взятые Виктором, ежели *их не* возьмет Нат. Богд.[48].

Жму крепко руку.

Ваш *Ленин*

С первым мая!

Написано в конце апреля 1908 г. Женева. *П. с. с., т. 47, с. 157—158.*

Из письма

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

17.XI.08.

...Анюте, пожалуйста, передай, что философская рукопись послана уже мной тому знакомому, который жил в городке, где мы виделись перед моим отъездом в Красноярск в 1900 году[49]. Я надеюсь, что он уже получил ее и доставил вам. Если нет, необходимо наведаться к нему, благо, живет он недалеко от вас. Очень прошу черкнуть мне пару слов немедленно о получении рукописи. В Питер я написал двум приятелям, прося их помочь в деле устройства с изданием. Поручил им списаться с Анютой, ежели что представится, через нашего общего знакомого, служащего в «Знании»[50]. На само «Знание» я почти вовсе не надеюсь: «хозяин» его[51], давший полуобещание Анюте, большая лиса и, вероятно, понюхав воздух на Капри, где живет Горький, откажется. Придется искать в ином месте...

Женева. *П. с. с., т. 55, с. 260.*

А. М. ГОРЬКОМУ

16.XI.09.

Дорогой Алексей Максимович! Я был все время в полнейшем убеждении, что Вы и тов. Михаил[52] — самые твердые фракционеры новой фракции, с которыми было бы нелепо мне пытаться поговорить по-дружески. Сегодня увидал в первый раз т. Михаила, покалякал с ним по душам и о делах и о Вас и увидел, что ошибался жестоко. Прав был философ Гегель, ей-богу: жизнь идет вперед противоречиями, и живые противоречия во много раз богаче, разностороннее, содержательнее, чем уму человека спервоначалу кажется. Я рассматривал школу *только* как центр новой фракции[53]. Оказалось, это неверно — не в том смысле, чтобы она не была центром новой фракции (школа была этим центром и состоит таковым сейчас), а в том смысле, что это неполно, что это не вся правда. Субъективно некие люди делали из школы такой центр, объективно была она им, а кроме того школа черпнула из настоя-

щей рабочей жизни настоящих рабочих передовиков. Вышло так, что кроме противоречия старой и новой фракции на Капри развернулось противоречие между частью с.-д. интеллигенции и рабочими-русаками, которые вывезут социал-демократию на верный путь *во что бы то ни стало* и что бы ни произошло, вывезут вопреки всем заграничным склокам и сварам, «историям» и пр. и т. п. Такие люди, как Михаил, тому порукой. А еще оказалось, что в школе развернулось противоречие между элементами каприйской с.-д. интеллигенции.

Из слов Михаила я вижу, дорогой А. М., что Вам теперь очень тяжело. Рабочее движение и социал-демократию пришлось Вам сразу увидать с такой стороны, в таких проявлениях, в таких формах, которые не раз уже в истории России и Западной Европы приводили интеллигентских маловеров к отчаянию в рабочем движении и в социал-демократии. Я уверен, что с Вами этого не случится, и после разговора с Михаилом мне хочется крепко пожать Вашу руку. Своим талантом художника Вы принесли рабочему движению России — да и не одной России — такую громадную пользу, Вы принесете еще столько пользы, что ни в каком случае непозволительно для Вас давать себя во власть тяжелым настроениям, вызванным эпизодами заграничной борьбы. Бывают условия, когда жизнь рабочего движения порождает неминуемо эту заграничную борьбу и расколы и свару и драку кружков,— это не потому, чтобы рабочее движение было внутренне слабо или социал-демократия внутренне ошибочна, а потому, что слишком разнородны и разнокалиберны те элементы, из которых приходится рабочему классу выковывать себе свою партию. Выкует во всяком случае, выкует превосходную революционную социал-демократию в России, выкует скорее, чем кажется иногда с точки зрения треклятого эмигрантского положения, выкует вернее, чем представляется, если судить по некоторым внешним проявлениям и отдельным эпизодам. Такие люди, как Михаил, тому порукой.

Жму крепко руку и Вам и Марии Федоровне, ибо теперь у меня есть надежда, что нам с Вами придется встретиться еще не врагами.

Ваш *Ленин*

Wl. Oulianoff.
4. Rue Marie-Rose. 4.
Paris. XIV.

П. с. с., т. 47, с. 219—220.

Из письма
М. И. УЛЬЯНОВОЙ

...Дорогая Маняша! Получил сегодня номерок «Утра России»[51] с пошлым вздором насчет Горького. Вот уже несколько дней, как некоторые газеты в Париже («L'Eclair») и в Берлине («Berliner

Библиотечная книга

Tageblatt») упражняются в подобном же вранье. На днях одно хорошее опровержение этого сплошного вранья они получили от «Vorwärts'a» [55], где было весьма справедливо показано и весьма остроумно рассказано, какая это все сплошная нелепость и выдумка. Какой-то дурак «слыхал звон, да не понял, откуда он» и переврал все: обрывки слышанного им об отзовизме, школе, философии и проч. «Утро России», должно быть, совсем жульническая газетка, сочиняющая «интервью» — лишь бы погорячее было. Сегодня и «Речь» упражняется, впрочем, в фабрикации подобной сплетни. Рады кадеты, что повод есть полгать и посплетничать...

Написано 3 или 4 декабря 1909 г. *П. с. с., т. 55, с. 298.*
Париж.

БАСНЯ БУРЖУАЗНОЙ ПЕЧАТИ ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ ГОРЬКОГО [56]

Вот уже несколько дней, как буржуазные газеты Франции («L'Eclair», «Le Radical»), Германии («Berliner Tageblatt») и России («Утро России», «Речь», «Русское Слово», «Новое Время») смакуют самую сенсационную новость: исключение Горького из социал-демократической партии. «Vorwärts» поместил уже опровержение этого вздора. Редакция «Пролетария» тоже послала в несколько газет опровержение, но буржуазная печать игнорирует его и продолжает раздувать сплетню.

Источник этой сплетни ясен: какой-нибудь борзописец, услыхав краем уха о разногласиях в связи с отзовизмом и богостроительством (вопрос, чуть не год уже открыто обсуждающийся в партии вообще и в «Пролетарии», в частности), безбожно переврал обрывки сведений и «славно заработал» на сочиненных «интервью» и т. п.

Цель сплетнической кампании не менее ясна. Буржуазным партиям *хочется*, чтобы Горький вышел из социал-демократической партии. Буржуазные газеты из кожи лезут, чтобы разжечь разногласия внутри социал-демократической партии и представить их в уродливом виде.

Напрасно стараются буржуазные газеты. Товарищ Горький слишком крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира, чтобы ответить им иначе, как презрением.

Напечатано 28 ноября (11 декабря) 1909 г. *П. с. с., т. 19, с. 153.*

А. М. ГОРЬКОМУ

Дорогой А. М.! Насчет приезда — это Вы напрасно. Ну, к чему я буду ругаться с Максимовым, Луначарским и т. д.? Сами же пишете: ершитесь промеж себя — и зовете ершиться на народе.

Не модель. А насчет отталкиванья рабочих тоже напрасно. Вот коли примут наше приглашение и заедут к нам,— мы с ними покалякаем, повоюем за взгляды одной газетины [57], которую некие фракционеры ругают (давно я это от Лядова и др. слышал) скучнейшей, малограмотной, никому не нужной, в пролетариат и социализм не верящей.

Насчет нового раскола некругло у Вас выходит. С одной стороны, оба — нигилисты (и «славянские анархисты» — э, батенька, да неславянские европейцы во времена вроде нашего дрались, ругались и раскалывались во сто раз почище!) — а с другой, раскол будет не менее глубок, чем у большевиков и меньшевиков. Ежели дело в «нигилизме» «ершей», в малограмотности и пр. кое-кого, не верящего в то, что он пишет, и т. п.,— тогда, значит, не глубок раскол, и даже не раскол. А ежели глубже раскол, чем большевики и меньшевики,— значит, дело не в нигилизме и не в не верящих в свои писания писателях. Некругло выходит, ей-ей! Ошибаетесь Вы насчет теперешнего раскола и справедливо * говорите: «людей понимаю, а дела их не понимаю».

То, что Вам и Максимову кажется неискренностью и никчемностью и проч. в «Пролетарии», объясняется совсем иной точкой зрения на весь современный момент (и на марксизм, конечно). Мы почитай-что два года топчемся на месте, жуя те вопросы, которые Максимову все еще кажутся «спорными», которые давно решила жизнь. И ежели бы продолжали мы «спорить» о них, мы бы и сейчас топтались зря. А разойдясь, мы покажем рабочим ясно, прямо, определенно два выхода. Выбор рабочие социал-демократы сделают легко и быстро, ибо тактика хранения (в консервах) революционных *слов* 05—06 года вместо применения революционного *метода* к новой, иной обстановке, к измененной эпохе, требующей иных приемов и иных форм организации, эта тактика мертвая. К революции пролетариат идет и придет,— но *не так*, как до 1905 года: тем, кто «верит», что идет и придет, но *не понимает* этого «не так»,— тем наша позиция *должна* казаться неискренней, никчемной, скучной, на неверии в пролетариат и социализм основанной и т. д. и т. д. Вытекающее отсюда расхождение, несомненно, достаточно глубоко, чтобы сделать раскол — по крайней мере, заграничный — неизбежным. Но даже и отдаленно не приближается он к глубине раскола большевиков и меньшевиков, если говорить о глубине раскола партии, социал-демократии, марксистов.

Вы удивляетесь, как я не вижу истеричности, недисциплинированности (не вам бы говорить, не Михаилу бы слушать) и прочих злокачеств Михаила. Да вот я на малом его имел случай проверить:

---

* Добавление насчет «справедливо»: оговариваюсь. Не понимая дел, нельзя понять и людей иначе, как... внешне. Т. е. можно понять психологию того или другого участника борьбы, но не *смысл* борьбы, не *значение* ее партийное и политическое.

я думал, что беседы у нас с Вами не выйдет, что писать не к чему. Под впечатлением разговора с Михаилом написал сразу, сгоряча, не перечитав даже письма, не отложив до завтра. Назавтра думаю: сглупил, поверил Михаилу. А оказалось, что, как бы Михаил ни увлекался, а *постольку* прав он вышел, ибо беседа у нас с Вами *все же* получилась,— не без задоринок, конечно, не без изничтожения «Пролетария», ну, да ведь чего уж тут поделаешь!

Жму крепко руку. *Н. Ленин*

Написано в ноябре, не ранее 20,1909 г. Париж.

П. с. с., т. 47, с. 221—222.

Из работы

«ЗАМЕТКИ ПУБЛИЦИСТА»

I

О «ПЛАТФОРМЕ» СТОРОННИКОВ И ЗАЩИТНИКОВ ОТЗОВИЗМА

...Данный межреволюционный период объясняется не случайностью. Теперь уже нет сомнений, что перед нами особый этап развития самодержавия, развития буржуазной монархии, буржуазно-черносотенного парламентаризма, буржуазной политики царизма в деревне, поддержки всего этого контрреволюционной буржуазией. Этот период, несомненно, есть *переходный* период «между 2 волнами революции», но, чтобы подготовиться ко второй революции, необходимо как раз овладеть своеобразием этого перехода, уметь приспособить свою тактику и организацию к этому трудному, тяжелому, темному, но навязанному нам ходом «кампании» переходу. Использование думской трибуны, как и всяких других легальных возможностей, принадлежит к числу весьма невысоких средств борьбы, ничего «яркого» с собой не несущих. Но переходный период потому и есть переходный, что его специфической задачей является подготовка и собирание *сил*, а не их непосредственное, не их решительное выступление. Уметь поставить эту лишенную внешнего блеска деятельность, уметь использовать для нее все те полуоткрытые учреждения, которые свойственны эпохе черносотенно-октябристской Думы, уметь отстоять *и на этой почве* все традиции революционной социал-демократии, все лозунги ее недавнего геройского прошлого, весь дух ее работы, всю непримиримость ее по отношению к оппортунизму и реформизму,— вот *задача партии*, вот задача момента.

Мы разобрали первое отступление новой платформы от той тактики, которая изложена в резолюции Декабрьской конференции 1908 г.[58]. Мы видели, что это есть отступление в сторону идей отзовистских, в сторону идей, ничего общего не имеющих ни с марк-

систским анализом переживаемого момента, ни с основными посылками тактики революционных социал-демократов вообще. Нам надо рассмотреть теперь вторую оригинальную черту новой платформы.

Это — провозглашаемая новой группой задача «создавать» и «распространять в массах новую, пролетарскую» культуру: «развивать пролетарскую науку, укреплять истинно товарищеские отношения в пролетарской среде, вырабатывать пролетарскую философию, направлять искусство в сторону пролетарских стремлений и опыта» (стр. 17).

Вот образчик той наивной дипломатии, которая служит в новой платформе для прикрытия сути дела! Ну, разве это не наивно, когда *между* «наукой» и «философией» вставляют «укрепление истинно товарищеских отношений»? В *платформу* вносит новая группа свои предполагаемые *обиды*, свои обвинения других групп (именно: ортодоксальных большевиков в первую голову) в нарушении *ими* «истинно товарищеских отношений». Именно таково *реальное* содержание этого забавного пункта.

«Пролетарская наука» выглядит здесь тоже «грустно и некстати». Во-первых, мы знаем теперь только одну пролетарскую науку — марксизм. Авторы платформы почему-то систематически избегают этого единственно точного термина, ставя везде слова: «научный социализм» (стр. 13, 15, 16, 20, 21). Известно, что на этот последний термин претендуют у нас в России и прямые противники марксизма. Во-вторых, если ставить в платформу задачу развития «пролетарской науки», то надо сказать ясно, какую именно идейную, теоретическую борьбу нашего времени имеют здесь в виду и на чью именно сторону становятся авторы платформы. Молчание об этом есть наивная хитрость, ибо *суть дела* ясна всякому, кто знает литературу с.-д. 1908—1909 годов. В *наше* время в области науки, философии, искусства выдвинулась борьба марксистов с махистами. По меньшей мере смешно закрывать глаза на этот общеизвестный факт. «Платформы» следует писать не для затушевания разногласий, а для разъяснения их.

Неловко же выдают себя наши авторы цитированным местом платформы. Всем известно, что *на деле* под «пролетарской философией» имеется в виду именно *махизм*,— и всякий толковый социал-демократ сразу раскроет «новый» *псевдоним*. Не к чему было и выдумывать этот псевдоним. Не к чему прятаться за него. На деле самое влиятельное литераторское ядро новой группы есть махистское, которое считает не-махистскую философию не-«пролетарской».

Так и надо было сказать, если хотели говорить об этом в платформе: новая группа объединяет людей, которые будут бороться против не-«пролетарских», т. е. не-махистских теорий в философии и искусстве. Это было бы прямое, правдивое, открытое выступление всем известного *идейного* течения, выступление на борьбу с другими течениями. Когда идейной борьбе придают важное зна-

чение для партии, то именно с прямым объявлением войны и выступают, а не прячутся.

И мы будем звать всех к определенному, ясному ответу на прикрытое выставление философской борьбы с марксизмом в платформе. *На деле* именно *борьбу с марксизмом* прикрывают все фразы о «пролетарской культуре». «Оригинальность» новой группы та, что она в партийную платформу внесла *философию*, не сказав прямо, какое *именно* течение в философии она защищает.

Впрочем, нельзя было бы сказать, что целиком отрицательным является то реальное содержание, которое имеют цитированные слова платформы. За ними кроется и некоторое положительное содержание. Это положительное содержание можно выразить одним словом: М. Горький.

В самом деле, не к чему скрывать факта, о котором прокричала уже (исказив и извратив его) буржуазная пресса, именно, что М. Горький принадлежит к сторонникам новой группы. А Горький — безусловно крупнейший представитель *пролетарского* искусства, который много для него сделал и еще больше может сделать. Всякая фракция социал-демократической партии может законно гордиться принадлежностью к ней Горького, но на этом основании вставлять в *платформу* «пролетарское искусство» — значит выдавать этой платформе свидетельство о бедности, значит сводить свою группу к литераторскому *кружку*, который изобличает себя сам именно в «авторитарности»... Авторы платформы очень много говорят против признания авторитетов, не поясняя прямо, в чем дело. Дело в том, что им кажется отстаивание материализма в философии и борьба с отзовизмом у большевиков предприятием отдельных «авторитетов» (тонкий намек на толстое обстоятельство!), которым враги махизма, дескать, «слепо доверяют». Подобные выходки, конечно, совершенно детские. Но с авторитетами именно «впередовцы» обращаются нехорошо. Горький — авторитет в деле пролетарского искусства, это бесспорно. Пытаться «использовать» (в идейном, конечно, смысле) *этот* авторитет для укрепления махизма и отзовизма значит давать *образчик* того, как с *авторитетами* обращаться не следует.

В деле пролетарского искусства М. Горький есть громадный *плюс*, несмотря на его сочувствие махизму и отзовизму. В деле развития социал-демократического пролетарского движения *платформа*, которая обособляет в партии группу отзовистов и махистов, выдвигая в качестве специальной групповой задачи развитие якобы «пролетарского» искусства, есть *минус*, ибо эта платформа в деятельности крупного авторитета хочет закрепить и использовать как раз то, что составляет его слабую сторону, что входит отрицательной величиной в сумму приносимой им пролетариату громадной пользы.

Напечатано 6 (19) марта 1910 г. *Полн. собр. соч., т. 19, с. 248—252.*

Из письма

Н. Е. ВИЛОНОВУ

27/III.10.

...С Горьким переписки нет. Слышали, что он разочаровался в Богданове и понял фальшь его поведения. Есть ли у Вас вести с Капри?..

Париж. *П. с. с., т. 47, с. 241.*

А. М. ГОРЬКОМУ

Ал. Макс—чу

11.IV.10.

Дорогой А. М.! Только сегодня удалось мне получить Ваше и М. Ф. письмо, посланное через М. С. Боткину. Чтобы не забыть: мне можно писать и на мой *личный* адрес (Oulianoff. 4. Rue Marie Rose. 4. Paris. XIV) и на адрес партии — тогда вернее в 2-х конвертах, и на внутреннем: личное для Ленина (110. Avenue d'Orléans. Mr. Kotliarenko. Paris. XIV).

Просимые Вами издания постараюсь выслать Вам завтра же.

Ругал ли я Вас и где? Должно быть, в «Дискуссионном Листке» № 1 (издается при ЦО) [59]. Посылаю его. Если сообщавшие Вам имели в виду не это, то другого я сейчас не припомню. Не писал больше за это время ничего.

Теперь насчет объединения. Факт или анекдот? — спрашиваете Вы. Об этом придется рассказывать издалека, ибо есть в сем факте и «анекдотического» кое-что (больше мелкого) и серьезное, по моему убеждению.

К партийному объединению вели и ведут серьезные, глубокие факторы: необходимость очистки социал-демократии от ликвидаторства и отзовизма, в области идейной; страшно трудное положение партии и всей с.-д. работы и назревание нового типа с.-д. рабочего, в области практической.

На пленуме ЦК [60] («долгом пленуме»,— три недели маета была, издергали все нервы, сто тысяч чертей!) к этим серьезным и глубоким факторам, сознанным далеко не всеми, прибавились мелкие, мелочные, прибавилось настроение «примиренчества вообще» (без ясной мысли, с кем, к чему, как), прибавилась ненависть к Большевистскому Центру за его беспощадную идейную войну, прибавилась склока и желание поскандалить у меньшевиков — и вышел ребенок с нарывами.

Теперь вот и маемся. Либо — на хороший конец — нарывы вскроем, гной выпустим, ребенка вылечим и вырастим.

Либо — на худой конец — помрет ребенок. Тогда поживем некоторое время бездетно (сиречь: опять восстановим большевистскую фракцию), а потом родим более здорового младенца.

У меньшевиков к серьезному объединению идут (не вполне сознательно, медленно, пошатываясь, но идут и, главное, не могут не идти) плехановцы, идут *партийцы*, идут рабочие. А голосовцы виляют, путают, гадят. У них складывается сильный, легальный, оппортунистический центр в России (Потресов и К° в литературе: см. «Нашу Зарю» № 2 — экий подлец этот Потресов! — и Михаил, Роман, Юрий + 16 авторов «Открытого письма» [61] в № 19/20 «Голоса» — в практической, организационной работе).

Пленум ЦК желал объединить *всех*. Теперь голосовцы *отпадают*. Сей нарыв *надо* удалить. Без склоки, скандалов, маеты, грязи и «накипи» сего не сделаешь.

Мы сейчас сидим в самой гуще этой склоки. Либо русский ЦК обкорнает голосовцев, удалив их из важных учреждений (вроде Центрального Органа и т. п.),— либо придется восстановлять фракцию.

Плеханов в № 11 «Дневника» дал такую оценку пленума, которая ясно показала, что у него *теперь* преобладает искреннее и серьезное желание борьбы с оппортунизмом над мелким и мелочным желанием *использовать* оппортунистов-голосовцев *против* большевиков. Тут тоже сложная канитель идет, но сложившийся в России легалистский, ликвидаторский центр меньшевиков *неизбежно* ведет к отталкиванию от них серьезных социал-демократов.

Теперь у «впередовцев». Одно время мне казалось, что и внутри этой группы есть два течения: к партии, к марксизму, к отказу от махизма и от отзовизма,— и обратное. Для первого партийное объединение открывало бы дорогу для удобного, не неловкого, партийного пути к исправлению явных нелепостей отзовизма и т. п. Но второе течение, видимо, берет у них верх. Алексинский (дитюшко совсем в политике, но озлившееся и делающее глупость за глупостью дитюшко) со скандалом вышел и из редакции «Дискуссионного Листка» и из партийной школьной комиссии. Должно быть, они будут-таки устраивать *свою* школу, опять фракционную, опять в сторонке. Коли будет так,— повоюем паки, отвоюем у них рабочих.

Вот и выходит так, что «анекдотическое» в объединении сейчас преобладает, выдвигается на первый план, подает повод к хихиканью, смешкам и пр. Говорят, что с.-р. Чернов написал даже водевиль по поводу объединения у с.-д. под названием «Буря в стакане воды» и что сей водевиль дают здесь на днях в одной из (падких на сенсацию) групп эмигрантской колонии.

Сидеть в гуще этого «анекдотического», этой склоки и скандала, маеты и «накипи» тошно; наблюдать все это — тоже тошно. Но непозволительно давать себя во власть настроению. Эмигрантщина теперь во 100 раз тяжеле, чем было до революции. Эмигрантщина и склока неразрывны.

Но склока отпадет; склока остается на $^{9}/_{10}$ за границей; склока, это — аксессуар. А развитие партии, развитие с.-д. движения идет и идет вперед через все дьявольские трудности теперешнего

положения. Очищение с.-д. партии от *ее* опасных «уклонений», от ликвидаторства и отзовизма *идет вперед* неуклонно; в рамках объединения оно *подвинулось значительно дальше*, чем прежде. С отзовизмом мы уже покончили идейно, в сущности, до пленума. С ликвидаторством не докончили тогда, меньшевикам удалось на время *скрыть змею*, а теперь ее вытащили на свет божий, теперь ее все видят, теперь ее будем уничтожать и уничтожим!

И это очищение — вовсе не одна только «идейная» задача, вовсе не одна только «литературщина», как думает болван (или жулик) Потресов, так же *заступающийся* за махистов, как заступались меньшевики в пленуме за «впередовцев». Нет, это очищение неразрывно связано с самой гущей рабочего движения, которое учится постановке с.-д. работы в теперешнее трудное время, именно путем отрицания учится, путем отрицания ликвидаторства и отзовизма выходит на дорогу. Только пустозвон Троцкий воображает, что можно это отрицание обойти, что это лишнее, что рабочих это не касается, что вопросы ликвидаторства и отзовизма ставятся *не* жизнью, *а* печатью злых полемистов.

Могу себе представить, как тяжело наблюдать этот тяжелый рост нового с.-д. движения тем, кто не видал и не пережил тяжелого роста конца 80-х и начала 90-х годов. Тогда подобных с.-д. были десятки, если не единицы. Теперь — сотни и тысячи. Отсюда — кризис и кризисы. И социал-демократия *в целом* изживает их открыто и изживет их честно.

Жму крепко руку. Ваш *Ленин*

Париж. *П. с. с., т. 47, с. 248—251.*

Из письма
М. А. УЛЬЯНОВОЙ

1.VII.10.

Дорогая мамочка! Шлю большой привет из Неаполя. Доехал сюда пароходом из Марселя: дешево и приятно. Ехал как по Волге. Двигаюсь отсюда на Капри ненадолго...[62]

Неаполь. *П. с. с., т. 55, с. 315.*

А. М. ГОРЬКОМУ

14.XI.10.

Дорогой А. М.! Давным-давно от Вас и М. Ф. нет никаких вестей. Соскучился я без вестей с Капри. В чем дело? Не может же быть, чтобы Вы считались письмами, как некоторые люди, говорят, считаются визитами.

У нас здесь все по-старому. Куча мелких делишек и всяческих неприятностей, связанных с борьбой разных «уделов» внутри партии. Бррр!.. А хорошо, должно быть, на Капри...

В виде отдыха от склоки занялись мы давним планом издания *«Рабочей Газеты»* [63]. Собрали 400 frs.* с трудом. Вчера вышел наконец № 1. Посылаю его Вам вместе с листком и подписным листом. Сочувствующие такому предприятию (и «сближению» большевиков с Плехановым) члены каприйско-неаполитанской колонии приглашаются оказывать всяческое содействие. *«Рабочая Газета»* нужна, а с Троцким, который интригует в пользу ликвидаторов и отзовистов-впередовцев, каши сварить нельзя. Мы с Плехановым уже в Копенгагене протестовали энергично против преподлой статьи Троцкого в «Vorwärts» [64]. А какую еще гнусность напечатал он в *«Neue Zeit»* про исторический смысл борьбы среди русских социал-демократов! А Луначарский в бельгийском «Le Peuple» ** — не видали? [65]

Устраиваем маленький легальный журнал для борьбы с *«Нашей Зарей»* и *«Жизнью»*, тоже при участии Плеханова. Надеемся вскоре выпустить № 1 [66].

Таковы наши делишки. Понемногу, потихоньку, с трудом, а все же выпутываемся из склоки на дорогу.

Что у Вас нового? Писали ли Строеву и какой ответ получили? Мы написали ему первое письмо «для связи», он получил и ответил, что не понял, кто пишет. Написали еще. Молчит. Безлюдье дьявольское, а старики разбрелись.

Совсем было наладили в Питере еженедельную газету вместе с думской фракцией [67] (тамошние меньшевики клонят, к счастью, не к ликвидаторам, а к Плеханову), да дело затормозилось опять черт знает из-за чего.

Пишите, как живете-можете. Хорошо ли работается? Выходит ли что с журналом, о котором говорили летом? Как со «Знанием»?

На М. Ф. я имею право быть сердит. Обещала писать. Ничего. Обещала разузнать насчет парижской библиотеки по истории русской революции. Ничего. Нехорошо.

Жму руку. Ваш *Ленин*

А доклад Триа [68] *все же*, вероятно, напечатан будет. Редакция ЦО это постановила. Ну, и склока же в этой редакции, сил нет...

Париж. *П. с. с., т. 48, с. 1—2.*

А. М. ГОРЬКОМУ

22/XI.10.

Дорогой А. М.! Писал Вам несколько дней тому назад, посылая *«Рабочую Газету»*, и спрашивал, что вышло из журнала, о котором мы летом беседовали и о котором Вы обещали мне написать.

---

* — франков.— *Ред.*
** — «Народ».— *Ред.*

Сегодня читаю в «*Речи*» объявление о «*Современнике*» [69], издаваемом «при ближайшем и *исключительном* (так и напечатано! неграмотно, но тем более претенциозно и многозначительно) участии Амфитеатрова» и при Вашем постоянном сотрудничестве.

Что это? Как это? «Большой ежемесячный» журнал, с отделами «политики, науки, истории, общественной жизни»,— ведь это совсем, совсем не то, что сборники, стремившиеся концентрировать лучшие силы художественной литературы. Ведь такой журнал либо должен иметь вполне определенное, серьезное, выдержанное *направление*, либо он будет неизбежно срамиться и срамить своих участников. Есть направление у «*Вестника Европы*» — плохое, жидкое, бездарное, но направление, служащее определенному элементу, известным слоям буржуазии, объединяющее тоже определенные круги профессорской, чиновничьей и так называемой интеллигенции из «приличных» (желающих быть приличными, вернее) либералов. Есть направление у «*Русской Мысли*» — поганое, но направление, служащее очень хорошую службу контрреволюционной либеральной буржуазии. Есть направление у «*Русского Богатства*» — народническое, народнически-кадетское, но направление, десятки лет держащее свою линию, обслуживающее известные слои населения. Есть направление и у «*Современного Мира*» [70] — зачастую меньшевистски-кадетское (теперь с уклоном в сторону партийного меньшевизма), но направление. Журнал без направления — вещь нелепая, несуразная, скандальная и вредная. А какое же направление может быть при «исключительном участии» Амфитеатрова? ведь не Г. Лопатин способен дать направление, а если верны разговоры (говорят, попавшие и в газеты) об участии Качоровского, то это — «направление», но направление из тупоумных, эсеровское [71].

Когда мы беседовали с Вами летом и я рассказал Вам, что совсем было написал Вам огорченное письмо об «*Исповеди*», но не послал его из-за начавшегося тогда раскола с махистами, то Вы ответили: «*напрасно* не послали». Затем Вы же попрекали меня тем, что в каприйскую школу я не поехал, и говорили, что откол махистов-отзовистов мог бы Вам стоить, при ином течении дел, меньше нервов, меньше растраты сил. Помня эти беседы, я решил теперь писать Вам, не откладывая и не дожидаясь никаких проверок, под свежим впечатлением новости.

Я думаю, что политический и экономический толстый журнал при исключительном участии Амфитеатрова — вещь еще во много раз худшая, чем особая фракция махистов-отзовистов. Плохого в этой фракции было и есть то, что *идейное* течение отходило и отходит от марксизма, от социал-демократии, не договариваясь однако до разрыва с марксизмом, а только путая.

Амфитеатровский журнал (хорошо сделало его «Красное Знамя» [72], что вовремя умерло!) есть политическое выступление, политическое предприятие, в котором даже и сознания нет о том, что общей «левизны» для политики мало, что после 1905 года

всерьез говорить о политике без выяснения отношений к марксизму и к социал-демократии нельзя, невозможно, немыслимо.

Выходит скверно. Настроение у меня грустное.

Ваш *Ленин*

M. Ф—не salut et fraternité! *

Париж. *П. с. с., т. 48, с. 3—5.*

А. М. ГОРЬКОМУ

3/I.11.

Дорогой А. М.! Давно собираюсь отвечать Вам на письмо, да обострение здешней склоки ** (чтоб ее 100 000 чертей!) отвлекало.

А покалякать хочется.

Прежде всего, чтобы не забыть: Триа арестован вместе с Жорданиа и Рамишвили. Передают за верное. Жаль хорошего парня. Революционер.

Насчет «Современника». Читаю сегодня в «Речи» содержание 1-ой книжки и ругаюсь, ругаюсь. Водовозов о Муромцеве... Колосов о Михайловском, Лопатин «Не наши» и т. д. Как тут не ругаться? А Вы еще точно дразните: «реализм, демократия, активность».

Вы думаете, это — хорошие слова? Слова *скверные*, всеми буржуазными ловкачами на свете используемые, от кадетов и эсеров у нас до Бриана или Мильерана здесь, Ллойда Джорджа в Англии и т. д. И слова скверные, надутые, и содержание обещается эсеровско-кадетское. Нехорошо.

Насчет Толстого вполне разделяю Ваше мнение, что лицемеры и жулики из него святого будут делать. Плеханов тоже взбесился враньем и холопством перед Толстым, и мы тут сошлись. Он ругает за это «Нашу Зарю» в ЦО (следующий номер) [73], я в «Мысли» *** (сегодня получился № 1. Поздравьте — *наш* журнальчик в Москве, марксистский. То-то радости сегодня у нас было). В «Звезде» № 1 (вышла в С.-Петербурге 16.XII) есть тоже хороший фельетон Плеханова [74] с *пошлым* примечанием, за которое мы уже обругали *редакцию*. Эта дура Иорданский, вероятно, с Бончем сочинили! Но где же «Современнику» бороться против «легенды о Толстом и религии его». Это — Водовозов с Лопатиным? Шутить изволите.

Что студентов начали бить, это, по-моему, утешительно, а Толстому ни «пассивизма», ни анархизма, ни народничества, ни религии спускать нельзя.

Насчет донкихотизма в международной политике с.-д., сдается мне, Вы неправы. Ведь это ревизионисты давно твердят, что-де

---

* — братский привет! — *Ред.*

** Шельмец Троцкий соединяет голосовцев и впередовцев против нас. Война!

*** — см. наст. сборник, с. 234—238.— *Ред.*

колониальная политика прогрессивна, насаждает капитализм, а потому «обличать его в жадности и жестокости» никчемно, ибо «без этих свойств» капитал как «без рук».

Донкихотизмом и воздыханиями было бы, если бы с.-д. говорили рабочим, что может быть где-либо спасение помимо развития капитализма, не через развитие капитализма. Но мы этого не говорим. Мы говорим: капитал жрет вас, сожрет персов, сожрет всех и будет жрать, пока вы его не свергнете. Это правда. И не забываем добавить: кроме как в росте капитализма нет залога победы над ним.

Ни одной реакционной *меры* вроде запрещения трестов, ограничения торговли и т. п. марксисты не защищают. Но *каждому свое:* Хомяковы и К° пусть строят железные дороги через Персию, пусть посылают Ляховых [75], а марксистов дело — перед рабочими *обличать*. Жрет-де и сожрет, душит и задушит, сопротивляйтесь.

Сопротивление колониальной политике и международному грабежу *путем* организации пролетариата, *путем* защиты свободы для пролетарской борьбы *не задерживает* развитие капитализма, а *ускоряет* его, заставляя прибегать к более культурным, более технически высоким приемам капитализма. Есть капитализм и капитализм. Есть черносотенно-октябристский капитализм и *народнический* («реалистический, демократический, активности» полный) капитализм. Чем больше мы будем *обличать* перед рабочими капитализм за «жадность и жестокость», тем труднее держаться капитализму первого сорта, тем обязательнее переход его в капитализм второго сорта. А это нам на руку, это пролетариату на руку.

Думаете, что я в противоречие впал? В начале письма находил слова «реализм, демократия, активность» скверными, а теперь нахожу хорошими? Нет тут противоречия: для пролетария скверно, для буржуа хорошо.

У немцев есть образцовый журнал оппортунистов «Социалистический Ежемесячник» («Sozialistische Monatshefte») [76]. Там давно уже господа вроде Шиппеля и Бернштейна нападают на международную политику революционной социал-демократии посредством криков о том, что их-де политика сбивается на «ламентации сострадательных» людей. Это фокус оппортунистических жуликов, батенька. Попросите Вам достать из Неаполя этот журнал и перевести их статьи, ежели интересуетесь международной политикой. Наверное, и у Вас в Италии такие оппортунисты есть,— марксистов только нет в Италии, вот чем она мерзка.

Международный пролетариат теснит капитал двояко: тем, что из октябристского превращает его в демократический, и тем, что, выгоняя *от себя* капитал октябристский, *переносит* его к дикарям. А это расширяет базу капитала и приближает его смерть. В Западной Европе уже почти нет капитала октябристского; почти весь капитал демократический. Октябристский капитал из Англии, Франции ушел в Россию и в Азию. Русская революция и революция в Азии = борьба за вытеснение октябристского капита-

ла и за замену его демократическим капиталом. А демократический капитал=последыш. Дальше ему идти некуда. Дальше ему капут.

Как нашли «*Звезду*» и «*Мысль*»? Первая — тускла, по-моему. А вторая — *вся* наша и радует меня безмерно. Только хлопнут ее быстро.

А что, не устроите ли Вы мне книги об аграрном вопросе в «*Знании*»? [77] Поговорите с Пятницким. Не нахожу издателя, да и баста. Хоть караул кричи.

Читаю Вашу приписку: «руки дрожат и мерзнут» и возмущаюсь. Вот поганые дома на Капри! Ведь это же безобразие! У нас и то паровое отопление, тепло вполне, а у Вас «руки мерзнут». Надо бунтовать.

Крепко жму руку. Ваш *Ленин*

Получил из Болоньи приглашение ехать в школу [78] (20 рабочих). Ответил отказом. Со впередовцами дел иметь не хочу. Перетаскиваем опять рабочих сюда.

Париж. *П. с. с., т. 48, с. 11—14.*

Из письма
М. А. УЛЬЯНОВОЙ

19.I.11.

...Пожалуйста, не посылай мне денег. Теперь нужды у меня нет. Я писал, что не устраивается ни книга, ни статья — в одном из последних писем. Но в последнем письме я уже писал, что статью, говорят, принимают. О книге я написал Горькому * и надеюсь на благоприятный ответ [79]...

Париж. *П. с. с., т. 55, с. 318.*

А. М. ГОРЬКОМУ

Дорогой А. М.! Как здоровье? М. Ф. писала, что Вы вернулись с кашлем и проч. Надеюсь, поправились.

У нас несчастье с «Мыслью» [80]. Из «*Речи*» и др. газет Вы, верно, знаете, в чем дело. Надо переносить дело в Питер и начинать сначала. А у нас нет легальных надежных людей.

Не смогли ли бы Вы помочь нам, ежели сочувствуете «Мысли»? Или, может быть, Пятницкий мог бы помочь? Дело стоит так, что мы пока имеем еще деньги на издание такого маленького журнальчика (конечно, при условии бесплатной работы всех нас и плате 20 руб. с листа сторонним! Не щедро, как видите). Значит, помощь

---

* См. предыдущее письмо.— *Ред.*

теперь нужна исключительно *техническая:* найти издателя, который бы, *не тратя ни копейки своей*, издавал журнал (причем *строжайшую* легальность мы настолько признаём, что даем право и издателю и секретарю редакции + юристу *задерживать* все мало-мальски опасное: четыре №№ мы выпустили без малейшей придирки суда. № 5 арестован за Каутского!! [81] Ясно, что это — придирка. Ничего нелегального у Каутского нет).

Почему бы Пятницкому или другому кому не помочь нам в вещи столь безопасной? Ежели невозможно найти издателя, нельзя ли найти *секретаря — легального* человека, которому мы будем платить 50 руб. в месяц за возню с типографией и экспедицией. Нужен честный и заботливый человек, и только. У нас *нет* легальных людей — кроме рабочих (эти не подходят), вот наша беда.

Второе дело. У нас есть *оплаченный* уже перевод новейших статей Каутского против Маслова [82]. Легальная вещь. Нужная вещь, ибо Маслов наврал пропасть и налгал русским читателям. Листа 3—5 печатных. Нельзя ли издать — без гонораров (ибо перевод наш оплачен уже) по себестоимости? Годен на что-либо подобное Пятницкий (или другой кто) или нет?

Третье дело. Ю. М. Нахамкис, высланный сюда из Питера за сношение с социал-демократической фракцией (*Невзоров*, *Стеклов* он же, автор хорошей книги о Чернышевском [83]), очень ищет работы и просит спросить, нельзя ли издать *Пири: «Путешествие к Северному полюсу»*. Думает, что разойдется.

Какие у Вас новости с «планами»? Пишите.

А рабочим из нашей школы [84] ответьте. Хорошие парни. Один поэт, бедняга, все стихи пишет и нет у него руководителя, помощника, наставника и советчика.

Жму руку. Ваш *Ленин*

Robert E. Peary:

«La découverte du pôle nord». Paris — великолепные иллюстрации. Клише можно дешево купить здесь. Около 15 печатных листов по 40 000 букв. (Сейчас был у Стеклова, который сообщил мне эти подробности.)

Написано в конце апреля 1911 г. Париж. — *П. с. с., т. 48, с. 31—32.*

А. М. ГОРЬКОМУ

27.V.11.

Дорогой А. М.!

На днях я получил письмо от Полетаева. Он пишет, между прочим: «Получили письмо от Горького. Он делает предложение Н. И. приехать за границу для выработки плана объедине-

ния вокруг какого-нибудь органа, добавляет, что он на этот счет говорил с Вами и с меньшевиком М.» (Мартовым, я понимаю).

Полетаев добавляет, что Н. И. едва ли-де пригоден для этого плана и что ехать, если ехать, надо еще кому-нибудь. Покровский-де вряд ли поедет.

Прочитав сие в письме от Полетаева, я испугался — ей-богу испугался.

Объединение наше с меньшевиками вроде Мартова *абсолютно* безнадежно, как я Вам здесь и говорил [85]. Ежели мы станем учинять «съезд» для столь безнадежного плана,— выйдет один срам (я лично даже на совещание с Мартовым не пойду).

Судя по письму Полетаева, предполагается участие думской фракции; нужно ли это? если идет речь о журнале,— тогда думская фракция не при чем. Если о газете, то надо иметь в виду, что со «*Звездой*» у нас *порядочно* неладов было и есть: у них нет линии, они боятся идти с нами, боятся идти с ликвидаторами, жмутся, пыжатся, колеблются.

Притом, если намечать объединение плехановцев + наше + думской фракции, то это грозит дать *перевес* Плеханову, ибо в думской фракции преобладают меньшевики. Желательно ли и разумно ли давать перевес Плеханову?

Я *очень* боюсь, что Иорданский непригоден для таких планов (ибо у него «*свой*» журнал и он будет либо тормозить, либо тянуть в «свой» журнал, оставляя его *своим* = полулиберальным).

Чтобы избежать разочарований и безнадежной склоки, надо, по-моему, быть очень осторожным насчет «объединения». Ей-же-ей, не объединяться теперь, а размежевываться надо! Если найдется издатель для журнала или газеты, надо заключать с ним договор *Вам единолично* (или брать с него деньги без договора, ежели можно), а при устройстве «съезда» выйдет каша. Право же, выйдет каша.

Пишу Вам, ибо всего меньше хотел бы допустить *Вас* терять время, нервы и пр. на кашу. Сам я по горькому опыту 1908—1911 годов *знаю*, что «объединять» *теперь* невозможно. Например, в «Мысли» у нас Плеханов капризничал не раз — недоволен, напр., моей статьей о стачках и о Потресове [86], говоря, что я-де «его» ругал! Уладить мы уладили и *пока* с Плехановым работать можно и должно, но *формальные* объединения и съезды преждевременны и могут все испортить.

Не спешите со съездом!

У нас говорят положительно, что есть циркуляр Столыпина о закрытии *всех* с.-д. органов. Это похоже на правду. Перед IV Думой подтянут, вероятно, еще вдесятеро.

Легальные возможности в ближайшем будущем, видимо, уменьшатся. Надо налечь на нелегальную работу.

М. Ф. писала, что Вы совсем ушли из «Знания». Значит, полный разрыв с Пятницким и мое предыдущее письмо опоздало?

Жму руку. Ваш *Ленин*

P. S. «Современную Жизнь» [87] в Баку тоже арестовали и задушили!

Париж. *П. с. с., т. 48, с. 33—34.*

А. М. ГОРЬКОМУ

15/IX.11.

Дорогой А. М.! Писал я вам последний раз месяца, должно быть, два тому назад — в начале школы [88] (которая теперь уже окончилась и слушатели разъехались). Ответа не было,— я думал, не затянулись ли «переговоры» [89] или не изменилось ли что-либо радикально. На днях был здесь Лещенко, рассказал про Капри, и я был очень рад узнать, что дело вышло все из-за отсрочки предполагавшихся Вами свиданий до «после ярмарки» [90]. Планы же — говорил Лещенко — на Капри прежние: и толстый журнал, и большая газета, и еще, кажись, газета-копейка.

Да, да, теперь бы как раз кстати. Ликвидаторы покупают (так говорят в Питере, откуда мы сегодня получили письмо) «Киевскую Копейку» [91] и переводят в Питер. Крайне важно было бы сорганизовать им отпор.

Пока мы смогли только раздобыть последние деньжонки на возобновление «*Звезды*» [92]. Рассчитываем очень на Вашу подмогу: пришлите статейку. Подмога особенно важна вначале, ибо налаживать прерванное издание будет нелегко.

Получили ли и читали ли брошюру Каменева? Я питаю надежду, что она должна рассеять некоторые предубеждения, имеющиеся у Вас, по-видимому, против ее автора.

В партийных делах у нас каша здоровая, но все же к развязке ближе. Плеханов виляет — это перед развязкой у него всегда, вроде болезни. Мартов послал Каутскому и Цеткиной перевод (на пишущей машине) своей брошюры, чем *очень* помог нам: и Каутский и Цеткина обругали брошюру жестоко, первый «отвратительной», вторая — «грязной» [93].

Ну, всего лучшего. Пишите в «*Звезду*».

Черкните пару слов, коли не лень. Большой привет Марии Федоровне.

Ваш *Ленин*

Париж. *П. с. с., т. 48, с. 37—38.*

А. М. ГОРЬКОМУ

Дорогой А. М.!

В скором времени пришлем Вам решения конференции [94]. Наконец удалось — вопреки ликвидаторской сволочи — возродить партию и ее Центральный Комитет. Надеюсь, Вы порадуетесь этому вместе с нами.

Не напишете ли майский листок? Или листовочку в таком же майском духе? Коротенькую, «духоподъемную», а? Тряхните стариной — помните 1905 год — и черкните пару слов, ежели явится охота написать. В России есть 2—3 нелегальные типографии, и ЦК переиздаст, вероятно, в нескольких десятках тысяч. Хорошо бы иметь *революционную* прокламацию в типе «Сказок» «Звезды» [95]. Очень и очень рад, что Вы помогаете «*Звезде*». Трудно нам с ней чертовски — и внутренние и внешние и финансовые трудности необъятны — а все же пока тянем.

Жму руку. *Ленин*

P. S. А «Современник»-то догадался-таки умереть! Хороший это поступок с его стороны.

Написано в феврале 1912 г. *П. с. с., т. 48, с. 44—47.*
Париж.

А. М. ГОРЬКОМУ

Дорогой А. М.!

Очень рад, что Вы согласились попробовать написать майский листок.

Решения конференции прилагаю.

«Живое Дело» [96] видел. Поганая ликвидаторская штучка с «подходцем». Проповедь либеральная; рады, что полиция мешает ставить открыто вопрос о партии.

«*Звезда*» будет продолжаться либо еженедельная, *либо в виде копейки ежедневной*. Великолепными «Сказками» Вы очень и очень помогали «Звезде» и это меня радовало чрезвычайно, так что радость — ежели говорить прямо — перевешивала грусть от Вашего «романа» с Черновыми и Амфитеатровыми... Брр! Рад, каюсь, что у них «лопается».

А вот что Вам жить не на что и печататься негде, это скверно. Эх, давно бы Вам прогнать пиявку-Пятницкого да приставить честного приказчика, простого приказчика к «Знанию» (может быть это уже поздно, не знаю)!!! Если бы да кабы... Было бы золотое дно...

Рожкова «Иркутское Слово» [97] вижу очень редко. Стал человек ликвидатором. А Чужак — дура петая, махровая, с претензиями.

Ваш *Ленин*

М. Ф—не — спасибо за письмо в Москву и тысяча приветов!

Написано в феврале — марте 1912 г. Париж. *П. с. с., т. 48, с. 47—48.*

А. М. ГОРЬКОМУ

Дорогой А. М.!

В субботу я свободен и буду дома. Удобно Вам в $2^1/_2$ часа? Если нет, могу и вечером [98].

Жму руку.

Ваш *Ленин*

4. Rue Marie Rose, этаж 2-ой (по-русски третий), левая дверь.

Написано в середине марта 1912 г. Париж. *«В. И. Ленин и А. М. Горький», 1969, с. 83.*

А. М. ГОРЬКОМУ

Краков. 1 августа 1912.

Krakau. Oesterreich.
Zwierzyniec. 218.
Wl. Ulijanow.

Дорогой А. М.!

Получил Ваше письмо и письмо сибиряков. Адрес мой теперь не Париж, а Краков — см. выше.

Не совсем понял, из какой это партии Вы меня собрались гнать, не из эсеровской ли?

Нет, кроме шуток, нехорошую Вы манеру взяли, обывательскую, буржуазную — отмахиваться: «все вы склокисты». Посмотрите-ка на новую эсеровскую литературу: «Почин», «Известия заграничной областной организации»,— сравните с «Революционной Мыслью», с «Революционной Россией» [99],— а там еще с Ропшиным [100] etc. Вспомните «Вехи» и полемику (quasi *-полемику) с ними Милюкова, Гредескула (который ныне открыл, что не нужна вторая революция в России) и т. д. и т. д.

Сопоставьте *все* это в целом, *всю* сумму идейных течений 1908—1912 годов у с.-р., трудовиков, беззаглавцев [101], кадетов с тем, что

* — якобы.— *Ред.*

было и есть у социал-демократов (кто-нибудь когда-нибудь,— историк, вероятно, сделает эту работу непременно). Вы увидите, что *все*, буквально все вне социал-демократов решали *те же самые*, буквально те же самые вопросы, из-за которых откололись у нас группки от партии в сторону ликвидаторства и отзовизма.

О «склоке» у с.-д. любят кричать буржуа, либералы, эсеры, которые к «больным вопросам» относятся *несерьезно*, плетутся за другими, дипломатничают, пробавляются эклектизмом. Разница социал-демократов от всех них та, что у с.-д. склокой облечена борьба групп с *глубокими* и ясными идейными корнями, а *у них* склока внешне приглажена, внутренне пуста, мелочна, мизерна. Никогда ни за что не променял бы я резкой борьбы течений у социал-демократов на прилизанную пустоту и убожество эсеров и К°.

Жму руку крепко.

Ваш *Ленин*

P. S. Привет М. Ф.!

P. S. А в России *революционный* подъем, не иной какой-либо, а именно революционный. И нам удалось-таки поставить ежедневную «Правду» — между прочим, благодаря именно той (январской) конференции, которую лают дураки.

П. с. с., т. 48, с. 80—81.

А. М. ГОРЬКОМУ

Дорогой А. М.!

Если Вы признаете, что «склока наша вызвана непримиримым различием идейных корней»,— что у эсеров тоже,— (что у кадетов тоже — «Вехи»,— этого Вы не добавили, но тут сомнений нет) — что слагается *реформистская* (удачное слово!) партия,— тогда **нельзя** говорить и ликвидатору и его врагу: «оба вы склокисты».

Тогда дело тех, кто понял идейные корни «склоки», не участвуя в ней,— помогать массе *разыскивать корни*, а не оправдывать массу за то, что она рассматривает споры как «личное генеральское дело».

Мы «лидеры не написали ни одной ясной книги, ни одной дельной брошюры»... Неверно. Как умели, писали. Не менее ясно, не менее дельно, чем прежде. И много писали. Были случаи — писали против людей без *всякой* «склоки» (против «Вех», против Черпова, против Рожкова [102] и т. д.). [Видаете ли Вы все номера «Невской Звезды»? [103]]

...«Результат этого: в России сейчас среди рабочих есть очень много хорошей... молодежи, но она так яростно настроена против

заграницы»... это фактически верно, но это не результат вины «лидеров», а оторванности или вернее *разорванности* России и эмигрантских центров. Надо *разорванное* связывать, а лидеров ругать дешево, популярно, но малополезно... «что отговаривает рабочих от участия в конференции»...

Какой конференции? Теперь созываемой ликвидаторами? [104] Так и мы отговариваем! Тут нет ли у Вас какого недоразумения?

Читал, что Амфитеатров выступил чуть не в варшавской газете [105] за бойкот IV Думы? Нет ли у Вас этой статьи? Пришлите — я верну.

А в Балтийском флоте кипит! У меня был в Париже (между нами) специальный делегат, посланный собранием матросов и социал-демократов. Организации нет,— просто плакать хочется!! Ежели есть у Вас офицерские связи, надо все усилия употребить, чтобы что-либо наладить. Настроение у матросов боевое, но могут опять все зря погибнуть.

А в «Запросах Жизни» [106] неудачные Ваши статьи. Странный, между прочим, журнал,— ликвидаторски-трудовическо-вехистский. Впрочем, именно «бессословная реформистская» партия...

Вы спрашиваете, зачем я в Австрии. ЦК поставил здесь бюро (между нами): близко граница, используем ее, ближе к Питеру, на 3-ий день имеем газеты оттуда, писать в тамошние газеты стало куда легче, сотрудничество лучше налаживается. Склоки здесь меньше, это плюс. Библиотеки нет хорошей, это минус. Без книг тяжко.

Крепко жму руку. Ваш *Ленин*

Привет М. Ф.

Написано ранее 25 августа 1912 г. *П. с. с., т. 48, с. 83—85.*
Краков.

Из письма

Л. Б. КАМЕНЕВУ

...Скандал: ушел Дневницкий, и у нас исчез литературно-критический отдел из «*Звезды*»!! а в «*Правде*» он тоже нужен.

Имеете ли «Заветы»? [107] Нельзя ли послать мне Ропшина на время? Я хотел бы написать о нем для ЦО...[108]

P. P. S. Посылаю письмо Горького, в коем часть общеинтересна. *Верните.*

Написано ранее 6 сентября 1912 г. *П. с. с., т. 48, с. 87, 88.*
Краков.

А. М. ГОРЬКОМУ

Дорогой А. М.! Как-то Ваше здоровье? Последний раз Вы сообщали вести нехорошие — температура повышается и проч. Поправились ли вполне? Черкните пару слов — буду очень благодарен.

В «Правде» Вас все нет да нет. Жаль. А надо бы поддержать газету.

Мы теперь «сидим по уши» в выборах [109]. Абсентеизм чертовски велик. По рабочей курии тоже. Но выбраны все же везде социал-демократы. От исхода выборов зависит очень многое для строительства партии.

Про ликвидаторскую конференцию слыхали?

В каком журнале будете печататься? Что со «Знанием»?

Крепко жму руку и желаю скорее и лучше поправиться. Привет М. Ф.

Ваш *Ленин*

P. S. Адрес мой не Париж, а Краков, Ulica Lubomirskiego. 47. Krakau.

P. S. Видели «Луч»? Не слыхали ли, что такое за предприятие «День»? [110] Есть слухи, что это орган *Витте*...

Написано в начале октября 1912 г. *П. с. с., т. 48, с. 97.*

А. М. ГОРЬКОМУ

Дорогой А. М.! На днях получил из редакции «Правды» в Питере письмо, в котором они просят меня написать Вам, что чрезвычайно рады бы были постоянному Вашему сотрудничеству. «Хотим-де предложить Горькому 25 коп. за строчку, да боимся, чтобы он не обиделся»,— так они мне пишут.

По-моему, тут совсем обижаться нечего. О том, чтобы Ваше сотрудничество изменилось под влиянием соображений о гонораре, никто и помышлять не может. Точно так же известно всем, что рабочая «Правда», платящая обычно по 2 коп. за строчку, а еще чаще ничего не платящая, гонорарами вообще привлекать не в состоянии.

Но в том, чтобы сотрудники рабочей газеты получали хоть какое ни на есть, а регулярное вознаграждение, нет ничего худого, «окромя хорошего». Тираж теперь 20—25 тысяч. Пора начинать думать о прочной постановке с оплатой труда сотрудников. Что ж тут дурного, ежели понемногу *все* работающие в рабочей газете начнут зарабатывать? И что может быть обидного в этом предложении?

Я уверен, что опасения питерской редакции «Правды» совсем неосновательны и что ее предложение Вы иначе, как по-товарище-

ски, не встретите. Черкните или им прямо в редакцию пару слов или мне.

Завтра выборы выборщиков в Питере (по рабочей курии). Борьба с ликвидаторами разгорелась. В Москве и Харькове победили партийцы.

Видали ли «Луч» и получаете ли его вообще? Вот подменили-то карты и прикинулись «добрыми»!

Видел объявление о «Кругозоре» [111]. Ваше это предприятие или Вы там гостем?

Жму крепко руку и желаю прежде всего здоровья. Привет М. Ф.

Ваш *Ленин*

47. Ulica Lubomirskiego. Krakau.

Написано 17 октября 1912 г. *П. с. с., т. 48, с. 100.*

А. М. ГОРЬКОМУ [112]

Не успел отправить предыдущего письма, как получил Ваше о библиотеке. План собирания материалов по истории революции великолепен. Приветствую всей душой и желаю успеха.

Что касается Бебутова, то он сказал мне, когда я познакомился с ним в мае в Берлине, что он *так* отдал библиотеку Vorstand'у (ЦК нем. с.-д.), что не *мог бы взять назад*. У меня есть его письмо, что библиотека сия пожертвована партии с.-д., когда она будет едина и пр. Значит, тут, видимо, ничего не поделаешь. Но все же попробуйте *Вы* снестись с Бебутовым.

Вл. Ильин

Написано во второй половине октября 1912 г. Краков. *П. с. с., т. 48, с. 103.*

Из письма
В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Уважаемый коллега!

Писал, по Вашей просьбе, Горькому и получил от него сегодня ответ. Он пишет:

«Пошлите прилагаемую записку «Правде». О гонораре не может быть и речи, это чепуха. Работать в газете я буду, скоро начну посылать ей рукописи. Не мог сделать этого до сих пор лишь потому, что отчаянно занят, работаю часов по 12, спина трещит».

Как видите, настроен Горький очень дружественно *. Надеюсь, Вы ему ответите тем же и будете *заботливо* следить, чтобы

---

* Прилагаю письмо Горького в «Современный Мир» о выдаче Вам «Сказки». *Скорее берите.*

ему *аккуратно* посылалась «*Правда*». Экспедиция иногда хромает, так что проверять, и проверять самому, от времени до времени обязательно.

Новинки, могущие представлять интерес для него, а также кое-что из рукописей тоже посылайте (мне для пересылки ему), если хотите удержать дружественное настроение...

Написано позднее 2 ноября 1912 г. *П. с. с., т. 48, с. 105—106.*
Краков.

Из письма
В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

...Вы просили адрес Горького. Вот он: Signor Massimo Gorki. Villa Spinola. *Capri* (Napoli). Italie. Италия. Неаполь...

Написано 26 ноября 1912 г. *П. с. с., т. 48, с. 116.*
Краков.

Из письма
А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

...Изредка имею вести от Горького, который теперь настроен к нам менее недружелюбно, чем прежде...

Написано осенью 1912 г. *П. с. с., т. 55, с. 330.*
Краков.

А. М. ГОРЬКОМУ

Дорогой Ал. М.! Давно что-то нет от Вас никаких вестей. Как живете? Здоровы ли?

Сегодня получил № 187 «Правды» с подпиской на 1913 год. Дела газеты трудны: после летнего падения тиража подъем *очень* медленный, и дефицит остается. Временно прекратили даже платежи двум постоянным сотрудникам, сделав наше положение архитрудным.

Предполагаем развить усиленную агитацию среди рабочих за *подписку*, чтобы собранными деньгами укрепить газету и расширить, а то с началом Думы совсем не остается места для статей.

Надеюсь, Вы тоже примете участие в агитации за подписку, чтобы помочь «вывезти» газету. В какой форме? Ежели есть сказка или что-либо подходящее,— тогда объявление об этом будет очень хорошей агитацией [113]. Если нет,—пошлите обещание дать в близ-

ком будущем и именно в 1913 году. Наконец, просто несколько строк Вашего *письма к рабочим* о важности поддержать *активно* (подпиской, распространением, сборами) рабочую газету были бы тоже прекрасной агитацией.

Черкните, пожалуйста, то или другое — прямо в редакцию «Правды» (Ямская, 2, С.-Петербург) или мне сюда. Ulijanow. (47. Lubomirskiego. Krakau.)

Войны, верно, не будет, и мы пока останемся здесь, «используя» отчаянную ненависть поляков к царизму.

Ликвидаторы теперь ведут атаку *против* революционных стачек! Докатились. На 9-ое января поговаривают о стачке и демонстрации.

Из рабочих депутатов первый раз за три Думы (2, 3, 4-ая) на стороне партии вся шестерка депутатов от главных губерний. Трудно, а все же идет дело вперед.

Видели «защиту» Ропшина в «Заветах» во имя «свободы мысли и критики»? (в ответе на письмо в редакцию Натансона и К°) [114]. Ведь это хуже всякого ликвидаторства,— ренегатство запутанное, трусливое, увертливое и тем не менее систематическое!

Плывем «против течения»... *За* революционную агитацию в массах приходится теперь бороться против очень многих «тоже-революционеров»... В массах рабочих революционное настроение есть, безусловно, но новая демократическая интеллигенция (и рабочая в том числе) с революционной идеологией подрастает медленно, отстает, не догоняет еще пока.

Большущий привет!

Черкните два слова. Ваш *Ленин*

P. S. М. Ф. привет! Она что-то совсем, совсем замолчала...

Написано 22 или 23 декабря 1912 г. *П. с. с., т. 48, с. 137—138.*

А. М. ГОРЬКОМУ

Дорогой А. М.! Поздравляю и Вас с Новым годом, желаю всего, всего лучшего, а больше всего здоровья! У нас здесь сейчас Малиновский, Петровский и Бадаев. Вчера получил Ваше письмо, читал его им, все чрезвычайно были рады. Малиновский хотел ехать к Вам, да, пожалуй, дальность помешает. Эх, кабы можно было Вам поближе... Ежели бы здоровье позволило, перебраться в здешние галицийские курорты вроде Закопане, отыскать место в горах здоровое, на два дня ближе к России, приезды рабочих можно участить, школу бы опять рабочую наладили, переход через границу нетруден, цена проезда 12 руб. от Питера, сношения с рабочими Москвы, Юга тоже возможны!.. Размечтался я в связи с поездкой М. Ф.[115] ... Вот чудесно она придумала, право, чудесно. Черкните непременно при случае, удалось ли ей легализоваться

(наверное, удастся). Еще черкните, как Малиновскому найти ее в Питере или в Москве. Через Тихонова? Ежели не найти деньжонок на расширение и упрочение «Правды» — погибнет она. Дефицит теперь 50—60 руб. в день. Надо повысить тираж, удешевить расходы, расширить газету. 200 номеров выдержали — рекорд. Влияем все же на 20—30 тысяч читателей рабочих систематически в марксистском духе, дело большущее, дьявольски жаль было бы, ежели оно погибнет. Обдумываем со всех сторон и всячески с депутатами, как бы вывернуться из трудного положения «Правды», но боимся, что без финансовой поддержки со стороны не вывезти.

Малиновский, Петровский и Бадаев шлют Вам горячий привет и лучшие пожелания. Парни хорошие, особенно первый. Можно, ей-ей можно, с такими людьми построить рабочую партию, хотя трудности невероятно велики. Краковская база оказалась полезной: вполне «окупился» (с точки зрения дела) наш переезд в Краков. Депутаты подтверждают, что среди масс рабочих революционное настроение безусловно растет. Ежели создать теперь хорошую пролетарскую организацию, без помех предателей-ликвидаторов,— черт знает какие победы можно тогда одержать при росте движения снизу...

То, что Вы сообщаете про письма из России, замечательно интересно и характерно. Меньшевики-рабочие говорят, что Россия пережила Маркса!! И это не единичный случай. Ликвидаторы такой разврат, такой предательский дух, такое ренегатство вносят, что и представить себе трудно. А тут еще тысячи интриг для «соединения» с ними: единственное средство изгадить *все* дело, испортить с трудом начатое строительство партии, это опять начать интриги = «соединение» с ликвидаторами. Ну, мы еще повоюем...

Вашу радость по поводу возврата впередовцев от всей души готов разделить, *ежели... ежели* верно Ваше предположение, что «махизм, богостроительство и все эти штуки увязли навсегда», как Вы пишете. Если это так, если это впередовцы поняли или поймут теперь, тогда я к Вашей радости по поводу их возврата присоединяюсь горячо. Но я подчеркиваю «*ежели*», ибо это пока еще пожелание больше, чем факт. Помните, весной 1908 года на Капри наше «последнее свидание» с Богдановым, Базаровым и Луначарским? Помните, я сказал, что придется разойтись годика на 2—3, и тогда еще М. Ф., бывшая председателем, запротестовала бешено, призывая меня к порядку и т. п.!

Оказалось — $4^1/_2$, почти 5 лет. И это еще немного для такого периода глубочайшего развала, какой был в 1908—1911 гг. Не знаю, *способны* ли Богданов, Базаров, Вольский (полуанархист), Луначарский, Алексинский *научиться* из тяжелого опыта 1908—1911? Поняли ли они, что *марксизм* штука посерьезнее, поглубже, чем им казалось, что нельзя над ней глумиться, как делывал Алексинский, или третировать ее как мертвую вещь, как делали остальные? *Ежели* поняли — тысячу им приветов, и все личное (неизбежно внесенное острой борьбой) пойдет в минуту насмарку. Ну,

а ежели не поняли, не научились, тогда не взыщите: дружба дружбой, а служба службой. За попытки поносить марксизм или путать политику рабочей партии воевать будем не щадя живота.

Я *очень* рад, что нашлась *дорога* к постепенному возврату впередовцев именно через «Правду», которая непосредственно их не била. Очень рад. Но именно в интересах *прочного* сближения надо теперь идти к нему медленно, *осторожно*. Так *я* написал и ь «Правду». На это должны направить свои усилия и друзья воссоединения впередовцев с нами: осторожный, опытом проверяемый, *возврат* впередовцев *от* махизма, отзовизма, богостроительства может дать чертовски многое. Малейшая неосторожность и «рецидив болезни махистской, отзовистской и пр.» — и борьба вспыхнет еще злее... Не читал новой «Философии живого опыта» Богданова: наверное, тот же махизм в новом наряде...

С Сергеем Моисеевым [116] в Париже мы отлично связаны, давно его знаем и вместе работаем. Это партиец и большевик настоящий. С такими людьми и строим партию, но мало их стало чертовски.

Еще раз жму руку, надо же кончить письмо, а то затянул неприлично. Будьте же здоровы!

Ваш *Ленин*

Н. К. шлет горячий привет!

(У нас здесь еще несколько работников хороших из России съехалось. Устраиваем совещание [117]. Эх, денег нет, а то из здешней базы мы бы черт знает сколько наделали!)

В «Правду» пишу сегодня, чтобы они, спросив Тихонова, напечатали, что Тихонов и Вы заведуете беллетристическим отделом «Правды». Не так ли? Черкните и им, ежели не напечатают.

Написано ранее 8 января 1913 г. *П. с. с., т. 48, с. 139—142.*
Краков.

Из письма
Л. Б. КАМЕНЕВУ

...Вчера пришло архидружное письмо Горького, которого приход впередовцев в *«Правду»* окончательно, по-видимому, «очаровал».

Пишет, что он и Тихонов возьмут беллетристику в «Правде», ...что-де «махизм и богостроительство и все эти штуки увязли навсегда». Великолепно!

...Дела в общем, видимо, *в гору*. Финансы в «Правде» швах, но теперь надежда на Горького.

Всего лучшего! Ваш *Ленин*

Написано 8 января 1913 г. *П. с. с., т. 48, с. 142, 143.*
Краков.

А. М. ГОРЬКОМУ

21/I.13.

Дорогой А. М.! Товарищ, который перешлет Вам это письмо,— живущий теперь в Вене Трояновский. Он с женой взялся теперь энергично за «Просвещение», раздобыл малую толику деньжонок, и мы надеемся, что благодаря их энергии и помощи удастся поставить марксистский журнальчик против ренегатов ликвидаторов. Думаю, и Вы не откажете помочь «Просвещению».

Ваш *Ленин*

P. S. Получили, надеюсь, мое длинное письмо по поводу впередовцев? * А как же это Вы угодили в «Луч»??? Неужели вслед за депутатами? [118] Но они просто попались в ловушку и, вероятно, скоро уйдут.

Краков.

П. с. с., т. 48, с. 150.

А. М. ГОРЬКОМУ

Дорогой А. М.! Против посылки Вами моего письма к Тихонову [119], понятно, ничего не имею.

Фельетон Луначарского «Между страхом и надеждой» [120] меня после Вашего рассказа заинтересовал. Не могли ли бы Вы послать мне его, ежели у Вас свободен? Я, в случае требования, верну аккуратно.

Сборы на московскую газету обрадовали нас зело [121]. За это дело возьмется *наша* тройка депутатов Московской области: Малиновский, Шагов и Самойлов. Это уже условлено. Но нужна осторожность: не укрепив «Правды», нельзя хвататься за московскую газету. У нас есть план постановки «Московской Правды».

Тихонову напишите, пожалуйста, чтобы он говорил *только* с Бадаевым и *Малиновским*, а с ними поговорил обязательно.

Особенно порадовали меня в Вашем письме слова: «Из всех планов и предположений российской интеллигенции явствует с полной несомненностью, что социалистическая мысль прослоена разнообразными течениями *в корне* враждебными ей: тут и мистика, и метафизика, и оппортунизм, и реформизм, и отрыжки народничества. Все эти течения *тем более* враждебны, что *крайне неопределенны* и, не имея своих кафедр, не могут определиться с достаточной ясностью».

Подчеркиваю слова, особо меня восхитившие. Вот именно: «в корне враждебны» и тем более, что неопределенны. Вот Вы спрашиваете о Степанове (И. И.). Чем он оказался (а парень хороший, работяга, знающий и т. д.) в эпоху развала и шатаний?

---

* См. наст. сборник, с. 345—347.— *Ред.*

(1908—1911). Хотел мирить с впередовцами. Но ведь это значит, что шатался сам.

Писал мне письма, что над демократической революцией в России крест поставить, что у нас без революции по-австрийски пойдет. Я его облаял ликвидатором за эти пошлости [122]. Обиделся. А потом в печати *Ларин* его мысли выпалил.

Теперь Степанов *демонстративно* пишет не у нас, а в газете Рожкова «Новая Сибирь» в Иркутске [123]. А Рожков Вы знаете, какое «течение» открыл? Читали его статью в «Нашей Заре» 1911 года и мой ответ в «Звезде»? [124] И Рожков *уперся* на своем архиоппортунизме. А Степанов? Аллах его ведает. Именно: «крайне неопределенная» и путаная позиция. Я бы *никогда* никакого сколько-нибудь самостоятельного отдела Степанову теперь не доверил: прыгнет, сам не знает, куда. Но сотрудником, вероятно, мог бы быть полезным. Он из тех, что̀ «не разобрался». Поручить ему «организовать» отдел — значит загубить *и его* и отдел наверняка.

Вы пишете: «Нам пора иметь свой журнал, но мы не имеем для этого достаточного количества хорошо спевшихся людей».

Второй части этой фразы я не принимаю. Журнал *заставил* бы *спеться* достаточное количество людей, будь журнал, будь *ядро*.

Ядро есть, а журнала (толстого) нет по причинам внешним: денег нет. Будь деньги, я уверен, мы бы осилили и теперь толстый журнал, ибо *к ядру* сотрудников за плату привлечь можно *много*, раздав темы и распределив места.

Пока нет денег, надо, по-моему, не только мечтать, но и строить из наличного, сиречь из «Просвещения». Маленькая это рыбешка, конечно, но, во-1-х, большое и все из маленького растет. Во-2-х, лучше маленькая рыбка, чем большой таракан.

Пора, давно пора *начинать* спевку, ежели хотим иметь «спевшихся людей» в большом количестве.

«Нам пора иметь свой журнал». Ядро литераторское есть. Правильность линии подтверждена опытом 12 лет (или даже 20), а опытом последних 6 лет сугубо. Собирать вокруг этого ядра, тем самым определяя его детальнее, растя его и расширяя. С нелегального и с «Правды» мы *должны* были начать. Но *останавливаться* на этом мы не хотим. А посему, раз Вы сказали, что «нам пора иметь свой журнал», то позвольте Вас за сии слова притянуть к ответу: *либо* наметить сейчас план поисков денег для толстого журнала такой-то программы такой-то редакции такого-то состава сотрудников, *либо* начать по сему же плану расширять «*Просвещение*».

А вернее: не *либо — либо*, а *и — и*.

Жду ответа. Из Вены Вы, верно, имеете уже письмо о «*Просвещении*». Есть верная надежда его упрочить на 1913 г. в малом виде. Хотите, чтобы «мы имели свой журнал», так давайте двигать вместе.

Насчет дашнаков [125] я ничего не слыхал. Но считаю слух вздорным. Это правительством пущено, которое хочет скушать турецкую Армению.

Р. Р. S-ы *, несомненно, *за* Австрию и станут воевать за нее. Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей восточной Европе) штукой, но мало вероятия, чтобы Франц Иозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие.

Вы просите информировать почаще. С удовольствием — только откликайтесь. Посылаю (пока под секретом) резолюции нашего недавнего ** совещания (которое, по-моему, очень удалось и сыграет роль).

Резолюции, говорят, из всех видов литературы самый скучный. Я слишком въевшийся в резолюции человек. Черкните Вы, насколько для Вас они читабельны (особенно о революционных стачках и о ликвидаторах).

Что худого поднял в России слух об амнистии? Не знаю. Черкните.

Н. К. кланяется.

Жму крепко руку.

Ваш *Ленин*

Написано позднее 25 января 1913 г. *П. с. с., т. 48, с. 152—155.*
Краков.

А. М. ГОРЬКОМУ

Дорогой А. М.!

Что же это Вы, батенька, дурно себя ведете? Заработались, устали, нервы болят. Это совсем беспорядки. Уж на Капри-то, да еще зимой, когда «наезду», вероятно, меньше, следовало бы вести правильный образ жизни. Без присмотра, что ли, Вы распустили себя? Ей-же-ей, нехорошо. Возьмите себя в руки и установите «прижим» (режим) построже, право! Хворать по нынешним временам вещь совсем недопустимая. По ночам разве стали работать? А когда я был на Капри, говорили, что только я вводил беспорядок, а до меня ложились вовремя. Надо отдохнуть и завести прижим, непременно.

Трояновскому и его жене напишу про Ваше желание свидеться. Это бы в самом деле хорошо. Они люди хорошие. На работе мы их видали еще мало; но все, что до сих пор знаем, говорит в их пользу. Есть у них и средства. Могли бы развернуться и много сделать для журнала. Трояновская скоро едет в Россию.

---

* — ППС-ы (пепеэсовцы) — члены Польской социалистической партии.— *Ред.*

** — Краковского.— *Ред.*

Чрезвычайно меня и всех нас здесь обрадовало, что Вы *беретесь* за «Просвещение» [126]. А я — покаюсь — подумал было: вот как только напишу про маленький журнальчик или журнальчишко наш, так у А. М. охота и пропадет. Каюсь, каюсь за такие мысли.

Вот действительно превосходно будет, ежели мы помаленьку присоседим беллетристов да двинем «Просвещение»! Превосходно! Читатель новый, пролетарский,— сделаем журнал дешевым,— беллетристику станете Вы пускать только демократическую, без нытья, без ренегатства. Рабочих скрепим. А рабочие пошли хорошие. У нас теперь шестерка в Думе куриальных депутатов так поворачиваться стали для *внедумской* работы, что прелесть. Вот где закрепят люди рабочую партию, настоящую! Никогда в третьей Думе не могли добиться этого. Видели в «Луче» (№ 24) письмо четырех депутатов об уходе? Хорошее ведь письмо, а?

А в «Правде» видали? Алексинский пишет добре и пока не скандалит! Удивительно! Послал один «манифест» (почему он вошел в «Правду»). Не поместили. И все же *пока* не скандалит. У-ди-ви-тель-но! А Богданов скандалит: в «Правде» № 24 архиглупость. Нет, с ним каши не сваришь! Прочел его «Инженера Мэнни». Тот же махизм = идеализм, спрятанный так, что ни рабочие, ни глупые редакторы в «Правде» не поняли. Нет, сей махист безнадежен, как и Луначарский (за его статью спасибо). Ежели бы Луначарского так же отделить от Богданова на эстетике, как Алексинский начал от него отделяться на политике... ежели бы да кабы...

Насчет учения о материи и ее строении вполне с Вами согласен, что писать об этом надо и что это хорошее средство против «яду, который сосет русская бесформенная душа». Только напрасно зовете Вы этот яд «метафизикой». Его надо звать *идеализмом* и агностицизмом.

А то ведь метафизикой махисты называют материализм! И как раз *куча* виднейших современных физиков *по случаю* «чудес» радия, электронов и т. п. протаскивает *боженьку* — и самого грубого и самого тонкого, в виде философского идеализма.

Насчет национализма вполне с Вами согласен, что надо этим заняться посурьезнее. У нас один чудесный грузин засел и пишет для «Просвещения» большую статью, собрав *все* австрийские и пр. материалы [127]. Мы на это наляжем. Но что наши резолюции (посылаю их в печати) «отписка, канцелярщина», это Вы зря изволите ругаться. Нет. Это не отписка. У нас и на Кавказе с.-д. грузины + армяне + татары + русские работали *вместе*, в *е д и н о й* с.-д. организации *больше десяти лет*. Это не фраза, а пролетарское решение национального вопроса. Единственное решение. Так было и в Риге: русские + латыши + литовцы; отделялись *лишь с е п а р а т и с т ы* — Бунд. Тоже в Вильне.

Есть две хорошие с.-д. брошюры по национальному вопросу: Штрассера и Пашекука. Хотите, пришлю? Если у Вас найдется, кто переведет Вам с немецкого?

Нет, той мерзости, что в Австрии, у нас *не будет*. Не пустим! Да и нашего брата, великорусов, здесь побольше. С рабочими не пустим «австрийского духа».

Насчет Пятницкого [128] я *за* суд. Церемониться нечего. Сентиментальничать было бы непростительно. Социалисты вовсе не против использования коронного суда. Мы *за* использование легальности. Маркс и Бебель обращались к коронному суду *даже* против своих социалистических противников. Надо знать, *к а к* это сделать, а сделать надо.

Пятницкого надо засудить и без никаких. Ежели Вам будут за сие упреки — наплюйте в харю упрекающим. Упрекать будут лицемеры. Уступать Пятницкому, спускать ему, боясь суда, было бы *непростительно.*

Ну, заболтался через меру. Пишите, как здоровье.

Ваш *Ленин*

P. S. Мы знаем *Фому*-питерца. Он теперь в Нарыме. Фома-уралец? Что-то не припомним. На съезде 1907 г. был Фома-питерец.

Написано между 15 и 25 февраля 1913 г. Краков. *П. с. с., т. 48, с. 160—163.*

Из письма
Н. Г. ПОЛЕТАЕВУ

...Мое убеждение: нужны две газеты, большая — 5 коп. и малая — 1 коп., и теперешнюю надо развивать «к малой». Издательство брошюр и книг по 5—10 листов тоже верная мысль. Мы за нее беремся тоже энергично... Теперь Горький очень энергично взялся помогать «Просвещению» и превращать его в большой журнал. Издательство большой газеты и книг имеет все шансы стать громадным делом громадной важности и пользы...

Написано 25 февраля 1913 г. Краков. *П. с. с., т. 48, с. 167—168.*

Из письма
Л. Б. КАМЕНЕВУ

...Читали «Метеор» в «Русском Богатстве»? Что это? Пасквиль? [129]

Написано 25 февраля 1913 г. Краков. *П. с. с., т. 48, с. 169.*

А. М. ГОРЬКОМУ

Дорогой А. М.! Прочитал я сегодня «манифест» [130]...

Литераторская амнистия, кажись, полная. Надо Вам попробовать вернуться — *узнав, конечно, сначала, не подложат ли Вам свиньи за «школу»* и т. п.* Вероятно, не смогут привлечь за это.

Надеюсь, Вы не смотрите так, что нельзя «принимать» амнистии? Это был бы неправильный взгляд: революционер по нынешним временам *больше* сделает извнутри России, а наши депутаты даже подписывают «торжественное обещание».

Вам же не о подписке идет речь, а об использовании амнистии. Черкните Ваше мнение и *виды*. Чай, заедете сюда, коли двинетесь, — это ведь по дороге!

А революционному писателю возможность пошляться по России (по новой России) означает возможность во сто раз больше ударить потом Романовых и К°...

Получили ли мое предыдущее письмо? Что-то давно нет вести. Здоровы ли?

Ваш *Ленин*

P. S. Получили ли письмо Н. К. с *материалами?* [131]

Написано позднее 6 марта 1913 г. Краков. — *П. с. с., т. 48, с. 170—171.*

А. М. ГОРЬКОМУ

Дорогой А. М.!

Как делишки насчет статейки или рассказа в *майскую* книжку «Просвещения» [132]? Мне пишут оттуда, что можно бы издать *10—15 тысяч* (вот мы как шагаем!), ежели было что от Вас. Черкните, будет ли. А потом перепечатывает «Правда» и получается 40 000 читателей. Да... могли бы пойти хорошо дела «Просвещения», а то *нет*, черт побери, ни единого выдержанного журнала для рабочих, для *с.-д.*, для революционной демократии, все кисляи пошли какие-то поганые.

Как здоровье? Отдохнули ли и отдохнете ли летом? Необходимо, ей-ей, Вам отдохнуть *хорошенько!*

У меня невзгоды. Жена заболела базедовой болезнью. Нервы! У меня тоже нервы малость шалят. Уехали на лето в деревню Поронин, около Закопане. (Адрес мой: Herrn Wl. Ulianow. *Poronin. Galizien.* Austria.) Места хорошие. Здоровые. Высота около 700 метров. А что, не думаете ли прокатиться? Рабочие будут интересные из России. Закопане (7 верст от нас) — известный климатический курорт.

---

* — Каприйскую.— *Ред.*

Библиотечная книга

Видали ли «Басни» Демьяна Бедного? [133] Вышлю, если не видали. А если видали, черкните, как находите.

Получаете ли «Правду» и «Луч» регулярно? Идет вперед — вопреки всему — наше дело, и рабочая партия строится *революционная* социал-демократическая, против либеральных ренегатов, ликвидаторов. Будет на нашей улице праздник. Мы теперь ликуем по поводу победы рабочих в Питере над ликвидаторами при выборе правления нового союза металлистов.

А «ваш» Луначарский, хорош!! Ох, хорош! У Метерлинка-де «научный мистицизм»[134]... Или Луначарский с Богдановым уже не ваши?

Без шуток. *Будьте здоровы*. Черкните два слова. *О т д ы х а й т е* лучше.

Ваш *Ленин*

Ulianow. Austria. *Poronin* (Galizien).

Как нашли юбилейный № * «Правды»?

Написано в мае, не ранее 9—10, 1913 г. *П. с. с., т. 48, с. 180—181.*

А. М. ГОРЬКОМУ

Дорогой А. М.! Давным-давно писал Вам из Кракова — и ответа нет.

Сегодня пришло письмо из России, из Одессы, что-де *Старк* [135] (?) (с Капри) удивляется, почему я не передал одесситу известное мне от Старка и *от Вас* (!) об одесской большевистской газете!! [136]

Что за недоразумение и откуда оно?? Я говорил одесситу, что *Вы* мне пишете о большевистской одесской газете, о коей я *ничего* не знаю. И до сих пор ничего не знаю. Одессит пишет, что тут участвует «Малянтович младший». Первый раз слышу. Который это Малянтович? «Никитичевский»?[137] (я ни одного Малянтовича лично не знаю). Адвокат в Москве или иной?

Пишите, что знаете. Надо распутать недоразумение.

Я на лето переехал в *Poronin* (около Закопане) лечить жену. Еду с ней к 27.VI.1913 в Берн для операции. Адрес мой: *Poronin* (Galizien). Austria.

В Берне пробуду 2—3 недели. Писать туда для меня можно на адрес: Herrn Schklowsky. 9. Falkenweg. 9. *Bern* (для Ленина).

Как Ваше здоровье? Поправились ли после весны? Желаю всей душой отдохнуть и поправиться Вам получше.

Ваш *Ленин*

Написано ранее 22 июня 1913 г. *П. с. с., т. 48, с. 198.*

---

* № 92 от 23 апреля (6 мая) 1913 г.— *Ред.*

А. М. ГОРЬКОМУ

Дорогой Ал. Макс.! Сегодня получили мы письмо из Питера, что наш план приезда сюда с.-д. депутатов (*архиконспиративно*: кроме Вас никому решено ни слова) близок к осуществлению. Кроме шестерки сторонников «Правды», возможен, пишут, приезд Тулякова, Бурьянова, Хаустова и даже, может быть, Манькова [138]. Вероятно, удастся и еще из рабочих (недепутатов) кое-кого привлечь. Черкните, пожалуйста, могли бы Вы приехать (для ряда лекций или бесед, или занятий, как захотите) или нет? Хорошо бы было! В 7 км. отсюда (по железной дороге) Закопане — курорт очень хороший. Насчет денег на поездку — раздобудем, по всей вероятности (так пишут). О Закопане, как курорте, можем собрать и прислать все сведения.

Если здоровье позволяет, махните-ка ненадолго, право! После Лондона [139] и школы на Капри повидали бы еще рабочих.

Малиновский хотел ехать к Вам, да не удалось, времени не было. И он и все депутаты шлют Вам большой привет.

Жду ответа.

Ваш *Ленин*

Газеты полны известиями о «конфликте» [140]. Я думаю, «Правду» нам задушат [141]. Это Маклаков проведет так или иначе, мимо Думы, против Думы или как, а проведет!

Тогда мы опять наляжем на нелегальную литературу — только вот денег нет.

А что, «купец» давать еще не начал? [142] Пора. Самая пора.

Адрес: Herrn Wl. Ulianow. *Poronin* (Galizien). Autriche.

Написано не позднее 22 июня 1913 г. *П. с. с., т. 48, с. 199—200.*

Из письма
Л. Б. КАМЕНЕВУ

29/VI.1913.

...Плеханов, говорят, в Париже. Если можете, повидайте его, архиважно: я ему написал (архиконспиративно — *только* ему лично) про школу и звал приехать [143]. Молчит, жулябия, Игнатий Лойола, генерал от виляния. Ну, ему же хуже. Школа будет. Горький дал почти полное согласие...

Берн. *П. с. с., т. 48, с. 201—202.*

А. М. ГОРЬКОМУ

25/VII.1913.

Дорогой А. М.! Все собирался писать Вам, да откладывал из-за операции жены. Третьего дня, наконец, операция была, и дело уже пошло на поправку. Операция оказалась довольно трудная — рад я очень, что удалось у Кохера оперировать.

Теперь о делах. Вы писали, что в августе будете в Берлине. Когда в августе? в начале или в конце? Мы собираемся ехать отсюда 4-го августа. Билеты у нас через Цюрих — Мюнхен — Вену и во всех этих городах остановимся. (Возможно, что 4-го нас еще не выпустит доктор, — тогда еще отсрочим.)

Не можем ли мы повидаться где-либо? Ведь Вам по дороге через Берн или через Цюрих или через Мюнхен, наверное?

Свидеться нам бы *о ч е н ь* надо. Закрытие «*П р а в д ы*» создает чертовски трудное положение. Может быть, кое-что и придумали бы. Затем в Берлине Вы могли бы очень многое для нас сделать, т. е. для «*Правды*».

Поэтому очень прошу черкнуть *т о т ч а с* хоть два слова о том, возможно ли наше свидание здесь или в указанных городах в начале августа? Если невозможно, я напишу Вам тогда подробнее о всех делах, в частности о школе (провал организатора нас дьявольски подрезал [144]; ищем другого).

Крепко жму руку и желаю всяческих благ, здоровья для поездки больше всего [145]. Так отвечайте *т о т ч а с!*

Ваш *Ленин*

Адрес: Herrn Ulianoff. 4. Gesellschaftsstraße. 4. (Svizzera). *Bern.*

П. с. с., т. 48, с. 204—205.

А. М. ГОРЬКОМУ

30 сентября 1913.

Дорогой А. М.! Запоздал немного ответом. Извиняюсь. Как я чертовски злился в Берне и потом!! Думаю: если Вы в Вероне (телеграмма по поводу Бебеля от Вас была из Вероны [146]) — или какое-то Ром...?? — ведь я бы в Верону *мог* приехать из Берна!! А от Вас тогда *месяцы* ни звука...

То, что Вы пишете о своей болезни, меня страшно тревожит. Хорошо ли Вы поступаете, живя без леченья на Капри? У немцев есть превосходные санатории (напр., в St. Blasien, около Швейцарии), где лечат и излечивают *вполне* легочные недомогания, добиваются *полного* зарубцевания, откармливают, затем приучают

систематически к холоду, закаляют от простуды и выпускают годных, работоспособных людей.

А Вы после Капри зимой — в Россию???? Я страшно боюсь, что это повредит здоровью и подорвет Вашу работоспособность. Есть ли в этой Италии *первоклассные* врачи??

Право, съездите-ка Вы к первоклассному врачу в Швейцарии* или Германии, — позаймитесь месяца 2 *серьезным* лечением в *хорошем* санатории. А то расхищать зря казенное имущество, т. е. хворать и подрывать свою работоспособность, — вещь недопустимая во всех отношениях.

Слышал (от редактора «Просвещения», видевшего Ладыжникова [147]), что Вы недовольны «*Правдой*». За сухость? Это верно. Но от этого недостатка нелегко сразу исправить. Людей нет. С *великим* трудом через год после начала мы добились только *сносной* редакции в Питере.

(Письмо Ваше в «*Просвещение*» переслал.)

Пишите, какие планы и *как здоровье*. Убедительно прошу *взяться серьезно за лечение* — ей-же-ей, *вполне можно* вылечиться, а запускать — прямо безбожно и преступно.

Ваш *Ленин*

P. S. У нас частью была, частью будет хорошая публика. *А видали «Наш Путь»?* Каков успех-то? Уже вторая газета. Поставим и третью — на юге.

Адрес: Ulianow. *Poronin* (Galizien). *Austria*. (Зимой буду в Кракове: Lubomirskiego. 51.)

П. с. с., т. 48, с. 210—211.

А. М. ГОРЬКОМУ

Дорогой Алексей Максимыч! Посылаю Вам сегодня заказной бандеролью начало романа, который идет в «*Просвещение*». Думаем, что Вы не против. Если же Вы, паче чаяния, против,— *телеграфируйте* в «Просвещение»: «Войтинского отложите» или «роман Войт. **не пускайте**» [148].

Известие о том, что Вас лечит *новым* способом «большевик», хотя и бывший, меня ей-ей обеспокоило. Упаси боже от врачей-товарищей вообще, врачей-большевиков в частности! Право же, в 99 случаях из 100 врачи-товарищи «ослы», как мне раз сказал один *хороший* врач. Уверяю Вас, что лечиться (кроме мелочных случаев) надо *только* у первоклассных знаменитостей. Пробовать на себе изобретения большевика — это ужасно!! Только вот контроль профессоров неапольских... если эти профессора

* Я могу узнать имена и адреса.

действительно знающие... Знаете, если поедете зимой, *во всяком случае* заезжайте к первоклассным врачам в *Швейцарии* и *Вене* — будет непростительно, если Вы этого не сделаете! Как здоровье теперь?

Ваш *И. Ленин*

P. S. У нас дела идут недурно; в Питере рабочие сплачиваются *партийно* во *всех* легальных обществах, страховых в том числе. Здесь были интересные и дельные парни тоже.

Адрес: Wl. Ulianow. 51. Ulica Lubomirskiego. 51. *Kraków. Krakau (Galizien).*

Написано в начале ноября 1913 г. *П. с. с., т. 48, с. 224.*

А. М. ГОРЬКОМУ

Дорогой А. М.! Что же это Вы такое делаете? — просто ужас, право!

Вчера прочитал в «Речи» Ваш ответ на «вой» за Достоевского и готов был радоваться, а сегодня приходит ликвидаторская газета *и там напечатан абзац Вашей статьи*, которого в «Речи» не было [149].

Этот абзац таков:

«А «богоискательство» надобно *н а в р е м я*» (только на время?) «отложить, — это занятие бесполезное: нечего искать, где не положено. Не посеяв, не сожнешь. Бога у вас нет, вы *е щ е*» (еще!) «не создали его. Богов не ищут, — *и х с о з д а ю т*; жизнь не выдумывают, а творят».

Выходит, что Вы против «богоискательства» только «на время»!! Выходит, что Вы против богоискательства *т о л ь к о* ради замены его богостроительством!!

Ну, разве это не ужасно, что у Вас *выходит* такая штука?

Богоискательство отличается от богостроительства или богосозидательства или боготворчества и т. п. ничуть не больше, чем желтый черт отличается от черта синего. Говорить о богоискательстве не для того, чтобы высказаться против *в с я к и х* чертей и богов, против всякого идейного труположства (всякий боженька есть труположство — будь это самый чистенький, идеальный, не искомый, а построяемый боженька, все равно), — а для предпочтения синего черта желтому, это во сто раз хуже, чем не говорить совсем.

В самых свободных странах, в таких странах, где *с о в с е м* неуместен призыв «к демократии, к народу, к общественности и науке»,— в таких странах (Америка, Швейцария и т. п.) народ и рабочих отупляют особенно усердно именно идеей чистенького, духовного, построяемого боженьки. Именно потому, что всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке, всякое кокет-

пичанье даже с боженькой есть невыразимейшая мерзость, особенно терпимо (а часто даже доброжелательно) встречаемая *демократической* буржуазией, — именно поэтому это — самая опасная мерзость, самая гнусная «зараза». Миллион грехов, пакостей, насилий и зараз *физических* гораздо легче раскрываются толпой и потому гораздо менее опасны, чем *тонкая*, духовная, приодетая в самые нарядные «идейные» костюмы идея боженьки. Католический поп, растлевающий девушек (о котором я сейчас случайно читал в одной немецкой газете), — *гораздо менее* опасен именно для «демократии», чем поп без рясы, поп без грубой религии, поп идейный и демократический, проповедующий созидание и сотворение боженьки. Ибо первого попа *легко* разоблачить, осудить и выгнать, а второго *нельзя* выгнать так просто, разоблачить его в 1000 раз труднее, «осудить» его ни один «хрупкий и жалостно шаткий» обыватель не согласится.

И Вы, зная «хрупкость и жалостную шаткость» (русской: почему русской? а итальянская лучше??) *мещанской* души, смущаете эту душу ядом, наиболее сладеньким и наиболее прикрытым леденцами и всякими раскрашенными бумажками!!

Право, это ужасно.

«Довольно уже самооплеваний, заменяющих у нас самокритику».

А богостроительство не есть ли *худший* вид самооплевания?? Всякий человек, занимающийся строительством *бога* или даже только допускающий такое строительство, *оплевывает себя* худшим образом, занимаясь вместо «деяний» *как раз* самосозерцанием, самолюбованием, причем «созерцает»-то такой человек самые грязные, тупые, холопские черты или черточки своего «я», обожествляемые богостроительством.

С точки зрения не личной, а общественной, *всякое* богостроительство есть именно *любовное самосозерцание* тупого мещанства, хрупкой обывательщины, мечтательного «самооплевания» филистеров и мелких буржуа, «отчаявшихся и уставших» (как Вы изволили очень верно сказать про *душу* — только не «русскую» надо бы говорить, а *мещанскую*, ибо еврейская, итальянская, английская — *все один черт*, везде паршивое мещанство одинаково гнусно, а «демократическое мещанство», занятое идейным труположством, сугубо гнусно).

Вчитываясь в Вашу статью и *доискиваясь*, откуда у Вас эта *описка* выйти могла, я недоумеваю. Что это? Остатки «Исповеди», которую *Вы сами* не одобряли?? Отголоски ее??

Или иное — например, неудачная попытка *согнуться* до точки зрения **общедемократической** вместо точки зрения *пролетарской*? Может быть для разговора с «демократией вообще» Вы захотели (простите за выражение) посюсюкать, как сюсюкают с детьми? может быть «для популярного изложения» *обывателям* захотели допустить на минуту *его* или *их*, обывателей, предрассудки??

Но ведь это — прием *неправильный* во всех смыслах и во всех отношениях!

Я написал выше, что в *демократических* странах *совсем* неуместен был бы со стороны пролетарского писателя призыв «к демократии, к народу, к общественности и науке». Ну, а у нас в России?? Такой призыв *не совсем* уместен, ибо он тоже как-то льстит обывательским предрассудкам. Призыв какой-то общий до туманности — у нас даже Изгоев из «Русской Мысли» *обеими руками* его подпишет. Зачем же брать такие лозунги, которые *Вы-то* отделяете превосходно от изгоевщины, *но читатель* не сможет отделить?? Зачем для читателя набрасывать демократический флер вместо *ясного* различения *мещан* (хрупких, жалостно шатких, усталых, отчаявшихся, самосозерцающих, богосозерцающих, богостроительских, богопотакающих, самооплевывающихся, *бестолково-анархистичных* — чудесное слово!! и прочая и прочая)

— и *пролетариев* (умеющих быть бодрыми не на словах, умеющих различать «науку и общественность» *буржуазии* от своей, демократию буржуазную от пролетарской)?

Зачем Вы это делаете?

Обидно дьявольски.

Ваш *В. И.*

P. S. Заказной бандеролью послали роман. Получили?

P. P. S. *Лечитесь* серьезнее, право, чтобы зимой можно было ехать, *без простуд* (зимой опасно).

Ваш *В. Ульянов*

Написано 13 или 14 ноября 1913 г. *П. с. с., т. 48, с. 226—229.*
Краков.

А. М. ГОРЬКОМУ

Дорогой А. М.! Получил роман и Ваше письмо. По-моему, задержать роман, раз Вы *не за*. Прилагаю письмо Каменева, который читал роман (я еще не читал).

Напишем в Питер, чтобы задержали.

Прилагаю вчерашнее мое письмо: не сердитесь, что я взбесился. Может быть, я Вас *не так* понял? Может быть, Вы *в шутку* писали «на время»? И о богостроительстве, может быть, не всерьез писали??

Лечитесь, ради бога, получше.

Ваш *Ленин*

Написано 14 или 15 ноября 1913 г. *П. с. с., т. 48, с. 229—230.*
Краков.

...* По вопросу о боге, божественном и обо всем, связанном с этим, у Вас получается противоречие — то самое, по-моему, которое я указывал в наших беседах во время нашего последнего свидания на Капри: Вы порвали (или как бы порвали) с «впередовцами», не заметив идейных основ «впередовства».

Так и теперь. Вы «раздосадованы», Вы «не можете понять, как проскользнуло слово на время» — так Вы пишете, — и в то же самое время Вы защищаете идею бога и богостроительства.

«Бог есть комплекс тех выработанных племенем, нацией, человечеством идей, которые будят и организуют социальные чувства, имея целью связать личность с обществом, обуздать зоологический индивидуализм».

Эта теория явно связана с теорией или теориями Богданова и Луначарского.

И она — явно неверна и явно реакционна. Наподобие христианских социалистов (худшего вида «социализма» и худшего извращения его) Вы употребляете прием, который (несмотря на Ваши наилучшие намерения) повторяет фокус-покус поповщины: из идеи бога убирается прочь то, что̀ *исторически и житейски* в ней есть (нечисть, предрассудки, освящение темноты и забитости, с одной стороны, крепостничества и монархии, с другой), причем вместо исторической и житейской реальности в идею бога вкладывается добренькая мещанская фраза (бог = «идеи будящие и организующие социальные чувства»).

Вы хотите этим сказать «доброе и хорошее», указать на «правду-справедливость» и тому подобное. Но это Ваше доброе желание остается Вашим личным достоянием, субъективным «невинным пожеланием». Раз Вы его написали, оно пошло в *массу*, и его *значение* определяется не Вашим добрым пожеланием, а *соотношением общественных сил*, объективным соотношением классов. В силу этого соотношения *выходит* (вопреки Вашей воле и независимо от Вашего сознания), выходит так, что Вы подкрасили, подсахарили идею клерикалов, Пуришкевичей, Николая II и гг. Струве, ибо *на деле* идея бога им помогает держать народ в рабстве. Приукрасив идею бога, Вы приукрасили цепи, коими они сковывают темных рабочих и мужиков. Вот — скажут попы и К° — какая хорошая и глубокая это — идея (идея бога), как признают даже «*ваши*», гг. демократы, вожди, — и мы (попы и К°) служим этой идее.

Неверно, что бог есть комплекс идей, будящих и организующих социальные чувства. Это — богдановский *идеализм*, затушевывающий материальное происхождение идей. Бог есть (исторически и житейски) прежде всего комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой и

---

* Начало письма не разыскано.— *Ред.*

классовым гнетом, — идей, *закрепляющих* эту придавленность, *усыпляющих* классовую борьбу. Было время в истории, когда, несмотря на такое происхождение и такое действительное значение идеи бога, борьба демократии и пролетариата шла в форме борьбы *одной религиозной* идеи против другой.

Но и это время давно прошло.

Теперь и в Европе и в России *всякая*, даже самая утонченная, самая благонамеренная защита или оправдание идеи бога есть оправдание реакции.

Все Ваше определение насквозь реакционно и буржуазно. Бог = комплекс идей, которые «будят и организуют социальные чувства, имея целью связать личность с обществом, обуздать зоологический индивидуализм».

Почему это реакционно? Потому, что подкрашивает поповско-крепостническую идею «обуздания» зоологии. В действительности «зоологический индивидуализм» обуздала не идея бога, обуздало его и первобытное стадо и первобытная коммуна. Идея бога *всегда* усыпляла и притупляла «социальные чувства», подменяя живое мертвечиной, будучи *всегда* идеей рабства (худшего, безысходного рабства). Никогда идея бога не «связывала личность с обществом», а всегда *связывала* угнетенные *классы* верой в *божественность* угнетателей.

Буржуазно Ваше определение (и не научно, неисторично), ибо оно оперирует огульными, общими, «робинзоновскими» понятиями вообще — а не определенными *к л а с с а м и* определенной исторической эпохи.

Одно дело — идея бога у дикаря зырянина и т. п. (полудикаря тоже), другое — у Струве и К°. В обоих случаях эту идею поддерживает классовое господство (и эта идея поддерживает его). «Народное» понятие о боженьке и божецком есть «народная» тупость, забитость, темнота, совершенно такая же, как «народное представление» о царе, о лешем, о таскании жен за волосы. Как можете Вы «народное представление» о боге называть «демократическим», я абсолютно не понимаю.

Что философский идеализм «всегда имеет в виду только интересы личности», это неверно. У Декарта по сравнению с Гассенди больше имелись в виду интересы личности? Или у Фихте и Гегеля против Фейербаха?

Что «богостроительство есть процесс дальнейшего развития и накопления социальных начал в индивидууме и в обществе», это прямо ужасно!! Если бы в России была свобода, ведь Вас бы вся буржуазия подняла на щит за такие вещи, за эту социологию и теологию чисто буржуазного типа и характера.

Ну, пока довольно — и то затянулось письмо. Еще раз крепко жму руку и желаю здоровья.

Ваш *В. И.*

Написано во второй половине ноября 1913 г. Краков.

П. с. с., т. 48, с. 230—233.

Из письма

А. Г. ШЛЯПНИКОВУ

...Бедный Горький! Как жаль, что он осрамился, подписав поганую бумажонку российских либералишек [150]. К ним же скатился и Мешковский и Плеханов и т. д. (Маслов и Смирнов в том числе)...

Написано 31 октября 1914 г.
Берн.

П. с. с., т. 49, с. 24.

АВТОРУ «ПЕСНИ О СОКОЛЕ»

С болью в сердце прочтет каждый сознательный рабочий подпись Горького, наряду с подписью П. Струве, под шовинистски-поповским протестом против немецкого варварства.

Однажды в разговоре по поводу коленопреклонения Шаляпина Горький сказал: «его нельзя судить очень уж строго: у нас, художников, другая психология». Другими словами: художник, часто действует под влиянием настроения, которое у него достигает такой силы, что подавляет всякие другие соображения.

Пусть так. Пусть Шаляпина нельзя судить строго. Он художник, и только. Он чужой делу пролетариата: сегодня — друг рабочих, завтра — черносотенец... смотря по настроению.

Но Горького рабочие привыкли считать своим. Они всегда думали, что он так же горячо, как и они, принимает к сердцу дело пролетариата, что он отдал свой талант на служение этому делу.

Потому и пишут Горькому приветствия, потому и дорого им его имя. И это доверие сознательных рабочих налагает на Горького известную *обязанность* — беречь свое доброе имя и не давать его для подписи под всякими дешевенькими шовинистскими протестами, которые могут ввести в заблуждение малосознательных рабочих. Им самим еще не под силу разобраться во многом, и их может сбить с пути имя Горького. Имя Струве никакого рабочего не собьет, а имя Горького может сбить.

И сознательные рабочие, которые понимают всю фальшь и пошлость этого лицемерного протеста против «варваров-немцев», не смогут не упрекнуть автора «Песни о Соколе». Они скажут ему: «в трудную ответственную минуту, которую переживает сейчас российский пролетариат, мы ждали, что вы будете идти рука об руку с передовыми его борцами, а не с господином Струве и К°!»

Напечатано 5 декабря 1914 г.

П. с. с., т. 26, с. 96—97.

Из письма

А. Г. ШЛЯПНИКОВУ

19/IX.

...Между революционерами-шовинистами (революция для победы над Германией) и революционерами-пролетарскими интернационалистами (революция для пробуждения пролетариата других стран, для объединения его в общей пролетарской революции) — пропасть слишком велика, чтобы тут могла идти речь о поддержке. Мы должны *использовать* всякий протест (даже робкий и путаный, à la Горький), *используем* и революционную работу шовинистов, от случая к случаю не откажемся от «совместных действий» (согласно резолюциям нашей партии 1907 г., Лондонский съезд, и 1913 г., наше совещание [151]), но не далее...

Написано 19 сентября 1915 г. *П. с. с., т. 49, с. 149.*
Зёренберг. (Швейцария)

А. М. ГОРЬКОМУ

11/I.1916.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Посылаю Вам на адрес «Летописи», но не для «Летописи», а для издательства рукопись брошюры с просьбой издать ее [152].

Я старался как можно популярнее изложить новые данные об Америке, которые, по моему убеждению, особенно пригодны для популяризации марксизма и для фактического обоснования его. Надеюсь, что мне удалось изложить эти важные данные ясно и понятно для новых слоев читающей публики, которые умножаются в России и нуждаются в освещении экономической эволюции мира.

Хотел бы продолжить и впоследствии издать и выпуск II—о Германии.

Сажусь за работу над брошюрой об империализме [153].

В силу военного времени я крайне нуждаюсь в заработке и потому просил бы, если это возможно и не затруднит Вас чересчур, ускорить издание брошюры.

Уважающий Вас *В. Ильин*

Адрес. Mr. Wl. Oulianoff. Seidenweg. *4-a. B e r n e* (Suisse).

П. с. с., т. 49, с. 170.

А. М. ГОРЬКОМУ

Для А. М. Горького

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Посылаю Вам заказной бандеролью брошюру моей жены «Народное образование и демократия» [154].

Автор занимается педагогикой давно, более 20 лет. И в брошюре собраны как личные наблюдения, так и материалы о новой школе Европы и Америки. Из оглавления Вы увидите, что дан также, в первой половине, очерк истории демократических взглядов. Это тоже очень важно, ибо обычно взгляды великих демократов прошлого излагают неверно или с неверной точки зрения. Не знаю, в состоянии ли Вы сами урвать время для чтения и интересуетесь ли; §§ 2 и 12 могли бы служить образцом. Изменения в школе новейшей, империалистской, эпохи очерчены по материалам последних лет и дают очень интересное освещение для демократии в России.

Вы очень обяжете меня, если посодействуете — прямо или косвенно — изданию этой брошюры. Спрос на литературу этой области, верно, сильно возрос теперь в России.

Лучшие приветы и пожелания.

В. Ульянов

Wl. Ulianow. Seidenweg. 4 *a. Bern.*

Написано ранее 8 февраля 1916 г. *П. с. с., т. 49, с. 182—183.*

Из письма
М. Н. ПОКРОВСКОМУ

...P. S. Говорят, Потресов входит в издательство!! [155] И знаменитый беллетрист* согласился!! Ведь это скандал, невероятный скандал, а?

Написано 31 августа 1916 г. *П. с. с., т. 49, с. 285.*
Флюмс (Швейцария).

Из письма
А. Г. ШЛЯПНИКОВУ

...Не могу больше распространяться о теоретической спевке. Враги уже уцепились за глупенькое отрицание значения демократии (Потресов в № 1 «Дела»). Базаров сглупил в «Летописи». Богданов несет *иную* ахинею, но *тоже* ахинею в «Летописи».

---

* А. М. Горький.— *Ред.*

Там какой-то архиподозрительный блок махистов и окистов [156] Гнусный блок! Едва ли его можно разбить... Попытать разве блок с махистами против окистов? Едва ли удастся!! Горький всегда в политике архибесхарактерен и отдается чувству и настроению.

Легальная печать в России приобретает сугубое значение, а поэтому и вопрос о верной линии получает еще и еще большую важность, ибо на этом поле врагам легче «обстрелять» нас...

...Насчет легальной литературы добавлю еще:

важно выяснить, будут в «Летописи» (если нельзя вышибить окистов при помощи блока с махистами) пускать мои статьи? с ограничениями? какими?

Подробнее надо выяснить насчет «Волны» [157].

О себе лично скажу, что заработок нужен. Иначе прямо поколевать, ей-ей!! Дороговизна дьявольская, а жить нечем. Надо вытащить *силком* деньги * от издателя «Летописи», коему посланы две мои брошюры (пусть платит; *тотчас* и побольше!). То же — с Бончем. То же — насчет *переводов*. Если не наладить этого, то я, ей-ей, не продержусь, это вполне серьезно, вполне, вполне... [159]

Написано позднее 3 октября 1916 г. Цюрих. *П. с. с., т. 49, с. 299—300, 302.*

М. Н. ПОКРОВСКОМУ

6/XII 1916.

Уважаемый Мих. Ник.!

Получил открытку и двести франков, которые переслал Зиновьеву (я получил из Питера 869 frs = 500 руб.), т. е., видимо, весь гонорар; *если* часть не есть плата за аграрную работу. Грустно, грустно, что интриганы работают около «хозяина» ** изданий против изданий!! ...

Сердечный привет! *В. Ульянов*

Цюрих. *П. с. с., т. 49, с. 338.*

Из письма
И. Ф. АРМАНД

...Рукопись моя об империализме дошла до Питера, и вот пишут сегодня, что издатель (и это Горький! о, теленок!) недоволен резкостями против... кого бы Вы думали?.. Каутского! Хочет списаться со мной!!! И смешно и обидно [160].

---

* О деньгах Белецкий поговорит с Катиным [158] и с самим Горьким, конечно, *если не будет* неудобно.

** А. М. Горького.— *Ред.*

Вот она, судьба моя. Одна боевая кампания за другой — против политических глупостей, пошлостей, оппортунизма и т. д. Это с 1893 года. И ненависть пошляков из-за этого. Ну, а я все же не променял бы сей судьбы на «мир» с пошляками...

Написано 18 декабря 1916 г. *П. с. с., т. 49, с. 340.*
Цюрих.

М. Н. ПОКРОВСКОМУ

21.XII.1916.

Уважаемый М. Н.! Получил Вашу открытку от 14.XII.1916. Если Вам пишут, что издатель * должен мне «кроме 500 р. еще 300 р.», то я должен сказать, что считаю за ним *больше* долгу, ибо он припял (1) мою работу об аграрном вопросе, выпуск I и (2) брошюру жены на педагогическую тему. И я полагаю, что за принятое, раз рукопись доставлена, полагается платить.

Писал об этом в Питер, но мои сношения с Питером архиплохи и невыносимо медленны.

Вы «сочли возможным» выкинуть критику Каутского из моей брошюры... Грустно! Ее-ей, грустно. Зачем? Не лучше ли попросить издателей: напечатайте, господа милые, прямиком: *мы*, издательство, удалили критику Каутского. Право, так бы надо сделать... Я, конечно, вынужден подчиниться издателю, но пускай издатель не боится сказать, чего он хочет и чего он не хочет; пускай издатель отвечает за сокращения, а не я.

Вы пишете «не вздуете?», т. е. я Вас за согласие выкинуть сию критику?? Увы, увы, мы живем в слишком цивилизованном веке, чтобы так просто решать дела...

Шутки в сторону, а грустно, черт побери... Ну, я в другом месте посчитаюсь с Каутским.

Крепко жму руку и шлю наилучшие приветы.

В. Ульянов

Цюрих. *П. с. с., т. 49, с. 343—344.*

М. Н. ПОКРОВСКОМУ

Уважаемый М. Н.!

Получил Вашу открытку и очень Вам благодарен за хлопоты о спасении моей брошюры. Ей-ей, Вы напрасно думаете, что я Вас хоть сколько-нибудь обвиняю. Ничего подобного! Я уверен,

* А. М. Горький.— *Ред.*

что без Вашего вмешательства было бы гораздо хуже, ибо издатель *, очевидно, слушается «случайных» советов из обывательского лагеря. Ничего не поделаешь. Хорошо и то, что Вам удалось все же отстоять известную (и очень большую) долю. Лучшие приветы и пожелания на новый год!

Ваш *Ленин*

Написано 3 января 1917 г. *П. с. с., т. 49, с. 351.*
Цюрих.

ПИСЬМА ИЗ ДАЛЕКА

Из письма 4
«КАК ДОБИТЬСЯ МИРА?»

Я сейчас только (12(25) марта) прочитал в «Новой Цюрихской Газете» [161] (№ 517 от 24/III.) следующее сообщение, переданное по телеграфу из Берлина:

«Из Швеции сообщают, что Максим Горький послал как правительству, так и Исполнительному комитету восторженно написанное приветствие. Он приветствует победу народа над владыками реакции и призывает всех сынов России помочь постройке нового русского государственного здания. В то же время он призывает правительство увенчать его освободительное дело заключением мира. Это не должен-де быть мир во что бы то ни стало; у России в настоящее время меньше оснований, чем когда бы то ни было, стремиться к миру во что бы то ни стало. Это должен быть такой мир, который бы дал возможность России с честью существовать перед другими народами земли. Довольно уже истекало человечество кровью; новое правительство снискало бы величайшую заслугу не только перед Россией, но и перед всем человечеством, если бы ему, новому правительству, удалось быстро заключить мир».

Так передают письмо М. Горького [162].

Горькое чувство испытываешь, читая это письмо, насквозь пропитанное ходячими обывательскими предрассудками. Пишущему эти строки случалось, при свиданиях на острове Капри с Горьким, предупреждать его и упрекать за его политические ошибки. Горький парировал эти упреки своей неподражаемо-милой улыбкой и прямодушным заявлением: «Я знаю, что я плохой марксист. И потом, все мы, художники, немного невменяемые люди». Нелегко спорить против этого.

Нет сомнения, что Горький — громадный художественный талант, который принес и принесет много пользы всемирному пролетарскому движению.

Но зачем же Горькому браться за политику?

---

* А. М. Горький.— *Ред.*

На мой взгляд, письмо Горького выражает чрезвычайно распространенные предрассудки не только мелкой буржуазии, но и части находящихся под ее влиянием рабочих. *Все* силы нашей партии, все усилия сознательных рабочих должны быть направлены на упорную, настойчивую, всестороннюю борьбу с этими предрассудками.

Царское правительство начало и вело данную, настоящую, войну как *империалистскую*, грабительскую, разбойничью войну, чтобы грабить и душить слабые народы. Правительство Гучковых и Милюковых есть помещичье и капиталистическое правительство, которое вынуждено продолжать и хочет продолжать *именно такую самую* войну. Обращаться к этому правительству с предложением заключить демократический мир — все равно, что обращаться к содержателям публичных домов с проповедью добродетели...

Цюрих, 12 (25) марта 1917. *Н. Ленин*

П. с. с., т. 31, с. 48—49.

Из автореферата

«О ЗАДАЧАХ РСДРП В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

...Ленин напал также на социал-пацифистское воззвание Горького и выразил сожаление, что великий художник берется за политику, повторяя предрассудки мелкой буржуазии...

Написано 16 или 17 (29 или 30) марта 1917 г. *П. с. с., т. 31, с. 75.*

Л. Б. КРАСИНУ

12.III.1919 г.

т. Красин!

Мария Федоровна передала мне прилагаемые бумаги. Написано у Гржебина неясно. Кто такой Правбум? Нельзя ли достать копии его разрешения и его аннулирования? Кому подчинен Правбум? Я должен буду затребовать у него отзыва, а кстати запросить поточнее, на какие книги и брошюры просит «Всемирная литература» [163].

Ваш *Ленин*

П. с. с., т. 50, с. 269.

ТЕЛЕГРАММА А. М. ГОРЬКОМУ

14.IV.1919 г.

Петроград
Смольный, Горькому

Председатель орловской следственной комиссии Чужинов телеграфирует мне, что Иван Вольный временно освобожден до разбора дела *.

Ленин

П. с. с., т. 50, с. 280.

А. М. ГОРЬКОМУ

5/VII.1919.

Дорогой Алексей Максимыч!

Ей-ей, Вы, видимо, засиделись в Питере. Нехорошо на одном месте. Устаешь и надоедает. Согласитесь прокатиться [161], а? Мы это устроим.

Ваш *Ленин*

П. с. с., т. 51, с. 6.

ТЕЛЕГРАММА А. М. ГОРЬКОМУ

8.VII.1919 г.

Петроград, Смольный
или Кронверкский, 23

Горькому

Очень прошу приехать завтра или не позже четверга. Необходимо переговорить спешно.

Ленин

П. с. с., т. 51, с. 9.

ТЕЛЕГРАММА В НИЖНИЙ НОВГОРОД

8.VII 1919 г.

Нижний Новгород
Река

Телеграфируйте, где пароход ВсеЦИКа «Красная звезда». Запросите его, не может ли он подождать в Казани Горького и дать ему каюту. Очень прошу об этом.

Предсовнаркома *Ленин*

П. с. с., т. 51, с. 9

---

* См. также наст. сборник, с. 481.— *Ред.*

Л. Б. КАМЕНЕВУ

12 или 13 приезжает Горький.
Можете ли распорядиться дать ему *д р о в?*
Машков пер., д. 1, кв. 16.

Написано 8 или 9 июля 1919 г. *П. с. с., т. 51, с. 10.*

Из письма

Н. К. КРУПСКОЙ

9/VII.1919.

Дорогая Надюшка! Очень рад был получить от тебя весть. Я уже дал одну телеграмму в Казань и, не получив на нее ответа, послал другую в Нижний, откуда сегодня ответили, что «*Красная Звезда*» 8/VII должна быть в Казани и простоит там не менее суток. Я запросил в этой телеграмме, нельзя ли на «*Красной Звезде*» дать каюту для Горького. Он приедет сюда завтра, и я очень хотел бы вытащить его из Питера, где он изнервничался и раскис. Надеюсь, ты и другие товарищи будете рады ехать с Горьким. Он — парень очень милый; капризничает немного, но это ведь мелочь...

П. с. с., т. 55, с. 373—374.

СЕКРЕТАРЮ СНК

N. B. За *2* часа предупредить *Г о р ь к о г о* (четверг).

Написано 9—11 июля 1919 г. *Ленинский сборник XXXV, с. 97*

ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ Н. К. КРУПСКОЙ

Казань. Ульяновой

...Сегодня видел Горького, убеждал его поехать на вашем пароходе, о чем я уже послал одну телеграмму в Нижний, но Горький категорически отказался...

Ленин

Написано 10 июля 1919 г. *П. с. с., т. 55, с. 374.*

Из письма

Н. К. КРУПСКОЙ

15/VII.

...Горького не уговорил поехать, хотя уговаривал усердно...

Написано 15 июля 1919 г. *П. с. с., т. 55, с. 377.*

А. М. ГОРЬКОМУ

18.VII. 1919 г.

Дорогой А. М.!

Приезжайте отдохнуть сюда — я на два дня часто уезжаю в деревню, где великолепно могу Вас устроить и на короткое и на более долгое время.

Приезжайте, право!

Телеграфируйте, *когда*; мы Вам устроим купе, чтобы удобнее доехать. Немножечко переменить воздух, ей-ей, Вам надо. Жду ответа!

Ваш *Ленин*

П. с. с., т. 51, с. 16.

А. М. ГОРЬКОМУ

31/VII. 919.

Дорогой Алексей Максимыч! Чем больше я вчитываюсь в Ваше письмо, чем больше думаю о связи его выводов с изложенным в нем (и рассказанным Вами при наших свиданиях), тем больше прихожу к убеждению, что и письмо это и выводы Ваши и все Ваши впечатления совсем больные.

Питер — один из наиболее больных пунктов за последнее время. Это и понятно, ибо его население больше всего вынесло, рабочие больше всего наилучших своих сил поотдавали, голод тяжелый, военная опасность тоже. Нервы у Вас явно не выдерживают. Это не удивительно. А Вы упрямитесь, когда Вам говорят, что надо переменить место, ибо дать себе истрепать нервы до больного состояния совсем неразумно, даже с точки зрения самого грубого расчета неразумно, не говоря уже о иных точках зрения.

Как и в Ваших разговорах, в Вашем письме — сумма больных впечатлений, доводящих Вас до больных выводов.

Начинаете Вы с дизентерии и холеры; и сразу какое-то больное озлобление: «братство, равенство». Бессознательно, а выходит нечто вроде того, что коммунизм виноват — в нужде, нищете и болезнях осажденного города!!

Дальше какие-то мне непонятные озлобленные остроты против «заборной» литературы (какой? почему связанной с Калининым?). И вывод, будто «ничтожные остатки разумных рабочих» говорят, что их «предали» «в плен мужику».

Это уже совсем ни с чем не сообразно. Калинин что ли обвиняется в предательстве рабочих мужику? Так выходит.

Могли выдумать это рабочие либо совсем зеленые, глупые, с «левой» фразой взамен головы, либо издерганные, измученные, голодные, больные, либо «остатки аристократии», которые вели-

колепно умеют извращать все и вся, великолепно хватаются за любую мелочь для излияния своей бешеной злобы против Советской власти. Эти остатки Вы тут же в письме и помнаете. Их настроение на Вас болезненно влияет.

Вы пишете, что видите «людей самых разнообразных слоев». Одно дело — видеть, другое дело ежедневно во всей жизни ощущать прикосновение. Последнее приходится Вам больше всего испытывать от этих «остатков» — в силу хотя бы Вашей профессии, заставляющей «принимать» десятки обозленных буржуазных интеллигентов, да и в силу житейской обстановки.

Будто бы «остатки» «питают к Советской власти нечто близкое симпатии», а «большинство рабочих» поставляет воров, примазавшихся «коммунистов» и пр.! И вы договариваетесь до «вывода», что революцию нельзя делать при помощи воров, нельзя делать без интеллигенции.

Это — сплошь больная психика, в обстановке озлобленных буржуазных интеллигентов обострившаяся.

Все делается, чтобы привлечь интеллигенцию (небелогвардейскую) на борьбу с ворами. И *каждый месяц* в Советской республике *растет* % буржуазных интеллигентов, *искренне* помогающих рабочим и крестьянам, а не только брюзжащих и извергающих бешеную слюну. В Питере «видеть» этого нельзя, ибо Питер город с исключительно большим числом потерявшей место (и голову) буржуазной публики (и «интеллигенции»), но для всей России это бесспорный факт.

В Питере или из Питера убедиться в этом можно только при исключительной *политической* осведомленности, при специально большом политическом опыте. Этого у Вас нет. И занимаетесь Вы не политикой и не наблюдением *работы* политического строительства, а особой профессией, которая Вас окружает озлобленной буржуазной интеллигенцией, ничего не понявшей, ничего не забывшей, ничему не научившейся, *в лучшем* — в редкостно наилучшем случае — растерянной, отчаивающейся, стонущей, повторяющей старые предрассудки, запуганной и запугивающей себя.

Если *наблюдать*, надо наблюдать внизу, где можно *обозреть* работу нового строения жизни, в рабочем поселке провинции или в деревне, — там не надо политически охватывать сумму сложнейших данных, там можно только наблюдать. Вместо этого Вы поставили себя в положение профессионального редактора переводов и т. п., положение, в котором наблюдать нового строения новой жизни нельзя, положение, в котором все силы ухлопываются на больное брюзжание больной интеллигенции, на наблюдение «бывшей» столицы в условиях отчаянной военной опасности и свирепой нужды.

Вы поставили себя в положение, в котором непосредственно наблюдать нового в жизни рабочих и крестьян, т. е. $^{9}/_{10}$ населения России, Вы *не можете*; в котором Вы вынуждены наблюдать обрывки жизни бывшей столицы, из коей цвет рабочих ушел

на фронты и в деревню и где осталось непропорционально много безместной и безработной интеллигенции, *специально* Вас *«осаждающей»*. Советы уехать Вы упорно отвергаете.

Понятно, что довели себя до болезни: жить Вам, Вы пишете, не только тяжело, но и «весьма противно»!!! Еще бы! В такое время приковать себя к самому больному пункту в качестве редактора переводной литературы (самое подходящее занятие для наблюдения людей, для художника!). Ни нового в армии, ни нового в деревне, ни нового на фабрике Вы здесь, как художник, наблюдать и изучать *не можете*. Вы отняли у себя возможность то делать, что удовлетворило бы художника, — в Питере можно работать политику, но Вы не политик. Сегодня — зря разбитые стекла, завтра — выстрелы и вопли из тюрьмы, потом обрывки речей самых усталых из оставшихся в Питере нерабочих, затем миллион впечатлений от интеллигенции, столичной интеллигенции без столицы, потом сотни жалоб от обиженных, в свободное от редакторства время, никакого строительства жизни видеть *нельзя* (оно идет по-особому и меньше всего в Питере), — как тут не довести себя до того, что жить весьма противно.

Страна живет лихорадкой борьбы против буржуазии всего мира, мстящей бешено за ее свержение. Естественно. За первую Советскую республику — первые удары *отовсюду*. Естественно. Тут жить надо либо активным политиком, а если не лежит к политике душа, то как художнику наблюдать, как строят жизнь по-новому там, где нет центра бешеной атаки на столицу, бешеной борьбы с заговорами, бешеной злобы столичной интеллигенции, в деревне или на провинциальной фабрике (или на фронте). Там легко простым наблюдением отделить разложение старого от ростков нового.

Жизнь опротивела, «углубляется расхождение» с коммунизмом. В чем расхождение, понять невозможно. Ни тени указаний на расхождение в политике или в идеях нет. Расхождение *настроения* между людьми, ведущими политику или поглощенными борьбой самого бешеного свойства, и настроением человека, искусственно загнавшего себя в такое положение, что наблюдать новой жизни нельзя, а впечатления гниения большущей столицы буржуазии одолевают.

Высказал Вам откровенно мои мысли по поводу Вашего письма. Из разговоров (с Вами) я давно подходил к тем же мыслям, но Ваше письмо оформило и докончило, завершило сумму впечатлений от Ваших разговоров. Не хочу навязываться с советами, а не могу не сказать: радикально измените обстановку, и среду, и местожительство, и занятие, иначе опротиветь может жизнь окончательно.

Крепко жму руку.

Ваш *Ленин*

П. с. с., т. 51, с. 23—27.

15/IX.

Дорогой Алексей Максимыч! Тонкова я принял, и еще до его приема и до Вашего письма мы решили в Цека назначить Каменева и Бухарина для проверки ареста буржуазных интеллигентов околокадетского типа и для освобождения кого можно [165]. Ибо для нас ясно, что и тут ошибки были.

Ясно и то, что в общем мера ареста кадетской (и околокадетской) публики была необходима и правильна.

Когда я читаю Ваше откровенное мнение по этому поводу, я вспоминаю особенно мне запавшую в голову при наших разговорах (в Лондоне, на Капри и после) Вашу фразу:

«Мы, художники, невменяемые люди».

Вот именно! Невероятно сердитые слова говорите Вы по какому поводу? По поводу того, что несколько десятков (или хотя бы даже сотен) кадетских и околокадетских господчиков посидят несколько дней в тюрьме *для предупреждения заговоров вроде сдачи Красной Горки* [166], заговоров, грозящих гибелью *десяткам* тысяч рабочих и крестьян.

Какое бедствие, подумаешь! Какая несправедливость! Несколько дней или хотя бы даже недель тюрьмы интеллигентам для предупреждения избиения десятков тысяч рабочих и крестьян!

«Художники невменяемые люди».

«Интеллектуальные силы» народа смешивать с «силами» буржуазных интеллигентов неправильно. За образец их возьму Короленко: я недавно прочел его, писанную в августе 1917 г., брошюру «Война, отечество и человечество». Короленко ведь лучший из «околокадетских», почти меньшевик. А какая гнусная, подлая, мерзкая защита империалистской войны, прикрытая слащавыми фразами! Жалкий мещанин, пленепный буржуазными предрассудками! Для таких господ 10 000 000 убитых на империалистской войне — дело, заслуживающее поддержки (*д е л а м и*, при слащавых фразах «против» войны), а гибель сотен тысяч в *справедливой* гражданской войне против помещиков и капиталистов вызывает ахи, охи, вздохи, истерики.

Нет. Таким «талантам» не грех посидеть недельки в тюрьме, если это *надо* сделать для *предупреждения* заговоров (вроде Красной Горки) и гибели десятков тысяч. А мы эти заговоры кадетов и «околокадетов» открыли. И мы *з н а е м*, что околокадетские профессора дают сплошь да рядом заговорщикам *п о м о щ ь*. Это факт.

Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентиков, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а г...

«Интеллектуальным силам», желающим нести науку народу (а не прислужничать капиталу), мы платим жалованье *выше среднего*. Это факт. Мы их бережем. Это факт. Десятки тысяч

офицеров у нас служат Красной Армии и побеждают вопреки сотням изменников. Это факт.

Что касается Ваших настроений, то «понимать» я их понимаю (раз Вы заговорили о том, пойму ли я Вас). Не раз и на Капри и после я Вам говорил: Вы даете себя окружить именно худшим элементам буржуазной интеллигенции и поддаетесь на ее хныканье. Вопль сотен интеллигентов по поводу «ужасного» ареста на несколько недель Вы слышите и слушаете, а голоса массы, миллионов, рабочих и крестьян, коим угрожает Деникин, Колчак, Лианозов, Родзянко, красногорские (и другие *кадетские*) заговорщики, этого голоса Вы не слышите и не слушаете. Вполне понимаю, вполне, вполне понимаю, что так можно дописаться не только до того, что-де «красные такие же враги народа, как и белые» (борцы за свержение капиталистов и помещиков такие же враги народа, как и помещики с капиталистами), но и до веры в боженьку или в царя-батюшку. Вполне понимаю.

×

Ей-ей, погибнете, ежели из этой обстановки буржуазных интеллигентов не вырветесь! От души желаю поскорее вырваться.

Лучшие приветы!

Ваш *Ленин*

× Ибо Вы ведь не пишете! Тратить себя на хныканье сгнивших интеллигентов и не писать — для художника разве не гибель, разве не срам?

Написано 15 сентября 1919 г. *П. с. с., т. 51, с. 47—49.*

М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

18/IX.

Дорогая М. Ф.! Извиняюсь за опоздание: отвечаю сразу на оба письма. По поводу первого, я надеюсь, Вы в Питере уже говорили с Луначарским. Я из-за своих поездок на дачу его не поймал и не успел с ним поговорить. Сделаю это как смогу скоро.

По поводу второго (аресты) пишу А. М. *

Меры к освобождению приняты. (Нельзя не арестовывать, для предупреждения заговоров, *всей* кадетской и околокадетской публики. Она способна, вся, помогать заговорщикам. Преступно не арестовывать ее. Лучше, чтобы десятки и сотни интеллигентов посидели деньки и недельки, чем чтобы *10 000* было перебито. Ей-ей, лучше.)

Лучшие приветы! Ваш *Ленин*

Написано 18 сентября 1919 г. *П. с. с., т. 51, с. 51—52.*

* См. предыдущее письмо.— *Ред.*

ЗАПИСКА Г. В. ЧИЧЕРИНУ И РЕШЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК РКП(б) ПО ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ СО СТРАНАМИ АНТАНТЫ

т. Чичерин!

Посылаю Вам решение Политбюро [167].

Ваш *Ленин*

(1) **Конечно.**
(2) От правительства *н е* обращаться.
(3) Ускорить выезд Литвинова.
(4) Ограничиться письмом Горького, *но н е* позволять ему употреблять довод насчет превращения борьбы в истребление.

Члены Политбюро: *Ленин* *

Написано в сентябре, не ранее 26, 1919 г. *П. с. с., т. 54, с. 418.*

А. М. ГОРЬКОМУ

Алексей Максимыч! Тов. Зиновьев изложит Вам один план Коминодела [168]. Надо попробовать. Напишите, прошу Вас, проект письма, подробно побеседовав с Зиновьевым.

Привет! Ваш *Ленин*

Написано в сентябре, не ранее 26, 1919 г. *П. с. с., т. 51, с. 52.*

Н. П. БРЮХАНОВУ

17.II.1920 г.

т. Брюханову

Горький передал мне эти бумаги, уверяя, что Гольдин — мальчик неопытный-де.

Это-де кулаки *з л о с т н о* кладут в хлеб снег: ни нам ни вам. Чтобы сгорел.

Позвоните мне, пожалуйста, Ваше заключение: что следует сделать и что Вы сделали? [169]

С ком. приветом *Ленин*

П. с. с., т. 51, с. 135.

---

* Решение подписано также Л. Б. Каменевым, Л. Д. Троцким и, с оговоркой «согласен условно», Н. Н. Крестинским.— *Ред.*

ТЕЛЕГРАММА А. М. ГОРЬКОМУ [170]

Петроград Горькому

На Ваше письмо от 5/III сообщаю копию телеграммы Наркомпрода Бадаеву: «Предлагается Вам впредь до окончательного разрешения вопроса об улучшении положения ученых специальной комиссией Совнаркома продолжать снабжение по плану, ранее Вами принятому, то есть не сокращая, согласно последнему распоряжению Наркомпрода». Комиссия Покровского опротестовывает петроградский список как несправедливый. Сапожников освобожден 9/III. Манухин должен представить наркомздраву Семашко изложение способа предполагаемых изысканий, от результатов рассмотрения которого зависит решение.

Предсовнаркома *Ленин*

Написано 19 марта 1920 г. *П. с. с., т. 51, с. 164—165.*

В ПЕТРОГРАДСКИЙ СОВЕТ

Товарищи! Очень прошу вас во всех тех случаях, когда т. Горький будет обращаться к вам по подобным вопросам [171], оказывать ему *в с я ч е с к о е* содействие, если же будут препятствия, помехи или возражения того или иного рода, не отказать сообщить мне, в чем они состоят.

22/IV.1920.

В. Ульянов (Ленин)

П. с. с., т. 51, с. 184.

Б. Г. КАПЛУНУ

Тов. Каплун!

Прошу Вас оказать всякое содействие Горькому в оборудовании здания Экспертной комиссии [172] противопожарными средствами.

Не откажите сообщить мне, что и когда сделано.

Волокита, говорят, ужасная.

С ком. приветом

20/VI.1920. *В. Ульянов (Ленин)*

П. с. с., т. 51, с. 218—219.

ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК РКП(б) О СТАТЬЯХ А. М. ГОРЬКОГО В ЖУРНАЛЕ «КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ»

Предлагаю *сбором подписей* в Политбюро:

Политбюро Цека признает крайне неуместным помещение в № 12 «Коммунистического Интернационала» *с т а т е й* Горького, особенно передовой [173], ибо в этих статьях не только нет *ничего* коммунистического, но много *анти*коммунистического. Впредь никоим образом *подобных* статей в «Коммунистическом Интернационале» *не* помещать.

Ленин *

Написано 31 июля 1920 г. *П. с. с., т. 54, с. 429.*

Ш. М. МАНУЧАРЬЯНЦ

Прошу достать (комплект) «*Рабочий Край*» [174] в Ив.-Вознесенске. (Кружок *н а с т о я щ и х* пролетарских поэтов.)

Хвалит Горький { Жижин, Артамонов, Семеновский

Написано 28 января 1921 г. *П. с. с., т. 52, с. 58.*

В. Р. МЕНЖИНСКОМУ

24.VI.1921 г.

т. Менжинский!

Горький был вчера у меня и говорил, что Вы обещали ему помочь по делу, кажется, об Экспертной комиссии.

Просит 2 автомобиля.

Неужели Вы не имеете власти, чтобы такую мелочь дать ему от Петрогубчека?

Если не можете, напишите мне тотчас, я попрошу Склянского.

Помочь Горькому *н а д о* и *б ы с т р о*, ибо он из-за этого не едет за границу. *А у него кровохарканье!*

---

* На проекте имеются также подписи Л. Д. Троцкого, Н. Н. Крестинского и М. И. Калинина.— *Ред.*

Итак, либо распорядитесь экстренно, проявите власть, добейтесь *исполнения* (а не бумажки).

Если, паче чаяния, не можете, ответьте мне тотчас и верните сие, я обращусь к военному ведомству.

С ком. приветом

Ленин

П. с. с., т. 52, с. 289.

И. А. ТЕОДОРОВИЧУ

От Горького поступил проект «*Комиссии помощи голодающим*».

Возьмите у Рыкова через $^1/_4$ часа, когда он прочтет.

Завтра в Политбюро решим. Созвонитесь с Молотовым, чтобы завтра Вам дать 5 минут.

Мне лично кажется, что можно соединить наш и горьковский проект [175].

Написано 28 июня 1921 г. *П. с. с., т. 53, с. 4.*

А. М. ГОРЬКОМУ

9/VIII.1921 г.

Алексей Максимович!

Переслал Ваше письмо Л. Б. Каменеву [176].

Я устал так, что ничегошеньки не могу.

А у Вас кровохарканье, и Вы не едете!! Это ей-же-ей и бессовестно и нерационально.

В Европе в *хорошем* санатории будете и лечиться *и втрое больше дела делать.*

Ей-ей.

А у нас ни лечения, ни дела — одна *суетня*. Зряшная *суетня.*

Уезжайте, вылечитесь. Не упрямьтесь, прошу Вас.

Ваш *Ленин*

П. с. с., т. 53, с. 109.

А. И. РЫКОВУ

17/IX.

Тов. Рыков!

По-моему, надо

1) созвать *завтра* старую цекистскую комиссию

{ Сталин
{ Троцкий (приедет сегодня)
{ Вы

2) подтвердить *с т а р ы й* договор [177];
3) отменить *в с е* его изменения и «поправки»;
4) дать *архи*нагоняй Заксу *е щ е* от цекистской комиссии.

Иначе выйдет архискандал с уходом Горького, и мы будем неправы, ибо однажды комиссия цекистов уже решила вопрос.

Перерешать нельзя.

Ленин

Написано 17 сентября 1921 г. *П. с. с., т. 53, с. 198.*

А. М. ГОРЬКОМУ

6/XII.

Дорогой А. М.!

Очень извиняюсь, что пишу наскоро. Устал дьявольски. Бессонница. Еду лечиться.

Меня просят написать Вам: не напишете ли *Б е р н а р д у Ш о у*, чтобы он съездил в Америку, и *У э л л с у*, который-де теперь в Америке, чтобы они оба взялись для нас помогать сборам в помощь голодающим? [178]

Хорошо бы, если бы Вы им написали.

Голодным попадет тогда побольше.

А голод сильный.

Отдыхайте и лечитесь получше.

Привет! *Ленин*

Написано 6 декабря 1921 г. *П. с. с., т. 54, с. 62—65.*

В. М. МОЛОТОВУ ДЛЯ ЧЛЕНОВ ПОЛИТБЮРО ЦК РКП(б)

Тов. *Молотову* для членов Политбюро вкруговую

Крестинский пишет мне, что Горький выехал из Риги совсем без денег и строит свои перспективы на получении от Стомонякова авторского гонорара за издание своих книг. Крестинский думает, что необходимо включить Горького в число товарищей, лечащихся за границей за счет партии или Совета. Предлагаю провести через Политбюро предложение Крестинскому включить Горького в число таких товарищей и проверить, чтоб он был вполне обеспечен необходимой для лечения суммой [179].

Ленин

Написано 12 декабря 1921 г. *П. с. с., т. 54, с. 70—71.*

Из записки

И. П. ГОРБУНОВУ

Прошу поговорить с Красиным о *Горьком* и всячески ускорить получение денег Горьким.

Если есть малейшие трения, сказать мне [180].

23/II. *Ленин*

Написано 23 февраля 1922 г. *П. с. с., т. 54, с. 181.*

И. И. БУХАРИНУ

7/IX.1922.

т. Бухарин!

Я читал (в «Социалистическом Вестнике») поганое письмо Горького [181]. Думал было обругать его в печати (об эсерах), но решил, что, пожалуй, это чересчур. Надо посоветоваться. Может быть, Вы его видаете и беседуете с ним? Напишите, пожалуйста, Ваше мнение. Я мало видел газет (заграничных почти не видал). Значит, и «обстановку» мало знаю. Черкните поподробнее Ваше мнение.

От всех нас лучшие приветы Вашей жене и Вам.

Ваш *Ленин*

P. S. Я уже почти здоров.

P. S. Пишу *К р е с т и н с к о м у*, чтобы он мне достал *оригинал* письма Горького, напечатанного в номере от 20/VII. 1922 «Социалистического Вестника».

Если он забудет, пришлите Вы.

П. с. с., т. 54, с. 279—280.

Из письма

И. И. КРЕСТИНСКОМУ

7/IX.1922.

тов. Крестинский!

...P. S. Не будете ли добры прислать *оригинал* письма Горького, напечатанного в номере от 20.VII.1922 «Социалистического Вестника».

П. с. с., т. 54, с. 280.

ИЗ РАБОТ, ВЫСТУПЛЕНИЙ И ПИСЕМ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Из главы V работы

«ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ»

УЧЕНИЕ МАРКСИЗМА О ГОСУДАРСТВЕ И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА В РЕВОЛЮЦИИ» [1]

3. ПЕРВАЯ ФАЗА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В «Критике Готской программы» [2] Маркс опровергает подробно лассалевскую идею о получении рабочим при социализме «неурезанного» или «полного продукта труда». Маркс показывает, что из всего общественного труда всего общества необходимо вычесть и резервный фонд, и фонд на расширение производства, и возмещение «сношенных» машин и т. п., а затем из предметов потребления фонд на издержки управления, на школы, больницы, приюты престарелых и т. п.

Вместо туманной, неясной, общей фразы Лассаля («полный продукт труда — рабочему») Маркс дает трезвый учет того, как именно социалистическое общество вынуждено будет хозяйничать. Маркс подходит к *конкретному* анализу условий жизни такого общества, в котором не будет капитализма, и говорит при этом:

> «Мы имеем здесь дело» (при разборе программы рабочей партии) «не с таким коммунистическим обществом, которое *развилось* на своей собственной основе, а с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, носит еще отпечаток старого общества, из недр которого оно вышло» [3].

Вот это коммунистическое общество, которое только что вышло на свет божий из недр капитализма, которое носит во всех отношениях отпечаток старого общества, Маркс и называет «первой» или низшей фазой коммунистического общества.

Библиотечная книга

Средства производства уже вышли из частной собственности отдельных лиц. Средства производства принадлежат всему обществу. Каждый член общества, выполняя известную долю общественно-необходимой работы, получает удостоверение от общества, что он такое-то количество работы отработал. По этому удостоверению он получает из общественных складов предметов потребления соответственное количество продуктов. За вычетом того количества труда, которое идет на общественный фонд, каждый рабочий, следовательно, получает от общества столько же, сколько он ему дал.

Царствует как будто бы «равенство».

Но когда Лассаль говорит, имея в виду такие общественные порядки (обычно называемые социализмом, а у Маркса носящие название первой фазы коммунизма), что это «справедливое распределение», что это «равное право каждого на равный продукт труда», то Лассаль ошибается, и Маркс разъясняет его ошибку.

«Равное право» — говорит Маркс — мы здесь действительно имеем, но это *еще* «буржуазное право», которое, как и всякое право, *предполагает неравенство*. Всякое право есть применение *одинакового* масштаба к *различным* людям, которые на деле не одинаковы, не равны друг другу; и потому «равное право» есть нарушение равенства и несправедливость. В самом деле, каждый получает, отработав равную с другим долю общественного труда,— равную долю общественного продукта (за указанными вычетами).

А между тем отдельные люди не равны: один сильнее, другой слабее; один женат, другой нет, у одного больше детей, у другого меньше, и т. д.

> «...При равном труде,— заключает Маркс,— следовательно, при равном участии в общественном потребительном фонде, один получит на самом деле больше, чем другой, окажется богаче другого и т. д. Чтобы избежать всего этого, право, вместо того, чтобы быть равным, должно бы быть неравным...» [4]

Справедливости и равенства, следовательно, первая фаза коммунизма дать еще не может: различия в богатстве останутся и различия несправедливые, но невозможна будет *эксплуатация* человека человеком, ибо нельзя захватить *средства производства*, фабрики, машины, землю и прочее в частную собственность. Разбивая мелкобуржуазно неясную фразу Лассаля о «равенстве» и «справедливости» *вообще*, Маркс показывает *ход развития* коммунистического общества, которое *вынуждено* сначала уничтожить *только* ту «несправедливость», что средства производства захвачены отдельными лицами, и которое *не в состоянии* сразу уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления «по работе» (а не по потребностям).

Вульгарные экономисты, в том числе буржуазные профессора, в том числе «наш» Туган, постоянно упрекают социалистов, будто они забывают о неравенстве людей и «мечтают» уничтожить это неравенство. Такой упрек, как видим, доказывает только крайнее невежество гг. буржуазных идеологов.

Маркс не только точнейшим образом учитывает неизбежное неравенство людей, он учитывает также то, что один еще переход средств производства в общую собственность всего общества («социализм» в обычном словоупотреблении) *не устраняет* недостатков распределения и неравенства «буржуазного права», которое *продолжает господствовать*, поскольку продукты делятся «по работе».

> «...Но эти недостатки,— продолжает Маркс,— неизбежны в первой фазе коммунистического общества, в том его виде, как оно выходит, после долгих мук родов, из капиталистического общества. Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества...» [5]

Таким образом, в первой фазе коммунистического общества (которую обычно зовут социализмом) «буржуазное право» отменяется *не* вполне, а лишь отчасти, лишь в меру уже достигнутого экономического переворота, т. е. лишь по отношению к средствам производства. «Буржуазное право» признает их частной собственностью отдельных лиц. Социализм делает их *общей* собственностью. *Постольку* — и лишь постольку — «буржуазное право» отпадает.

Но оно остается все же в другой своей части, остается в качестве регулятора (определителя) распределения продуктов и распределения труда между членами общества. «Кто не работает, тот не должен есть» — этот социалистический принцип *уже* осуществлен; «за равное количество труда равное количество продукта» — и этот социалистический принцип *уже* осуществлен. Однако это еще не коммунизм, и это еще не устраняет «буржуазного права», которое неравным людям за неравное (фактически неравное) количество труда дает равное количество продукта.

Это — «недостаток», говорит Маркс, но он неизбежен в первой фазе коммунизма, ибо, не впадая в утопизм, нельзя думать, что, свергнув капитализм, люди сразу научаются работать на общество *без всяких норм права*, да и экономических предпосылок *такой* перемены отмена капитализма *не дает сразу*.

А других норм, кроме «буржуазного права», нет. И постольку остается еще необходимость в государстве, которое бы, охраняя общую собственность на средства производства, охраняло равенство труда и равенство дележа продукта.

Государство отмирает, поскольку капиталистов уже нет, классов уже нет, *подавлять* поэтому какой бы то ни было *класс* нельзя.

Но государство еще не отмерло совсем, ибо остается охрана «буржуазного права», освящающего фактическое неравенство. Для полного отмирания государства нужен полный коммунизм.

4. Высшая фаза коммунистического общества

Маркс продолжает:

> «...На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком,— лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: «Каждый по способностям, каждому по потребностям»» [6].

Только теперь мы можем оценить всю правильность замечаний Энгельса, когда он беспощадно издевался над нелепостью соединения слов: «свобода» и «государство». Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства.

Экономической основой полного отмирания государства является такое высокое развитие коммунизма, при котором исчезает противоположность умственного и физического труда, исчезает, следовательно, один из важнейших источников современного *общественного* неравенства и притом такой источник, которого одним переходом средств производства в общественную собственность, одной экспроприацией капиталистов сразу устранить никак нельзя.

Эта экспроприация даст *возможность* гигантского развития производительных сил. И, видя, как теперь уже капитализм невероятно *задерживает* это развитие, как многое можно было бы двинуть вперед на базе современной, уже достигнутой, техники, мы вправе с полнейшей уверенностью сказать, что экспроприация капиталистов неизбежно даст гигантское развитие производительных сил человеческого общества. Но как скоро пойдет это развитие дальше, как скоро дойдет оно до разрыва с разделением труда, до уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом, до превращения труда в «первую жизненную потребность», этого мы не знаем и знать *не можем*.

Поэтому мы и вправе говорить лишь о неизбежном отмирании государства, подчеркивая длительность этого процесса, его зависимость от быстроты развития *высшей фазы* коммунизма и

оставляя совершенно открытым вопрос о сроках или о конкретных формах отмирания, ибо материала для решения таких вопросов *нет*.

Государство сможет отмереть полностью тогда, когда общество осуществит правило: «каждый по способностям, каждому по потребностям», т. е. когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общежития и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться *по способностям*. «Узкий горизонт буржуазного права», заставляющий высчитывать, с черствостью Шейлока [7], не переработать бы лишних получаса против другого, не получить бы меньше платы, чем другой, — этот узкий горизонт будет тогда перейден. Распределение продуктов не будет требовать тогда нормировки со стороны общества количества получаемых каждым продуктов; каждый будет свободно брать «по потребности».

С точки зрения буржуазной легко объявить подобное общественное устройство «чистой утопией» и зубоскалить по поводу того, что социалисты обещают каждому право получать от общества, без всякого контроля за трудом отдельного гражданина, любое количество трюфелей, автомобилей, пианино и т. п. Таким зубоскальством отделываются и поныне большинство буржуазных «ученых», которые обнаруживают этим и свое невежество и свою корыстную защиту капитализма.

Невежество,— ибо «обещать», что высшая фаза развития коммунизма наступит, ни одному социалисту в голову не приходило, а *предвидение* великих социалистов, что она наступит, предполагает и не теперешнюю производительность труда и *не теперешнего* обывателя, способного «зря» — вроде как бурсаки у Помяловского [8] — портить склады общественного богатства и требовать невозможного.

До тех пор, пока наступит «высшая» фаза коммунизма, социалисты требуют *строжайшего* контроля со стороны общества *и со стороны государства* над мерой труда и мерой потребления, но только контроль этот должен *начаться* с экспроприации капиталистов, с контроля рабочих за капиталистами и проводиться не государством чиновников, а государством *вооруженных рабочих*.

Корыстная защита капитализма буржуазными идеологами (и их прихвостнями вроде гг. Церетели, Черновых и К°) состоит именно в том, что спорами и разговорами о далеком будущем они *подменяют* насущный и злободневный вопрос *сегодняшней* политики: экспроприацию капиталистов, превращение *всех* граждан в работников и служащих *одного* крупного «синдиката», именно: всего государства, и полное подчинение всей работы всего этого синдиката государству действительно демократическому, *государству Советов рабочих и солдатских депутатов*.

В сущности, когда ученый профессор, а за ним обыватель, а за ним господа Церетели и Черновы говорят о безрассудных утопиях, о демагогических обещаниях большевиков, о невозможности

«введения» социализма, они имеют в виду именно высшую стадию или фазу коммунизма, «вводить» которой никто не только не обещал, но и не помышлял, ибо «ввести» ее вообще нельзя.

И здесь мы подошли к тому вопросу о научном различии между социализмом и коммунизмом, которого коснулся Энгельс в приведенном выше рассуждении его о неправильности названия «социал-демократы». Политически различие между первой или низшей и высшей фазой коммунизма со временем будет, вероятно, громадно, но теперь, при капитализме, признавать его было бы смешно и выдвигать его на первый план могли бы разве лишь отдельные анархисты (если еще остались среди анархистов люди, ничему не научившиеся после «плехановского» превращения Кропоткиных, Грава, Корнелиссена и прочих «звезд» анархизма в социал-шовинистов, или в анархо-траншейников, как выразился один из немногих сохранивших честь и совесть анархистов Ге).

Но научная разница между социализмом и коммунизмом ясна. То, что обычно называют социализмом, Маркс назвал «первой» или низшей фазой коммунистического общества. Поскольку *общей* собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это *не* полный коммунизм. Великое значение разъяснений Маркса состоит в том, что он последовательно применяет и здесь материалистическую диалектику, учение о развитии, рассматривая коммунизм как нечто развивающееся *из* капитализма. Вместо схоластически-выдуманных, «сочиненных» определений и бесплодных споров о словах (что социализм, что коммунизм), Маркс дает анализ того, что можно бы назвать ступенями экономической зрелости коммунизма.

В первой своей фазе, на первой своей ступени коммунизм *не* может еще быть экономически вполне зрелым, вполне свободным от традиций или следов капитализма. Отсюда такое интересное явление, как сохранение «узкого горизонта *буржуазного* права» — при коммунизме в его первой фазе. Буржуазное право по отношению к распределению продуктов *потребления* предполагает, конечно, неизбежно и *буржуазное государство*, ибо право есть ничто без аппарата, способного *принуждать* к соблюдению норм права.

Выходит, что не только при коммунизме остается в течение известного времени буржуазное право, но даже и буржуазное государство — без буржуазии!

Это может показаться парадоксом или просто диалектической игрой ума, в которой часто обвиняют марксизм люди, не потрудившиеся ни капельки над тем, чтобы изучить его чрезвычайно глубокое содержание.

На самом же деле остатки старого в новом показывает нам жизнь на каждом шагу, и в природе и в обществе. И Маркс не произвольно всунул кусочек «буржуазного» права в коммунизм, а

взял то, что экономически и политически неизбежно в обществе, выходящем *из недр* капитализма.

Демократия имеет громадное значение в борьбе рабочего класса против капиталистов за свое освобождение. Но демократия вовсе не есть предел, его же не прейдеши, а лишь один из этапов по дороге от феодализма к капитализму и от капитализма к коммунизму.

Демократия означает равенство. Понятно, какое великое значение имеет борьба пролетариата за равенство и лозунг равенства, если правильно понимать его в смысле уничтожения *классов*. Но демократия означает только *формальное* равенство. И тотчас вслед за осуществлением равенства всех членов общества *по отношению* к владению средствами производства, т. е. равенства труда, равенства заработной платы, пред человечеством неминуемо встанет вопрос о том, чтобы идти дальше, от формального равенства к фактическому, т. е. к осуществлению правила: «каждый по способностям, каждому по потребностям». Какими этапами, путем каких практических мероприятий пойдет человечество к этой высшей цели, мы не знаем и знать не можем. Но важно выяснить себе, как бесконечно лживо обычное буржуазное представление, будто социализм есть нечто мертвое, застывшее, раз навсегда данное, тогда как на самом деле *только* с социализма начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии *большинства* населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни.

Демократия есть форма государства, одна из его разновидностей. И, следовательно, она представляет из себя, как и всякое государство, организованное, систематическое применение насилия к людям. Это с одной стороны. Но, с другой стороны, она означает формальное признание равенства между гражданами, равного права всех на определение устройства государства и управление им. А это, в свою очередь, связано с тем, что на известной ступени развития демократии она, во-первых, сплачивает революционный против капитализма класс — пролетариат и дает ему возможность разбить, сломать вдребезги, стереть с лица земли буржуазную, хотя бы и республикански-буржуазную, государственную машину, постоянную армию, полицию, чиновничество, заменить их *более* демократической, но все еще государственной машиной в виде вооруженных рабочих масс, переходящих к поголовному участию народа в милиции.

Здесь «количество переходит в качество»: *такая* степень демократизма связана с выходом из рамок буржуазного общества, с началом его социалистического переустройства. Если действительно *все* участвуют в управлении государством, тут уже капитализму не удержаться. И развитие капитализма, в свою очередь, создает *предпосылки* для того, чтобы действительно «все» *могли* участвовать в управлении государством. К таким предпосылкам принадлежит поголовная грамотность, осуществленная уже ря-

дом наиболее передовых капиталистических стран, затем «обучение и дисциплинирование» миллионов рабочих крупным, сложным, обобществленным аппаратом почты, железных дорог, крупных фабрик, крупной торговли, банкового дела и т. д. и т. п.

При таких *экономических* предпосылках вполне возможно немедленно, с сегодня на завтра, перейти к тому, чтобы, свергнув капиталистов и чиновников, заменить их — в деле *контроля* за производством и распределением, в деле *учета* труда и продуктов — вооруженными рабочими, поголовно вооруженным народом. (Не надо смешивать вопрос о контроле и учете с вопросом о научно образованном персонале инженеров, агрономов и пр.: эти господа работают сегодня, подчиняясь капиталистам, будут работать еще лучше завтра, подчиняясь вооруженным рабочим.)

Учет и контроль — вот *главное*, что требуется для «налаженния», для правильного функционирования *первой фазы* коммунистического общества. *Все* граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. *Все* граждане становятся служащими и рабочими *одного* всенародного, государственного «синдиката». Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну. Учет этого, контроль за этим *упрощен* капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответственных расписок *.

Когда *большинство* народа начнет производить самостоятельно и повсеместно такой учет, такой контроль за капиталистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентиками, сохранившими капиталистические замашки, тогда этот контроль станет действительно универсальным, всеобщим, всенародным, тогда от него нельзя будет никак уклониться, «некуда будет деться».

Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы.

Но эта «фабричная» дисциплина, которую победивший капиталистов, свергнувший эксплуататоров пролетариат распространит на все общество, никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только *ступенькой*, необходимой для радикальной чистки общества от гнусности и мерзостей капиталистической эксплуатации *и для дальнейшего* движения вперед.

С того момента, когда все члены общества или хотя бы громадное большинство их *сами* научились управлять государством,

---

* Когда государство сводится в главнейшей части его функций к такому учету и контролю со стороны самих рабочих, тогда оно перестает быть «политическим государством», тогда «общественные функции превращаются из политических в простые административные функции» (ср. выше, гл. IV, § 2, о полемике Энгельса с анархистами).

сами взяли это дело в свои руки, «наладили» контроль за ничтожным меньшинством капиталистов, за господчиками, желающими сохранить капиталистические замашки, за рабочими, глубоко развращенными капитализмом,— с этого момента начинает исчезать надобность во всяком управлении вообще. Чем полнее демократия, тем ближе момент, когда она становится ненужной. Чем демократичнее «государство», состоящее из вооруженных рабочих и являющееся «уже не государством в собственном смысле слова», тем быстрее начинает отмирать *всякое* государство.

Ибо когда *все* научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль тунеядцев, баричей, мошенников и тому подобных «хранителей традиций капитализма»,— тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно сделается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие — люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентики, и шутить они с собой едва ли позволят), что *необходимость* соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет *привычкой*.

И тогда будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем к полному отмиранию государства.

Написано в августе — сентябре 1917 г. *П. с. с., т. 33, с. 91—102.*

Из статьи

«КАК ОРГАНИЗОВАТЬ СОРЕВНОВАНИЕ?»

Буржуазные писатели исписали и исписывают горы бумаги, воспевая конкуренцию, частную предприимчивость и прочие великолепные доблести и прелести капиталистов и капиталистического порядка. Социалистам ставили в вину нежелание понять значение этих доблестей и считаться с «натурой человека». А на самом деле капитализм давно заменил мелкое товарное самостоятельное производство, при котором конкуренция могла в сколько-нибудь *широких* размерах воспитывать предприимчивость, энергию, смелость почина, крупным и крупнейшим фабричным производством, акционерными предприятиями, синдикатами и другими монополиями. Конкуренция при *таком* капитализме означает неслыханно зверское подавление предприимчивости, энергии, смелого почина *массы* населения, гигантского большинства его, девяносто девяти сотых трудящихся, означает также замену соревнования финансовым мошенничеством, непотизмом, прислужничеством на верху социальной лестницы.

Социализм не только не угашает соревнования, а, напротив, впервые создает возможность применить его действительно *широко*, действительно в *массовом* размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатой родник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами.

Наша задача теперь, когда социалистическое правительство у власти,— организовать соревнование.

Прихвостни и прихлебатели буржуазии рисовали социализм, как однообразную, казенную, монотонную, серую казарму. Лакеи денежного мешка, холопы эксплуататоров,— господа буржуазные интеллигенты «пугали» социализмом народ, именно при капитализме осужденный на каторгу и казарму безмерного, нудного

труда, полуголодной жизни, тяжелой нищеты. Первым шагом к освобождению трудящихся от этой каторги является конфискация помещичьих земель, введение рабочего контроля, национализация банков. Следующими шагами будут национализация фабрик и заводов, принудительная организация всего населения в потребительные общества, являющиеся в то же время обществами сбыта продуктов, государственная монополия торговли хлебом и др. необходимыми предметами.

Широкое, поистине массовое создание возможности проявлять предприимчивость, соревнование, смелый почин является только теперь. Каждая фабрика, где выкинут вон капиталист или хотя бы обуздан настоящим рабочим контролем, каждая деревня, где выкурили помещика-эксплуататора и отобрали его землю, является теперь, и только теперь, поприщем, на котором может проявить себя человек труда, может разогнуть немного спину, может выпрямиться, может почувствовать себя человеком. Впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплуататоров является возможность *работы на себя*, и притом работы, опирающейся на все завоевания новейшей техники и культуры.

Конечно, эта величайшая в истории человечества смена труда подневольного трудом на себя не может произойти без трений, трудностей, конфликтов, без насилия по отношению к закоренелым тунеядцам и их прихвостням. На этот счет ни у кого из рабочих иллюзий нет: закаленные долгими и долгими годами каторжной работы на эксплуататоров, бесчисленными издевательствами и надругательствами с их стороны, закаленные тяжелой нуждой, рабочие и беднейшие крестьяне знают, что нужно время, чтобы *сломать* сопротивление эксплуататоров. Рабочие и крестьяне нисколько не заражены сентиментальными иллюзиями господ интеллигентиков, всей этой новожизненской и прочей слякоти, которые «кричали» против капиталистов до хрипоты, «жестикулировали» против них, «громили» их, с тем чтобы расплакаться и вести себя подобно побитому щенку, когда дошло *до дела*, до реализации угроз, до выполнения на практике дела *смещения* капиталистов.

Великая смена труда подневольного трудом на себя, трудом, планомерно организованным в гигантском, общегосударственном (в известной мере и в интернациональном, в мировом) масштабе, требует также — кроме *«военных»* мер подавления сопротивления эксплуататоров — громадных *организационных*, организаторских усилий со стороны пролетариата и беднейшего крестьянства. Задача организационная сплетается в одно неразрывное целое с задачей беспощадного военного подавления вчерашних рабовладельцев (капиталистов) и своры их лакеев — господ буржуазных интеллигентов. Мы были всегда организаторами и начальниками, мы командовали — так говорят и думают вчерашние рабовладельцы и их приказчики из интеллигенции — мы хотим остаться та-

ковыми, мы не станем слушаться «простонародья», рабочих и крестьян, мы не подчинимся им, мы превратим знание в орудие защиты привилегий денежного мешка и господства капитала над народом.

Так говорят, думают, действуют буржуа и буржуазные интеллигенты. Со *шкурной* точки зрения их поведение понятно: прихлебателям и приживальщикам крепостников-помещиков, попам, подьячим, чиновникам из гоголевских типов, «интеллигентам», ненавидящим Белинского, тоже было «трудно» расстаться с крепостным правом. Но дело эксплуататоров и их интеллигентской челяди — безнадежное дело. Их сопротивление рабочие и крестьяне ломают,— к сожалению, еще недостаточно твердо, решительно и беспощадно — *и сломают*.

«Они» думают, что «простой народ», «простые» рабочие и беднейшие крестьяне не сладят с великой, поистине героической в всемирно-историческом смысле слова, задачей организационного характера, которую возложила на плечи трудящихся социалистическая революция. «Без нас не обойтись» — утешают себя привыкшие служить капиталистам и капиталистическому государству интеллигенты. Их наглый расчет не оправдается: образованные люди уже теперь выделяются, переходя на сторону народа, на сторону трудящихся, помогая ломать сопротивление слуг капитала. А организационных талантов в крестьянстве и рабочем классе много, и эти таланты только-только начинают сознавать себя, просыпаться, тянуться к живой, творческой, великой работе, браться самостоятельно за строительство социалистического общества.

Одна из самых главных задач теперь, если не самая главная, развить как можно шире этот самостоятельный почин рабочих и всех вообще трудящихся и эксплуатируемых в деле творческой *организационной* работы. Во что бы то ни стало надо разбить старый, *нелепый*, дикий, гнусный и мерзкий предрассудок, будто управлять государством, будто ведать организационным строительством социалистического общества могут только так называемые «высшие классы», только богатые или прошедшие школу богатых классов.

Это предрассудок. Поддерживается он гнилой рутиной, закоренелостью, рабьей привычкой, а еще больше грязной корыстью капиталистов, заинтересованных в том, чтобы управлять грабя и грабить управляя. Нет. Ни на минуту не забудут рабочие, что им нужна сила знания. Необыкновенное рвение, которое проявляют рабочие в деле образования, проявляют как раз сейчас, доказывает, что на этот счет заблуждений в среде пролетариата нет и быть не может. Но *организаторская* работа подсильна и *рядовому* рабочему и крестьянину, обладающему грамотностью, знанием людей, практическим опытом. Таких людей в «простонародье», о котором высокомерно и пренебрежительно говорят буржуазные интеллигенты, *масса*. Таких талантов в рабочем классе и в крестьянстве непочатой еще родник и богатейший родник.

Рабочие и крестьяне еще «робеют», еще не освоились с тем, что *они* — теперь *господствующий* класс, еще недостаточно решительны. Этих качеств в миллионах и миллионах людей, всю жизнь вынужденных голодом и нуждой работать из-под палки, не мог создать переворот *сразу*. Но в том-то и сила, в том-то и жизненность, в том-то и непобедимость Октябрьской революции 1917 года, что она *будит* эти качества, ломает все старые препоны, рвет обветшавшие путы, выводит трудящихся на дорогу *самостоятельного* творчества новой жизни...

Написано 24—27 декабря 1917 г. (6—9 января 1918 г.) — *П. с. с., т. 35, с. 195—199.*

Из доклада

О ПЕРЕСМОТРЕ ПРОГРАММЫ И ИЗМЕНЕНИИ НАЗВАНИЯ ПАРТИИ НА СЕДЬМОМ ЭКСТРЕННОМ СЪЕЗДЕ РКП(б)

8 МАРТА 1918 г.

...Каковы бы ни были судьбы нашей революции, нашего отряда международной пролетарской армии, каковы бы ни были дальнейшие перипетии революции, во всяком случае, объективное положение империалистических стран, впутавшихся в эту войну, доведших до голода, разорения, одичания самые передовые страны,— положение объективно безвыходное. И тут надо сказать то, что тридцать лет тому назад, в 1887 г., говорил Фридрих Энгельс, оценивая вероятную перспективу европейской войны. Он говорил о том, как короны будут дюжинами валяться в Европе, и никто не захочет поднимать их, он говорил о том, какая неимоверная разруха станет судьбой европейских стран и как конечным результатом ужасов европейской войны может быть лишь одно — он выразился так: «либо победа рабочего класса, либо создание условий, делающих эту победу возможной и необходимой» [9]. На этот счет Энгельс выражался чрезвычайно точно и осторожно. В отличие от людей, которые искажают марксизм, которые преподносят свои запоздалые лжеумствования, что на почве разрухи социализма не может быть, Энгельс понимал превосходно, что война всякая, даже во всяком передовом обществе, создаст не только разруху, одичание, мучения, бедствия в массах, которые захлебнутся в крови, что нельзя ручаться, что это поведет к победе социализма, он говорил, что это будет: «либо победа рабочего класса, либо создание условий, делающих эту победу возможной и необходимой», т. е., следовательно, тут возможен еще ряд тяжелых переходных ступеней при громадном разрушении культуры и производительных средств, но результатом может быть только подъем авангарда трудящихся масс, рабочего класса, и переход к тому, чтобы он взял в свои руки власть для создания социалистического общества. Ибо, каковы бы ни были разрушения культуры — ее

вычеркнуть из исторической жизни нельзя, ее будет трудно возобновить, но никогда никакое разрушение не доведет до того, чтобы эта культура исчезла совершенно. В той или иной своей части, в тех или иных материальных остатках эта культура неустранима, трудности лишь будут в ее возобновлении...

П. с. с., т. 36, с. 45—46.

Из статьи

«ПРОРОЧЕСКИЕ СЛОВА»

...Мыслима ли многолетняя война без *одичания* как войск, так и народных масс? Конечно, нет. На несколько лет, если не на целое поколение, такое последствие многолетней войны безусловно неизбежно. А наши «человеки в футляре», хлюпики из буржуазной интеллигенции, называющие себя «социал-демократами» и «социалистами», подпевают буржуазии, сваливая проявления одичания или неизбежную жестокость мер борьбы с особенно острыми случаями одичания на революцию,— хотя ясно, как день, что создано это одичание империалистской войной и что никакая революция без долгой борьбы, без ряда жестоких репрессий освободиться от *таких* последствий войны не в состоянии.

Они готовы «теоретически» допустить революцию пролетариата и других угнетенных классов, наши сладенькие писатели «Новой Жизни», «Впереда» или «Дела Народа» [10], только чтобы эта революция свалилась с неба, а не родилась и не росла на земле, залитой кровью в четырехлетней империалистской бойне народов, среди миллионов и миллионов людей, измученных, истерзанных, одичавших в этой бойне.

Они слыхали и признавали «теоретически», что революцию следует сравнивать с актом родов, но, когда дошло до дела, они позорно струсили, и свое хныканье дрянных душонок превратили в перепев злобных выходок буржуазии против восстания пролетариата. Возьмем описание акта родов в литературе,— те описания, когда целью авторов было правдивое восстановление всей тяжести, всех мук, всех ужасов этого акта, например, Эмиля Золя «La joie de vivre» («Радость жизни») или «Записки врача» Вересаева. Рождение человека связано с таким актом, который превращает женщину в измученный, истерзанный, обезумевший от боли, окровавленный, полумертвый кусок мяса. Но согласился ли бы кто-нибудь признать человеком такого «индивида», который видел бы *только* это в любви, в ее последствиях, в превращении женщины в мать? Кто на *этом* основании зарекался бы от любви и от деторождения?

Роды бывают легкие и бывают тяжелые. Маркс и Энгельс, основатели научного социализма, говорили всегда о *долгих муках*

родов, неизбежно связанных с переходом от капитализма к социализму. И Энгельс, анализируя последствия всемирной войны, просто и ясно описывает тот бесспорный и очевидный факт, что революция, следующая за войной, связанная с войной (а еще больше — добавим от себя — вспыхнувшая во время войны, вынужденная расти и держаться во время окружающей ее всемирной войны), что такая революция есть *особенно тяжелый* случай родов.

В ясном сознании этого факта, Энгельс особенно осторожно говорит о рождении социализма гибнущим в всемирной войне капиталистическим обществом. «Только один результат (всемирной войны),— говорит он,— абсолютно несомненен: всеобщее истощение и *создание* условий для окончательной победы рабочего класса».

Еще яснее эта мысль выражена в конце предисловия, разбираемого нами:

«...В конце трагедии вы (капиталисты и помещики, короли и государственные мужи буржуазии) будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо все ж таки неизбежна» [11].

Трудные акты родов увеличивают опасность смертельной болезни или смертельного исхода во много раз. Но если отдельные люди гибнут от родов, новое общество, рождаемое старым укладом, не может погибнуть, и его рождение станет лишь более мучительным, более затяжным, рост и развитие более медленным.

Конец войны еще не наступил. Всеобщее истощение уже наступило. Из двух *непосредственных* результатов войны, предсказанных Энгельсом условно (либо уже завоеванная победа рабочего класса, либо создание условий ее неизбежности, *вопреки всем трудностям)*, из этих двух условий налицо теперь, к половине 1918 года, *оба*.

В одной, наименее развитой из капиталистических стран, победа рабочего класса *уже завоевана*. В остальных, с неслыханным усилием неслыханных мук, создаются условия, делающие эту победу «все ж таки неизбежной».

Пусть каркают «социалистические» хлюпики, пусть злобствует и бешенствует буржуазия. Только люди, закрывающие себе глаза, чтобы не видеть, и затыкающие уши, чтобы не слышать, могут не замечать того, что во всем мире для старого капиталистического общества, беременного социализмом, начались родовые схватки. На нашу страну, ходом событий выдвинутую временно в авангард социалистической революции, падают теперь особенно тяжелые муки первого периода начавшегося акта родов. У нас есть все основания с полной твердостью и с абсолютной уверенностью смотреть на будущее, готовящее нам новых союзников, новые победы социалистической революции в ряду более передовых стран. Мы имеем право гордиться и считать себя счастливыми

тем, что нам довелось первыми свалить в одном уголке земного шара того дикого зверя, капитализм, который залил землю кровью, довел человечество до голода и одичания и который погибнет неминуемо и скоро, как бы чудовищно зверски ни были проявления его предсмертного неистовства.

29 июня 1918 г. *П. с. с., т. 36, с. 475—478.*

Из работы

«УСПЕХИ И ТРУДНОСТИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ»

...Старые социалисты-утописты воображали, что социализм можно построить с другими людьми, что они сначала воспитают хорошеньких, чистеньких, прекрасно обученных людей и будут строить из них социализм. Мы всегда смеялись и говорили, что это кукольная игра, что это забава кисейных барышень от социализма, но не серьезная политика.

Мы хотим построить социализм из тех людей, которые воспитаны капитализмом, им испорчены, развращены, но зато им и закалены к борьбе. Есть пролетарии, которые закалены так, что способны переносить в тысячу раз большие жертвы, чем любая армия; есть десятки миллионов угнетенных крестьян, темных, разбросанных, но способных, если пролетариат поведет умелую тактику, вокруг него объединиться в борьбе. И затем есть специалисты науки, техники, все насквозь проникнутые буржуазным миросозерцанием, есть военные специалисты, которые воспитались в буржуазных условиях,— и хорошо еще, если в буржуазных, а то в помещичьих, в палочных, в крепостнических. Что касается народного хозяйства, то все агрономы, инженеры, учителя — все они брались из имущего класса; не из воздуха они упали! Неимущий пролетарий от станка и крестьянин от сохи пройти университета не могли ни при царе Николае, ни при республиканском президенте Вильсоне. Наука и техника — для богатых, для имущих; капитализм дает культуру только для меньшинства. А мы должны построить социализм из этой культуры. Другого материала у нас нет. Мы хотим строить социализм немедленно из того материала, который нам оставил капитализм со вчера на сегодня, теперь же, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены, если забавляться этой побасенкой. У нас есть буржуазные специалисты, и больше ничего нет. У нас нет других кирпичей, нам строить не из чего. Социализм должен победить, и мы, социалисты и коммунисты, должны на деле доказать, что мы способны построить социализм из этих кирпичей, из этого материала, построить социалистическое общество из пролетариев, которые

культурой пользовались в ничтожном количестве, и из буржуазных специалистов.

И если вы не построите коммунистического общества из этого материала, тогда вы пустые фразеры, болтуны.

Вот как вопрос поставлен историческим наследием мирового капитализма! Вот та трудность, которая стала перед нами конкретно, когда мы взяли власть, когда мы получили советский аппарат!

Это одна половина задачи, и это большая половина задачи. Советский аппарат значит, что трудящиеся объединены так, чтобы весом своего массового объединения раздавить капитализм. Они его и раздавили. Но от раздавленного капитализма сыт не будешь. Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем. А эта наука, техника, искусство — в руках специалистов и в их головах.

Так поставлена задача во всех областях — задача противоречивая, как противоречив весь капитализм, труднейшая, но выполнимая. Не потому, что мы воспитаем чистеньких коммунистических специалистов лет через двадцать: первое поколение коммунистов без пятна и упрека; нет, извините, нам надо все устроить теперь, не через двадцать лет, а через два месяца, чтобы бороться против буржуазии, против буржуазной науки и техники всего мира. Тут мы должны победить. Массовым весом своим заставить буржуазных специалистов служить нам — трудно, но можно; и если мы это сделаем, мы победим...

...Мы знаем, что все это громадные трудности и что их одним насилием не победишь... Мы, конечно, не против насилия; мы над теми, кто относится отрицательно к диктатуре пролетариата, смеемся и говорим, что это глупые люди, не могущие понять, что должна быть либо диктатура пролетариата, либо диктатура буржуазии. Кто говорит иначе — либо идиот, либо политически настолько неграмотен, что его не только на трибуну, но и просто на собрание пускать стыдно. Может быть или насилие над Либкнехтом и Люксембург, избиение лучших вождей рабочих, или насильственное подавление эксплуататоров, а кто мечтает о середине — самый вредный и опасный нам противник. Так сейчас стоит вопрос. Так что когда мы говорим об использовании специалистов, то надо иметь в виду урок советской политики за год; за этот год мы сломили и победили эксплуататоров, а нам теперь надо решить задачу использования буржуазных специалистов. Здесь, повторяю, одним насилием ничего не сделаешь. Тут, в добавление к насилию, после победоносного насилия, нужна организованность, дисциплина и моральный вес победившего пролетариата, подчиняющего себе и втягивающего в свою работу всех буржуазных специалистов!

Скажут: вместо насилия Ленин рекомендует моральное влияние! Но глупо воображать, что одним насилием можно решить во-

прос организации новой науки и техники в деле строительства коммунистического общества. Вздор! Мы, как партия, как люди, научившиеся кое-чему за этот год советской работы, в эту глупость не впадем и от нее массы будем предостерегать. Использовать весь аппарат буржуазного, капиталистического общества — такая задача требует не только победоносного насилия, она требует, сверх того, организации, дисциплины, товарищеской дисциплины среди масс, организации пролетарского воздействия на все остальное население, создания новой массовой обстановки, при которой буржуазный специалист видит, что ему нет выхода, что к старому обществу вернуться нельзя, а что он свое дело может делать только с коммунистами, которые стоят рядом, руководят массами, пользуются абсолютным доверием масс и идут к тому, чтобы плоды буржуазной науки, техники, плоды тысячелетнего развития цивилизации не доставались кучке людей, пользующихся этим для того, чтобы выделяться и обогащаться, а доставались поголовно всем трудящимся.

Задача — громадной трудности, на которую, чтобы полностью решить ее, надо положить десятки лет! А чтобы решить ее, надо создать такую силу, такую дисциплину, товарищескую дисциплину, советскую дисциплину, пролетарскую дисциплину, которая бы не только физически раздавила контрреволюционеров буржуазии, но и охватила бы их полностью, подчинила бы себе, заставила бы идти по нашим рельсам, служить нашему делу...

...Коммунист, который говорит, что нельзя впадать в такое положение, чтобы руки пачкать, что у него должны быть чистые коммунистические руки, что он будет чистыми коммунистическими руками строить коммунистическое общество, не пользуясь презренными контрреволюционными буржуазными кооператорами,— пустой фразер, потому что, напротив, нельзя не пользоваться ими.

Задача практически сейчас стоит так, чтобы тех, кто против нас капитализмом воспитан, повернуть на службу к нам, каждый день смотреть за ними, ставить над ними рабочих комиссаров в обстановке коммунистической организации, каждый день пресекать контрреволюционные поползновения и в то же время учиться у них.

У нас, в лучшем случае, есть наука агитатора, пропагандиста, человека, закаленного дьявольски тяжелой судьбой фабричного рабочего или голодного крестьянина, — наука, которая учит долго держаться, оказывать упорство в борьбе, что и спасало нас до сих пор; это все необходимо; но этого мало, с этим одним победить нельзя; чтобы победа была полная и окончательная, надо еще взять все то, что есть в капитализме ценного, взять себе всю науку и культуру.

Откуда же это взять? Надо поучиться у них, у наших врагов, нашим передовым крестьянам, сознательным рабочим на своих фабриках, в уездном земельном отделе у буржуазного агронома, инженера и пр., чтобы усвоить плоды их культуры.

В этом отношении та борьба, которая возникала в нашей партии за минувший год, была чрезвычайно плодотворна; она вызвала немало резких столкновений, но борьба и не бывает без резких столкновений; мы же приобрели практический опыт в вопросе, который никогда перед нами не ставился, но без которого коммунизм осуществить не удастся [12]. Задача — как соединить победоносную пролетарскую революцию с буржуазной культурой, с буржуазной наукой и техникой, бывшей до сих пор достоянием немногих, задача, еще раз скажу, трудная. Здесь все дело в организации, в дисциплине передового слоя трудящихся масс. Если бы в России, во главе миллионов забитых, темных, совершенно неспособных к самостоятельному строительству, веками угнетаемых помещиками крестьян, если бы около них не было передового слоя городских рабочих, которые им понятны, близки, которые пользуются их доверием, которым крестьянин поверит, как своим рабочим людям, если бы не было этой организации, способной сплотить трудящиеся массы и внушить им, разъяснить, убедить их в важности задачи взять всю буржуазную культуру себе, — тогда дело коммунизма было бы безнадежно...

17.IV.1919.

П. с. с., т. 38, с. 53—55, 56—57, 58—59.

Из статьи
«ВЕЛИКИЙ ПОЧИН»

(О ГЕРОИЗМЕ РАБОЧИХ В ТЫЛУ. ПО ПОВОДУ «КОММУНИСТИЧЕСКИХ СУББОТНИКОВ»)

...Я привел с наибольшей подробностью и полнотой сведения о коммунистических субботниках, ибо здесь, несомненно, мы наблюдаем одну из важнейших сторон коммунистического строительства, на которую наша печать обращает недостаточно внимания и которую мы все недостаточно еще оценили.

Поменьше политической трескотни, побольше внимания самым простым, но живым, из жизни взятым, жизнью проверенным фактам коммунистического строительства — этот лозунг надо неустанно повторять всем нам, нашим писателям, агитаторам, пропагандистам, организаторам и так далее.

Естественно и неизбежно, что первое время после пролетарской революции нас занимает более всего главная и основная задача, преодоление сопротивления буржуазии, победа над эксплуататорами, подавление их заговора (вроде «заговора рабовладельцев» о сдаче Питера, в каковом заговоре участвовали все от черной сотни и кадетов до меньшевиков и эсеров включительно [13]). Но рядом с этой задачей столь же неизбежно выдвигается — и чем дальше, тем больше — более существенная задача поло-

жительного коммунистического строительства, творчества новых экономических отношений, нового общества.

Диктатура пролетариата, — как мне приходилось уже не раз указывать, между прочим и в речи 12 марта на заседании Петроградского Совдепа, — не есть только насилие над эксплуататорами и даже не главным образом насилие. Экономической основой этого революционного насилия, залогом его жизненности и успеха является то, что пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда по сравнению с капитализмом. В этом суть. В этом источник силы и залог неизбежной полной победы коммунизма.

Крепостническая организация общественного труда держалась на дисциплине палки, при крайней темноте и забитости трудящихся, которых грабила и над которыми издевалась горстка помещиков. Капиталистическая организация общественного труда держалась на дисциплине голода, и громадная масса трудящихся, несмотря на весь прогресс буржуазной культуры и буржуазной демократии, оставалась в самых передовых, цивилизованных и демократических республиках темной и забитой массой наемных рабов или задавленных крестьян, которых грабила и над которыми издевалась горстка капиталистов. Коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и капиталистов.

Эта новая дисциплина не с неба сваливается и не из добреньких пожеланий рождается, она вырастает из материальных условий крупного капиталистического производства, только из них. Без них она невозможна. А носителем этих материальных условий или проводником их является определенный исторический класс, созданный, организованный, сплоченный, обученный, просвещенный, закаленный крупным капитализмом. Этот класс — пролетариат.

Диктатура пролетариата, если перевести это латинское, научное, историко-философское выражение на более простой язык, означает вот что:

только определенный класс, именно городские и вообще фабрично-заводские, промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле созидания нового, социалистического, общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов. (Заметим в скобках: научное различие между социализмом и коммунизмом только то, что первое слово означает первую ступень вырастающего из капитализма нового общества, второе слово — более высокую, дальнейшую ступень его.)

Ошибка «бернского», желтого, Интернационала состоит в том, что его вожди признают только на словах классовую борьбу и

руководящую роль пролетариата, боясь додумывать до конца, боясь как раз того неизбежного вывода, который особенно страшен для буржуазии и абсолютно неприемлем для нее. Они боятся признать, что диктатура пролетариата есть *тоже* период классовой борьбы, которая неизбежна, пока не уничтожены классы, и которая меняет свои формы, становясь первое время после свержения капитала особенно ожесточенной и особенно своеобразной. Завоевав политическую власть, пролетариат не прекращает классовой борьбы, а продолжает ее — впредь до уничтожения классов — но, разумеется, в иной обстановке, в иной форме, иными средствами.

А что это значит «уничтожение классов»? Все, называющие себя социалистами, признают эту конечную цель социализма, но далеко не все вдумываются в ее значение. Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства.

Ясно, что для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить *их* собственность, надо отменить еще и *всякую* частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда. Это — дело очень долгое. Чтобы его совершить, нужен громадный шаг вперед в развитии производительных сил, надо преодолеть сопротивление (часто пассивное, которое особенно упорно и особенно трудно поддается преодолению) многочисленных остатков мелкого производства, надо преодолеть громадную силу привычки и косности, связанной с этими остатками.

Предполагать, что все «трудящиеся» одинаково способны на эту работу, было бы пустейшей фразой или иллюзией допотопного, домарксовского, социалиста. Ибо эта способность не дана сама собой, а вырастает исторически и вырастает *только* из материальных условий крупного капиталистического производства. Этой способностью обладает, в начале пути от капитализма к социализму, *только* пролетариат. Он в состоянии совершить лежащую на нем гигантскую задачу, во-первых, потому, что он самый сильный и самый передовой класс цивилизованных обществ; во-вторых, потому, что в наиболее развитых странах он составляет большинство населения; в-третьих, потому, что в отсталых капиталистических странах, вроде России, большинство населения принадлежит к полупролетариям, т. е. к людям, постоянно часть года проводив-

ним по-пролетарски, постоянно спискивающим себе пропитание, в известной части, работой по найму в капиталистических предприятиях.

Кто пытается решать задачи перехода от капитализма к социализму, исходя из общих фраз о свободе, равенстве, демократии вообще, равенстве трудовой демократии и т. п. (как это делают Каутский, Мартов и другие герои берлинского, желтого, Интернационала), те только обнаруживают этим свою природу мелких буржуа, филистеров, мещан, рабски плетущихся в идейном отношении за буржуазией. Правильное решение этой задачи может дать только конкретное изучение особых отношений между завоевавшим политическую власть особым классом, именно пролетариатом, и всей непролетарской, а также полупролетарской массой трудящегося населения, причем эти отношения складываются не в фантастически-гармоничной, «идеальной», обстановке, а в реальной обстановке бешеного и многообразного сопротивления со стороны буржуазии.

Громадное большинство населения в любой капиталистической стране, в том числе и в России, — а трудящегося населения и подавно — тысячи раз испытало на себе и на своих близких гнет капитала, грабеж с его стороны, всякого рода надругательство. Империалистская война,— т. е. убийство десяти миллионов людей для решения вопроса о том, английскому или германскому капиталу получить первенство в грабеже всего мира, — необычайно обострила, расширила, углубила эти испытания, заставила осознать их. Отсюда неизбежное сочувствие громадного большинства населения и особенно массы трудящихся к пролетариату за то, что он с геройской смелостью, с революционной беспощадностью свергает иго капитала, свергает эксплуататоров, подавляет их сопротивление, кровью своей пробивает дорогу к созданию нового общества, в котором не будет места эксплуататорам.

Как ни велики, как ни неизбежны мелкобуржуазные шатания и колебания назад, в сторону буржуазного «порядка», под «крылышко» буржуазии, со стороны непролетарских и полупролетарских масс трудящегося населения, тем не менее они все же не могут не признавать морально-политического авторитета за пролетариатом, который не только свергает эксплуататоров и подавляет их сопротивление, но который также строит новую, более высокую, общественную связь, общественную дисциплину: дисциплину сознательных и объединенных работников, не знающих над собой никакого ига и никакой власти, кроме власти их собственного объединения, их собственного, более сознательного, смелого, сплоченного, революционного, выдержанного, авангарда.

Чтобы победить, чтобы создать и упрочить социализм, пролетариат должен решить двоякую или двуединую задачу: во-первых, увлечь своим беззаветным героизмом революционной борь-

бы против капитала всю массу трудящихся и эксплуатируемых, увлечь ее, организовать ее, руководить ею для свержения буржуазии и полного подавления всякого с ее стороны сопротивления; во-вторых, повести за собой всю массу трудящихся и эксплуатируемых, а также все мелкобуржуазные слои, на путь нового хозяйственного строительства, на путь создания новой общественной связи, новой трудовой дисциплины, новой организации труда, соединяющей последнее слово науки и капиталистической техники с массовым объединением сознательных работников, творящих крупное социалистическое производство.

Эта вторая задача труднее первой, ибо она ни в коем случае не может быть решена героизмом отдельного порыва, а требует самого длительного, самого упорного, самого трудного героизма массовой и *будничной* работы. Но эта задача и более существенна, чем первая, ибо в последнем счете самым глубоким источником силы для побед над буржуазией и единственным залогом прочности и неотъемлемости этих побед может быть только новый, более высокий способ общественного производства, замена капиталистического и мелкобуржуазного производства крупным социалистическим производством.

* * *

«Коммунистические субботники» именно потому имеют громадное историческое значение, что они показывают нам сознательный и добровольный почин рабочих в развитии производительности труда, в переходе к новой трудовой дисциплине, в творчестве социалистических условий хозяйства и жизни.

Один из немногих — вернее даже будет сказать: один из исключительно редких буржуазных демократов Германии, перешедших после уроков 1870—1871 гг. не к шовинизму и не к национал-либерализму, а к социализму, И. Якоби, сказал, что основание одного рабочего союза имеет большее историческое значение, чем битва под Садовой [14]. Это справедливо. Сражение под Садовой решало вопрос о первенстве одной из двух буржуазных монархий, австрийской или прусской, в деле создания национального германского капиталистического государства. Основание одного рабочего союза было маленьким шагом к всемирной победе пролетариата над буржуазией. Так и мы можем сказать, что первый коммунистический субботник, устроенный 10 мая 1919 года железнодорожными рабочими Московско-Казанской железной дороги в Москве, имеет большее историческое значение, чем любая победа Гинденбурга или Фоша и англичан в империалистской войне 1914—1918 годов. Победы империалистов есть бойня миллионов рабочих из-за прибылей англо-американских и французских миллиардеров, есть зверство гибнущего, обожравшегося, заживо гниющего капитализма. Коммунистический субботник железнодорожных рабочих Московско-Казанской дороги есть одна из

ячеек нового, социалистического, общества, несущего всем народам земли избавление от ига капитала и от войн.

Господа буржуа и их прихвостни, включая меньшевиков и эсеров, которые привыкли считать себя представителями «общественного мнения», разумеется, издеваются над надеждами коммунистов, называют эти надежды «баобабом в горшке от резеды», смеются над ничтожным числом субботников по сравнению с массовыми случаями хищения, безделья, упадка производительности, порчи сырых материалов, порчи продуктов и т. п. Мы ответим этим господам: если бы буржуазная интеллигенция принесла свои знания на помощь трудящимся, а не русским и заграничным капиталистам ради восстановления их власти, то переворот шел бы быстрее и более мирно. Но это утопия, ибо вопрос решается борьбой классов, а большинство интеллигенции тянет к буржуазии. Не с помощью интеллигенции, а вопреки ее противодействию (по крайней мере, в большинстве случаев) пролетариат победит, устраняя неисправимо буржуазных интеллигентов, переделывая, перевоспитывая, подчиняя себе колеблющихся, постепенно завоевывая все большую часть их на свою сторону. Злорадство по поводу трудностей и неудач переворота, сеяние паники, пропаганда поворота вспять — все это орудия и приемы классовой борьбы буржуазной интеллигенции. Обмануть этим себя пролетариат не даст.

А если взять вопрос по существу, разве бывало в истории, чтобы новый способ производства привился сразу, без долгого ряда неудач, ошибок, рецидивов? Полвека после падения крепостного права, в русской деревне оставалось еще немало пережитков крепостничества. Полвека после отмены рабства негров в Америке, положение негров там сплошь да рядом оставалось еще полурабским. Буржуазная интеллигенция, в том числе меньшевики и эсеры, верны себе, служа капиталу и сохраняя насквозь лживую аргументацию: до революции пролетариата они упрекали нас в утопизме, а после нее они требуют от нас фантастически быстрого изживания следов прошлого!

Но мы не утописты и знаем истинную цену буржуазных «аргументов», знаем также, что следы старого в нравах известное время после переворота неизбежно будут преобладать над ростками нового. Когда новое только что родилось, старое всегда остается, в течение некоторого времени, сильнее его, это всегда бывает так и в природе и в общественной жизни. Издевательство над слабостью ростков нового, дешевенький интеллигентский скептицизм и тому подобное, все это, в сущности, приемы классовой борьбы буржуазии против пролетариата, защита капитализма против социализма. Мы должны тщательно изучать ростки нового, внимательнейшим образом относиться к ним, всячески помогать их росту и «ухаживать» за этими слабыми ростками. Неизбежно, что некоторые из них погибнут. Нельзя ручаться, что именно «коммунистические субботники» сыграют особо важную роль.

Не в этом дело. Дело в поддержке всех и всяческих ростков нового, из которых жизнь отберет самые жизнеспособные. Если японский ученый, чтобы помочь людям победить сифилис, имел терпение испробовать 605 препаратов, пока он не выработал 606-ой, удовлетворяющий известным требованиям, препарат, то у тех, кто хочет решить задачу более трудную, победить капитализм, должно хватить настойчивости испробовать сотни и тысячи новых приемов, способов, средств борьбы для выработки наиболее пригодных из них.

«Коммунистические субботники» потому так важны, что начали их рабочие вовсе не поставленные в исключительно хорошие условия, а рабочие разных специальностей, в том числе и рабочие без специальности, чернорабочие, поставленные в *обычные*, т. е. *самые тяжелые* условия. Мы все хорошо знаем основное условие падения производительности труда, которое наблюдается не в одной России, а во всем свете: разорение и обнищание, озлобление и усталость, вызванные империалистской войной, болезни и недоедание. Последнее по важности занимает первое место. Голод — вот причина. А чтобы устранить голод, нужно повышение производительности труда и в земледелии, и в транспорте, и в промышленности. Получается, следовательно, какой-то порочный круг: чтобы поднять производительность труда, надо спастись от голода, а чтобы спастись от голода, надо поднять производительность труда.

Известно, что подобные противоречия разрешаются на практике прорывом этого порочного круга, переломом настроения масс, геройской инициативой отдельных групп, которая на фоне такого перелома играет нередко решающую роль. Московские чернорабочие и московские железнодорожники (конечно, имея в виду большинство, а не горстки спекулянтов, управленцев и т. п. белогвардейщины), это — трудящиеся, которые живут в условиях, отчаянно трудных. Недоедание постоянное, а теперь, перед новым урожаем, при общем ухудшении продовольственного положения, прямо голод. И вот эти голодные рабочие, окруженные злостной контрреволюционной агитацией буржуазии, меньшевиков и эсеров, устраивают «коммунистические субботники», работают сверхурочно *без всякой платы* и достигают *громадного повышения производительности труда*, несмотря на то, что они устали, измучены, истощены недоеданием. Разве это не величайший героизм? Разве это не начало поворота, имеющего всемирно-историческое значение?

Производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда. Это — дело очень трудное и очень долгое, но *оно начато*, вот в чем самое

главное. Если в голодной Москве летом 1919 года голодные рабочие, пережившие тяжелых четыре года империалистской войны, затем полтора года еще более тяжелой гражданской войны, смогли начать это великое дело, то каково будет развитие дальше, когда мы победим в гражданской войне и завоюем мир?

Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих. Коммунистические субботники необыкновенно ценны, как *фактическое* начало *коммунизма*, а это громадная редкость, ибо мы находимся на такой ступени, когда «делаются лишь *первые шаги* к переходу от капитализма к коммунизму» (как сказано, совершенно справедливо, в нашей партийной программе).

Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота *рядовых рабочих* об увеличении производительности труда, об охране *каждого пуда хлеба, угля, железа* и других продуктов, достающихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т. е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, объединенных сначала в одно социалистическое государство, потом в Союз Советских республик.

Карл Маркс в «Капитале» издевается над пышностью и велеречивостью буржуазно-демократической великой хартии вольностей и прав человека, над всем этим фразерством о свободе, равенстве, братстве *вообще*, которое ослепляет мещан и филистеров всех стран вплоть до нынешних подлых героев подлого бернского Интернационала. Маркс противопоставляет этим пышным декларациям прав простую, скромную, деловую, будничную постановку вопроса пролетариатом: государственное сокращение рабочего дня, вот один из типичных образчиков такой постановки [15]. Вся меткость и вся глубина замечания Маркса обнаруживается перед нами тем яснее, тем очевиднее, чем больше развертывается содержание пролетарской революции. «Формулы» настоящего коммунизма отличаются от пышного, ухищренного, торжественного фразерства Каутских, меньшевиков и эсеров с их милыми «братцами» из Берна именно тем, что они сводят все к *условиям труда*. Поменьше болтовни о «трудовой демократии», о «свободе, равенстве, братстве», о «народовластии» и тому подобном: сознательный рабочий и крестьянин наших дней в этих надутых фразах так же легко отличает жульничество буржуазного интеллигента, как иной житейски опытный человек, глядя на безукоризненно «гладкую» физиономию и внешность «благородного человека», сразу и безошибочно определяет: «По всей вероятности, мошенник».

Поменьше пышных фраз, побольше простого, *будничного*, дела, заботы о пуде хлеба и пуде угля! Побольше заботы о том, чтобы эти необходимые голодному рабочему и оборванному, раздетому крестьянину пуд хлеба и пуд угля доставались *не торга-*

шескими сделками, не капиталистически, а сознательной, добровольной, беззаветно-героической работой простых тружеников, вот таких, как чернорабочие и железнодорожники Московско-Казанской железной дороги.

Мы должны все признать, что следы буржуазно-интеллигентского, фразистого подхода к вопросам революции обнаруживаются на каждом шагу повсюду, в том числе и в наших рядах. Наша печать, например, мало ведет войны с этими гнилыми остатками гнилого, буржуазно-демократического, прошлого, мало поддерживает простые, скромные, будничные, но живые ростки подлинного коммунизма...

28 июня 1919 г.

П. с. с., т. 39, с. 12—23.

Из статьи

«ОБ ЕДИНОМ ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПЛАНЕ»

...В том-то и болячка, что неверно ставят вопрос об отношении коммуниста к спецам, администратора к ученым или литераторам. В вопросе о едином хозяйственном плане, как и во всяком другом вопросе, есть такие стороны — и всегда могут возникнуть такие новые стороны,— которые требуют решения только коммунистами или требуют подхода только администраторского. Это бесспорно. Но это голая абстракция. А сейчас у нас к данному вопросу подходят ошибочно как раз коммунистические литераторы и коммунистические администраторы, не сумевшие понять, что здесь надо побольше поучиться у буржуазных спецов и ученых, поменьше играть в администрирование... Задача коммунистов внутри «Госплро» — поменьше командовать, вернее вовсе не командовать, а подходить к специалистам науки и техники («они в большинстве случаев неизбежно пропитаны буржуазными миросозерцанием и навыками», как говорит программа РКП) чрезвычайно осторожно и умело, учась у них и помогая им расширять свой кругозор, исходя из завоеваний и данных соответственной науки, памятуя, что инженер придет к признанию коммунизма *не так*, как пришел подпольщик-пропагандист, литератор, *а через данные своей науки*, что *по-своему* придет к признанию коммунизма агроном, по-своему лесовод и т. д. Коммунист, не доказавший своего умения объединять и скромно направлять работу специалистов, входя в суть дела, изучая его детально, такой коммунист часто вреден. Таких коммунистов у нас много, и я бы их отдал дюжинами за одного добросовестно изучающего свое дело и знающего буржуазного спеца...

21 февраля 1921 г.

П. с. с., т. 42, с. 345, 346.

Из статьи

«О ЗНАЧЕНИИ ВОИНСТВУЮЩЕГО МАТЕРИАЛИЗМА»

...Одной из самых больших и опасных ошибок коммунистов (как и вообще революционеров, успешно проделавших начало великой революции) является представление, будто бы революцию можно совершить руками одних революционеров. Напротив, для успеха всякой серьезной революционной работы необходимо понять и суметь претворить в жизнь, что революционеры способны сыграть роль лишь как авангард действительно жизнеспособного и передового класса. Авангард лишь тогда выполняет задачи авангарда, когда он умеет не отрываться от руководимой им массы, а действительно вести вперед всю массу. Без союза с некоммунистами в самых различных областях деятельности ни о каком успешном коммунистическом строительстве не может быть и речи.

Это относится и к той работе защиты материализма и марксизма, за которую взялся журнал «Под Знаменем Марксизма» [16]. У главных направлений передовой общественной мысли России имеется, к счастью, солидная материалистическая традиция. Не говоря уже о Г. В. Плеханове, достаточно назвать Чернышевского, от которого современные народники (народные социалисты, эсеры и т. п.) отступали назад нередко в погоне за модными реакционными философскими учениями, поддаваясь мишуре якобы «последнего слова» европейской науки и не умея разобрать под этой мишурой той или иной разновидности прислужничества буржуазии, ее предрассудкам и буржуазной реакционности.

Во всяком случае, у нас в России есть еще — и довольно долго, несомненно, будут — материалисты из лагеря некоммунистов, и наш безусловный долг привлекать к совместной работе всех сторонников последовательного и воинствующего материализма в борьбе с философской реакцией и с философскими предрассудками так называемого «образованного общества». Дицген-отец, которого не надо смешивать с его столь же претенциозным, сколь неудачным литератором-сынком, выразил правильно, метко и ясно основную точку зрения марксизма на господствующие в буржуазных странах и пользующиеся среди их ученых и публицистов вниманием философские направления, сказавши, что профессора философии в современном обществе представляют из себя в большинстве случаев на деле не что иное, как «дипломированных лакеев поповщины» [17].

Наши российские интеллигенты, любящие считать себя передовыми, как, впрочем, и их собратья во всех остальных странах, очень не любят перенесения вопроса в плоскость той оценки, которая дана словами Дицгена. Но не любят они этого потому, что правда колет им глаза. Достаточно сколько-нибудь вдуматься в государственную, затем общеэкономическую, затем бытовую и всяческую иную зависимость современных образованных людей от господствующей буржуазии, чтобы понять абсолютную правиль-

ность резкой характеристики Дицгена. Достаточно вспомнить громадное большинство модных философских направлений, которые так часто возникают в европейских странах, начиная хотя бы с тех, которые были связаны с открытием радия, и кончая теми, которые теперь стремятся уцепиться за Эйнштейна,— чтобы представить себе связь между классовыми интересами и классовой позицией буржуазии, поддержкой ею всяческих форм религий и идейным содержанием модных философских направлений.

Из указанного видно, что журнал, который хочет быть органом воинствующего материализма, должен быть боевым органом, во-первых, в смысле неуклонного разоблачения и преследования всех современных «дипломированных лакеев поповщины», все равно, выступают ли они в качестве представителей официальной науки или в качестве вольных стрелков, называющих себя «демократическими левыми или идейно-социалистическими» публицистами.

Такой журнал должен быть, во-вторых, органом воинствующего атеизма...

...Энгельс давно советовал руководителям современного пролетариата переводить для массового распространения в народе боевую атеистическую литературу конца XVIII века [18]. К стыду нашему, мы до сих пор этого не сделали (одно из многочисленных доказательств того, что завоевать власть в революционную эпоху гораздо легче, чем суметь правильно этою властью пользоваться). Иногда оправдывают эту нашу вялость, бездеятельность и неумелость всяческими «выспренними» соображениями: например, дескать, старая атеистическая литература XVIII века устарела, ненаучна, наивна и т. п. Нет ничего хуже подобных, якобы ученых, софизмов, прикрывающих либо педантство, либо полное непонимание марксизма. Конечно, и ненаучного, и наивного найдется не мало в атеистических произведениях революционеров XVIII века. Но никто не мешает издателям этих сочинений сократить их и снабдить короткими послесловиями с указанием на прогресс научной критики религий, проделанный человечеством с конца XVIII века, с указанием на соответствующие новейшие сочинения и т. д. Было бы величайшей ошибкой и худшей ошибкой, которую может сделать марксист, думать, что многомиллионные народные (особенно крестьянские и ремесленные) массы, осужденные всем современным обществом на темноту, невежество и предрассудки, могут выбраться из этой темноты только по прямой линии чисто марксистского просвещения. Этим массам необходимо дать самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить их с фактами из самых различных областей жизни, подойти к ним и так и эдак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами и т. п.

Бойкая, живая, талантливая, остроумно и открыто нападающая на господствующую поповщину публицистика старых

атеистов XVIII века сплошь и рядом окажется в тысячу раз более подходящей для того, чтобы пробудить людей от религиозного сна, чем скучные, сухие, не иллюстрированные почти никакими умело подобранными фактами пересказы марксизма, которые преобладают в нашей литературе и которые (нечего греха таить) часто марксизм искажают. Все сколько-нибудь крупные произведения Маркса и Энгельса у нас переведены. Опасаться, что старый атеизм и старый материализм останутся у нас недополненными теми исправлениями, которые внесли Маркс и Энгельс, нет решительно никаких оснований. Самое важное — чаще всего именно это забывают наши якобы марксистские, а на самом деле уродующие марксизм коммунисты — это суметь заинтересовать совсем еще неразвитые массы сознательным отношением к религиозным вопросам и сознательной критикой религий.

С другой стороны, взгляните на представителей современной научной критики религий. Почти всегда эти представители образованной буржуазии «дополняют» свое же собственное опровержение религиозных предрассудков такими рассуждениями, которые сразу разоблачают их как идейных рабов буржуазии, как «дипломированных лакеев поповщины».

Два примера. Проф. Р. Ю. Виппер издал в 1918 году книжечку «Возникновение христианства» (изд. «Фарос». Москва). Пересказывая главные результаты современной науки, автор не только не воюет с предрассудками и с обманом, которые составляют оружие церкви как политической организации, не только обходит эти вопросы, но заявляет прямо смешную и реакционнейшую претензию подняться выше обеих «крайностей»: и идеалистической и материалистической. Это — прислужничество господствующей буржуазии, которая во всем мире сотни миллионов рублей из выжимаемой ею с трудящихся прибыли употребляет на поддержку религии.

Известный немецкий ученый, Артур Древс, опровергая в своей книге «Миф о Христе» религиозные предрассудки и сказки, доказывая, что никакого Христа не было, в конце книги высказывается за религию, только подновленную, подчищенную, ухищренную, способную противостоять «ежедневно все более и более усиливающемуся натуралистическому потоку» (стр. 238 4-го немецкого издания, 1910 года). Это — реакционер прямой, сознательный, открыто помогающий эксплуататорам заменять старые и прогнившие религиозные предрассудки новенькими, еще более гаденькими и подлыми предрассудками.

Это не значит, чтобы не надо было переводить Древса. Это значит, что коммунисты и все последовательные материалисты должны, осуществляя в известной мере свой союз с прогрессивной частью буржуазии, неуклонно разоблачать ее, когда она впадает в реакционность. Это значит, что чураться союза с представителями буржуазии XVIII века, т. е. той эпохи, когда она была революционной, значило бы изменять марксизму и материализму, ибо

«союз» с Древсами в той или иной форме, в той или иной степени для нас обязателен в борьбе с господствующими религиозными мракобесами.

Журнал «Под Знаменем Марксизма», который хочет быть органом воинствующего материализма, должен уделять много места атеистической пропаганде, обзору соответствующей литературы и исправлению громадных недочетов нашей государственной работы в этой области. Особенно важно использование тех книг и брошюр, которые содержат много конкретных фактов и сопоставлений, показывающих связь классовых интересов и классовых организаций современной буржуазии с организациями религиозных учреждений и религиозной пропаганды [19]...

Кроме союза с последовательными материалистами, которые не принадлежат к партии коммунистов, не менее, если не более важен для той работы, которую воинствующий материализм должен проделать, союз с представителями современного естествознания, которые склоняются к материализму и не боятся отстаивать и проповедовать его против господствующих в так называемом «образованном обществе» модных философских шатаний в сторону идеализма и скептицизма.

Помещенная в 1—2 номере журнала «Под Знаменем Марксизма» статья А. Тимирязева о теории относительности Эйнштейна позволяет надеяться, что журналу удастся осуществить и этот второй союз. Надо обратить на него побольше внимания. Надо помнить, что именно из крутой ломки, которую переживает современное естествознание, родятся сплошь да рядом реакционные философские школы и школки, направления и направленьица. Поэтому следить за вопросами, которые выдвигает новейшая революция в области естествознания, и привлекать к этой работе в философском журнале естествоиспытателей — это задача, без решения которой воинствующий материализм не может быть ни в коем случае ни воинствующим, ни материализмом. Если Тимирязев в первом номере журнала должен был оговорить, что за теорию Эйнштейна, который сам, по словам Тимирязева, никакого активного похода против основ материализма не ведет, ухватилась уже громадная масса представителей буржуазной интеллигенции всех стран, то это относится не к одному Эйнштейну, а к целому ряду, если не к большинству великих преобразователей естествознания, начиная с конца XIX века.

И для того чтобы не относиться к подобному явлению бессознательно, мы должны понять, что без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естественник должен быть современным материалистом, сознательным сторон-

ником того материализма, который представлен Марксом, то есть должен быть диалектическим материалистом. Чтобы достигнуть этой цели, сотрудники журнала «Под Знаменем Марксизма» должны организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения, т. е. той диалектики, которую Маркс практически применял и в своем «Капитале» и в своих исторических и политических работах и применял с таким успехом, что теперь каждый день пробуждения новых классов к жизни и к борьбе на Востоке (Япония, Индия, Китай),— т. е. тех сотен миллионов человечества, которые составляют бо́льшую часть населения земли и которые своей исторической бездеятельностью и своим историческим сном обусловливали до сих пор застой и гниение во многих передовых государствах Европы,— каждый день пробуждения к жизни новых народов и новых классов все больше и больше подтверждает марксизм.

Конечно, работа такого изучения, такого истолкования и такой пропаганды гегелевской диалектики чрезвычайно трудна, и, несомненно, первые опыты в этом отношении будут связаны с ошибками. Но не ошибается только тот, кто ничего не делает. Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон, печатать в журнале отрывки из главных сочинений Гегеля, истолковывать их материалистически, комментируя образцами применения диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция дают необыкновенно много. Группа редакторов и сотрудников журнала «Под Знаменем Марксизма» должна быть, на мой взгляд, своего рода «обществом материалистических друзей гегелевской диалектики». Современные естествоиспытатели найдут (если сумеют искать и если мы научимся помогать им) в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды.

Без того, чтобы такую задачу себе поставить и систематически ее выполнять, материализм не может быть воинствующим материализмом. Он останется, употребляя щедринское выражение, не столько сражающимся, сколько сражаемым. Без этого крупные естествоиспытатели так же часто, как до сих пор, будут беспомощны в своих философских выводах и обобщениях. Ибо естествознание прогрессирует так быстро, переживает период такой глубокой революционной ломки во всех областях, что без философских выводов естествознанию не обойтись ни в коем случае...

12.III.1922. *П. с. с., т. 45, с. 23—31.*

Из статьи

«О КООПЕРАЦИИ»

II

...В чем состоит фантастичность планов старых кооператоров, начиная с Роберта Оуэна? В том, что они мечтали о мирном преобразовании социализмом современного общества без учета такого основного вопроса, как вопрос о классовой борьбе, о завоевании политической власти рабочим классом, о свержении господства класса эксплуататоров. И поэтому мы правы, находя в этом «кооперативном» социализме сплошь фантастику, нечто романтическое, даже пошлое в мечтаниях о том, как простым кооперированием населения можно превратить классовых врагов в классовых сотрудников и классовую войну в классовый мир (так называемый гражданский мир).

Несомненно, что с точки зрения основной задачи современности мы были правы, ибо без классовой борьбы за политическую власть в государстве социализм не может быть осуществлен.

Но посмотрите, как изменилось дело теперь, раз государственная власть уже в руках рабочего класса, раз политическая власть эксплуататоров свергнута и раз все средства производства (кроме тех, которые рабочее государство добровольно отдает на время и условно эксплуататорам в концессию) находятся в руках рабочего класса.

Теперь мы вправе сказать, что простой рост кооперации для нас тожественен (с указанным выше «небольшим» исключением) с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную «культурную» работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству.

Перед нами являются две главные задачи, составляющие эпоху. Это — задача переделки нашего аппарата, который ровно никуда не годится и который перенят нами целиком от прежней эпохи; переделать тут серьезно мы ничего за пять лет борьбы не успели и не могли успеть. Вторая наша задача состоит в культурной работе для крестьянства. А эта культурная работа в крестьянстве, как экономическая цель, преследует именно кооперирование. При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими

Библиотечная книга

ногами на социалистической почве. Но это условие полного кооперирования включает в себя такую культурность крестьянства (именно крестьянства, как громадной массы), что это полное кооперирование невозможно без целой культурной революции.

Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим.

Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база).

6 января 1923 года.

П. с. с., т. 45, с. 375—377.

О НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

(ПО ПОВОДУ ЗАПИСОК Н. СУХАНОВА) [20]

I

Перелистывал эти дни записки Суханова о революции. Бросается особенно в глаза педантство всех наших мелкобуржуазных демократов, как и всех героев II Интернационала. Уже не говоря о том, что они необыкновенно трусливы, что даже лучшие из них кормят себя оговорочками, когда речь идет о мельчайшем отступлении от немецкого образца, уже не говоря об этом свойстве всех мелкобуржуазных демократов, достаточно проявленном ими во всю революцию, бросается в глаза их рабская подражательность прошлому.

Они все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики. Даже прямые указания Маркса на то, что в моменты революции требуется максимальная гибкость [21], ими абсолютно не поняты, и даже не замечены, например, указания Маркса в его переписке, относящейся, помнится, к 1856 году, когда он высказывал надежду на соединение крестьянской войны в Германии, могущей создать революционную обстановку, с рабочим движением [22],— даже это

прямое указание они обходят и ходят кругом и около него, как кот около горячей каши.

Во всем своем поведении они обнаруживают себя, как трусливые реформисты, боящиеся отступить от буржуазии, а тем более порвать с ней, и в то же время прикрывают свою трусливость самым бесшабашным фразерством и хвастовством. Но даже и чисто теоретически у всех них бросается в глаза полная неспособность понять следующие соображения марксизма: они видели до сих пор определенный путь развития капитализма и буржуазной демократии в Западной Европе. И вот, они не могут себе представить, что этот путь может быть считаем образцом mutatis mutandis*, не иначе, как с некоторыми поправками (совершенно незначительными с точки зрения общего хода всемирной истории).

Первое — революция, связанная с первой всемирной империалистической войной. В такой революции должны были сказаться новые черты, или видоизмененные в зависимости именно от войны, потому что никогда в мире такой войны, в такой обстановке, еще не бывало. До сих пор мы видим, что буржуазия богатейших стран не может наладить «нормальных» буржуазных отношений после этой войны, а наши реформисты, мелкие буржуа, корчащие из себя революционеров, считали и считают пределом (его же не прейдеши) нормальные буржуазные отношения, причем понимают эту «норму» до крайности шаблонно и узко.

Второе — им совершенно чужда всякая мысль о том, что при общей закономерности развития во всей всемирной истории нисколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития. Им не приходит даже, например, и в голову, что Россия, стоящая на границе стран цивилизованных и стран, впервые этой войной окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока, стран внеевропейских, что Россия поэтому могла и должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западноевропейских стран и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным.

Например, до бесконечия шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западноевропейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «ученые» господа из них, объективных экономических предпосылок для социализма. И никому не приходит в голову спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистскую войну, не мог ли он, под влиянием безвыходности своего положения, броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на

---

* — с соответствующими изменениями.— *Ред.*

завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации?

«Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм». С этим положением все герои II Интернационала, и в том числе, конечно, Суханов, носятся, поистине, как с писаной торбой. Это бесспорное положение они пережевывают на тысячу ладов, и им кажется, что оно является решающим для оценки нашей революции.

Ну, а что̀ если своеобразие обстановки поставило Россию, во-первых, в мировую империалистическую войну, в которой замешаны все сколько-нибудь влиятельные западноевропейские страны, поставило ее развитие на грани начинающихся и частично уже начавшихся революций Востока в такие условия, когда мы могли осуществить именно тот союз «крестьянской войны» с рабочим движением, о котором, как об одной из возможных перспектив, писал такой «марксист», как Маркс, в 1856 году по отношению к Пруссии?

Что̀ если полная безвыходность положения, удесятеряя тем силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских государствах? Изменилась ли от этого общая линия развития мировой истории? Изменились ли от этого основные соотношения основных классов в каждом государстве, которое втягивается и втянуто в общий ход мировой истории?

Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы.

16 января 1923 г.

II

Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?

Помнится, Наполеон писал: «On s'engage et puis... on voit». В вольном русском переводе это значит: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет». Вот и мы ввязались сна-

чала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидали такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или нэп и т. п. И в настоящее время уже нет сомнений, что в основном мы одержали победу.

Нашим Сухановым, не говоря уже о правее их стоящих социал-демократах, и не снится, что иначе вообще не могут делаться революции. Нашим европейским мещанам и не снится, что дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им, несомненно, больше своеобразия, чем русская революция.

Слов нет, учебник, написанный по Каутскому, был вещью для своего времени очень полезной. Но пора уже все-таки отказаться от мысли, будто этот учебник предусмотрел все формы развития дальнейшей мировой истории. Тех, кто думает так, своевременно было бы объявить просто дураками.

17 января 1923 г.

П. с. с., т. 45, с. 378—382.

Из статьи

«ЛУЧШЕ МЕНЬШЕ, ДА ЛУЧШЕ»

В вопросе об улучшении нашего госаппарата Рабкрину следует, по моему мнению, не гнаться за количеством и не торопиться. Мы так мало успели до сих пор подумать и позаботиться о качестве нашего госаппарата, что будет законной забота об особенно серьезной подготовке его, о сосредоточении в Рабкрине человеческого материала действительно современного качества, т. е. не отстающего от лучших западноевропейских образцов. Конечно, для социалистической республики это условие слишком скромно. Но нам первое пятилетие порядочно-таки набило голову недоверием и скептицизмом. Мы невольно склонны проникаться этим качеством по отношению к тем, кто слишком много и слишком легко разглагольствует, например, о «пролетарской» культуре: нам бы для начала достаточно настоящей буржуазной культуры, нам бы для начала обойтись без особенно махровых типов культур добуржуазного порядка, т. е. культур чиновничьей, или крепостнической и т. п. В вопросах культуры торопливость и размашистость вреднее всего. Это многим из наших юных литераторов и коммунистов следовало бы намотать себе хорошенечко на ус.

И вот, в вопросе о госаппарате мы теперь из предыдущего опыта должны сделать тот вывод, что лучше бы помедленнее.

Дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны, что мы должны сначала подумать вплотную, каким образом бороться с недостатками его, памятуя,

что эти недостатки коренятся в прошлом, которое хотя перевернуто, но не изжито, не отошло в стадию ушедшей уже в далекое прошлое культуры. Именно о культуре ставлю я здесь вопрос, потому что в этих делах достигнутым надо считать только то, что вошло в культуру, в быт, в привычки. А у нас, можно сказать, хорошее в социальном устройстве до последней степени не продумано, не понято, не прочувствовано, схвачено наспех, не проверено, не испытано, не подтверждено опытом, не закреплено и т. д. Иначе и не могло быть, конечно, в революционную эпоху и при такой головокружительной быстроте развития, которая привела нас в пять лет от царизма к советскому строю.

Надо вовремя взяться за ум. Надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперед, ко всякому хвастовству и т. д. Надо задуматься над проверкой тех шагов вперед, которые мы ежечасно провозглашаем, ежеминутно делаем и потом ежесекундно доказываем их непрочность, несолидность и непонятость. Вреднее всего здесь было бы спешить. Вреднее всего было бы полагаться на то, что мы хоть что-нибудь знаем, или на то, что у нас есть сколько-нибудь значительное количество элементов для построения действительно нового аппарата, действительно заслуживающего названия социалистического, советского и т. п.

Нет, такого аппарата и даже элементов его у нас до смешного мало, и мы должны помнить, что для создания его не надо жалеть времени и надо затратить много, много, много лет.

Какие элементы имеются у нас для создания этого аппарата? Только два. Во-первых, рабочие, увлеченные борьбой за социализм. Эти элементы недостаточно просвещены. Они хотели бы дать нам лучший аппарат. Но они не знают, как это сделать. Они не могут этого сделать. Они не выработали в себе до сих пор такого развития, той культуры, которая необходима для этого. А для этого необходима именно культура. Тут ничего нельзя поделать нахрапом или натиском, бойкостью или энергией, или каким бы то ни было лучшим человеческим качеством вообще. Во-вторых, элементы знания, просвещения, обучения, которых у нас до смешного мало по сравнению со всеми другими государствами.

И тут нельзя забывать, что эти знания мы слишком еще склонны возмещать (или мнить, что их можно возместить) усердием, скоропалительностью и т. д.

Нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачей для обновления нашего госаппарата: во-первых — учиться, во-вторых — учиться и в-третьих — учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом. Одним словом, нам надо предъявлять не те требования, что предъявляет буржуазная Западная Европа, а те, которые достойно и прилично предъяв-

лять стране, ставящей своей задачей развиться в социалистическую страну.

Выводы из сказанного: мы должны сделать Рабкрин, как орудие улучшения нашего аппарата, действительно образцовым учреждением.

Для того, чтобы он мог достигнуть необходимой высоты, нужно держаться правила: семь раз примерь, один раз отрежь.

Для этого нужно, чтобы действительно лучшее, что есть в нашем социальном строе, с наибольшей осторожностью, обдуманностью, осведомленностью было прилагаемо к созданию нового наркомата.

Для этого нужно, чтобы лучшие элементы, которые есть в нашем социальном строе, а именно: передовые рабочие, во-первых, и, во-вторых, элементы действительно просвещенные, за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести, — не побоялись признаться ни в какой трудности и не побоялись никакой борьбы для достижения серьезно поставленной себе цели...

2 марта 1923 года.

П. с. с., т. 45, с. 389—392

О ПРОЛЕТАРСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ПРОЛЕТКУЛЬТЕ

ПИСЬМО ПРЕЗИДИУМУ КОНФЕРЕНЦИИ ПРОЛЕТАРСКИХ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ [23]

17.IX.1918 г.

Дорогие товарищи! От души благодарю вас за добрые пожелания и в свою очередь желаю вам наилучших успехов в ваших работах.

Одно из главных условий победы социалистической революции есть усвоение рабочим классом и проведение в жизнь *господства* этого класса на время перехода от капитализма к социализму. *Господство* авангарда всех трудящихся и эксплуатируемых, т. е. пролетариата, необходимо на это переходное время для полного уничтожения классов, для подавления сопротивления эксплуататоров, для *объединения* всей массы трудящихся и эксплуатируемых, забитой, задавленной, распыленной капитализмом, вокруг городских рабочих, в теснейшем союзе с ними.

Все наши успехи вызваны тем, что рабочие поняли это и взялись *за управление* государством, через свои Советы.

Но рабочие *недостаточно* еще поняли это и часто бывают чрезмерно *робки* в деле выдвигания *рабочих для управления* государством.

Боритесь за это, товарищи! Пусть пролетарские культурно-просветительные организации помогут этому. В этом — залог дальнейших успехов и окончательной победы социалистической революции.

С приветом

В. Ульянов (Ленин)

П. с. с., т. 37, с. 87.

РЕЧЬ НА ВЕЧЕРЕ МОСКОВСКОГО ПРОЛЕТКУЛЬТА

6 НОЯБРЯ 1918 г.
В ПОМЕЩЕНИИ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО КРУЖКА[24]

1

Среди концерта было объявлено о присутствии в зале председателя С. Н. К. тов. Ленина. Известие вызвало овации и крики «ура» по адресу вождя пролетариата. Ленин прошел на эстраду и в краткой речи характеризовал задачи строительства новой культуры, когда пролетариат сам выковывает себе жизнь,— в отличие от прежней культуры, в которой он оставался в стороне, был во всем придатком, эксплуатировавшимся капиталом.

«Воля труда», № 46, 9 ноября 1918 г.

2

Отвечая на приветствия публики, тов. Ленин под бурные аплодисменты взошел на сцену и обратился с краткой, но яркой речью.

Тов. Ленин приветствовал работу Пролеткульта, указав, что могучее организующее орудие — искусство, монополизированное раньше буржуазией,— теперь в руках пролетариата. Лишь теперь пролетариат может творить свободно и радостно.

— Раньше,— продолжал тов. Ленин, — он не имел возможности следить за развитием пролетарской культуры, и лишь теперь ему удалось осуществить свое желание и посетить один из рассадников пролетарской культуры.

Слова тов. Ленина были покрыты долго не смолкающими аплодисментами.

«Известия ВЦИК», № 244, 9 ноября 1918 г.

ПРИВЕТСТВЕННАЯ РЕЧЬ НА I ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ ПО ВНЕШКОЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

6 МАЯ 1919 г.[25]

Товарищи, я очень рад приветствовать съезд по внешкольному образованию. Конечно, вы не ждете от меня речи, которая бы могла входить в существо дела, как это делал осведомленный и специально занимающийся вопросом предыдущий оратор, тов. Луначарский. Мне позвольте ограничиться только несколькими словами приветствия и небольшими наблюдениями и размышлениями, которые мне приходилось делать, когда в Совете Народных Комиссаров доводилось соприкасаться сколько-нибудь близко с непосредственной вашей работой. Я уверен, что едва ли найдется такая область советской деятельности, как внешкольное образо-

вание и просвещение, где бы за полтора года были достигнуты столь громадные успехи. Несомненно, что в этой области работать нам и вам было легче, чем в других областях. Здесь нам приходилось отбросить старые рогатки и старые препятствия. Здесь было легче пойти навстречу той громадной потребности в знании, в свободном образовании, в свободном развитии, которая больше всего сказалась среди рабочих и крестьянских масс, ибо если нам легко было, благодаря могучему напору масс, скинуть те внешние препятствия, которые стояли на их пути, сломить исторические буржуазные учреждения, которые привязывали нас к империалистической войне и осуждали Россию на самые большие тягости, следующие из этой войны, если нам легко было сломить внешние препятствия, то зато нам пришлось с тем большей остротой чувствовать всю тяжесть работы в деле перевоспитания масс, в деле организации и обучения, в деле распространения знаний, в деле борьбы с тем наследием темноты и некультурности, дикости и одичалости, которое нам досталось. Здесь борьбу приходилось вести совсем иными методами. Здесь приходилось рассчитывать только на длительный успех и упорное систематическое воздействие передовых слоев населения, на воздействие, которое встречает со стороны масс самый радушный прием, и мы часто оказываемся виноватыми в том, что даем меньше, чем могли бы дать. Мне сдается, что в этих первых шагах, в деле распространения внешкольного образования, свободного, не связанного старыми рамками и условностями, образования, которому идет навстречу взрослое население, что в этой области первое время больше всего бороться нам приходилось с двоякого рода препятствиями. Оба препятствия мы унаследовали от старого, капиталистического общества, которое до сих пор держит нас, тянет нас книзу тысячами и миллионами нитей, канатов и цепей.

Первый недостаток — это обилие выходцев из буржуазной интеллигенции, которая сплошь и рядом образовательные учреждения крестьян и рабочих, создаваемые по-новому, рассматривала как самое удобное поприще для своих личных выдумок в области философии или в области культуры, когда сплошь и рядом самое нелепейшее кривлянье выдавалось за нечто новое, и под видом чисто пролетарского искусства и пролетарской культуры преподносилось нечто сверхъестественное и несуразное [26]. (А п л о д и с м е н т ы.) Но в первое время это было естественно и может быть простительно и не может быть поставлено в вину широкому движению, и я надеюсь, что мы все-таки, в конце концов, из этого вылезаем и вылезем.

Второй недостаток — это тоже наследие капитализма. Широкие массы мелкобуржуазных трудящихся, стремясь к знанию, ломая старое, ничего организующего, ничего организованного внести не могли. Мне приходилось наблюдать, когда в Совете Народных Комиссаров ставился вопрос о мобилизации грамотных и об отделе библиотечном, и из этих небольших наблюдений я де-

лал свои выводы относительно того, как плохо обстоит дело по этой части. Конечно, в приветственных речах не очень принято говорить о том, что бывает плохого. Я надеюсь, что вы от этих условностей будете свободны и не посетуете на меня, если я своими несколько печальными наблюдениями поделюсь с вами. Когда мы ставили вопрос о мобилизации грамотных, то больше всего бросалось в глаза то, что у нас революция одержала блестящий успех, не выходя сразу из рамок буржуазной революции. Она давала свободу развития наличным силам, и эти наличные силы — мелкобуржуазные, с тем же лозунгом — «каждый за себя, а бог за всех», с тем же самым капиталистическим проклятым лозунгом, который никогда ни к чему другому, кроме как к Колчаку и к старой буржуазной реставрации, не ведет. Когда посмотришь, что делается у нас в области обучения неграмотных, то в этом отношении я думаю, что сделано очень мало, и наша общая задача здесь — понять, что необходима организованность пролетарских элементов. Дело не в смешных фразах, которые остаются на бумаге, а в тех насущных мерах, которые необходимо народу сейчас дать, которые всякого грамотного человека заставили бы смотреть, как на свою обязанность, на необходимость обучения нескольких неграмотных. Это у нас в декрете провозглашено [27]. В этой области, однако, почти ничего не сделано.

Когда я соприкасался в Совете Народных Комиссаров с другим вопросом, с вопросом библиотечным, я говорил: те жалобы, которые постоянно слышались — виновата наша производственная отсталость, у нас мало книг, и мы не можем произвести их в достаточном количестве, — я говорю себе — это правда. Конечно, у нас топлива нет, фабрики стоят, бумаги мало, и книг мы получить не можем. Это все правильно, но кроме того правильно и то, что мы не можем взять книжки, которая у нас есть. Мы продолжаем страдать в этом отношении от мужицкой наивности и мужицкой беспомощности, когда мужик, ограбивший барскую библиотеку, бежал к себе и боялся, как бы кто-нибудь у него ее не отнял, ибо мысль о том, что может быть правильное распределение, что казна не есть нечто ненавистное, что казна — это есть общее достояние рабочих и трудящихся, этого сознания у него быть еще не могло. Неразвитая крестьянская масса в этом не виновата, и с точки зрения развития революции это совершенно законно,— это неизбежная стадия, и, когда крестьянин брал к себе библиотеку и держал у себя тайно от других, он не мог поступать иначе, ибо он не понимал, что можно соединить библиотеки России воедино, что книг будет достаточно, чтобы грамотного напоить и безграмотного научить. Сейчас необходимо бороться с остатками дезорганизации, с хаосом, со смешными ведомственными спорами. Это должно составить нашу главную задачу. Мы должны взяться за простое, насущное дело мобилизации грамотных и борьбы с неграмотностью. Мы должны использовать те книги, которые у нас есть, и приняться за создание организованной сети библиотек, которые по-

могли бы народу использовать каждую имеющуюся у нас книжку, не создавать параллельных организаций, а создать единую планомерную организацию. В этом малом деле отражается основная задача нашей революции. Если она этой задачи не решит, если она не выйдет на дорогу создания действительно планомерной единой организации вместо российского бестолкового хаоса и нелепости,— тогда эта революция останется революцией буржуазной, ибо основная особенность пролетарской революции, идущей к коммунизму, в этом и состоит, а буржуазии было достаточно сломать старое и предоставить свободу крестьянскому хозяйству, которое возрождало тот же капитализм, как и во всех революциях прежнего времени.

Если мы называемся партией коммунистов, мы должны понять, что только теперь, когда мы покончили с внешними препятствиями, сломали старые учреждения, пред нами впервые настоящим образом и во весь рост встала первая задача настоящей пролетарской революции — организация десятков и сотен миллионов людей. После полуторагодичного опыта в этой области, который мы все проделали, мы должны, наконец, встать на правильный путь, который бы победил ту некультурность и ту темноту и дикость, от которых нам приходилось все время страдать. (Бурные аплодисменты.)

П. с. с., т. 38, с. 329—332.

Из речи

«ОБ ОБМАНЕ НАРОДА ЛОЗУНГАМИ СВОБОДЫ И РАВЕНСТВА» НА I ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ ПО ВНЕШКОЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

19 МАЯ 1919 г.

...Я доказывал вам, что диктатура пролетариата неизбежна, необходима и безусловно обязательна для выхода из капитализма. Диктатура означает не только насилие, хотя она невозможна без насилия, она означает также организацию труда более высокую, чем предыдущая организация. Вот почему в моем кратком приветствии в начале съезда я подчеркнул эту основную, элементарную, простейшую задачу *организации* и вот почему я с такой беспощадной враждебностью отношусь ко всяким интеллигентским выдумкам, ко всяким «пролетарским культурам». Этим выдумкам я противопоставляю азбуку организации. Распределите хлеб и уголь так, чтобы было заботливое отношение к каждому пуду угля, к каждому пуду хлеба,— вот задача пролетарской дисциплины. Не такая дисциплина, которая держалась бы на палке, как держалась на палке дисциплина у крепостников, или на голоде, как у капиталистов, а товарищеская дисциплина, дисциплина рабочих союзов. Эту элементарную, простейшую задачу организации решите, и мы победим. Ибо тогда пойдет вполне с нами крестьянин,

который колеблется между рабочим и капиталистом, который не знает, идти ли ему к людям, которым он еще не верит, но не может отказать им в том, что они осуществляют порядок труда более справедливый, при котором эксплуатации не будет, при котором «свободная» торговля хлебом будет государственным преступлением, идти ли за ними, или за теми, которые по старинке обещают свободную торговлю хлебом, которая будто бы обозначает свободу труда. Если крестьянин увидит, что пролетариат строит свою государственную власть так, что умеет устроить порядок,— а крестьянин его требует, его хочет и в этом он прав, хотя много смутного, много реакционного и много предрассудков связано с этим крестьянским стремлением к порядку,— то крестьянин в конце концов, после ряда колебаний, пойдет за рабочим. Крестьянин не может просто, легко, сразу выйти из старого общества к новому. Он знает, что старое общество давало ему «порядок» ценой разорения трудящихся, ценою превращения их в рабство. Он не знает, может ли пролетариат дать ему порядок. С него, забитого, темного, распыленного, и спрашивать нельзя большего. Он не поверит никаким словам, никаким программам. И хорошо сделает, что не поверит словам, потому что иначе не было бы выхода из обманов. Он поверит только делу, практическому опыту. Докажите ему, что вы, объединенный пролетариат, пролетарская государственная власть, пролетарская диктатура, умеете распределить хлеб и уголь так, чтобы спасти каждый пуд хлеба и каждый пуд угля, умеете добиться того, чтобы излишек каждого пуда хлеба и каждого пуда угля не шел бы в спекулятивную продажу, не служил бы героям Сухаревки, а служил бы для справедливого распределения, для снабжения голодных рабочих, для поддержки их даже в такие моменты, как во время безработицы, когда встают заводы, фабрики. Докажите это. Вот основная задача пролетарской культуры, пролетарской организации. Насилие можно применить, не имея экономических корней, но тогда оно историей обречено на гибель. Но можно применить насилие, опираясь на передовой класс, на более высокие принципы социалистического строя, порядка и организации. *И тогда оно может временно потерпеть неудачу, но оно непобедимо.*

Если пролетарская организация покажет крестьянину, что порядок правилен, распределение труда и хлеба правильно, забота о каждом пуде хлеба и угля осуществлена, что мы, как рабочие, своей товарищеской, союзной дисциплиной можем это осуществить, что насилием мы боремся только отстаивая интересы труда, беря хлеб у спекулянта, а не у труженика, и что мы идем на соглашение с середняком-крестьянином, крестьянином-тружеником, что мы готовы ему дать все, что мы можем дать сейчас, — если крестьянин увидит это, то его союз с рабочим классом, его союз с пролетариатом будет ненарушим,— к этому мы и идем...

П. с. с., т. 38, с. 368—370.

ИЗ РЕЧИ НА III ВСЕРОССИЙСКОМ СОВЕЩАНИИ ЗАВЕДУЮЩИХ ВНЕШКОЛЬНЫМИ ПОДОТДЕЛАМИ ГУБЕРНСКИХ ОТДЕЛОВ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

25 ФЕВРАЛЯ 1920 г.

...Наше международное положение представляет действительно огромный прогресс и улучшение: на девять десятых всякая внешняя опасность для Советской республики устранена.

Чем больше она устраняется, тем больше мы можем заняться работой мирного строительства, и на вашу деятельность, на вас, занятых во внешкольной области, мы рассчитываем. Чтобы школьное образование поставить более солидно, для этого нужен целый ряд материальных изменений: постройка школ, подбор учителей, внутренние реформы по организации и подбору преподавательского персонала. Это все вещи, которые требуют длительной подготовки. По отношению к внешкольному образованию вы этой длительной подготовкой не очень стеснены. Потребность населения получить образование вне установленной школьной системы и нужда в работниках в этой области чрезвычайно сильно возрастают. Мы уверены, что с общей помощью и общими усилиями будет сделано больше, чем до сих пор.

Я в заключение скажу о характере внешкольного образования, которое связано с пропагандой и агитацией. Одним из коренных недостатков постановки образования и просвещения в капиталистическом обществе было то, что оно было оторвано от основной задачи организации труда постольку, поскольку капиталисту нужно было натаскать и надрессировать покорных и дрессированных рабочих. Связи между действительными задачами организации народного труда и между преподаванием в капиталистическом обществе не было. Получался мертвенный, схоластический, казенный, загаженный поповскими влияниями характер преподавания, который везде, в самых демократических республиках, делал то, что все свежее, здоровое должно было устраняться. Непосредственная живая работа была затруднена, потому что без аппарата государственной власти, без материальной и финансовой помощи широко поставить образование нельзя. Поскольку мы можем и должны готовиться к переходу всей нашей советской жизни с рельсов военной подготовки и военного отпора на рельсы мирного строительства, — постольку нужно и необходимо вам, работникам внешкольного образования, эту перемену учесть и в своей пропагандистской деятельности, в ее задачах и программе сообразоваться с этой переменой.

Чтобы показать, как я понимаю задачи и весь характер образования, преподавания, воспитания и обучения в соответствии с изменившимися задачами Советской республики, напомню ту резолюцию об электрификации, которая принята последней сессией ВЦИК; вероятно, всем она знакома. На днях в печати появилось сообщение о том, что в двухмесячный срок (в официально напеча-

таком сообщении было сказано: в двухнедельный срок — это ошибка), — что в двухмесячный срок будет разработан план электрификации страны, рассчитанный на 2—3 года по программе-минимум и максимум — на 10 лет. Характер всей нашей пропаганды и чисто партийной, и школьного преподавания и образования, и характер внешкольного преподавания должен измениться не в том смысле, чтобы изменились самые основы и направление преподавания, а в том, чтобы приспособить характер деятельности к переходу на мирное строительство с широким планом промышленного и экономического преобразования страны, потому что общая экономическая трудность и общая задача — это задача восстановления экономических сил страны таким образом, чтобы рядом с мелким крестьянским хозяйством пролетарская революция могла создать новые основы экономической жизни. До сих пор крестьянину приходилось давать хлеб в ссуду рабочему государству: цветные бумажки — деньги крестьянина удовлетворить за хлеб не могут. Крестьянин, не будучи удовлетворен ими, требует законного права: в обмен на даваемый им хлеб — продуктов промышленности, которых мы не можем дать, пока не восстановим хозяйства. Восстановить — это основная задача, но мы не можем восстановить на старом экономическом и техническом основании. Это невозможно и технически, и было бы дико; нужно найти новое основание. Таким новым основанием является план электрификации.

Мы выступаем перед крестьянством, перед массой наименее развитой, с указанием, как новый переход к более высокой ступени культуры и технического образования необходим для успеха всего советского строительства. Итак, необходимо восстановить хозяйство. Самый темный крестьянин понимает, что оно разорено войной, что без восстановления его он не может справиться с нищетой — получить необходимые продукты в обмен на хлеб. Именно к этой-то самой непосредственной, насущной нужде крестьянства должна примыкать и зацепляться вся работа пропаганды, образования, просвещения и внешкольного образования, чтобы она не была оторвана от самых насущных нужд повседневной жизни, а именно исходила бы из их развития и разумения для крестьянина, подчеркивая, что выход из положения только в восстановлении промышленности. Но восстановление промышленности не может быть на старой почве: ее нужно восстановить на почве современной техники. Это значит — электрификация промышленности и подъем культуры. Электрические станции требуют до 10 лет работы, но работы более культурной и сознательной.

Мы развернем широкий план работы, который должен быть связан в представлении широких масс крестьянства с ясной, практически поставленной целью. Этого нельзя сделать в несколько месяцев. Дать программу-минимум можно не меньше чем на 3 года. Но, не задаваясь утопиями, можно сказать, что в течение 10 лет мы в состоянии покрыть всю Россию сетью электрических

станций и перейти на такое состояние электрической промышленности, которое удовлетворяло бы современным требованиям техники и покончило бы со старым крестьянским земледелием. Оно требует более высокой культуры и образования.

Не скрывая от себя, что теперь непосредственная практическая задача есть восстановление транспорта и подвоз продовольствия, что при теперешнем состоянии производительности широкими задачами заниматься нельзя, вы в области пропаганды и просвещения эту задачу полной перестройки на почве, соответствующей культурно-техническим потребностям, должны все же иметь в виду и выполнить ее. Мы от старых методов пропаганды, которые грешили устарелостью, которые до сих пор подходили к крестьянину с общими фразами о классовой борьбе, на почве которых выдумывали всякие глупости о пролетарской культуре и т. д., от этого хлама, который очень похож на детские болезни ребяческого возраста, мы с большой быстротой будем исцеляться [28]. В пропаганде, агитации, деятельности образовательной и просветительной будем переходить к постановке вопроса более трезвой и деловитой, достойной людей Советской власти, которые за два года научились кое-чему и которые идут к мужику с практическим, деловым и ясным планом перестройки всей промышленности и изложением того, что теперь мужик и рабочий, при теперешнем состоянии образования, этой задачи не выполнит и из грязи, нищеты, сыпняка и болезней не вылезет. Эта практическая задача, ясно связанная с подъемом культуры и образования, должна послужить узлом, вокруг которого весь характер нашей партийной пропаганды и деятельности, нашего преподавания и обучения должен группироваться. Тогда он так глубоко зацепит за насущнейшие интересы крестьянской массы, так свяжет общий подъем культуры и знания с наболевшими экономическими нуждами, что мы еще во сто раз усилим потребность образования со стороны рабочих масс. Мы абсолютно уверены в том, что если мы в два года решили труднейшую военную задачу, то мы решим в 5—10 лет задачу еще более трудную: культурно-образовательную и просветительную.

Вот то пожелание, с которым я хотел к вам обратиться. (Аплодисменты.)

П. с. с., т. 40, с. 161—165.

М. Н. ПОКРОВСКОМУ

т. Покровскому

1) Каково *юридическое* положение Пролеткульта?
2) *Каков* и 3) *кем* назначен его руководящий центр? [29]
4) Сколько даете ему финансов от НКпроса?

5) Еще что есть *важного* о положении, роли и итогах работы Пролеткульта.

Ленин

Написано в августе, не позднее 20, 1920 г. — *П. с. с., т. 51, с. 265.*

ПОМЕТКИ НА СПРАВКЕ М. Н. ПОКРОВСКОГО

24 августа 1920

Председателю Совнаркома тов. В. И. Ленину

На запрос Ваш относительно Пролеткульта сообщаю, что он является автономной организацией, работающей под контролем Наркомпроса и субсидируемой последним. Остальные, интересующие Вас сведения изложены в прилагаемой при сем докладной записке...

Как его сделать реальным?

Ленинский сборник XXXV, с. 148.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ КНИГИ «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ»

Настоящее издание, кроме отдельных исправлений текста, не отличается от предыдущего. Я надеюсь, что оно будет небесполезно, независимо от полемики с русскими «махистами», как пособие для ознакомления с философией марксизма, диалектическим материализмом, а равно с философскими выводами из новейших открытий естествознания. Что касается до последних произведений А. А. Богданова, с которыми я не имел возможности ознакомиться, то помещаемая ниже статья тов. В. И. Невского дает необходимые указания [30]. Тов. В. И. Невский, работая не только как пропагандист вообще, но и как деятель партийной школы в особенности, имел полную возможность убедиться в том, что под видом «пролетарской культуры» проводятся А. А. Богдановым буржуазные и реакционные воззрения.

2 сентября 1920 года.

Н. Ленин

П. с. с., т. 18, с. 12.

ЗАДАЧИ СОЮЗОВ МОЛОДЕЖИ

(ИЗ РЕЧИ НА III ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ РОССИЙСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ 2 ОКТЯБРЯ 1920 г.)

Товарищи, мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза коммунистической молодежи и в связи с этим — каковы должны быть организации молодежи в социалистической республике вообще.

На этом вопросе тем более следует остановиться, что в известном смысле можно сказать, что именно молодежи предстоит настоящая задача создания коммунистического общества. Ибо ясно, что поколение работников, воспитанное в капиталистическом обществе, в лучшем случае сможет решить задачу уничтожения основ старого капиталистического быта, построенного на эксплуатации. Оно в лучшем случае сумеет решить задачи создания такого общественного устройства, которое помогло бы пролетариату и трудовым классам удержать власть в своих руках и создать прочный фундамент, на котором может строить только поколение, вступающее в работу уже при новых условиях, при такой обстановке, когда нет эксплуататорского отношения между людьми.

И вот, подходя с этой точки зрения к вопросу о задачах молодежи, я должен сказать, что эти задачи молодежи вообще и союзов коммунистической молодежи и всяких других организаций в частности можно было бы выразить одним словом: задача состоит в том, чтобы учиться.

Понятно, что это лишь «одно слово». Оно не дает еще ответа на главные и самые существенные вопросы, — чему учиться и как учиться? А здесь все дело в том, что вместе с преобразованием старого капиталистического общества учение, воспитание и образование новых поколений, которые будут создавать коммунистическое общество, не могут быть старыми. Учение, воспитание и образование молодежи должно исходить из того материала, который оставлен нам старым обществом. Мы можем строить коммунизм только из той суммы знаний, организаций и учреждений, при том запасе человеческих сил и средств, которые остались нам от старого общества. Только преобразуя коренным образом дело учения, организацию и воспитание молодежи, мы сможем достигнуть того, чтобы результатом усилий молодого поколения было бы создание общества, не похожего на старое, т. е. коммунистического общества. Поэтому нам нужно подробно остановиться на вопросе о том, чему мы должны учить и как должна учиться молодежь, если она действительно хочет оправдать звание коммунистической молодежи, и как подготовить ее к тому, чтобы она сумела достроить и довершить то, что мы начали.

Я должен сказать, что первым, казалось бы, и самым естественным ответом является то, что союз молодежи и вся молодежь вообще, которая хочет перейти к коммунизму, должна учиться коммунизму.

Но этот ответ: «учиться коммунизму» является слишком общим. Что же нам нужно для того, чтобы научиться коммунизму? Что нам нужно выделить из суммы общих знаний, чтобы приобрести знание коммунизма? Тут нам угрожает целый ряд опасностей, которые сплошь и рядом проявляют себя, как только задача учиться коммунизму ставится неправильно или когда она понимается слишком однобоко.

Естественно, что на первый взгляд приходят в голову мысли о том, что учиться коммунизму — это значит усвоить ту сумму знаний, которая изложена в коммунистических учебниках, брошюрах и трудах. Но такое определение изучения коммунизма было бы слишком грубо и недостаточно. Если бы только изучение коммунизма заключалось в усвоении того, что изложено в коммунистических трудах, книжках и брошюрах, то тогда слишком легко мы могли бы получить коммунистических начетчиков или хвастунов, а это сплошь и рядом приносило бы нам вред и ущерб, так как эти люди, научившись и начитавшись того, что изложено в коммунистических книгах и брошюрах, оказались бы не умеющими соединить все эти знания и не сумели бы действовать так, как того действительно коммунизм требует.

Одно из самых больших зол и бедствий, которые остались нам от старого капиталистического общества, это полный разрыв книги с практикой жизни, ибо мы имели книги, где все было расписано в самом лучшем виде, и эти книги, в большинстве случаев, являлись самой отвратительной лицемерной ложью, которая лживо рисовала нам капиталистическое общество.

Поэтому простое книжное усвоение того, что говорится в книгах о коммунизме, было бы в высшей степени неправильным. Теперь в наших речах и статьях нет простого повторения того, что говорилось раньше о коммунизме, так как наши речи и статьи связаны с повседневной и всесторонней работой. Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений ровно ничего не стоит, так как оно продолжало бы старый разрыв между теорией и практикой, тот старый разрыв, который составлял самую отвратительную черту старого буржуазного общества.

Еще более опасным было бы, если бы мы начали усваивать только коммунистические лозунги. Если бы мы вовремя эту опасность не поняли и если бы мы всю нашу работу не направили на то, чтобы эту опасность устранить, тогда наличие полумиллиона или миллиона людей, молодых юношей и девушек, которые после такого обучения коммунизму будут называть себя коммунистами, принесло бы только великий ущерб для дела коммунизма.

Тут перед нами встает вопрос о том, как же нам нужно сочетать все это для обучения коммунизму? Что нам нужно взять из старой школы, из старой науки?..

...Старая школа была школой учебы, она заставляла людей усваивать массу ненужных, лишних, мертвых знаний, которые

вабивали голову и превращали молодое поколение в подогнанных под общий ранжир чиновников. Но вы сделали бы огромную ошибку, если бы попробовали сделать тот вывод, что можно стать коммунистом, не усвоив того, что накоплено человеческим знанием. Было бы ошибочно думать так, что достаточно усвоить коммунистические лозунги, выводы коммунистической науки, не усвоив себе той суммы знаний, последствием которых является сам коммунизм. Образцом того, как появился коммунизм из суммы человеческих знаний, является марксизм.

Вы читали и слышали о том, как коммунистическая теория, коммунистическая наука, главным образом созданная Марксом, как это учение марксизма перестало быть произведением одного, хотя и гениального социалиста XIX века, как это учение стало учением миллионов и десятков миллионов пролетариев во всем мире, применяющих это учение в своей борьбе против капитализма. И если бы вы выдвинули такой вопрос: почему учение Маркса могло овладеть миллионами и десятками миллионов сердец самого революционного класса — вы сможете получить один ответ: это произошло потому, что Маркс опирался на прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при капитализме; изучивши законы развития человеческого общества, Маркс понял неизбежность развития капитализма, ведущего к коммунизму, и, главное, он доказал это только на основании самого точного, самого детального, самого глубокого изучения этого капиталистического общества, при помощи полного усвоения всего того, что дала прежняя наука. Все то, что было создано человеческим обществом, он переработал критически, ни одного пункта не оставив без внимания. Все то, что человеческою мыслью было создано, он переработал, подверг критике, проверив на рабочем движении, и сделал те выводы, которых ограниченные буржуазными рамками или связанные буржуазными предрассудками люди сделать не могли.

Это надо иметь в виду, когда мы, например, ведем разговоры о пролетарской культуре [32]. Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить. Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества. Все эти пути и дорожки подводили и подводят, и продолжают подводить к пролетарской культуре так же, как политическая экономия, переработанная Марксом, показала нам то, к чему должно прийти человеческое общество, указала переход к классовой борьбе, к началу пролетарской революции.

Когда мы слышим нередко и среди представителей молодежи, и среди некоторых защитников нового образования нападки на старую школу, что старая школа была школой зубрежки, мы говорим им, что мы должны взять то хорошее, что было в старой школе. Мы не должны брать из старой школы того, когда память молодого человека обременяли безмерным количеством знаний, на девять десятых ненужных и на одну десятую искаженных, но это не значит, что мы можем ограничиться коммунистическими выводами и заучить только коммунистические лозунги. Этим коммунизма не создашь. Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество.

Нам не нужно зубрежки, но нам нужно развить и усовершенствовать память каждого обучающегося знанием основных фактов, ибо коммунизм превратится в пустоту, превратится в пустую вывеску, коммунист будет только простым хвастуном, если не будут переработаны в его сознании все полученные знания. Вы должны не только усвоить их, но усвоить так, чтобы отнестись к ним критически, чтобы не загромождать своего ума тем хламом, который не нужен, а обогатить его знанием всех фактов, без которых не может быть современного образованного человека. Если коммунист вздумал бы хвастаться коммунизмом на основании полученных им готовых выводов, не производя серьезнейшей, труднейшей, большой работы, не разобравшись в фактах, к которым он обязан критически отнестись, такой коммунист был бы очень печален. И такое верхоглядство было бы решительным образом губительно. Если я знаю, что знаю мало, я добьюсь того, чтобы знать больше, но если человек будет говорить, что он коммунист и что ему и знать ничего не надо прочного, то ничего похожего на коммуниста из него не выйдет.

Старая школа вырабатывала прислужников, необходимых для капиталистов, старая школа из людей науки делала людей, которые должны были писать и говорить, как угодно капиталистам. Это значит, что мы должны ее убрать. Но если мы должны ее убрать, если мы должны разрушить, значит ли это, что мы не должны взять из нее все то, что было накоплено человечеством необходимого для людей? Значит ли, что мы не должны суметь различить то, что являлось необходимым для капитализма и что является необходимым для коммунизма?

На место старой муштры, которая проводилась в буржуазном обществе вопреки воле большинства, мы ставим сознательную дисциплину рабочих и крестьян, которые соединяют с ненавистью к старому обществу решимость, уменье и готовность объединить и организовать силы для этой борьбы, чтобы из воли миллионов и сотен миллионов разрозненных, раздробленных, разбросанных на протяжении громадной страны создать единую волю, ибо без этой единой воли мы будем разбиты неминуемо. Без этого сплочения, без этой сознательной дисциплины рабочих и крестьян

наше дело безнадежно. Без этого победить капиталистов и помещиков всего мира мы не сможем. Мы не закрепим даже фундамента, не говоря о том, чтобы на этом фундаменте построить новое, коммунистическое общество. Также и отрицая старую школу, питая совершенно законную и необходимую ненависть к этой старой школе, ценя готовность разрушить старую школу, мы должны понять, что на место старой учебы, старой зубрежки, старой муштры мы должны поставить уменье взять себе всю сумму человеческих знаний, и взять так, чтобы коммунизм не был бы у вас чем-то таким, что заучено, а был бы тем, что вами самими продумано, был бы теми выводами, которые являются неизбежными с точки зрения современного образования.

Вот как надо поставить основные задачи, когда мы говорим о задаче: научиться коммунизму...

...У предыдущего поколения задача сводилась к свержению буржуазии. Тогда главной задачей была критика буржуазии, развитие в массах ненависти к ней, развитие классового сознания, уменья сплотить свои силы. Перед новым поколением стоит задача более сложная. Мало того, что вы должны объединить все свои силы, чтобы поддержать рабоче-крестьянскую власть против нашествия капиталистов. Это вы должны сделать. Это вы прекрасно поняли, это отчетливо представляет себе коммунист. Но этого недостаточно. Вы должны построить коммунистическое общество. Первая половина работы во многих отношениях сделана. Старое разрушено, как его и следовало разрушить, оно представляет из себя груду развалин, как и следовало его превратить в груду развалин. Расчищена почва, и на этой почве молодое коммунистическое поколение должно строить коммунистическое общество. Перед вами задача строительства, и вы ее можете решить, только овладев всем современным знанием, умея превратить коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ в то живое, что объединяет вашу непосредственную работу, превратить коммунизм в руководство для вашей практической работы.

Вот задача ваша, которой вы должны руководствоваться в деле образования, воспитания, подъема всего молодого поколения. Вы должны быть первыми строителями коммунистического общества среди миллионов строителей, которыми должны быть всякий молодой человек, всякая молодая девушка. Без привлечения всей массы рабочей и крестьянской молодежи к этому строительству коммунизма вы коммунистического общества не построите.

Здесь я естественно подхожу к вопросу о том, как мы должны учить коммунизму, в чем должна состоять особенность наших приемов.

Я здесь остановлюсь прежде всего на вопросе о коммунистической морали.

Вы должны воспитать из себя коммунистов. Задача Союза молодежи — поставить свою практическую деятельность так,

чтобы, учась, организуясь, сплачиваясь, борясь, эта молодежь воспитывала бы себя и всех тех, кто в ней видит вождя, чтобы она воспитывала коммунистов. Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали.

Но существует ли коммунистическая мораль? Существует ли коммунистическая нравственность? Конечно, да. Часто представляют дело таким образом, что у нас нет своей морали, и очень часто буржуазия обвиняет нас в том, что мы, коммунисты, отрицаем всякую мораль. Это — способ подменять понятия, бросать песок в глаза рабочим и крестьянам.

В каком смысле отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность?

В том смысле, в каком проповедовала ее буржуазия, которая выводила эту нравственность из велений бога. Мы на этот счет, конечно, говорим, что в бога не верим, и очень хорошо знаем, что от имени бога говорило духовенство, говорили помещики, говорила буржуазия, чтобы проводить свои эксплуататорские интересы. Или вместо того, чтобы выводить эту мораль из велений нравственности, из велений бога, они выводили ее из идеалистических или полуидеалистических фраз, которые всегда сводились тоже к тому, что очень похоже на веления бога.

Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем. Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забивание умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов.

Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата.

Старое общество было основано на угнетении помещиками и капиталистами всех рабочих и крестьян. Нам нужно было это разрушить, надо было их скинуть, но для этого надо создать объединение. Боженька такого объединения не создаст.

Такое объединение могли дать только фабрики, заводы, только пролетариат, обученный, пробужденный от старой спячки. Лишь тогда, когда этот класс образовался, тогда началось массовое движение, которое привело к тому, что мы видим сейчас, — к победе пролетарской революции в одной из самых слабых стран, три года отстаивающей себя от натиска буржуазии всего мира. И мы видим, как пролетарская революция растет во всем мире. Мы говорим теперь на основании опыта, что только пролетариат мог создать такую сплоченную силу, за которою идет раздробленное, распыленное крестьянство, которая устояла при всех натисках эксплуататоров. Только этот класс может помочь трудящимся массам объединиться, сплотиться и окончательно отстоять, окончательно закрепить коммунистическое общество, окончательно его построить.

Вот почему мы говорим: для нас нравственность, взятая вне человеческого общества, не существует; это обман. Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата.

А в чем состоит эта классовая борьба? Это — царя свергнуть, капиталистов свергнуть, уничтожить класс капиталистов.

А что такое классы вообще? Это то, что позволяет одной части общества присваивать себе труд другого. Если одна часть общества присваивает себе всю землю, мы имеем классы помещиков и крестьян. Если одна часть общества имеет фабрики и заводы, имеет акции и капиталы, а другая работает на этих фабриках, мы имеем классы капиталистов и пролетариев.

Нетрудно было прогнать царя — для этого потребовалось всего несколько дней. Не очень трудно было прогнать помещиков,— это можно было сделать в несколько месяцев, не очень трудно прогнать и капиталистов. Но уничтожить классы несравненно труднее; все еще осталось разделение на рабочих и крестьян. Если крестьянин сидит на отдельном участке земли и присваивает себе лишний хлеб, т. е. хлеб, который не нужен ни ему, ни его скотине, а все остальные остаются без хлеба, то крестьянин превращается уже в эксплуататора. Чем больше оставляет он себе хлеба, тем ему выгоднее, а другие пусть голодают: «чем больше они голодают, тем дороже я продам этот хлеб». Надо, чтобы все работали по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку. Легко ли это делать? Вы видите, что тут нельзя добиться решения так же легко, как прогнать царя, помещиков и капиталистов. Тут надо, чтобы пролетариат перевоспитал, переучил часть крестьян, перетянул тех, которые являются крестьянами трудящимися, чтобы уничтожить сопротивление тех крестьян, которые являются богачами и наживаются на счет нужды остальных. Значит, задача борьбы пролетариата еще не закончена тем, что мы свергли царя, прогнали помещиков и капиталистов, а в этом и состоит задача того порядка, который мы называем диктатурой пролетариата.

Классовая борьба продолжается; она только изменила свои формы. Это классовая борьба пролетариата за то, чтобы не могли вернуться старые эксплуататоры, чтобы соединилась раздробленная масса темного крестьянства в один союз. Классовая борьба продолжается, и наша задача подчинить все интересы этой борьбе. И мы свою нравственность коммунистическую этой задаче подчиняем. Мы говорим: нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидающего новое общество коммунистов.

Коммунистическая нравственность это та, которая служит этой борьбе, которая объединяет трудящихся против всякой эксплуатации, против всякой мелкой собственности, ибо мелкая собственность дает в руки одного лица то, что создано трудом всего общества. Земля у нас считается общей собственностью.

Ну, а если из этой общей собственности я беру себе известный кусок, возделываю на нем вдвое больше хлеба, чем нужно мне, и излишком хлеба спекулирую? Рассуждаю, что, чем больше голодных, тем дороже будут платить? Разве я тогда поступаю, как коммунист? Нет, как эксплуататор, как собственник. С этим нужно вести борьбу. Если оставить так, то все скатится назад, к власти капиталистов, к власти буржуазии, как это бывало не раз в прежних революциях. И, чтобы не дать снова восстановиться власти капиталистов и буржуазии, для этого нужно торгашества не допустить, для этого нужно, чтобы отдельные лица не наживались на счет остальных, для этого нужно, чтобы трудящиеся сплотились с пролетариатом и составили коммунистическое общество. В этом и состоит главная особенность того, что является основной задачей союза и организации коммунистической молодежи.

Старое общество было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, либо ты рабовладелец, либо ты раб. И понятно, что воспитанные в этом обществе люди, можно сказать, с молоком матери воспринимают психологию, привычку, понятие— либо рабовладелец, либо раб, либо мелкий собственник, мелкий служащий, мелкий чиновник, интеллигент, словом, человек, который заботится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет.

Если я хозяйничаю на этом участке земли, мне дела нет до другого; если другой будет голодать, тем лучше, я дороже продам свой хлеб. Если я имею свое местечко, как врач, как инженер, учитель, служащий, мне дела нет до другого. Может быть, потворствуя, угождая власть имущим, я сохраню свое местечко, да еще смогу и пробиться, выйти в буржуа. Такой психологии и такого настроения у коммуниста быть не может. Когда рабочие и крестьяне доказали, что мы умеем своей силой отстоять себя и создать новое общество, вот здесь и началось новое коммунистическое воспитание, воспитание в борьбе против эксплуататоров, воспитание в союзе с пролетариатом против эгоистов и мелких собственников, против той психологии и тех привычек, которые говорят: я добиваюсь своей прибыли, а до остального мне нет никакого дела.

Вот в чем состоит ответ на вопрос, как должно учиться коммунизму молодое подрастающее поколение.

Оно может учиться коммунизму, только связывая каждый шаг своего учения, воспитания и образования с непрерывной борьбой пролетариев и трудящихся против старого эксплуататорского общества. Когда нам говорят о нравственности, мы говорим: для коммуниста нравственность вся в этой сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплуататоров. Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем. Нравственность служит для того,

чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда.

Чтобы это осуществить, нужно то поколение молодежи, которое начало превращаться в сознательных людей в обстановке дисциплинированной отчаянной борьбы с буржуазией. В этой борьбе оно воспитает настоящих коммунистов, этой борьбе оно должно подчинить и связать с ней всякий шаг в своем учении, образовании и воспитании. Воспитание коммунистической молодежи должно состоять не в том, что ей подносят всякие усладительные речи и правила о нравственности. Не в этом состоит воспитание. Когда люди видели, как их отцы и матери жили под гнетом помещиков и капиталистов, когда они сами участвовали в тех муках, которые обрушивались на тех, кто начинал борьбу против эксплуататоров, когда они видели, каких жертв стоило продолжить эту борьбу, чтобы отстоять завоеванное, каким бешеным врагом являются помещики и капиталисты, — тогда эти люди воспитываются в этой обстановке коммунистами. В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма. Вот в чем состоит и основа коммунистического воспитания, образования и учения. Вот в чем состоит ответ на вопрос, как надо учиться коммунизму.

Мы не верили бы учению, воспитанию и образованию, если бы оно было загнано только в школу и оторвано от бурной жизни. Пока рабочие и крестьяне остаются угнетенными помещиками и капиталистами, пока школы остаются в руках помещиков и капиталистов, поколение молодежи остается слепым и темным. А наша школа должна давать молодежи основы знания, уменье вырабатывать самим коммунистические взгляды, должна делать из них образованных людей. Она должна за то время, пока люди в ней учатся, делать из них участников борьбы за освобождение от эксплуататоров. Коммунистический союз молодежи только тогда оправдает свое звание, что он есть Союз коммунистического молодого поколения, если он каждый шаг своего учения, воспитания, образования связывает с участием в общей борьбе всех трудящихся против эксплуататоров. Ибо вы прекрасно знаете, что, пока Россия остается единственной рабочей республикой, а во всем остальном мире существует старый буржуазный порядок, мы слабее их, что каждый раз нам угрожает новый натиск, что, только если мы научимся сплочению и единодушию, мы победим в дальнейшей борьбе и, окрепнув, станем действительно непобедимы. Таким образом, быть коммунистом — это значит организовывать и объединять все подрастающее поколение, давать пример воспитания и дисциплины в этой борьбе. Тогда вы сможете начать и довести до конца постройку здания коммунистического общества.

Чтобы сделать это вам более ясным, я приведу пример. Мы называем себя коммунистами. Что такое коммунист? Коммунист — слово латинское. Коммунис значит — общий. Коммунистическое

общество значит — все общее: земля, фабрики, общий труд,— вот что такое коммунизм.

Может ли труд быть общим, если каждый ведет свое хозяйство на отдельном участке? Сразу общего труда не создашь. Этого быть не может. Это с неба не сваливается. Это нужно заработать, выстрадать, создать. Это создается в ходе борьбы. Тут не старая книжка — книжке никто бы не поверил. Тут собственный жизненный опыт. Когда Колчак и Деникин шли из Сибири и с юга, крестьяне были на их стороне. Большевизм им не нравился, так как большевики берут хлеб по твердой цене. А когда крестьяне испытали в Сибири и на Украине власть Колчака и Деникина, они узнали, что крестьянину выбора нет: либо иди к капиталисту, и он отдаст тебя в рабство помещику, либо иди за рабочим, который, правда, молочные реки в кисельных берегах не обещает, который требует от тебя железной дисциплины и твердости в тяжелой борьбе, но который выводит тебя из рабства у капиталистов и помещиков. Когда даже темные крестьяне поняли и увидели это на собственном опыте, тогда они стали сознательными, прошедшими тяжелую школу, сторонниками коммунизма. Такой опыт и должен положить в основу всей своей деятельности Коммунистический союз молодежи.

Я ответил на вопросы, чему мы должны учиться, что нам нужно взять из старой школы и старой науки. Я постараюсь ответить и на вопрос, как этому нужно учиться: только связывая каждый шаг деятельности в школе, каждый шаг воспитания, образования и учения неразрывно с борьбой всех трудящихся против эксплуататоров.

На нескольких примерах, взятых из опыта работы той или другой организации молодежи, я покажу вам наглядно, как это воспитание коммунизма должно идти. Все говорят о ликвидации безграмотности. Вы знаете, что в стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя. Недостаточно того, чтобы Советская власть приказала или чтобы партия дала определенный лозунг, или чтобы бросить известную часть лучших работников на это дело. Для этого нужно, чтобы само молодое поколение взялось за это дело. Коммунизм состоит в том, чтобы та молодежь, те юноши и девушки, которые состоят в Союзе молодежи, сказали бы: это наше дело, мы объединимся и пойдем в деревни, чтобы ликвидировать безграмотность, чтобы наше подрастающее поколение не имело безграмотных. Мы стремимся к тому, чтобы самодеятельность подрастающей молодежи была посвящена на это дело. Вы знаете, что скоро превратить Россию из темной безграмотной страны в грамотную нельзя; но, если за это дело возьмется Союз молодежи, если вся молодежь будет работать на пользу всех, тогда этот союз, объединяющий 400 000 юношей и девушек, имеет право называться Коммунистическим союзом молодежи. Задача Союза состоит еще в том, чтобы, усваивая те или другие знания, помочь той молодежи, которая

сама не может высвободиться из тьмы безграмотности. Быть членами Союза молодежи значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело. Вот в этом состоит коммунистическое воспитание. Только в такой работе превращается молодой человек или девушка в настоящего коммуниста. Только в том случае, если они этой работой сумеют достигнуть практических успехов, они становятся коммунистами...

П. с. с., т. 41, с. 298—316.

О ПРОЛЕТАРСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Из номера «Известий» от 8/X видно, что т. Луначарский говорил на съезде Пролеткульта *прямо обратное* тому, о чем мы с ним вчера условились [33].

Необходимо с чрезвычайной спешностью приготовить проект резолюции (съезда Пролеткульта), провести через ЦК и успеть провести *в этой же* сессии Пролеткульта. Надо сегодня же провести от имени Цека и в коллегии Наркомпроса и на съезде Пролеткульта, ибо съезд сегодня кончается.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ: [34]

1. В Советской рабоче-крестьянской республике вся постановка дела просвещения, как в политико-просветительной области вообще, так и специально в области искусства, должна быть проникнута духом классовой борьбы пролетариата за успешное осуществление целей его диктатуры, т. е. за свержение буржуазии, за уничтожение классов, за устранение всякой эксплуатации человека человеком.

2. Поэтому пролетариат, как в лице своего авангарда, коммунистической партии, так и в лице всей массы всякого рода пролетарских организаций вообще, должен принимать самое активное и самое главное участие во всем деле народного просвещения.

3. Весь опыт новейшей истории и в особенности более чем полувековая революционная борьба пролетариата всех стран мира со времени появления «Коммунистического Манифеста» доказали бесспорно, что только миросозерцание марксизма является правильным выражением интересов, точки зрения и культуры революционного пролетариата.

4. Марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеологии революционного пролетариата тем, что марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры. Только дальнейшая работа на этой основе и в этом же направлении, одухотворяемая практическим опытом диктатуры про-

летариата, как последней борьбы его против всякой эксплуатации, может быть признана развитием действительно пролетарской культуры.

5. Неуклонно стоя на этой принципиальной точке зрения, Всероссийский съезд Пролеткульта самым решительным образом отвергает, как теоретически неверные и практически вредные, всякие попытки выдумывать свою особую культуру, замыкаться в свои обособленные организации, разграничивать области работы Наркомпроса и Пролеткульта или устанавливать «автономию» Пролеткульта внутри учреждений Наркомпроса и т. п. Напротив, съезд вменяет в безусловную обязанность всех организаций Пролеткульта рассматривать себя всецело как подсобные органы сети учреждений Наркомпроса и осуществлять под общим руководством Советской власти (специально Наркомпроса) и Российской коммунистической партии свои задачи, как часть задач пролетарской диктатуры.

* * *

Тов. Луначарский говорит, что его исказили. Но *тем более* резолюция архинеобходима [35].

Написано 8 октября 1920 г. *П. с. с., т. 41, с. 336—337.*

НАБРОСОК РЕЗОЛЮЦИИ О ПРОЛЕТАРСКОЙ КУЛЬТУРЕ [36]

1. Не особые идеи, а марксизм.
2. Не *выдумка* новой пролеткультуры, а *развитие* лучших образцов, традиций, результатов *существующей* культуры *с точки зрения* миросозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры.
3. Не особо от НКПроса, а как часть его, ибо РКП + НКПрос = Σ пролеткульта
4. Тесная связь и соподчинение Пролеткульта НКПросу.
5. Никак...*

Написано 9 октября 1920 г. *П. с. с., т. 41, с. 462.*

Н. И. БУХАРИНУ [37]

Зачем *сейчас* касаться наших с Вами разногласий (может быть, возможных), если от *имени всего Цека* достаточно заявить (и доказать):

(1) пролетарская культура = коммунизм
(2) проводит РКП
(3) класс.-пролетар. = РКП = *Советская власть*.

В этом мы все согласны?

Написано 11 октября 1920 г. *П. с. с., т. 51, с. 298—299.*

* На этом рукопись обрывается.— *Ред.*

ИЗ РЕЧИ НА ВСЕРОССИЙСКОМ СОВЕЩАНИИ ПОЛИТПРОСВЕТОВ ГУБЕРНСКИХ И УЕЗДНЫХ ОТДЕЛОВ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

3 НОЯБРЯ 1920 г. [38]

...Трудящиеся массы, массы крестьян и рабочих, должны побороть старые навыки интеллигенции и перевоспитать себя для строительства коммунизма — без этого к делу строительства приступить нельзя. Весь наш опыт показывает, что это дело слишком серьезное, и потому признание главенствующей роли партии должно быть у нас в виду, и мы не можем упускать этого при обсуждении вопроса о деятельности, об организационном строительстве...

...Мы должны знать и помнить, что вся юридическая и фактическая конституция Советской республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу, чтобы связанные с пролетариатом коммунистические элементы могли пропитать этот пролетариат своим духом, подчинить его себе, освободить его от того буржуазного обмана, который мы так долго стараемся изжить. Наркомпрос пережил долгую борьбу, долгое время учительская организация боролась с социалистическим переворотом. В этой учительской среде особенно упрочились буржуазные предрассудки. Здесь долго шла борьба и в виде прямого саботажа и упорно держащихся буржуазных предрассудков, и нам приходится медленно, шаг за шагом, отвоевывать себе коммунистическую позицию. Для Главполитпросвета, работающего по внешкольному образованию, решающего задачу этого образования и просвещения масс, особенно ярко встает задача сочетать партийное руководство и подчинить себе, пропитать своим духом, зажечь огнем своей инициативы этот громадный аппарат — полумиллионную армию преподавательского персонала, которая состоит сейчас на службе у рабочего. Работники просвещения, учительский персонал, были воспитаны в духе буржуазных предрассудков и привычек, в духе, враждебном пролетариату, они были совершенно не связаны с ним. Теперь мы должны воспитать новую армию педагогического учительского персонала, который должен быть тесно связан с партией, с ее идеями, должен быть пропитан ее духом, должен привлечь к себе рабочие массы, пропитать их духом коммунизма, заинтересовать их тем, что делают коммунисты...

...Наша задача — побороть все сопротивление капиталистов, не только военное и политическое, но и идейное, самое глубокое и самое мощное. Задача наших работников просвещения — осуществить эту переделку массы. Ее заинтересованность, ее тяга к просвещению и знанию коммунизма, которые мы наблюдаем, служат порукой тому, что мы окажемся и здесь победителями, хотя, может быть, и не так скоро, как на фронте, быть может, с большими трудностями, а подчас и поражениями, но в конечном итоге победителями будем мы...

П. с. с., т. 41, с. 402, 403, 406.

ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ЦК РКП(б) О ПРОЛЕТКУЛЬТЕ [39]

Подтверждая резолюцию Политбюро, ЦК одобряет в основном проект инструкции, выработанный в ее развитие Главполитпросветом [40], поручая Политбюро окончательное отредактирование ее для более точного выражения той главной мысли, что работа Пролеткульта в области научного и политического просвещения сливается с работой НКПроса и губнаробразов, в области же художественной (музыкальной, театральной, изобразительных искусств, литературной) остается автономной, и руководящая роль органов НКПроса, сугубо процеженных РКПой, сохраняется лишь для борьбы против явно буржуазных уклонений.

Написано 10 ноября 1920 г. *П. с. с., т. 42, с. 12.*

В ЦК РКП(б) [41]

Я принимаю почти все поправки Н. К. [Крупской] и предлагаю еще одно добавление: добавить о *слиянии* работы *политико*-просветительной и *научно*-просветительной. С этими поправками и дополнениями можно бы принять проект Зиновьева.

Ленин

Написано 14 ноября 1920 г. *П. с. с., т. 52, с. 9—10.*

В. М. МОЛОТОВУ

т. Молотов! Откуда у Вас эта (присланная мне) платформа «коллективистов»? Я еще не прочел, но вижу немало странного? Кто это? Имена? Где это издано? Где распространяется? Кем? Кто стоит за этим? Имена? Часть самарцев и кто? или не только самарцы? [42]

Ленин

Написано между 18 и 22 ноября 1921 г. *П. с. с., т. 54, с. 23.*

ЧЛЕНАМ ПОЛИТБЮРО ЦК РКП(б)

2/XII.

Членам Политбюро

Прочитав теперь в целом платформу «Мы — коллективисты» (впередовцы, богдановцы, пролеткультовцы и т. д.), я окончательно прихожу к выводу, что безусловно полезно для нас и необходимо *напечатать* ее брошюркой в 2—3 тысячи экземпляров с *обстоятельнейшей* критикой, с добавлением статьи о политических выступлениях Богданова в 1917 году и т. д.

Предлагаю заказать эту брошюрку *ряду авторов* под редакцией Бухарина, поручив ему раздать различным авторам, в 2 недели получить их рукописи и *в наборе показать Политбюро*. (Это нужно и *заграница*.)

1) Циркуляры ЦеКа о Пролеткультах.
2) «Мы — коллективисты».
3) Статья Бухарина из «*Правды*».
4) Еще ряд статей с разбором платформы [43].

Ленин

Написано 2 декабря 1921 г. *П. с. с., т. 44, с. 266.*

ЗАМЕТКИ НА СТАТЬЕ ПЛЕТНЕВА

27 СЕНТЯБРЯ 1922 ГОДА [44]

Сохранить

НА ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ФРОНТЕ

«Шире»

На 5-м году революции вопросы культуры, шире — вопросы идеологии — выдвигаются на первый план. Наличность идеологического буржуазно-капиталистического фронта всеми признана. На этом фронте нам предстоит долгая и серьезная борьба. Учет наших сил здесь — необходимая и неотложная задача, ибо все наличные наши силы должны быть брошены в бой.

Оценка целей, задач, форм и методов работы Пролеткульта, как одного из передовых пролетарских идеологических отрядов, до сих пор не понятого, как следует,— задача данной статьи.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТКУЛЬТА

Ха-ха!

Ср. выше «шире»

Творчество новой пролетарской к л а с с о в о й культуры — основная цель Пролеткульта. Выявление и сосредоточение творческих сил пролетариата в области науки и искусства — его основная практическая задача. Этими силами и должна быть достигнута цель, которую Пролеткульт себе ставит. Творчество новой пролетарской классовой культуры не есть культуртрегерская задача,— это процесс борьбы непримиримо враждебных идеологий буржуазии и пролетариата.

NB

Наши противники из буржуазного лагеря (а к ним примыкают и некоторые товарищи-марксисты, мало продумавшие вопросы культуры) возражают нам так.

Никакой специфической пролетарской классовой культуры быть не может. Не может быть классовой математики, классовой астрономии, классового искусства. Дважды два будет четыре и с пролетарской и с буржуазной точки зрения. Шекспир и Горький одинаково интересен и приятен и буржуа и пролетарию. Ученые и художники разрешают своим творчеством не классовые, а более широкие всеобъемлющие о б щ е ч е л о в е ч е с к и е задачи.

К этому сводятся все возражения буржуазных идеологов. Мы, марксисты-коммунисты, рассуждаем иначе. В основе исторического развития форм человеческого общества лежит состояние производительных сил, которым обусловливаются экономические, производственные отношения людей данного общества, на этих отношениях основывается социально-политический строй, и всем этим определяется психика общественного человека и различные идеологии, в которых эта психика отражается *.

Общественное бытие определяет собою общественное сознание.

Развитие исторических форм человеческого общества протекает диалектически.

Гм!

«На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества впадают в противоречие с существующими производственными отношениями... Из форм развития производительных сил эти отношения становятся их оковами. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономического основания более или менее быстро преобразуется и вся громадная надстройка над ними» **.

Весь этот процесс проходит в непрерывной борьбе классовых сил данного общества. Феодальные отношения были сметены развившимся в недрах феодального общества классом буржуазии. Буржуазно-капиталистический строй взрастил в своих недрах своего могильщика — класс пролетариата.

Мы живем в периоде социалистической революции, когда буржуазно-капиталистические формы производственных отношений составляют последнюю антагонистическую форму общественного производства и, в процессе ожесточенной классовой борьбы в мировом масштабе, должны смениться высшей формой общественных отношений, обобществлением производства и распределения, т. е. социализмом.

Такова азбука марксизма, но мы считаем нелишним вспомнить ее именно сейчас, когда снова расцветает идеализм, мистика, весь чертополох буржуазной идеологии.

---

* Подробно смотри Г. В. Плеханов. «Основные вопросы марксизма».

** К. Маркс. «К критике политической экономии».

Библиотечная книга

При этом сущность диалектического развития общественных форм заключается в следующем:

Новые формы общественных отношений никогда не возникают из ничего: «каждая вещь носит в себе зародыш своего отрицания», каждое понятие — также.

Поэтому всякая новая форма, отрицая старую, становясь ее антитезой (отрицанием), включая в себя фрагменты, частности старой формы, синтезируясь с нею, превращается из отрицания в нечто целое — синтез.

Диалектика развития в отношении к борьбе идеологической остается в полной силе. Тезис — буржуазная классовая культура; ее антитезис — классовая культура пролетариата; и лишь за порогом классового общества, в социализме, их синтез: культура общечеловеческая. Этим опрокидывается обвинение нас в том, что в своем стремлении к строительству классовой культуры мы стремимся разрушить материальные ценности буржуазной культуры.

«Во имя нашего завтра сожжем Рафаэля,
Растопчем искусства цветы...»

Много идиотов спекулировали этими словами пролетарского поэта. Наша задача не разрушение материальных ценностей старой культуры, а разрушение той идеологии, фундамента, на котором эти ценности вырастают. Мы знаем, что многое из старой культуры войдет в новую культуру, как материал; это исторически неизбежно, но основанием новой культуры будет пролетарская классовая культура.

Из этого отнюдь не следует, что здесь мы обойдемся без борьбы. Буржуазия хорошо знает силу своей идеологии, она столь же хорошо знает, что идеология консервативна, что «фетиши прошлого долго тяготеют над умами живых», и своего первенства в культуре без борьбы она пролетариату не уступит.

Классовая идеология может восторжествовать только в победоносной классовой борьбе. Никакой речи о бургфридене (классовом мире) здесь быть не может.

Каковы же конкретные формы этой борьбы в области культуры? Задача строительства пролетарской культуры может быть разрешена только силами самого пролетариата. Сколько бы ни было у нас пришельцев из буржуазного лагеря, сколько бы ни «приняли» они классовую точку зрения, все же это будут единицы *, быть может, очень ценные, но решающего значения они иметь не будут.

NB+

а крестьяне?

Идея становится силой, когда ею овладеют массы *.

И только тогда, когда пролетариат будет иметь своих ученых во всех отраслях знания, своих художников во всех видах искусства, — только тогда поставленная нами задача будет разрешена. Почему так, а не иначе? Классовое сознание пролетариата формируется в процессе капиталистического производства, оттуда берет начало классовая коллективная психология.

Чувство классовой солидарности, чувство «мы», воспитывается как тем, что «мы» построим паровоз, океанский пароход, аэроплан (без коллективных усилий эта задача неразрешима), так и тем, что в борьбе с буржуазией каждый пролетарий связан единством социального неравенства своего класса с другими классами и четким сознанием того, что паровоз революции может быть построен только силами «мы», силами классового единства. Этим бытием определяется классовое сознание пролетариата. Оно чуждо крестьянину **, буржуа, интеллигенту: врачу, юристу, инженеру, воспитанным на принципах капиталистической конкуренции, где «я» есть основа, а divide et impera — заповедь главенства.

** а% строящих паровозы?

Крестьянин в процессе своего индивидуального труда, зависимый от сил природы («будет дождь,— будет хлеб»), всегда чувствует над собой от него независимую грозную силу, основу религиозных предрассудков. Пролетарий имеет дело с совершенно ясными отношениями его к внешней природе. Он знает, что удар кайла в шахте даст известное количество руды или угля, и то и другое вместе в домне даст чугун, из домны не потечет молоко или вода, чугун даст железо, сталь, последние претворятся в машину, машина даст возможность с большей легкостью побеждать сопротивление материи, а в субботу будет получка. Здесь все ясно и математически точно *. Крестьянин считает себя «хозяином»; у пролетария, кроме его рабочей силы, нет ничего. Крестьянин — в надежде: «даст бог урожай». Пролетарий знает, что его «бог»,— капиталист, ничего не даст, если у него не взять путем прямой борьбы с ним.

* а религия рабочих и крестьян?

Психология пролетария в самой своей основе коллективно-классовая и сознательно-творческая.

Поэтому основной творческой силой в строительстве пролетарской культуры мы считаем индустриальный пролетариат, и в этом особенность Пролеткульта.

Отсюда совершенно ясно, что в творчестве искусства производственный процесс в целом или, как частность его, трудовое напряжение у молота, например, может быть передано только

тем, кто непосредственно участвует в нем, самим пролетарием **, а не сторонним наблюдателем. В творчестве научном пролетарий всегда исходит и будет исходить из процесса производства; ему нужна наука не для науки ****, а для его творческого труда, для того, чтобы, исходя от станка, понять связь явлений общественной и экономической жизни. В строе мышления пролетария его творческий труд всегда связан с тем, что у него на столе [2], когда он обедает; в этом бесформенный зародыш того, к чему приходит сейчас научная мысль: нельзя быть техником, не понимая связи экономических явлений в жизни общества, и нельзя быть экономистом без четкого понимания техники, всей энергетики производительных сил в целом и производственного процесса в частности. Над этим усмехнутся «ученые» *; но мы знаем на опыте, что именно здесь доказательство того, что органически выросших в классовом сознании пролетариата предпосылок к пониманию монизма общественной жизни неизмеримо больше, чем у члена какого-либо другого класса или группы. И в этом основное противоядие буржуазному идеалистическому миросозерцанию и основа специфичности пролетарской культуры.

** ???

**** ???

[2] на столе у ученого?

* не только!

Мы никогда не были и не будем безмолвными и бездеятельными фетишистами общественных явлений.

Рухнула основа владычества буржуазии, ее экономическая и политическая власть, свергнутая силами пролетариата. Но жива еще и кусательна буржуазная идеология; и мы, не ожидая ее неизбежного по закону диалектики крушения, должны подготовлять элементы пролетарской культуры, создавать классовые идеологические надстройки **: в жестокой борьбе с отживающей, но очень еще сильной идеологией своего классового врага формируем мы свои силы на этом конечном этапе классовой борьбы. Отсюда выявление и сосредоточение творческих сил пролетариата для борьбы за свою классовую культуру — исторически необходимая задача.

** вот кака-то!

Поэтому-то Пролеткульт — не измышление досужих товарищей, не бесплодная идея кучки фанатиков, а исторически необходимое формирование мысли и сил для решения этой задачи.

Наши основы блестяще подчеркиваются сегодняшним днем нашей борьбы. В то время, когда буржуазная мысль устами Шпенглера провозглашает закат европейской (сиречь буржуазной) культуры, воинствующий материализм развертывает свое знамя и, провозглашая memento mori буржуазной идеологии, кладет [крепкие] основы новой классовой культуры.

То, что происходит сейчас, эти споры о «советских» и не «советских» писателях и ученых,— это не только легкие стычки перьев и умов,— этим начинается решительная, не имеющая примера в истории, схватка двух идеологий. Многие еще не осознают всей грандиозности этой борьбы. И эта борьба должна будет пойти под флагом именно творчества пролетарской к л а с с о в о й культуры и никак иначе. В этом историческое оправдание идеи Пролеткульта и его существования.

Ух!

Задача строительства пролетарской культуры может быть разрешена только силами самого пролетариата, учеными, художниками, инженерами и т. п., вышедшими из его среды.

Архифальшь

И это будут ученые, художники, инженеры совсем иного склада, чем таковые же буржуазного мира.

И не только потому, что они выйдут из класса пролетариев, а и потому, что задачи, которые стоят перед ними в области науки, техники, искусства, иные, чем в буржуазном обществе.

Программы социалистических партий ставят своей задачей демократизацию науки. Перед нами стоит задача ее социализации, обобществления. Что это значит?

Демократизация расширяет для масс масштаб овладения буржуазной наукой и вширь и вглубь; наука, как таковая, остается здесь неприкосновенной.

2

Социализация науки охватывает и ее сущность, метод, форму и масштаб.

Наша задача привести содержание, методы науки в соответствие с требованиями, какие предъявляет к ней социалистическое производство. И не только в данном состоянии производительных сил, но в их чрезвычайно далекой перспективе.

Это в дикой, некультурной, полубезграмотной, нищей стране? — не преминут заявить многие.

Да, в ней.

И именно в ней. И именно при наличии рабоче-крестьянской власти. Ибо нигде, поскольку в Европе жив капитализм, эта задача поставлена конкретно быть не может.

Небольшой пример:

Гениально-острый взор Владимира Ильича сумел увидеть всю неизмеримо революционизирующую мощь электрификации.

А среди нас нашлись окрестившие ее «электрофикцией» и по глупости своей много над ней

позубоскалившие. Мы позволим себе сказать о ней два-три слова в рамках нашей темы.

Огромный маховик паровой машины и грязная паутина трансмиссий в производстве сменяются для каждой машины мотором, ростом не больше взрослого щенка. Имеет ли это какое-нибудь отношение, ну, хотя бы к социальной медицине? Мы скоро услышим: «Электрификация — могучий враг туберкулеза, враг травматизма. Электрификация упраздняет для энергии понятия пространства и длительности. Электрификация и цена производства товара стоят в неразрывной, но еще плохо понятой связи. Электрификация унифицирует энергетику производства, она — первый сокрушительный удар по системе капиталистической конкуренции. Электрификация непомерно убыстряет производственный процесс, как таковой. Электрификация призвана свести нанет прочерченные по земле границы между государств». И т. д., и т. д.

Сохранить

При чем этот акафист электрификации? — спросят нас.— Какое это имеет отношение к науке?

Чрезвычайно «при чем». И очень большое отношение.

«Электрификация,— говорил на VIII съезде Советов тов. Ленин,— нужна нам, как первый набросок, который перед всей Россией встанет, как великий хозяйственный план... показывающий, как перевести Россию на настоящую хозяйственную базу, необходимую для коммунизма».

И VIII съезд постановил: «Съезд поручает Совнаркому разработать постановление о поголовной мобилизации всех обладающих достаточной подготовкой, научной или практической, для пропаганды плана электрификации и преподавания необходимых знаний для его понимания».

Ну, а много ли нашлось у нас людей, способных преподавать электрификацию, хотя бы по плану известной книги П. И. Степанова?*

* вот именно! Это против В. Плетнева.

И мы замечаем, что наши экономисты-марксисты все чаще и чаще говорят о том, что работа в области экономики без хорошего знания техники дольше невозможна.

Отсюда следует огромной важности вывод: нам необходимы сейчас не только специалисты в различных областях техники и экономики. Эпоха ставит перед нами задачу выработки нового типа ученого: социального инженера, инженера-организатора, способного оперировать с явлениями и заданиями крупнейшего масштаба. Этот инженер должен быть техником и экономистом в равной степени.

?

Вносит ли это что-либо новое в науку?

Отрицательного ответа на это быть не может. Раздробленность научного знания,— плод системы капиталистической конкуренции,— раз-

винтом производительных сил революционного мира преодолевается, и наука идет к своему монизму.

Век радия и электричества ожидает для себя рабочего новой формации. Это будет не только мускульная сила, а высоко интеллектуально развитая единица. Ему должна быть ясна связь всех явлений общественной жизни, общественного производства в частности. От науки отпадает много ятей и твердых знаков, мертвых, почтенных языков, гурманского знания, фетишизирования лженаучных ценностей. Человек социализма не может не быть энциклопедистом в лучшем смысле этого слова.

Связь между научными дисциплинами, их упрощение к усвоению, создание новой методологии научного творчества — вот перспективы развития науки.

Должны ли мы считать первые опытные шаги по этому пути утопией, ненужной роскошью и т. д., и т. п.?

Кто хорошо подумает над этим, тот не будет считать их таковыми. А кто посчитает, тот пусть вспомнит об идиотском слове «электрофикция» и поглубже заинтересуется книгой И. И. Степанова, еще не понятой, как следует, и в той же степени не оцененной.

Мы же считаем работу в этом направлении категорически необходимой, и именно сейчас. И первые шаги по этому пути должен сделать сам [пролетариат]*. Пролетарий перестает быть только техническим винтиком в процессе производства...

* вздор.

Как видно отсюда, к наступлению на буржуазную науку пролетариат толкается самим процессом революции, и это неизбежный исторический закон.

И в этом историческое оправдание нашей задачи революционизирования, социализации науки нами поставленной, и первых наших практических шагов по этому пути, которые мы делаем, и еще одно оправдание существования Пролеткульта.

?

Без науки социализм невозможен. С буржуазной наукой также.

Монизм науки, четкое понимание связи, единства вещей, стремление к этому — наша задача.

«Раз понята связь вещей,— рушится вся теоретическая вера в постоянную необходимость существующих в капитализме порядков, рушится раньше, чем они развалятся на практике».

Этими словами Маркса оправдывается постановка вопросов * о науке именно сейчас, а не тогда, когда... и т. д., как возражают нам наши враги и мало уверенные в своих силах друзья.

* Нисколько (нет конкретности)

В заключение несколько слов об искусстве,

NB: «вывод» «в особенности»!

Опыт нашей революции в целом, и в период нэп'а в особенности, показал, что художник старого мира не может и не будет художником революции. Многие из современных художников «приемлют» Советскую власть, приемлют большевиков. Но в борьбе за идеологию вопрос не только в признании власти, а в признании коммунистической идеологии. Мы смело утверждаем, что подавляющая масса художников, и даже при формальной принадлежности их к партии, остается по своей художественной идеологии идеалистами и метафизиками.

В буржуазном обществе искусство стало товаром, покупным украшением жизни буржуа. Искусство современности украшает жизнь, искусство пролетариата призвано видоизменить ее. Потребительская точка зрения должна уступить свое место производственной. Это не значит, что мы упраздняем красоту. Мы утверждаем только одно: «красота» — понятие не абсолютное, красота в понимании буржуазного художника не то, что «красота» в понимании пролетария. И опять-таки потому, что отображение творческого производственного процесса в искусстве художником буржуазного мира дается так, как он в и д и т его, художник-пролетарий передаст его так, как он п е р е ж и в а е т его, будучи непосредственным творцом производственного процесса.

вздор

Пролетарский художник будет одновременно и художником и рабочим; пропасть, созданная между первым и вторым в буржуазном обществе, исчезнет тогда, когда рабочий выделит из массы своего художника.

И для последнего искусство будет не только внешним украшением жизни, а творчеством ее.

Будуарный херувимчик нелеп на фасаде грандиозной электрической станции, гирляндочки цветочков смешны на перекинутом через ширь реки мосту. И станция и мост красивы своей красотой мощи, силы, конструкции огромных масс стали, железа, бетона, камня *.

* верно, но конкретно (Эренбург).

Красота аэроплана родилась не из желания сделать его красивым, а из его облегчающей полет конструкции, а его красота и на земле и в высотах бесспорна. Эта красота производственной, технической целесообразности. Изобразительное искусство нового мира будет производственным искусством, или его не будет вовсе. Здесь закудахчут об интуиции «я» художника, пантии, святом искусстве и т. п. Все это побрякушки из колыбели идеализма и метафизики — не больше.

?

Так в изобразительном искусстве. В литературе?

Бешеная стремительность революции уже сейчас вносит в наш язык новое содержание, ломая его «благородные» классические формы. Наш лексикон, подчиняясь темпу жизни, становится телеграфно-четким, отрывистым, сгущающим

содержание слова до колоссальных размеров. Переведите-ка на старый «благородный» русский язык Обломова пару слов: «электрификация» и «радиоактивность», а мы в них легко ассоциируем несоизмеримый масштаб явлений экономического, технического, научного порядка. Это вносит в содержание, в форму литературного творчества и его назначение огромные видоизменения. Схема индивидуалистических переживаний уступает место движениям масс, фон литературного произведения расширяется до необъятных размеров. Способность обобщающе, монистически мыслить становится такою же потребностью художника, как дышать, есть и пить.

?

Уф!

И в ожесточенной борьбе с буржуазной литературой вырастает новый пролетарский художник. Он еще во многом в плену буржуазной литературы. Наша задача воспитать его по нашей линии, дать ему в руки мощное оружие монистического понимания мира и жизни, развить его творческие силы. Этот художник будет первым камнем новой пролетарской классовой литературы. Нужно ли дать этому художнику возможность выявиться? Может ли пролетариат, класс, стоящий у власти, ждать, когда художник сам выбьется из массы? Двух ответов быть не может. И в том, что до сих пор сделано в этой плоскости Пролеткультом, есть решение этой задачи. От «Правды» 1912—1913 гг. через Пролеткульт выросла плеяда пролетарских поэтов, и с каждым днем их сила растет количественно и качественно. Пролетарская литература имеет уже свою краткую, но большую историю.

И в этом оправдание идеи Пролеткульта и его существования.

Театр.

Здесь за Пролеткультом останется честь того, что впервые в истории нам удалось дать первый проблеск пролетарского театра. Пьеса, рисующая этап нашей борьбы, принадлежащая автору-пролетарию («Лена»), дана была на сцене 1-го Рабочего театра силами художников сцены — рабочих. Пусть это было слабо, но начало этим положено. Впервые в Пролеткульте был выдвинут лозунг: «История рабочего движения должна стать материалом для художественного творчества». Нужно сдать в архив «героя» буржуазного театра. Масса в ее жизни-борьбе должна прийти в театр. И в настоящий момент мы видим, что мы не едины.

«Смотрел сегодня «Разрушителей машин» Эрнста Толлера,— пишет товарищ из Берлина,— и вспоминал ваш лозунг. В этой пьесе живое и полное его воплощение» *.

* Эрнст Толлер — бывший комиссар Баварской Советской Республики, отбывает 5 лет тюрьмы в Баварии. Автор могучих пьес: «Масса-человек», «Превращения», «Разрушители машин» и др.

Пьесы указанного автора — это пьесы массовых движений, грандиозные картины обобщения исторических форм пролетарской борьбы.

Около 1000 человек студийцев-рабочих наших драматических студий по всей России ведут работу по созданию пролетарского классового театра. В этом решение еще одной задачи, поставленной Пролеткультом, и еще раз оправдание необходимости его существования.

?

Мы хорошо знаем из практической нашей работы всю непомерную трудность поставленных нами задач. Но легких задач у пролетариата не было и нет. 4 года работы Пролеткульта в непомерно тяжких условиях дали уже свои результаты и расчистили путь к дальнейшему. Нас часто спрашивают: что вы сделали за 4 года вашей работы? где же ваша чаемая пролетарская культура?

Напомним вопрошающим: буржуазная культура строилась 5—6 веков, столько же веков вбивалась в сознание всех буржуазная идеология. Борьбу за пролетарскую культуру в ее практической форме мы ведем всего четыре года. Пусть спрашивающий подумает над этими цифрами: в этом пока наш ответ.

А о методах, практике и конкретных цифровых и практических результатах нашей 4-летней работы в следующий раз.

В. Плетнев

Сборник «Вопросы культуры при диктатуре пролетариата». Гиз, 1925. (Сверено с первоисточником.)

Н. И. БУХАРИНУ [45]

тов. Бухарин! Посылаю Вам сегодняшнюю «Правду». Ну зачем печатать глупости под видом важничающего всеми учеными и модными словами фельетона Плетнева? Отметил 2 глупости и поставил ряд знаков вопроса. Учиться надо автору не «пролетарской» науке, а просто учиться. Неужели редакция «Правды» не разъяснит автору его ошибки? Ведь это же *фальсификация* исторического материализма! Игра в исторический материализм!

Ваш *Ленин*

Написано 27 сентября 1922 г. *П. с. с., т. 54, с. 291.*

Из статьи
«СТРАНИЧКИ ИЗ ДНЕВНИКА» [46]

Вышедшая на днях работа о грамотности населения России по данным переписи 1920 года («Грамотность в России», Москва, 1922 г., Центральное статистическое управление, Отдел статистики народного образования) составляет очень важное явление.

Привожу ниже таблицу грамотности населения России за 1897 и 1920 гг., заимствованную из этой работы:

	На 1000 муж. п. грамотных в:		На 1000 жен. п. грамотных в:		На 1000 всего населения грамотных в:	
	1897 г.	1920 г.	1897 г.	1920 г.	1897 г.	1920 г.
1. Европейская Россия	326	422	136	255	229	330
2. Северный Кавказ	241	357	56	215	150	281
3. Сибирь (Западная)	170	307	46	134	108	218
Всего	318	409	131	244	223	319

В то время, как мы болтали о пролетарской культуре [47] и о соотношении ее с буржуазной культурой, факты преподносят нам цифры, показывающие, что даже и с буржуазной культурой дела обстоят у нас очень слабо. Оказалось, что, как и следовало ожидать, от всеобщей грамотности мы отстали еще очень сильно, и даже прогресс наш по сравнению с царскими временами (1897 годом) оказался слишком медленным. Это служит грозным предостережением и упреком по адресу тех, кто витал и витает в эмпиреях «пролетарской культуры». Это показывает, сколько еще настоятельной черновой работы предстоит нам сделать, чтобы достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы. Это показывает далее, какая уйма работы предстоит нам теперь для того, чтобы на почве наших пролетарских завоеваний достигнуть действительно сколько-нибудь культурного уровня.

Надо, чтобы мы не ограничивались этим бесспорным, но слишком теоретическим положением. Надо, чтобы при ближайшем пересмотре нашего квартального бюджета мы взялись за дело и практически. Конечно, в первую голову должны быть сокращены расходы не Наркомпроса, а расходы других ведомств, с тем, чтобы освобожденные суммы были обращены на нужды Наркомпроса. Не надо скаредничать с увеличением выдачи хлеба учителям в такой год, как нынешний, когда мы сравнительно сносно им обеспечены.

Работа, которая ведется теперь в области народного образования, вообще говоря, не может быть названа слишком узкой. Делается очень немало для того, чтобы сдвинуть с места старое учительство, чтобы привлечь его к новым задачам, заинтересовать его новой постановкой вопросов педагогики, заинтересовать в таких вопросах, как вопрос религиозный.

Но мы не делаем главного. Мы не заботимся или далеко не достаточно заботимся о том, чтобы поставить народного учителя на ту высоту, без которой и речи быть не может ни о какой культуре: ни о пролетарской, ни даже о буржуазной. Речь должна идти о той полуазиатской бескультурности, из которой мы не вы-

брались до сих пор и не можем выбраться без серьезных усилий, хотя имеем возможность выбраться, потому что нигде народные массы не заинтересованы так настоящей культурой, как у нас; нигде вопросы этой культуры не ставятся так глубоко и так последовательно, как у нас; нигде, ни в одной стране, государственная власть не находится в руках рабочего класса, который в массе своей прекрасно понимает недостатки своей, не скажу культурности, а скажу грамотности; нигде он не готов приносить и не приносит таких жертв для улучшения своего положения в этом отношении, как у нас...

...Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе. Это — истина, не требующая доказательств. К этому положению дел мы должны идти систематической, неуклонной, настойчивой работой и над его духовным подъемом, и над его всесторонней подготовкой к его действительно высокому званию и, главное, главное и главное — над поднятием его материального положения.

Надо систематически усилить работу по организации народных учителей, чтобы сделать их из опоры буржуазного строя, которой они являются до сих пор во всех, без исключения, капиталистических странах, опорой советского строя, чтобы отвлечь через них крестьянство от союза с буржуазией, и привлечь их к союзу с пролетариатом...

...Тут основной политический вопрос — в отношении города к деревне, который имеет решающее значение для всей нашей революции. В то время, как буржуазное государство систематически направляет все усилия на то, чтобы отуплять рабочих города, подгоняя для этой цели всю издаваемую на счет государства, на счет царских и на счет буржуазных партий литературу, мы можем и должны употребить нашу власть на то, чтобы действительно сделать из городского рабочего проводника коммунистических идей в среду сельского пролетариата.

Я сказал «коммунистических» и спешу оговориться, боясь вызвать недоразумение или быть слишком прямолинейно понятым. Никоим образом нельзя понимать это так, будто мы должны нести сразу чисто и узко-коммунистические идеи в деревню. До тех пор, пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма, до тех пор это будет, можно сказать, вредно, это будет, можно сказать, гибельно для коммунизма.

Нет. Начать следует с того, чтобы установить общение между городом и деревней, отнюдь не задаваясь предвзятой целью внедрить в деревню коммунизм. Такая цель не может быть сейчас достигнута. Такая цель несвоевременна. Постановка такой цели принесет вред делу вместо пользы.

Но установить общение между рабочими города и работниками деревни, установить между ними ту форму товарищества, которая между ними может быть легко создана, — это наша обя-

занность, это одна из основных задач рабочего класса, стоящего у власти. Для этого необходимо основать ряд объединений (партийных, профессиональных, частных) из фабрично-заводских рабочих, которые ставили бы себе систематической целью помогать деревне в ее культурном развитии...

...Мы не делаем почти ничего для деревни помимо нашего официального бюджета или помимо наших официальных сношений. Правда, культурные сношения города с деревней принимают у нас само собой и принимают неизбежно иной характер. Город давал деревне при капитализме то, что ее развращало политически, экономически, нравственно, физически и т. п. Город у нас само собой начинает давать деревне прямо обратное. Но все это делается именно само собою, стихийно, и все это может быть усилено (а затем и увеличено во сто крат) внесением сознания, планомерности и систематичности в этой работе.

Мы только тогда начнем двигаться вперед (а тогда мы начнем наверняка двигаться во сто крат быстрее), когда подвергнем изучению этот вопрос, будем основывать всевозможные объединения рабочих — избегая всемерно их бюрократизации — для того, чтобы поставить этот вопрос, обсудить его и претворить его в дело.

2 января 1923 года.

П. с. с., т. 45, с. 363—368.

О ПЕЧАТИ

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О СВОБОДЕ ПЕЧАТИ [68]

Буржуазия понимала под свободой печати свободу издания газет богатыми, захват прессы капиталистами, на деле приводивший повсюду во всех странах, не исключая и наиболее свободных, к продажности прессы.

Рабочее и крестьянское правительство под свободой печати понимает освобождение прессы из-под гнета капитала, переход в собственность государства бумажных фабрик и типографий, предоставление каждой группе граждан, достигающей известной численности (например, 10 000), равного права на пользование соответственной долей запасов бумаги и соответственным количеством типографского труда.

Как первый шаг к осуществлению этой цели, неразрывно связанной с освобождением трудящихся от гнета капитала, временное рабочее и крестьянское правительство назначает Следственную комиссию для расследования связей периодических изданий с капиталом, источника их средств и доходов, состава их жертвователей, покрытия их дефицитов и всего хозяйства газет вообще. Всякое сокрытие книг счетов или иных документов от Следственной комиссии, а равно всякое заведомо неправдивое показание будет караться революционным судом.

Все владельцы газет, акционеры, а равно все служащие обязуются представить немедленно письменные отчеты и сведения по указанным вопросам в *Следственную комиссию* по раскрытию связи прессы с капиталом и зависимости прессы от капитала, в Смольный институт, в Петроград.

Следственная комиссия назначается из следующих лиц: *

Комиссия имеет право пополнять свой состав, вызывать экспертов и свидетелей, требовать открытия всех книг и т. д.

Написано 4 (17) ноября 1917 г. *П. с. с., т. 35, с. 51—52.*

---

* В рукописи оставлено место для фамилий.— *Ред.*

ИЗ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ВАРИАНТА СТАТЬИ «ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ»

...До сих пор наша советская пресса в значительной степени находится еще под впечатлением старых привычек и старых традиций буржуазного общества. Это сказывается между прочим на том, что и наша пресса продолжает уделять, как и старая буржуазная пресса, непомерно много места и внимания тем мелочам политики, тем личным вопросам политического руководства, которыми капиталисты всех стран старались отвлекать внимание народных масс от действительно серьезных, глубоких и коренных вопросов их жизни. И в этом отношении нам предстоит еще почти заново решить задачу, для решения которой есть налицо все материальные предпосылки, нет только сознания необходимости этой задачи и готовности решить ее. Это, именно, задача — превратить прессу из органа преимущественно сообщения политических новостей дня в серьезный орган экономического воспитания масс населения. Нужно будет добиться, и мы добьемся того, что пресса, обслуживающая советские массы, будет уделять меньше места вопросам о личном составе политического руководительства, или о девятистепенных политических мероприятиях, составляющих обыденную деятельность, рутинную работу всех политических учреждений. На первое же место пресса должна будет ставить вопросы труда в их непосредственно практической постановке. Пресса должна стать органом трудовой коммуны в том смысле, чтобы предавать гласности как раз то, что старались скрыть от массы руководители капиталистических предприятий. Для капиталиста внутренняя организация его предприятия представляла собою нечто, коммерческой тайной защищенное от глаз посторонней публики,— нечто такое, где, кажется, хотели быть всевластными и единовластными, защищенными не только от критики, не только от постороннего вмешательства, но и от постороннего глаза. Наоборот, для Советской власти именно организация труда в отдельных крупнейших предприятиях и в отдельных деревенских общинах является самым главным, коренным и злободневным вопросом всей общественной жизни. Нашим первым и главным средством для повышения самодисциплины трудящихся и для перехода от старых, никуда не годных, приемов работы или приемов отлынивания от работы в капиталистическом обществе, — главным средством должна являться пресса, вскрывающая недочеты хозяйственной жизни каждой трудовой коммуны, беспощадно клеймящая эти недочеты, открыто вскрывающая все язвы нашей хозяйственной жизни и, таким образом, апеллирующая к общественному мнению трудящихся для излечения этих язв. Пусть у нас будет вдесятеро меньше газетного материала (может быть, было бы хорошо, если его будет в 100 раз меньше), газетного материала, посвященного так называемой злобе дня, — но пусть у нас будет распространенная в сотнях тысяч и миллионах экземпляров

печать, знакомящая все население с образцовой постановкой дела в немногих опережающих другие трудовых коммунах государства. Каждая фабрика, каждая артель и земледельческое предприятие, каждое селение, переходящее к новому земледелию с применением закона о социализации земли, является теперь в смысле демократических основ Советской власти самостоятельной коммуной с внутренней организацией труда. В каждой из этих коммун повышение самодисциплины трудящихся, умение их сработаться с руководителями-специалистами, хотя бы из буржуазной интеллигенции, достижение ими практических результатов в смысле повышения производительности труда, экономии человеческого труда, сбережения продуктов от того неслыханного расхищения, от которого мы страдаем непомерно в настоящее время,— вот что должно составить содержание большей части материала нашей советской печати. Вот на каком пути мы можем и должны достигнуть того, чтобы сила примера стала в первую голову моральным, а затем — и принудительно вводимым образцом устройства труда в новой Советской России.

При капиталистическом обществе были неоднократно примеры устройства трудовых коммун со стороны людей, которые надеялись мирно и безболезненно убедить человечество в преимуществе социализма и обеспечить его введение. Со стороны революционных марксистов такая точка зрения и такие приемы деятельности вызывают вполне законные насмешки, потому что в обстановке капиталистического рабства достигнуть каких-нибудь коренных изменений путем изолированных примеров было бы, действительно, совершенно пустым мечтанием, на практике приводившим либо к безжизненным предприятиям, либо к превращению этих предприятий в союзы мелких капиталистиков.

Эта привычка относиться с насмешкой и с пренебрежением к значению примера в массовом народном хозяйстве сказывается иногда и теперь у людей, которые не продумали коренного изменения, наступившего со времени завоевания политической власти пролетариатом. Теперь, когда земля перестала быть частной собственностью, когда фабрики и заводы почти перестали быть частной собственностью и, несомненно, перестанут быть таковою в самом ближайшем будущем — (ввести соответственные декреты — это не представит для Советской власти при теперешнем ее положении решительно никакого труда),— теперь значение примера трудовой коммуны, решающего лучше, чем какие бы то ни было другие способы, организационные задачи, приобрело гигантское значение. Нам надо именно теперь позаботиться о том, чтобы масса необыкновенно ценного материала, который имеется налицо в виде опыта новой организации производства в отдельных городах, в отдельных предприятиях, в отдельных деревенских общинах, — чтобы этот опыт стал достоянием масс.

Мы до сих пор находимся еще под значительным давлением старого общественного мнения буржуазии. Если посмотреть на

наши газеты, то легко убедиться в том, какое непомерно большое место уделяем мы еще вопросам, поставленным буржуазией, — вопросам, которыми она хочет отвлечь внимание трудящихся от конкретных практических задач социалистического переустройства. Мы должны превратить, — и мы превратим, — прессу из органа сенсаций, из простого аппарата для сообщения политических новостей, из органа борьбы против буржуазной лжи — в орудие экономического перевоспитания массы, в орудие ознакомления массы с тем, как надо налаживать труд по-новому...

Продиктовано между 23 и 28 марта 1918 г. *П. с. с., т. 36, с. 146—149.*

Из работы

«ПИСЬМО К АМЕРИКАНСКИМ РАБОЧИМ»

...Пусть кричит на весь свет продажная буржуазная пресса о каждой ошибке, которую делает наша революция. Мы не боимся наших ошибок. От того, что началась революция, люди не стали святыми. Безошибочно сделать революцию не могут те трудящиеся классы, которые веками угнетались, забивались, насильственно зажимались в тиски нищеты, невежества, одичания. И труп буржуазного общества, как мне приходилось уже однажды указывать, нельзя заколотить в гроб и зарыть в землю [40]. Убитый капитализм гниет, разлагается среди нас, заражая воздух миазмами, отравляя нашу жизнь, хватая новое, свежее, молодое, живое, тысячами нитей и связей старого, гнилого, мертвого.

На каждую сотню наших ошибок, о которых кричит на весь свет буржуазия и ее лакеи (наши меньшевики и правые эсеры в том числе), приходится 10 000 великих и геройских актов — тем более великих и геройских, что они просты, невидны, спрятаны в будничной жизни фабричного квартала или захолустной деревни, совершены людьми, не привыкшими (и не имеющими возможности) кричать о каждом своем успехе на весь мир.

Но если бы даже дело обстояло наоборот, — хотя я знаю, что такое допущение не верно, — если бы даже на 100 наших правильных актов приходилось 10 000 ошибок, все-таки наша революция была бы, *и она будет перед всемирной историей*, велика и непобедима, ибо *первый раз* не меньшинство, не одни только богатые, не одни только образованные, а настоящая масса, громадное большинство трудящихся *сами* строят новую жизнь, *своим опытом* решают труднейшие вопросы социалистической организации...

20 августа 1918 г.

П. с. с., т. 37, с. 60—61.

Чрезмерно уделяется место политической агитации на старые темы, — политической трескотне. Непомерно мало места уделяется строительству новой жизни, — фактам и фактам на этот счет.

Почему бы, вместо 200—400 строк, не говорить в 20—10 строках о таких простых, общеизвестных, ясных, усвоенных уже в значительной степени массой явлениях, как подлое предательство меньшевиков, лакеев буржуазии, как англо-японское нашествие ради восстановления священных прав капитала, как лязганье зубами американских миллиардеров против Германии и т. д., и т. п.? Говорить об этом надо, каждый новый факт в этой области отмечать надо, но не статьи писать, не рассуждения повторять, а в нескольких строках, «в телеграфном стиле» клеймить новые проявления старой, уже известной, уже оцененной политики.

Буржуазная пресса в «доброе старое буржуазное время» не касалась «святого святых» — внутреннего положения дел на частных фабриках, в частных хозяйствах. Этот обычай отвечал интересам буржуазии. От него нам надо радикально отделаться. Мы от него *не* отделались. Тип газет у нас *не* меняется еще так, как должен бы он меняться в обществе, переходящем от капитализма к социализму.

Поменьше политики. Политика «прояснена» полностью и сведена на борьбу двух лагерей: восставшего пролетариата и кучки рабовладельцев-капиталистов (с их сворой вплоть до меньшевиков и пр.). Об этой политике можно, повторяю, и должно говорить совсем коротко.

Побольше экономики. Но экономики не в смысле «общих» рассуждений, ученых обзоров, интеллигентских планов и т. п. дребедени, — которая, к сожалению, слишком часто является именно дребеденью. Нет, экономика нужна нам в смысле собирания, *тщательной проверки* и изучения фактов действительного строительства новой жизни. Есть ли *на деле* успехи крупных фабрик, земледельческих коммун, комитетов бедноты, местных совнархозов в строительстве новой экономики? Каковы именно эти успехи? Доказаны ли они? Нет ли тут побасенок, хвастовства, интеллигентских обещаний («налаживается», «составлен план», «пускаем в ход силы», «теперь ручаемся», «улучшение несомненно» и т. п. шарлатанские фразы, на которые «мы» такие мастера)? Чем достигнуты успехи? Как сделать их более широкими?

Черная доска отсталых фабрик, после национализации оставшихся образцом разброда, распада, грязи, хулиганства, тунеядства, где она? Ее нет. А такие фабрики *есть*. Мы не умеем выполнять своего долга, не ведя *войны* против этих «хранителей традиций капитализма». Мы не коммунисты, а тряпичники, пока мы молча терпим такие фабрики. Мы не умеем вести классовой борьбы в газетах так, как ее вела буржуазия. Припомните, как велико-

лепно *травила* она в прессе *ее* классовых врагов, как издевалась над ними, как позорила их, как сживала их со света. А мы? Разве классовая борьба в эпоху перехода от капитализма к социализму не состоит в том, чтобы охранять интересы рабочего *класса* от тех горсток, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиций (привычек) капитализма и продолжают смотреть на Советское государство по-прежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже, — содрать с «него» денег побольше. Разве мало таких мерзавцев, хотя бы среди наборщиков советских типографий, среди сормовских и путиловских рабочих и т. д.? Скольких из них мы поймали, скольких изобличили, скольких пригвоздили к позорному столбу?

Печать об этом молчит. А если пишет, то по-казенному, починовничьи, не как *революционная* печать, не как орган *диктатуры* класса, доказывающего своими делами, что сопротивление капиталистов и хранящих капиталистические привычки тунеядцев будет сломлено железной рукой.

То же с войной. Травим ли мы трусливых полководцев и разинь? Очернили ли мы перед Россией полки, никуда не годные? «Поймали» ли мы достаточное количество худых образцов, которых надо бы с наибольшим шумом удалить из армии за негодность, за халатность, за опоздание и т. п.? У нас нет деловой, беспощадной, истинно революционной *войны с конкретными* носителями зла. У нас мало *воспитания масс* на живых, конкретных примерах и образцах из всех областей жизни, а это — главная задача прессы во время перехода от капитализма к коммунизму. У нас мало внимания к той *будничной* стороне внутрифабричной, внутридеревенской, внутриполковой жизни, где всего больше строится новое, где нужно всего больше внимания, огласки, общественной критики, травли негодного, призыва учиться у хорошего.

Поменьше политической трескотни. Поменьше интеллигентских рассуждений. Поближе к жизни. Побольше внимания к тому, как рабочая и крестьянская масса *на деле* строит нечто *новое* в своей будничной работе. Побольше *проверки* того, насколько *коммунистично* это новое.

Напечатано 20 сентября 1918 г. *П. с. с., т. 37, с. 89—91.*

ЗАЯВЛЕНИЕ В КОМИТЕТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЮЗА СОВЕТСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ

Прошу зачислить меня в члены профессионального Союза советских журналистов.

Вл. Ульянов (Ленин)

Написано в октябре, не позднее 22, 1918 г. *П. с. с., т. 50, с. 198.*

МАЛЕНЬКАЯ КАРТИНКА ДЛЯ ВЫЯСНЕНИЯ БОЛЬШИХ ВОПРОСОВ [50]

Товарищ Сосновский, редактор «Бедноты» [51], принес мне замечательную книгу. С ней надо познакомить как можно большее число рабочих и крестьян. Из нее надо извлечь серьезнейшие уроки по самым важным вопросам социалистического строительства, превосходно поясненные живыми примерами. Это — книга товарища Александра Тодорского: «Год — с винтовкой и плугом», изданная в городке Весьегонске тамошним уездным исполкомом по поводу годовщины Октябрьской революции.

Автор описывает годовой опыт деятельности руководителей работы по строительству Советской власти в Весьегонском уезде,— сначала гражданскую войну, восстание местных кулаков и его подавление, затем «мирное строительство жизни». Описание хода революции в захолустном уезде вышло у автора такое простое и вместе с тем такое живое, что пересказывать его значило бы только ослаблять впечатление. Надо пошире распространить эту книгу и выразить пожелание, чтобы как можно большее число работников, действовавших в массе и с массой, в настоящей гуще живой жизни, занялись описанием своего опыта. Издание нескольких сотен или хотя бы нескольких десятков лучших, наиболее правдивых, наиболее бесхитростных, наиболее богатых ценным фактическим содержанием из таких описаний было бы бесконечно более полезно для дела социализма, чем многие из газетных, журнальных и книжных работ записных литераторов, сплошь да рядом за бумагой не видящих жизни.

Возьму один маленький пример из рассказа тов. А. Тодорского. Дело шло о том, чтобы не оставить «безработными» «купеческие руки», а побудить их «взяться за работу».

«...В этих целях были призваны в исполком три молодых, энергичных и особенно дельных промышленника, Е. Е. Ефремов, А. К. Логинов, Н. М. Козлов, и под угрозой лишения свободы и конфискации всего имущества привлечены к созданию лесопильного и хромового (кожевенного) заводов, к оборудованию которых сразу же и было приступлено.

Советская власть не ошиблась в выборе работников, а промышленники, к чести их, почти первые поняли, что имеют дело не с «двухнедельными случайными гостями», а с настоящими хозяевами, взявшими власть в твердые руки.

Вполне правильно уяснив это, они энергично взялись за исполнение распоряжений исполкома, и уже в настоящее время Весьегонск имеет лесопильный завод на полном ходу, обслуживающий всю потребность местного населения и выполняющий заказы от вновь строящейся железной дороги.

Что же касается завода по выделке хрома, то сейчас оборудовано помещение и идет установка двигателя, барабанов и прочих машин, доставленных из Москвы, и не далее, как через $1^1/_2$—2 месяца, Весьегонск будет иметь хромовую кожу своего приготовления.

Оборудование двух советских заводов «несоветскими» руками служит хорошим примером в том, как надо бороться с классом, нам враждебным.

Это — еще полдела, если мы ударим эксплуататоров по рукам, обезвредим их или «доконаем». Дело успешно будет выполнено тогда, когда мы заставим их работать, и делом, выполненным их руками, поможем улучшить новую жизнь и укрепить Советскую власть».

Это превосходное и глубоко правильное рассуждение следовало бы вырезать на досках и выставить в каждом совнархозе, продоргане, в любом заводе, в земотделе и так далее. Ибо то, что поняли товарищи в захолустном Весьегонске, сплошь да рядом упорно не понимают советские работники столиц. Не редкость встретить советского интеллигента или рабочего, коммуниста, который презрительно морщит нос при упоминании кооперации, заявляя с чрезвычайно великой важностью — и со столь же великой глупостью — что это не советские руки, что это буржуи, лавочники, меньшевики, что вот тогда-то и там-то кооператоры прикрыли своими финансовыми оборотами помощь белогвардейцам, что аппарат снабжения и распределения в нашей социалистической республике должны строить чистые советские руки.

Подобное рассуждение типично в том отношении, что истина смешана здесь с ложью так, что получается опаснейшее извращение задач коммунизма, приносящее бездну вреда нашему делу.

Да, кооперация есть аппарат буржуазного общества, выросший в атмосфере «лавочничества», воспитавший руководителей в духе буржуазной политики и буржуазного миросозерцания, дающий поэтому высокий процент белогвардейцев или пособников белогвардейщины. Это бесспорно. Но плохо то, когда из бесспорной истины путем упрощения и аляповатого применения ее начинают делать нелепые выводы. Мы не можем построить коммунизма иначе, как из материалов, созданных капитализмом, иначе, как из того культурного аппарата, который взращен буржуазной обстановкой и поэтому неизбежно бывает пропитан — раз речь заходит о человеческом материале, как части культурного аппарата — буржуазной психологией. В этом трудность построения коммунистического общества, но в этом же гарантия возможности и успешности его построения. Тем и отличается марксизм от старого утопического социализма, что последний хотел строить новое общество не из тех массовых представителей человеческого материала, которые создаются кровавым, грязным, грабительским, лавочническим капитализмом, а из разведенных в особых парниках и теплицах особо добродетельных людей. Эта смешная мысль теперь всем смешна и всеми оставлена, но не все хотят или умеют продумать обратное учение марксизма, продумать, как это можно (и должно) строить коммунизм из массового человеческого материала, испорченного веками и тысячелетиями рабства, крепостничества, капитализма, мелкого раздробленного хозяйничанья, войной всех против всех из-за местечка на рынке, из-за более высокой цены за продукт или за труд.

Кооперация есть аппарат буржуазный. Из этого следует, что он не заслуживает *политического* доверия, но отнюдь не следует, что позволительно отвернуться от задачи использовать его для целей управления и строительства. Политическое недоверие приводит к тому, что нельзя давать несоветским людям *политически* ответственных постов. Оно приводит к тому, что чрезвычайки

внимательно следят за представителями классов, слоев или групп, тяготеющих к белогвардейщине. (При этом, в скобках будь сказано, вовсе не обязательно договариваться до таких нелепостей, которую написал в своем казанском журнале «Красный Террор» [52] товарищ Лацис, один из лучших, испытанных коммунистов, который хотел сказать, что красный террор есть насильственное подавление эксплуататоров, пытающихся восстановить их господство, а вместо того написал на стр. 2 в № 1 своего журнала: «не ищите (!!?) в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом».)

Политическое недоверие к представителям буржуазного аппарата законно и необходимо. Отказ использовать их для дела управления и строительства есть величайшая глупость, несущая величайший вред коммунизму. Кто захотел бы рекомендовать меньшевика как социалиста или как политического руководителя, или даже как политического советчика, тот совершил бы громадную ошибку, ибо история революции в России доказала окончательно, что меньшевики (и социалисты-революционеры) не социалисты, а мелкобуржуазные демократы, способные при каждом серьезном обострении классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией становиться на сторону *буржуазии*. Но мелкобуржуазная демократия — не случайное политическое образование, не какое-нибудь исключение, а *необходимый* продукт капитализма, причем не только старое, докапиталистическое, экономически реакционное среднее крестьянство является «поставщиком» этой демократии, но и культурно-капиталистическая, на почве крупного капитализма произрастающая кооперация, интеллигенция и т. п. Ведь даже в отсталой России рядом с Колупаевыми и Разуваевыми народились капиталисты, которые умели ставить себе на службу культурную интеллигенцию, меньшевистскую, эсеровскую, беспартийную. Неужели мы окажемся глупее этих капиталистов и не сумеем использовать такого «строительного материала» для постройки коммунистической России?

Написано в конце 1918 или начале 1919 г. — *П. с. с., т. 37, с. 407—411.*

Из статьи
«В ЛАКЕЙСКОЙ»

Товарищи привезли с юга несколько меньшевистских, эсеровских и т. п. изданий, позволяющих бросить взгляд на «идейную жизнь» по *ту* сторону баррикады, в *том* лагере. Харьковская «Мысль» Базарова и Мартова, «Грядущий День» Мякотина и Пешехонова, Бунакова и Вишняка, Потресова и Гроссмана, «Южное Дело», «Объединение» Балабанова и Ст. Ивановича, Мякотина и Пешехонова — таковы имена этих изданий и некоторых из выдающихся их сотрудников [53].

Даже немногие, разрозненные номера названных изданий дают такой цельный и сильный аромат, что сразу чувствуешь себя как в лакейской. Образованные интеллигенты, мнящие и называющие себя социалистами, насквозь пропитанные буржуазными предрассудками и лакействующие перед буржуазией, — такова, в сущности, вся эта писательская компания. Оттенков среди этой публики очень много, но они никакого серьезного значения, с политической точки зрения, не имеют, ибо сводятся к тому, насколько лицемерно или искренне, грубо или тонко, аляповато или искусно исполняют они свои лакейские обязанности по отношению к буржуазии.

I

Лакею полагается по должности фрачный костюм, цивилизованная внешность и соответственные манеры, белые перчатки. Лакею разрешается известное народолюбие: с одной стороны, это неизбежно, ибо среда, поставляющая лакеев, должна быть сильно нуждающейся; с другой стороны, это даже выгодно для барина, ибо дает возможность ему «упражнять» свою благотворительность— в первую голову, разумеется, по отношению к «послушным» представителям тех слоев, из которых берутся прислуга, приказчики, рабочие. Чем умнее и образованнее те классы, которые держат лакеев, тем систематичнее и обдуманнее проводят они свою политику, используя лакеев для того, чтобы пошпионить среди трудящихся, чтобы разъединить их уступками известной их части, чтобы укрепить свое положение, заинтересовать «услужающего» в увеличении богатства барина, в надежде получить подачку и прочее и тому подобное.

Народолюбие разрешается лакею, конечно, лишь в очень скромной мере и под обязательным условием выражения чувств покорности и послушания наряду с готовностью «утешать» трудящихся и эксплуатируемых. В скобках сказать, Фейербах очень метко ответил тем, кто защищает религию, как источник «утешения» для людей, что утешать раба есть занятие выгодное для рабовладельца, а настоящий сторонник рабов учит их возмущению, восстанию, свержению ига, а вовсе не «утешает» их. Лакей прикрашивает, прихорашивает фальшивые цветы, служащие для «утешения» наемных рабов в том, что они скованы цепями наемного рабства. Сторонник освобождения людей от наемного рабства срывает с цепей фальшивые, украшающие их цветы, чтобы рабы научились сознательнее и сильнее ненавидеть свои цепи, скорее сбросили их и протянули руку за живыми цветами.

Свойственная лакейскому положению необходимость соединять очень умеренную дозу народолюбия с очень высокой дозой послушания и отстаивания интересов барина неизбежно порождает характерное для лакея, как социального типа, лицемерие. Дело тут именно в социальном типе, а не в свойствах отдельных

лиц. Лакей может быть честнейшим человеком, образцовым членом своей семьи, превосходным гражданином, но он неминуемо осужден на то, чтобы лицемерить, поскольку основной чертой его профессии является соединение интересов барина, которому он «обязался» служить «верой и правдой», с интересами той среды, из которой рекрутируется прислуга. И поэтому, если рассматривать вопрос с точки зрения политика, т. е. с точки зрения миллионов людей и отношений между миллионами, то нельзя не прийти к выводу, что главные свойства лакея, как социального типа, суть лицемерие и трусость. Именно эти свойства воспитывает лакейская профессия. Именно эти свойства являются самыми существенными, с точки зрения наемных рабов и всей массы трудящихся в любом капиталистическом обществе...

Написано в июле 1919 г. *П. с. с., т. 39, с. 139—141.*

Ю. Х. ЛУТОВИНОВУ [54]

30/V.

т. Лутовинов!

Прочел Ваше письмо от 20/V и нахожусь под очень грустным впечатлением. Ожидал я, что в Берлине, отдохнув немного, поправившись от болезни, посмотрев «со стороны» (со стороны виднее) и подумав, Вы придете к ясным и точным выводам. Здесь у Вас было видно «настроение» недовольства. Настроение — нечто почти слепое, бессознательное, непродуманное. Ну вот, думаю, вместо настроения будут теперь ясные и точные выводы. Может быть, думал я, мы и разойдемся насчет этих выводов, но все же будут точные и ясные выводы одного из «основоположников» «оппозиции» (каким Вы сами в письме себя признаете).

Грустное впечатление от Вашего письма потому, что нет ни ясности, ни точности, а опять только темное настроение и в придачу «сильные слова».

Нельзя так.

Факты — Вы вспоминаете это сами — вещь упрямая. Ну вот, посмотрите, каковы же упомянутые у Вас факты. Перечислю *все* Ваши *фактические* указания:

1) ЦК железнодорожников составлен «из старых бюрократов».

Разве это факт? Имена? Я никого, кроме Рудзутака, не знаю, но знаю, что составляли заботливо. Ошибки могли быть. Надо их исправлять. А для этого надо их сначала указать точно, чтобы не было места темному настроению (и нередко прячущейся в этой темноте *сплетне:* сплетня любит темноту и безымянность).

Имен Вы не назвали. Фактов нет.

Рудзутак? Чем он не работник? «Физически изношен»? Найдите-ка у нас не изношенных. Из Туркестана его вернем, как только вылечим Иоффе и Сокольникова.

В чем же наша «фракционная тенденциозность»? В том, что во главе ЦК железнодорожников ставят сторонника большинства партсъезда? Это, по-вашему, есть «фракционность»? Если так, прошу Вас объяснить мне, что надо понимать под фракционностью и что под партийностью.

Не объявите ли Вы «партийностью», что вождь бывшей «рабочей оппозиции» на съезде металлистов на днях внес список ЦК, где из 22 членов РКП — 19 сторонников бывшей «рабочей оппозиции» [55]? Если это не «фракционная тенденциозность», не возрождение фракции, тогда Вы как-то совсем особенно употребляете понятие фракционности, как-то необычно, даже как-то нечеловечески.

2) Во главе ВЦСПС «истрепанный физически человек». Т. е. Томский? Его хотели заменить тройкой секретарей, а теперь вовсе убрали. Так что Ваш выстрел против фракционности повернул против Вас. Вот это уже *факт*.

3) В борьбе против безобразий берлинской миссии Вы встречаете «бешеное сопротивление из Москвы вплоть до Ильича». Извините, это вымысел.

Вы архихвалили Стомонякова, которого защищал Красин. Во главе старой миссии стоял Копп. Коппа убрали, Стомоняков остался.

Что это? «бешеное сопротивление Москвы»?

Или бешеная ложь о Москве?

С точки зрения «фактов», которое из этих крепких словечек ближе к правде? а?

Безобразия были в берлинской миссии, Москва (и Красин) не мешали, не сопротивлялись, а помогли Вам бороться с ними, усилив власть Стомонякова, *Вами* расхваленного сугубо.

4) Вы-де обнаружили здесь (в Берлине) ряд «наглейших подлецов и воров», а Москва их не убирает.

Имена? Ни одного.

Факт или сплетня?

Или Вы не знаете, как адресуются жалобы в ЦК? в Оргбюро? в Политбюро? в Пленум ЦК?

Ни одной жалобы от Вас ни в Политбюро, ни в Пленум *не было*. Вот это факт.

(В скобках: у нас было с Вами разногласие о Шкловском, но Вы не внесли его в Политбюро [56]. Шкловского я знаю большевиком годы до революции. Как честный человек, он помог бы борьбе с «подлецами и ворами». И Вы тормозили отъезд Шкловского в Берлин, хотя здесь он не работник, не у дел.)

5) Гржебин. Вот о нем, и только о нем, прочел вчера Ваш и Стомонякова протест в ЦК. Рассмотрим его в первом заседании [57].

О Гржебине были разногласия у нас в ЦК. Одни говорили: вовсе убрать, ибо надувать может как издатель. Другие говорили: как издатель издаст дешевле. Пусть лучше надует на 10 000, но издаст дешевле и лучше.

Выбрали комиссию поровну из обоих оттенков. Я не вошел в нее ввиду моего «пристрастия» (по мнению кое-кого) к Горькому, защитнику Гржебина.

Комиссия решила дело *единогласно*. Не помню точно, как решила: кажись — покупать у Гржебина, если будет дешевле.

Следовательно, Ваше заключение: «руководились не государственными соображениями», а успокоением Горького,— прямая неправда. А Вы пишете: «я убежден»!!! Если люди составляют себе «убеждения» раньше проверки фактов, кои не трудно проверить, то как это называется?

6) Ломоносов [58], блестящий спец, но «уличен Красиным в преступнейших торговых сделках».

Неправда. Если бы Красин уличил Ломоносова в преступлении, Ломоносов был бы удален и предан суду. Вы слышали звон и... сделали из него сплетню.

Красин писал мне и ЦК: Ломоносов блестящий спец, но к торговле годится меньше и делал ошибки. Приехав сюда, встретив Ломоносова, разобрав документы, Красин не только о преступлении не говорил, но и об ошибках не говорил.

Выбирайте: начать ли Вам серьезно дело в Контрольной комиссии (или где хотите) о преступлениях Ломоносова или взять назад легкомысленно подобранный слух?

7) «Сюда назначают в торговый отдел таких, напр., проходимцев: в прошлом — фабрикант, у которого Советская власть отняла все меха, а теперь его посылают продавать эти меха. Помилуйте, да что же из этого выйдет?»

Так Вы пишете. Ну, как же тут не загрустить. Основоположник целой оппозиции и рассуждает так!

Все равно как если бы темный мужичок сказал: «у тысячи генералов царя отобрали земли и чины, а этих генералов приставили к Красной Армии»! Да, у нас, наверное, больше тысячи бывших при царе генералами и помещиками служит на важнейших постах в Красной Армии. И она победила.

Темному мужичку простит боженька. А Вам?

Если Вы *знаете* «проходимца», как можете Вы, должностное лицо Советской власти, молчать об его *имени?* Не возбуждать дела об *имяреке?*

А если Вы не знаете имени, значит, это опять слух? опять сплетня?

Я перебрал буквально все похожее, хотя бы отдаленно похожее на факты из Вашего письма. Ноль, ноль и ноль.

Если бы я не знал Вас, то, получив такое письмо, как Ваше, я бы сказал:

либо это человек нервнобольной, который истерически хватает обрывки слухов и не может думать, рассуждать, проверять;

либо это беспомощный по неразвитости и темноте человек, который стал жертвой сплетни;

либо это переодетый меньшевик, который сознательно сеет сплетню.

Зная Вас, я говорю Вам, что Ваше письмо есть замечательный «человеческий документ», показывающий, как «основоположник оппозиции» дает себя увлечь желанию во что бы то ни стало играть в оппозицию и кричать, ни к селу ни к городу, о протекционизме, о закомиссарившихся, о системе и проч.

«Дело ведь не в лицах, а в самой системе. Сейчас я ставлю вопрос: пролетариат или размагниченная деклассированная мелкобуржуазная интеллигенция»,— пишете Вы.

Это смешно. Вот именно Ваше письмо и есть как раз великолепный человеческий документ, показывающий нам автора как образец размагниченной мелкобуржуазной интеллигенции. Ибо ведь из пролетариев по профессии не раз выходили в жизни размагниченные мелкобуржуазные интеллигенты по их действительной классовой роли.

Размагниченный мелкобуржуазный интеллигент хнычет, плачется, теряется перед любым проявлением безобразия и зла, лишается самообладания, повторяет любую сплетню, пыжится говорить нечто несвязное о «системе».

Пролетарий (не по бывшей своей профессии, а по действительной своей классовой роли), видя зло, берется деловым образом за борьбу: поддерживает открыто и официально кандидатуру хорошего работника Ивана, предлагает сменить плохого Петра, возбуждает дело — и ведет его энергично, твердо, до конца — против проходимца Сидора, против протекционистской выходки Тита, против преступнейшей сделки Мирона, вырабатывает (после 2—3 месяцев обучения новой работе и практического ознакомления с новой средой) деловые, практические предложения: ввести такую-то систему комиссаров или политкомов, изменить так-то порядки вот здесь, откомандировать столько-то заведомых коммунистов (со стажем таким-то) на такие-то места.

Вот такие пролетарии, даже потеряв свою пролетарскую профессию, умели строить Красную Армию и побеждать с ней (вопреки тысяче изменников и проходимцев, кои были и остались тысячами среди военспецов и военных бюрократов).

Вот такие пролетарии никогда не дойдут до классовой роли размагниченного мелкобуржуазного интеллигента, беспомощно мечущегося, пасующего перед сплетней, называющего обрывки сплетен «системой».

Вот Вам мой откровенный ответ. Хоть изредка отвечу полно — другой раз часа на это не хватит.

По старой дружбе скажу: нервы надо полечить. Тогда явится рассуждение, а не настроение.

С товарищеским приветом *Ленин*

Написано 30 мая 1921 г. *П. с. с., т. 52, с. 224—229.*

Г. П. МЯСНИКОВУ

5/VIII.1921.

т. Мясников!

Прочитал только сегодня *обе* ваши статьи [59]. Каковы были ваши выступления в пермской (кажись, пермской?) организации и в чем конфликт с ней, я не знаю. Об этом не могу говорить. Это дело разберет Оргбюро, которое, как я слышал, выбрало специальную комиссию.

Моя задача иная: оценить ваши письма как литературные и политические документы.

Интересные документы!

Статья «Больные вопросы» особенно наглядно показывает, по-моему, вашу основную ошибку. И я считаю долгом все сделать, чтобы постараться вас убедить.

В начале статьи вы правильно применяете диалектику. Да, кто не понимает смены лозунга «гражданская война» лозунгом «гражданский мир», тот смешон, если не хуже. Да, в этом вы правы.

Но именно потому, что вы в этом правы, меня удивляет, как вы забыли вами самим правильно примененную диалектику при своих выводах.

«...Свободу печати от монархистов до анархистов включительно...» Очень хорошо! Но, извините, все марксисты и все думавшие над четырехлетним опытом нашей революции рабочие скажут: разберемся в том, *какую* свободу печати? для *чего?* для *какого класса?*

Мы в «абсолюты» не верим. Мы над «чистой демократией» смеемся.

Лозунг «свободы печати» стал всемирно великим в конце средних веков и вплоть до XIX века. Почему? Потому что он выражал прогрессивную буржуазию, т. е. ее борьбу против попов и королей, феодалов, помещиков.

Нет ни одной страны в мире, которая бы так много делала и делает для освобождения масс от влияния *попов* и *помещиков*, как РСФСР. *Эту* задачу «свободы печати» мы выполняли и выполняем *лучше всех* в мире.

Свобода печати во всем мире, где есть капиталисты, есть свобода *покупать* газеты, *покупать* писателей, *подкупать* и покупать и фабриковать «общественное мнение» *в пользу буржуазии*.

Это факт.

Никто никогда не сможет его опровергнуть.

А у нас? Может ли кто отрицать, что буржуазия разбита, *но не уничтожена?* что она *притаилась?* Нельзя этого отрицать.

Свобода печати в РСФСР, окруженной буржуазными врагами всего мира, есть свобода *политической организации* буржуазии и ее вернейших слуг, меньшевиков и эсеров.

Это факт неопровержимый.

Буржуазия (во всем мире) еще сильнее нас и во много раз. Дать ей *еще* такое оружие, как свобода политической организации (= свободу печати, ибо печать есть центр и основа политической организации), значит облегчать дело врагу, помогать классовому врагу.

Мы самоубийством кончать не желаем и потому этого не сделаем.

Мы ясно видим *факт:* «свобода печати» означает *на деле* немедленную покупку международной буржуазией сотни и тысячи кадетских, эсеровских и меньшевистских писателей и организацию их пропаганды, их борьбы против нас.

Это факт. «Они» богаче нас и купят «силу» вдесятеро большую против нашей наличной силы.

Нет. Мы этого не сделаем, мы всемирной буржуазии помогать не будем.

Как вы могли с общеклассовой оценки, т. е. с точки зрения оценки отношений между *всеми* классами, *скатиться* до оценки сентиментально обывательской? Это для меня загадка.

В вопросе «гражданский мир или гражданская война», в вопросе о том, как *мы* завоевывали и *продолжим* «завоевание» крестьянства (на сторону пролетариата), в этих двух важнейших, коренных, мировых (=касающихся *сути* мировой политики) вопросах (коим посвящены *обе* ваши статьи) вы *сумели* встать на точку зрения не мещанскую, не сентиментальную, а на марксистскую. Вы сумели там *по-деловому*, трезво *учесть* взаимоотношения *всех* классов.

А тут вдруг скатились в пропасть сентиментализма.

«...У нас куча безобразий и злоупотреблений: свобода печати их разоблачит...»

Вот на чем, насколько я могу судить по двум статьям, вы сбились. Вы дали себя *подавить* известному числу печальных и горьких *фактов* и потеряли способность *трезво* учесть силы.

Свобода печати поможет *силе* мировой буржуазии. Это факт. *Не очистке коммунистической партии* в России от ряда ее слабостей, ошибок, бед, болезней (куча болезней есть, это бесспорно) послужит «свобода печати», ибо этого *не* хочет мировая буржуазия,— а свобода печати станет оружием в руках *этой мировой буржуазии*. Она не умерла. Она жива. Она стоит рядом и караулит. Она уже *наняла* Милюкова, коему Чернов и Мартов (частью по глупости, частью по фракционной злобе на нас, а главным образом по объективной логике их мелкобуржуазно-демократической позиции) служат «верой и правдой».

Вы «шли в комнату, попали в другую».

Вы хотели *лечить* коммунистическую партию и стали хвататься за *лекарство*, несущее верную смерть — не от вас, конечно, а от мировой буржуазии (+Милюков+Чернов+Мартов).

Вы забыли мелочь, совсем малюсенькую мелочь, именно: мировую буржуазию и ее «свободу» покупать *себе* газеты, покупать себе *центры политической организации*.

Нет. По этой дороге мы не пойдем. Из *тысячи* сознательных рабочих *девятьсот* по этой дороге не пойдут.

Болезней у нас много. Такие ошибки (наши *общие* ошибки, все ошиблись, и *СТО*, и *СНК*, и ЦК), как с распределением топлива и *продовольствия* осенью и зимой 1920 года (громадные ошибки!!), еще во много раз обострили болезни нашего положения.

Нужда и бедствия велики.

Голод 1921 года их *усилил* дьявольски.

Вылезем с трудом чертовским, но вылезем. И начали уже вылезать.

Вылезем, ибо политика у нас в основе правильная, учитывающая *все* классовые силы в *международном* масштабе. Вылезем, ибо не прикрашиваем своего положения. Знаем все трудности. Видим *все* болезни. Лечим их систематически, упорно, не впадая в панику.

Вы позволили себя увлечь панике и по этой наклонной плоскости докатились до того, что выходит нечто похожее на основание вами новой партии или на ваше самоубийство.

Нельзя впадать в панику.

Оторванность комячеек от партии? Есть. Зло, бедствие, болезнь.

Есть. Тяжелая болезнь.

Мы ее видим.

Лечить ее надо не «свободой» *(для буржуазии)*, а мерами пролетарскими и партийными.

То, что вы говорите о поднятии хозяйства, об «автоплуге» и проч., о борьбе за «влияние» на крестьянство и т. д., содержит в себе *много* верного, много полезного.

Отчего бы вам не *выделить* этого? Мы сойдемся и будем работать дружно в одной партии. Польза будет громадная, *но не сразу*, а *очень* медленно.

Оживлять Советы, привлекать беспартийных, проверять *беспартийными* работу партийных — вот это абсолютно верно. Вот где работы *тьма*. Непочатый угол работы.

Почему бы вам *этого* не развить *деловым* образом? в брошюре для съезда?

Почему бы за это не взяться?

Почему бы испугаться *черной* работы (злоупотребления *травить* через ЦКК [60], через партийную прессу, через «Правду»)? От неверия в черную работу, медленную, трудную, тяжелую, люди впадают в панику и ищут «легкого» выхода: «свобода печати» *(для буржуазии)*.

Почему вам настаивать на своей ошибке, явной ошибке, на непартийном, *антипролетарском* лозунге «свобода печати»? Почему вам не взяться за менее «блестящую» (буржуазным блеском бле-

стящую) работу черную, деловой чистки злоупотреблений, деловой борьбы с ними, деловой *помощи* беспартийным?

Где вы указали Центральному Комитету такое-то злоупотребление? и такое-то *средство* его исправить, искоренить?

Ни разу.

Ни единого разу.

Вы увидали кучу бедствий и болезней, впали в отчаяние и бросились в чужие объятия, в объятия буржуазии («свобода печати» *для буржуазии*). А мой совет в отчаяние и в панику не впадать.

У нас и у сочувствующих нам, у рабочих и крестьян, сил еще бездна. Здоровья еще много.

Мы плохо лечим болезни.

Мы плохо проводим лозунг: выдвигайте беспартийных, проверяйте беспартийными работу партийных.

Но мы можем сделать и сделаем в этой области во сто раз больше теперешнего.

И я надеюсь, что, подумав трезво, вы не станете из ложного самолюбия настаивать на явной политической ошибке («свобода печати»), а, выправив нервы, поборов в себе панику, вы возьметесь за деловую работу: помочь *связи* с беспартийными, помочь *проверке* беспартийными работы партийных.

На этой работе дела тьма. И на этой работе болезнь можно (и должно) лечить, медленно, но действительно *лечить*, а не туманить себе голову «свободой печати», этим «блестящим» болотным огоньком.

С коммунистическим приветом

Ленин

П. с. с., т. 44, с. 78—83.

И. П. ГОРБУНОВУ

Поручаю Вам проверить, на основании каких законов и правил зарегистрировано в Москве, как сообщается в «Известиях» от 5/II, свыше 143 частных издательств, каков личный состав ответственных за каждое издательство администрации и редакции, какова их гражданская ответственность, а равно ответственность перед судами вообще, кто заведует этим делом в Госиздате, кто ответственен за это.

Переговорите также секретно о том, в чем состоит и как организован надзор за этим делом со стороны Наркомюста, РКИ и ВЧК. Все это строго конфиденциально. Приготовьте мне ответ, хотя бы предварительный, к среде.

Ленин

Продиктовано по телефону 6 февраля 1922 г.

П. с. с., т. 54, с. 155—156.

О ПИСАТЕЛЯХ

А. П. ПРОКОФЬЕВУ

3.I.1919 г.

Тов. Прокофьев!

Посылаю Вам письмо Брюсова. Прошу вернуть мне его с сообщением, как Вы покончили с библиотекой Суркова [61].

Надеюсь, Вы сделаете все же все возможное, чтобы Суркова *немного* удовлетворить: например, дать ему право пользования *и тому подобное.*

Оказывается, Вам надо было обратиться в *библиотечный отдел внешкольного отдела.* Я передам туда, чтобы позаботились о Вас.

С ком. приветом *В. Ульянов (Н. Ленин)*

П. с. с., т. 50, с. 234—235.

ПОМЕТКИ НА ПИСЬМЕ А. А. ВЕРМИШЕВА

Автор пьесы. Александр Александрович Вермишев, Петроград.

Пьеса под девизом: «Бытие определяет формы сознания».

Дорогой вождь и товарищ Владимир Ильич.
Очень прошу уделить время и просмотреть прилагаемый труд... Производя работы по транспорту, я отнял у себя 7 ночей и написал эту пьесу для пролетарского театра... Очень прошу на этом опыте творчества на современную тему в разгаре боя положить свою резолюцию...[62]

Написано не ранее 6 апреля 1919 г.

Ленинский сборник XXXV, с. 62.

ТЕЛЕГРАММА ОРЛОВСКОМУ ГУБИСПОЛКОМУ

12.IV.1919 г.

Орел, губисполком

Копия Малоархангельск, уисполком

Арестован литератор Иван Вольный. Горький, его товарищ, очень просит о наибольшей осторожности, беспристрастии расследования. Нельзя ли освободить под серьезный надзор? Телеграфируйте [63].

Предсовнаркома *Ленин*

П. с. с., т. 50, с. 280.

ТЕЛЕГРАММА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ОРЛОВСКОГО ИСПОЛКОМА

Орел, председателю исполкома
Копия председателю ЧК

Совершенно немедленно вышлите в Москву, Кремль, Совнарком все рукописи, отобранные на обыске у писателя Ивана Вольного [64]. Сохранность их на вашей личной ответственности. Исполнение телеграфируйте.

Предсовнаркома *Ленин*

Написано 22 октября 1919 г. *П. с. с., т. 51, с. 70.*

А. С. ЕНУКИДЗЕ, Л. Б. КАМЕНЕВУ и Е. Д. СТАСОВОЙ

тт. Енукидзе, Л. Б. Каменеву и Е. Д. Стасовой

Очень прошу устроить помощь, одежду, *квартиру*, *продовольствие*, подателю,

тов. *Петру Охрименко.*

Если будут трудности того или иного рода при оказании помощи, очень прошу созвониться со мной [65].

12.XI.1919.

В. Ульянов (Ленин)

П. с. с., т. 51, с. 83—84.

А. С. СЕРАФИМОВИЧУ

Товарищу Серафимовичу

21/V.1920.

Дорогой товарищ!

Сестра только что передала мне о страшном несчастье, которое на Вас обрушилось [66]. Позвольте мне крепко, крепко пожать Вам

Библиотечная книга

руку и пожелать бодрости и твердости духа. Я крайне сожалею, что мне не удалось осуществить свое желание почаще видаться и поближе познакомиться с Вами. Но Ваши произведения и рассказы сестры внушили мне глубокую симпатию к Вам, и мне очень хочется сказать Вам, как *нужна* рабочим и всем нам Ваша работа и как необходима для Вас твердость теперь, чтобы переборо́ть тяжелое настроение и *заставить* себя вернуться к работе. Простите, что пишу наскоро. Еще раз крепко, крепко жму руку.

Ваш *Ленин*

П. с. с., т. 51, с. 198—199.

ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ

2/IX.1920.

Ревсовет Кавкфронта Орджоникидзе

Получил Вашу телеграмму. Не стоит Вам возмущаться. Если сообщения Икса ложны [67], напишите спокойно десять строк опровержения и пришлите мне письмом...

Предсовнаркома *Ленин*

П. с. с., т. 51, с. 273.

Из записки

Н. А. СЕМАШКО

т. Семашко!

(1) Очень прошу назначить специальное лицо (лучше *известного* врача, знающего *заграницу* и известного за границей) для отправки за границу, в Германию (Цюрупы, Крестинского, Осинского, Кураева, *Горького*, *Короленко* и других). Надо *умело* запросить, попросить, сагитировать, написать в Германию, помочь *больным* и т. д.[68].

Сделать *архиаккуратно*

(тщательно)...

Написано в марте не ранее 16, 1921 г. *П. с. с., т. 52, с. 95.*

ЗАПИСКА СЕКРЕТАРЮ

Позвонить Демьяну Бедному или его жене и просить его или ее напомнить доктору Розанову, который должен быть у них сегодня вечером,

позвонить мне от Демьяна.

Написано 20 марта 1921 г. *Ленинский сборник XX, с. 353.*

ЗАПИСКИ
О ПОЭМЕ В. МАЯКОВСКОГО «150 000 000» [69]

6 МАЯ 1921 г.

1. В. И. ЛЕНИН — А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ

Как не стыдно голосовать за издание «150 000 000» Маяковского в 5000 экз.?

Вздор, глупо, махровая глупость и претенциозность.

По-моему, печатать такие вещи лишь 1 из 10 и *не более 1500 экз.* для библиотек и для чудаков.

А Луначарского сечь за футуризм.

Ленин

6/V.

П. с. с., т. 52, с. 179.

2. А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ — В. И. ЛЕНИНУ

Мне эта вещь не очень-то нравится, но 1) такой поэт, как Брюсов, восхищался и требовал напечатания 20 000; 2) при чтении самим автором вещь имела явный успех, притом и у рабочих.

«Литературное наследство», т. 65, с. 210.

3. В. И. ЛЕНИН — М. Н. ПОКРОВСКОМУ

т. Покровский! Паки и паки прошу Вас помочь в борьбе с футуризмом и т. п.

1) Луначарский провел в коллегии (увы!) печатание «150 000 000» Маяковского.

Нельзя ли это пресечь? Надо это пресечь. Условимся, чтобы не больше двух раз в год печатать этих футуристов *и не более 1500 экз.*

2) Киселиса, который, говорят, художник-*«реалист»*, Луначарский-де опять выжил, проводя-де футуриста и прямо и *косвенно.*

Нельзя ли найти надежных *анти* футуристов?

Ленин

П. с. с., т. 52, с. 179—180.

ТЕЛЕФОНОГРАММА А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ

Телефонограмма т-щу Луначарскому.

Прошу прислать ту Илиаду, о которой Вы писали [70].

Ленин

Написано 22 октября 1921 г. *Ленинский сборник XXIII, с. 317.*

ТАЛАНТЛИВАЯ КНИЖКА

Это — книжка озлобленного почти до умопомрачения белогвардейца Аркадия Аверченко: «Дюжина ножей в спину революции». Париж, 1921. Интересно наблюдать, как до кипения дошедшая ненависть вызвала и замечательно сильные и замечательно слабые места этой высокоталантливой книжки. Когда автор свои рассказы посвящает теме, ему неизвестной, выходит нехудожественно. Например, рассказ, изображающий Ленина и Троцкого в домашней жизни. Злобы много, но только непохоже, любезный гражданин Аверченко! Уверяю вас, что недостатков у Ленина и Троцкого много во всякой, в том числе, значит, и в домашней жизни. Только, чтобы о них талантливо написать, надо их знать. А вы их не знаете.

Зато большая часть книжки посвящена темам, которые Аркадий Аверченко великолепно знает, пережил, передумал, перечувствовал. И с поразительным талантом изображены впечатления и настроения представителя старой, помещичьей и фабрикантской, богатой, объевшейся и объедавшейся России. Так, именно так должна казаться революция представителям командующих классов. Огнем пышущая ненависть делает рассказы Аверченко иногда — и большей частью — яркими до поразительности. Есть прямо-таки превосходные вещички, например, «Трава, примятая сапогами», о психологии детей, переживших и переживающих гражданскую войну.

До настоящего пафоса, однако, автор поднимается лишь тогда, когда говорит о еде. Как ели богатые люди в старой России, как закусывали в Петрограде — нет, не в Петрограде, а в Петербурге — за 14 с полтиной и за 50 рублей и т. д. Автор описывает это прямо со сладострастием: вот это он знает, вот это он пережил и перечувствовал, вот тут уже он ошибки не допустит. Знание дела и искренность — из ряда вон выходящие.

В последнем рассказе: «Осколки разбитого вдребезги» изображены в Крыму, в Севастополе бывший сенатор — «был богат, щедр, со связями» — «теперь на артиллерийском складе поденно разгружает и сортирует снаряды», и бывший директор «огромного металлургического завода, считавшегося первым на Выборгской стороне. Теперь он — приказчик комиссионного магазина, и в последнее время приобрел даже некоторую опытность в оценке поношенных дамских капотов и плюшевых детских медведей, приносимых на комиссию».

Оба старичка вспоминают старое, петербургские закаты, улицы, театры, конечно, еду в «Медведе», в «Вене» и в «Малом Ярославце» и т. д. И воспоминания перерываются восклицаниями: «Что мы им сделали? Кому мы мешали?»... «Чем им мешало все это?»... «За что они Россию так?»...

Аркадию Аверченко не понять, за что. Рабочие и крестьяне понимают, видимо, без труда и не нуждаются в пояснениях.

Некоторые рассказы, по-моему, заслуживают перепечатки. Талант надо поощрять.

Напечатано 22 ноября 1921 г. *П. с. с., т. 44, с. 249—250.*

В. М. МОЛОТОВУ ДЛЯ ЧЛЕНОВ ПОЛИТБЮРО ЦК РКП(б)

т. Молотов!

Посылаю к сведению членам Политбюро.

Поставьте, пожалуйста, на повестку.

23/XI. *Ленин*

Мой ответ:

тов. Окулов! Очень жалею, что не могу послать рекомендации, о которой Вы просите. Я бы сделал это охотно, если бы дело шло о личной рекомендации. Но дело идет не о том. Это вопрос политический, и я его направляю в Политбюро [71].

23/XI. С ком. приветом *Ленин*

Написано 23 ноября 1921 г. *П. с. с., т. 54, с. 34—35.*

И. П. ГОРБУНОВУ

5.III.1922 г. *Секретно*

т. Горбунов!

О прилагаемой книге [72] я хотел поговорить с Уншлихтом. По-моему, это похоже на «литературное прикрытие белогвардейской организации».

Поговорите с Уншлихтом не по телефону, и пусть он мне напишет секретно, а книгу вернет.

Ленин

П. с. с., т. 54, с. 198.

О МЕЖДУНАРОДНОМ И ВНУТРЕННЕМ ПОЛОЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ИЗ РЕЧИ НА ЗАСЕДАНИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА МЕТАЛЛИСТОВ 6 МАРТА 1922 г.

...Теперь задача работы у нас несколько изменяется. Вот я об этом и хотел сказать еще несколько слов в дополнение к моему и так несколько затянувшемуся докладу.

В связи с тем положением, когда Генуя показывает колеба-

ния, которым, кажется, не предвидится и конца, и когда мы в своей внутренней политике сделали столько уступок, теперь мы должны сказать: «*Довольно, больше никаких уступок!*». Если господа капиталисты думают, что можно еще тянуть и чем дальше, тем будет больше уступок, повторяю, им нужно сказать: «*Довольно, завтра вы не получите ничего!*». Если история Советской власти и ее побед их ничему не научила, тогда — как им угодно. Мы с своей стороны все сделали, и мы заявили об этом перед всем миром. Я надеюсь, что съезд также подтвердит, что дальше мы не отступаем. *Отступление кончилось*, а в связи с этим и изменяется наша работа.

Нужно отметить, что у нас до сих пор замечается большая нервность, почти болезненность, при обсуждении этого вопроса; составляются всяческие планы и выносятся всякие решения. По этому поводу мне хочется привести следующее. Вчера я случайно прочитал в «Известиях» стихотворение Маяковского на политическую тему [73]. Я не принадлежу к поклонникам его поэтического таланта, хотя вполне признаю свою некомпетентность в этой области. Но давно я не испытывал такого удовольствия, с точки зрения политической и административной. В своем стихотворении он вдрызг высмеивает заседания и издевается над коммунистами, что они все заседают и перезаседают. Не знаю, как насчет поэзии, а насчет политики ручаюсь, что это совершенно правильно. Мы, действительно, находимся в положении людей, и надо сказать, что положение это очень глупое, которые все заседают, составляют комиссии, составляют планы — до бесконечности. Был такой тип русской жизни — Обломов. Он все лежал на кровати и составлял планы. С тех пор прошло много времени. Россия проделала три революции, а все же Обломовы остались, так как Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий и коммунист. Достаточно посмотреть на нас, как мы заседаем, как мы работаем в комиссиях, чтобы сказать, что *старый Обломов остался и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел*. На этот счет мы должны смотреть на свое положение без всяких иллюзий. Мы не подражали никому из тех, кто слово «революция» пишет с большой буквы, как это делают эсеры. Но мы можем повторить слова Маркса, что во время революции делается не меньше глупостей, а иногда и больше [74]. Нужно смотреть на эти глупости трезво и безбоязненно — этому мы, революционеры, должны научиться.

Мы сделали в эту революцию так много неотъемлемого, что уже окончательно победило и о чем уже знает весь мир, что нам смущаться и нервничать ни в каком случае не надо. Сейчас положение такое, что мы, опираясь на произведенную разведку, делаем проверку того, что нами сделано,— эта проверка имеет очень важное значение, от нее мы должны направляться дальше. И когда нам предстоит выдержать борьбу с капиталистами, нам нужно решительно проводить наш новый путь. *Нам нужно построить всю*

нашу организацию так, чтобы во главе коммерческих предприятий у нас не оказались люди, не имеющие опыта в этой области. У нас сплошь и рядом во главе учреждения ставится коммунист — человек заведомо добросовестный, испытанный в борьбе за коммунизм, человек, прошедший тюрьму, но такой, который торговать не умеет, и по этому случаю он поставлен во главе гостреста. И вот он имеет все неоспоримые достоинства, как коммунист, а купец-то его все-таки вздует — и отлично сделает, ибо напрасно самых достойных, великолепнейших коммунистов, в преданности которых ни один человек, кроме сумасшедшего, не усомнится, посадили туда, куда надо ставить расторопного, добросовестно относящегося к делу приказчика, который гораздо лучше справится со своей работой, чем самый преданный коммунист. Вот здесь-то и сказывается наша обломовщина.

Мы на практическую работу для исполнения насадили коммунистов со всеми их прекрасными качествами, но для этой работы совершенно непригодных. Сколько у нас коммунистов сидит в государственных учреждениях? У нас имеются громадные материалы, солидные труды, которые бы привели в восторг самого пунктуального ученого немца, у нас имеются горы бумаг, и нужно 50 лет работы Истпарта, умноженных на 50, чтобы во всем этом разобраться, а практически в гостресте вы ничего не добьетесь и не узнаете, кто за что отвечает. Практическое исполнение декретов, которых у нас больше чем достаточно и которые мы печем с той торопливостью, которую изобразил Маяковский, не находит себе проверки. Исполняются ли у нас постановления коммунистических ответственных работников? Умеют ли они это дело поставить? Нет, этого нет, и вот почему изменяется и гвоздь нашей внутренней политики. Что такое наши заседания и комиссии? Это очень часто игра. После того как мы начали чистку партии и сказали себе: «Шкурников, примазавшихся к партии, воров — долой», стало у нас лучше. Сотню тысяч, примерно, мы выкинули, и это прекрасно, но это только начало. На съезде партии мы этот вопрос обсудим как следует. И тогда, я думаю, те десятки тысяч, которые теперь устраивают только комиссии и никакой практической работы не ведут и не умеют вести, подвергнутся той же участи. Вот когда мы таким образом почистимся, наша партия будет заниматься фактической работой...

П. с. с., т. 45, с. 12—15.

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТЧЕТА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА XI СЪЕЗДУ РКП(б)

27 МАРТА 1922 г.

...Нам было ясно, что именно потому, что мы наступали так успешно в течение многих лет и одерживали так много необыкновенных побед (и все это в стране невероятно разоренной,

лишенной материальных предпосылок!), чтобы закрепить это наступление, нам совершенно необходимо было, раз мы так много завоевали, совершенно необходимо было отступить. Мы не могли удержать всех позиций, которые с налету захватили, а с другой стороны, только благодаря тому, что мы с налету, на гребне энтузиазма рабочих и крестьян, захватили необъятно много, только поэтому у нас было так много места, что мы могли очень далеко отступать и сейчас еще можем далеко отступать, нисколько не теряя главного и основного. Отступление в общем и целом прошло в достаточном порядке, хотя голоса панические, к числу которых принадлежала «рабочая оппозиция» (и в этом был ее величайший вред!), и вызвали у нас частичные отрезы, отпадения от дисциплины, от правильного отступления. Самая опасная штука при отступлении — это паника. Ежели вся армия (тут я говорю в переносном смысле) отступает, тут такого настроения, которое бывает, когда все идут вперед, быть не может. Тут уже на каждом шагу вы встретите настроение до известной степени подавленное. У нас даже поэты были, которые писали, что вот, мол, и голод и холод в Москве, тогда как раньше было чисто, красиво, теперь — торговля, спекуляция. У нас есть целый ряд таких поэтических произведений.

И понятно, что это порождается отступлением. И в этом громадная опасность: отступать после победоносного великого наступления страшно трудно; тут имеются совершенно иные отношения; там дисциплину если и не поддерживаешь, все сами собой прут и летят вперед; тут и дисциплина должна быть сознательней и в сто раз нужнее, потому что, когда вся армия отступает, ей не ясно, она не видит, где остановиться, а видит лишь отступление,— тут иногда достаточно и немногих панических голосов, чтобы все побежали...

...Отступление кончено. Главные приемы деятельности, как с капиталистами работать, намечены. Есть образцы, хотя бы и в ничтожном количестве.

Перестаньте умничать, рассуждать о нэпе, стихи пускай себе поэты пишут, на то они и поэты. Но, экономисты, не рассуждайте о нэпе, а увеличивайте число этих обществ, проверяйте число коммунистов, которые умеют поставить соревнование с капиталистами...

II. с. с., т. 45, с. 88, 92.

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОМУ

т. Дзержинский! К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции.

Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглупим. Прошу обсудить такие меры подготовки.

Собрать совещание Мессинга, Манцева и еще кое-кого в Москве.

Обязать членов Политбюро уделять 2—3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг, *проверяя* исполнение, *требуя письменных отзывов* и добиваясь присылки в Москву без проволочки всех некоммунистических изданий.

Добавить отзывы ряда литераторов-коммунистов (Стеклова, Ольминского, Скворцова, Бухарина и т. д.).

Собрать *систематические* сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей.

Поручить все это толковому, образованному и аккуратному человеку в *ГПУ*.

Мои отзывы о питерских двух изданиях:

«Новая Россия» [75] № 2. Закрыта питерскими товарищами. Не рано ли закрыта? Надо разослать ее членам *Политбюро* и обсудить *внимательнее*. Кто такой ее редактор *Лежнев?* Из «Дня»? [76] Нельзя ли о нем собрать сведения? Конечно, *не все* сотрудники этого журнала кандидаты на высылку за границу.

Вот другое дело питерский журнал «Экономист» [77], изд. XI отдела Русского технического общества. Это, по-моему, явный центр белогвардейцев. В № 3 *(только* третьем!!! Это *nota bene!)* напечатан на обложке список сотрудников. Это, я думаю, *почти все* — законнейшие кандидаты на высылку за границу.

Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу.

Прошу показать это секретно, не размножая, членам *Политбюро, с возвратом Вам и мне*, и сообщить мне их отзывы и Ваше заключение.

19/V. *Ленин*

Написано 19 мая 1922 г. *П. с. с., т. 54, с. 265—266.*

Из записки

Л. А. ФОТИЕВОЙ

Лидия Александровна! Можете поздравить меня с выздоровлением. Доказательство: почерк, который *начинает* становиться человеческим. Начинайте готовить мне книги (и посылать мне списки) 1) научные, 2) беллетристику, 3) политику (последнюю позже всех, ибо она еще не разрешена)...

Привет! *Ленин*

Написано 13 июля 1922 г. *П. с. с., т. 54, с. 273.*

П. П. МАЛИНОВСКОМУ

Почему, вопреки постановлению СНК [78] и несмотря на безработицу (и несмотря на 1.V),
не начаты в Москве работы
1) по *хорошему* закрытию царских памятников?
2) по снятию царских орлов?
3) по подготовке *сотен* надписей (революционных и социалистических) на *всех* общественных зданиях?
4) по постановке *бюстов* (хоть временных) разных великих революционеров?

Написано между 1 и 13 мая 1918 г. *П. с. с., т. 50, с. 68—69.*

ТЕЛЕГРАММА А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ

13 мая 1918 г.

Петроград
Смольный
Народному комиссару просвещения
Луначарскому

Удивлен и возмущен бездеятельностью Вашей и Малиновского в деле подготовки хороших цитат и надписей на общественных зданиях Питера и Москвы.

Николай Розенфельд просит дать ему заказ по росписи каких-либо общественных зданий. Дайте ваше заключение.

Ленин

П. с. с., т. 50, с. 73.

ПРЕДПИСАНИЕ КОМЕНДАНТУ КРЕМЛЯ

17 мая 1918

Товарищу коменданту Кремля

Предлагаю в срочном порядке произвести реставрацию Владимирских ворот (кремлевская башня, выходящая к Историческому музею), поручив кому-либо из архитекторов по указанию П. П. Малиновского представить смету и наблюсти за исполнением работ.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)

Ленинский сборник XXXV, с. 21—22.

В КОМИССАРИАТЫ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И ИМУЩЕСТВ РЕСПУБЛИКИ

Предлагается вам незамедлительно представить сведения о том, что именно сделано для выполнения декрета от 13.IV.1918, особенно по 1) снятию старых памятников, 2) по замене их хотя бы временными, новыми и 3) по замене старых надписей на общественных зданиях новыми (§ 5 декрета).

Двухмесячная проволочка в исполнении декрета — равно важного и с точки зрения пропаганды и с точки зрения занятия безработных — непростительна.

Пред. СНК

Написано 15 июня 1918 г. *П. с. с., т. 50, с. 101.*

ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СНК О НЕВЫПОЛНЕНИИ «ДЕКРЕТА О ПАМЯТНИКАХ РЕСПУБЛИКИ»

Совет Народных Комиссаров ставит на вид комиссариатам народного просвещения и государственных имуществ, а равно президиуму Московского городского Совдепа их совершенно недопустимую бездеятельность по проведению в жизнь декрета от 14.IV. 1918 (№ 416, Собрание Узаконений, № 31) и предписывает им завтра, 9. VII. 1918, выбрать, по соглашению, одно ответственное лицо для энергичного надзора за выполнением декрета и проведения его в жизнь немедленно, с обязательством два раза в неделю делать доклад об этом Председателю СНК.

Написано 8 июля 1918 г. *П. с. с., т. 54, с. 401.*

Из письма

Я. А. БЕРЗИНУ

14.VIII.1918 г.

...Благодарю за издания от всей души.

Ваш *Ленин*

P. S. Шлите по экземплярчику интересных газет (с отзывами о бе-ках) и новые брошюры, все и всякие: английские, французские, немецкие и итальянские. Не жалейте денег.

Привет Гортеру и Гильбо. Хорошо бы, если бы начитанные в всемирной социалистической литературе люди присылали нам *хорошие цитаты*, годные для *надписей на улицах* (к сведению *Гортера и др.* и т. п.)[79]...

П.с.с., т. 50, с. 150.

ТЕЛЕГРАММА А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ

18.IX.1918 г.

Петроград
Наркому Луначарскому
Копия Москва, Остоженка, 53
Покровскому

Сегодня выслушал доклад Виноградова о бюстах и памятниках, возмущен до глубины души; месяцами ничего не делается; до сих пор ни единого бюста, исчезновение бюста Радищева есть комедия. Бюста Маркса для улицы нет, для пропаганды надписями на улицах ничего не сделано. Объявляю выговор за преступное и халатное отношение, требую присылки мне имен всех ответственных лиц для предания их суду. Позор саботажникам и ротозеям.

Предсовнаркома *Ленин*

П. с. с., т. 50, с. 182.

В ПРЕЗИДИУМ МОСКОВСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ

Дорогие товарищи! Получил Вашу бумагу за № 24962 с выпиской из постановления Президиума от 7.X [80].

Вынужден по совести сказать, что это постановление так *политически* безграмотно и так глупо, что вызывает тошноту. «...Президиум вынужден снять с себя ответственность...» Так поступают капризные барышни, а не взрослые политики. Ответственность Вы с себя не снимете, а втрое ее усилите.

Если Комиссариат народного просвещения Вам не отвечает и не исполняет своего долга по отношению к Вам, то Вы обязаны *жаловаться* и с документами. Не дети же Вы, чтобы не понять этого.

Когда Вы жаловались? Где копия? Где документы и доказательства?

И весь Президиум и Виноградова, по моему мнению, надо бы на неделю посадить в тюрьму за бездеятельность.

Если Комиссариат народного просвещения «не выдает бюстов» (когда Вы требовали? от кого? копия и документ? когда Вы обжаловали?),— Вы должны были *бороться за свое право*. А «снять с себя ответственность» — манера капризных барышень и глупеньких русских интеллигентов.

Простите за откровенное выражение моего мнения и примите коммунистический привет от надеющегося, что Вас проучат тюрьмой за бездействие власти, и от глубоко возмущенного Вами

Ленина

12.X.1918.

П. с. с., т. 50, с. 191—192.

УПРАВЛЯЮЩЕМУ ДЕЛАМИ СНК

Я *за* передачу этого дворца под музей [81]. Запросить *письменное* согласие Свердлова.

26/XI. *Ленин*

Написано 26 ноября 1918 г. *П. с. с., т. 50, с. 212.*

ТЕЛЕГРАММА А. П. КУДРЯВЦЕВУ

Петроград
Библиотечный отдел Комиссариата
народного просвещения
Заведующему отделом Кудрявцеву

Охраните от расхищения библиотеку Струве, находящуюся в Политехническом институте. Передайте особо ценное в Публичную библиотеку, остальное Политехническому институту. Портрет Герда, работа Ярошенко, подлежит передаче Нине Александровне Струве через директора Политехнического института.

Исполнение телеграфируйте.

Предсовнаркома *Ленин*

Написано 13 января 1919 г. *П. с. с., т. 50, с. 243.*

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ К ПРОЕКТУ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СНК О НАУЧНЫХ БИБЛИОТЕКАХ

...5) Из всех бывших частных библиотек, предоставленных в общественное пользование или оставленных во временном распоряжении прежних владельцев, передавать все книги, представляющие большой исторический, ученый и литературный интерес, в специальные общественные книгохранилища (Румянцевский, Исторический музей и т. п.), по решению Народного Комиссариата Просвещения...

...7) Поручить Народному Комиссариату Просвещения [принять меры] к увеличению штатов и числа библиотекарей государственных библиотек.

Написано 4 сентября 1919 г. *Ленинский сборник XXIV, с. 163.*

РЕЗОЛЮЦИЯ НА ПИСЬМЕ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО [82]

Дорогой Владимир Ильич!

В одном из разговоров наших Вы высказали мне упрек в том, что мы до сих пор не имеем в Москве хорошего памятника К. Марксу...

Я согласен, что необходимо приступить к постройке памятника Марксу в Москве. Я знаю, что при первом конкурсе были поданы грандиозные проекты с перестройкой целых площадей. Конечно, об этом сейчас думать не приходится, и дело может идти только о красивой, содержательной, монументальной фигуре Маркса на одной из площадей.

...В Москве имеется скульптор, вполне подходящий для единоличного заказа ему статуи Маркса. Это автор превосходного, уже поставленного Московским Советом гранитного монумента Достоевского на Цветном бульваре — художник Меркуров...

т. Каменев! Дайте Ваше заключение письменно или по телефону.

Написано 24 или 25 декабря 1919 г. *П. с. с., т. 51, с. 99—100.*

ПОДОЛЬСКОМУ УЕЗДНОМУ ИСПОЛКОМУ

Подольск, уисполкому
Копия Московскому губисполкому

В селе Александрово Подольского уезда Московской губернии некто *Терехин* от имени Коммунистического союза молодежи занял, вопреки прямому распоряжению Наркомпроса, кружевную школу, арестовал учительницу и вывез часть имущества. Немедленно освободите школу, верните взятые оттуда вещи как самой

школы, так и учительниц, дайте учительницам возможность спокойно работать. Расследуйте незаконные действия Терехина для предания его суду.

Исполнение донесите [83].

Предсовнаркома *Ленин*

2/I.20 г.

П. с. с., т. 51, с. 109.

А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ И В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ

19.IV.1920 г.

т. Луначарскому
и
в *Малый Совет*

Скульптор С. Меркуров находит глубоко несправедливым и неправильным, что отмена данного ему Совнаркомом заказа (30.XII.1919) состоялась

(1) без личного вызова,

(2) без письменного его извещения и без представления ему копии постановления Совнаркома, отменяющего заказ.

Поэтому Меркуров настаивает на том, чтобы к 15.IV.1920 (срок, данный постановлением Совнаркома 23.II.1920 Алешину с коллективом) Меркурову было предоставлено право представить еще раз новый проект.

Пред. СНК *В. Ульянов (Ленин)*

П. с. с., т. 51, с. 182.

РЕЗОЛЮЦИЯ НА ПИСЬМЕ Н. А. НИКУЛИНОЙ

Глубокоуважаемый Владимир Ильич!

Только безвыходное положение заставляет меня беспокоить Вас покорнейшей просьбой. Мне 74 года, из них 51 год по мере сил и умения я служила дорогой мне Москве... Зная, как тесно живется населению, я сама охотно пошла навстречу и отдала несколько комнат в своем домике. Остались только необходимые мне или неудобные для жилья холодные проходные. Теперь мне угрожают отнятием у меня и этих комнат. Умоляю Вас, помогите мне... Несколько слов, написанных по Вашему приказанию, будут достаточной гарантией для меня.

С истинным почтением заслуженная артистка Государственного Малого театра

Н. Никулина

Проверьте и созвонитесь: оставить ее в покое.

Написано в сентябре, не ранее 3, 1920 г. *П. с. с., т. 51, с. 274.*

О ВЫСШЕМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ

В Малый Совет

По-моему, надо дополнить статьей (или примечанием): правила, указанные в § 4, должны быть выработаны в срок *такой-то* (краткий) и доложены Малому Совнаркому [84].

NB:
(1) Политграмота
(2) и коммунистическая пропаганда

} должны быть внесены в курс. Какой контроль.

NB:

Ленин

Написано в ноябре, не ранее 20, 1920 г.

П. с. с., т. 52, с. 17.

ЗАМЕЧАНИЯ И ПОПРАВКИ К ПРОЕКТУ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СНК

18 декабря 1920

...3. На подготовительный курс при Мастерских в первую очередь принимаются рабочие, причем никакой специальной подготовки для поступления на этот курс от них не требуется.

всех курсах

Примечание: На подготовительном курсе обязательно преподавание политической грамоты и основ коммунистического мировоззрения.

читать: на всех курсах (*примечание* к § 3).

Ленин

Ленинский сборник XXXV, с. 174.

О ТЕМАТИКЕ КИНОХРОНИКИ

26 ноября 1920

Кино-фото

1) Материнские дома и охрана детства.
2) Дворцы, превращенные в детские дома.
3) Фронт Врангеля.

Ленинский сборник XXXV, с. 176.

Из письма

А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ [85]

29/XI.

...5) Сектора создать такие: (1) дошкольный; (2) школьный 1-ой ступени; (3) школьный 2-ой ступени (=Главпрофобр); (4) внешкольный (=Главполитпросвет); (5) высшая школа; (6) художественный.

6) Художественный сектор оставить как единый сектор, поставив «*политкомов*» *из коммунистов* во все центральные и руководящие учреждения этого сектора.

29.XI. *Ленин*

Написано 29 ноября 1920 г. *П. с. с., т. 52, с. 22.*

ТЕЛЕГРАММА КРЫМСКОМУ РЕВКОМУ

Севастополь. Крымревкому

Примите решительные меры к действительной охране художественных ценностей, картин, фарфора, бронзы, мрамора и т. д., находящихся в ялтинских дворцах и частных зданиях, ныне отводимых под санатории Наркомздрава, по поводу которых у нас имеются сведения об их вывозе. Впредь до прибытия специальной комиссии из Москвы для разбора и охраны указанных предметов вся ответственность за сохранность их возлагается на Вас.

Председатель Совтрудобороны

Ленин

Написано 26 февраля 1921 г. *П. с. с., т. 52, с. 309—310.*

Г. Е. ЗИНОВЬЕВУ

т. Зиновьев!

Мне сообщают,

1) что скульптор Гинцбург, изготовляющий бюст Плеханова, нуждается в *материалах*, глине и проч.;

2) что могилы Плеханова и Засулич заброшены [86].

Нельзя ли дать приказ по обоим пунктам присмотреть, налечь, проверить?..

5/V. *Ленин*

Написано 5 мая 1921 г. *П. с. с., т. 52, с. 177.*

П. А. БОГДАНОВУ

В Президиум ВСНХ тов. Богданову

8/VII—1921 г.

Прошу согласовать с Наркомвнешторгом, Наркомпросом и тов. Цыперовичем вопрос о передаче Петроградского фарфорового (бывш. императорского) завода и гранильной фабрики в ВСНХ по Петросовнархозу и придать производству исключительно экспортный характер с тем, чтобы наблюдение за художественной частью производства оставалось в Наркомпросе, а наблюдение за качеством вырабатываемого товара — в Наркомвнешторге.

Председатель Совета Народных Комиссаров

Ленин (Ульянов)

П. с. с., т. 54, с. 441—442.

А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ

3.VIII.1921 г.

т. Луначарскому,

копия т. Литкенсу и т. Молотову и т. Киселеву

Вы направили ко мне копию Вашего письма т. Киселеву от 26/7.

Я нахожу и тон и содержание этого письма Вашего неправильными.

Виноваты, по-моему, всецело Вы или, может быть, заведующий административной частью НКпроса т. Литкенс,— виноваты тем, что не следили за постановлениями Малого СНК (первое от 22/VI!!!) и не обращались вовремя в СНК с просьбой о пересмотре решения Малого СНК [87].

В решении Малого СНК я лично ничего неправильного не вижу, ибо т. Киселев удостоверил мне, что т. Гринберг в Малом СНК присутствовал.

Пред. СНК *В. Ульянов (Ленин)*

П. с. с., т. 53, с. 91—92.

М. Н. ПОКРОВСКОМУ

Тов. М. Н. Покровскому

Тов. Луначарский приехал.

Наконец!

Запрягите его, христа ради, изо всех сил на работу по профессиональному образованию, по единой трудовой школе и пр.

Не позволяйте на театр!!

Ленин

Написано в августе, не ранее 3, 1921 г. *П. с. с., т. 53, с. 92.*

ТЕЛЕФОНОГРАММА А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ

т. Луначарскому

Принять никак не могу, так как болен.

Все театры советую положить в гроб [88].

Наркому просвещения надлежит заниматься не театром, а обучением грамоте.

Ленин

Продиктовано по телефону 26 августа 1921 г.

П. с. с., т. 53, с. 142.

ПИСЬМО В НАРКОМВНЕШТОРГ, НАРКОМФИН, ВСНХ, НАРКОМПРОС

5 декабря 1921 г.

Наркомвнешторг — т. Лежаве
Наркомфин — т. Альскому
ВСНХ — т. Богданову
Наркомпрос — т. Литкенсу
т. Воеводину

В Москву приехал уполномоченный итальянской кинематографической фирмы Чито-Чинема, коммунист т. Кароти, с которым наше итальянское представительство вело предварительные переговоры относительно концессии на съемку и покупку фильмов в России и эксплуатацию этих фильмов в Италии.

Базой для переговоров с т. Кароти может служить имеющийся у него проект договора, оставляющий широкое поле для внесения в него необходимых изменений.

По сообщению уполномоченного НКВТ в Италии — фирма Чито-Чинема является солидным итальянским кинематографическим предприятием, которое финансируется Итальянским учетным банком и о котором должна быть справка в Финансово-счетном управлении Наркомвнешторга.

Дело это я считаю чрезвычайно важным *и спешным*.

Поручаю немедленно образовать совещание для рассмотрения предложения т. Кароти, выяснения всего дела и выработки соответствующего постановления Совета Труда и Обороны.

Созыв совещания и доклад в СТО в среду 7 декабря — за т. Воеводиным.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)

П. с. с., т. 44, с. 270—271.

В. М. МОЛОТОВУ
ДЛЯ ПОЛИТБЮРО ЦК РКП(б)

Тов. Молотову

Узнав от Каменева, что СНК единогласно принял совершенно неприличное предложение Луначарского о сохранении Большой оперы и балета, предлагаю Политбюро постановить:

1. Поручить Президиуму ВЦИК отменить постановление СНК.

2. Оставить из оперы и балета лишь несколько десятков артистов на Москву и Питер для того, чтобы их представления (как оперные, так и танцы) могли окупаться *, т. е. устранением всяких крупных расходов на обстановку и т. п.

3. Из сэкономленных таким образом миллиардов отдать не меньше половины на ликвидацию безграмотности и на читальни.

4. Вызвать Луначарского на пять минут для выслушания последнего слова обвиняемого и поставить на вид как ему, так и всем наркомам, что внесение и голосование таких постановлений, как отменяемое ныне ЦК, впредь повлечет за собой со стороны ЦК более строгие меры [89].

12/I—22 г.

Ленин

П. с. с., т. 54, с. 110.

ДИРЕКТИВЫ ПО КИНОДЕЛУ [90]

Наркомпрос должен организовать наблюдение за всеми представлениями и систематизировать это дело. Все ленты, которые демонстрируются в РСФСР, должны быть зарегистрированы и занумерованы в Наркомпросе. Для каждой программы кинопредставления должна быть установлена определенная пропорция:

а) увеселительные картины, специально для рекламы и для дохода (конечно, без похабщины и контрреволюции) и

б) под фирмой «из жизни народов всех стран» — картины специально пропагандистского содержания, как-то: колониальная политика Англии в Индии, работа Лиги наций, голодающие Берлина и т. д. и т. д. Нужно показывать не только кино, но и интересные для пропаганды фотографии с соответствующими надпися-

---

* Например, окупаться путем участия оперных певцов и балерин во всякого рода концертах и т. п.

ми. Добиться, чтобы кинотеатры, находящиеся в частных руках, давали бы достаточно дохода государству в виде аренды, предоставить право предпринимателям увеличивать число номеров и вводить новые, но с непременной цензурой Наркомпроса и при условии сохранения пропорции между увеселительными картинами и картинами пропагандистского характера под названием «Из жизни народов всех стран», с тем чтобы промышленники были заинтересованы в создании и производстве новых картин. Им должна быть в этих рамках дана широкая инициатива. Картины пропагандистского и воспитательного характера нужно давать на проверку старым марксистам и литераторам, чтобы у нас не повторялись не раз происходившие печальные казусы, когда пропаганда достигает обратных целей. Специально обратить внимание на организацию кинотеатров в деревнях и на Востоке, где они являются новинками и где поэтому наша пропаганда будет особенно успешна.

Продиктовано 17 января 1922 г. *П. с. с., т. 44, с. 360—361.*

П. П. ГОРБУНОВУ

1

т. Горбунов!

Находя эту идею вполне правильной *и заслуживающей* поддержки, прошу взять отзыв т. Луначарского и затем его проект (формальный: условия, сроки и пр.) внести в Малый Совнарком и *ускорить прохождение* [91].

14/I. 1922. Пред. СНК *Ленин*

2

т. Горбунов, надо, чтобы Вы сами собрали необходимую информацию, посоветовавшись, если нужно, с Каменевым и Троцким, и решили бы вопрос без меня.

Ленин

Продиктовано по телефону 18 января 1922 г.

П. с. с., т. 54, с. 114.

Л. А. ФОТИЕВОЙ

Отклонить все на основании сего отзыва [92].

Ленин

Автор инсценировки хочет отобразить чуть не всю революцию. Выбор фактов часто случаен. Многие биографические подробности неверны.

Постановка чрезвычайно сложная, требующая массы участников, будет стоить бешеных денег, исполнение будет скверное и будет напоминать плохой лубок. Наша кинематографическая техника очень плоха и отобразить то, чего хочет автор, не сможет. Пьеса вряд ли приемлема.

Н. Крупская

Написано 18 февраля 1922 г. *П. с. с., т. 54, с. 174.*

О ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

Из письма

М. А. УЛЬЯНОВОЙ [1]

Berlin, den 10. August 95.

...Устроился я здесь очень недурно: в нескольких шагах от меня — Tiergarten * (прекрасный парк, лучший и самый большой в Берлине), Шпре, где я ежедневно купаюсь, и станция городской железной дороги. Здесь через весь город идет (над улицами) железная дорога: поезда ходят каждые 5 минут, так что мне очень удобно ездить в «город» (Моабит, в котором я живу, считается собственно уже предместьем).

Плохую только очень по части языка: разговорную немецкую речь понимаю несравненно хуже французской. Немцы произносят так непривычно, что я не разбираю слов даже в публичной речи, тогда как во Франции я понимал почти все в таких речах с первого же раза. Третьего дня был в театре; давали «Weber» ** Гауптмана [2]. Несмотря на то, что я перед представлением перечитал всю драму, чтобы следить за игрой,— я не мог уловить всех фраз. Впрочем, я не унываю и жалею только, что у меня слишком мало времени для основательного изучения языка...

П. с. с., т. 55, с. 11.

Из письма

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

24/I.98.

Читал в газетах о выходе твоего перевода Амичиса [3]. Если есть у тебя свободные экземпляры,— пришли мне. На каких условиях ты переводила? был ли договор, и какой, с издателем?

Шушенское. *П. с. с., т. 55, с. 70.*

* — зоологический сад.— *Ред.*

** — «Ткачи».— *Ред.*

Из письма

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

16/VIII.

Посылаю, Анюта, тебе с этой почтой заказной бандеролью *Negri*, Tempeste *[4], и каталог, который ты просила...

Написано 16 августа 1898 г.
Шушенское.

П. с. с., т. 55, с. 98.

Из письма

Н. К. КРУПСКОЙ — М. А. УЛЬЯНОВОЙ

27-го сентября.

...Немецкого Zola [5] получили, собираемся читать. Теперь мы будем получать «Frankfurter Zeitung», будут присылать из Питера, Володя собирается еще выписать какую-нибудь английскую газету...

Написано 27 сентября 1898 г.
Шушенское.

П. с. с., т. 55, с. 400.

Из письма

Н. К. КРУПСКОЙ — М. И. УЛЬЯНОВОЙ

11/XI.98 г.

...Как ты себя чувствуешь? Много ли завела знакомств, вообще продолжает ли нравиться в Брюсселе? Когда-то я получала восторженные письма от Мещерякова, который страшно увлекался бельгийской жизнью. Бывало, читаешь его письмо и так захочется посмотреть, как люди на белом свете живут. Между прочим, тебе, верно, немалое удовольствие доставят всякие народные хоры [6]. В Бельгии ведь, говорят, славно поют. К нам приезжал Глеб, и один вечер они с Володей пели немного, я тебя тогда вспомнила, как ты там теперь бельгийцев слушаешь...

Шушенское.

П. с. с., т. 55, с. 403.

Из письма

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

1/V.99.

...Негри посылаю...

П. с. с., т. 55, с. 161.

---

* — Негри, «Буря».— *Ред.*

Из письма

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

9/II.01.

...Был на днях в опере, слушал с великим наслаждением «Жидовку» [7]: я слышал ее раз в Казани (когда пел Закржевский), лет, должно быть, 13 тому назад, но некоторые мотивы остались в памяти. Музыка и пение хорошие. В театрах (немецких) я был тоже несколько раз и иногда понимал, по крайней мере в общем и целом. Бываете ли вы в московских театрах?

Мюнхен. *П. с. с., т. 55, с. 202.*

Из письма

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

4/III.01. Вена.

Приехал я сюда, дорогая мамочка, за добычей «бумаги» для Нади. В Праге не оказалось русского консульства, а мое прошение о выдаче Наде заграничного паспорта обязательно должно быть засвидетельствовано [8]. Вена — громадный, оживленный, красивый город. После «провинции», в какой я живу, приятно поглядеть и на столицу. Здесь есть что посмотреть, так что при проезде (если бы из вас кто поехал) стоит остановиться. Наде я послал для этой цели маленький Führer durch Wien *. Я надеюсь, Надя скоро теперь увидится с вами — не должны бы ее задержать теперь с паспортом. Маняшу я попрошу, когда случится ей быть в центре города, купить Hendschel's Telegraph ** (2 марки) (такую книгу посылать отсюда не стоит) — для Нади.

Был я здесь, между прочим, в Museum der bildenden Künste *** и даже в театре смотрел венскую оперетку! Мало понравилось. Был еще на одном собрании, где читался один из курсов Volksuniversitätskurse ****. Попал неудачно и ушел вскоре...

П. с. с., т. 55, с. 206—207.

ЦИТАТА ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ Г. ГЕЙНЕ «ДИСПУТ»

Engels в статье Programm der blanquistischen Kommune-Flüchtlinge: (S. 43)

«*Jedes Wort ist ein Nachttopf und kein leerer*» [9]

Как нельзя лучше про мартовцев!

Написано в июле 1905 г. *Ленинский сборник XVI, с. 127.*

---

* — Путеводитель по Вене.— *Ред.*

** — Путеводитель Гендшеля по железным дорогам.— *Ред.*

*** — Музее изобразительных искусств.— *Ред.*

**** — Народного университета.— *Ред.*

Из статьи

«СОЦИАЛИЗМ И КРЕСТЬЯНСТВО»

Революция, переживаемая Россией, есть революция общенародная. Интересы всего народа пришли в непримиримое противоречие с интересами кучки лиц, составляющих самодержавное правительство и поддерживающих его. Самое существование современного общества, построенного на основе товарного хозяйства, при громадном различии и противоречии интересов разных классов и групп населения, требует уничтожения самодержавия, политической свободы, открытого и непосредственного выражения интересов господствующих классов в устройстве и управлении государством. Демократический переворот, буржуазный по своей общественно-экономической сущности, не может не выражать нужды всего буржуазного общества.

Но само это общество, ныне кажущееся единым и цельным в борьбе против самодержавия, расколото бесповоротно пропастью между капиталом и трудом. Народ, восставший против самодержавия,— не единый народ. Собственники и наемные рабочие, незначительное число («верхние десять тысяч») богачей — и десятки миллионов неимущих и трудящихся, это, поистине, «две нации», как сказал один дальновидный англичанин еще в первой половине XIX века [10]. Борьба между пролетариатом и буржуазией стоит на очереди дня во всей Европе. Эта борьба давно перекинулась уже и в Россию. В современной России не две борющиеся силы заполняют содержание революции, а две различных и разнородных социальных войны: одна в недрах современного самодержавно-крепостнического строя, другая в недрах будущего, уже рождающегося на наших глазах буржуазно-демократического строя. Одна — общенародная борьба за свободу (за свободу буржуазного общества), за демократию, т. е. за самодержавие народа, другая — классовая борьба пролетариата с буржуазией за социалистическое устройство общества...

Напечатано 10 октября (27 сентября) 1905 г. — *П. с. с., т. 11, с. 282—283.*

Из письма

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

10.III.08.

...Послал Маняше книгу для перевода (немецкий роман). Получили ли (из Лейпцига)? Ей же писал о книге Анатоля Франса (La vie de Jeanne d'Arc) * и Синклера (Алексинский предлагает переводить)...

Женева. — *П. с. с., т. 55, с. 249.*

* — Жизнь Жанны д'Арк.— *Ред.*

ИЗ ЗАМЕЧАНИЙ НА КНИГЕ И. ДИЦГЕНА «МЕЛКИЕ ФИЛОСОФСКИЕ РАБОТЫ»

...То, что христианство имеет истинного, например, умерщвление плоти как хорошее противоядие против внебрачных вожделений, или стоящую выше национализма любовь ко всему человечеству, этого социал-демократия не хочет отрицать. Наоборот, она твердо держится этого, если бы даже остальной мир озверел от ненависти к французам. Она не желает только, подобно христианству или вообще религии, выдавать мирскую истину за небесную святыню...

α

Мы также хотим любить врага, делать добро тем, кто нас ненавидит, но только тогда, когда враг, безвредный, повержен во прах. И мы скажем вместе с Гервегом:

Одна любовь нас не спасет,
Не принесет нам счастья,—
Пусть ненависть своим мечом
Разрубит цепи рабства.
Довольно нам уже любви!
Она нас не избавит:
Мы с ненавистью на врага
Должны свой меч направить [11].

α

Замечания написаны не ранее февраля — не позднее октября 1908 г.

П. с. с., т. 29, с. 376.

Из книги
«МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ»

...Что касается материалистов, то вот отзыв о Беркли главы энциклопедистов Дидро: «*Идеалистами* называют философов, которые, признавая известным только свое существование и существование ощущений, сменяющихся внутри нас, не допускают ничего другого. Экстравагантная система, которую, на мой взгляд, могли бы создать только слепые! И эту систему, к стыду человеческого ума, к стыду философии, всего труднее опровергнуть, хотя она всех абсурднее» *[12]. И Дидро, вплотную подойдя к взгляду современного материализма (что недостаточно одних доводов и силлогизмов для опровержения идеализма, что не в теоретических аргументах тут дело), отмечает сходство посылок идеалиста Беркли и сенсуалиста Кондильяка. Кондильяку следовало бы, по его мнению, заняться опровержением Беркли, чтобы предотвратить

* Œuvres complètes de Diderot, éd. par J. Assézat, Paris, 1875, vol. I, p. 304. (*Дидро.* Полное собрание сочинений, изд. Ж. Ассеза. Париж, 1875, т. I, с. 304.—*Ред.*).

такие абсурдные выводы из взгляда на ощущения, как на единственный источник наших знаний.

В «Разговоре Даламбера и Дидро» этот последний излагает свои философские взгляды таким образом: «...Предположите, что фортепиано обладает способностью ощущения и памятью, и скажите, разве бы оно не стало тогда само повторять тех арий, которые вы исполняли бы на его клавишах? Мы — инструменты, одаренные способностью ощущать и памятью. Наши чувства — клавиши, по которым ударяет окружающая нас природа и которые часто сами по себе ударяют; вот, по моему мнению, все, что происходит в фортепиано, организованном подобно вам и мне». Даламбер отвечает, что такому фортепиано надо бы обладать способностью добывать себе пищу и производить на свет маленькие фортепиано.— Без сомнения,— возражает Дидро. Но возьмите яйцо. «Вот что ниспровергает все учения теологии и все храмы на земле. Что такое это яйцо? Масса неощущающая, пока в него не введен зародыш, а когда в него введен зародыш, то что это такое? Масса неощущающая, ибо этот зародыш в свою очередь есть лишь инертная и грубая жидкость. Каким образом эта масса переходит к другой организации, к способности ощущать, к жизни? Посредством теплоты. А что производит теплоту? Движение». Вылупившееся из яйца животное обладает всеми вашими эмоциями, проделывает все ваши действия. «Станете ли вы утверждать вместе с Декартом, что это — простая машина подражания? Но над вами расхохочутся малые дети, а философы ответят вам, что если это машина, то вы — такая же машина. Если вы признаете, что между этими животными и вами разница только в организации, то вы обнаружите здравый смысл и рассудительность, вы будете правы; но отсюда будет вытекать заключение против вас, именно, что из материи инертной, организованной известным образом, под воздействием другой инертной материи, затем теплоты и движения, получается способность ощущения, жизни, памяти, сознания, эмоций, мышления». Одно из двух,— продолжает Дидро: — либо допустить какой-то «скрытый элемент» в яйце, неизвестным образом проникающий в него в момент определенной стадии развития,— элемент, неизвестно, занимающий ли пространство, материальный или нарочито создаваемый. Это противоречит здравому смыслу и ведет к противоречиям и к абсурду. Либо остается сделать «простое предположение, которое объясняет все, именно — что способность ощущения есть всеобщее свойство материи или продукт ее организованности». На возражение Даламбера, что это предположение допускает такое качество, которое по существу несовместимо с материей, Дидро отвечает:

«А откуда вы знаете, что способность ощущения по существу несовместима с материей, раз вы не знаете сущности вещей вообще, ни сущности материи, ни сущности ощущения? Разве вы лучше понимаете природу движения, его существование в каком-либо теле, его передачу от одного тела к другому?» Даламбер: «Не зная

природы ни ощущения, ни материи, я вижу, что способность ощущать есть качество простое, единое, неделимое и несовместимое с субъектом или субстратом (suppôt), который делим». Дидро: «Метафизико-теологическая галиматья! Как? Неужели вы не видите, что все качества материи, все ее доступные нашему ощущению формы по существу своему неделимы? Не может быть большей или меньшей степени непроницаемости. Может быть половина круглого тела, но не может быть половины круглости...». «Будьте физиком и согласитесь признать производный характер данного следствия, когда вы видите, как оно производится, хотя вы и не можете объяснить связи причины со следствием. Будьте логичны и не подставляйте под ту причину, которая существует и которая все объясняет, какой-то другой причины, которую нельзя постичь, связь которой со следствием еще меньше можно понять и которая порождает бесконечное количество трудностей, не решая ни одной из них». Даламбер: «Ну, а если я буду исходить от этой причины?». Дидро: «Во вселенной есть только одна субстанция, и в человеке, и в животном. Ручной органчик из дерева, человек из мяса. Чижик из мяса, музыкант — из мяса иначе организованного; но и тот, и другой — одинакового происхождения, одинаковой формации, имеют одни и те же функции, одну и ту же цель». Даламбер: «А каким образом устанавливается соответствие звуков между вашими двумя фортепиано?». Дидро: «...Инструмент, обладающий способностью ощущения, или животное убедилось на опыте, что за таким-то звуком следуют такие-то последствия вне его, что другие чувствующие инструменты, подобные ему, или другие животные приближаются или удаляются, требуют или предлагают, наносят рану или ласкают, и все эти следствия сопоставляются в его памяти и в памяти других животных с определенными звуками; заметьте, что в сношениях между людьми нет ничего, кроме звуков и действий. А чтобы оценить всю силу моей системы, заметьте еще, что перед ней стоит та же непреодолимая трудность, которую выдвинул Беркли против существования тел. Был момент сумасшествия, когда чувствующее фортепиано вообразило, что оно есть единственное существующее на свете фортепиано и что вся гармония вселенной происходит в нем» *.

Это было написано в 1769 году. И на этом мы покончим нашу небольшую историческую справку. С «сумасшедшим фортепиано» и с гармонией мира, происходящей внутри человека, нам придется не раз встретиться при разборе «новейшего позитивизма».

Пока ограничимся одним выводом: «новейшие» махисты не привели против материалистов ни одного, буквально ни единого довода, которого бы не было у епископа Беркли.

Как курьез, отметим, что один из этих махистов, Валентинов, смутно чувствуя фальшь своей позиции, постарался «замести следы» своего родства с Беркли и сделал это довольно забавным

* Там же, т. II, pp. 114—118.

образом. На стр. 150-й его книги читаем: «...Когда, говоря о Махе, кивают на Берклея, мы спрашиваем, о каком Берклее идет речь? О Берклее ли, традиционно считающемся (Валентинов хочет сказать: считаемом) за солипсиста, о Берклее ли, защищающем непосредственное присутствие и провидение божества? Вообще говоря (?), о Берклее ли, как философствующем епископе, сокрушающем атеизм, или о Берклее, как вдумчивом аналитике? С Берклеем, как солипсистом и с проповедником религиозной метафизики, Мах действительно не имеет ничего общего». Валентинов путает, не умея дать себе ясного отчета в том, почему ему пришлось защищать «вдумчивого аналитика» идеалиста Беркли от материалиста Дидро. Дидро отчетливо противопоставил основные философские направления. Валентинов спутывает их и при этом забавно утешает нас: «мы не считаем,— пишет он,— за философское преступление «близость» Маха к идеалистическим воззрениям Берклея, если бы таковая и в самом деле существовала» (149). Спутать два непримиримые основные направления в философии,— какое же тут «преступление»? Ведь к этому сводится вся премудрость Маха и Авенариуса...

Написано в феврале — октябре 1908 г. *П. с. с., т. 18, с. 28—32.*

Из письма
Н. К. КРУПСКОЙ — М. А. УЛЬЯНОВОЙ

...Вот уж целый год, как мы живем в Париже! Приладились понемногу, жаль только, что мало видим настоящей здешней жизни.

Недавно как-то пошли в маленький театр неподалеку от нас и остались очень довольны. Публика была чисто рабочая, с грудными младенцами, без шляп, разговорчивая, живая. Интересна была непосредственность, с какой публика реагировала на игру. Аплодировали не хорошей или дурной игре, а хорошим или дурным поступкам. И пьеса была соответствующая, наивная, с разными хорошими словами, приноровленная под вкус публики. Получалось впечатление чего-то очень живого, непосредственного. Я пожалела, что Маняши не было. Пожалела, что ее нет, и тогда, когда ходили смотреть стотысячную демонстрацию [13]. Очень сильное впечатление получилось. Но в общем мы очень редко где бываем и то больше по воскресеньям...

Написано в двадцатых числах декабря 1909 г. Париж. *П. с. с., т. 55, с. 438.*

Из письма
М. И. УЛЬЯНОВОЙ

2/I.10.

Дорогая Маняша! Получил сегодня мамино письмо (Наде и мне) и твою приписку. Очень, очень рад, что вы устроились недурно, что мама довольна отсутствием хозяйства. Будем надеять-

ся, что конец зимы не обманет. До сих пор здесь зима не в зиму, а в весну. Сегодня, напр., прямо весенний, солнечный, сухой и теплый день, который мы использовали с Надей для великолепной утренней прогулки в Булонский лес. Вообще на праздниках мы «загуляли»: были в музеях, в театре, посетили Musée Grévin [14], которым я остался очень, очень доволен. Собираюсь и сегодня в один увеселительный кабачок на goguette révolutionnaire * к «песенникам» (неудачный перевод chansonniers). Жалею, что летом не воспользовался болтовней с французами для *систематического* изучения французского произношения,— теперь, взяв некоторые книги по фонетике, вижу, насколько я тут слаб...

Париж. *П. с. с., т. 55, с. 302.*

Из письма

М. И. УЛЬЯНОВОЙ

12/I.10.

...Я стал налегать на театры: видел новую пьесу Бурже «La barricade». Реакционно, но интересно...

Париж. *П. с. с., т. 55, с. 304.*

Из статьи

«ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ»

...Несомненно, что их [ликвидаторов.— *Ред.*] отречение от левоблокизма есть измена делу демократии. Не было *ни одного* буржуазно-освободительного движения в мире, не дающего примеров и образцов «левоблокистской» тактики, причем *все* победоносные моменты этих движений связаны *всегда* с успехами этой тактики, с направлением борьбы по этому пути вопреки колебаниям и изменам либерализма. Именно «левоблокистская тактика», именно союз городского «плебса» (= современного пролетариата) с демократическим крестьянством придавал размах и силу английской революции XVII, французской XVIII века. Об этом Маркс и Энгельс говорили много раз не только в 1848 году, но и гораздо позже. Чтобы не приводить много уже раз приводившихся цитат, напомним переписку Маркса и Лассаля в 1859 году [15]. По поводу трагедии Лассаля «Зикинген» Маркс писал, что коллизия, проведенная в драме, «не только трагична, но она есть именно та самая трагическая коллизия, которая совершенно основательно привела к крушению революционную партию 1848 и 1849 годов». И Маркс,

---

* — революционные песенки, куплеты.— *Ред.*

Библиотечная книга

уже намечая в общих чертах *всю* линию будущих разногласий лассальянцев и эйзенахцев, упрекал Лассаля, что он впадает в ошибку «тем, что ставит *лютеровско-рыцарскую* оппозицию выше *плебейско-мюнцеровской*».

Нас не касается здесь вопрос о том, правилен или неправилен упрек Маркса: мы думаем, что правилен, хотя Лассаль энергично защищался от этого упрека. Важно то, что ставить «лютеровско-рыцарскую» (либерально-помещичью в переводе на русский язык начала XX века) оппозицию *выше* «плебейско-мюнцеровской» (пролетарско-крестьянской, в таком же переводе) и Маркс и Энгельс считали явной ошибкой, считали абсолютно недопустимым для социал-демократа!..

Напечатано в январе 1912 г. *П. с. с., т. 21, с. 89—90.*

Из письма
Н. К. КРУПСКОЙ — А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

9/III.

...Очень рада весне, которая в этом году очень ранняя. Раза два уж закатывались с Володей на лоно природы. Правда, я после этих прогулок пошевелиться не могу от усталости, зато славно очень уж. Эту неделю вообще загуляли. Ходили в театр, пьеса была дурацкая, выли французишки отчаянно, но в антрактах была чудесная музыка: Чайковского, Римского-Корсакова, Бородина. Сегодня идем Софокловскую «Электру» глядеть... Все это по случаю весны...

Написано 9 марта 1912 г. *П. с. с., т. 55, с. 442.*
Париж.

ЕВГЕНИЙ ПОТЬЕ
(К 25-ЛЕТИЮ ЕГО СМЕРТИ)

В ноябре прошлого, 1912, года минуло 25 лет со дня смерти французского поэта-рабочего Евгения Потье, автора знаменитой пролетарской песни «Интернационал» («Вставай, проклятьем заклейменный» и т. д.).

Эта песня переведена на все европейские и не только европейские языки. В какую бы страну ни попал сознательный рабочий, куда бы ни забросила его судьба, каким бы чужаком ни чувствовал он себя, без языка, без знакомых, вдали от родины,— он может найти себе товарищей и друзей по знакомому напеву «Интернационала».

Рабочие всех стран подхватили песню своего передового борца, пролетария-поэта, и сделали из этой песни всемирную пролетарскую песнь.

И рабочие всех стран чествуют теперь Евгения Потье. Его жена и дочь еще живы и живут в нищете, как жил всю жизнь автор «Интернационала». Он родился в Париже 4 октября 1816 года. Ему было 14 лет, когда он сочинил свою первую песню, и эта песня называлась — «Да здравствует свобода!». В 1848 году, в великой битве рабочих с буржуазией, он участвовал как баррикадный борец.

Потье родился в бедной семье и всю жизнь оставался бедняком, пролетарием, зарабатывая хлеб упаковкой ящиков, а впоследствии рисованием по материи.

С 1840 года он откликался на все крупные события в жизни Франции своей боевой песней, будя сознание отсталых, зовя рабочих к единству, бичуя буржуазию и буржуазные правительства Франции.

Во время великой Парижской Коммуны (1871 г.) Потье был избран членом ее. Из 3600 голосов за него было подано 3352. Он участвовал во всех мероприятиях Коммуны, этого первого пролетарского правительства.

Падение Коммуны заставило Потье бежать в Англию и в Америку. Знаменитая песня «Интернационал» написана им в *июне 1871 года*, на другой день, можно сказать, после кровавого майского поражения...

Коммуна подавлена.., а «Интернационал» Потье разнес ее идеи по всему миру, и она жива теперь более, чем когда-нибудь.

В 1876 году, в изгнании, Потье написал поэму: «Рабочие Америки к рабочим Франции». Он обрисовал в ней жизнь рабочих под игом капитализма, их нищету, их каторжный труд, их эксплуатацию, их твердую уверенность в грядущей победе их дела.

Только девять лет спустя после Коммуны вернулся Потье во Францию и сразу вступил в «Рабочую партию». В 1884 году был издан первый том его стихов. В 1887 — второй под названием: «Революционные песни».

Ряд других песен поэта-рабочего был издан уже после его смерти.

8-го ноября 1887 года парижские рабочие проводили на кладбище Père Lachaise, где похоронены расстрелянные коммунары, прах Евгения Потье. Полиция устроила побоище, вырывая красное знамя. Громадная толпа участвовала в гражданских похоронах. Со всех сторон неслись крики: «Да здравствует Потье!».

Потье умер в нищете. Но он оставил по себе поистине нерукотворный памятник. Он был одним из самых великих *пропагандистов посредством песни*. Когда он сочинял свою первую песнь, число социалистов рабочих измерялось, самое большее, десятками. Историческую песнь Евгения Потье знают теперь десятки миллионов пролетариев...

Напечатано 3 января 1913 г. *П. с. с., т. 22, с. 273—274.*

РАЗВИТИЕ РАБОЧИХ ХОРОВ В ГЕРМАНИИ

Рабочие певческие общества Германии недавно праздновали своеобразный юбилей: число рабочих-певцов достигло 100 000, при общем числе членов рабочих певческих обществ в 165 000 человек. Число работниц, входящих в эти общества, составляет 11 000.

Рабочие хоры имеют свой печатный орган: «Газету Рабочих Певцов», которая стала выходить правильно только с 1907 года.

Первые шаги рабочих певческих обществ относятся к 1860-м годам. В Лейпцигском «Ремесленном просветительном обществе» было образовано певческое отделение, и в члены его входил, между прочим, Август Бебель.

Фердинанд Лассаль придавал большое значение организации рабочих хоров. По его настоянию, члены «Всеобщего немецкого рабочего союза» основали в 1863 году во Франкфурте-на-Майне рабочее общество под названием: «Певческий союз». Собирался этот союз в темной, наполненной чадом, задней комнате одного франкфуртского трактирчика. Освещалась компата сальными свечами.

Число членов союза было 12. Когда Лассалю пришлось, при одной из его агитационных поездок, переночевать в Франкфурте, эти 12 рабочих певцов спели ему хором песню известного поэта Гервега, которого Лассаль долго упрашивал написать слова для рабочей песни хором.

После отмены исключительного закона [16] в 1892 году рабочие хоры составляли в Германии 180 певческих обществ с 4300 членами. В 1901 году число членов достигло 39 717, в 1907 — 93 000, а в 1912—165 000. В Берлине считается 5352 члена рабочих певческих обществ, в Гамбурге — 1628, в Лейпциге — 4051, в Дрездене — 4700 и т. д.

Недавно мы сообщали о том, как рабочие Франции и других романских стран чествовали двадцатипятилетие смерти Евгения Потье (1816—1887), автора знаменитого «Интернационала». В Германии пропаганда социализма рабочей песней гораздо моложе, и «юнкерское» (помещичье, черносотенное) правительство Германии ставит гораздо больше подлых полицейских препятствий такой пропаганде.

Но никакие полицейские придирки не могут помешать тому, что во всех больших городах мира, во всех фабричных поселках и все чаще в хижинах батраков раздается дружная пролетарская песня о близком освобождении человечества от наемного рабства.

Написано в январе, позднее 3 (16), 1913 г. *П. с. с., т. 22, с. 275—276.*

Из письма
В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

...Я самым настоятельным образом советую принять тотчас же решение о плате Ю. К—ву по 75 (семидесяти пяти) рублей в месяц. Это — minimum для постоянного сотрудника и газеты и жур-

нала; вспомните и литературно-критический отдел, который у нас вообще хромает, а без него «большая» газета невозможна...

...А *Сталь*, по-моему, перепечатать: хорошо! [17]...

Написано 16 июня 1913 г. *П. с. с., т. 48, с. 190.*
Поронин.

Из письма
М. И. УЛЬЯНОВОЙ

...Читаю Octave Mirbeau: «Dingo». По-моему, плохо.

Написано 12 или 13 ноября 1913 г. *П. с. с., т. 55, с. 345.*
Краков.

ТЕТРАДИ ПО ИМПЕРИАЛИЗМУ

ВЫПИСКА ИЗ «NEUE WEGE»

...Октябрь, *426* — выдержки из письма *Ромен Роллана* (автор «Жана-Кристофа») в «*Journal de Genève*» [18]. (22—23 сентября. Приложение.) Националист, но с горькими истинами социалистам... || NB:

Написано после 23 сентября 1914 г. *Ленинский сборник XXIX, с. 449.*

ДОВОДЫ СОЦИАЛ-ПАТРИОТОВ

Брошюрка Эптона *Синклера* с ответом *Блэчфорда* [19] ставит особенно ясно, прямо, точно и решительно новый (не Плеханова, не Каутского etc.) довод социал-патриотов:

Да, война в интересах капиталистов etc., но мы *заведомо слабы*, заведомо не в силах помешать ей. Толки о борьбе с войной, о «восстании» etc. etc. «тихое рассуждение», безнадежное «преувеличение» наших сил.

Вариант довода об «утопизме», каковой довод в реферате был и у Плеханова.

С этой точки зрения Базельская резолюция [20] есть добросовестная попытка попугать правительства, а не обещание и решимость революционных действий respective революционной пропаганды.

[Крайне узка — и сужена нарочно Блэчфордом — такая постановка вопроса, которая сводит все к «превентивной войне». Использование кризиса *для* революционной пропаганды и подготовка революционных действий — вот в чем суть.]

Написано в 1915 г., до июня. *П. с. с., т. 28, с. 251—252.*

Из письма

И. Ф. АРМАНД

...У нас опять дожди. Надеюсь, небесная канцелярия выльет всю лишнюю воду к Вашему приезду и тогда будет хорошая погода [21].

Подбирали ли себе хорошую французскую беллетристику в библиотеке (Stadtbibliothek *)? Я читал здесь «*Châtiments*» **, Гюго, остался доволен...

...Если бываете в Stadtbibliothek, обыщите каталоги *получше*. Насчет классиков (поэтов и прозаиков) французских...

Написано позднее 4 июня 1915 г. *П. с. с., т. 49, с. 79—80.*
Зёренберг (Швейцария).

Из статьи

«АНГЛИЙСКИЙ ПАЦИФИЗМ И АНГЛИЙСКАЯ НЕЛЮБОВЬ К ТЕОРИИ»

...Питая нелюбовь к абстрактным теориям, гордясь своим практицизмом, англичане нередко *прямее* ставят политические вопросы, помогая таким образом социалистам иных стран находить реальное содержание *под* оболочкой всякой (в том числе «марксистской») словесности. В этом отношении поучительна вышедшая до войны в издании шовинистской газеты «Clarion» брошюра «Социализм и война» ***. Брошюрка содержит «манифест» против войны американского социалиста Эптона Синклера (Upton Sinclair) и ответ ему шовиниста Роберта Блэчфорда (Blatchford), давно стоящего на империалистской точке зрения Гайндмана.

Синклер — социалист чувства, без теоретического образования. Он ставит вопрос «попросту», возмущаясь надвигающейся войной и ища спасения от нее в социализме.

«Нам говорят,— пишет Синклер,— что социалистическое движение еще слишком слабо, что мы должны ждать эволюции. Но эволюция происходит в сердцах людей; мы — орудия эволюции, и если мы не будем бороться, то не будет никакой эволюции. Нам говорят, что наше движение» (против войны) «будет раздавлено; но я заявляю свое глубокое убеждение, что подавление какого угодно возмущения, имеющего целью, по мотивам высшей гуманности, помешать войне, было бы величайшей победой, когда-либо одержанной социализмом,— что оно потрясло бы совесть цивилизации и встряхнуло бы рабочих всего мира, как ничто в истории не встряхивало еще их. Не будем слишком

---

* — городская библиотека.— *Ред.*
** — «*Возмездия*».— *Ред.*
*** — «Socialism and war». «The Clarion Press», 44. Warship Street, London E. C.

боязливы насчет нашего движения, не будем придавать слишком большого значения числу и внешним видимостям силы. Тысяча людей, с пылкой верой и решимостью, сильнее, чем миллион, ставший осторожным и почтенным (респектабельным). И нет для социалистического движения опасности большей, как опасность сделаться установившимся учреждением».

Как видите, это — наивное, теоретически непродуманное, но глубоко верное предостережение насчет опошления социализма и призыв к революционной борьбе.

Что же отвечает Синклеру Блэчфорд?

Что войну вызывают капиталистические и милитаристские интересы, все это верно,— говорит он. И я не меньше любого другого социалиста стремлюсь к миру и к преодолению капитализма социализмом. Но «риторическими и красивыми фразами» Синклер не убедит меня, не устранит фактов. «Факты, друг Синклер,— упрямая вещь, а германская опасность есть факт». Ни мы, ни немецкие социалисты не в силах помешать войне. Синклер преувеличивает безмерно наши силы. Мы не объединены, у нас нет ни денег, ни оружия, «ни дисциплины». Нам остается только *помогать* британскому правительству увеличивать свой флот, ибо иной гарантии мира нет и быть не может.

В континентальной Европе шовинисты ни до войны, ни после нее не выступали так откровенно. В Германии вместо откровенности царит лицемерие Каутского и игра в софизмы, у Плеханова тоже. Именно поэтому поучительно взглянуть на отношения в более развитой стране. Здесь никого не проведешь софистикой и карикатурой на марксизм. Вопросы поставлены прямее и правдивее. Будем учиться у «передовых» англичан.

Синклер наивен с своим призывом, хотя этот призыв глубоко верен в основе,— наивен, ибо игнорирует полувековое развитие массового социализма, борьбу течений в нем, игнорирует условия роста революционных действий при наличности объективно-революционной ситуации и революционной организации. «Чувством» этого не заменишь. Суровой и беспощадной борьбы могучих течений в социализме, оппортунистического и революционного, риторикой не обойдешь.

Блэчфорд режет напрямки и выдает сокровенный довод каутскианцев и К°, боящихся говорить правду. Мы еще слабы — вот и все,— говорит Блэчфорд. Но прямотой он сразу разоблачает и оголяет свой оппортунизм, свой шовинизм. Что он служит буржуазии и оппортунистам,— это сразу видно. Признавая «*слабость*» социализма, он *сам ослабляет* его проповедью антисоциалистической, буржуазной, политики.

Подобно Синклеру, но в обратную сторону, как трус, а не как борец, как изменник, а не как «безумно-смелый», он тоже игнорирует условия создания революционной ситуации...

Написано в июне 1915 г. *П. с. с., т. 26, с. 269—271.*

ИЗ КОНСПЕКТА КНИГИ ГЕГЕЛЯ «ЛЕКЦИИ ПО ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ»

Стр. 75 — **«Географическая основа всемирной истории»** (характерное заглавие): (75—101).

NB ср. Плеханов [22] ‖ 75 — „Под мягким небом Ионии" мог легче возникнуть Гомер,— но не только эта причина. — „Не под турецким господством" etc.

Написано в первой половине 1915 г. *П. с. с., т. 29, с. 284.*

Из статьи

«О ПОРАЖЕНИИ СВОЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ИМПЕРИАЛИСТСКОЙ ВОЙНЕ»

...Взглянем на вопрос еще с одной стороны. Война не может не вызывать в массах самых бурных чувств, нарушающих обычное состояние сонной психики. И без соответствия с этими новыми, бурными чувствами *невозможна* революционная тактика.

Каковы главные потоки этих бурных чувств? 1) Ужас и отчаяние. Отсюда — усиление религии. Церкви снова стали наполняться,— ликуют реакционеры. «Где страдания, там религия», говорит архиреакционер Баррес [23]. И он прав. 2) Ненависть к «врагу» — чувство, разжигаемое специально буржуазией (не столько попами) и выгодное *только ей* экономически и политически. 3) Ненависть к *своему* правительству и к *своей* буржуазии — чувство всех сознательных рабочих, которые, с одной стороны, понимают, что война есть «продолжение политики» империализма, и отвечают на нее «продолжением» своей ненависти к своему классовому врагу, а с другой стороны, понимают, что «война войне» есть пошлая фраза без революции против *своего* правительства. Нельзя возбуждать ненависть к своему правительству и к своей буржуазии, не желая им поражения,— и нельзя быть нелицемерным противником «гражданского (= классового) мира», не возбуждая ненависти к своему правительству и к своей буржуазии!! ...

Напечатано 26 июля 1915 г. *П. с. с., т. 26, с. 290—291.*

Из письма

Г. Е. ЗИНОВЬЕВУ

Насчет «Библиографии и заметок» я *за* помещение [24]. Ну, что стоит 100—200 (менее) frs лишних?

Важна *цельная* книжка. Важны *отовсюду* (Golay, Sinclair, «*Die Internationale*») *голоса* против социал-шовинистов...

Написано позднее 26 июля 1915 г. Зёренберг (Швейцария). *П. с. с., т. 49, с. 109.*

Из письма

Г. Е. ЗИНОВЬЕВУ

...Жореса пришлем по прочтении.
«J'accuse» *[25] я отдал *Радеку*...

Написано ранее 19 августа 1915 г. *П. с. с., т. 49, с. 123.*
Зёренберг (Швейцария).

Из письма

В. А. КАРПИНСКОМУ

...По приезде нашел Ваше письмо о статьях Роллана [26]. Я страшно обеспокоен тем, что Вы не получили этих статей. Недели две, если не больше, я отправил их Вам *в письме!* И не бывало случаев до сих пор пропажи незаказных писем в Швейцарии. Не могло ли быть ошибки? Не получил ли кто эти статьи *без* Вас? Черкните, пожалуйста. Если нет и не могло быть ошибки, если статей у Вас нет, я, само собою, сделаю все возможное, чтобы их добыть для Вас (если я их потерял). Либо я куплю номер этот, либо (если в продаже нет) достану в библиотеке и *спишу для Вас полную копию*. Очень и очень прошу извинения и прошу черкнуть мне поскорее о положении дела. Если Вам нужна копия, то *как скоро?* Напишите *откровенно*.

Привет! Ваш *Ленин*

Написано 13 сентября 1915 г. *П. с. с., т. 49, с. 143.*
Зёренберг (Швейцария).

Из письма

Г. Е. ЗИНОВЬЕВУ

NB ...Спросите Инессу, не брала ли она у меня «Journal de Genève» со статьей Romain Rolland!
Ради бога, обыщите все и вся, чтобы найти его.

Написано 18 или 19 сентября 1915 г. *П. с. с., т. 49, с. 144.*
Зёренберг (Швейцария).

Из письма

В. А. КАРПИНСКОМУ

Дорогой В. К.! Посылаю «Journal de Genève» — я заложил его, оказалось, перед отъездом и забыл. Ужасно рад, что нашлось и что я не оказался совсем свиньей перед Вами...

Написано 19 сентября 1915 г. *П. с. с., т. 49, с. 147.*
Зёренберг (Швейцария).

---

* — «Я обвиняю».— *Ред.*

Из письма

В. А. КАРПИНСКОМУ

...Не купите ли для меня (в счет расходов ЦО) брошюры Romain Rolland: «Au dessus de la mêlée»? *

Или ее нет в Женеве?..

Написано ранее 9 ноября 1915 г.
Берн.

П. с. с., т. 49, с. 161.

Из письма

В. А. КАРПИНСКОМУ и С. Н. РАВИЧ

...Мы думаем, что отъезд состоится в пятницу, среду, субботу... ...Мы хотим, чтобы перед отъездом был составлен подробный протокол обо всем. Для подписи будут приглашены Платтен, Леви (представитель печати от «Berner Tagwacht») и т. д. Было бы очень желательно, чтобы участие приняли и французы. N. B. Переговорите немедленно с Гильбо, объясните ему положение, покажите условие и, если он сочувствует, попросите его по телеграмме отсюда *приехать* (расходы покроем). Это было бы очень важно. Очень вероятно, что мы пригласим также Шарля Нэна (Платтен переговорит с ним по телефону.)

NB А еще более важно: если Гильбо сочувствует, то не сможет ли он привлечь для подписи и Ромен Роллана [27]. *Крайне важно:* в «Petit Parisien» была заметка, что-де Милюков грозит предать суду всех, кто поедет через Германию. Скажите это Гильбо. Участие французов в связи с этим особо важно... 4/IV—1917 г.

Цюрих.

П. с. с., т. 49, с. 428.

ТЕЛЕГРАММА А. ГИЛЬБО

Выезжаем завтра в полдень в Германию. Платтен сопровождает поезд, просьба прибыть немедленно, расходы покроем. Привезите Ромен Роллана, если он в принципе согласен. Сделайте все возможное, чтобы привезти с собой Нэна или Грабера. Телеграфируйте Народный Дом, Ульянову.

Ульянов

Написано 6 апреля 1917 г.
Берн.

Перевод с французского.
П. с. с., т. 49, с. 429.

---

* — Ромен Роллан: «Над схваткой».— *Ред.*

Н. И. ПОДВОЙСКОМУ и Н. В. КРЫЛЕНКО

15.I.1918 г.

т. Подвойскому и т. Крыленко

Прилагаемое письмо получено мною сегодня от тов. *Лютераана*, голландца, члена левой партии «трибунистов». Я с ним познакомился в 1915 г. в Берне.

Лютераан просит дать ему денег на поездку и зачислить его в Красную гвардию России [28].

Просил бы, по принципиальным мотивам, удовлетворить его просьбу. Может быть, его можно бы зачислить временно к латышам или эстам, говорящим по-немецки, пока он не выучится по-русски.

Ленин

Написано 15 (28) января 1918 г. *П. с. с., т. 50, с. 31—32.*

АМЕРИКАНСКИМ СОЦИАЛИСТАМ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТАМ

Через американского товарища Альберта Р. Вильямса [29] я шлю свой привет американским социалистам-интернационалистам. Я твердо верю, что в конце концов социальная революция победит во всех цивилизованных странах. Когда она наступит в Америке, она далеко превзойдет русскую революцию.

Написано в мае 1918 г. *П. с. с., т. 50, с. 86.*

Г. В. ЧИЧЕРИНУ

19.VIII.1918 г.

Тов. Чичерин!

Товарищи *Minor* и *Прайс* [30] хотели бы, как американский и английский журналисты, поехать на фронт чехословацкий. Обсудите это серьезно, и мы поговорим с Вами окончательно, чтобы добиться решения военных.

Ваш *Ленин*

П. с. с., т. 50, с. 158.

Из письма

Я. А. БЕРЗИНУ

20. VIII.1918 г.

Тов. Берзин!

Шлю всяческие приветы. Издавайте побольше и шлите мне по экземпляру.

Даже новых брошюр «Demain» *не имею!*

Пришлите «*Le Feu*» par Henri Barbusse *[31] и т. п. литературу.

Ваш *Ленин*

П. с. с., т. 50, с. 161.

Из письма

Я. А. БЕРЗИНУ

15/X.1918.

...*NB:* Пришлите мне... *Pierre Loti*. «Quelques aspects du vertige mondial», Paris (Flammarion). *Leon Frapie*. «Les contes de la guerre» (ibid.) **[32].

П. с. с., т. 50, с. 192—193.

Из второго плана статьи

«О ЗАДАЧАХ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА»

...5. Превращение империалистской войны в гражданскую — «Liebknecht» cf. Barbusse «*Le feu*», «*Clarté*» ***...

Написано в июле, ранее 14, 1919 г. *П. с. с., т. 39, с. 440.*

Из работы

«О ЗАДАЧАХ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА

(РАМСЕЙ МАКДОНАЛЬД О III ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ)»

...Одним из особенно наглядных подтверждений повсюду наблюдаемого, массового явления роста революционного сознания в массах можно признать романы Анри Барбюса: «Le feu» («В огне»)

---

* — «Огонь» Анри Барбюса.— *Ред.*

** — *Пьер Лоти.* «Некоторые аспекты всемирного головокружения», Париж (Фламарион). *Леон Франье.* «Рассказы о войне» (там же).— *Ред.*

*** «Либкнехт» сравни Барбюс «Огонь», «Ясность».— *Ред.*

и «Clarté» («Ясность»). Первый переведен уже на все языки и распространен во Франции в числе 230 000 экземпляров. Превращение совершенно невежественного, целиком подавленного идеями и предрассудками обывателя и массовика в революционера именно под влиянием войны показано необычайно сильно, талантливо, правдиво...

14 июля 1919 г.

П. с. с., т. 39, с. 106.

Из работы

«ОТВЕТ НА ВОПРОСЫ АМЕРИКАНСКОГО ЖУРНАЛИСТА» [33]

...Крах капитализма неизбежен. Революционное сознание масс растет везде. Об этом говорят тысячи признаков. Один из неважных, но очень наглядных для филистера: романы Анри Барбюса («Le feu» и «Clarté»), который пошел на войну, будучи самым мирным, скромным, законопослушным мелким буржуа, филистером, обывателем...

20-го июля 1919 г.

П. с. с., т. 39, с. 116.

НАДПИСЬ НА ПИСЬМЕ А. ГИЛЬБО

Дорогой товарищ Ленин

...У меня имеется намерение написать небольшую работу: руководители большевистской революции и строители Российской Советской республики, которая будет содержать ряд образов людей, деятельность которых проявилась как в революции, так и в деле советского строительства. Надеюсь, что проект этот будет принят бюро III Интернационала, и в особенности надеюсь, что после его принятия он будет использован...

Не стоит о лицах.

Примите, дорогой товарищ, мое братское рукопожатие

Анри Гильбо

Написано не ранее 28 ноября 1919 г. *Ленинский сборник XXXVI, с. 83.*

ИЗ ДОКЛАДА ВЦИК И СОВНАРКОМА VII ВСЕРОССИЙСКОМУ СЪЕЗДУ СОВЕТОВ

5 ДЕКАБРЯ 1919 г.

... Мы начали отвоевывать у Антанты в ее собственных странах мелкую буржуазию и образованное мещанство, которые были целиком против нас. Чтобы доказать это, я позволю себе сослаться на

газету «Юманите» [34] от 26-го октября, которая у меня в руках. Эта газета, которая принадлежала всегда ко II Интернационалу, была бешено шовинистической во время войны, стояла на точке зрения таких социалистов, как наши меньшевики и правые эсеры, и посейчас играет роль примирителя,— она заявляет, что убедилась в изменении настроения рабочих. Она увидела это не в Одессе, а на улицах и собраниях Парижа, когда рабочие не давали говорить тому, кто смел сказать слово против большевистской России. И как политики, научившиеся кое-чему в течение нескольких революций, как люди, знающие, что представляют собой народные массы, они не смеют пикнуть за вмешательство и все высказываются против. Но этого мало. Мало того, что это заявляют социалисты (они называют себя социалистами, хотя мы давно знаем, какие они социалисты), в том же номере «Юманите» от 26-го октября, который я цитировал, помещено заявление целого ряда представителей французской интеллигенции, французского общественного мнения. В этом заявлении, которое начинается подписью Анатоля Франса, где есть подпись Фердинанда Бюиссона, я насчитал 71 фамилию представителей буржуазной интеллигенции, известных всей Франции, которые говорят, что они против вмешательства в дела России, потому что блокада, применение голодной смерти, от которой гибнут дети и старики, не может быть допустима с точки зрения культуры и цивилизации, что они этого снести не могут. А известный французский историк Олар, насквозь стоящий на буржуазной точке зрения, в своем письме говорит: «Я, как француз,— враг большевиков, как француз, я— сторонник демократии, меня смешно заподозрить в противном, но когда я читаю, что Франция приглашает Германию принять участие в блокаде России, когда я читаю, что Франция с этим предложением обращается к Германии,— тогда я ощущаю краску стыда на лице»[35]. Это, может быть, просто словесное выражение чувств со стороны представителя интеллигенции, но можно сказать, что это — третья победа, которую мы одержали над империалистической Францией внутри нее самой. Вот о чем свидетельствует это выступление, шаткое, жалкое само по себе, выступление той интеллигенции, которая, как мы видели на десятках и сотнях примеров, может в миллионы раз больше шуметь, чем представляет собою силу, но которая отличается свойством быть хорошим барометром, давать показатель того, куда клонит мелкая буржуазия, давать показатель того, куда клонит общественное мнение, насквозь буржуазное. Если мы внутри Франции, где все буржуазные газеты, иначе как в выражениях самых лживых, не пишут о нас, достигли такого результата, то мы говорим себе: похоже на то, что во Франции начинается второе дело Дрейфуса, только много покрупнее. Тогда буржуазная интеллигенция боролась против клерикальной и военной реакции, рабочий класс не мог тогда считать это своим делом, тогда не было объективных условий, не было такого глубокого революционного настроения, как теперь. А сейчас?

Если французская буржуазная интеллигенция, после недавней победы самой бешеной реакции на выборах, после того режима, который там существует теперь по отношению к большевикам, если она говорит, что ей стыдно становится от союза реакционнейшей Франции с реакционнейшей Германией с целью душить голодом рабочих и крестьян России,— то мы говорим себе: это, товарищи, третья и крупнейшая победа...

П. с. с., т. 39, с. 398—400.

ПРЕДИСЛОВИЕ К АМЕРИКАНСКОМУ ИЗДАНИЮ КНИГИ ДЖОНА РИДА «10 ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТРЯСЛИ МИР» [36]

Прочитав с громаднейшим интересом и неослабевающим вниманием книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», я от всей души рекомендую это сочинение рабочим всех стран. Эту книгу я желал бы видеть распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки, так как она дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция, что такое диктатура пролетариата. Эти вопросы подвергаются в настоящее время широкому обсуждению, но, прежде чем принять или отвергнуть эти идеи, необходимо понять все значение принимаемого решения. Книга Джона Рида, без сомнения, поможет выяснить этот вопрос, который является основной проблемой мирового рабочего движения.

Н. Ленин

Написано в конце 1919 г. *П. с. с., т. 40, с. 48.*

ЗАПИСКА СЕКРЕТАРЮ

На всех языках книги и брошюры полностью левосоциалистического и коммунистического направления и важнейшие об итогах войны, экономике, политике и т. п.

Равно: художественные произведения о войне [37].

Написано 2 января 1920 г. *П. с. с., т. 51, с. 110.*

Из письма
Е. А. ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ

...издать *ряд* переводов материалистов (XVII и XVIII века) и *ряд* компиляций из их сочинений.

29/VI.1920. *Ленин*

П. с. с., т. 51, с. 226.

ВСЕМ НАРКОМАМ И ЧЛЕНАМ КОЛЛЕГИЙ

17.VIII. 1920 г.

Товарищу *Луи Фрейна* [38], американскому коммунисту, который остался на время в Москве и который является автором крайне полезных литературных произведений (о большевизме, его истории и тактике) на английском языке,

необходимо *несколько* товарищей *переводчиков* с русского на английский для постоянной работы вместе с ним.

Можно не членов партии.

Прошу поискать пригодных, *вполне* знающих английский язык, и сообщить в *наш секретариат*.

Пред. СНК *В. Ульянов (Ленин)*

П. с. с., т. 51, с. 261—262.

ПОМЕТКИ НА ЗАПИСКАХ СЕКРЕТАРЕЙ

17 августа 1920

1

Рид просит его принять сегодня на 5 минут. Очень важное дело. В 9 часов?

Хорошо. *Когда кончится* СНК.

2

Владимир Ильич уже наверное не примет Джона Рида — уже поздно, затянется вопрос? Рид сидит в своей комнате и ждет звонка. (Он, между прочим, прекрасно научился по-русски!)

Если очень просит и на *5* минут, пусть придет сейчас.

Ленинский сборник XXXV, с. 143.

Из письма
М. В. КОБЕЦКОМУ

Тов. Кобецкий! ...И Ваш *рапорт* (т. е. пересланный Вами рапорт врача) и эту заметку надо перевести на английский и послать за границу...[39]

18/X. *Ленин*

Написано 18 октября 1920 г. *П. с. с., т. 51, с. 309.*

УДОСТОВЕРЕНИЕ ЛУИЗЕ БРАЙАНТ (РИД)

12.I.1921 г.

Удостоверяю, что подательница — тов. Луиза Брайант (Louise Bryant), американская коммунистка, вдова товарища Джона Рида, члена Исполкома Коминтерна [40].

Очень прошу партийные и советские учреждения оказывать всяческое содействие тов. Луизе Брайант.

Пред. СНК *В. Ульянов (Ленин)*

П. с. с., т. 52, с. 302.

Из записки Л. А. ФОТИЕВОЙ

...Попросите библиотекаршу достать мне на время *Гейне*, томика 2 стихов, и *Гете*, Фауст, обе по-немецки, лучше бы малого формата...

Написано 6 июня 1921 г. *П. с. с., т. 52, с. 258.*

ПЕРСИДСКИМ КУСТАРЯМ

Дорогие товарищи! Подтверждаю получение подарка от персидских кустарей и шлю им сердечную благодарность и лучшие приветы [41].

1/IX.1921. *Ленин*

П. с. с., т. 53, с. 155

ЖЕЛАТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА (ИЗДАНИЯ ИЗ ГЕРМАНИИ)

...II. Романы и повести направления группы «Clarté» (вроде Latzko [42] и т. п.) — пацифистски-критическое, оценка империалистской войны, выводы и т. п. ...

Написано 25 октября 1921 г. *П. с. с., т. 53, с. 306.*

ЗАПИСКА С. Б. БРИЧКИНОЙ

т. Бричкина! Нельзя ли устроить *Гильбо* обедать в *Люксе?*
Он болел. Похудел. Работает усиленно над романом. «Карту делегата», говорит он. Это близко от него (Люкс). Он-де ничего теперь не имеет, ни копейки не получает.
Его телефон: *3.89.83.*
Очень обяжете, если черкнете два слова.

Привет! *Ленин*

Написано 3 ноября 1921 г. *Ленинский сборник XXIII, с. 325.*

Г. Б. КРАСНОЩЕКОВОЙ

3/XII.

тов. Краснощекова!

Кажется, бывшая у меня Битти — автор книги «Red Heart of Russia» *? [43]
Нельзя ли мне на немного дней достать ее на просмотр? А может быть, есть у Битти и другие книги, брошюры? или пару ее статей на разные темы?
Если не затруднит, очень бы просил.

С ком. приветом *Ленин*

Написано 3 декабря 1921 г. *П. с. с., т. 54, с. 51.*

Г. Б. КРАСНОЩЕКОВОЙ

15/XII.

т. Краснощекова! Посылаю мои поправки.
Я очень нездоров и потому прошу извинить меня: и читал архибегло и пишу наскоро. Пусть Mrs. Beatty ** извинит меня,— также и за отсрочку свидания для фотографии.

С ком. приветом *Ленин*

Написано 15 декабря 1921 г. *П. с. с., т. 54, с. 74.*

---

* — «Красное сердце России».— *Ред.*
** — госпожа Битти.— *Ред.*

ПОМЕТКИ НА КНИГЕ ГЕРБЕРТА УЭЛЛСА «РОССИЯ ВО МГЛЕ» *

(ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО)

Я хотел бы сразу сказать, что это — единственное правительство, возможное в настоящее время в России. Оно воплощает в себе единственную идею, единственное сплачивающее начало, какое еще осталось в России. Но это — факт второстепенный. Решающий же факт для западного читателя, факт грозный и удручающий, состоит в том, что рухнула социальная и экономическая система, очень схожая с нашей и теснейшим образом с ней связанная. NB

* * *

...Эта разоренная Россия не представляет собой страну, строй которой подвергся нападению какой-то мощной, злобной силы, разрушившей его. То был прогнивший строй, который изжил себя и рухнул. Не коммунизм построил эти громадные нелепые города, а капитализм. Не коммунизм вверг эту огромную, трещавшую по швам, обанкротившуюся империю в изнурительную шестилетнюю войну. Это дело рук европейского империализма. И не коммунизм терзает страждущую, быть может умирающую, Россию путем организации целого ряда субсидированных набегов, вторжений и мятежей, не он проводит жестокую ее блокаду. Мстительный французский кредитор, тупой английский журналист куда более повинны в этих смертных муках, чем любой коммунист. NB

* * *

Искажает всю международную ситуацию и вообще вводит в заблуждение людей, занимающихся политикой, утверждение о том, что ужасающая разруха в сегодняшней России в сколько-нибудь значительной мере является результатом одной лишь деятельности коммунистов; что зловредные коммунисты довели Россию до ее нынешнего состояния и что достаточно свергнуть коммунизм, чтобы в России все и вся сразу опять стали счастливыми. Россия попала в нынешнее бедственное положение из-за мировой войны, а также из-за моральной и умственной неполноценности ее правящих и состоятельных кругов (так NB

* Более полную публикацию см.: «Иностранная литература», 1957, № 11, с. 35—42.— *Ред.*

же, как это может случиться с нашим английским государством и — в дальнейшем — даже с американским). У них не хватило ума и совести прекратить войну, прекратить всякого рода расточительство, они продолжали захватывать себе все самое лучшее, обрекая остальных на нищету и лишения, пока, наконец, не стало слишком поздно. Они по-прежнему правили страной, попусту расточали средства, ссорились и, словно слепые, не видели надвигавшейся катастрофы, пока она не разразилась. И тогда-то, как я покажу в следующих главах, пришли коммунисты...

* * *

...Во всех современных обществах марксистами, как правило, становятся люди одного определенного типа, и должен признаться, что в силу своего темперамента и жизненных обстоятельств я испытываю к ним самое горячее сочувствие. Они признают Маркса своим пророком просто исходя из того, что он писал о классовой борьбе трудящихся против предпринимателей и предсказал победу трудящихся, их освобождение, всемирную диктатуру их вождей (диктатуру пролетариата), в результате которой наступит коммунистический рай. Доктрина эта и пророчество с необыкновенной силой влекут к себе молодежь всех стран, в особенности энергичных молодых людей, с сильно развитым воображением, которые, едва начав жить, убеждаются, что они недостаточно образованы, плохо оснащены для жизненной борьбы и в условиях нашей нынешней экономической системы безнадежно обречены на рабство ради заработной платы. Они являют собой живое доказательство социальной несправедливости, тупого пренебрежения к человеку и чудовищной грубости нашего строя; они чувствуют, что ущемлены этим строем и принесены им в жертву; целью всей их жизни становится его уничтожение, освобождение от его ига. Чтобы создать таких бунтарей, вовсе не требуется коварной пропаганды; всюду, где развивается промышленность, возникает коммунистическое движение, как порождение пороков того строя, который дает людям некоторое образование, а затем порабощает их. Марксисты появились бы все равно, даже если бы Маркс никогда не существовал...

* * *

Русские эмигранты в Англии, с точки зрения политической, достойны всяческого презрения. Они без конца повторяют россказни о «зверствах большевиков», о сожженных крестьянами усадьбах, о грабежах и убийствах, совершаемых в городах солдатами расформированной армии, о

преступлениях в глухих переулках и т. д.— все это, по их словам, дело рук большевистского правительства. Но спросите их, какое правительство они хотели бы видеть на его месте, и в ответ вы услышите лишь пустые, общие слова — при этом собеседник ваш, как правило, будет подделываться под те политические воззрения, которые, по его мнению, вы особенно ревностно отстаиваете, или же примется до тошноты восхвалять какого-нибудь очередного «сверхчеловека», Деникина или Врангеля, который все приведет в порядок — одному богу известно как. NB

* * *

В случае краха цивилизованного строя в России и перехода ее к крестьянскому варварству Европа на много лет будет отрезана от всех минеральных богатств России и лишится поставок других видов сырья из этого района — зерна, льна и т. д. Совсем не ясно, смогут ли западные державы обойтись без этих поставок. Их прекращение, безусловно, приведет к общему обеднению Западной Европы. NB

Единственное правительство, которое в настоящее время может предотвратить окончательную гибель России,— это нынешнее правительство большевиков (если Америка и западные державы ему в этом помогут). Сейчас ему нет никакой замены.

* * *

Единственная держава, которая может без содействия других стран помочь России в эту последнюю минуту — Соединенные Штаты Америки. Вот почему я придаю большое значение тому смелому предприятию, которое затеял изобретательный м-р Вандерлип. Я сомневаюсь в том, что его переговоры здесь носят окончательный характер; вероятно, они представляют собой лишь начальный этап обсуждения русской проблемы на новой основе, и быть может это обсуждение приведет в конце концов к более широкому международному подходу к нынешней ситуации. Всем другим державам, кроме Соединенных Штатов, пришлось бы, в связи с нынешним всеобщим изнурением, объединиться между собой, чтобы оказать России сколько-нибудь действенную помощь. Коммунисты отнюдь не настроены против крупного предпринимательства. Чем шире становится его масштабы, тем больше оно приближается к коллективизму. Это путь немногочисленной верхушки к коллективизму вместо низового пути к нему масс. NB

Если же такого полезного вмешательства в дела большевистской России не последует, то,

NB

по моему твердому убеждению, неизбежна окончательная гибель последних остатков современной цивилизации на всей территории, составлявшей ранее Российскую империю. Крайне мало вероятия на то, что это крушение не распространится за ее границы. Возможно, что и другие крупные территории к востоку и к западу от России одна за другой будут проваливаться в эту брешь, образовавшуюся таким образом в цивилизованном мире. Быть может туда провалится вся современная цивилизация.

Пометки сделаны во второй половине 1921 г.

«Иностранная литература», 1957, № 11, с. 36—42.

ГРУППЕ «CLARTÉ»

15 ноября 1922 г.

Дорогие друзья!

Пользуюсь случаем, чтобы послать вам наилучший привет. Я был тяжело болен и более года не мог видеть ни одного произведения вашей группы. Надеюсь, что ваша организация «des anciens combattants» * сохранилась и растет и крепнет не только численно, но и духовно, в смысле углубления и расширения борьбы против империалистической войны. Борьбе против такой войны стоит посвятить свою жизнь, в этой борьбе надо быть беспощадным, все софизмы в ее защиту надо преследовать до самых последних уголков.

Лучшие приветы.

Ваш *Ленин*

П. с. с., т. 45, с. 299.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ И ВЫПИСКИ ИЗ КАТАЛОГОВ

I

КНИГИ ИЗ КАТАЛОГОВ

...Лессинг. «Избранные произведения».
Собрание сочинений. 1—21. 1886...
Бартельс. «История германской литературы». 1915. 2 тома.
Энгель. То же. 2 тома. 1908.
Лансон. «История французской литературы». 1902.
Сюшье. То же.
Фр. Т. Фишер. «Прекрасное и искусство».
« «Старое и новое» (1882).

---

* — бывших участников войны.— *Ред.*

Фр. Т. Фишер. «Эстетика». 6 томов.
« «Критическая галерея». 2 тома. (1873)...
П. Мериме. «Исторические портреты»...
А. Доде. «Воспоминания писателя».
« «Париж за 30 лет».
« «Бессмертный». Париж. 1888...
Гете. «Западно-восточный диван».
«Фауст».
«Изречения».
Сочинения. 1—36.
« 20 томов.
« 50 томов.
« 10 томов.
В. Гюго. «Полное собрание сочинений». 46 томов.
« «Маленький Наполеон». 1852.
Г. Гейне. Собрание сочинений 1—9.
То же. (13 томов).
Ф. Фрейлиграт. «Стихотворения». 1848.
Лессинг. Сочинения. Тома 1—3.
То же. «Поэзия и искусство».
Шиллер.
Шекспир.
Байрон. «Сочинения». 6 томов. [По-английски.]
По-немецки...
Ибсен...
Карлейл. «Прошлое и настоящее».
« «Чартизм».
« «Французская революция».
« Сочинения. 1—30.
Дизраэли. «Две нации» (нет).
Синклер (нет)...
В. ф. Поленц (нет).
Б. Ауэрбах. «Деревенские рассказы». 3 тома (1853).
П. Розеггер. «Случай в Шруне». 1913.
А. Шницлер.
Андерсен Нексе.
Дж. Лондон (нет).
Б. Бьёрнсон.
Данте Аллигиери. «Божественная комедия». (1871).
« То же. 1888.
« «Лирические стихотворения» (1842). 1—2...
Амент. «Душа ребенка».
Финк. «Основные типы строения речи».
Гаман. «Импрессионизм». 1907...
Рёскин, Джон. «Современные живописцы». 1—5...
А. Шенье. Собрание сочинений. 2 тома (1908)...

Написано в 1915 г. *Ленинский сборник XXX, с. 267—277.*

2

ВЫПИСКА ИЗ «СПИСКОВ ЛИТЕРАТУРЫ»

...*Франке.* Предполагаемый язык людей ледникового периода. Лейпциг 1911...
Петер. Развитие французского романа. 1913...
Виэтор. Немецкий фонетический словарь...

Написано в 1916 г. *Ленинский сборник XXIX, с. 495, 497.*

ИЗ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ЗАМЕТОК И УКАЗАТЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нексе. Пелле завоеватель. IX, с. 263.
А. Шницлер. Новеллы. 1914. VIII. 3488.

Написано в 1916 г. *Ленинский сборник XXVII, с. 185.*

ВЫПИСКА ИЗ КНИГИ Г. ШУЛЬЦЕ-ГЕВЕРНИЦА «БРИТАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ»

«Как раз на исходе XIX столетия британское государство проявило ненасытный аппетит: были проглочены Бирма, Белуджистан, Египет, Судан, Уганда, Родезия, южноафриканские республики»... (87)...

справиться!! | Между прочим упомянут *Мультатули*[44], как он описывает европейское управление колониями (104).

Написано в первой половине 1916 г. *Ленинский сборник XXVIII, с. 127.*

РЕЗОЛЮЦИЯ И ПОМЕТКИ НА ВЕДОМОСТИ КНИГ И БРОШЮР, ПОЛУЧЕННЫХ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ

Прошу прислать подчеркнутое и этот список вернуть.

Ленин

ВЕДОМОСТЬ КНИГ И БРОШЮР, ПОЛУЧЕННЫХ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ

Язык	Автор	Название	Издательство	Год издания	Место печати	Количество
Немецкий 83	Franz Mehring	Freiligrath u. Marx in ihrem Briefwechsel	Dietz	1920	Stuttgart *	1

Написано не ранее 9 февраля 1921 г.
Ленинский сборник XXXV, с. 214.

* Франц Меринг, «Фрейлиграт и Маркс в их переписке», Дитц, 1920, Штутгарт.— *Ред.*

О ЯЗЫКЕ

Из статьи

«КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ»

1. ЛИБЕРАЛЫ И ДЕМОКРАТЫ В ВОПРОСЕ О ЯЗЫКАХ

Газеты отмечали неоднократно отчет кавказского наместника, отличающийся не черносотенством, а робким «либерализмом». Между прочим, наместник высказывается против искусственной русификации, т. е. обрусения нерусских народностей. На Кавказе представители нерусских народностей *сами* стараются научить детей по-русски, например в армянских церковных школах, в которых преподавание русского языка необязательно.

Указывая на это, одна из самых распространенных в России либеральных газет — «Русское Слово» (№ 198) делает тот справедливый вывод, что враждебное отношение в России к русскому языку «происходит исключительно» вследствие «искусственного» (надо было сказать: насильственного) насаждения русского языка.

«О судьбе русского языка беспокоиться нечего. Он сам завоюет себе признание во всей России»,— пишет газета. И это справедливо, ибо потребности экономического оборота всегда заставят живущие в одном государстве национальности (пока они захотят жить вместе) изучать язык большинства. Чем демократичнее будет строй России, тем сильнее, быстрее и шире разовьется капитализм, тем настоятельнее потребности экономического оборота будут толкать разные национальности к изучению языка, наиболее удобного для общих торговых сношений.

Но либеральная газета торопится побить себя и доказать свою либеральную непоследовательность.

«Вряд ли,— пишет она,— кто-нибудь даже из противников обрусения станет возражать, что в таком огромном государстве, как Россия, должен быть один общегосударственный язык и что таким языком... может быть только русский».

Логика навыворот! Маленькая Швейцария не теряет, а выигрывает от того, что в ней нет *одного* общегосударственного языка, а их целых три: немецкий, французский и итальянский. В Швейцарии 70% населения немцы (в России 43% великороссов), 22% — французы (в России 17% — украинцев), 7% — итальянцы (в России 6% — поляков и $4^1/_2$% — белорусов). Если итальянцы в Швейцарии часто говорят по-французски в общем парламенте, то они делают это не из-под палки какого-нибудь дикого полицейского закона (такового в Швейцарии нет), а просто потому, что цивилизованные граждане демократического государства сами предпочитают язык, понятный для большинства. Французский язык не внушает ненависти итальянцам, ибо это — язык свободной, цивилизованной нации, язык, не навязываемый отвратительными полицейскими мерами.

Почему же «огромная» Россия, гораздо более пестрая, страшно отсталая, должна *тормозить* свое развитие сохранением какой бы то ни было привилегии для одного из языков? Не наоборот ли, господа либералы? Не должна ли Россия, если она хочет догнать Европу, покончить со всеми и всяческими привилегиями как можно скорее, как можно полнее, как можно решительнее?

Если отпадут всякие привилегии, если прекратится навязывание одного из языков, то все славяне легко и быстро научатся понимать друг друга и не будут пугаться «ужасной» мысли, что в общем парламенте раздадутся речи на разных языках. А потребности экономического оборота сами собой *определят* тот язык данной страны, знать который большинству *выгодно* в интересах торговых сношений. И это определение будет тем тверже, что его примет добровольно население разных наций, тем быстрее и шире, чем последовательнее будет демократизм, чем быстрее будет в силу этого развитие капитализма.

Либералы и к вопросу о языках, как и ко всем политическим вопросам, подходят как лицемерные торгаши, протягивающие одну руку (открыто) демократии, а другую руку (за спиной) крепостникам и полицейским. Мы против привилегий — кричит либерал, а за спиной выторговывает себе у крепостников то одну, то другую привилегию.

Таков *всякий* либерально-буржуазный национализм,— не только великорусский (он хуже всех, благодаря его насильственному характеру и родству с гг. Пуришкевичами), но и польский, еврейский, украинский, грузинский и всякий иной. Буржуазия *всех* наций и в Австрии и в России под лозунгом «национальной культуры» проводит *на деле* раздробление рабочих, обессиление демократии, торгашеские сделки с крепостниками о продаже народных прав и народной свободы.

Лозунг рабочей демократии не «национальная культура», а интернациональная культура демократизма и всемирного рабочего движения. Пусть буржуазия обманывает народ всякими «позитивными» национальными программами. Сознательный рабо-

чий ответит ей: есть только одно решение национального вопроса (поскольку вообще возможно его решение в мире капитализма, мире наживы, грызни и эксплуатации) и это решение — последовательный демократизм.

Доказательства: Швейцария в Западной Европе — страна старой культуры и Финляндия в Восточной Европе — страна молодой культуры.

Национальная программа рабочей демократии: никаких безусловно привилегий ни одной нации, ни одному языку; решение вопроса о политическом самоопределении наций, т. е. государственном отделении их, вполне свободным, демократическим путем; издание общегосударственного закона, в силу которого любое мероприятие (земское, городское, общинное и т. д. и т. п.), проводящее в чем бы то ни было привилегию одной из наций, нарушающее равноправие наций или права национального меньшинства, объявляется незаконным и недействительным — и любой гражданин государства вправе требовать отмены такого мероприятия, как противоконституционного, и уголовного наказания тех, кто стал бы проводить его в жизнь.

Национальной грызне различных буржуазных партий из-за вопросов о языке и т. д. рабочая демократия противопоставляет требование: безусловного единства и полного слияния рабочих *всех* национальностей во *всех* рабочих организациях, профессиональных, кооперативных, потребительных, просветительных и всяких иных, в противовес всяческому буржуазному национализму. Только такое единство и слияние может отстоять демократию, отстоять интересы рабочих против капитала,— который уже стал и все более становится интернациональным,— отстоять интересы развития человечества к новому укладу жизни, чуждому всяких привилегий и всякой эксплуатации.

Написано в октябре — декабре 1913 г. *П. с. с., т. 24, с. 116—119.*

НУЖЕН ЛИ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК?

Либералы отличаются от реакционеров тем, что, по крайней мере, для *начальной* школы они признают право преподавания на родном языке. Но они совершенно сходятся с реакционерами насчет того, что обязательный государственный язык должен быть.

Что означает обязательный государственный язык? Это значит практически, что язык великороссов, составляющих *меньшинство* населения России, навязывается всему остальному населению России. В каждой школе преподавание государственного языка должно быть *обязательно*. Все официальные делопроизводства должны обязательно вестись на государственном языке, а не на языке местного населения.

Чем оправдывают необходимость обязательного государственного языка те партии, которые его защищают?

«Доводы» черносотенцев, конечно, коротки: всех инородцев необходимо держать в ежовых рукавицах и не позволять им «распускаться». Россия должна быть неделима, и все народы должны подчиняться великорусскому началу, так как великороссы будто бы были строителями и собирателями земли русской. Поэтому язык правящего класса должен быть обязательным государственным языком. Господа Пуришкевичи даже не прочь бы и вовсе запретить «собачьи наречия», на которых говорит до 60% невеликорусского населения России.

Позиция либералов — гораздо «культурнее» и «тоньше». Они — за то, чтобы в известных пределах (например, низшая школа) был допущен родной язык. Но вместе с тем они отстаивают обязательность государственного языка. Это, мол, необходимо, в интересах «культуры», в интересах «единой» и «неделимой» России и т. д.

«Государственность есть утверждение культурного единства... В состав государственной культуры непременно входит государственный язык... В основе государственности лежит единство власти, и государственный язык — орудие этого единства. Государственный язык обладает такой же принудительной и общеобязательной силой, как все другие формы государственности...

Если России суждено пребыть единой и нераздельной, то надо твердо отстаивать государственную целесообразность русского литературного языка».

Вот — типичная философия либерала относительно необходимости государственного языка.

Приведенные слова заимствованы нами из статьи г. С. Патрашкина в либеральной газете «День» (№ 7). За такие мысли, по вполне понятным причинам, черносотенное «Новое Время» наградило жирным поцелуем автора их. Г-н Патрашкин высказывает здесь «вполне здравые мысли», заявила газета Меньшикова (№ 13588). За такие весьма «здравые» мысли черносотенцы постоянно хвалят и национал-либеральную «Русскую Мысль». Да и как не хвалить, раз либералы при помощи «культурных» доводов пропагандируют то, что так нравится нововременцам?

Русский язык — велик и могуч, говорят нам либералы. Так неужели же вы не хотите, чтобы каждый, кто живет на любой окраине России, знал этот великий и могучий язык? Неужели вы не видите, что русский язык обогатит литературу инородцев, даст им возможность приобщиться к великим культурным ценностям и т. д.?

Все это верно, господа либералы,— отвечаем мы им. Мы лучше вас знаем, что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч. Мы больше вас хотим, чтобы между угнетенными классами всех без различия наций, населяющих Россию, установилось возможно более тесное общение и братское единство. И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку.

Мы не хотим только одного: элемента *принудительности*. Мы не хотим загонять в рай дубиной. Ибо, сколько красивых фраз о

«культуре» вы ни сказали бы, *обязательный* государственный язык сопряжен с принуждением, вколачиванием. Мы думаем, что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его *из-под палки*. Мы убеждены, что развитие капитализма в России, вообще весь ход общественной жизни ведет к сближению всех наций между собою. Сотни тысяч людей перебрасываются из одного конца России в другой, национальный состав населения перемешивается, обособленность и национальная заскорузлость должны отпасть. Те, кто по условиям своей жизни и работы нуждаются в знании русского языка, научатся ему и без палки. А принудительность (палка) приведет только к одному: она затруднит великому и могучему русскому языку доступ в другие национальные группы, а главное — обострит вражду, создаст миллион новых трений, усилит раздражение, взаимонепонимание и т. д.

Кому это нужно? Русскому народу, русской демократии — этого не нужно. Он не признает *никакого* национального угнетения хотя бы и «в интересах русской культуры и государственности».

Вот почему русские марксисты говорят, что необходимо: — *отсутствие* обязательного государственного языка, при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках, и при включении в конституцию основного закона, объявляющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций и какие бы то ни было нарушения прав национального меньшинства...

Напечатано 18 января 1914 г. *П. с. с., т. 24, с. 293—295.*

Из работы

«ОТВЕТ НА ВОПРОСЫ АМЕРИКАНСКОГО ЖУРНАЛИСТА»

...Мы дали возможность, например, башкирским массам учредить автономную республику внутри России, мы всячески помогаем самостоятельному, свободному развитию каждой народности, росту и распространению литературы на родном для каждого языке, переводим и пропагандируем нашу Советскую конституцию, которая имеет несчастье более чем миллиарду жителей земли, принадлежащих к колониальным, зависимым, угнетенным, неполноправным народностям, больше нравиться, чем «западноевропейская» и американская конституция буржуазно-«демократических» государств, укрепляющая частную собственность на землю и капитал, т. е. укрепляющая гнет немногочисленных «цивилизованных» капиталистов над трудящимися своих стран и над сотнями миллионов в колониях Азии, Африки и пр. ...

20-го июля 1919 г.

П. с. с., т. 39, с. 114.

ИЗ РЕЗОЛЮЦИИ ЦК РКП(б) О СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА УКРАИНЕ

... 3. В настоящее же время отношения между УССР и РСФСР определяются федеративной связью на почве решений ВЦИК от 1 июня 1919 г. и ЦИКУ от 18 мая 1919 г. (резолюция прилагается)[1].

4. Ввиду того, что украинская культура (язык, школа и т. д.) в течение веков подавлялась царизмом и эксплуататорскими классами России, ЦК РКП вменяет в обязанность всем членам партии всеми средствами содействовать устранению всех препятствий к свободному развитию украинского языка и культуры. Поскольку на почве многовекового угнетения в среде отсталой части украинских масс наблюдаются националистические тенденции, члены РКП обязаны относиться к ним с величайшей терпимостью и осторожностью, противопоставляя им слово товарищеского разъяснения тождественности интересов трудящихся масс Украины и России. Члены РКП на территории Украины должны на деле проводить право трудящихся масс учиться и объясняться во всех советских учреждениях на родном языке, всячески противодействуя попыткам искусственными средствами оттеснить украинский язык на второй план, стремясь, наоборот, превратить украинский язык в орудие коммунистического просвещения трудовых масс. Немедленно же должны быть приняты меры, чтобы во всех советских учреждениях имелось достаточное количество служащих, владеющих украинским языком, и чтобы в дальнейшем все служащие умели объясняться на украинском языке...

Напечатано 2 декабря 1919 г. *П. с. с., т. 39, с. 334—335.*

Из письма

Н. К. КРУПСКОЙ и В. И. ЛЕНИНА — М. А. УЛЬЯНОВОЙ

20-го декабря.

...После окончания «рынков» существует план засесть основательно за языки вообще, а за немецкий в особенности. Володя выписывает из склада русско-немецкий словарь Павловского, а Анюту просит раздобыть Тургенева на немецком языке и какую-нибудь хорошую грамматику. Я слышала, что из немецких грамматик хороша Ф. Фидлера, но наверное не знаю...

...Насчет немецкого перевода Тургенева я бы думал, лучше всего справиться, напр., у Вольфа и взять кстати каталог изданий хоть Реклама [2]. Что именно из Тургеневских сочинений, нам безразлично,— только перевод желательно из хороших. Немецкая грамматика желательна возможно более полная,— особенно синтаксис. Если бы и на немецком языке, это бы даже лучше, пожалуй...

Написано 20 декабря 1898 г. Шушенское. — *П. с. с., т. 55, с. 121, 122.*

Из письма

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

7/II.99.

...Должно быть, Анюта не получила того моего письма (очень уже давно писанного), где я просил прислать 1) какой-нибудь сносный немецкий перевод Тургенева и 2) подробную немецкую грамматику (хоть на немецком языке для немцев, ибо для русских обыкновенно чересчур кратки грамматики). Я хочу основательно взяться за немецкий. Теперь еще попрошу прислать мне русско-немец-

Библиотечная книга

кий словарь, один из тех, что́ у нас есть, или Ленстрема или лучше Рейфа с русского на 3 европейских языка. Я выписал было от Калмыковой русско-немецкий словарь Павловского, но оказалось, что он только еще выходит выпусками и вышло лишь около $^1/_2$.

Шушенское. *П. с. с., т. 55, с. 138.*

Из письма
М. А. УЛЬЯНОВОЙ

7/III.99.

Получил я на этой неделе, дорогая мамочка, три книжечки Тургенева по-немецки. Мерсі за них. Это очень хорошо, что взяли издание Реклама: оно, кажется, наиболее удобное. Теперь буду ждать еще словаря с русского на немецкий (у нас было два, помнится: Ленстрема и Рейфа,— старый словарь с русского. Лучше бы, пожалуй, последний, хотя и первый ничего), а также какой-либо грамматики. Я писал уже об этом Анюте, у Марка есть «Книга о книгах»; там указаны некоторые *подробные* немецкие грамматики *на немецком* же языке. Хотел было выписать русско-немецкий словарь Павловского и заказал уже было Калмыковой, но оказалось, что он еще не окончен, выходит выпусками...

Шушенское. *П. с. с., т. 55, с. 145.*

Из письма
М. А. УЛЬЯНОВОЙ

2/III.01.

...Жалею, не занимался я чешским языком. Интересно, очень близко к польскому, масса старинных русских слов. Я недавно уезжал, и по возвращении в Прагу особенно бросается в глаза ее «славянский» характер, фамилии на «чик», «чек» и пр., словечки вроде «льзя», «лекарня» и пр. и пр. ...

Прага. *П. с. с., т. 55, с. 205—206.*

Из письма
М. И. УЛЬЯНОВОЙ [3]

19.V.01.

...Как-то ты поживаешь? Надеюсь, наладила уже более правильный режим, который так важен в одиночке? Я Марку писал сейчас письмо и с необычайной подробностью расписывал ему,

как бы лучше всего «режим» установить: по части умственной работы особенно рекомендовал переводы и притом *обратные*, т. е. сначала с иностранного на русский письменно, а потом с русского перевода опять на иностранный. Я вынес из своего опыта, что это самый рациональный способ изучения языка. А по части физической усиленно рекомендовал ему, и повторяю то же тебе, гимнастику ежедневную и обтирания. В одиночке это прямо необходимо.

Из одного твоего письма, пересланного сюда мамой, я увидел, что тебе удалось уже наладить некоторые занятия. Надеюсь, что благодаря этому ты будешь хоть иногда забывать об обстановке и время (которое обыкновенно в тюрьмах летит быстро, если нет особо неблагоприятных условий) будет проходить еще незаметнее. Советую еще распределить правильно занятия по имеющимся книгам так, чтобы разнообразить их: я очень хорошо помню, что перемена чтения или работы — с перевода на чтение, с письма на гимнастику, с серьезного чтения на беллетристику — чрезвычайно много помогает. Иногда ухудшение настроения — довольно-таки изменчивого в тюрьме — зависит просто от утомления однообразными впечатлениями или однообразной работой, и достаточно бывает переменить ее, чтобы войти в норму и совладать с нервами. После обеда, вечерком для отдыха я, помню, regelmässig * брался за беллетристику и нигде не смаковал ее так, как в тюрьме...

Мюнхен. *П. с. с., т. 55, с. 208—209.*

Из статьи
«БОРЬБА С ГОЛОДАЮЩИМИ»

Какую удивительную заботливость о голодающих проявляет наше правительство! Какой длиннейший циркуляр (от 17-го августа) выпустил министр внутренних дел к губернаторам пострадавших губерний! Это целое литературное произведение объемом больше обыкновенного печатного листа, изъясняющее устами г. Сипягина всю политику правительства в продовольственном деле. Опубликованием этого произведения рассчитывали, очевидно, произвести впечатление на «общество»: вот, дескать, как мы попечительны, как мы торопимся с мерами помощи, как мы заранее предусматриваем и организацию продовольственных учреждений и все виды и стороны их деятельности. И нельзя не сознаться, что циркуляр министерства внутренних дел действительно производит впечатление и не только своей величиной, но также (если иметь терпение дочитать до конца) и своим содержанием. Откровенное изложение правительственной программы дает всегда в руки лучшее орудие для агитации против царского правительства, и, при-

* — регулярно.— *Ред.*

нося свою почтительнейшую благодарность г. Сипягину, мы осмеливаемся рекомендовать и остальным гг. министрам почаще говорить о своей программе в циркулярах, публикуемых во всеобщее сведение.

Мы сказали: если иметь терпение дочитать циркуляр г. Сипягина до конца. Терпения на это надо не мало, ибо на три четверти...— какое! на девять десятых — циркуляр наполнен обычным казенным пустословием. Разжевывание вещей давным-давно известных и сотни раз повторенных даже в «Своде законов» [4], хождение кругом да около, расписывание подробностей китайского церемониала сношений между мандаринами, великолепный канцелярский стиль с периодами в 36 строк и с «речениями», от которых больно становится за родную русскую речь,— когда вчитываешься в эту прелесть, чувствуешь себя точно в русском полицейском участке, в котором от стен отдает затхлостью, отовсюду несет какой-то специфической вонью, чиновники уже по одному своему виду и обращению — олицетворение самой невыносимой волокиты, а виднеющиеся в окно надворные постройки живо напоминают о застенке...

Напечатано в октябре 1901 г. *П. с. с., т. 5, с. 277—278.*

О ЖУРНАЛЕ «СВОБОДА» [5]

Журнальчик «Свобода» совсем плохой. Автор его — журнал производит именно такое впечатление, как будто бы он весь от начала до конца был писан одним лицом — претендует на популярное писание «для рабочих». Но это не популярность, а дурного тона популярничанье. Словечка нет простого, все с ужимкой... Без выкрутас, без «народных» сравнений и «народных» словечек — вроде «ихний» — автор не скажет ни одной фразы. И этим уродливым языком разжевываются без новых данных, без новых примеров, без новой обработки избитые социалистические мысли, умышленно вульгаризируемые. Популяризация, сказали бы мы автору, очень далека от вульгаризации, от популярничанья. Популярный писатель подводит читателя к глубокой мысли, к глубокому учению, исходя из самых простых и общеизвестных данных, указывая при помощи несложных рассуждений или удачно выбранных примеров главные *выводы* из этих данных, наталкивая думающего читателя на дальнейшие и дальнейшие вопросы. Популярный писатель не предполагает не думающего, не желающего или не умеющего думать читателя,— напротив, он предполагает в неразвитом читателе серьезное намерение работать головой и *помогает* ему делать эту серьезную и трудную работу, *ведет* его, помогая ему делать первые шаги и *уча* идти дальше самостоятельно. Вульгарный писатель предполагает читателя не думающего и думать не способного, он не наталкивает его на первые начала серьезной науки,

а в уродливо-упрощенном, посоленном шуточками и прибауточками виде, преподносит ему «готовыми» *все* выводы известного учения, так что читателю даже и жевать не приходится, а только проглотить эту кашицу.

Написано осенью 1901 г. *П. с. с., т. 5, с. 358—359.*

Из письма
М. А. УЛЬЯНОВОЙ

17.XII.02.

...Маняша пишет также, что занялась языками и в том числе даже английским. Я было хотел послать ей один учебничек произношения, очень хороший, на немецком языке. Мне недавно пришлось заниматься, и я очень доволен этим учебником, не могу нахвалиться им. Называется он Henry *Sweet:* Elementarbuch des gesprochenen Englisch. Oxford. 1901. Стоит около 1 р. 25 коп. Если хочет Маняша,— пришлю ей, ибо мне уже не нужен. Но только раз у нее есть Туссэн, не знаю уже, стоит ли, ибо Туссэн превосходен. Я прежде не верил в эту систему, а теперь убедился, что это единственная серьезная, дельная система. И если, пройдя первый выпуск Туссэна, взять пару — другую уроков у природного иностранца, то можно выучиться безусловно хорошо. Есть теперь и словари Туссэна *с обозначением произношения:* очень советую Маняше купить, ибо наш Александров *массу врет.* (Например, карманный словарь Muret по методе Туссэна, Taschen-Wörterbuch der englischen und deutschen Sprache, Teil I, Englisch-deutsch, Preis 2 Mark. Berlin. 1902. *Langenscheidtsche* Verlagsbuchhandlung — очень советую купить.)...

Лондон. *П. с. с., т. 55, с. 226—227.*

ЗАМЕТКИ О КНИГЕ Н. РУБАКИНА «СРЕДИ КНИГ» [6]

Среди книг. Н. Рубакина. Том I. Издание 2. Москва. 1911. Языкознание, литература, искусство, публицистика, этика.

Этнография и славянские языки:

Пыпин. История русской этнографии. (Выпуски I и II великороссы, III — мало-россы, IV — бело-русы и Сибирь). СПб. 1900 (по 2 р. 50 том).

Миклошич: Сравнительная морфология славянских языков. (Между прочим: Выпуск III: мало-русский и русский языки (86 г.), IV: чешский и польский (86 г.) (по 1 р. 50 за выпуск).

Т. Флоринский: Лекции по славянскому языкознанию. Части I и II (3 и 4 рубля). Киев. 1895 и 1897.

М. Мюллер: Лекции по науке о языке.

Потебня. Мысль и язык. Харьков. 1894. (2 рубля).

А. Будилович: Общеславянский язык. 2 тома. Варшава. 1892.

В. Науменко. Обзор фонетической особенности мало-русской речи. Киев. 89 г. 60 коп.

А. Крымский: Украинская грамматика. Москва. 07—8 (2 или 3?) 3 тома. (1.10+0.65+0.60).

Характеризуя *публицистические* органы, сборники и писателей, *Рубакин*, между прочим, пишет:

Народнические издания... «Русское Богатство»... «Выходил в январе 1906 года под названием «Современные Записки», в марте и апреле того же года под названием: «Современность» (социалисты-революционеры и народные социалисты); литературно-публицистические еженедельники: «Весть» *, с заменившими ее, после закрытия, изданиями: «Общество» *, «Мирские Вести» *, «Народная Весть» *, «Щит» * (социалисты-революционеры и народные социалисты)...

(«Среди книг», том I, издание 2, стр. 207)

...Перечисляя бе-ков, Рубакин называет «богоискателями»

В. Базарова
Богданова
А. Луначарского
М. Горького

т. I
с. 245

Написано позднее мая 1911 г. *Ленинский сборник XXV, с. 309, 310.*

ОБРАЗОВАННЫЕ ДЕПУТАТЫ

В вечернем заседании 2 апреля, возражая на требование рабочих депутатов обсуждать запрос о ленских событиях, октябрист Л. Г. Люц сказал:

«Через два дня годовщина событий на Лене. Очевидно, социал-демократы стремятся *будировать* чувства рабочих для того, чтобы их поднять на какие-нибудь эксцессы...»

Французское слово «bouder», передаваемое русским «будировать», означает — сердиться, дуться. А г. Люц, очевидно, производит это слово от «будоражить», или, может быть, «возбудить». Как смеялись гг. буржуазные депутаты и буржуазная пресса, ког-

* Органы, закрытые правительством или прекратившиеся под его давлением.

да в I Думе один крестьянин употребил слово «прерогативы» в смысле «рогатки»! А между тем ошибка была тем простительнее, что разные «прерогативы» (т. е. исключительные права) господствующих являются на самом деле рогатками для русской жизни. Но образованность г. Люца не «возбудировала» смеха его образованных друзей и их печати.

Напечатано 10 апреля 1913 г. *П. с. с., т. 23, с. 60.*

ОБ ОЧИСТКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

(РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ДОСУГЕ, Т.Е. ПРИ СЛУШАНИИ РЕЧЕЙ НА СОБРАНИЯХ) [7]

Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочеты или недостатки или пробелы?

Конечно, когда человек, недавно научившийся читать вообще и особенно читать газеты, принимается усердно читать их, он невольно усваивает газетные обороты речи. Именно газетный язык у нас, однако, тоже начинает портиться. Если недавно научившемуся читать простительно употреблять, как новинку, иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?

Сознаюсь, что если меня употребление иностранных слов без надобности озлобляет (ибо это затрудняет наше влияние на массу), то некоторые ошибки пишущих в газетах совсем уже могут вывести из себя. Например, употребляют слово «будировать» в смысле возбуждать, тормошить, будить. Но французское слово «bouder» (будэ) значит сердиться, дуться. Поэтому будировать значит на самом деле «сердиться», «дуться». Перенимать французски-нижегородское словоупотребление значит перенимать худшее от худших представителей русского помещичьего класса, который по-французски учился, но во-первых, не доучился, а во-вторых, коверкал русский язык.

Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?

Написано в 1919 или 1920 г. *П. с. с., т. 40, с. 49.*

А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ

18.I.1920 г.

Тов. Луначарский!

Недавно мне пришлось — к сожалению и к стыду моему, впервые,— ознакомиться с знаменитым словарем Даля [8].

Великолепная вещь, но ведь это *областнический* словарь и устарел. Не пора ли создать словарь *настоящего* русского языка,

скажем, словарь слов, употребляемых *теперь* и *классиками*, от Пушкина до Горького [6].

Что, если посадить за сие 30 ученых, дав им красноармейский паек?

Как бы Вы отнеслись к этой мысли?

Словарь классического русского языка?

Не делая шума, поговорите с знатоками, ежели не затруднит, и сообщите мне Ваше мнение.

Ваш *Ленин*

П. с. с., т. 51, с. 121—122.

М. Н. ПОКРОВСКОМУ

5.V.1920 г.

т. Покровский!

Мне случилось как-то беседовать с т. Луначарским о необходимости издания хорошего словаря русского языка. Не вроде Даля, а словарь для пользования (и учения) всех, словарь, так сказать, классического, современного русского языка (от Пушкина до Горького, что ли, примерно). Засадить на паек человек 30 ученых или сколько надо, взяв, конечно, не годных на иное дело,— и пусть сделают.

Луначарский сказал, что об этом он уже думал и что это не то делается не то будет сделано.

Будьте любезны проверить, делается ли, и черкнуть мне.

Ваш *Ленин*

П. с. с., т. 51, с. 192.

В БИБЛИОТЕКУ РУМЯНЦЕВСКОГО МУЗЕЯ

Если, по правилам, справочные издания не выдаются на дом, то нельзя ли получить на вечер, на ночь, когда библиотека закрыта. **Верну к утру.**

Для справок на 1 день:

I. Два *лучших*, наиболее полных, словаря *греческого* языка, *с* греческого на *немецкий*, французский, русский или английский.

II. Лучшие *философские* словари, словари философских терминов: немецкий, кажется, Эйслера; английский, кажется, Болдвина (Baldwin); французский, кажется, Франка (если нет поновее); русский, какой есть из новых.

III. История греческой философии
1) *Целлер*, полное и самое новое издание.
2) *Гомперц* (венский философ): «Griechische Denker» *.

Написано 1 сентября 1920 г. *П. с. с., т. 51, с. 272.*

Е. А. ЛИТКЕНСУ

т. Литкенс! Забыл при свидании просить Вас проверить, как стоит дело с комиссией ученых, составляющих словарь (краткий) *современного* (от Пушкина до Горького) русского языка.
Я давно, много раз уславливался об этом с Покровским и Луначарским.
Делается ли? Что именно? Узнайте и напишите точно.

6/V. С ком. приветом *Ленин*

Написано 6 мая 1921 г. *П. с. с., т. 52, с. 178.*

Е. А. ЛИТКЕНСУ

т. Литкенс!

Ваше письмо (насчет словаря) именно неправильно [10].
Вы *сваливаете* на М. Н. Покровского *администрирование*, вместо того чтобы *освобождать* его от администрирования.
Дело *администратора* — велеть 1) разыскать *бумажки* (было ли постановление? чье? когда? кто ответственен?).
2) Если «дело *не* продвинуто», узнать, *отчего* (если от *пайков* — сколько? — то, может быть, отложим до осени?).

С ком. приветом *Ленин*

P. S. Я припоминаю, что Покровский не раз мне *говорил*, но он не *администрирует*.
В этом гвоздь! Может быть, подождете отъезда Покровского в отпуск и *потом* разыщете бумажки?

Написано 9 мая 1921 г. *П. с. с., т. 52, с. 182—183.*

Е. А. ЛИТКЕНСУ

19/V.

Воспользуйтесь отдыхом Покровского, чтобы, не обременяя его администрированием, начать работу по составлению словаря русского языка.

---

* — «Греческие мыслители».— *Ред.*

1) Назначьте комиссию 3—5 лучших филологов. Они должны в 2 недели разработать план и состав окончательной комиссии (для [определения] работы, ее состава, срока и пр.).

2) Задание — краткий (*малый* «Ларусс» образец) словарь русского языка (от Пушкина до Горького). Образцового, современного. По новому правописанию.

3) По их (3—5) докладу *научно-академический* центр должен *утвердить*. Тогда к осени начнем [11].

Написано 19 мая 1921 г. *П. с. с., т. 52, с. 198—199.*

Е. А. ЛИТКЕНСУ

т. Литкенс!

Условимся, значит, по вопросу о словаре так:

1) приблизительно через месяц (в отсутствие Покровского) сделайте *формальное* постановление и назначьте *ответственное лицо* или *лица*;

2) на основе этого постановления составить *план* работы с указанием не только ответственных лиц, но и расходов и пайков.

Выполнять должны начать по плану, с августа или сентября.

Ленин

Написано в конце мая 1921 г. *П. с. с., т. 52, с. 238.*

ПОРУЧЕНИЕ СЕКРЕТАРЮ

Запросить **Литкенса**, как «стоит» (или *движется*) дело? [12]
Прислать *мне ответ Литкенса.*

5/8. *Ленин*

Написано 5 августа 1921 г. *П. с. с., т. 53, с. 95.*

Л. А. ФОТИЕВОЙ

Фотиевой

Месяц прошел. Запросите **коротенькую** сводку, прочтите и скажите мне [13].

9/X. *Ленин*

Написано 9 октября 1921 г. *П. с. с., т. 53, с. 250.*

ПРИЛОЖЕНИЕ I
ДОКУМЕНТЫ

ИЗ РЕШЕНИЙ ЦК РСДРП О ГАЗЕТЕ «ПРАВДА»

ИЗ РЕШЕНИЙ ЦК РСДРП 27—29 ДЕКАБРЯ 1913 г. (9—11 ЯНВАРЯ 1914 г.) *

К РУКОВОДСТВУ РЕДАКЦИИ

Постановлено

1) Вся редакционная работа должна вестись строго коллегиально. Цензурность — прежде всего. Тремя неделями руководства Макса доказано, что *можно* добиться того, чтобы не конфисковали. Необходимо идти на все внешние урезки, иначе — газета погибнет.

2) Необходимо сделать газету более разнообразной. Для этого вернуть обязательно Д. Бедного, отдать больше места под беллетристику, стихи, маленькие фельетоны и т. п.

3) Остается в силе прежнее постановление о том, что присылаемые статьи за тремя условными буквами помещаются немедленно и без изменений.

4) *Постановляется относительно статей местного происхождения, в особенности — полемического характера: статьи эти обязательно должны проходить через всю коллегию; если меньшинство коллегии потребует, статья должна быть отложена и послана за границу; такое же право требовать отложения дается лично А. Витимскому; такое же право дается лицу, которое назначит Российская социал-демократическая рабочая фракция. Статьи полемического характера, если они терпят отложение, вообще должны посылаться на просмотр в...*** (пример: письмо 2-х грузин и ответ на него). Доказано, что не раз помещалось то, чего не нужно было помещать.

---

* Решения ЦК РСДРП о газете «Правда» были вынесены расширенным заседанием ЦК, происходившим под руководством В. И. Ленина в Кракове и признавшим, что «работа по укреплению «Правды» есть теперь основа всего. Это, в буквальном смысле слова,— самая насущная, самая важная очередная задача».

** В тексте пропуск; по-видимому, имеется в виду Заграничное бюро ЦК РСДРП.

5) Необходимо привлечение к редакционной работе руководящих местных *рабочих*. Периодические совещания с рабочими о ведении газеты возможны и необходимы.

К СВЕДЕНИЮ РЕДАКЦИИ

Необходимо во что бы то ни стало повысить тираж газеты. Для этого необходимо поставить должным образом хозяйство, создать отделения в районах С.-Петербурга и в иногородних крупных рабочих центрах.

Затем необходимо улучшить литературную сторону дела.

Для этого желательно сделать содержание газеты более разнообразным.

1) Необходимо давать чаще беллетристику.

2) *Обязателен* маленький фельетон Демьяна Бедного. «Суд» его с ликвидаторами ни при чем. Никакой «суд» не отнимет у него таланта. Обвинения, предъявленные ему ликвидаторами, простая «склока».

3) Надо улучшить информационную часть: давать больше телеграмм, завести отдел «По России», где давать хотя бы только краткие вырезки из других газет, надо завести отделы — «Среди железнодорожников» (только самое легальное), «Среди учителей» и т. п.

4) Страшно хромает последнее время отдел профессиональных союзов. Отчеты о собраниях союзов появляются у нас на 3 дня позже, чем в «Новой Рабочей Газете». Это губит тираж. Необходимо это исправить.

5) Полемику против ликвидаторов надо давать максимум 2—3 раза в неделю (если только нет исключительных случаев). Полемика должна быть *только* разъяснительная, пропагандистская, ни в коем случае не «склочная».

6) Необходимо ангажировать Стеклова на одну корреспонденцию (картинки и пр.) в неделю из Парижа, Керженцева из Лондона и т. д.

7) Необходимо попытаться давать хоть раз в неделю карикатуру, портрет, снимок (примеры: Горький, группы народных учителей и т. п.).

8) Необходимо попытаться поставить естественно-научные маленькие статейки 1—2 раза в неделю, отделы «Что читать» и т. д.

9) Надо послать приглашение М. Н. Покровскому (Париж) и брать у него фельетоны на исторические и т. п. темы 1 раз в 10 дней.

10) Время от времени давать статейки о студенческой жизни.

11) Попытаться привлечь к сотрудничеству Плеханова.

12) Конфискабельный материал собирать в один номер и давать раз в 1—2 недели.

13) Конфискованные номера рассылать подписчикам, как это делает «Новая Рабочая Газета», посылать вместе со следующим неконфискованным номером.

«Исторический архив», 1959, № 4, с. 42—43.

ДЕКРЕТЫ И ПОСТАНОВЛЕНИЯ, ПОДПИСАННЫЕ В. И. ЛЕНИНЫМ

*ИЗ ДЕКРЕТА ВЦИК и СНК ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

Дело общего руководства народным просвещением, поскольку таковое остается за центральной государственной властью, поручается, впредь до Учредительного собрания, Государственной комиссии по народному просвещению, представителем и исполнителем которой является народный комиссар.

Все функции, выполнявшиеся прежде министром народного просвещения и его товарищами, возлагаются, согласно решению Совета Народных Комиссаров и общему порядку, установленному съездом Советов, на Комиссию по народному образованию.

Комиссия по просвещению ответственна во всех своих действиях перед Исполнительным Комитетом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Состав Комиссии следующий:

1) Председатель — народный комиссар по просвещению.

2) Секретарь Комиссии по народному просвещению.

3) Лица делегированные:

1) 3 представителя от Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов; 2) 2 представителя от Исполнительного Комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов (по производстве выборов на съезде); 3) 2 от Всероссийского учительского союза; по одному: 4) от Академического союза; 5) от Центрального бюро профессиональных союзов; 6) от Всероссийского центра фабрично-заводских комитетов; 7) от Центрального комитета петроградских пролетарских культурно-просветительных организаций (впредь до создания подобного же всероссийского органа); 8) от Всероссийского союза городов; 9) от Всероссийского земского союза; 10) от Всероссийской организации художников (как только она возникнет); 11) от Всероссийского студенческого союза (когда таковой образуется); 12) от Государственного Комитета по народному образованию [1].

---

* Декреты Совета Народных Комиссаров, в отличие от постановлений СНК, отмечены звездочкой (*).— *Ред.*

[1] Комитет был создан при Временном правительстве; декретом 20 ноября (3 декабря) 1917 года он был распущен.— *Ред.*

4) Лица по назначению Совета Народных Комиссаров: пятнадцать лиц, заведующих отделами.

Отделы:

1) Отдел по введению всеобщей грамотности.

2) Отдел автономных высших учебных заведений.

3) Отдел министерских учебных заведений (впредь до их передачи муниципалитетам).

4) Отдел муниципальных учебных заведений.

5) Отдел дошкольного воспитания и помощи детям.

6) Отдел внешкольного образования.

7) Отдел помощи самостоятельным классовым просветительным организациям.

8) Научный отдел.

9) Отдел искусств.

10) Финансовый отдел.

11) Отдел статистики и экспериментальной педагогики.

12) Отдел технических школ и политехнического образования.

13) Отдел по подготовке преподавательского персонала.

14) Отдел школьной медицины и гигиены.

15) Отдел школьного строительства.

Государственная комиссия по народному образованию отнюдь не является центральной властью, управляющей учебными и образовательными учреждениями. Наоборот, все школьное дело должно быть передано органам местного самоуправления. Самостоятельная работа классовых — рабочих, солдатских, крестьянских культурно-просветительных организаций должна обладать полной автономией как по отношению к государственному центру, так и по отношению к центрам муниципальным.

Дело Государственной комиссии — служить связью и помощницей, организовать источники материальной, идейной и моральной поддержки муниципальным и частным, особенно же трудовым и классовым просветительным учреждениям в государственном общенародном масштабе...

9 (22) ноября 1917 г.

Декреты Советской власти, т. I, 1957, с. 59—61.

* ИЗ ДЕКРЕТА СНК ОБ ОХРАНЕ ПРЕДМЕТОВ СТАРИНЫ И ИСКУССТВА, ПРИНАДЛЕЖАЩИХ ПОЛЬСКОМУ НАРОДУ

Принимая во внимание, что в западных и северо-западных губерниях Российской Республики, во многих городах и усадьбах лиц польской национальности находятся предметы, имеющие исключительную художественную или историческую ценность для польского народа, причем большинство этих предметов было вывезено из Польши во время отступления русских войск и раньше, Совет Народных Комиссаров для возвращения этих предметов в полной сохранности всему польскому народу — постановляет и для руководства подлежащих революционных властей объявляет следующее:

1. Предметы старины и искусства, библиотеки, архивы, картины и вообще музейные предметы, где бы они ни находились, принимаются, как национальная собственность польского народа, под охрану власти Рабочего и Крестьянского правительства в лице Комиссариата по польским делам и «Общества охранения древностей» до поры передачи польским народным музеям...

12 (25) января 1918 г.

Декреты Советской власти, т. I, 1957, с. 343—344.

* О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ДОМА-КЛУБА, ПРИНАДЛЕЖАВШЕГО «БЛАГОРОДНОМУ СОБРАНИЮ» В ПЕТРОГРАДЕ, И ПЕРЕДАЧЕ ЕГО ПРОЛЕТКУЛЬТУ

По ходатайству Центрального комитета Пролеткульта и Совета рабочих и солдатских депутатов Спасского района о национализации дома-клуба № 2 по Екатерининской улице, принадлежавшего «Благородному собранию», и передаче его Пролеткульту Совет Народных Комиссаров постановляет:

Дом-клуб № 2, по Екатерининской улице в Петрограде, принадлежавший «Благородному собранию», объявить национальной собственностью, присвоив ему название «Дворец пролетарской культуры», и передать его в пользование Центрального комитета пролетарских культурно-просветительных организаций со всем находящимся в нем имуществом собрания.

20 января (2 февраля) 1918 г.

Декреты Советской власти, т. I, 1957, с. 380—381.

О ВЫДАЧЕ ПЕНСИИ С. А. ТОЛСТОЙ, ОБ ОХРАНЕ ИМЕНИЯ «ЯСНАЯ ПОЛЯНА» И УТВЕРЖДЕНИИ ЗА С. А. ТОЛСТОЙ ПРАВ ПОЖИЗНЕННОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ УСАДЬБОЙ [1]

Совет Народных Комиссаров в заседании от 30 марта, рассмотрев ходатайство вдовы С. А. Толстой, постановил: ходатайство вдовы Л. Н. Толстого гражданки С. А. Толстой о выдаче ей пенсии, назначенной в 1910 г. в размере 10 000 руб. в год и расходуемой ею на поддержание усадьбы «Ясная Поляна» — удовлетворить.

---

[1] Постановление было принято Комиссией при СНК 30 марта и утверждено СНК в тот же день.

Заседание происходило под председательством В. И. Ленина. Текст постановления подписан А. В. Луначарским. На заседании Президиума ВЦИК 6 апреля постановление было принято к сведению. 10 июня 1921 года постановлением Президиума ВЦИК «Ясная Поляна» была объявлена национальной собственностью и передана в ведение Народного комиссариата просвещения.— *Ред.*

Обратиться от имени Совета Народных Комиссаров к местному Совету с указанием на его государственную обязанность охранять имение «Ясная Поляна» со всеми историческими воспоминаниями, которые с ним связаны.

Постановление местных крестьян, что усадьба находится в пожизненном пользовании Софьи Андреевны — утвердить.

30 марта 1918 г.

Декреты Советской власти, т. II, 1959, с. 38—39.

* О ПАМЯТНИКАХ РЕСПУБЛИКИ

В ознаменование великого переворота, преобразившего Россию, Совет Народных Комиссаров постановляет:

1) Памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц и частью перенесению в склады, частью использованию утилитарного характера.

2) Особой комиссии из народных комиссаров по просвещению и имуществ Республики и заведующего Отделом изобразительных искусств при Комиссариате просвещения поручается, по соглашению с художественной коллегией Москвы и Петрограда, определить, какие памятники подлежат снятию.

3) Той же комиссии поручается мобилизовать художественные силы и организовать широкий конкурс по выработке проектов памятников, долженствующих ознаменовать великие дни Российской социалистической революции.

4) Совет Народных Комиссаров выражает желание, чтобы в день 1 мая были уже сняты некоторые наиболее уродливые истуканы и поставлены первые модели новых памятников на суд масс.

5) Той же комиссии поручается спешно подготовить декорирование города в день 1 мая и замену надписей, эмблем, названий улиц, гербов и т. п. новыми, отражающими идеи и чувства революционной трудовой России.

6) Областные и губернские Совдепы приступают к этому же делу не иначе, как по соглашению с вышеуказанной комиссией.

7) По мере внесения смет и выяснения их практической надобности ассигновываются необходимые суммы.

12 апреля 1918 г.

Декреты Советской власти, т. II, 1959, с. 95—96.

* ОБ УПРАЗДНЕНИИ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

Академия художеств, как государственное учреждение, упраздняется. Высшее художественное училище отделяется с соответственными кредитами и капиталами от Академии художеств и реорганизуется в свободную художественную школу.

Музей Академии художеств поступает в ведение Комиссариата просвещения.

Все капиталы и все имущество Академии художеств поступают в собственность Советской Республики как фонд, предназначенный для специальных нужд художественной культуры.

12 апреля 1918 г.

Декреты Советской власти, т. II, 1959, с. 94—95.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Совет Народных Комиссаров в заседании 30 мая по вопросу о запрещении вывоза за границу картины Боттичелли постановил:

ввиду исключительного художественного значения картины Боттичелли (Тондо), принадлежащей в настоящее время гражд. Е. П. Мещерской, предполагающей, по имеющимся сведениям, вывезти картину за границу, Совет Народных Комиссаров постановляет: картину эту реквизировать, признать ее собственностью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и передать в один из национальных музеев Российской Социалистической Федеративной Советской Республики [1].

Исполнение сего постановления возложить на Комиссариат по народному просвещению.

Поручить Комиссариату по народному просвещению разработать в 3-дневный срок проект декрета о запрещении вывоза из пределов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики картин и вообще всяких высокохудожественных ценностей, и проект этого представить на рассмотрение Совета Народных Комиссаров.

30 мая 1918 г.

Декреты Советской власти, т. II, 1959, с. 604—605.

ОБ АССИГНОВАНИИ ОДНОГО МИЛЛИОНА РУБЛЕЙ НА СООРУЖЕНИЕ ПАМЯТНИКА НА МОГИЛЕ К. МАРКСА

Совет Народных Комиссаров постановляет:

1) Ассигновать один миллион рублей на постройку памятника на могиле Карла Маркса.

2) Поручить Народному комиссариату просвещения объявить конкурс на проект памятника.

---

[1] В настоящее время картина Боттичелли «Мадонна с младенцем» находится в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве.— *Ред.*

3) Поручить представителю Российской Республики в Лондоне вступить в переговоры с наследниками Карла Маркса на предмет исполнения данного постановления.

1 июня 1918 г.

Декреты Советской власти, т. II, 1959, с. 385—386.

* О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕИ

Принимая во внимание, что московская городская художественная галерея имени П. и С. М. Третьяковых является по своему культурному и художественному значению учреждением, выполняющим общегосударственные просветительные функции, и что интересы рабочего класса требуют, чтобы Третьяковская галерея вошла в сеть общегосударственных музеев, направляемых в своей деятельности Народным комиссариатом по просвещению, Совет Народных Комиссаров постановил:

1) Московскую городскую художественную галерею имени [1] П. и С. М. Третьяковых объявить государственной собственностью Российской Федеративной Советской Республики и передать в ведение Народного комиссариата по просвещению на общем основании с прочими государственными музеями.

2) Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Народном комиссариате по просвещению срочно выработать и ввести в действие новое положение об управлении галереей и ее деятельности в соответствии с современными музейными потребностями и задачами демократизации художественно-просветительных учреждений Российской Советской Республики.

3 июня 1918 г.

Декреты Советской власти, т. II, 1959, с. 389—390.

* О МОСКОВСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Ввиду того, что состоящее при Московском художественном обществе Училище живописи, ваяния и зодчества перешло согласно декрету Совнаркома в ведение Комиссариата народного просвещения, Московское художественное общество закрывается.

2. Все денежные суммы и все движимое и недвижимое имущество Общества национализируются и переходят в ведение Комиссариата народного

---

[1] Слово «имени» вписано В. И. Лениным.— *Ред.*

просвещения, поступая на нужды как Училища живописи, ваяния и зодчества, так и вообще на организацию и поддержание дела художественного образования Российской Советской Республики.

12 июля 1918 г.

Декреты Советской власти, т. III, 1964, с. 10—11.

О МОСКОВСКОЙ И ПЕТРОГРАДСКОЙ КОНСЕРВАТОРИЯХ

Совет Народных Комиссаров постановляет:

Петроградская и Московская консерватории переходят в ведение Народного комиссариата по просвещению на равных со всеми высшими учебными заведениями правах с уничтожением их зависимости от Русского музыкального общества. Все имущество и инвентарь этих консерваторий, необходимые и приспособленные для целей государственного музыкального строительства, объявляются народной государственной собственностью.

12 июля 1918 г.

Декреты Советской власти, т. III, 1964, с. 11—12.

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СНК О ПОСТАНОВКЕ В МОСКВЕ ПАМЯТНИКОВ ВЕЛИКИМ ЛЮДЯМ

17 ИЮЛЯ 1918 г.

Совет Народных Комиссаров в заседании от 17 июля с. г., заслушав доклад тов. Покровского о постановке в Москве 50 памятников людям, великим в области революционной и общественной деятельности, в области философии, литературы, наук и искусств, постановил:

...Поставить на вид Народному комиссариату по просвещению желательность спешного проведения в жизнь постановления Совета Народных Комиссаров об украшении улиц, общественных зданий и т. п. надписями и цитатами. Обратить особое внимание Народного комиссариата по просвещению на желательность постановки памятников павшим героям Октябрьской революции и, в частности в Москве, сооружения, кроме памятников, барельефа на Кремлевской стене, в месте их погребения.

Декреты Советской власти, т. III, 1964, с. 47—48.

ИЗ ПОСТАНОВНИЯ СНК

30 ИЮЛЯ 1918 г.

Совет Народных Комиссаров 30 июля с. г., рассмотрев проект списка памятников великих деятелей социализма, революции и пр., составленный Народным комиссариатом по просвещению, *постановил*:

а) поставить на 1-е место постановку памятников величайшим деятелям революции — Марксу и Энгельсу;

б) внести в список писателей и поэтов наиболее великих иностранцев, например Гейне;

в) исключить Владимира Соловьева...

СПИСОК ЛИЦ, КОИМ ПРЕДПОЛОЖЕНО ПОСТАВИТЬ МОНУМЕНТЫ В г. МОСКВЕ и др. ГОРОДАХ РСФСР, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ В СНК ОТДЕЛОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

I. Революционеры и общественные деятели:

1. Спартак. 2. Тиберий Гракх. 3. Брут. 4. Бабеф. 5. Маркс. 6. Энгельс. 7. Бебель. 8. Лассаль. 9. Жорес. 10. Лафарг. 11. Вальян. 12. Марат. 13. Робеспьер. 14. Дантон. 15. Гарибальди. 16. Степан Разин. 17. Пестель. 18. Рылеев. 19. Герцен. 20. Бакунин. 21. Лавров. 22. Халтурин. 23. Плеханов. 24. Каляев. 25. Володарский. 26. Фурье. 27. Сен-Симон. 28. Роб. Оуен. 29. Желябов. 30. Софья Перовская. 31. Кибальчич.

II. Писатели и поэты:

1. Толстой. 2. Достоевский. 3. Лермонтов. 4. Пушкин. 5. Гоголь. 6. Радищев. 7. Белинский. 8. Огарев. 9. Чернышевский. 10. Михайловский. 11. Добролюбов. 12. Писарев. 13. Глеб Успенский. 14. Салтыков-Щедрин. 15. Некрасов. 16. Шевченко. 17. Тютчев. 18. Никитин. 19. Новиков. 20. Кольцов.

III. Философы и ученые:

1. Сковорода. 2. Ломоносов. 3. Менделеев.

IV. Художники:

1. Рублев. 2. Кипренский. 3. Алекс. Иванов. 4. Врубель. 5. Шубин. 6. Козловский. 7. Казаков.

V. Композиторы:

1. Мусоргский. 2. Скрябин. 3. Шопен.

VI. Артисты:

1. Комиссаржевская. 2. Мочалов.

Декреты Советской власти, т. III, 1964, с. 118—119.

* ИЗ ДЕКРЕТА СНК О ЗАПРЕЩЕНИИ ВЫВОЗА И ПРОДАЖИ ЗА ГРАНИЦУ ПРЕДМЕТОВ ОСОБОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

В целях прекращения вывоза за границу предметов особого художественного и исторического значения, угрожающего утратою культурных сокровищ народа, Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Воспретить вывоз из всех мест Республики и продажу за границу, кем бы то ни было, предметов искусства и старины без разрешений, выдаваемых Коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины в Петрограде и Москве при Комиссариате народного просвещения или органами, Коллегией на то уполномоченными. Комиссариат по внешней торговле может давать разрешение на вывоз за границу памятников старины и художественных произведений только после предварительного заключения и разрешения Комиссариата народного просвещения...

19 сентября 1918 г.

Декреты Советской власти, т. III, 1964, с. 352—353.

* О РЕГИСТРАЦИИ, ПРИЕМЕ НА УЧЕТ И ОХРАНЕНИИ ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА И СТАРИНЫ, НАХОДЯЩИХСЯ ВО ВЛАДЕНИИ ЧАСТНЫХ ЛИЦ, ОБЩЕСТВ И УЧРЕЖДЕНИЙ

В целях охранения, изучения и возможно более полного ознакомления широких масс населения с сокровищами искусства и старины, находящимися в России, Совет Народных Комиссаров постановил:

1) Произвести первую государственную регистрацию всех монументальных и вещевых памятников искусства и старины как в виде целых собраний, так и отдельных предметов, в чьем бы обладании они ни находились.

2) Взять на учет находящиеся во владении обществ, учреждений и частных лиц монументальные памятники, собрания предметов искусства и старины, а также отдельные предметы, имеющие большое научное, историческое или художественное значение.

3) Никакое отчуждение или переход из одного частного или общественного владения в иное, а также перемещение, ремонт, поправка или переделка принятых на учет монументальных памятников, собраний и отдельных предметов искусства и старины не могут быть произведены без разрешения Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины в Петербурге и Москве.

4) Владельцам взятых на учет предметов или собраний оказывается содействие в деле их охранения и выдаются особые охранные грамоты.

5) Принятые на учет монументальные памятники, собрания и отдельные предметы могут быть принудительно отчуждены или переданы на хранение в ведение государственных органов охраны, если сохранности их будет грозить опасность от небрежного отношения владельцев, или вследствие невозможности для владельцев принять необходимые меры охраны, или же в случаях несоблюдения владельцами правил хранения.

6) Все учреждения, в случаях реквизиции или отчуждения монументальных памятников, собраний или отдельных предметов искусства и старины или помещений, в коих таковые находятся, обязаны немедленно сообщать об этом в Комиссию по охране и регистрации памятников искусства и старины.

7) Работы по регистрации и по выяснению памятников, подлежащих учету, возлагаются на Комиссию по охране и регистрации памятников искусства и старины.

8) Владельцы монументальных памятников, собраний или отдельных предметов искусства и старины (частные лица, общества и учреждения) обязаны не позднее месяца со дня опубликования настоящего декрета представить общие сведения о принадлежащих им памятниках искусства и старины, а также списки с полным их перечнем в Комиссию по охране и регистрации в Петербурге и Москве и на местах в губсовдепы в отделы народного просвещения; в случаях невозможности по каким-либо причинам представить полные списки — уведомить об этом комиссии.

9) Признание памятников или собраний подлежащими учету и предусматриваемые пунктом 5-м их перемещения и отчуждения производятся по постановлению Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Комиссариате народного просвещения в Петербурге и Москве.

10) Комиссии по охране и регистрации памятников искусства и старины предоставляется право немедленно брать на временный учет все монументальные и вещевые памятники, как в виде целых собраний, так и отдельных предметов.

11) Виновные в неисполнении сего декрета подвергаются ответственности по всей строгости революционных законов, вплоть до конфискации всего их имущества и лишения свободы.

12) Памятники, собрания и отдельные предметы, взятые на учет и отчужденные в новое частное или общественное владение без надлежащего разрешения, конфискуются.

13) Действие настоящего декрета не распространяется на предметы искусства, находящиеся у их авторов.

5 октября 1918 г.

Декреты Советской власти, т. III, 1964, с. 399—400.

* О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГАЛЕРЕИ ЩУКИНА

Принимая во внимание, что Художественная галерея Щукина представляет собой исключительное собрание великих европейских мастеров, по преимуществу французских, конца XIX и начала XX века, по своей высокой художественной ценности имеет общегосударственное значение в деле народного просвещения, Совет Народных Комиссаров постановил:

1) Художественное собрание Сергея Ивановича Щукина объявить государственной собственностью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и передать его в ведение Народного комиссариата по просвещению на общих основаниях с прочими государственными музеями.

2) Здание, в котором находится галерея (д. № 8, по Б. Знаменскому пер.), с прилегающим участком земли, составляющим бывшее владение С. И. Щукина, и со всем инвентарем передается в ведение и распоряжение Народного комиссариата по просвещению.

3) Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата по просвещению срочно выработать и ввести в действие новое положение об управлении бывшей Щукинской галереей и ее

деятельности в соответствии с современными потребностями и заданиями демократизации художественно-просветительных учреждений Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

29 октября 1918 г.

Декреты Советской власти, т. III, 1964, с. 460.

* О НАУЧНЫХ, ЛИТЕРАТУРНЫХ, МУЗЫКАЛЬНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

1. Всякое как опубликованное, так и неопубликованное научное, литературное, музыкальное или художественное произведение, в чьих бы руках оно ни находилось, может быть признано по постановлению Народного комиссариата просвещения достоянием Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

Примечание. Таким же постановлением Народного комиссариата просвещения могут быть объявлены достоянием Российской Советской Социалистической Федеративной Республики все произведения любого умершего автора.

2. Произведение, объявленное достоянием Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, может быть размножаемо и распространяемо только Народным комиссариатом просвещения или другим советским учреждением по соглашению с Народным комиссариатом по просвещению.

Примечание. Драматические, музыкальные и т. п. произведения, объявленные достоянием Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, могут быть публично исполняемы с разрешения Народного комиссариата просвещения и на условиях, им установленных, всеми лицами, учреждениями и предприятиями.

3. Необъявленные достоянием Российской Советской Федеративной Социалистической Республики произведения не могут быть при жизни автора размножаемы и распространяемы иначе, как по соглашению с автором. До истечения 6 месяцев со дня смерти автора никто не вправе издавать или переиздавать его произведения.

4. Частная переписка, дневники и т. п., не предназначавшиеся к напечатанию произведения умерших авторов, могут издаваться только с согласия супруга и близких родственников умершего или с разрешения Народного комиссариата просвещения.

Примечание. Толкование того, кто является близким родственником, равно как распространение указанного в ст. 4 права на других близких умершему лиц, а также разрешение всех других спорных вопросов по применению настоящего декрета — принадлежит Народному комиссару просвещения.

5. В случае объявления достоянием Российской Советской Федеративной Социалистической Республики опубликованного произведения издателю возмещаются понесенные им и не покрытые расходы, включая и авторский гонорар, в размере и по ставкам, определяемым Народными комиссариатами просвещения и труда.

При всяком издании произведения, объявленного достоянием Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, Народным комиссариатом просвещения или другим советским учреждением автору при его жизни выдается гонорар по ставкам, указанным в первой части настоящей статьи.

6. Постановление о признании достоянием Российской Советской Федеративной Социалистической Республики произведений авторов, умерших ранее издания настоящего декрета, должно быть опубликовано не позже 6 месяцев со дня издания настоящего декрета.

7. После смерти автора всякий причитающийся ему авторский гонорар становится государственным достоянием. Нуждающиеся и нетрудоспособные родственники умершего автора имеют право на получение содержания из этого имущества на общих основаниях, установленных в декрете об отмене наследования и инструкции о введении в действие декрета об отмене наследования.

8. Если после умерших авторов, произведения которых будут признаны достоянием Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, останутся нуждающиеся и нетрудоспособные родственники или супруг, не получавшие содержания из другого оставшегося после умершего имущества (в том числе и указанного в ст. 7 настоящего декрета), то им выдается через губернские отделы социального обеспечения содержание в размере прожиточного минимума или недополучаемая ими до размеров прожиточного минимума разница.

Примечание. Указанное в настоящей статье содержание выдается только впредь до введения всеобщего социального обеспечения из гонорара, который причитался бы автору по ставкам, выработанным порядком, указанным в ст. 5 настоящего декрета.

9. При издании произведений умерших авторов, необъявленных достоянием Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, издатели, если после умершего автора остались нуждающиеся и нетрудоспособные родственники или супруг, удовлетворяющие условиям, указанным в предыдущей статье, обязаны вносить в народный банк суммы, равные гонорару, который причитался бы автору по ставкам, выработанным порядком, указанным в ст. 5 настоящего декрета, для выплаты из этих сумм содержания нуждающимся и нетрудоспособным родственникам или супругу умершего автора на общих основаниях. От этой обязанности издатели освобождаются, если после умершего автора не останется родственников, требующих социального обеспечения.

10. Как право перевода, так и самый перевод в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике на русский язык литературных произведений, появившихся на иностранных языках как в пределах Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, так и за ее пределами, могут быть объявлены постановлением Народного комиссариата

просвещения монополией Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. К правам переводчиков на получение гонорара и их родственников на получение содержания соответственно применяется постановление настоящего декрета о правах авторов и их родственников.

11. Самовольное издание, размножение, распространение и публичное исполнение произведений, вопреки постановлению настоящего декрета, влечет за собой ответственность, как за нарушение государственной монополии.

26 ноября 1918 г.

Декреты Советской власти, т. IV, 1968, с. 68—70.

О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ЧАСТНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СОБРАНИЙ И. А. МОРОЗОВА (НОВЕЙШЕЙ ЗАПАДНОЙ ЖИВОПИСИ), И. С. ОСТРОУХОВА (ИКОНЫ И РИСУНКИ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ), А. В. МОРОЗОВА (СОБРАНИЕ ИКОН)

Совет Народных Комиссаров постановил:

Художественные собрания И. А. Морозова, И. С. Остроухова и А. В. Морозова объявить государственною собственностью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и передать их в ведение Народного комиссариата по просвещению, которому поручить срочно выработать и привести в действие положение об использовании коллекций в соответствии с современными потребностями и заданиями демократизации художественно-просветительных учреждений Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

19 декабря 1918 г.

Декреты Советской власти, т. IV, 1968, с. 240.

ПОЛОЖЕНИЕ ОБ АРМЯНСКОМ ИНСТИТУТЕ В МОСКВЕ (БЫВ. ЛАЗАРЕВСКИЙ ИНСТИТУТ)

1. Армянский институт в Москве (быв. Лазаревский институт), обслуживающий культурно-просветительные нужды армянских трудовых масс, состоит из Единой трудовой школы первой и второй ступени с преподаванием на армянском языке и факультетов историко-филологического и социально-экономического с преподаванием как на армянском, так и на русском языках.

2. Впредь до полной реорганизации Института и опубликования устава все хозяйственное и учебное дело Института находится в непосредственном ведении Комиссариата по делам армян, который работает под общим руководством Народного комиссариата просвещения. Постановления и решения всех коллегий, советов Института входят в силу лишь по утверждении комиссара.

3. Комиссар Армянского института в Москве назначается Комиссариатом по делам армян и утверждается Народным комиссариатом просвещения.

4. Все имущество, а также все капиталы, принадлежавшие быв. Лазаревскому институту, остаются за Армянским институтом в Москве и находятся в распоряжении Комиссариата по делам армян.

5. На капиталы Института содержатся и пополняются: 1) Армянский музей при Институте, 2) фундаментальная библиотека, 3) издаются материалы по истории, по армянскому языку и по истории литературы Армении.

6. Суммы на содержание единой трудовой школы, а также факультетов отпускаются Народным комиссариатом просвещения по сметам, утвержденным Отделом просвещения национальных меньшинств.

4 марта 1919 г.

Декреты Советской власти, т. IV, 1968, с. 466—467.

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТА РАБОЧЕЙ И КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБОРОНЫ ОБ УЧЕТЕ СЦЕНИЧЕСКИХ И ТЕАТРАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ

В целях упорядочения культурно-просветительной работы во фронтовой и тыловой частях Красной Армии и всемерного развития деятельности по обслуживанию войсковых частей в области театра и других зрелищ, Совет Рабоче-Крестьянской Обороны постановил:

1) Все граждане Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, без различия пола и возраста, принадлежащие к числу сценических и театральных работников, подлежат точному учету на предмет возможного использования их по обслуживанию фронта и тыла Красной Армии по профессии.

Примечание. Сценическими и театральными работниками признаются: артисты, режиссеры и их помощники, суфлеры, главные художественные руководители театрального дела, руководители административно-хозяйственной частью, художники, скульпторы, артисты хора, оркестра и балета, музыканты, аккомпаниаторы, рабочие сцены, электротехники, монтеры, бутафоры, реквизиторы, декораторы и их помощники, костюмеры, портные, гримеры, парикмахеры, гардеробмейстеры, машинисты и их помощники, сапожники театральной обуви, вахтеры при складах, обойщики и вообще все работники сцены и арены, которые будут признаны профессиональными союзами; заведующие отделами и секциями, а равно культурно-просветительными организациями Пролеткульта и работающие в области рабоче-крестьянского театра...

...4) Все принятые на учет сценические и театральные работники по получении извещения от Театрального отдела Народного комиссариата просвещения либо местных отделов народного образования по принадлежности обязаны явиться в вызвавшее их учреждение и принять назначение по своей специальности, причем для безработных такое назначение является обязательным, для занятых же — по соглашению с местными театральными комитетами.

В случае разногласия обращаться за разрешением его в центр. Использование сил государственных театров должно производиться с согласия Отдела государственных театров.

5) Уклоняющихся от учета и назначения предавать суду революционного трибунала...

7 апреля 1919 г.

Декреты Советской власти, т. V, 1971, с. 33—34.

* ОБ ОТМЕНЕ ПРАВА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА АРХИВЫ УМЕРШИХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, КОМПОЗИТОРОВ, ХУДОЖНИКОВ И УЧЕНЫХ, ХРАНЯЩИЕСЯ В БИБЛИОТЕКАХ И МУЗЕЯХ

1. Отменяются все ограничительные для государства условия, на которых были переданы бывшими владельцами в публичные библиотеки и музеи архивы (рукописи, переписка и т. п.) умерших писателей, художников, композиторов, ученых и др. деятелей науки, литературы, искусства и общественной жизни.

2. Право первого издания таких архивов и всяких извлечений из них принадлежит Народному комиссариату по просвещению в лице соответственного отдела Государственного издательства.

3. Означенные архивы предоставляются для пользования исследователям с особого каждый раз разрешения Народного комиссариата по просвещению.

29 июля 1919 г.

Декреты Советской власти, т. V, 1971, с. 412.

* О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ МАГАЗИНОВ, СКЛАДОВ И МАСТЕРСКИХ, ПРОИЗВОДЯЩИХ И ПРОДАЮЩИХ КЛАВИШНЫЕ И ДРУГИЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

1. Все магазины, склады и мастерские, производящие и продающие рояли, пианино, фисгармонии, фонолы, пианолы и все механические музыкальные инструменты, а также сдающие их в прокатное пользование, равно как производящие и продающие духовые, струнные и все иные музыкальные инструменты и принадлежности к ним, граммофоны, фонографы, пластинки, валики и пр., национализируются и передаются в ведение Музыкального отдела Народного комиссариата по просвещению.

2. Все имущество и инвентарь, относящийся к означенным магазинам, складам и мастерским, наличные запасы товаров в них, а также все капиталы этих фирм, где бы они ни находились и в чем бы ни заключались, объявляются собственностью государства.

3. Служащие национализированных магазинов, складов и мастерских переходят на службу Музыкального отдела Народного комиссариата по просвещению.

4. Сокрытие, отчуждение, уничтожение или порча всех упомянутых выше инструментов и принадлежностей преследуется как причинение вреда имуществу Республики.

20 августа 1919 г.

Декреты Советской власти, т. VI, 1973, с. 52.

* ОБ ОТМЕНЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СБОРА С ПУБЛИЧНЫХ ЗРЕЛИЩ И УВЕСЕЛЕНИЙ

Совет Народных Комиссаров постановил:

Государственный сбор с публичных зрелищ и увеселений (театральных, цирковых и пр.) с 1 сентября 1919 года отменить.

20 августа 1919 г.

Декреты Советской власти, т. VI, 1973, с. 55.

* ИЗ ДЕКРЕТА СНК ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ ТЕАТРАЛЬНОГО ДЕЛА

1. Для урегулирования всего театрального дела в России учреждается Центральный Комитет (Центротеатр) при Народном комиссариате по просвещению.

2. Театральный отдел является исполнительным аппаратом Центротеатра.

Отдел государственных театров включается в Театральный отдел Наркомпроса.

3. Высшее руководство всеми театрами, как государственными, так и принадлежащими отдельным ведомствам (Военному, кооперативам, Совдепам и т. п.), объединяется в Центротеатре.

4. Всякое театральное имущество (здания, реквизит), ввиду представляемой им культурной ценности, объявляется национальным имуществом.

5. Со дня опубликования декрета воспрещается кому бы то ни было вывоз за границу, уничтожение, обесценение или продажа театрального имущества без разрешения на то Центротеатра для театров, имеющих общегосударственное значение, и для театров, имеющих местное значение,— отнаробразов.

6. Установление цен на места в зрительном зале определяется Центротеатром, по соглашению с коллегией Народного комиссариата по просвещению и Народного комиссариата финансов, на основании заключения местных отнаробразов.

7. Постановления Центротеатра, касающиеся платы на места, обязательны для всех театров России.

8. Театральное имущество (здания, костюмы, реквизит) передается Центротеатром в пользование художественным коллективам (обществам, ассоциациям, кружкам), имеющим или желающим иметь театры, и артистическим труппам на определенных началах.

Примечание. Личное театральное имущество артистов театра, эстрады и цирка не подлежит национализации, а остается собственностью театральных, цирковых и эстрадных артистов, с тем, однако, чтобы в случае продажи такового имущества правом преимущественной покупки пользовалось государство или местные Советы.

9. Театры, признаваемые полезными и художественными, разделяются на несколько категорий, причем все они субсидируются государством, согласно представляемой смете, в размерах, дающих им возможность функционировать при утвержденных государством ставках за труд и ценах на места.

10. Театры автономные. Театры, культурная ценность которых признается Центротеатром, а относительно местных театров — им же по представлению и отзыву местных Совдепов, и которые находятся в руках зарекомендовавших себя и устойчивых коллективов (будь то поддерживающие театры культурно-просветительные и другие общества, ассоциации и кружки, труппы или художественно-трудовые коллективы), признаются автономными.

11. Театры автономные дают ежегодно отчет Центротеатру как о художественной, так и о материальной жизни за год.

12. Автономные театры подлежат с финансовой стороны ревизиям государственного контроля.

13. Центротеатр может проверять показания правлений автономных театров как через органы государственного контроля, так и через собственную инспекцию.

14. Центротеатр имеет право давать автономным театрам известные указания репертуарного характера, в направлении приближения театра к народным массам и их социалистическому идеалу, без нарушения художественной ценности театра.

15. Автономия может быть отнята, после того как она признана, только коллегией Народного комиссариата по просвещению по представлению Центротеатра.

16. Театры, находившиеся в распоряжении частных антрепренеров или организаций, не гарантирующих высокого культурного уровня, или, наконец, трупп, вновь составленных и не имеющих определенной физиономии, пользуются предоставленным им национальным театральным имуществом, при условии включения в их правления представителей местного отдела народного образования, если дело идет о театре местного значения, и — Центротеатра, если дело идет о театре, долженствующем иметь значение государственное.

Примечание. Распределение билетов как на платные, так и на бесплатные спектакли предоставляется регулировать местному исполкому по соглашению с местным советом профессиональных союзов, а в Москве — Центротеатру, Московскому Совету и Всероссийскому Совету Профессиональных Союзов.

17. Количество лиц по назначению в правлениях таких театров определяется Центротеатром, по представлению местных Совдепов, причем, однако,

представительство художественно-трудового коллектива театра и местного профессионального союза работников искусств является обязательным.

18. Для театров неавтономных обязательными являются не только вышеуказанные распоряжения Центротеатра, но также административные и художественные.

19. Стремясь к усилению художественной самодеятельности, Центротеатр переводит в разряд автономных все театры, художественный коллектив которых достаточно окреп.

20. Театры, организуемые самим Центротеатром для проведения в жизнь того типа спектаклей, которые, по мнению Центротеатра, наиболее необходимы народным массам, а также государственные и советские студии такого типа, администрируются на тех же началах, что неавтономные театры, и равным образом переводятся в разряд автономных после известного стажа, длительность которого определяется Центротеатром.

21. Так называемые государственные театры, т. е. Большой и Малый в Москве, Мариинский, Александринский и Михайловский в Петрограде, управляются на основании тех положений, которые приняты для управления ими соответственным уложением.

22. Все права, какими пользовался по отношению к государственным театрам, согласно этому уложению, Народный комиссариат по просвещению через Отдел государственных театров, остаются за ним и проводятся им в жизнь через Центротеатр.

23. Цирки, как предприятия, с одной стороны, доходные, с другой стороны, демократические по посещающей их публике и особенно нуждающиеся в очищении от нездоровых элементов и в художественном подъеме их программ, а также всякого рода эстрады, администрируются наравне с неавтономными театрами.

24. Народные гулянья, не организуемые непосредственно Советской властью, могут получать субсидирование, в каковом случае они подчиняются административным и художественным указаниям Центротеатра или местных отнаробразов.

25. Порядок субсидирования театров будет особо выработан Центротеатром по соглашению с Наркомфином и Госконтролем...

26 августа 1919 г.

Декреты Советской власти, т. VI, 1973, с. 69—72.

* О ПЕРЕХОДЕ ФОТОГРАФИЧЕСКОЙ И КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОЙ ТОРГОВЛИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ВЕДЕНИЕ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

1. Вся фотографическая и кинематографическая торговля и промышленность, как в отношении своей организации, так и для снабжения и распределения относящихся сюда технических средств и материалов, передается на всей территории Российской Социалистической Федеративной Советской Республики в ведение Народного комиссариата по просвещению.

2. Для этой цели Народному комиссариату по просвещению предоставляется право: а) национализации по соглашению с Высшим Советом Народного Хозяйства как отдельных фото-кино-предприятий, так и всей фото-кино-промышленности; б) реквизиции предприятий и фото-кино-товаров, материалов и инструментов; в) установления твердых и предельных цен на фото-кино-сырье и фабрикаты; г) производства учета и контроля фото-кино-торговли и промышленности и д) регулирования всей фото-кино-торговли и промышленности путем издания всякого рода постановлений, обязательных для предприятий и частных лиц, а равно и для советских учреждений, поскольку они имеют отношение к фото-кино-делу.

27 августа 1919 г.

Декреты Советской власти, т. VI, 1973, с. 75—76.

О ЮБИЛЕЕ А. И. ГЕРЦЕНА

I

21 января настоящего года исполняется 50-летие со дня смерти великого русского писателя-социалиста Александра Ивановича Герцена. В ознаменование этого события Совет Народных Комиссаров постановляет:

1) Поставить в Москве памятник Герцену перед старым зданием Московского университета.

2) Присвоить одной из аудиторий физико-математического факультета Московского университета наименование аудитории имени А. И. Герцена, повесив там его портрет.

3) Национализировать дом Найденовой (№ 25 по Тверскому бульвару) со всеми относящимися к нему зданиями и постройками, в котором родился Герцен, и предоставить его в пользование Всероссийскому (Московскому) профессиональному союзу писателей, с поручением Московскому Совдепу оказать полное содействие устройству там библиотеки, установке портрета-бюста Герцена и меблировке всего помещения.

4) Водрузить на означенном доме Найденовой и на доме № 27 по Сивцеву Вражку, где Герцен провел часть своей жизни, доски с медальным изображением Герцена.

5) Переименовать Большую Никитскую улицу в «Улицу Герцена», а именами его друзей, имевших весьма важное влияние на развитие русской оппозиционной и революционной мысли, назвать: Газетный пер. — «Улицей Огарева», Шереметьевский пер.— «Улицей Грановского», Долгоруковский пер.— «Улицей Белинского» и Чернышевский пер.— «Улицей Станкевича».

6) Присвоить имя Герцена одной из трудовых школ 2-й ступени в городах: Вятке, Владимире и Новгороде, где он отбывал ссылку, а также и в тех губернских и уездных городах, местные совдепы которых признают желательным ознаменовать память писателя.

Библиотечная книга

7) Присвоить имя Герцена 3-му Педагогическому институту в Петербурге и Строительному техникуму в Москве.

8) Закончить в возможно краткий срок предпринятое государством полное собрание сочинений А. И. Герцена.

9) Поручить Государственному издательству издать и широко распространить среди трудящихся масс биографию А. И. Герцена.

10) Послать приветствие дочерям Герцена — Наталье Александровне Герцен и Ольге Александровне Моно.

II

ПРИВЕТСТВИЕ ДОЧЕРИ ГЕРЦЕНА

NATALIE HERZEN

Blanc-Castle, Avenue Florimont, Lausanne, Suisse.

Сегодня, в день пятидесятилетия смерти Александра Ивановича Герцена, Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, гордое сознанием принадлежности Вашего славного отца к рядам самых выдающихся борцов за социалистическую республику свободного русского народа, шлет Вам и Вашей сестре гражданке Моно горячий привет как детям великого писателя. Сегодня вся Россия чтит память великого художника слова, твердая верой, что, осуществляя предуказанное им уничтожение эксплуатации человека человеком, она явит всему миру мощность революционного развития русских трудящихся масс. Правительство выражает твердое пожелание, чтобы прах А. И. Герцена и его жены, изгнанных из России волею российских императоров, был возвращен в Москву, согласно общего желания русских трудящихся масс. Вместе с тем Правительство радо сообщить Вам, что национализированный им дом, в котором оба они родились, предоставляется в Ваше полное распоряжение на случай Вашего желания посетить родину великого обличителя царского деспотизма и капиталистического насилия.

17 января 1920 г.

«Литературное наследство», т. 80, 1971, с. 138—140.

О ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ НАРОДНОЙ АРТИСТКИ РЕСПУБЛИКИ М. Н. ЕРМОЛОВОЙ

Ввиду заслуг перед русской сценой артистки Малого Государственного театра Марии Николаевны Ермоловой и в ознаменование ее 50-летнего юбилея СНК постановил:

Присвоить ей звание народной артистки.

20 февраля 1920 г.

«Литературное наследство», т. 80, с. 151.

* О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ДОМА ЛЬВА ТОЛСТОГО В МОСКВЕ

В целях сохранения дома, где жил и работал Л. Н. Толстой, Совет Народных Комиссаров постановил:

«Дом Льва Толстого», № 21, по Хамовническому пер., в Москве, с прилегающим участком земли, постройками и всем инвентарем, объявить государственной собственностью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и передать в ведение Народного Комиссариата по просвещению.

6 апреля 1920 г.

Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, № 26, 20 апреля 1920 г., с. 125.

* ОБ ОБРАЩЕНИИ В МУЗЕЙ ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВСКОЙ ЛАВРЫ

1. Все находящиеся в пределах Лавры историко-художественные здания и ценности обращаются в музей, находящийся в ведении Народного Комиссариата просвещения.

2. Отдел по делам музеев и охраны памятников старины и искусства вырабатывает инструкции и вводит в действие положение об управлении зданиями и ценностями, имеющими художественно-историческое значение, для использования в целях демократизации художественно-исторических зданий, путем превращения этих зданий и коллекций в музей.

3. Жилые помещения, хозяйственные постройки, инвентарь, находящиеся в пределах старых и новых стен Лавры и не имеющие художественного или исторического значения, а также хотя и имеющие художественно-историческое значение, но использование которых в хозяйственном или культурно-просветительном отношении не может нанести ущерба первому их назначению, передаются в ведение местного Исполнительного комитета для рациональной утилизации в интересах города и района, преимущественно в целях социального обеспечения и народного просвещения.

Примечание. Всякая перестройка или ремонт зданий, имеющих историческое и художественное значение, производится с ведома Народного комиссариата просвещения.

4. Для передачи художественно-исторических зданий и ценностей в ведение Народного комиссариата просвещения составляется Комиссия из представителей Народного комиссариата просвещения (два), Народного комиссариата юстиции (один) и губернского Исполнительного комитета (один), с правом вызова экспертов.

5. Поручить этой Комиссии в месячный срок выделить для передачи в ведение Народного комиссариата просвещения все ценные в художественном

и археологическом отношении имущество и здания, выработать правила по охране их и составить инвентарную опись всего ценного в художественном и археологическом отношении имущества, а также всего имущества Лавры вообще.

20 апреля 1920 г.

Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, № 27, 21 апреля 1920 г., с. 130.

* ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ МУЗЕЯ ИМЕНИ ЧЕРНЫШЕВСКОГО В САРАТОВЕ НАЦИОНАЛЬНЫМ ДОСТОЯНИЕМ И ПЕРЕДАЧЕ ЕГО В ВЕДЕНИЕ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

Совет Народных Комиссаров постановил: находящийся в Саратове музей имени Чернышевского объявляется национальным достоянием и передается в ведение Народного Комиссариата просвещения.

Одновременно с этим до конца текущего года сверхсметно ассигнуется последнему на предмет оборудования охраны этого музея один миллион рублей (1 000 000 р.) с тем, чтобы в дальнейшем музей содержался по нормальной смете Народного комиссариата просвещения.

17 сентября 1920 г.

Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, № 80, 27 сентября 1920 г., с. 401.

О НАЗНАЧЕНИИ ПЕНСИИ М. Л. НЕЙКИРХ (ПУШКИНОЙ)

Предложить Наркомату социального обеспечения назначить усиленную пенсию племяннице поэта Пушкина гр. Нейкирх в размере 15 тысяч рублей в месяц пожизненно.

19 октября 1920 г.

«Литературное наследство», т. 80, с. 219.

О НАЗНАЧЕНИИ ПЕНСИИ М. Н. ЧЕРНЫШЕВСКОМУ И О РЕМОНТЕ МУЗЕЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО В САРАТОВЕ

Совет Народных Комиссаров от 25 октября 1920 г. постановил:

1. Назначить сыну Николая Гавриловича Чернышевского Михаилу Николаевичу Чернышевскому пожизненную пенсию в размере 20 000 р. в месяц и три продовольственных пайка в размере красноармейских тыловых.

2. Предложить Саратовскому губисполкому произвести срочный ремонт дома Чернышевского, в коем помещается музей имени Н. Г. Чернышевского и квартира его сына, М. Н. Чернышевского, и принять меры к охране его и поддержанию в полной исправности.

Ленинский сборник XXXVI,
с. 136—137.

* ИЗ ДЕКРЕТА СНК О ГЛАВНОМ ПОЛИТИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОМ КОМИТЕТЕ РЕСПУБЛИКИ (ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ)

1. Для объединения всей политико-просветительной, агитационно-просветительной работы Республики и сосредоточения ее на обслуживании политического и экономического строительства страны при Народном комиссариате по просвещению учреждается Главный Политико-Просветительный Комитет Республики (Главполитпросвет).

2. В соответствии с этой задачей Главполитпросвет в первую очередь организационно объединяет политико-просветительную работу Народного Комиссариата Просвещения, Политического Управления Революционного Военного Совета Республики (Пура), Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Главного Политического Управления железных дорог (Главполитпути), Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов (ВЦСПС) и Центрального Комитета Союза Молодежи (ЦКСМ).

Примечание. Объединение политико-просветительной работы Народного Комиссариата Просвещения с Главполитпутем, ВЦСПС и ЦКСМ происходит на основании существующих соглашений между ними и Народным Комиссариатом Просвещения.

3. Все прочие учреждения, ведущие постоянную или временную политико-просветительную работу, ведут ее под руководством и фактическим контролем Главполитпросвета.

4. Политико-просветительные организации объединяются на следующих основаниях:

I. Целиком входят в состав аппарата Главполитпросвета и во всей своей работе непосредственно ему подчиняются:

а) Политико-просветительный Отдел Народного Комиссариата Просвещения, Центральное Управление Агитационных Пунктов (Центрагит), Российское Телеграфное Агентство (Роста), Университет имени Свердлова, Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по ликвидации безграмотности.

б) Все агитационно-инструкторские поезда, пароходы и другие средства подвижной агитации, в том числе и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

II. На основании и в пределах существующих соглашений в круг ведения Главполитпросвета входят:

а) Политико-просветительные организации ЦКСМ.

б) Главполитпуть.

в) Культурно-просветительные отделы ВЦСПС и отдельных профессиональных союзов.

III. Сохраняют свою административную обособленность, выполняют задания Главполитпросвета по его плану и являются подотчетными ему в выполнении этих заданий и им руководимыми в части их политико-просветительной и научно-художественной популяризаторской работы:

а) Театральный Отдел (Тео), Отдел Изобразительных искусств (Изо), Музыкальный Отдел (Музо), Литературный Отдел (Лито), Фото-Кинематографический отдел (Фото-Кино), Отдел музеев по охране памятников искусства и старины (Главмузей).

б) Отдел Пролетарской Культуры (Пролеткульт).

в) Государственное Издательство, Центральная Распределительная Комиссия (ЦРК), Центральный Отдел Распространения Государственного Издательства (Центропечать)...

12 ноября 1920 г.

Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, № 91, 30 ноября 1920 г., с. 479—480.

* О МОСКОВСКИХ ВЫСШИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКИХ МАСТЕРСКИХ

Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Московские Высшие государственные художественно-технические мастерские есть специальное художественное высшее технически-промышленное учебное заведение, имеющее целью подготовить художников-мастеров высшей квалификации для промышленности, а также инструкторов и руководителей для профессионально-технического образования.

2. Срок прохождения полного курса в Мастерских определяется в четыре года, из коих один на подготовительном курсе и три на специальном факультете.

3. На подготовительный курс при Мастерских в первую очередь принимаются рабочие, причем никакой специальной подготовки для поступления на этот курс от них не требуется.

Примечание. На всех курсах обязательно преподавание политической грамоты и основ коммунистического мировоззрения [1].

4. Принятые студенты считаются выполняющими учебную повинность под контролем над занятиями на основании особых правил, которые должны быть установлены Главным Комитетом по всеобщей трудовой повинности совместно с Народным комиссариатом по просвещению в двухнедельный срок и внесены на утверждение Совета Народных Комиссаров.

---

[1] См. наст. сборник, с. 496.— *Ред.*

5. В отношении снабжения преподаватели, служащие и слушатели — студенты Московских Высших государственных художественно-технических мастерских приравниваются к высшим техническим учебным заведениям, причем норма устанавливается Комиссией по снабжению рабочих.

Примечание. За прогульные дни студенты, помимо других мер, лишаются пайка.

6. Всем бывшим учащимся I-х и II-х Государственных свободно-художественных мастерских, выполнившим в свое время часть курса (имеющим зачеты), предоставляется право поступить в Высшие государственные художественно-технические мастерские, где они зачисляются на соответствующий их познаниям курс.

7. Бывшие студенты, желающие воспользоваться этим правом, должны быть откомандированы из всех учреждений, где они в настоящее время работают, по справке Отдела изобразительных искусств о возможности их зачисления в Мастерские.

8. Из военных частей и учреждений откомандировываются бывшие студенты, если они состояли на втором или старшем курсе или имеют не менее четырех зачетов.

Примечание. Откомандированию не подлежат: 1) лица командного состава, 2) лица, занимающие ответственные административно-хозяйственные должности и 3) все находящиеся в частях, управлениях, учреждениях и заведениях, подведомственных полевому командованию.

9. Подлежащие откомандированию снабжаются от своих учреждений удостоверениями о срочном проезде до Москвы.

10. Вновь поступившие в число студентов по удостоверениям Мастерских откомандировываются из предприятий и учреждений по соглашению администрации с Отделом изобразительных искусств.

11. Студенты призывных возрастов считаются военнообязанными, откомандированными для выполнения учебной повинности. Лица, получившие откомандирование в порядке п. 9 и не явившиеся в учебное заведение, считаются дезертирами и подлежат ответственности по законам военного времени.

12. Учет и распределение окончивших курс Московских Высших государственных художественно-технических мастерских принадлежат Главному Комитету по всеобщей трудовой повинности по соглашению с Народным комиссариатом по просвещению и Высшим Советом Народного Хозяйства.

13. Студенты не могут занимать оплачиваемых должностей ни в каких учреждениях, кроме своих мастерских. Отдельные работы могут принимать лишь с разрешения Совета Мастерских.

29 ноября 1920 г.

Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, № 98, 19 декабря 1920 г., с. 540—541.

* О БЕСПЛАТНОМ СНАБЖЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КИНОКАРТИНАМИ

Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Отменить с 1-го января 1921 года плату за прокат кинокартин и установить бесплатное снабжение местных фото-киносекций и всех прочих государственных учреждений кинокартинами через Фото-кино отдел Народного комиссариата просвещения.

2. Суммы, уплаченные за прокат кинокартин до издания настоящего постановления, возврату не подлежат.

3. Недоимки, числящиеся за государственными учреждениями за прокат кинокартин до 1-го января 1921 года, подлежат сложению.

20 мая 1921 г.

Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, № 48, 15 августа 1921 г., с. 339.

* ИЗ ДЕКРЕТА СНК ОБ ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ ПРИРОДЫ, САДОВ И ПАРКОВ

Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Участки природы и отдельные произведения (животные, растения, горные породы и т. д.), представляющие особую научную и культурно-историческую ценность, нуждающиеся в охране, могут быть объявляемы Народным комиссариатом просвещения по соглашению в каждом отдельном случае с заинтересованными ведомствами и учреждениями неприкосновенными памятниками природы.

2. Более значительные по площади участки природы, замечательные своими памятниками, объявляются заповедниками и национальными парками. Сады и парки историко-художественного значения, созданные по заданиям художественно-паркового искусства или связанные с архитектурными сооружениями, представляющими с ними одно художественное целое, могут быть объявляемы Народным комиссариатом просвещения, по соглашению с заинтересованными ведомствами, неприкосновенными памятниками садово-парковой культуры, музейно-академического значения...

16 сентября 1921 г.

Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, № 65, 9 ноября 1921 г., с. 601.

ДОКУМЕНТЫ О ПРОЛЕТКУЛЬТАХ

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 13 (61) ЗАСЕДАНИЯ ПЛЕНУМА ЦК ОТ 10 НОЯБРЯ 1920 ГОДА (ВЕЧЕР)

12. О формах слияния Пролеткульта с Наркомпросом.

12. а) Подтверждая резолюцию Политбюро, одобряя в основном проект инструкции, выработанный Главполитпросветом, поручить Политбюро окончательную редакцию резолюции о формах слияния Пролеткульта с Наркомпросом для более точного выражения той мысли, что работа Пролеткульта в области научного и политического просвещения сливаются с работой Наркомпроса и Губнаробразов. В области же художественной (музыкальн., театральн., изобразит. искусств, литературной) работа Пролеткульта остается автономной и руководящая роль органов Наркомпроса, сугубо просмотренная РКП, сохраняется лишь для борьбы против явно буржуазных уклонений.

б) Поручить т. Зиновьеву составить проект письма от имени ЦК по поводу Пролеткульта. Поручить тт. Ленину, Бухарину, Преображенскому и Крестинскому выступить в печати на тему о Пролеткульте.

в) Поручить Политбюро до проведения резолюции ЦК о Пролеткульте организовать совещание с лучшими партийными элементами из Пролеткульта...

«В. И. Ленин о литературе и искусстве». М., «Художественная литература», 1967, с. 594.

О ПРОЛЕТКУЛЬТАХ

ПИСЬМО ЦК РКП

ЦК нашей партии и по его директиве коммунистическая фракция последнего Всероссийского съезда пролеткультов приняли следующую резолюцию:

1. В основу взаимоотношений пролеткульта с Наркомпросом должно

быть положено согласно резолюции IX съезда РКП теснейшее сближение работы обоих органов *.

2. Творческая работа пролеткульта должна являться одной из составных частей работы Наркомпроса как органа, осуществляющего пролетарскую диктатуру в области культуры.

3. В соответствии с этим центральный орган пролеткульта, принимая активное участие в политико-просветительной работе Наркомпроса, входит в него на положении отдела, подчиненного Наркомпросу и руководствующегося в работе направлением, диктуемым Наркомпросу РКП.

4. Взаимоотношения местных органов: наробразов и политпросветов с пролеткультами строятся по этому же типу: местные пролеткульты входят как подотделы в отнаробраз и руководствуются в своей работе направлением, даваемым губнаробразам губкомами РКП.

5. ЦК РКП дает Наркомпросу директиву создавать и поддерживать условия, которые обеспечивали бы пролетариям возможность свободной творческой работы в их учреждениях.

ЦК РКП считает необходимым дать следующие разъяснения товарищам из пролеткультов, руководителям местных и губернских наробразов и партийным организациям.

Пролеткульт возник до Октябрьской революции. Он был провозглашен «независимой» рабочей организацией, независимой от министерства народного просвещения времен Керенского. Октябрьская революция изменила перспективу. Пролеткульты продолжали оставаться «независимыми», но теперь это была уже «независимость» от Советской власти. Благодаря этому и по ряду других причин в пролеткульты нахлынули социально-чуждые нам элементы, элементы мелкобуржуазные, которые иногда фактически захватывают руководство пролеткультами в свои руки. Футуристы, декаденты, сторонники враждебной марксизму идеалистической философии и, наконец, просто неудачники, выходцы из рядов буржуазной публицистики и философии стали кое-где заправлять всеми делами в пролеткультах.

Под видом «пролетарской культуры» рабочим преподносили буржуазные взгляды в философии (махизм). А в области искусства рабочим прививали нелепые, извращенные вкусы (футуризм).

Вместо того, чтобы помогать пролетарской молодежи серьезно учиться, углублять ее коммунистический подход по всем вопросам жизни и искусства, далекие по существу от коммунизма и враждебные ему художники и философы, провозгласив себя истинно-пролетарскими, мешали рабочим, овладевши пролеткультами, выйти на широкую дорогу свободного и действительно пролетарского творчества. Интеллигентские группы и группочки, под видом пролетарской культуры, навязывали передовым рабочим свои собственные полубуржуазные философские «системы» и выдумки. Те самые антимарксистские взгляды, которые так пышно расцвели после поражения революции 1905 года и несколько лет (1907—12 гг.) занимали умы «социал-демократиче-

---

* Подразумевается резолюция IX съезда РКП о профсоюзах, раздел II «Профсоюзы и Советское государство», п. 2.— *Ред.*

ской» интеллигенции, упивавшейся в годину реакции богостроительством и различными видами идеалистической философии,— эти же самые взгляды в замаскированном виде антимарксистские группы интеллигенции пытались теперь привить пролеткультам.

Если наша партия до сих пор не вмешивалась в это дело, то это объяснялось только тем, что, занятая боевой работой на фронтах, наша партия не всегда могла уделять должное внимание этим насущным вопросам. Теперь, когда перед партией возникает возможность более обстоятельно заняться культурно-просветительной работой, партия должна уделить гораздо больше внимания вопросам народного образования вообще и пролеткультам в частности.

Те самые интеллигентские элементы, которые пытались контрабандно протащить свои реакционные взгляды под видом «пролетарской культуры», теперь поднимают шумную агитацию против вышеприведенного постановления ЦК. Эти элементы пытаются истолковать резолюцию ЦК как шаг, который будто бы должен стеснить рабочих в их художественном творчестве. Это, разумеется, не так. Лучшие рабочие элементы пролеткультов вполне поймут те мотивы, которыми руководился ЦК нашей партии.

ЦК не только не хочет связать инициативу рабочей интеллигенции в области художественного творчества, но, напротив, ЦК хочет создать для нее более здоровую, нормальную обстановку и дать ей возможность плодотворно отразиться на всем деле художественного творчества. ЦК ясно отдает себе отчет в том, что теперь, когда война кончается, интерес к вопросам художественного творчества и пролетарской культуры в рядах рабочих будет все больше и больше расти. ЦК ценит и уважает стремление передовых рабочих поставить на очередь вопросы о более богатом духовном развитии личности и т. п. Партия сделает все возможное для того, чтобы это дело действительно попало в руки рабочей интеллигенции, чтобы рабочее государство дало рабочей интеллигенции все необходимое для этого.

Из проекта инструкции, выработанного Наркомпросом и утвержденного ЦК нашей партии, все интересующиеся товарищи увидят, что полная автономия реорганизуемых рабочих пролеткультов в области художественного творчества обеспечена. ЦК дал вполне точные директивы на этот счет для деятельности Наркомпроса. И ЦК будет следить и поручит губкомпартам следить за тем, чтобы не было мелочной опеки над реорганизуемыми пролеткультами.

ЦК вместе с тем отдает себе отчет в том, что и в самом Наркомпросе в области искусства до сих пор давали себя знать те же самые интеллигентские веяния, которые оказывали разлагающее влияние в пролеткультах. ЦК добивается того, чтобы и в Наркомпросе были устранены указанные буржуазные веяния. ЦК принял специальное постановление о том, чтобы губнаробразы, которые будут, согласно новому решению, направлять работу пролеткультов, состояли из людей, строго проверенных партией. В слиянии губнаробразов с пролеткультами ЦК видит залог того, что лучшие пролетарские элементы, до сих пор объединявшиеся в рядах пролеткультов, теперь примут самое активное участие в этой работе и тем помогут партии придать всей работе Наркомпроса действительно пролетарский характер. К возможно более тесному

слиянию, к дружной работе в рядах наших просветительных организаций, которые все должны стать не на словах, а на деле органами настоящей, неподдельной пролетарской культуры, и призывает ЦК нашей партии.

Опубликовано 1 декабря 1920 г. в газете «Правда».

«О партийной и советской печати. Сборник документов», изд. «Правда». М., 1954, с. 220—222.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК РКП(б) ОТ 22 НОЯБРЯ 1921 ГОДА ЗА № 78А О ПРОЛЕТКУЛЬТАХ

Ввиду необходимости всемерного содействия культурным запросам пролетариата, которые все будут увеличиваться параллельно экономическому подъему, ЦК РКП(б) считает необходимым:

1) обратить большее внимание всей партии на работу в Пролеткультах, которые должны стать одним из аппаратов партии по удовлетворению культурных запросов пролетариата, тесно связанных с просветительным государственным аппаратом и идущих вместе с ним под одним знаменем марксизма;

2) вменить в обязанность всем губкомам и местным парторганизациям вообще оказывать Пролеткультам свою поддержку, укреплять идейную и организационную связь с ними;

3) поставить перед коммунистами, работающими в Пролеткультах, задачу очистки Пролеткультов от мелкобуржуазного мещанского их загрязнения, оказывать идейный отпор всем попыткам подменить материалистическое миросозерцание суррогатами буржуазно-идеалистической философии (Богданов и т. п.);

4) от партийной прессы потребовать большего внимания к культурной работе среди пролетариата;

5) ЦК разъясняет, что письмо прошлого года относилось к тем ничтожным по числу элементам, которые теперь открыто обнаружили себя в особой платформе т. п. «коллективистов» и против которых, как показывает почти годовой опыт, выступает подавляющее большинство работников в Пролеткультах.

«Вопросы истории КПСС», 1958, № 1, с. 38.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 79 ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК РКП ОТ 24 НОЯБРЯ 1921 ГОДА

а) Заявление * фракции Пролеткульта передать в печать.

б) Поручить секретариату ЦК дополнительно выяснить происхождение платформы «коллективистов», осужденной в этом заявлении.

в) Поручить секретариату ЦК выяснить, какие литературные силы мог-

---

* Речь идет о заявлении коммунистической фракции II Всероссийского съезда Пролеткульта, осудившего (в день закрытия, 22 ноября 1921 года) платформу «коллективистов».— *Ред.*

ли бы уделить больше внимания критике всех тех идейных течений, которые пытаются опереться на пролеткульты и влиять на др. рабочие организации и нашли свое выражение в платформе «коллективистов».

г) Поручить секретариату ЦК через Агитотдел ЦК изучить состояние пролеткульта и внести свое предложение в Политбюро.

«В. И. Ленин о литературе и искусстве», М., «Художественная литература», 1967, с. 597—598.

Я. Яковлев *

О «ПРОЛЕТАРСКОЙ КУЛЬТУРЕ» И ПРОЛЕТКУЛЬТЕ

В «Правде» от 27 сентября была напечатана статья тов. Плетнева «На идеологическом фронте». Тов. Плетнев — председатель ЦК Пролеткульта. Его статья — программная статья. В ней намечены задачи Пролеткульта, методы его работы,подведены итоги работе Пролеткульта за время революции, определены новые пути его работы при нэпе. Наша задача — рассмотреть плетневскую программу борьбы на идеологическом фронте в свете марксистского анализа общественных отношений нынешней России.

1. ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТКУЛЬТА

Они определены Плетневым в нескольких местах его статьи:

«Творчество новой пролетарской *классовой* культуры — основная цель Пролеткульта...» (столб. 1).

«...мы,не ожидая ее (буржуазной идеологии) неизбежного по закону диалектики крушения, должны подготовлять элементы пролетарской культуры, создавать классовые идеологические надстройки...» (столб. VII).

«...эта борьба (двух идеологий) должна будет пойти под флагом именно творчества пролетарской *классовой* культуры и никак иначе. В этом историческое оправдание идеи Пролеткульта и его существования...» (столб. VIII).

---

* Я. А. Яковлев (Эпштейн) (1896—1939) — член большевистской партии с 1913 года. В 1920—1921 годах — член коллегии Главполитпросвета; в 1922 году заместитель заведующего Агитпропотделом ЦК РКП (б); впоследствии — зам. наркома РКИ, нарком земледелия СССР, заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б).

11 октября 1922 года В. И. Ленин беседовал с Я. А. Яковлевым и заведующим отделением пропаганды Агитпропотдела ЦК К. А. Поповым о деятельности Пролеткульта.

19 октября 1922 года Я. А. Яковлев был принят В. И. Лениным для беседы о его статье с критикой ошибочных взглядов председателя ЦК Пролеткульта В. Ф. Плетнева, 22 октября В. И. Ленин направил к нему письмо (до сих пор не обнаруженное), а 23 октября состоялась еще одна беседа с ним в присутствии И. В. Сталина и Н. И. Бухарина о деятельности Пролеткульта и статье Яковлева, написанной для «Правды».— *Ред.*

Итак, основное: творчество пролетарской культуры через Пролеткульт. К сожалению, автор ограничивается исключительно декларированием типа «Нет бога, кроме бога, и Магомет пророк его». Он не пытается даже расшифровать те понятия, с которыми он оперирует. В частности, «пролетарская культура» у него фигурирует в качестве прекрасной завуалированной девы, у которой ничего, кроме словесной оболочки, разобрать невозможно.

Плетнев не ставит даже вопроса о характере, направлении развития культуры как в последние десятилетия существования капитализма, так и в переходный к социализму период. Он не пытается даже определить, *какую сумму общественных явлений он понимает под понятием «культура»*.

Таким образом, от него ускользает вся внутренняя бессодержательность и чудовищная противоречивость всех его формул. Вместо марксистского анализа — торжественное славословие «пролетарскому искусству, науке, культуре», тексты из Плеханова, Маркса, Ленина... выясняющие прекрасно все, кроме вопроса о том, что же автор вкладывает в понятие «пролетарской культуры».

А там, где есть намеки на определение,— путаница невообразимая. У автора «...вопросы культуры, шире — вопросы идеологии — выдвигаются на первый план...» (столб. I).

Тут нелепость явная, ибо *культура*, совокупность ряда общественных явлений (от морали и права до науки, искусства, философии) есть, конечно, более *общее* понятие, чем *общественная идеология*... класса или группы людей.

Если же мы будем судить о «культуре» по указываемым Плетневым конкретным проявлениям «пролетарской культуры», то придется культуру свести к науке, театру и искусству минус их материальные элементы.

«Выявление и сосредоточение творческих сил пролетариата в области науки и искусства — его основная практическая задача»,— так поясняет тов. Плетнев, в чем выявляется осуществление основной цели Пролеткульта— «творчество новой классовой культуры».

Если культуру свести к науке и искусству, что же такое идеология, которая «шире»? *Если идеологию понимать так, как это более или менее установлено марксистской философией, то куда исчезнут материальные элементы культуры, которые, по Плетневу, «уже» идеологии?*

Но суть, конечно, не в этой путанице понятий. Главное — полное отсутствие каких бы то ни было попыток поставить вопрос о культуре конкретно, применительно к конкретным русским условиям жизни и борьбы пролетариата за социализм.

У тов. Плетнева пролетарская культура нечто вроде химического реактива, который можно получить в реторте Пролеткульта при помощи группы особо подобранных людей. Элементы новой пролетарской культуры у него выходят из пролеткультовских студий примерно так, как некогда античная богиня вышла готовой из пены морской.

Тов. Плетнев, сосредоточивая все свое *практическое* внимание на «Лене», социализации науки, творчества новой пролетарской классовой культуры через Пролеткульт, на создавании «классовых идеологических надстроек», фактически бродит среди призраков фантастического, им созданного, пере-

ального мира,— и потому все его построения надуманны, нежизненны, лежат вне широкой дороги пролетарского движения.

Есть одно место в статье Плетнева, которое заставляет предполагать, что Плетнев-хозяйственник, участник борьбы и строительства Советской страны, не совсем мирится с бродящим в фантастическом мире Плетневым-пролеткультовцем. Он как будто бы чувствует непрочность своей позиции, когда останавливается, как на возможном возражении:

«Это в дикой, некультурной, полубезграмотной, нищей стране — не преминут заявить многие...»

Но Плетнев-пролеткультовец уничтожает свои сомнения мгновенно путем гордого заявления, правда, ничем, кроме веры, не подкрепленного:

«Да, в ней. И именно в ней. И именно при наличии рабоче-крестьянской власти...»

А между тем, из того, что наша страна подлинно «дикая, некультурная, полубезграмотная, нищая», для постановки вопроса о борьбе *за культуру последствия вытекают огромные.*

От них отмахнуться фразами без содержания о творчестве Пролеткультом новой пролетарской культуры Плетневу не удастся, какими бы марксистскими фразами и текстами он ни прикрывался.

Нам хочется получить у тов. Плетнева ответ на несколько вопросов:

1) В нашей подлинно «отсталой» стране должны ли мы бороться за «буржуазную культуру»,— за то, чтобы исполнять аккуратно свои служебные обязанности, выходить вовремя на службу, не класть под сукно приносимой бумаги, посетителю разъяснить, что он должен сделать для решения своего дела, не отписываться бюрократическими отговорками в ответ на казенную бумагу, довести взятку в наших учреждениях хотя бы до размеров взятки в немецком государственном аппарате до войны, научить граждан РСФСР, в том числе коммунистов, не относиться к взятке как к неизбежному слабительному при запоре в нашем аппарате, работать в учреждении так, чтобы коммунист не превращался в удобное прикрытие для воровато спеца,— словом, *работать не по нашему, разгильдяйски-советскому образцу, а хотя бы по буржуазному, европейскому или американскому образцу.*

Бюрократия, проедающая насквозь тело нашего государственного механизма, делает нашей задачей еще на много лет добиться хотя бы той буржуазной культуры, пример которой дает работа треста американского, немецкой уголовной полиции, среднего европейского министерства.

2) В нашей подлинно «дикой» стране должны ли мы добиваться распространения «буржуазной культуры» — уберегать голову от вшей, а постель от клопов, мыть руки перед обедом и после работы, не щеголять грязным платьем или рваным платьем, а по мере возможности его вычистить и починить?..

Плеханов в своем реферате об искусстве, читанном им в Париже в 1912 году, говорит: «Надо вообще заметить, что на стараниях людей придать себе ту или иную внешность всегда отражаются общественные отношения данной эпохи» («Искусство и общественная жизнь», изд. Института журналистики, стр. 18). И совершенно несомненно, что стремление хотя бы нашей революционной молодежи иметь возможно более обтрепанный, обшарпанный, «комсо-

мольский» вид, что грязь в казарме, *блохи и клопы в наших советских домах — есть отражение того же общественного отношения, которое проявляется в сверхбюрократизме нашего аппарата — в некультурности.*

3) *В нашей подлинно «безграмотной» стране входит или нет в задачи борьбы за буржуазную культуру,— уменьшить безграмотность*, добиться распространения «Правды» и «Известий» хотя бы в двух миллионах экземпляров, вместо 250 000, распространяющихся теперь, научить крестьянина элементарным приемам культурного хозяйничания, добиться уничтожения трехполья, распространения раннего пара, введения сухоустойчивых культур, замены последними—молебнов о дожде. А у нас работа по ликвидации неграмотности почти свелась на нет (из 80 000 ликпунктов 1920 года — осталось 5000); все знают, что происходит со школьным делом; с десятины земли, по причине нашей некультурности, мы собираем в несколько раз меньше хлеба, чем датчане, немцы, американцы.

Мы просим сопоставить эти огромные культурные наши задачи с плетневским волхвованием, изготовляющим таинственную красавицу «пролетарской культуры» в недрах Пролеткульта. Вспомните плетневское чванное: «Творчество новой пролетарской классовой культуры — основная цель Пролеткульта». Одного сопоставления этого достаточно, чтобы вскрыть всю внутреннюю никчемность и бессодержательность пролеткультовских формул.

Возвращаемся к Плетневу.

Для характеристики необычайной путаницы (посящей, впрочем, ряд очень четких черт) в его голове, занятой изготовлением «классовых надстроек» (!), интересен тот факт, что он, видящий пролеткультуру даже в постановке нескольких страничек мелодрамы на сцене, упускает из виду такие важнейшие элементы культуры, как мораль, обычаи, право, в которых действительно ряд значительных сдвигов пролетариат произвел и производит.

Десятилетия борьбы рабочего класса против экономически могущественного капитала выковывают, вместо морали и обычаев буржуазии (все покупается и продается, бей конкурента рублем и дубьем), новые общественные нормы, вытекающие из условий его существования и борьбы. Почти нет в мире рабочего, который в той или иной форме не участвовал бы в борьбе своего класса (не только экономической, но и политической) против капитала (стачка, демонстрация, денежная помощь, резолюция собрания и т. д.).

В этой борьбе изо дня в день, из года в год складываются новые нормы поведения, новая классовая мораль, в корне враждебная морали капиталистической (поддержи безработного; не позволяй хозяину рассчитать твоего соседа; бастуй, если большинство постановило, хотя бы сам был против забастовки; голодай в стачке, а не позволяй скинуть платы *всем* рабочим).

Новые нормы определяются условиями борьбы пролетариата за существование, под угрозой вырождения, деморализации, разложения; и от передовиков рабочих, рабочего авангарда, неумолимой логикой жизни они распространяются вглубь рабочей массы.

Переход власти к пролетариату, даже только в одной капиталистической стране, ставит на голову буржуазное право. Наша Советская Конституция, которая уничтожает фактически монополию буржуазии на управление государством (§ 65 Конституции), может быть памятником подлинной новой пролетарской культуры.

§ 65 Конституции: «Не избирают и не могут быть избраны, хотя бы они входили в одну из вышеперечисленных категорий: а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала доходы с предприятий, поступление с имущества и т. п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи, духовные служители церквей и религиозных культов...»,— есть гигантский скачок в направлении создания пролетарских общественных норм.

Но этот параграф представляет собою не только решительное отрицание основных норм буржуазного права,— он отрицает решительно и буржуазные обычаи и мораль, ибо становится не только нормой права, но и нормой морали трудящихся масс России (и, пожалуй, не только России). Таким образом, *в области морали, права и т. п. мы несомненно делаем ряд прорывов в буржуазной культуре, но, конечно, не за пролеткультовской печкой на Воздвиженке, а в жизни и повседневной борьбе.* И *последнего* оказывается достаточным, чтобы т. Плетнев проглядел *все это* в своей статье. Оно и понятно.

Ведь элементы высшей культуры в области морали и права *лежат вне студийных лабораторий Пролеткульта* — основного аппарата по созданию идеологических!!! *классовых*!!! надстроек!!! Т. Плетнев *хочет перескочить* с помощью Пролеткульта через отсутствующую еще у нас буржуазную культуру, примерно так, как сменяется паровое хозяйство электрическим, забывая только, что паровую машину всегда можно заменить динамой при наличии средств на ее покупку или изготовление, а *безграмотного прежде всего нужно научить грамоте при всех условиях.* Пока суд да дело, остается вне поля зрения все, что связано не с камерной жизнью Пролеткульта, а с жизнью и с борьбой.

II. ПУТИ К ЗАВОЕВАНИЮ ТАИНСТВЕННОЙ ВОЛШЕБНИЦЫ

Для выполнения намеченной фантастической программы «творчество новой пролетарской культуры через Пролеткульты» Плетневу немыслимо, конечно, оставаться в пределах реально существующих общественных отношений; *в погоне за таинственной красавицей автор предпочитает удалиться из неприятного нищего и неумытого мира в мир снов волшебных.* В этом мире снов: «Психология пролетария в самой своей основе **коллективно-классовая** и *сознательно-творческая*» (столб. VI).

«Задача строительства пролетарской культуры может быть разрешена только силами самого пролетариата...» (столб. VIII и IV, дважды слово в слово).

«Пролетарий имеет дело с совершенно ясными отношениями его к внешней природе. Он знает, что удар кайла в шахте даст известное количество руды или угля, и то и другое вместе в домне дадут чугун, из домны не потечет молоко или вода, чугун даст железо, сталь; последние претворятся в машину, машина даст возможность с большей легкостью побеждать сопротивление материи, а в субботу будет получка. Здесь — все ясно и математически точно...» (столб. V).

Что это? Грубейшее непонимание классовых отношений в Советской России или беспардонная лесть «его величеству Пролетариату»?

Если последнее, то можем уверить тов. Плетнева, что сознательный рабочий в ней не нуждается, а несознательному она может понадобиться только для оправдания малодушия, паники или слабости.

Если же здесь нет лести, то остается первое: грубейшее непонимание классовых отношений.

Плетнев обращается с психологией пролетария, как с чем-то окончательно сформировавшимся. Если бы действительно эта психология была уже в самой своей основе «коллективно-классовой и сознательно-творческой», то мы могли бы не только Пролеткульт сдать в тираж за ненадобностью, но и самые разговоры о культурных задачах не поднимать за их решением.

Суть в том, что элементарная классовая сознательность (а не то, что «классово-сознательная» и проч.) приходит не как манна библейская, а является результатом десятилетий классовой борьбы, заставляющей рабочего сбиваться к рабочему, на деле выдвигающей общие классовые интересы и из года в год закладывающей элементы рабочей сознательности.

И в наиболее передовых капиталистических странах элементами классово-сознательными является пока меньшинство рабочего класса; перед рабочими-передовиками Запада только стоит задача борьбы за классовую сознательность.

А плетневское представление о том, что в голове рабочего все «ясно и математически точно», как «удар кайла в шахте», орудует с желаемым или, лучше сказать, неизбежным в будущем, как с существующим в настоящем.

Конечно, условия капиталистического производства *облегчают в огромной степени очищение рабочих голов от поповской и буржуазной дребедени, создают в рабочих головах предрасположение к материалистическому миросозерцанию, но отсюда еще далеко до математичности и точности*, ибо не дает капиталистический гнет рабочему узнать, изучить все то, что необходимо для превращения материалистического «настроения» и предпосылок к материалистическому мышлению в ясное и точное сознание (пример французской коммунистической партии с ее колебаниями, германской компартии с ее тремястами тысяч против миллиона с четвертью с.-д., рабочих английских трэд-юнионов с их мещанско-пуританской узостью, германских католических профсоюзов).

Не думает же тов. Плетнев, вероятно, не станет он утверждать, наверно, что у члена германского католического профессионального союза, добросовестно верующего в бога, «все ясно и математически точно».

А в России?

Революция — этот локомотив истории — произвела, конечно, огромные сдвиги в сознании миллионов. Она в годы произвела ту работу, на которую при иных условиях (мирного развития) понадобились бы десятки лет.

Но все это не может и не должно заставлять нас по-плетневски закрывать глаза на истинное положение вещей. *В моральном отношении значительные массы поднялись по сравнению с буржуазией в огромной мере. Но на «морали» вперед к социализму не двинешься, если вшив и управлять не умеешь.*

При рабочем классе, остающемся наполовину безграмотным еще, при огромном проценте на фабриках крестьянских элементов, не переваренных в фабричном котле,— Плетнев хочет уверить нас в том, что мы будем «создавать классовые идеологические надстройки...» (очевидно, как пироги печь).

Плетнев не задумывается о том, сколько верующих рабочих, особенно работниц, на наших текстильных фабриках (которым, конечно, все ясно, но в смысле, обратном плетневскому), сколько рабочих в Питере защищало разных «божьих матерей» от изъятия ценностей, сколько крестьян со всеми характерными чертами их веками созданной психологии работает на петроградских фабриках, сколько мешочников, развращенных семилетней войной, работает на наших предприятиях.

Во имя «нас возвышающего обмана» он заменяет реально существующего русского рабочего, в котором русская революция разбудила огромную жажду знания, огромное стремление к грамоте, к природоведению, — фантастической моделью рабочего, а реально стоящую перед пролетарским авангардом задачу создать для всей рабочей массы возможности удовлетворения ее стремлений — фокусами в Пролеткульте.

В том энтузиазме, без которого мы революции не совершили бы, некоторые элементы «фантастики» были неизбежны, особенно в начальный период революции, когда могучими ударами рабочий класс России сотрясал все здание буржуазного мира. Но «фантастика» не нужна и вредна теперь, когда ею подменяют задачи, вытекающие из условий момента и отвечающие действительным интересам пролетариата.

И она становится не только ненужной, но сугубо вредной, когда сопровождается мелкобуржуазно-радикальными предрассудками, в роде того, что *«задача строительства пролетарской культуры может быть разрешена только силами самого пролетариата»*...

Конечно, если стать на точку зрения «сознательно-творческую», то тогда, конечно, можно решать культурную проблему и против буржуазного специалиста.

И Плетнев, мы думаем, признает, что русский рабочий станет еще более «классово-творческим», если он научится грамоте, а тем более если пройдет курс Моск. высш. технич. уч-ща. А этого можно добиться только использовав целиком народного учителя, инженера, профессора.

Все это записано в программе, повторено почти каждым съездом, но все это не помешало Плетневу выдвигать идею «классово-творческого пролетариата», идущего «собственными силами» к «пролетарской культуре» через «Пролеткульт»...

Ошибку, которую делали товарищи в 18-м и 19-м гг. по отношению к военным спецам, в 19-м, 20-м, 21-м — по отношению к спецам промышленности, *Плетнев механически переносит на область культуры.*

Рабочий класс России с семьями составляет едва 15 проц. населения страны, а коммунистическая партия — меньше 10 проц. пролетариата.

В стране с огромным большинством крестьянского населения вопросом самого существования Советской власти является вопрос о том, чтобы научиться руками профессора, инженера, народного учителя, оставленных нам в наследство капитализмом, бороться с темнотой и невежеством и поднимать культуру трудящихся масс.

Надо во что бы то ни стало научиться этому и направлять культурную работу народного учителя, преподавателя средней школы, профессора по тому руслу, которое определяется интересами пролетариата. А ведь несомненно, что этого делать мы до сих пор не научились. Мы не сумели толково поставить

на работу ни армии народных учителей, ни остального педагогического состава.

И так как в настоящий момент вопросы культуры становятся особо важными в жизни Республики, то мы должны этот вопрос поставить по меньшей мере с той же четкостью и ясностью, с какой раньше был поставлен вопрос о военных специалистах и спецах-инженерах.

А Плетнев эту огромной важности и гигантской трудности проблему заменяет разговорчиками о «пролетарской культуре», строящейся «силами самого пролетариата».

Еще бессодержательнее и, пожалуй, вреднее является другой уклон Плетнева в сторону *непонимания отношений пролетариата и крестьянства в такой по преимуществу крестьянской стране, как наша.*

«Сколько бы ни было у нас пришельцев из буржуазного лагеря, сколько бы ни «приняли» они классовую точку зрения, все же это будут единицы, быть может очень ценные, но решающего значения они иметь не будут...» (столб. IV—V).

«Оно (классовое сознание пролетариата) чуждо крестьянину, буржуа, интеллигенту...» (столб. V).

На первый взгляд в этих утверждениях, особенно во втором, не содержится ничего антимарксистского. Но, если мы сопоставим их со всей «теорией» Пролеткульта, нетрудно будет убедиться, что мы имеем налицо не случайную обмолвку, а *органическое непонимание классовых отношений в нашей стране.*

Основная задача нэпа, как говорил тов. Ленин на XI съезде, сводится к тому, чтобы восстановить смычку пролетариата с крестьянством, доказать, что мы умеем ему помочь, умеем начать с того, что ему понятно, знакомо и доступно, чтобы «начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. И тогда и ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем...».

Понятно, какое огромное значение имеет с этой точки зрения культурная работа пролетариата (Советской власти в деревне). Она должна в тои и в связи с хозяйственной работой уничтожать безграмотность, трехполье, крестный ход, как средство борьбы с засухой,— вместе с тем она должна помогать и оформлять процесс перехода беднейших элементов деревни на нашу сторону.

Неужели тов. Плетнев забыл о том, что крестьянство есть «сила колебания», и от того, на чашку весов какого класса оно кладет свой удельный вес, зависят судьбы революции в нашей стране? Крестьянину, как труженику, капитал может дать только беспощадную кабалу. Крестьянин, как собственник, тянет к капиталу. И от того, сможем ли мы поставить свою работу так, чтобы новые и новые массы крестьян переходили на нашу сторону, убеждаясь в практической, реальной, ощутимой пользе социалистического хозяйства, зависит развитие и укрепление Советской России. Наша задача — добиться того, чтобы мы здесь не имели только тех одиночек, о которых пишет Плетнев, *чтобы рабочий класс двигался* вперед к культуре *вместе с крестьянством.*

Поэтому, если мы чему-либо научились на опыте Колчака и Кронштадта, то мы не будем отмахиваться от проблемы привлечения беднейших элементов деревни к культурной работе Республики, от работы по поднятию куль-

турного уровня крестьян чванным заявлением, что классовое сознание (пролетарское) чуждо одинаково крестьянину, буржуа, интеллигенту.

Помня о том, что мелкое крестьянство является не только классом буржуазии, но классом мелкой буржуазии, рассматривая его, как силу, привлечение которой на сторону пролетариата безусловно необходимо, мы будем стремиться к движению вперед в области культуры так, чтобы за нами двигался авангард крестьянской массы. И если этот путь будет более длинным, чем это мы предполагали 25 октября, то во всяком случае не пустыми фразами о «создавании классовых идеологических надстроек» Пролеткультом — ускорить это движение. *Не отдельному пролеткультовскому отряду, а всему пролетариату предстоит такая борьба за культуру, в которой крестьянские массы будут двигаться за и вместе с пролетариатом.*

III. «СОЦИАЛИЗАЦИЯ НАУКИ» ПРОЛЕТКУЛЬТОМ

«...К наступлению на буржуазную науку пролетариат толкается самим процессом революции, и это — неизбежный исторический закон. И в этом — историческое оправдание нашей задачи революционизирования, социализации науки, нами поставленной, и первых наших практических шагов по этому пути, которые мы делаем, и еще одно оправдание существования Пролеткульта» (столб. XII).

«Перед нами стоит задача социализации науки... Социализация науки охватывает и ее сущность, метод, форму и масштаб» (столб. VIII).

В этих нескольких фразах содержится столько безнадежной и вредной путаницы, что необходимо разобраться в ней тщательнейшим образом.

Для тов. Плетнева наука является чем-то мистическим, не подлежащим дальнейшему определению. Он не ставит вопроса о науке, как о ряде «систем идей», связанных с различными сторонами деятельности общественного человека; он не задумывается над техникой науки и ее людским аппаратом, *для него не существует проблемы связи науки с техникой и экономикой страны.* Наконец, от рассмотрения перспектив развития науки в нашей стране он отделывается пустыми отговорками, что это-де ничего, что мы живем в «дикой», некультурной, полубезграмотной, нищей стране,— зато духом-де возьмем.

Для того чтобы обнаружить всю бессмыслицу пролеткультовской «социализации науки», попытаемся наметить ответы на выше поставленные вопросы.

Прежде всего остановимся на тех системах идей, которые непосредственно связаны с интересами капитала и где поэтому буржуазный ученый уже давно потерял силу и способность к подлинно научному мышлению (политэкономия и философия).

В этих областях знания, уже давно превращенных буржуазией в прямое орудие классовой борьбы, буржуазная наука не дает ничего, кроме ханжески лицемерных, беспримерно болтливых попыток освятить капиталистический строй божьим именем. В этих областях пролетариат уже внес, в силу того, что объективное развитие за него, новые принципы, *продолжая и развивая дело политико-экономов и философов той эпохи, когда буржуазия была еще*

революционным классом (Рикардо, Гольбах, Гельвеций), ведя за собой массы пролетариев и полупролетариев против феодализма.

В той области естествознания, которая соприкасается с философией, которая, на основании новых фактов, доставленных опытом и исследованием, пытается вывести общие «жизненные» законы, философские принципы и т. п., мы находим значительные *группы ученых, дающих расцвет поповщины, антидарвинизма, попытки сочетания изучения внутренних секреций с признанием бога.*

Чтобы характеризовать всю глубину падения таких течений естествознания, пытающихся вернуть на землю бога, чтобы его именем удержать пролетариат от революционного движения, приведем только одну характерную цитату.

Есть в России ученый Л. С. Берг. Его книги издают: Петроградский Госиздат, издательство «Академия», издательство «Время».

«Теория Дарвина задается целью объяснить механически происхождение целесообразностей в организмах. Мы же считаем способность к целесообразным реакциям за основное свойство организма. Выяснить происхождение целесообразностей приходится не эволюционному учению, а той дисциплине, которая возьмется рассуждать о происхождении живого. *Вопрос этот, по нашему убеждению, метафизический. Жизнь, воля, душа, абсолютная истина — все это вещи трансцендентные, познания сущности коих наука дать не в состоянии* (Проф. Л. Берг. Теория эволюции, П., 1922).

В этих нескольких фразах отражается полностью весь тот поход буржуазной науки на Дарвина, за бога, который ведут значительные группы ученых на Западе.

Но мы были бы *слепыми, если бы из-за этих буржуазных кликуш, из-за Бергов и Бергсонов, продающих свои перья буржуазии, просмотрели ту огромную работу в области естествознания*, которая идет на Западе часто вопреки корыстным целям и интересам буржуазии.

Имеются на Западе огромные группы ученых, подлинных материалистов по тому делу, которое они делают, обогащающих человеческое знание крупнейшими открытиями, в то же время искренно верующих в бога. Многие из них не подозревают того, что они естественно-исторические материалисты по методам и результатам своих работ. Укажем несколько таких ученых:

Физик Томсон — верующий человек, материалистически объясняющий вопросы, связанные с теорией относительности.

Зоолог Ланкестер (Англия) — яркий, пламенный борец с антидарвинистами.

Биолог Платте (Германия) — талантливейший из новейших дарвинистов.

Физиологи Бейлис и Старлинг (Англия) — творцы учения о железах внутренней секреции.

Физик и химик Резерфорд (Англия) — создавший науку о разрушении атома.

Физик и химик Содди (Англия) — работающий в области разрушения атома.

В России хотя бы Бах — химик, изучающий токсины с химической точки зрения, то есть пытающийся химией объяснить биологические процессы,

и известный академик Павлов. *Суть даже не в этих именах, а в тех десятках и сотнях, тысячах работников науки, которые в заводских лабораториях, в клиниках и непосредственно в производстве работают в области точных наук.* Тов. Степанов, стирая разницу между «точными» науками и науками общественными, всю эту кропотливую, изо дня в день идущую работу в области естествознания проглядывает, загипнотизированный Бергами разных родов,— и тем фактически один палец протягивает Плетневу, с идеями которого в ряде своих статей он ведет в то же время фактически борьбу.

Мы не были бы представителями класса, которому принадлежит будущее, если бы пытались все буржуазное естествознание свести к Бергам, отслуживая по этому случаю молебны фантастической «социалистической» науке.

Обратимся теперь к основной группе наук, к той, которая ближе всего и непосредственнее связана с капиталистической техникой.

В непосредственной зависимости от того огромного развития производительных сил, которые, непрерывно возрастая в конце XIX и в начале XX веков, вступили в решительное противоречие с капиталистическим присвоением, находится развитие науки, ее содержание, техника, людской аппарат...

В настоящее время наука имеет свою огромную технику, гигантский людской аппарат. Технику науки можно характеризовать хотя бы тем, что она *в состоянии измерять скорости (электронов) почти в 300 000 километров в секунду, длину волны — в одну миллиардную часть сантиметра, продолжительность времени — в одну десятимиллиардную долю секунды.* Температура доведена до 1,1° абсолютного, то есть до — 271,9° по Цельсию.

Примеры эти показывают достаточно ярко, как усовершенствовались методы наблюдений и техника экспериментов.

О людском аппарате науки дает некоторое представление развитие лабораторного дела на Западе. *Лаборатории переходят из университета в завод*; примером такой лаборатории может быть хотя бы лаборатория американской Всеобщей компании электричества, из которой вышел целый ряд важнейших открытий-изобретений. В ней работает целый ряд виднейших ученых. Из нее вышли исследования Лэнг-Мюра в области молекулярной физики.

Наука двигается вперед не талантливыми одиночками, а огромным людским аппаратом с колоссальной техникой.

Одно из крупнейших открытий последних лет (конец 1917 г.) в электротехнике — обнаружение притяжения между двумя пластинками: металлической и полупроводящей, когда к ним приложена разница потенциалов. Открытие произвели инженеры Джонсон и Рабек. Явление изучено в лаборатории Радиотелеграфного общества в Берлине. Там же разработаны практические применения этого явления в телеграфии и телефонии (доклад д-ра Рошарда на съезде немецких физиков в Иене 23 сентября 1920 года — «Монографии по вопросам науки и техники», № 8, 1921).

И обратно, в лабораториях университетов и политехникумов производятся работы по заданиям промышленных предприятий. (Ряд примеров в журнале «Новости науки и техники», 3-й выпуск.)

Технику и людской аппарат характеризует также и такая хотя бы справка: *научных журналов только по тяжелой индустрии имеется 9 в Германии и 8 в Америке.*

Уже из этих примеров видно, как непосредственно связана наука с техникой (включая сюда и медицину). Эта связь реально прощупывается ныне. Состав ученых и техников, обслуживающих науку, неразрывно связывается с жизнью как предприятий, так целых отраслей производства, и может развиваться только в связи с их развитием. Нам кажется, что связь науки с производительными силами — в конечном счете с техникой — упрощается, делается более непосредственной на данной стадии развития капитализма.

О состоянии науки в России говорит прежде всего *уровень ее производительных сил*. Если и были в России гениальные одиночки, то они безмерно возвышались над средним уровнем русской науки, и в большинстве возможность работы искали и получали на Западе.

Состояние науки в России (и по содержанию, и по технике, и по людскому составу) *более или менее точно соответствует нашей экономической отсталости*. О степени же отсталости нашей экономики достаточно говорит одна цифра: в то время как нам капитализм не оставил почти ни одной лошадиной силы белого угля, несмотря на колоссальные возможности, даваемые русскими реками, *в Америке использовано 7 миллионов лошадиных сил из имеющихся 28 миллионов*, в Канаде — 1 735 000 лошадиных сил из имеющих 18 800 000, в маленькой Норвегии — 1 200 000 из 5 500 000 лошадиных сил.

Техника науки у нас отстала гигантски. У нас почти нет лабораторий заводского типа. Наши университетские лаборатории даже простые склянки и реторты привозят из-за границы. За время революции и империалистической войны и людской состав, и техника науки ослабели значительно по сравнению даже с тем малым, что было у нас до войны.

Но в еще большей степени за минувшие семь лет подточились производительные силы страны. Задачей многих лет у нас останется восстановление разрушенных производительных сил страны в большей части на старой, довоенной основе, частью же на основе электрификации. Отсюда очевидно, что в ближайшие десятилетия и уровень науки, и ее содержание будут определяться в основном вышеуказанными производственными задачами. *Наличие Советской власти облегчит значительно как дело восстановления нашей техники, так и восстановление науки — и, конечно, не только восстановление, но и движение вперед. Но едва ли ее наличие сможет изменить что-либо в направлении работы научной мысли, которое прежде всего будет определяться «направлением» развития производства.* Отсюда очевидно, что только отказавшись от марксистского анализа положения нашей страны, только подменяя цель, вытекающую из состояния производительных сил России, пустыми, праздными измышлениями, можно писать о том, что «оправдание существования Пролеткульта — задача социализации науки».

Усердному употреблению бессодержательных фраз мы противопоставляем необходимость усвоения всех тех буржуазных наук, которые непосредственно с производством связаны и усвоение которых может помочь строительству социалистического хозяйства.

Лозунгам Плетнева — сделать Пролеткульт аппаратом партии по «социализации науки» — *мы противопоставляем университет, заводскую лабораторию, фабрично-заводскую школу*, в которые должны влиться сотни тысяч рабочих, могущих сочетать преданность коммунизму с серьезным изучением всего, что дает буржуазная наука для поднятия хозяйства страны.

Не дилетантская, любующаяся собой пролеткультовская якобы наука, не разговорчики о «социализации», которых не поймет ни один рабочий, а серьезная учеба в течение многих и многих лет все новых и новых сотен тысяч рабочих и крестьян.

IV. О «ПРОЛЕТКУЛЬТОВСКОМ ТЕАТРЕ»

Свои теоретические положения тов. Плетнев иллюстрирует некоторыми практическими итогами из деятельности Пролеткульта и попытками намечения будущего пролетарского театра, изобразительного искусства и т. д. Эта практическая часть находится в таком вопиющем противоречии с его собственными теоретическими предпосылками, что их разбор является решительным отрицанием всей его теории и в то же время свидетелем практической никчемности Пролеткульта.

Тов. Плетнев уверен, что в области театра:

«За Пролеткультом останется честь того, что впервые в истории нам удалось дать первый проблеск пролетарского театра. Пьеса, рисующая этап нашей борьбы, принадлежащая автору-пролетарию («Лена»), дана была на сцене 1-го Рабочего театра силами художников сцены — рабочих» (столб. XV).

Мне пришлось видеть на сцене как «Лену», так и «Мексиканца», которыми центральная арена Пролеткульта открыла свою борьбу за пролетарский театр. Обе пьесы оставили совершенно одинаковое впечатление — недостаточно хорошо прожеванной буржуазной культуры.

В «Мексиканце» (переделка повести Джека Лондона) изображена революция, успех которой зависит от нескольких тысяч долларов. Революционный вождь вызывает на бокс профессионального борца и побеждает его. Таким образом, деньги добыты. Революция спасена ценой удачного бокса. В темноте бегут через сцену, коллективно воют что-то непонятное, стреляют какие-то мрачные тени. Революция совершена...

Несостоятельность самой идеи этой пьесы настолько велика, что никакое мастерство исполнения не может затушевать ее. Изображенное на сцене настолько нелепо, настолько противоречит тому опыту классовой борьбы, который имеет русский рабочий, что нельзя отделаться от ощущения недоумения после просмотра пьесы на арене Пролеткульта, а между тем Плетнев основную черту пролетарского театра видит в том, что «масса в ее жизни-борьбе должна прийти в театр».

«Мексиканец» дает *вместо массы — удачного боксера.*

«Мексиканец» был пролеткультовской ставкой на мастерство. Спектакль показал, что известного приближения к профессиональному артисту студийцы центральной арены Пролеткульта достигли, но, несомненно, далеко еще не достигли уровня среднего московского артиста, доставшегося нам в наследство от буржуазии. Если забыть о том, что Пролеткульт демонстрирует зачатки новой пролетарской культуры, то нельзя не признать некоторого мастерства, динамики действия и занимательности спектакля. Мы уверены, *что если бы Пролеткульт поехал с «Мексиканцем» по американским городам, то янки хлопали бы усердно, даже не подозревая, что они присутствуют при демонстрации пролетарской культуры и что бокс на сцене — не обыкновен-*

ный буржуазный бокс, а бокс чистой пролетарской воды (см. дальше задачи физической культуры Пролеткульта).

«Лене» нельзя отказать в революционности содержания, в особенности в революционности речей, произносящихся ее героями. Автор пьесы несомненно талантлив. Но, во-первых: постановка пьесы была такова, что затушевала все ее достоинства,— первое действие было поставлено в квазифутуристических тонах (в течение получаса из-за наклонного светло-желтого конуса, обращенного основанием к сцене и обозначавшего неизвестно что, причудливо раскрашенные рожи нарекают истошным голосом плохо слышимые и малопонятные слова); в следующих действиях — непосредственный переход к немного вампукистой толпе из Большого театра. Во-вторых: опять массы в ее жизни-борьбе нет на сцене. Пять человек, издающие дружно и согласно звук «у-у-у», не превращают еще толпы в героя действия, а то, что дал Пролеткульт вместо толпы в «Лене», правда, утопило отдельные личности, но не заменило ее ни в коей мере и не дало изображения той пролетарской массы, которая была подлинным героем и жертвой «Лены».

Театральные занятия Пролеткульта не ограничиваются московской центральной ареной.

Тов. Плетнев пишет в своей статье о тысяче человек студийцев рабочих в пролеткультовских драматических студиях, ведущих по всей России «работу по созданию пролетарского классового театра».

Согласно представленному Центральным Комитетом Пролеткульта плану работы, репертуар Тульского Пролеткульта на 1922 г. следующий: «Власть тьмы», «Недоросль» (!), «Плоды просвещения», чеховские «Три сестры», «Горе от ума», «Преступление и наказание», «Бедность не порок», «Коварство и любовь», «Василиса Милентьева», «Орлеанская дева», «Мария Стюарт» и т. д. и т. п., словом, весь репертуар дряхлого Малого театра и ищущего признания у Европы за неимоверной скучностью для революционного русского зрителя Художественного театра.

Репертуар Петроградского Пролеткульта: «Виктория» Гамсуна, «Анна Каренина» Вознесенского, «Океан» Андреева, «Адриена Лекуврер» Скриба, «Мария Магдалина» Метерлинка, «Подсвечник» комедия Мюссе, «Монна-Ванна» Метерлинка.

В репертуаре Петроградского Пролеткульта собраны наиболее яркие цветки умирающего индивидуалистического, насквозь контрреволюционного искусства.

Революционные пьесы, которые ставят некоторые другие пролеткульты в провинции, во-первых, тонут среди пьес, принесенных в Россию эпохой после революции 1905 года, а во-вторых — в этих пьесах остается тот самый герой буржуазного театра, в преодолении которого Плетнев видит основную черту пролетарской культуры («Фленго», «Мститель»).

«Фленго» и «Мститель» наиболее часты в репертуарах провинциальных пролеткультов и, пожалуй, наиболее характерны. «Мститель» — типично буржуазная сентиментальная сценка, в которой герои произносят патетические речи, клянутся, кричат «да здравствует», болтают, когда нужно действовать, да и вообще, пожалуй, действовать им полагается вне «действия». Во «Фленго» герой, гражданин Тисбо, бывший военный, сентиментально-благородный господин, нежно любящий детей, бросает версальцам, убившим его

приемного ребенка, «величавые» слова. Если толпа принимает участие в этом эпизоде, то только в виде солдатского отряда, коллективно декламирующего всякие слова на баррикадах.

Содержание обеих пьес говорит о добрых чувствах автора... и только.

Мы живем в эпоху борьбы. *Естественно нам рассматривать искусство прежде всего как общественную силу.* И по отношению к искусству, берущему на себя смелость называться пролетарским, мы имеем право предъявлять в этом отношении несколько большие требования, чем хотя бы к Малому театру. Мы хотим увидеть в пролетарском театре элементы художественного признания нашей революции, революционной бодрости и подъема, элементы, объединяющие трудящихся в их решимости и готовности к борьбе, создающие чувство связи у зрителя-рабочего с членами его класса, наконец, действительно введение живой массы на сцену. Мы не стоим на точке зрения «искусства для искусства». Поэтому мы вправе наш критерий «пролетарского искусства» применить к пролеткультовскому театру.

А вместо этого — цветки декадентского искусства, подражание футуризму без его мастерства, газетная летопись вместо трагедии, фиглярство ищущего новых приемов актера вместо введения массы в действие на сцену.

И самый факт участия в этом деле рабочих так же не меняет характера пролеткультовского театра, как неспособно наличие рабочих в меньшевистской партии изменить ее мелкобуржуазную природу. Поэтому мы решительно отводим все попытки укрыться за рабочим составом пролеткультовских студий. «Океан» Андреева останется глубоко мистической, ярко индивидуалистической пьесой, безусловно вредной и ненужной пролетариату, хотя бы его ставили петроградские паровозники чистейшей воды. И также «Мексиканец» останется типичной буржуазной безделушкой, сколько бы рабочих ни принимало участия в его постановке. И даже «Лена», «Фленго» и «Мститель» не превратятся из агиток в художественные произведения, кладущие камни в фундамент нового здания пролетарской культуры, сколько бы прекрасных слесарей или монтеров ни принимало участия в их постановке.

Поэтому, вдумываясь в итоги пролеткультовской работы в области театра, мы вправе задать вопрос:

Нужно ли, полезно ли, в интересах ли революции приклеивание ярлыка пролетарской культуры к тем обыкновенным буржуазным пьесам, которые ставятся различными пролеткультовскими студиями в различных местах России?

И, наконец, полезно ли, в интересах ли революции превращение тысячи лучших рабочих-революционеров, по уровню своему стоящих выше рабочего-середняка, в артистов, классовое положение которых делает их в массе чем-то средним между босяком и мелким буржуа и которые ныне все более захватываются стихией нэпа?

Конечно, необходима, в меру реальных успехов того или иного рабочего-артиста, поддержка со стороны Советского государства, но именно в меру таланта и движения вперед, а не в силу того, что имярек Попов, пролетарий по происхождению, плохо играет в плохой буржуазной пьеске.

У тов. Плетнева слово «пролетарская культура» употребляется так свободно, применяется так легко к какому угодно явлению, что иногда приходится удивляться смелости его обращения.

12 июня 1922 года Мейерхольд читал в Малом зале Консерватории лекцию на тему об «актере будущего»:

«Физкультура, акробатика, танец, ритмика, бокс, фехтование — полезные предметы, но они только тогда могут принести пользу, когда будут введены как подсобные к курсу «биомеханики» — основному предмету, необходимому для каждого актера» (журнал «Эрмитаж», № 6, стр. 41).

Мейерхольд давно работает над революционизированием театральной техники, над приведением ее в соответствие с бешеным темпом нашей жизни. Как ни относиться к его работе, нельзя не признать чрезвычайно положительным фактом то, что он свои искания не называет «пролетарской культурой».

В программе занятий районных театральных студий Пролеткульта мы читаем те же мейерхольдовские: 1) акробатику, 2) мимику, 3) пластику, 4) биомеханику.

А для того чтобы вы не смешали пролетарской акробатики с акробатикой представителя левого футуристического уклона Мейерхольда, написаны Центральным комитетом Пролеткульта специальные тезисы «О задачах физической культуры пролетариата»:

«1. Отрицая с исторической и научной точки зрения все старые системы физической культуры буржуазии, пролетариат создает классовую (?!) физическую культуру(!).

2. В настоящее время надо строить не физическую культуру для пролетариата, а новую физическую культуру пролетариата.

3. Новая физкультура пролетариата — это психо-физиологическое воспитание (?!) квалифицированного (!!) человека (!)...

4. Новая физкультура пролетариата есть новая трудовая гимнастика и новый коллективный спорт»...

Отныне мы играем в футбол, лаун-теннис, в городки, выбрасываем руки, ноги и тело в разные стороны в «сокольских играх» по-новому, по-пролетарскому, по-«культурно-пролетарскому», посрамляя тем культуру Ллойд Джорджа всячески.

Конечно, мы не можем возражать против того, чтобы кто бы то ни было занимался игрой в бирюльки пролетарской физкультуры, но в то же время, объективности ради, должны напомнить Плетневу, что именно буржуазия в последние десятилетия создает массовый спорт, вовлекая рабочих в спортивные общества,— новые аппараты по распространению буржуазного влияния на пролетариат. Так, «сокольские» общества, объединяющие десятки тысяч рабочих, воспитывают преданную национально-буржуазным идеям молодежь путем тех же приемов массового спорта, которые ЦК Пролеткульта хочет объявить почему-то пролетарской физкультурой.

То же в области изобразительного искусства. Тов. Плетнев высказывает в своей статье несколько несомненно бесспорных истин по вопросу о красоте. Он описывает красоту аэроплана, которая «родилась не из желания сделать его красивым, а из его облегчающей полет конструкции, а его красота и на земле и на высотах бесспорна». Он заявляет: «Изобразительное искусство нового мира будет производственным искусством, или его не будет вовсе».

Во всем этом много верного.

Но об этом, только гораздо лучше и ярче, написал в книге «А все-таки вертится» Илья Эренбург, бывший сотрудник «Биржевых Ведомостей», эстет, ненавидевший Советскую республику за то, что она разбила его прекрасные игрушки, а ныне «сменовеховец», познакомившийся с тем, как на Западе буржуазия душит элементы искусства ей враждебного, поглядевший на новые грузоподъемники Копенгагенского порта, витрины магазинов, сравнивший их мощь и красоту с декадентским вырождающимся искусством и... вызвавший на бой все признанные течения западноевропейского искусства.

Эренбургу по дороге с футуристами, кубистами, конструктивистами, дадаистами, которые, будучи плодом упадка, декаданса буржуазного искусства, в то же время судорожно ищут новых путей в технике и мастерстве. «Победа идеологии производителей — победа искусства». «Будущее — за печниками» (стр. 136). «Новое искусство не только не углубляет рва, отделяющего его от жизни и от труда, но стремится во что бы то ни стало ров засыпать, ибо в этом видит залог своего спасения» (стр. 60).

«Задача: построить вещь, которая летала бы. Безупречная точность исчислений. Экономия материала. Целесообразность каждой составной части. Обдуманность пропорций. Ясность плана. Тщательность выполнения. В итоге — воистину прекрасная вещь» (стр. 71).

Опять-таки мысли очень интересные, несомненно, много нового дают, хотя их и написал Эренбург, в прочих своих бесчисленных книгах изображавший «политику» большевика и меньшевика, а в книжке «А все-таки вертится» признавшийся с подкупающей искренностью, что он в политике ничего не понимает, и, может быть, именно поэтому ныне сказавший в этой книжке новое, свежее, ядреное слово в области искусства *.

Мы думаем, что так же, как перенесение акробатики из театра Мейерхольда в пролеткультовскую студию, состоящую из рабочих, постановка буржуазной пьесы силами пролеткультовских рабочих, сокольские игры рабочих из Пролеткульта не превращают еще буржуазного Савла в пролетарского Павла,— так и написание последних футуристических открытий пролетарием Плетневым не приближает нас ни на шаг к пролетарской культуре, хотя бы действительно *идеал красоты, намеченный Плетневым и Эренбургом, соответствовал нашей эпохе перерастания грандиозными производительными силами капиталистического общества его оболочки*, как Мадонна Рафаэля соответствовала идеалу просвещенного итальянца XVI столетия.

Но при чем тут пролетарская культура — понять довольно трудно. Ведь у нас-то нет ни американских небоскребов, ни пароходов на 3500 человек, ни гигантских снегоочистителей,— зато грязи, неграмотности, невежества так много, пожалуй, чересчур много,— и их-то нужно выметать решительно трудящимся массам России под руководством идущего впереди пролетариата.

«Правда», №№ 240 и 241 от 24 и 25 октября 1922 г.

---

* И. Г. Эренбург в своих мемуарах «Люди, годы, жизнь» писал о книге «А все-таки она вертится», вышедшей в начале 1922 года в Берлине,— что он «восхвалял машины, индустриальную архитектуру, конструктивизм... Когда я теперь попробовал ее перечитать, многое мне показалось смешным, если не глупым: я в жизни петлял» («Новый мир», 1960, № 10, с. 20).— *Ред.*

Из статьи

«ЕЩЕ К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРЕ»*

...Мы имеем наш столб и утверждение — марксизм. Мы должны сделать из него выводы, которые служили бы нам опорными пунктами при критическом усвоении более далеких от его основных тем знаний.

И нельзя просто говорить тут о том, что пролетарий еще неграмотен и вшив. Все же не весь пролетариат вшив и неграмотен, и если борьба со вшами и неграмотностью есть задача важная, то нельзя забывать, что без университета невозможна и школа. Это верно относительно целого государства, это верно и относительно класса. Хорош гусь был бы тот, кто сказал бы: «Марксу нечего было писать «Капитал». Трудная книга, редко какой пролетарий ее прочтет, а занялся бы он лучше одной сплошной популяризацией». Пролетариат России — класс довольно-таки расслоенный в отношении культурной подготовки, и рядом с элементарной работой он может и должен делать работу более квалифицированную. Это тоже тов. Яковлев упускает из виду. Входящая сейчас в моду культурная нивелировка, равнение по вши, так сказать, приседание до букваря представляют собой нечто болезненное и заслуживающее строгого осуждения. Часто такие ультрадемократы, презрительно косясь на дуб, ограничиваются любовью к желудям и не видят нелестного сравнения. Меньше всего это относится к тов. Яковлеву, столь преисполненному уважения к светилам науки...

И еще одно, очень важное. Тов. Яковлев, как и многие другие, рассуждающие о культуре, упускает из виду различие культуры *материальной*, вещной, организующей быт, и культуры *идеологической*, так сказать, формулирующей план и организующей силы для предстоящей работы. Эренбург, которого хвалит за его эстетические соображения тов. Яковлев, прав, когда говорит, что высокая буржуазная техника (единственно безусловно ценное, что создает, да еще косвенно, капиталистическая буржуазия) наталкивается на именно новые и в своей целесообразности изящные художественные формы. Но посмотрите, что делают из всего этого так называемые левые художники? Замороченные машиной, аэропланом и т. д., они тащат карикатуру на машину, то есть машину, при помощи которой ничего делать нельзя, карикатуру на аэроплан, на котором никуда не полетишь,— в литературу, в живопись, в скульптуру, на сцену. Там они нелепы.

Этим левые стараются убедить нас, что они ведут борьбу против буржуазного «духа», когда они вылущивают из искусства все психологическое, то есть отражающееся как мысль и эмоция...

А. В. Луначарский. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 7, с. 291—292.

---

*Впервые напечатана в газете «Известия ВЦИК», 1922, 3 ноября, № 249. По словам Луначарского (см. наст. издание, с. 777), В. И. Ленин согласился с двумя его (помещаемыми ниже) возражениями статье Яковлева.— *Ред.*

ПРИЛОЖЕНИЕ II
ВОСПОМИНАНИЯ

А. И. Ульянова-Елизарова

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ИЛЬИЧЕ»

1892. Самара

...Остался у меня в памяти разговор с Володей о появившейся в ту зиму в одном из журналов новой повести А. Чехова «Палата № 6»*. Говоря о талантливости этого рассказа, о сильном впечатлении, произведенном им,— Володя вообще любил Чехова, — он определил всего лучше это впечатление следующими словами: «Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6». Это было поздно вечером, все разошлись по своим углам или уже спали. Перемолвиться ему было не с кем.

Эти слова Володи приоткрыли мне завесу над его душевным состоянием: для него Самара стала уже такой «Палатой № 6», он рвался из нее почти так же, как несчастный больной Чехова. И он твердо решил, что уедет из нее следующей же осенью...

* * *

1900. Москва

...Он напевал нам сложенную Цедербаумом в ссылке песенку:

То не зверь голодный завывает,
Дико разыгралася пурга.
В стоне ветра ухо различает
Хохот торжествующий врага.
Смело, братья, смело, и над долей злой
Песней насмеемся удалой.

---

* «Палата № 6» была напечатана в «Русской мысли», № 11 за 1892 г.— *Ред.*

Библиотечная книга

Там, в России, люди очень пылки,
Там под стать геройский им наряд,
Но со многих годы дальней ссылки
Быстро позолоту соскоблят.
И порывы эти все сведет на ноль
Сдобренный махоркой алкоголь.

И т. д.

Пел Ильич, и сестра подбирала за ним на фортепиано также польские революционные песни, которым он научился от ссыльных рабочих-поляков, отчасти по-польски, отчасти в русском переводе их, сделанном Кржижановским.

Таковы были: «Беснуйтесь, тираны», «Вихри враждебные», «Червоный штандар». Ясно помню Володю, как он расхаживал из угла в угол по нашей маленькой столовой и пел с увлечением:

А колёр штандара червоны,
Бо на ним работников кров.

Он восхищался революционными песнями польских рабочих и указывал на необходимость создать таковые для России...

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 5-ти томах, т. 1. М., Изд-во политической литературы, 1968, с. 38 и 65.

Д. И. Ульянов

Из статьи
«ЛЮБОВЬ К МУЗЫКЕ»

Мальчиком Владимир Ильич учился играть на рояле. У него, по словам матери, был великолепный слух, и музыка давалась ему легко. В возрасте восьми-девяти лет он бойко играл многие детские пьесы, а также с матерью и со старшими в четыре руки.

Однако, поступив в гимназию, он в первых же классах совершенно бросил рояль. Почему? Во всяком случае, не гимназические занятия и вечернее приготовление уроков были этому причиной. У Владимира Ильича были прекрасные способности, и учение в гимназии давалось ему чрезвычайно легко. В младших классах он почти не готовил уроков по вечерам, так как все необходимое усваивал в классе при объяснениях учителя, при этом получал по всем предметам пятерки. Мать рассказывала впоследствии, что Илья Николаевич, отец наш, говорил ей даже о своем опасении, как бы Володя не наленился благодаря своим исключительным способностям.

Вернее всего, что причиной того, почему Владимир Ильич бросил рояль девяти или десяти лет, были рутинные взгляды того времени, что на рояле

должны учиться играть девочки, а для мальчиков это занятие неподходящее. Но на всю жизнь сохранил он любовь к музыке...

...Зимой 1888/89 года в Казани я был с Владимиром Ильичем в опере. Ставили «Дочь кардинала» *. Места наши были где-то высоко на галерее. Мне очень ярко врезался в память этот вечер. Помню, как мы пешком возвращались из театра, как ужинали дома молоком с хлебом, не хотелось спать. Владимир Ильич все время находился под впечатлением услышанной музыки, напевал «Рахиль, ты мне дана...», еще что-то и главным образом другую арию Елеазара — «Христиан я ненавижу, их решился презирать, но теперь я прибыль вижу — можно денежки достать!». Это место ему особенно понравилось, и дома за ужином он тихо, так как другие спали, все время повторял его.

В этот вечер Владимир Ильич был в чрезвычайно приподнятом настроении, что объяснялось, по-видимому, тем обстоятельством, что он из глухой деревушки, где находился под гласным надзором полиции (Кокушкино Лаишевского уезда Казанской губернии), попал в оперу.

Все, кто близко знал Владимира Ильича, помнят, как менялось у него настроение: то веселый, смеющийся заразительно, как ребенок, увлекающий собеседника быстрым бегом своей мысли, хохочущий без конца, до слез, то мрачно-сдержанный, строгий, ушедший в себя, сосредоточенный, властный, бросающий короткие, резкие фразы, углубленный в разрешение какой-то трудной, важной задачи.

В 1888—1890 годах Владимир Ильич часто пел под рояль с Ольгой Ильиничной, которая хорошо играла, имела голос и умела петь. О ней мало известно, между тем в годы детства и юношества это был самый близкий, лучший товарищ Владимира Ильича. Она была моложе брата на полтора года, но не отставала от него по развитию. Восемнадцати лет она владела немецким, французским, английским и шведским языками...

...Она отличалась редким трудолюбием и отрывалась от книг только для музыки, которую очень любила, но и музыкой она занималась серьезно (в Казани училась в консерватории роялю и теории музыки). Про Ольгу Ильиничну можно сказать, что она не работала только тогда, когда спала. В мае 1891 года она умерла от брюшного тифа.

Владимир Ильич поражался ее трудолюбию и способностям.

Они пели дуэтом «Нелюдимо наше море». И помню последний куплет:

Но туда выносят волны только сильного душой!..
Смело, братья! Бурей полный,
Прям и крепок парус мой!

Любил Володя «Свадьбу», кажется Даргомыжского:

Нас венчали не в церкви,
Не в венцах, не с свечами;
Нам не пели ни гимнов,
Ни обрядов венчальных!
Венчала нас полночь средь мрачного бора!

---

* «Дочь кардинала» — опера французского композитора Ж.-Ф. Галеви.— *О. У.* (Воспоминания Д. И. Ульянова подготовлены его дочерью — О. Д. Ульяновой.— *Ред.*)

Затем он пел «Чудесные глазки». Слова Гейне: «Du hast Diamanten und Perlen...»:

У тебя есть алмазы и жемчуг,
Все, что люди привыкли искать,
И еще есть прелестные глазки,
Милый друг, чего больше желать...

Дальше:

Эти чудные глазки на сердце
Наложили мне скорби печать,
От них я совсем погибаю,
Милый друг, чего ж больше искать...

«Погибаю» — надо было брать очень высокую ноту, и Владимир Ильич говорил, вытянув ее: «Уже погиб, погиб совсем». В его репертуаре была еще песня: «Так и рвется душа из груди молодой, просит воли она, просит жизни другой». Далее в песне оказывалось, что «воля и другая жизнь» — это сидеть вместе с милым дружком и т. д. и т. п. Владимир Ильич смеялся: «Вон, оказывается, куда душа-то рвется!» Но, как говорится, из песни слова не выкинешь. Пелось ведь не для этого, не только для слов. Пелось потому, что душа его действительно рвалась к другой жизни. Пела. Но не изнывала, не грустила. У Владимира Ильича я почти не помню в пении минора. Наоборот, у него всегда звучали отвага, удаль, высокий подъем, призыв!

Он пел в это время также арию Валентина из «Фауста»: «Бог всесильный, бог любви...» Пел то, что положено по нотам, произнося те слова, которые нельзя выкинуть из песни, но одно место из этой арии у него выходило лучше, красивее — конечно, не благодаря его голосу, а потому, что он невольно вкладывал в это частицу своего боевого духа:

Там, в кровавой борьбе, в час сраженья,
Клянусь, буду первым я в первых рядах...

И постоянно, когда я слушал и теперь, много лет спустя, слушаю арию Валентина в опере, на концерте и т. д., мне всякий раз вспоминается далекое время, как Владимир Ильич пел это место.

Летом 1889 или 1890 года я в первый раз услыхал «Интернационал». Тот «Интернационал», который теперь знают все, который тогда в России, можно сказать, не знал никто. Было это на хуторе около деревни Алакаевки Самарской губернии. Ольга Ильинична играла на рояле и закончила свою музыку «Марсельезой». Я подбежал к роялю и просил ее повторить. Вдруг неожиданно, так как это было утром, когда Владимир Ильич не отрывался обычно от книг, он подошел к нам и сказал, что надо спеть «Интернационал». Они вместе стали подбирать на рояле новую для меня песню, а затем тихо петь по-французски: «Debout, les damnés de la terre! Debout, les forçats de la faim...» На мою просьбу перевести Владимир Ильич спел: «Вставайте, каторжники мира...» — и затем:

Это будет последний
И решительный бой!
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Некоторое время они путались с припевом, но потом наладились...

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 5-ти томах, т. 1, 1968, с. 114—117.

Н. К. Крупская

Из книги
«ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ»

1898. Шушенское

В Шушенском из ссыльных было только двое рабочих — лодзинский социал-демократ, шляпочник, поляк Проминский с женой и пятью ребятами и путиловский рабочий Оскар Энгберг, финн по национальности. Оба — очень хорошие товарищи. Проминский был спокойным, уравновешенным и очень твердым человеком. Он мало читал и не много знал, но обладал замечательно ярко выраженным классовым инстинктом. К своей верующей тогда еще жене он относился спокойно-насмешливо. Он очень хорошо пел польские революционные песни «Ludu roboczy, poznaj swoje siły», «Pierwszy maj» * и целый ряд других. Дети подпевали ему, присоединялся к хору и Владимир Ильич, очень охотно и много певший в Сибири. Пел Проминский и русские революционные песни, которым учил его Владимир Ильич.

1899. Шушенское

Помню, как мы встречали Первое мая.

Утром пришел к нам Проминский. Он имел сугубо праздничный вид, надел чистый воротничок и сам весь сиял, как медный грош. Мы очень быстро заразились его настроением и втроем пошли к Энгбергу, прихватив с собою собаку Женьку. Женька бежала впереди и радостно тявкала. Идти надо было вдоль речки Шуши. По реке шел лед. Женька забиралась по брюхо в ледяную воду и вызывающе лаяла по адресу мохнатых шушенских сторожевых собак, не решавшихся войти в такую холодную воду.

Оскар заволновался нашим приходом. Мы расселись в его комнате и принялись дружно петь:

День настал веселый мая,
Прочь с дороги, горя тень!
Песнь, раздайся удалая!
Забастуем в этот день!
Полицейские до пота
Правят подлую работу,
Нас хотят изловить,
За решетку посадить.

---

* «Рабочий народ, познай свои силы», «Первое мая».— *Ред.*

Мы плюем на это дело,
Май отпразднуем мы смело,
Вместе разом,
Гоп-га! Гоп-га!

Спели по-русски, спели ту же песню по-польски и решили пойти после обеда отпраздновать Май в поле. Как наметили, так и сделали. В поле нас было больше, уже шесть человек, так как Промпнский захватил своих двух сынишек. Промпнский продолжал снять. Когда вышли в поле на сухой пригорок, Промпнский остановился, вытащил из кармана красный платок, расправил его на земле и встал на голову. Дети завизжали от восторга. Вечером собрались все у нас и опять пели. Пришла и жена Промпнского. К хору присоединились и моя мать и Паша.

А вечером мы с Ильичем как-то никак не могли заснуть, мечтали о мощных рабочих демонстрациях, в которых мы когда-нибудь примем участие...

По вечерам Владимир Ильич обычно читал книжки по философии— Гегеля, Канта, французских материалистов, а когда очень устанет — Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

Когда Владимир Ильич впервые появился в Питере, и я его знала только по рассказам, слышала я от Степана Ивановича Радченко: Владимир Ильич только серьезные книжки читает, в жизнь не прочел ни одного романа. Я подивилась; потом, когда мы познакомились ближе с Владимиром Ильичем, как-то ни разу об этом не заходил у нас разговор,и только в Сибири я узнала, что все это чистая легенда. Владимир Ильич не только читал, но много раз перечитывал Тургенева, Л. Толстого, «Что делать?» Чернышевского, вообще прекрасно знал и любил классиков. Потом, когда большевики стали у власти, он поставил Госиздату задачу — переиздание в дешевых выпусках классиков. В альбоме Владимира Ильича, кроме карточек родных и старых каторжан, были карточки Золя, Герцена и несколько карточек Чернышевского... *

«Одно время,— рассказывал... Владимир Ильич,— я очень увлекался латынью».— «Латынью?» — удивилась я. «Да, только мешать стало другим занятиям, бросил». Недавно только, читая «Леф», где разбирался стиль, строение речи Владимира Ильича, указывалось на сходство конструкции фразы у Владимира Ильича с конструкцией фраз римских ораторов — на сходство ораторских приемов, я поняла, почему мог увлекаться Владимир Ильич, изучая латинских писателей**.

1902—1903. Лондон

Изучал Владимир Ильич и Лондон. Он не ходил смотреть лондонские музеи — я не говорю про Британский музей, где он проводил половину времени, но там его привлекал не музей, а богатейшая в мире библиотека, те удобства, с которыми можно было там научно работать. Я говорю про обычные музеи. В музее древностей через 10 минут Владимир Ильич начинал испы-

---

* Чернышевского Владимир Ильич особенно любил. На одной из карточек Чернышевского имеется надпись рукой Владимира Ильича: родился тогда-то, умер в 1889 году.— *Н. К.*

** Н. К. Крупская имеет в виду статью Б. Эйхенбаума «Основные стилевые тенденции в речи Ленина», напечатанную в 1924 году в журнале «Леф», в № 1 (5), целиком посвященном языку В. И. Ленина.— *Ред.*

тывать необычайную усталость, и мы обычно очень быстро выметались из зал, увешанных рыцарскими доспехами, бесконечных помещений, уставленных египетскими и другими древними вазами. Я помню один только музейчик, из которого Ильич никак не мог уйти,— это музей революции 1848 года в Париже, помещавшийся в одной комнатушке,— кажется, на rue des Cordilières,— где он осмотрел каждую вещичку, каждый рисунок.

Ильич изучал живой Лондон. Он любил забираться на верх омнибуса и подолгу ездить по городу. Ему нравилось движение этого громадного торгового города. Тихие скверы с парадными особняками, с зеркальными окнами, все увитые зеленью, где ездят только вылощенные кэбы, и ютящиеся рядом грязные переулки, населенные лондонским рабочим людом, где посередине развешано белье, а на крыльце играют бледные дети, оставались в стороне. Туда мы забирались пешком, и, наблюдая эти кричащие контрасты богатства и нищеты, Ильич сквозь зубы повторял: «Two nations!» («Две нации»)*.

1903. Женева

Мы вспоминали однажды с Владимиром Ильичем одно сравнение, приведенное где-то Л. Толстым: идет он и видит издали — сидит человек на корточках и машет как-то нелепо руками; он подумал — сумасшедший, подошел ближе, видит — человек нож о тротуар точит. Так бывает и с теоретическими спорами. Слушать со стороны: зря люди препираются, вникнуть в суть — дело касается самого существенного.

1904. Женева

Потом приехал Ольминский (Мих. Ст. Александров), ставший на сторону большевиков, приехала бежавшая из далекой ссылки Зверь **.

Зверь, вырвавшаяся из ссылки, на волю, была полна веселой энергией, которой она заражала всех окружающих. Никаких сомнений, никакой нерешительности в ней не было и следа. Она дразнила всякого, кто вешал нос на квинту, кто вздыхал по поводу раскола. Заграничные дрязги как-то не задевали ее. В это время мы придумали устраивать у себя в Сешероне раз в неделю «журфиксы», для сближения большевиков. На этих «журфиксах», однако, настоящих разговоров не выходило, зато очень разгоняли они навеянную всей этой склокой с меньшевиками тоску, и весело было слушать, как залихватски затягивала Зверка какого-нибудь «Ваньку» и подхватывал песню высокий лысый рабочий Егор. Он ходил было поговорить по душам с Плехановым — даже воротнички по этому случаю надел,— но ушел он от Плеханова разочарованный, с тяжелым чувством. «Не унывай, Егор, валяй «Ваньку» — наша возьмет»,— утешала его Зверка. Ильич веселел: эта залихватость, эта бодрость рассеивала его тяжелые настроения.

---

* См. примечание 10 к разделу «О зарубежной литературе и искусстве».— *Ред.*

** М. М. Эссен.— *Ред.*

1905. Женева

Весть о событиях 9-го января долетела до Женевы на следующее утро. Мы с Владимиром Ильичем шли в библиотеку и по дороге встретили шедших к нам Луначарских. Запомнилась фигура жены Луначарского, Анны Александровны, которая не могла говорить от волнения и лишь беспомощно махала муфтой. Мы пошли туда, куда инстинктивно потянулись все большевики, до которых долетела весть о питерских событиях,— в эмигрантскую столовку Ленинских. Хотелось быть вместе. Собравшиеся почти не говорили между собой, слишком все были взволнованы. Запели «Вы жертвою пали...», лица были сосредоточенны. Всех охватило сознание, что революция уже началась, что порваны путы веры в царя, что теперь совсем уже близко то время, когда «падет произвол, и восстанет народ, великий, могучий, свободный...».

1908. Женева

Горький звал Владимира Ильича на Капри, где жили тогда Богданов, Базаров и др., чтобы договориться всем вместе, но Ильич не ехал, ибо предчувствовал, что договориться нельзя. В письме от 16 апреля Ильич писал Горькому:

«Ехать мне бесполезно и вредно: разговаривать с людьми, пустившимися проповедовать соединение научного социализма с религией, я *не могу* и не буду. Время тетрадок прошло. Спорить нельзя, трепать зря нервы глупо» *.

В мае Ильич поехал все же на Капри, уступая настояниям Горького. Пробыл там буквально пару дней **. Поездка не принесла, конечно, примирения с философскими взглядами Богданова. Ильич потом вспоминал, как он говорил Богданову, Базарову: придется годика на два, на три разойтись, а жена Горького, Мария Федоровна, смеясь, призвала его к порядку.

Было много народу, было шумно, суетно, играли в шахматы, катались на лодке. Ильич мало как-то рассказывал о своей поездке. Больше говорил о красоте моря и о тамошнем вине, о разговорах же на больные темы, бывших на Капри, говорил скупо: тяжеловато это ему было.

Опять засел Ильич за философию.

1909. Париж

Живя мыслью в России, Ильич в то же время внимательно изучал и французское рабочее движение. Французская социалистическая партия была в то время насквозь оппортунистической. Например, весной 1909 года происходила громадная стачка почтарей. Весь город был взволнован, а партия стояла в стороне: это-де дело профессиональных союзов, а не наше. Нам, россиянам, это разделение труда, это самоустранение партии от участия в экономической борьбе казалось прямо чудовищным.

---

* См. наст. сборник, с. 318.— *Ред.*

** В. И. Ленин был у М. Горького на острове Капри между 10 и 17 (23 и 30) апреля 1908 года.— *Ред.*

Особенно внимательно наблюдал Ильич предвыборную кампанию. В ней все тонуло в личной склоке, взаимных разоблачениях, политические вопросы отодвигались на задний план. Актуальные вопросы политической жизни не обсуждались почти совершенно. Только некоторые собрания были интересны. На одном из них я видела Жореса, его громадное влияние на толпу, но его выступление мне не очень понравилось — слишком уж рассчитано было каждое слово. Больше понравилось выступление Вайяна. Старый коммунар, он пользовался особой любовью рабочих. Запомнилась фигура высокого рабочего, пришедшего с работы с еще засученными рукавами. С глубочайшим вниманием слушал этот рабочий Вайяна. «Вот он, наш старик, как говорит!»— воскликнул он. И с таким же восхищением смотрели на Вайяна двое подростков, сыновей рабочего. Но не везде ведь выступали Жоресы и Вайяны. А рядовые ораторы крутили, приспособлялись к аудитории, в рабочей аудитории говорили одно, в интеллигентской — другое *. Посещение французских предвыборных собраний дало яркую картину, что такое выборы в «демократической республике». Со стороны это прямо поражало. Поэтому так нравились Ильичу песни революционных шансонеточников, высмеивавших выборную кампанию. Помню одну песенку, в которой описывалось, как депутат ездит собирать голоса в деревню, выпивает вместе с крестьянами, разводит им всякие турусы на колесах, и подвыпившие крестьяне выбирают его и подпевают: «T'as bien dit, mon ga! (правильно, парень, говоришь!)». А затем, заполучив голоса крестьян, депутат начинал получать 15 тысяч франков депутатского жалованья и предавал в палате депутатов их крестьянские интересы.

К нам приходил как-то депутат французской палаты, социалист Дюма, рассказывал, как он объезжал перед выборами деревни, и невольно вспоминались шансонеточники. Самым видным из шансонеточников был Монтегюс, сын коммунара, любимец фобуров (рабочих окраин). В его песнях была какая-то смесь мелкобуржуазной сентиментальности с подлинной революционностью.

Любил Ильич ходить в театр на окраины города, наблюдать рабочую толпу. Помню, мы ходили раз смотреть пьесу, описывающую истязания штрафных солдат в Марокко. Интересен был зрительный зал: больно уж непосредственно реагировали на все наполнявшие театр рабочие. Спектакль еще не начался. Вдруг весь театр в такт завопил: «Шляпа! Шляпа!». Оказалось, в театр вошла какая-то дама в высокой модной шляпе с перьями. Это публика требовала, чтобы дама сняла шляпу, ей пришлось подчиниться. Начался спектакль. В пьесе солдата берут и отправляют в Марокко, а его мать и сестра остаются в нищете. Хозяин квартиры согласен освободить их от платы за квартиру, если сестра солдата станет его наложницей. «Скотина! Собака!» — несется со всех сторон. Я не помню уже подробно содержания пьесы. Изображено там было, как мучают в Марокко не подчиняющихся начальству солдат. Кончалась пьеса восстанием и пением «Интернационала». Эту пьесу запрещали играть в центре, но на окраинах Парижа ее играли, и она вызывала бурю аплодисментов. В 1910 г. в связи с авантюрой в Марокко была стотысячная де-

---

* Далее в рукописи: ««Вот она, парламентская-то машина!»— сказал как-то Ильич после одного из предвыборных собраний».— *Ред.*

монстрация протеста. Мы ходили ее смотреть. Демонстрация происходила с разрешения полиции. Ее возглавляли депутаты — представители социалистической партии, перевязанные красными шарфами. Рабочие были очень воинственно настроены, грозили кулаками, проходя мимо богатых кварталов, кое-где спешно закрывали в этих домах ставни, но прошла демонстрация как нельзя более мирно. Не походила эта демонстрация на демонстрацию протеста.

1912. Париж

...Ленские события, разразившиеся в половине апреля, повсеместные стачки протеста ярко выявили, как вырос за эти годы пролетариат, как ничего не забыто им, выявили, что сейчас уже движение подымается на высшую ступень, что создается уже совсем иная обстановка для работы.

Ильич стал другим, сразу стал гораздо менее нервным, более сосредоточенным, думал больше о задачах, вставших перед русским рабочим движением. Настроение Ильича вылилось, пожалуй, полнее всего в его статье о Герцене, написанной им в начале мая. В этой статье очень много от Ильича, от того ильичевского горячего пафоса, который так увлекал, так захватывал.

1912—1913. Краков

Владимир Ильич любил картины. Помню, как я удивлялась, когда Владимир Ильич забрал как-то у Воровского целый ворох иллюстрированных характеристик разных художников и стал их подолгу по вечерам читать и рассматривать приложенные картины...

...Вся наша жизнь была заполнена партийными заботами и делами, больше походила на студенческую, чем на семейную жизнь, и мы рады были Инессе. Она много рассказывала мне в этот приезд о своей жизни, о своих детях, показывала их письма, и каким-то теплом веяло от ее рассказов. Мы с Ильичем и Инессой много ходили гулять. Зиновьев и Каменев прозвали нас «партией прогулистов». Ходили на край города, на луг (луг по-польски—«блонь»). Инесса даже псевдоним себе с этих пор взяла — Блонина. Инесса была хорошая музыкантша, сагитировала сходить всех на концерты Бетховена, сама очень хорошо играла многие вещи Бетховена. Ильич особенно любил «Sonate pathétique», просил ее постоянно играть,— он любил музыку. Потом, уже в советские времена, ходил он к Цюрупе слушать, как играл эту сонату какой-то знаменитый музыкант. Много говорили о беллетристике.

1915. Берн

В Швейцарии повсюду царило ярко выраженное мещанство. Приехала как-то в Берн русская труппа, игравшая на немецком языке; ставили пьесу Л. Толстого «Живой труп». Мы тоже пошли. Играли очень хорошо. Ильича, который ненавидел до глубины души всякое мещанство, условность, эта пьеса чрезвычайно разволновала. Потом он хотел еще раз пойти ее смотреть. Во-

обще русским она очень нравилась. Пьеса понравилась и швейцарцам. Но чем понравилась пьеса им — им ужасно жаль было жены Протасова, они принимали к сердцу ее участь. «Такой непутевый муж ей попался, а ведь люди они были богатые, с положением, как счастливо могли бы жить. Бедная Лиза!»

1916. Цюрих

В половине февраля Ильичу понадобилось поработать в цюрихских библиотеках, и мы поехали туда на пару недель, а потом все откладывали да откладывали свое возвращение в Берн да так и остались жить в Цюрихе, который был поживее Берна. В Цюрихе было много иностранной революционно настроенной молодежи, была рабочая публика, социал-демократическая партия была более лево настроена и как-то меньше чувствовался дух мещанства.

Пошли нанимать комнату. Зашли к некоей фрау Прелог, скорее напоминавшей жительницу Вены, чем швейцарку, что объяснялось тем, что она долго служила поварихой в какой-то венской гостинице. Устроились было мы у ней, но на другой день выяснилось, что возвращается прежний жилец. Ему кто-то пробил голову, и он лежал в больнице, а теперь выздоровел. Фрау Прелог попросила нас найти себе другую комнату, но предложила нам приходить к ней кормиться за довольно дешевую плату. Мы кормились, должно быть, там месяца два; кормили нас просто, но сытно. Ильичу нравилось, что все было просто, что кофе давали в чашке с отбитой ручкой, что кормились в кухне, что разговоры были простые — не о еде, не о том, что столько-то картошек надо класть в такой-то суп, а о делах, интересовавших столовников фрау Прелог. Правда, их было не очень много, и они часто менялись. Очень скоро мы почувствовали, что попали в очень своеобразную среду, в самое что ни на есть цюрихское «дно». Одно время обедала у Прелог какая-то проститутка, которая, не скрываючи, говорила о своей профессии, но которую гораздо больше, чем ее профессия, занимало то здоровье ее матери, то какую работу найдет ее сестра. Столовалась несколько дней какая-то сиделка, стали появляться еще какие-то столовники. Жилец фрау Прелог больше помалкивал, но из отдельных фраз явствовало, что это тип почти что уголовный. Нас никто не стеснялся, и, надо сказать, в разговорах этой публики было гораздо более человеческого, живого, чем в чинных столовых какого-нибудь приличного отеля, где собирались состоятельные люди.

Я торопила Ильича перейти на домашний стол, ибо публика была такая, что легко можно было влипнуть в какую-нибудь дикую историю. Все же некоторые черты цюрихского «дна» были небезынтересны.

Потом, когда я читала сборник Джона Рида «Дочь революции», мне особенно понравилось, что Рид рисовал проституток не с точки зрения их профессии или вопросов любви, а с точки зрения других их интересов. Обычно, когда рисуют «дно», мало обращают внимания на быт.

Когда мы потом в России смотрели с Ильичем постановку «На дне» Горького в Художественном театре — а Владимиру Ильичу очень хотелось посмотреть эту пьесу,— ему ужасно не понравилась «театральность» постановки, отсутствие тех бытовых мелочей, которые, как говорится, «делают музыку», рисуют обстановку во всей ее конкретности.

1918. Москва

16 сентября Ильич председательствовал на заседании в Совнаркоме. В тот же день * он написал приветствие президиуму конференции пролетарских культурно-просветительных организаций. Тогда влияние Пролеткульта было очень велико. Ильич считал, что недостатком Пролеткульта было то, что он мало связывал свою работу с общеполитическими задачами борьбы, мало помогал росту сознательности масс, выдвижению рабочих, подготовке их к делу управления государством через Советы. В своем приветствии конференции Владимир Ильич как раз и писал о политических задачах, стоящих перед Пролеткультом. Еще одна статья была написана им через пару дней. Это «О характере наших газет», где Ильич требовал, чтобы газеты побольше вглядывались в то, что делается кругом. «Поближе к жизни. Побольше внимания к тому, как рабочая и крестьянская масса *на деле* строит нечто *новое* в своей будничной работе. Побольше *проверки* того, насколько *коммунистично* это новое».

1919. Москва

Помню, я присутствовала при одном докладе Ильичу о том, как недоверчиво относились к старым военным специалистам красноармейцы. Вначале приходилось учиться у военных специалистов — это понимали и красноармейцы, но к военным специалистам они относились сугубо настороженно, ничего им не спускали, даже в области бытовой. Настороженность красноармейцев была понятна: старорежимный командный и начальствующий состав далеко стоял от солдат. После, когда ушел докладчик, Ильич говорил со мной о том, что сила Красной Армии — в близости командного состава к красноармейской массе. Мы вспоминали с ним картины Верещагина, отражавшие войну с Турцией 1877—1878 годов. Замечательные это были картины. У него есть одна картина: идет бой, а командный состав в отдалении с горки смотрит на бой. Вылощенное, в перчатках, офицерье в бинокли смотрит с безопасного места, как гибнут в боях солдаты. Я видела впервые эту картину, когда мне было лет 10. Водил меня тогда на выставку картин Верещагина отец, и на всю жизнь врезались в память эти картины.

Как-то получил Ильич письмо из Воронежа от профессора Дукельского, который требовал товарищеского отношения со стороны красноармейцев к спецам. Ильич ответил ему статьей в «Правде», где требовал товарищеского отношения спецов к красноармейцам:

«...Относитесь товарищески к измученным солдатам, к переутомленным рабочим, озлобленным веками эксплуатации, тогда дело сближения работников физического и умственного труда пойдет вперед гигантскими шагами»**.

* * *

Когда я приехала к Ильичу в ссылку, я с интересом рассматривала его альбом, где были фотографические карточки разных политкаторжан, было две фотографии Чернышевского и между ними — фотография Золя. Я спросила его, почему он хранит у себя в альбоме именно фотографию Золя. Он стал мне говорить о деле Дрейфуса, которого защищал Золя, потом стали обмениваться

* 17 сентября 1918 года, см. наст. сборник, с. 424.— *Ред.*

** См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 222.— *Ред.*

мнениями о произведениях Золя, и я рассказала ему, какое сильное впечатление произвел на меня роман Золя «Жерминаль», который я впервые читала в то время, когда усердно изучала I том «Капитала» Маркса. В романе «Жерминаль» описывается французское рабочее движение, и, между прочим, там дана фигура русского анархиста Суварина, гладящего ручную крольчиху и в то же время твердящего, что необходимо «все сломать, все разрушить»...

* * *

Ильич требовал самой упорной борьбы с бюрократизмом в советском аппарате.

У нас в России в 60-е годы в художественной литературе всячески высмеивался бюрократизм, особенно высмеивали его поэты «Искры» (поэты-чернышевцы). Поэты «Искры» (Курочкин, Жулев и другие) сильно влияли на наше поколение, всячески клеймя бесчисленные проявления бюрократизма, волокиты, взяточничества. Стихи поэтов «Искры», всевозможные анекдоты о бюрократизме были своеобразным интеллигентским фольклором 60-х годов. В последние годы мы вспоминали с Анной Ильиничной часто эту литературу; у нее была замечательная память. В семье Ульяновых эта литература была очень в ходу. Сатира того времени сделала свое дело, помогая нашему поколению с молоком матери впитывать ненависть к бюрократическому укладу. Стереть с лица советской земли всякий бюрократизм — к этому стремился Ильич.

* * *

С конца апреля на Восточном фронте начался перелом: стала побеждать Красная Армия. Отняты были у белых Уфа, ряд других городов. Шло успешное наступление на Екатеринбург, на Пермь. В конце июня был оборудован агитационный пароход «Красная звезда», который должен был поехать по Волге до Камы, а потом подняться вверх по Каме, до которых пор будет возможно, потом спуститься вниз по Волге до того места, как позволит ход борьбы. Задачей «Красной звезды» было ехать по следам белых, вести агитацию, проводить линию, принятую на VIII съезде партии, закреплять всюду Советскую власть. Политкомом на «Красной звезде» был В. М. Молотов; на пароходе были кино, типография, радио, большой запас книг, были представители от ряда комиссариатов (я была от Наркомпроса), от профсоюзов.

Перед отъездом мы долго толковали с Ильичем, как и что надо будет делать, чем помогать населению, на каких вопросах больше всего останавливаться, во что особенно вглядываться. Ильича самого тянуло поехать, да нельзя было работы ни на минуту бросить. Накануне отъезда проговорили всю ночь, поехал Ильич провожать нас на вокзал, заказал регулярно писать ему, разговаривать с ним по прямому проводу. Я проехала по Волге и по Каме до Перми...

...Мне эта поездка дала страшно много. После поездки было мне что рассказать Ильичу, и с каким громадным интересом он слушал, как не оставлял без внимания ни одной мелочи!

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 5-ти томах, т. 1, 1968, с. 236, 239, 241, 242, 263, 277, 285—286, 290—291, 341, 355—356, 375, 394, 401, 431—432, 435—436, 551, 560—561, 565, 578, 580—581.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЖИЗНИ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА В ГОРКАХ В 1923 ГОДУ

С июля шло выздоровление, и в связи с этим совершенно изменилось настроение. Владимир Ильич много шутил, смеялся, даже напевал иногда «Интернационал», «Червоный штандар», «В долине Дагестана»...

...Владимир Ильич не любил, когда его «развлекали», тяготился этим. Но, если видел, что что-либо доставляет удовольствие другим, охотно шел на это. Так было с грибами, с кинематографом, со стереоскопом...

...Он внимательно следил за библиографией, указывая книги, которые надо достать ему, разыскал в объявлениях извещение о выходе в Петрограде «Звезды» с его статьей, раньше нигде не напечатанной. Просил достать вновь вышедшую книжку «о мясниковщине»...

...Тов. Хаймо из Коминтерна передал Владимиру Ильичу стенной календарь, изданный Коминтерном. Владимир Ильич подолгу рассматривал этот календарь. Смотрел также дружеские шаржи Дени и всякие иллюстрации, которые раздобывала ему Мария Ильинична.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 5-ти томах, т. 1, 1968, с. 593, 595, 596.

ЧТО НРАВИЛОСЬ ИЛЬИЧУ ИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Товарищ, познакомивший меня впервые с Владимиром Ильичем, сказал мне, что Ильич — человек ученый, читает исключительно ученые книжки, не прочитал в жизни ни одного романа, никогда стихов не читал. Подивилась я. Сама я в молодости перечитала всех классиков, знала наизусть чуть ли не всего Лермонтова и т. п., такие писатели, как Чернышевский, Л. Толстой, Успенский, вошли в мою жизнь как что-то значащее. Чудно мне показалось, что вот человек, которому все это не интересно нисколько.

Потом на работе я близко узнала Ильича, узнала его оценки людей, наблюдала его пристальное вглядывание в жизнь, в людей — и живой Ильич вытеснил образ человека, никогда не бравшего в руки книг, говоривших о том, чем живы люди.

Но жизнь тогда сложилась так, что не удосужились мы как-то поговорить на эту тему. Потом уж, в Сибири, узнала я, что Ильич не меньше моего читал классиков, не только читал, но перечитывал не раз Тургенева, например. Я привезла с собою в Сибирь Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Владимир Ильич положил их около своей кровати, рядом с Гегелем, и перечитывал их по вечерам вновь и вновь. Больше всего он любил Пушкина. Но не только форму ценил он. Например, он любил роман Чернышевского «Что делать?», несмотря на малохудожественную наивную форму его. Я была удивлена, как внимательно читал он этот роман и какие тончайшие штрихи, которые есть в этом романе, он отметил. Впрочем, он любил весь облик Чернышевского, и в его сибирском альбоме были две карточки этого писателя, одна надписанная рукой Ильича,— год рождения и смерти. В альбоме Ильича были еще

карточки Эмиля Золя, а из русских — Герцена и Писарева. Писарева Владимир Ильич в свое время много читал и любил. Помнится, в Сибири был также «Фауст» Гете на немецком языке и томик стихов Гейне.

Возвращаясь из Сибири, в Москве Владимир Ильич ходил раз в театр, смотрел «Извозчик Геншель», потом говорил, что ему очень понравилось.

В Мюнхене из книг, нравившихся Ильичу, помню роман Гергарда «Bei Mama» («У мамы») и «Büttnerbauer» («Крестьянин») Поленца.

Потом, позже, во вторую эмиграцию, в Париже, Ильич охотно читал стихи Виктора Гюго «Châtiments», посвященные революции 48 года, которые в свое время писались Гюго в изгнании и тайно ввозились во Францию. В этих стихах много какой-то наивной напыщенности, но чувствуется в них все же веяние революции. Охотно ходил Ильич в разные кафе и пригородные театры слушать революционных шансонетчиков, певших в рабочих кварталах обо всем — и о том, как подвыпившие крестьяне выбирают в палату депутатов проезжего агитатора, и о воспитании детей, и о безработице, и т. п. Особенно нравился Ильичу Монтегюс. Сын коммунара, Монтегюс был любимец рабочих окраин. Правда, в его импровизированных песнях — всегда с ярко бытовой окраской, не было определенной какой-нибудь идеологии, но было много искреннего увлечения. Ильич часто напевал его привет 17-му полку, отказавшемуся стрелять в стачечников: «Salut, salut à vous, soldats du 17-me» («Привет, привет вам, солдаты 17-го полка»). Однажды на русской вечеринке Ильич разговорился с Монтегюсом, и странно, эти столь разные люди — Монтегюс, когда потом разразилась война, ушел в лагерь шовинистов — размечтались о мировой революции. Так бывает иногда — встретятся в вагоне малознакомые люди и под стук колес вагона разговорятся о самом заветном, о том, чего бы не сказали никогда в другое время, потом разойдутся и никогда больше в жизни не встретятся. Так и тут было. К тому же разговор шел на французском языке,—на чужом языке мечтать вслух легче, чем на родном. К нам приходила на пару часов француженка-уборщица. Ильич услышал однажды, как она напевала песню. Это — эльзасская песня. Ильич попросил уборщицу пропеть ее и сказать слова и потом нередко пел сам ее. Кончалась она словами:

Vous avez pris l'Alsace et la Lorraine.
Mais malgré vous nous resterons français,
Vous avez pu germaniser nos plaines,
Mais notre coeur—vous ne l'aurez jamais!

(«Вы взяли Эльзас и Лотарингию, но вопреки вам мы остаемся французами; вы могли онемечить наши поля, но наше сердце —вы никогда не будете его иметь!») *.

Был это 1909 год — время реакции, партия была разгромлена, но революционный дух ее не был сломлен. И созвучна была эта песня с настроением Ильича. Надо было слышать, как победно звучали в его устах слова песни:

Mais notre coeur—vous ne l'aurez jamais!

---

* В статье «Цаберн» (П. с. с., т. 24, с. 184—186) Ленин цитирует конец этой песни в своем переводе: «Вы взяли наш Эльзас, нашу Лотарингию, вы можете германизировать наши поля, но вы никогда не овладеете нашим сердцем,— никогда».— *Ред.*

В эти самые тяжелые годы эмиграции, о которых Ильич всегда говорил с какой-то досадой (уже вернувшись в Россию, он как-то еще раз повторил, что не раз говорил раньше: «И зачем мы только тогда уехали из Женевы в Париж?»), в эти тяжелые годы он упорнее всего мечтал, мечтал, разговаривая с Монтегюсом, победно распевая эльзасскую песню, в бессонные ночи зачитываясь Верхарном.

Потом позже, во время войны, Владимир Ильич увлекался книжкой Барбюса «Le feu» («Огонь»), придавая ей громадное значение. Эта книжка была так созвучна с его тогдашним настроением.

Мы редко ходили в театр. Пойдем, бывало, но ничтожность пьесы или фальшь игры всегда резко били по нервам Владимира Ильича. Обычно, пойдем в театр и после первого действия уходим. Над нами смеялись товарищи,— зря деньги переводим.

Но раз Ильич досидел до конца; это было, кажется, в конце 1915 года, в Берне,ставили пьесу Л. Толстого «Живой труп». Хоть шла она по-немецки, но актер, игравший князя, был русский, он сумел передать замысел Л. Толстого. Ильич напряженно и взволнованно следил за игрой.

И, наконец, в России. Новое искусство казалось Ильичу чужим, непонятным. Однажды нас позвали в Кремле на концерт, устроенный для красноармейцев. Ильича провели в первые ряды. Артистка Гзовская декламировала Маяковского: «Наш бог — бег, сердце — наш барабан» и наступала прямо на Ильича, а он сидел, немного растерянный от неожиданности, недоумевающий, и облегченно вздохнул, когда Гзовскую сменил какой-то артист, читавший «Злоумышленника» Чехова.

Раз вечером захотелось Ильичу посмотреть, как живет коммуной молодежь. Решили нанести визит нашей вхутемасовке — Варе Арманд. Было это, кажется, в день похорон Кропоткина, в 1921 году. Был это голодный год, но было много энтузиазма у молодежи. Спали они в коммуне чуть ли не на голых досках, хлеба у них не было, «зато у нас есть крупа», с сияющим лицом заявил дежурный член коммуны вхутемасовец. Для Ильича сварили они из этой крупы вашпецкую кашу, хотя и была она без соли. Ильич смотрел на молодежь, на сияющие лица обступивших его молодых художников и художниц — их радость отражалась и у него на лице. Они показывали ему свои наивные рисунки, объясняли их смысл, засыпали его вопросами. А он смеялся, уклонялся от ответов, на вопросы отвечал вопросами: «Что вы читаете? Пушкина читаете?» — «О нет,— выпалил кто-то,— он был ведь буржуй. Мы — Маяковского». Ильич улыбнулся. «По-моему,— Пушкин лучше». После этого Ильич немного подобрел к Маяковскому. При этом имени ему вспоминалась вхутемасовская молодежь, полная жизни и радости, готовая умереть за Советскую власть, не находящая слов на современном языке, чтобы выразить себя, и ищущая этого выражения в малопонятных стихах Маяковского. Позже Ильич похвалил однажды Маяковского за стихи, высмеивающие советский бюрократизм. Из современных вещей, помню, Ильичу понравился роман Эренбурга, описывающий войну: «Это знаешь,— Илья Лохматый (кличка Эренбурга),—торжествующе рассказывал он.—Хорошо у него вышло».

Ходили мы несколько раз в Художественный театр. Раз ходили смотреть «Потоп». Ильичу ужасно понравилось. Захотел идти на другой же день опять в театр. Шло Горького «На дне». Алексея Максимовича Ильич любил как

человека, к которому почувствовал близость на Лондонском съезде, любил как художника, считал, что как художник Горький многое может понять с полуслова. С Горьким говорил особенно откровенно. Поэтому, само собой, к игре вещи Горького Ильич был особенно требователен. Излишняя театральность постановки раздражала Ильича. После «На дне» он надолго бросил ходить в театр. Ходили мы с ним как-то еще на «Дядю Ваню» Чехова. Ему понравилось. И, наконец, последний раз ходили в театр уже в 1922 году смотреть «Сверчка на печи» Диккенса. Уже после первого действия Ильич заскучал, стала бить по нервам мещанская сентиментальность Диккенса, а когда начался разговор старого игрушечника с его слепой дочерью, не выдержал Ильич, ушел с середины действия.

Последние месяцы жизни Ильича. По его указанию я читала ему беллетристику, к вечеру обычно. Читала Щедрина, читала «Мои университеты» Горького. Кроме того, он любил слушать стихи, особенно Демьяна Бедного. Но нравились ему больше не сатирические стихи Демьяна, а пафосные.

Читаешь ему, бывало, стихи, а он смотрит задумчиво в окно на заходящее солнце. Помню стихи, кончающиеся словами: «Никогда, никогда коммунары не станут рабами» *.

Читаешь, точно клятву Ильичу повторяешь,— никогда, никогда не отдадим ни одного завоевания революции...

За два дня до его смерти читала я ему вечером рассказ Джека Лондона — он и сейчас лежит на столе в его комнате — «Любовь к жизни». Сильная очень вещь. Через снежную пустыню, в которой нога человеческая не ступала, пробирается к пристани большой реки умирающий с голоду больной человек. Слабеют у него силы, он не идет, а ползет, а рядом с ним ползет тоже умирающий от голода волк, идет между ними борьба, человек побеждает,— полумертвый, полубезумный добирается до цели. Ильичу рассказ этот понравился чрезвычайно. На другой день просил читать рассказы Лондона дальше. Но у Джека Лондона сильные вещи перемешиваются с чрезвычайно слабыми. Следующий рассказ попал совершенно другого типа — пропитанный буржуазной моралью: какой-то капитан обещал владельцу корабля, нагруженного хлебом, выгодно сбыть его; он жертвует жизнью, чтобы только сдержать свое слово. Засмеялся Ильич и махнул рукой.

Больше не пришлось мне ему читать...

Воспоминания родных о В. И. Ленине. М., Госполитиздат, 1955, с. 192—197.

ЛЕНИН И ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Товарищи, я хочу сказать несколько слов о том влиянии, которое имел Чернышевский на Владимира Ильича. В своих статьях и книжках Владимир Ильич никогда прямо не говорил об этом влиянии, но каждый раз, когда он говорил о Чернышевском, его речь вспыхивала страстностью. Когда просматриваешь сочинения Владимира Ильича, то видишь, что те места, в которых

---

* Стихотворение В. В. Князева «Песня Коммуны» (1919).— *Ред.*

он говорит о Чернышевском, написаны как-то особенно горячо. В брошюре Ленина «Что делать?» есть косвенное указание на влияние Чернышевского. Говоря о периоде, предшествовавшем созданию партии, о периоде между 1894 и 1898 годами, когда рабочее движение стало быстро развиваться, приняло массовый характер, Ленин указывает на то, что молодежь, которая примкнула к этому движению, развилась и воспитывалась под обаянием революционной деятельности предшествующих революционеров и что ей стоило большой внутренней борьбы идейно высвободиться из-под их влияния и пойти по другому пути, по пути марксизма. В этой характеристике есть автобиографический момент.

Как личность, Чернышевский повлиял на Владимира Ильича своей непримиримостью, своей выдержанностью, тем, с каким достоинством, с какой гордостью переносил он свою неслыханно тяжелую судьбу. И все то, что сказано о Чернышевском Владимиром Ильичем, дышит особым уважением к его памяти. В тяжелые времена, когда приходилось в партийной работе переживать трудные моменты, Владимир Ильич любил повторять одно место из Чернышевского, где тот говорит, что «революционная борьба — это не тротуар Невского проспекта». Об этом писал Владимир Ильич в 1907 году, когда реакция давала особенно сильно себя чувствовать и когда партии приходилось отступать. То же самое в 1918 году, когда с особой силой выступили все те трудности, которые встали перед Советской властью, когда пришлось заключать Брестский мир, вести гражданскую войну,— Ильич вспоминает эти слова Чернышевского. В примере Чернышевского черпал он силу и повторял очень часто, что революционный марксист должен быть готов всегда на все.

Но не только как личность влиял Чернышевский на Ленина. Если мы посмотрим первое нелегальное произведение Владимира Ильича «Что такое «друзья народа»...», то мы там с особенной наглядностью увидим то влияние, которое оказывал на Ленина Чернышевский. Поколение, о котором говорил Владимир Ильич, та молодежь, которая примкнула к революционной социал-демократии в 1894 году, росло в обстановке, когда кругом — и в литературе, и всюду — раздавалось только славословие по отношению к крестьянской реформе. Чернышевский сумел правильно оценить ее... И Владимир Ильич говорит: нужно было иметь всю гениальность Чернышевского, чтобы в самую эпоху крестьянских реформ дать ту оценку либерализма, которую дал Чернышевский, вскрыть предательскую роль этого либерализма, его классовую сущность.

Если мы посмотрим на последующую деятельность Ленина, то увидим, что Чернышевский заразил его своей непримиримостью в отношении либерализма. Недоверие к либеральным фразам, ко всей позиции либерализма проходит красной нитью через всю деятельность Ленина. Если мы возьмем сибирскую ссылку, протест против «Кредо», возьмем разрыв со Струве, затем непримиримую позицию, которую Ленин занял по отношению к кадетам, по отношению к ликвидаторам-меньшевикам, которые были готовы пойти на сделку с кадетами, мы видим, что Владимир Ильич держался той же непримиримой линии, которой держался Чернышевский по отношению к либералам, предавшим крестьянство во время реформы 1861 г. Если сейчас мы подведем итоги этой деятельности Ленина, этой его непримиримой позиции, то мы увидим, что благодаря этой непримиримости, которой держалась и

партия, ей удалось победить. Вопрос об отношении к либеральной буржуазии неразрывно связан с вопросом о демократии. В «Что такое «друзья народа»...» Ленин писал: «В эпоху Чернышевского борьба за демократизм и борьба за социализм сливались в одно неразрывное целое». Давая оценку буржуазно-либеральному демократизму и демократизму обуржуазившегося народничества 80-х годов, примирившегося с царизмом, Ленин противопоставлял ему демократизм революционного марксизма. Чернышевский дал образец непримиримой борьбы с существовавшим строем, борьбы, где демократизм был неразрывно связан с борьбой за социализм.

Ленин ценил деятельность Чернышевского, его подлинный демократизм, ибо видел созвучность этого демократизма с отношением марксизма к массам. Учение марксизма не только освещало борьбу на экономической почве, которая происходила между рабочим классом и капиталистами, марксизм охватывал все явления в целом, освещал весь строй в целом, давая его анализ и в то же самое время указывая, как надо сливать воедино борьбу за демократизм и борьбу за социализм. Если мы посмотрим на то, как Маркс боролся с Лассалем, на какой почве у них шла борьба, как Маркс возмущался тем, что Лассаль не понимает значения революционной самодеятельности масс, мы поймем социалистическую сущность революционного марксизма. Ее совершенно не понимали, например, так называемые «легальные марксисты», постоянно упуская из виду ту ориентировку, которая была у Маркса постоянно на рабочий класс, на массы. В марксизме действительно демократизм и борьба за социализм сливаются в одну неразрывную цепь. И не случайно, что, когда Владимир Ильич касался вопросов демократизма, он всегда вспоминал и Чернышевского, у которого он впервые научился тому, чтобы борьбу за демократию сливать с борьбой за социализм. Если мы посмотрим, что собой представляет учение о советах, о Советской власти, то мы увидим, что как раз в этом учении о Советской власти осуществляется и отражается наиболее полно это объединение борьбы за демократизм и борьбы за социализм. Я помню, когда в 1918 году я собиралась писать популярную брошюрку о советах и Советской власти, Владимир Ильич принес мне однажды вырезку из французской газеты «Юманите» — я уже забыла фамилию французского товарища, который об этом писал,— вырезку, в которой говорилось о том, что Советская власть является наиболее глубоко и последовательно демократической властью. Владимир Ильич, передавая мне эту вырезку, говорил, что именно на эту сторону надо обратить особое внимание, надо показать весь тот подлинный демократизм, который заключается в самой структуре Советской власти, где пролетариат подымается к новому, более широкому демократизму.

Маркс был переведен на русский язык еще в 60-х годах. Но надо было еще Маркса перевести на язык русских фактов. Это сделал Ленин в своей книге «Развитие капитализма в России»... Владимир Ильич несколько раз упоминал о том, как хорошо Чернышевский знал русскую действительность, как хорошо он знал факты, касающиеся выкупа крестьян, и т. д.

В первый период своей революционной деятельности Владимир Ильич на философские убеждения Чернышевского обращал меньше внимания, хотя он и был знаком с книжкою Плеханова «О Чернышевском», где на эту сторону дела обращено особое внимание, но в то время этот вопрос меньше интересовал Владимира Ильича. Только в 1908 году, когда на этом фронте, на философском

фронте, развернулась широкая борьба, только тогда он опять перечитал Чернышевского и говорил о Чернышевском, как о великом русском гегельянце, о великом русском материалисте. Затем, когда в 1914 году стала надвигаться война и национальный вопрос получил особо актуальное значение, Владимир Ильич в своей статье о «Национальном самоопределении» подчеркивал особенно то, что Чернышевский, подобно Марксу, понял все значение польского восстания (см. наст. сборник, с. 209.—*Ред.*).

...В Сибири у Владимира Ильича был альбом, в котором были карточки тех писателей, которые имели на него особо сильное влияние. Там наряду с Марксом и Энгельсом, наряду с Герценом и Писаревым были две карточки Чернышевского, а также карточка Мышкина, который пытался освободить Чернышевского. А затем в последующее время, уже в Кремле, в кабинете Владимира Ильича, в числе тех авторов, которых он хотел иметь постоянно под руками, наряду с Марксом, Энгельсом и Плехановым стояло и полное собрание сочинений Чернышевского, которые Владимир Ильич в свободные промежутки времени читал вновь и вновь.

Я хотела остановиться еще на одной маленькой подробности. В книжке «Что такое «друзья народа»...» Владимир Ильич указывает на то, что прав был Каутский, который говорил о той эпохе, в которую жил Чернышевский, что тогда каждый социалист был поэтом и каждый поэт был социалистом. Владимир Ильич читал беллетристику, изучал ее, любил. Но одно было у Владимира Ильича — у него сливался воедино общественный подход с художественным отображением действительности. Эти две вещи он как-то не разделял одну от другой, и так же, как у Чернышевского его идеи отражаются полностью в его художественных произведениях, так же и Владимир Ильич при выборе книг по беллетристике особенно любил те книги, в которых ярко отражались в художественном произведении те или иные общественные идеи.

Вот то немногое, что я хотела сказать. То, что я сказала, не носит характера личных воспоминаний. Разговоров, которые были на эту тему, я не помню. За годы многое теряется из памяти, ведь каждый день что-нибудь новое случается, не каждое слово остается в памяти, в памяти остаются только отдельные штрихи, разговоры. Но мне кажется, что в произведениях, статьях, брошюрах Владимира Ильича с достаточной полнотою отражается то громадное влияние, которое имел на него Чернышевский.

Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М.—Л., Госиздат, 1931, с. 180—186.

Из статьи
«ЛЕНИН И ГОРЬКИЙ»

Владимир Ильич очень ценил Алексея Максимовича Горького как писателя. Особенно нравились ему «Мать», статьи в «Новой Жизни» о мещанстве,— сам Владимир Ильич ненавидел всякое мещанство,— нравилось «На дне», нравились песни о Соколе и Буревестнике, их настрой, любил он такие вещи Горького, как «Страсти-мордасти», как «Двадцать шесть и одна».

Помню, как загорелся Ильич как-то желанием пойти в Художественный театр смотреть «На дне», помню, как слушал он «Мои университеты» в последние дни своей жизни.

Горький писал больше всего о рабочих, о городской бедноте, о «дне», о тех слоях, которые больше всего интересовали Ильича, описывал жизнь так, как она есть, во всей ее конкретности, видел ее глазами человека, ненавидящего гнет, эксплуатацию, пошлость, нищету мысли—глазами революционера. И то, что писал Горький, было близко и понятно Ильичу.

Сам Владимир Ильич жадно вглядывался в жизнь, во все мелочи. Это уменье Ильича замечать мелочи и осмысливать их отметил Горький в одном письме ко мне (от 1930 г.)...*

В том же письме А.М. писал: «Беседуя со мной на Капри о литературе тех лет, он замечательно метко характеризовал писателей моего поколения, беспощадно и легко обнажал их сущность».

Ильич хорошо знал русскую литературу — она была для него орудием познания жизни. И чем полнее, всестороннее, глубже отражали художественные произведения жизнь, чем проще они были, тем больше ценил их Ильич.

Владимир Ильич близко познакомился с Горьким в 1907 году на Лондонском партийном съезде, понаблюдал там его, поговорил с ним и как-то душевно сблизился с ним. Интересны письма Ильича к Горькому за время второй эмиграции. Образ Ильича как человека особо ярко выступает в этих письмах. Ильич пишет Горькому с резкой прямотой о том, с чем он не согласен, что его волнует, заботит. Ильич обычно так писал товарищам, но в письмах к Горькому есть особый оттенок. Пишет он часто очень резко, но в этой резкости много какой-то особой мягкости. Письма пишутся всегда под непосредственным впечатлением какого-нибудь факта, в них много эмоциональности — ярко отражена тревога, тяжесть некоторых переживаний, радость, надежды. Ильичу казалось, что Горький очень хорошо все это поймет. И всегда хотелось также Ильичу убедить Горького в правильности своих взглядов, он горячо защищал их.

В письмах Ленина к Горькому видна забота Ильича о нем. Все знают, как внимательно относился Ильич к людям, умел заботиться о них. И Алексей Максимович сам неоднократно писал об этом. Отмечали это все.

Заботило Ильича здоровье Алексея Максимовича. Он постоянно спрашивал о нем, давал советы лечиться непременно у первоклассных врачей, соблюдать режим («прижим», как говорил в шутку Ильич), не работать по ночам.

В эмиграции Ильич очень тяготился тем, что приходится мало видеть рабочих. Правда, в эмиграции было много рабочих, но они обычно быстро устраивались на работу и жили уже местными французскими или швейцарскими интересами, и жизнь в эмиграции очень быстро накладывала на них свой отпечаток. Поэтому он всегда был рад общению с рабочими, приезжавшими за границу ненадолго. Ильич особо доволен был работой с рабочими из каприйской школы, с учениками партийной школы в Лонжюмо. В 1913 году предполагался приезд в Поронин (в Галицию, поблизости Кракова) рабочих

---

* См.: М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 30, с. 167—168.— *Ред.*

депутатов. Горький на Капри еще меньше имел случаев общения с русскими рабочими, и Ильич ясно себе представлял, как это ему тяжело. Он стал его звать в Поронин. «Если здоровье позволяет, махните-ка ненадолго, право! После Лондона и школы на Капри повидали бы еще рабочих».

У меня сохранилось одно письмо Ильича от июня 1919 года. Я ездила тогда на агитационном пароходе «Красная звезда», писала Ильичу о первых своих впечатлениях, и Ильичу пришло в голову, что хорошо бы и Горького пустить так поездить. «Я запросил телеграммой,— писал он,— нельзя ли на «Красной звезде» дать каюту для Горького. Он приедет сюда завтра, и я очень хотел бы вытащить его из Питера, где он изнервничался. Надеюсь, ты и другие товарищи будете рады ехать с Горьким. Он парень очень милый».

Я мало видела Ильича вместе с Горьким.

На Лондонском съезде я не была, на Капри не ездила, а в Париже, в Москве, в Горках, когда к нам приезжал Алексей Максимыч, я всегда старалась смыться, чтобы дать им поговорить по душам, с глаза на глаз...

«Комсомольская правда», 1932, 25 сентября, № 222.

ИЗ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ *

Владимир Ильич юношей читал очень много беллетристики. Анна Ильинична рассказывала как-то, что Владимир Ильич, будучи в старших классах гимназии, массу времени употреблял на чтение Тургенева. Ильич хорошо знал... Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тургенева, Л. Толстого, Щедрина. Хорошо знал Белинского, Добролюбова, Писарева, Герцена, Чернышевского.

Т. 3, с. 532—533.

В библиотеке (при Ульяновском музее.—*Ред.*) должны быть книги Писарева, Добролюбова, Чернышевского, Герцена, Некрасова, произведения поэтов «Искры» — та литература, те стихи, которые с детства слышал Ильич от отца, от старшей сестры и старшего брата; нужно показать то презрение к обывательщине, к власти вещей, к бюрократизму, к подхалимству, ту ненависть ко всякому угнетению, которые характерны были для передовой интеллигенции 70-х годов. Эта литература имела громадное влияние на Ленина с очень ранних лет.

Т. 8, с. 677.

...В Шуше я рассказывала Ильичу о своих впечатлениях от чтения Писарева, а он мне рассказал, что сам зачитывался Писаревым, нахваливал смелость его мысли. В его шушенском альбоме, среди карточек любимых им революционных деятелей и писателей, была и карточка Писарева...

---

* Н. К. Крупская. Педагогические сочинения в 10-ти томах, т. 11 (дополнительный). М., Изд-во Академии педагогических наук, 1957—1963.

Уже после смерти Владимира Ильича я как-то вспомнила его слова о том, что у Писарева есть указания, как писать популярные книжки. Стала рыться, в результате получились приводимые ниже выписки *.

Т. 8, с. 582.

Плеханов как-то писал, что таких писателей, как Г. Успенский, надо изучать так же внимательно, как статистические данные, писал, что это говорящие факты живой действительности. Я помню, как об этих словах Плеханова говорил Владимир Ильич, как много черпал он сам из литературы всегда и особенно в молодые годы, как много дала ему литература для понимания жизни, людей.

Т. 3, с. 634.

Владимир Ильич также любил Лермонтова, но тоже как-то «стихийно». Привлекала нас в молодости, должно быть, смелость и сила чувства, которые так ярки у Лермонтова.

Т. 11, с. 826.

(В Женеве.—*Ред.*) для каждой национальности были свои учебники... Эти учебники особенно усердно читал Владимир Ильич, очень интересовавшийся всегда вопросами языкознания, нахваливал эти учебники.

Т. 3, с. 670.

Трудно представить себе более «антимузейного» человека, чем Ленин. Пестрота, винегретность музейных материалов производила на Владимира Ильича неизменно самое удручающее впечатление, через десять минут он имел уже вид страшно усталого человека. Но мне врезалось в память посещение одной выставки. В двух комнатенках исторического, знаменитого своей революционной борьбой рабочего квартала Парижа была устроена выставка революции 1848 года. И надо было видеть, с каким глубоким интересом буквально впивался в каждую мелочь Владимир Ильич. Для него это был кусок живой борьбы.

Т. 9, с. 453.

Говоря о том, какая книга нужна деревне, я хочу напомнить план Владимира Ильича — создать советскую хрестоматию по злободневным вопросам, которая была бы принята как общепризнанная и утверждена для чтения вслух во всех избах-читальнях, на сходках — всюду, где собираются крестьяне. Эта хрестоматия должна состоять из коротеньких деловых статеек по самым важным для страны и крестьянства вопросам, из соответствующей беллетристики, должна включать в себя объяснения наиболее важных декретов и т. п. Для этой цели в период VIII партийного съезда у нас на квартире собиралась созванная Владимиром Ильичем комиссия из литераторов, наиболее приспособленных для писания для деревни. Были там, помнится, И. Степанов, Карпинский и др. Поговорили, пообсуждали. Названные товарищи написали

---

* Далее следуют тексты из сочинений Д. И. Писарева.— *Ред.*

немало хороших брошюрок, но советской хрестоматии, которую хотел создать Владимир Ильич и для которой он хотел сам писать, и по сию пору нет.

Т. 8, с. 84.

Чтобы понять, какая образность близка крестьянину, Владимир Ильич, между прочим, особенно внимательно читал и изучал словарь Даля, настаивал на его скорейшем переиздании.

Т. 8, с. 82.

В начале октября 1920 г. происходил съезд Пролеткульта. Ленин считал вредным стремление Пролеткульта обособиться, создать какую-то свою особую культуру, оторванную от общей борьбы за перестройку всего политического, хозяйственного, культурно-бытового уклада. Ленин считал, что пролетариат в Стране Советов должен играть ведущую роль в борьбе за миросозерцание марксизма, в борьбе за культурный подъем масс, за вооружение их знанием. Ознакомившись с ходом прений на съезде Пролеткульта, он набросал проект резолюции, которая, по его мнению, должна была быть принята Пролеткультом.

Т. 9, с. 521—522.

...Мы упираемся в часто неправильное понимание того, что такое культура и культурное строительство. Есть ли культура нечто специфическое, создаваемое в стороне от кипящей жизни, творимое в лабораториях, где-то в четырех стенах, или это нечто, что пропитывает всю нашу жизнь, всю жизнь страны? Это вопрос, который у нас на протяжении десяти лет обсуждался главным образом под углом зрения Пролеткульта. Пролеткульт выступил с планом такой обособленной работы, замкнутой, отделенной от других: «только для пролетариата» и «только силами пролетариата». Пролетариат где-то в сторонке творит свою, пролетарскую культуру. Против этой идеи — обособленности, замкнутости пролетарской культуры, как ее представлял себе Пролеткульт,— постоянно спорил В. И. Ленин. Его основная мысль заключалась в том, что культура одного общественного слоя заражает собой культуру остальных слоев. У пролетариата не может быть своей обособленной культуры, на которую не оказывает влияние культура других слоев населения. С другой стороны, надо добиться того, чтобы на культуре всей страны лежала печать пролетарской мысли, пролетарской идеологии, психологии, чтобы пролетариат шел впереди и вел за собой все слои...

...В дальнейшем, когда Владимир Ильич возражал против Пролеткульта, он главным образом возражал тоже с этой точки зрения. Он и сам иногда употреблял выражение *пролетарская культура*, но в гораздо более широком смысле — в том смысле, что благодаря влиянию пролетариата на примыкающие слои вся культура будет носить особый характер, противоположный характеру буржуазной культуры; но он всегда возражал против замкнутой, обособленной культуры.

Т. 8, с. 228—230.

Возьмем вопрос о Пролеткульте. «Пролетарская культура и пролеткультовское прожектерство» — так озаглавлен этот отдел *. Этот заголовок очень «современен», но он затемняет самое основное, самое важное в отношении Ленина к вопросам Пролеткульта. Что заставляло Ленина так резко относиться к Пролеткульту? Это его стремление встать в стороне от борьбы и соцстроительства и игнорировать ведущую роль пролетариата в его борьбе.

Разбивка на произвольные темы искусственно отрывает этот вопрос от вопроса о профсоюзах и тем обесценивает, суживает высказывания Ленина о Пролеткульте. Мы знаем, как велико было влияние Пролеткульта на профсоюзы. Высказывание Ленина о Пролеткульте берется вне связи с переходом к новой экономической политике.

Т. 10, с. 566.

...К агитационным формам антирелигиозной пропаганды он (Ленин.— *Ред.*) относился с большой осторожностью. Помню, как он наворчал на меня за то, что мы в Главполитпросвете дали денег на проведение комсомольского рождества...

...Очень отрицательно отнесся позднее (1923 г.) к фильму «Комбриг Иванов», представлявшему образец очень поверхностной антирелигиозной пропаганды, и очень положительно — к фильму «Чудотворец», как раз вскрывавшему классовую сущность религии.

Т. 3, с. 347.

...В это время** пришла большая посылка книг от Эптона Синклера на мое имя с интересным письмом, где он писал о той борьбе, которую ведет при помощи своих романов. Из кипы присланных Синклером книг Ильич выбрал книжку о религии — «Выгоды религии» («The Profits of Religion»), вооружился английским словарем и стал читать по вечерам. Книжка в отношении антирелигиозной пропаганды мало удовлетворила его, но ему понравилась критика буржуазной демократии.

Мне запомнились разговоры с Ильичем на антирелигиозные темы.

Приближалась весна, набухали почки. Мы с Ильичем ходили далеко в лес по насту. Снег размяк, но сверху покрылся ледяной коркой—можно было идти, не проваливаясь. На прогулках мы толковали о Древсе и Синклере, о том, как поверхностно ставится у нас антирелигиозная пропаганда, сколько в ней вульгаризации, как неглубоко она увязана с естествознанием, как мало вскрываются социальные корни религии, как мало удовлетворяет она запросам рабочих, так колоссально выросшим за годы революции.

Т. 7, с. 625.

(Ленин говорил.— *Ред.*), что каждый специалист придет к пониманию марксизма своим путем, через свою специальность.

Т. 2, с. 681.

---

* Отдел в книге «Ленин о культуре, просвещении и школе», под редакцией П. Н. Груздева, А. И. Жаркова и С. А. Каменева. Н. К. Крупская просматривала книгу в рукописи.— *Ред.*

** Ранней весной 1922 г.— *Ред.*

У Льва Толстого есть одно замечательное описание весны в лесу в «Анне Карениной»: пробиваются самые первые ростки травы, и вот стоит Левин, отправившийся с ружьем на охоту, и видит, как шевельнулся иссохший лист — толкнул его пробившийся сквозь зелень молодой росток травы. Как-то говорили мы с Ильичем об этом листке у Л. Толстого, потом Ильич не раз употреблял выражение «ростки новой жизни».

Т. 3, с. 635.

Резкости Ильич не боялся, но он требовал, чтобы возражения были по существу.

У Ильича было одно любимое словечко, которое он часто употреблял,— «придиренчество». Если начиналась полемика не по существу, с передергиваниями и придирками к мелочам, он говорил: «Ну, это уж «придиренчество»».

Т. 9, с. 495.

Из отзыва

О РАССКАЗЕ М. ШАГИНЯН «ВОЛОДЯ УЛЬЯНОВ»

...Не указывается на то, что Илья Николаевич был шестидесятником, любителем стихов Некрасова, что в доме Ульяновых в большом почете были поэты «Искры», заставлявшие вглядываться в жизнь, будившие интерес к жизни, заставлявшие критически относиться к ней, критически относиться к людям.

28 марта 1938 г. «*Исторический архив*», *1958, № 4, с. 77.*

Из переписки Н. К. Крупской и А. М. Горького

Н. К. КРУПСКАЯ — А. М. ГОРЬКОМУ

28/I—1924 г.

Дорогой Алексей Максимович,

похоронили мы вчера Владимира Ильича.

Он был до самой смерти таким, каким и раньше — человеком громадной воли, владевшим собой, смеявшимся и шутившим еще накануне смерти, нежно заботившимся о других. Например, в воскресенье вечером у В. И. был глазной врач, проф. Авербах. Уже попрощавшись, он через некоторое время опять пришел посмотреть, кормят ли его.

Около газеты, которую мы читали каждый день, у нас шла беседа.

Раз он очень взволновался, когда прочитал в газете о том, что Вы больны. Все спрашивал взволнованно: «что, что?»

По вечерам я читала ему книги, которые он отбирал из пачек, приходивших из города. Он отобрал Вашу книжку «Мои университеты». Сначала он попросил прочесть ему о Короленко, а потом «Мои университеты». И еще. В книжке Гильбо он нашел ссылку на Вашу статью о Ленине от 18-го года, помещенную в Коммунистическом Интернационале, и попросил перечесть ему эту статью. Когда я читала ему ее — он слушал ее с глубоким вниманием.

Крепко обнимаю Вас, Алексей Максимович, желаю сил и здоровья. Прошу беречь себя.

Н. Крупская.

«Октябрь», 1941, № 6, с. 20.

А. М. ГОРЬКИЙ — Н. К. КРУПСКОЙ

11 марта 1929 г.

...С Владимиром Ильичем я виделся в 10 году в Париже,— кажется, на улице Сен-Жак; впервые видел и Вас там, но скоро Вы ушли. Через день или два мы с ним встретились в Фонтенэ-Роз, в ресторане, потом гуляли. Приехал я тогда в Париж с предложением достать денег, но В. И. от моего

предложения решительно отказался и не советовал мне принимать участие в этом деле, затеянном, кстати сказать, не мною. Вы знаете, как бережно относился он ко мне. В этот приезд он мне не советовал посещать ряд лиц, с которыми я хотел повидаться просто из любопытства...

«Октябрь», 1941, № 6, с. 21.

А. М. ГОРЬКИЙ — Н. К. КРУПСКОЙ

16 мая 1930, Сорренто.

...Сейчас кончил читать Ваши воспоминания о Владимире Ильиче,— такая простая, милая и грустная книга. Захотелось отсюда, издали пожать Вам руку и — уж, право, не знаю — сказать Вам спасибо, что ли, за эту книгу? Вообще — сказать что-то, поделиться волнением, которое вызвали Ваши воспоминания. А тут еще: вчера были Д. И. Курский с Любимовым, и Курский рассказывал о работах Фохта, о структуре мозга Владимира Ильича, и всю ночь я думал о том: «Какой светильник разума угас, какое сердце биться перестало!»...

...Беседуя со мной на Капри о литературе тех лет, замечательно метко характеризуя писателей моего поколения, беспощадно и легко обнажая их сущность, он указал и мне на некоторые существенные недостатки моих рассказов, а затем упрекнул: «Напрасно дробите опыт ваш на мелкие рассказы. Вам пора уложить его в одну книгу, в какой-нибудь большой роман». Я сказал, что есть у меня мечта написать историю одной семьи на протяжении ста лет, с 1813 года, с момента, когда отстраивалась Москва, и до наших дней. Родоначальник семьи — крестьянин, бурмистр, отпущенный на волю помещиком за его партизанские подвиги в 12 году, из этой семьи выходят: чиновники, попы, фабриканты, петрашевцы, нечаевцы, семи- и восьмидесятники. Он очень внимательно слушал, выспрашивал, потом сказал: «Отличная тема, конечно,— трудная, потребует массу времени, я думаю, что вы бы с ней сладили, но — не вижу: чем вы ее кончите? Конца-то действительность не дает. Нет, это надо писать после революции, а теперь что-нибудь вроде «Матери» надо бы». Конца книги я, разумеется, и сам не видел...

М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 30, 1955, с. 167, 168.

Н. К. КРУПСКАЯ — А. М. ГОРЬКОМУ

25/V—30 г.

Дорогой Алексей Максимович,

не могу Вам сказать, как рада была Вашему письму. Знаете, Владимир Ильич очень любил Вас, и потому мне Ваш отзыв особенно дорог. У меня странное чувство бывает, когда я пишу свои воспоминания. С одной стороны, мне ка-

жется, что я должна рассказать рабочим, молодежи все, что помню об Ильиче, а иногда у меня шевелится такое чувство, что Ильич, может быть, был бы недоволен моими воспоминаниями, он так мало говорил о себе. Когда Вы приехали, мне ужасно хотелось поговорить с Вами об Ильиче, попросту по-бабьи пореветь в Вашем присутствии, в присутствии человека, с которым Ильич говорил о себе больше, чем с кем-либо. Да постеснялась, по правде сказать, да и *показалось мне, что чего-то Вам во мне не понравилось*. И вот, читая Ваше письмо, я чувствовала, что у меня камень какой-то с души свалился. Особенно рада была тому, что мои воспоминания вызвали у Вас ряд Ваших воспоминаний об Ильиче. Я их много раз перечитывала. И все вспоминалось мне,— я раз уже писала Вам об этом,— как Ильич в последний месяц своей жизни отыскал книгу, где Вы писали о нем, и велел мне вслух читать Вашу статью. Стоит у меня перед глазами лицо Ильича, как он слушал и смотрел в окно куда-то в даль— итоги жизни подводил и о Вас думал. Посылаю Вам книжку, которую я писала эту зиму, «Что говорил Ленин о колхозах»,— я много раз ее переделывала, посылала на проработку в одну коммуну Рязанской губернии, в женактив в одну деревню Калужского округа, а сейчас не имею мужества ее перечесть; может, что не так написала. Ну, вот.

Как ваше здоровье, Алексей Максимович?

Крепко, крепко жму Вам руку, желаю здоровья и сил. М. И. Вам шлет привет, она хворает порядком, работает очень много в Институте Ленина. Может, черкнете мне как-нибудь, когда будет времечко.

Н. Крупская.

«Октябрь», 1941, № 6, с. 22.

М. Горький

Из очерка
«В. И. ЛЕНИН»

...Я ожидал, что Ленин не таков. Мне чего-то не хватало в нем. Картавит и руки сунул куда-то под мышки, стоит фертом. И вообще, весь — как-то слишком прост, не чувствуется в нем ничего от «вождя». Я — литератор. Профессия обязывает меня подмечать мелочи, эта обязанность стала привычкой, иногда — уже надоедливой.

Когда меня «подводили» к Г. В. Плеханову, он стоял скрестив руки на груди и смотрел строго, скучновато, как смотрит утомленный своими обязанностями учитель еще на одного нового ученика. Он сказал мне весьма обычную фразу: «Я поклонник вашего таланта». Кроме этого, он не сказал ничего, что моя память удержала бы. И на протяжении всего съезда ни у него, ни у меня не явилось желания поговорить «по душам».

А этот лысый, картавый, плотный, крепкий человек, потирая одною рукой сократовский лоб, дергая другою мою руку, ласково поблескивая удивительно живыми глазами, тотчас же заговорил о недостатках книги «Мать», оказалось, что он прочитал ее в рукописи, взятой у И. П. Ладыжникова. Я сказал, что торопился написать книгу, но — не успел объяснить, почему торопился,— Ленин, утвердительно кивнув головой, сам объяснил это: очень хорошо, что я поспешил, книга — нужная, много рабочих участвовало в революционном движении несознательно, стихийно, и теперь они прочитают «Мать» с большой пользой для себя.

«Очень своевременная книга». Это был единственный, но крайне ценный для меня его комплимент. Затем он деловито осведомился, переводится ли «Мать» на иностранные языки, насколько испортила книгу русская и американская цензура, а узнав, что автора решено привлечь к суду, сначала — поморщился, а затем, вскинув голову, закрыв глаза, засмеялся каким-то необыкновенным смехом; смех его привлек рабочих, подошел, кажется, Фома Уральский и еще человека три.

* * *

...В Лондоне выдался свободный вечер, пошли небольшой компанией в «мюзик-холл» — демократический театрик. Владимир Ильич охотно и заразительно смеялся, глядя на клоунов, эксцентриков, равнодушно смотрел на все остальное и особенно внимательно на рубку леса рабочими Британской Колумбии. Маленькая сцена изображала лесной лагерь, перед нею, на земле, двое здоровых молодцов перерубали в течение минуты ствол дерева, объемом около метра.

— Ну, это, конечно, для публики, на самом деле они не могут работать с такой быстротой,— сказал Ильич.— Но ясно, что они и там работают топорами, превращая массу дерева в негодные щепки. Вот вам и культурные англичане!

Он заговорил об анархии производства при капиталистическом строе, о громадном проценте сырья, которое расходуется бесплодно, и кончил сожалением, что до сей поры никто не догадался написать книгу на эту тему. Для меня было что-то неясное в этой мысли, но спросить Владимира Ильича я не успел, он уже интересно говорил об «эксцентризме» как особой форме театрального искусства.

— Тут есть какое-то сатирическое или скептическое отношение к общепринятому, есть стремление вывернуть его наизнанку, немножко исказить, показать алогизм обычного. Замысловато, а — интересно!

Года через два, на Капри, беседуя с А. А. Богдановым-Малиновским об утопическом романе, он сказал ему:

— Вот вы бы написали для рабочих роман на тему о том, как хищники капитализма ограбили землю, растратив всю нефть, все железо, дерево, весь уголь. Это была бы очень полезная книга, синьор махист!

* * *

Как-то пришел к нему и — вижу: на столе лежит том «Войны и мира».

— Да, Толстой! Захотелось прочитать сцену охоты, да вот, вспомнил, что надо написать товарищу. А читать — совершенно нет времени. Только сегодня ночью прочитал вашу книжку о Толстом.

Улыбаясь, прижмурив глаза, он с наслаждением вытянулся в кресле и, понизив голос, быстро продолжал:

— Какая глыба, а? Какой матерый человечище! Вот это, батенька, художник... И — знаете, что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было.

Потом, глядя на меня прищуренными глазками, спросил:

— Кого в Европе можно поставить рядом с ним?

Сам себе ответил:

— Некого.

И, потирая руки, засмеялся, довольный.

Я нередко подмечал в нем черту гордости Россией, русскими, русским искусством. Иногда эта черта казалась мне странно чуждой Ленину и даже наивной, но потом я научился слышать в ней отзвук глубоко скрытой, радостной любви к рабочему народу.

На Капри он, глядя, как осторожно рыбаки распутывают сети, изорванные и спутанные акулой, заметил:

— Наши работают бойчее.

А когда я выразил сомнение по этому поводу, он, не без досады, сказал:

— Гм-гм, а не забываете вы России, живя на этой шишке?

В. А. Десницкий-Строев сообщил мне, что однажды он ехал с Лениным по Швеции, в вагоне, и рассматривал немецкую монографию о Дюрере.

Немцы, соседи по купе, его спросили, что это за книга. В дальнейшем оказалось, что они ничего не слышали о своем великом художнике. Это вызвало почти восторг у Ленина, и дважды, с гордостью, он сказал Десницкому:

— Они своих не знают, а мы знаем.

Как-то вечером, в Москве, на квартире Е. П. Пешковой, Ленин, слушая сонаты Бетховена в исполнении Исая Добровейн, сказал:

— Ничего не знаю лучше «Apassionata», готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть, наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди!

И, прищурясь, усмехаясь, он прибавил невесело:

— Но часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по головке никого нельзя — руку откусят, и надобно бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы, в идеале, против всякого насилия над людьми. Гм-гм,— должность адски трудная!

* * *

Его отношение ко мне было отношением строгого учителя и доброго «заботливого друга».

— Загадочный вы человек,— сказал он мне шутливо,— в литературе как будто хороший реалист, а в отношении к людям — романтик. У вас все — жертвы истории? Мы знаем историю, и мы говорим жертвам: опрокидывайте жертвенники, ломайте храмы, долой богов! А вам хочется убедить меня, что боевая партия рабочего класса обязана прежде всего удобно устроить интеллигентов.

Может быть, я ошибаюсь, но мне казалось, что беседовать со мною Владимиру Ильичу было приятно. Он почти всегда предлагал:

— Приедете — позвоните, повидаемся.

А однажды сказал:

— Потолковать с вами всегда любопытно, у вас разнообразнее и шире круг впечатлений.

Расспрашивал о настроении интеллигенции, особенно внимательно об ученых,— я в то время работал с А. Б. Халатовым в «Комиссии по улучшению быта ученых». Интересовался пролетарской литературой:

— Чего вы ждете от нее?

Я говорил, что жду много, но считаю совершенно необходимым организацию литвуза с кафедрами по языкознанию, иностранным языкам — Запада и Востока,— по фольклору, по истории всемирной литературы, отдельно — русской.

— Гм-гм,— говорил он, прищуриваясь и похохатывая.— Широко и ослепительно! Что широко — я не против, а вот — ослепительно будет, а? Своих-то профессоров у нас нет по этой части, а буржуазные такую историю покажут... Нет, сейчас нам этого не поднять. Годика три, пяток подождать надо.

И жаловался:

— Читать — совершенно нет времени!

Усиленно и неоднократно подчеркивал агитационное значение работы Демьяна Бедного, но говорил:

— Грубоват. Идет за читателем, а надо быть немножко впереди.

К Маяковскому относился недоверчиво и даже раздраженно:

— Кричит, выдумывает какие-то кривые слова, и все у него не то, по-моему,— не то и мало понятно. Рассыпано все, трудно читать. Талантлив? Даже очень? Гм-гм, посмотрим! А вы не находите, что стихов пишут очень много? И в журналах целые страницы стихов, и сборники выходят почти каждый день.

Я сказал, что тяготение молодежи к песне — естественно в такие дни и что — на мой взгляд — посредственные стихи легче писать, чем хорошую прозу, и времени требуют стихи — меньше; к тому же у нас очень много хороших учителей по технике стихосложения.

— Ну, что стихи легче прозы — я не верю! Не могу представить. С меня хоть кожу сдерите — двух строчек не напишу,— сказал он и нахмурился.— В массу надобно двинуть всю старую революционную литературу, сколько ее есть у нас и в Европе.

М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 17, 1952, с. 7, 16—17, 38—40, 44—45.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К КНИГЕ В. Я. ЗАЗУБРИНА «ДВА МИРА»

В 21-ом году я видел эту книгу на столе В. И. Ленина. «Очень страшная, жуткая книга; конечно — не роман, но хорошая, нужная книга»...

20.IX.23.

«В. И. Ленин и А. М. Горький», 1969, с. 356.

Из письма

А. М. ГОРЬКОГО В ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА

...То, о чем рассказывает К. П. Пятницкий *,— действительно было: я и В. А. Десницкий были вызваны из Москвы Л. Б. Красиным и рассказывали Вл. Ильичу, П. П. Румянцеву, Красину о настроении московских ра-

* Речь идет о воспоминаниях К. П. Пятницкого, в которых рассказано о заседании ЦК РСДРП 27 ноября 1905 года в Петербурге на квартире Горького и Пятницкого. На этом заседании обсуждался вопрос о подготовке вооруженного восстания и о газетах «Новая Жизнь» и «Борьба» — *Ред.*

Библиотечная книга

бочих. Но я приехал с высокой температурой и, вследствие этого, настолько смутно помню происходившее, что даже не решился рассказать об этом в моих воспоминаниях о Вл. Ильиче. Вам следует опросить В. А. Десницкого-Стрсева (Лопату) — Ленинград, Пединститут имени Герцена, улица «Красных зорь». Не помню: присутствовал ли А. А. Богданов-Малиновский (Рядовой). Если не ошибаюсь: кроме Десницкого, Вл. Ильич предложил в редакцию «Борьбы» И. И. Степанова-Скворцова и Н. А. Рожкова и меня. Но я очень верю в точность памяти К. П. Пятницкого и думаю, что сообщаемое им вполне точно...

21 июня 1934 г.

«В. И. Ленин и А. М. Горький», 1969, с. 383.

ИЗ ЗАМЕТОК А. М. ГОРЬКОГО

Люди читали, учились, а я, начиная с 907 года, усердно копался в пыли и мусоре литературы и публицистики той интеллигенции, которая отвернулась от рабочего класса и пошла на службу буржуазии. Это — тяжелая работа, но я должен был сделать ее для того, чтоб знать по возможности все, что может отравить, задержать рост революционного правосознания пролетариата. Сколько подлого и глупого прочитано мною! И остались непрочитанными умнейшие статьи Ильича, друга, учителя, так трогательно заботливо относившегося ко мне.

Когда у Екатерины Павловны я сказал ему об этом — он засмеялся и ответил:

— А — я? Гегеля не успел проработать как следует. Да — что Гегеля! Много не знаю, что должен бы знать. Я вовсе не оправдываю вас и себя тоже. Но ваше дело все-таки другое. Не по существу, а по форме. Дураком вообразить себя я не имею права, а вы — должны, иначе не покажете дурака. Вот — разница.

И — великодушно похвалил:

— Зато дела дурацкие вы знаете назубок. Слушая ваши рассказы, даже боишься: не успеет написать. К тому же о здоровье вы нимало не заботитесь, а здоровье у вас — швах. Валяйте за границу, в Италию, в Давос.

Не поедете — вышлем.

Два раза поднимался этот [вопрос].

Написано в 1930-х годах.

«В. И. Ленин и А. М. Горький», 1969, с. 388.

П. Н. Лепешинский

ИЗ КНИГИ «НА ПОВОРОТЕ»

...Владимир Ильич не только не лишен чувства изящного, не только не похож на сухого, черствого, не способного ни к каким «нежностям», ни к каким эстетическим эмоциям человека с гипертрофированной природой политического деятеля, но обладает удивительно нежной душой.

Он очень любит музыку и пение. Для него не было когда-то лучшего удовольствия, лучшего способа отдохнуть от кабинетной работы, как послушать (я мысленно переношусь в период нашей эмиграции в 1904—1905 гг.) пение т. Гусева (Драбкина) или игру на скрипке П. А. Красикова под аккомпанемент Лидии Александровны Фотиевой. Тов. Гусев обладал очень недурным, довольно мощным и сочным баритоном, и когда он красиво отчеканивал «нас не-в цер-кви вен-ча-ли», вся наша семейно-большевистская аудитория слушала его, затаив дыхание, а Владимир Ильич, откинувшись на спинку дивана и охватив руками колено, весь уходил при этом внутрь самого себя и, видимо, переживал какие-то глубокие, одному ему ведомые настроения. Или, например, когда П. А. Красиков вытягивал смычком из своей скрипки чистые прекрасные звуки баркаролы Чайковского, Владимир Ильич первый, по окончании игры, бурно аплодировал и требовал во что бы то ни стало повторения...

...Подползла проклятая зима 1919 года. Повсюду толки в Москве о топливном кризисе, о сыпняках... Жуткое чувство тревоги не только охватывает душу обывателя, но и проникает в кремлевские палаты. В зале большого Совнаркома царит тягостное настроение. Среди всеобщей унылой тишины представитель малого Совнаркома т. Галкин делает доклад относительно спорного, не вызвавшего полного единогласия в Малом Совнаркоме, вопроса об отоплении государственных театров. Вопрос сам по себе очень крошечный, но он волнует докладчика, и голос его чуть ли не дрожит. Он не скупится на жесткие, суровые слова, характеризуя московские центры сценического искусства как ненужные сейчас для рабоче-крестьянской республики. Чьи эстетические интересы и до сих пор обслуживают наши театры? Во всяком случае не трудового народа. Для кого они доступны? Для буржуазии и спекулянтов. Каково содержание современных пьес? Все то же буржуазные оперы: «Кармен», «Травиата», «Евгений Онегин» и т. п. вещи. Ничего для народа, ничего для рабочих, ничего для красноармейцев. Уж лучше бы подмостки Большого театра были использованы для целей агитации и пропаганды. А между тем

(и в этом месте голос оратора возвышается до мрачного пафоса) к нам идет и стучится уже в дверь страшная гостья... Смерть от сыпняка становится нашим бытовым явлением... Готовы ли мы для встречи с этой гостьей? Много ли у нас бань, которые являются во время тифозной эпидемии главной профилактической мерой? И хватит ли у нас решимости позволить бросать драгоценное топливо в прожорливые печи московских государственных театров для щекотания нервов буржуазных барынь в бриллиантах, в то время как лишняя, отапливаемая этими дровами баня, быть может, спасет сотни рабочих от болезни и смерти...

— Ой, прихлопнут театры,— сжалось при этом мое сердце. Тов. Галкин умолк. А. В. Луначарского нет в зале (он бы, конечно, горячо вступился за свое детище), и ответное слово берет лишь представитель театров, никому не импонирующий своей бесцветной, казенной речью. Судьба театров, видимо, предрешена.

Владимир Ильич ставит вопрос на голосование. И только лишь как бы мимоходом, в форме маленького нотабене, бросает перед голосованием две-три фразы.

— Мне только кажется,— говорит он, сверкнув своими смеющимися глазами,— что т. Галкин имеет несколько наивное представление о роли и назначении театра. Театр нужен не столько для пропаганды, сколько для отдыха работников от повседневной работы. И наследство от буржуазного искусства нам рано еще сдавать в архив... Итак, кто за предложение т. Галкина, прошу поднять руки.

Само собой разумеется, что после сказанных «мимоходом» слов Ильича т. Галкину не удалось собрать большинства. Театры были спасены.

Никто, между прочим, не представляет себе Ильича как большого любителя поэзии, и именно поэзии классической, немножко отдающей стариной. Он никогда не прочь, в очень редкие минуты своего отдыха, заглянуть в какой-нибудь томик Шекспира, Шиллера, Байрона, Пушкина и даже таких менее крупных поэтов, как Баратынский или Тютчев. Даже, если не ошибаюсь, Тютчев пользуется его преимущественным благорасположением...

П. И. Лепешинский. На повороте. М., 1955, с. 110—112.

А. Шаповалов

В СИБИРСКОЙ ССЫЛКЕ

...Все три дня, проведенные Лениным в Теси, прошли в оживленных спорах между Лениным, с одной стороны, и Е. В. Барамзиным и Ф. В. Ленгником — с другой. В лице Барамзина народничество отказывалось признать себя окончательно побежденным и цеплялось еще за жизнь. Барамзин напал на слабо разработанный марксизмом вопрос об искусстве и художественной литературе, на который марксизму еще не удалось наложить свой отпечаток, как это успело сделать уже народничество...

...Насколько я помню, Ленин развил мысль, что вряд ли можно ожидать, что угнетенный рабочий, возвращающийся с фабрики, усталый до отупения, мог бы без помощи интеллигенции, вышедшей из буржуазной среды, создать свое искусство и литературу. Самое главное заключается в борьбе рабочего класса, которую он уже начал и которая, как доказывает теория революционного марксизма, приведет к полной победе социализма. Искусство — не цель, а средство в этой борьбе. Народническое искусство не спасло народническую теорию при столкновении с революционным марксизмом. По мере того как будет развиваться борьба рабочего класса, искусство, вышедшее из среды самих рабочих или созданное интеллигенцией, ставшей на точку зрения революционной теории пролетариата, придет на помощь рабочим...

Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1.
М., 1956, с. 180.

М. Эссен

ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ

...Я не встречала более жизнерадостных людей, чем Ленин. Его способность смеяться всякой шутке, умение использовать свободный час и находить повод для веселья и радости были неисчерпаемы.

Вспоминаются вечера, которые мы проводили у Ленина. Владимир Ильич обладал довольно приятным, несколько глуховатым голосом и очень любил попеть в хоре и послушать пение. Репертуар наш был довольно разнообразен. Начинали обычно с революционных песен — «Интернационала», «Марсельезы», «Варшавянки» и других. С большим чувством пели «Замучен тяжелой неволей», «На старом кургане в широкой степи». Нравились Владимиру Ильичу песни Сибири — «Ревела буря», «Славное море, священный Байкал» — и песнь о Степане Разине — «Есть на Волге утес». Особенно отчетливо пелся куплет:

Но зато, если есть на Руси хоть один,
Кто с корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жил, бедняка не давил,
Кто свободу, как мать дорогую, любил
И во имя ее подвизался,
Пусть тот смело идет, на утес тот взойдет
И к нему чутким ухом приляжет:
И утес-великан все, что думал Степан,
Все тому смельчаку перескажет...

Очень нравился Владимиру Ильичу куплет, дописанный М. С. Ольминским к «Дубинушке»:

Новых песен я жду для родной стороны,
Но без горестных слез, без рыданий,
Чтоб они, пролетарского гнева полны,
Зазвучали призывом к восстанью.

Утомившись и перепев любимые революционные песни, приступали к слушанию сольных номеров. Замечательно пел С. И. Гусев. У него был сочный голос, и пел он, не жалея сил. Ленин слушал с огромным удовольствием и романсы Чайковского «Ночь», «Средь шумного бала», «Мы сидели с тобой у заснувшей реки», и песнь Даргомыжского «Нас венчали не в церкви», и арии тореадора из «Кармен». Каким отдыхом, каким удовольствием для Владимира Ильича были наши песни! Под конец пела я тягучие волжские песни и разные частушки. Иногда и в пляс пускались...

...Иногда на вечерах декламировали стихи Некрасова, Гейне, Беранже.

Часто на прогулках или сидя за вечерним чаем, Владимир Ильич любил поговорить о литературе, о его любимых писателях Щедрине, Некрасове, Чернышевском, особенно о последнем. Чернышевского Ленин считал не только выдающимся революционером, великим ученым, передовым мыслителем, но и крупным художником, создавшим непревзойденные образы настоящих революционеров, мужественных, бесстрашных борцов типа Рахметова.

— Вот это настоящая литература, которая учит, ведет, вдохновляет. Я роман «Что делать?» перечитал за одно лето раз пять, находя каждый раз в этом произведении все новые волнующие мысли,— говорил Ленин.

Идейную направленность в художественных произведениях Ленин ставил выше всего, и потому он так ценил и любил Некрасова, которого почти всего знал наизусть. Как-то он спросил меня, знаю ли я наизусть поэму «Русские женщины». Я ответила: знаю, но никогда не могу прочитать ее вслух, душат слезы.

— Вот в этом и сила художника,— сказал Ленин,— берет за живое.

Иногда после музыкальных вечеров шли провожать гостей (я тогда жила в семье Ленина) и возвращались домой притихшие, усталые и несколько грустные. Будоражили что-то в душе эти песни! Говорить не хотелось, каждый думал о своем...

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 5-ти томах, т. 2, 1969, с. 115—117.

Н. Мещеряков

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЛЕНИНЕ

...Цявловский, издавший в свое время книгу «Большевики» по документам охранки, сообщил мне, что, просматривая бумаги охранного отделения 1917 года, он нашел два дела о Ленине. Одно дело заключало составленный на границе одним жандармом список книг, которые увез с собою за границу Ленин. Из этого списка видно, что из художественной литературы им были взяты только две книги: стихотворения Некрасова и «Фауст» Гете. Остальные книги были по экономике...

...Ленин любил поэзию, он очень любил Пушкина и читал его с громадным удовольствием...

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 5-ти томах, т. 2, 1969, с. 94, 95.

Из книги

Н. ВАЛЕНТИНОВА «ВСТРЕЧИ с В. И. ЛЕНИНЫМ» *

В конце января 1904 года в Женеве, в маленьком кафе на одной из улиц, примыкающих к площади Plaine de Plainpalais, сидели — Ленин, Воровский, будущий посол Советской России в Италии, Гусев (Драбкин), будущий начальник Политуправления республики. Четвертый был пишущий эти строки. Я пришел после других и не знаю, с чего начался разговор между Воровским и Гусевым. Я только слышал, что Воровский перечислял литературные произведения, имевшие некогда большой успех, а через некоторое, даже короткое, время настолько «отцветавшие», что, кроме скуки и равнодушия, они ничего не встречали. Помню, в качестве таких вещей он указывал «Вертера» Гете, некоторые вещи Жорж Санд, у нас «Бедную Лизу» Карамзина, другие произведения и, в их числе,— «Знамение времени» Мордовцева. Я вмешался в разговор и сказал, что раз указывается Мордовцев, почему бы не вспомнить «Что делать?» Чернышевского? — Диву даешься,— сказал я,— как люди могли увлекаться и восхищаться подобной вещью? Трудно представить себе что-либо более бездарное, примитивное и в то же самое время претенциозное...

Ленин до сего момента рассеянно смотрел куда-то в сторону, не принимая никакого участия в разговоре. Услышав, что я говорю, он взметнулся с такой стремительностью, что под ним стул заскрипел...

— Отдаете ли вы себе отчет, что говорите? — бросил он мне.— Как в голову может прийти чудовищная, нелепая мысль называть примитивным, бездарным произведение Чернышевского, самого большого и талантливого представителя социализма до Маркса? Сам Маркс называл его великим русским писателем.

— Он не за «Что делать?» его так называл. Эту вещь Маркс, наверное, не читал,— сказал я.

— Откуда вы знаете, что Маркс ее не читал? Я заявляю: недопустимо называть примитивным и бездарным «Что делать?». Под его влиянием сотни людей делались революционерами. Могло ли это быть, если бы Чернышевский писал бездарно и примитивно? Он, например, увлек моего брата, он увлек и меня. *Он меня всего глубоко перепахал.* Когда вы читали «Что делать?»? Его бесполезно читать, если молоко на губах не обсохло. Роман Чернышевского слишком сложен, полон мыслей, чтобы его понять и оценить в раннем возрасте. Я сам пробовал его читать, кажется, в 14 лет. Это было никуда негодное, поверхностное чтение. А вот после казни брата, зная, что роман Чернышевского был одним из самых любимых его произведений, я взялся уже

---

* Валентинов (Н. В. Вольский) — меньшевик, махист. После II съезда РСДРП до конца 1904 года примыкал к большевикам. После Октябрьской революции Валентинов некоторое время сотрудничал в советской печати, затем эмигрировал. В последние годы отошел от политической деятельности. В 1953 году в Нью-Йорке были опубликованы его воспоминания. В них немало субъективного и неверного, встречаются злобные выпады против советского общества. Но есть и несомненно достоверные и ценные страницы; к ним принадлежит публикуемый отрывок. Разыскать запись В. Воровского, на которую ссылается Валентинов, пока не удалось.— *Ред.*

за настоящее чтение и просидел над ним не несколько дней, а недель. Только тогда я понял глубину. Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь. Такого влияния бездарные произведения не имеют.

— Значит,— спросил Гусев,— вы не случайно назвали в 1903 году вашу книжку «Что делать?»?

— Неужели,— ответил Ленин,— о том нельзя догадаться?

Из нас троих меньше всего я придал значение словам Ленина. Наоборот, у Воровского они вызвали большой интерес. Он начал расспрашивать, когда, кроме «Что делать?», Ленин познакомился с другими произведениями Чернышевского и вообще, какие авторы имели на него особо большое влияние в период, предшествующий знакомству с марксизмом. Ленин не имел привычки говорить о себе. Уже этим он отличался от подавляющего большинства людей. На сей раз, изменяя своему правилу, на вопрос Воровского он ответил очень подробно. В результате, получилась не написанная, а сказанная страница автобиографии. В 1919 году В. В. Воровский — он был короткое время председателем Госиздата — счел нужным восстановить в памяти и записать слышанный им рассказ. Хотел ли он его вставить в начинавшееся тогда издание сочинений Ленина или написать о нем статью — не знаю. Стремясь придать записи наибольшую точность, он обратился за помощью к памяти лиц, присутствовавших при рассказе Ленина, то есть к Гусеву и ко мне. Лучшим способом установить правильность передачи было бы обращение к самому Ленину. Воровский это и сделал, но получил сердитый ответ: «Теперь совсем не время заниматься пустяками». Ленин тогда очень сердился на Воровского за скверное выполнение Госиздатом партийных поручений. Гусев, находившийся на фронте гражданской войны, оказал Воровскому минимальную помощь. Тетрадку,— а в ней для замечаний и добавлений к записи Воровский оставил широкие поля,— он возвратил почти без пометок, ссылаясь, что многое не помнит. В отличие от него, я внес в запись кое-какие добавления и некоторые выражения Ленина, крепко сохранившиеся в памяти. Впрочем, мои добавления были очень невелики. Запись Воровского была сделана так хорошо, с такой полнотой, что в них не нуждалась. После этого я больше Воровского не видел. Вскоре он был назначен на пост посла в Италию, а в 1923 году убит в Лозанне.

...Нужно было предполагать, что в СССР, где собираются даже самые ничтожные клочки бумаги, имеющие отношение к Ленину,— запись Воровского будет напечатана. Однако, сколь ни искал я ее в доступной мне советской литературе,— нигде не нашел. О ней нет ни малейшего упоминания... В таком случае приобретают важность и те извлечения, что я сделал из нее, когда на несколько дней она была в моих руках. Крайне жалею, что в то время, не придавая ей должного значения, поленился полностью списать ее. Вот что рассказал Ленин.

«Кажется, никогда потом в моей жизни, даже в тюрьме в Петербурге и в Сибири, я не читал столько, как в год после моей высылки в деревню из Казани. Это было чтение запоем с раннего утра до позднего часа. Я читал университетские курсы, предполагая, что мне скоро разрешат вернуться в университет. Читал разную беллетристику, очень увлекался Некрасовым, причем мы с сестрой состязались, кто скорее и больше выучит его стихов. Но больше всего я читал статьи, в свое время печатавшиеся в журналах «Современник»,

«Отечественные записки», «Вестник Европы». В них было помещено самое интересное и лучшее, что печаталось по общественным и политическим вопросам в предыдущие десятилетия. Моим любимейшим автором был Чернышевский. Все напечатанное в «Современнике» я прочитал до последней строчки и не один раз. Благодаря Чернышевскому произошло мое первое знакомство с философским материализмом. Он же первый указал мне на роль Гегеля в развитии философской мысли и от него пришло понятие о диалектическом методе, после чего было уже много легче усвоить диалектику Маркса. От доски до доски были прочитаны великолепные очерки Чернышевского об эстетике, искусстве и литературе и выяснилась революционная фигура Белинского. Прочитаны были все статьи Чернышевского о крестьянском вопросе, его примечания к переводу политической экономии Милля, и так как Чернышевский хлестал буржуазную экономическую науку, это оказалось хорошей подготовкой, чтобы позднее перейти к Марксу. С особенным интересом и пользой я читал замечательные по глубине мысли обзоры иностранной жизни, писавшиеся Чернышевским. Я читал Чернышевского «с карандашиком» в руках, делая из прочитанного большие выписки и конспекты. Тетрадки, в которые все это заносилось, у меня потом долго хранились. Энциклопедичность знаний Чернышевского, яркость его революционных взглядов, беспощадный полемический талант — меня покорили. Узнав его адрес, я даже написал ему письмо и весьма огорчился, не получив ответа. Для меня была большой печалью пришедшая через год весть о его смерти. Чернышевский, придавленный цензурой, не мог писать свободно. О многих взглядах его нужно было догадываться, но если подолгу, как я это делал, вчитываться в его статьи, приобретается безошибочный ключ к полной расшифровке его политических взглядов, даже выраженных иносказательно, в полунамеках. Существуют музыканты, о которых говорят, что у них абсолютный слух, существуют другие люди, о которых можно сказать, что они обладают абсолютным революционным чутьем. Таким был Маркс, таким же и Чернышевский. По сей день нельзя указать ни одного русского революционера, который с такой основательностью, проницательностью и силою, как Чернышевский, понимал и судил трусливую, подлую и предательскую природу всякого либерализма.

В бывших у меня в руках журналах, возможно, находились статьи и о марксизме, например, статьи Михайловского и Жуковского. Не могу сейчас твердо сказать — читал ли я их или нет. Одно только несомненно — до знакомства с первым томом «Капитала» Маркса и книгой Плеханова («Наши разногласия») они не привлекали к себе моего внимания, хотя благодаря статьям Чернышевского я стал интересоваться экономическими вопросами, в особенности тем, как живет русская деревня. На это наталкивали очерки В. В. (Воронцова), Глеба Успенского, Энгельгардта, Скалдина. До знакомства с сочинениями Маркса, Энгельса, Плеханова главное, подавляющее, влияние имел на меня только Чернышевский и началось оно с «Что делать?». Величайшая заслуга Чернышевского в том, что он не только показал, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером, но и другое, еще более важное: каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления. Пред этой заслу-

гой меркнут все его ошибки, к тому же виноват в них не столько он, сколько неразвитость общественных отношений его времени.

Говоря о влиянии на меня Чернышевского, как главном, не могу не упомянуть о влиянии дополнительном, испытанном в то время от Добролюбова — друга и спутника Чернышевского. За чтение его статей в том же «Современнике» я тоже взялся серьезно. Две его статьи — одна о романе Гончарова «Обломов», другая о романе Тургенева «Накануне» — ударили как молния. Я, конечно, и до этого читал «Накануне», но вещь была прочитана рано, и я отнесся к ней по-ребячески. Добролюбов выбил из меня такой подход. Это произведение, как и «Обломов», я вновь перечитал, можно сказать, с подстрочными замечаниями Добролюбова. Из разбора «Обломова» он сделал клич, призыв к воле, активности, революционной борьбе, а из анализа «Накануне» настоящую революционную прокламацию, так написанную, что она и по сей день не забывается. Вот как нужно писать! Когда организовалась «Заря», я всегда говорил Староверу (Потресову) и Засулич: «Нам нужны литературные обзоры именно такого рода». Куда там! Добролюбова, которого Энгельс называл социалистическим Лессингом, у нас не было».

«Вопросы литературы», 1957, № 8, с. 131—134.

М. Андреева

ЛЕНИН И ГОРЬКИЙ

Обычно, приезжая в Петербург, Максим Горький останавливался на квартире книгоиздателя Константина Пятницкого, где у него были свои две небольшие комнаты. В дни его пребывания в Петербурге вся большая квартира Пятницкого с утра до вечера была наполнена самой разнообразной публикой: литераторами, художниками, артистами драмы и оперы, студентами и рабочими, что, конечно, делало эту квартиру предметом самого откровенного наблюдения царской полиции.

Когда мы в ноябре 1905 года собрались наконец поехать в Петербург, то еще в поезде Алексей Максимович сказал мне, что прежде всего мы проедем в редакцию «Новой Жизни», а уже оттуда к Пятницкому, чтобы не смущать наблюдающих за его квартирой и не водить их за собой. Вещи наши взяли встретившие нас родные и друзья, а мы с Горьким направились в редакцию, помещавшуюся неподалеку от вокзала, на Невском.

Вот тут первый раз встретились и познакомились Горький и Владимир Ильич Ленин.

Помню, как Ленин вышел к нам навстречу из каких-то задних комнат и быстро подошел к Алексею Максимовичу. Они долго жали друг другу руки. Ленин радостно смеялся, а Горький, сильно смущаясь и, как всегда при этом, стараясь говорить особенно солидно, басистым голосом, все повторял подряд:

— Ага, так вот вы какой... Хорошо, хорошо! Я очень рад, очень рад!

Когда мы пришли к Пятницкому, спустя долгое время Алексей Максимович сказал мне:

— Д-да!.. Видишь, в какие мы с тобой дела попали... Правда, очень хорош?

Конечно, я сразу догадалась, о ком он говорит, но, чтобы поддразнить его, нарочно спросила:

— Ты это о ком?

— Как о ком? Ну, конечно, о Ленине! Как хорош!.. И не хвастайся, что ты это раньше меня говорила, ты и видела его раньше меня,— совсем по-детски заключил он.

Он часто бывал похож на большое дитя.

* * *

Помню, как Горький встретился с Лениным в Лондоне в 1907 году, приехав на V съезд Российской социал-демократической рабочей партии.

Ленин повез нас в гостиницу «Империал», где-то неподалеку от Британского музея. Гостиница представляла собой огромный, сырой и неуютный дом, но другого помещения почему-то найти не удалось.

Помню, как Ленин беспокоился за Горького:

— Простудим мы его! Ведь он привык к мягкому климату, хорошему уходу...

Действительно, в комнате, очень небольшой, было сыро и сумрачно, огромная кровать занимала половину места, большое окно выходило прямо в стену, газовый камин с искусственными дровами давал мало тепла. Был май месяц, но погода стояла сырая и холодная.

Ленин подошел к кровати, пощупал простыни и, зная, что Горький не любил, чтобы беспокоились о его здоровье, вполголоса сказал мне:

— Простыни-то совсем сырые, надо бы их посушить, хотя бы перед этим дурацким камином. Закашляет у нас Алексей Максимович, а это уж никуда не годится!

Удивительно трогательной показалась мне эта милая заботливость! Впоследствии я неоднократно имела возможность убедиться в том, с каким вниманием умел Ленин относиться к людям, особенно к товарищам, как он умел все видеть, все замечать и ничего не забывать.

Когда Ленин ушел, Горький долго ходил по неуютной комнате от окна к двери, мимо газового камина, крутил и покусывал по привычке кончики усов, а потом тихо и задумчиво сказал:

— Удивительный человек!

Алексей Максимович был очень взволнован и радостно возбужден, получив приглашение на съезд, да еще с правом совещательного голоса. Это как-то особенно сближало его с товарищами рабочими, приехавшими из России. Он сильно страдал от вынужденной разлуки с родиной, хотя тщательно скрывал это даже от близких людей, да и сам себя старался убедить в том, что будто бы в Россию его не тянет.

Бывая на всех заседаниях съезда, Алексей Максимович жадно впитывал в себя речи и даже отдельные слова делегатов и с каждой новой встречей все больше и больше влюблялся в Ленина.

Г. В. Плеханов произвел на него плохое впечатление.

— Барин! — резко отзывался Горький о нем.

И горячо спорил с Богдановым, Строевым и даже с Лениным, когда те говорили ему о больших заслугах, эрудиции и уме Плеханова, хотя, конечно, и сам Алексей Максимович прекрасно понимал значение Плеханова для партии.

Очень презрительно относился Алексей Максимович к Либеру и Дану. Горький вообще ненавидел меньшевиков всеми силами души, делая исключение только для Мартова, которого называл «заблудившаяся душа», да еще для Власа Мгеладзе, в просторечье именуемого «Триадзе». Этот последний нравился Алексею Максимовичу неукротимостью своей натуры и могучей внешностью. Впоследствии, когда этот Влас «Триадзе» приехал на Капри и прожил у нас довольно долгое время, Алексей Максимович сильно разочаровался в нем, и помню, как, тяжело вздохнув, однажды сказал:

— Нет, в больших дозах даже и хороший парень, ежели он меньшевик, непереносим!

Чтобы сколько-нибудь улучшить питание наших товарищей, большинство которых жило впроголодь, мы организовали доставку бутербродов и пива целыми корзинами в здание той церкви, где заседал съезд.

Делегаты съезда во время перерывов много говорили о книге Горького «Мать». Рабочим она нравилась, но некоторым из них казалось, что все изображено наряднее, чем в жизни. Это огорчало Горького, и хотя он всегда ценил критику и искал ее, но в данном случае горячо спорил, доказывая, что проявление борьбы человека с неправдой жизни всегда прекрасно и потому должно быть красивым.

Ленин ценил «Мать» очень высоко, считая появление ее крупным событием, а недостатки видел больше всего в идеализации революционеров-интеллигентов...

...Очень интересовался Ленин встречами Горького с английскими писателями. Горький познакомился с Бернардом Шоу, виделся с Г. Уэллсом, с которым встречался еще в бытность свою в Америке, и с другими, менее известными писателями, но говорил он об этих своих встречах неохотно: он весь был поглощен впечатлениями съезда и встречами с русскими товарищами.

* * *

В Лондоне Ленин дал Горькому обещание приехать на Капри после того, как будут закончены дела по съезду, и сдержал свое обещание.

Встречая его, Горький волновался, как мальчик. Ему страстно хотелось, чтобы Ленину понравилось у него, чтобы он отдохнул и набрался сил.

Ежедневная рыбная ловля на море, ни того, ни другого не укачивало, давала им возможность беседовать друг с другом без помехи: на лодке с ними были только рыбаки-каприйцы да я.

Горький рассказывал Ленину о Нижнем Новгороде, о Волге, о своем детстве, о бабушке Акулине Ивановне, о своей юности и своих скитаниях. Вспоминал отца. Много говорил о дедушке.

Ленин слушал его с огромным вниманием, блестя прищуренными по привычке глазами, и раз как-то сказал Горькому:

— Написать бы вам все это, батенька, надо! Замечательно поучительно все это, замечательно...

Горький сразу осекся, замолчал, покашлял смущенно и невесело сказал:

— Напишу... Когда-нибудь.

Горький с увлечением показывал Ленину Помпею, Неаполитанский музей, где он знал буквально каждый уголок. Они ездили вместе на Везувий и по окрестностям Неаполя.

Горький удивительно рассказывал. Он умел двумя-тремя словами нарисовать пейзаж, обрисовать события, человека. Это его свойство особенно восхищало Ленина. Со своей стороны Горький не переставал восхищаться четкостью мыслей и яркостью ума Владимира Ильича, его умением подойти к человеку и явлению прямо, просто и необыкновенно ясно.

Мне кажется, что именно с того времени Ленин нежно полюбил Горького. Не помню случая, чтобы Ленин сердился на него. Горький любил Ленина горячо, порывисто и восхищался им пламенно.

Уезжая в Париж, Владимир Ильич твердо обещал снова приехать на Капри вместе с Надеждой Константиновной. К сожалению, это обещание не было полностью исполнено,— во второй раз он приехал на Капри, но без Надежды Константиновны и очень ненадолго.

В то время на Капри жили А. В. Луначарский, А. А. Богданов, В. А. Базаров. Приехал из Берлина по делам издательства И. П. Ладыжников, старый друг и товарищ наш.

Еще когда мы шли от фуникулера до виллы Бэдус, на которой тогда жили, Алексей Максимович заговорил с Владимиром Ильичем о той горячей привязанности, которую питает к нему, Ленину, Богданов, о том, что Луначарский и Базаров изумительно талантливые, умные люди...

Владимир Ильич посмотрел на Алексея Максимовича сбоку, прищурился и очень твердо отрезал:

— Не старайтесь, Алексей Максимович. Ничего из этого не выйдет.

Богданов, Базаров и Луначарский неоднократно делали попытки найти пути соглашения с Владимиром Ильичем, но от разговоров на философские темы Владимир Ильич, для которого ясна была полная бесполезность какой-либо дискуссии на данной стадии расхождения, определенно и твердо уклонялся, сколько ни старались втянуть его в такие беседы, в том числе и Алексей Максимович. А Горькому так хотелось понять суть разногласий, так глубоко волновало его резкое расхождение между товарищами.

В этот приезд Владимира Ильича Алексею Максимовичу редко удавалось побыть наедине с ним: мешали посторонние люди. Пробыл Владимир Ильич на Капри всего несколько дней, и после его отъезда у Горького было грустное настроение, с которым он долго потом не мог справиться.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 5-ти томах, т. 2, 1969, с. 225—229.

М. Кедров

ИЗ КРАСНОЙ ТЕТРАДИ ОБ ИЛЬИЧЕ

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

С Владимиром Ильичем я впервые встретился в Швейцарии, в Берне, если не ошибаюсь, в 1913 году.

Владимир Ильич пришел на концерт, устроенный Кассой взаимопомощи русского студенчества, где я участвовал в качестве пианиста.

— А хорошо вы играете. Я и не предполагал в вас таких талантов,— сказал Владимир Ильич с добродушной усмешкой.

Мы сидели за небольшим столиком в буфете. Разговор коснулся периода издательства. Ильич спрашивал о судьбе издательства и последней рукописи его, попавшей к жандармам, а также о том, с кем из товарищей я сидел в тюрьме. Я рассказал... что разгром издательства произошел не без участия провокатора, некоего Михаила Львовича Шпеерсона, работавшего сперва наборщиком в заграничной «Искре», а впоследствии в Петрограде управляющим типографией Безобразова.

Начались танцы. Ильичу было скучно, и вскоре он ушел. Прощаясь, сказал: «Как-нибудь зайду к вам... музыку послушать».

Действительно, через несколько дней Ильич пришел. Настолько просто и по-товарищески держал себя, что через какие-нибудь полчаса ребята мои уже обступили его со своими игрушками и делами, а взрослые готовы были поведать ему самые сокровенные тайны...

Помню также, как мой девятилетний сынишка вмешался в разговор и задал какой-то очень мудреный вопрос. Владимир Ильич погладил его по голове и, улыбаясь, процитировал в ответ некрасовский стих:

Вырастешь, Саша, узнаешь —
Все расскажу тебе сам:
Где научился я пенью,
С кем и когда я певал...

В этот вечер мне пришлось много играть. Больше всего нравилась Ильичу музыка Бетховена. Его сонаты — патетическая и de-moll, его увертюры «Кориолан» и «Эгмонт». Но комментарии к музыке, которые мною не совсем удачно делались, вызывали иронические замечания со стороны незабываемого слушателя: «Только без комментариев». С большой охотой слушал Ильич также некоторые произведения Шуберта — Листа («Лесной царь», «Приют»), прелюдии Шопена, но не нравилась ему чисто виртуозная музыка и вовсе не выносил он слащавых «Песен без слов» Мендельсона.

«Замечательно играет!» — отзывался Ильич о моей игре и рекомендовал Надежде Константиновне обязательно послушать мою игру.

Думаю, не в моей игре, которая не заключала в себе ничего особенного, а в самом Владимире Ильиче и его настроении лежала разгадка.

В описываемый период Владимир Ильич приехал в Берн на побывку, и обстановка, в которой он находился, тяжелая болезнь и предстоявшая операция Надежды Константиновны, а также жизнь в гостях отвлекали его от

обычных напряженных занятий и позволяли ему послушать музыку и оценить величие бетховенских творений.

Еще несколько раз Владимир Ильич заходил к нам слушать музыку. В последний раз, вероятно в праздничный день, Ильич пришел с Корнблюмом. Он был в хорошем настроении и много острил. Просил сыграть те же сонаты и увертюры, которые я уже не раз ему играл. Сидел он на балкончике, откуда открывался чудеснейший вид на белоснежные вершины Оберлянда: Юнгфрау, Эйгер, Глетчер...

После того не пришлось мне больше играть Владимиру Ильичу. Правда, в конце 1918 года и в начале 1919 года, когда я был с докладом у Владимира Ильича, он спросил:

— А вы продолжаете заниматься музыкой?

На мой ответ: — Немного, да и то после часу ночи,— заметил:

— Хотелось бы мне вас послушать.

Разумеется, это было только добрым словом, но словом, врезавшимся в память на всю жизнь...

Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, 1956, с. 414—416.

И. Попов

В. И. ЛЕНИН В БРЮССЕЛЕ

...Однажды (в январе 1914 г. в Брюсселе.— *Ред.*) на дальней прогулке, когда все обо всем было переговорено, я пожаловался, как бывает горько иногда в разговорах с иностранцами признавать Россию отсталой, как тяжело слушать об ее язвах. Владимир Ильич отозвался:

— Это вы что-то неожиданное сейчас сказали. Это вы сказали хорошо. Помните, может быть, у Некрасова:

Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит отчизны своей...

После этих слов мы оба шли долго молча. И вдруг Владимир Ильич сказал как будто вне всякой связи с предыдущим разговором:

— Вы на Волге бывали? Знаете Волгу? Плохо знаете? Широка! Необъятная ширь... Так широка...— Он остановился и помолчал, не то подыскивая слово — а этого с ним не бывало, чтобы он подыскивал слова в разговоре: они находились у него сами собой,— не то задумавшись о чем-то ином, не касающемся разговора.— Мы в детстве с Сашей, с братом, уезжали на лодке далеко, очень далеко уезжали... и над рекой, бывало, стелется неизвестно откуда песня... И песни же у нас в России! — Снова помолчал немного.— А какой пролетариат! Где еще найдутся в другой стране такие рабочие, как наши русские! А какие имена знает наша история, девятнадцатый век хотя бы! Ну, извините, нам нет оснований голову вешать...

Воспоминания о В. И. Ленине, т. 3, 1960, с. 115—116.

Клара Цеткин

Из книги
«О ЛЕНИНЕ»

...Ленин застал нас — трех женщин * — беседующими об искусстве, просвещении и воспитании. Я как раз в этот момент высказывала свое восторженное удивление перед единственной, в своем роде титанической, культурной работой большевиков, перед расцветом в стране творческих сил, стремящихся проложить новые пути искусству и воспитанию. При этом я не скрывала своего впечатления, что довольно часто приходится наблюдать много неуверенности и неясных нащупываний, пробных шагов и что наряду со страстными поисками нового содержания, новых форм, новых путей в области культурной жизни имеет иногда место и искусственное «модничанье» и подражание западным образцам. Ленин тотчас же очень живо вмешался в разговор.

— Пробуждение новых сил, работа их над тем, чтобы создать в Советской России новое искусство и культуру,— сказал он,— это — хорошо, очень хорошо. Бурный темп их развития понятен и полезен. Мы должны нагнать то, что было упущено в течение столетий, и мы хотим этого. Хаотическое брожение, лихорадочные искания новых лозунгов, лозунги, провозглашающие сегодня «осанну» по отношению к определенным течениям в искусстве и в области мысли, а завтра кричащие «распни его»,— все это неизбежно.

— Революция развязывает все скованные до того силы и гонит их из глубин на поверхность жизни. Вот вам один пример из многих. Подумайте о том влиянии, которое оказывали на развитие нашей живописи, скульптуры и архитектуры мода и прихоти царского двора, равно как вкус и причуды господ аристократов и буржуазии. В обществе, базирующемся на частной собственности, художник производит товары для рынка, он нуждается в покупателях. Наша революция освободила художников от гнета этих весьма прозаических условий. Она превратила Советское государство в их защитника и заказчика. Каждый художник и всякий, кто себя таковым считает, претендует на право творить свободно, согласно своему идеалу, будь этот идеал на что-нибудь годен или нет. Отсюда перед вами брожение, экспериментирование, хаотичность.

— Но, конечно, мы — коммунисты. Мы не вправе сидеть сложа руки и позволять хаосу распространяться, как ему угодно. Мы должны стремиться

* К. Цеткин, Н. К. Крупскую и М. И. Ульянову.— *Ред.*

к тому, чтобы с ясным сознанием руководить также и этим развитием, чтобы формировать и определять его результаты *. Мы еще далеки от этого, очень далеки. Мне кажется, что и мы имеем наших докторов Карлштадтов **. Мы чересчур большие «ниспровергатели в живописи» ***. Красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно «старое». Почему нам нужно отворачиваться от истинно прекрасного, отказываться от него, как от исходного пункта для дальнейшего развития, только на том основании, что оно «старо»? Почему надо преклоняться перед новым, как перед богом, которому надо покориться, только потому, что «это ново»? Бессмыслица, сплошная бессмыслица! Здесь много лицемерия и, конечно, бессознательного почтения к художественной моде, господствующей на Западе. Мы хорошие революционеры, но мы чувствуем себя почему-то обязанными доказать, что мы тоже стоим «на высоте современной культуры». Я же имею смелость заявить себя «варваром». Я не в силах считать произведения экспрессионизма, футуризма, кубизма и прочих «измов» высшим проявлением художественного гения. Я их не понимаю. Я не испытываю от них никакой радости.

Я не могла удержаться и созналась, что и мне не хватает органа восприятия, чтобы понять, почему художественным выражением вдохновенной души должны служить треугольники вместо носа и почему революционное стремление к активности должно превратить тело человека, в котором органы связаны в одно сложное целое, в какой-то мягкий бесформенный мешок, поставленный на двух ходулях, с двумя вилками по пяти зубцов в каждой.

Ленин от души расхохотался.

— Да, дорогая Клара, ничего не поделаешь, мы оба старые. Для нас достаточно, что мы по крайней мере в революции остаемся молодыми и находимся в первых рядах. За новым искусством нам не угнаться, мы будем ковылять позади.

— Но,— продолжал Ленин,— важно не наше мнение об искусстве. Важно также не то, что дает искусство нескольким сотням, даже нескольким тысячам общего количества населения, исчисляемого миллионами. Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, подымать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их.

---

* В оригинале это место звучит так: «Jeder Künstler und jeder, der sich dafür hält, nimmt als sein gutes Recht in Anspruch, frei nach seinem Ideal zu schaffen, mag das nun etwas taugen oder nicht. Da haben Sie die Gärung, das Experimentieren, das Chaotische.

Aber natürlich, wir sind Kommunisten. Wir dürfen nicht die Hände in den Schoß legen und das Chaos gären lassen, wie es will. Wir müssen auch diese Entwicklung bewußt, klar zu leiten und ihre Ergebnisse zu formen, zu bestimmen suchen» (Clara Z e t k i n. Erinnerungen an Lenin. Verlag für Literatur und Politik. Wien — Berlin, 1929, S. 12—13).— *Ред.*

** Карлштадт (Андреас Боденштейн, ок. 1480—1541) — деятель Реформации, требовавший уничтожения религиозной живописи, «иконоборец».— *Ред.*

*** В оригинале «Bilderstürmer». В роли подобных «иконоборцев», отвергавших культурное наследие, в 1920 году у нас выступали пролеткультовцы и футуристы, которых Ленин и имеет здесь в виду.— *Ред.*

Должны ли мы небольшому меньшинству подносить сладкие, утонченные бисквиты, тогда как рабочие и крестьянские массы нуждаются в черном хлебе? Я понимаю это, само собою разумеется, не только в буквальном смысле слова, но и фигурально: мы должны всегда иметь перед глазами рабочих и крестьян. Ради них мы должны научиться хозяйничать, считать. Это относится также к области искусства и культуры.

— Для того, чтобы искусство могло приблизиться к народу и народ к искусству, мы должны сначала поднять общий образовательный и культурный уровень. Как у нас обстоит дело в этом отношении? Вы восторгаетесь по поводу того колоссального культурного дела, которое мы совершили со времени прихода своего к власти. Конечно, без хвастовства, мы можем сказать, что в этом отношении нами многое, очень многое сделано. Мы не только «снимали головы», как в этом обвиняют нас меньшевики всех стран и на вашей родине Каутский, но мы также просвещали головы; мы много голов просветили. Однако «много» только по сравнению с прошедшим, по сравнению с грехами господствовавших тогда классов и клик. Необъятно велика разбуженная и разжигаемая нами жажда рабочих и крестьян к образованию и культуре. Не только в Питере и в Москве, в промышленных центрах, но и далеко за этими пределами, вплоть до самых деревень. А между тем мы народ нищий, совершенно нищий. Конечно, мы ведем настоящую упорную войну с безграмотностью. Устраиваем библиотеки, «избы-читальни» в крупных и малых городах и селах. Организуем самые разнообразные курсы. Устраиваем хорошие спектакли и концерты, рассылаем по всей стране «передвижные выставки» и «просветительные поезда». Но я повторяю: что это может дать тому многомиллионному населению, которому недостает самого элементарного знания, самой примитивной культуры? В то время как сегодня в Москве, допустим, десять тысяч человек, а завтра еще новых десять тысяч человек придут в восторг, наслаждаясь блестящим спектаклем в театре,— миллионы людей стремятся к тому, чтобы научиться по складам писать свое имя и считать, стремятся приобщиться к культуре, которая обучила бы их тому, что земля шарообразна, а не плоская и что миром управляют законы природы, а не ведьмы и не колдуны совместно с «отцом небесным».

«Товарищ Ленин, не следует так горько жаловаться на безграмотность,— заметила я.— В некотором отношении она вам облегчила дело революции. Она предохранила мозги рабочего и крестьянина от того, чтобы быть напичканными буржуазными понятиями и воззрениями и захиреть. Ваша пропаганда и агитация бросает семена на девственную почву. Легче сеять и пожинать там, где не приходится предварительно выкорчевывать целый первобытный лес».

— Да, это верно,— возразил Ленин.— Однако только в известных пределах или, вернее сказать, для определенного периода нашей борьбы. Безграмотность уживалась с борьбой за власть, с необходимостью разрушить старый государственный аппарат. Но разве мы разрушаем единственно ради разрушения? Мы разрушаем для того, чтобы воссоздать нечто лучшее. Безграмотность плохо уживается, совершенно не уживается с задачей восстановления *. Последнее ведь, согласно Марксу, должно быть делом самих рабо-

* В оригинале «des Aufbaues» — в смысле социалистического строительства.— *Ред.*

чих и, прибавлю, крестьян, если они хотят добиться свободы. Наш советский строй облегчает эту задачу. Благодаря ему в настоящее время тысячи трудящихся из народа учатся в различных советах и советских органах работать над делом восстановления *. Это — мужчины и женщины «в расцвете сил», как у вас принято говорить. Большинство из них выросло при старом режиме и, следовательно, не получило образования и не приобщилось к культуре, но теперь они страстно стремятся к знанию. Мы самым решительным образом ставим себе целью привлекать к советской работе все новые пласты мужчин и женщин и дать им известное практическое и теоретическое образование. Однако, несмотря на это, мы не можем удовлетворить всю потребность нашу в творческих и руководящих силах. Мы вынуждены привлекать бюрократов старого стиля, и в результате у нас образовался бюрократизм. Я его от души ненавижу, не имея, конечно, при этом в виду того или иного отдельного бюрократа. Последний может быть дельным человеком. Но я ненавижу систему. Она парализует и вносит разврат как внизу, так и наверху. Решающим фактором для преодоления и искоренения бюрократизма служит самое широкое образование и воспитание народа.

— Каковы же наши перспективы на будущее? Мы создали великолепные учреждения и провели действительно хорошие мероприятия с той целью, чтобы пролетарская и крестьянская молодежь могла учиться, штудировать и усваивать культуру. Но и тут встает перед нами тот же мучительный вопрос: что̀ значит все это для такого большого населения, как наше? Еще хуже того: у нас далеко нет достаточного количества детских садов, приютов и начальных школ. Миллионы детей подрастают без воспитания и образования. Они остаются такими же невежественными и некультурными, как их отцы и деды. Сколько талантов гибнет из-за этого, сколько стремлений к свету подавлено! Это ужасное преступление с точки зрения счастья подрастающего поколения, равносильное расхищению богатств Советского государства, которое должно превратиться в коммунистическое общество. В этом кроется грозная опасность *.

В голосе Ленина, обычно столь спокойном, звучало сдержанное негодование.

«Как близко задевает его сердце этот вопрос,— подумала я,— раз он перед нами тремя произносит агитационную речь». Кто-то из нас — я не помню, кто именно,— заговорил по поводу некоторых, особенно бросающихся в глаза явлений из области искусства и культуры, объясняя их происхождение «условиями момента». Ленин на это возразил:

— Знаю хорошо! Многие искренне убеждены в том, что panem et circenses («хлебом и зрелищами») можно преодолеть трудности и опасности теперешнего периода. Хлебом — конечно! Что касается зрелищ,— пусть их! — не возражаю. Но пусть при этом не забывают, что зрелища — это не настоящее, большое искусство, а скорее более или менее красивое развлечение. Не надо при этом забывать, что наши рабочие и крестьяне нисколько не напоминают римского люмпен-пролетариата. Они не содержатся на счет го-

---

* В оригинале: «Das ist ein grausames Verbrechen gegen das Glück des heranwachsenden Geschlechts und ein Diebstahl an dem Reichtum des Sowjetstaats, der sich zur kommunistischen Gesellschaft entwickeln soll. Es ist eine schwere Gefahr für die Zukunft».— *Ред.*

сударства, а содержат сами трудом своим государство. Они «делали» революцию и защищали дело последней, проливая потоки крови и принося бесчисленные жертвы. Право, наши рабочие и крестьяне заслуживают чего-то большего, чем зрелищ. Они получили право на настоящее, великое искусство. Потому мы в первую очередь выдвигаем самое широкое народное образование и воспитание. Оно создает почву для культуры,— конечно, при условии, что вопрос о хлебе разрешен. На этой почве должно вырасти действительно новое, великое коммунистическое искусство, которое создаст формы соответственно своему содержанию. На этом пути нашим «интеллигентам» предстоит разрешить благородные задачи огромной важности. Поняв и разрешив эти задачи, они покрыли бы свой долг перед пролетарской революцией, которая и перед ними широко раскрыла двери, ведущие их на простор из тех низменных жизненных условий, которые так мастерски охарактеризованы в «Коммунистическом манифесте»...

...Ленин, воспринимавший массу в духе Маркса, придавал, разумеется, огромное значение ее всестороннему культурному развитию. Он считал его величайшим завоеванием революции и верным залогом осуществления коммунизма.

— Красный Октябрь,— сказал он мне однажды,— открыл широкий путь для культурной революции величайшего масштаба, которая осуществляется на основе начавшейся экономической революции, в постоянном взаимодействии с ней. Представьте себе миллионы мужчин и женщин, принадлежащих к различным национальностям и расам и стоящих на различных ступенях культуры,— все они теперь устремились вперед, к новой жизни. Грандиозна задача, стоящая перед Советской властью. Она должна за годы, за десятилетия загладить культурный долг многих столетий. Кроме советских органов и учреждений, действуют для культурного прогресса многочисленные организации и объединения ученых, художников и учителей. Громаднейшая культурная работа проводится нашими профсоюзами на предприятиях, нашей кооперацией в деревне. Активность нашей партии живет и проникает повсюду. Делается очень многое, наши успехи велики в сравнении с тем, что было, но они кажутся маленькими в сравнении с тем, что предстоит сделать. Наша культурная революция только началась.

Случайно Ленин коснулся обсуждения одной блестящей балетной постановки в Большом театре.

— Да,— с улыбкой заметил он,— балет, театр, опера, выставки новой и новейшей живописи и скульптуры — все это служит для многих за границей доказательством того, что мы, большевики, вовсе не такие ужасные варвары, как там думали. Я не отрицаю этих и подобных им проявлений общественной культуры,— я их вовсе не недооцениваю. Но, признаюсь, мне больше по душе создание двух-трех начальных школ в захолустных деревнях, чем самый великолепный экспонат на выставке. Подъем общего культурного уровня масс создаст ту твердую, здоровую почву, из которой вырастут мощные, неисчерпаемые силы для развития искусства, науки и техники. Стремление создавать культуру, распространять ее у нас необычайно сильно. Нужно признать, что при этом у нас делается много экспериментов, наряду с серьезным у нас много ребяческого, незрелого, отнимающего силы и средства. Но, по-видимому, творческая жизнь требует расточительности в обществе,

как и в природе. Самое важное для культурной революции со времени завоевания власти пролетариатом уже имеется: это пробуждение, стремление масс к культуре. Растут новые люди, созданные новым общественным строем и творящие этот строй...

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 5-ти томах, т. 5, 1969, с. 13—17, 65—66.

А. В. Луначарский

ЛЕНИН И ИСКУССТВО

ВОСПОМИНАНИЯ

У Ленина было очень мало времени в течение его жизни сколько-нибудь пристально заняться искусством, и он всегда сознавал себя в этом отношении профаном, и так как ему всегда был чужд и ненавистен дилетантизм, то он не любил высказываться об искусстве. Тем не менее вкусы его были очень определенны. Он любил русских классиков, любил реализм в литературе, в живописи и т. д.

Еще в 1905 году, во время первой революции, ему пришлось раз ночевать в квартире товарища Д. И. Лещенко, где, между прочим, была целая коллекция кнакфуссовских изданий, посвященных крупнейшим художникам мира. На другое утро Владимир Ильич сказал мне: «Какая увлекательная область история искусства. Сколько здесь работы для коммуниста. Вчера до утра не мог заснуть, все рассматривал одну книгу за другой. И досадно мне стало, что у меня не было и не будет времени заняться искусством». Эти слова Ильича запомнились мне чрезвычайно четко.

Несколько раз приходилось мне встречаться с ним уже после революции на почве разных художественных жюри. Так, например, помню, он вызвал меня, и мы вместе с ним и Каменевым поехали на выставку проектов памятников на предмет замены фигуры Александра III, свергнутой с роскошного постамента около храма Христа Спасителя. Владимир Ильич очень критически осматривал все эти памятники. Ни один из них ему не понравился. С особым удивлением стоял он перед памятником футуристического пошиба *, но когда спросили его об его мнении, он сказал: «я тут ничего не понимаю, спросите Луначарского». На мое заявление, что я не вижу ни одного достойного памятника, он очень обрадовался и сказал мне: «А я думал, что вы поставите какое-нибудь футуристическое чучело».

Другой раз дело шло о памятнике Карлу Марксу. Известный скульптор М. ** проявил особую настойчивость. Он выставил большой проект памятника: «Карл Маркс, стоящий на четырех слонах». Такой неожиданный мотив показался нам всем странным, и Владимиру Ильичу тоже. Художник стал переделывать свой памятник, и переделывал его раза три, ни за что не желая отказаться от победы на конкурсе. Когда жюри под моим председательством

---

* Проект Б. Д. Королева.— *Ред.*
** С. Меркуров.— *Ред.*

окончательно отвергло его проект и остановилось на коллективном проекте группы художников под руководством Алешина, то скульптор М. ворвался в кабинет Владимира Ильича и нажаловался ему. Владимир Ильич принял к сердцу его жалобу и звонил мне специально, чтобы было созвано новое жюри. Сказал, что сам приедет смотреть алешинский проект и проект скульптора М. Пришел. Остался алешинским проектом очень довольным, проект скульптора М. отверг.

В этом же самом году * на празднике Первого мая в том самом месте, где предполагалось воздвигнуть памятник Марксу, алешинская группа построила в небольшом масштабе модель памятника. Владимир Ильич специально поехал туда. Несколько раз обошел памятник вокруг, спросил, какой он будет величины, и в конце концов одобрил его, сказав однако: «Анатолий Васильевич, особенно скажите художнику, чтобы голова вышла похожей, чтобы было то впечатление от Карла Маркса, какое получается от хороших его портретов, а то как будто сходства мало».

Еще в 18-м году ** Владимир Ильич позвал меня и заявил мне, что надо двинуть вперед искусство, как агитационное средство, при этом он изложил два проекта. Во-первых, по его мнению, надо было украсить здания, заборы и т. п. места, где обыкновенно бывают афиши, большими революционными надписями. Некоторые из них он сейчас же предложил.

Во всей полноте этот проект был подхвачен т. Брихничевым, когда он был заведующим Гомельским ОНО. Гомель я нашел буквально испещренным такими надписями, не плохими по мысли. Даже все зеркала в каком-то большом ресторане, превращенном в просветучреждение, т. Брихничев расписал изречениями.

В Москве и Петрограде это не привилось, не только в столь преувеличенной форме, но даже в форме, соответствовавшей мысли Ильича ***.

Второй проект относился к постановке памятников великим революционерам в чрезвычайно широком масштабе, памятников временных, из гипса, как в Петербурге, так и в Москве. Оба города живо откликнулись на мое предложение осуществить идею Ильича, причем предполагалось, что каждый памятник будет торжественно открываться речью о данном революционере и что под ним будут сделаны разъясняющие надписи. Владимир Ильич называл это «монументальной пропагандой».

В Петрограде эта «монументальная пропаганда» была довольно удачной. Первым таким памятником был Радищев — Шервуда. Копию его постави-

---

* В 1920 году.— *Ред.*

** Между 15 марта и 8 апреля.— *Ред.*

*** В сентябре 1918 года В. И. Ленин возмущался, что «для пропаганды надписями на улицах ничего не сделано» (телеграмма А. В. Луначарскому от 18.IX. 1918; см. наст. сборник, с. 492). В дальнейшем на стенах некоторых зданий в Москве появились тексты лозунгов и цитат из сочинений основоположников марксизма и деятелей революционного движения. На одной из колонн портика Большого театра была помещена доска со словами Н. Г. Чернышевского: «Творите будущее, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можно перенести». На здании Исторического музея была прикреплена доска со словами Ф. Энгельса: «Уважение к древности есть несомненно один из признаков истинного просвещения».— *Ред.*

ли в Москве *. К сожалению, памятник в Петрограде разбился и не был возобновлен. Вообще большинство хороших петербургских памятников по самой хрупкости материала не могли удержаться, а я помню очень неплохие памятники, например, бюсты Гарибальди, Шевченко, Добролюбова, Герцена и некоторые другие **. Хуже выходили памятники с левым уклоном, так, например, когда открыта была кубически стилизованная голова Перовской ***, то некоторые прямо шарахнулись в сторону, а З. Лилина на самых высоких тонах потребовала, чтобы памятник был немедленно снят. Так же точно, помнится, памятник Чернышевскому многим показался чрезвычайно вычурным ****. Лучше всех был памятник Лассалю *****. Этот памятник, поставленный у бывшей городской думы, остался и до сих пор******. Кажется, его отлили из бронзы. Чрезвычайно удачен был также памятник Карлу Марксу во весь рост, сделанный скульптором Матвеевым *******. К сожалению, он разбился и сейчас заменен в том же месте, то есть около Смольного, бронзовой головой Маркса более или менее обычного типа, без оригинальной пластической трактовки Матвеева.

В Москве, где памятники как раз мог видеть Владимир Ильич, они были неудачны. Маркс и Энгельс изображены были в каком-то бассейне и получили прозвище «бородатых купальщиков» ********. Всех превзошел скульптор К *********. В течение долгого времени люди и лошади, ходившие и ездившие по Мясницкой, пугливо косились на какую-то взбесившуюся фигуру, закрытую из предосторожности досками. Это был Бакунин в трактовке уважаемого художника. Если я не ошибаюсь, памятник сейчас же по открытии его был разрушен анархистами, так как при всей своей передовитости анархисты не хотели потерпеть такого скульптурного «издевательства» над памятью своего вождя **********.

Вообще удовлетворительных памятников в Москве было очень мало.

---

* Памятник Радищеву был поставлен в проломе решетки Зимнего дворца; открытие памятника состоялось 22 сентября 1918 года. Памятник Радищеву в Москве (также работы Л. Шервуда) был поставлен на теперешней площади Маяковского. Открытие его состоялось 6 октября 1918 года.— *Ред.*

** Памятник Гарибальди работы К. Зале (Залита) был поставлен у Московских ворот; памятник Шевченко работы И. Тильберга — на улице Красных зорь; памятник Добролюбову работы К. Зале (Залита) — у Тучкова моста; памятник Герцену работы Л. Шервуда — у Литейного моста.— *Ред.*

*** Памятник работы О. Гризелли на площади Восстания.— *Ред.*

**** Памятник Чернышевскому работы Т. Залькална был поставлен на Сенатской площади.— *Ред.*

***** Памятник Лассалю художника Залита. (Ошибка памяти А. В. Луначарского: памятник Лассалю — работы скульптора В. Синайского.— *Ред.*)

****** Воспоминания написаны в 1924 году.— *Ред.*

******* Памятник Марксу работы А. Матвеева был поставлен перед Смольным; открытие его состоялось 7 ноября 1918 года.— *Ред.*

******** Памятник Марксу и Энгельсу работы С. Мезенцева был поставлен на площади Революции 7 ноября 1918 года.— *Ред.*

********* Б. Д. Королев.— *Ред.*

********** Здесь А. В. Луначарский допускает неточность: в 1920 году, по свидетельству секретаря комиссии по снятию памятников Н. Д. Виноградова, фигура Бакунина была перевезена в склад материальных ценностей Центрархива (см.: «Искусство», 1939, № 1, с. 39).— *Ред.*

Лучше других, пожалуй, памятник поэта Никитина *. Я не знаю, смотрел ли их подробно Владимир Ильич, но, во всяком случае, он как-то с неудовольствием сказал мне, что из монументальной пропаганды ничего не вышло. Я ответил ссылкой на петроградский опыт и свидетельство Зиновьева. Владимир Ильич с сомнением покачал головой и сказал: «Что же, в Петрограде собрались все таланты, а в Москве бездарности?» Объяснить ему такое странное явление я не мог.

С некоторым сомнением относился он и к мемориальной доске Коненкова **. Она казалась ему не особенно убедительной. Сам Коненков, между прочим, не без остроумия называл это свое произведение «минимореальной доской». Помню я также, как художник Альтман подарил Владимиру Ильичу барельеф, изображающий Халтурина. Владимиру Ильичу барельеф очень понравился, но он спросил меня, не футуристическое ли это произведение? К футуризму он вообще относился отрицательно. Я не присутствовал при разговоре его в Вхутемасе, в общежитие которого он как-то заезжал, так как там жила, если не ошибаюсь, какая-то молодая его родственница. Мне потом передавали о большом разговоре между ним и вхутемасовцами, конечно, сплошь левыми. Владимир Ильич отшучивался от них, насмехался немножко, но и тут заявил, что серьезно говорить о таких предметах не берется, ибо чувствует себя недостаточно компетентным. Самую молодежь нашел очень хорошей и радовался их коммунистическому настроению.

Владимиру Ильичу редко в течение последнего периода его жизни удавалось насладиться искусством. Он несколько раз бывал в театре, кажется исключительно в Художественном, который очень высоко ставил. Спектакли в этом театре неизменно производили на него отличное впечатление.

Владимир Ильич сильно любил музыку, но расстраивался ею. Одно время у меня в квартире устраивались хорошие концерты. Пел иногда Шаляпин, играли Мейчик, Романовский, квартет Страдивариуса, Кусевицкий на контрабасе и т. д. ***. Я много раз звал Владимира Ильича, но он всегда был занят. Один раз прямо мне сказал: «Конечно, очень приятно слушать музыку, но представьте, она меня расстраивает. Я ее как-то тяжело переношу». Помнится, т. Цюрупа, которому раза два удавалось залучить Владимира Ильича на домашний концерт того же пианиста Романовского, говорил мне также, что Владимир Ильич очень наслаждался музыкой, но был, по-видимому, взволнован.

Прибавлю к этому, что Владимир Ильич очень нервно относился к Большому театру. Мне несколько раз приходилось указывать ему, что Большой театр стоит нам сравнительно дешево, но все же, по его настоянию, ссуда ему была сокращена. Руководился Владимир Ильич двумя соображениями. Одно из них он сразу назвал: «Неловко,— говорил он,— содержать за большие

---

* Работы А. Блажеевича; был поставлен на площади Свердлова, у Китайгородской стены, открытие памятника состоялось 3 ноября 1918 года.—*Ред.*

** Мемориальная доска «Павшим в борьбе за мир и братство народов», установленная на стене Сенатской башни Кремля, была открыта 7 ноября 1918 года.— *Ред.*

*** В первоначальном журнальном тексте в этой фразе упоминается еще пианист И. Добровейн.— *Ред.*

деньги такой роскошный театр, когда у нас не хватает средств на содержание самых простых школ в деревне». Другое соображение было выдвинуто, когда я на одном из заседаний оспаривал его нападения на Большой театр. Я указывал на несомненное культурное значение его. Тогда Владимир Ильич лукаво прищурил глаза и сказал: «А все-таки это кусок чисто помещичьей культуры, и против этого никто спорить не сможет».

Из этого не следует, что Владимир Ильич к культуре прошлого был вообще враждебен. Специфически помещичьим казался ему весь придворно-помпезный тон оперы. Вообще же искусство прошлого, в особенности русский реализм (в том числе и передвижников, например), Владимир Ильич высоко ценил.

Вот те фактические данные, которые я могу привести из моих воспоминаний об Ильиче. Повторяю, из своих эстетических симпатий и антипатий Владимир Ильич никогда не делал руководящих идей.

Товарищи, интересующиеся искусством, помнят обращение ЦК по вопросам об искусстве, довольно резко направленное против футуризма *. Я не осведомлен об этом ближе, но думаю, что здесь была большая капля меду самого Владимира Ильича. В то время, и совершенно ошибочно, Владимир Ильич считал меня не то сторонником футуризма, не то человеком, исключительно ему потворствующим, потому, вероятно, и не советовался со мною перед изданием этого рескрипта ЦК, который должен был, на его взгляд, выпрямить мою линию.

Расходился со мной довольно резко Владимир Ильич и по отношению к Пролеткульту. Один раз даже сильно побранил меня. Скажу прежде всего, что Владимир Ильич отнюдь не отрицал значение кружков рабочих для выработки писателей и художников из пролетарской среды и полагал целесообразным их всероссийское объединение, но он очень боялся поползновения Пролеткульта заняться и выработкой пролетарской науки и, вообще, пролетарской культуры во всем объеме. Это, во-первых, казалось ему совершенно несвоевременной и непосильной задачей, во-вторых, он думал, что такими, естественно, пока скороспелыми выдумками пролетариат отгородится от учебы, от восприятия элементов уже готовой науки и культуры, и, в-третьих, побаивался Владимир Ильич, по-видимому, и того, чтобы в Пролеткульте не свила себе гнезда какая-нибудь политическая ересь. Довольно недружелюбно относился он, например, к большой роли, которую в Пролеткульте играл в то время А. А. Богданов.

Владимир Ильич во время съезда Пролеткульта, кажется в 20 году, поручил мне поехать туда и определенно указать, что Пролеткульт должен находиться под руководством Наркомпроса и рассматривать себя как его учреждение и т. д. Словом, Владимир Ильич хотел, чтобы мы подтянули Пролеткульт к государству, в то же время им принимались меры, чтобы подтянуть его и к партии. Речь, которую я сказал на съезде, я редактировал довольно уклончиво и примирительно. Мне казалось неправильно идти в какую-то атаку и огорчать собравшихся рабочих. Владимиру Ильичу передали эту речь в еще более мягкой редакции. Он позвал меня к себе и разнес**. Позд-

---

* Письмо ЦК РКП «О пролеткультах».— «Правда», 1920, 1 декабря (см. наст. сборник, с. 585—588).— *Ред.*

** См. наст. сборник, с. 444—445.— *Ред.*

нее Пролеткульт был перестроен согласно указаниям Владимира Ильича. Повторяю, об упразднении его он никогда и не думал. Наоборот, к чисто художественным его задачам относился с симпатией.

Новые художественные и литературные формации, образовавшиеся во время революции, проходили, большей частью, мимо внимания Владимира Ильича. У него не было времени ими заняться. Все же скажу — «Сто пятьдесят миллионов» Маяковского Владимиру Ильичу определенно не понравились. Он нашел эту книгу вычурной и штукарской*. Нельзя не пожалеть, что о других, более поздних и более зрелых поворотах литературы к революции он уже не мог высказаться.

Всем известен огромный интерес, который проявлял Владимир Ильич к кинематографии.

А. В. Луначарский. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 7. М., «Художественная литература», 1967, с. 401—406.

ИЗ СТАТЕЙ И ВОСПОМИНАНИЙ

...Мы вошли в известную пивную Ландольта в Женеве в довольно большой компании большевиков. Владимир Ильич был с нами. И вдруг напали на тему о Салтыкове-Щедрине**. Чуть ли не я как раз начал с того, что Салтыков-Щедрин является для нас в высшей степени живым помощником. И тут-то Михаил Степанович [Ольминский] воспламенился. Кажется, я никогда не видел его таким вдохновенным и таким красноречивым. Мы прослушали его часа два. Он рассказал нам все детали, характеризующие жизнь Салтыкова-Щедрина. Он говорил о меткости, он говорил о суровом портрете Щедрина, где он изображен закутанным в плед, о том, каким сумрачным, каким неподвижным выглядит этот человек, родивший столько смеха на земле, может быть больше, чем кто бы то ни было другой из живших на ней, не исключая Аристофана, Рабле, Свифта, Вольтера и Гоголя.

А потом Михаил Степанович стал вспоминать различные ситуации, типы, выражения Щедрина. Мы хохотали их меткости, мы изумлялись тому, в какой мере они остаются живыми. И Владимир Ильич окончил нашу беседу таким замечанием:

— Ну, Михаил Степанович, когда-то придется поручить вам оживить полностью Щедрина для масс, ставших свободными и приступающих к строительству своей собственной социалистической культуры.

Я отлично запомнил эту фразу...

А. Луначарский. Из воспоминаний о товарище Галерке.— «Вечерняя Москва», 1933, 11 мая, № 106.

---

* Зато небольшое стихотворение того же Маяковского о волоките очень насмешило Владимира Ильича и некоторые строки он даже повторял.

** Беседа, о которой здесь рассказывается, относится к концу 1904 — началу 1905 года.— *Ред.*

* * *

...Владимир Ильич придавал «Новой Жизни» большое значение. Надо вспомнить, что эта большая легальная газета расходилась более чем в 50 тысячах экземпляров. Такого тиража большевики до тех пор никогда не имели. Газета сперва была крайне странно скроена. Рядом с нами, большевиками, там работало большое количество непосредственных друзей Минского, поэтов с декадентским вкусом, анархистов из кафе и всякой богемы, считавшей себя «необыкновенно крайне левой» и находившей союз с большевиками делом весьма пикантным.

Большевистская часть редакции, однако, скоро пришла к совершенно ясному пониманию того, что запрячь «большевистского коня» в одну колесницу с полудекадентской «трепетной ланью» никак «не можно». В результате произошел ряд конфликтов.

Я должен отметить, что Владимир Ильич по отношению к Минскому и даже всяким относительно мелким интеллигентским сошкам, попавшим в «Новую Жизнь», вел себя с чрезвычайным тактом и предупредительностью. Вместе с тем он весело хохотал над разными выходками отдельных наших сотрудников, столь необычных для нас, и повторял часто:

— Это же действительно исторический курьез!

Впрочем, как раз вскоре после того, как мы закончили внутреннюю чистку «Новой Жизни», эта газета, приобревшая чрезвычайно большое количество подписчиков и читателей и начавшая играть очень большую роль не только в Петербурге, но и в стране, была закрыта...

«Из воспоминаний о Ленине в 1905 году».— А. В. Луначарский. О Владимире Ильиче. М., 1933, с. 15.

* * *

...Пьеса * имеет свои недостатки, но я могу сказать с гордостью, что о ней дал устно, правда, достаточно лестный отзыв такой скупой на похвалы человек, как великий наш вождь Владимир Ильич Ленин. Он в пьесе отметил, конечно, то, что является для меня самым важным: попытку, с одной стороны, проанализировать, что такое монархическая власть, на каких общественных противоречиях вырастает она, а, с другой стороны, показать ее естественное превращение в чудовищное властолюбие, непосредственно переходящее в своеобразное безумие...

*Из письма А. В. Луначарского С. Келю **(январь 1925 года).— «Литературное наследство», т. 80, 1971, с. 230.*

* * *

Один из поклонников Ромена Роллана, по случаю его шестидесятилетия, почтительно назвал его возвышенным Дон Кихотом нашего времени. Мне кажется верным изобразить под чертами Дон Кихота современного идеалиста в его столкновении с революционной реальностью.

---

* Драма А. Луначарского «Королевский брадобрей» (1906).— *Ред.*

** С. К е л ь — заведующий художественным отделом Курского губоно и режиссер Курского драматического театра имени М. С. Щепкина. Письмо А. В. Луначарского было написано в связи с постановкой в Курске пьесы «Королевский брадобрей».— *Ред.*

Среди приветствовавших Ромена Роллана по поводу его шестидесятилетия одно из первых мест занял М. Горький; он посвятил Ромену Роллану и свою последнюю беллетристическую вещь — «Дело Артамоновых».

Идея современного донкихотизма особенно ярко возникла в моем уме, когда я присутствовал при беседе между Владимиром Ильичем Лениным и М. Горьким. Горький жаловался на обыски и аресты у некоторых людей из интеллигенции Петрограда.

— У тех самых,— говорил писатель,— которые когда-то всем нам — вашим товарищам, и даже вам лично, Владимир Ильич, оказывали услуги, прятали нас в своих квартирах и т. д.

Владимир Ильич, усмехнувшись, ответил:

— Да, славные, добрые люди, но именно потому-то и надо делать у них обыски. Именно потому приходится иной раз скрепя сердце арестовывать их. Ведь они славные и добрые, ведь их сочувствие всегда с угнетенными, ведь они всегда против преследований. А что сейчас они видят перед собой? Преследователи — это наша ЧК, угнетенные — это кадеты и эсеры, которые от нее бегают. Очевидно, долг, как они его понимают, предписывает им стать их союзниками против нас. А нам надо активных контрреволюционеров ловить и обезвреживать. Остальное ясно.

И Владимир Ильич рассмеялся совершенно беззлобным смехом...

«Новая пьеса Ромена Роллана».— А. В. Луначарский. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 4, с. 438—439.

* * *

...Революция отняла у А. А. Бахрушина его немалое состояние, но он отнесся к этому с мужественным равнодушием. Его интересовало больше любимое дело, при котором он хотел остаться и которое он хотел продолжать.

При тогдашнем ТЕО возник вопрос: можно ли оставить за музеем, с переходом его к Советской власти, имя Бахрушина, конечно, очень симпатичного человека и создателя этого музея, но тем не менее бывшего капиталиста? С этим вопросом я обратился к Владимиру Ильичу. Ленин спросил меня, выслушав внимательно мой рассказ о Бахрушине и его музее: «А как вы думаете, в один прекрасный день он от нас не убежит и не затешется в какую-нибудь контрреволюционную компанию?» Я ответил на это: «Бахрушин никогда не уйдет от своего детища и никогда не окажется нелояльным по отношению к Советской власти».— «Тогда,— сказал Ленин,— назначайте его пожизненным директором музея и оставьте за музеем его имя». Это было сделано...

«Умер А. А. Бахрушин».— А. В. Луначарский. т. 3, с. 423.

* * *

...В 1918 году атака пролеткультовцев на Александринский театр была сильна. Лично я был близок к Пролеткульту, и в конце концов меня несколько смутили настойчивые требования покончить с «гнездом реакционного искусства».

Я решил спросить совета у самого Владимира Ильича...

...Итак, придя к Владимиру Ильичу в кабинет, не помню уж точно

какого числа, но, во всяком случае, в сезон 1918—19 годов, я сказал ему, что полагаю применить все усилия для того, чтобы сохранить все лучшие театры страны. К этому я прибавил: «Пока, конечно, репертуар их стар, но от всякой грязи мы его тотчас же почистим. Публика, и притом именно пролетарская, ходит туда охотно. Как эта публика, так и само время заставят даже самые консервативные театры постепенно измениться. Думаю, что это изменение произойдет относительно скоро. Вносить здесь прямую ломку я считаю опасным: у нас в этой области ничего взамен еще нет. И то новое, что будет расти, пожалуй, потеряет культурную нить. Ведь нельзя же, считаясь с тем, что музыка недалекого будущего после победы революции сделается пролетарской и социалистической,— ведь нельзя же полагать, что можно закрыть консерватории и музыкальные училища и сжечь старые «феодально-буржуазные» инструменты и ноты».

Владимир Ильич внимательно выслушал меня и ответил, чтобы я держался именно этой линии, только не забывал бы поддерживать и то новое, что родится под влиянием революции. Пусть это будет сначала слабо: тут нельзя применять одни эстетические суждения, иначе старое, более зрелое искусство затормозит развитие нового, а само хоть и будет изменять я, но тем более медленно, чем меньше его будет пришпоривать конкуренция молодых явлений.

Я поспешил уверить Владимира Ильича, что всячески буду избегать подобной ошибки. «Только нельзя допустить,— сказал я,— чтобы психопаты и шарлатаны, которые сейчас в довольно большом числе стараются привязаться к нашему пароходу, стали бы нашими же силами играть неподобающую им и вредную для нас роль».

Владимир Ильич сказал на это буквально следующее: «Насчет психопатов и шарлатанов вы глубоко правы. Класс победивших, да еще такой, у которого собственные интеллигентские силы пока количественно невелики, непременно делается жертвой таких элементов, если не ограждает себя от них. Это в некоторой степени,— прибавил Ленин, засмеявшись,— и неизбежный результат и даже признак победы».

«Значит, резюмируем так,— сказал я,— все более или менее добропорядочное в старом искусстве — охранять. Искусство не музейное, а действенное — театр, литература, музыка — должны подвергаться некоторому не грубому воздействию в сторону скорейшей эволюции навстречу новым потребностям. К новым явлениям относиться с разбором. Захватничеством заниматься им не давать. Давать им возможность завоевывать себе все более видное место реальными художественными заслугами. В этом отношении елико возможно помогать им».

На это Ленин сказал: «Я думаю, что это довольно точная формула. Постарайтесь ее втолковать нашей публике, да и вообще публике в ваших публичных выступлениях и статьях».

«Могу я при этом сослаться на вас?» — спросил я.

«Зачем же? Я себя за специалиста в вопросах искусства не выдаю. Разве нарком — у вас у самого должно быть достаточно авторитета».

На этом наша беседа и кончилась...

«К столетию Александринского театра».— А. В. Луначарский. т. 3, с. 464—466.

* * *

...Ленин сказал мне в личной беседе, когда я его просил — «Дайте мне денег для поддержки наших экспериментальных театров, ибо это театры новые и революционные»,— «Пусть в течение голодного времени экспериментальные театры продержатся на известном энтузиазме. Совершенно необходимо приложить все усилия, чтобы не упали основные столпы нашей культуры, ибо этого нам пролетариат не простит». Ленин стоял на той точке зрения, что мы должны позаботиться в первую очередь о том, чтобы не распались музеи, которые хранят громаднейшие ценности, чтобы не изголодались и не сбежали за границу большие специалисты. Он считал, что если мы подождем с тем, чтобы поставить на первый план экспериментальную молодежь,— это будет меньшим грехом.

Сб. «Ленин о культуре и искусстве». Изогиз, 1938, с. 310.

* * *

Ленин энергично предостерегал от скороспелых, выдуманных, искусственных «пролетарских культур» и от проявления коммунистического и рабочего чванства под предлогом обострения классовой борьбы с буржуазной идеологией. При столкновениях наших великолепных в политическом отношении ячеек вузов с профессурой, которую Ленин сплошь и рядом прямо называл «буржуазной», он даже в моменты зловредных стачек этих профессоров неизменно становился на сторону последних и на мое замечание на заседании ЦК, что ячейки переполнены ненавистью к буржуазной профессуре и невольно мешают работе по примирению и налаживанию сколько-нибудь нормальной работы с ней, ответил: «Ученые необходимы нам абсолютно, ячейки надо драть до бесчувствия». Эту весьма выпуклую фразу я, конечно, не мог не запомнить.

Пока только в области театра мы имеем настоящий разгул демагогии и больше, чем в какой-либо другой год. Некоторые товарищи, остро больные болезнью левизны, привили рабкорам эти самые воззрения на классовую борьбу в театре и на то, что представители старого театрального искусства это классовые враги,— воззрения, находящиеся в прямом разрыве с общими указаниями Владимира Ильича и даже с теми двумя фразами, которые он обронил специально относительно театра.

1925 г.

Из «Тезисов о политике РКП в области литературы».— «Литературное наследство», т. 74, с. 29.

* * *

...Естественно старание придумать новую, пролетарскую культуру, которая сразу бы оказалась на ногах и которую можно было бы противопоставить культуре буржуазной, естественно и это заигрывание футуристов с нами. Владимир Ильич никогда не считал себя знатоком в искусстве, но по этому поводу совершенно определенно выражался. Недавно еще очень определенные его выражения по этому поводу опубликованы в книге о культуре. Он великолепно понимал, что пролетарская культура начнется с довольно косолапых

и детских произведений, что им нужно покровительствовать, их нужно поддерживать, что они перестанут быть косолапыми и детскими, если пролетариат здорово, крепко начнет учиться художественным приемам эпох расцвета, то есть у разного рода классиков разных эпох, и что тогда пролетарская культура может перерасти даже самые лучшие культуры в прошлом, но только тогда, когда мы технически пройдем все эти школы; а так, «вдруг» этого не бывает. Даже самый лучший, гениальный изобретатель очень малого стоит, если он не пойдет в техникум или в вуз и не поучится. Тогда из него, может быть, выйдет великолепный инженер. Без учения, без усвоения уже приобретенных приемов нельзя, иначе откроешь Америку или сахарную воду и будешь думать, что ты великий изобретатель, тогда как это изобретение давно известно. С другой стороны, по отношению к футуристам Владимир Ильич совершенно ясно сознавал, что это не есть искусство эпохи расцвета, а искусство эпохи упадка, и понимал почему: потому что смысл в нем затерт, содержание в нем неясно, потому что форма в нем преобладает, а это первый признак того, что оно отражает нездоровую культуру, как бы оно звучно ни было...

«Основы театральной политики Советской власти».— А. В. Луначарский. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 3, 1964, с. 259—260.

* * *

Это было в Москве. После нашей победы. Ленин был уже председателем Совнаркома. Я был у него по какому-то делу. Покончив с делом, Ленин сказал мне: «Анатолий Васильевич, я еще раз перечитал «Огонь» Барбюса. Говорят, он написал новый роман «Свет». Я просил достать его мне. Как вы думаете, очень много потеряет «Огонь» в русском переводе?»

— Разумеется, он много потеряет в художественности,— ответил я.— Он потерял бы, даже если его перевести на французский язык. Сочный, выразительный, полный перца и задора солдатский окопный жаргон, которым Барбюс так великолепно владеет, нельзя передать и на французском языке. Но главное сделать, разумеется, можно — передать всю эту страстную антивоенную зарядку, кошмар фронта, бесстыдство тыла, рост сознания и гнева в груди солдат.

Владимир Ильич был задумчив: «Да, все это передать можно, но прежде всего в художественном произведении важна не эта обнаженная идея! Ведь это можно и просто передать в хорошей статье о книге Барбюса. В художественном произведении важно то, что читатель не может сомневаться в правде изображенного. Читатель каждым нервом чувствует, что все именно так происходило, так было прочувствовано, пережито, сказано. Меня у Барбюса это больше всего волнует. Я ведь и раньше знал, что это должно быть приблизительно так, а вот Барбюс мне говорит, что это так и есть. И он все это мне рассказывал с силой убедительности, какая иначе могла бы у меня получиться, только если бы я сам был солдатом этого взвода, сам все это пережил. Вот Яков Михайлович (Свердлов) недурно выразился. Он прочел «Огонь» и сказал: «Весьма действенная реляция с поля битвы!» Не правда ли, это хорошо сказано? Собственно говоря, в наше решающее время, когда мы вступили в длинную полосу войн и революций, настоящий писатель только и дол-

жен делать, что писать «реляции с поля битвы», а художественная его сила должна заключаться в том, чтобы делать эти «реляции» потрясающе действенными».

Ильич вдруг засмеялся: «Вы, впрочем, у нас эстет! Вас, пожалуй, шокирует такое сужение задач искусства». И, лукаво прищурившись на меня, Ильич тихо засмеялся.

Я обиделся.

— Ну, что это вы говорите, Владимир Ильич? Наоборот, мне очень нравится то, что вы говорите! Если бы я не боялся сделать плагиат у вас или у товарища Свердлова, я бы написал на эту тему целую статью. Конечно, было бы гораздо лучше, если бы это сделали вы сами.

Ильич стал серьезен.

— Времени нет! — сказал он и сейчас же заторопился: —А вы... что же? — напишите статью.

Статьи я, к сожалению, не написал. Но когда я познакомился с Барбюсом, я рассказал ему подробно об этом разговоре в кабинете великого председателя Совнаркома первого рабочего государства...

«Анри Барбюс. Из личных воспоминаний».— А. В. Луначарский. Воспоминания и впечатления. М., изд-во «Советская Россия», 1968, с. 319—320.

* * *

...При всяком взмахе революции — и в 1905 и в 1917 годах —Каменский был с ней. Он был из тех, которые сразу перешли на сторону Октября и сразу поступили к нему на службу.

Самая ценная служба поэта Октябрю была именно поэтическая служба. Он чрезвычайно много выступал на широких народных собраниях и украшал их своим узорным, летучим, звенящим словом. Он написал первую производственную пьесу — «Паровозную обедню», он написал первую революционно-историческую пьесу — «Разина». Его сразу и сильно полюбили. Он стал известен и Владимиру Ильичу, которому его поэзия нравилась, хотя, как известно, вообще к «гражданам будетлянам» Ленин относился критически и даже у самого Маяковского ему нравилось немногое...

Как-то раз Василий Васильевич шел по лестнице в какой-то театр, где он должен был выступить со стихами. Оказывается, что там должен был выступить и Ильич. Оба встретились на лестнице. Владимир Ильич ласково глянул на поэта и сказал: «Здравствуйте, середнячок». Сказал и прошел мимо... А поэт остолбенел. Он стоял с выкатившимися глазами и беззвучно шевелил языком во рту: «Середнячок? За что же он меня эдак-то?»

Весь вечер Каменский был не в духе. Но ему повезло. При разборе шапок опять встретился с вождем и бросился к нему: «Владимир Ильич, как же это вы? За что же это вы? Что же я за середняк? Разве я застрял между меньшевиками и большевиками? Или вы думаете — я болтаюсь между революционерами и обывателями? Я человек твердых убеждений, я советский человек, я — бунтарь, я подлинный левый. Мне хочется, чтобы вы никогда не сомневались в этом». Теперь уж Ильич смотрел на поэта удивленными

глазами. Наконец он понял и захохотал: «Так разве ж я про ваши убеждения? Это мне товарищ Свердлов сказал, что у вас хозяйство середняцкое на Урале». Каменский хлопнул себя по лбу: «Вот оно что! А мне невдомек. Никто меня не называл так». И разошлись, крепко пожав друг другу руки...

«В. В. Каменский. К 25-летию литературной деятельности».— А. В. Луначарский. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 2, с. 541.

* * *

...Владимир Ильич питал большой страх перед одним как будто бы логическим рассуждением: бытом определяется сознание, стало быть, буржуазная идеология определялась буржуазным бытом, и, стало быть, долой все наследие буржуазии! Исходя отсюда, надо было бы отбросить и всю нашу технику. Совершенно ясно, что здесь коренится огромная ошибка. Буржуазный быт заключал в себе целый ряд проблем, которые стоят и перед нами и которые были разрешены буржуазией более или менее удовлетворительно, для решения которых мы не имеем сейчас более удовлетворительных способов. Владимир Ильич до крайности боялся, что мы забудем это и, отбросив ценное в наследии буржуазии, начнем выдумывать свое. С этой точки зрения он боялся и Пролеткульта. (Г о л о с а: «Он боялся богдановщины».)

Он боялся богдановщины, боялся того, что у Пролеткульта могут возникнуть всяческие философские, научные, а в конце концов, и политические уклоны. Он не хотел создания рядом с партией конкурирующей рабочей организации. От этой опасности он предостерегал. В этом смысле он давал мне личные директивы подтянуть Пролеткульт ближе к государству, подчинить его контролю. Но в то же самое время он подчеркивал, что надо предоставить известную ширь художественным программам Пролеткульта. Он прямо говорил мне, что считает совершенно понятным стремление Пролеткульта выдвинуть собственных художников. Огульного осуждения пролетарской культуры у Владимира Ильича не было...

Из речи А. В. Луначарского на совещании при отделе печати ЦК РКП(б) 9 мая 1924 г. («Вопросы культуры при диктатуре пролетариата».— Сборник. М.—Л., ГИЗ, 1925), с. 116—117.

* * *

...Большая беседа моя с Ильичем о кино была вызвана острым интересом его к киноделу, который и сказался в его известном письме к т. Литкенсу, написанном им в январе *. Приблизительно в середине февраля, а может быть, и к концу его, Владимир Ильич предложил мне зайти к нему для разговора. Насколько помню, разговор касался нескольких текущих вопросов жизни Наркомпроса. Спрашивал он меня и о том, что сделано в исполнение его бумаги, посланной Литкенсу. В ответ я изложил довольно подробно все, что знал о состоянии кино в Советской республике и об огромных труд-

* 1922 год. См. наст. сборник, с. 500—501.— *Ред.*

Библиотечная книга

ностях, какие встречает развитие этого дела. Я в особенности указывал на отсутствие средств у Наркомпроса для широкой постановки кинопроизводства, а также на отсутствие руководителей этого дела или, вернее сказать, руководителей-коммунистов, на которых можно было бы вполне положиться. В ответ на это Владимир Ильич сказал мне, что постарается сделать что-нибудь для увеличения средств фотокиноотдела, но что у него есть внутреннее убеждение в большой доходности этого дела, если оно будет только правильно поставлено. Он еще раз подчеркнул необходимость установления определенной пропорции между увлекательными кинокартинами и научными.

К несчастью, это и до сих пор еще очень слабо поставлено. Владимир Ильич сказал мне, что производство новых фильм, проникнутых коммунистическими идеями, отражающими советскую действительность, надо начинать с хроники, что, по его мнению, время производства таких фильм, может быть, еще не пришло:

«Если вы будете иметь хорошую хронику, серьезные и просветительные картины, то неважно, что для привлечения публики пойдет при этом какая-нибудь бесполезная лента, более или менее обычного типа. Конечно, цензура все-таки нужна. Ленты контрреволюционные и безнравственные не должны иметь места».

К этому Владимир Ильич прибавил:

«По мере того, как вы станете на ноги, благодаря правильному хозяйству, а может быть, и получите при общем улучшении положения страны известную ссуду на это дело, вы должны будете развернуть производство шире, а в особенности продвинуть здоровое кино в массы в городе, а еще более того в деревне».

Затем, улыбаясь, Владимир Ильич прибавил:

«Вы у нас слывете покровителем искусства, так вы должны твердо помнить, что из всех искусств для нас важнейшим является кино».

На этом, помнится, наша беседа прекратилась.

Письмо А. В. Луначарского Г. Болтянскому от 9 января 1925 года.— Г. Болтянский. Ленин и кино. М.—Л., ГИЗ, 1925, с. 16—19.

* * *

...Я позволю себе привести здесь личное воспоминание, которое особенно ярко запало в мое сознание и которое прекрасно характеризует широту и торжественность той борьбы за социалистическую культуру, которую вел Ленин. Пишущий эти строки был испуган разрушениями ценных художественных зданий, имевшими место во время боев революционного пролетариата Москвы с войсками Временного правительства, и подвергся по этому поводу весьма серьезной «обработке» со стороны великого вождя. Между прочим, ему были сказаны тогда такие слова: «Как вы можете придавать такое значение тому или другому старому зданию, как бы оно ни было хорошо, когда дело идет об открытии дверей перед таким общественным строем, который способен создать красоту, безмерно превосходящую все, о чем могли только мечтать в прошлом?»

Ленин прямо говорил о том, что коммунист, не способный к полетам реальной мечты, то есть к широким перспективам, к широким картинам будущего,— плохой коммунист. Но революционный романтизм органически сочетался в Ленине с крепчайшей практической хваткой. Вот почему в деле построения новой культуры его в особенности интересовали те задачи, которые являлись насущными задачами дня. Именно с этой стороны чрезвычайно важно усвоить внутреннее содержание критики Лениным учения о культуре так называемого Пролеткульта.

В «Правде» 27 сентября 1922 года напечатана была статья одного из теоретиков Пролеткульта — В. Ф. Плетнева — «На идеологическом фронте». Самый экземпляр «Правды» с этой статьей был испещрен многочисленными карандашными заметками Владимира Ильича. Вскоре после появления этого номера «Правды» в той же газете появилась статья Я. Яковлева под заглавием «О «пролетарской культуре» и Пролеткульте» *. Основные положения этой статьи точно совпадают с заметками Владимира Ильича, и сама статья является систематизацией этих заметок. Статья эта, несомненно, была прочитана и одобрена Лениным; поэтому мы, как уже делали многие другие, ссылаемся на эту содержательную статью в полной уверенности, что она высказывает именно идеи Ленина...

«Ленин и литературоведение».— А. В. Луначарский. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 8, с. 420—421.

А. Серафимович

В ГОСТЯХ У ЛЕНИНА

Я не раз слышал Владимира Ильича Ленина на съездах и конференциях. Меня всегда поражало, что по количеству времени Ленин говорил обычно меньше ораторов, выступавших и до и после него, но впечатление от его речей оставалось всегда колоссальным.

С глазу на глаз я разговаривал с Владимиром Ильичем только однажды. И сегодня мне хочется рассказать об этом единственном незабываемом дне, дне, когда я был в гостях у Ленина...

В тот памятный вечер я увидел Ленина совсем иным, не похожим на вождя и трибуна, каким встречал его ранее на съездах и конференциях. Передо мной явился новый Ленин — прекрасный товарищ, веселый человек, с живым неутомимым интересом ко всему миру, удивительно мягко и любовно относящийся к людям.

— Пишете что-нибудь? — спросил он.

— Трудно сейчас писать: очень много организационной работы.

Ильич нахмурился.

— Да, организационной работы у нас сейчас в стране много. А вам, писателям, необходимо привлечь в литературу рабочих. На это надо напра-

* См. наст. сборник, с. 448—458, 589—605.— *Ред.*

вить все усилия. Каждому маленькому рассказу рабочего надо сердечно радоваться. У вас в журнале рабочие помещают свои вещи?

— Маловато, Владимир Ильич, видимо, знаний, культуры не хватает.

Он поглядел на меня смеющимися прищуренными глазами:

— Ну, это ничего, научатся писать, и будет у нас превосходная, первая в мире пролетарская литература...

Была в этих словах яркая вера в человека, в русское искусство, неугасимая действенная вера и любовь к рабочему народу...

Воспоминания о В. И. Ленине, т. 3, 1960, с. 237, 238.

Демьян Бедный

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К КНИГЕ Л. ВОЙТОЛОВСКОГО «ПО СЛЕДАМ ВОЙНЫ»

...Припоминаю случай с В. И. Лениным. Владимир Ильич как-то в 1918 году, беседуя со мной о настроении фронтовиков, полувопросительно сказал:

— Выдержат ли?.. Не охоч русский человек воевать.

— Не охоч! — сказал я и сослался на известные русские «плачи завоенные, рекрутские и солдатские», собранные в книге Е. В. Барсова «Причитания северного края»:

И еще слушай же, родная моя матушка,
И как война когда ведь есть да сочиняется,
И на войну пойдем, солдатушки несчастные,
И мы горючими слезами обливаемся,
И сговорим да мы бессчастны таковы слова:
«Уж вы, ружья, уж вы, пушки-то военные,
На двадцать частей, пушки, разорвитесь-то!»

Надо было видеть, как живо заинтересовался Владимир Ильич книгой Барсова. Взяв ее у меня, долго он ее мне не возвращал. А потом, при встрече, сказал: «Это противовоенное, слезливое, неохочее настроение надо и можно, я думаю, преодолеть. Старой песне противопоставить новую песню. В привычной своей, народной форме — новое содержание. Вам следует в своих агитационных обращениях постоянно, упорно, систематически, не боясь повторений, указывать на то, что вот прежде была, дескать, «распроклятая злодейка служба царская», а теперь служба рабоче-крестьянскому, Советскому государству,— раньше из-под кнута, из-под палки, а теперь сознательно, выполняя революционно-народный долг,— прежде шли воевать за черт знает что, а теперь за свое, и т. д.».

Вот какую идейную базу имела моя фронтовая агитация...

Демьян Бедный. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 8. М., «Художественная литература», 1965, с. 312.

А. А. Фомин

ТАКИМ БЫЛ НАШ ВОЖДЬ

Вскоре после Октябрьской революции у путиловских рабочих возникла мысль: организовать при заводской школе детскую художественную студию. Раньше способные, талантливые дети рабочих не имели возможности развивать свои дарования, теперь же такая возможность была, и мы хотели воспользоваться ею. Школьный педагог — музыкант Михаил Александрович Плотников охотно вызвался помочь нам. Предстояло выхлопотать отдельное помещение для студии, раздобыть рояли, струнные инструменты.

Заручившись согласием исполкома районного Совета, поехали мы с Плотниковым в Отдел народного образования. Здесь нас выслушали внимательно, а потом сказали:

— Идею вашу мы одобряем, товарищи путиловцы, но сами понимаете: время сейчас тяжелое, нет ни топлива, ни хлеба, а вы со своей студией... Придется годик подождать!

Услышал такой ответ Плотников и руками развел: ничего, мол, не вышло. А я и говорю ему:

— Поедем, Михаил Александрович, в Смольный, к товарищу Ленину.

В то время в Смольном бывало очень много всякого народа. Крестьяне-ходоки, солдаты, питерские и приезжие рабочие — все спешили в штаб революции по неотложным делам.

Вот приехали и мы в Смольный. Разыскали без особого труда приемную Ленина, докладываем секретарю, по какому делу прибыли.

Секретарь тоже выслушал нас внимательно и тут же посоветовал обратиться в... Отдел народного образования! Стал я возражать. Говорю, что были мы уже там, ничего толком не добились и больше туда не пойдем.

— К тому же,— говорю,— я являюсь делегатом от путиловцев.

Должно быть, говорил я довольно громко. Вдруг вижу — дверь сбоку открылась настежь, и на пороге показался товарищ Ленин.

— Что, что? — воскликнул он.— Путиловцы пришли? Проходите, товарищи!

От неожиданности мы с Плотниковым немного растерялись, тем не менее сразу же вошли в кабинет, где, кроме нас, были другие люди. Заложив левую руку за жилет, а в правой держа карандаш, Владимир Ильич спросил нас:

— Чем могу вам служить?

Тут мы и рассказали нашу историю.

— Вы слышите, что путиловцы хотят? — обратился товарищ Ленин ко всем, кто был в его кабинете.— Они хотят создавать свою трудовую интеллигенцию, а им говорят: «Подождите годик!». Никаких промедлений, студию надо организовать!

Снял он сейчас же трубку с телефонного аппарата и, связавшись с Отделом народного образования, сказал:

— К вам придут путиловцы — дайте им все, что нужно.

Сильно взволнованные таким приемом, мы горячо поблагодарили Владимира Ильича и вышли. А еще через день явились в Отдел народного обра-

зования, и тут уж с нами разговаривали совсем по-другому. Прошло еще несколько дней. За это короткое время для нашей студии подобрали на Рижском проспекте (ныне проспект Огородникова) отличный особняк с хорошим садом. Путиловцы сами приняли деятельное участие в ремонте помещения, доставке музыкальных инструментов. Так было положено начало существованию заводской художественной студии для детей, преобразованной много позже в первую музыкальную студию Ленинграда...

Воспоминания о В. И. Ленине, т. 2, 1957, с. 74—75.

И. А. Вайман

ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ, ИСКУССТВА

С первых дней Советской власти Владимир Ильич уделял исключительное внимание сохранности исторических и культурных ценностей. Учитывая близость военной зоны, Ленин уже в ноябре 1917 года распорядился приступить к проверке и эвакуации этих ценностей из Петрограда и пригородных дворцов в Москву. Там они хранились в кремлевских зданиях, Оружейной палате. Надо ли говорить, что все это было сохранено для будущих поколений благодаря заботам Владимира Ильича!

По указанию Ленина был организован самостоятельный Народный комиссариат художественно-исторических имуществ. Ему подчинили бывшие дворцовые и удельные ведомства, музеи, государственные театры, отдел охраны памятников старины и т. д. Создание такого комиссариата в то тяжелое время было проявлением большой заботы о сохранении исторических ценностей. Партия большевиков располагала для этого замечательными кадрами. Наркомат возглавил тов. Малиновский, а в комиссиях работали тт. Смидович, профессор Фриче, художник Ораловский, архитектор Виноградов и другие.

Владимир Ильич интересовался, правильно ли организована охрана, надежна ли она, как отапливаются помещения, где хранятся исторические ценности. Ленин не согласился с мнением некоторых ответственных работников, пытавшихся доказать, что весь персонал младших служащих бывшего дворцового ведомства нужно распустить и оставить лишь одну военную охрану. Владимир Ильич настоял на том, что прежняя гражданская охрана из проверенных младших служащих должна быть сохранена наряду с надежной военной охраной.

На всех наиболее ответственных пунктах были организованы посты военной и гражданской охраны. В Оружейную палату, где хранились исторические ценности и реликвии искусства (известная шапка Мономаха, шапка и скипетр царя Михаила Романова, коллекция оружия разных веков и просто ценности из золота и драгоценных камней), доступ был еще сложнее. В это помещение, где ученым хранителем был оставлен профессор Трутовский, вход разрешался только в присутствии ответственных дежурных, назначаемых

комендантом Кремля тов. Мальковым, комиссаром управления народными дворцами и профессором Трутовским. Исключений не делали ни для кого.

Нельзя при этом не вспомнить и об исключительной роли тов. Ольминского. Его знают как верного соратника Ильича, литератора и преданнейшего большевика, но как организатор охраны исторических и художественных ценностей он мало кому известен. Между тем его роль администратора и прекрасного организатора в этом важном деле была немалая.

Изо дня в день тов. Ольминский следил за тем, чтобы правильно охраняли ценности, он даже ночью проверял, чтобы в помещениях была нужная температура, иначе дорогие картины и фрески могли испортиться.

Назначение М. С. Ольминского комиссаром кремлевских дворцов было сделано по указанию Владимира Ильича, причем это связано с обстоятельствами, не совсем приятными для меня.

Как-то в холодное время при обходе кремлевских дворцов и других сооружений Кремля я высказал Владимиру Ильичу мысль о том, что, на мой взгляд, можно снизить на несколько градусов температуру воздуха в тех помещениях, где хранятся картины, ибо с топливом трудновато. Выслушав меня, тов. Ленин с беспокойством спросил:

— Неужели вы это уже практиковали?

Не догадываясь, в чем дело, я ответил, что пока продолжаем топить по-прежнему, но, если топлива не хватит, придется снизить температуру в помещениях, где не живут люди. Я полагал, что картинам вреда не будет от небольшого снижения температуры в помещениях.

Владимир Ильич объяснил мне несуразность такого предложения и категорически запретил снижать температуру воздуха в помещениях, где хранились ценные картины и фрески. Он знал, что такое «хозяйственное» предложение могло возникнуть у меня только из-за неопытности. В отношении дров Ильич велел обратиться к Якову Михайловичу Свердлову. По мандату ВЦИК дрова в Кремль были доставлены. Чтобы предотвратить «рационапьные предложения» такого порядка, был рекомендован тов. Ольминский как опытный в этих делах человек.

Расширяя коммунистическое ядро в Кремле, способное организовать охрану исторических ценностей, народный комиссар Малиновский со своими помощниками продолжал работу по выявлению и учету новых художественных ценностей на территории РСФСР, не захваченной оккупантами и белогвардейцами. Во дворцах Московской области — Архангельском, в Кускове, Покровско-Стрешневе и других — была организована охрана памятников искусства и старины. Для этого привлекались в отдельных случаях даже бывшие управляющие, которые, видимо, ожидая возвращения своих хозяев, проявляли заботу о ценностях. Их работа ставилась под особый контроль местных Советов.

Для выездов вне пределов Москвы тов. Ленин давал нам свою автомашину. Таким образом нам удалось объехать и организовать охрану Архангельского дворца, замечательного памятника культуры XVIII—XIX веков, панорамы Бородинского боя 1812 года и т. д.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 5-ти томах, т. 3, 1969, с. 248—250.

Н. Д. Виноградов

ВСТРЕЧИ С ВОЖДЕМ

Передо мной мандат, выданный 3 августа 1918 года и гласящий: «Тов. Виноградов является ответственным лицом, а потому все, кто может быть полезен в его работах и в состоянии их выполнить, обязаны исполнять его просьбы, связанные со снятием памятников царей и их слуг, а также и по вопросам, связанным с постановкой памятников революционному народу и его героям.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)».

Весной 1918 года я вернулся с фронта в Москву и был принят в Наркомат государственных имуществ республики, которым руководил тогда П. П. Малиновский. Этот наркомат, просуществовавший недолго, ведал дворцами, бывшими императорскими театрами и училищами, ценнейшими памятниками России, в том числе и Кремлем. Здесь он, кстати, и помещался. Мне, молодому тогда архитектору, поручались всякого рода строительные и инспекторские работы, связанные с сохранением архитектурных ценностей...

...Однажды П. П. Малиновский вызвал меня и сказал, что отныне я буду ответственным лицом за проведение в жизнь декрета о снятии и постановке памятников. И добавил: Владимир Ильич хочет со мной познакомиться и поговорить. Я отправился на заседание Совнаркома, полагая, что мне удастся улучить минуту и побеседовать с Лениным. Но заседание затянулось, и только около часа ночи я подошел к Владимиру Ильичу.

— Очень рад познакомиться, товарищ,— сказал Ленин и пожал мне руку,— но уже поздно, сегодня нам потолковать не удастся. Приходите завтра в десять утра. Обязательно приходите!

В назначенный час я был у Владимира Ильича и по его просьбе подробно рассказал, как выполняется декрет и кто мешает его выполнению. С интересом он выслушал мой рассказ о том, что рабочие завода бывшего Гужона (ныне «Серп и молот») по собственной инициативе сняли памятник Скобелеву против здания Моссовета.

— Требуйте обязательного выполнения декрета,— сказал мне Владимир Ильич,— и о всех случаях саботажа или уклонения докладывайте мне. Нажимайте на Луначарского, пусть помогает вам. Регулярно, два раза в неделю, приходите и рассказывайте, как подвигается дело и кто мешает вам. Желаю вам успеха!..

...До сих пор живо помню, как заботился Владимир Ильич о восстановлении кремлевских курантов, поврежденных артиллерийским снарядом.

В конце апреля 1918 года Малиновский предложил мне созвать московских часовщиков и узнать у них, могут ли они взяться за восстановление часов и переделать музыку курантов *. В Кремль были приглашены предста-

---

* До революции куранты исполняли гимн «Коль славен наш господь...». — *Ред.*

вители фирмы «Павел Буре» и других фирм. Осмотрев повреждения, они согласились восстановить часы и переделать музыку курантов, запросив за эти работы двести сорок тысяч рублей. Такая огромная сумма была назначена ими с явной целью сорвать восстановление кремлевских курантов.

Об этом было доложено Владимиру Ильичу. Сумма была настолько велика, что вопрос о реставрации кремлевских часов на Спасской башне был временно отложен.

Но мысль о восстановлении курантов не оставляла Ленина, и он снова вернулся к этому вопросу в июле того же года. Во время одного из моих докладов Владимир Ильич спросил у меня:

— Как бы нам все-таки починить часы на Спасской башне и заставить куранты исполнять «Интернационал»?

Тут же было принято решение.

Вскоре работы начались. Трудились над курантами слесарь-механик Кремля Н. Беренс и художник М. Черемных.

Горячая, искренняя забота Владимира Ильича Ленина о культурных ценностях нашей Родины незабываема!

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 5-ти томах, т. 3, 1969, с. 295—297.

И. В. Жолтовский

В 1918-м

Вскоре после переезда Советского правительства из Петрограда в Москву я получил записку с приглашением прийти к В. И. Ленину. На небольшом плотном листе бумаги, который и поныне хранится мною как драгоценная реликвия, рукой Владимира Ильича был написан адрес бывшей городской думы на площади Революции и час, назначенный мне для беседы. Ильич указал также номер кабинета, по-видимому, для того, чтобы избавить от необходимости долго разыскивать его.

К тому времени в Москве для руководства городским строительством были созданы необходимые органы — законодательный отдел, отделы подземного и наземного строительства. Была организована архитектурная мастерская для разработки плана строительства в Москве.

Владимир Ильич сразу же стал расспрашивать, как подвигается наша работа над этим планом. Я доложил Владимиру Ильичу основную идею плана, с которой он полностью согласился.

В Москве, как известно, господствуют юго-западные ветры. Учитывая это, было предложено развивать новое жилищное строительство в юго-западном направлении, в районе Воробьевых гор, Новодевичьего монастыря. Ленин горячо поддержал эту мысль.

Во время беседы Владимир Ильич уделил большое внимание вопросам озеленения города. По его мнению, насаждения должны серьезно учитываться

при новой планировке Москвы. Он рекомендовал нам, архитекторам, учесть опыт европейских столиц: Лондона — с зеленым массивом Гайд-парка, Парижа — с его Елисейскими полями, Вены — с ее живописным Рингом. Владимир Ильич заботился о создании для жителей Москвы здорового, насыщенного кислородом резервуара воздуха и для этой цели советовал предусмотреть озеленение берегов Москвы-реки.

Большая теплота, чуткое внимание и терпение, с которыми Ленин выслушивал мнение собеседника, живое остроумие делали встречи с ним такими яркими и радостными событиями моей жизни! Он любил садиться совсем рядом со своим собеседником, и самый деловой разговор с ним приобретал характер задушевной беседы.

Слушая Ленина, я отчетливо представлял себе, каким прекрасным городом должна стать будущая Москва. По совету Владимира Ильича была благоустроена Театральная площадь, Охотный ряд был освобожден от уродливых лабазов.

При обсуждении проекта городского хозяйства и транспорта, разработанного нами вплоть до метрополитена, Владимир Ильич просил учитывать необходимость устройства глубокого ввода для транзитных поездов.

Одной из работ по осуществлению плана строительства в Москве, одобренного Лениным, явилось сооружение в 1923 году сельскохозяйственной выставки, спроектированной на месте свалки на берегу Москвы-реки,— ныне там находится Центральный парк культуры и отдыха имени Горького. Создание зеленых массивов выставки в этом районе мыслилось как звено в зеленой цепи, которая должна была протянуться от Воробьевых гор до Кремля.

Ленин часто говорил о необходимости при реконструкции столицы сохранить памятники древнего зодчества, все ценное, что создано художественным гением русского народа. В этой связи он подчеркивал значение культурного наследия, говорил, что нужно использовать достижения науки, техники, искусства.

Говоря о пути развития советской культуры, Ленин во время одной из бесед горячо отстаивал подлинную красоту в искусстве. Надо, сказал он, исходить от прекрасного, беря его как образец для формирования художественной культуры социалистического общества.

В то же время он предупреждал об опасности проникновения в наше искусство мещанства. На всю жизнь запомнились мне слова, которые однажды сказал при прощании Владимир Ильич: «Делайте красиво, но только помните, без мещанства!»

Мне довелось неоднократно бывать у Владимира Ильича в Кремле. Его советы, проникнутые заботой о нуждах простых людей, помогли нам, архитекторам, в решении многих и многих проблем.

Вспоминается такой пример. Москва ощущала в те годы серьезные продовольственные затруднения. К тому же доставка продовольствия в столицу осложнялась из-за транспортных неполадок. Развивая мысль о новой, рациональной планировке города, Ильич предложил создать на берегу Москвы-реки, у Симонова монастыря, второй ярус набережной по примеру одной из набережных Лондона, с тем чтобы овощи, поступающие в Москву водным путем, можно было выгружать в вагоны трамвая и ночью развозить их по рабочим районам.

О глубокой человечности Ленина, об отзывчивости и теплоте его можно судить и по такому случаю. Однажды меня пригласили к Владимиру Ильичу для того, чтобы ознакомиться с книгами по искусству, поступившими из Берлина. По прибытии в Кремль я извинился за то, что не могу в этот день выполнить поручение, так как мне предложено немедля освободить квартиру.

Ленин стал расспрашивать: на каком основании, чье это распоряжение? Я объяснил. Возмущенный Ленин тотчас же продиктовал своему секретарю текст отношения (оно хранится у меня поныне) с просьбой приостановить выселение. В этом документе, между прочим, сказано: «Если это потребуется, просьба будет поддержана тов. Лениным».

В этих будничных на первый взгляд деталях, в этих штрихах, запомнившихся на всю жизнь,— бесконечно дорогой и любимый образ мудрого, великого Ленина.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 5-ти томах, т. 3, 1969, с. 223—225.

Б. Малкин

В. И. ЛЕНИН и М. ГОРЬКИЙ

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ)

В памяти встает ряд фактов, бесед и эпизодов, связывавших Владимира Ильича с Горьким в первые годы революции и свидетельствующих о той большой дружбе и привязанности, которая была между этими двумя замечательными людьми нашей эпохи.

Вспоминаю, как перед Владимиром Ильичем встал вопрос о Горьком в 1918 году.

Шел вопрос об издававшейся им «Новой Жизни», полувраждебно к нам относившейся, ставшей центром леворадикальной интеллигенции, усмотревшей в большевизме угрозу «культуре».

За окончательным решением этого вопроса обратились к Владимиру Ильичу.

Перед нами стоял идейно беспощадный вождь рабочего государства. Ни тени сомнений, отброшены всякие личные симпатии и привязанности.

— Конечно, «Новую Жизнь» нужно закрыть. При теперешних условиях, когда нужно поднять всю страну на защиту революции, всякий интеллигентский пессимизм крайне вреден. А Горький — наш человек... Он слишком связан с рабочим классом и с рабочим движением, он сам вышел из «низов». Он безусловно к нам вернется... Было это с ним в 1908 году, во время «отзовистов»... Случаются с ним такие политические зигзаги...

Несколько раз Владимир Ильич уверенно повторял, что Горький безусловно вскоре к нам вернется.

Говорил он о Горьком в очень дружеских тонах, с особой какой-то нежностью, как о своем близком человеке.

И Владимир Ильич хорошо знал Горького, действительно в нем не ошибся. Уже к концу года Горький вплотную начал с нами работать, и памятный 19-й год застает Алексея Максимовича в кипучей, напряженной работе в ряде культурных областей.

Около Алексея Максимовича сразу же образовался в Ленинграде большой культурный советский центр, закипела большая работа вокруг организованной им «Всемирной литературы», «Дома ученых», начали налаживаться деловые отношения с Академией наук, приступившей к работам по обследованию естественных и производительных сил страны, появились новые литературные и научно-технические работы, и мы были свидетелями, как в жестокую, голодную эпоху «военного коммунизма» рабочее государство при первой дружественной попытке интеллигенции втянуться в общую работу всячески пошло этому навстречу. Руководящее участие в этой работе Владимира Ильича придало ей большой размах.

Всякий приезд Горького в Москву очень оживлял всех нас, все более и более расширялись круги интеллигенции, с нами связывающиеся, и возникали новые культурные дела.

Владимир Ильич неизменно поддерживал Горького во всех этих делах, в особенности же книжных и издательских.

Самую идею создания единого государственного издательства привез с собой Горький, который принял самое ближайшее участие в его организации и был включен, по предложению Владимира Ильича, в редакционно-литературную коллегию Госиздата.

Мне помнится одно из совместных с Горьким посещений Владимира Ильича по книжным делам; шла тогда речь о поддержке горьковской «Всемирной литературы», обеспечении наших научно-технических работников специальной иностранной литературой и вообще об улучшении книжного дела.

Тут же шла беседа по целому ряду попутно возникавших вопросов, по которым обменивались между собой эти два замечательных собеседника.

Доставляло исключительное наслаждение видеть и прислушиваться к их непринужденной двухчасовой беседе, которая протекала в особых тонах дружеской откровенности, искренней заинтересованности и какой-то особой ильичевской задушевности, с которой он обычно относился к Горькому.

Во время беседы часто раздавался заразительный хохот Ильича, который вносил в беседу атмосферу непринужденности и веселой шутки.

Алексей Максимович за кого-то ходатайствовал и все говорил о том, что тот в свое время «наших прятал». Ильич весело шутил:

— Вы смотрите, Алексей Максимович, он, может, сердобольный по натуре, когда-то наших прятал, а теперь, должно быть, кадетов от нас прячет...

На его лице появлялась милая, лукавая усмешка, столь памятная всем, кто хоть раз его видел.

В их разговоре не было никакой внешней «красивости»: не говорили они ни парадоксами, ни азбучными истинами; у Горького была изумительная манера, говоря про обыденные вещи, возвести их в степень значительных вещей и какое-то особое, такое острое, напряженное внимание, любознательность и жадное любопытство к человеку и ко всему, что он делает.

Горький всегда говорил о непосредственно пережитом, и перед восхищенным слушателем вставали живые люди и красноречивые факты. И нужно было видеть взгляд живых, внимательных Ильичевых глаз, любовно смотревших на Горького, нужно было слышать, как он с полуслова подхватывал мысль Алексея Максимовича, направлял ее в широкое русло принципиального обобщения и взлетом яркой мысли вскрывал до дна какой-либо вопрос, неизменно связывая практику с теорией! Все это делалось так просто, что никаких запутанностей и неясностей уже не оставалось.

Владимир Ильич очень настойчиво всегда требовал выполнения всего того, что он одобрял в горьковских предложениях, и всегда советовал привлекать Алексея Максимовича к разрешению всех книжных и литературных вопросов.

Очень внимательно осведомлялся Владимир Ильич о том, как расходятся сочинения Горького, и все говорил про то, что нужно обязательно всего Горького издать.

От нас он требовал немедленной присылки всякой новой книжки Горького. Когда вышли воспоминания Горького о Толстом, мы тут же послали Владимиру Ильичу эту книжку. Ильич нам рассказывал после, что он в ту же ночь залпом прочел книжку, которая ему страшно понравилась.

— Вы знаете,— говорил он нам, делясь своими впечатлениями,— Толстой у Горького как живой получился. Пожалуй, так честно и смело о Толстом никто не писал.

Много у нас было в Москве разговоров в связи с многолюдным митингом интеллигенции, который происходил в ленинградском Народном доме под председательством Горького. Это была первая яркая советская демонстрация интеллигенции, к нам примкнувшей.

Горькому была устроена бурная овация, и Владимир Ильич говорил... о необходимости и у нас в Москве организовать с Горьким такой же митинг...

...Из отдельных фактов мне вспоминается требование Владимира Ильича обязательно записать ряд граммофонных речей Горького; при этом Владимир Ильич передал для Горького примерный список тем: об антисемитизме, об интеллигенции, науке и революции, о специалистах и ряд других из культурного цикла.

На эти темы нужно говорить именно Алексею Максимовичу, но тот всегда отказывался, ссылаясь на недостаток голосовых средств: «Я не оратор, я — писатель, я вам лучше напишу...» Так и не удалось запечатлеть голос Алексея Максимовича на пластинке.

Во время обсуждения вопросов о реорганизации Наркомпроса Владимир Ильич специально работал над книжно-издательскими вопросами и поместил большую статью в «Правде» о нашей работе Центропечати и после ее напечатания просил обязательно привлечь Алексея Максимовича к решению книжно-издательских вопросов и в особенности настаивал на проработке вопроса о возможности выполнения отдельных книжных заказов в Германии.

В каждый свой приезд Алексей Максимович обязательно ставил перед Ильичем вопрос о сохранении и укреплении поредевших научно-технических и литературно-художественных кадров.

Из этих бесед возникла и идея организации Цекубу, которую Владимир Ильич горячо поддержал, а также и ряд организованных А. М. встреч с Владимиром Ильичем крупнейших академиков...

...В специальных литературно-художественных вопросах Алексея Максимовича всегда поддерживал А. В. Луначарский, которого Ильич шутливо называл «покровителем муз»; усилиям Горького и Луначарского мы обязаны тому, что в годы «военного коммунизма» нам удалось создать кое-какую материальную базу для ряда научных и литературно-художественных начинаний тогдашнего времени.

С какой уверенностью и убежденностью, помнится, говорил нам при встречах Ильич о том, что мы скоро станем,— только бы белых разбить,— величайшим очагом научной жизни, и как он радовался всяким успехам в этих областях.

А ведь всем этим научно-культурным вопросам он мог уделять между общественными, материально-хозяйственными делами, фронтами, международной политикой и пр. так мало времени... И все-таки не было случая, чтобы Алексей Максимович в каждый свой приезд в Москву не побывал обязательно у Ильича...

...Их сближала обоих органическая, страстная ненависть к мещанству, оба они демократичны по натуре, с ног до головы, и Владимир Ильич в особенности ценил в Горьком его трудовую культуру...

И, помнится, Ильич, когда говорил нам о Горьком, всегда подчеркивал, что трудовой путь Горького к культуре, такой яркий и совершенно изумительный, должен его сближать с новой рабоче-крестьянской интеллигенцией, которая тоже усваивает культуру в упорном труде и борьбе...

«Правда», 1928, 29 марта, № 75.

А. Воронский

ИЗ ПРОШЛОГО

(ИЗ СТЕНОГРАММЫ РЕЧИ, ПРОИЗНЕСЕННОЙ НА ЮБИЛЕЙНОМ ВЕЧЕРЕ «КРАСНОЙ НОВИ»)*

...Первое организационное собрание редакции «Красной Нови» происходило в Кремле, в квартире Владимира Ильича Ленина. Помимо него, на этом собрании присутствовали: Надежда Константиновна Крупская, Алексей

* Эпизод, рассказанный А. Воронским, показывает роль В. И. Ленина, Н. К. Крупской и А. М. Горького в организации «Красной Нови» (1921—1941) — литературно-художественного и научно-публицистического журнала, в начале 20-х годов бывшего одним из значительных литературных центров. В журнале печатались произведения А. М. Горького, Вс. Иванова, В. Вересаева, М. Пришвина, Л. Леонова, А. Толстого, И. Эренбурга, Л. Сейфуллиной, Ф. Гладкова, Д. Бедного, В. Маяковского и других прозаиков и поэтов. В середине 20-х годов на содержании журнала стали сказываться ошибки, которые допускал А. Воронский при решении ряда коренных вопросов эстетики и в оценке достижений и возможностей советской литературы. В 1927 году А. Воронский был освобожден от работы в журнале «Красная Новь».— *Ред.*

Максимович Пешков (Горький) и я. Владимир Ильич пришел на это собрание в промежуток между двумя заседаниями. Я сделал краткий доклад о необходимости издания толстого литературно-художественного и научно-публицистического журнала. Владимир Ильич согласился с моими мыслями. Здесь же было намечено, что журнал будет издаваться Главполитпросветом, что ответственным редактором буду я и что Алексей Максимович будет редактировать литературно-художественный отдел этого журнала. Во время обсуждения вопроса о журнале произошел разговор между Горьким и Лениным, который я прочно запомнил. Горький принес с собою пачку книг, изданных им, Горьким, совместно с Гржебиным в Берлине при содействии Советского правительства. Владимир Ильич бегло просмотрел привезенные книги, одобрил книгу о паровозах, потом взял в руки сборник древних индийских сказок. Он перелистал книгу, спросил Горького (Горький стоял около Владимира Ильича):

— По-моему,— сказал он,— это преждевременно.

Горький ответил:

— Это очень хорошие сказки.

Владимир Ильич заметил:

— На это тратятся деньги.

Горький возразил Владимиру Ильичу:

— Это же очень дешево.

— Да, но за это мы платим золотой валютой. В этом году у нас будет голод.

Мне показалось тогда, что столкнулись две правды: один как бы говорил: «Не о хлебе едином жив будет человек», другой отвечал: «А если нет хлеба...» И после, находясь на стыке между художественным словом и практической работой Коммунистической партии и советских органов, я неоднократно вспоминал об этих двух правдах, и всегда мне казалось, что вторая правда, правда Владимира Ильича, сильнее первой правды.

Участие Владимира Ильича в «Красной Нови» не ограничилось первым организационным собранием. Так, в первый номер «Красной Нови» он дал свою статью о продналоге, устанавливающую основы новой экономической политики. Он помогал мне советами и указаниями. Помню, что однажды он мне прислал новую книгу Гобсона об империализме с указанием главы, которую, по его мнению, следовало бы перевести и поместить в одном из очередных номеров журнала. Она была напечатана. Не скрою, что у меня был случай, когда он пожурил меня за помещение воспоминаний о Февральской революции Суханова и за статью Базарова о Шпенглере. Я сказал ему, что Суханов не является постоянным сотрудником «Красной Нови», статья же Базарова помещена в дискуссионном порядке и в следующем номере будет помещен ответ на эту статью... Он успокоился, но заметил, что, по его мнению, Шпенглер не интересен и что им заниматься в Советской России не стоит...*

«Прожектор», 1927, № 6, с. 19.

---

* В ЦПА ИМЛ сохранилось письмо А. К. Воронского В. И. Ленину от 21 марта 1922 года, написанное в ответ на эти ленинские упреки и дающее представление об их характере. Посылая В. И. Ленину второй номер журнала «Красная Новь» за 1922 год, Воронский пишет:

ЛЕНИН И ГОРЬКИЙ

За время моей работы в секретариате В. И. Ленина мне не раз приходилось наблюдать встречи Владимира Ильича с Максимом Горьким.

Чувство огромной радости наполняло всех нас, работников секретариата Владимира Ильича, в те дни, когда к нему приходил Горький. Радость эта вызывалась совершенно особым, приподнятым настроением Владимира Ильича, передававшимся нам, его нетерпеливым ожиданием Горького, его большой, для всех ощутимой любовью к Горькому, как к близкому другу, как к человеку, отдавшему огромный талант делу пролетарской революции.

Чаще всего Алексей Максимович бывал у Владимира Ильича на квартире. Но иногда Владимир Ильич принимал его в своем рабочем кабинете.

«Тов. Ленин! Посылая Вам очередной номер «Красной Нови», считаю нужным написать это мое письмо.

В номере есть два имени — Базаров и Суханов, которые «режут ухо». И по содержанию в их статьях далеко не все наше. Я очень далек и от Базарова и от Суханова и если дал место их статьям, то произошло это вот почему. Сейчас приходится выдерживать бешеную борьбу с журналами частных издательств и в своей среде. Журнал должен быть *распродан*, а не рассован. Как раз именно эти месяцы являются самыми критическими. И я пошел на некий компромисс, «освежив» содержание журнала. Это — сознательный шаг и, буду надеяться, последний, в том смысле, что журналу удастся выдержать денежные испытания. Впрочем, Базарову в следующей книге будет дан основательный ответ в той части, которая не согласуется с ортод. марксизмом.

Теперь несколько слов о «литературщине», «перегруженности беллетристикой» и пр. В противовес «старикам», почти сплошь белогвардейцам и нытикам, я задался целью дать и «вывести» в свет группу молодых беллетристов — наших или близких нам. Такая молодежь есть. Кое-каких результатов я уже добился. Дал Всеволода Иванова — это уже целое литературное событие, ибо он крупный талант и наш. Есть у меня С. А. Семенов, Зуев, Либединский, Н. Никитин, Федин и др. Все это молодежь — самый старый В. Иванов, 27 лет, все они из Красной Армии, из подлинных низов, с красноармейскими звездами. Твердо уверен, что через год-два эта зелень совсем окрепнет и займет места Чириковых и прочих господ, и займет с честью. Против «стариков» я организую молодежь. Это нужно; обстоятельства складываются так, что беллетристика в ближайшее время будет играть очень большую роль — такие времена. Таланты из низов прямо прут — им только надо дать ходу и сорганизовать идейно. Вот почему я ушел теперь в «литературщину» и почему ей я так много уделяю места. Возможно, что у меня бывают ошибки, но ведь дело мое неизмеримо трудно; очень легко переводить с иностранного Уэллса и дать «имя» и очень трудно дать свой выводок. Непростительную ошибку совершим мы, если *теперь* не сумеем выявить то, что есть у нас, но хранится пока больше под спудом. Имейте в виду, что Всев. Иванов — это первая бомба, разорвавшаяся уже среди Зайцевых и Замятиных. Уверен, что будут и другие.

Вот что мне хотелось сказать Вам. Простите за длинное письмо, но я давно собирался о «литературщине» написать Вам.

19 $\frac{21}{IV}$ 22 г.

С приветом

А. Воронский.

(«Новый мир», 1964, № 12, с. 216).— Ред.

Уже накануне приезда Горького из Петрограда обычно вызывал Владимир Ильич секретаря и очень тепло и взволнованно говорил: «Завтра утром приезжает Горький. Пошлите на вокзал за ним мою машину да позаботьтесь, чтобы на квартире Алексея Максимовича к его приезду все было готово. Узнайте, тепло ли там, есть ли дрова. Условьтесь с ним о часе, когда за ним можно будет прислать машину». Алексей Максимович не умел заботиться о себе, и Владимир Ильич это знал; он заботился до мелочей об удобствах Горького, что в те годы, годы гражданской войны, нелегко было осуществить.

Утром в день приезда Горького Владимир Ильич раньше обычного приходил в свой кабинет и тотчас же вызывал секретаря для доклада: все ли сделано. «Не забыли ли сказать в будку у кремлевских ворот, не задержат ли там Горького?» Через полчаса звонок из кабинета: послали ли машину?

К величайшему сожалению, мы не вели в те годы регулярных записей приемов Владимира Ильича, его поручений, выступлений и т. п. Трудно поэтому восстановить даты его встреч с М. Горьким. Но самые встречи запомнились очень ярко. Я помню лишь один случай в 1919 году, когда Алексей Максимович, приехав неожиданно вечером, не застал Владимира Ильича, выступавшего в тот день на митинге, и ему пришлось подождать возвращения Владимира Ильича в нашем секретариате. Обычно же Горькому не приходилось ждать ни одной секунды, Владимир Ильич сам выходил к нему навстречу, здоровался с ним, полуобнимая его, и, глядя, по своей привычке, прямо в глаза, сразу же осведомлялся о здоровье и уводил с собой в кабинет.

В часы, когда у Владимира Ильича сидел Горький, на нашу долю выпадало много работы: Алексей Максимович приносил с собой целую уйму своих забот и о делах, и о людях, и Владимир Ильич всегда с исключительным вниманием следил за тем, чтобы ни одно из этих дел не осталось не рассмотренным, не выясненным до конца. Тут же нам давались поручения, делались запросы, писались письма и телеграммы, ответы на которые обязательно должны были быть доложены Владимиру Ильичу.

Бывали случаи, когда приход М. Горького совпадал с каким-либо спешным делом, которым был занят Владимир Ильич, или приемом кого-либо, приехавшего по срочному делу. В таких случаях Владимир Ильич всегда предупреждал нас заранее: «Как только приедет Алексей Максимович, впустите его сразу же ко мне в кабинет, даже если я буду занят». И Владимир Ильич продолжал работать в присутствии Горького, заканчивая спешное дело.

Горький отвечал Владимиру Ильичу таким же глубоким чувством. Иногда мне приходилось по поручению Владимира Ильича тотчас же после их встречи говорить с Алексеем Максимовичем, выяснять и подробно записывать его просьбы и ходатайства по тем или иным делам. Он не мог скрыть своего волнения после этих встреч, делился впечатлениями, говорил так, будто вторично переживал свою беседу...

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 5-ти томах, т. 4, 1969, с. 207—208.

В. И. Качалов

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ АРТИСТА»

...Большой вечер в Колонном зале Дома Союзов. В артистической комнате оживление: Владимир Ильич Ленин с Горьким. Алексей Максимович поворачивается ко мне и говорит:

— Вот спорю с Владимиром Ильичем по поводу новой театральной публики. Что новая театральная публика не хуже старых театралов, что она внимательнее — в этом спора нет. Но что ей нужно? Я говорю, что ей нужна только героика. А вот Владимир Ильич утверждает, что нужна и лирика, нужен Чехов, нужна житейская правда.

В это время закончился перерыв, и Владимир Ильич с Горьким пошли в зал...

«Труд», 1936, 21 июня, № 141.

Н. И. Комаровская

Из книги

«ВИДЕННОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ АКТРИСЫ»

2 ноября старого стиля 1917 года отряды Красной гвардии, сломив сопротивление белогвардейских частей, вошли в Кремль. Революция победила в Москве.

Всколыхнулась и актерская масса. Возникла мысль о необходимости создать новые театральные формы. В частых встречах определилась группа актеров-единомышленников и родилась идея создания нового революционного театра преимущественно из молодых актеров. В эту группу входили актеры разных театров; инициативное ядро состояло из шести человек: В. О. Массалитиновой, В. А. Шухминой, М. Ф. Ленина, И. Н. Певцова, Н. И. Комаровской, А. П. Зонова (режиссер). В недавно созданном Театральном отделе нам разъяснили, что по вопросам организации нового театра надо обратиться в Народный комиссариат просвещения.

После того как Советское правительство переехало в Москву, Мария Федоровна Андреева, назначенная комиссаром театров и зрелищ в Петрограде, стала по делам часто приезжать в столицу. Я поделилась с нею планами нашей группы. Они заинтересовали Марию Федоровну, и она, подумав, сказала: «Надо непременно рассказать об этом Владимиру Ильичу. Он будет доволен». И позвонила в Кремль.

Ленин подошел к телефону. Андреева рассказала ему в нескольких словах о том, что группа московских актеров задумала создать новый театр, отвечающий требованиям времени. «Я бы хотела,— закончила она,— чтобы одна из инициаторов этого дела рассказала вам об этом сама». В ответ Владимир Ильич предложил нам приехать вечером на спектакль «На всякого муд-

реца довольно простоты» в Художественный театр, куда он собирался вместе с Надеждой Константиновной...

...Во время действия я украдкой поглядывала на Ленина. Он был целиком поглощен происходящим на сцене, весело смеялся и, когда Надежда Константиновна взглядывала на него, одобрительно кивал ей головой...

...В четвертом действии спектакля «На всякого мудреца довольно простоты» сцена представляет собой кабинет генерала Крутицкого. Крутицкий (его играл К. С. Станиславский) томится от скуки. То расхаживает по комнате, бурча боевой марш, то деловито проверяет исправность дверной ручки, наконец берет со стола первую попавшуюся деловую бумагу и, свернув ее трубочкой, дует в стоящий тут же аквариум с рыбками. Особенно развеселили Ленина следующие слова Крутицкого, когда тот читает проект своей докладной записки:

«Всякая реформа вредна уже по своей сущности. Что заключает в себе реформа? Реформа заключает в себе два действия: 1) отмену старого и 2) поставление на место оного чего-либо нового. Какое из сих действий вредно? И то, и другое одинаково...»

После этих слов Ленин так громко засмеялся, что кое-кто из зрителей обратил на это внимание и чьи-то головы уже поворачивались в сторону нашей ложи. Надежда Константиновна укоризненно посмотрела на Владимира Ильича, но он продолжал от души хохотать, повторяя: «Замечательно! замечательно!» В антракте он не переставал восхищаться Станиславским.

— Станиславский — настоящий художник,— говорил Владимир Ильич.— Он настолько перевоплотился в этого генерала, что живет его жизнью в мельчайших подробностях. Зритель не нуждается ни в каких пояснениях. Он сам видит, какой идиот этот важный с виду сановник. По-моему, по этому пути должно идти искусство театра. А как на это смотрят ваши товарищи?

Я ответила, что окончила школу Художественного театра и считаю его метод единственно правильным. Большинство моих товарищей разделяет эту точку зрения. Мой ответ, очевидно, удовлетворил Владимира Ильича.

— Вот это хорошо,— сказал он.

Меня радовало, что в пьесе четыре антракта и я могу подольше побыть в обществе Владимира Ильича...

— В добрый час, желаю успеха в работе! — сказал он, прощаясь со мной.— Я поговорю с Луначарским о вашем начинании, а вы позвоните к нему по телефону.

Когда через день я позвонила Анатолию Васильевичу Луначарскому, то услышала в ответ, что Владимир Ильич уже говорил с ним и он в курсе затеваемого нами дела. Тут же Луначарский назначил мне день для личной встречи *.

Н. И. Комаровская. Виденное и пережитое. Из воспоминаний актрисы. Л.—М., «Искусство», 1965, с. 136—139.

---

* Планы организаторов группы не осуществились. Руководители театров, где служили входившие в группу актеры, не дали согласия на их уход.— *Ред.*

И. И. Бродский

КАК Я РИСОВАЛ В. И. ЛЕНИНА

Октябрьский переворот с первых же его дней глубоко захватил меня. Мне сразу сделалось ясно, что позорно современнику, а тем более художнику, пройти безучастно мимо тех великих событий, которые не по дням, а по часам развивались перед нашими глазами. Я понял, что отобразить революционную эпоху и ее великих людей — долг каждого художника.

Личность В. И. Ленина представлялась мне исключительно незаурядной и крайне интересной для изображения. Я долго искал случая познакомиться с ним или просто повидать его вблизи, начиная еще с ноября 1917 года, но ничего не выходило. Лишь мельком я всматривался в него на том или ином митинге или докладе, но беспрерывная толкотня и давка, обычно царившая в таких местах, не давали возможности мне сосредоточиться, чтобы записать облик Владимира Ильича. Пойти же в Смольный я не решался, так как знал, какая гигантская и сверхчеловеческая работа там производится.

К концу 1917 года в Петрограде был организован так называемый Исполнительный комитет по делам искусств. Сюда входили лучшие представители самых различных отраслей искусства. Комитет этот, председательское место в котором обыкновенно занимал А. В. Луначарский, собирался в те месяцы довольно часто и почти всегда на квартире у А. М. Пешкова (Максима Горького), который жил тогда на Петроградской стороне, в доме № 23 по Кронверкскому проспекту. До того времени с А. В. Луначарским я не был знаком и знал только его печатные работы. Частые встречи на заседаниях комитета сделали нас знакомыми, и, когда однажды Анатолий Васильевич в разговоре сказал, что мои работы ему хорошо знакомы и что он считает их интересными, я попросил его помочь мне сделать ряд зарисовок некоторых деятелей Октябрьского переворота. Пообещав свое содействие, Анатолий Васильевич попросил зайти к нему в Зимний дворец, где в то время находился Наркомпрос.

Через несколько дней я зашел к А. В. Луначарскому. Наша продолжительная беседа по целому ряду вопросов жизни, творчества и искусства, тогда нас волновавших, закончилась тем, что при прощании я обратился к Анатолию Васильевичу с просьбой помочь мне встретиться с Владимиром Ильичем, чтобы сделать хотя бы карандашный рисунок.

Анатолий Васильевич не заставил себя долго просить, и уже через несколько минут у меня было его письмо к Владимиру Ильичу.

Когда я через некоторое время после получения этой рекомендации (в конце весны 1918 года) решил направиться к Владимиру Ильичу, оказалось, что его уже нет в Петрограде и что Совнарком переезжает в Москву.

Вблизи впервые я увидел В. И. Ленина в 1919 году в Петрограде в Народном доме, на митинге, и полученные там впечатления дали мне возможность в скором времени написать картину «Ленин и манифестация». Картина эта получила на конкурсе, происходившем в том же году в Петрограде, первую премию и ныне * находится в Ленинградском музее революции.

Детально же ознакомиться с внешностью В. И. Ленина мне удалось на

* Воспоминания написаны в 1937 году.— *Ред.*

торжественном открытии II конгресса Коммунистического Интернационала, происходившем во Дворце Урицкого (бывший Таврический дворец) в Петрограде.

Получив пропуск, я пробрался на заседание за некоторое время до его открытия, выбрал укромное место недалеко от президиума и, находясь на расстоянии нескольких шагов от Владимира Ильича, успел зарисовать довольно детально черты его лица и профильный контур.

Не могу не вспомнить курьезного случая, происшедшего в связи с этой зарисовкой между мной и Владимиром Ильичем. Дело в том, что через несколько часов после открытия конгресса на Марсовом поле состоялось возложение венков на могилы борцов за революцию. Возложение венков производилось делегатами конгресса, среди которых находился и Владимир Ильич. Я также был там, причем в моей папке в законченном виде находился портрет Владимира Ильича, набросанный мною карандашом на открытии конгресса. Очутившись как-то около Ленина, я подал ему рисунок и просил его подписать. Пристально всмотревшись в карандашный набросок, Владимир Ильич ответил мне, что он не похож здесь на себя. Окружающие нас стали горячо убеждать Владимира Ильича в том, что он совершенно не знает своего лица и что портрет, без сомнения, удачен. Владимир Ильич, усмехнувшись, принялся подписывать набросок.

— Первый раз в жизни подписываю то, с чем не согласен,— сказал он с улыбкой, передавая мне обратно набросок.

Но через несколько минут, когда рисунок пошел по рукам и большинство товарищей сказали, что сходство уловлено, Владимир Ильич, снова посмотрев, промолвил:

— А ведь, кажется, действительно похож.

Мое пребывание на открытии конгресса дало мне возможность написать большую картину «Открытие второго конгресса Третьего Интернационала».

Вместе с делегатами конгресса после открытия торжественного заседания я из Петрограда поехал в Москву.

Здесь в Андреевском зале Большого кремлевского дворца, где происходили деловые заседания конгресса, мне удалось сделать несколько новых зарисовок Владимира Ильича.

В моем архиве сохранилась одна из моих зарисовок Владимира Ильича. Последняя, если память мне не изменяет, была сделана мною в Москве же, через несколько недель после закрытия II конгресса — на Всероссийской партийной конференции. Конференция эта происходила в Свердловском зале в Кремле, и здесь Ленин выступил с речью по поводу перемирия с Польшей.

В июле 1921 года на III конгрессе Коминтерна в Москве мне удалось сделать еще три зарисовки Ленина с натуры. И, наконец, несколько контурных набросков с Владимира Ильича, у меня имеющихся и относящихся к октябрю или к концу 1921 года, являются последними, сделанными мною с натуры.

Я очень жалею, что мне не удалось в те годы чаще видеть Владимира Ильича. Я никак не могу простить себе и того, что мною не был написан маслом большой портрет Владимира Ильича с натуры.

Воспоминания о В. И. Ленине, т. 2, 1957, с. 445—447.

Вл. Бонч-Бруевич

ЛЕНИН О ПОЭЗИИ

Как относился Владимир Ильич к поэзии? — С таким вопросом не однажды обращались ко мне и молодые и старые писатели, по преимуществу поэты и беллетристы.

Я не собираюсь здесь дать исчерпывающий ответ на этот вопрос, так как он подлежит еще большому исследованию всего литературного наследия, оставшегося от Владимира Ильича, и опросу его современников.

Однако мы знаем, что Владимир Ильич особенно внимательным образом всегда относился к творчеству народных поэтов. Он любил слушать, когда они вдохновенно выступали в рабочих кварталах Парижа и иных городов. Об этом подробно рассказывает Надежда Константиновна в своих записках. Мне лично приходилось наблюдать однажды Владимира Ильича на народном празднике в Женеве, называющемся «Эскаляда», в честь освобождения Швейцарской республики от нашествия австрийских войск. На этом празднике, продолжающемся, обыкновенно, несколько дней, принимают участие все сословия населения города и в том числе рабочие. Вечером устраивается громадный карнавал. На улицах множество масок, шутящих, острящих, веселящихся. Поют песни. Появляются хоры. Выступают певцы с мандолинами, гитарами. И вот здесь, на этом празднике, я видел, как Владимир Ильич увлекался народным весельем, прислушиваясь к этим неизвестным певцам и музыкантам, бродившим по всему городу, внедрявшимся в толпу, разрезавшим ее и образовывавшим вокруг себя импровизированные хоры.

Хорошо известно также, что сам Владимир Ильич очень любил революционное пение, принимал в нем всегда участие, читал новые революционные стихотворения и быстро запоминал те из них, которые были особенно популярны, которые перелагались на музыку и пелись в ссылке, на рабочих собраниях, в эмиграции.

Уже здесь, в Москве, после Октябрьской революции мне припоминается, как однажды Владимир Ильич, постоянно изучавший словарь русского языка Даля, который у него стоял на этажерке, возле стола, заинтересовался поговорками и пословицами, которые там были приведены. Не помню сейчас как, но перешел разговор на народный эпос, и когда я сказал Владимиру Ильичу, что у меня в библиотеке имеются довольно хорошо подобранные книги былин, народных песен и сказок, то он сейчас же спросил у меня, могу ли я ему дать их просмотреть. Конечно, я с радостью выполнил эту просьбу, но принес книги не из своей библиотеки, которая лежала нераспакованная в ящиках (это было во время переезда из Петрограда в Москву), а взял книги у Демьяна Бедного из его действительно превосходного собрания.

И уже в тот же вечер я видел, как Владимир Ильич внимательно читал смоленский этнографический сборник, составленный В. Добровольским.

— Какой интересный материал! — сказал он мне, когда я наутро вошел к нему.— Я бегло просмотрел вот эти книжки, но вижу, что не хватает, очевидно, рук или желания все это обобщить, все это просмотреть под социально-политическим углом зрения, ведь на этом материале можно было бы

написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных. Смотрите! — в сказках Ончукова, которые я перелистал,— ведь здесь есть замечательные места. Вот на что нам нужно было бы обратить внимание наших историков литературы. Это подлинное народное творчество, такое нужное и важное для изучения народной психологии в наши дни.

К сожалению, мне не пришлось дальше беседовать с Владимиром Ильичем в этот раз. Работа опять закружила нас. Но я понял здесь, почему именно Владимир Ильич неоднократно говорил мне, что, записывая и собирая рукописи среди народных масс, собирая стихи сектантов, их сказания, легенды, изложение учений и иные тому подобные материалы, я делаю,— как он говорил мне,— нужное и важное дело. Я понял, что он относится к этнографии весьма положительно и понимает ее смысл и значение и лишь хочет, чтобы весь этот материал всегда обобщался, анализировался и рассматривался с нашей, научно-марксистской точки зрения. Конечно, он был глубоко прав. Только объективный, научный, марксистский анализ даст нам возможность вскрыть в народном творчестве те самые нужные и важные элементы, которыми это творчество проникнуто и в котором отражается вся сущность вековой борьбы, желаний и ожиданий широких народных масс. Проходить мимо этой огромной литературы, которая создается самим народом,— это значит делать преступление на нашем литературно-исследовательском марксистском фронте. Я думаю, что наши молодые литературоведы должны обратить свое внимание на богатые россыпи народного творчества.

И вот, когда я узнал, как относится Владимир Ильич к народному творчеству, то вот именно тут, в этот момент, мне стало совершенно ясно, почему так замечательно *чутко*, близко и любовно Владимир Ильич относился к могучей музе Демьяна Бедного. Как только появились первые стихотворения, а потом басни Демьяна Бедного в нашей «Звезде», которая издавалась по распоряжению Центрального Комитета нашей партии, то в скором времени от Владимира Ильича пришло к нам в редакцию письмо, в котором он запрашивал, кто такой Демьян Бедный, обращал наше внимание на этого молодого, даровитого поэта и советовал нам как можно ближе привлечь его в нашу среду, к нам в газету. Он характеризовал его произведения, как весьма остроумные, прекрасно написанные, меткие, бьющие в цель. И с тех пор он неизменно относился самым внимательным образом к творчеству Демьяна Бедного.

Когда после Февральской революции Владимир Ильич приехал из-за границы, мне пришлось знакомить его с деятельностью нашего партийного издательства «Жизнь и знание», в котором издавался и сам Владимир Ильич. Я, между прочим, показал при этом докладе четыре книжки Демьяна Бедного, хорошо иллюстрированные, только что вышедшие в нашем издательстве. Владимир Ильич сейчас же схватил их и тут же стал внимательно просматривать. И, читая, все более и более смеялся. Смех его даже переходил в раскатистый хохот. Владимир Ильич смеялся и приговаривал:

— Прекрасно! Как хорошо сказано! Метко! Очень хорошо.

Я стал рассказывать аллегорическое значение некоторых басен Демьяна, и, когда мы дошли, наконец, до басни «Бунтующие зайцы», где Гучков изображен главарем этих зайцев, стоящим на пригорке и ораторствующим, а все его последователи-октябристы, в конце концов, с перепугу, бесконечной

чередой улепетывающими во все лопатки в кусты,— Владимир Ильич пришел в восторг:

— Вот это настоящая оппозиция его величества. Вот это, с позволения сказать, русский парламент! Замечательно! Но они-то сами понимают, что Демьян так их разделывает?

Я ему сказал, что басня «Трибун», где под именем «Маклаций» изображен известный адвокат и член Государственной думы Маклаков, до такой степени понравилась левому ее сектору, что с тех пор Маклакова так и называют «Маклацией».

Я рассказал Владимиру Ильичу, что когда мне пришлось создавать в первые же дни Февральской революции «Известия Совета рабочих депутатов» и выпускать первый номер, мне было приятно увидеть, что на второй день революции в редакцию «Известий», туда, на Литовку, в типографию, пришел Демьян Бедный и принес свое прекрасное стихотворение, которое я и поместил во втором же номере «Известий». Оно называлось «Тофута Мудрый», в нем Демьян Бедный призывал товарищей идти «своей дорогой» и «бороться до конца!».

— Если б вы знали,— сказал я,— что после этого случилось! Как зашипели все меньшевики, находившиеся в президиуме Совета рабочих депутатов. Они ругали меня на каждом шагу: как это я в правительственную газету, которая должна отражать желания всего Совета, поместил — кого?— Демьяна Бедного, который им стал, конечно, поперек горла. Я сейчас же сказал этим узколобым политиканам, что рабочие массы прекрасно знают своего поэта и с восторгом читают произведения Демьяна Бедного. Я считал, что наш партийный сатирик должен систематически печататься, его бичующее перо должно отзываться на все важнейшие политические события.

Куда там. Все сочли меня за весьма страшного человека, который отстал от века. Некоторые прямо требовали запретить редакции печатать в «Известиях» стихотворения Демьяна Бедного. Я предложил с этим проектом свободы печати на другой день после Февральской революции выступить на любом рабочем собрании и ручался, что вряд ли этим господам удастся произнести по этому поводу и пять слов: их просто рабочие стащат с трибуны и выкинут вон.

— Совершенно верно,— ответил мне Владимир Ильич,— эти пошляки не понимают всего значения творчества Демьяна Бедного. Оно — действительно пролетарское творчество, оно близко рабочей массе, которая его прекрасно должна понимать, и я убежден, что теперь, при свободе печати, он проявит себя еще более значительно и разнообразно.

Когда грянула Октябрьская революция, я некоторое время хотел привлечь Ефима Алексеевича к работе Управления делами Совнаркома, так как знал, что он, помимо своих литературных дарований, обладает громадной способностью административного творчества. Ефим Алексеевич несколько раз приходил ко мне, в Управление — мы с ним столковывались — и даже сел было за какой-то стол, чтобы приняться за работу. Но эта работа в то время, очевидно, была не по нем: его тянуло на улицы и площади, на собрания, на митинги, в массы, и когда я как-то сказал Владимиру Ильичу, что вот Демьян Бедный не очень-то идет на работу в наш советский аппарат, он сказал мне:

— Оставьте его в покое. Если он работал до революции по административному делу, то ведь это его беда. Обстоятельства заставили его поступить на службу, а теперь он больше всего будет служить огромную службу Советской власти и партии своим пером. Смотрите, какое он поместил прекрасное стихотворение в «Правде». Демьян Бедный — писатель, поэт,— не надо мешать ему в развитии его творчества.

Я после этого разговора прекратил всякие попытки приглашать Ефима Алексеевича к административной работе, а он в это время запел полным голосом и дал те прекрасные образцы поэзии, которая так близка и понятна самым широчайшим трудящимся массам. Вряд ли какой-либо другой поэт, существовавший в России до сих пор, имел когда-либо такую широчайшую аудиторию, как Демьян Бедный...

«В. И. Ленин о литературе и искусстве». М., Гослитиздат, 1960, с. 690—694.

ЛЕНИН О КНИГАХ И ПИСАТЕЛЯХ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

...Владимир Ильич обладал громадными знаниями в области художественной литературы. Его гениальные статьи о Л. Н. Толстом, которого он сумел так хорошо понять, связать с эпохой, с революционным действием рабочих и крестьянских масс, дают нам яркое представление о том, как решал Владимир Ильич сложнейшие проблемы литературы.

Еще в Женеве не раз Владимир Ильич говорил, что ему хотелось бы написать подробный разбор некоторых произведений И. С. Тургенева. Мы знаем, что он часто цитировал Тургенева, делал сравнения с персонажами из произведений этого писателя, например, с Ворошиловым из романа «Дым». Многие другие ссылки на Тургенева показывают, что он глубоко продумывал образы, созданные этим замечательным художником.

Известно отношение Владимира Ильича к М. Е. Салтыкову-Щедрину, которого он, кажется, более всех любил из беллетристов. Свыше 400 раз Владимир Ильич цитировал в своих работах этого гениального писателя-общественника, революционного демократа. Отдельные образы и характеристики, созданные Щедриным, вошли в собственный язык Владимира Ильича.

Часто обращался Владимир Ильич к Н. А. Некрасову, которого, несомненно, любил и считал одним из самых главных и лучших поэтов эпохи «Современника».

В рабочем кабинете Владимира Ильича в Совнаркоме, на этажерочке около стола, а нередко и на самом столе, можно было видеть томик Ф. Тютчева. Он часто перелистывал, вновь и вновь перечитывал его стихи. Я думаю, что надо внимательно изучить те книги Тютчева, которые стояли в собственной библиотеке Ленина при кабинете Совнаркома, так как там, может быть, сохранились отдельные пометки, сделанные Владимиром Ильичем.

Ленин поддержал Горького, когда тот выступил против буржуазной печати, начавшей в связи с предполагавшейся театральной постановкой романа Ф. М. Достоевского «Бесы» реакционную свистопляску. Беспощадно

осуждал Владимир Ильич реакционные тенденции творчества Достоевского. Как известно, в письме к Инессе Арманд Владимир Ильич, резко критикуя декадентский, клеветнический роман В. Винниченко «Заветы отцов», указывал на «...архискверное подражание архискверному Достоевскому» как на порок этого произведения. Вместе с тем Владимир Ильич не раз говорил, что Достоевский действительно гениальный писатель, рассматривавший больные стороны современного ему общества, что у него много противоречий, изломов, но одновременно — и живые картины действительности.

Относясь резко отрицательно к «Бесам», он говорил, что при чтении этого романа надо не забывать, что здесь отражены события, связанные с деятельностью не только С. Нечаева, но и М. Бакунина. Как раз в то время, когда писались «Бесы», К. Маркс и Ф. Энгельс вели ожесточенную борьбу против Бакунина. Дело критиков — разобраться, что в романе относится к Нечаеву и что к Бакунину.

Но в общем и целом Владимир Ильич ценил талант Достоевского. Когда речь заходила об этом писателе, Владимир Ильич как-то говорил:

— Не забывайте, что Достоевский был приговорен к смертной казни. Над ним был произведен варварский обряд разжалования, а после объявлено, что Николай I «помиловал» его, сослав на каторжные работы.

«Записки из Мертвого дома», отмечал Владимир Ильич, являются непревзойденным произведением русской и мировой художественной литературы, так замечательно отобразившим не только каторгу, но и «мертвый дом», в котором жил русский народ при царях из дома Романовых.

В отметках «Книжной летописи», которую Ленин проштудировал за два года, мы встречаем самые разнообразные художественные произведения, которые он намечал для своего чтения. Особенно выделял он А. П. Чехова. Владимир Ильич любил читать чеховские рассказы, которые хорошо отображали доподлинную жизнь.

Владимир Ильич подробно изучал народническую литературу. Жестоко критикуя основы народнического учения, сражаясь, можно сказать, не на жизнь, а на смерть с Михайловским, В. Воронцовым и другими теоретиками народничества, он в то же время отмечал глубокое значение таких писателей, как Глеб Успенский. Его «Нравы Растеряевой улицы», рассказы из жизни рабочих и беднейшего крестьянства захватывали Владимира Ильича. Он указывал, что вот именно это и нужно давать самым широким массам, именно это и необходимо широко издавать.

Несколько раз Владимир Ильич высказывал уверенность в том, что у нас должны появиться критики и публицисты, которые изучат всю народническую литературу с точки зрения отображения в ней положения крестьянства и рабочего класса. И когда кто-то заметил, что не так-то много найдется таких произведений, Владимир Ильич сейчас же возразил:

— Напрасно вы так думаете. Даже у Златовратского, который так слащаво расписывал крестьянство в своих «Устоях», вы найдете целый ряд очерков из жизни рабочего класса, посвященных всевозможным мелким пролетарским профессиям, которые были современны этому второстепенному писателю. Он начал с описания пролетариата, ремесленников, очевидно, близко знакомясь с их средой и проникая в их доподлинную жизнь и быт. Не говоря уже о Глебе Успенском, то же самое у Решетникова, Левитова,

Николая Успенского и многих, многих других более мелких писателей, которые печатались в «Современнике», «Деле», «Слове», «Отечественных Записках» и других журналах того времени.

Как-то, рассматривая старые журналы в нашей женевской библиотеке, принадлежавшей Центральному комитету РСДРП, Владимир Ильич спросил, знает ли кто-либо из нас рассказ Кокорева «Саввушка»? Я ответил, что «Саввушку» я читал, когда мне было лет четырнадцать. Владимир Ильич очень удивился и обрадовался этому.

— Вот небольшой писатель,— сказал он,— совершенно забытый, а как необходимо было бы переиздать его «Саввушку». Это такая прелестная повесть! У него есть и другие, не сильные, но все-таки интересные бытовые рассказы. Вот таких писателей мы должны вытаскивать из забвения, собирать их произведения и обязательно публиковать отдельными томиками. Ведь это документы той эпохи, а писатели-народники, надо отдать им справедливость, умели собирать большой материал. Они не сидели по домам, а шли в низы, изучали жизнь рабочих, крестьян, ремесленников и очень хорошо, подробно записывали их язык, условия быта. Иногда они перебарщивали, впадая в этнографические описания и вводя в литературу не общелитературный язык, а местные наречия, диалект, что, конечно, не придавало им художественности. У нас обращают внимание преимущественно на больших писателей, которые своими прекрасными произведениями приобрели славу. Это правильно, что их переиздают, так как на их произведения большой спрос, но, повторяю, и маленькие писатели должны быть извлечены из забвения и должны войти в библиотеки наших читателей. Конечно, к ним необходимо давать примечания, предисловия, которые вводили бы читателя в их эпоху, критически освещая их деятельность и произведения.

Из более современных нам писателей Владимир Ильич весьма одобрительно относился к Басову-Верхоянцеву, автору книжки «Конек-Скакунок». Она была запрещена цензурой и в 1906 году появилась нелегально. Министерство внутренних дел царского правительства обещало выдать премию тому, кто откроет автора этой книжки и укажет, где она печатается, но конспирация была поставлена хорошо, и жандармы ничего не добились.

Владимир Ильич считал, что книга Басова-Верхоянцева весьма полезна для крестьян, так как в легкой, занимательной форме она дает первое представление о современном политическом устройстве и очень зло высмеивает царский дом, самодержавное правительство, чиновничество и весь бюрократический строй царской России.

Читал Владимир Ильич совершенно по-особому. Когда я видел читающего Ленина, мне казалось, что он не прочитывает строку за строкой, а смотрит страницу за страницей и быстро усваивает все поразительно глубоко и точно: через некоторое время он цитировал на память отдельные фразы и абзацы, как будто бы он долго и специально изучал только что прочитанное. Именно это и дало возможность Владимиру Ильичу прочесть такое громадное количество книг и статей, которому нельзя не изумиться.

Я думаю, что когда-нибудь в Музее В. И. Ленина будет собрано в отдельных шкафах все прочитанное и цитированное Владимиром Ильичем. И это будет замечательный показ лаборатории творчества Владимира Ильича, демонстрация уникальной библиотеки, в которой представлены книги на мно-

гих языках, прочитанные Лениным. Надо это сделать, пока не поздно, собирая сведения не только по всем его книгам, рукописям, заметкам, письмам, черновым тетрадям, но используя и сохраняемые, к счастью, отметки в абонементах Британского музея, Парижской национальной библиотеки, в Société de lecture в Женеве, в библиотеках Берлина, Цюриха, Мюнхена, Берна, в Московском Румянцевском музее (ныне Государственной библиотеке имени В. И. Ленина), в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, в женевской библиотеке ЦК РСДРП и в других архивах и книгохранилищах.

Владимир Ильич часто говорил, что невольное наше деление литературы на легальную и нелегальную приносит огромный вред для изучения и познания художественно-критического и публицистического творчества XIX века. Он часто говорил, что наступит время,— и это время наступило! — когда мы, наконец, воссоединим литературу, которая создавалась по ту и другую сторону границ самодержавной России, когда мы, наконец, будем в состоянии изучать ее всю целиком и полностью и обратим самое серьезное внимание на то, что многие, многие авторы должны были волей-неволей печататься за границей.

И действительно, если посмотреть на эту богатейшую русскую литературу, которая за XIX век была издана в Западной Европе, то нужно только пожалеть, что советский читатель еще до сих пор знаком с ней весьма ограниченно. Эта литература печаталась во всех заграничных русских журналах, которые издавались и Ткачевым, и Лавровым, и Нечаевым, и Плехановым, и Долгоруковым, и Герценом, и Огаревым, и Христофоровым, и Тихомировым, и Серебряковым, и многими, многими другими деятелями свободного печатного станка, а также отдельными издателями, которые выпускали многие русские нелегальные произведения отдельными книжками и брошюрами. Делается понятным, почему Владимир Ильич всегда так настойчиво требовал, чтобы в наше время эта нелегальная литература и издавалась и изучалась как можно шире.

Владимир Ильич глубоко изучал нашу отечественную критику. Выше всех он в этой области ставил В. Г. Белинского и Н. Г. Чернышевского. Он находил у Белинского серьезное знакомство с Гегелем, говорил, что Белинский, несомненно, был знаком с произведениями еще молодого Маркса. Это замечательное провидение Владимира Ильича теперь подтверждено.

Чернышевский, который свои критические работы считал осуществлением заветов Белинского, был Владимиру Ильичу особенно близок. Владимир Ильич так много им занимался, так часто его читал и повторял, что именно Чернышевского-то и нужно изучать, чтобы понять эпоху шестидесятых годов, что, несомненно, только недостаток времени не позволил Ленину написать большое исследование о работах этого вождя революционного движения шестидесятых годов.

Владимир Ильич придавал большое значение публицистическому творчеству народника П. Ткачева, которого он рекомендовал внимательно читать и изучать, говорил, что нужно было бы дать хорошее предисловие к его работам.

Владимир Ильич очень радовался, когда видел в нашей женевской библиотеке Центрального комитета партии, что мы тщательно собираем нелегаль-

ную и подпольную литературу, что к нам поступают различные документы, материалы, письма. Он просил все это бережно сохранять. Когда в 1905 году, спеша в Россию, мы все должны были уехать из Женевы, он очень беспокоился, как бы не пропали эти материалы.

Нелегально уезжая из Женевы в Россию в октябре 1905 года, Владимир Ильич просил меня упаковать все материалы, сохранить, передать в надежные руки, чтобы впоследствии их можно было перевезти в освобожденную Россию для тщательного изучения и издания. И я счастлив сказать сегодня, что мы теперь все шире и шире разворачиваем работу по изучению и изданию революционного наследия.

«Литературная газета», 1955, 21 апреля, № 48.

Из статьи

«ОТНОШЕНИЕ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА К ПАМЯТНИКАМ СТАРИНЫ»

Как только Владимир Ильич переехал из Петрограда в Москву и поселился в Кремле, он сейчас же захотел ознакомиться с историей кремлевских построек и спросил у меня, что ему по этому поводу прочесть. Я указал на двухтомное исследование специалиста С. П. Бартенева, которое называлось «История Кремля». Владимир Ильич тотчас же принялся за чтение этого прекрасного иллюстрированного издания и был очень удивлен, когда я ему сказал, что автор этой книги, сын знаменитого издателя «Русского архива», живет в Кремле и вот сейчас как раз выезжает из Кремля в город на другую квартиру.

— Зачем это? — сказал Владимир Ильич.— Его нужно было бы оставить здесь, в Кремле.

Я сказал Владимиру Ильичу, что С. П. Бартенев сам хочет переехать в город, так как ему удобнее жить вне Кремля, ибо он дает уроки музыки и к нему приходят ученики.

— Пойдите сейчас же и посмотрите, как он переезжает,— сказал Владимир Ильич,— есть ли у него перевозочные средства, и организуйте ему помощь в переезде, в упаковке вещей.

Я сейчас же отправился на квартиру ныне покойного С. П. Бартенева, передал ему привет от Владимира Ильича, сообщил ему, что книга его Владимиру Ильичу очень понравилась и что он просил меня позаботиться о его переезде.

С. П. Бартенев был тронут этим буквально до слез, и, когда из комендатуры пришли красноармейцы и стали помогать ему упаковывать вещи, причем главная его поклажа состояла из книг, картин, нот и рояля, к которому он особенно бережно относился, он просто растерялся от этого неожиданного внимания. Через некоторое время ему был подан грузовик, и все его вещи в один день были перевезены на новую квартиру.

Владимир Ильич был очень удовлетворен, что мы помогли этому ученому, и, сказав, что даст ему охранную грамоту, немедленно ее написал, и я вручил ее С. П. Бартеневу.

Изучив эту книгу Бартенева и сделав свои пометки, Владимир Ильич совершил продолжительную прогулку по Кремлю; в течение трех дней он обходил и подробно осматривал здания, дворцы, Грановитую палату, боярские терема и, наконец, дважды прошел по стенам Кремля, подходя к каждой башне и интересуясь их состоянием. Одна из башен была разбита нашей артиллерией, когда приходилось выживать из Кремля юнкеров; Владимир Ильич распорядился ее отремонтировать, а также осмотреть и другие башни. Это было первое указание Владимира Ильича по восстановлению кремлевских памятников старины. За ним последовало его личное распоряжение о реставрации храма Василия Блаженного.

Владимир Ильич прочитал в книге С. П. Бартенева, что одно крыло собора, находящегося близ Ивана Великого, заложено кирпичом во времена Николая I и превращено в сарай для фуража. Владимир Ильич с негодованием сказал:

— Ведь вот была эпоха,— настоящая аракчеевщина... Все обращали в сараи и казармы: им совершенно была безразлична история нашей страны. Надо сейчас же, немедленно это крыло открыть. Смотрите, какое оно интересное, судя по чертежу, который здесь приложен.

Через несколько дней реставрационная комиссия, которая была образована при Советском правительстве, стала работать над восстановлением крыла. Владимир Ильич, гуляя, не раз останавливался около места работ и смотрел, как постепенно открываются старые очертания древнего собора.

— Совсем иной вид,— говорил Владимир Ильич,— тут виден художник-архитектор, а раньше было удивительно смотреть,— так не гармонировала эта пристройка со всем собором. Оказывается, тут не в соборе дело и не в архитекторе, а в Николае I, в аракчеевщине!

Следующей реставрационной работой в Кремле было восстановление фресок в Успенском соборе. Работа эта продолжалась долго. Владимир Ильич часто заглядывал в собор, внимательно рассматривал великолепные фрески и изображения старой итальянской живописи XV—XVI веков, которые обнаруживались после смывания мест, закрашенных различными нашими богомазами.

Единственно, что Владимир Ильич нашел нужным из Кремля удалить,— это абсолютно не гармонировавший с кремлевским ансамблем памятник Александру II с подступами к нему в ложнорусском стиле и мозаичными портретами царей.

— Вот здесь надо поставить памятник Толстому,— сказал как-то Владимир Ильич.— Где отлучали Толстого от церкви? — спросил он меня.

— В Успенском соборе...

— Вот и хорошо, самое подходящее его убрать (он показал на памятник Александру II), а здесь поставить хорошую статую Льва Толстого, обращенную к Успенскому собору. Это будет как раз кстати.

Эта идея Владимира Ильича не осуществилась еще до сего времени.

Несмотря на всю свою занятость, Владимир Ильич обращал большое внимание на архитектурные древности Москвы и других городов. Так, когда белогвардейцы артиллерийским огнем разрушили Ярославль, он принимал самое горячее участие в восстановлении этого старинного русского города. Была организована специальная комиссия, которая приводила Вла-

димира Ильича в отчаяние своей медлительностью. Он хотел, чтобы во что бы то ни стало были восстановлены ярославские древние церкви, которые представляли собой памятники нашего старинного зодчества. Когда ему приходилось слышать, что в Галиче, Угличе и других старинных русских городах пытались разрушить церкви, он немедленно рассылал телеграммы и строгие приказы этого не делать, вызывал представителей местных властей, разъясняя им значение исторических памятников...

В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, изд. 2-е, дополненное. М., «Наука», 1969, с. 402—404.

КАК БЫЛА НАПИСАНА БРОШЮРА «СОХРАНЯЙТЕ АРХИВЫ»

В третью ночь после Великой Октябрьской социалистической революции я был свидетелем весьма значительного разговора, который шел между Владимиром Ильичем и несколькими товарищами в той комнате Смольного, где в скором времени мы организовали кабинет Председателя Совнаркома. Зашел разговор о Комиссариате просвещения. Надежда Константиновна назвала А. В. Луначарского.

— Правильно,— ответил Владимир Ильич и внес его в список.

— Но при каком же комиссариате,— задал он вдруг вопрос,— будет у нас сосредоточено издание книг, особенно классиков? Конечно, при Наркомпросе,— ответил он сам себе.

— Как же издавать нам классиков, Владимир Ильич,— сказал я ему,— когда царская цензура до такой степени извратила то, что писали наши классики, что нередко от их произведений оставались одни искалеченные остовы. Ведь вот в «Воскресении» Толстого одних цензурных выкидок сделано более пятисот.

— Ну что же,— ответил Владимир Ильич,— мы должны будем собрать все подлинные рукописи и подготовить полные академические издания наших классиков, а потом с нужными предисловиями и примечаниями мы будем издавать отдельные их произведения для широких масс. Но пока мы не можем этого сделать, дадим сочинения классиков в том виде, в котором они имеются сейчас.

Этот разговор Владимир Ильич возобновил в ту же ночь дорогой, когда мы с ним шли пешком ночевать ко мне домой. В первые дни Октябрьской революции мы нередко предпочитали из Смольного уходить пешком, а не ехать в автомобиле, что было очень заметно: ради конспирации мы к автомобилю еще не всегда прибегали.

— Как только будет возможно,— сказал он мне,— вы должны непременно взяться за это дело. Нам совершенно необходимо собрать все рукописи классиков и других писателей, привести их в полный порядок и издать, так же как и все другие материалы, для изучения нашей обширной литературы XIX века, нашей критики, публицистики, истории. Ведь в них отражалось очень многое из революционной и общественной борьбы своего времени, и все это глушилось цензурой.

И дорогой, и дома, когда мы с ним ночью ужинали, Владимир Ильич продолжал подробно развивать свои мысли: как надо поставить музейное и архивное дело, как надо всюду и везде собирать находящиеся в частных руках библиотеки, архивы, рукописи, автографы — не только по литературе, но и по критике, публицистике, истории и искусству — и какую все это представляет огромную ценность для нашей культуры, которую, как он сказал, мы развернем так широко, как нигде и никогда на свете.

— Мы должны показать всему миру, что значит истинно культурная работа в стране, где власть перешла к рабочему классу, где установлена всерьез и надолго диктатура пролетариата.

Владимир Ильич еще раз обращался к этой мысли. Уже в Москве, когда он получил случайное сообщение, что красноармейцы, стоявшие в одном из зданий, где хранились рукописи и переписка писателей, уничтожают их, не придавая им никакого значения, он после двенадцати часов ночи позвонил ко мне на квартиру и спросил меня, могу ли я сейчас же, к утру, написать брошюру о значении архивов и архивных ценностей, написать популярно, так, чтобы можно было завтра же через РОСТА и газеты разослать ее повсюду, дабы широкие массы знали, что не только нельзя уничтожать архивные материалы, но что, наоборот, их необходимо тщательно собирать. Я ответил Владимиру Ильичу, что попробую это сделать, и просил его разрешить завтра утром дать ему на просмотр то, что напишу. Я тотчас засел за работу и написал брошюру под заглавием «Сохраняйте архивы». Владимир Ильич внес в нее некоторые поправки и распорядился напечатать в РОСТА, а через РОСТА в провинциальных газетах и в «Известиях». Потом эта брошюра была отпечатана в пятидесяти тысячах экземпляров и разослана по красноармейским частям и всевозможным другим организациям. После она не раз перепадавалась и принесла несомненную пользу, так как мы стали отовсюду получать уведомления о том, где находились архивные ценности и различные бумаги. Владимир Ильич просил меня поставить это дело так, чтобы кто-либо из товарищей разъезжал по России и собирал эти материалы и архивы. Мой выбор пал на И. И. Вишневского, которого я хорошо знал по совместной литературной работе и знал также, что он страстно любит архивное дело. Вишневский был снабжен особыми полномочиями, неутомимо разъезжал по СССР и свозил в Москву огромные архивы и целые библиотеки, которые мы тогда сдавали в Румянцевский музей, теперешнюю Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина.

Еще тогда, когда, казалось, не было ни минуты свободной думать об архивных ценностях, музеях и библиотеках, Владимир Ильич находил время не только обо всем этом думать, но и давать ценнейшие общие директивы по этому делу.

Теперь, когда наша партия свыше тридцати лет находится у власти и пользуется единодушной поддержкой всех трудящихся, совершенно естественно, что давнишние заветы Владимира Ильича и на этом участке нашей работы энергично осуществляются, помогая нашему культурному росту и исследовательскому творчеству.

В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, изд. 2-е, дополненное, с. 413—415.

Семен Фомин

Из статьи

«ТАЛАНТЛИВЫЙ ПОЭТ-САМОУЧКА (К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ И. З. СУРИКОВА)»

...Стихи и песни Ивана Сурикова, как и его предшественника Алексея Кольцова, распеваются до наших дней. Кто не знает песню Сурикова «Занялася заря — скоро солнце взойдет», положенную на музыку гениальным Чайковским? Кто не слыхал на концертах, на вечерах самодеятельности, во время передышек в солдатских окопах на фронтах Великой Отечественной войны суриковской песни «Рябина»? Миллионы людей слушают по радио песни Сурикова «Сиротой я росла», «Я ли в поле да не травушка была» и многие другие...

...Суриков был любимым поэтом учащейся детворы. На протяжении многих лет несколько поколений читали и заучивали наизусть по букварям и учебникам простые, милые стихи Сурикова о родной природе, о деревенских детях, катающихся с гор на санках, о горе неграмотного дедушки Федота, получившего письмо из Питера об увечье внука на фабрике.

Высокую оценку стихам И. З. Сурикова дал великий вождь пролетариата и основатель Советского государства Владимир Ильич Ленин. Случилось это так. Владимир Ильич лежал, еще больной после ранения. Надежда Константиновна Крупская пригласила к себе на квартиру, в Кремль, группу работников культуры — коммунистов. Среди них были Л. Менжинская, нарком просвещения А. Луначарский, В. Брюсов и другие — человек пятнадцать.

В. Брюсов только что получил сверстанный сборник стихов И. Сурикова, подготовленный к выпуску в Госиздате.

Владимир Ильич попросил у Брюсова сверстанную книгу, открыл первую страницу и прочитал начальные слова стихотворения «Детство»:

Вот моя деревня;
Вот мой дом родной...

— Нашим поэтам нужно бы научиться так писать о детях и для детей,— сказал он.— А бумага-то для такой книги, особенно для детей, не годится...

«Литературная газета», 1955, 7 мая, № 54.

Дм. Петрищевский

ИЗ БЕСЕДЫ С СОБИРАТЕЛЕМ РУССКОЙ ПЕСНИ М. Е. ПЯТНИЦКИМ

...В гражданскую войну,— говорит М. Е. Пятницкий,— мне пришлось быть у гения революции. Случилось это так: в Кремле мы ставили концерт, на котором был Владимир Ильич. Вождь рабочих и крестьян заинтересовался

Библиотечная книга

необыкновенным искусством глухой деревни и на другой день пригласил меня к себе.

Я пришел к нему в тот момент, когда ему делали перевязку. Это было во время его ранения. Вскоре меня пригласили в кабинет.

За письменным столом сидел среднего роста человек — это был Ленин... Поздравив его с выздоровлением, я кратко рассказал ему, что много лет работаю среди крестьян и выбираю из них певцов родных песен. Хочу выявить творчество крестьян.

В царское время с великими трудностями приходилось записывать на фонографе ценные крестьянские песни. Теперь мне нужно свободно заняться собиранием песен и показанием трудящимся печальной жизни нашей старины. Ильич сказал:

— *В случае, если что вам нужно будет, напишите мне, я вам в этом деле помогу.*

...И правда, Ленин помог. Мы стали везде и всюду выступать, пользуясь привилегией, ездили в провинции.

«Красный ткач», 1925, № 16-17, с. 19, Иваново-Вознесенск.

Н. И. Альтман

ПЕРВЫЙ СКУЛЬПТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ЛЕНИНА

Весной 1920 года я лепил бюст Анатолия Васильевича Луначарского и часто бывал у него в Кремле. Тогда мне и предложили сделать портрет Владимира Ильича Ленина к исполняющемуся пятидесятилетию со дня его рождения. Я охотно принял это предложение, но я знал, что Владимир Ильич обычно отказывается позировать художникам, а делать портрет с фотографии мне не хотелось.

Я рассказал Луначарскому о сделанном мне предложении и просил его переговорить с Владимиром Ильичем. При этом я не очень надеялся на благоприятный исход дела. Какова же была моя радость, когда через два или три дня Анатолий Васильевич сообщил мне о согласии Ленина, но прибавил при этом, что ему некогда «позировать», то есть сидеть неподвижно на одном месте. Я решил делать портрет Ленина не живописный, а скульптурный.

Меня охватило волнение. Провести несколько недель рядом с Лениным, ежедневно наблюдать, как он работает! Я чувствовал прилив сил и энергии. Эти незабываемые дни врезались в мою память, и сегодня я вспоминаю их как лучшие дни моей жизни.

Когда я впервые вошел в кабинет Ленина, там никого не было. Я принес туда станок, необходимые инструменты, глину. В ожидании Владимира Ильича начал рассматривать его кабинет. Обстановка красноречиво говорила о его владельце. Убранство кабинета было очень скромным. Шкафы с книгами, географические карты на стенах. На полке дивана стоял портрет Маркса — подарок Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов. Впослед-

ствии туда же поставили барельеф С. Халтурина моей работы, присланный Ленину Луначарским. Посреди комнаты находился письменный стол с настольным телефоном. Между двумя окнами, выходившими в кремлевский двор, висело зеркало. Отражение Ленина в этом зеркале помогало мне в дальнейшем видеть его в разных ракурсах.

Когда я впервые увидел Владимира Ильича, меня поразило в нем то же, что обычно поражало всех,— необыкновенная простота, скромность. Недаром один из рабочих сформулировал свое впечатление о Ленине такими словами: «Прост, как сама правда».

В то время Владимир Ильич трудился над книгой «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Он писал напряженно и сосредоточенно, весь уйдя в работу. Иногда он откидывался назад, на спинку стула, обдумывая ту или иную мысль. В комнате стояла чуткая тишина. Я старался не задавать Владимиру Ильичу лишних вопросов. Я знал, что то, чем занят сейчас Ленин, необычайно важно. Так же как и в речах, в своей рукописи он, по словам Горького, подавал каждое слово на ладони, изумительно легко обнажая его точный смысл.

На второй день моего пребывания в кабинете Ильич, прищурив глаз, посмотрел в мою сторону и сделал одно замечание: ему показалось, что нос сделан не совсем верно. Бюст был только начат, черты лица едва намечены. Когда я объяснил это Владимиру Ильичу, он удивился и заметил:

— А Луначарский говорил, что работа будет продолжаться всего два-три дня по получасу.

Через несколько дней он как-то опять вспомнил о словах Анатолия Васильевича. Я сказал Ленину, что никогда не обещал Луначарскому сделать портрет в два-три сеанса. Тогда Ленин усмехнулся и добродушно пошутил:

— Это «охотничьи» рассказы Анатолия Васильевича.

Лепить скульптурный портрет Ленина было нелегко. Владимир Ильич не позировал, был углублен в свою работу. Обычно он сидел, низко склонившись над столом, и я видел лишь верхнюю часть его головы. Поэтому я был вынужден пользоваться всяким случаем, чтобы зафиксировать Ленина с разных сторон. Я решил делать наброски в то время, когда он разговаривал с людьми. Так создалась серия зарисовок с натуры, которая помогала мне в работе.

Сквозь окна проникало солнце и сушило глину. Ее приходилось усиленно поливать. Я часто обходил сидящего Ильича со всех сторон, останавливаясь то справа, то слева, то спереди, то сзади. Весь пол кабинета был покрыт следами моих ног, выпачканных в глине. Мне было неудобно. Не хотелось нарушать рабочий покой вождя, и я как-то сказал ему:

— Владимир Ильич, должно быть, я порядком надоел вам.

Ленин внимательно посмотрел на меня и ответил:

— Работайте тем же темпом, сколько вам понадобится, я не буду вам мешать.

Человек редкостной энергии и работоспособности, он умел ценить и уважать чужой труд.

Огромная жизнерадостность и неотразимое обаяние этого изумительного человека сказывались во всем.

Сидя за столом, Ленин часто насвистывал. Как-то раз ему принесли

открытое письмо. Он прочитал его и расхохотался тем по-детски заразительным смехом, который восхищал всех, кто когда-либо встречался с Лениным. Ильич положил письмо в боковой карман и продолжал писать. Потом он опять вынул письмо из кармана, посмотрел на него и снова начал смеяться. И так время от времени, в минуты передышки, он несколько раз вынимал письмо и смеялся. Затем принимался за прерванный труд.

Как-то я попросил Владимира Ильича для облегчения моей задачи чаще смотреть в мою сторону и прохаживаться иногда по комнате. Он охотно согласился.

Ленин был занят своей книгой, поэтому прием посетителей в эти дни был ограничен. Все же за шесть недель моего пребывания в Кремле у него побывали делегации английских профсоюзов, немецких рабочих.

Кроме делегаций, к Ленину приходили А. М. Горький, И. В. Сталин, Ф. Э. Дзержинский, М. Ф. Андреева, Н. К. Крупская, М. И. Ульянова. Было несколько незнакомых мне посетителей. Одни из них сами добивались приема. Другие были вызваны Лениным. За многими посылал он свой автомобиль. Со всеми он был приветлив, общителен, часто шутил, иногда иронизировал. Он мягко давал наставления и советы. От него исходило обаяние, которому невозможно было не поддаться. Тогда не были еще сказаны знаменитые слова Владимира Маяковского о Ленине — «самый человечный человек», но именно это ощущение возникало, когда я видел, как руководитель первого в мире пролетарского государства разговаривал с людьми.

В первомайский день я, по обыкновению, пришел в Кремль. По улицам с пением шли стройные колонны демонстрантов. К моему удивлению, в кабинете Ленина не было. Мне сказали, что Владимир Ильич — на первомайском субботнике. Оказалось, Ленин вместе с другими носил бревна.

— Поздравляю вас с праздником,— сказал Владимир Ильич, входя в кабинет.

На его лице светилась веселая улыбка, в петлице пиджака алела яркая ленточка. Весь он был праздничный, подтянутый, молодой, несмотря на свои пятьдесят лет. Он был удивлен, что я пришел.

— Сегодня ведь праздник — Первое Мая! — сказал он.

Моя работа подходила к концу. Я видел близко Ленина последние дни. Вот скульптура уже готова. Мы вынесли ее из кабинета и тут же, в одной из комнат, отлили из гипса. Это был первый скульптурный портрет Владимира Ильича, вылепленный с натуры.

Воспоминания о В. И. Ленине, т. 2, 1957, с. 500—502.

Фриц Геккерт

МОИ ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ

...В гостинице «Континенталь» была устроена маленькая выставка так называемых «революционных» художников. Там фигурировало на фоне пестрой мазни всякое старое тряпье, черепки, кусок печной трубы и т. п., прибит-

тые к полотнам,— и вся эта ерунда должна была представлять новое искусство. Я был просто возмущен. Когда я спорил с товарищем, пытавшимся доказать, что в этих «художествах» есть какой-то смысл (кажется, это был художник Уиц), то Ленин, стоя сзади меня и покачивая головой, сказал мне:

— Вот видите, товарищ Геккерт, и у нас такое бывает! *

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 5-ти томах, т. 5, 1969, с. 359.

А. Додонова **

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ПРОЛЕТКУЛЬТЕ

Шестого ноября 1918 года В. И. Ленин и Н. К. Крупская объезжали ряд клубов, где происходили торжественные вечера, посвященные первой годовщине Октябрьской революции. Побывали они и на вечере в Московском пролеткульте в помещении Литературно-художественного кружка на Б. Дмитровке (ныне Пушкинская улица).

Их появление в разгар вечера вызвало бурю оваций. Ленин прошел на эстраду и в краткой речи характеризовал задачи строительства новой культуры ***.

После выступления Владимир Ильич и Надежда Константиновна захотели посмотреть нашу самодеятельность. По их просьбе мы усадили их ближе к выходу, так как им предстояло побывать еще в нескольких клубах. Прослушав выступления хора, оркестра домр и декламацию, Владимир Ильич одобрил их и заметил, что наш народ очень любит пение.

Пятого октября 1920 года в Москве открылся Первый съезд пролеткультов. В нем участвовало 355 делегатов и 107 гостей, главным образом рабочих и членов партии. Московский пролеткульт делегировал на съезд Ф. А. Благоправова, члена партии с 1903 года, меня и кого-то (не помню) третьего.

В работе съезда принимал постоянное участие заместитель наркома просвещения М. Н. Покровский. С докладом от Наркомпроса выступил А. В. Луначарский.

Зал переполнен. Царит оживление. Делегаты обмениваются опытом, жалуются на недостаток специалистов по отдельным видам искусства, на нехватку инструктивной литературы по клубной работе и т. д.

---

* В 1920 году, во время спровоцированного буржуазией и разгромленного выступления рабочих Средней Германии, Фр. Геккерт занимал крайне «левую» позицию, резко осужденную В. И. Лениным на III Конгрессе Коминтерна.— *Ред.*

** Анна Андреевна Д о д о н о в а — член КПСС с 1911 года, секретарь Московского военно-революционного комитета и заведующая культотделом Моссовета в великие Октябрьские дни — была председателем Московского пролеткульта в 1919—1932 годах. — *Ред.*

*** См. наст. сборник, с. 425.

9 октября я делала доклад о фабрично-заводских пролеткультах. Доклад подходил к концу. Замечаю какое-то волнение и перешептывание в президиуме съезда. Волнение передается и мне: отношу все за счет моего сообщения. Быстро кончаю и спрашиваю, в чем дело. Ф. А. Благонравов сообщает, что сейчас в другой комнате идет закрытое заседание президиума ЦК Пролеткульта с представителем ЦК партии. Проникли слухи, что Пролеткульт хотят объединить с Наркомпросом.

Из информации председателя ЦК пролеткультов И. И. Лебедева-Полянского стало известно, что на заседании Политбюро ЦК партии, в связи с нашим съездом, был заслушан его отчетный доклад о работе пролеткультов. При обсуждении было указано на идеологические ошибки Пролеткульта и поставлен вопрос об объединении с Наркомпросом, чтобы поставить пролеткульты под контроль пролетарского государства.

Пусть современному читателю не покажется странным, что решение ЦК партии вызвало среди делегатов растерянность.

Среди делегатов съезда было много председателей фабрично-заводских, районных и городских пролеткультов. Многие из них работали в Пролеткульте по совместительству, будучи председателями фабрично-заводских комитетов, секретарями парткома или работниками райкомов на местах, все были членами партии, работали под руководством местных партийных органов. Теоретические позиции руководителей Пролеткульта были им непонятны, а иногда и неизвестны, и, следовательно, непонятно было недоверие ЦК партии.

Президиум съезда, по инициативе ряда делегаций, обратился в ЦК партии с просьбой пересмотреть решение по организационному вопросу Пролеткульта. Из ЦК партии сообщили, что 11 октября наш вопрос ставится на Политбюро, где будет заслушана делегация съезда. В делегацию, по предложению партийной фракции съезда, были избраны: И. И. Никитин от Петроградского пролеткульта, тов. Васильев — от Ижевского, один товарищ (фамилию не помню) — от Ивановского и я — от Московского пролеткульта. 11 октября мы пошли в Кремль с наказом отстаивать самостоятельность пролеткультов.

Комната, где заседало Политбюро, была сравнительно небольшая, продолговатая. За длинным закругленным столом расположились члены Политбюро. Вплотную к нему — письменный стол, за которым (прямо против входной двери) сидел В. И. Ленин (председатель). У противоположной стены, у окон, сидели представители Наркомпроса: Н. К. Крупская, М. Н. Покровский и Е. А. Литкенс... Наша делегация заняла места на диванчике вправо от стола, а я села в конце его, прямо против В. И. Ленина. Все это произошло само собой, где кто остановился при входе в комнату, там нас и пригласили занять места.

В. И. Ленин спросил, кто из нас будет говорить.

— Говори ты, Додонова.

Я познакомила Политбюро с работой съезда. Более подробно остановилась на работе Московского пролеткульта, на его большой агитационно-массовой работе на Южном и Восточном фронтах, в Сибири и на Дальнем Востоке. Сообщила о подготовке кадров из рабочих по разным видам искусства. Для этого в центре и районах создано 12 театральных студий, 18 музы-

кально-хоровых, одна изобразительная, три домровых оркестра, пять рабочих клубов и т. д. Рассказала, сколько на съезде делегатов, кто они такие, а в заключение заявила, что им непонятно недоверие ЦК партии к ним, и объяснила, почему они против объединения Пролеткульта с Наркомпросом.

Выслушав меня, Владимир Ильич обратился к каждому из наших делегатов:

— Ну, а вы что скажете?

Тов. Никитин рассказал о работе Петроградского пролеткульта. Неудачно выступил Васильев: он начал с обиды за недоверие, но смутился и так разволновался, что ничего не мог сказать.

Очень заинтересовался Владимир Ильич выступлением ивановского делегата:

— Знаете что, Владимир Ильич, Пролеткульт мы считаем нашей организацией. Мы вместе с пролеткультовцами организовали фабрично-заводской клуб, а в нем хор, театральный кружок и изостудию. Среди нас много любителей живописи. Пролеткульт дал краски, холст, мы сами изготовили подрамники, но не было кисточек. Мы обратились в наробраз, а там на нас никакого внимания, обозвали бездельниками. А ребята наши с увлечением работают в студиях, меньше стало хулиганства.

Владимир Ильич обращается к членам Политбюро, нет ли у них вопросов. Вопросов не оказалось. Потом предлагает высказаться представителям Наркомпроса.

М. Н. Покровский заявил, что он знает меня по работе в Октябрьские дни в Моссовете и рекомендует как преданного члена партии.

Е. А. Литкенс напоминает о дискуссии на страницах «Известий ВЦИК» между Пролеткультом и заведующим Мосгороно А. И. Пискуновым о членстве в клубах и спрашивает, почему мы не допускаем служащих в члены клуба и в студии. Я обращаюсь непосредственно к Владимиру Ильичу и говорю:

— Владимир Ильич, мы такое постановление приняли потому, что после Февральской революции все клубы заполонили конторщики, а рабочий — хозяин страны — пасует перед ними, боится выступить со своим мнением, считая их умнее себя.

Владимир Ильич очень горячо сказал:

— Знаете что, если ваши студии и клубы будут заполняться конторщиками, звоните мне.

Я буквально опешила и говорю:

— Что вы, Владимир Ильич, как можно обращаться к вам с такими пустяками, ведь вы так заняты.

— Нет, нет, это не пустяки: обязательно звоните!

И вдруг Владимир Ильич задал мне три вопроса:

Правильно ли партия считает:

1) что у нас диктатура пролетариата, в то время как власть рабоче-крестьянская?

2) что партия руководит не только политикой, но также экономикой и культурой (смысл верен, но за формулировку не ручаюсь.— *А. Д.*);

3) что между съездами партии, которые являются ее верховным органом, Центральный Комитет принимает решения, обязательные для всех членов партии?

Я задумалась и несколько задержалась с ответом. Мысль работала напряженно. Как будто вопросы ясны, но в то же время мне было непонятно, почему В. И. Ленин задал их мне. Может быть, он решил проэкзаменовать меня (как интеллигентку) по основным политическим вопросам? Лишь в дальнейшем мне стало ясно, почему были заданы именно эти вопросы.

Владимир Ильич спрашивает:

— Вопросы понятны, или повторить?

— Как будто правильно поняла,— говорю.

Еще раз мысленно воспроизвожу вопросы, а сама оглядываюсь на М. Н. Покровского. Тот, как мне показалось, одобрительно кивнул мне головой, я приободрилась и уверенно, с некоторой обидой, заявила:

— Я, собственно, не знаю, почему вы, Владимир Ильич, задали мне эти вопросы. Ну конечно, правильно: да, да и да!

Таким образом, я выразила согласие с Владимиром Ильичем, Ленин приветливо улыбнулся и попросил нас подождать решения в соседней комнате. Вместе с нами вышли Н. К. Крупская, М. Н. Покровский и Е. А. Литкенс.

Надежда Константиновна села со мной рядом, обняла меня и говорит:

— Вы напрасно боитесь объединения с Наркомпросом, мы с вами очень хорошо сработаемся.

Минуты через три нам сообщили, что с решением Политбюро нас познакомят на заседании фракции съезда.

На заседании фракции было оглашено решение Политбюро об объединении Пролеткульта с Наркомпросом и приведены мотивы, которые обусловили это объединение. Фракция единогласно проголосовала за решение ЦК партии; затем за него проголосовал и пленум съезда.

Единодушное голосование фракции съезда за предложения ЦК партии по оргвопросу показало сознательность и дисциплинированность членов партии, которые составляли не менее 99 процентов всего съезда.

Чем же вызваны опасения ЦК партии в отношении Пролеткульта? Каков смысл трех вопросов, заданных мне В. И. Лениным на заседании Политбюро? Где, в чем отступления от марксизма, от линии партии в нашей работе? Эти вопросы тревожили меня и как члена партии, и как руководителя Московского пролеткульта. Ведь наша практическая работа в большинстве своем шла по заданиям Агитпропа Московского горкома партии и, как нам казалось, не внушала недоверия.

После письма ЦК партии, опубликованного 1 декабря 1920 года, мы внимательно ознакомились со статьями в журнале «Пролетарская культура». Мне и тов. Благоправову стало ясно, что корень зла кроется в ошибках основных идеологов и руководителей ЦК Пролеткульта — Лебедева-Полянского и Богданова. Без активной поддержки председателя Лебедева-Полянского не могли бы быть напечатаны издательством Пролеткульта произведения А. А. Богданова: «Философия живого опыта», «Пролетарская культура», «Тектология» — и журнал «Пролетарская культура» не стал бы трибуной богдановцев. Мы пришли к мысли о необходимости смены руководства, но ожидали протеста со стороны руководителей ряда провинциальных пролеткультов, так как Лебедев-Полянский и Богданов были авторами проекта устава и основных документов Пролеткульта.

Так оно и вышло. Через две недели после письма ЦК партии, 16 декабря 1920 года, собралась I-я сессия пленума ЦК Всероссийского совета Пролеткульта, чтобы обсудить письмо ЦК партии и сделать соответствующие выводы для своей дальнейшей деятельности.

На пленуме ЦК Пролеткульта возникли принципиальные разногласия с руководством по вопросу о необходимости пересмотра направления его деятельности. Делегаты Московского пролеткульта: я, Ф. А. Благонравов и С. С. Кривцов — заявили о своем выходе из ЦК Пролеткульта с принципиальной мотивировкой *. Мнение пленума раскололось. Тогда вопрос был передан в партийную фракцию. Фракция не поддержала Полянского и предложила выработать декларацию об изменении программы Пролеткульта.

Лебедев-Полянский заявил о выходе из состава членов ЦК и редакции журнала «Пролетарская культура» и потребовал опубликования в этом журнале его мотивированного письма о своем уходе. Пленум не согласился с этим и, поскольку Лебедев-Полянский не подчинился решению фракции об оставлении его только членом президиума, постановил считать его выбывшим из организации Пролеткульта. А. А. Богданов, как беспартийный, не участвовал в работе фракции. Он оставался до Второго съезда пролеткультов членом ЦК Пролеткульта, но после пленума отошел от практической работы, а на Втором съезде уже не был избран.

После пленума мы начали критический пересмотр всей работы Пролеткульта с учетом указаний В. И. Ленина, письма ЦК партии и декларации пленума ЦК Пролеткульта.

Во второй половине ноября 1921 года собрался Второй съезд пролеткультов. В связи с этим состоялось новое решение Политбюро ЦК партии по вопросу о Пролеткульте (22 ноября 1921 года, № 78 А), в пятом пункте которого говорилось:

«ЦК разъясняет, что письмо прошлого года относилось к тем ничтожным по числу элементам, которые теперь открыто обнаружили себя в особой платформе т. н. «коллективистов» и против которых, как показывает почти годовой опыт, выступает подавляющее большинство работников в Пролеткультах».

ЦК партии возвращался к вопросу о работе Пролеткульта в 1925 и в 1928 годах. Особый интерес представляет постановление Агитпропа ЦК 1928 года. В нем, в частности, отмечалось, что «решение ЦК ВКП(б), принятое в 1925 году, о сохранении Пролеткульта как «целостной практической организации с подчинением ВЦСПС» полностью себя оправдало. За истекшие три года работа Пролеткульта носила преимущественно практический характер, причем те ложные тенденции (богдановщина), которые клались в основу организации Пролеткульта, в настоящее время никем из руководителей Пролеткульта не поддерживаются и никакого влияния на содержание работы не оказывают».

Без учета этих решений невозможно правильное освещение истории Пролеткульта.

«Из истории советской эстетической мысли».— Сборник. М., «Искусство», 1967, с. 487—492.

---

* ЦГАЛИ, ф. 1230, оп. 2, ед. хр. 12.

Ф. Волгин

У ИЛЬИЧА

Это было в декабре 1920 года.

Незадолго до этого времени ЦК РКП(б) опубликовал письмо, направленное против некоторых идеологических уклонов в Пролеткульте. Теперь для меня понятно, что письмо это было направлено против довольно сильного и авторитетного некоммунистического влияния в самом ЦК Пролеткульта, но тогда, собравшись в Москве на пленуме ЦК Пролеткульта, мы решили, что удар по Пролеткульту был слишком жесток и несправедлив, и решили идти жаловаться Ильичу.

В качестве представителей выделены были четыре человека: т.т. Плетнев, бывший тогда завед. Художественным отделом Главполитпросвета, Благонравов из ВЦСПС, Никитин — питерский рабочий и я.

Ильич согласился нас принять...

...Как-то случилось, что когда нас уже пригласили войти в кабинет, мы немного замешкались... Как-то никто не решался первым войти. Тогда Ильич сам откинул занавеску, вышел к нам и сам ввел нас в кабинет. Он был весел, оживлен, почти все время смеялся. Усаживая нас, он спросил фамилию каждого, причем меня поразила его великолепная память: т. Плетневу он сказал, что слышал о его работе в Туркестане, т. Никитина, которого он видел один раз год тому назад, он сразу узнал.

На столе у Ильича стоял телефон с электрической лампочкой вместо звонка. Пока мы с ним разговаривали, лампочка раз пять зажигалась, и Ильич с кем-то говорил по телефону...

...Ильич, однако, выслушал нас внимательно, хотя видно было, что он хорошо осведомлен о нашем деле и имеет на этот счет свою ясную точку зрения. О пролеткультовских делах нам, впрочем, пришлось говорить мало. Мы быстро согласились с Ильичем в том, что если письмо немного и резко написано, то по существу оно правильно. Ильич говорил о том, что Пролеткульт — это дело неплохое. Что это хорошо, когда наши рабочие сочиняют свои пьесы, пишут стихи, издают журналы и книги, играют на сцене своих клубов, что они проявляют свое творчество во всех видах искусства и совершенствуются в этом, но плохо, когда через организацию Пролеткульта пытаются протащить чуждое нам идеологическое влияние. Намек, очевидно, был на богдановщину, которой тогда довольно сильно была насыщена атмосфера Пролеткульта.

Незаметно Ильич упомянул и о том, что сейчас Пролеткульт не самое главное дело, что у нас еще и вообще-то с народным просвещением не совсем ладно, а тут еще на Кавказе с нами хотят воевать...

Говоря о театре, Ильич упомянул о пьесах Луначарского и также полушутя рассказал нам, как он читал пьесу «Маги» Луначарского.

— В предисловии,— говорил Ильич,— написано, что пьеса эта писалась ночами во время поездки по фронту и что она наверно доставит многим удовольствие... Я начал читать и на пятой странице заснул...

«Красный Крым», 1926, 21 января, № 17, Симферополь.

И. А. Арманд

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ

...Ленин, как известно, очень интересовался жизнью молодого поколения: тем, как оно живет, учится, участвует в революции. Он не раз встречался с молодежью. Хочу рассказать о встрече Владимира Ильича со студентами Высших художественно-технических мастерских (Вхутемас) 25 февраля 1921 года. В тот вечер я пошла в Кремль навестить Надежду Константиновну. Мы сидели в ее комнате на квартире в Кремле и беседовали, когда зашел Владимир Ильич. Разговаривая, он, как обычно, быстро ходил по комнате. В этот вечер, помню, он был оживлен и весел, расспрашивал меня, как я живу и работаю. Затем стал спрашивать о моей сестре, Варваре Александровне Арманд, тогда еще студентке Высших художественно-технических мастерских. Сестра жила в студенческом общежитии. Владимир Ильич стал подробно расспрашивать о ней и об условиях, в которых живут студенты: тепло ли в общежитии, хватает ли еды, как идут занятия.

Со слов сестры я стала уверять, что условия в общежитии хорошие и она ни в чем не нуждается. Владимир Ильич слушал меня довольно скептически, а потом неожиданно предложил Надежде Константиновне: «Давай, Надя, поедем навестить Варю и посмотрим, как молодежь живет». Было уже 11 часов вечера, но Надежда Константиновна согласилась ехать. Прихватили и меня с собой. В машине Владимир Ильич не переставал дразнить меня: «Проверим, проверим, правду ли Вы говорите!»

Общежитие студентов Вхутемаса помещалось на Мясницкой (теперь улица Кирова), напротив Главного почтамта.

Нам пришлось пройти через темный двор и подниматься по скользкой, обледенелой лестнице. Владимир Ильич шел впереди вместе с охраной и все время зажигал спички, так как было совершенно темно. «Нечего сказать, хорошее начало»,— думала я с ужасом, помогая Надежде Константиновне подниматься по лестнице. Однако все мои страхи рассеялись, когда мы пришли в общежитие.

Молодежь встретила Ленина восторженно. Его сразу же обступили, радостно приветствовали. О приезде Ленина сразу стало известно и в соседних общежитиях. Отовсюду сбегались студенты, окружившие Владимира Ильича тесным кольцом. Он был очень весел, оживлен, доволен встречей с молодежью. Стали осматривать комнаты. Ленин даже пощупал кровати, вернее жесткие деревянные топчаны, которые служили кроватями. Мебели в общежитии почти никакой не было, зато стены украшали лозунги, рисунки, стенгазета.

Владимир Ильич обратил внимание на рисунок паровоза с какими-то особыми «динамическими» линиями. Автор рисунка стал уверять, что так надо красить настоящие паровозы; из его слов можно было заключить, что такая раскраска отразится на скорости движения. Ленина очень рассмешило это заявление.

Затем Владимир Ильич обратил внимание на висевший на стене лозунг, взятый из стихов Маяковского:

«В небеса шарахаем железобетон».

Ленин, смеясь, запротестовал: «Зачем же в небеса шарахать? Железобетон нам на земле нужен».

Владимир Ильич так просто, шутливо держал себя с молодежью, что сразу же завязалась непринужденная беседа. Говорили о живописи, о литературе, о жизни и учебных занятиях молодых художников. Многое, к сожалению, забылось из этой беседы; отмечу лишь несколько моментов.

Беседа началась, конечно, с того, что больше всего волновало молодых художников,— с вопроса об изобразительном искусстве и прежде всего о живописи, и тут все они сходились в одном: все единодушно подчеркивали, что живопись должна идти в ногу с революцией, быть политически острой, «выйти из музея на улицу», мобилизовать массы на революционную борьбу. В этом были все едины, это все горячо отстаивали. Но какими средствами добиться этой цели, каким должно быть искусство, чтобы идти в ногу с революцией,— этот вопрос каждый решал по-своему, многие горячо защищали футуристов, некоторые отвергали станковую живопись.

Ленину очень нравился их молодой задор, непосредственность, безусловное презрение к рутине и страстное стремление служить революции. Но из всего, что говорилось с таким жаром обступившими Ленина молодыми художниками, было ясно, что правильного понимания путей дальнейшего развития искусства у них нет. Ленин спорил, отстаивая реалистическую живопись, хотя переспорить два десятка человек, которые говорили все сразу, волнуясь и перебивая друг друга, было нелегко.

Много внимания в этой беседе было уделено Маяковскому. Началось с восторженных отзывов художников о знаменитых плакатах Маяковского — окнах РОСТА. Владимир Ильич охотно признал их революционное значение. Затем речь зашла о поэзии Маяковского вообще. Владимиру Ильичу явно нравилось, с каким увлечением молодежь говорила о своем любимом поэте, о революционности его стихов. Однако и по вопросам поэзии завязался горячий спор, так как выяснилось, что среди молодежи много поклонников футуризма и в этой области искусства.

Наконец, устав спорить, Ленин шутливо заявил, что он специально займется вопросом о футуризме в живописи и поэзии, подчитает литературу по этому вопросу, а затем приедет еще раз и тогда обязательно их всех переспорит.

Владимир Ильич стал спрашивать молодежь, знает ли она классическую русскую литературу. Выяснилось, что знают ее довольно плохо, а многие огульно отвергают как «старорежимное наследие». Ленин с какой-то особенной заинтересованностью говорил о том, что надо знать и ценить лучших представителей русской дореволюционной культуры. Он рассказал, как сам он любит Пушкина и ценит Некрасова. «Ведь на Некрасове целое поколение революционеров училось»,— сказал Владимир Ильич.

Свою точку зрения Ленин излагал, конечно, не в виде речей или поучений. Но в его беседе, репликах, вопросах, замечаниях сквозила мысль о необходимости критически усвоить все, что было лучшего в культурном наследстве прошлого, и на этой основе, а не на пустом месте, создавать нашу новую, советскую культуру.

Беседа перешла на вопрос о жизни студентов. В общежитии, куда приехал Ленин, студенты жили коммуной. Это была коммуна передовиков Вху-

темаса — коммунистов и комсомольцев. Владимир Ильич поинтересовался, почему они считают себя коммуной, как они ведут общее хозяйство, как следят за чистотой и т. п.

Затем он стал спрашивать о питании студентов, хватает ли им пайка. «Все хорошо, Владимир Ильич,— раздался дружный ответ.— Самое большее на четыре дня в месяц хлеба не хватает». Такое заявление очень позабавило Ленина.

Владимир Ильич стал расспрашивать студентов об их учебных занятиях и общественной работе. Он спросил их, между прочим, долго ли они засиживаются по вечерам. Выяснилось, что они не только долго засиживаются, а часто ночи напролет спорят об искусстве, об учебных планах и т. п. Владимир Ильич рассердился и стал журить молодежь: «Работаете вы много,— сказал он им,— питаетесь плоховато, да еще не спите. Из вас никакого толка не получится. Вы зря растратите силы и никуда не будете годиться, а надо беречь «государственное добро». Я дам распоряжение, чтобы в вашем общежитии выключали свет на ночь»,— добавил Ленин.

В заключение студенты пригласили Владимира Ильича и Надежду Константиновну поужинать с ними. На стол был поставлен чуть не месячный паек, но Владимир Ильич устал и от еды отказался. Пришлось Надежде Константиновне, чтобы не огорчать хозяев, отведать поданной на стол каши.

Однако пора было уходить, время было позднее; провожать Владимира Ильича и Надежду Константиновну не стали, чтобы они могли уехать незаметно. Ведь время было тревожное.

На обратном пути в машине Владимир Ильич был задумчив и молчалив. По короткому «да», которое он время от времени произносил с какой-то особой интонацией, можно было судить, что он занят мыслями о только что состоявшейся встрече и озабочен.

Своими впечатлениями от этой поездки он со мной не делился, но от Надежды Константиновны я слышала, как, встретив после этого наркома просвещения А. В. Луначарского, Ленин сказал ему с упреком: «Хорошая, очень хорошая у Вас молодежь, но чему Вы ее учите!»...

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 5-ти томах, т. 4, 1969, с. 334—337.

С. Сенькин

ЛЕНИН В КОММУНЕ ВХУТЕМАСА

В коммуну студентов Вхутемаса 25 февраля 1921 года неожиданно приехал товарищ Ленин.

У нас только что кончилось собрание ячейки. Я по обязанности завклуба пошел закрывать парадную дверь, выходящую на Мясницкую. Было уже около 11 часов вечера, и меня немного удивил стоявший в такое позднее время автомобиль у нашего дома. «Наверное,— подумал я,— из ЧК, приехали кого-

нибудь «накрыть» (в нашем доме в то время жило еще порядочно спекулянтов, и из ЧК довольно часто приходили их навещать; мы этому обстоятельству всегда радовались по разным причинам, в том числе и потому, что освобождалась лишняя площадь, где мы могли поселить студентов).

Догоняю на дворе ребят, сообщаю об автомобиле. Решаем завтра днем идти смотреть, где наложены печати. По темной лестнице поднимаемся к себе в комнату. Впереди нас какие-то четыре фигуры ощупью тоже пробираются наверх (в то время действовали приказы максимально экономить электричество,— у нас на лестнице была непроглядная тень, но по другой причине: ребята вывертывали лампочки со всех, по их мнению, «лишних» мест и освещали свое общежитие). Добравшись до площадки, одна из четырех фигур, идущих впереди нас, чиркает спичкой и рассматривает номера квартир. Мы в это время с шумом и гамом тоже пошли к площадке и, привычные к темноте, быстро их перегоняем. Спрашиваем, кого ищут.

— Квартиру 82.

— А там кого?

— Варю Арманд.

— Лезьте выше, она сейчас идет с собрания.

При свете спички я разглядел лицо, очень напоминающее лицо Ленина (он как раз зажигал спички), и я побежал скорее наверх, чтобы посмотреть при свете огня. За мной вбегают ребята, кричат дежурному: «Скорей ужин!» Никто не подозревает, кто идет сзади; я не высказываю своих предположений: хочу сам проверить... Входят первыми две женщины: одна помоложе, другая совсем пожилая, сильно осунувшаяся, и проходят в комнату девчат. За ними идет коренастый мужчина в меховой шапке, с высоко поднятым воротником — раскланивается со всеми: «Здравствуйте, здравствуйте». Вглядываюсь... Как будто? Нет... Один мужчина остается в передней.

Спрашиваю его:

— Кто это пришел, товарищ Ленин?

Смеется:

— Да.

— Ребята, а ведь у нас Ленин!

Все в кучу:

— Что ты, где?

Указываю:

— Вот товарищ сказал, вместе с ним приехал.

Боимся войти в девичью комнату. Наконец гурьбой, подталкивая друг друга, вваливаемся.

— Здравствуйте, товарищ Ленин, ведь мы Вас не узнали. Нам всем хочется с Вами поговорить.

Переводим дух — все слова вышли. Очевидно, мы представляли комическое зрелище. Девчата, уже освоившиеся с гостями, глядя на нас, залились хохотом. К ним присоединились гости. Понемногу наше смущение проходит.

Владимир Ильич внимательно и с веселым лукавством оглядывает нас и спрашивает:

— Ну что же, расскажите, как живете.

Отвечаем чуть не хором:

— Ничего: теперь дело идет вовсю.

— Ну, по вашему виду-то нельзя сказать, чтобы очень хорошо.

Я, чувствуя на себе взгляд Ильича, окончательно смущен, пытаюсь спрятаться за кого-нибудь и этим вызываю новый взрыв хохота. Ребята выручают:

— Он сегодня болен, у него 38 градусов температуры, а то и он лучше выглядит.

— Ну, как идет работа?

— С работой дела обстоят хорошо.

Опять все наперебой стараемся похвалиться, чего мы, студенческий коллектив, достигли на Вхутемасе.

— Вот только сегодня, Владимир Ильич, мы на ячейке постановили, чтобы профессура перерабатывала программы при участии студентов, а то они только говорят, а дела никакого, теперь вот дело пойдет.

Останавливаемся, ждем эффекта.

Владимир Ильич хитро-хитро поглядывает на нас.

— Вот как, ну, только сегодня?

Опять общее смущение.

— Да ведь, Владимир Ильич, очень трудно и учиться, и учить учителей, а они относятся ко всему спустя рукава. Пока их обломаешь, нужно много времени, а мы вот все же кое-чего добились. Организовали общежитие исключительно силами студентов, организовали ячейку комсомола.

— А вы-то, значит, постарше? — спрашивает Владимир Ильич.

С гордостью:

— О, мы уже в РКП. Мы и так, Владимир Ильич, идем по сравнению с другими вузами впереди, у нас теперь будет рабфак.

— Ну, а что же вы делаете в школе, должно быть, боретесь с футуристами?

Опять хором:

— Да нет, Владимир Ильич, мы сами все футуристы.

— О, вот как! Это занятно, нужно с вами поспорить,— теперь-то я не буду — этак вы меня побьете, я вот мало по этому вопросу читал, непременно почитаю, почитаю. Нужно, нужно с вами поспорить.

— Мы вам, Владимир Ильич, доставим литературу. Мы уверены, что и вы будете футуристом. Не может быть, чтобы вы были за старый, гнилой хлам, тем более что футуристы пока единственная группа, которая идет вместе с нами, все остальные уехали к Деникину.

Владимир Ильич покатывается со смеху.

— Ну, я теперь прямо боюсь с вами спорить, с вами не сладить, а вот почитаю, тогда посмотрим.

Ребята готовы назначить день и час смертного боя. Владимир Ильич комично просит все-таки дать ему время почитать, а то он не успеет подготовиться.

— Ну, покажите, что вы делаете, небось стенную газету выпускаете?

— Как же, уже выпустили около двадцати номеров.

Достаем № 1 нашего стенгаза.

Владимир Ильич нарочно долго читает лозунг Маяковского: «Мы разносчики новой веры, красоте задающей железный тон, чтоб природами хилыми не скверними скверы — в небеса шарахаем железобетон».

— Шарахаем, да ведь это, пожалуй, не по-русски, а?

Кто-то приносит мой рисунок, сделанный для сборника памяти Кропоткина. Владимир Ильич, ядовито поглядывая и на рисунок и на автора, спрашивает:

— А что же это изображает?

Я изо всех сил стараюсь доказать, что это ничего не изображает, старые художники обманывают и себя и других, что они умеют изображать,— никто не умеет, а мы учимся, и нашей задачей является связать искусство с политикой, и мы непременно свяжем искусство с политикой. Владимир Ильич спокойно дает перевести дух, и маленький вопросик:

— Ну, а как же вы свяжете искусство с политикой?

Перевертывает рисунок со всех сторон, как бы отыскивая в нем эту связь.

— Да нет, Владимир Ильич, мы еще пока не умеем, но мы все-таки добьемся этого, а пока только к этому готовимся. А это есть аналитическое разложение основных элементов, чтобы научиться владеть ими...

Чувствую, что в двух словах ничего не могу рассказать. Начинаю путаться. Ленин приходит на помощь:

— Ну, тогда непременно мне нужно почитать, вот в следующий раз приду специально к вам, и поспорим.

Сидевшая рядом Надежда Константиновна заметила ему:

— Ну что ты, Володя, все обещаешь. Ведь я тебе предлагала, а ты все откладывал.

Владимир Ильич начал отшучиваться, что он все-таки выберет время и почитает.

— Я недавно,— говорит,— узнал о футуристах, и то в связи с газетной полемикой, а, оказывается, Маяковский уже около года работает в РОСТА.

Спросил нас, как нам нравится Маяковский. Но здесь наши мнения раскололись: все наперебой начали доказывать достоинства отдельных мест из Маяковского и из «Паровозной обедни» Каменского. Кто-то даже зацепился об имажинистах, но все на него набросились: было ясно, что имажинисты нашими симпатиями не пользуются.

Владимир Ильич обратил внимание на сокращенное название нашей школы «Вхутемас» и сразу же начал безошибочно расшифровывать сокращение. Мы были приятно удивлены и спросили Владимира Ильича, как ему нравятся советские сокращения. Владимир Ильич начал очень комично каяться в своих грехах, что и он повинен в этом, что испортил великий, могучий русский язык тем, что сам допустил наименования «Совнарком», «ВЦИК». Мы, наоборот, взяли под свою защиту сокращения, доказывая их удобства.

Дежурный по коммуне не забыл о своих обязанностях: ужин и чай были готовы. Так как мы не отходили от Владимира Ильича, то Владимир Ильич, под предлогом осмотра коммуны, сам двинулся в общую комнату, где мы всегда обедали. Здесь мы его заставили раздеться и усадили на почетное место — единственное плетеное кресло, рядом — Надежду Константиновну и Инессу Арманд, а сами из-за недостатка места разместились кое-как по двое, на табуретках. Мы заметили, как несвободно раздевался Владимир

Ильич, и спросили у него о его здоровье после ранения. Он шуткой ответил, что ничего:

— Теперь делаю рукой гимнастику,— и перевел разговор на другую тему.

Владимир Ильич отказался от ужина и попросил только чаю с хлебом. Зато мы наложили двойную порцию Надежде Константиновне и настояли, чтобы она попробовала нашего варева.

Владимир Ильич спросил, почему называемся коммуной. Мы ему объяснили, что когда здесь было только общежитие, было много грязи, и никак не могли от нее избавиться, а теперь у нас вот какая чистота.

— Ну, это у вас чистота?

— Да вы посмотрите, Владимир Ильич, в других квартирах, там невозможно в квартиру войти. А у нас хорошо.

— Ну, а как же, кто у вас готовит, моет пол?

— Все сами в свои дежурства делаем.

— И вам приходилось мыть полы? — обращается он со смехом к девчатам.

Те ему наперебой сообщают о своей работе по хозяйству, о своих кулинарных способностях.

Наш коммунальный завхоз совсем раздобрился и решил выдать полуторные порции хлеба. Владимир Ильич подметил наши радостные восклицания по этому поводу.

— А что, всегда вы так питаетесь? — спросил он, поглядывая, как трещат наши скулы.

Мы, не поняв вопроса, отвечаем, что всегда.

— Теперь Вхутемасу дают пайки, мы их складываем и вместе варим общее кушанье, так что теперь считаем себя вполне обеспеченными. В общем только дня три-четыре в месяц сидим без хлеба.

— Как же так?

— Да так, рассчитаем на месяц, а глядишь, в какой-нибудь день и завтрашнюю порцию съешь, так в месяц и набегает три-четыре дня. Ну, зато овощей хватает, даже остается сверх разверстки. Самое трудное, Владимир Ильич, прошло, теперь чувствуем себя великолепно.

— Ну, ничего, небось пораньше ложитесь спать?

Опять хором:

— Нет, Владимир Ильич, часов до трех-четырех засиживаемся.

— Как так, почему же у вас не гасят электричества?

— Мы в этом отношении, Владимир Ильич, счастливчики: наш дом расположен в сети телеграфа и почтамта, куда дают электричество всю ночь.

— Вот как! Ну, это не годится, я сделаю распоряжение, чтобы вас выключили, а то ведь, пока горит свет, вы уже, наверно, не будете ложиться спать вовремя. Плохо питаетесь, учитесь, да еще долго не спите — так вы совсем растеряете свои силы. Куда же вы будете годиться? Нет, так нельзя, непременно сделаю распоряжение, чтобы вас выключили. Я вот при самой срочной работе и то ложусь вовремя.

«Счастливчики» никак не ожидали такого оборота дела. Выручила нас Надежда Константиновна: она Владимиру Ильичу напомнила случай, когда

он сам зарабатывался, и нашла для нас извиняющее обстоятельство — нашу молодость.

Но Владимир Ильич не сдавался:

— Если у вас не гасить света, то вас нужно предать суду за растрату государственного имущества — ваших сил. Какие же вы будете строители? Вам прямо нужно будет сдаваться.

Мы с жаром доказывали, что не сдадимся, и даем обещание сохранить свои силы.

— Ну, что же, вы спорите, читаете Маркса, Энгельса?

— Читать-то читаем, но большей частью по специальности. Главным образом практически работаем, а по вечерам спорим.

Разговор перешел опять на литературу и театр. Мы с увлечением доказываем достоинства «Мистерии-Буфф» Маяковского и начали настаивать, чтобы Владимир Ильич непременно побывал в театре. Даем наказ Надежде Константиновне предупредить Владимира Ильича, когда пойдет «Мистерия-Буфф». Надежда Константиновна говорит, что она ему предлагала сходить, но он все был занят и отказывался.

— Ну, а как вы считаете вещи Луначарского, например «Маги»?

Из нас в то время никто этого произведения А. В. Луначарского не читал, и мы ничего не могли ответить. Спросили мнение Владимира Ильича. Он, смеясь, ответил:

— Ну, это кому как.

И неожиданно спросил нас:

— А в оперу вы ходите?

— Для нас там, Владимир Ильич, совсем нет ничего интересного.

— Как же так, а вот товарищ Луначарский очень бьется за то, чтобы сохранить оперу.

Владимир Ильич лукаво оглядывает нас:

— Ведь вот вы сами нового ничего не указываете, как же быть?

Ребята изо всех сил стараются выкопать отдельные места из Маяковского, чтобы доказать Владимиру Ильичу, что новое есть, и затевают между собой спор, какой именно отрывок лучше. Владимир Ильич попал в точку. Мы никак не можем остановиться на чем-нибудь одном, все с яростью доказывают свое. Я делаю над собой большое усилие и залпом выпаливаю:

— Конечно, Владимир Ильич, нового еще мало, но мы учимся, будем работать, по-разному и понимаем это новое, но зато все мы единодушно против «Евгения Онегина». «Евгении Онегины» нам в зубах навязли.

Ребята дружно подхватили:

— Конечно, мы против «Евгения Онегина».

Владимир Ильич прямо покатывается со смеху:

— Вот как, вы, значит, против «Евгения Онегина»? Ну, уж мне придется тогда быть «за», я ведь старый человек. А как вы считаете Некрасова?

Здесь наши мнения раскололись: кое-кто был «за», кто «против» — в общем высказывались за то, что для нашего времени он устарел. Нам теперь нужно другое.

— Так, так, значит, вы против «Евгения Онегина».

Ему, видимо, эта «формулировка» понравилась.

— Да, Владимир Ильич, мы надеемся, что и Вы с нами будете против этого нытья. Теперь для этого просто времени не хватает.

— Вот приеду в следующий раз, тогда поспорим.

Был уже третий час. Гости начали собираться уходить; Владимир Ильич опять пошутил насчет электричества.

— Ну, а вы все-таки спать-то пораньше ложитесь, а то что ж, научиться научитесь, а сил-то против «Евгения Онегина» не хватит. Берегите, берегите свои силы — они пригодятся.

Когда оделись, мы все гурьбой пошли их провожать. На лестнице столпилось много народу (уж многие знали, что у нас Ленин). Товарищи из второй коммуны попросили его взглянуть, как живут во второй коммуне, но у них было полутемно — не хватало лампочек, и там только прошли не задерживаясь.

На улицу мы решили не выходить, чтобы не создавать паники, да и Надежда Константиновна запротестовала, чтобы мы выходили на улицу неодетыми.

Взяв слово с Владимира Ильича, что он еще у нас побывает, мы пошли к себе и долго еще разговаривали о событии.

На всех нас этот вечер произвел огромное впечатление, и несколько дней Вхутемас только и говорил о посещении коммуны Ильичем. Припоминая все слова, сказанные Ильичем, все его шутки, смех, интонации голоса, мы получили огромную творческую зарядку в своей работе.

Воспоминания о В. И. Ленине. М., «Молодая гвардия», 1955, с. 205—213.

В. Бахметьев

НЕЗАБЫВАЕМАЯ ВСТРЕЧА
(ОТРЫВОК)

...Я позволю себе привести страничку о незабвенном для меня разговоре казанцев с Владимиром Ильичем в один из перерывов между заседаниями съезда *, в помещении, примыкавшем к залу со стороны эстрады президиума.

Кое-кто из казанцев, включенный съездом в комиссию по национальному вопросу, окружил Ленина, и первое, что я услышал тут, были обращенные к нему слова о том, как гордятся в Казани, что его, Владимира Ильича, революционная деятельность начата среди казанцев и что можно ли, мол, нашему старейшему в стране университету не гордиться таким своим студентом, как он, Ленин. Владимир Ильич взмахнул рукою и торопливо заметил, что если уж кем гордиться Казанскому университету, то такими крупнейшими учеными, как Лобачевский, Бутлеров, Зинин...

---

* В. М. Бахметьев был делегатом X съезда РКП (б), происходившего в марте 1921 г.— *Ред.*

— А знаете, друзья,— повысил Ильич голос,— давайте-ка перекинемся о нуждах времени...

Но окружающие не унимались, и кто-то вспомнил о Льве Толстом, который также учился в Казанском университете.

— Тогда давайте помянем и славного казанского пекаря! — живо, совсем по-юному, вставил Ильич.

— Да, да, Горький! — воскликнул один из товарищей.

— Вот! — подтвердил Ильич.— Кстати, как у нас с литературой татарской? Имеются достойные преемники этого... как его? Сын муллы, поэт, перевел на свой язык Пушкина, Лермонтова... Абдулла, Абдулла...

— Тукаев! — выронил я и, пряча в карман записную книжонку с карандашом, назвал несколько имен из молодых татарских писателей.

— Значит, не перевелся порох в пороховнице! — заметил, улыбаясь, Ильич.— Ну, а как обстоит у вас дело с журналистикой, газетами?

Владимир Ильич задал мне несколько вопросов, в том числе — о тираже газеты, об участии в ней национальной интеллигенции и даже о полиграфической базе...

«Живой Ленин». Сборник. М., «Художественная литература», 1965, с. 272—274.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Статья В. И. Ленина «Три источника и три составных части марксизма» опубликована в № 3 журнала «Просвещение» за 1913 год, посвященном 30-летию со дня смерти Карла Маркса.

«*Просвещение*» — ежемесячный большевистский теоретический общественно-политический и литературный журнал; издавался легально в Петербурге с декабря 1911 по июнь 1914 года. Журнал был создан по инициативе Ленина вместо закрытого царским правительством большевистского журнала «Мысль», выходившего в Москве.

В журнале принимали участие В. В. Воровский, А. И. Ульянова-Елизарова, Н. К. Крупская, М. С. Ольминский, М. А. Савельев и др. К руководству беллетристическим отделом Ленин привлек М. Горького. Кроме Горького, в журнале печатались Демьян Бедный, И. Касаткин, Д. Семеновский, М. Герасимов и др. Журнал подвергал критике декадентство, популяризировал наследие русских революционных демократов, помогал развитию пролетарской литературы. Ленин из Парижа, затем Кракова и Поронина руководил «Просвещением». Тираж журнала доходил до пяти тысяч экземпляров. Журнал был закрыт царским правительством накануне первой мировой войны.

Осенью 1917 года издание журнала возобновилось, но вышел только один (двойной) номер: в нем была напечатана работа Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?».

[2] Работа над книгой «*Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии*» начата Лениным в Женеве в феврале 1908 года и закончена в октябре 1908 года; рукопись была переслана в Москву по конспиративному адресу. О трудностях опубликования рукописи см. раздел «О Горьком» (наст. сборник, с. 320). При содействии И. И. Скворцова-Степанова выпустить в свет книгу взялось издательство Л. Крумбюгеля «Звено».

Книга вышла из печати в мае 1909 года в количестве 2000 экземпляров. Рукопись ее до настоящего времени не обнаружена.

[3] См.: Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 282—284).

[4] См.: Там же, с. 284.

[5] См. письмо Маркса к Фейербаху от 3 октября 1843 года (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, с. 375—377).

[6] «Deutsch-Französische Jahrbücher» («Немецко-французский ежегодник») — журнал, издававшийся в 1844 году в Париже под редакцией К. Маркса и А. Руге. Вышел один (двойной) номер.

[7] См. письмо Маркса Кугельману от 13 декабря 1870 года (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, с. 138).

[8] См.: Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке (Введение к английскому изданию) (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 294—320).

[9] К указанным годам относятся следующие работы Энгельса: «Анти-Дюринг» (1878), «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (1888) и «Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке»», известное также под названием «Об историческом материализме» (1892).

[10] Ленин имеет в виду сборник статей В. Базарова, Я. Бермана, А. Луначарского, П. Юшкевича, А. Богданова, О. Гельфонда и С. Суворова — «Очерки по философии марксизма». СПб., 1908.

[11] «*Заграничная Газета*» — еженедельная газета на русском языке; издавалась группой русских эмигрантов в Женеве с 16 марта по 13 апреля (н. ст.) 1908 года. В газете принимали участие Богданов, Луначарский и другие отзовисты.

«*Образование*» — ежемесячный легальный литературный, научно-популярный и общественно-политический журнал; выходил в Петербурге с 1892 по 1909 год. В 1902—1908 годах в журнале сотрудничали социал-демократы. В № 2 «Образования» за 1906 год были напечатаны главы V—IX работы Ленина «Аграрный вопрос и «критики Маркса»».

В октябрьской книжке «Современного Мира» за 1908 год было напечатано письмо Ленина, Ольминского, Воровского, Скворцова-Степанова, Луначарского и др. об отказе сотрудничать в «Образовании», которое стало помещать статьи, порывающие с прежним направлением журнала.

[12] Фрагмент «*К вопросу о диалектике*» явился обобщением результатов занятий В. И. Ленина философской проблематикой.

[13] См.: В. И. Ленин. Конспект книги Лассаля «Философия Гераклита Темного из Эфеса» (П. с. с., т. 29, с. 312).

[14] См.: В. И. Ленин. Конспект книги Аристотеля «Метафизика» (П. с. с., т. 29, с. 326).

[15] *Überschwenglich* (чрезмерный, преувеличенный, безмерный) — термин, употребляемый И. Дицгеном при характеристике отношения абсолютной и относительной истины, материи и духа и т. п.

[16] В тезисах о Фейербахе К. Маркс, указывая на созерцательный характер предшествующего материализма, писал, что «*деятельная* сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 1).

[17] Эта формула в последние годы послужила поводом к извращению ленинской теории познания, к противопоставлению «Философских тетрадей» — «Материализму и эмпириокритицизму» (Р. Гароди и др. ревизионисты). Формулу эту следует воспринимать в целостности мысли В. И. Ленина, материалистически перевернувшего гегелевскую идеалистическую диалектику превращения теоретической идеи в практическую.

[18] См.: Д. И. Писарев. Промахи незрелой мысли.— Соч. в 4-х томах, т. 3. М.— Л., Гослитиздат, 1956, с. 147—151, а также наст. сборник, с. 166—167.

[19] «*Русское Богатство*» — ежемесячный журнал, выходивший с 1876 до середины 1918 года в Петербурге. С начала 90-х годов журнал стал органом либеральных народников и редактировался С. Н. Кривенко и Н. К. Михайловским. Вокруг «Русского Богатства» группировались публицисты, впоследствии ставшие видными членами партий эсеров, «народных социалистов» и трудовых групп в Государственных думах. Журнал проповедовал отказ от революционной борьбы, вел ожесточенную борьбу против марксизма и русских марксистов.

Руководителем литературного отдела «Русского Богатства» был В. Г. Короленко. В журнале сотрудничали писатели-реалисты Г. И. Успенский, П. В. Засодимский, К. М. Станюкович, Н. Г. Гарин-Михайловский, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. И. Куприн, И. А. Бунин, В. В. Вересаев, М. Горький и др.

Критики журнала (Н. К. Михайловский и др.) резко выступали против декадентства, осуждали натурализм П. Д. Боборыкина и И. Н. Ясинского, но не смогли раскрыть новаторство творчества Чехова и Горького.

[20] В. И. Ленин цитирует письмо К. Маркса к А. Руге (сентябрь 1843 г.) (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 381).

[21] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 428.

[22] *Брентанизм* (по имени немецкого экономиста Л. Брентано) — либерально-буржуазное учение, признающее переворотную «классовую» борьбу пролетариата. *Зомбартизм* (по имени немецкого экономиста В. Зомбарта) — подмена марксизма брентанизмом.

[23] См. «Второе воззвание Генерального Совета Международного товарищества рабочих о франко-прусской войне» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, с. 280).

[24] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, с. 172.

[25] См.: Там же.

[26] См.: Там же.

[27] См.: Там же.

[28] Ленин подразумевает работу К. Маркса «Гражданская война во Франции» (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, с. 317—370).

[29] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, с. 175.

[30] См.: Там же.

[31] Статья «*Партийная организация и партийная литература*» была напечатана в № 12 большевистской легальной газеты «Новая Жизнь» по возвращении В. И. Ленина из эмиграции в Петербург в ноябре 1905 года. Статья В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» была поддержана большевистской печатью. Уже через семь дней после появления статьи «Кавказский Рабочий Листок», перепечатав ряд отрывков из нее, писал в «передовой», что В. И. Ленин «указал новую задачу» (20 ноября, № 1). Московская газета «Борьба» пропагандировала ленинские положения о классовом характере культуры в статье «Искусство и пролетариат» (6 декабря, № 8). На страницах декадентских изданий статья «Партийная организация и партийная литература» подверглась нападкам. 15 ноября В. Брюсов пишет статью «Свобода слова» («Весы», № 11), в которой полемизирует со статьей В. И. Ленина. Признавая «смелость» автора «Партийной организации и партийной литературы», идущего «до крайних выводов из своей мысли», и говоря о себе и о своих единомышленниках как о «союзниках» В. И. Ленина по борьбе с буржуазным строем, В. Брюсов защищает «абсолютную» свободу творчества и возражает против основных положений ленинской статьи. Обращаясь к В. И. Ленину и имея в виду символистские группировки, он писал: «...пока вы и ваши идете походом против существующего «неправого» и «некрасивого» строя, мы готовы быть с вами, мы ваши союзники. Но как только вы заносите руку на самую свободу убеждений, так тотчас мы покидаем ваши знамена» («Весы», № 11, с. 65). В статье «Циферблат г. Бельтова (о книге Плеханова «За 20 лет»)» («Весы», 1906, № 2) К. Чуковский продолжил начатую В. Брюсовым полемику со статьей В. И. Ленина, также возражая против «классовой точки зрения» на искусство (не называя, впрочем, ленинской статьи). «Весы» и в дальнейшем продолжали полемику против выдвинутого в статье «Партийная организация и партийная литература» принципа партийности литературы, противопоставляя «узкопартийному» искусству «богомольное поклоничество» красоте («Весы», 1906, № 10, с. 62).

«*Новая Жизнь*» — первая легальная большевистская газета; выходила ежедневно с 27 октября (9 ноября) по 3 (16) декабря 1905 года в Петербурге. Официальным редактором-издателем газеты числился поэт Н. М. Минский, издательницей — М. Ф. Андреева. С приездом В. И. Ленина газета выходила под его непосредственным руководством и фактически являлась Центральным Органом РСДРП. Ближайшими сотрудниками газеты были В. В. Воровский, М. С. Ольминский, А. В. Луначарский. Активное участие в «Новой Жизни» принимал А. М. Горький, оказывавший газете также большую материальную помощь. Тираж газеты достигал 80 тысяч экземпляров. Из 27 номеров газеты 15 было конфисковано и уничтожено; последний, 28-й, вышел нелегально.

[32] Речь идет об *Октябрьской всеобщей политической стачке* 1905 года, в результате которой 17 октября 1905 года царем был издан «Манифест» о «даровании» народу гражданских свобод. Большевики воспользовались свободой печати для издания своей литературы. К концу 1905 года, после подавления декабрьского вооруженного восстания, самодержавие перешло в наступление на рабочие организации и рабочую печать.

[33] *«Известия Совета Рабочих Депутатов»* — орган Петербургского Совета рабочих депутатов, выходили с 17 (30) октября по 14 (27) декабря 1905 года. «Известия» печатались самочинно в типографиях буржуазных газет. Вышло десять номеров, одиннадцатый был конфискован до выхода в свет.

[34] *«Пролетарий»* — нелегальная большевистская еженедельная газета. Центральный Орган РСДРП, созданный по постановлению III съезда партии. Решением пленума ЦК ответственным редактором «Пролетария» был назначен Ленин. Газета выходила в Женеве с 14(27) мая по 12(25) ноября 1905 года; вышло 26 номеров (номера 25-й и 26-й вышли после отъезда В. И. Ленина в Россию, под редакцией В. В. Воровского). В работе редакции принимали постоянное участие А. В. Луначарский и М. С. Ольминский. «Пролетарий» продолжал линию старой, ленинской «Искры» и сохранил полную преемственность с большевистской газетой «Вперед».

[35] *Календы* — название первого дня месяца у древних римлян. У греков такого названия не было. Отложить до греческих календ — никогда не осуществить какое-нибудь дело.

[36] Ленин говорит о своей статье «Либералы и демократы в вопросе о языках» (П. с. с., т. 23, с. 423—426).

«Северная Правда» — одно из названий ежедневной легальной большевистской газеты «Правда».

[37] *«Дзвін»* («Колокол») — ежемесячный легальный националистический журнал меньшевистского направления; издавался на украинском языке в Киеве в 1913—1914 годах. В журнале принимали участие, кроме украинских националистов В. Винниченко, С. Петлюры, Л. Юркевича (Рыбалки),— Г. Алексинский, П. Аксельрод, Л. Троцкий и др.

[38] *Совет объединенного дворянства* — контрреволюционная помещичья организация; образовалась в мае 1906 года. Совет оказывал большое влияние на политику правительства, диктуя ему законы, выгодные крепостникам-помещикам. В период III Государственной думы значительное число членов Совета входило в Государственный совет и руководящие центры черносотенных организаций.

[39] Ленин приводит цитату из романа Н. Г. Чернышевского «Пролог» (см.: Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIII. М., Гослитиздат, 1949, с. 197. Далее по этому изданию).

[40] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, с. 509.

[41] Ленин имеет в виду либеральный журнал *«Право»*, в котором 18(31) августа 1913 года была напечатана статья Я. Бермана «Влияние социально-правового и экономического факторов на государственную преступность».

[42] *«Колокол»* — политическая газета; выходила под девизом «Зову живых!» («Vivos voco!»); издавалась А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в основанной Герценом Вольной русской типографии с 1 июля 1857 по апрель 1865 года в Лондоне и с мая 1865 по июль 1867 года в Женеве ежемесячно или два раза в месяц. Вышло 245 номеров. В 1868 году газета выходила на французском языке (удалось выпустить 15 номеров), к некоторым номерам печатались приложения на русском языке. «Колокол» печатался тиражом до 2500 экземпляров, тайно доставлялся в Россию и широко распространялся в демократической среде. «Колокол» стоял во главе революционной бесцензурной печати, предшествовал появлению рабочей печати в России и сыграл важную роль в развитии общедемократического и революционного движения.

[43] Группа *«Освобождение Труда»* — первая русская марксистская группа, основанная Г. В. Плехановым в Женеве в 1883 году; существовала до II съезда РСДРП (1903 г.). Группа нанесла решающий удар народничеству, но у нее были серьезные ошибки, которые явились зародышем будущих меньшевистских взглядов Плеханова и других ее членов.

[44] *«Искра»* — первая общерусская нелегальная марксистская газета, основанная Лениным в 1900 году. В редакцию «Искры» входили В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Л. Мартов, А. Н. Потресов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич. Первый номер «Искры» вышел в конце 1900 года в Лейпциге, последующие номера выходили в Мюнхене, с июля 1902 года — в Лондоне и с весны 1903 года — в Женеве. «Искра» была центром объединения партийных сил; редакция «Искры» разработала проект программы РСДРП, принятый II съездом партии в 1903 году. На этом съезде «Искра» была признана Центральным Органом партии. Вскоре после съезда меньшевики, при поддержке Г. В. Плеханова, захватили редакцию и превратили «Искру» в свой орган.

[45] *«Рабочий»* — первая русская социал-демократическая нелегальная газета, издавалась группой Благоева в Петербурге в январе и июле 1885 года.

[46] *«СПБ. Рабочий Листок»* — орган петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Вышло два номера: № 1 — в России, в феврале (помечен январем) 1897 года (на мимеографе), в количестве 300—400 экземпляров, № 2— в Женеве, в сентябре 1897 года. Газета выдвигала задачу соединения экономической борьбы рабочего класса с широкими политическими задачами, необходимость создания рабочей партии.

[47] *«Рабочая Мысль»* — газета «экономистов». Выходила с октября 1897 по декабрь 1902 года. Вышло 16 номеров. Редактировалась К. М. Тахтаревым и другими. Критику взглядов «Рабочей Мысли» как русской разновидности оппортунизма Ленин дал в статьях газеты «Искра» и в книге «Что делать?».

[48] *«Рабочее Дело»* — журнал «экономистов», неперподический орган «Союза русских социал-демократов за границей». Журнал выходил в Женеве с апреля 1899 по февраль 1902 года. Вышло двенадцать номеров — девять книг. Критику взглядов «рабочедельцев» см. в книге Ленина «Что делать?».

[49] *«Работник»* — непериодический сборник, издание «Союза русских социал-демократов за границей»; выходил в Женеве в 1896—1899 годах под редакцией группы «Освобождение труда». Инициатива издания исходила от российских марксистов, от лица которых Ленин, при поездке за границу в 1895 году, вел переговоры с группой «Освобождение Труда». Ленин написал для № 1 «Работника» статью-некролог «Фридрих Энгельс». По возвращении в Россию, до ареста в декабре 1895 года, он подготовил и переслал в редакцию «Работника» ряд корреспонденций российских марксистов, часть которых была напечатана в «Работнике». Вышло 6 номеров сборника и 10 номеров «Листка Работника».

[50] «Изменение редакции», в результате которого появилась *новая «Искра»*, произошло, когда Г. В. Плеханов, вместе с Лениным редактировавший газету после II съезда, перешел на позиции меньшевизма и потребовал включения в состав редакции не избранных съездом меньшевиков. В.И. Ленин, не желавший нарушать волю съезда, вышел из редакции 19 октября (1 ноября) 1903 года. Г. В. Плеханов вместе с кооптированными в редакцию П. Б. Аксельродом, В. И. Засулич и А. Н. Потресовым превратили «Искру» в орган борьбы против партии, в трибуну оппортунизма. Новая «Искра» выходила до октября 1905 года.

[51] *«Вперед»* — нелегальная большевистская газета; издавалась в Женеве с 22 декабря 1904 года (4 января 1905 г.) по 5(18) мая 1905 года. Вышло 18 номеров. Организатором, идейным вдохновителем и руководителем газеты был В. И. Ленин. В состав редакции входили В. В. Воровский, М. С. Ольминский и А. В. Луначарский. «Направление газеты «Вперед» *есть направление старой «Искры»*»,— писал Ленин. Газета «Вперед» сыграла огромную роль в подготовке III съезда партии, в постановке важнейших вопросов начавшейся 9 января революции 1905 года.

[52] *«Начало»* — ежедневная легальная меньшевистская газета; выходила в Петербурге в ноябре — декабре 1905 года. Вышло 16 номеров. Редакторами-издателями газеты были Д. М. Герценштейн и С. Н. Салтыков. Сотрудничали в «Начале» П. Б. Аксельрод, Ф. И. Дан, Л. Г. Дейч, И. И. Норданский, Л. Мартов, А. Н. Потресов и др.

[53] *«Волна»* — легальная ежедневная большевистская газета; выходила в Петербурге с 26 апреля (9 мая) 1906 года. Вышло 25 номеров. В работе редакции принимали участие В. В. Воровский, А. В. Луначарский, М. С. Ольминский, И. И. Скворцов-Степанов и др. С № 9 «Волна» фактически редактировалась Лениным. «Волна» подвергалась постоянным преследованиям правительства, редактор неоднократно привлекался к суду, несколько номеров газеты были уничтожены вместе со стереотипами. 24 мая (6 июня) газета была закрыта. Вместо «Волны» стала выходить легальная большевистская газета «Вперед».

«Эхо» — легальная большевистская ежедневная газета; выходила в Петербурге с 22 июня (5 июля) по 7(20) июля 1906 года вместо закрытой правительством газеты «Вперед». Вышло 14 номеров, из них 12 были конфискованы. Редактором газеты фактически был Ленин. В каждом номере печатались ленинские статьи. Ленин принимал непосредственное участие в работе отдела «Среди газет и журналов». Почти все номера газеты «Эхо» подвергались преследованиям. Накануне разгона I Государственной думы газета была закрыта.

[54] *«Народная Дума»* — ежедневная меньшевистская газета; выходила в Петербурге в марте — апреле 1907 года; вышел 21 номер.

О РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДЕМОКРАТАХ И НАРОДНИКАХ

[1] Ленин цитирует в своем переводе отрывок из книги И. А. Гурвича «Экономическое положение русской деревни», вышедшей на английском языке в Нью-Йорке в 1892 году (русский перевод появился в 1896 г.). Очерк Г. И. Успенского «Равнение «под-одно»» (см.: Г. И. Успенский. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 8. М., Гослитиздат, 1957, с. 625—654) является продолжением и окончанием рассказа Г. И. Успенского «Старики», напечатанного в XI книге «Русской Мысли» за 1881 год.

«Русская Мысль» — ежемесячный литературно-политический журнал; выходил в Москве с 1880 по 1918 год; до 1905 года — либерально-народнического направления. После революции 1905 года — орган правого крыла кадетской партии; выходил под редакцией П. Б. Струве. Журнал выступал с проповедью национализма, «веховства», поповщины, с защитой помещичьей собственности.

[2] См. сказку «Либерал» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч. в 20-ти томах, т. 16, кн. 1. М., «Художественная литература», 1974, с. 162—166).

[3] *«Неделя»* — еженедельная либерально-народническая политическая и литературная газета, выходившая в Петербурге с 1866 по 1901 год. Газета выступала против борьбы с самодержавием, проповедовала так называемую теорию «малых дел», то есть призывала интеллигенцию отказаться от революционной борьбы и заняться «культурничеством».

«Новое Время» — ежедневная газета, выходившая в Петербурге с 1868 по октябрь 1917 года; принадлежала разным издателям, дольше всего — А. С. Суворину, и неоднократно меняла свое политическое направление. Вначале умеренно либеральная, с 1876 года она превратилась в орган реакционных дворянских и бюрократических кругов. С 1905 года — орган черносотенцев. Подкупленная царским правительством, газета вела борьбу не только против революционного, но и против либерально-буржуазного движения. Характеристику суворинского «Нового Времени» см. в статье В. И. Ленина «Карьера».— П. с. с., т. 22, с. 43—44, и наст. сборник, с. 265—266.

[4] Имеется в виду книга В. В. (В. П. Воронцова) «Наши направления», вышедшая в 1893 году.

[5] Ответ Н. К. Михайловского В. П. Воронцову был дан в статье «Литература и жизнь», напечатанной в № 10 «Русского Богатства» за 1893 год.

[6] Ленин цитирует статью Чернышевского «Критика философских предубеждений против общинного владения» (Н. Г. Чернышевский, т. V, 1950, с. 360—361).

[7] *«Социал-Демократ»* — литературно-политическое обозрение, издавалось группой «Освобождение труда» за границей (Лондон — Женева) в 1890—1892 годах, сыграло большую роль в распространении идей марксизма в России; всего вышло четыре книги. Главное участие в «Социал-Демократе» принимали Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич.

Статья Плеханова «Н. Г. Чернышевский» напечатана в № 1 за 1890 г.; Ленин цитирует с. 138—139.

[8] Цитируемые слова Волгина в романе «Пролог» см. в кн.: Н. Г. Чернышевский, т. XIII, с. 187—188.

[9] Цитата из романа Чернышевского «Пролог» (Н. Г. Чернышевский, т. XIII, с. 106).

[10] Ленин имеет в виду работы Н. В. Шелгунова (1824—1891) — общественного деятеля, публициста, литературного критика, автора воспоминаний о 1860-х годах, о времени, когда он был членом тайного общества «Земля и воля». В 1861 году Шелгунов написал прокламации «К молодому поколению» и «К солдатам», с 1862 года не раз подвергался арестам и находился в ссылках. В статьях по вопросам истории, экономии, общественной жизни Шелгунов выступал сторонником крестьянской революции; в 80-х годах под влиянием идей марксизма пришел к пониманию исторической роли пролетариата. Пользовался большой популярностью среди рабочих и революционной интеллигенции как автор публицистических и литературно-критических работ.

[11] В Центральном партийном архиве (ЦПА) Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС имеется конспект книги Скалдина «В захолустье и в столице» (СПб., 1870), сделанный К. Марксом (см. Архив Маркса и Энгельса, т. XI, 1948, с. 119—138), и экземпляр этой книги издания 1870 года с его пометками и подчеркиваниями. Сопоставление конспекта Маркса с работой Ленина «От какого наследства мы отказываемся?» показывает, что отношение Маркса и Ленина к фактическому материалу и выводам автора книги совпадает.

[12] Характеристику Скалдина (псевдоним Ф. П. Еленева), как умеренного консерватора, Энгельс дал в статье «Soziales aus Rußland» («О социальном вопросе в России», 1875). (См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, с. 545.)

[13] Ленин, говоря об идейном «наследстве» 60-х годов XIX века, вынужден был по цензурным соображениям ссылаться на Скалдина. В действительности же главным представителем «наследства» Ленин считал Н. Г. Чернышевского (см. наст. сборник, с. 154 и 155).

[14] *«Отечественные Записки»* — литературно-политический журнал; начал издаваться в Петербурге в 1820 году; с 1839 года становится лучшим прогрессивным журналом того времени. Идейным руководителем журнала стал В. Г. Белинский, а ближайшими участниками М. Ю. Лермонтов, А. В. Кольцов, А. И. Герцен, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, Н. П. Огарев, Т. Н. Грановский, В. П. Боткин, Д. В. Григорович, Ф. М. Достоевский и др. Белинский и его друзья высоко подняли значение традиций Пушкина и Гоголя и горячо пропагандировали идейно-эстетические принципы «натуральной школы» — реалистического направления русской литературы. С 1846 года, после ухода из редакции Белинского, значение «Отечественных Записок» стало падать. С 1868 года, когда журнал перешел в руки Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина, наступил период нового расцвета «Отечественных Записок»; в это время журнал группировал вокруг себя революционно-демократическую интеллигенцию. Кроме Некрасова и Салтыкова-Щедрина, в журнале печатались Г. И. Успенский, А. Н. Островский, В. М. Гаршин, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. И. Левитов, С. Я. Надсон и др. После смерти Некрасова, с 1878 года в журнале усилилось влияние народников (Н. К. Михайловского и др.). Журнал подвергался непрерывным цензурным преследованиям и в апреле 1884 года был закрыт царским правительством.

[15] *«Земледельческая Газета»* — орган министерства государственных имуществ (с 1894 г.— министерства государственных имуществ и земледелия); выходила в Петербурге с 1834 по 1917 год.

[16] Редактором-издателем журнала «Вестник Европы» до 1908 года был М. М. Стасюлевич.

«Вестник Европы» — ежемесячный историко-политический и литературный журнал, выходил в Петербурге с 1866 года до лета 1918 года. Журнал проводил взгляды русской либеральной буржуазии; с начала 90-х годов вел систематическую борьбу против революционного марксизма. Ближайшее участие в журнале принимал А. Н. Пыпин; после закрытия «Отечественных Записок» в «Вестнике Европы» печатался М. Е. Салтыков-Щедрин.

[17] Ленин имеет в виду Скалдина и цитирует слова из его книги (С к а л д и н. В захолустье и в столице. СПб., 1870, с. 285).

[18] *«Новое Слово»* — ежемесячный научно-литературный и политический журнал; издавался в Петербурге с 1894 года либеральными народниками, с начала 1897 года — «легальными марксистами» (П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский и др.). В период пребывания в сибирской ссылке Ленин поместил в журнале «Новое Слово» две статьи: «К характеристике экономического романтизма» и «По поводу одной газетной заметки». В журнале печатались также Г. В. Плеханов, В. И. Засулич, Л. Мартов, А. М. Горький и др. В декабре 1897 года журнал был закрыт царским правительством.

В. Иванов — псевдоним В. И. Засулич; ее статья «Плохая выдумка» перепечатана в Сборнике статей В. И. Засулич в двух томах, изд. «Библиотека для всех О. Н. Гутенберга», 1907, т. II (см. также: В. И. З а с у л и ч. Статьи о русской литературе. М., Гослитиздат, 1960, с. 162—184).

[19] Роман П. Д. Боборыкина «По-другому» был напечатан в «Вестнике Европы» за 1897 год, № 1—4.

[20] См.: Г. В. П л е х а н о в. Избр. филос. произв., т. 1. М., Госполитиздат, 1956, с. 728, а также: К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 2, с. 90. *Бельтов* — псевдоним Г. В. Плеханова, под которым в 1895 году в Петербурге вышла его книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», по тексту которой Ленин цитировал К. Маркса.

[21] В. И. Ленин отвечает на письмо А. Н. Потресова, приславшего в Шушенское замечания на статью Ленина «От какого наследства мы отказываемся?».

[22] С обвинением автора *«От какого наследства мы отказываемся?»* в буржуазности выступил «самарец» П. П. Маслов в статье «Идеализация натурального хозяйства», напечатанной в № 3 журнала «Научное Обозрение» за 1899 год.

[23] См. главу IV работы «От какого наследства мы отказываемся?» (наст. сборник, с. 152—153).

«Московские Ведомости» — ежедневная газета; начала издаваться в 1756 году; с 60-х годов XIX века перешла в руки М. Н. Каткова и превратилась в выразительницу взглядов наиболее реакционных монархических слоев помещиков и духовенства; с 1905 года — один из главных органов черносотенцев; закрыта после Октябрьской революции.

[24] Статья А. П. (А. Н. Потресова) «Журнальные заметки о «наследстве» и «наследниках»» была вырезана цензурой из № 4 журнала «Начало» за 1899 год.

«Начало» — ежемесячный научный и литературно-политический журнал, орган легальных марксистов; выходил в Петербурге в первой половине 1899 года под редакцией П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановского и др. Ленин поместил в «Начале» несколько рецензий и первые шесть параграфов главы III книги «Развитие капитализма в России». Состав литературного отдела «Начала» был разнородным: в нем печатались и писатели-реалисты (В.В. Вересаев, Н. Г. Гарин-Михайловский и др.), и декаденты (Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус и др.).

[25] Первый отрывок является авторским примечанием, внесенным во второе издание книги (1908) к главе IV: «Рост торгового земледелия», раздел

IV; второй — примечанием к главе VII: «Развитие крупной машинной индустрии», раздел IV.

[26] Очерк «На лоне природы и сельскохозяйственных ухищрений», частью которого является «Хозяйственный мужичок», впервые опубликован в журнале «Вестник Европы», 1886, кн. XII, и вошел в отдельное издание: М. Е. Салтыков (Щедрин). Мелочи жизни. Части I и II. Типогр. М. М. Стасюлевича. СПб., 1887. См. также: Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. 16. М., Гослитиздат, 1937, с. 452, 454.

[27] См.: В. Вересаев. Собр. соч. в 5-ти томах, т. 1. М., изд-во «Правда», 1961, с. 198—204.

«Северный Курьер» — газета либерального направления (Петербург, 1899—1900).

[28] *«Павловские очерки»* (1889—1890) (см.: В. Г. Короленко. Собр. соч. в 10-ти томах, т. 9. М., Гослитиздат, 1955, с. 7—99) впервые печатались в 1890 году в журнале «Русская Мысль», кн. 9, 10, 11, и вызвали широкий отклик; в них показана жизнь кустаря, целиком зависимая от капиталиста-скупщика.

[29] Рассказ впервые опубликован в журнале «Отечественные записки», 1883, № 7 и 8. См. также: Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 1. М., Гослитиздат, 1953, с. 449—595.

[30] Выражение *«господин Купон»* введено в обиход Гл. Успенским, встречается в его произведениях 80-х годов (цикл очерков «Грехи тяжкие») и получило широкое обобщающее значение капиталистических отношений. В данном случае В. И. Ленин говорит об очерке Гл. Успенского «На Кавказе» (см.: Г. И. Успенский, т. 8. М., 1957, с. 150—193).

[31] В статье «Капитализм в сельском хозяйстве» С. Булгаков, под видом критики книги К. Каутского «Аграрный вопрос», ревизовал основные положения К. Маркса по этому вопросу.

[32] В. И. Ленин подразумевает «Письма из деревни» А. Н. Энгельгардта (см. их разбор в статье «От какого наследства мы отказываемся?».— П. с. с., т. 2, с. 521—528, и наст. сборник, с. 138—143). Индивидуализм крестьянина, его «фанатизм собственника» показаны во многих произведениях Г. И. Успенского, причем и состоятельный крестьянин Иван Ермолаевич («Крестьянин и крестьянский труд»), и бедняк Иван Босых («Власть земли») высказываются против общины, за которую ратовали народники.

[33] *Р. М.* — автор передовой статьи в «Отдельном приложении к «Рабочей Мысли»». В этой статье откровенно высказывались оппортунистические взгляды «экономистов».

[34] Брошюра П. Б. Аксельрода *«К вопросу о современных задачах и тактике русской социал-демократии»* (Женева, 1898).

[35] Книга Г. В. Плеханова *«Н. Г. Чернышевский.* Литературно-историческое исследование» была выпущена на немецком языке издательством Дитца в Штутгарте в 1894 году и содержала, кроме статей из «Социал-Демократа», введение и несколько дополнений для немецкого читателя (то и другое опубликовано по русскому автографу в т. 4 «Избр. филос. произв.» Г. В. Плеханова. М., Соцэкгиз, 1958). В 1909 году Г. В. Плеханов написал большую книгу о Н. Г. Чернышевском, в которую в переработанном виде включил и прежние статьи и которую читал, сравнивая с журнальным текстом, В. И. Ленин (см.: П. с. с., т. 29, с. 534—571, и наст. сборник, с. 177—179).

[36] Речь идет о статье В. И. Засулич *«Дмитрий Иванович Писарев»*, напечатанной в журнале «Научное Обозрение» № 3, 4,6 и 7 за 1900 год под псевдонимом Н. Карелин (см.: В. И. Засулич. Статьи о русской литературе. М., Гослитиздат, 1960, с. 185—260).

[37] Ленин цитирует статью Глеба Успенского «Федор Михайлович Решетников. (Биографический очерк)» (см.: Г. И. Успенский, т. 9. М., 1957, с. 59).

[38] Статья *«Гонители земства и Аннибалы либерализма»* была написана В. И. Лениным в связи с появлением в свет, в 1901 году, книги «Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка министра финансов статс-секретаря С. Ю. Витте (1899 г.)» с предисловием и примечаниями Р. Н. С. (П. Б.

Струве). Содержание «Записки» Витте вскрывало истинную политику царского правительства по отношению к земству. «Записка» как обличительный документ была издана в 1901 году марксистским научно-политическим журналом «Заря».

Аннибалами либерализма Ленин иронически называет русских либералов, которые, по словам П. Струве, выразившего в предисловии и примечаниях их точку зрения, дали Аннибалову клятву бороться с самодержавием. Статья Ленина была напечатана в № 2-3 журнала «Заря» в декабре 1901 года.

«*Заря*» — марксистский научно-политический журнал; издавался легально в 1901—1902 годах в Штутгарте редакцией «Искры». Всего вышло четыре номера (три книги) «Зари»: № 1 в апреле 1901 года (фактически вышел 23 марта нового стиля), № 2-3 в декабре 1901 года, № 4 в августе 1902 года. Журнал «Заря» выступил с критикой международного и русского ревизионизма («легального марксизма» и «экономизма»), в защиту теоретических основ марксизма.

[39] «*Молодая Россия*» — прокламация, выпущенная в мае 1862 года московским революционным студенческим кружком П. Г. Заичневского. Прокламация обличала самодержавно-крепостнический строй России, разоблачала соглашательство либералов и призывала к борьбе за свержение монархии и создание «социально-демократической республики русской» на основе добровольного федеративного союза областей. В прокламации выдвигались требования равноправия женщин, выборного суда, справедливого обложения налогами, устройства общественных фабрик и магазинов, общественного воспитания детей, независимости Польши и Литвы, замены постоянной армии национальной гвардией и т. д. Агитируя за революционный переворот, «Молодая Россия» советовала революционным элементам искать опоры среди старообрядцев, крестьян, образованных офицеров, но главной силой движения прокламация провозглашала революционную разночинную интеллигенцию. Прокламация распространялась в Москве, Петербурге и многих провинциальных городах России.

[40] «*На славном посту*» — литературный сборник, выпущенный народниками в честь сорокалетнего (1860—1900) юбилея литературной и общественной деятельности одного из идеологов народничества Н. К. Михайловского. В сборнике были напечатаны статьи Н. Анненского, Н. Карышева, П. Милюкова, Н. Михайловского, П. Мокиевского, В. Мякотина, А. Пешехонова, М. Рафаилова, Н. Рубакина, В. Семевского, В. Чернова, А. Чупрова, С. Южакова и др.

[41] «*Современник*» — ежемесячный научно-политический и литературный журнал, основанный А. С. Пушкиным; выходил в Петербурге с 1836 по 1866 год. С 1847 по 1862 год журнал издавался Н. А. Некрасовым и И. И. Панаевым, а с 1863 года одним Н. А. Некрасовым. В журнале сотрудничали: В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Н. В. Шелгунов, М. Е. Салтыков-Щедрин, М. А. Антонович и др.; печатались: Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, А. Н. Островский, Д. В. Григорович, А. А. Фет, Я. П. Полонский, М. Л. Михайлов, В. А. Слепцов, Ф. М. Решетников, Г. И. Успенский и др., был опубликован роман Чернышевского «Что делать?». Существенную роль в «Современнике» играл сатирический отдел «Свисток», создателем и главным автором которого был Н. А. Добролюбов. «Современник» являлся лучшим журналом своего времени, отражавшим стремления революционной демократии и имевшим большое влияние на прогрессивные элементы русского общества и особенно на революционно настроенную молодежь. В период крестьянской реформы журнал был органом революционной демократии, проповедовал идеи революции, борьбы масс за свержение царизма, отстаивал интересы крестьянства. В 1866 году журнал был закрыт царским правительством.

[42] «*Русское Слово*» — ежемесячный литературно-политический журнал; издавался в Петербурге с 1859 по 1866 год. С 1860 года редактором журнала был Г. Е. Благосветлов. В журнале сотрудничали Д. И. Писарев, Н. В. Шелгунов и др., печатались Н. А. Благовещенский, Г. И. Успенский, М. А. Воронов, А. К. Шеллер-Михайлов, Ф. М. Решетников. Журнал стал одним из про-

грессивных разночинских органов, проповедовавших идеи революционного демократизма, и оказывал большое влияние на передовую молодежь 60-х годов. В 1866 году журнал был закрыт царским правительством.

[43] «*День*» — еженедельная газета славянофильского направления, издававшаяся И. С. Аксаковым; выходила в Москве с 1861 по 1865 год.

[44] «*Литературный фонд*» («Общество литературного фонда для пособия нуждающимся литераторам и ученым и их семьям») — легальное добровольное общество, основанное при участии Н. Г. Чернышевского в Петербурге в 1859 году. В апреле 1862 года было создано «Отделение для пособия бедным учащимся» (2-е отделение при «Литературном фонде»). Во главе отделения стоял студенческий комитет. Значительная часть членов комитета была связана с нелегальной революционной организацией «Земля и воля». В июне 1862 года «Отделение» было закрыто царским правительством.

[45] *Шахматный клуб* был создан по инициативе Н. Г. Чернышевского и его ближайших друзей в Петербурге в январе 1862 года. В числе руководителей клуба были Н. А. Некрасов, братья А. А. и Н. А. Серно-Соловьевичи, братья В. С. и Н. С. Курочкины, П. Л. Лавров, Г. Е. Благосветлов, Г. З. Елисеев, Н. Г. Помяловский. В состав членов клуба входили участники нелегальной революционной организации «Земля и воля». Шахматный клуб фактически являлся клубом литераторов, центром политической и общественной жизни передовой, революционно настроенной интеллигенции Петербурга. В июне 1862 года клуб был закрыт царским правительством.

[46] В. И. Ленин имеет в виду либерально настроенных мировых посредников Тверской губернии (А. М. Унковский и др.), отказавшихся проводить в жизнь «Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Они приняли постановление руководствоваться в своей деятельности решениями дворянского собрания своей губернии, которое в феврале 1862 года признало неудовлетворительность «Положений», необходимость немедленного выкупа крестьянских наделов при содействии государства и введения ряда демократических институтов. Тверские мировые посредники были арестованы царским правительством и осуждены к заключению на два с лишним года каждый.

[47] Речь идет об участии войск русского царя Николая I в подавлении революционного национально-освободительного движения в западноевропейских странах. В 1848 году царь ввел войска в Румынию, Польшу, Прибалтику, Правобережную Украину, предоставил австрийскому императору шестимиллионную ссуду для подавления национально-освободительного движения в Италии. В 1849 году с помощью царских войск была подавлена революция в Венгрии.

[48] Настоящий документ представляет собой замечания В. И. Ленина к статье Д. Б. Рязанова «Две правды», написанной летом 1901 года для журнала «Заря». Статья была отвергнута редакцией и в журнале не появилась. Указанные Лениным в замечаниях страницы обозначают страницы рукописи Рязанова, представленной в редакцию «Зари». В первом замечании В.И.Ленина речь идет о высказывании К. Маркса в письме редакции журнала «Отечественные Записки»; написанное в ноябре 1877 года, письмо не было отправлено; обнаружено Энгельсом в бумагах Маркса и опубликовано в Женеве в № 5 «Вестника Народной Воли» (1886), а в русской легальной печати — в журнале «Юридический Вестник», октябрь 1888 года (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 116—121).

[49] *Ноумены* (ноумены) и *феномены* — противоположные понятия в идеалистической философии Канта. Ноумен, по Канту, непознаваемая «вещь в себе», существующая независимо от сознания человека и недоступная его познанию. Феномен — явление, существующее только в сознании человека и являющееся предметом его познания.

[50] В. И. Ленин цитирует статью Д. И. Писарева «*Промахи незрелой мысли*» (см.: Д. И. Писарев. Соч. в 4-х томах, т. 3. М.— Л., Гослитиздат, 1956, с. 147, 148 и 149).

[51] Статья о Н. А. Некрасове в «Искре» не появлялась. 25-летие со дня смерти Некрасова «Искра» ознаменовала, издав отдельной брошюрой доклад

Библиотечная книга

о Н. А. Некрасове, сделанный Г. В. Плехановым 10 января 1903 года в Женеве. См. также: Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. II. М., Гослитиздат, 1958, с. 187—205.

[52] Г. В. Плеханов 9 февраля 1903 года сообщил Ленину, что согласен издать доклад о Н. А. Некрасове брошюрой, сделав некоторые добавления.

[53] Лекции на тему «*Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Европе и в России*» были прочитаны В. И. Лениным в Париже (февраль 1903 года) в Русской высшей школе общественных наук. (Подробнее см.: П. с. с., т. 7, с. 107—116 и 475—476, а также Ленинский сборник XIX, 1932, с. 221—316.)

[54] Имеются в виду следующие статьи: К. Маркс, «Законопроект об отмене феодальных повинностей» и Ф. Энгельс, «Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте» (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, с. 299 и 352—353).

[55] См.: В. И. Ленин. П. с. с., т. 3, с. 192, 193.

[56] См.: Там же, с. 587—590.

[57] См.: Там же, с. 582.

[58] Ленин имеет в виду очерки Н. Щедрина «За рубежом», напечатанные в январской книжке «Отечественных Записок» за 1881 год. См. также: М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч. в 20-ти томах, т. 14. М., «Художественная литература», 1972, с. 111—161.

[59] «*Русский человек на rendez-vous*».— См.: Н. Г. Чернышевский, т. V, 1950, с. 156—174.

[60] Проект был написан Лениным для выступления в Думе, в прениях по аграрному вопросу, с.-д. депутата Г. А. Алексинского. Алексинский в своем выступлении 5(18) апреля 1907 года использовал проект лишь частично.

[61] Эти цитаты из статьи Н. Г. Чернышевского «Критика философских предубеждений против общинного владения» и его романа «Пролог» Ленин приводил в книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (см.: П. с. с., т. 1, с. 290—291, и наст. сборник, с. 133—134).

[62] *Лидваль* — крупный спекулянт, поставщик продовольствия в голодающие губернии в 1906 году; в спекулятивных махинациях Лидваля был замешан министр внутренних дел В. И. Гурко.

[63] См. также: Н. Г. Чернышевский. Эстетика. М., Гослитиздат, 1958, с. 216—226.

[64] См.: Там же, с. 224—225.

[65] Ленин делал пометки на книге Г. В. Плеханова «*Н. Г. Чернышевский*» (вышла в изд-ве «Шиповник», СПб., 1909), тщательно сверяя текст этого издания с текстом, напечатанным в 1890—1892 годах в трехмесячнике «Социал-Демократ» в связи со смертью Н. Г. Чернышевского (1889). Замечания Ленина показывают, как меньшевистские взгляды Плеханова сказались в изменениях оценки наследия революционера-демократа. Замечания печатаются в извлечениях по полной публикации (П. с. с., т. 29, с. 534—571).

[66] В. И. Ленин читал книгу Ю. М. Стеклова, видимо, после того, как прочел книгу Г. В. Плеханова о Н. Г. Чернышевском. Общий отзыв о книге см. в письме Ленина к А. М. Горькому, написанном в конце апреля 1911 года (наст. сборник, с. 335). Замечания печатаются в извлечениях по полной публикации (П. с. с., т. 29, с. 572—620).

[67] Статья «*Наши упразднители*. (О г. Потресове и В. Базарове)» была напечатана в журнале «Мысль». Из цензурных соображений статья написана эзоповским языком: партия называется «целым», «старым», о решениях V Общерусской конференции РСДРП (1909 г.) и пленума ЦК (1910 г.) сказано намеком, и т. п.

«*Мысль*» — большевистский легальный ежемесячный философский и общественно-экономический журнал; выходил в Москве с декабря 1910 года, был создан по инициативе Ленина для борьбы с ликвидаторскими легальными органами. Редактированием журнала Ленин руководил из-за границы. Ближайшее участие в журнале принимали В. В. Воровский, М. С. Ольминский, И. И. Скворцов-Степанов, сотрудничали также меньшевики-партийцы (Г. В. Плеханов и другие). Журнал издавался до апреля 1911 года; вышло пять номеров. Последний номер был конфискован.

[68] *«Наша Заря»* — ежемесячный легальный журнал меньшевиков-ликвидаторов; выходил в 1910—1914 годах в Петербурге; вокруг журнала сложился центр ликвидаторов в России.

«Жизнь» — журнал меньшевиков-ликвидаторов, выходивший в конце 1910 года в Москве вместо закрытого «Возрождения».

[69] В. И. Ленин цитирует произведение Н. А. Некрасова «Сцены из лирической комедии «Медвежья охота»».

[70] Указом 9 (22) ноября 1906 года и законом 14 (27) июня 1910 года определялись правила выхода крестьян из общины и закрепления за ними земли в собственность.

[71] Ленин цитирует слова Волгина, героя романа Н. Г. Чернышевского «Пролог» (см.: Н. Г. Чернышевский, т. XIII, с. 106).

[72] В Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС сохранилась программа, а в Изофондах Государственного литературного музея — афиша юбилейного заседания памяти А. И. Герцена, состоявшегося в Париже, в зале Ваграм, под председательством В. Н. Фигнер, 15 апреля 1912 года, с участием видных деятелей политической эмиграции, в том числе В. И. Ленина, Л. Мартова, И. Рубановича и др.

Опубликованы воспоминания присутствовавшего на заседании большевика И. А. Полонского, через несколько дней после юбилея набиравшего статью «Памяти Герцена» для Центрального Органа партии газеты «Социал-Демократ». Полонский пишет об огромном впечатлении, произведенном речью В. И. Ленина.

В художественной части, как это видно из программы, А. М. Горький прочитал «новый рассказ» («Рождение человека»), а И. Добровейн исполнял произведения Шопена и свои.

[73] В. И. Ленин цитирует произведение Герцена «Концы и начала» (см.: А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти томах, т. XVI. М., Изд-во АН СССР, 1959, с. 171. Далее по этому изданию).

[74] «Алгеброй революции» называет Герцен гегелевскую философию в «Былом и думах», вспоминая свое увлечение философией Гегеля в начале 1840-х годов (см.: А. И. Герцен, т. IX, 1956, с. 23).

[75] В. И. Ленин цитирует письма *«К старому товарищу»* (письма четвертое и второе; см.: А. И. Герцен, т. XX, кн. 2, 1960, с. 593, 582).

[76] *Всероссийский крестьянский союз* — революционно-демократическая организация, возникшая в 1905 году. Крестьянский союз требовал политических свобод, немедленного созыва Учредительного собрания, отмены частной собственности на землю, конфискации и передачи крестьянам монастырских, церковных, удельных, кабинетских и государственных земель. Подвергался полицейским преследованиям и в начале 1907 года прекратил свое существование.

[77] *«Полярная Звезда»* — литературно-политический сборник; первые три книги сборника изданы А. И. Герценом, последующие — А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в Лондоне, в Вольной русской типографии, в 1855—1862 годах. Последняя книга вышла в Женеве в 1868 году. Всего вышло восемь книг. Заглавием сборника и рисунком на обложке, с изображением казненных декабристов, подчеркивалась революционная преемственность Герцена с декабристами, издававшими в 1823—1825 годах альманах под тем же названием. В «Полярной Звезде» А. И. Герцена печатались материалы, связанные с деятельностью декабристов, запрещенные стихи А. С. Пушкина, К. Ф. Рылеева, М. Ю. Лермонтова, было напечатано письмо В. Г. Белинского Гоголю, «Былое и думы» Герцена, стихи и статьи Н. П. Огарева. «Полярная Звезда» сыграла значительную роль в развитии русской передовой литературы и общественной мысли.

[78] Статья написана Н. П. Огаревым (см.: Н. П. Огарев. Избр. социально-политич. и филос. произв., т. 1. М., Госполитиздат, 1952, с. 654).

[79] В. И. Ленин цитирует статью Герцена *«Н. Г. Чернышевский»* (см.: А. И. Герцен, т. XVIII, 1959, с. 221).

[80] В. И. Ленин цитирует статью Герцена *«Сплетни, копоть, нагар и проч.»* (см.: А. И. Герцен, т. XVIII, с. 35).

[81] Из письма Герцена к И. С. Тургеневу от 10 апреля 1864 года (см.: А. И. Герцен, т. XXVII, кн. 2, 1963, с. 455).

[82] См.: А. И. Герцен, т. XIV, 1958, с. 233 и 411; т. XV, 1958, с. 85; у Герцена ошибка: застрелился не Рейтерн (о таком факте нет сведений), а полковник И. Ф. Пейкер.

[83] Восстание в селе Бездна Спасского уезда Казанской губернии было ответом на Положение 19 февраля 1861 года об условиях отмены крепостного права. По призыву Антона Петрова, возглавившего движение в Бездне, крестьяне отказались ходить на барщину, вносить оброк помещикам, забирали из помещичьих амбаров хлеб, отказались подписать «уставные грамоты», в которых определялись размеры земельных наделов, повинностей и платежей. Волнения охватили более 75 селений Казанской, Самарской и Симбирской губерний. Восстание в Бездне было жестоко подавлено (более 90 человек было убито, более 350 ранено, Антон Петров был расстрелян). Описание бездненской трагедии А. И. Герцен дал в «Колоколе» (см.: А. И. Герцен, т. XV, с. 107—109).

[84] Ленин цитирует статью Герцена «*Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ*» (см.: А. И. Герцен, т. XV, с. 135—138).

[85] См.: А. И. Герцен, т. XI, 1957, с. 341.

[86] Имеется в виду статья М. С. Ольминского (А. Витимского) «*Культурные люди и нечистая совесть*», напечатанная 23 августа 1912 года. (См. также: М. Ольминский. Статьи о Салтыкове-Щедрине. М., Гослитиздат, 1959, с. 54—55.)

[87] Приведенное выражение взято из письма К. Маркса к Л. Кугельману от 12 апреля 1871 года, в котором дана оценка Парижской коммуны (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, с. 172—173).

[88] В. И. Ленин цитирует предисловие Ф. Энгельса к первому немецкому изданию книги К. Маркса «Нищета философии» (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 184).

[89] В связи с приближением десятой годовщины со дня смерти Н. К. Михайловского В. И. Ленин 29 января (11 февраля) 1914 года направил в Петербург проект письма Г. В. Плеханову с предложением от имени редакции «Просвещения» написать статью для февральского или мартовского номера журнала с критикой «основных положений народничества (философских и проч.), как они отразились в сочинениях Михайловского». Статьи Г. В. Плеханова в «Просвещении» не появлялось. Письмо сохранилось в машинописной копии (перлюстрация) (Ленинский сборник XXXVIII, с. 134—135).

[90] Ленин упоминает статью видного эсера Н. И. Ракитникова «Михайловский и Маркс» («Верная Мысль», 1914, № 3).

«*Верная Мысль*» — одно из названий «левонароднической» (эсеровской) легальной газеты «Живая Мысль», выходившей в Петербурге два, затем три раза в неделю, с августа 1913 по июль 1914 года. За это время газета сменила десять названий: «Заветная Мысль», «Вольная Мысль», «Северная Мысль» и др.

[91] «*Левыми*» *народниками*, или «*левонародниками*», в подцензурной печати называли *социалистов-революционеров (эсеров)*. Партия социалистов-революционеров (эсеров) возникла в конце 1901 года в результате объединения нескольких народнических групп; эсеры представляли собой левое крыло буржуазной демократии, отражая интересы обеспеченных слоев крестьянства (кулачества). В 1914—1917 годах эсеры стояли на позициях оборончества; входя в буржуазное Временное правительство, не осуществили ни одного из требований революционного народа, оказались изолированными и перешли в лагерь контрреволюции.

[92] «*Трудовики*» *(Трудовая группа)* — группа мелкобуржуазных демократов; образована в апреле 1906 года крестьянскими депутатами I Государственной думы. Трудовики выдвигали требования отмены всех сословных и национальных ограничений, демократизации земского и городского самоуправления, осуществления всеобщего избирательного права для выборов в

Государственную думу. Аграрная программа трудовиков исходила из народнических принципов уравнительности землепользования.

«Народные социалисты» («энесы») — мелкобуржуазная легальная партия; в 1906 году выделилась как самостоятельная организация из правого крыла эсеров; выставляла умеренно-демократические требования, не выходившие за рамки конституционной монархии (например, признавала отчуждение помещичьей земли на основе выкупа). Ленин называл энесов «мещанскими оппортунистами», «социал-кадетами», «эсеровскими меньшевиками». Лидерами их были: А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, Н. Ф. Анненский и др.

[93] Ленин имеет в виду монархию.

[94] В № 8 «Русского Богатства» за 1906 год была напечатана статья А. В. Пешехонова «Наша платформа (ее очертания и размеры)», в которой автор отказывался от требования республики, конфискации земли и самоопределения наций.

[95] Ленин имеет в виду выступление миллионера купца А. С. Салазкина в заседании Нижегородского ярмарочного комитета по случаю приезда на ярмарку премьер-министра Коковцова. Салазкин заявил о необходимости политических реформ на основе Манифеста 17 октября 1905 года и о желании торгово-промышленной буржуазии принимать ближайшее участие в «общественном самоуправлении» и «государственном строительстве».

[96] *Дело Бейлиса* — провокационный судебный процесс в 1913 году в Киеве, организованный правительством против еврея Бейлиса, ложно обвиненного в убийстве христианского мальчика (в действительности убийство было организовано черносотенцами). Процесс имел целью разжечь антисемитизм и отвлечь массы от революционного движения, нараставшего по всей стране. Бейлис был по суду оправдан.

[97] *«Луч»* — ежедневная легальная газета меньшевиков-ликвидаторов; выходила в Петербурге с 16 (29) сентября 1912 по 5 (18) июля 1913 года. Вышло 237 номеров. Идейное руководство газетой находилось в руках П. Б. Аксельрода, Ф. И. Дана, Л. Мартова, А. С. Мартынова. Ленин писал, что «Луч» «порабощен либеральной политикой», и называл газету органом ренегатов.

«Новая Рабочая Газета» — ежедневная газета меньшевиков-ликвидаторов, издавалась в Петербурге вместо «Живой Жизни» с 8 (21) августа 1913 до 23 января (5 февраля) 1914 года.

«Северная Рабочая Газета» — ежедневная газета меньшевиков-ликвидаторов, издавалась в Петербурге вместо «Новой Рабочей Газеты» с 30 января (12 февраля) по 1 (14) мая 1914 года; с 3 (16) мая газета выходила под названием «Наша Рабочая Газета».

[98] Работа Ленина «К вопросу о национальной политике» является проектом речи, которую должен был произнести в Государственной думе депутат IV Думы Г. И. Петровский. В связи с исключением 22 апреля (5 мая) 1914 года левых депутатов на 15 заседаний эту речь произнести не удалось.

[99] См.: А. И. Герцен, т. XVII, 1959, с. 69.

[100] В. И. Ленин цитирует стихотворение Н. А. Некрасова «Блажен незлобивый поэт», написанное на смерть Н. В. Гоголя (21 февраля 1852 г.).

[101] В рецензии на книгу американского экономиста Г.-Ч. Кэрри «Политико-экономические письма к президенту Американских Соединенных Штатов» Н. Г. Чернышевский писал: «Исторический путь — не тротуар Невского проспекта; он идет целиком через поля, то пыльные, то грязные, то через болота, то через дебри. Кто боится быть покрыт пылью и выпачкать сапоги, тот не принимайся за общественную деятельность» (Н. Г. Чернышевский, т. VII, 1950, с. 923).

[102] Имеется в виду то место из письма Ф. Энгельса Ф. А. Зорге от 29 ноября 1886 года, где Энгельс, критикуя сектантский характер деятельности немецких социал-демократов, живших в эмиграции в Америке, говорит, что для них теория «догма, а не руководство к действию» (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, с. 488).

[1] Копия с конфиденциального письма московского генерал-губернатора министру внутренних дел от 20 октября 1883 года подготовлялась Лениным в качестве обличительного документа для публикации в «Искре» и, по-видимому, не была напечатана по недостатку места.

Переписка московского губернатора с министром внутренних дел касалась предполагаемого выступления Л. Н. Толстого 23 октября 1883 года в заседании «Общества любителей российской словесности» со Словом о скончавшемся в августе этого года И. С. Тургеневе.

Л. Н. Толстой писал А. Н. Пыпину о Тургеневе в январе 1884 года: «Главное в нем это его *правдивость*... Тургенев... хорошо говорит всегда *то самое, то*, что он думает и чувствует... воздействие Тургенева на нашу литературу было самое хорошее и плодотворное... Он не употреблял свой талант (уменье хорошо изображать) на то, чтобы скрывать свою душу, как это делали и делают... Я очень жалел, что мне помешали говорить о нем...» (Л. Н. Толстой. Полн собр. соч., т. 63. М., Гослитиздат, 1934, с. 149—150. Далее по этому изданию).

[2] В. И. Ленин цитирует статью Л. Н. Толстого «О голоде», впервые напечатанную в урезанном цензурой виде в январском номере журнала «Книжки Недели» за 1892 год под названием «Помощь голодным» (см. также: Л. Н. Толстой, т. 29, с. 104).

[3] «*Полярная Звезда*» — журнал правого крыла кадетской партии, выходил в Петербурге с декабря 1905 по март 1906 года под редакцией П. Б. Струве, при участии Н. А. Бердяева, В. М. Гессена, А. С. Изгоева, Д. С. Мережковского; в апреле — мае 1906 года вместо «Полярной Звезды» начал выходить журнал «*Свобода и Культура*» под редакцией С. Л. Франка, при участии П. Б. Струве и др. Журналы вели борьбу против революционно-демократической интеллигенции, травили А. М. Горького, давшего в «Заметках о мещанстве» резко отрицательную оценку толстовской проповеди непротивления злу насилием. Издание журнала «Свобода и Культура» прекратилось вследствие падения тиража.

[4] В 1946 году П. И. Лебедев-Полянский вспоминал, что в дни юбилея Толстого Ленин предложил ему, числившемуся в партии специалистом по делам литературным, написать статью в ответ на либеральные и меньшевистские воздыхания, на елейное славословие и пустословие вокруг Толстого.

«— Через несколько дней,— говорил Лебедев-Полянский,— я принес Ленину статью, в которой со всей суровостью и резкостью, с этакой молодой лихостью разоблачал Толстого как идеолога среднего и крупнопоместного дворянства, непримиримого врага пролетарского революционного движения. Ленин прочитал статью, задумался, иронически улыбнулся и сказал: «Да, сурово вы его, ничего не скажешь. Но ведь он, батенька, не просто публицист и теоретик, как мы грешные, а еще и художник, и такой художник, у которого не грех поучиться и нам — партийным литераторам. Не надо бы нам чинить над ним суд и расправу, а посерьезнее разобраться в сложных противоречиях созданных им произведений. Ну, уж раз вы настроены так непримиримо и воинственно,— после небольшой паузы сказал Ильич,— попробую я сам написать, а потом посоветуемся». Вскоре Ленин показал мне статью «Лев Толстой, как зеркало русской революции», и, откровенно говоря,— закончил Лебедев-Полянский,— пришел я в крайнее удивление и недоумение, обвинил Ленина в уступках злонамеренному либерализму и во многих других грехах. К счастью, как видите, не согласился со мной Владимир Ильич и опубликовал статью, не убоявшись упреков в либеральном уступничестве и попустительстве» (И. Черноуцан. Завещано Лениным.— «Вопросы литературы», 1975, № 1, с. 22).

[5] «*Речь*» — ежедневная газета, центральный орган партии кадетов, выходила в Петербурге с февраля 1906 года под фактической редакцией П. Н. Милюкова и И. В. Гессена. 26 октября (8 ноября) 1917 года закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете. До августа 1918 года возобновлялась под другими названиями. В связи с 80-летием

Л. Н. Толстого в «Речи» были помещены: редакционная передовая, статья Д. Мережковского «Лев Толстой», А. Карташева «Толстой, как богослов», Л. Хирьякова ««Мистицизм» Толстого» и др. Ленин далее приводит слова Карташева.

Кадеты — члены конституционно-демократической партии, ведущей партии либерально-монархической буржуазии в России. Партия образовалась в октябре 1905 года; в состав ее входили представители буржуазии, земские деятели из числа помещиков, буржуазные интеллигенты П. Н. Милюков, С. А. Муромцев, А. И. Шингарев, П. Б. Струве, Ф. И. Родичев и др. В первую мировую войну кадеты поддерживали империалистическую позицию царизма. Во время Февральской революции пытались спасти монархию, а после победы Октябрьской революции — участвовали в контрреволюционной борьбе против Советской власти.

[6] В. И. Ленин цитирует песню Гриши «Русь» из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

[7] *«Народная Воля»* — народническая тайная политическая организация, возникшая в 1879 году для революционной борьбы с царским самодержавием. Вскоре после казни народовольцами царя Александра II 1 марта 1881 года «Народная Воля» была разгромлена правительством. Критикуя утопическую программу народовольцев и их тактику террора, Ленин высоко оценивал их самоотверженность в борьбе и конспиративную организацию.

[8] Этой статьей, помещенной в ЦО РСДРП *«Социал-Демократ»*, открывается цикл ленинских статей, написанных в связи с кончиной Л. Н. Толстого: «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение» в большевистской полулегальной газете *«Наш Путь»* (Москва, май 1910 — январь 1911 гг.), «Начало демонстраций» и «Толстой и пролетарская борьба» в нелегальном популярном органе большевиков *«Рабочая Газета»* (Париж, 1910—1912), «Герои «оговорочки»» — в большевистском журнале *«Мысль»*, «Л. Н. Толстой и его эпоха» — в большевистской легальной газете *«Звезда»* (Петербург, 1910—1912).

«Социал-Демократ» — газета, выходившая с февраля 1908 по январь 1917 года (Вильно, Париж, Женева). С 1908 по 1911 год В. И. Ленин входил в состав объединенной редакции (большевики, меньшевики, представитель польской социал-демократии). После ухода из редакции меньшевиков с декабря 1911 по январь 1917 года газета редактировалась Лениным.

[9] Л. Н. Толстой был «отлучен» от православной церкви «Определением» Святейшего синода от 20—22 февраля 1901 года. Одновременно цензура запретила «обсуждение» в печати постановления Синода, а затем и помещение приветствий Л. Н. Толстому в связи с этим фактом. Сочувственные письма и адреса от рабочих, крестьян, политических эмигрантов, иностранных деятелей, даже лиц духовного звания направлялись Толстому в течение нескольких месяцев. В середине марта 1901 года Толстой послал в редакции газет письмо, в котором благодарил всех, «от сановников до простых рабочих», выразивших ему сочувствие. Толстой заканчивал письмо словами: «Сочувствие, высказанное мне, я приписываю не столько значению своей деятельности, сколько остроумию и благовременности постановления св. Синода». 4 апреля Толстой написал развернутый «Ответ на Определение Синода от 20—22 февраля и на полученные мною по этому случаю письма». Оба документа не могли быть напечатаны в России и вышли в Лондоне в «Листках» «Свободного Слова» (1901 г., № 23 и № 22). Позднее «Ответ» был напечатан на русском языке в книге Е. А. Соловьева (Андреевича) «Л. Н. Толстой», изд. А. Е. Беляева. СПб., 1905, с. 229—234. Синод в поисках выхода из неловкого и смешного положения неоднократно пытался побудить писателя к «раскаянию». В дни последней болезни Толстого с этой целью в Астапово был направлен представитель Синода, что вызвало возмущение всей прогрессивной общественности в России и за границей.

[10] О «веховцах» и сборнике «Вехи» — см. статью В. И. Ленина «О «Вехах»» (наст. сборник, с. 254—262).

Антоний Волынский (А. П. Храповицкий) — глава крайне правого направления в русской православной церкви, ярый черносотенец, после Октябрьской революции — один из лидеров монархической эмиграции.

[11] «*Русские Ведомости*» — газета; выходила в Москве с 1863 года. В 80—90-х годах в газете принимали участие писатели демократического лагеря В. Г. Короленко, М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. И. Успенский и др. С 1905 года газета стала органом правого крыла партии кадетов. В 1918 году «Русские Ведомости» были закрыты. Корреспонденции, послужившие В. И. Ленину источником информации, см. в кн.: «В. И. Ленин о Л. Н. Толстом». М., «Художественная литература», 1972, с. 137—153.

[12] «*Голос Москвы*» — ежедневная газета, орган *октябристов* — контрреволюционной партии крупной промышленной буржуазии и крупных помещиков; газета выходила в Москве с 1906 по 1915 год.

[13] «*Россия*» — ежедневная газета реакционного, черносотенного характера; выходила в Петербурге с ноября 1905 по апрель 1914 года. Газета субсидировалась из секретного («рептильного») фонда правительства, отпущенного в распоряжение министра внутренних дел.

[14] Речь идет о телеграмме, посланной социал-демократическими депутатами III Думы на имя близкого друга и последователя Л. Н. Толстого В.Г. Черткова в Астапово: «Социал-демократическая фракция Государственной думы, выражая чувства российского и всего международного пролетариата, глубоко скорбит об утрате гениального художника, непримиримого, непобежденного борца с официальной церковностью, врага произвола и порабощения, громко возвысившего свой голос против смертной казни, друга гонимых». Обзор многочисленных откликов рабочих на смерть Л. Н. Толстого был дан в том же номере газеты «Наш Путь», что и комментируемая статья В. И. Ленина (см. этот обзор в кн.: «В. И. Ленин о Л. Н. Толстом». М., «Художественная литература», 1972, с. 153—158).

[15] Обитатели ночлежных домов в районе Хитрова рынка в Москве, жизнь которых Толстой описал в статье «Так что же нам делать?» (1886).

[16] Здесь и далее В. И. Ленин ссылается и цитирует статью В. Базарова «Толстой и русская интеллигенция».

[17] Статья сопровождалась следующим редакционным примечанием: «Печатая интересную статью В. Базарова, своеобразно освещающего учение Л. Н. Толстого, редакция считает нужным оговориться, что отдельные положения статьи она оставляет на ответственности автора».

[18] Ср.: Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, гл. III (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 292—299).

[19] «Сказка об Иване-дураке и его двух братьях: Семене-воине и Тарасе-брюхане, и немой сестре Маланье, и о старом дьяволе и трех чертенятах»; написана Толстым в 1885 году для издательства «Посредник».

[20] Дальше В. И. Ленин в своем перечислении объединяет русских махистов (А. Богданова, В. Базарова и др.), веховца А. С. Изгоева, меньшевиков-ликвидаторов Л. Мартова, А. Н. Потресова, В. О. Левицкого, Н. Череванина, П. П. Маслова. В том же духе героев «оговорочки» выступил в № 10 «Нашей Зари» и Евг. Маевский со статьей «Смерть Л. Н. Толстого».

[21] В. И. Ленин цитирует произведения Л. Н. Толстого по изданию: «Сочинения графа Л. Н. Толстого», изд. 5-е. М., 1886 (ср.: Л. Н. Толстой, т. 18, с. 346).

[22] См.: Л. Н. Толстой, т. 5, с. 25.

[23] См.: Там же, т. 34, с. 153. Статья «Рабство нашего времени» была впервые опубликована в издании «Свободного Слова» в Англии в 1900 году.

[24] См.: Там же, т. 8, с. 332—333, 336.

[25] Здесь В. И. Ленин цитирует по сб.: Л. Н. Толстой. О смысле жизни. Мысли, собранные Владимиром Чертковым, изд-во «Свободное Слово», № 56. Лондон, 1901.

[26] Ленин цитирует «Крейцерову сонату» по литографированному изданию, помеченному 26 августа 1889 года, с. 96 (ср.: Л. Н. Толстой, т. 27, с. 311. Варианты литографированной редакции «Крейцеровой сонаты»). В последней авторизованной рукописи эти слова, ставшие крылатыми для обозначения идеи повести, вычеркнуты.

[27] Ленин цитирует статью «Воспитание и образование» (1862) (см.: Л. Н. Толстой, т. 8, с. 236).

[28] Ленин имеет в виду главу III «Манифеста Коммунистической партии» (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 448—449).

[29] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, с. 456.

[30] В Швейцарию с рефератом о Толстом Ленин не ездил.

[31] Ленин цитирует предисловие Л. Н. Толстого, написанное 26 июня 1908 года к альбому картин Н. Орлова «Русские мужики». СПб., 1909 (см. также: Л. Н. Толстой, т. 37, с. 273; т. 15, с. 356—360).

В. И. Ленин обращался к высказываниям Л. Толстого и при подготовке к «Докладу о революции 1905 года» перед цюрихской молодежью в 1919 году, в годовщину 9 января. В списке литературы, которой он пользовался, упомянута брошюра: Л. Толстой. О значении русской революции. М., 1907 (см.: Ленинский сборник XXXVIII, с. 184).

[32] *Суварин* (Souvarine) Борис — французский социалист, журналист. В годы мировой империалистической войны — центрист, сторонник Троцкого. В 1921 году вошел в Коммунистическую партию Франции, из которой был исключен в 1924 году за троцкистскую деятельность.

ИЗ СТАТЕЙ, ВЫСТУПЛЕНИЙ И ПИСЕМ ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА

[1] Статья «*Попятное направление в русской социал-демократии*», написанная Лениным в сибирской ссылке в 1899 году, направлена против народившегося на русской почве бернштейнианства — «экономизма». Ленин в этой статье противопоставил несознательному рабочему — орудию в руках либералов — тип передового рабочего, поднявшегося до понимания задач своего класса, сознательного участника борьбы за конечную победу социализма. Ярким представителем этого типа Ленин считал И. В. Бабушкина, памяти которого посвятил отдельную статью (см. наст. сборник, с. 264—265).

[2] Статья «*Памяти графа Гейдена*» — напечатана в большевистском сборнике «Голос жизни» (СПб., 1907), со следующим примечанием редакции: «Написанная еще в июне, непосредственно за появлением панегирик «Товарища», статья эта по «не зависящим» от автора обстоятельствам не была напечатана. Давая ей место в настоящем сборнике, редакция полагает, что хотя повод, вызвавший статью, утратил уже значение для данного момента, тем не менее содержание ее и теперь сохраняет всю свою ценность».

[3] «*Товарищ*» — ежедневная буржуазная газета, выходившая в Петербурге с марта 1906 по январь 1908 года; формально не являлась органом какой-либо партии, фактически была органом левых кадетов. Ближайшее участие в ней принимали С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова; в газете сотрудничали меньшевики.

[4] Выражение из ряда произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Господа ташкентцы», «Дневник провинциала в Петербурге», «Культурные люди» (см.: М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч. в 20-ти томах, т. 10, с. 216; т. 12, с. 295).

[5] *Мирнообновленство* — «партия мирного обновления» — буржуазно-помещичья, конституционно-монархическая организация; образовалась в 1906 году, объединив «левых октябристов» и «правых кадетов». По своей программе мирнообновленцы близко примыкали к октябристам.

[6] Ленин имеет в виду помещика Пеночкина из рассказа И. С. Тургенева «Бурмистр» («Записки охотника»).

[7] Более подробные суждения В. И. Ленина о богостроительстве см. в письмах к А. М. Горькому (наст. сборник, с. 358—362).

[8] «*Вехи*» — кадетский сборник; вышел в Москве весной 1909 года со статьями Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, П. Б. Струве, М. О. Гершензона, А. С. Изгоева, Б. А. Кистяковского и С. Л. Франка — представителей контрреволюционной либеральной буржуазии. Сборник приветствовали В. Ро-

запов («Новое Время», 1909, 27 апреля), А. Столыпин (т а м ж е, 23 апреля), архиепископ Антоний Волынский («Слово», 1909, 10 (23) мая). Ренегатская идеология «веховцев» впоследствии легла в основу писаний всякого рода «русистов» и «советологов». В октябре — ноябре 1909 года В. И. Ленин прочитал несколько рефератов, посвященных разоблачению идеологии контрреволюционного либерализма (план одного из них см.: П. с. с., т. 19, с. 427 и наст. сборник, с. 257). В ЦПА Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится экземпляр сборника «Вехи» с многочисленными пометками Ленина.

[9] Письмо Белинского к Гоголю (Зальцбрунн, 15 июля 1847 г.) написано в связи с опубликованием Н. В. Гоголем «Выбранных мест из переписки с друзьями». Письмо было напечатано впервые в 1855 году А. И. Герценом в «Полярной Звезде». Оценку письма см. также в статье В. И. Ленина «Из прошлого рабочей печати в России» (наст. сборник, с. 118).

[10] *«Четыреххвостка»* — сокращенное название демократической избирательной системы, включающей четыре требования: всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право.

[11] *Конституция 3 июня* — избирательный закон, изданный царским правительством одновременно с разгоном II Государственной думы; значительно увеличивал представительство помещиков и торгово-промышленной буржуазии и в несколько раз сокращал и без того небольшое число представителей крестьян и рабочих, лишал избирательных прав большую часть населения азиатской России, вдвое сокращал представительство населения Польши и Кавказа. Избранная на основании этого закона и собравшаяся в ноябре 1907 года III Дума по своему составу была черносотенно-кадетской.

[12] *«Обогащайтесь, господа, и вы станете избирателями»* — слова Ф. Гизо, бывшего главой правительства Франции с 1840 по 1848 год, в ответ на требование снижения избирательного ценза.

[13] *Булыгинская Дума* — совещательное «представительное учреждение», которое царское правительство обещало созвать в 1905 году. Проект закона был разработан комиссией под председательством министра внутренних дел Булыгина и опубликован 6(19) августа 1905 года. Избирательные права были даны только помещикам, капиталистам и небольшому числу крестьян-домохозяев. Большевики провели активный бойкот булыгинской Думы. Правительству не удалось созвать Думу, она была сметена Октябрьской всеобщей политической стачкой.

[14] Речь идет о поездке делегации членов Государственной думы, от умеренно правых до кадетов, в Англию. Участник делегации лидер партии кадетов П. Н. Милюков на завтраке у лорд-мэра Лондона 19 июня (2 июля) 1909 года заявил, что, «пока в России существует законодательная палата, контролирующая бюджет, русская оппозиция останется оппозицией его величества, а не его величеству». Выступление думских депутатов облегчило царю получение займов за границей.

[15] *«Впередовцы»* — члены антибольшевистской антипартийной группы «Вперед», объединившей отзовистов, ультиматистов, богостроителей и эмпириомонистов (сторонников реакционно-идеалистических взглядов Маха и Авенариуса); группа организовалась в декабре 1909 года по инициативе А. Богданова и Г. Алексинского после развала отзовистско-ультиматистского фракционного центра — школы на Капри; имела свой печатный орган «Вперед». В 1912 году «впередовцы» вместе с меньшевиками-ликвидаторами объединились против большевиков в общий антипартийный (Августовский) блок. Не пользуясь поддержкой рабочих, группа фактически распалась в 1913 году. Окончательный распад ее произошел после Февральской революции 1917 года.

[16] *«Пролетарий»* — нелегальная газета, основанная большевиками после IV (Объединительного) съезда РСДРП, фактически центральный орган большевиков; выходила с 1906 по 1909 год, сначала в Финляндии, затем, по постановлению Большевистского Центра, издание было перенесено за границу (Женева, Париж). Ленин был бессменным редактором «Пролетария»; в состав редакции входили в разное время И. Ф. Дубровинский, И. П. Гольденберг (Мешковский) и др. В газете широко освещались тактические и об-

щеполитические вопросы, жизнь местных партийных организаций. На пленуме ЦК РСДРП в январе 1910 года примиренцам удалось провести решение о закрытии «Пролетария».

[17] В. И. Ленин цитирует отрывок из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

[18] Ленин цитирует стихотворение Н. А. Некрасова «Неизвестному другу, приславшему мне стихотворение «Не может быть»».

[19] Ленин имеет в виду свою заметку «Маленькая справка» (см.: П. с. с., т. 22, с. 22—23), напечатанную в «Правде» 8 августа 1912 года. В этой заметке цитировалась речь кадета Н. А. Гредéскула в Либаве, в которой он доказывал, что революция 1905—1907 годов создала условия для «спокойной, настойчивой, уверенной конституционной работы», что никакой необходимости в новой революции в России нет.

«*Правда*» — ежедневная легальная большевистская газета. Выходила с 22 апреля (5 мая) 1912 года. Издание массовой ежедневной рабочей газеты было начато в Петербурге на основе решения Пражской конференции РСДРП в январе 1912 года. Газета издавалась на средства, собранные рабочими, в тираже до 40 тысяч экземпляров; тираж отдельных номеров достигал 60 тысяч экземпляров. Ленин осуществлял идейное руководство «Правдой», почти ежедневно писал для нее статьи, давал указания редакции. Членами редакции «Правды» и ее деятельными сотрудниками были в разное время А. И. Ульянова-Елизарова, К. С. Еремеев, М. И. Калинин, Н. К. Крупская, Л. Р. и В. Р. Менжинские, М. С. Ольминский, Н. И. Подвойский, М. А. Савельев, Я. М. Свердлов и др. В числе сотрудников «Правды» был А. М. Горький. Он помогал газете объединить вокруг редакции пролетарских писателей. Активно участвовал в «Правде» Демьян Бедный и печатались пролетарские поэты А. Самобытник-Маширов, А. Гмырев, Я. Бердников, А. Богданов, Д. Одинцов, И. Филипченко, М. Артамонов и мн. др.

«Правда» подвергалась постоянным полицейским преследованиям, закрывалась царским правительством восемь раз, но снова выходила под другими названиями. Всего вышло более 600 номеров; 8 (21) июля 1914 года газета была закрыта.

Издание «Правды» возобновилось 5(18) марта 1917 года, когда газета стала выходить как центральный орган партии. 5(18) апреля, по возвращении из-за границы, в состав редакции вошел Ленин и возглавил руководство «Правдой». В июле — октябре 1917 года «Правда», преследуемая Временным правительством, неоднократно меняла названия. С 27 октября (9 ноября) газета стала выходить под своим старым названием «Правда».

[20] «*Русский Вестник*» — политический и литературный журнал; выходил в 1856—1906 годах в Москве, затем в Петербурге. В 1856—1887 годах редактором и издателем его был М. Н. Катков. Вначале направление журнала было умеренно-либеральное, с 60-х годов XIX века журнал превратился в орган крепостнической реакции. На страницах «Русского Вестника» часто печатались так называемые «антинигилистические романы» («Взбаламученное море» А. Ф. Писемского, «На ножах» Н. С. Лескова, «Марево» В. П. Клюшникова, «Панургово стадо» В. В. Крестовского и др.).

[21] В. И. Ленин имеет в виду свои статьи главным образом в газете «Пролетарий», напечатанные в течение 1908 года (после перенесения издания газеты за границу), в которых разрабатывались упомянутые им вопросы: «О «природе» русской революции», «К оценке русской революции», «О некоторых чертах современного распада», «Об оценке текущего момента» и др. (см.: П. с. с., т. 17).

[22] *Союз русского народа* — крайне реакционная, черносотенная организация монархистов; образовалась в октябре 1905 года для борьбы с революционным движением. Союз объединял реакционных помещиков, крупных домовладельцев, чинов полиции, духовенство, городское мещанство, кулаков, деклассированные и уголовные элементы. Во главе Союза стояли — В. А. Бобринский, А. И. Дубровин, П. А. Крушеван, Н. Е. Марков 2-й, В. М. Пуришкевич и др. Печатными органами Союза были «Русское знамя», «Объединение», «Гроза». Главным методом борьбы против революции был

контрреволюционный террор — погромы и убийства, при попустительстве и содействии полиции.

После разгона II Государственной думы Союз распался на две организации: «Палату Михаила Архангела», во главе с Пуришкевичем, и Союз русского народа, во главе с Дубровиным. Обе организации ликвидированы во время Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года.

[23] Во II томе труда «*Среди книг*» выдающегося русского библиографа Н. А. Рубакина была напечатана статья В. И. Ленина «О большевизме» (см.: П. с. с., т. 22, с. 279—280).

[24] Речь идет о брошюре для работниц, которую намеревалась написать И. Арманд. Брошюра не была написана.

[25] *Кей Элен* — шведская буржуазная писательница, автор работ по вопросам женского движения и воспитания детей.

[26] Речь идет о попытке издавать отдельную от ЦО газету, предпринятой «божийской» группой (Н. И. Бухарин, Е. Ф. Розмирович, Н. В. Крыленко), названной по месту ее пребывания — местечку Божи (Швейцария).

[27] Речь идет о выписках, необходимых Ленину для работы над книгой «Развитие капитализма в России».

[28] Вероятно, указанная книга была послана Ленину с текстом химического письма.

[29] «*Нива*» — иллюстрированный еженедельный журнал, дававший в приложениях произведения классиков русской и мировой литературы; выходил с 1869 по 1918 год.

[30] «*Жизнь*» — ежемесячный журнал; издавался в Петербурге с 1897 по 1901 год; в 1902 году выходил за границей. С 1899 года журнал находился в руках «легальных марксистов». В январском номере «Жизни» за 1900 год была напечатана статья Ленина (Вл. Ильина) «Капитализм в сельском хозяйстве». В первых номерах «Жизни» за 1899 год были напечатаны произведения М. Горького («Кирилка», «О черте», «Еще о черте», начало «Фомы Гордеева»), В. Вересаева («Конец Андрея Ивановича»), К. Баранцевича («Записки»), Е. Чирикова («Чужестранцы») и др.

[31] Речь идет о книге В. И. Засулич (Н. Карелин) «Жан-Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей». Книга была издана П. Б. Струве. СПб., 1898.

[32] См. прим. 27 к разделу «О революционных демократах и народниках».

[33] «*Научное Обозрение*» — научный (с 1903 г.— общелитературный) журнал; Петербург, 1894—1904. В журнале были напечатаны три статьи В. И. Ленина по экономическим вопросам.

[34] В «Мире Божьем», № 1, 2 и 3 за 1902 год, была напечатана повесть В. Вересаева «На повороте».

«*Мир Божий*» — ежемесячный литературный и научно-популярный журнал либерального направления; Петербург, 1892—1906. С 1906 по 1918 год журнал выходил под названием «Современный Мир» (см. прим. 70 к разделу «Об А. М. Горьком»).

[35] «*Вестник Русской Революции*. Социально-политическое обозрение» — нелегальный журнал; издавался за границей (Париж — Женева) в 1901—1905 годах; вышло четыре номера. С № 2 — теоретический орган партии эсеров. Сотрудниками журнала были М. Р. Гоц (А. Левицкий), И. А. Рубанович, В. М. Чернов (Ю. Гарденин), Е. К. Брешко-Брешковская и др.

[36] В. И. Ленин упоминает стихотворение в прозе И. С. Тургенева «Житейское правило».

[37] Речь идет о борьбе на II съезде РСДРП между Лениным и его сторонниками и Мартовым по вопросу о формулировке параграфа первого Устава партии (о членстве в партии), подробно освещенной в подготовляемой В. И. Лениным к печати книге «Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии)».

[38] *Будущий Центральный Орган большевиков* — газета «Вперед». Из литературной группы, членов которой перечисляет В. И. Ленин, в состав

редакции газеты «Вперед», кроме Ленина, вошли В. В. Воровский (Шварц), А. В. Луначарский и М. С. Ольминский (Галерка).

[39] Речь идет о меньшевиках-новоискровцах, оправдывавших свою раскольническую, оппортунистическую тактику в «Искре» и ряде изданий. А. В. Луначарский назвал в письме к Ленину их писания «черносотенной литературой». *Л. М.*— Л. Мартов, *Старовер* — А. Н. Потресов. Отвечали новоискровцам В. И. Ленин, В. В. Воровский (Шварц).

[40] Плеханов обвинял Ленина и большевиков в бланкизме, выступая в меньшевистской газете «*Социал-Демократ*» (выходила в Женеве в 1904—1905 гг.). Брошюра «Рабочий класс и революция» написана не была; ее план см.: В. И. Ленин. П. с. с., т. 11, с. 410—411.

[41] В. И. Ленин, отвечая А. В. Луначарскому, поясняет свой замысел, изложенный в предшествующем письме: меньшевикам-новоискровцам дать литературно-критическую характеристику.

[42] «*Освобождение*» — двухнедельный журнал либерально-монархической буржуазии; издавался за границей в 1902—1905 годах под редакцией П. Б. Струве. «Освобожденцы» составили ядро партии кадетов, организовавшейся в октябре 1905 года.

[43] В. И. Ленин цитирует стихотворение Скитальца «Тихо стало кругом» (сборник товарищества «Знание», кн. 9. СПб., 1906).

[44] Имеется в виду стихотворение В. Я. Брюсова «Близким».

[45] Просьба Ленина «тряхнуть старину» и высмеять левокадетскую группу «Товарища» (Е. Кускова, В. Богучарский, С. Прокопович и др.), по-видимому, объяснялась тем, что в № 16 «Пролетария» в октябре 1907 года была напечатана баллада А. В. Луначарского «Два либерала», в которой удачно были высмеяны кадеты Е. Трубецкой и И. Петрункевич.

[46] Подразумевается клуб «Société de lecture» в Женеве; при клубе была библиотека, в которой Ленин работал.

[47] В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные произведения русской поэзии. СПб., 1908.

[48] Перефразировка двустишия Гете («Западно-восточный диван») заимствована Лениным из романа И. С. Тургенева «Новь». У Гете говорится о поэте:

Wer den Dichter will versteh'n,
Muss in Dichter's Lande geh'n.

[49] Письмо, к которому относился печатаемый постскриптум, не сохранилось. Обоснование даты — упоминание о пьесе Горького «Последние», которая вышла в 22-м сборнике «Знание» в 1908 году и одновременно отдельной книгой в издательстве И. П. Ладыжникова (Берлин).

[50] Ленин имеет в виду А. А. Богданова и его роман «Красная Звезда».

[51] Статья «Сожаление» и «стыд» написана по поводу думских прений 27 апреля 1911 года. Премьер-министр Столыпин доказывал правомерность применения 87-й статьи, на основании которой царь имел право издания законов в перерывах между думскими сессиями. Думские прения в связи с этим обнаружили лицемерие кадетов, упрекавших Столыпина в нарушении конституции, слова о которой служили только прикрытием произвола самодержавия.

[52] Связи Д. Бедного с большевистской прессой установились с 1911 года, со времени его работы в газете «Звезда». Вспоминая об этом позднее, М. С. Ольминский писал: «Демьян Бедный не был новичком в печати. Его стихотворения за подписью «Е. Придворов» появлялись в народнических и кадетских изданиях. Он не был марксистом, но внутренне тяготел к наиболее левым течениям. И когда стала выходить «Звезда» чисто большевистского характера, он почувствовал к ней особую симпатию; сначала стали получаться по почте его стихи, а затем явился и сам автор. Вскоре он стал посещать ночную редакцию (в типографии) чуть ли не ежедневно. Здесь в дружеских беседах среди ночной газетной сутолоки проявилась в Е. Придворове потребность в боевых литературных выступлениях и родился на свет баснo-

писец Демьян Бедный. Его очень быстро стал высоко ценить Н. Ленин, тогда как многие другие товарищи долго еще косились на пришельца» (М. О л ь м и н с к и й. Из эпохи «Звезды» и «Правды». 1911—1914 гг. М.—Л., 1929, с. 28).

15 (28) ноября 1912 года Д. Бедный послал В. И. Ленину следующее письмо: «Демьян Бедный шлет сердечный привет. Хочу непосредственно списаться с Вами. Жду ответа с указанием этого или иного надежного адреса. Адресуйте: С.-Петербург, Надеждинская, 33, кв. 5. Редакция журнала «Современный Мир», Демьяну Бедному.—Но вместе с тем прошу подтверждения через редакцию «Правды», что, действительно, Вы получили сие письмо и Вы ответили на него. Пишу Вам первый раз и потому осторожен. Буду рад, если Вы на это письмо ответите более непринужденно, чем поневоле — пишу Вам я. Примите уверение в величайшем уважении. Д. Бедный» (см.: В. И. Л е н и н. П. с. с., т. 48, с. 378).

[53] Д. Бедный уходил из «Правды» из-за трений внутри редакции, возникших, как выяснилось позже, по вине провокатора Черномазова, бывшего некоторое время секретарем редакции.

[54] Имеется в виду арест редактора «Правды» Н. Н. Батурина в ноябре 1912 года.

[55] «*Киевская Мысль*» — ежедневная газета буржуазно-демократического направления; выходила с 1906 по 1918 год. До 1915 года выходила с еженедельными иллюстрированными приложениями; с 1917 года — утром и вечером. О Луначарском см. прим. 134 к разделу «Об А. М. Горьком».

[56] «*К вопросу о политике министерства народного просвещения*» — проект речи, написанной В. И. Лениным для депутата IV Государственной думы, большевика А. Е. Бадаева. А. Е. Бадаев выступал в бюджетной комиссии 4 (17) июня 1912 года при обсуждении сметы расходов на 1913 год министерства народного просвещения. Он почти дословно огласил ленинский проект, но за выражение: «Не заслуживает ли это правительство, чтобы народ его выгнал?» — был лишен слова.

[57] После этого письма В. И. Ленина редакция «Правды» освободилась от двух ненадежных работников, враждебно настроенных по отношению к Д. Бедному. Оба они в меньшевистском «Луче» опубликовали письмо о своем отказе сотрудничать в «Правде» (см.: В. К о ж е в н и к о в и А р т е м М—ч. Письмо в редакцию.— «Луч», 1913, 21 июня, № 140). Защищая Д. Бедного, В. И. Ленин вместе с тем критиковал его за промахи.

[58] Ленин имеет в виду статью М. С. Ольминского (А. Витимского) «Кто с кем?», опубликованную в «Правде» № 106 от 10 мая 1913 года. Статья была посвящена полемике с ликвидаторской газетой «Луч» по поводу совещания редакторов буржуазных изданий с представителями рабочей печати. Совещание было созвано с целью организации протеста против ухудшения законов о печати. Представители «Правды» предложили проект резолюции, не допущенный председателем к голосованию. Вместе с представителями ряда профсоюзных органов правдисты отказались подписать резолюцию редакторов либеральных изданий. Представители «Луча», «Нашей Зари» подписали эту резолюцию вместе с редакторами кадетских и околокадетских газет («Речь», «Русская Молва», «День» и др.).

[59] Статья А. А. Богданова «Идеологпя» (из серии «Из словаря иностранных слов») по настоянию В. И. Ленина не была напечатана в «Правде», как антимарксистская. По поводу последовавшего заявления Богданова о разрыве с «Правдой» Ленин написал «Письмо в редакцию», которое было опубликовано в газете «Путь правды», № 9, 31 января 1914 года (см.: П. с. с., т. 24, с. 307—308).

[60] В. И. Ленин и Н. К. Крупская были на вечере, посвященном столетнему юбилею со дня рождения Т. Г. Шевченко, устроенном украинской общественностью в Кракове (в то время — австрийская Галиция). В России чествование Шевченко было запрещено (см. наст. сборник, с. 209).

[61] Ленин пишет о брошюре украинского писателя буржуазного националиста В. К. Винниченко «О морали господствующих и морали угнетенных (Открытое письмо к моим читателям и критикам)». Перевод с украинского,

изд. «Нашего Голоса» — органа украинской социал-демократии России и Австрии. Львов, 1911 год.

[62] Речь идет о романе В. К. Винниченко «Заветы отцов», напечатанном в кн. «Земля». Сборник XIV. М., 1914.

ОБ А. М. ГОРЬКОМ

[1] Демонстрация 6(18) декабря 1876 года на Казанской площади в Петербурге была организована рабочими и студентами в знак протеста против произвола самодержавия. Г. В. Плеханов, принимавший участие в демонстрации, произнес революционную речь. Демонстрация была разогнана полицией; многие участники ее были арестованы и приговорены к ссылке или к каторжным работам (см.: Г. В. Плеханов. Русский рабочий в революционном движении.— Соч., т. III. М., 1928, с. 121—125).

[2] Ленин имеет в виду иносказательное рассуждение Н. А. Добролюбова в статье «Когда же придет настоящий день?», посвященной роману И. С. Тургенева «Накануне».

[3] Том V «Рассказов» М. Горького («Знание», 1901) содержал первую полную публикацию повести «Трое» и «Песню о Буревестнике».

«*Знание*» — книгоиздательство, основанное в 1898 году в Петербурге группой литераторов; с начала 900-х годов в «Знании» принимал близкое участие и фактически руководил им А. М. Горький.

[4] В марте 1902 года в издательстве «Знание» вышел первый том «Рассказов и песен» Скитальца (С. Г. Петрова), отредактированный А. М. Горьким. Книга имела большой успех у демократического читателя.

[5] А. М. Горький оказывал материальную поддержку ленинской «Искре», в 1905 году — газетам «Вперед», «Пролетарий», а позднее и другим большевистским изданиям, помогал находить средства у лиц, сочувствовавших большевикам (Савва Морозов и др.) (см.: Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы», изд. 3-е. М., «Наука», 1969, с. 468—473. Далее по этому изданию).

«*Наташа*» (В. Гурвич-Кожевникова) — представитель «Искры» в Москве, при ее посредстве велись сношения с Горьким.

[6] *Миноносец Легкомысленный* — А. В. Луначарский. *Борода* — В. А. Десницкий (его воспоминания «В. И. Ленин и А. М. Горький» см. в его кн.: «А. М. Горький». М., Гослитиздат, 1959).

[7] Речь идет о финансовой поддержке, которую А. М. Горький («Буква») оказывал большевикам с конца 1902 года.

[8] Первый номер большевистской газеты «Вперед» вышел 22 декабря 1904 года (4 января 1905 г.).

[9] *Сысойка* — А. А. Богданов.

[10] Горький впоследствии вспоминал: «Я вообще чувствовал себя не на своем месте в этой депутации». На заявление председателя комитета министров гр. Витте: «Мнение правящих сфер непримиримо расходится с вашим...» — Горький ответил: «Вот мы и предлагаем вам довести до сведения сфер, что если завтра прольется кровь — они дорого заплатят за это» («Савва Морозов».— «Октябрь», 1941, № 6, с. 12).

Об аресте А. М. Горького Ленин узнал из письма М. М. Литвинова, который сообщал ему: «В одном со мной вагоне жандармы тащат в Питер, если не ошибаюсь, Горького. Он только вчера утром вернулся из Питера. Началось!» (см.: Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», с. 473).

[11] Ленин цитирует «Песню о Буревестнике» М. Горького.

[12] Ленин и Мешковский (И. П. Гольденберг) были делегатами VII Международного социалистического конгресса в Штутгарте (18—24 августа 1907 г.). Письмо написано, по-видимому, в Берлине. М. Горький на Штутгартском конгрессе не присутствовал.

[13] *М. Ф. Андреева* — член большевистской партии с 1904 года, артистка Московского Художественного театра, жена А. М. Горького.

[14] Издание нелегальной газеты «*Пролетарий*» было перенесено в конце 1907 года из Финляндии в Женеву по решению Большевистского Центра.

[15] В октябре — декабре 1907 года А. М. Горький путешествовал по Италии (Флоренция, Рим).

[16] Речь идет о первом томе трехтомного собрания сочинений В. И. Ленина, издание которого было начато в 1907 году под общим названием «За 12 лет». Из предполагавшихся к изданию трех томов удалось выпустить только первый том и первую часть второго. Цензурные условия в годы реакции помешали выходу в свет всего издания.

[17] Пересылка в Россию «Пролетария» через А. М. Горького и М. Ф. Андрееву была налажена в первые месяцы 1908 года, но с перебоями из-за преследований полиции. В начале мая 1908 года А. М. Горький в письме редактору газеты «Avanti!», депутату-социалисту Мормари, сообщал о том, что на две посылки с газетой «Пролетарий» в Геную был наложен секвестр, и просил разъяснить это «странное недоразумение».

Письмо А. М. Горького было напечатано в «Avanti!» 5(18) мая, а 25 мая в той же газете было помещено сообщение, что секвестр с «Пролетария» снят (письмо см.: М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 29. М., Гослитиздат, 1955, с. 67. Далее по этому изданию).

[18] Н. А. Семашко был арестован в Женеве в конце января 1908 года. Заявление Ленина было напечатано в газете «Berner Tagwacht» («Бернский Часовой») № 29 от 5 февраля 1908 года.

[19] Речь идет об И. Ф. Дубровинском (партийная кличка — «Иннокентий») — третьем редакторе «Пролетария».

[20] «*Заметки о мещанстве*» А. М. Горького были напечатаны в легальной большевистской газете «Новая Жизнь» в октябре — ноябре 1905 года.

[21] В начале 1908 года А. М. Горький заканчивал повесть «Исповедь» (напечатана в 23-м сборнике «Знания», 1908); Ленин с содержанием повести знаком еще не был, как это явствует и из письма Горькому в первой половине апреля 1908 года («Давно, писали Вы, кончили большую работу...» — см. наст. сборник, с. 317).

[22] Речь идет о предполагавшемся выступлении А. М. Горького в печати в связи с арестом в Женеве Н. А. Семашко.

[23] Статья «О цинизме» написана Горьким для французского журнала «Les Documents du progrès». Напечатана сначала в сб. «Литературный распад», изд. «Зерно», П., 1908 (вышел в свет в январе), затем в мартовской книжке указанного французского журнала. В статье имелись неверные положения богостроительского характера.

[24] Письмо А. М. Горького Генриху Сенкевичу от 30 января 1908 года было ответом на анкету, проводившуюся Сенкевичем, об отношении к захвату прусским правительством имений познанских помещиков.

Письмо А. М. Горького является обличительным документом, направленным против защиты Г. Сенкевичем крупной собственности познанских помещиков. А. М. Горький писал Г. Сенкевичу о том, что, ценя его талант художника, он протестует против апелляции Г. Сенкевича к Вильгельму II Гогенцоллерну, подкрепленной такими аргументами, как «мирное» поведение поляков, «не возжигающих огня революции», аккуратно платящих подати и поставляющих солдат в прусскую армию. «Эти слова позволяют мне сомневаться в силе любви Вашей к польскому народу»,— писал А. М. Горький в заключение (Архив А. М. Горького).

252 ответа на анкету Г. Сенкевич издал в виде отдельной книги в Париже, не включив в нее ответ А. М. Горького.

[25] Издание большевистских сборников осуществлялось после третьеиюньского переворота, когда прекратилось издание легальных газет и журналов вследствие преследований цензуры. В 1907 и начале 1908 года вышли сборники «Голос Жизни», «Зарницы», «Календарь для всех на 1908 год», «Темы дня», «Текущая жизнь» и «О веяниях времени».

[26] Имеется в виду отказ Э. Ферри—в то время руководителя центристского большинства Итальянской социалистической партии — от редактирования центрального органа партии «Avanti!». Статья А. В. Луначарского

«Кризис в Итальянской рабочей партии» была напечатана в «Пролетарии», № 23, 11 марта (27 февраля) 1908 года.

[27] Речь идет о приезде на о. Капри (по инициативе А. М. Горького) В. И. Ленина, А. А. Богданова, В. А. Базарова и И. И. Скворцова-Степанова для обсуждения вопросов издательской деятельности, а также теоретических вопросов. «Съезд» состоялся в апреле 1908 года (И. И. Скворцов-Степанов на нем не присутствовал; для встречи с В. И. Лениным он на несколько дней приезжал в Женеву); в «съезде» участвовал живший на о. Капри А. В. Луначарский.

[28] «*Голос Социал-Демократа*» — газета, заграничный орган меньшевиков; выходила с февраля 1908 по декабрь 1911 года сначала в Женеве, затем в Париже. В связи с тем, что «Голос Социал-Демократа» открыто встал на защиту ликвидаторов, Г. В. Плеханов в мае 1909 года вышел из его редакции; с этого момента газета окончательно определилась как идейный центр ликвидаторов.

[29] Ленин имеет в виду группу эмпириокритиков и эмпириомонистов — сторонников реакционной, идеалистической философии Маха и Авенариуса: А. Богданова, В. Базарова и А. Луначарского.

[30] «*Die Neue Zeit*» («Новое Время») — теоретический журнал германской социал-демократии; выходил в Штутгарте с 1883 по 1923 год. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, журнал систематически помещал статьи ревизионистов.

[31] Ленин пишет о статье «Разрушение личности», первый вариант которой в виде ряда «Заметок» Горький предполагал поместить в «Пролетарии» (см. письмо Горького И. П. Ладыжникову не позднее 10 (23) февраля 1908 г.— М. Горький, т. 29, с. 53). Статья «Разрушение личности» впервые была напечатана в сборнике «Очерки философии коллективизма» (изд. «Знание». СПб., 1909).

[32] См. прим. 10 к разделу «Общие вопросы».

[33] Речь идет о книге В. И. Ленина «*Шаг вперед, два шага назад* (Кризис в нашей партии)», вышедшей в Женеве в мае 1904 года.

[34] Имеется в виду книга А. Богданова «*Эмпириомонизм*», вып. 1. М., 1904.

[35] Сборник статей А. Луначарского, В. Базарова, А. Богданова, П. Маслова, А. Финна, В. Шулятикова, В. Фриче и других «*Очерки реалистического мировоззрения*» вышел в Петербурге в 1904 году. Статьи Плеханова и Ленина в сборнике не появились.

[36] «*Тетрадки*» — «Заметки рядового марксиста о философии» — работа, написанная Лениным в 1906 году по поводу книги А. Богданова «Эмпириомонизм» (вып. III), до настоящего времени не разыскана.

[37] Ленин в это время начал писать книгу «Материализм и эмпириокритицизм».

[38] «*Заявление редакции «Пролетария»* — см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 421.

[39] Речь идет о дате заседания Международного социалистического бюро (исполнительный орган II Интернационала), в котором В. И. Ленин представлял РСДРП.

[40] Речь идет о журнале, который предполагал издавать А. М. Горький; издание журнала не осуществилось.

[41] Имеется в виду книга «*Материализм и эмпириокритицизм*».

[42] В 1927 году на запрос, была ли им написана статья о Толстом, М. Горький сообщил: «Для «Пролетария» о Толстом я писал... Как была озаглавлена рукопись... не помню. Возможно: «Большой человек»...» В рукописи «речь шла о человеке, который вырос таким большим, что уже не видит и не слышит людей, а разговаривает только сам с собой и со своей тенью» (письмо А. М. Горького С. М. Брейтбургу 7 ноября 1927 г.— М. Горький, т. 30, с. 44). Рукопись не найдена.

[43] *БЦ* — Большевистский Центр, избранный большевистской фракцией V (Лондонского) съезда РСДРП в 1907 году.

[44] Ленин имеет в виду свою статью «*Марксизм и ревизионизм*», напечатанную в сборнике «Карл Маркс (1818—1883)», в которой он впервые в печати заявил о том, что в ближайшем будущем в ряде статей или в отдельной книге выступит против «неоюмистских» и «необернлианских» ревизионистов — А. А. Богданова, В. А. Базарова и др. (см.: В. И. Ленин. П. с. с., т. 17, с. 15—26).

[45] В. И. Ленин упоминает, возможно, о несохранившемся письме А. В. Луначарскому, написанном 12 февраля 1908 года (см. наст. сборник, с. 309).

[46] В двадцатых числах апреля 1908 года В. И. Ленин сдил к А. М. Горькому на о. Капри, где пробыл несколько дней. Ленин писал об этом съезде позднее: «Я был на о. Капри в апреле 1908 г. и объявил всем этим 3-м товарищам (имеются в виду А. А. Богданов, В. А. Базаров и А. В. Луначарский.— *Ред.*) о безусловном расхождении с ними по философии (причем, я предложил им тогда употребить общие средства и силы на *большевистскую историю революции*, в противовес меньшевистски-ликвидаторской истории революции, но каприйцы отвергли мое предложение, пожелав заняться не общебольшевистским делом, а пропагандой своих особых философских взглядов)» (П. с. с., т. 47, с. 198).

[47] «*Библиотека русского пролетария*», собранная примкнувшим в 1905 году к большевикам социал-демократом Г. А. Куклиным, а также книжный склад и типография были переданы им ЦК РСДРП в полную собственность в июле 1905 года, о чем он сообщал в «Заявлении», напечатанном в «Пролетарии» № 7 от 10 июля (27 июня) 1905 года. Заведовал библиотекой В. А. Карпинский.

А. М. Горький откликнулся на просьбу В. И. Ленина, направив в редакции российских журналов и газет письмо о сборе материалов по истории революции 1905—1907 годов, комплектов всевозможных газет и т. п. Письмо Горького было напечатано в ряде журналов и газет в сентябре 1908 года (см.: Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», с. 538).

[48] *Зиновий Ал.*— Пешков З. А. (Свердлов З. М.), воспитанник А. М. Горького, брат Свердловых, с 1904 г. эмигрант, в 1914 г. доброволец во французской армии, затем французский подданный; *Виктор* — Таратута В. К., большевик, видный участник революции 1905—1907 годов в Москве; *Наталья Богдановна* — жена А. А. Богданова.

[49] Рукопись книги «*Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии*» предназначалась для легального издания и была послана Лениным в Россию на имя близкого знакомого семьи Ульяновых по Подольску В. А. Левицкого. Об издании ее Ленин вел переговоры с издательством «Знание», во главе которого стояли А. М. Горький и К. П. Пятницкий (директор-распорядитель). В ноябре 1908 года А. М. Горький писал К. П. Пятницкому, который сообщил ему телеграммой предложение А. И. Елизаровой об издании книги «Материализм и эмпириокритицизм», поддержанное И. И. Скворцовым-Степановым, В. Д. Бонч-Бруевичем и В. А. Базаровым:

«...Относительно издания книги Ленина: я против этого, потому что знаю автора. Это великая умница, чудесный человек, но он боец, и рыцарский поступок его насмешит. Издай «Знание» эту его книгу, он скажет: дурачки,— и дурачками этими будут Богданов, я, Базаров, Луначарский. ...Спор, разгоревшийся между Лениным — Плехановым, с одной стороны, Богдановым — Базаровым и К°, с другой — очень важен и глубок. Двое первых, расходясь в вопросах тактики, оба веруют и проповедуют исторический фатализм, противная сторона — исповедует философию активности. Для меня — ясно, на чьей стороне больше правды...» (см.: Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», с. 48). Издательство «Знание» книгу не приняло. Издательство товарищества братьев Гранат также отказалось от издания, мотивируя тем, что его аппарат не приспособлен к распространению недорогих книг. При содействии И. И. Скворцова-Степанова за издание книги взялось издательство Л. Крумбюгеля «Звено» (Москва). Книга вышла в свет между 29 апреля и 4 мая (12 и 17 мая) 1909 года.

[50] *Общий знакомый* — В. Д. Бонч-Бруевич.

[51] Подразумевается К. П. Пятницкий.

[52] *Михаил* — Н. Е. Вилонов (1883—1910), рабочий-большевик, профессиональный революционер. О Вилонове см. очерк Горького «Михаил Вилонов» (М. Горький, т. 17, с. 82—91).

[53] Речь идет о школе, созданной А. А. Богдановым, Г. А. Алексинским и А. В. Луначарским на острове Капри (Италия) в 1909 году при участии А. М. Горького. Ленин отказался от чтения лекций в каприйской школе, так как она являлась фракционным центром отзовистов, ультиматистов и богостроителей. В письме ученикам каприйской школы Ленин мотивировал свой отказ нежеланием участвовать в антипартийном предприятии (см.: П. с. с., т. 47, с. 194—202). Школа существовала около четырех месяцев. В ноябре 1909 года часть учеников во главе с Н. Е. Вилоновым решительно отмежевалась от богдановцев. Они послали в редакцию «Пролетария» протест против антипартийного поведения лекторов, за что были исключены из школы. По приглашению Ленина они приехали в Париж, где прослушали цикл лекций, в том числе лекции Ленина. Оставшаяся на Капри часть слушателей вместе с лекторами образовала в декабре 1909 года антипартийную группу «Вперед». Совещание расширенной редакции «Пролетария» (июнь 1909 г.) осудило каприйскую школу как «новый центр откалывающейся от большевиков фракции».

[54] «*Утро России*» — ежедневная газета; выходила в Москве с 1907 по 1918 год. Газета издавалась П. П. Рябушинским (1871—1924), являлась органом крупных промышленников и банкиров. В № 34—1 «Утра России» от 15 ноября 1909 года была помещена клеветническая заметка «Исключение М. Горького из партии социал-демократов». 20 ноября в газете, под общим заголовком «Отлучение Максима Горького», было напечатано «Интервью» Л. А. Сулержицкого «К отлучению М. Горького», по поводу которого Горький писал Сулержицкому 26 ноября (9 декабря) 1909 года: «...из партии меня, разумеется, не исключали, и весь этот шум — чепуха. А возможно, что и провокация, что пущен пробный шар, за коим имеют последовать уже более боевые против меня шаги... Кстати: Антон Пав[лович Чехов] ничего *не мог* знать о моем вступлении в партию, это случилось год спустя после его смерти» (см.: М. Горький, т. 29, с. 99—100).

[55] «*L'Eclair*» («Молния») — буржуазная газета, выходившая в Париже с 1888 по 1939 год.

«*Berliner Tageblatt*» («Берлинский Ежедневный Листок») — буржуазная газета, издавалась с 1871 по 1939 год.

«*Vorwärts*» («Вперед») — газета, центральный орган германской социал-демократии; начала выходить с 1876 года под редакцией В. Либкнехта и других. Со второй половины 90-х годов, после смерти Энгельса, в «Vorwärts» систематически печатались статьи оппортунистов.

[56] Статья Ленина «*Басня буржуазной печати об исключении Горького*» была напечатана 28 ноября (11 декабря) 1909 года в № 50 газеты «Пролетарий». 26 ноября (9 декабря) 1909 года в № 42—9 «Утра России» было напечатано следующее письмо редакции газеты «Пролетарий»:

«М. Г.!

В вашей газете от 17 ноября напечатаны две статьи об исключении М. Горького и еще нескольких лиц из РСДРП.

Убедительно просим вас напечатать в ближайшем номере вашей газеты, что *все сказанное там об исключении М. Горького и других лиц из с.-д. партии не соответствует действительности.*

Ваша газета, видимо, стала жертвой какой-то мистификации.

Редакция «Пролетария».

P. S. Просим другие газеты, напечатавшие сведения о мнимом исключении М. Горького, перепечатать настоящее письмо».

[57] Речь идет о большевистской газете «Пролетарий».

[58] Всероссийская (Декабрьская) конференция РСДРП (Пятая общероссийская) состоялась в Париже 21—27 декабря 1908 года (3—9 января

1909 г.). На конференции большевики вели борьбу на два фронта против ликвидаторства и отзовизма.

[59] См. наст. сборник, с. 324—326: «*Заметки публициста*. I. О «платформе» сторонников и защитников отзовизма».

«*Дискуссионный Листок*» — приложение к газете «Социал-Демократ». Издавался по решению январского пленума ЦК РСДРП 1910 года. Выходил в 1910—1911 годах, вышло три номера.

ЦО — «Социал-Демократ».— См. прим. 8 к разделу «О Л. Н. Толстом».

[60] *Пленум ЦК РСДРП* («Объединительный») состоялся 2—23 января (15 января — 5 февраля) 1910 года в Париже (о нем подробнее см.: В. И. Ленин. П. с. с., т. 19, с. 252—304).

[61] Речь идет об «*Открытом письме*» группы видных меньшевиков, предлагавших ликвидировать партию.

[62] Ленин ехал на о. Капри к Горькому. На основании письма В.И.Ленина к Д. М. Котляренко от 19 июля (1 августа) 1910 года (П. с. с., т. 47, с. 258—259) и дневниковых записей К. П. Пятницкого даты пребывания Ленина у Горького уточнены: 18—30 июня старого стиля (1—13 июля нового стиля) 1910 года. 18 июня (1 июля) К. П. Пятницкий записал: «К обеду приезжает Ленин... Возвращаюсь к чаю. Разговор между Лениным и Алексеем Максимовичем... Вернулся в 3 часа ночи: еще спорят» («Летопись жизни и творчества А. М. Горького», вып. 2, 1958, с. 135).

[63] «*Рабочая Газета*» — популярный орган большевиков; издавался в Париже в 1910—1912 годах. В газете принимали участие меньшевики-партийцы (плехановцы). Пражская конференция РСДРП (январь 1912 г.) объявила «Рабочую Газету» официальным органом ЦК РСДРП. А. М. Горький оказывал материальную поддержку «Рабочей Газете».

[64] Во время Международного социалистического конгресса в Копенгагене (28 августа — 3 сентября н. ст. 1910 г.) В. И. Ленин совместно с Г. В. Плехановым и представителем польской социал-демократии А. Варским подал протест в Правление Германской социал-демократической партии против опубликования в их центральном органе — газете «Vorwärts» — анонимной клеветнической статьи о положении дел в российской социал-демократии, автором которой был Троцкий. (см.: П. с. с., т. 19, с. 356). Текст протеста см.: В. И. Ленин. П. с. с., т. 47, с. 296—298. Ниже упомянутая статья Троцкого в журнале «Die Neue Zeit», либерально-меньшевистская по содержанию, раскритикована Лениным в статье «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России» (В. И. Ленин. П. с. с., т. 19, с. 358—376).

[65] Ленин имеет в виду статью А. В. Луначарского «Тактические течения в Российской социал-демократической партии», напечатанную в газете «Le Peuple» 23 августа 1910 года.

«*Le Peuple*» («Народ») — ежедневная газета, центральный орган Бельгийской рабочей партии; выходит с 1885 года в Брюсселе; в настоящее время — орган Бельгийской социалистической партии.

[66] В. И. Ленин имеет в виду большевистский журнал «Мысль» (см. прим. 67 к разделу «О революционных демократах и народниках»).

[67] Речь идет о предполагавшемся издании газеты «Звезда», при участии социал-демократической фракции III Государственной думы.

«*Звезда*» — большевистская легальная газета; выходила в Петербурге с декабря 1910 по апрель (май) 1912 года — сначала еженедельно, затем два и три раза в неделю. До осени 1911 года в «Звезде» принимали участие меньшевики-партийцы (плехановцы). Идейное руководство газетой осуществлял из-за границы Ленин. «Звезда» подготовила издание ежедневной большевистской газеты «Правда»; была закрыта правительством в день выхода «Правды». В «Звезде» печатались поэты-рабочие Д. Одинцов, А. Богданов, Я. Бердников, С. Ганьшин, Ф. Шкулев. Активным сотрудником «Звезды» стал с начала 1912 года Е. А. Придворов (Демьян Бедный), стихи и басни которого способствовали популярности газеты среди рабочих.

[68] *Триа* — партийная кличка меньшевика Власа Мгеладзе.

[69] «*Современник*» — ежемесячный литературно-политический журнал; выходил в Петербурге в 1911—1915 годах. Вокруг журнала группировались

меньшевики-ликвидаторы, эсеры, народные социалисты и левые либералы. В 1913—1915 годах во главе «Современника» стоял Н. Суханов (Н. Н. Гиммер). В 1914 году Ленин характеризовал направление «Современника» как «помесь народничества с марксизмом». Журнал не имел никаких связей с рабочими массами.

В письме к И. А. Бунину (после 19 ноября (2 декабря) 1910 г.) А. М Горький писал: ««Современник» — едва ли серьезное дело, мое «постоянное» сотрудничество в нем, конечно, выдумка. Неприятная для меня, правду говоря» («Летопись жизни и творчества А. М. Горького», вып. 2, 1958, с. 167). Под влиянием письма В. И. Ленина, в письмах к А. В. Амфитеатрову Горький неоднократно и настойчиво просил не давать «погребальных» объявлений и снять слова о «постоянном сотрудничестве». В августе 1911 года Горький порвал с «Современником», но в 1912 году, после того как Амфитеатров отказался от редактирования журнала, Горький вновь начал в нем сотрудничать. В силу неопределенности политического направления и отсутствия цельной эстетической программы журнал не имел серьезной литературной репутации, хотя в нем и выступали иногда отдельные крупные писатели: М. Горький, М. Коцюбинский, Шолом-Алейхем и др.

[70] *«Современный Мир»* — ежемесячный литературный, научный и политический журнал; выходил в Петербурге с 1906 по 1918 год. Ближайшее участие в журнале принимали меньшевики, в том числе Г. В. Плеханов. В период блока с плехановской группой меньшевиков-партийцев в журнале сотрудничали большевики. Во время первой мировой войны —орган социал-шовинистов. В «Современном Мире» сотрудничали такие известные писатели, как И. А. Бунин, А. И. Куприн, И. С. Шмелев, С. И. Гусев-Оренбургский, Е. Н. Чириков, Б. К. Зайцев, Скиталец, Демьян Бедный и др. Журнал сыграл важную роль в судьбе будущих советских писателей: А. С. Серафимовича, А. П. Чапыгина, А. С. Грина, В. Г. Лидина, А. С. Неверова, А. Г. Малышкина, С. Н. Сергеева-Ценского и др.

[71] *Г. А. Лопатин* (1845—1918) — один из деятелей «Народной Воли», шлиссельбуржец; *К. Р. Качоровский* — народник, автор книги «Русская община» и других работ по аграрному вопросу.

[72] *«Красное Знамя»* —буржуазный политический и литературный журнал, основанный А. В. Амфитеатровым; выходил в Париже в 1906 году. В журнале сотрудничали М. Горький, К. Бальмонт, А. Куприн, М. Рейснер и др.

[73] Ленин имеет в виду статью Г. В. Плеханова «Карл Маркс и Лев Толстой» («Социал-Демократ», 1911, № 19—20, 13 (26) января; см. также: Г. В. П л е х а н о в. Избр. филос. произв., т. V. М., 1958).

[74] Отзыв Ленина относится к статье Г. В. Плеханова ««Отсюда и досюда» (Заметки публициста)» (см.: Г. В. П л е х а н о в. Избр. филос. произв., т. V. М., 1958). В этой статье Г. В. Плеханов выступил с критикой религиозных рассуждений Л. Н. Толстого. К статье было сделано примечание: «Редакция предполагает посвятить несколько статей вопросу об общественном значении деятельности Толстого, которая, несомненно, требует разностороннего освещения». Кроме упомянутой статьи, в № 2 (январском) «Мысли» была напечатана статья Г. В. Плеханова «Смешение представлений (Учение Л. Н. Толстого)». В ЦПА ИМЛ хранится экземпляр номера с подчеркиваниями Ленина (см.: Ленинский сборник XXV, с. 204 — 205).

[75] Полковник *Ляхов* командовал отрядом, душившим национально-освободительное движение в Персии (Иране).

[76] *«Социалистический Ежемесячник»* («Sozialistische Monatshefte») — журнал, один из органов международного ревизионизма; выходил в Берлине с 1897 по 1933 год. Во время первой мировой войны занимал социал-шовинистскую позицию.

[77] По-видимому, Ленин писал Горькому об издании книги *«Аграрный вопрос в России к концу XIX века»*, написанной им в 1908 году для энциклопедического словаря, издаваемого товариществом братьев Гранат. По цензурным условиям работа в то время не была опубликована. Впервые она была издана отдельной брошюрой в 1918 году книгоиздательством «Жизнь и знание».

[78] *Школа в Болонье* (Италия) — вторая антипартийная школа группы «Вперед» (ноябрь 1910 — март 1911 г.) — фракционный центр отзовистов-ультиматистов. Ленин приглашал слушателей приехать в Париж, намереваясь прочесть им ряд лекций по вопросу о тактике партии, внутрипартийному положению и аграрному вопросу. Занятия в Париже не состоялись.

[79] См. прим. 77.

[80] Речь идет о закрытии царским правительством журнала «Мысль».

[81] Речь идет о русском переводе брошюры К. Каутского «*Тактические направления в германской социал-демократии*», Берлин, 1911; начало перевода было напечатано в № 5 «Мысли» за апрель 1911 года.

[82] Статьи К. Каутского, напечатанные в «Die Neue Zeit» — «Мальтузианство и социализм» и «Вопросы земли»,— были написаны в ответ на статьи П. П. Маслова против книги К. Каутского «Размножение и развитие в природе и обществе», вышедшей в 1910 году.

[83] Ю. М. Стеклов. Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность (1828—1889). СПб., тип. т-ва «Общественная польза», 1909. Замечания В. И. Ленина на полях книги Ю. М. Стеклова — см.: П. с. с., т. 29, с. 572—620, важнейшие из них см. наст. сборник, с. 179—183.

[84] *Наша школа* —партийная школа в Лонжюмо, под Парижем, была организована Большевистским Центром летом 1911 года для работников партийных организаций крупных промышленных центров. Ленин прочел здесь 29 лекций по политической экономии, 12 по аграрному вопросу, по теории и практике социализма в России, 3 лекции о материалистическом понимании истории, реферат о текущем моменте и о положении дел в партии. По истории литературы и искусства лекции читал А. В. Луначарский. Слушатели школы обратились к А. М. Горькому с просьбой приехать для чтения лекций по вопросам литературы; он ответил, что не может приехать по состоянию здоровья и по недостатку времени. Среди слушателей были И. С. Белостоцкий, Б. А. Бреслав, А. И. Догадов, Я. Д. Зевин, А. И. Иванова, Г. К. Орджоникидзе, И. В. Присягин, Э. Прухняк, И. И. Шварц, И. Д. Чугурин.

[85] Ленин напоминает А. М. Горькому о разговоре во время свидания в Париже (между 22 марта и 6 апреля (4 и 19 апреля) 1911 г.), когда обсуждался план создания большой социал-демократической газеты.

И. Г. Полетаев (1872—1930) — большевик, депутат III Государственной думы.

[86] Речь идет о статьях В. И. Ленина «О статистике стачек в России» и «Наши упразднители» (П. с. с., т. 19, с. 377—406, и т. 20, с. 114—133).

[87] «*Современная Жизнь*» — большевистский легальный журнал; выходил в Баку в марте — апреле 1911 года. Вышло три номера. В журнале была опубликована статья В. И. Ленина «Марксизм и «Наша Заря»» (1911, № 3 — см.: П. с. с., т. 20, с. 108—113), а также несколько выступлений руководителя журнала С. Г. Шаумяна по вопросам литературы («О Горьком», «Кое-что о романах Л. Н. Толстого» и др.).

[88] Подразумевается партийная школа в Лонжюмо (см. прим. 84).

[89] Имеются в виду переговоры А. М. Горького в связи с планами издания в России толстого журнала и ежедневной газеты, в которых должен был принять участие Ленин. Планы эти не осуществились.

[90] «*Ярмарка*» — по-видимому, условное название июньского совещания членов ЦК РСДРП 10—17 июня 1911 года в Париже.

Д. И. Лещенко — большевик, принимавший участие в ряде партийных изданий 1906—1907 годов. После Октябрьской революции работал в Наркомпросе.

[91] «*Киевская Копейка*» — ежедневная буржуазная газета. Выходила в 1911 году.

[92] Издание «*Звезды*» возобновилось после перерыва, продолжавшегося с 11 (24) июня по 23 октября (5 ноября) 1911 года.

[93] А. М. Горький в письме к А. Н. Тихонову (не ранее сентября 1911 г.) назвал брошюру Л. Мартова «Спасители или упразднители» (1911) «бешеной, безумной и нечистоплотной выходкой против Ленина и беков» (см.: «В. И. Ленин и А. М. Горький», с. 276).

[94] Имеются в виду резолюции VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП, состоявшейся 5—17 (18—30) января 1912 года. Резолюции и «Извещение» о конференции вышли отдельной брошюрой в феврале 1912 года в издании ЦК РСДРП в Париже. Делегаты конференции, съехавшись в Прагу, обратились к Горькому с письмом, приглашая его на конференцию в качестве почетного гостя. Горький ответил, что приехать не может и что его приезд опасен для конференции, собравшейся в строго конспиративной обстановке. Горький пожелал полного успеха конференции, обещал помочь в поисках средств на организацию дешевой социал-демократической газеты и спрашивал, будут ли изданы протоколы заседаний и доклады делегатов из России. По окончании конференции вновь избранный ЦК РСДРП просил Горького написать первомайский листок и прислать текст его в Париж на имя В. И. Ленина. С такой же просьбой обратился к Горькому и Ленин.

[95] В «Звезде» (за 1911 и 1912 гг.) было напечатано семь новелл из «Сказок об Италии» А. М. Горького: забастовка трамвайщиков; встреча в Генуе детей бастующих рабочих Пармы; Симплонский туннель; пропагандист социализма и девушка-католичка; суд коммуны над клеветником; рассказ слесаря о том, как он стал социалистом; спор рабочего-социалиста с инженером.

[96] «*Живое Дело*» — еженедельная легальная газета меньшевиков-ликвидаторов; выходила в Петербурге в 1912 году, вышло шестнадцать номеров.

[97] «*Иркутское Слово*» — еженедельная газета меньшевистско-ликвидаторского направления (1911—1912).

[98] Речь идет о посещении А. М. Горьким В. И. Ленина в Париже весной 1912 года. В дневнике К. П. Пятницкого за 1912 год имеется запись о том, что А. М. Горький уехал в Париж 15 (28) марта и вернулся на Капри 7 (20) апреля.

[99] «*Почин*» — журнал народническо-ликвидаторского направления; издание группы эсеров. Вышел один номер в июне 1912 года в Париже.

«*Известия Областного Комитета Заграничной Организации*» — журнал, орган группы эсеров; выходил в Париже в 1908—1911 годах.

«*Революционная Мысль*» — орган группы эсеров; выходил за границей с апреля 1908 по декабрь 1909 года. Вышло шесть номеров.

«*Революционная Россия*» — нелегальная газета; издавалась с конца 1900 года в России «Союзом социалистов-революционеров». С января 1902 года по декабрь 1905 года газета выходила в Женеве как официальный орган партии эсеров (Ленин имеет в виду ЦО партии эсеров «Знамя Труда», выходивший в 1907—1914 гг. взамен «Революционной России»).

[100] Имеются в виду произведения В. Ропшина (Б. Савинкова): роман «Конь бледный» («Русская Мысль», 1909, № 1) и опубликовавшая к тому времени часть романа «То, чего не было» («Заветы», № 1—8, апрель — ноябрь 1912 г., и № 1, январь 1913 г.).

[101] «*Беззаглавцы*» — левокадетская группа (Е. Кускова, С. Прокопович, В. Богучарский и др.), издававшая в 1906 году журнал «Без заглавия». Ленин называл их «меньшевиствующими кадетами» и «кадетствующими меньшевиками».

[102] В. И. Ленин имеет в виду свои статьи «О «Вехах»» и «Манифест либеральной рабочей партии» (см. наст. сборник, с. 254—262, и П. с. с., т. 20, с. 396—410) и, по-видимому, статью Л. Б. Каменева «Об обязанностях демократа (Ответ В. Чернову)», напечатанную в № 8—9 «Просвещения» в июле — августе 1912 года.

[103] «*Невская Звезда*» — легальная большевистская газета; издавалась в Петербурге с февраля (марта) по октябрь 1912 года. Вышло двадцать семь номеров. «Невская Звезда» выходила сначала одновременно с газетой «Звезда» и должна была заменять ее в случае закрытия или конфискации; после 22 апреля (5 мая) 1912 года выходила вместо закрытой «Звезды».

[104] Речь идет о конференции ликвидаторов, состоявшейся в Вене в августе 1912 года, на которой оформился антипартийный Августовский блок,

организатором которого был Троцкий. Распад блока начался на самой конференции и закончился к 1914 году.

[105] *Варшавская газета* — издававшаяся с 13 июля по 19 августа 1912 года газета «Варшавские Последние Новости». Редактировалась В. Н. Чудовской при участии А. Амфитеатрова.

[106] «*Запросы Жизни*» — еженедельный журнал; выходил в 1909—1912 годах в Петербурге. В журнале сотрудничали кадеты, народные социалисты и меньшевики-ликвидаторы. В «Запросах Жизни» было напечатано большинство статей А. М. Горького цикла «Из далека», в том числе в июльских книжках (27 и 29) за 1912 год статьи V и VI (см.: М. Горький. Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941, с. 408—468), а также несколько «Сказок». 19 августа (1 сентября) 1912 года А. М. Горький отказался от сотрудничества в «Запросах Жизни», мотивируя свой отказ тем, что ««беспартийность» «Запросов Жизни» становится постепенно своеобразной партийностью без программы — худшим видом партийности» (М. Горький, т. 29, с. 250).

[107] «*Заветы*» — легальный литературно-политический журнал эсеровского направления; выходил в Петербурге в 1912—1914 годах. А. М. Горький поместил в первом номере «Заветов» рассказ «Рождение человека».

[108] *ЦО — «Социал-Демократ»*. По-видимому, В. И. Ленину не удалось осуществить свое намерение написать статью для Центрального Органа партии по поводу ренегатских романов Б. В. Савинкова.

[109] Ленин имеет в виду выборы в IV Государственную думу, происходившие осенью 1912 года. Дума открылась 15 (28) ноября 1912 года. При выборах по рабочей курии в IV Государственную думу от промышленных губерний: Петербургской, Владимирской, Костромской, Харьковской, Екатеринославской и Московской — были избраны рабочие-большевики А. Е. Бадаев, Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов, М. К. Муранов, Г. И. Петровский и Р. В. Малиновский (позднее разоблаченный провокатор).

[110] «*День*» — ежедневная либерально-буржуазная газета; издавалась в Петербурге с 1912 года. В газете принимали участие меньшевики-ликвидаторы, в руки которых газета перешла целиком после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года. Газета была закрыта 26 октября (8 ноября) 1917 года.

[111] «*Круговор*» — ежемесячный литературно-политический журнал буржуазно-либерального направления; издавался в Петербурге в начале 1913 года (вышло два номера). А. М. Горький был указан среди сотрудников журнала, но участия в нем не принимал.

[112] Письмо В. И. Ленина сохранилось в личном архиве В. А. Десницкого в копии на пишущей машинке, заверенной А. М. Горьким. Письмо написано в ответ на присланный Горьким план собирания материалов по истории революции. Об этом плане Горький писал 25 сентября (8 октября) 1912 года В. В. Вересаеву: «Если у Вас или у знакомых Ваших имеются какие-либо документы по истории общественного движения в России за XIX-й век — документы, издания, письма, вещи,— которые почему-либо неудобно держать у себя и которые рискуют однажды пропасть навсегда,— соблаговолите посылать все сие ко мне! Здесь устраивается надежный склад таких вещей, со временем он будет превращен в музей по истории освободительного движения со времен Екатерины по наши дни. Документы — особенно конфиденциальные правых желательно иметь также в возможной полноте» (М. Горький, т. 29, с. 255).

А. М. Горький предполагал получить для музея библиотеку и архив, собранные кн. И. Д. Бебутовым, сочувствовавшим социал-демократам. Бебутов завещал РСДРП библиотеку и архив и передал их на хранение Главному Правлению (ЦК) Германской социал-демократической партии. Одновременно с письмом В. И. Ленину Горький написал К. Каутскому, и тот ответил, что распоряжение библиотекой и архивом принадлежит Бебутову: «Если князь согласится на то, чтобы библиотека была передана Вам, то есть русскому социалистическому архиву, «Vorstand» передаст ее с большим удовольствием». А. М. Горький обратился после этого через Е. А. Ляцкого (редактор журнала «Современник» в Петербурге) к И. Д. Бебутову, который

ответил, что не возражает против передачи своей библиотеки надежному учреждению, но решение вопроса откладывалось до личного свидания (Архив А. М. Горького). Дальнейшая судьба библиотеки И. Д. Бебутова в настоящее время не установлена.

[113] С разрешения М. Горького в № 1 (205) «Правды» от 1 января 1913 года был напечатан отрывок из повести «Большая любовь» из сборника «Біла Квітка» («Белый цветок»). В этом же номере в числе постоянных сотрудников назван М. Горький.

[114] После того как в руководимом эсером В. М. Черновым журнале «Заветы» был напечатан роман В. Рощина (Б. В. Савинкова) «То, чего не было», М. А. Натансон и другие эсеры левого крыла прислали в редакцию протест против опубликования ренегатского произведения. Редакция «Заветов» выступила с защитой Савинкова, и М. Горький от сотрудничества в журнале отказался.

[115] Речь идет о партийной школе в Поронине. ЦК РСДРП позднее наметил план организации ее в 1913 году для рабочих, партийных работников и членов IV Государственной думы (на время перерыва в ее сессиях). Учебный план школы был разработан при непосредственном участии В. И. Ленина, который предполагал прочитать циклы лекций по политической экономии, аграрному и национальному вопросам. В силу неблагоприятных условий организовать школу не удалось.

М. Ф. Андреева выехала в Россию 8 ноября 1912 года под именем Гарриет Брукс. До легализации она прожила полгода в Мустамяках (Финляндия) под видом иностранки.

[116] *С. И. Моисеев* (1879—1951) — большевик, профессиональный революционер, член КПСС с 1902 года; один из организаторов демонстрации 7 ноября 1901 года на вокзале в Нижнем Новгороде в момент высылки А. М. Горького из родного города. Неоднократно подвергался репрессиям. В 1905 году бежал из ссылки за границу, затем, перейдя на нелегальное положение, был разъездным агентом ЦК. В 1912 году эмигрировал во Францию, где пробыл до 1917 года. После Октябрьской революции работал в аппарате Коминтерна; с 1930 года — в системе Наркомата внешней торговли.

[117] Здесь и на с. 350 речь идет о совещании ЦК РСДРП с партийными работниками, названном по соображениям конспирации «Февральским». Совещание состоялось в Кракове 26 декабря 1912 года — 1 января 1913 года (8—14 января 1913 г.).

[118] В № 78 «Луча» в числе сотрудников были объявлены большевики — депутаты IV Государственной думы А. Е. Бадаев, Г. И. Петровский, Ф. Н. Самойлов и Н. Р. Шагов. Через месяц они вышли из состава сотрудников «Луча», заявив в специальном письме («Луч», 1913, № 24), о своем несогласии с ликвидаторским направлением газеты.

[119] Имеется в виду письмо В. И. Ленина А. М. Горькому, написанное ранее 8 января 1913 года. А. М. Горький послал выдержку из этого письма А. Н. Тихонову, который работал в это время в беллетристическом отделе большевистской газеты «Правда» (см.: Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», с. 103).

[120] Фельетон А. В. Луначарского «Страх и надежда» был напечатан в газете «Киевская Мысль» (1912, 25 декабря, № 357).

[121] Горький сообщал Ленину в письме от 25 января о том, что на московскую газету «на днях собрали несколько сотен рублей... в феврале еще найдем немного».

Речь идет о подготовке издания легальной московской большевистской газеты «*Наш Путь*»; на необходимость издания газеты в Москве указывал Ленин летом 1912 года. В ноябре 1912 года группа московских рабочих в письме в «Правду» подтвердила возможность и своевременность такой газеты. Призыв устраивать сборы на издание был горячо поддержан рабочими. Выходила с 25 августа (7 сентября) по 12 (25) сентября 1913 года. В числе сотрудников были депутаты IV Государственной думы — большевики, литераторы — М. С. Ольминский, И. И. Скворцов-Степанов, М. Горький, Д. Бедный и др.

Газета была закрыта правительством после выхода 16 номеров.

[122] *И. И. Скворцов-Степанов* (1870—1928) — видный деятель Коммунистической партии. Перевел на русский язык «Капитал» К. Маркса. В дни Октябрьской революции — член Военно-революционного комитета в Москве. С 1925 года — член ЦК ВКП(б), ответственный редактор газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК». Письмо Ленина И. И. Скворцову-Степанову от 2 декабря 1909 года см.: П. с. с., т. 47, с. 223—225.

[123] *«Новая Сибирь»* — ежедневная общественно-политическая и литературная газета либерального направления; издавалась в Иркутске с декабря 1912 по февраль 1913 года; вышло 46 номеров. Фактическим редактором газеты был меньшевик-ликвидатор Н. Рожков.

[124] См. статью В. И. Ленина *«Манифест либеральной рабочей партии»* (П. с. с., т. 20, с. 396—410).

[125] *Дашнаки* — армянская буржуазно-националистическая партия Дашнакцутюн; возникла в начале 90-х годов прошлого века; в январе 1918 г. распространились слухи о возможности восстания в турецкой Армении под руководством дашнаков.

[126] Беллетристический отдел (под редакцией М. Горького) был введен в «Просвещении» с февральской книжки журнала за 1913 год. Извещение об этом было в № 50 «Правды» от 1 марта 1913 года.

[127] Ленин имеет в виду работу И. В. Сталина над статьей *«Национальный вопрос и социал-демократия»*.

[128] Подозрения А. М. Горького по поводу недобросовестного ведения дел издательства «Знание» директором-распорядителем К. П. Пятницким не подтвердились.

[129] *«Метеор»* — повесть Скитальца (С. Г. Петрова) была напечатана в № 1 и 2 «Русского Богатства» за 1913 год. Центральная фигура этой повести — известный писатель, в котором нельзя не узнать А. М. Горького (совпадают и внешний облик, и черты характера, и общеизвестные факты биографии Горького). При этом писатель изображен с явной тенденцией прежде всего показать его отрицательные черты. При работе над воспоминаниями об А. М. Горьком в 1931 году Скиталец широко использовал материал «Метеора», но освободил очерк «Максим Горький» от тенденциозного сгущения красок (см. его однотомник «Повести и рассказы. Воспоминания». М., «Московский Рабочий», 1960, с. 285—352).

[130] «Манифест» был опубликован в связи с 300-летием дома Романовых в газете «Россия» 21 февраля (6 марта) 1913 года. 22 марта (4 апреля) 1913 года в «Правде» было напечатано «Открытое письмо Максиму Горькому» от рабочих Петербурга, в котором они приветствовали намерение А. М. Горького вернуться в Россию. 31 декабря 1913 года (13 января 1914 г.) Горький приехал в Петербург. 7 января 1914 года в «Правде» была напечатана статья «Возвращение писателя», в которой высказывалось пожелание, чтобы «соприкосновение с родной землей» возродило его силы и вдохнуло «новую творческую мощь».

[131] Н. К. Крупская 17 февраля 1913 года послала А. М. Горькому несколько писем большевиков-практиков из России (коллективное письмо московских рабочих, письма: одного из выборщиков при выборах в IV Думу, одного из работников московской областной организации, депутата IV Думы и двух профессионалов-революционеров—С. И. Моисеева (кличка—«Зефир») и А. П. Смирнова (кличка — «Фома-питерец»)). Посылая эти материалы, Крупская писала, что во время Краковского совещания ЦК с партийными работниками «мы как пьяные от радости ходили, потому что из докладов выяснилось, что ничего даром не пропало, что рабочая масса против пятого года подросла, что в самых глухих местах есть свои с.-д. рабочие организации».

[132] В майском номере «Просвещения» за 1913 год произведений А. М. Горького нет, в июньском номере напечатан его рассказ «Кража».

[133] Басни Д. Бедного вышли в Петербурге в 1913 году отдельной книгой (тип. Вольфа).

[134] Ленин имеет в виду статью А. В. Луначарского «Любовь и смерть», напечатанную в № 48 и 55 «Киевской Мысли», 17 и 24 февраля 1913 года.

[135] *Старк Л. И.* (1889—1943) — большевик, литератор, сотрудник «Просвещения», живший в 1913 году на Капри. После Октября работал в РОСТА, был на военной и дипломатической работе.

[136] О какой именно газете пишет Ленин — не установлено. В Одессе в 1911 году издавалась легальная социал-демократическая газета «Ясная Заря», в которой принимали участие В. В. Воровский и А. К. Воронский.

[137] *«Никитичевский»* — связанный с Л. Б. Красиным (партийная кличка — Никитич). Речь могла идти о жившем в Одессе в 1901—1907 годах социал-демократе В. Н. Малянтовиче — брате московского адвоката П. Н. Малянтовича.

[138] И. Н. Туляков, А. Ф. Бурьянов, В. И. Хаустов и И. И. Маньков — депутаты IV Государственной думы, меньшевики.

[139] А. М. Горький был делегатом (с совещательным голосом) V (Лондонского) съезда РСДРП, состоявшегося 30 апреля — 19 мая (13 мая — 1 июня) 1907 года.

[140] Конфликт между Государственной думой и правительством произошел в связи с речью депутата-черносотенца Маркова 2-го, заявившего в адрес представителя министерства финансов: «Красть нельзя». Дума не реагировала на речь Маркова. Совет министров потребовал привлечения Маркова к суду, считая, что оскорбление нанесено всему правительству, а от председателя Думы Родзянко осуждения Маркова с думской трибуны.

[141] «Правда» была закрыта 5 (18) июля 1913 года; издание газеты вскоре возобновилось под названием «Рабочая Правда».

[142] О ком идет речь — не установлено.

[143] В середине июня 1913 года Ленин писал Г. В. Плеханову в Женеву: «...По поручению шести депутатов социал-демократов я обращаюсь к Вам с предложением приехать летом на несколько недель в Закопане для прочтения лекций по тем вопросам марксизма и социал-демократического движения, которые Вы выберете» (см.: П. с. с., т. 48, с. 198—199).

[144] Организационную работу в связи с предполагаемой партийной школой в Поронине до ареста вела Е. Ф. Розмирович.

[145] Это свидание с А. М. Горьким не состоялось.

[146] Ленин упоминает о телеграмме А. М. Горького из Римини в адрес ЦК РСДРП по поводу смерти А. Бебеля; телеграмма была напечатана в газете «Северная Правда» № 4 от 4 августа 1913 года (см.: М. Горький, т. 29, с. 313).

[147] *Редактор «Просвещения»* — М. А. Савельев (1884—1939), член большевистской партии с 1903 года. В 1911—1913 годах — редактор «Просвещения», с 1912 года — член редакции «Правды», с 1913 года — представитель ЦК РСДРП в редакции «Прибой».

И. П. Ладыжников (1874—1945) — большевик, активный деятель Нижегородского комитета РСДРП. С 1905 года по решению партии руководил в Берлине книгоиздательством, выпускавшим произведения А. М. Горького и других русских писателей.

[148] Как видно из письма В. И. Ленина 14 или 15 ноября 1913 года (см. наст. сборник, с. 360), А. М. Горький высказался против печатания романа В. Войтинского. В 1914 году, в № 4 «Просвещения», был напечатан отрывок из повести В. Войтинского «Волны» под заголовком «Луч света среди ночи»; касалась ли переписка именно этого отрывка — не установлено.

[149] Письмо Ленина вызвано появлением в газете «Русское Слово» № 219 от 22 сентября 1913 года статьи А. М. Горького «О «карамазовщине»» с протестом против инсценировки Московским Художественным театром романа Ф. М. Достоевского «Бесы». Вторая статья («Еще о «карамазовщине»») была ответом на защиту буржуазной прессой этой постановки. Абзац, вызвавший критику Ленина, заканчивал вторую статью, помещенную в газете «Русское Слово» 27 октября 1913 года и перепечатанную в ликвидаторской «Новой Рабочей Газете» № 69, от 29 октября. При перепечатке статьи в сборнике «Статьи 1905—1916 гг.» (1917) этот абзац был Горьким исключен. Выступление А. М. Горького против инсценировки «Бесов» Достоевского в Художественном театре было поддержано многочисленными письмами передовых рабочих и интеллигентов, напечатанными в течение ноября и декабря в

«Правде», а также выступлениями во время организованных в связи с этим диспутов. Реакционные публицисты (Д. С. Мережковский и др.) подняли кампанию лжи и клеветы против А. М. Горького.

«Русское Слово» — ежедневная буржуазно-либеральная газета; выходила в Москве с 1895 года; закрыта в ноябре 1917 года за клеветнические антисоветские сообщения. С января 1918 года некоторое время выходила под названиями «Новое Слово» и «Наше Слово». В июле 1918 года закрыта окончательно.

150 В. И. Ленин имеет в виду воззвание «От писателей, художников и артистов», написанное в духе буржуазного патриотизма и оправдания войны со стороны царской России. Это воззвание наряду с другими видными деятелями литературы и искусства подписал и М. Горький. Воззвание было напечатано 28 сентября (11 октября) 1914 года в № 223 газеты «Русское Слово» и в других буржуазных газетах. В связи с этим в № 34 Центрального Органа большевистской партии, газете «Социал-Демократ», была помещена (без подписи) заметка В. И. Ленина «Автору «Песни о Соколе»»,— в форме открытого письма А. М. Горькому (см. следующий документ). В письме к В. Войтинскому от 1 (14) октября 1914 года А. М. Горький писал: «...протест литераторов против «немецких зверств» — подписал второпях, и это меня мучает...» (Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», с. 500).

151 Имеются в виду: 1) резолюция об отношении к непролетарским партиям, принятая на Лондонском съезде РСДРП в 1907 году; 2) резолюция о народниках, принятая «августовским» («летним») 1913 года совещанием ЦК РСДРП с партийными работниками (см.: «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, 1954, с. 164—165 и 316—317).

152 *«Летопись»* — ежемесячный литературный, научный и политический журнал, основанный А. М. Горьким в Петрограде; выходил с декабря 1915 по август 1917 года. В литературе «Летопись» поддерживала традиции реализма и противостояла декадентской беллетристике. Журнал печатал молодых демократических писателей и известных писателей национальных «окраин» страны. В журнале публиковались произведения М. Горького, А. Блока, В. Брюсова, В. Маяковского, С. Есенина, А. Чапыгина, И. Вольнова, М. Пришвина, И. Бабеля, Ф. Гладкова, Я. Райниса, А. Исаакяна и др. писателей.

При журнале «Летопись» в декабре 1915 года было организовано издательство *«Парус»*, для которого и была послана работа Ленина «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Выпуск I. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки» (см.: В. И. Ленин, П. с. с., т. 27, с. 129—227).

153 В. И. Ленин приступал к работе над книгой для предпринимаемого А. М. Горьким издания серии книг об экономических интересах воюющих государств. Редактирование серии взял на себя живший в Париже М. Н. Покровский. Ленину предстояло написать основную брошюру — о финансовом капитале; она вышла в свет под заглавием «Империализм, как новейший этап капитализма».

154 Книга Н. К. Крупской *«Народное образование и демократия»* не была издана «Парусом», как предполагалось, и появилась в печати лишь в 1917 году в издательстве «Жизнь и Знание» (см.: Н. К. Крупская. Педагогические сочинения в 10-ти томах, т. 1. М., 1957, с. 249—350). Ленин обращает внимание А. М. Горького на очерк педагогических взглядов Ж.-Ж. Руссо, Песталоцци, Фелленберга, Р. Оуэна и основоположников научного социализма К. Маркса и Ф. Энгельса, а также на главу, посвященную практике школьного дела в начале XX века в странах Западной Европы и США.

155 Имеется в виду издательство «Парус», куда 19 июня (2 июля) 1916 года Ленин направил рукопись книги «Империализм, как новейший этап капитализма».

156 *Окисты* — меньшевики-ликвидаторы, руководящим центром которых был Организационный Комитет (ОК).

[157] Речь идет об издательстве «*Волна*», организованном в Петрограде в 1916 году. Организаторы издательства обратились к В. И. Ленину с предложением об участии в изданиях и о присылке статей. Получив сообщение, что организатором издательства является подозреваемый в провокаторстве М. Черномазов, Ленин отказался от участия в изданиях «Волны».

[158] *Беленин* — А. Г. Шляпников (1885—1937), тогда осуществлял связь между Русским и Заграничным бюро ЦК РСДРП; *В. И. Катин-Ярцев* (1876—1928) — врач, принимал деятельное участие в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», с 1906 года жил в Петербурге и поддерживал связь с социал-демократическими организациями, а также и с издательством «Парус», куда были посланы рукописи книг В. И. Ленина «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Выпуск I» и «Империализм, как новейший этап капитализма».

[159] М. И. Ульянова писала о том, что приходила во время войны к А. М. Горькому с письмами и поручениями Ленина. «Ильичу нужен был заработок, дороговизна в связи с империалистической войной нарастала с каждым днем, и как ни умел он ограничиваться лишь самым необходимым минимумом в своих потребностях, но одно время невозможность найти литературную работу и «пристроить» свои книги сказалась особенно остро. Алексей Максимович выручал» («Известия», 1936, 20 июня).

[160] 29 сентября 1916 года А. М. Горький писал М. Н. Покровскому: «Да, брошюра Ильинского действительно превосходна, и я вполне согласен с Вами: издать ее необходимо целиком, но — вне серии. Гонорар автору будет на днях выслан... Какой прекрасный работник Ильинский, какая это умница, как нужен этот чудесный человек здесь, дома!» (Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», с. 277). Пересылая Покровскому тысячу рублей для расчетов с авторами, А. Тихонов писал 20 октября 1916 года: «Ильину за брошюру «Новейший капитализм» — 300 руб. ...Брошюру В. Ильина сдаем в набор немедленно, сократив те главы, которые Вы отметили (полемика с Каутским)». 25 октября 1916 года Горький уведомил Покровского: «...«Современный капитализм» — сдан в типографию, автору высылаем гонорар. Недавно я послал ему 500 р. через его сестру» (там же, с. 278), то есть через М. И. Ульянову. Одновременно книга Ленина была анонсирована в журнале «Летопись» под заглавием: В. Ильин. «Новейший капитализм». Об отношении В. И. Ленина к сокращениям, сделанным по требованию издательства «Парус», см. письма М. Н. Покровскому от 21 декабря 1916 и 3 января 1917 года (наст. сборник, с. 366—368).

[161] «*Новая Цюрихская и Швейцарская Торговая Газета*» («Neue Züricher Zeitung und schweizerisches Handelsblatt») — наиболее влиятельная швейцарская буржуазная газета, издается с 1780 года.

[162] В письме И. А. Груздеву 13 апреля 1933 года А. М. Горький писал, что не может вспомнить такого своего выступления в печати: «Вероятно, что-то было выдумано иностранной прессой» (см.: М. Горький, т. 30, с. 303). Впоследствии, в декабре 1935 года, Горький прочитал четвертое из «Писем из далека» Ленина и сказал, что в начале революции он «предавался общему телячьему восторгу», ему «казалось, что все трудности позади» (И. И. Минц. Беседы с А. М. Горьким.— «Новый мир», 1970, № 10, с. 148—149).

[163] 6 марта 1919 года А. М. Горький телеграфировал Ленину, что для издательства «*Всемирная литература*» необходима бумага, имеющаяся в Комиссариате торговли и промышленности, но Главное управление предприятий бумажной промышленности ВСНХ и его петроградское районное управление отказались обеспечить издательство бумагой.

На обороте ленинского запроса Л. Б. Красин написал: «Упорный отказ Питера в отпуске этой бумаги, месяцами лежащей без употребления, есть несомненный и злостный саботаж, не знаю лишь, Правбума, Левбума или какого-либо иного бума. 17/III. *Красин*».

«*Всемирная литература*» — издательство, организованное А. М. Горьким при Народном комиссариате просвещения во второй половине 1918 года.

[164] В. И. Ленин советовал А. М. Горькому «прокатиться по Волге и Каме на агитационно-инструкторском пароходе «Красная Звезда»» (см. наст. сборник, с. 371).

[165] На заседании Политбюро ЦК РКП(б) 11 сентября 1919 года обсуждался вопрос об арестах буржуазных интеллигентов. Политбюро предложило Ф. Э. Дзержинскому, Н. И. Бухарину и Л. Б. Каменеву пересмотреть дела арестованных.

[166] Мятеж на форту «Красная Горка» 13 июня 1919 года был подготовлен контрреволюционной организацией «Национальный центр», объединявшей деятельность ряда антисоветских групп и шпионского подполья. Мятежники рассчитывали обессилить кронштадтский укрепленный район и, объединив общее наступление на фронте с восстанием, занять Петроград. В ночь с 15 на 16 июня мятеж был ликвидирован.

[167] Публикуемое здесь постановление Политбюро ЦК РКП(б) было принято в связи с письмом к В. И. Ленину Народного комиссара иностранных дел Г. В. Чичерина от 26 сентября, в котором он просил дать указания по следующим вопросам:

1) Можно ли и без разрешения ЦК РКП(б) обратиться к рабочим стран Антанты с призывом оказать давление на свои правительства, чтобы они не мешали переговорам Советского государства с прибалтийскими странами о заключении мирных договоров? 2) Следует ли обратиться от имени Советского правительства к странам Антанты с новым мирным предложением? 3) Можно ли использовать намечавшуюся поездку М. М. Литвинова в нейтральную страну для переговоров с английскими представителями по вопросу обмена военнопленных, с тем, чтобы одновременно Литвинов «муссировал бы вопрос о мире»? 4) В случае неудачи миссии Литвинова стоит ли, чтобы А. М. Горький, предполагавший обратиться с призывом к миру, в своем письме, «упоминая о нашей неизменной готовности к миру, указал бы правительствам Антанты на превращение борьбы в истребление»? «Но,— писал Чичерин,— мы значительно предпочли бы официальное мирное предложение...»

На письме Чичерина Ленин написал: «...от правительства *не* обращаться... ограничиться письмом Горького» (ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. Подчеркнуто Лениным).

[168] См. предыдущие документы: записку Г. В. Чичерину и постановление Политбюро ЦК РКП(б).

[169] Записка написана в связи с превышением полномочий тамбовским губпродкомиссаром Гольдиным, который угрожал жестокими карами заведующим сельскими пунктами и приемщикам за прием сырого зерна. В связи с запросом Ленина замнаркомпрода Н. П. Брюханов по прямому проводу запросил Гольдина, был ли хоть один случай применения незаконных репрессий, и потребовал немедленного ответа Наркомпроду и Ленину, какие реальные меры приняты к обеспечению длительного хранения зерна.

[170] В письме от 5 марта 1920 года А. М. Горький просил В. И. Ленина не сокращать количество пайков для петроградских ученых, ускорить решение об освобождении арестованного химика А. В. Сапожникова и создать условия для доктора И. И. Манухина, занимавшегося изысканиями в области терапии. *А. Е. Бадаев* (1883—1951) — в то время председатель Комиссариата продовольствия Северо-Западной области.

[171] 22 апреля 1920 года А. М. Горький передал В. И. Ленину полученное им письмо профессора С. П. Костычева, содержащее просьбу о предоставлении материалов для экспериментальной работы лаборатории физиологии растений Петроградского университета. Работы этой лаборатории представляли большой научный и практический интерес. Кроме приведенной в сборнике записки Ленина, на письме С. П. Костычева имеется также приписка наркома здравоохранения Н. А. Семашко:

«Вполне присоединяюсь к этому предложению т. Ленина и с своей стороны прошу оказывать всяческое содействие т. Горькому. *Н. Семашко*».

[172] Экспертная комиссия была создана в феврале 1919 года под предсе-

дательством А. М. Горького для отбора антикварного экспортного фонда из национализированных ценностей, предметов роскоши и произведений искусства.

[173] Речь идет о статье А. М. Горького «Владимир Ильич Ленин», напечатанной в журнале «Коммунистический Интернационал» № 12 за 1920 год в качестве передовой, и письме Горького Г. Уэллсу, помещенном в той же книжке журнала.

Статья А. М. Горького, выразившая его восхищение личностью Ленина, была написана с ошибочных позиций и содержала ряд политически неверных положений. Горький давал в них крайне субъективные, по сути дела идеалистические оценки роли Ленина, русского народа, характера революции в России. Вне поля внимания Горького оказалась руководящая роль Коммунистической партии, решающая роль рабочего класса и трудящегося крестьянства России в революции.

31 июля 1920 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло публикуемое предложение В. И. Ленина.

[174] *«Рабочий Край»* — орган Иваново-Вознесенского губернского и городского Совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов, губкома РКП и губпрофсоюза, газета, в которой систематически печатались стихи пролетарских поэтов и переводы произведений революционных поэтов Германии. Редактором газеты был А. К. Воронский.

[175] 29 июня 1921 года Политбюро ЦК РКП(б), рассмотрев предложение А. М. Горького о создании Комитета помощи голодающим, в принципе одобрило его.

21 июля Комитет был образован и существовал параллельно с Центральной комиссией помощи голодающим при ВЦИК, действующей по постановлению ВЦИК от 17 февраля 1921 года. Антисоветские элементы, вошедшие в Комитет (Н. М. Кишкин, Е. Д. Кускова и С. Н. Прокопович), пытались использовать его в контрреволюционных целях, саботировали его работу, отказались выехать для помощи голодающим на места. В силу этих обстоятельств 27 августа 1921 года Комитет был распущен.

[176] Речь, по-видимому, идет о письме А. М. Горького, связанном с предложением Американской администрации помощи (АРА) заключить соглашение с Советской Россией. Письмо по этому вопросу было переслано В. И. Лениным Л. Б. Каменеву 31 июля 1921 года.

[177] Речь идет о договоре Госиздата с издательством З. И. Гржебина на сокращенное издание им за границей русских классиков. Работа была предпринята по инициативе А. М. Горького.

[178] В ответ на письмо В. И. Ленина А. М. Горький 25 декабря 1921 года сообщил Ленину, что он написал Г. Уэллсу, находящемуся в Америке, и просил его поговорить с соответствующими организациями и лицами о помощи голодающим. «...Ответа от Уэллса я не имею,—писал Горький,—но уверен, что мое письмо застало его в Америке, ибо в одной из своих статей он цитировал фразы из моего письма...» (см.: Сб. «В.И. Ленин и А. М. Горький», с. 219).

[179] Политбюро ЦК РКП (б), рассмотрев 21 декабря 1921 года предложение В. И. Ленина, постановило: «Включить т. Горького в число товарищей, лечащихся за границей, и поручить т. Крестинскому проверить, чтобы он был вполне обеспечен необходимой для лечения суммой» (Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», с. 587; см. также наст. сборник, с. 482).

[180] Записка написана в связи с письмом М. Ф. Андреевой от 17 февраля 1922 года, присланным В. И. Ленину из Берлина. М. Ф. Андреева сообщала о плохом состоянии здоровья А. М. Горького и просила ускорить решение вопроса об издании его сочинений. В. И. Ленин отчеркнул следующее место в письме М. Ф. Андреевой: «Леонид Борисович (Красин.— *Ред.*) передаст Вам о деле издания книг Алексея Максимовича. Пожалуйста, если будет нужно, поторопите решить этот вопрос, пособия или ссуды Алексей не возьмет, уехал он, не взяв ни копейки. Все, что у него было, прожито, а жить здесь, а уж особенно лечиться,— безумно дорого».

25 февраля 1922 года Политбюро поручило Наркомпросу «приобрести у М. Горького авторские права на его сочинения», а берлинскому отделению

Наркомвнешторга совместно с Н. Н. Крестинским «немедленно оформить эту сделку и немедленно начать финансирование Горького» (ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС).

[181] Речь идет о письме А. М. Горького Анатолю Франсу от 3 июля 1922 года по поводу процесса над эсерами, привлеченными советским судом к ответственности за контрреволюционную террористическую деятельность. Не разобравшись в существе дела, Горький характеризовал процесс как приготовление «к убийству людей, искренно служивших делу освобождения русского народа», и просил А. Франса обратиться к Советскому правительству «с указанием на недопустимость преступления». «Может быть,— писал Горький,— Ваше веское слово сохранит ценные жизни социалистов».

Копию своего письма А. Франсу Горький послал заместителю председателя СНК А. И. Рыкову; в письме он предупреждал, что смертные приговоры обвиняемым вызовут «со стороны социалистической Европы моральную блокаду России».

Процесс эсеров происходил в открытом заседании Верховного революционного трибунала РСФСР с 8 июня по 7 августа 1922 года. 8 августа Президиум ВЦИК РСФСР утвердил приговор, вынесенный Верховным трибуналом, но приостановил исполнение приговора о расстреле при условии полного прекращения партией эсеров своей контрреволюционной деятельности.

Коммунистический Интернационал обратился к пролетариям всех стран с воззванием, в котором выразил солидарность с приговором Верховного трибунала и разъяснил справедливость этого приговора и постановления Президиума ВЦИК.

ИЗ РАБОТ, ВЫСТУПЛЕНИЙ И ПИСЕМ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

[1] Книга «*Государство и революция*» написана Лениным в подполье (в Разливе и Гельсингфорсе) в августе — сентябре 1917 года.

[2] См.: К. Маркс. Критика Готской программы (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 9—32).

[3] См.: Там же, с. 18.

[4] См.: Там же, с. 19.

[5] См.: Там же.

[6] См.: Там же, с. 20.

[7] *Шейлок* — персонаж из пьесы В. Шекспира «Венецианский купец», ростовщик, требовавший в погашение долга фунт мяса из тела должника.

[8] Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы.

[9] Ленин излагает «Введение к брошюре Боркхейма «На память уратриотам 1806—1807 годов»», написанное Ф. Энгельсом 15 декабря 1887 года (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 361).

[10] «*Новая Жизнь*» — ежедневная газета; издавалась в Петербурге с 18 апреля (1 мая) 1917 по июль 1918 года. Инициаторами издания газеты были меньшевики-интернационалисты и писатели, группировавшиеся вокруг журнала «Летопись». Ленин отмечал, что их «преобладающее настроение есть интеллигентский скептицизм, прикрывающий и выражающий беспринципность». Октябрьскую революцию и установление Советской власти новожизненцы встретили враждебно. Газета была закрыта в июле 1918 года.

«*Вперед*» — меньшевистская ежедневная газета; выходила с марта 1917 года в Москве; с апреля 1918 года — орган центрального комитета меньшевиков. В редакцию входили Л. Мартов, Ф. И. Дан и А. Мартынов. За контрреволюционную пропаганду издание газеты дважды приостанавливалось. 10 мая 1918 года газета была закрыта. Издание газеты возобновилось 14 мая под названием «Всегда Вперед». Окончательно газета была закрыта в феврале 1919 года.

«Дело Народа» — газета, орган правых эсеров; выходила в Петрограде с марта 1917 по июль 1918 года, неоднократно меняла названия. Газета занимала оборонческие, соглашательские позиции, поддерживала Временное правительство. В октябре 1918 года издание «Дела Народа» было возобновлено в Самаре, в марте 1919 года — в Москве. Газета была закрыта за контрреволюционную деятельность.

[11] Ленин цитирует «Введение к брошюре Боркхейма «На память ура-патриотам 1806—1807 годов»» Ф. Энгельса (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 361).

[12] В. И. Ленин имеет в виду борьбу партии с «левыми коммунистами», выступавшими против ленинских методов хозяйственного строительства: единоначалия на предприятиях, насаждения трудовой дисциплины, использования специалистов в промышленности, введения хозяйственного расчета.

[13] Ленин имеет в виду заговор о сдаче Петрограда, которым руководила контрреволюционная организация «Национальный центр».

[14] Битва при Садовой (деревня в Чехии, близ города Градец-Кралова (Кениггрец) 3 июля 1866 года, закончившаяся победой Пруссии и разгромом Австрии, решила исход австро-прусской войны.

Немецкий публицист и политический деятель Иоганн Якоби, выступая 20 января 1870 года перед берлинскими избирателями с речью «Цель рабочего движения», сказал: «С точки зрения будущего историка культуры основание самого маленького рабочего союза будет представлять большую ценность, чем сражение при Садовой» (Gesammelte Schriften und Reden von Dr. Johann Jacobi. Zweiter Teil. Hamburg, 1877, S. 354).

[15] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 310—311.

[16] Статья *«О значении воинствующего материализма»* была написана Лениным для третьего номера журнала «Под Знаменем Марксизма», который должен был выйти к XI съезду РКП(б). В дни кратковременного отдыха в деревне Горки Ленин просмотрел ряд книг и брошюр на антирелигиозные темы, прочитал книгу А. Древса «Die Christusmythe» («Миф о Христе»), книгу Э. Синклера «The Profits of religion» (книга вышла в переводе на русский язык в 1925 г. под названием «Религия и нажива») и др. 12 марта статья была закончена, однако Ленин не прекратил работы над ней. В записке секретарю он писал: «Прошу потщательнее внести во второй экземпляр (№ 2) изменения и дополнения, сделанные мной в экземпляре № 1, и экземпляр *№ 1* отправить под расписку в журнал «Под знаменем марксизма»». Ленин сделал в статью вставку о современных представителях научной критики религии Древсе и Виппере, вычеркнул упоминание о книге Синклера, указав в общей форме на важность использования в антирелигиозной пропаганде подобного рода книг и брошюр. (См. воспоминания Н. К. Крупской, наст. сборник, с. 633.)

«Под Знаменем Марксизма» — ежемесячный философский и общественно-экономический журнал; был создан в целях пропаганды материализма и атеизма; выходил в Москве с января 1922 по июнь 1944 года.

[17] Ленин имеет в виду следующие слова И. Дицгена: «Мы до глубины души презираем напыщенную фразу об «образовании и науке», речи об «идеальных благах» в устах дипломированных лакеев, которые сегодня так же дурачат народ поддельным идеализмом, как когда-то языческие попы морочили его первыми полученными тогда сведениями о природе» (И. Дицген. Избранные философские сочинения, 1941, с. 261).

[18] См.: Ф. Энгельс. Эмигрантская литература.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, с. 514.

[19] Здесь первоначально был следующий текст: «На днях мне пришлось перелистывать книжку Энтона Синклера «Прибыльность религии». Нет сомнения, что в подходе к вопросу и манере его трактования у автора есть недостатки. Но ценна эта книжка тем, что она написана живо, дает много конкретных фактов и сопоставлений...»

[20] Статья В. И. Ленина *«О нашей революции»* написана им по поводу третьей и четвертой книг «Записок о революции» видного меньшевика Н. Су-

Библиотечная книга

ханова (Берлин — Пб.— М., изд. З. И. Гржебина, 1922). В Дневнике дежурных секретарей В. И. Ленина 24 декабря 1922 года отмечено, что В. И. Ленин читал «Записки» Суханова; 16 и 17 января 1923 года Ленин диктовал статью и вносил в нее поправки. Статья была передана в редакцию «Правды» Н. К. Крупской. Заглавие дано редакцией газеты.

[21] По-видимому, Ленин имеет в виду характеристику Парижской коммуны как «в высшей степени гибкой политической формы» в работе К. Маркса «Гражданская война во Франции» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, с. 345—346) и высокую оценку «гибкости парижан» в письме к Л. Кугельману от 12 апреля 1871 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, с. 172).

[22] Ленин имеет в виду следующее место из письма К. Маркса Ф. Энгельсу от 16 апреля 1856 года: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием Крестьянской войны. Тогда дела пойдут превосходно» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, с. 37).

[23] *«Пролеткульт»* — Союз пролетарских культурно-просветительных организаций — возник на основе стремления рабочих к культуре и оформился по инициативе большевиков (А. В. Луначарский, Н. К. Крупская и др.) еще до Октябрьской революции как независимая от Временного правительства организация (Петроградская конференция Пролеткульта проходила 16—19 октября 1917 г.). Позднее в руководстве Пролеткульта оказались бывшие «впередовцы» и сторонники богдановской философии (А. А. Богданов, П. И. Лебедев-Полянский, Ф. И. Калинин, П. Керженцев и др.). Считая Пролеткульт «новой формой рабочего движения», самостоятельной в своей области, они отделяли его деятельность от деятельности Советской власти, партии и профсоюзов, распространяли через органы Пролеткульта богдановскую «организационную науку», пытались осуществить богдановский план создания «чистой» пролетарской культуры в рабочих студиях. Объективно это антимарксистское направление вело к противопоставлению Пролеткульта Коммунистической партии и Советскому государству и не совпадало с содержанием работы студий, в которые входила рабочая молодежь, стремившаяся помочь культурному строительству государства. Наибольшее развитие пролеткультовские организации получили в 1919 году. Но уже в следующем году наметился спад и сектантские и махистские тенденции Пролеткульта проявились особенно заметно и были подвергнуты партийной критике. После нее пролеткульты, не сумев до конца перестроить свою работу и в 1922 году снова вызвав критику, пришли в упадок; их органы «Пролетарская культура» (Москва) и «Грядущее» (Петербург) перестали издаваться в 1921 году; в 1925 году Оргбюро ЦК ВКП(б) признало необходимым сохранение Пролеткульта как «целостной практической организации с подчинением ВЦСПС»; Агитпроп ЦК ВКП(б) в 1928 году подтвердил целесообразность этого решения и отметил, что ложные тенденции (богдановщина) уже никакого влияния на содержание работы не оказывают. Пролеткульт существовал до 1932 года.

Первая Всероссийская конференция Пролеткульта состоялась 15—20 сентября 1918 года в Москве. Письмо В. И. Ленина является ответом на приветствие конференции; оно было оглашено на пятом заседании, 19 сентября. С речами и докладами на конференции выступили Н. К. Крупская, М. Н. Покровский, а также руководители Пролеткульта А. А. Богданов, П. И. Лебедев-Полянский, Ф. И. Калинин и др. В решениях конференции содержались ошибочные установки руководителей Пролеткульта, в частности тезис о том, что «культурно-просветительное движение среди пролетариата должно занять самостоятельное место рядом с политическим и экономическим».

[24] Об этом выступлении В. И. Ленина сохранились два кратких отчета — в газетах «Известия ВЦИК» и «Воля труда» от 9 ноября 1918 года, которые ниже и печатаются.

[25] *I съезд по внешкольному образованию* проходил в Москве с 6 по 19 мая 1919 года. На съезде присутствовало около восьмисот делегатов. В день открытия съезда В. И. Ленин выступил с приветственной речью, А. В. Луначарский — с речью о задачах внешкольного образования. Доклад о текущем

моменте и внешкольном образовании был сделан Н. К. Крупской. С докладом о пролеткультах в секционном заседании выступал А. А. Богданов. Съезд принял ряд резолюций: о ликвидации неграмотности, о необходимости слияния работы Пролеткульта с внешкольным отделом Наркомпроса и др. На заключительном заседании В. И. Ленин выступил с речью «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства», в которой еще раз остановился на «интеллигентских выдумках» «пролетарской культуры» (см. следующий документ).

[26] Незадолго перед этим выступлением, в марте 1919 года, Ленин выдвинул мысль о необходимости овладеть всей культурой, оставленной капитализмом, для того чтобы построить социализм («Успехи и трудности Советской власти».— П. с. с., т. 38, с. 54—55; см. также наст. сборник, с. 401). С точки зрения этой важнейшей задачи партии и Советского государства в комментируемой работе В. И. Ленин подверг критике чуждые марксизму взгляды, насаждавшиеся под именем «пролетарской культуры» руководителями Пролеткульта (А. А. Богдановым и др.).

[27] Декрет «О мобилизации грамотных и организации пропаганды советского строя» был принят 10 декабря 1918 года.

[28] Намечая в этой речи новую задачу партии и Советского государства — задачу «культурно-образовательную и просветительную», В. И. Ленин снова возвращается к критике пролеткультовского плана лабораторного создания пролетарской культуры; критика развернулась в августе — декабре 1920 года (см. наст. сборник, с. 433—447 и 585—589).

[29] Юридическое положение Пролеткульта было определено декретом от 9(22) ноября 1917 года (см. наст. сборник, с. 559—560). В нем была установлена автономия Пролеткульта при условии идейного руководства и материальной помощи со стороны Государственной комиссии по просвещению (позднее Наркомпроса). На второй, третий и четвертый вопросы Ленина 24 августа 1920 года был получен следующий ответ руководителей ЦК Пролеткульта от 20 августа 1920 года за подписями В. П. Файдыша и В. В. Игнатова:

«1) Руководящим центром Пролеткульта является Центральный Комитет Всероссийского Совета Пролеткульта, избранный 1-ой Всероссийской конференцией пролетарских культурно-просветительных организаций, в нижеследующем составе:

Президиум: председатель П. И. Лебедев-Полянский, тов. председателя А. И. Маширов-Самобытник, секретарь — В. В. Игнатов, член президиума — В. П. Файдыш, члены Цека: А. А. Богданов, Н. М. Василевский, А. А. Додонова, В. В. Косиор, В. Т. Кириллов, И. И. Никитин, К. Я. Озоль, И. И. Садофьев. кандидаты: Н. М. Лукин, С. С. Кривцов, Ф. А. Благоправов, Р. В. Пельше, С. С. Кржижановский, Е. П. Херсонская, С. М. Контюряев, О. М. Владимирова.

2) На 1920 год смета по Пролеткульту утверждена в размере 508 629 000 рублей.

3) Пролеткульт объединяет вокруг себя около 400 000 пролетариата, причем до 80 000 пролетариата принимает непосредственное участие в культурно-творческих работах Пролеткульта, занимаясь в его студиях.

В связи с переживаемым Республикой периодом гражданской войны деятельность Пролеткульта направляется главным образом на обслуживание, всеми имеющимися в его распоряжении художественными средствами, Красной Армии.

В общеорганизационном отношении наиболее существенным явлением в жизни Пролеткульта можно считать его организационный рост...»

В декабре 1920 года П. Лебедев-Полянский сложил с себя полномочия председателя; на его место был избран В. Ф. Плетнев.

Так как теоретики Пролеткульта его автономию при руководстве со стороны Наркомпроса толковали как самостоятельность, независимость Пролеткульта от политики партии и Советской власти в области культуры, то неоднократно возникал вопрос о подчинении Пролеткульта Наркомпросу (на II Московской городской конференции Пролеткульта в марте 1919 г., дискуссия в печати в марте — мае 1919 г., на I съезде по внешкольному образованию в мае 1919 г.).

[30] В статье В. И. Невского «Диалектический материализм и философия мертвой реакции», помещенной во втором издании книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» в качестве приложения, разбираются главным образом две работы А. Богданова: «Всеобщая организационная наука (тектология)», ч. I, 1913, и ч. II, 1917, и «Философия живого опыта. Популярные очерки» (1912). Упоминаются также сборник статей «Социализм науки. Научные задачи пролетариата», «Очерки организационной науки» (печатались в журнале «Пролетарская культура», № 7-8, 9-10, 11-12) и др.

Основываясь на эмпириомонизме, согласно которому внешний мир представляет собою не независимо от человека и человечества существующую реальность, а лишь социально-организованный опыт человечества, Богданов конструирует всеобщую организационную «строительную» («тектон» — по-гречески «строитель») науку, которая бы объединяла все науки и излагала методы научного построения общества, превращения мира в организованное целое. «Тектология» требовала полного отвлечения от содержания жизни и превращения жизненных форм и связей в «безразличные символы», затем объединяемые в схемы «организаций». Лабораторное построение «чисто» пролетарских науки, искусства, культуры — частный случай богдановской «тектологии».

Незадолго перед тем, в мае 1920 года, В. И. Ленин в своих замечаниях на книгу Н. Бухарина «Экономика переходного периода» писал о терминах и сущности философии Богданова: «... наивно, почти по-детски наивно, Бухарин «взял «термины» «в том значении», в котором они употребляются тов. А. Богдановым» — — — — и не подумал, что и термины и значение их у Богданова «фундированы» (да простит мне академик-автор это смешное, гелертерское слово) его *философией*, философией идеализма и эклектицизма. Поэтому очень часто, слишком часто автор впадает в противоречащий диалектическому материализму (т. е. марксизму) схоластицизм терминов (агностический, юмовско-кантовский, по философским основам), в идеализм («логика», «точка зрения» и т. п. *вне* сознания их производности от *материи*, от объективной действительности) и т. п. Отсюда ряд как раз *теоретических* (к чему было претендовать на «общую теорию»?) неверностей, ученого сора, академических благоглупостей» (Ленинский сборник XI, с. 400—401).

[31] *Третий Всероссийский съезд Российского Коммунистического Союза Молодежи* состоялся в Москве 2—10 октября 1920 года. На съезде присутствовало около шестисот делегатов.

[32] Речь произнесена В. И. Лениным незадолго до открытия I съезда Пролеткульта. Вся эта речь В. И. Ленина явилась развернутой программой строительства социалистической культуры на основе овладения всем культурным наследством, раскрытием и обоснованием культурно-образовательной и просветительной задачи, поставленной в речи 25 февраля 1920 года (см. наст. сборник, с. 432).

[33] А. В. Луначарский не был сторонником пролеткультовских теорий и планов, выступал против нигилистического отношения к культурному наследству, но, рассматривая Пролеткульт преимущественно как художественно-творческую организацию, считал нужным сохранить самостоятельность Пролеткульта, а всю работу по просвещению и культурному воспитанию сосредоточить в Наркомпросе. В духе этого разделения выступил на I Всероссийском съезде Пролеткульта, Луначарский недооценил опасности сепаратистских претензий руководителей Пролеткульта, рассматривавших Пролеткульт в качестве органа созидания пролетарской науки и культуры, которые затем в готовом виде должны будут внедряться в массы через систему Наркомпроса (по сути это был план всеобщего распространения богдановской «организационной науки»). А. В. Луначарский не сразу понял свою ошибку, о чем свидетельствует его пояснение смысла своей речи в письме Н. К. Крупской, написанном накануне выступления (см.: «Ленин и Луначарский».—«Литературное наследство», т. 80. М., «Наука», 1971, с. 220—221), и в заметке «Необходимая поправка» (см.: А. В. Луначарский. Собр. соч., т. 7, с. 233—234 и 235): он выступил лишь за организационное сближение Пролеткульта с Наркомпросом путем включения председателя или пред-

ставителя Пролеткульта в Главполитпросвет (см. прим. 40) и в художественный сектор Наркомпроса. Позднее, касаясь вопроса об ошибочности пролеткультовских позиций, Луначарский в докладе «Русская литература после Октября», прочитанном в феврале 1929 года в Свердловском университете, говорил: «Чуткий Ленин сразу это понял. Он понял, что это социал-демократическая, меньшевистская тенденция —это пролеткультство. Если ему удастся отгородиться от государства и партии, вылиться в политическую позицию, которая будет противопоставлять партию и государство узким цеховым интересам,— вместо мироустроящей политики будет цеховая организация. Ленин говорил об этом, когда мне это еще не пришло в голову, я не разобрал этого... Я еще в то время не понимал глубоко вредной тенденции пролеткультства.

Ленин это понял, политически разгромил пролеткультство» (ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 426, лл. 28—29).

В. И. Ленин требовал действительного подчинения Пролеткульта руководству партии и Советского государства. Организационные формы этого подчинения вырабатывались в течение октября — декабря 1920 года (см. последующие документы и примечания к ним).

[34] *Проект резолюции* был написан В. И. Лениным для I Всероссийского съезда Пролеткульта, который проходил в Москве с 5 по 12 октября 1920 года.

Как свидетельствует Н. К. Крупская (см.: Н. К. Крупская. Педагогич. соч. в 10-ти томах, т. 9. М., 1960, с. 521—522), предварительно Ленин ознакомился с прениями на съезде Пролеткульта. Ленинский проект лег в основу обсуждения вопроса о Пролеткульте на заседании Политбюро ЦК РКП (б) 9 и 11 октября 1920 года. 12 октября съезд Пролеткульта единогласно принял резолюцию, составленную в духе прямых указаний В. И. Ленина, в том числе решение о вхождении в Наркомпрос на положении отдела.

[35] В отчете о выступлении А. В. Луначарского на съезде Пролеткульта 7 октября 1920 года говорилось: «Тов. Луначарский указал, что за Пролеткультом должно быть обеспечено особое положение, полнейшая автономия...» («Известия ВЦИК», 1920, 8 октября, № 224). А. В. Луначарский об этом эпизоде рассказал в своих воспоминаниях (см. наст. сборник, с. 665).

[36] *Набросок* был написан Лениным на заседании Политбюро 9 октября 1920 года при обсуждении вопроса о резолюции для I съезда Пролеткульта.

На этом бурном обсуждении Ленин выступил 9 раз, Сталин — 9, Крупская — 4, Цюрупа — 1, Литкенс — 1, всего высказалось 11 человек. Бухарин (в записке Ленину) выразил несогласие с тезисом об использовании культурного наследия — он полагал, «что «завоевать» буржуазную культуру целиком, не разрушая ее, так же невозможно, как «завоевать» буржуазное государство... Она, как идеологическая система, усваивается пролетариатом в иной связи своих составных частей». О позиции представителей Пролеткульта можно судить по сохранившейся записи В. И. Ленина:

«1) На веки вечные не хотим...
2) На *независимость* не претендуем...
3) Никогда не противопоставляли государству...
4) Влить в Наркомпрос еще рано (из студий)...»

(«Вопросы истории КПСС», 1958, № 1, с. 34; 1968, № 5, с. 91).

Политбюро ЦК РКП(б) постановило «признать необходимым провести на съезде резолюцию о возможно более точном повторении и изложении принципа более тесной связи Пролеткульта с Наркомпросом и подчинении его партии. Резолюцию поручить выработать тт. Лебедеву-Полянскому и Литкенсу. В случае разногласий резолюция должна быть согласована с секретарем ЦК» («Литературное наследство», т. 80. М., «Наука», 1971, с. 222).

[37] Постановлением Политбюро ЦК РКП(б) от 11 октября 1920 года была утверждена резолюция о Пролеткульте, выработанная Покровским, Литкенсом и Бухариным (см. наст. сборник, с. 585—586), отвергнуто дополнение, предложенное президиумом съезда Пролеткульта, и поручено Бухарину выступить в комфракции съезда с защитой резолюции, «предложив ему в своей речи остановиться на первых 3-х параграфах товарища Ленина (см. наст.

сборник, с. 444.—*Ред.*) и указать на обязательность финансирования местных учреждений через губнаробразы» («Литературное наследство», т. 80, с. 222).

Записка В. И. Ленина является ответом на записку Бухарина, в которой он отказывался от выступления, мотивируя тем, что по некоторым вопросам пролетарской культуры он не согласен с Лениным (например, он полагал, что старая культура «рассасывается», а пролетарская тем быстрее «оформляется»). Заседание комфракции Пролеткульта состоялось, решение было ею принято в духе решения Политбюро. 14 октября Политбюро ЦК РКП (б) в третий раз заслушало вопрос о Пролеткульте; в постановлении сказано: «а) принять к сведению резолюцию фракции конференции, б) поручить тт. Покровскому и Литкенсу представить в Политбюро не позже чем в недельный срок самую детальную инструкцию о взаимоотношениях Пролеткульта и Наркомпроса» (см.: «Литературное наследство», т. 80. М., «Наука», 1973, с. 222).

[38] В этой речи В. И. Ленин перед работниками политпросветов губернских и уездных отделов народного образования еще раз подчеркнул главенствующую роль партии во всем строительстве новой жизни и особенно в области идейной, где буржуазия оказывает самое глубокое и мощное сопротивление. Задача идейной переделки учительства и при его помощи —самих трудящихся масс противостоит пролеткультовскому плану выработки пролетарской идеологии и культуры лабораторным путем.

[39] После I съезда Пролеткульта его руководство, заявляя о своем подчинении решению ЦК «в порядке партийной дисциплины», собиралось апеллировать к будущему съезду партии, в принципе считая подчинение Пролеткульта Наркомпросу неправильным. В ноябре 1920 года вопрос о Пролеткульте решено было поставить на Пленуме ЦК РКП (б). 10 ноября 1920 года в пленарном заседании ЦК РКП (б) рассматривался проект инструкции о «формах слияния» Пролеткульта с Наркомпросом, выработанный Главполитпросветом. Пленум ЦК принял предложенный В. И. Лениным проект постановления. Упоминаемую В. И. Лениным резолюцию см. на с. 585—586 наст. сборника. Необходимость слияния работы Пролеткульта с работой Наркомпроса в области научного и политического просвещения (в отличие от художественной деятельности, остающейся автономной) особо подчеркивалась в проекте Ленина и в постановлении Пленума ЦК РКП(б) (его текст см. на с. 585 наст. сборника) потому, что именно в этих областях сильнее всего сказывалось богдановское влияние. Пролеткультовское руководство разрабатывало планы распространения «пролетарской науки» через систему «рабочих университетов», которые должны были выработать «Рабочую Энциклопедию» и подготовить пролеткультовские кадры во всех крупных рабочих центрах; первым таким учебным заведением пролеткультовцы сделали Московский коммунистический университет, открытый 1 марта 1919 года Наркомпросом, и стали в нем пропагандировать «организационную науку» Богданова. Решением Пленума ЦК РКП(б) от 3 июля 1919 года этот университет был влит в Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова, против чего пролеткультовцы долго протестовали. Журнал «Пролетарская культура» с апреля 1919 по июнь 1921 года из номера в номер печатал «Очерки организационной науки» А. Богданова (отдельное полное издание выпущено Гржебиным в 1922 году в Берлине).

Об отношении В. И. Ленина к научной и политической деятельности Пролеткульта см. также следующий документ.

[40] *Главполитпросвет* — Главный политико-просветительный комитет — в развитие постановления ВЦИК «О мерах к усилению деятельности Наркомпроса» (опубл. 10 окт. 1920 г. в «Известиях ВЦИК», № 226) образован постановлением Политбюро ЦК РКП (б) 28 октября 1920 года (см. также: В. И. Ленин. П. с. с., т. 41, с. 397) и учрежден декретом СНК от 12 ноября 1920 года (см. наст. сборник, с. 581—582). Входя в состав Наркомпроса и подчиняясь ему в административном и организационном отношениях, по вопросам идейного содержания своей работы он был непосредственно подчинен ЦК РКП (б). Главполитпросвет возглавляла Н. К. Крупская до его реорганизации (июнь 1930 г.) в сектор массовой работы Наркомпроса.

В инструкции Главполитпросвета предусматривалось: возродить при Наркомпросе отдел пролетарской культуры для руководства и идейного направления работы Пролеткульта, причем кандидата на пост заведующего этим отделом предлагалось выдвигать комфракции Всероссийской конференции Пролеткульта на утверждение ЦК РКП(б); слить клубную работу Пролеткульта с такой же работой политпросветов, возложить общее руководство ею на Политпросвет, оставив за Пролеткультом право организации в этих клубах своих студий и секций; обязать отделы Наркомпроса поддерживать творческую самодеятельность пролетариев; предоставить право комфракциям губернских пролеткультов выдвигать ряд кандидатов для назначения губкомом из их числа заведующего подотделом пролетарской культуры.

[41] Речь идет о замечаниях и добавлениях Н. К. Крупской к проекту письма ЦК РКП(б) «О Пролеткультах», первоначальный вариант которого был подготовлен Г. Е. Зиновьевым и дорабатывался на основе замечаний членов ЦК и работников Наркомпроса. Н. К. Крупская предложила включить в письмо следующее принципиальное добавление: «Пролеткульт возник *до* Октябрьской революции. Он был провозглашен «независимой» рабочей организацией, независимой от министерства народного просвещения времени Керенского. Октябрьская революция изменила перспективу. Пролеткульты продолжали оставаться «независимыми», но теперь это была уже «независимость» от Советской власти». В редакции Крупской приняты и следующие положения: «Вместо того, чтобы помогать пролетарской молодежи серьезно учиться, углублять их коммунистический подход ко всем вопросам жизни и искусства, далекие по существу от коммунизма и враждебные ему художники и философы, провозгласив себя истинно пролетарскими, мешали рабочим...» И далее: «ЦК не только не хочет связать инициативу рабочей интеллигенции в области художественного творчества, но, напротив, ЦК хочет создать для нее более здоровую, нормальную обстановку и дать ей возможность плодотворно отразиться на всем деле художественного творчества». Крупская внесла в проект письма также целый ряд мелких поправок.

Выработка письма ЦК РКП(б) «О Пролеткультах» проходила под руководством В. И. Ленина и при его личном участии. 1 декабря 1920 года письмо ЦК РКП(б) «О Пролеткультах» было опубликовано в «Правде» (см. наст. сборник, с. 585—588).

После публикации письма ЦК РКП(б) президиум ЦК Всероссийского Пролеткульта направил в ЦК партии объяснительную записку, в которой пытался отклонить критику и просил поместить в «Правде» его «Объяснение» к письму ЦК РКП(б). 8 декабря 1920 года Пленум ЦК РКП(б) отклонил просьбу пролеткультовцев, но разрешил поместить их объяснение в дискуссионном листке. Тогда пленум ЦК Пролеткульта (происходил 16—20 декабря 1920 года) послал делегацию в составе Никитина, Благонравова, Плетнева и Волгина к В. И. Ленину для разъяснения вопроса о Пролеткульте (см. воспоминания Ф. Волгина на с. 714 наст. сборника). После этой беседы пленум ЦК Пролеткульта в результате обсуждений и споров решил перестроить работу Пролеткульта. С решением не согласился П. И. Лебедев-Полянский и демонстративно вышел из Пролеткульта. Был избран новый президиум ЦК Пролеткульта: председатель В. Ф. Плетнев, товарищи председателя Ф. А. Благонравов, А. И. Маширов, В. П. Файдыш, секретарь В. В. Игнатов, члены президиума В. Савенков, И. Ермолаев.

[42] Платформа «*Мы — коллективисты*» — анонимный документ, выпущенный ко II Всероссийскому съезду Пролеткульта, состоявшемуся в Москве в ноябре 1921 года. Авторы платформы вели свою родословную от группы «Вперед» и считали себя марксистами школы Богданова; они объявляли нэп ликвидацией диктатуры пролетариата, Советскую власть — «диктатурой политического блока пролетариата и крестьянства», вследствие чего, по их мнению, должна последовать новая, действительно пролетарская революция, для которой надо накапливать силы. «Коллективисты» солидаризировались с «рабочей оппозицией». Коммунистическая фракция II съезда Пролеткульта категорически осудила платформу «коллективистов» и решительно отмежевалась от них.

Говоря о «самарцах», В. И. Ленин имеет в виду часть членов Самарского губкома партии, стоявшую на платформе, близкой к «рабочей оппозиции».

В ответном письме В. М. Молотов сообщил В. И. Ленину, что получил документ «(«коллективистов») через своего секретаря т. Смирнова» (здесь и ниже подчеркнуто Лениным). «Эта платформа,— писал далее Молотов,— к открывшемуся съезду пролеткультов... Какая тут роль «самарцев»... пока не знаю». На письме Ленин сделал пометку: «Платформа «богдановцев»».

2 декабря 1921 года Ленин адресовал членам Политбюро письмо с рядом предложений, связанных с платформой «Мы — коллективисты» (см. следующий документ).

[43] 3 декабря 1921 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение об издании брошюры, разоблачающей платформу «коллективистов». Упомянутые в тексте «циркуляры ЦК» — письмо ЦК РКП(б) «О Пролеткультах», напечатанное в «Правде» 1 декабря 1920 года, и постановление Политбюро ЦК РКП(б) о Пролеткультах от 22 ноября 1921 года, напечатанное в «Известиях ЦК РКП(б)» № 36 за 1921 год (см. также наст. сборник, с. 585—588). При опросе членов Политбюро по телефону В. И. Ленин высказался за принятие проекта постановления о пролеткультах. 24 ноября 1921 года Политбюро снова обсуждало вопрос о Пролеткульте и о платформе «коллективистов». В протоколе было записано «предложение т. Ленина и дополнение т. Сталина к постановлению Политбюро о пролеткультах» (см. наст. сборник, с. 588—589).

[44] Осенью 1922 года перед намечавшимся III съездом Пролеткульта предполагалось, согласно постановлению Политбюро ЦК РКП(б) от 31 августа 1922 года, провести в печати дискуссию о Пролеткульте и пролетарской культуре. 27 сентября в «Правде» появилась статья В. Ф. Плетнева с изложением позиции пролеткультовцев, в значительной степени отягощенная старыми ошибками. В. И. Ленин сделал пометки на статье Плетнева в тот же день.

Во время дискуссии о Пролеткульте и пролетарской культуре «Правда» в октябре 1922 года напечатала десять больших статей, в том числе Н. К. Крупской, И. И. Степанова, Я. А. Яковлева, В. Ф. Плетнева; А. В. Луначарский выступил в газете «Известия». Н. К. Крупская в статье «Пролетарская идеология и Пролеткульт» («Правда», 8 октября.— См. сб.: «Н. К. Крупская об искусстве и литературе». Л.— М., «Искусство», 1963, с. 84—88), указывала на то, что в студиях Пролеткульта нет критического отношения к буржуазному искусству, что нельзя определять принадлежность к пролетариату по происхождению, а надо воспитывать классовое сознание, что нельзя «высидеть» пролетарское искусство, а можно только расчистить ему дорогу, что, наконец, пролетариат взял власть не для того, чтобы отгородиться от других классов, а чтобы организовать бесклассовое общество; могучим же средством для этого служит рабоче-крестьянское государство, которое пролеткультовские теоретики не считают «чисто пролетарским». Плетнев ответил Крупской двумя статьями — «О деснице и шуйце Пролеткульта. Ответ тов. Н. К. Крупской» (17 октября) и «В Пролеткульте. Статья вторая» (20 октября), в которых признавал ошибки Пролеткульта богдановского периода, но пытался защищать свои позиции. К первой из этих статей Плетнева редакция «Правды» дала примечание: «Все статьи о Пролеткульте идут в порядке дискуссии».

11 и 19 октября В. И. Ленин беседовал с зам. зав. агитпропотделом ЦК РКП(б) Я. А. Яковлевым о необходимости ответить на статью Плетнева в «Правде». 23 октября, после ознакомления с текстом статьи Я. Яковлева, состоялась беседа о ней и о деятельности Пролеткульта с автором, Н. И. Бухариным и И. В. Сталиным. 24 и 25 октября статья была напечатана в «Правде» (№ 240 и 241) четырьмя подвалами.

А. В. Луначарский в связи с этим писал о статье Я. Яковлева: «Основные положения этой статьи точно совпадают с заметками Владимира Ильича,

и сама статья является систематизацией этих заметок. Статья эта, несомненно, была прочитана и одобрена Лениным» (см. наст. сборник, с. 675).

А. В. Луначарский возражал некоторым положениям статьи Я. Яковлева в статье «Еще к вопросу о культуре» («Известия ВЦИК», 3 ноября 1922 г.— См. также: А. В. Луначарский. Собр. соч., т. 7, с. 288—293), отстаивая необходимость заниматься и «высшими вопросами культуры». Об отношении Ленина к этой статье Луначарского имеется следующее косвенное свидетельство: «А. В. Луначарский рассказал на многолюдном диспуте в Свердловском университете, в присутствии тт. Варейкиса, Воронского, Поляновского и др., что на другой день после появления... его статьи Владимир Ильич специально позвонил ему и сказал, что он одобрил появление статьи Яковлева для того, чтобы подчеркнуть важность элементарного просвещения, но что он, в то же время, вполне согласен с поправками, имеющимися в статье Луначарского» («Большевик», 1925, № 15, с. 75).

Статью Я. Яковлева см. в наст. сборнике на с. 589—605, извлечения из статьи А. Луначарского — на с. 606.

[45] В. И. Ленин послал Н. И. Бухарину экземпляр газеты «Правда» со своими пометками на статье В. Ф. Плетнева. Предложение Ленина разъяснить Плетневу его ошибки в газете не встретило сочувствия у Бухарина, бывшего тогда редактором «Правды». Возражал Бухарин и против опубликования в «Правде» статьи Я. Яковлева «О «пролетарской культуре» и Пролеткульте».

[46] Статья *«Странички из дневника»* была продиктована В. И. Лениным, по-видимому, в два приема 2 января 1923 года. 10 января 1923 года Наркомпрос в радиограмме отделам народного образования предложил широко распространить статью «Странички из дневника» и разработать мероприятия по выполнению содержащихся в ней ленинских указаний.

[47] В. И. Ленин имеет в виду дискуссию вокруг статьи В. Ф. Плетнева в «Правде» (см. прим. 44).

[48] *Проект резолюции о свободе печати* написан В. И. Лениным в связи с обсуждением этого вопроса на заседании ВЦИК 4(17) ноября 1917 года.

26 октября (8 ноября) 1917 года, по постановлению Военно-революционного комитета, за контрреволюционную агитацию был закрыт ряд буржуазных газет — «Речь», «День» и другие, а на другой день Совнарком принял декрет о печати. 4 (17) ноября на заседании ВЦИК при обсуждении вопроса о печати против декрета выступили Ларин и левые эсеры — Колегаев, Карелин, Прошьян и др.

С речью о необходимости мер, принятых Военно-революционным комитетом и Совнаркомом, выступил Ленин (см.: В. с. с., т. 35, с. 53—55). ВЦИК большинством 34 голосов при 24 против и 1 воздержавшемся принял резолюцию большевистской фракции о безоговорочной поддержке политики Совнаркома в области печати. Проект резолюции, написанный Лениным, на обсуждение ВЦИК не вносился.

[49] Ленин ссылается на свою речь в Объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и Профессиональных союзов 4 июня 1918 года (см.: В. И. Ленин. П. с. с., т. 36, с. 409).

[50] Непосредственным поводом для написания В. И. Лениным статьи *«Маленькая картинка для выяснения больших вопросов»* послужила книга А. И. Тодорского «Год — с винтовкой и плугом», изданная в 1918 году Весьегонским уездным исполкомом Тверской губернии. Книга А. И. Тодорского переиздана в 1958 году издательством «Советская Россия» с предисловием автора.

[51] *«Беднота»* — ежедневная газета для крестьян; выходила в Москве с 27 марта 1918 года по 31 января 1931 года. Газета была создана по постановлению ЦК РКП(б) вместо газет «Деревенская Беднота», «Деревенская Правда» и «Солдатская Правда». С 1 февраля 1931 года «Беднота» слилась с газетой «Социалистическое Земледелие».

[52] Номер журнала *«Красный Террор»*, о котором пишет В. И. Ленин,

был издан 1 ноября 1918 года в Казани Чрезвычайной Комиссией по борьбе с контрреволюцией на Восточном фронте.

[53] «*Мысль*» — вначале еженедельный, затем двухнедельный меньшевистский журнал; издавался в Харькове с января по июль 1919 года при ближайшем участии В. Базарова, С. Девдариани (Сана), М. Кричевского и др. Всего вышло 15 номеров. Упоминаемая Лениным ниже статья Л. Мартова «Мировой большевизм» печаталась в апреле — июле в № 10, 12, 13 и 15 журнала.

«*Грядущий День*» — журнал меньшевистского направления; издавался в Одессе при ближайшем участии С. О. Загорского, Д. О. Заславского, П. С. Юшкевича, М. В. Вишняка, А. В. Пешехонова и др. Вышло два номера: № 1 — в марте, № 2 — в апреле 1919 года.

«*Южное Дело*» — периодические меньшевистские сборники, издававшиеся в 1918 году в Харькове и Киеве при ближайшем участии М. Балабанова, Г. Наумова и С. Сумского. Вышло два сборника.

«*Объединение*» — ежемесячный журнал меньшевистско-эсеровского направления; издавался в Одессе с сентября 1918 по 1920 год под редакцией Н. М. Осиповича и П. С. Юшкевича. Вышло пять книг.

[54] *Лутовинов Ю. Х.* (1887—1924) — рабочий Донбасса, член партии с 1904 года, работал как профессионал-революционер на юге России. С 1920 года — член ЦК союза металлистов и член Президиума ВЦИК, был членом Президиума ВЦСПС. Во время профсоюзной дискуссии (1920—1921 гг.) — один из руководителей антипартийной группы «рабочая оппозиция». В 1921 году был освобожден от работы секретаря ВЦСПС и направлен на работу в Берлин в качестве заместителя торгового представителя РСФСР в Германии.

[55] Имеется в виду А. Г. Шляпников.

IV Всероссийский съезд союза металлистов состоялся в Москве (26—30 мая 1921 г.). Вопрос о составе ЦК союза металлистов обсуждался на заседаниях Политбюро ЦК РКП(б) 28 и 31 мая 1921 года.

[56] По-видимому, имеется в виду ответ Лутовинова на телеграмму В. И. Ленина от 7 мая 1921 года о направлении Г. Л. Шкловского на работу в торгпредство в Берлин, в котором Лутовинов указывал, что считает решение ЦК РКП(б) о Шкловском неправильным.

[57] Протест Лутовинова и Б. С. Стомонякова (торговый уполномоченный Советской России в Берлине) касался решения Политбюро ЦК РКП(б) о желательности печатания книг издательства «Всемирная литература» частным издательством З. И. Гржебина в Берлине. Издательство Гржебина, общее руководство которым осуществлялось А. М. Горьким, В. А. Десницким и А. Н. Пинкевичем, было создано в Петрограде, с отделениями в Москве, а затем в Берлине. Существовало с 1919 по 1923 год. Ю. Х. Лутовинов и Б. С. Стомоняков указывали, что Гржебин искусственно поднимает цены на советские заказы и что издательский аппарат торгпредства в Берлине выполнит издание дешевле. На заявлении Лутовинова и Стомонякова Ленин написал записку Г. Е. Зиновьеву, запрашивая о решении комиссии ЦК по делу Гржебина. Г. Е. Зиновьев ответил, что комиссия приняла решение только об уже сделанных заказах, новых поручений Гржебину не давала, но согласилась на то, чтобы довести до конца старый заказ. 31 мая Политбюро рассмотрело заявление Лутовинова и Стомонякова и поручило Зиновьеву сообщить им точный текст решения, утвержденного Политбюро по делу Гржебина.

[58] *Ю. В. Ломоносов* — в это время помощник торгового представителя РСФСР в Германии.

[59] Речь идет о статье Г. И. Мясникова «*Больные вопросы*» и докладной записке в ЦК РКП(б), а также его выступлениях в петроградской и пермской организациях РКП(б).

Г. И. Мясников организовал в Мотовилихинском районе Пермской губернии антипартийную группу, которая начала борьбу против политики партии. Оргбюро ЦК РКП(б), обсудив 29 июля 1921 года выступления Мясникова в пермской организации, его статью и докладную записку, признало их антипартийными и создало комиссию для расследования дела Мясникова.

1 августа Ленин прочитал статью Мясникова и написал ему об этом, затем, после внимательного ознакомления с письмом и докладной запиской, 5 августа написал печатаемое в сборнике письмо, а 12 августа телеграмму в Пермский губком РКП(б): «Прошу прочесть на заседании губкома обе статьи Мясникова и мое ответное письмо ему. Тоже на Мотовилихинском райкоме. Прошу Мясникова снять две копии с моего ответного письма, одну мне, другую губкому». 22 августа Оргбюро ЦК признало тезисы Мясникова, изложенные в его статьях, несовместимыми с интересами партии, обязало его не выступать на официальных партийных собраниях с этими тезисами и отозвало его в распоряжение ЦК РКП(б). Мясников не подчинился этому решению, продолжая антипартийную деятельность в Мотовилихе и пытаясь организовать антипартийную группу в Петрограде. В феврале 1922 года за неоднократные нарушения партийной дисциплины и организацию, вопреки решению X съезда РКП(б) о единстве партии, антипартийной группировки Мясников был исключен из партии. Решение об исключении было утверждено Политбюро ЦК РКП(б).

[60] *ЦКК (Центральная Контрольная Комиссия)* — высший орган партийного контроля, созданный по решению IX Всероссийской конференции РКП(б) в сентябре 1920 года.

[61] Речь идет о библиотеке депутата III Государственной думы П. И. Суркова, входившего в социал-демократическую фракцию. Библиотека его в деревне Крутилове Иваново-Вознесенской области была опечатана, книги объявлены реквизированными. Сурков соглашался отдать их в местную рабочую читальню, и Ленин счел это справедливым.

[62] 16 апреля секретарь СНК по поручению В. И. Ленина сообщил А. А. Вермишеву, что его пьеса «*Красная Правда*» была послана на отзыв трем литераторам-редакторам. Отзыв следующий: 1) как агитационное орудие пьеса должна действовать сильно, особенно там, где переживали гражданскую войну; 2) в художественном отношении страдает длиннотами, искусственностью речи, местами книжностью языка. Подлежит некоторой чистке стиля, сокращениям; 3) для столичных, балованных сцен не очень подходит, но в гущу народную — хорошо.

На документе имеется последующая пометка В. И. Ленина: «В архив для справок».

А. А. Вермишев попал в плен к белогвардейцам и был зверски замучен.

[63] Об И. Вольном (И. Е. Вольнове) см. также наст. сборник, с. 370. М. Горький вспоминал: однажды Ленин, «улыбаясь, показал мне телеграмму: «Опять арестовали скажите чтобы выпустили». Подписано: Иван Вольный.

— Я читал его книгу,— очень понравилась. Вот в нем я сразу по пяти словам чувствую человека, который понимает неизбежность ошибок и не сердится...» (М. Горький, т. 17, с. 35).

[64] И. Вольнов был принят В. И. Лениным. См. воспоминания об этом В. Д. Бонч-Бруевича (сб. «Живой Ленин». М., 1965, с. 149—150).

Во время ареста у И. Е. Вольнова были взяты рукописи романа «Северные огни», хроники «Огонь и воды» и ряда рассказов. Рукописи не сохранились. После освобождения Вольнов уехал на борьбу с тифом в Самару. Впечатления от поездки нашли отражение в его повести «Встреча».

[65] П. Ф. Охрименко осенью 1919 года приехал в Москву с Украины из Каменки, занятой белогвардейцами. Сделанный им перевод (с английского) революционного стихотворения Э. Карпентера был напечатан в № 250 «Правды» 7 ноября 1919 года. О тяжелом материальном положении П. Охрименко В. И. Ленин узнал от М. И. Ульяновой, в то время — секретаря редакции «Правды» (см. воспоминания П. Охрименко в сб. «Живой Ленин». М., 1965, с. 223—226).

[66] Письмо А. С. Серафимовичу было написано В. И. Лениным в связи с гибелью на фронте гражданской войны его сына Анатолия.

[67] В августе 1920 года В. И. Ленин переслал Г. К. Орджоникидзе (в то время члену Реввоенсовета Кавказского фронта) выписки из полученного им сообщения А. С. Серафимовича о фактах, порочащих революционную работу Г. К. Орджоникидзе. Ленин писал Орджоникидзе о том, чтобы он

вернул выписки с пометками насчет фактов: «Что правда, что неправда». Г. К. Орджоникидзе телеграфировал, что выдвинутые против него обвинения не соответствуют действительности. В связи с этим Ленин и послал ему печатаемую выше телеграмму. На ответном письме Орджоникидзе Ленин сделал пометку: «Думаю, что Серго (Орджоникидзе) врать не способен» (ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС).

[68] Направление руководящих работников для лечения за границу проводилось после X съезда РКП(б).

[69] Обмен записками по поводу поэмы В. Маяковского «*150 000 000*» происходил 6 мая 1921 года, очевидно, во время заседания. В кабинете В. И. Ленина в Кремле сохранился экземпляр поэмы с дарственной надписью: «Товарищу Владимиру Ильичу с комфутским приветом. Владимир Маяковский».

[70] Возможно, что Ленин назвал «Илиадой» роман В. Я. Зазубрина «Два мира», который рекомендовал ему Луначарский, а в письме Ленину 28 ноября 1921 года просил «написать два слова мнения о нем». В предисловии к этой книге Горький писал, что видел ее в 1921 году на столе Ленина, и передал его отзыв: «Очень страшная, жуткая книга; конечно — не роман, но хорошая, нужная книга».

[71] Записка В. М. Молотову и ответ А. И. Окулову написаны В. И. Лениным на письме А. И. Окулова, который обратился в Госиздат за разрешением издавать под его личную ответственность еженедельную научно-художественную и литературную газету и просил у Ленина рекомендацию.

24 ноября 1921 года Политбюро ЦК РКП(б), обсудив предложение Окулова, передало его на заключение зав. политическим отделом Госиздата Н. Л. Мещерякову. 17 января 1922 года Политбюро постановило: «Разрешить издание Окуловым еженедельного журнала по первоначально представленной им программе» (ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС).

[72] Речь идет о сборнике статей Н. А. Бердяева, Я. М. Букшпана, Ф. А. Степуна, С. Л. Франка «Освальд Шпенглер и закат Европы», изданном в Москве в 1922 году.

[73] Имеется в виду стихотворение В. Маяковского «*Прозаседавшиеся*». Маяковский, по словам одного из современников, так вспоминал о выступлении Ленина: «...если Ильич уже признает, что мое политическое направление правильно, выходит, что я делаю успехи в коммунизме. Это для нашего брата самое насущное, самое главное!» («Литературное наследство», т. 65, «Новое о Маяковском». М., 1958, с. 215).

[74] Имеются в виду слова Ф. Энгельса в статье «Эмигрантская литература» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, с. 516).

[75] «*Новая Россия*» — общественно-литературный ежемесячный журнал сменовеховского толка; издавался в 1922—1926 годах; два номера вышли в Петрограде в марте и июне 1922 года. С августа 1922 года журнал выходил в Москве под названием «Россия». В «Новой России» и «России» печатались писатели Е. Замятин, Б. Пильняк, И. Эренбург, М. Пришвин, О. Форш и др. Редактором журнала был И. Г. Лежнев, позднее пересмотревший свои взгляды и работавший в советской печати и литературной критике.

26 мая 1922 года Политбюро ЦК РКП(б), рассмотрев, по предложению В. И. Ленина, вопрос о журнале «Новая Россия», поручило Главному управлению по делам печати «в качестве высшей инстанции разрешить дальнейший выход журнала «Новая Россия», отменив постановление Питерского Исполкома об его закрытии» (ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС).

В связи с тем, что Петроградский губисполком обратился в Политбюро с ходатайством пересмотреть постановление от 26 мая, Политбюро поручило заведующему политическим отделом Госиздата дать заключение по этому вопросу. Н. Л. Мещеряков предложил не отменять постановления Петроградского губисполкома о закрытии журнала и разрешить издателям «Новой России» выпускать новое издание. Политбюро 1 июня 1922 года отклонило ходатайство Петроградского губисполкома об отмене постановления от 26 мая и предложило Президиуму ВЦИК провести его в жизнь. Президиум ВЦИК, заслушав 8 июня объяснения Мещерякова, признал их удовлетворительными и постановил считать вопрос о журнале «Новая Россия» исчерпанным.

[76] О газете *«День»* см. наст. сборник, прим. 110 к разделу «Об А. М. Горьком».

[77] *«Экономист»* — журнал промышленно-экономического отдела Русского технического общества, в состав которого входила враждебно настроенная к Советской власти буржуазная техническая интеллигенция и бывшие собственники предприятий. Выходил в Петрограде с декабря 1921 по июнь 1922 года. В числе сотрудников «Экономиста» значились: Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. С. Изгоев, И. Х. Озеров, К. А. Пальчинский, А. Н. Потресов, Д. Д. Протопопов, П. А. Сорокин и др. Первый номер журнала был послан Ленину редактором журнала Д. А. Лутохиным. Содержавшаяся в номере статья эсера Питирима Сорокина «О влиянии войны» вызвала возмущение В. И. Ленина (см. его статью «О значении воинствующего материализма».— П. с. с., т. 45, с. 31—33). П. А. Сорокин (1889—1968) за контрреволюционную деятельность был выслан за границу, с 1923 года жил в США.

[78] Письмо П. П. Малиновскому — и. о. Народного комиссара имуществ Республики — написано В. И. Лениным по поводу выполнения декрета Совнаркома *«О памятниках республики»*, принятого по докладу А. В. Луначарского 12 апреля 1918 года и напечатанного в газетах «Правда» и «Известия» 14 апреля (см. наст. сборник, с. 562).

Вопрос о ходе выполнения декрета обсуждался Совнаркомом 8, 17 и 30 июля 1918 года. 30 июля СНК постановил утвердить (с небольшими изменениями) список лиц, которым предполагалось поставить памятники (см. наст. сборник, с. 565—566).

[79] В ЦПА ИМЛ сохранился документ: 28 изречений Маркса, Дантона, Чернышевского, Лассаля, Цицерона, Гейне, Томаса Мора, Шиллера и др. с надписью А. В. Луначарского, подтверждающей, что эти изречения одобрены в качестве текстов для монументальной пропаганды им, В. Я. Брюсовым и В. М. Фриче. На заседании Совнаркома 9 сентября 1918 года А. В. Луначарский в ответ на запрос Каменева, знает ли он и что о подготовке надписей, ответил, что 28 изречений уже готовы и «одобрены мною и Ильичем» («Литературное наследство», т. 80, 1971, с. 62—63).

[80] Ленин имеет в виду постановление президиума Московского Совета от 7 октября 1918 года, которым руководители Моссовета пытались снять с с себя ответственность за невыполнение постановлений Совнаркома об установлении в Москве памятников выдающимся деятелям революционного движения и культуры. На рукописи Ленина рукой неизвестного сделана пометка: «Заслушано в президиуме 14 октября».

[81] Поручение написано на докладной записке Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса, адресованной Управлению делами Совнаркома. Музейный отдел просил предоставить для нужд государственных музеев ряд помещений Большого Кремлевского дворца. СНК решением 12 декабря 1918 года удовлетворил эту просьбу, подчеркнув, что помещения должны служить «в особенности для представления исторической картины царского быта».

[82] 30 декабря 1919 года Совнарком постановил: «Признавая в принципе необходимым поставить к 1 мая 1920 года памятник Марксу на площади Я. М. Свердлова, поручить Комиссии при СНК в самом срочном порядке выяснить детально вопрос, представить проект памятника и проект соответствующих мероприятий и смету на утверждение СНК».

Эскизный проект памятника Марксу, представленный скульптором С. Д. Меркуровым, оказался неудовлетворительным, и 23 февраля 1920 года заказ на памятник был передан Малым Совнаркомом скульптору С. С. Алешину. Это постановление Малого СНК было обжаловано Меркуровым в письме на имя управделами СНК В. Д. Бонч-Бруевича. 20 апреля Малый СНК заслушал доклад А. В. Луначарского о ходе подготовительных работ по сооружению памятника Карлу Марксу и постановил поручить сооружение группе скульпторов во главе с С. С. Алешиным. К 1 мая 1920 года памятник готов не был; в этот день состоялась торжественная закладка памятника, на которой В. И. Ленин выступил с речью (см.: П. с. с., т. 41, с. 105). (См. также

письмо В. И. Ленина А. В. Луначарскому и в Малый Совет от 19 апреля 1920 года и воспоминания А. В. Луначарского — наст. сборник, с. 495 и 661—662). Памятник Карлу Марксу работы Л. Е. Кербеля поставлен на этом месте в 1961 году.

[83] Запрещение местными властями кустарных промыслов бывало тогда неоднократно. В 1919 году в одном из поселков близ Казани было запрещено кустарное производство бус, что вызвало резкое осуждение у Ленина.

[84] Поправки вносились В. И. Лениным в проект постановления Совнаркома «О Московских Высших Художественно-технических мастерских» (ВХУТЕМАС) (см. наст. сборник, с. 582—583).

[85] Письмо А. В. Луначарскому написано по поводу проекта положения о Наркомпросе, подготовленного В. И. Соловьевым, и проекта тезисов о реорганизации Наркомпроса, подготовленного Е. А. Литкенсом. Оба проекта были присланы авторами Ленину. Подробнее о реорганизации Наркомпроса см.: В. И. Ленин. П. с. с., т. 42, с. 87, 319—332 и 376.

[86] В ответ на эту записку В. И. Ленину было сообщено, что могилы Г. В. Плеханова и В. И. Засулич приведены в порядок и что комитет государственных сооружений обязался обеспечить скульптора И. Я. Гинцбурга материалами.

16 июля 1921 года Политбюро ЦК РКП(б) постановило оказать содействие в постановке памятника Г. В. Плеханову, поручив Н. А. Семашко договориться об этом с Петроградским Советом.

[87] А. В. Луначарский в письме на имя Председателя Малого СНК А. С. Киселева требовал прекращения работы комиссии, обследовавшей деятельность Наркомпроса в области руководства театрами, ссылаясь на то, что он не получил официального уведомления о ее назначении.

Комиссия представителей Наркомата Рабоче-Крестьянской инспекции, Наркомфина и Всерабиса под председательством А. С. Киселева была назначена решением Малого СНК 22 июня 1921 года. 1 августа МСНК рассмотрел заявление А. В. Луначарского и предложил комиссии продолжать работу.

[88] Телефонограмма В. И. Ленина — ответ на письмо А. В. Луначарского от 25 августа 1921 года с просьбой вызвать его «в первую свободную минутку» для решения вопросов о театрах: «...не дадите ли Вы мне директиву, не возбудите ли где-нибудь... в советском порядке вопрос о широком, в европейском масштабе, урегулировании вопроса о Художественном театре... Но, если этого нельзя, напишите мне — нельзя... и я буду знать, что Художественный театр положен в гроб» (см. «Литературное наследство», т. 80, с. 311).

[89] Предложение Ленина было вызвано тяжелым финансовым положением страны и необходимостью увеличить ассигнования на школы и ликвидацию безграмотности.

После обсуждения этого вопроса в Политбюро, во фракции ВЦИК, изучения вопроса НК РКИ, Политбюро согласилось с мнением фракции ВЦИК о том, что закрытие театра хозяйственно нецелесообразно.

Осенью 1922 года вопрос о Большом театре в Москве и Мариинском театре в Петрограде обсуждался вновь. 26 октября Политбюро приняло решение о сокращении субсидии этим театрам, реорганизации их управления в целях сокращения расходов, о привлечении частных капиталов и т. д. (ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС).

[90] Первоначальная запись этого документа была сделана управделами СНК Н. П. Горбуновым 17 января 1922 года под диктовку по телефону; затем Н. П. Горбунов записал текст в форме директивы Наркомпросу. Обе записи были напечатаны в 1925 году (первая — в книге Г. Болтянского «Ленин и кино», вторая — в журнале «Киноперделя», № 4). В Полном собрании сочинений В. И. Ленина текст печатается по второму, более полному варианту.

От имени управделами СНК документ был послан 27 января 1922 года в Наркомпрос. Н. П. Горбунов писал: «Сообщаю Вам для руководства директиву Владимира Ильича по киноделу». Наркомпросу предлагалось: «1) На основании этой директивы разработать программу действий и сообщить ее немедленно в Управление делами Совнаркома для доклада Владимиру

Ильичу. 2) Через месяц представить в Управление делами Совнаркома доклад о том, что реально сделано во исполнение этой директивы и какие достигнуты результаты. 3) Немедленно сообщить — какие функции после издания последнего постановления СТО о киноделе остались за Наркомпросом и кому принадлежит непосредственное руководство за выполнением этих функций».

[91] Записки были написаны В. И. Лениным в связи с предложением художника Ф. А. Малявина организовать в пользу голодающих выставки его картин и рисунков в Западной Европе и Америке, предварительно издав их репродукции в сотнях тысяч экземпляров. Малявин просил у В. И. Ленина содействия в получении его произведений из государственных учреждений и от частных лиц, а также разрешения на выезд за границу. Луначарский 16 января ответил Ленину письмом, отметив, что картины из государственных учреждений и принадлежащие частным лицам не могут быть проданы, что спрос на произведения живописи на заграничных рынках небольшой, что расходы по организации выставки будут значительны и она не принесет крупного дохода в пользу голодающих. Ленин, ознакомившись с ответом А. В. Луначарского, написал вторую записку.

[92] Записка написана на отзыве Н. К. Крупской о сценарии П. И. Воеводина *«Владимир Ильич Ленин»*. Воеводин просил В. И. Ленина дать заключение и согласие на постановку по этому сценарию художественного историко-революционного фильма «Владимир Ильич Ленин».

О ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

[1] В. И. Ленин в 1895 году выезжал за границу для установления связей с группой «Освобождение труда» и деятелями западноевропейских социалистических партий, а также для работы в библиотеках. В Берлине, пребывание в котором он не конспирировал, он работал в государственной библиотеке над книгой К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство»; в российских библиотеках этой книги не было.

[2] Пьеса Г. Гауптмана *«Ткачи»* (1892), отражавшая беспросветную жизнь и борьбу силезских ткачей, пользовалась популярностью в революционной среде. На русский язык она была переведена в начале 90-х годов сестрой В. И. Ленина А. И. Ульяновой-Елизаровой и распространялась московскими социал-демократами среди рабочих Москвы и Подмосковья (Автобиография А. И. Ульяновой-Елизаровой.— «Пролетарская революция», 1935, № 6, с. 132—134). По свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, этот перевод был отредактирован Лениным.

[3] *Амичис* Эдмондо (1846—1908) — итальянский писатель, член социалистической партии Италии с 1894 года; в 1898 году в Москве была издана его книга «Школьные товарищи» в переводе А. И. Ульяновой-Елизаровой.

[4] *Негри* Ада (1870—1945) — итальянская поэтесса; сборники ее стихов «Fatalita» («Рок», 1893) и «Tempeste» («Буря», 1896), «Материнство» (1904), «Из пропасти наверх» (1910) отражали жизнь и труд итальянских рабочих. Стихи Негри пользовались популярностью у демократического читателя, переводы их неоднократно издавались в России.

[5] По-видимому, произведениями Э. Золя на немецком языке, а не на языке оригинала В. И. Ленин и Н. К. Крупская пользовались для параллельного чтения текста при усовершенствовании в немецком языке.

[6] Об отношении В. И. Ленина к народным хорам см. наст. сборник, с. 516.

[7] *«Жидовка»* («Дочь кардинала») — опера композитора Ж.-Ф. Галеви. Опера шла в Казани в конце 1888 — начале 1889 года.

[8] Поездка в Прагу и Вену была связана с хлопотами о заграничном паспорте для Н. К. Крупской, которой предстояло выехать из Уфы за границу по окончании ссылки. Без прошения мужа паспорт она получить не могла.

[9] Цитата из стихотворения Г. Гейне «*Диспут*» («Каждое слово — ночной горшок, и притом не пустой») впоследствии была использована Лениным в статье «Сердитое бессилие» (см.: П. с. с., т. 11, с. 144).

[10] Выражение «две нации» заимствовано из романа Дизраэли «*Сибилла*» («Две нации»).

[11] *Гервег* Георг (1817—1875) — немецкий поэт, сотрудник редактировавшейся К. Марксом «Новой Рейнской Газеты», автор революционных стихотворений, борец против шовинизма и милитаризма. Ленин выписал из книги И. Дицгена строфы стихотворения Г. Гервега «Песнь о ненависти» (см.: Георг Гервег. Избранное. М., 1958, с. 58—59).

[12] В. И. Ленин цитирует здесь «Lettre sur les aveugles à l'usage de ceux qui voient» («Письмо о слепых для назидания зрячим», 1749) Дени Дидро, направленное против христианской религии; за это произведение автор был заключен в тюрьму (см.: Дени Дидро. Избранные произведения. Гослитиздат. 1951, с. 277).

[13] По-видимому, речь идет о демонстрациях солидарности парижских рабочих с антимилитаристскими выступлениями трудящихся Испании, протестовавших против колониальной авантюры своего правительства в Марокко.

[14] *Musée Grévin* — галерея восковых фигур (различных исторических деятелей: Гамбетты, Наполеона, королевской фамилии в Темпле и т. д.), выполненных с большим сходством и точностью костюмов.

[15] Ниже Ленин цитирует письмо К. Маркса к Ф. Лассалю от 19 апреля 1859 года (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 29, с. 483—484). Когда Ленин писал статью, письмо Маркса еще не было опубликовано. Ленин пользовался выдержками из этого письма, приведенными Лассалем в его ответном письме Марксу и Энгельсу от 27 мая 1859 года. Всю переписку см. в сборнике «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве», т. 1, 1957, с. 15—52.

[16] *Исключительный закон против социалистов* был введен в Германии в 1878 году. Этим законом были запрещены все социал-демократические массовые рабочие организации, закрыта рабочая печать, запрещена социалистическая литература. Под напором массового рабочего движения закон был отменен в 1890 году.

[17] Речь идет об отрывке из поэмы Тробеля «Мужчины и женщины только» (автор — американский рабочий), переведенном Л. Н. Сталь и напечатанном в № 123 газеты «Правда» от 30 мая 1913 года.

[18] Имеются в виду статьи Ромена Роллана в женевской газете «Journal de Genève» в августе — октябре 1914 года. Р. Роллану с большим трудом удавалось печатать их в швейцарской прессе; переиздание этих статей во Франции французским правительством задерживалось, и только в 1915 году они были напечатаны в сборнике «Au dessus de la mêlée» (Р. Роллан. Над схваткой. Париж. Поль Оллендорф; Невшатель. Бр. Атингер, 1915).

[19] См. ниже статью «Английский пацифизм и английская нелюбовь к теории» (наст. сборник, с. 518—519).

[20] *Базельская резолюция* — принятая IX Международным социалистическим конгрессом II Интернационала (Базель, 1912 г.), обязывала социалистов в случае возникновения империалистической войны использовать создаваемый ею кризис для превращения ее в гражданскую войну и социалистическую революцию.

[21] В июне 1915 года В. И. Ленин и Н. К. Крупская жили в Зёренберге (в горах Швейцарии); позже туда приехала И. Ф. Арманд.

[22] Возможно, В. И. Ленин имеет в виду статью Г. В. Плеханова «Литературные взгляды В. Г. Белинского» (из серии статей «Судьбы русской критики»); статья впервые была напечатана в 1897 году в журнале «Новое Слово», кн. 1 (отд. 2), с. 1—24, и кн. 2 (отд. 2), с. 1—23, под псевдонимом «Н. Каменский». Затрагивая вопрос о влиянии географической среды на развитие искусства, Г. В. Плеханов писал: «Не вдаваясь в пространные рассуждения

по этому поводу, заметим, что географическая среда влияет на развитие искусства *посредственно*, т. е. через общественные отношения, вырастающие на основе производительных сил, развитие которых всегда в большей или меньшей степени зависит от географической среды. *Непосредственное* же влияние этой среды на искусство вряд ли существует в сколько-нибудь заметной степени» (Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. V. М., 1958, с. 230—231).

[23] *Баррес* (Barrès) Морис (1862—1923) — французский буржуазный писатель и публицист, воинствующий идеолог католицизма. Во время мировой империалистической войны выступал с пропагандой антигерманского шовинизма, сотрудничал в крайне реакционной буржуазной прессе.

[24] Речь идет о библиографическом отделе подготовлявшегося № 1 журнала «Коммунист».

«*Коммунист*» — журнал, организованный В. И. Лениным в 1915 году, издавался в Женеве редакцией Центрального Органа партии газеты «Социал-Демократ». Вышел (в сентябре) один (двойной) номер.

Упоминаемые ниже книги: «Социализм умирающий и социализм, который должен возродиться» (1915) французского социалиста П. Голея; манифест против войны, выпущенный Эп. Синклером, и журнал германских левых социал-демократов (К. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, К. Цеткин, Л. Иогихес (Тышка), Ю. Мархлевский и В. Пик) «Die Internationale» (выходил с апреля 1915 г.).

[25] Речь идет о книге Шарля Раппопорта «Жан Жорес. Человек. Мыслитель. Социалист» (Париж, 1915) и об открытом письме Э. Золя президенту Французской республики Э. Фору — протесте против дела Дрейфуса (провокационный процесс против офицера-еврея Дрейфуса, обвиненного, в целях разжигания антисемитизма, в государственной измене). Об отношении В. И. Ленина к Золя см. наст. сборник, с. 620—621.

[26] Речь идет о статьях Р. Роллана в «Journal de Genève» (см. прим. 18).

[27] В. И. Ленин с группой российских политических эмигрантов выехал из Швейцарии в Россию через Германию 9 апреля (27 марта) 1917 года. Перед отъездом видные европейские интернационалисты подписали «Декларацию», в которой не только одобряли решение российских революционеров, но заявляли, что считают их долгом как можно скорее прибыть на родину, чтобы участвовать в революционной борьбе своего народа.

7 мая в «Дневнике» Р. Роллана имеется запись о посещении им А. В. Луначарского, выезжавшего со вторым эшелоном российских политэмигрантов в Россию:

«Говорили о Ленине. Ленин резкий, безгранично прямолинейный человек. Он всюду вносит бурю, борьбу...

Он пользуется огромным авторитетом. Это «святой», говорит Луначарский (впрочем, строго судящий о нем). У него нет никаких слабостей. Он целиком отдает себя делу. Его даже нельзя обвинить в высокомерии или в честолюбии, как это может показаться на первый взгляд. Он не страдает честолюбием. И он первый уступит место человеку, который, по его мнению, сможет принести больше пользы делу. Однако он убежден, что правда на его стороне. И ради этой правды он готов пожертвовать всем. Оказываемое им влияние, вероятно, очень велико, если в этот момент, после его неосторожного поступка, он остался неуязвим для клеветы. Даже Милюков вынужден признать (и газеты, состоящие на субсидии Антанты, вынуждены повторить), что он честный человек. Луначарский говорит, что его нельзя сломить, его можно только убить. И он опасается этого» (Р. Роллан. Дневники военных лет.— «Октябрь», 1935, № 3, с. 3—4, 10).

[28] В тот же день 15 (28) января 1918 года в соответствии с просьбой В. И. Ленина было дано распоряжение об отпуске средств на переезд интернационалиста журналиста Баренда Лютераана (род. в 1878) в Россию для вступления его в ряды Красной гвардии.

[29] Американский журналист *Альберт Р. Вильямс* неоднократно встречался с В. И. Лениным в 1917 и 1918 годах. Его воспоминания об этих встре-

чах см. в сборнике «О Ленине. Воспоминания зарубежных современников», изд. 2-е, 1966, с. 193—214.

[30] *Роберт Майнор* (1884—1952) — видный американский социалист, журналист, художник. С энтузиазмом встретил Октябрьскую революцию. В Москве участвовал в редактировании газеты «The Call» («Призыв»), которая распространялась среди англо-американских интервенционистских войск. Позже — член Коммунистической партии США, редактор ЦО этой партии — газеты «Daily Worker». Его воспоминания «У Ленина» см. в сб. «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 1, 1957, с. 307—332.

М. Филипс Прайс — английский журналист; в 1917 году приехал в Россию как корреспондент «Манчестер Гардиан». Автор книг о русской революции. Позднее член Коммунистической партии Англии, затем — лейборист.

[31] «*Demain*» («Завтра») — ежемесячный литературно-публицистический и политический журнал французских интернационалистов. Выходил в Женеве с января 1916 по октябрь 1918 года (№ 31 журнала был издан в сентябре 1919 г. в Москве в качестве органа московской группы французских коммунистов).

«*Le Feu. (Journal d'une escaude)*» («Огонь. Дневник взвода». Париж, 1916), антимилитаристский роман Анри Барбюса (1873—1935), был удостоен премии Гонкуров. О романах А. Барбюса «Огонь» и «Ясность» см. высказывания В. И. Ленина в статье «О задачах III Интернационала» и в интервью «Ответ на вопросы американского журналиста» (см. наст. сборник, с. 524—525).

[32] Ленин упоминает о книгах французских беллетристов Леона Франье (1863—1949) и Пьера Лоти (псевдоним Жюльена Вио) (1850—1923). *Леон Франье* — автор книги «La Maternelle» («Материнская школа»); Н.К.Крупская упоминала о нем как о писателе, любящем детей и умеющем изображать внутренний мир ребенка (Н. К. Крупская. Педагогические сочинения, т. 10, 1962, с. 115).

Пьер Лоти — один из создателей жанра колониального романа, пронизанного расизмом и империалистической идеологией. В ряде произведений Лоти, особенно в очерках конца XIX века, есть материал о жестокостях колонизаторов. Запрашиваемая Лениным книга Лоти — сборник очерков (большей частью о войне) официозно-патриотического характера, написанных за 1913—1917 годы и публиковавшихся в периодической печати.

[33] Ответы американскому журналисту (агентство «United Press») были посланы за границу. Агентство «United Press» разослало их в газеты, кроме ответа на вопрос «Что имели бы вы еще довести до сведения общественного мнения Америки?».

[34] «*L'Humanité*» с декабря 1920 года, после раскола французской социалистической партии и образования Коммунистической партии Франции, является ее Центральным Органом.

[35] А. Франс (1844—1924) в это время «не только заявил себя социалистом и антимилитаристом, не только резко выступил против буржуазного культа войны, но приветствовал русскую революцию, Ленина и коммунизм» (см.: А. В. Луначарский. Собр. соч., т. 5, с. 573). Фердинанд *Бюиссон* (1841—1932) — профессор Сорбонны, радикал-социалист. Упоминаемое ниже письмо Ф. Олара (1849—1928), автора «Политической истории французской революции» (1901), радикала, было также напечатано в № 5669 «L'Humanité» 26 октября 1919 года.

[36] Книга американского писателя-коммуниста Джона Рида (1887—1920) «Десять дней, которые потрясли мир» вышла в США в 1919 году, пользовалась огромным успехом (за 1919 г. была издана трижды). Экземпляр этой книги В. И. Ленин получил от автора во время его второго приезда в Советскую Россию в конце 1919 года. Предисловие Ленина предназначалось для нового американского издания. Однако книга с предисловием В. И. Ленина вышла в США только в 1926 году. На русском языке предисловие Ленина было напечатано впервые полностью в книге Джона Рида, выпущенной издательством «Красная Новь» в 1923 году.

[37] Записка В. И. Ленина написана в ответ на запрос о характере литературы, необходимой В. И. Ленину, для закупки за границей.

[38] *Луи Фрейна* (Fraina) (1892—1953) — журналист, в 1920 году был делегатом II конгресса Коминтерна. В 1922 году отошел от коммунистического движения. Ленин предполагал поручить Л. Фрейна написать предисловие и примечания к русскому переводу книги американского революционного социалиста Даниеля де Леона «Две страницы из римской истории», изданной в Нью-Йорке в 1920 году (см.: П. с. с., т. 51, с. 272). Книга де Леона на русском языке издана не была.

[39] Упоминаемый Лениным рапорт врача — медицинское заключение о болезни и смерти Джона Рида, полученное Лениным от секретаря Исполкома Коминтерна М. В. Кобецкого. Заключение было напечатано 3 ноября 1920 года в № 9 газеты «The Call». Заметка — извещение о смерти Джона Рида, напечатанное 19 октября в «Правде»:

«В ночь с 16 на 17 октября от брюшного тифа скончался член Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала, представитель Объединенной Коммунистической партии Америки товарищ Джон Рид».

[40] В книге «Mirrors of Moscow» («Зеркала Москвы») (1923) Лунацы Брайант имеются воспоминания о встречах с В. И. Лениным (см.: «Иностранная литература», 1964, № 11, с. 241—243).

[41] Записка, в которой В. И. Ленин благодарил персидских кустарей за подарок (портрет, вышитый кустарем-коммунистом), была написана на письме члена Кавбюро ЦК РКП(б) Ю. П. Фигатнера, просившего письменно подтвердить получение подарка.

[42] *Группа «Clarté»* («Ясность») — группа литераторов во главе с Анри Барбюсом, основавшая «Республиканское объединение бывших участников войны». Группа издавала журнал того же названия (выходил с перерывами с 1919 по 1928 г. в Париже). В группу входили: А. Барбюс, А. Франс, П. Вайян-Кутюрье, Р. Роллан, С. Цвейг, Г. Уэллс и другие.

Андреас *Лацко* (1876—1943) — австрийский писатель, офицер, автор книг, направленных против империалистической войны: «Суд над войной», «Люди на войне», «Женщины во время войны».

[43] Американскую журналистку Бесси Битти (1886—1947) В. И. Ленин принял по ее просьбе 3 декабря 1921 года. Г. Б. Краснощекова участвовала в беседе в качестве переводчицы.

Получив от нарочного мотоциклиста письмо Ленина, вспоминает Краснощекова, «я тотчас же помчалась к Битти, та вручила мне свою книгу «Красное сердце России». . . что-то надписала на ней, и тот же мотоциклист повез книгу в Кремль» («Иностранная литература», 1957, № 11, с. 28—30).

[44] *Мультатули* (Э.-Д. Деккер) (1820—1887) — выдающийся голландский писатель, автор обличительных романов, отражавших быт угнетенного голландскими колонизаторами народа Индонезии.

О ЯЗЫКЕ

[1] 18 мая 1919 года ЦИК Украинской ССР принял резолюцию об объединении военных сил всех Советских республик для вооруженной борьбы с врагами Советской власти. Аналогичные предложения были внесены советскими правительствами Латвии, Литвы и Белоруссии. 1 июня 1919 года, в соответствии с этими предложениями, ВЦИК принял декрет «Об объединении Советских республик: России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом».

[2] Ленин имеет в виду популярную немецкую фирму «Reclam», которая издала несколько тысяч книжек по литературе стоимостью по 20 пфеннигов (10 копеек) за книжку.

[3] Письмо Ленина было передано М. И. Ульяновой в тюрьму, куда она была заключена после ареста 1 (14) марта 1901 года.

Марк — М. Т. Елизаров.

[4] *Свод законов Российской империи* — сборник действовавших в царской России законов; состоял из пятнадцати томов, в 1892 году был издан 16-й том.

[5] *«Свобода»* — журнал, издававшийся в Швейцарии в 1901 — 1902 годах группой одноименного названия, возникшей в мае 1901 года и именовавшей себя «революционно-социалистической группой». Вышло два номера журнала: № 1 в 1901 и № 2 в 1902 году.

[6] Оценку В. И. Лениным этого издания см. в его статье «Рецензия на книгу: Н. А. Рубакин, «Среди книг», т. II», наст. сборник, с. 273—275.

[7] Настоящая заметка написана В. И. Лениным в 1919 или 1920 году на одном из заседаний Политбюро ЦК РКП(б). В конце 1924 года она была обнаружена и впервые опубликована в «Правде». Определить точнее время написания заметки не удалось.

[8] Имеется в виду «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, изданный в четырех томах в 1863—1866 годах.

[9] Работа над новым толковым словарем классического русского языка была начата в 1921 году. К ней было привлечено более тридцати ученых Москвы и Петрограда; к осени 1923 года в основном был подготовлен первый том словаря, однако закончить работу тогда не удалось. Она возобновилась в 1927 году. Новый толковый словарь русского языка в четырех томах был издан в 1935—1940 годах под редакцией Д. Н. Ушакова. В предисловии к первому тому сказано, что составители стремились «придать словарю характер, отвечающий тем требованиям, которые предъявлял В. И. Ленин к образцовому толковому словарю современного русского литературного языка».

[10] Речь идет о письме Е. А. Литкенса от 9 мая 1921 года. В ответ на письмо В. И. Ленина от 6 мая (см. предыдущий документ) он сообщил, что комиссия по созданию словаря не работает, а просьбу В. И. Ленина информировать его о том, как обстоит дело, Литкенс передал М.Н. Покровскому.

[11] В ответном письме Е. А. Литкенс сообщил, что для подготовки словаря создана первоначальная комиссия в составе И. И. Гливенко, П. Н. Сакулина, А. Е. Грузинского, Н. Н. Дурново, Д. Н. Ушакова и А. А. Буслаева, которая к 1 июля 1921 года должна представить Ленину первоначальный план.

Ленин подчеркнул слова «к 1 июля» и сделал внизу пометку: «Напомнить мне к 1. VII» (ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС).

[12] Запрос В. И. Ленина касается хода подготовки толкового словаря.

[13] Документ написан на письме Е. А. Литкенса от 7 сентября 1921 года, в котором он сообщал о ходе работ по созданию словаря и обещал через месяц дать очередную коротенькую сводку. В связи с тем, что обещанной сводки Литкенс не прислал, В. И. Ленин написал эту записку.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А. А., А. А-ч, Ал. Ал., Ал. Ал-ч — см. Богданов А.
А. Вас., Ан. Вас.— см. Луначарский А. В.
А. М — ч — см. Горький А. М.
А. П.— см. Потресов А. Н.
Абрамов Я. В. (1858—1906) — 145.
Авенариус Р. (1843—1896) — 66, 68, 69, 74, 173, 174, 316, 512.
Авербах М. П. (1872—1944) — *635*.
Аверченко А. Т. (1881—1925) — 484, 485; «Дюжина ножей в спину революции» — 484.
Аврамов П. Ф. (ок. 1875—1906) — 220, 221.
Акимов *(Махновец)* В. П. (1872—1921) — 121, 284.
Аксаков И. С. (1823—1886) — 161, 296.
Аксельрод П. Б. (1850—1928) — 159, 165, 275, 284, 310.
Александр II Романов (1818—1881) — 186, 195, 196, 296, *702*.
Александр III Романов (1845—1894)—*661*.
Александров А.— 549.
Алексеев П. А. (1849—1891) — 119.
Алексинский Г. А. (1879—?) — 295, 328, 346, 351, 508.
Алешин С. С. (1886—1963) — 495, *662*.
Альский А. О. (1892—1939) — 499.
Альтман Н. И. (1889—1970) — *664*, *706—708*.
Амент В. — «Душа ребенка» — 535.
Амичис Э. (1846—1908) — 280, 505; «Школьные товарищи» — 505.
Амфитеатров А. В. (1862—1938) — 272, 273, 331, 338, 341.
Андерсен-Нексе М. (1869—1954)—535; «Пелле-Завоеватель» — 536.
Андреев Л. Н. (1871—1919) — «Дни нашей жизни» — 289; «К звездам» — 287; «Океан» — *602*, *603*.
Андреева М. Ф. (1868—1953) — 303—306, 315, 317—319, 321, 329, 330, 332, 334, 337, 339, 340 — 343, 345, 346, 369, 376, *616*, *650*—*653*, *690*, *708*.
Анна Ильинична — см. Ульянова-Елизарова А. И.
Анненский Н. Ф. (1843—1912) — 177.
Антоний Волынский *(Храповицкий А. П.)* (1863—1936) — 196, 228, 260, 261, 268.
Антонович М. А. (1835—1918) — 177.
Анюта, Аня — см. Ульянова-Елизарова А. И.
Аракчеев А. А. (1769—1834) — 162, 191, *702*.
Аристотель (384—322 гг. до н. э.) — 74, 76, 81.

В скобках курсивом даются подлинные фамилии в отличие от псевдонимов и партийных кличек, которые даны прямым шрифтом; курсивные цифры указывают страницы приложений к настоящему сборнику. В указатель не входят страницы примечаний. Страницы, на которых упоминаются названия произведений, персонажи, цитаты, введены в указатель под фамилией их автора.

Аристофан (ок. 446—385 гг. до н. э.)— *666*.
Арманд В. А. (р. 1901) — *624*, *715*, *718*.
Арманд И. А. (1898—1971) — *715*—*717*, *720*.
Арманд И. Ф. (1874—1920) — 275, 276, 294, 295, 366, 518, 521, *618*, *698*.
Армстронг — 101.
Арсеньев К. К. (1837—1919) — 302.
Артамонов М. Д. (1888—1958) — 379.
Ассеза Ж. (Assézat) — 509.
Ауэрбах Б. (1812—1882) — «Деревенские рассказы» — 535.

Бабёф Гракх *(Бабёф Ф.-И.)* (1760—1797) — *566*.
Бабушкин И. В. (1873—1906) — 120, 264, 265.
Бадаев А. Е. (1883—1951) — 345, 346, 348, 378.
Базаров В. *(Руднев В. А.)* (1874—1939) — 62, 68, 184, 236, 237, 285, 308, 312, 314, 316, 346, 365, 470, 550, *616*, *653*, *687*, *688*.
Байрон Д.-Г. (1788—1824) — 535, *644*.
Бакунин М. А. (1814—1876) — 194, *566*, *663*, *698*.
Балабанов М. С. (1873—?) — 470.
Барамзин Е. В. (1868—1920) — *644*.
Баранов Н. М. (1836—1901) — 131, 132.
Баратынский Е. А. (1800—1844) — *644*.
Барбюс А. (1873—1935) — *671*, *672*; «Огонь» — 524, 525, *624*, *671*; «Ясность» — 524, 525, *671*.
Барк П. Л. (1869—1937) — 271, 272.
Баррес М. (1862—1923) — 520.
Барсов Е. В. (1836—1917) — «Причитания северного края» — *676*.
Барсуков Н. П. (1838—1906) — «Жизнь Погодина» — 296.
Бартельс А. (1862—1945) — «История германской литературы» —534.
Бартенев П. И. (1829—1912) — *701*.
Бартенев С. П. (1863—1930) — *701*, *702*; «История Кремля» — *701*.
Басов-Верхоянцев *(Басов)* С. А. (1869—1952) — «Конек-Скакунок» — *699*.
Басок — см. Меленевский М. М.
Бауэр О. (1882—1938) — 108, 213.
Бах А. Н. (1857—1946) — *598*.
Бахметьев В. М. (1885—1963) — *723*—*724*.
Бахрушин А. А. (1865—1929) — *668*.
Бебель А. (1840—1913) — 166, 247, 352, 356, 516, *566*.
Бебутов И. Д.— 343.
Бедный Демьян *(Придворов Е. А.)* (1883—1945) — 291, 293, 354, 482, *557*, *558*, *625*, *641*, *676*, *686*, *694*—*697*; «Бунтующие зайцы» — *695*; «Свеча» — 293; «Тофута Мудрый», «Трибун» — *696*.
Безобразов — *654*.
Бейлис М. Т. (1873—?) — 206, 294.
Бейлисс У. М. (1860—1924) — *598*.
Беленин — см. Шляпников А. Г.
Белинский В. Г. (1811—1848) — 116, 118, 256, 258, 266, 268, 396, *566*, *630*, *649*, *700*; идеи Белинского и Гоголя — 268; предшественник полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении — 118; предшественник русской социал-демократии — 116; «Письмо к Гоголю» — 118, 256, 258, 268.
Бельтов — см. Плеханов Г. В.
Беранже П.-Ж. (1780—1857) — *646*.
Берг Л. С. (1876—1950) — *598*, *599*.
Бергер Ю. Х. (1872—1924) — «Потоп» — *624*.
Бергсон А. (1859—1941) — *598*.
Бердяев Н. А. (1874—1948) — 87, 221, 255, 316.
Березовский А. Е. (1868 — ?) — 261.
Беренс Н.— *681*.
Берзин *(Берзинь-Зиемелис)* Я. А. (1881—1941) — 492, 524.
Беркли Д. (1685—1753) — 77, 509, 511, 512.
Берман Я. А. (1868—1933) — 312.
Бернштейн Э. (1850—1932) — 280, 333.
Беттгер Г. (Böttger Hugo) — 168.
Бетховен Л. (1770—1827) — 294, *655*; «Apassionata» — *640*; «Патетическая соната» — *618*, *654*; соната de-moll — *654*; увертюры «Кориолан» и «Эгмонт» — *654*.
Бизе Ж. (1838—1875) — опера «Кармен» — *643*, *646*.
Бизли (Beesly) Э.-С. (1831—1915) — 65.
Бирон Э. И. (1690—1772) — 191.
Бисмарк О. (1815—1898) — 113, 114.
Битти (Beatty) Б. (1886—1947) — «Красное сердце России» — 530.
Благонравов Ф. А.— *709*, *710*, *712*—*714*.
Блажеевич А. Н. — *664*.
Бланки Л.-О. (1805—1881) — 89, 90.
Блэчфорд Р. (1851—1943) — 517—519.

Боборыкин П. Д. (1836—1921) — роман «По-другому» — 150.
Бобринский В. А. (1868 — ?) — 113, 208, 209.
Богданов А. (Малиновский А. А., Максимов Н., Рахметов, Рядовой, Сысойка) (1873—1928) — 63, 64, 69—71, 262, 263, 274, 285, 289, 293, 301, 306, 308, 310—317, 319, 322, 323, 327, 346, 351, 354, 361, 365, 433, 447, 550, *588*, *616*, *639*, *642*, *652*, *653*, *665*, *673*, *712*, *713*; «Идеология» — 293; «Инженер Мэнни» — 351; «Красная звезда» — 289.
Богданов П. А. (1882—1939) — 498, 499.
Богданова Н. Б. (1865—1945) — 320.
Болдвин (Baldwin)Д.-М. (1861—1934) —552.
Болтянский Г. М. (1885—1953) — *674*.
Бонч-Бруевич В. Д. (1873—1955) — 288, 320, 332, 366, *694—704*; «Избранные произведения русской поэзии» — 288.
Борода — см. Десницкий В. А.
Бородин А. П. (1833—1887) — 514.
Боткина М. С. (1870—1960) — 327.
Боттичелли С. (1444 или 1445—1510) — «Мадонна с младенцем» — *563*.
Брайант (Bryant) Л. (1890—1936) — 529.
Брентано Л. (1844—1931) — 88, 220.
Бриан А. (1862—1932) — 332.
Брингман А. (1861—1920) — 309.
Брихничев — *662*.
Бричкина С. Б. (1883—1967) — 530.
Бродский И. И. (1883—1939) — *692—693*.
Брут М.-Ю. (85—42 гг. до н. э.) — *566*.
Брюсов В. Я. (1873—1924) — 288, 480, 483, *705*; «Близким» — 288.
Брюханов Н. П. (1878—1942) — 377.
Будилович А. С. (1846—1908) — «Общеславянский язык» — 550.
Буква — см. Горький М.
Булгаков С. Н. (1871—1944) — 157, 220, 255, 259.
Булыгин А. Г. (1851—1919) — Булыгинская дума — 261.
Бунаков И. *(Фондаминский И. И.)* (1879—1942) — 470.
Буренин В. П. (1841—1926) — 272.
Бурже П. (1852—1935) — «Баррикада» — 513.
Бурцев В. Л. (1862—1942) — 112.
Бурьянов А. Ф. (р. 1880) — 355.
Бутлеров А. М. (1828—1886) — *723*.
Бьернсон Б. (1832—1910) — 535.
Бюиссон Ф. (1841—1932) — 526.
Бюхнер Л. (1824—1899). — 65.

В. В.— см. Воронцов В. П.
Вайман И. А. (1893—1962) — *678—679*.
Валентинов Н. *(Вольский Н. В.)* (1879—1964) — 263, 511, 512, *647—650*.
Вальян (Вайян) Э.-М. (1840—1915) — 247, *566*, *617*.
Вандерлип В.-Б. (1866 — ?) — 533.
Васильев — *710—711*.
Васильев Н. В. (1857—1920) — 171.
Вейтлинг В. (1808—1871) — 247.
Верди Д. (1813—1901) — опера «Травиата» — *643*.
Вересаев В. *(Смидович В. В.)* (1867—1945) — *686*; «Записки врача» — 398; «Лизар» — 155; «На повороте» — 282.
Верещагин В. В. (1842—1904) — *620*.
Вермишев А. А. (1879—1919) — 480.
Верхарн Э. (1855—1916) — *624*.
Виктор — см. Таратута В. К.
Вилонов Н. Е. (Михаил) (1883—1910) — 320, 321, 323, 324, 327.
Вильсон В. (1856—1924) — 400.
Вильямс А. Р. (1883—1962) — 523.
Винниченко В. К. (1880—1951) — 294—296; «Заветы отцов» — 295, *698*; «Честность с собой» — 294, 295.
Виноградов Н. Д. (р. 1885) — 492, *663*, *678*, *680—681*.
Виппер Р. Ю. (1859—1954) — «Возникновение христианства» — 414.
Витимский А.—см. Ольминский М. С.
Витте С. Ю. (1849—1915) — 160, 251, 302, 342.
Вихляев П. А. (1869—1928) — 204.
Вишневский П. И. — *704*.
Вишняк М. В. (р. 1883) — 470.
Виэтор В. (1850—1918) — «Немецкий фонетический словарь» — 535.
Водовозов В. В. (1864—1933) — 332.
Воеводин П. П. (1884—1964) — 499, 502.
Вознесенский — *602*.
Войтинский В. С. (р. 1885) — 357, 360.
Войтоловский Л. Н. (1876—1941) — «По следам войны» — *676*.
Волгин Ф. — *714*.
Володарский В. *(Гольдштейн М. М.)* (1891—1918) — *566*.
Волынский Антоний — см. Антоний Волынский.

Вольный И. *(Вольнов И. Е.)* (1885—1931) — 370, 481.
Вольский С. *(Соколов А. В.)* (р. 1880) — 346.
Вольтер *(Аруэ Франсуа-Мари)* (1694—1778) — *666*.
Вольф М. О. (1825—1883) — 545.
Воровский В. В. (Шварц) (1871—1923) — 285, *618*, *647*, *648*.
Ворошский А. К. (1884—1943) — *686—687*.
Воронцов В. П. (1847—1918) — 132, 139, 141, 144, 148, 149, 164, 201, *649*, *698*.
Врангель П. Н. (1878—1928) — 496, 533.
Врубель М. А. (1856—1910) — *566*.
Вундт (Wundt) В.-М. (1832—1920) — 74.

Гайндман Г. М. (1842—1921) — 518.
Галеви Ж.-Ф.-Ф. (1799—1862) — опера «Дочь кардинала» («Жидовка») — 507, *611*.
Галерка — см. Ольминский М. С.
Галкин — см. Горин В. Ф.
Гаман Р. (1879—1961) — «Импрессионизм» — 535.
Гамсун *(Педерсен)* К. (1859—1952) — «Виктория» — *602*.
Гапон Г. А. (1870—1906) — 302.
Гарибальди Д. (1807—1882) — *566*, *663*.
Гассенди П. (1592—1655) — 77, 362.
Гауптман Г. (1862—1946) — «Извозчик Геншель» — *623*; «Ткачи» — 505.
Ге А. Ю. (ум. 1919) — 390.
Гегель Г.-В.-Ф. (1770—1831) — 54, 59, 61, 65, 66, 73, 74, 76—78, 80, 84, 174, 192, 320, 362, 416, 520, *614*, *622*, *628*, *642*, *649*, *700*.
Гейден П. А. (1840—1907) — 248—254.
Гейне Г. (1797—1856) — 529, 535, *566*, *612*, *623*, *646*; «Диспут» — 507; «Чудесные глазки» — *612*.
Геккерт Ф. (1884—1936) — *708—709*.
Гексли Т.-Г. (1825—1895) — 65, 66.
Гелльригель Г. (1831—1895) — 282.
Гельвеций К.-А. (1715—1771) — *598*.
Гендшель (Hendschel) — 507.
Гераклит из Эфеса (ок. 530—470 гг. до н. э.) — 74, 77.
Гервег Г. (1817—1875) — 509, 516.
Гергард А. (1868—1959) — «У мамы» — *623*.
Герд А. Я. (1841—1888) — 493.
Герц Ф.-О. (1878 — ?) — 220.
Герцен А. И. (1812—1870) — 116, 118, 119, 132, 161, 164, 168, 191—197, 201, 210, *566*, *577*, *578*, *614*, *618*, *623*, *628*, *630*, *663*, *700*; дворянский революционер — 116, 118, 191, 197; Г. и диалектический и исторический материализм — 192; духовный крах, скептицизм Г.— 192; основоположник народничества — 119, 194, 201; демократизм Г.— 118, 194—196; предшественник русской социал-демократии — 116; «Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ» — 196; «Концы и начала» — 192; «К старому товарищу» — 194; «Письма об изучении природы» — 192; письмо И. С. Тургеневу 10 апреля 1864 г.— 196; «Плач» — 210; «Сплетни, копоть, нагар и проч.» — 196; «Н. Г. Чернышевский» — 196; «Полярная Звезда» — 195; «Колокол» — 118, 161, 195—196.
Герцен Н. А. (рожд. Захарьина) (1817—1852) — *578*.
Герцен Н. А. (1844—1936) — *578*.
Гершензон М. О. (1859—1925) — 255.
Гессен И. В. (1866—1943) — 302.
Гете И.-В. (1749—1832) — «Западно-восточный диван» — 288, 535; «Страдания юного Вертера» — *647*; «Изречения» — 535; «Фауст» — 296, 529, 535, *612*, *623*, *646*; «Что такое филистер?» («Кроткие ксении») — 131, 254.
Геффдинг (Høffding) Г. (1843—1931) — 74.
Гзовская О. В. (1889—1962) — *624*.
Гизо Ф.-П.-Г. (1787—1874) — 260.
Гильбо А. (1885—1938) — 492, 522, 525, 530, *635*.
Гинденбург П. (1847—1934) — 407.
Гинцбург И. Я. (1859—1939) — 497.
Гладков Ф. В. (1883—1958) — *686*.
Глеб — см. Кржижановский Г. М.
Гляссер М. И. (1890—1951) — *688—689*.
Гоббс Т. (1588—1679) — 72.
Гобсон Д.-А. (1858—1940) — *687*.
Гоголь Н. В. (1809—1852) — 118, 192, 221, 256, 258, 268, 284, 290, 296, *566*, *630*, *666*; идеи Белинского и Г.— 268; гоголевские типы — 284, 396; «Мертвые души» — 192, 221, 284, 296; «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» — 290; «Ревизор» — 284.

Головачева-Панаева А. Я. (1819—1893) — «Воспоминания» — 214.
Гольбах П.-А. (1723—1789) — 72, 77, *598*.
Гольденберг (Мешковский) И. П. (1873—1922) — 303, 363.
Гольдин — 377.
Гольцев В. А. (1850—1906) — 219.
Голэй (Golay) П.— 520.
Гомер (между XII и VIII вв. до н. э.) — 520.
Гомперц Т. (1832—1912) — «Греческие мыслители» — 553.
Гончаров И. А. (1812—1891) — «Обломов» — 94, 268, 457, 486, *650*.
Горбунов Н. П. (1892—1938) — 382, 479, 485, 501.
Горемыкин И. Л. (1839—1917) — 251.
Горин *(Галкин)* В. Ф. (1863—1925) — *643*, *644*.
Гортер Г. (1864—1927) — 492.
Горький М. *(Пешков А. М.*, Буква) (1868—1936) — 289, 296, 299—382, 449, 474, 481, 482, 550, 552—554, *558*, *616*, *619*, *624*, *628—630*, *635—642*, *650—653*, *668*, *683—690*, *692*, *697*, *707*, *708*, *724*; европейски знаменитый писатель — 299; Г. и ленинская «Искра» — 300; первая встреча с Лениным — *641*; своим талантом художника Г. принес рабочему движению громадную пользу — 321; Г. слишком крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением — 322; Г. безусловно крупнейший представитель пролетарского искусства — 326; критика богостроительских ошибок Г.— 358—362; критика попытки согнуться до общедемократической точки зрения — 359, 360, 368—369; критика послереволюционных сомнений Г.— 372—377; «Владимир Ильич Ленин» (1920) — *637—641*; «Время Короленко», «В. Г. Короленко» — *635*; «Двадцать шесть и одна» — *628*; «Дело Артамоновых» — *668*; «Еще о «карамазовщине» — 358—360; «Заметки о мещанстве» — 306, 307, *628*; замысел истории одной семьи за сто лет — *636*; «Издалека» (статьи) — 341; «Исповедь» — 306, 331, 359; «Лев Толстой» — *685*; «Мать» — *628*, *636*, *638*, *652*; «Мои университеты» — *625*, *629*, *635*; «На дне» — 284, *619*, *624*, *625*, *628*, *629*; «О цинизме» — 307; «Песня о Буревестнике» — 300, 303, *628*; «Песня о Соколе» — 363, *628*; «Последние»— 289; «Разрушение личности» — 311, 313, 314; «Русские сказки», сказка XI — 343; «Сказки об Италии» — 338; «Страсти-мордасти» — *628*; «Трое» — 300.
Грабер Э.-П. (1875 — ?) — 522.
Грав Ж. (1854—1939) — 390.
Гракх Т. (162—133 или 132 г. до н. э.) — *566*.
Гредескул Н. А. (1864 — ?) — 268, 339.
Гржебин З. И. (1869—1929) — 369, 473, 474, *687*.
Грибоедов А. С. (1795—1829) — «Горе от ума» — 477, 548, 551, *602*.
Гризелли О. (р. 1880) — *663*.
Гринберг З. Г. (1889—1949) — 498.
Гроссман Г. А. (1863 — ?) — 470.
Грюн К. (1817—1887) — 64, 65.
Гуно Ш.-Ф. (1818—1893) — опера «Фауст» — *612*.
Гурвич И. А. (1860—1924) — 129.
Гурвич-Кожевникова В. В. («Наташа») (1873—1940) — 300.
Гуревич Э. Л. (Смирнов Е.) (1865 — ?) — 112, 249, 363.
Гусев С. И. *(Драбкин Я. Д.)* (1874—1933) — *643*, *646—648*.
Гучков А. И. (1862—1936) — 93, 110, 112, 271, 272, 369, *695*.
Гюго В. (1802—1885) — «Возмездие» — 518, *623*; «Маленький Наполеон» — 535.

Давид Э. (1863—1930) — 168.
Даламбер Ж.-Л. (1717—1783) — 510, 511.
Даль В. И. (1801—1872) — 551, 552, *632*, *694*.
Дан *(Гуревич)* Ф. И. (1871—1947) — 249, 310, *652*.
Даниельсон Н. Ф. (Н.—он, Николай —он) (1844—1918) — 144, 165, 168, 201.
Данилевский Н. Я. (1822—1885) — «Россия и Европа» — 296.
Данте Алигьери (1265—1321) — «Божественная комедия», «Лирические стихотворения» — 535.
Дантон Ж.-Ж. (1759—1794) — *566*.
Дарвин Ч. (1809—1882) — *598*.
Даргомыжский А. С. (1813—1869) — «Свадьба» («Нас венчали не в церкви») — *611*, *643*, *646*.
Декарт Р. (1596—1650) — 70, 72, 77, 362, 510.

Демокрит из Абдеры (ок. 460—370 гг. до н. э.) — 60, 77.
Дени *(Денисов В. Н.)* (1893—1946) — *622*.
Деникин А. И. (1872—1947) — 376, 443, 533, *719*.
Десницкий В. А. (Борода, Строев) (1878—1958) — 301, 330, *640—642*, *652*.
Дефо Д. (1660—1731) — «Робинзон Крузо» («робинзоновские» понятия) — 362.
Джонсон — *599*.
Дзержинский Ф. Э. (1877—1926) — 488, *708*.
Дидро Д. (1713—1784) — 509—512.
Дизраэли Б. (1804—1881) — «Две нации» — 508, 535.
Диккенс Ч. (1812—1870) — «Сверчок на печи» — *625*.
Диллон Э.— 302.
Дионео — см. Шкловский И. В.
Дицген Е. (1862—1930) — 412.
Дицген И. (1828—1888) — 68, 77, 412, 413, 509.
Дневницкий П. Н. *(Цедербаум Ф. О.)* (р. 1883) — 341.
Добровейн И. А. (1894—1953) — *640*, *664*.
Добровольский В. Н. (1856—1920) — *694*.
Добролюбов Н. А. (1836—1861) — 195, 202, 210, 212, 256, 300, 542, *566*, *630*, *650*, *663*; последовательный мужицкий (демократ) — 202, 212; Д. умел говорить правду о манифесте 19 февраля 1861 г.— 210; Д. страстно ждал восстания против «внутренних турок» — 300; язык Д. велик и могуч — 542; «Когда же придет настоящий день?» — *650*; «Что такое обломовщина?» — *650*.
Доде А. (1840—1897) — «Бессмертный», «Воспоминания писателя», «Париж за 30 лет» — 535; «Тартарен из Тараскона» — 408.
Додонова А. А. (1888—1967) — *709—713*.
Долгоруков П. В. (1816—1868) — *700*.
Долгоруков П. Д. (1866—1930) — 112, 248.
Донцов Д.— 107, 110.
Достоевский Ф. М. (1822—1881) — 256, 280, 295, 358, 494, *566*, *602*, *697*, *698*; «Бесы» — *697*, *698*; «Записки из Мертвого дома» — *698*; «Преступление и наказание» — *602*.
Драгоманов М. П. (1841—1895) — 164, 209.
Древс А. (1865—1935) — 415, *633*; «Миф о Христе» — 414.
Дрейфус А. (1859—1935) — 526, *620*.
Дубасов Ф. В. (1845—1912) — 251—253.
Дубровин А. И. (1855—1918) — 249.
Дубровинский И. Ф. (Иннокентий, Инок, практик) (1877—1913) — 310, 313, 315.
Дукельский М. П. (1875 — ?) — *620*.
Дюма III. (р. 1883) — *617*.
Дюрер А. (1471—1528) — *640*.
Дюринг Е. (1833—1921) — 54, 65, 66, 84.

Ел. Вас.— см. Крупская Е. В.
Егор — рабочий — *615*.
Екатерина Павловна — см. Пешкова Е. П.
Елизаров М. Т. (1862—1919) — 294, 546.
Елизарова А. И.— см. Ульянова-Елизарова А. И.
Елпатьевский С. Я. (1854—1933) — 205—207.
Енукидзе А. С. (1877—1937) — 481.
Ермолаев К. М. (Роман) (1884—1919) — 328.
Ермолова М. Н. (1853—1928) — *578*.

Желябов А. И. (1850—1881) — 166, *566*.
Жижин П. И. (1892—1933) — 379.
Жолтовский И. В. (1867—1959) — *681—683*.
Жордания Н. Н. (1870—1953) — 332.
Жорес Ж. (1859—1914) — 521, *566*, *617*.
Жорж Санд (*А. Дюдеван*) (1804—1876) — *647*.
Жуковский Ю. Г. (1822—1907) — *649*.
Жулев Г. И. (1836—1878) — *621*.

Зазубрин В. Я. (1895—1938) — «Два мира» — 483, *641*.
Зайцев Б. К. (1881—1972) — *688*.
Закржевский Ю. Ф. (1852—1915) — 507.
Закс (Гладиев) С. М. (1884—1937) — 381.
Залит (Зале) К. Ф. (1888—1942) — *663*.
Залькали Т. Э. (1876 — ?) — *663*.
Замятин Е. И. (1884—1937) — *688*.
Засулич В. И. (Иванов В., Карелин) (1849—1919) — 150, 159, 280, 497, *650*; превосходная статья о Писареве — 159; «Плохая выдумка» — 150; «Ж.-Ж. Руссо» — 280.

Землячка *(Залкинд)* Р. С. (1876—1947) — 301.
Зинин Н. Н. (1812—1880) — *723*.
Зиновий Ал.— см. Пешков З. А.
Златовратский Н. Н. (1845—1911) — «Устои» — *698*.
Золя Э. (1840—1902) — 398, 506, 521, *614*, *620*, *621*, *623*; «Жерминаль» — *621*; «Радость жизни» — 398; «Я обвиняю!» — 521.
Зомбарт (Sombart) В. (1863—1941) — 88.
Зонов А. П. (? — 1922) — *690*.
Зубатов С. В. (1864—1917) — 302.
Зуев А. Н. (р. 1895) — *688*.

Ибсен Г. (1828—1906) — 535.
Иванов А. А. (1806—1858) — *566*.
Иванов В.— см. Засулич В. И.
Иванов Вс. В. (1895—1963) — *686*, *688*.
Иванович Ст. *(Португейс С. И.)* — 470.
Иванчин-Писарев А. П. (1849—1916) — 302.
Изгоев *(Ланде)* А. С. (1872 — ?) — 184, 236, 237, 255, 259, 261, 268, 360.
Издатель («Наследства») — см. Потресов А. Н.
Инесса — см. Арманд И. Ф.
Иннокентий, Инок — см. Дубровинский И. Ф.
Иорданский Н. И. (1876—1928) — 332, 335, 336.
Иоффе А. А. (1883—1927) — 472.
Исув И. А. (Михаил) (1878—1920) — 328.

Кавелин К. Д. (1818—1885) — 162, 164, 195, 268.
Казаков М. Ф. (1738—1812) — *566*.
Калинин М. И. (1875—1946) — 372, 379.
Калинин Ф. И. (Рабочий Ар.) (1882—1920) — 264.
Калмыкова А. М. (1849—1926) — 546.
Каляев И. П. (1877—1905) — *566*.
Каменский В. В. (1884—1961) — *672*, *673*, *720*; «Паровозная обедня» — *672*, *720*; «Разин» — *672*.
Каменский Н.— см. Плеханов Г. В.
Кант И. (1724—1804) — 59—61, 65, 77, 173, 174, 310, *614*.
Каплун Б. Г. (р. 1894) — 378.
Карамзин Н. М. (1766—1826) — «Бедная Лиза» — *647*.
Караулов В. А. (1854—1910) — 261.
Кареев Н. И. (1850—1931) — 302.
Карелин — см. Засулич В. И.
Карлейль Т. (1795—1881) — «Прошлое и настоящее», «Чартизм», «Французская революция» — 535.
Карлштадт (Андреас Боденштейн) (1480—1541) — *657*.
Кароти А.— 499.
Карпинский В. А. (1880—1965) — 296, 521, 522, *631*.
Карус П. (1852—1919) — 68.
Карышев Н. А. (1851—1905) — 141.
Катин-Ярцев В. Н. (1876—1928) — 366.
Катков М. Н. (1818—1887) — 261, 266, 269.
Каутский К. (1854—1938) — 108, 132, 157, 158, 210, 213, 220, 237, 281, 282, 335, 337, 366, 367, 406, 410, 421, 517, 519, *628*, *658*.
Качалов В. И. (1875—1948) — *690*.
Качоровский К. Р. (1870 — ?) — 331.
Каширин В. В. (1807—1887) — *652*.
Каширина А. И. (1813—1887) — *652*.
Кедрин Е. И. (1851 — ?) — 302.
Кедров М. С. (1878—1941) — *654*—*655*.
Кей Э. (1849—1926) — 278.
Кель С.— *667*.
Керенский А. Ф. (1881—1970) — 210, *586*.
Керженцев *(Лебедев)* П. М. (1881—1940) — *558*.
Кибальчич Н. И. (1853—1881) — *566*.
Кипренский О. А. (1782—1836) — *566*.
Киселев А. С. (1879—1938) — 498.
Киселис П. Ю. (1890—1940) — 483.
Кистяковский Б. А. (1868—1920) — 255.
Клэр — см. Кржижановский Г. М.
Клюжев И. С. (1856 — ?) — 292, 293.
Кнакфусс Г. (1848—1915) — *661*.
Князев В. В. (1887—1937) — «Песня коммуны» — *625*.
Кобецкий М. В. (1881—1937) — 528.
Козловский М. И. (1753—1802) — *566*.
Кокерпль — 101.
Коковцов В. Н. (1853—1943) — 272.
Кокорев И. Т. (1826—1853) — «Савушка» — *699*.
Колосов Е. Е. (р. 1879) — 332.
Колумб — см. Лалаянц И. Х.
Колчак А. В. (1873—1920) — 376, 427, 443, *596*.
Кольцов А. В. (1809—1842) — *566*, *705*.

Кольцов Д. *(Гинзбург Б. А.)* (1863—1920) — 123.
Комаровская Н. И. (1889—1967) — *690—691*.
Комиссаржевская В. Ф. (1864—1910) — *566*.
Кондильяк Э.-Б. (1715—1780) — 509.
Конёнков С. Т. (1874—1971) — *664*.
Конт О. (1798—1857) — 65, 235.
Копп В. Л. (1880—1930) — 473.
Корнблюм — *655*.
Корнелиссен Х.— 390.
Корнелиус Г. (1863—1947) — 68.
Королев Б. Д. (1885—1963) — *661*, *663*.
Короленко В. Г. (1853—1921) — 156, 172, 375, 482, *635*; прогрессивный писатель — 172; «Война, отечество и человечество» — 375; «Павловские очерки» — 156.
Короленко С. А.— 172.
Косич А. И. (1833 — ?) — 132.
Котляренко Д. М. (1876 — ?) — 177, 327.
Кохер Т. (1841—1917) — 356.
Кошелев А. И. (1806—1883) — 162, 163.
Красиков П. А. (1870—1939) — *643*.
Красин Л. Б. (Никитич) (1870—1926) — 354, 369, 382, 473, 474, *641*.
Краснощекова Г. Б.— см. Тобинсон-Краснощекова Г. Б.
Крезо (Шнейдер) — 101.
Крестинский Н. Н. (1883—1938) — 377, 379, 381, 382, 482, *585*.
Крестовников Г. А. (1855 — ?) — 112.
Кржижановский Г. М. (Клэр) (1872—1959) — 300, 506, *610*, *645*; «Варшавянка» — *645*.
Кривенко С. Н. (1847—1906) — 131.
Кривцов С. С.— *713*.
Кричевский Б. Н. (1866—1919) — 121, 166.
Кропоткин П. А. (1842—1915) — 112, 390, *624*, *720*.
Крупп — 101.
Крупская Е. В. (1842—1915) — *614*.
Крупская Н. К. (1869—1939)—293, 296, 300, 301, 303, 305, 317, 347, 353, 354, 365. 367, 371, 447, 502, 506, 507, 512—514, 545, *613—637*, *653*, *654*, *656*, *686*, *691*, *703*, *705*, *707*, *710*, *712*, *715*, *717*, *720—723*.
Крупский К. И. (ум. 1883) — *620*.
Крушеван П. А. (1860—1909) — 249.
Крыленко Н. В. (1885—1938) — 523.
Крымский А. Е. (1871—1942) — «Украинская грамматика» — 550.
Кугельман Л. (1830—1902) — 65, 88, 89, 91.
Кудрявцев А. П.— 493.
Куклин Г. А. (ум. 1907) — 319.
«Купец» — 355.
Кураев В. В. (1892—1938) — 482.
Курочкин В. С. (1831—1875) — *621*.
Курский Д. И. (1874—1932) — *636*.
Кусевицкий С. А. (1874—1951) — *664*.
Кускова Е. Л. (1869—1958) — 249.
Кутлер Н. Н. (1859—1924) — 112.

Л. М.— см. Мартов Л.
Лавров П. Л. (1823—1900) — 204, *566*, *700*.
Ладыжников И. П. (1874—1945) — 357, *638*, *653*.
Лалаянц И. Х. (Колумб) (1870—1933) — 281.
Ланге Ф. А. (1828—1875) — 65.
Ланкестер Э.-Р. (1847—1929) — *598*.
Лансон Г. (1857—1934) — «История французской литературы» — 534.
Ларин Ю. *(Лурье М. А.)* (1882—1932) — 82, 349.
Лассаль Ф. (1825—1864) — 74, 113, 385, 386, 513, 514, 516, *566*, *627*, *663*; «Зикинген» — 513.
Лафарг П. (1842—1911) — *566*.
Лацис М. И. *(Судрабс Я. Ф.)* (1888—1938) — 470.
Лацко (Latzko) А. (1876—1943) — 529.
Лебедев-Полянский П. И. (Валериан Полянский) (1882—1948) — *710*, *712*, *713*.
Леви *(Гартштейн)* П. (1883—1930) — 522.
Левитов А. И. (1835—1877) — *698*.
Левицкий В. *(Цедербаум В. О.)* (р. 1883) — 123, 237.
Левицкий В. А.— 320.
Легкомысленный — см. Луначарский А. В.
Лежава А. М. (1870—1937) — 499.
Лежнев И. Г. (1891—1955) — 489.
Лейбниц Г.-В. (1646—1716) — 72.
Леклер А. (1848 — ?) — 69.
Ленгмюр И. (1881—1957) — *599*.
Лентник Ф. В. (1873—1936) — *644*.
Ленин *(Игнатюк)* М. Ф. (1880—1951) — *690*.
Ленстрем Н.— 546.
Леонов Л. М. (р. 1899) — *686*.
Лепешинская О. Б. (1871—1963) — *616*.
Лепешинский П. Н. (1868—1944) — *616*, *643—644*.

Лермонтов М. Ю. (1814—1841) — 156, *566*, *614*, *622*, *630*, *631*, *724*; «Дума» — 156; «Сон» — *622*.
Лессинг Г.-Э. (1729—1781) — 534, *650*; «Поэзия и искусство» — 535.
Лещенко Д. И. (1876—1939) — 337, *661*.
Лианозов С. Г.— 376.
Либединский Ю. Н. (1898—1959) — *688*.
Либер *(Гольдман)* М. И. (1880—1937) — *652*.
Либкнехт К. (1871—1919) — 210, 401, 524.
Либман Ф. *(Герш П. Л.)* (р. 1882) — 103, 104, 106, 107.
Лидваль Э.-Л. — 173.
Лилина З. И. (1882—1929) —*663*.
Лист Ф. (1811—1886) — «Лесной царь» и «Приют» — *654*.
Литвинов М. М. (1876—1951) — 377.
Литкенс Е. А. (1888—1922) — 498, 499, 553, 554, *673*, *710—712*.
Ллойд-Джордж Д. (1863—1945) — 332, *604*.
Лобачевский Н. И. (1792—1856) — *723*.
Ловелл (Lowell) П. (1855—1916) — «Марс и его каналы» — 289.
Лойола И. (1491—1556) — 355.
Локк Д. (1632—1704) — 73.
Ломоносов М. В. (1711—1765) — *566*.
Ломоносов Ю. В. (1876—1952) — 474.
Лондон Д. (1876—1916) — 535, *601*, *603*, *625*; «Любовь к жизни» — *625*; «Мексиканец» — *601*, *603*.
Лопатин Г. А. (1845—1918) — 331, 332.
Лопатин Л. М. (1855—1920) — 67.
Лоти (Loti) П. (1850—1923) — «Некоторые аспекты всемирного головокружения» — 524.
Лориа (Loria) А. (1857—1945) — 73.
Луженовский Г. Н. (1870—1906) — 253.
Лукашевич П. *(Тучапский П. Л.)* (1869—1922) — 109.
Луначарская А. А. (1883—1959) — *616*.
Луначарский А. В. (Легкомысленный) (1875—1933) — 67—69, 254, 263, 285 288, 291, 295, 304, 308, 309, 312, 315, 316, 318, 319, 322, 330, 346, 348, 351, 354, 361, 376, 425, 444, 445, 483, 490, 492, 494, 495, 497—501, 550—553, *561*, *606*, *616*, *644*, *653*, *661—675*, *680*, *686*, *691*, *692*, *703*, *705*, *707*, *709*, *714*, *717*, *722*; «Королевский брадобрей» — *667*; «Маги» — *714*, *722*; «Между страхом и надеждой» — 348.
Лутовинов Ю. Х. (1887—1924) — 472—475.
Львов Г. Е. (1861—1925) — 210.
Львов Н. Н. (1867—1944) — 290.
Любимов А. И. (1879—1919) — *636*.
Люксембург Р. (1871—1919) — 401.
Лютер (Luther) М. (1483—1546) — 514.
Лютераан Б. (1878 — ?) — 523.
Люц Л. Г. (р. 1880) — 550, 551.
Лядов *(Мандельштам)* М. Н. (1872—1947) — 323.
Ляхов В. П. (1869—1919) — 333.

М., скульптор —см. Меркуров С. Д.
М. П.—см. Ульянова М. И.
М. Ф., М. Ф—на—см. Андреева М. Ф.
Майнор (Minor) Р. (1884—1952) — 523.
Макдональд Р. (1866—1937) — 524.
Маклаков В. А. (1870—1959) — 189, 289, 355, *696*.
Макс—см. Савельев М. А.
Максимов Н.— см. Богданов А.
Малиновский П. И. (1869—1943) — 490, 491, *678—680*.
Малиновский Р. В. (1876 — 1918) — 345, 346, 348, 355.
Малкин Б. Ф. (1891—1938) — *683—686*.
Мальков П. Д. (1887 — 1965) — *679*.
Малявин Ф. А. (1869—1939?) — 501.
Малянтович В. Н.— 354.
Малянтович П. Н. (1870—1939) — 354.
Мамин-Сибиряк Д. Н. (1852—1912) —«Бойцы» — 156.
Манус И. П.— 272.
Манухин И. И. (р. 1882) — 378.
Манучарьянц Ш. М. (1889—1969) — 379.
Манцев В. Н. (1888—1939) — 489.
Маньков И. Н. (р. 1881) — 355.
Маня, Маняша — см. Ульянова М. И.
Марат Ж.-П. (1743—1793) — *566*.
Марк — см. Елизаров М. Т.
Мария Федоровна — см. Андреева М. Ф.
Маркс К. (1818—1883) — 53—57, 61—68, 75—78, 84—91, 109, 113, 114, 151, 159, 164, 166, 168, 175, 177, 180—182, 194, 199, 203, 209, 213, 220, 240, 281, 288, 310, 346, 352, 385—388, 390, 398, 410, 414—

416, 418, 420, 436, 449, 455, 486, 492, 494, 513, 514, 532, 536, *563*, *564*, *566*, *590*, *606*, *621*, *627*, *628*, *641*, *647*, *649*, *658*, *660—663*, *698*, *700*, *706*, *722*.
Маркони Г. (1874—1937) — 271.
Мартов Л. *(Цедербаум Ю. О.*, Юлий) (1873—1923) — 123, 211, 237, 249, 274, 280, 284—286, 305, 306, 310, 336, 337, 406, 470, 477, 507, *609*, *610*, *652*.
Мартынов А. *(Пикер А. С.)* (1865—1935) — 121, 122, 166, 284, 286, 310.
Маслов П.П. (1867—1946) — 112, 168, 237, 335, 363.
Массалитинова В. О. (1878—1945) — *690*.
Матвеев А. Т. (1878—1960) — *663*.
Мах Э. (1838—1916) — 66—70, 74, 173, 174, 311—313, 316, 512.
Мачтет Г. А. (1852—1901) —«Замучен тяжелой неволей» — *645*.
Маяковский В. В. (1893—1930) — 483, 486, 487, *624*, *641*, *666*, *686*, *708*, *715*, *716*, *719*, *720*, *722*; «Мистерия-Буфф» — *722*; «Мы идем»— *715*, *719*; «Наш марш» — *624*; «Прозаседавшиеся» — 486, *624*, *666*; «150 000 000» — 483, *666*.
Мгеладзе В. Д. (Триа, Триадзе) (1868 — ?) — 330, 332, *652*.
Мезенцев С. А.— *663*.
Мейерхольд В. Э. (1874—1942) — *604*, *605*.
Мейчик М. Н. (1880—1950) — *664*.
Меленевский М. М. (Басок, Соколовский) (1879—1938) — 109.
Меллер-Закомельский А. Н. (1844 — ?) — 253.
Менделеев Д. И. (1834—1907) — *566*.
Мендельсон-Бартольди Ф.-Я.-Л. (1809—1847) — «Песни без слов»— *654*.
Менжинская Л. Р. (1878—1933) — *705*.
Менжинский В. Р. (1874—1934) — 379.
Меньшиков М. О. (1859—1919) — 111, 190, 260, 270, 272, 542.
Мериме П. (1803—1870) — «Исторические портреты» — 535.
Меринг Ф. (1846—1919) — 536.
Меркуров С. Д. (1881—1952) — 494, 495, *661*, *662*.
Мессинг С. А. (1890—1946) — 489.
Метерлинк М. (1862—1949) — 354; «Мария Магдалина», «Монна Ванна» — *602*.
Мешковский — см. Гольденберг И. И.
Мещерская Е. П.— *563*.
Мещеряков Н. Л. (1865—1942) — 506, *646*.
Миклошич Ф. (1813—1891) — «Сравнительная морфология славянских языков» — 550.
Милль Д. С. (1806—1873) — 180—182, *649*.
Мильеран А.-Э. (1859—1943) — 332.
Милюков П. Н. (1859—1943) — 268, 339, 369, 477, 522.
Минский (*Виленкин Н. М.)* (1855—1937) — *667*.
Мирбо О. (1850—1917) — «Дингo» — 517.
Митя — см. Ульянов Д. И.
Михаил — см. Вилонов Н. Е.
Михаил — см. Исув И. А.
Михайлов М. Л. (1829—1865) — 160.
Михайловский В. Г. (1871—1926) — 156.
Михайловский Н. К. (1842—1904) — 83—86, 130, 132, 139, 144, 145, 154, 155, 164, 165, 202—205, 311, 332, *566*, *649*, *698*; буржуазный демократ — 203; историческая заслуга М.— 203; «социализм» М.— 204.
Моисеев С. И. (1879—1951) — 347.
Молотов *(Скрябин)* В. М. (р. 1890) — 380, 381, 447, 485, 498, 500, *621*.
Моно О. А. (Герцен) (1850—1953) — *578*.
Монтегюс (Montégus) (ум. 1953)— 291, *617*, *623*, *624*.
Мордовцев Д. Л. (1830—1905) — «Знамение времени» — *647*.
Морозов А. В. (1857—1934) — *571*.
Морозов И. А. (1870—1921) — *571*.
Мочалов П. С. (1800—1848) — *566*.
Мультатули *(Деккер Э.-Д.)* (1820—1887) — 536.
Муромцев С. А. (1850—1910) — 232, 265, 332.
Мусоргский М. П. (1839—1881) — *566*.
Мышкин И. Н. (1848—1885) — *628*.
Мюллер М. (1823—1990) — «Лекции по науке о языке» — 550.
Мюнцер Т. (ок. 1490 или 1493—1525) — 514.
Мюре (Muret) Е.— 549.
Мюссе А. де (1810—1857) — «Подсвечник» — *602*.
Мякотин В. А. (1867—1937) — 204, 302, 470.
Мясников Г. И. (1889—1946) — 476—479, *622*.

И. И.— см. Иорданский Н. И.
И. К.— см. Крупская Н. К.
И. — он — см. Даниельсон Н. Ф.
Навроцкий А. А. (1839—1914) — «Есть на Волге утес» — *645*.
Надсон С. Я. (1862—1887) — 294.
Надя — см. Крупская Н. К.
Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — 420.
Наполеон III Бонапарт Луи (1808—1873) — 192.
Нат. Богд.—см. Богданова Н. Б.
Натансон М. А. (1850—1919) — 345.
Науменко В. П. (1852—1919) — «Обзор фонетической особенности малорусской речи» — 550.
Нахамкис Ю. М.— см. Стеклов Ю. М.
Неведомский М. *(Миклашевский М. П.)* (1866—1943) — 236, 237.
Невский В. И. (1876—1937) — 433.
Негри (Negri) А. (1870—1945) — «Буря» — 506.
Нейкирх М. Л. (Пушкина) — *580*.
Неккер Ж. (1732—1804) — 183.
Некрасов Н. А. (1821—1878) — 167, 184, 211, 222, 252, 267, 268, 294, *566*, *614*, *622*, *630*, *634*, *636*, *646*, *648*, *654*, *655*, *697*, *716*, *722*; старый русский демократ — 268; Н. и Салтыков учили различать под приглаженной и напомаженной внешностью образованности крепостника-помещика его хищные интересы — 252; Н. колебался между Чернышевским и либералами, но все симпатии его были на стороне Чернышевского — 268; «Блажен незлобивый поэт» — 211; «Газетная» — *655*; «Дедушка» — *654*; «Кому на Руси жить хорошо» — 222, 267; «Медвежья охота» — 184; «Неизвестному другу, прославшему мне стихотворение «Не может быть» — 268; «Памяти Добролюбова» — *636*; «Русские женщины» («Декабристки») — *646*.
Нексе — см. Андерсен-Нексе М.
Нечаев С. Г. (1847—1882) — *636*, *698*, *700*.
Никитин И. И. — *710*, *711*, *714*.
Никитин И. С. (1824—1861) — *566*, *664*.
Никитин Н. Н. (1895—1963) — *688*.
Никитич — см. Красин Л. Б.
Николай — он — см. Даниельсон Н. Ф.
Николай I Романов (1796—1855) — 162, 163, *698*, *702*.
Николай II Романов (1868—1918) — 111, 113, 185, 350, 361, 400.
Никулина Н. А. (1845 — 1923) — 495.
Новиков Н. И. (1744—1818) — *566*.
Нэн Ш. (1874—1926) — 522.

Обручев В. А. (1836—1912) — 160.
Огарев Н. П. (1813—1877) — 195, *566*, *700*; «Надгробное слово» — 195.
Окулов А. И. (1880—1939) — 485.
Олар Ф.-В.-А. (1849—1928) — 526.
Ольминский М. С. *(Александров М. С.*, Витимский А., Галерка) (1863—1933) — 197, 285, 293, 489, *557*, *615*, *645*, *666*, *679*.
Ончуков Н. Е. (1872—1942)—*695*.
Орановский Е. В.— *678*.
Организатор — см. Розмирович Е. Ф.
Орджоникидзе Г. К. (1886—1937) — 482.
Осинский Н. *(Оболенский В. В.)* (1887—1938) — 482.
Оствальд В. (1853—1932) — 67, 312.
Островский А. Н. (1823—1886) — «На всякого мудреца довольно простоты» — *690—691*; «Бедность не порок», «Василиса Мелентьева» — *602*.
Остроухов И. С. (1858—1929) — *571*.
Остряков П.— 157.
Оуэн Р. (1771—1858) — 157, 417, *566*.
Охрименко П. Ф. (р. 1888) — 481.

Павлов И. П. (1849—1936) — *599*.
Павловский И. Я. (? — 1869) — 545, 546.
Паннекук А. (1873—1960) — 351.
Пантелеев Л. Ф. (1840—1919) — 161, 183; «Из воспоминаний о 60-х годах» — 161.
Патрашкин С. Т. (1875—1953) — 542.
Паша — *614*.
Певцов И. Н. (1879—1934) — *690*.
Пейкер И. Ф. — 196.
Переяславский Ю.— см. Хрусталев-Носарь Г. С.
Перовская С. Л. (1853—1881) — *566*.
Пестель П. И. (1793—1826) — *566*.
Петер — «Развитие французского романа» — 535.
Петрашевский *(Буташевич-Петрашевский)* М. В. (1821—1866) — *636*.
Петрищевский Дм. — *705—706*.
Петров А. *(Сидоров А. П.)* (1824? — 1861) — 196.

Библиотечная книга

Петровский Г. И. (1878—1958) — 345, 346.
Петцольдт И. (1862—1929) — 68.
Пешехонов А. В. (1867—1933) — 204, 302, 470.
Пешков З. А. *(Свердлов З. М.)* (1884—1966) — 319, 320.
Пешков М. С. (ум. 1872) — *652*.
Пешкова Е. П. (1878—1965) — *640*, *642*.
Пири Р. (Peary R. E.) (1856—1920) — «Путешествие к Северному полюсу» — 335.
Писарев Д. И. (1840—1868) — 82, 159, 165—167, *566*, *623*, *628*, *630*, *631*; «Промахи незрелой мысли» — 82, 166—167.
Пискунов А. И. (1870—1924) — *711*.
Платон (настоящее имя *Аристокл*) (ок. 427—347 гг. до н. э.) — 60, 77.
Плате Л. (1862—1934) — *598*.
Платтен Ф. (1883—1942) — 522.
Плетнев В. Ф. (1886—1942) — 448—458, *589—597*, *599—605*, *675*, *714*.
Плеханов Г. В. (Бельтов, Каменский Н.) (1856—1918) — 58, 59, 62, 76, 88—91, 110, 112, 114, 121, 133, 134, 151, 159, 166, 167, 171, 177—179, 237, 249, 263, 275, 284, 285, 308, 310—313, 316, 330, 332, 336, 337, 355, 363, 390, 412, 449, 497, 517, 519, 520, *558*, *566*, *590*, *591*, *615*, *627*, *628*, *631*, *638*, *649*, *652*, *700*; именем П. характеризуется передовая русская культура — 110; «Отсюда и досюда» (Заметки публициста)» — 332; «Карл Маркс и Лев Толстой» — 332; «Н. Г. Чернышевский» — 133, 159, 177—179, *627*, «Наши разногласия» — *649*.
Плотников М. А.— *677*.
Победоносцев К. П. (1827—1907) — 259, 261.
Погодин М. П. (1800—1875) — 296.
Подвойский Н. И. (1880—1948) — 523.
Покровский М. Н. (1868—1932) — 336, 365—367, 378, 432, 433, 483, 492, 498, 552—554, *558*, *565*, *709—712*.
Поленц В. (1861—1903) — 535; «Крестьянин» — *623*.
Полетаев Н. Г. (1872—1930) — 335, 336, 352.
Помяловский Н. Г. (1835—1863) — «Очерки бурсы» — 389.
Попов И. Ф. (1886—1957) — 292, *655*.
Попов К. А. (1876—1949) — *589*.
Португалов В. В. (1874 — ?) — 249.
Потебня А. А. (1835—1891) — «Мысль и язык» — 550.
Потресов А. Н. (Старовер) (1869—1934) — 154, 155, 167, 184, 234, 236, 237, 285, 286, 328, 329, 336, 365, 470, *650*.
Потье Е. (1816—1887) — 514; «Интернационал» — 514—516, *612*, *617*, *622*, *645*, *681*.
Прайс М. Ф.— 523.
Преображенский Е. А. (1886—1937) — 527, *585*.
Пришвин М. М. (1873—1954) — *686*.
Прокопович С. Н. (1871—1955) — 122, 171, 249.
Прокофьев А. Н. (1886—1949) — 480.
Проминский И. Л. (1859—1923) — 280, *613*, *614*.
Прудон Ж.-П. (1809—1865) — 89, 90, 247.
Пуанкаре А. (1854—1912) — 67.
Пуришкевич В. М. (1870—1920) — 108, 110, 113, 198, 199, 201, 209, 241, 249, 361, 540, 542.
Пушкин А. С. (1799—1837) — 172, 237, 281, 287, 289, 294, 552—554, *566*, *580*, *614*, *622*, *624*, *630*, *644*, *646*, *716*, *722*, *723*, *724*; «Борис Годунов» — 237; «Герой» — 289; «Евгений Онегин» — *722*, *723*; «Поэту» — 172, 287.
Пыпин А. Н. (1833—1904) — «История русской этнографии» — 549.
Пятницкий К. П. (1864—1938) — 320, 334, 335, 337, 338, 352, *641*, *642*, *650*, *651*.
Пятницкий М. Е. (1864—1927) — *705*, *706*.

Р. М.— 158, 159.
Рабек — *599*.
Рабле Ф. (1483 или ок. 1494—1553) — *666*.
Рабочий Ар.— см. Калинин Ф. И.
Равич С. Н. (1879—1957) — 296, 522.
Радищев А. Н. (1749—1802) — 112, 162, 492, *566*, *662*, *663*.
Радченко С. И. (1868—1911) — *614*, *622*.
Разин С. Т. (ум. 1671) — *566*.
Райская Е. Е. (1862 — ?) — 272.
Ракитников Н. И. (1864 — ?) — 203.
Рамишвили Н. В. (1881 — ?) — 332.
Рау А. (1843—1920) — 173.
Рафаэль Санти (1483—1520) — 450, *605*.
Резерфорд Э. (1871—1937) — *598*.
Рейтерн — см. Пейкер И. Ф.
Рейф К.-Ф. (1792—1872) — 546.

Реклам А.-Ф. (1807—1896) — 545, 546.
Реннепкампф П. К. (1854—1918) — 253.
Рескин Д. (1819—1900) — «Современные живописцы» — 535.
Решетников Ф. М. (1841—1871) — 159, 160, *698*.
Рид Д. (1887—1920) — 527—529; «Десять дней, которые потрясли мир» — 527; сб. «Дочь революции» — *619*.
Рикардо Д. (1772—1823) — 55, *598*.
Римский-Корсаков Н. А. (1844—1908) — 514.
Робеспьер М.-М.-И. (1758—1794) — *566*.
Родзянко М. В. (1857—1924) — 376.
Родичев Ф. И. (1856 — ?) — 112.
Рожков Н. А. (1868—1927) — 339, 340, 349, *642*.
Розанов В. В. (1856—1919) — 260, 268, 270.
Розанов В. Н. (1872—1934) — 482.
Розеггер П. (1843—1918) — «Случай в Шруне» — 535.
Розенфельд Н. Б.— 490.
Розмирович (Трояновская) Е. Ф. (1886—1953) — 348, 350.
Роллан Р. (1866—1944) — 521, *667*, *668*; «Жан-Кристоф» — 517; «Над схваткой» — 522.
Роман — см. Ермолаев К. М.
Романовский Г. И.— *664*.
Романовы (царская фамилия) — 113, 184, 196, 353, *678*, *698*.
Роппард — *599*.
Ропшин В.— см. Савинков Б. В.
Рубакин Н. А. (1862—1946) — 123, 273—275, 549, 550.
Рубанович И. А. (1860—1920) — 112.
Рублев А. (ок. 1360—1430) — *566*.
Рудзутак Я. Э. (1887—1938) — 472.
Руже де Лиль К.-Ж. (1760—1836) — «Марсельеза» — *612*, *645*.
Румянцев П. П. (1870—1925) — *641*.
Рыдзевский К. Н. (1852 — ?) — 302.
Рылеев К. Ф. (1795—1826) — *566*, *645*; «Смерть Ермака» — *645*.
Рымаренко С. С. (1839—1869) — 161.
Рядовой — см. Богданов А.
Рязанов *(Гольдендах)* Д. Б. (1870—1938) — «Две правды» — 164—165, 169.

Сабуров П. А. (1835 — ?) — 296.
Савельев М. А. (Макс) (1884—1939)— 357, *557*.
Савинков Б. В. (Ропшин В.) (1879—1925) — 339, 341, 345.
Сажин Л. *(Санжур Н. А.)* (1878—1910) — 262—264.
Сазонов Г. П. (1857 — ?) — 144.
Салазкин А. С. (1870 — ?) — 206.
Салтыков М. Е. (Щедрин Н.) (1826—1889) — 92, 94, 130, 131, 148, 155, 171, 173, 197, 221, 251, 252, 261, 266, 268, 416, 470, *566*, *625*, *630*, *646*, *666*, *697*; писатель «старой» народнической демократии — 197; Некрасов и С. учили различать под приглаженной и напомаженной внешностью образованности крепостника-помещика его хищные интересы — 252; «В среде умеренности и аккуратности» — 221, 266; «Господа Головлевы» — 173; «Дневник провинциала в Петербурге» — 251; «За рубежом» — 171; «История одного города» — 416; «Круглый год» — 92; «Либерал» — 130, 268; «Мелочи жизни» — 148, 155; «Пестрые письма» — 94; «Помпадуры и помпадурши» — 131; «Похороны» — 92; «Современная идиллия» — 221; «Убежище Монрепо» — 470.
Салтычиха *(Салтыкова Д. Н.)* (1730—1801) — 253.
Самойлов Ф. Н. (1882—1952) — 348.
Сапожников А. В. (1868—1935) — 378.
Свердлов Я. М. (1885—1919) — 493, *671* — *673*, *679*.
Свит Г. (Henry Sweet) — 549.
Свифт Д. (1667—1745) — *666*.
Святополк-Мирский П. Д. (1857—1914) — 302.
Сейфуллина Л. Н. (1889—1954) — *686*.
Семашко Н. А. (1874—1949) — 305, 306, 378, 482.
Семевский В. И. (1848—1916) — 302.
Семенов С. А. (1894—1942) — *688*.
Семенов-Тян-Шанский П. П. (1827—1914) — 156.
Семеновский Д. Н. (1894—1960) — 379.
Сенкевич Г. (1846—1916) — 307.
Сен-Симон А.-К. (1760—1825) — *566*.
Сенькин С.— *717*—*723*.
Серафимович А. *(Попов А. С.)* (1863—1949) — 481, 482, *675*—*676*.
Сервантес де Сааведра М. (1547—1616) — «Дон Кихот» — 332, 333, *667*, *668*.
Серебряков Э. А. (1854—1921) — *700*.

Серно-Соловьевич А. А. (1838—1869) — 163.
Серно-Соловьевич Н. А. (1834—1866) — 161, 163, 195.
Синайский В. А. (1893—1968) — *663*.
Синклер Э. (Upton Sinclair) (1878—1968) — 508, 517—520, 535; «Выгоды религии» — *633*.
Сипягин Д. С. (1853—1902) — 547, 548.
Скалдин *(Еленев Ф. П.)* (1828—1902) — 137—139, 141, 142, 154, 155, *649*.
Скворцов-Степанов И. И. (1870—1928) — 348, 349, 455, 489, *599*, *631*, *642*.
Скиталец *(Петров С. Г.)* (1868—1941) — 300; «Метеор» — 352; «Тихо стало кругом» — 286.
Склянский Э. М. (1892—1925) — 379.
Скобелев М. Д. (1843—1882) — *680*.
Сковорода Г. С. (1722—1794) — *566*.
Скриб О.-Э. (1791—1861) — «Адриена Лекуврер» — *602*.
Скрябин А. Н. (1871—1915) — *566*.
Смидович П. Г. (1874—1935) — *678*.
Смирнов А. П. (Фома-питерец) (1877—1938) — 352.
Смирнов Е. — см. Гуревич Э. Л.
Смит А. (1723—1790) — 55, 138.
Снессарев Н. В. (1864 — ?) — 271,272.
Содди Ф. (1877—1956) — *598*.
Соколовский — см. Меленевский М. М.
Сокольников Г. Я. (1888—1939) — 472.
Соловьев В. С. (1853—1900) — 256, *566*.
Сологуб Ф. *(Тетерников Ф. К.)* (1863—1927) — «Мелкий бес» — 292.
Сосновский Л. С. (1886—1937) — 468.
Софокл (ок. 497—406 гг. до н. э.) — «Электра» — 514.
Спартак (ум. 71 г. до н. э.) — *566*.
Спиноза Б. (1632—1677) — 77.
Спиридонова М. А. (1884—1941) — 220, 221.
Сталин *(Джугашвили)* И. В. (1879—1953) — 351, 380, *589*, *708*.
Сталь Л. Н. (1872—1939) — 517.
Станиславский *(Алексеев)* К. С. (1863—1938) — *691*.
Старк Л. Н. (1889—1943) — 354.
Старлинг Э.-Г. (1866—1927) — *598*.
Старовер — см. Потресов А. Н.
Стасова Е. Д. (1873—1966) — 481.
Стасюлевич М. М. (1826—1911) — 137, 145.
Стеклов Ю. М. *(Нахамкис Ю. М.*, Невзоров) (1873—1941) — 179—183, 335, 489, *558*.
Степанов И. И. — см. Скворцов-Степанов И. И.
Столбовский Р. З. (? — 1867) — 161.
Столыпин А. А. (1863 — ?) — 260.
Столыпин П. А. (1862—1911) — 189, 208, 223, 241, 251, 252, 289, 290, 336.
Стомоняков Б. С. (1882—1941) — 381, 473.
Страдивариус А. (1644—1737) — Страдивариуса квартет — *664*.
Строев — см. Десницкий В. А.
Струве Н. А. (1874—1943) — 493.
Струве П. Б. (1870—1944) — 69, 86—88, 110, 135, 209, 220, 255, 259, 267, 268, 270, 283, 361—363, 493, *626*.
Суварин Б. — 242.
Суворин А. С. (1834—1912) — 265, 266, 270—273.
Суриков И. З. (1841—1880) — «Детство» — *705*.
Сурков П. И. (1876—1946) — 480.
Суханов Н. *(Гиммер Н. Н.)* (р. 1882) — 418, 420, 421, *687*, *688*.
Сысоев И. В. («Ткач И-н») (1888—1912) — 263.
Сысойка — см. Богданов А.
Сюшье Г. (1848—1914) — «История французской литературы» — 534.

Таратута В. К. (Виктор) (1881—1926) — 320.
Теодорович И. А. (1875—1940) — 380.
Терехин И. В. — 494, 495.
Тильберг Я. Х. (р. 1880) — *663*.
Тимирязев А. К. (1880—1955) — 415.
Тихомиров Л. А. (1850—1923) — *700*.
Тихонов А. Н. (Серебров А., Серебров Н.) (1880—1956) — 346—348.
«Ткач И-н» — см. Сысоев И. В.
Ткачев П. Н. (1844—1885) — 165, *700*.
Тодорский А. И. (1894—1965) — «Год — с винтовкой и плугом» — 468.
Тобинсон-Красноцекова Г. Б. (1889—1964) — 530.
Толлер Э. (1893—1939) — 457.
Толстая С. А. (1844—1919) — *561*, *562*.
Толстой А. Н. (1883—1945) — *686*.
Толстой Л. Н. (1828—1910) — 219—244, 317, 332, 542, *561*, *566*, *579*, *602*, *614*, *615*, *622*, *630*, *639*, *685*, *697*, *702*, *724*: эпоха Т. — 238—241; Т. и русская демократическая революция — 221—225; великий художник, мировое значение Т. — 225;

противоречия в произведениях и взглядах Т.— 222; Т. отразил настроения масс патриархального крестьянства, ломку всех старых устоев — 231; Т.— критик самодержавия — 226; Т.— критик буржуазного строя — 231—232, 233; исторический грех толстовщины — 223, 224, 226, 227, 233; реакционность теории, учения Т.— 240—241; Т. и социализм — 240; Т. и мещанство — 221; Т. и народничество — 239; Т. и религия, церковь — 227; как следует оценивать Т.— 222, 223, 227, 228, 240, 241; рабочие о Т.— 230; Плеханов о Т.— 332; меньшевистская пресса о Т.— 233—237, 332; либеральная пресса о Т.— 221, 227—229; казенная пресса о Т.— 221,227, 228; наследие Т. и трудящиеся массы—225, 231, 232, 240, 241; язык Т. велик и могуч — 542; «Анна Каренина» — 238, 294, *602*, *634*; «Власть тьмы» — *602*; «Война и мир» — *639*; «Воскресение» — *703*; «Воспитание и образование» — 239; «Живой труп» — — *618*, *619*, *624*; «Крейцерова соната» — 239; «Люцерн» — 239; «О смысле жизни» — 239; «О голоде» — 220; «Плоды просвещения» — *602*; Предисловие к альбому картин Н. Орлова «Русские мужики» — 241; «Прогресс и определение образования» — 239; «Рабство нашего времени» — 239; «Сказка об Иване Дураке» — 236.
Томсон Д.-Д. (1856—1940) — *598*.
Тонков В. Н. (1872—1954) — 375.
Трепов Д. Ф. (1855—1906) — 302.
Третьяковы П. М. (1832—1898) — и С. М. (1834—1892) — *564*.
Триа — см. Мгеладзе В. Д.
Трояновская — см. Розмирович Е. Ф.
Трояновский А. А. (1882—1955) — 348, 350.
Трутовский В. К. (1862—1932) — *678*, *679*.
Туган-Барановский М. И. (1865—1919) — 136, 145, 177, 274, 387.
Тукаев Абдулла (Тукай Габдулла) (1886—1913) — *724*.
Туляков И. Н. (1877 — ?) — 355.
Турати Ф. (1857—1932) — 210.
Тургенев И. С. (1818—1883) —164, 172, 196, 212, 252, 253, 280—283, 288, 542, 545, 546, *614*, *622*, *630*, *650*, *697*; Т. претил мужицкий демократизм Добролюбова и Чернышевского — 212; Т. и Герцен — 196; язык Т. велик и могуч — 542; «Ася» — 172; «Записки охотника» («Бурмистр») — 252, 253; «Дым» — 281, 282, *697*; «Накануне» — *650*; «Новь» — 288; «Стихотворения в прозе» («Житейское правило») — 283.
Туссэн К. (? — 1877) — 549.
Тютчев Ф. И. (1803—1873) — 296, *566*, *644*.

Уитверс — 101.
Уиц Б. (1887—1971) — *709*.
Ульянов А. И. (1866—1887) — *647*, *655*.
Ульянов Д. И. (1874—1943) — 294, *610—612*.
Ульянов И. Н. (1831—1886) — *610*, *634*.
Ульянова М. А. (1835—1916) — 159, 241, 280—282, 289, 293, 294, 300, 305, 320, 329, 334, 505—507, 512, 545, 546, 549, *610*.
Ульянова М. И. (1878—1937) — 135, 159, 279—281, 288, 289, 300, 319, 321, 371, 481, 482, 506—508, 512, 513, 517, 546, 549, *622*, *637*, *656*, *708*.
Ульянова О. Д. (р. 1922) — *611*.
Ульянова О. И. (1871—1891) — *611*, *612*, *648*.
Ульянова-Елизарова А. И. (1864—1935) — 136, 154, 175, 280, 281, 289, 320, 344, 505, 506, 508, 514, 545, *609—610*, *621*, *630*.
Уншлихт И. С. (1879—1938) — 485.
Уорд Д. (1843—1925) — 67, 68.
Успенский Г. И. (1843—1902) — 129, 157—160, 212, 226, 294, *566*, *622*, *631*, *649*, *698*; «Грехи тяжкие» — 157, 226; «Нравы Растеряевой улицы» — *698*; «Равнение «под одно»» — 129; «Федор Михайлович Решетников» — 159, 160.
Успенский Н. В. (1837—1889) — *699*.
Уэллс Г. (1866—1946) — 381, 531—534, *652*, *688*; «Россия во мгле» — 531—534.

Фадин К. А. (р. 1892) — *688*.
Фейербах Л. (1804—1872) — 54, 58, 59, 64—66, 68, 77, 78, 82, 173—177, 192, 235, 362, 471.
Ферри Э. (1856—1929) — 309.
Фехнер Г.-Т. (1801—1887) — 65.
Фидлер Ф. Ф. (1859—1917) — 545,

Филон Александрийский (ок. 25 г. до н. э.—50 г. н. э.) —74.
Филонов Ф. В. (? —1906) —253.
Финк К.— «Основные типы строения речи» —535.
Фихте И.-Г. (1762—1814) —362.
Фишер Ф.-Т. (1801—1853) — «Критическая галерея», «Прекрасное и искусство», «Старое и новое», «Эстетика» — 535.
Флоринский Т. Д. (1854—1919) — «Лекции по славянскому языкознанию» — 550.
Фолькман (Volkmann) П. (1856— ок. 1938) — 77.
Фома-питерец — см. Смирнов А. П.
Фома Уральский (Фома-уралец) — 352,*638*.
Фомин А. А. (р. 1885) — *677—678*.
Фомин С. Д. (1881—1958) — *705*.
Фонвизин Д. И. (1744—1792) — «Недоросль» — *602*.
Фотиева Л. А. (1881—1975) — 489, 502, 529, 554, *643*.
Фохт О. (1870—1959) — *636*.
Фош Ф. (1851—1929) — 407.
Франк А. (1809—1893) — 552.
Франк С. Л. (1877—1950) — 255, 259.
Франке К. (1855—1930) — «Предполагаемый язык людей ледникового периода» — 535.
Франс А. *(Тибо А.)* (1844—1924) — 237, 508, 526; «Жизнь Жанны д'Арк» — 508.
Франц-Иосиф I Габсбург (1830—1916) — 350.
Франье (Frapié) Л. (1863—1949) — «Рассказы о войне» — 524.
Флейлигрят Ф. (1810—1876) — 535, 536.
Фрейна Л. (1892—1953) — 528.
Фриче В. М. (1870—1929) — *678*.
Фурье Ш. (1772—1837) — *566*.

Хаймо М.— 622.
Халатов А. Б. (1896—1938) — *640*.
Халтурин С. Н. (1857—1882) — 119, *566*, *664*, *707*.
Хатисов К.—157.
Хаустов В. Н. (1884 — ?) — 355.
Хозяин «Знания» — см. Пятницкий К. П.
Хомяков Н. А. (1850—1925) — 333.
Христофоров А. Х. (1838—1913) — *700*.
Хрусталев-Носарь Г. С. (Переяславский Ю.) (1877—1918) — 249.

Цедербаум Ю. О.— см. Мартов Л.
Целлер Э. (1814—1908) — 553.
Церетели И. Г. (1882—1959) — 389.
Цеткин К. (1857—1933) — 337, *656—660*.
Цыперович Г. В. (1871—1932) — 498.
Цюрупа А. Д. (1870—1928) — 482, *618*, *664*.
Цявловский М. А. (1883—1947) — «Большевики» — *646*.

Чаадаев П. Я. (1794—1856) — 256.
Чайковский П. И. (1840—1893) — 284, 514, *643*, *646*, *705*; «Баркарола» —*643*; «Евгений Онегин»— *643*; романсы «Ночь», «Средь шумного бала», «Мы сидели с тобой у заснувшей реки» — *646*; «Патетическая симфония» — 284.
Чарушников А. П. (1852—1913) — 301.
Чацкий Ю. *(Бронштейн П. А.*, Юрий) (р. 1881) — 328.
Череванин Н. *(Липкин Ф. А.)* (1868—1938) — 237.
Черемных М. М. (1890—1962) — *681*.
Чернов В. М. (1876—1952) — 58, 59, 204, 281, 328, 338, 340, 389, 477.
Чернышевский М. Н. (1858—1924) — *580*, *581*.
Чернышевский Н. Г. (1828—1889) — 110, 112, 116, 119, 132—134, 154, 158—161, 163, 173—183, 187, 188, 195, 197, 202, 203, 209, 210, 212—214, 255, 256, 266, 268, 296, 335, 412, *566*, *580*, *581*, *620*, *621*, *625—628*, *630*, *646* — *650*, *662*, *663*, *700*; революционный (последовательный, мужицкий) демократ — 112, 119, 133, 187, 195, 197, 202, 209, 212, 268, *627*, *649*, *650*; от его сочинений веет духом классовой борьбы — 119; замечательно глубокий критик капитализма — 119; социалист-утопист, великий русский социалист — 119, 132, 158, 172, 173, 187, 203, 214, *627*, *647*; великий русский материалист — 173—175, 203, 412, *628*, *649*; материалист, смеявшийся над неокантианцами — 203; не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма — 175; крайне важно противопоставить махистам Ч.— 175; Ч.— настоящий патриот — 112, 176; Ч.— великий русский писатель — 172, 173, 175,

628, *649*; Ч.— предшественник русской социал-демократии — 116; именем Ч. характеризуется демократическая русская культура — 110; Ч. о политической деятельности — 212—214, *626*, *648*, *649*; Ч. и реформа 1861 г.— 133—135, 172, 187, 202, 210, *626*, *627*; Ч. и либералы—119, 134, 158, 159, 163, 164, 187, 188, 195, 202, 210, 268, *626*, *649*; с какой точки зрения надо оценивать деятельность революционера Ч. — 213, *648*, *649*; язык Ч. велик и могуч — 542; «Антропологический принцип в философии» — 176; «Критика философских предубеждений против общинного владения» — 133, 172; «Очерки гоголевского периода русской литературы» — 296; «Политико-экономические письма к президенту Американских Соединенных Штатов» Г. Ч. Керри» — 212, 214, *626*; предисловие к третьему изданию «Эстетических отношений искусства к действительности» — 174, 175; «Примечания к переводу политической экономии Милля» — 180, 181, *649*; «Пролог» —112, 133, 134, 172, 176, 188; «Русский человек на rendez-vous» — 172; «Что делать?» — *614*, *622*, *646*—*649*.

Чехов А. П. (1860—1904) — 296, *690*, *698*; «Душечка» — 286; «Дядя Ваня» — *625*; «Злоумышленник» — *624*; «Палата № 6» — *609*; «Три сестры» — 281, *602*; «Человек в футляре» — 90, 398.

Чириков Е. Н. (1864—1936) — *688*.

Чичерин Г. В. (1872—1936) — 377, 523.

Чужак Н. (*Насимович Н. Ф.*) (1876—1927) — 339.

Чужинов — 370.

Шагинян М. С. (р. 1888) — *634*.

Шагов Н. Р. (1882—1918) — 348.

Шаден Э.-А. (1814—1852) — 176.

Шаллер Ю. (1807—1868) — 176.

Шаляпин Ф. И. (1873—1938) — 363, *664*.

Шаповалов А. С. (1871—1942) — *644*—*645*.

Шварц — см. Воровский В. В.

Швеглер А. (1819—1857) — 76.

Шевченко Т. Г. (1814—1861) — 208, 209, 294, *566*, *663*.

Шейдеман Ф. (1865—1939) — 211.

Шекспир В. (1564—1616) — 389, 449, 535, *644*.

Шелгунов В. А. (1867—1939) — 120.

Шелгунов Н. В. (1824—1891) — 135, 136.

Шеллинг Ф.-В. (1775—1854) — 64, 65, 174.

Шенье А. (1762—1794) — 535.

Шервуд Л. В. (1871—1954) — *662*, *663*.

Шиллер И.-Ф. (1759—1805) — 535, *602*, *644*; «Коварство и любовь», «Мария Стюарт», «Орлеанская дева» — *602*.

Шиман (Schiemann) Т. (1847—1921)— 164.

Шиппель М. (1859—1928) — 333.

Шкловский Г. Л. (1875—1937) — 354.

Шкловский И. В. (Дионео) (1865—1935) — 157, 473.

Шляпников А. Г. (Беленин) (1885—1937) — 363—366.

Шнеерсон М. Л.— *654*.

Шнитников Н. Н. (1861— ?) — 302.

Шницлер А. (1862—1931) — 535; «Новеллы» — 536.

Шопен Ф. (1810—1849) — *566*, *654*; «Прелюдии» — *654*.

Шоу Б. (1856—1950) — 381, *652*.

Шпенглер О. (1880—1936) — 452, *687*.

Штрассер И. (1871 — ?) — 351.

Шуберт-Зольдерн Р. (1852—1935)— 63, 69.

Шуберт Ф.-П. (1797—1828) — «Лесной царь» и «Приют» — *654*.

Шубин Ф. И. (1740—1805) — *566*.

Шубинский *(Шубинской)* Н. П. (1853 — ?) — 272.

Шульгин В. В. (р. 1878) — 229.

Шульце-Геверниц Г. (1864—1943)— «Британский империализм»—536.

Шулятиков В. М. (1872—1912) — 70—74.

Шуппе В. (1836—1913) — 69.

Шухмина В. А. (? — 1925) — *690*.

Щедрин Н.— см. Салтыков М. Е.

Щепетев А.— 267—270.

Щукин С. И. (1854—1936) — *568*.

Эзоп (VI—V вв. до н. э.) — «Эзопов язык» — 92.

Эйнштейн А. (1879—1955) — 413, 415.

Эйслер Р. (1873—1926) — 552.

Эйхенбаум Б. М. (1886—1959) —*614*.

Энгберг О.— *613*.

Энгель Э. (1851—1941) — «История германской литературы» — 534.
Энгельгардт А. Н. (1832—1893) — 138—143, 148, 149, 158, *649*.
Энгельгардт М. Н.— 281.
Энгельс Ф. (1820—1895) — 54, 58, 59, 61, 62, 64—66, 68, 75, 84, 113, 137, 159, 168, 174, 175, 181, 182, 200, 209, 213, 310, 312, 388, 390, 392, 397—399, 413, 414, 513, 514, *566*, *628*, *641*, *649*, *650*, *662*, *663*, *698*, *722*.
Эренбург И. Г. (1891—1967) — 456, *605*, *606*, *624*, *686*; «А все-таки она вертится» — *605*; «Хулио Хуренито» — *624*.
Эссен М. М. (1872—1956) — *615*, *645—646*.

Юдин Г. В. (1840—1912) — 279.
Южаков С. Н. (1849—1910) — 86, 130, 133, 141, 144, 149.
Юзов *(Каблиц И. И.)* (1848—1893)— 144, 145, 165.
Юлий — см. Мартов Л.
Юм Д. (1711—1776) — 59—61, 65, 73, 77.
Юрий — см. Чацкий Ю.
Юркевич Л. *(Рыбалка Л.)* (1885—1918) — 107, 109, 110, 255.
Юрьев С. А. (1821—1888) — 219.
Юшкевич П. С. (1873—1945)— 69, 263, 312.

Языков Н. М. (1803—1846) — «Пловец» — *611*.
Якоби И. (1805—1877) — 407.
Яковенко В. Г. (1889—1938) — 165.
Яковлев *(Эпштейн)* Я. А. (1896—1939) — *589—605*, *675*.
Ярошенко Н. А. (1846—1898) — 493.

Библиотека Инв. № 67867 Ветлужского Лесотехнического т-ма

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

В. И. ЛЕНИН. Рисунок художника *Н. А. Андреева.*

Афиша с программой вечера, посвященного памяти А. И. Герцена, в Париже, 15 апреля 1912 г.

Объявление о реферате В. И. Ленина «Идеология контрреволюционного либерализма». 13(26) ноября 1909 г.

В. И. ЛЕНИН. 1920 г.

В. И. ЛЕНИН и А. М. ГОРЬКИЙ. 1920 г. Петроград.

В. И. ЛЕНИН и А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ направляются к месту закладки памятника «Освобожденный труд». 1 мая 1920 г. Москва.

В. И. ЛЕНИН и ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ на VIII съезде РКП(б). Март 1919 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства 3
Б. Рюриков. Ленин и литература 6

В. И. ЛЕНИН О ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

Три источника и три составных части марксизма . . . 53

Из книги «Материализм и эмпириокритицизм» 58
Замечания на книге В. Шулятикова «Оправдание капитализма в западноевропейской философии. От декарта до Э. Маха». Москва, 1908 70
К вопросу о диалектике 74
Философские тетради
Из конспекта книги Гегеля «Наука логики» . . 78
Из конспекта книги Аристотеля «Метафизика» . 81
Из конспекта книги Фейербаха «Лекции о сущности религии» 82
Из заключительного слова по политическому отчету ЦК РКП(б) XI съезду РКП(б) 28 марта 1922 г. . . 82

Из работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» 83
Из статьи «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» 86
Из работы «Аграрный вопрос и «критики Маркса»» . . 87
Из предисловия к русскому переводу писем К. Маркса к Л. Кугельману 88

Партийная организация и партийная литература . . 92
Из статьи «Социалистическая партия и беспартийная революционность» 96
«Кому выгодно?» 100
Из статьи «Статистика и социология» 101

Из статьи «Критические заметки по национальному вопросу» 103
О национальной гордости великороссов 111

Из работы «Проект и объяснение программы социал-демократической партии» 115
Из книги «Что делать?» 115
Роль сословий и классов в освободительном движении . 116
Из прошлого рабочей печати в России 118
Из работы «Крах II Интернационала» 124
Из книги «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» . . 125

О РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДЕМОКРАТАХ И НАРОДНИКАХ

Из книги «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» 129
Из письма М. И. Ульяновой. 24 декабря 1894 года . . 135
Из статьи «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» 135
Из письма А. И. Ульяновой-Елизаровой. 16 января 1896 года 136
Из статьи «От какого наследства мы отказываемся?» . . 137
Из письма А. Н. Потресову. 26 января 1899 года . . . 154
Из письма А. И. Ульяновой-Елизаровой. 13 февраля 1899 года 154
Из письма А. Н. Потресову. 27 апреля 1899 года . . 154
Из книги «Развитие капитализма в России» 155
Из работы «Капитализм в сельском хозяйстве» 157
Из статьи «Попятное направление в русской социал-демократии» 158
Из письма М. А. Ульяновой. 6 апреля 1900 года . . . 159
Из работы «Случайные заметки» 159
Из статьи «Гонители земства и Аннибалы либерализма» 160
Замечания к статье Рязанова «Две правды» 164
Из книги «Что делать?» 166
Из письма А. Н. Потресову. 1 января 1903 года . . . 167
Из письма Г. В. Плеханову. 5 февраля 1903 года . . . 167
Из конспектов лекций «Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Европе и в России» 168

Из статьи «Мелкобуржуазный и пролетарский социализм» 170
Из статьи «Плеханов и Васильев» 171
Из статьи ««Услышишь суд глупца»...» 172
Из работы «Проект речи по аграрному вопросу во Второй Государственной думе» 172
Из статьи «Торжествующая пошлость или кадетствующие эсеры» 173
С какой стороны подходил Н. Г. Чернышевский к критике кантианства? 173
Из письма А. И. Ульяновой-Елизаровой. 23 или 24 марта 1909 года 175
Философские тетради. Из конспекта книги Фейербаха «Лекции о сущности религии» 176
Из статьи «За что бороться?» 176
Из письма Д. М. Котляренко. 1 августа 1910 года 177
Замечания на книге Г. В. Плеханова «Н. Г. Чернышевский» 177
Замечания на книге Ю. М. Стеклова «Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность (1828—1889)». СПб., 909 179
Из статьи «Наши упразднители» 184
«Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция 184
Памяти Герцена 191
Из письма в редакцию газеты «Правда». 8 сентября 1912 года 197
Две утопии 198
Из статьи «О народничестве» 201
Из статьи «Либералы и свобода союзов» 202
Народники о Н. К. Михайловском 202
Радикальный буржуа о русских рабочих 205
Из работы «К вопросу о национальной политике» . . 208
Из работы «О праве наций на самоопределение» . . . 209
Из статьи «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический» 209
Из статьи «Не демократично, гражданин Керенский!». . 210
Из статьи «Политический шантаж» 211
Из работы «Очередные задачи Советской власти» . . . 211
Из работы «Письмо к американским рабочим» 212
Заседание Петроградского Совета 12 марта 1919 г. Из ответа на записки 212
Из речи «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства» на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию 19 мая 1919 г. 213
Из книги «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» . 213
Записка библиотекарше. 10 ноября 1920 года 214
Из статьи «О кооперации» 214

О Л. Н. ТОЛСТОМ

Пометка на одном из обличительных документов, предназначенных для публикации в «Искре» . . 219
Из работы «Аграрный вопрос и «критики Маркса»» . . . 220
Из статьи «Признаки банкротства» 220
Из работы «Победа кадетов и задачи рабочей партии» . 220
Лев Толстой, как зеркало русской революции 221
Л. Н. Толстой 225
Не начало ли поворота? 228
Л. Н. Толстой и современное рабочее движение . . . 230
Из статьи «Начало демонстраций» 232
Толстой и пролетарская борьба 233
Герои «оговорочки» 234
Л. Н. Толстой и его эпоха 238
Из письма М. А. Ульяновой. 19 января 1911 года . . . 241
Из статьи «Об избирательной кампании и избирательной платформе» 241
Из статьи «Еще одно уничтожение социализма» 242
Из работы «Открытое письмо Борису Суварину» 242
Из речи на 2-м Всероссийском совещании ответственных организаторов по работе в деревне 12 июня 1920 г. 243

ИЗ СТАТЕЙ, ВЫСТУПЛЕНИЙ И ПИСЕМ ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА

Из статьи «Попятное направление в русской социал-демократии» 247
Памяти графа Гейдена 248
Из статьи «Об отношении рабочей партии к религии». . 254
О «Вехах» 254
Из статьи «О фракции «впередовцев»» 262
Из статьи «Иван Васильевич Бабушкин (Некролог)» . . 264
Карьера 265
Из статьи «Еще один поход на демократию» 267
Капитализм и печать 271
Рецензия. *И. А. Рубакин*. Среди книг, том II 273
И. Ф. Арманд. 17 января 1915 года 275
И. Ф. Арманд. 24 января 1915 года 276

Из письма М. И. Ульяновой. Октябрь 1893 года . . . 279
Из письма М. И. Ульяновой. 10 марта 1897 года 279
Из письма М. А. Ульяновой. 24 февраля 1898 года . . . 280
Из письма А. Н. Потресову. 27 апреля 1899 года 280
Из письма М. А. Ульяновой. 17 октября 1899 года . . . 280

Из письма М. А. Ульяновой. 26 декабря 1900 года . . . 281
Из письма М. А. Ульяновой. 20 февраля 1901 года . . . 281
Из работы «Аграрный вопрос и «критики Маркса»» . . 281
Из письма М. А. Ульяновой. 24 марта 1902 года 282
Из статьи «Революционный авантюризм» 283
Из письма «Об обстоятельствах ухода из редакции «Искры»». 20 февраля 1904 года 284
Из письма М. А. Ульяновой. 4 февраля 1903 года . . . 284
Из письма М. М. Литвинову. 8 декабря 1904 года 285
Из письма А. В. Луначарскому. Между 15 и 19 августа 1905 года 285
Из письма А. В. Луначарскому. Конец августа 1905 года 285
Социал-демократическая душечка. 286
Из работы «Победа кадетов и задачи рабочей партии» . 286
Из статьи «Руки прочь!» 287
Из статьи ««Услышишь суд глупца»...». 287
Из письма А. В. Луначарскому. Между 2 и 11 ноября 1907 года 288
Из письма М. И. Ульяновой. 7 февраля 1908 года . . . 288
Из статьи «Оценка Маркса международным либерализмом» 288
Из письма М. А. Ульяновой. Лето 1908 года 289
Из письма А. И. Ульяновой-Елизаровой. 6 февраля 1909 года 289
Из статьи ««Сожаление» и «стыд»» 289
Демьяну Бедному. 5 декабря 1912 года 291
Из письма Л. Б. Каменеву. Позднее 15 марта 1913 года . 291
Из работы «К вопросу о политике Министерства народного просвещения» 291
Из письма в редакцию газеты «Правда». Май, не ранее 25, 1913 года 293
Из письма Н. К. Крупской — М. А. Ульяновой. 26 декабря 1913 года 293
Из письма М. А. Ульяновой. 16 марта 1914 года . . . 294
Из письма И. Ф. Арманд. Первая половина мая 1914 года 294
Из письма И. Ф. Арманд. Июнь, ранее 5, 1914 года . . 295
Из письма Н. К. Крупской и В. И. Ленина — С. Н. Равич. 16 января 1916 года 296
Из письма Н. К. Крупской — В. А. Карпинскому. 11 апреля 1916 года 296
Библиографические заметки и выписки из каталогов . . 296

ОБ А. М. ГОРЬКОМ

Из статьи «Начало демонстраций» 299
Из письма М. А. Ульяновой. 26 февраля 1902 года . . 300
Из письма М. А. Ульяновой. 7 июня 1902 года 300

Из письма Н. К. Крупской — В. Гурвич-Кожевниковой («Наташе»). 24 октября (6 ноября) 1902 года . . . 300
Из письма Н. К. Крупской и В. И. Ленина — А. А. Богданову. 2 ноября 1904 года 301
Из письма Р. С. Землячке. 13 декабря 1904 года . . . 301
Из письма А. А. Богданову. 10 января 1905 года 301
Из статьи «Трепов хозяйничает» 302
Из статьи «Перед бурей» 302
А. М. Горькому. 14 августа 1907 года 303
А. М. Горькому. 9 января 1908 года 303
А. М. Горькому и М. Ф. Андреевой. 15 января 1908 года 304
Из письма М. А. Ульяновой. 22 января 1908 года . . . 305
А. М. Горькому. 2 февраля 1908 года 305
А. М. Горькому. 7 февраля 1908 года 306
А. В. Луначарскому. 13 февраля 1908 года 309
А. М. Горькому. 13 февраля 1908 года 309
А. М. Горькому. 25 февраля 1908 года 311
А. М. Горькому. Первая половина марта 1908 года . . 314
А. М. Горькому. 16 марта 1908 года 315
А. М. Горькому. 24 марта 1908 года 315
А. М. Горькому. Первая половина апреля 1908 года . 317
А. М. Горькому. 16 апреля 1908 года 318
А. М. Горькому. 19 апреля 1908 года 318
Из письма М. И. Ульяновой. Между 19 и 23 апреля 1908 года 319
М. Ф. Андреевой. Конец апреля 1908 года 319
Из письма М. А. Ульяновой. 17 ноября 1908 года . . . 320
А. М. Горькому. 16 ноября 1909 года 320
Из письма М. И. Ульяновой. 3 или 4 декабря 1909 года 321
Басня буржуазной печати об исключении Горького . . 322
А. М. Горькому. Ноябрь, не ранее 20, 1909 года . . . 322
Из работы «Заметки публициста» 324
Из письма Н. Е. Вилонову. 27 марта 1910 года 327
А. М. Горькому. 11 апреля 1910 года 327
Из письма М. А. Ульяновой. 1 июля 1910 года 329
А. М. Горькому. 14 ноября 1910 года 329
А. М. Горькому. 22 ноября 1910 года 330
А. М. Горькому. 3 января 1911 года 332
Из письма М. А. Ульяновой. 19 января 1911 года . . . 334
А. М. Горькому. Конец апреля 1911 года 334
А. М. Горькому. 27 мая 1911 года 335
А. М. Горькому. 15 сентября 1911 года 337
А. М. Горькому. Февраль 1912 года 338
А. М. Горькому. Февраль — март 1912 года 338
А. М. Горькому. Середина марта 1912 года 339
А. М. Горькому. 1 августа 1912 года 339
А. М. Горькому. Ранее 25 августа 1912 года 340
Из письма Л. Б. Каменеву. Ранее 6 сентября 1912 года . 341

А. М. Горькому. Начало октября 1912 года 342
А. М. Горькому. 17 октября 1912 года 342
А. М. Горькому. Вторая половина октября 1912 года . . 343
Из письма в редакцию газеты «Правда». Позднее 2 ноября 1912 года 343
Из письма в редакцию газеты «Правда». 26 ноября 1912 года 344
Из письма А. И. Ульяновой-Елизаровой. Осень 1912 года 344
А. М. Горькому. 22 или 23 декабря 1912 года 344
А. М. Горькому. Ранее 8 января 1913 года 345
Из письма Л. Б. Каменеву. 8 января 1913 года 347
А. М. Горькому. 21 января 1913 года 348
А. М. Горькому. Позднее 25 января 1913 года 348
А. М. Горькому. Между 15 и 25 февраля 1913 года . . 350
Из письма Н. Г. Полетаеву. 25 февраля 1913 года . . 352
Из письма Л. Б. Каменеву. 25 февраля 1913 года . . . 352
А. М. Горькому. Позднее 6 марта 1913 года 353
А. М. Горькому. Май, не ранее 9—10, 1913 года 353
А. М. Горькому. Ранее 22 июня 1913 года 354
А. М. Горькому. Не позднее 22 июня 1913 года 355
Из письма Л. Б. Каменеву. 29 июня 1913 года 355
А. М. Горькому. 25 июля 1913 года 356
А. М. Горькому. 30 сентября 1913 года 356
А. М. Горькому. Начало ноября 1913 года 357
А. М. Горькому. 13 или 14 ноября 1913 года 358
А. М. Горькому. 14 или 15 ноября 1913 года 360
А. М. Горькому. Вторая половина ноября 1913 года . 361
Из письма А. Г. Шляпникову. 31 октября 1914 года . . 363
Автору «Песни о Соколе» 363
Из письма А. Г. Шляпникову. 19 сентября 1915 года . 364
А. М. Горькому. 11 января 1916 года 364
А. М. Горькому. Ранее 8 февраля 1916 года 365
Из письма М. Н. Покровскому. 31 августа 1916 года . . 365
Из письма А. Г. Шляпникову. Позднее 3 октября 1916 года 365
М. Н. Покровскому. 6 декабря 1916 года 366
Из письма И. Ф. Арманд. 18 декабря 1916 года 366
М. Н. Покровскому. 21 декабря 1916 года 367
М. Н. Покровскому. 3 января 1917 года 367
Письма из далека. Из письма 4. «Как добиться мира?» . 368
Из автореферата «О задачах РСДРП в русской революции» 369
Л. Б. Красину. 12 марта 1919 года 369
Телеграмма А. М. Горькому. 14 апреля 1919 года . . . 370
А. М. Горькому. 5 июля 1919 года 370
Телеграмма А. М. Горькому. 8 июля 1919 года 370
Телеграмма в Нижний Новгород. 8 июля 1919 года . . 370
Л. Б. Каменеву. 8 или 9 июля 1919 года 371

Из письма Н. К. Крупской. 9 июля 1919 года 371
Секретарю СНК. 9—11 июля 1919 года 371
Из телеграммы Н. К. Крупской. 10 июля 1919 года . . 371
Из письма Н. К. Крупской. 15 июля 1919 года 371
А. М. Горькому. 18 июля 1919 года 372
А. М. Горькому. 31 июля 1919 года 372
А. М. Горькому. 15 сентября 1919 года 375
М. Ф. Андреевой. 18 сентября 1919 года 376
Записка Г. В. Чичерину и решение Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу о взаимоотношениях со странами Антанты. Сентябрь, не ранее 26, 1919 года 377
А. М. Горькому. Сентябрь, не ранее 26, 1919 года . . 377
Н. П. Брюханову. 17 февраля 1920 года 377
Телеграмма А. М. Горькому. 19 марта 1920 года . . . 378
В Петроградский Совет. 22 апреля 1920 года 378
Б. Г. Каплуну. 20 июня 1920 года 378
Проект постановления Политбюро ЦК РКП(б) о статьях А. М. Горького в журнале «Коммунистический Интернационал». 31 июля 1920 года 379
Ш. М. Манучарьянц. 28 января 1921 года 379
В. Р. Менжинскому. 24 июня 1921 года 379
И. А. Теодоровичу. 28 июня 1921 года 380
А. М. Горькому. 9 августа 1921 года 380
А. И. Рыкову. 17 сентября 1921 года 380
А. М. Горькому. 6 декабря 1921 года 381
В. В. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б). 12 декабря 1921 года 381
Из записки Н. П. Горбунову. 23 февраля 1922 года . . 382
Н. И. Бухарину. 7 сентября 1922 года 382
Из письма Н. Н. Крестинскому. 7 сентября 1922 года . . 382

ИЗ РАБОТ, ВЫСТУПЛЕНИЙ И ПИСЕМ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Из главы V работы «Государство и революция» 385

Из статьи «Как организовать соревнование?» 394
Из доклада о пересмотре программы и изменении названия партии на Седьмом экстренном съезде РКП(б) 8 марта 1918 г. 397
Из статьи «Пророческие слова» 398
Из работы «Успехи и трудности Советской власти» . . 400
Из статьи «Великий почин» 403
Из статьи «Об едином хозяйственном плане» 411
Из статьи «О значении воинствующего материализма». . 412

Из статьи «О кооперации» 417
О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова). 418
Из статьи «Лучше меньше, да лучше» 421

О ПРОЛЕТАРСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ПРОЛЕТКУЛЬТЕ

Письмо президиуму конференции пролетарских культурно-просветительных организаций 17 сентября 1918 г. 424
Речь на вечере московского Пролеткульта 6 ноября 1918 г. 425
Приветственная речь на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию 6 мая 1919 г. 425
Из речи «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства» на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию 19 мая 1919 г. 428
Из речи на III Всероссийском совещании заведующих внешкольными подотделами губернских отделов народного образования 25 февраля 1920 г. . . . 430
М. Н. Покровскому. Август, не позднее 20, 1920 года . . 432
Пометки на справке М. Н. Покровского. 24 августа 1920 года 433
Предисловие ко второму изданию книги «Материализм и эмпириокритицизм» 433
Задачи союзов молодежи 434
О пролетарской культуре 444
Набросок резолюции о пролетарской культуре. 9 октября 1920 года 445
Н. И. Бухарину. 11 октября 1920 года 445
Из речи на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г. 446
Проект постановления Пленума ЦК РКП(б) о Пролеткульте. 10 ноября 1920 г. 447
В ЦК РКП(б). 14 ноября 1920 года 447
В. М. Молотову. Между 18 и 22 ноября 1921 года . . . 447
Членам Политбюро ЦК РКП(б). 2 декабря 1921 года . 447
Заметки на статье Плетнева. 27 сентября 1922 года . . . 448
Н. И. Бухарину. 27 сентября 1922 года 458
Из статьи «Странички из дневника» 458

О ПЕЧАТИ

Проект резолюции о свободе печати. 4(17) ноября 1917 года 462
Из первоначального варианта статьи «Очередные задачи Советской власти» 463

Из работы «Письмо к американским рабочим» 465
О характере наших газет 466
Заявление в Комитет профессионального союза советских журналистов. Октябрь, не позднее 22, 1918 года 467
Маленькая картинка для выяснения больших вопросов 468
Из статьи «В лакейской» 470
Ю. Х. Лутовинову. 30 мая 1921 года 472
Г. И. Мясникову. 5 августа 1921 года 476
Н. П. Горбунову. 6 февраля 1922 года 479

О ПИСАТЕЛЯХ

А. Н. Прокофьеву. 3 января 1919 года 480
Пометки на письме А. А. Вермишева. На ранее 6 апреля 1919 года 480
Телеграмма Орловскому губисполкому. 12 апреля 1919 года 481
Телеграмма председателю Орловского исполкома. 22 октября 1919 года 481
А. С. Енукидзе, Л. Б. Каменеву и Е. Д. Стасовой. 12 ноября 1919 года 481
А. С. Серафимовичу. 21 мая 1920 года 481
Из телеграммы Г. К. Орджоникидзе. 2 сентября 1920 года 482
Из записки Н. А. Семашко. Март, не ранее 16, 1921 года 482
Записка секретарю. 20 марта 1921 года 482
Записки о поэме В. Маяковского «150 000 000». 6 мая 1921 года 483
Телефонограмма А. В. Луначарскому. 22 октября 1921 года 483
Талантливая книжка 484
В. М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б). 23 ноября 1921 года 485
Н. П. Горбунову. 5 марта 1922 года 485
О международном и внутреннем положении Советской республики. Из речи на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 г. 485
Из политического отчета Центрального Комитета XI съезду РКП(б) 27 марта 1922 г. 487
Ф. Э. Дзержинскому. 19 мая 1922 года 488
Из записки Л. А. Фотиевой. 13 июля 1922 года 489

П. П. Малиновскому. Между 1 и 13 мая 1918 года . . . 490
Телеграмма А. В. Луначарскому. 13 мая 1918 года . . 490
Предписание коменданту Кремля. 17 мая 1918 года . . 491
В Комиссариаты Народного Просвещения и Имуществ Республики. 15 июня 1918 года 491
Проект постановления СНК о невыполнении «Декрета о памятниках республики». 8 июля 1918 года . . . 491
Из письма Я. А. Берзину. 14 августа 1918 года 492
Телеграмма А. В. Луначарскому. 18 сентября 1918 года 492
В президиум Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 12 октября 1918 года 492
Управляющему делами СНК. 26 ноября 1918 года . . . 493
Телеграмма А. П. Кудрявцеву. 13 января 1919 года . 493
Поправки и дополнения к проекту постановления СНК о научных библиотеках. 4 сентября 1919 года . . 494
Резолюция на письме А. В. Луначарского. 24 или 25 декабря 1919 года 494
Подольскому уездному исполкому. 2 января 1920 года . 494
А. В. Луначарскому и в Малый Совнарком. 19 апреля 1920 года 495
Резолюция на письме Н. А. Никулиной. Сентябрь, не ранее 3, 1920 года 495
О высшем художественном образовании. Ноябрь, не ранее 20, 1920 года 496
О тематике кинохроники. 26 ноября 1920 года 496
Из письма А. В. Луначарскому. 29 ноября 1920 года . 497
Телеграмма Крымскому ревкому. 26 февраля 1921 года 497
Г. Е. Зиновьеву. 5 мая 1921 года 497
П. А. Богданову. 8 июля 1921 года 498
А. В. Луначарскому. 3 августа 1921 года 498
М. Н. Покровскому. Август, не ранее 3, 1921 года . . . 498
Телефонограмма А. В. Луначарскому. 26 августа 1921 года 499
Письмо в Наркомвнешторг, Наркомфин, ВСНХ, Наркомпрос. 5 декабря 1921 года 499
В. М. Молотову для Политбюро ЦК РКП(б). 12 января 1922 года 500
Директивы по киноделу. 17 января 1922 года 500
Н. П. Горбунову. 14 января 1922 года и 18 января 1922 года 501
Л. А. Фотиевой. 18 февраля 1922 года 502

О ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

Из письма М. А. Ульяновой. 10 августа 1895 года . . 505
Из письма А. И. Ульяновой-Елизаровой. 24 января 1898 года 505

Из письма А. И. Ульяновой-Елизаровой. 16 августа 1898 года 503
Из письма Н. К. Крупской — М. А. Ульяновой 27 сентября 1898 года 506
Из письма Н. К. Крупской — М. И. Ульяновой. 11 ноября 1898 года 506
Из письма А. И. Ульяновой-Елизаровой. 1 мая 1899 года 506
Из письма М. А. Ульяновой. 9 февраля 1901 года . . 507
Из письма М. А. Ульяновой. 4 марта 1901 года 507
Цитата из стихотворения Г. Гейне «Диспут». Июль 1905 года 507
Из статьи «Социализм и крестьянство» 508
Из письма А. И. Ульяновой-Елизаровой. 10 марта 1908 года 508
Из замечаний на книге И. Дицгена «Мелкие философские работы» 509
Из книги «Материализм и эмпириокритицизм» 509
Из письма Н. К. Крупской — М. А. Ульяновой. Двадцатые числа декабря 1909 года 512
Из письма М. И. Ульяновой. 2 января 1910 года 512
Из письма М. И. Ульяновой. 12 января 1910 года . . 513
Из статьи «Принципиальные вопросы избирательной кампании» 513
Из письма Н. К. Крупской — А. И. Ульяновой-Елизаровой. 9 марта 1912 года 514
Евгений Потье 514
Развитие рабочих хоров в Германии 516
Из письма в редакцию газеты «Правда». 16 июня 1913 года 516
Из письма М. И. Ульяновой. 12 или 13 ноября 1913 года 517
Тетради по империализму
Выписка из «Neue Wege» 517
Доводы социал-патриотов 517
Из письма И. Ф. Арманд. Позднее 4 июня 1915 года . . 518
Из статьи «Английский пацифизм и английская нелюбовь к теории» 518
Из конспекта книги Гегеля «Лекции по философии истории» 520
Из статьи «О поражении своего правительства в империалистской войне» 520
Из письма Г. Е. Зиновьеву. Позднее 26 июля 1915 года 520
Из письма Г. Е. Зиновьеву. Ранее 19 августа 1915 года 521
Из письма В. А. Карпинскому. 13 сентября 1915 года . 521
Из письма Г. Е. Зиновьеву. 18 или 19 сентября 1915 года 521
Из письма В. А. Карпинскому. 19 сентября 1915 года 521
Из письма В. А. Карпинскому. Ранее 9 ноября 1915 года 522
Из письма В. А. Карпинскому и С. Н. Равич. 4 апреля 1917 года 522

Телеграмма А. Гильбо. 6 апреля 1917 года 522
Н. И. Подвойскому и Н. В. Крыленко. 15(28) января 1918 года 523
Американским социалистам-интернационалистам. Май 1918 года 523
Г. В. Чичерину. 19 августа 1918 года 523
Из письма Я. А. Берзину. 20 августа 1918 года 524
Из письма Я. А. Берзину. 15 октября 1918 года 524
Из второго плана статьи «О задачах III Интернационала» 524
Из работы «О задачах III Интернационала» 524
Из работы «Ответ на вопросы американского журналиста» 525
Надпись на письме А. Гильбо. Не ранее 28 ноября 1919 года 525
Из доклада ВЦИК и Совнаркома VII Всероссийскому съезду Советов 5 декабря 1919 г. 525
Предисловие к американскому изданию книги Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир» 527
Записка секретарю. 2 января 1920 года 527
Из письма Е. А. Преображенскому. 29 июня 1920 года . 527
Всем наркомам и членам коллегий. 17 августа 1920 года 528
Пометки на записках секретарей. 17 августа 1920 года 528
Из письма М. В. Кобецкому. 18 октября 1920 года . . . 528
Удостоверение Луизе Брайант (Рид). 12 января 1921 года 529
Из записки Л. А. Фотиевой. 6 июня 1921 года 529
Персидским кустарям. 1 сентября 1921 года 529
Желательная литература (издания из Германии). 25 октября 1921 года 529
Записка С. Б. Бричкиной. 3 ноября 1921 года 530
Г. Б. Краснощековой. 3 декабря 1921 года 530
Г. Б. Краснощековой. 15 декабря 1921 года 530
Пометки на книге Герберта Уэллса «Россия во мгле». Вторая половина 1921 г. 531
Группе «Clarté». 15 ноября 1922 года 534
Библиографические заметки и выписки из каталогов . 534
Резолюция и пометки на ведомости книг и брошюр, полученных из-за границы 536

О ЯЗЫКЕ

Из статьи «Критические заметки по национальному вопросу» 539
Нужен ли обязательный государственный язык . . . 541
Из работы «Ответ на вопросы американского журналиста» 543
Из резолюции ЦК РКП(б) о Советской власти на Украине 544

Из письма Н. К. Крупской и В. И. Ленина — М. А. Ульяновой. 20 декабря 1898 года 545
Из письма М. А. Ульяновой. 7 февраля 1899 года 545
Из письма М. А. Ульяновой. 7 марта 1899 года 546
Из письма М. А. Ульяновой. 2 марта 1901 года 546
Из письма М. И. Ульяновой. 19 мая 1901 года 546
Из статьи «Борьба с голодающими» 547
О журнале «Свобода» 548
Из письма М. А. Ульяновой. 17 декабря 1902 года . . . 549
Заметки о книге Н. Рубакина «Среди книг» 549
Образованные депутаты 550
Об очистке русского языка 551
А. В. Луначарскому. 18 января 1920 года 551
М. Н. Покровскому. 5 мая 1920 года 552
В библиотеку Румянцевского музея. 1 сентября 1920 года 552
Е. А. Литкенсу. 6 мая 1921 года 553
Е. А. Литкенсу. 9 мая 1921 года 553
Е. А. Литкенсу. 19 мая 1921 года 553
Е. А. Литкенсу. Конец мая 1921 года 554
Поручение секретарю. 5 августа 1921 года 554
Л. А. Фотиевой. 9 октября 1921 года 554

ПРИЛОЖЕНИЕ I. ДОКУМЕНТЫ

ИЗ РЕШЕНИЙ ЦК РСДРП О ГАЗЕТЕ «ПРАВДА»

Из решений ЦК РСДРП 27—29 декабря 1913 г. (9—11 января 1914 г.) 557

ДЕКРЕТЫ И ПОСТАНОВЛЕНИЯ, ПОДПИСАННЫЕ В. И. ЛЕНИНЫМ

Из декрета ВЦИК и СНК об учреждении Государственной комиссии по просвещению 559
Из декрета СНК об охране предметов старины и искусства, принадлежащих польскому народу 560
Декрет СНК о национализации дома-клуба, принадлежавшего «Благородному собранию» в Петрограде, и передаче его Пролеткульту 561
Постановление СНК о выдаче пенсии С. А. Толстой, об охране имения «Ясная Поляна» и утверждении за С. А. Толстой прав пожизненного пользования усадьбой 561
Декрет СНК о памятниках Республики 562
Декрет СНК об упразднении Академии художеств . . . 562
Постановление СНК (о запрещении вывоза картины Боттичелли за границу) 563

Постановление СНК об ассигновании одного миллиона рублей на сооружение памятника на могиле К. Маркса 563
Декрет СНК о национализации Третьяковской галереи 564
Декрет СНК о Московском художественном обществе . 564
Декрет СНК о Московской и Петроградской консерваториях 565
Из постановления СНК о постановке в Москве памятников великим людям 565
Из постановления СНК 30 июля 1918 г. (о проекте списка памятников) 565
Из декрета СНК о запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения 566
Декрет СНК о регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений 567
Декрет СНК о национализации художественной галереи Щукина 568
Декрет СНК о научных, литературных, музыкальных и художественных произведениях 569
Постановление СНК о национализации частных художественных собраний И. А. Морозова (новейшей западной живописи), И. С. Остроухова (иконы и рисунки русских художников), А. В. Морозова (собрание икон) 571
Положение об Армянском институте в Москве (быв. Лазаревский институт) 571
Из постановления Совета Рабочей и Крестьянской обороны об учете сценических и театральных работников 572
Декрет СНК об отмене права частной собственности на архивы умерших русских писателей, композиторов, художников и ученых, хранящиеся в библиотеках и музеях 573
Декрет СНК о национализации магазинов, складов и мастерских, производящих и продающих клавишные и другие музыкальные инструменты . 573
Декрет СНК об отмене государственного сбора с публичных зрелищ и увеселений 574
Из декрета СНК об объединении театрального дела . . 574
Декрет СНК о переходе фотографической и кинематографической торговли и промышленности в ведение Народного комиссариата по просвещению . 576
Постановление СНК о юбилее А. И. Герцена . . . 577
Постановление СНК о присвоении звания Народной артистки Республики М. Н. Ермоловой 578

Декрет СНК о национализации дома Льва Толстого в Москве 579
Декрет СНК об обращении в музей историко-художественных ценностей Троице-Сергиевской лавры . 579
Декрет СНК об объявлении музея имени Чернышевского в Саратове национальным достоянием и передаче его в ведение Народного комиссариата просвещения 580
Постановление СНК о назначении пенсии М. Л. Нейкирх (Пушкиной) 580
Постановление СНК о назначении пенсии М. Н. Чернышевскому и о ремонте музея Н. Г. Чернышевского в Саратове 580
Из декрета СНК о Главном политико-просветительном комитете Республики (Главполитпросвет) . . . 581
Декрет СНК о Московских Высших государственных художественно-технических мастерских 582
Декрет СНК о бесплатном снабжении государственных учреждений кинокартинами 584
Из декрета СНК об охране памятников природы, садов и парков 584

ДОКУМЕНТЫ О ПРОЛЕТКУЛЬТАХ

Выписка из протокола заседания Пленума ЦК от 10 ноября 1920 года 585
О пролеткультах. Письмо ЦК РКП 585
Постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 22 ноября 1921 года о пролеткультах 588
Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК РКП от 24 ноября 1921 года 588
Я. Яковлев. О «пролетарской культуре» и Пролеткульте 589
А. В. Луначарский. Из статьи «Еще к вопросу о культуре» 606

ПРИЛОЖЕНИЕ II. ВОСПОМИНАНИЯ

А. П. Ульянова-Елизарова. Из «Воспоминаний об Ильиче» 609
Д. И. Ульянов. Из статьи «Любовь к музыке» 610
Н. К. Крупская. Из книги «Воспоминания о Ленине» . . 613
Из воспоминаний о жизни Владимира Ильича в Горках в 1923 году 622
Что нравилось Ильичу из художественной литературы 622
Ленин и Чернышевский 625
Из статьи «Ленин и Горький» 628

Из педагогических сочинений 630
Из отзыва о рассказе М. Шагинян «Володя Ульянов» 634
Из переписки Н. К. Крупской и А. М. Горького 635
М. Горький. Из очерка «В. И. Ленин» 638
Из предисловия к книге В. Я. Зазубрина «Два мира» 641
Из письма А. М. Горького в Институт Маркса — Энгельса — Ленина 641
Из заметок А. М. Горького 642

П. Н. Лепешинский. Из книги «На повороте» 643
А. Шаповалов. В сибирской ссылке 644
М. Эссен. Встречи с Лениным 645
Н. Мещеряков. Из воспоминаний о Ленине 646
Из книги Н. Валентинова «Встречи с В. И. Лениным» . 647
М. Андреева. Ленин и Горький 650
М. Кедров. Из красной тетради об Ильиче. Первая встреча. 654
И. Попов. В. И. Ленин в Брюсселе 655

Клара Цеткин. Из книги «О Ленине» 656
А. В. Луначарский. Ленин и искусство. Воспоминания . 661
Из статей и воспоминаний 666
А. Серафимович. В гостях у Ленина 675
Демьян Бедный. Из предисловия к книге Л. Войтоловского «По следам войны» 676
А. А. Фомин. Таким был наш вождь 677
И. А. Вайман. Охрана памятников старины, искусства . 678
Н. Д. Виноградов. Встречи с вождем 680
И. В. Жолтовский. В 1918-м 681
Б. Малкин. В. И. Ленин и М. Горький (Из воспоминаний) 683
А. Воронский. Из прошлого 686
М. И. Гляссер. Ленин и Горький 688
В. И. Качалов. Из «Воспоминаний артиста» 690
И. И. Комаровская. Из книги «Виденное и пережитое. Из воспоминаний актрисы» 690
И. И. Бродский. Как я рисовал В. И. Ленина 692
Вл. Бонч-Бруевич. Ленин о поэзии 694
Ленин о книгах и писателях. Из воспоминаний . 697
Из статьи «Отношение Владимира Ильича к памятникам старины» 701
Как была написана брошюра «Сохраняйте архивы» 703
Семен Фомин. Из статьи «Талантливый поэт-самоучка (К 75-летию со дня смерти И. З. Сурикова)» . . 705

Дм. Петрищевский. Из беседы с собирателем русской песни М. Е. Пятницким 705
И. И. Альтман. Первый скульптурный портрет Ленина 706
Фриц Геккерт. Мои встречи с Лениным 708
А. Додонова. Из воспоминаний о Пролеткульте 709
Ф. Волгин. У Ильича 714
И. А. Арманд. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине 715
С. Сенькин. Ленин в коммуне Вхутемаса 717
В. Бахметьев. Незабываемая встреча (Отрывок) . . . 723

Примечания 727
Указатель имен 791
Список иллюстраций 809

Ленин В. И.

Л 45 О литературе и искусстве. Изд. 5-е. Сост. Н. И. Крутикова. М., «Худож. лит.», 1976.

827 с.

Сборник содержит работы и высказывания В. И. Ленина, относящиеся к литературе и искусству, а также ленинские отзывы о писателях и произведениях. В приложениях даны относящиеся к теме сборника документы и воспоминания.

Настоящее, пятое издание по сравнению с четвертым (1969) дополнено несколькими документами, справочный аппарат его (примечания) расширен.

Л $\frac{70201\text{-}278}{028(01)\text{-}76}$ 205-75

3 К 23 + 8

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

В. И. ЛЕНИН
О ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

Издание пятое

Составитель *И. И. Крутикова*
Издание осуществлено под наблюдением
В. В. Горбунова,
Л. Г. Дементьева,
В. С. Рюрикова,
Г. А. Соловьева
и *И. С. Черноуцана.*

Редакторы
И. Н. Михайлова и *А. Н. Старков*
Младший редактор
Т. Н. Беднякова
Художники *В. И. Чистяков* и *В. В. Максин*
Художественный редактор
Г. П. Масляненко
Технический редактор
В. Ф. Иващенко
Корректоры
Г. И. Киселева и *О. Г. Наренкова*

Сдано в набор 10/II 1975 г. Подписано в печать А13415 7/X 1975 г. Бум. типогр. № 1. Формат 60 × 90¹/₁₆. 52 печ. л. 52 усл. печ. л. 56,32 + 1 вкл. + 2 нак. = 56,695 уч.-изд. л. Заказ № 2411. Тираж 75 000 экз. Цена 1 р. 83 к.

Издательство
«Художественная литература».
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

•

Набрано и сматрицировано в ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28. Отпечатано в ордена Ленина типографии «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16. Заказ № 4106.